11
КЛАССИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
О ДЖИМЕ
ДиГРИЗЕ

Гарри
ГАРРИСОН

Вся
Стальная
Крыса
Том 2

ПОЛНОЕ
ИЗДАНИЕ
В ДВУХ
ТОМАХ

Эксмо

Гарри
ГАРРИСОН

Вся Стальная Крыса

Гарри
ГАРРИСОН

Вся
Стальная
Крыса

Гарри
ГАРРИСОН

Ты нужен Стальной Крысе

•

Стальную Крысу – в президенты!

•

Стальная Крыса поет блюз

•

Золотые годы Стальной Крысы

•

Стальная Крыса отправляется в ад

•

Стальная Крыса на манеже

МОСКВА
ЭКСМО
2007

Гарри

ГАРРИСОН

Вся Стальная Крыса

Том 2

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Г 20

Harry HARRISON
THE STAINLESS STEEL RAT WANTS YOU!
Copyright © 1978 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT FOR PRESIDENT
Copyright © 1982 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT SINGS THE BLUES
Copyright © 1994 by Harry Harrison
THE GOLDEN YEARS OF THE STAINLESS STEEL RAT
Copyright © 1994 by Harry Harrison
THE STAINLESS STEEL RAT GOES TO HELL
Copyright © 1996 by Harry Harrison
STAINLESS STEEL RAT JOINS THE CIRCUS
Copyright © 1998 by Harry Harrison

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.
Г 20 Вся Стальная Крыса. Том 2: Фантастические произведения/ Пер. с англ. – М.: Эксмо, Александр Корженевский, 2007. – 800 с.

ISBN 978-5-699-11850-2

Великолепный Джим диГриз — знаменитый межзвездный преступник — получил за свою изобретательность и решительность меткое прозвище «Крыса из нержавеющей стали».

Рожденный богатой творческой фантазией Гарри Гаррисона, отчаянный и симпатичный герой из далекого будущего приобрел необыкновенную любовь и популярность у поклонников фантастики во всем мире, щедро поделившись славой со своим создателем.

УДК 820 (73)
ББК 84 (7 США)

© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо»,
Издательство «Александр Корженевский», 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007
© Перевод. А. Жаворонков, С. Коноплев,
И. Коноплева, Г. Корчагин, 2002

ISBN 978-5-699-11850-2

Глава 1

Блодгетт —мирная планета. Светит оранжевое солнце, легкий бриз несет прохладу, а тишину лишь изредка нарушает приглушенный шум ракет в космопорту. Спокойная обстановка. Слишком спокойная для такого человека, как я. Человека, которому постоянно надо быть начеку, готовому к разным неожиданностям. Признаюсь, что я совсем забыл об этом, когда раздалась трель дверного звонка. Стоя под горячими струями душа, я расслабился, как дремлющий кот.

«Я открою!» — услышал я голос Анжелины, старавшейся перекричать шум воды. Я хмыкнул, с сожалением закрутил кран и вышел из душа.

Автомат обдал меня потоком теплого воздуха, а распыленный лосьон слегка пощипывал нос. От неземного наслаждения я, голый, как в день своего появления на свет, не считая, понятное дело, некоторых приспособлений, которые всегда при мне, мурлыкал какой-то мотивчик. В жизни случаются счастливые моменты, и, глядя в зеркало на свое крепкое тело, обветренное лицо и седоватые виски, я ни о чем не волновался.

Внезапно у меня в голове появились тревожные мысли. Предчувствие? Нет, стремительный бег секунд. Слишком долго не возвращалась Анжелина. Что-то случилось.

Я выскочил в коридор и преодолел его одним прыжком. Дом был пуст. Распахнув дверь, я, как цапля, запрыгал на одной ноге, пытаясь вытащить пистолет из кобуры на лодыжке. У меня глаза на лоб вылезли, когда я увидел, что два широкоплечих типа заталкивают мою Анжелину в черный автомобиль. Когда он рванул с места, я послал ему вдогонку пару пуль, стараясь продырявить шины. Но похитители быстро затерялись в потоке других машин, и от стрельбы пришлось отказаться.

Анжелина! От злости я заскрежетал зубами и пальнул пару раз в воздух, чтобы отпугнуть зевак, любовавшихся моим видом. Сосредоточившись, я запомнил номер черного автомобиля.

Вернувшись в дом, я сначала, как и всякий порядочный гражданин, решил позвонить в полицию, но так как я всегда был плохим гражданином, то сразу же отбросил эту мысль. Скользкий Джим ди Гриз ужасен в гневе! Я сам отомщу похитителям. Включив компьютер, я прижал большой палец к идентификатору, набрал личный

код, а затем — номер черного автомобиля. Не слишком сложная задача для планетарного компьютера. Данные появились на экране, как только я ткнул в кнопку «Ответ».

Взглянув на экран, я без сил плюхнулся в кресло. Они похитили ее...

Это было гораздо хуже, чем я предполагал. Только не надо думать, что я трус. Совсем наоборот. Перед вами человек, прошедший через все передряги преступной жизни. Человек, который, вдобавок ко всему, немало испытал, борясь с другими преступниками в качестве агента Специального Корпуса, межпланетной организации, использовавшей одних мошенников для поимки других. То, что за эти годы я не свихнулся и не потерял сноровку, говорит о моих обостренных рефлексах и незаурядном уме. Теперь придется использовать накопленный опыт, чтобы вытащить мою любимую жену из лап этих негодяев. Прежде чем приступить к действиям, надо было как следует пораскинуть мозгами. Хотя день только начался, я вытащил бутылку виски и налил себе полный стакан, чтобы подстегнуть ход мыслей.

После первого же глотка я понял, что к этому делу придется подключить и ребят. Мы с Анжелиной, как любящие родители, всегда пытались оградить их от жестокой реальности жизни, но теперь это время кончилось. До выпуска в школе оставалось еще несколько дней, но я был уверен, что дело можно ускорить, оказав соответствующее влияние на нужных людей. Надо же — ребятам уже по восемнадцать лет. Как летит время. А их мать — Анжелина, мое похищенное сокровище! — все так же прекрасна, как и раньше. А я с годами так и не стал умнее. Седина на висках не притупила жажды обогащения.

Предаваясь воспоминаниям, я тем не менее времени не терял. Одевшись и обувшись, я рассовал по карманам несколько смертоносных принадлежностей. Застегнув последнюю «молнию», я побежал в гараж. Как только ворота открылись, мой ярко-красный «файрбом-8000» с ревом вылетел на улицу, распугивая унылых граждан мирной планеты Блодгетт.

Единственная причина, по которой мы остановились на этой идиллической планете, заключалась в том, что мы хотели быть рядом с детьми, пока они не окончат школу. Я бы покинул эту планету без всяких сожалений. На меня угнетающе действовали не только ее сельскохозяйственные угодья, но и разросшийся до невероятных размеров бюрократический аппарат. Из-за удобного расположения вблизи нескольких звездных систем и благоприятного климата ее облюбовали себе бюрократы и администраторы Лиги, понастроившие здесь целую сеть государственных учреждений. Лично я предпочитаю иметь дело с фермерами.

Я как стрела несся по дороге. Закончились фермы, исчезли деревья, и теперь по обе стороны тянулись каменистые гряды. Холодный воздух как нельзя лучше подходил к этим сумрачным скалам.

Я поежился от утреннего тумана, взглянув на возвышавшиеся впереди стены из грубо отесанного камня.

Пока решетка крепостных ворот со скрежетом поднималась вверх, я еще раз посмотрел на стальные буквы на табличке: ВОЕННАЯ ШКОЛА ТЮРЕМНОГО ТИПА ДОРСКИ.

Именно здесь были заточены мои сыновья. Как отец я не одобрял подобных методов, но как гражданин — голосовал за них обеими руками. Это должно укрепить дух ребят, на которых все смотрели с подозрением. До того, как они поступили в эту школу, их выгоняли из двухсот четырнадцати учебных заведений. Три школы сгорели при странных обстоятельствах. Одна взорвалась. Правда, я не верю, что попытка массового самоубийства учителей еще одной школы каким-то образом связана с моими сыновьями, как это утверждали злые языки. В любом случае здесь они нашли достойного противника в лице старого полковника Дорски. Когда его выпроводили из армии на пенсию, он открыл это училище и приложил все свое умение, опыт и садизм, чтобы оно функционировало как следует. Мои ребята нехотя прошли курс, отмучившись положенный срок, и через несколько дней после торжественной церемонии их должны выпустить на поруки. Но это мероприятие надо теперь немного ускорить.

Как всегда, я сдал свое оружие, прошел через рентгеновский контроль и, преодолев несколько стальных автоматических дверей, вышел на плац. По нему бродили ученики, замученные жестокой дисциплиной и режимом. Но на лужайке с железобетонной травой я увидел двух неунывающих мальчишек, которых не могли сломить никакие трудности. Я пронзительно свистнул, и они, побросав свои книжки, радостно бросились ко мне.

После теплых объятий я поднялся с земли, отряхнул с себя пыль и показал им, что старый пес еще может научить кое-чему своих щенков. Смеясь, они потирали ушибленные места. Невысокого роста, как их мама, они были красивы и мускулисты, как быки. Когда они покинут стены школы, отцы, у которых подрастают дочери, должны будут обзавестись дробовиками.

— Что это за приемчик с локтем, па? — спросил Джеймс.

— Потом объясню. Я приехал, чтобы ускорить ваш выпуск, потому что у вашей мамы кое-какие неприятности.

Улыбки слетели с их лиц, и они внимательно выслушали мой рассказ, одобрительно кивая.

— Что ж, — сказал Боливар, — вырубим старого Дорски и смоемся отсюда...

— ...чтобы принять соответствующие меры, — закончил за него Джеймс.

Им часто в голову приходили одни и те же мысли. Мы резво направились к зданию — сто двадцать шагов в минуту. Пройдя по коридору, где к стенам были прикованы скелеты, мы подошли к главной лестнице, по которой непрерывно стекала вода, и оказались возле кабинета директора.

— Сюда нельзя! — Здоровенный натренированный секретарь-телохранитель вскочил на ноги.

Не останавливаясь, мы перешагнули через его рухнувшее тело. Дорски ждал нас с пистолетом в руке.

— Уберите оружие, — сказал я. — Дело не терпит отлагательств. Я хочу, чтобы мои сыновья покинули школу сегодня. Будьте так любезны, выдайте им свидетельства об образовании и справки о том, что они отбыли полный срок.

— Катитесь к черту! Никаких исключений! Вон отсюда! — предложил он.

Усмехнувшись, я посмотрел на пистолет в его руке и решил, что объяснение подействует лучше, чем насилие.

— У нас неприятности. Мою жену, мать этих ребятишек, арестовали сегодня утром.

— Этого следовало ожидать. Ваш образ жизни абсолютно неприемлем для добропорядочных людей. А теперь убирайтесь!

— Слушай ты, тупорылый и скудоумный военный динозавр. Я пришел сюда не за твоими советами. Будь это обычный арест, Анжелина справилась бы с представителями власти, как только открыла им дверь. Полицейские, детективы, офицеры военных патрулей и таможенных служб — никто не устоит перед моей милой Анжелиной в гневе.

— Ну и что? — несколько удивленно спросил Дорски, не опуская пистолета.

— Она ушла с ними по своей воле, чтобы дать мне время. Время, в котором я так нуждаюсь. Я проверил номер их машины. Эти головорезы... — я глубоко вздохнул, — ... агенты Межпланетного Департамента Налогов и Сборов.

— Налоговая инспекция! — присвистнул Дорски, и его глаза налились кровью.

Пистолет исчез в ящике стола.

— Джеймс ди Гриз, Боливар ди Гриз — шаг вперед. Я вручаю вам эти свидетельства об окончании вашей никудышной учебы. Теперь вы — выпускники Военной школы тюремного типа Дорски, и я надеюсь, что, ложась спать, вы каждый раз будете вспоминать ее с проклятием на устах. Я бы пожал вам руки, но мои кости слишком хрупки, и я давно не занимался рукопашной борьбой. Идите за своим отцом и помогайте ему в борьбе со злом. Благословляю вас.

Вот и все. Через минуту мы уже садились в машину. Детские годы остались позади, и теперь ребята вступали в мир настоящих мужчин.

— Они не причинят зла маме? — спросил Джеймс.

— Ведь после этого им уже не жить, — добавил Боливар, и я услышал, как он заскрежетал зубами.

— Конечно, нет. Мы быстро освободим ее, как только доберемся до архивных записей.

— Что еще за архивные записи? — поинтересовался Боливар. — И почему грязный Дорски так быстро пошел на попятную? Это на него не похоже.

— Дело в том, что, несмотря на глупость и садизм, он такой же человек, как и все остальные. Как и мы, он ненавидит сборщиков налогов.

— Не понимаю, — сказал Джеймс, хватаясь за ручку дверцы, когда на крутом повороте машина пронеслась в миллиметре от края пропасти.

— К сожалению, скоро ты все поймешь, — ответил я. — Пока вы тратили деньги, а не зарабатывали их, вы были защищены от всяких неприятностей. Скоро вы сами начнете зарабатывать себе на жизнь, и вместе с первой кредиткой, заработанной нелегким трудом, появится и сборщик налогов. Пронзительно каркая, он станет кружить вокруг, пока не взгромоздится на плечо и не выхватит своим желтым клювом большую часть ваших денег.

— Впечатляющая картина...

— Это чистая правда, — пробормотал я, выруливая на скоростное шоссе. — Большому правительству нужен большой бюрократический аппарат, соответственно и большие налоги. Настоящий порочный круг. Стоит тебе раз увязнуть в этой системе, как с каждым разом налоги становятся все больше и больше. Мы с вашей мамой отложили немного денег, чтобы обеспечить ваше будущее. Деньги, заработанные еще до вашего рождения...

— Деньги, неправедно нажитые еще до нашего рождения, — уточнил Боливар. — Доходы от нелегальных операций в десятках разных миров.

— Ничего подобного!

— Именно так, папа, — сказал Джеймс. — Мы проследили по архивам источники этих накоплений.

— Все это давно в прошлом!

— Надеемся, что нет! — хором сказали близнецы. — Что станет с Галактикой, если в ней переведутся Стальные Крысы? Вспомни, как ты рассказывал нам перед сном, что ограбления банков оздоравливают экономику. Это дает работу скучающим полицейским, газетам есть о чем писать, читателям — о чем читать. Страховые компании компенсируют потери, деньги поступают в оборот, и в экономике наступает подъем. Настоящая филантропия.

— Нет! Я не хотел воспитать из своих сыновей мошенников!

— Разве?

— Ну... Я хотел воспитать вас хорошими мошенниками. Чтобы вы воровали только у богатых, никому не причиняли вреда, были вежливыми и дружелюбными. Такими мошенниками, чтобы вас взяли в Специальный Корпус, где вы бы служили Человечеству, выслеживая настоящих бандитов.

— А каких настоящих бандитов мы выслеживаем сейчас?

— Сборщиков налогов! Пока мы с вашей мамой воровали и тратили деньги, у нас не возникало никаких проблем. Но как только

мы стали получать жалованье в Спецкорпусе, мы сразу же столкнулись с людьми из налогового управления. Мы допустили мелкие неточности в наших налоговых декларациях...

— То есть не сообщили о своих доходах? — с невинным видом спросил Джеймс.

— Да, нечто в этом роде. Мы и не думали, что так скоро окажемся в их лапах. Лучше бы мы продолжали грабить банки. Играя по их правилам, мы скоро увязли в аудиторных проверках и судебных разбирательствах. Есть только один способ покончить с этим раз и навсегда. Поэтому ваша мама и не стала сопротивляться этим финансовым вампирам. Чтобы я остался на свободе и освободил нас всех, перерубив этот гордиев узел.

— И что мы должны сделать? — хором спросили близнецы.

— Уничтожить все данные о наших доходах в их архиве, вот что. После этого мы станем свободными и счастливыми.

Глава 2

Сидя в темном салоне машины, я нервно грыз ногти.

— Это никуда не годится, — наконец сказал я. — Я признаю себя виновным. Разве можно толкать двух невинных мальчишек на преступный путь?

С заднего сиденья послышалось возмущенное фырканье. Затем дверцы хлопнули, и, не успел я повернуться, как ребят уже и след простыл. Куда они побежали? Неужели сами решили провернуть это дело? Какие опасности поджидают их? Я пытался найти ответы на эти вопросы, когда услышал приближавшиеся шаги. Я вышел из машины. Сыновья подошли ко мне с суровыми и решительными лицами.

— Меня зовут Джеймс, — сказал Джеймс. — А это брат Боливар. Нам исполнилось по восемнадцать лет, и по закону мы считаемся взрослыми. Мы имеем право пить, курить, ругаться и заигрывать с девушками. Если у нас возникнет желание, мы можем нарушать законы любой планеты, зная, что, если мы попадемся, нам грозит наказание. До нас дошли слухи, что ты, Скользкий Джим, как раз собираешься нарушить закон ради справедливого дела. Мы хотим тебе помочь. Что ты скажешь на это, папа?

Что я мог сказать? Может, у меня в горле стоял комок или в уголке глаза появилась слеза? Надеюсь, что нет. Эмоции и преступления несовместимы.

— Ладно! — рявкнул я на манер сержанта-наставника. — Я зачисляю вас в свою команду. Ваше дело — выполнять приказы. Вопросы задавайте лишь в том случае, когда приказ неясен. Повторяйте все за мной и делайте все, что я скажу. Согласны?

— Согласны! — хором ответили ребята.

— Тогда положите эти приспособления в свои карманы. Вы надели перчатки с фальшивыми отпечатками пальцев? — Они подняли руки, блеснувшие в свете уличных фонарей. — Хорошо. Рад вам доложить, что вы будете оставлять отпечатки пальцев мэра города и начальника полиции. Это лишь усилит суматоху и неразбериху. Так, знаете ли вы, чем вам предстоит заняться? Конечно, нет! За углом находится большое здание. Это штаб-квартира МДНС — Межпланетного Департамента Налогов и Сборов. Там хранятся архивы, касающиеся их преступной деятельности...

— Ты хотел сказать, твоей деятельности, папа?

— Это с какой стороны посмотреть, сынок. Им не нравится то, чем я занимаюсь, а я ненавижу их методы работы. Сегодня мы попытаемся сравнять счет. В здание МДНС так просто не войдешь — там надежная охрана. Мы войдем в соседнее здание, которое я выбрал потому, что оно примыкает к штаб-квартире налогового управления.

Мы разговаривали на ходу. Вдруг мои ребята остановились, увидев впереди огромную толпу перед залитым светом зданием. С включенными сиренами подъезжали правительственные лимузины, повсюду стояли телевизионные камеры, разноцветные прожекторы освещали небо.

— Неплохая маскировка? Кому в голову придет, что мы осуществим нашу операцию именно здесь? Сегодня премьера оперы «Огненные колесницы».

— А билеты?

— Купил сегодня у спекулянта по бешеной цене. Пошли.

Протиснувшись сквозь толпу, мы предъявили билеты контролеру и поднялись на верхний ярус. Здесь плохие места, но я не собирался слушать завывания певцов. Главное, что мы находились в верхней части здания. Сначала мы прошли в бар, где я освежился пивом, с удовлетворением отметив, что ребята заказали себе безалкогольные напитки. Впрочем, их другие поступки меня огорчили.

Подвинувшись к Боливару, я сильно нажал указательным пальцем на нерв, парализующий руку.

— Ты ведешь себя недостойно, — сказал я, когда его пальцы разжались и бриллиантовый браслет упал на ковер.

Я коснулся плеча пышной дамы и, когда она повернулась, указал на драгоценность.

— Извините, мадам. Это не у вас упал браслет? Да? Позвольте, я сам. Это доставит мне удовольствие. Спасибо.

Повернувшись, я двинул Джеймса по ребрам. Он поднял руки, показывая, что сдается.

— Намек понял, папа. Просто захотелось потренироваться. Я уже вернул бумажник в карман джентльмена, как только увидел, что Боливар потирает онемевшую руку.

— Вот и молодец. Больше никаких фокусов. Сегодня нам предстоит серьезное дело и не стоит рисковать по пустякам. Третий звонок. Допивайте и пошли.

— На наши места?

— Нет, разумеется. В туалет.

Мы заняли три кабинки, взобравшись на унитазы, чтобы наши ноги не были видны. Затем подождали, пока стихнут последние шаги. Потом до наших ушей донеслись первые пронзительные звуки оперы. Шум спускаемой в унитазе воды был куда мелодичнее.

— Пошли, — сказал я, и мы принялись за дело.

Водянистый глаз на конце влажного щупальца наблюдал за их уходом. Щупальце высовывалось из корзинки для мусора. Тело, которому оно принадлежало, было отвратительным. Шишковатое, уродливое, с когтистыми лапами. Совсем несимпатичное.

— Похоже, ты неплохо тут ориентируешься, — заметил Боливар, когда мы открыли дверь с надписью «Проход воспрещен» и пошли по темному коридору.

— Когда я покупал билеты, то заодно провел небольшую рекогносцировку... Сюда.

Я разрешил ребятам самим отключить сигнализацию и довольно хмыкнул, видя, как они ловко справились с этим делом. Они даже капнули немного смазки, прежде чем бесшумно открыть окно. Метрах в пяти от нас высилась темная громадина здания.

— Это оно? — спросил Боливар.

— Даже если так, то как мы туда попадем? — поинтересовался Джеймс.

— Это оно, а попадем мы туда при помощи этой штуки. — Я вытащил из кармана предмет, по форме напоминавший пистолет. — У этой штуковины нет названия, потому что я сам ее придумал и смастерил. Когда нажимаешь на спусковой крючок, из дула с огромной скоростью вылетает маленькая пуля, за которой тянется прочная мономолекулярная нить. Вы хотите знать, что происходит потом? С удовольствием вам отвечу. При выстреле в пуле включается мощная батарея, действующая в течение пятнадцати секунд. За это время вокруг пули создается магнитное поле, и она прилипает к металлической поверхности, а нить может выдержать груз весом до одной тонны. Просто, не правда ли?

— Ты уверен, что все так просто, папа? — озабоченно спросил Боливар. — Как ты узнаешь, что в такой темноте ты попадешь в какую-нибудь металлическую штуку?

— По двум причинам, мой неверующий сын. Сегодня утром я заметил, что на каждом этаже имеется стальной карниз. Во-вторых, эта пуля сама находит какой-нибудь стальной или железный предмет. В полете она меняет траекторию, чтобы найти подходящее гнездышко для приземления. Джеймс, у тебя есть веревка? Отлично. Возьми один конец и привяжи его вон к той трубе. А второй дай мне. Вы оба надели бронированные перчатки? Прекрасно. Преодоление бездонной пропасти пойдет лишь на пользу вашим мускулам. Я закреплю веревку с той стороны и дерну за нее три

раза. Это сигнал, по которому вы можете перебираться ко мне. Ну, пока.

Я прицелился.

— Удачи, — сказал Боливар.

— Спасибо. Я благодарен за пожелание, но оно здесь неуместно. Стальные Крысы, живущее среди бетона и стекла, должны сами заботиться о своей удаче.

Воодушевленный своей собственной философией, я нажал на спусковой крючок. Через секунду пуля громко звякнула, примагнитившись к металлу. Я нажал на кнопку, приводившую в действие механизм сматывания нити, и прыгнул в окно. Пятнадцать секунд — это не так много. Я согнулся, вытянул ноги и, бормоча проклятия, врезался в стену. Удар пришелся на левую ногу, и даже если она не сломалась, то боль была просто невыносимой. Когда я тренировался дома, такого со мной не случалось. Секунды летели, а я беспомощно висел, раскачиваясь в темноте.

Несмотря на адскую боль, об ушибленной ноге мне пришлось забыть. Правой ногой я нащупал край рамы окна. Сильно оттолкнувшись от стены, я немного соскользнул вниз по мономолекулярной нити. Описав кривую, я со всего размаха врезался здоровой ногой в окно.

Разумеется, ничего из этого не вышло, так как сейчас стекла делают довольно крепкими. Но я уперся ногой в подоконник, стараясь вцепиться пальцами в раму. Именно в этот момент магнитное поле отключилось, и теперь я мог рассчитывать только на свои силы.

Довольно неприятный момент. Я держался за раму тремя пальцами, балансируя на одной ноге, ненадежно стоявшей на подоконнике. Вторая нога болталась, как палка «Салями». Внизу чернела пустота. Одно неверное движение — и смерть обеспечена.

— Все в порядке, папа? — раздался за моей спиной шепот одного из близнецов.

Лишь невероятным усилием воли мне удалось сжать губы, чтобы с них не сорвались ругательства, которые детям слышать не полагается. Особенно от родителей. Я с трудом выдавил из себя нечто похожее на: «Ничего...», пытаясь удержать равновесие. Это мне удалось, хотя пальцы уже ослабли. С величайшей осторожностью я прицепил к поясу уже ненужное приспособление и сунул руку в карман, где у меня лежал стеклорез.

Времени было в обрез. Обычно я сначала устанавливаю присоску, вырезаю небольшой участок стекла, просовываю туда руку, открываю защелку и т. д. Но сейчас мне было не до этого. Одним движением я начертил стеклорезом неровный круг и тут же ударил по стеклу кулаком. Оно упало в комнату, я швырнул в отверстие стеклорез и, подавшись вперед, ухватился за раму.

Стекло громко звякнуло, ударившись о пол, и в этот момент моя нога соскользнула с подоконника. Я повис на одной руке, стараясь не замечать боль от стекла, впившегося мне в ладонь. Затем я стал

медленно подтягиваться на одной руке — хорошо, что я постоянно занимаюсь спортом, — пока не ухватился за раму второй рукой.

После этого было все очень просто, хотя мне мешала кровь, капавшая с порезанной руки. Отдышавшись, я пробормотал пару проклятий. До меня не доносилось ни звука. Звон разбитого стекла никто не услышал. Ребята тоже молчали, хотя я знал, что они волнуются за меня. Посветив фонариком, я крепко привязал конец веревки к стальной трубе. Затем я три раза дернул за веревку.

Через пару минут ребята уже стояли рядом со мной.

— Мы так беспокоились за тебя, — сказал Джеймс.

— Я и сам за себя беспокоился. Быстренько откройте аптечку и перевяжите мне руку. Вы ведь знаете, что кровь — это улика.

Порезы были неглубокими, и ребята быстро справились с ними. Нога еще здорово болела, но я уже мог на нее наступать. Я немного походил по комнате.

— Ну все, — наконец сказал я. — Теперь нам не о чем волноваться.

Выйдя из комнаты, я быстро заковылял по темному коридору, чтобы как следует разработать ногу. Так что ребята были метрах в трех позади меня, когда я завернул за угол и услышал голос:

— Ни с места, ди Гриз! Ты арестован!

Глава 3

В жизни часто случаются подобные моменты. По крайней мере, в моей жизни. Не стану говорить за других. Это ужасно неприятно и даже смертельно для тех, кто к ним не готов. К счастью, основываясь на богатом опыте, я предвидел такую ситуацию. Не успело еще стихнуть эхо, как я швырнул вперед маскировочную гранату. Она глухо рванула, из нее вырвалось черное облако дыма, и до меня донеслись недовольные крики. Чтобы немного поразвлечь противника, я швырнул в дымовую завесу имитатор перестрелки. Это небольшое приспособление производит столько шума, что, кажется, идет небольшая война, а во все стороны разлетаются капсулы с веселящим газом. Должен сказать, что это всегда приводит к немыслимой суматохе. Я повернулся к ребятам, которые замерли с вытаращенными глазами. Приложив палец к губам, я сделал жест рукой, чтобы они возвращались обратно. Подальше от этого адского грохота.

— Здесь мы расстанемся, — сказал я. — Вот вам компьютерные коды к программам.

Боливар машинально взял их, а потом помотал головой, пытаясь привести в порядок, свои мысли.

— Папа, может, ты объяснишь...

— Конечно. Когда я выдавил стекло, я знал, что даже малейший шум тут же засекут детекторные сигнализаторы. Поэтому я сразу

перешел к плану Б, не сообщив вам об этом. По плану Б я совершаю отвлекающий маневр, а вы тем временем пробираетесь к компьютерам и завершаете операцию. Используя свое служебное положение агента Спецкорпуса, я узнал все, что необходимо для доступа к компьютерам МДНС. Стоит только ввести нужную команду, как в памяти сотрутся все данные на людей, обитающих в радиусе нескольких световых лет. Повезет тем, чья фамилия начинается на букву Д. Иногда я думаю...

— Папа!

— Знаю, знаю. Я отвлекся. После этого вы сотрете все данные на буквы У и П, чтобы уничтожение записей нельзя было связать с моим присутствием в этом здании. Буквы выбраны не случайно...

— Потому что «дуп» — самое оскорбительное слово в местном жаргоне.

— Правильно, Джеймс. Твой котелок сегодня варит как надо. Закончив операцию, вы сможете покинуть здание через окно и смешаться с толпой. Что может быть проще?

— Но ведь тебя арестуют, папа! — возразил Боливар. — Мы не можем бросить тебя.

— Я благодарен вам, но ничего не выйдет. Кровь легче идентифицировать, чем отпечатки пальцев, а там, наверху, я оставил целую лужу. Поэтому, если я смоюсь, меня будут разыскивать как беглого преступника. Кроме того, они меня уже заметили. К тому же ваша мама в тюрьме, и я жду не дождусь, когда смогу ее увидеть. Когда вы уничтожите все данные в компьютере, меня могут обвинить разве что в проникновении со взломом в служебное помещение. Я внесу залог, выйду из тюрьмы, и мы навсегда распрощаемся с этой планетой.

— Они могут не выпустить тебя под залог, — обеспокоенно сказал Джеймс.

— В этом случае мы сами удерем из местной тюрьмы. Не беспокойтесь. Делайте свое дело, а я буду делать свое. Потом возвращайтесь домой и ждите моего звонка. Ну, вперед!

Ребята послушно ушли. Я вернулся на поле битвы, предварительно надев защитные очки и вставив носовые фильтры. У меня было полно гранат — дымовых, парализующих, слезоточивых и рвотных. От действий МДНС меня не раз тошнило, и поэтому я решил отплатить им той же монетой. Что я и сделал с превеликим удовольствием. Кто-то начал палить из пистолета. Вот дурак. У него было гораздо больше шансов уложить своих товарищей, чем меня. Пройдя через дымовую завесу, я нашел его, сбил с ног одним ударом и забрал пистолет. Всю обойму я выпустил в потолок.

— Вам никогда не поймать Скользкого Джима! — закричал я в темноту и устроил веселую игру в прятки с этими финансовыми пиратами.

Я прикинул, сколько времени понадобится моим ребятам на работу, для верности добавил еще пятнадцать минут, а потом устало

плюхнулся в директорское кресло и, закурив одну из его сигар, принял расслабленную позу.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — завопил я, обращаясь к измученным преследователям. — Мне вас никогда не перехитрить. Только пообещайте, что не станете меня пытать.

Они с опаской вошли в кабинет. Крупные чины местной полиции и целая рота вооруженных солдат.

— И все ради меня? — спросил я, выпустив в их сторону колечко дыма. — Я польщен. Кстати, хочу сделать заявление для прессы, как меня похитили и принесли сюда в бессознательном состоянии. Мне нужен адвокат.

С чувством юмора у них было туго, поэтому, когда мы выходили, улыбался только я один. Завыли сирены, и машины рванули с места. В наручниках меня везли в тюрьму.

Впрочем, не в тюрьму, и это удивительно. Мы подъехали к тюремным воротам и остановились. Послышались крики, кое-кто уже размахивал руками из окна. Меня снова запихнули в машину, и мы понеслись к центру города. К моему удивлению, прежде чем ввести в здание, с меня сняли наручники. Я понял, что происходит нечто странное, когда пинок в зад подтолкнул меня к двери без таблички. Дверь за мной захлопнулась, я привел в порядок одежду и изумленно поднял брови, увидев в кресле за столом знакомую фигуру.

— Какой приятный сюрприз, — сказал я. — Как дела?

— Тебя бы следовало пристрелить, ди Гриз! — рявкнул сидевший за столом человек.

Это был Инскипп, мой босс, глава Специального Корпуса, один из самых могущественных людей в Галактике. Лига поручила Специальному Корпусу поддерживать межпланетный порядок, и он делал это по своим правилам. И не всегда придерживался закона. Говорят, что только мошенник может поймать другого мошенника, и сам Инскипп служил этому примером. До того как возглавить Корпус, Инскипп был самым талантливым мошенником во всей Галактике, вдохновляя нас своими подвигами. Я вынужден признать, что и мое поведение в былые годы трудно назвать образцовым. Но затем я стал служить силам добра. Правда, добропорядочным гражданином я так и не стал. Иногда меня все еще тянет на старое. Вытащив из кармана пистолет с холостыми патронами, который я держу как раз для таких случаев, я приставил дуло к виску.

— Если великий Инскипп считает, что меня надо пристрелить, я сам совершу этот акт. Прощай, жестокий мир...

Я нажал на спусковой крючок, и пистолет громко хлопнул.

— Хватит дурачиться, ди Гриз, дело серьезное.

— У вас всегда все серьезно, хотя я считаю, что легкомыслие положительно влияет на пищеварение. Позвольте, я сниму с вашего плеча эту пылинку.

Я так и сделал, заодно вытащив из его кармана портсигар. Он был так озабочен, что заметил это лишь тогда, когда я зажег сигару и предложил закурить ему. Он вырвал портсигар у меня из рук.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

— Разумеется. С чего бы это вы стали ловить меня и заниматься прочей ерундой. Где моя дорогая Анжелина?

— Ее выпустили из тюрьмы, и сейчас она направляется домой к своим бандитским сыночкам. Эти идиоты из МДНС не знают, что произошло с их архивами. Но я знаю. Впрочем, забудем об этом. В космопорту тебя ждет корабль, отправляющийся на Какалак-2.

— Захудалая планета, вращающаяся вокруг темной звезды... И что я найду в таком неуютном местечке?

— Речь идет о том, что ты там не найдешь. Там была спутниковая база, на которой проводились ежегодные конференции начальников штабов всех флотов Лиги.

— Если я не ошибаюсь, вы сделали ударение на слове «была»?

— Не ошибаешься. Спутник с адмиралами бесследно исчез. Мы понятия не имеем, что произошло.

— Кто станет печалиться об их исчезновении? Я полагаю, младшие чины будут прыгать от радости...

— Оставь свои шутки при себе, ди Гриз. Представь, какой будет скандал, если об этом узнает пресса. А какой урон это нанесет нашей обороне!

— Я думаю, об этом не стоит беспокоиться. Пока на горизонте не видно межгалактических полчищ аратов. В любом случае, прежде чем мы вылетим, я хотел бы позвонить домой.

За вентиляционной вытяжкой, присосавшись щупальцами к стене, висела тварь. Поморгав огромными зелеными глазами, она издала несколько чавкающих звуков и заскрежетала красными, остро заточенными зубами. Тварь ужасно воняла.

— Скользкий Джим, все это кажется слишком подозрительным и совсем мне не нравится, — сказала Анжелина с видеоэкрана, метая глазами молнии. Как я любил ее несдержанность.

— Что ты, моя милая, — солгал я. — Просто срочное задание. Работенка на пару дней. А потом я сразу же вернусь домой. Теперь, когда ребята закончили школу, покопайся в старых туристических проспектах и подыщи подходящее местечко для отдыха.

— Я рада, что ты вспомнил о своих сыновьях. Они заявились домой несколько минут назад грязные и усталые. Говорят, что без твоего разрешения не скажут ни слова.

— Это действительно так. Скажи им: «Отец дает «добро», — и они расскажут тебе о наших сегодняшних приключениях. До встречи, любовь моя.

Я послал ей воздушный поцелуй и отключил экран, прежде чем она успела что-либо возразить. К тому времени, когда ребята закончат рассказ, я буду уже далеко в космосе, выполняя свое новое

задание. Меня не столько интересовала судьба нескольких сотен военачальников, сколько причина их исчезновения.

Действительно, это оказалось весьма интересным. Как только корабль взял курс на Какалак-2, я вскрыл пакет с документами, налил себе порцию «Пота Сирианской Пантеры» — гарантированный инфаркт в каждой бутылке — и принялся за чтение. Первый раз я читал медленно. Второй раз быстрее. В третий раз я просматривал лишь отдельные абзацы. Когда я отложил досье, то увидел перед собой Инскиппа. Он сидел напротив меня, сверкая глазами, жуя нижнюю губу, постукивая пальцами по столу и дергая ногой.

— Нервничаете? — спросил я. — Выпейте бокальчик этого...

— Заткнись! Лучше скажи, что ты обнаружил.

— Прежде всего я обнаружил, что мы летим не туда, куда надо. Измените курс и направьте корабль на главную базу Специального Корпуса, чтобы я мог поболтать с моим старым другом профессором Койпу.

— Но расследование...

— Ничего нам не даст. — Я постучал пальцем по досье. — Все это уже в прошлом. Военные занимались своими делами, когда внезапно по радио раздался непонятный крик: «Зубы!» — и эфир затих. Ваша команда высокопрофессиональных исследователей, прибыв на место, не обнаружила там никаких следов спутника. Если мы полетим туда, я обнаружу то же самое. Лучше поговорить с Койпу.

— Зачем?

— Потому что Койпу специалист по спирали времени. Чтобы разобраться в случившемся, я должен отправиться обратно во времени в тот злополучный день и увидеть все своими глазами.

— Я об этом и не подумал, — пробурчал Инскипп.

— Разумеется. Вы ведь работаете за письменным столом, в то время как я — лучший полевой агент. Дайте мне одну из ваших сигар в знак благодарности за мои выдающиеся умственные способности, которые я вам столь часто демонстрирую.

Профессору Койпу мое предложение не понравилось. Покусав своими выпирающими желтыми зубами нижнюю губу, он так сильно замотал головой, что несколько седых прядей скудной шевелюры упали ему на глаза. Одновременно профессор размахивал руками.

— Вы хотите сказать, что не одобряете мою идею? — поинтересовался я.

— Безумие! Нет! Никогда! После последнего использования временной спирали у нас возникла обратная связь в статических синэргальных кривых...

— Пожалуйста, профессор Койпу! — взмолился я. — Попроще, если можно. Обращайтесь со мной и своим начальником Инскиппом как с полными профанами в науке.

— Таковыми вы и являетесь. Однажды меня уже заставили использовать спираль времени, чтобы спасти мир от гибели. Затем

меня уговорили использовать ее еще раз, чтобы вытащить тебя из прошлого. Но даю вам слово, больше на это не рассчитывайте.

Инскипп доказал, что может поставить на место любого зарвавшегося ученого. Он подошел к профессору и, упершись лбом в его лоб, вернее, носом в нос, поскольку у них обоих были огромные носы, выдал несколько отборных ругательств, подкрепив их недвусмысленными угрозами.

— Если я, как ваш начальник, приказываю сделать это, вы обязаны подчиниться. Без всяких возражений. Конечно, мы вас не убьем. Но как вам понравится перспектива обучать тупоголовых студентов на какой-нибудь отсталой планете, где до сих пор считают, что машина времени — это обычные часы? Будете сотрудничать?

— Вы не смеете мне угрожать... — пролепетал Койпу.

— Смею. У вас одна минута, чтобы принять решение. Охрана!

Два здоровенных андроида стали по бокам профессора и, крепко схватив его под руки, подняли над полом.

— Тридцать секунд, — как змея прошипел Инскипп.

— Мне всегда хотелось лишний раз проэкспериментировать со спиралью времени, — быстро пошел на попятную профессор.

— Отлично, — сказал Инскипп. — Опустите его. Вам предстоит отправить нашего друга на неделю назад вместе с приспособлением для благополучного возвращения после того, как он успешно выполнит свою задачу. Готов, ди Гриз?

— Всегда готов, — ответил я, глядя на космический скафандр и гору оборудования. — Давайте быстрее. Мне не терпится узнать, что там такое произошло, и поскорее вернуться. Я по опыту знаю, что подобные скачки во времени плохо влияют на человеческий организм.

Скрученная лента спирали времени противно зеленела, и, вздохнув, я приготовился к путешествию. На какое-то мгновение я подумал, что в лапах сборщиков налогов мне было бы гораздо уютнее.

Но только на мгновение.

Глава 4

Тот факт, что я не впервые совершал путешествие во времени, отнюдь не смягчил неприятные ощущения. Меня снова закрутило в пространстве, и перед глазами заплясали звезды. Ужасное чувство. И длилось оно слишком долго. Затем оно исчезло так же быстро, как и возникло. Вместо серого времени-пространства снова приятно чернел космос с сияющими звездами.

Я медленно парил в своем противоперегрузочном скафандре, когда в поле моего зрения появилась спутниковая станция. Я включил радарное устройство на груди и определил, что до спутника — десять километров. Он был огромных размеров, с антеннами, мигавшими маяками и светившимися иллюминаторами. Битком

набитый пузатыми адмиралами, которые в перерывах между трапезами и возлияниями изредка решали свои военные вопросы. Что ж, их ждет сюрприз, которого я тоже с нетерпением ожидал. Настроив приемник на волну спутника, я выяснил, что оказался здесь на час раньше намеченного времени. Койпу интересно будет узнать об этом. Мне еще предстояло убить целый час до момента истины.

По понятным причинам я не мог закурить сигару в космическом скафандре, но выпить мне никто не мешал. Я заранее вылил воду из резервуара скафандра и наполнил его виски. Тридцать две тысячи лет назад на планете под названием «Земля» я пристрастился к этому напитку. Хотя этой планеты давно уже не существовало, я запомнил формулу и после серии неудачных экспериментов научился производить вполне приемлемое пойло. Я пососал виски из трубочки. Недурно. Коротая время, я любовался звездами, спутником и декламировал стихи.

Исчезновение должно было произойти ровно через пять минут. Боковым зрением я заметил какое-то движение. Повернувшись, я увидел космонавта, летевшего в мою сторону. Он сидел на двухметровом сигарообразном предмете. Я выхватил пистолет, который взял с собой на случай всяких непредвиденных обстоятельств, и направил его на незнакомца.

— Держи руки так, чтобы я мог их видеть, и повернись ко мне. Пистолет заряжен разрывными пулями.

— Убери его, идиот! — крикнул незнакомец, все еще сидя ко мне спиной и щелкая переключателями на пульте своей ракеты. — Если уж ты не знаешь, кто я такой, тогда этого никто не знает.

— Я! — сказал я, пытаясь не выдать своего удивления.

— Нет, я. Я — это ты... Что-то в этом роде... Уже запутался. Убери пистолет, дубина!

— Теперь я понимаю, что тебе, то есть мне, пришлось отправиться второй раз назад во времени, чтобы захватить с собой эту космическую «пиявку».

Он — или я? — посмотрел на часы, а затем указал на спутник:

— Разуй глаза и не пропусти это зрелище.

Зрелище действительно было потрясающим. Еще секунду назад возле спутника ничего не было, а сейчас нечто огромное, невероятно огромное приближалось к нему. Темное, продолговатое, с неровной поверхностью, оно внезапно раскрылось посередине. Горящая адским огнем гигантская пасть с острыми зубами.

«Зубы!» — раздался крик в моем приемнике. Единственное сообщение с исчезнувшего спутника, вернее, со спутника, который вот-вот должен исчезнуть. Пасть захлопнулась, мгновенно проглотив станцию. Яркая вспышка ослепила меня, когда космическая «пиявка» помчалась в сторону гиганта. Там заискрилось поле искривленного пространства, и непонятное создание исчезло.

— Что это было? — выдохнул я.

— Откуда мне знать? — ответил я. — Даже если бы я и знал, то ничего бы тебе не сказал. Возвращайся обратно, чтобы я тоже мог вернуться, или ты мог вернуться. Я хотел сказать... Ладно, черт с ним! Вперед?

— Полегче, — проворчал я. — Не думаю, что стоит так разговаривать с самим собой.

Я нажал на кнопку возвратного устройства спирали времени. И снова совершил малоприятное путешествие в настоящее.

— Ну и что ты там обнаружил? — спросил Инскипп, как только я снял шлем.

— То, что я должен вернуться в прошлое еще раз. Прикажите, чтобы приготовили космическую «пиявку», и я вам с удовольствием все расскажу.

Я решил не вылезать из скафандра, чтобы снова не надевать его. Поэтому прислонился к стене и пососал виски из трубочки. Инскипп принюхался.

— Ты что, пьешь во время работы?

— Разумеется. Это единственное, что делает эту работу привлекательной. А теперь, будьте добры, — помолчите и выслушайте меня. Что-то огромное появилось из подпространства рядом со спутником. Довольно тонкая работа, я и не думал, что такое возможно. И эта штука раскрыла огненную пасть, полную острых зубов, и проглотила спутник со всеми находившимися на нем адмиралами.

— Да ты просто пьян!

— Алкоголь тут ни при чем. Все это я заснял на пленку. Как только эта штука «пообедала», она снова вернулась в искривленное пространство и исчезла.

— Мы должны прикрепить к ней космическую «пиявку».

— Именно это я и сказал сам себе, запуская «пиявку» в нужном направлении. — В этот момент в комнату вкатили «пиявку». — Отлично. Койпу, отправьте меня и эту штуку за пять минут до времени «ноль». Кстати, в прошлый раз вы ошиблись на час. Надеюсь, сейчас вы поточнее рассчитаете время.

Койпу что-то пробормотал и принялся колдовать над своими приборами, а я схватился за космическую «пиявку» и отбыл в прошлое. Там я наблюдал все то же, что и раньше, только с другой стороны. Когда я вернулся из второго путешествия во времени, мне хотелось только получить плотный ужин, бутылку вина и завалиться в мягкую постель. Все это я получил и вдобавок мог валять дурака целую неделю, пока не поступила информация от космической «пиявки».

Я был рядом с Инскиппом, когда ему передали отчет, и он, вытаращив глаза, прочел его два раза.

— Это невозможно, — наконец сказал он.

— Мне нравится ваш оптимизм, Инскипп.

Я взял у него отчет и углубился в чтение. Затем проверил координаты по карте, висевшей за его спиной. Он был прав. Почти.

Космическая «пиявка» отлично справилась со своим заданием. Я выстрелил ею как раз вовремя, и она, присосавшись к спутнику, проделала весь путь вместе с неведомым гигантом. Она путешествовала с ним все время в искривленном пространстве. «Пиявка» была запрограммирована отцепиться лишь в случае обнаружения атмосферы или космической станции. Отсоединившись в такой момент, она поплыла прочь. Сделанная из неметаллических материалов, «пиявка» не появлялась на экранах радаров. Используя химический двигатель, она пролетела через искривленное пространство, ориентируясь по сигналам ближайшего маяка Лиги. Затем она вышла из подпространства и заявила о своем прибытии.

Разумеется, возле своей цели «пиявка» сделала массу фотографий. Проанализировав снимки, компьютеры быстро определили, где они были сделаны. Только ответ, который они выдали, казался невероятным.

— Трудно поверить, — сказал я, рассматривая карту. — Но если местонахождение правильное, то у меня есть нехорошее предчувствие, что нам грозят неприятности.

— Значит, ты не считаешь случайностью, что похищены именно наши адмиралы?

— Ха-ха!

— Другого ответа я от тебя и не ждал.

Чтобы понять наше беспокойство, вы на минуту должны вспомнить физическую природу нашей Галактики. Да, я знаю, что это скучно, и только астрофизики получают наслаждение от подобной ерунды. Но без объяснений здесь не обойтись. Представьте себе Галактику в виде морской звезды. Это, конечно, не совсем так, но для нас сойдет и такой пример. Так вот, лучи и центр составляют группы звезд, а между ними располагается космический газ, другие звезды и тому подобное. Надеюсь, я не запутал вас, однако сам уже сбился с толку. В любом случае все звезды, входящие в Лигу, находятся в правом верхнем луче. Есть еще пара звезд ближе к центру и совсем немного — в правом и левом лучах. Понятно? Так вот, похоже, наш зубастый пожиратель спутников прилетел из нижнего левого луча. Ну, скажете вы, а какая разница? Ведь все это относится к одной и той же Галактике. Что ж, я вам отвечу. Это та часть Галактики, где мы никогда не были, которую никогда не исследовали и где не устанавливали никаких контактов. Там нет обитаемых планет.

То есть планет, где обитают человеческие существа. За те тысячелетия, что род людской шныряет по космосу, нам так и не удалось обнаружить другую разумную форму жизни. Мы нашли следы давно исчезнувших цивилизаций, от которых нас отделяли миллионы лет. Во времена колониальной экспансии космические корабли Звездной Империи летали во всех направлениях. Но затем наступил Распад, и на многие тысячи лет все связи были оборваны. Только сейчас мы снова начинаем контактировать с другими цивилизациями. Пока речь не идет о новых открытиях. Лига пытается собрать хотя бы то, что осталось от первой экспансии.

Но сейчас мы столкнулись с чем-то совершенно неизвестным.

— Что ты собираешься делать? — спросил Инскипп.

— Я? Ничего. Жду, когда вы отдадите мне приказ расследовать эту необычную ситуацию.

— Отлично. Слушай приказ. Ты, ди Гриз, отправишься туда и проведешь расследование.

— Я и так в последнее время загружен работой. В вашем распоряжении флоты тысяч планет, разве что без адмиралов, и бесчисленное количество агентов. Задействуйте кого-нибудь из них.

— Нет. У меня такое предчувствие, что отправить туда обычный патруль это все равно, что попросить их прогуляться по внутренностям ядерного реактора.

— Несколько туманное объяснение, но суть понятна.

— Надеюсь. Ты у меня самый лучший агент. У тебя настолько развит инстинкт самосохранения, что убить тебя практически невозможно. Я полагаю, что твой извращенный ум мошенника поможет тебе и на этот раз. Отправляйся туда, проведи расследование и возвращайся обратно с подробным отчетом.

— Адмиралов тоже прихватить с собой?

— Если ты сам этого захочешь. Найти им замену трудности не составит.

— Вы такой же бессовестный и бессердечный негодяй, Инскипп, как и я сам.

— Конечно. Как, по-твоему, можно еще руководить Специальным Корпусом? Когда ты отправляешься и что тебе нужно?

Мне надо было хорошенько все обдумать. Я не мог улететь, не сообщив об этом моей Анжелине, а стоит ей узнать, как это опасно, она тут же потребует, чтобы я взял ее с собой. Отлично. Я, конечно, свинья, но, учитывая таланты Анжелины, лучше уж ее взять с собой, чем весь Специальный Корпус. А как быть с моими ребятами? Ответ очевиден. Судя по всему, их ожидает карьера либо отъявленных мошенников, либо агентов Спецкорпуса. Пора проверить их в деле, и это как раз подходящий случай.

Итак, все решено. Я встряхнул головой и понял, что несколько минут тихо разговаривал сам с собой. Инскипп с подозрением наблюдал за мной, держа палец на кнопке вызова охраны. Я с трудом вспомнил, какой вопрос он задал мне до того, как я погрузился в размышления.

— Ах да, гм-м. Конечно. Я вылетаю как можно скорее. Экипаж я подберу сам, но мне нужен полностью автоматизированный крейсер со всем вооружением и прочим.

— Хорошо. Он будет здесь не раньше чем через двадцать часов. У тебя есть время, чтобы собрать вещи и составить новое завещание.

— Я тронут вашей заботой. Мне нужно поговорить по пси-связи.

Через центр коммуникаций я связался с пси-оператором на Блодгетте и уже через несколько секунд разговаривал с Анжелиной.

— Привет, любовь моя, — сказал я. — Угадай, где мы проведем наш отпуск?

Глава 5

— Классный корабль, папа! — воскликнул Боливар, осматривая пульт управления крейсера «Л. С. Гнэшер».

— Еще бы! Крейсеры такого класса по праву считаются самыми лучшими в Галактике.

— Даже есть централизованное управление огнем. Ого! — сказал Джеймс, нажимая на кнопку, прежде чем я успел его остановить.

— Тебе не обязательно было уничтожать этот метеорит. Он тебе абсолютно не мешал, — недовольно пробурчал я, отключая орудийные системы, пока ребенок не натворил чего-нибудь еще.

— Дети есть дети, — с материнской гордостью сказала Анжелина.

— Пускай тогда тратят свои карманные деньги. Знаешь, во сколько тысяч кредиток обходится каждый выстрел из орудия?

— Не знаю и знать не хочу! — Она удивленно подняла бровь. — А с каких пор это стало волновать тебя, Скользкий Джим, любителя пошарить в государственном кармане?

Я пробормотал нечто неопределенное и повернулся спиной к пульту управления. Действительно ли это волновало меня? Или это была отцовская строгость? Нет! Это было чувство власти.

— Я здесь главный! — провозгласил я грозным голосом космического волка. — Я капитан, и команда должна подчиняться моим приказам!

— Может, нам стать по стойке «смирно»? — ехидно полюбопытствовала Анжелина.

Я решил сменить тему:

— Так, оставайтесь здесь, а я закажу бутылку шампанского и шоколадный торт. Мы немного отдохнем, прежде чем начнется операция и я стану отдавать приказы.

— Ты уже нам все объяснил, папа, — сказал Джеймс. — Может, вместо шоколадного торта ты закажешь клубничный?

— Я знаю, что вы в курсе того, что произошло и куда мы направляемся. Но нам еще предстоит решить, что мы там будем делать.

— Я уверена, что в нужное время ты все нам расскажешь, дорогой. Не слишком ли рано для шампанского?

Я принялся щелкать переключателями, одновременно пытаясь привести мысли в порядок. Никто не хочет подчиняться. Надо быть с ними построже.

— Слушайте меня внимательно. Приказ на сегодня. Стартуем через пятнадцать минут. Затем направляемся к точке в космосе, определенной космической «пиявкой». Мы выйдем из искривленного пространства ровно на одну и пять десятых секунды, чтобы произвести необходимые замеры. Затем автоматически вернемся на прежнее место и проанализируем полученные данные. Дальнейшие действия определим позже. Понятно?

— У тебя настоящий командный голос, — пробормотала Анжелина, поднося к губам бокал с шампанским.

По ее тону трудно было сказать, что она имела в виду. Я решил оставить ее реплику без внимания.

— Тогда за дело. Боливар, я знаю, что у тебя хорошие оценки по навигации.

— Пришлось выучить. Нас привязывали к партам и оставляли без еды, пока нам не удавалось сдать зачет.

— Неважно. Все это осталось позади. Установи курс к цели и покажи мне его, прежде чем ввести в компьютер. А ты, Джеймс, составь программу, по которой все данные в районе цели должны записаться ровно за полторы секунды.

— А мне что делать, любовь моя?

— Открой еще одну бутылку, дорогая, и полюбуемся, как работают наши сыновья.

Оба прекрасно справились с заданием. Никто из них не жаловался, понимая всю ответственность происходившего. Я несколько раз проверил результаты их работы и не смог ни к чему придраться.

— Награждаю каждого из вас Золотой Звездой. Можете взять по два куска торта.

— От него портятся зубы, папа. Может, вместо него ты нальешь нам шампанского?

— Конечно. Пора произнести тост. За успех!

Мы чокнулись и пригубили шампанское. Затем я нажал на кнопку старта. Корабль взлетел. В подобных путешествиях обычно нечего делать, так как за всем следит запрограммированный компьютер. Близнецы облазили весь корабль и изучили по техническим описаниям все его детали. Мы с Анжелиной тоже нашли себе занятие и прекрасно проводили время. Пока не запищал сигнал тревоги. Мы подготовились к выходу из подпространства. Все собрались в центральной рубке.

— Па, ты знаешь, что у нас на борту два патрульных катера? — спросил Боливар.

— Знаю. Полезная вещь. Приготовьтесь к выходу на разведку. Но сначала мы все наденем бронированные скафандры.

— А это еще зачем? — спросил Джеймс.

— Потому что тебе так сказали. — В голосе Анжелины звучали металлические нотки. — Если бы у тебя работали мозги, ты бы и сам сообразил.

Это упрочило мой авторитет, и я не отдавал больше никаких приказов, пока мы не облачились в скафандры. Боевые скафандры, бронированные и оснащенные оружием, должны были предохранить нас от ожидавших нас неприятностей.

Никакие неприятности нас не ожидали. Мы прибыли на место. Все приборы зажужжали и защелкали — и мы снова вернулись в исходную точку в ста световых годах отсюда. Некоторое время я не разрешал никому снимать скафандры на случай, если за нами кто-нибудь бросится в погоню. Никто не бросился. Через полчаса мы вылезли из скафандров и принялись изучать результаты наших исследований.

— Поблизости ничего нет, — сказала Анжелина, рассматривая распечатку компьютера. — Но в двух световых годах — звездная система.

— Это наша следующая цель, — сказал я. — План такой. Мы останемся здесь на безопасном расстоянии от чего бы там ни было. Но мы запустим «разведглаз», чтобы тот исследовал все планеты системы и передал информацию на спутниковый приемник. Спутник запрограммирован так, что вернется сюда, если с «разведглазом» что-нибудь случится. Все понятно?

— Можно, я запрограммирую «разведглаз»? — спросил Боливар, на секунду опередив своего брата.

Молодцы! Мое сердце пело, когда я отдавал им соответствующий приказ. Через пару минут спутник и «разведглаз» были уже в пути, а мы сели ужинать. Не успели мы поесть, как спутник сообщил нам о своем возвращении.

— Уж очень быстро он вернулся, — заметила Анжелина.

— Чересчур быстро. Если они сбили «разведглаз», то у них, должно быть, превосходная система обнаружения. Сейчас все узнаем.

Я на большой скорости прокрутил пленку, пока не дошел до нужного места. Звезда в центре экрана приближалась к нам, превращаясь в раскаленное солнце. Данные на экране компьютера указывали, что в этой системе имеется четыре планеты и на всех четырех зарегистрирована промышленная активность. «Разведглаз» направился к ближайшей планете и начал снижение.

— Ничего себе... — прошептала Анжелина, и мне ничего не оставалось, как согласно кивнуть.

Вся планета казалась огромной крепостью. Черные дула орудий были направлены в небо, бесконечными рядами стояли боевые звездолеты. «Разведглаз» летел над массой бесчисленных военных машин, уходившей за горизонт. Вся видимая площадь планеты была занята оружием.

— Смотри, — сказал я. — Вон та штука очень похожа на космического кита, который проглотил наш спутник с адмиралами. А вот и вторая, третья...

— Интересно, они дружелюбны? — спросила Анжелина и даже сама не улыбнулась своей шутке.

Ребята, вытаращив глаза, уставились на экран. Конец наступил очень быстро. По экрану пошли полосы, и он погас.

— Не очень дружелюбны, — сказал я, наполняя свой бокал нетвердой рукой. — Запиши все это на пленку и отправь по радио на ближайшую базу. Пусть пси-оператор немедленно передаст сокращенный отчет. Потом мне хотелось бы получить дальнейшие указания для нас. После передачи сообщения об увиденном мы можем снова ни от кого не зависеть.

— И делать, что захотим? — спросил Боливар.

— Ты быстро схватываешь, сынок.

— Отлично, — сказал Джеймс. — Больше не будет ни от кого никаких приказов.

Я не совсем понял, что он имел в виду, но гордость за сыновей переполняла меня.

— Вопросы есть? — спросил я. — Если нет, то у меня родился один план.

— Ты ведь капитан, дорогой, — сказала Анжелина, и по ее голосу я понял, что она действительно так считает.

— Конечно. Не знаю, заметили ли вы, что в этой звездной системе полно всякого космического мусора. Я предлагаю найти какую-нибудь каменную глыбу подходящего размера, выдолбить ее изнутри и спрятать там один из патрульных катеров. Если ее как следует замаскировать, то она ничем не будет отличаться от других булыжников, плавающих в космосе. Затем мы выведем ее на орбиту, проверим другие планеты и соберем побольше информации, чтобы выработать план. Должно ведь тут быть какое-нибудь спокойное местечко, где не так много оружия, как на первой планете. Согласны?

После небольшой дискуссии — никто не смог предложить лучший план — все согласились. Включив радар, мы перешли на малый ход и через час натолкнулись на скопище каменных и железных астероидов. Скоро я заметил подходящую глыбу.

— Это то, что надо, — заявил я. — Нужного размера, нужной формы и из чистого железа. Мы спрячем катер в нем. Анжелина, становись за штурвал и приближайся к этому астероиду. Боливар, мы с тобой наденем скафандры и прогуляемся туда на патрульном катере. Джеймс, ты будешь обеспечивать связь. При помощи пушки мы проделаем в астероиде дыру необходимого размера. Пустяковая работенка.

Так оно и оказалось. Установив пушку на минимальную мощность, мы принялись долбить астероид. Когда дыра стала достаточно глубокой, я застегнул скафандр и отправился туда на разведку.

— Выглядит неплохо, — сказал я, выплывая из туннеля. — Боливар, ты сможешь завести сюда катер, не поцарапав его обшивку?

— Детская забава, папа!

Боливар прекрасно справился с этим заданием. Я наблюдал, как патрульный катер плавно зашел в туннель и скрылся из виду. Те-

перь мы могли установить на поверхности нужное оборудование, подсоединить его к кораблю и замаскировать астероид.

Летая в космосе, я отчетливо видел «Гнэшер», который находился на границе зоны астероидов в двух километрах отсюда. Его иллюминаторы весело светились в межзвездной темноте. Мне захотелось поскорее вернуться и как следует отдохнуть.

Внезапно рядом с кораблем возникла огромная черная тень. Космический кит! Его гигантская пасть распахнулась и, поглотив «Гнэшер», снова захлопнулась. Затем гигант исчез. Все это произошло в мгновение ока. Я застыл, парализованный страхом.

Корабль исчез. Исчезли Анжелина и Джеймс.

Они пропали...

Глава 6

Мне не раз приходилось испытывать удары, но такого со мной еще никогда не случалось. Застыв, я сжал кулаки, в ужасе глядя на то место, где еще недавно находился корабль. Неприятности, которые раньше случались со мной, всегда касались меня самого. Такого рода опасности заставляют мозг работать быстрее и насыщают адреналином кровь, чтобы немедленно принять нужное для выживания решение. Но теперь опасность, а может быть и смерть, угрожала не мне, а Анжелине и Джеймсу. А я ничего не мог сделать.

Наверное, я непроизвольно издал какой-то звук, потому что до моих ушей донесся голос Боливара:

— Папа? Что происходит? Что-то не так?

Оцепенение прошло, и я метнулся к патрульному катеру. Пробравшись в шлюзовую камеру, я объяснил сыну, что произошло. Слушая, он смотрел на меня с побелевшим лицом.

— Что нам теперь делать? — упавшим голосом спросил он.

— Пока не знаю. Направиться за ними. Только куда? Нужен план...

Раздалась пронзительная трель, и я резко обернулся.

— Что это? — спросил Боливар.

— Общая пси-тревога. Я читал об этом в наставлениях о полетах, но никогда не слышал, чтобы она применялась. — Я кинулся к пульту управления. — Как ты знаешь, радиоволны распространяются со скоростью света, и, чтобы получить сигнал от станции на расстоянии в сто световых лет, понадобится сто лет. Не самый быстрый способ связи. Поэтому большинство посланий передается с одного корабля на другой. Это также единственная форма связи, которая не подчиняется законам Эйнштейна. Пси-энергия мгновенна. Поэтому пси-операторы общаются друг с другом без всякой потери времени. И все самые лучшие операторы работают на Лигу, соответственно и на Специальный Корпус. Существуют электрические приборы, которые могут улавливать пси-сообщения. На каждом корабле Лиги установлены такие детекторы, но до сих пор они использовались только во время испытаний. Чтобы этот детектор заработал, каждый пси-оператор должен мысленно передавать одно и то же слово. Это слово — «опасность». Получив сигнал пси-тревоги, каждый корабль выходит из искривленного пространства возле ближайшей станции, чтобы узнать, в чем дело. Именно это мы сейчас и сделаем.

— А мама и Джеймс?..

— Чтобы найти их, нам понадобится помощь. К тому же у меня такое предчувствие, что эта тревога каким-то образом связана с их исчезновением.

К несчастью, я оказался прав. Мы вынырнули возле ближайшего радиомаяка, и записанный сигнал тут же загремел в динамиках:

— ...вернуться на базу. Всем кораблям вернуться на базу. Час назад семнадцать планет Лиги подверглись нападению чужого флота. Началась космическая война на многих фронтах. Всем кораблям вернуться на базу. Всем кораблям...

Я изменил курс еще до того, как сообщение стало повторяться. Теперь мы направлялись на главную базу Специального Корпуса. Куда еще было лететь? Сопротивление захватчикам будет возглавлять Инскипп, и в его штаб станет стекаться вся информация. Трудно описать, как долго тянулись дни. Нас с Боливаром успокаивала только одна мысль — если бы захватчики хотели уничтожить Лигу, они бы это уже давно сделали при помощи космических китов, которые проглотили спутник с адмиралами и наш корабль. Они хотели захватить людей живыми. Мы не осмеливались даже предположить, зачем им это нужно.

Я вывел корабль из искривленного пространства возле главной базы. Мы снижались на максимальных перегрузках, включив реверсные двигатели в самый последний момент. Я отключил управление, как только магнитные захваты коснулись поверхности, и выскочил из корабля. Боливар не отставал от меня ни на шаг. Преодолев коридор быстрым шагом, мы ворвались в кабинет Инскиппа, который храпел, положив голову на стол.

— Говорите! — скомандовал я.

Он открыл красные от бессонницы глаза. Затем застонал.

— Я так и знал. Стоило мне только задремать в первый раз за четверо суток, как тут появляешься ты. Знаешь ли...

— Я знаю, что один из космических китов проглотил мой крейсер вместе с Анжелиной и Джеймсом. Нам пришлось несколько дней тащиться сюда на патрульном катере.

Пошатываясь, он поднялся с кресла.

— Извини, мы тут совсем замотались.

Проковыляв к бару, он налил себе в бокал какой-то темной жидкости и опорожнил его одним глотком. Я принюхался и последовал его примеру.

— Объясните, — сказал я, — что здесь происходит?

— На нас напали чужаки, и, надо сказать, воевать они умеют. Эти космические киты — на самом деле военные корабли, покрытые непробиваемой броней. Нам даже не удалось их поцарапать. Мы бессильны против них в космосе. Поэтому нам не остается ничего другого, как отступать. Благодаря эффективности нашей противокосмической обороны им пока еще не удалось высадиться ни на одной планете, но они подвергают их массированной бомбардировке. Не знаю, как долго все это будет продолжаться.

— Значит, мы проигрываем войну?

— Разумеется.

— Я поражаюсь вашему оптимизму. А не скажете ли, с кем мы воюем?

— Скажу. *С ними.*

Он щелкнул переключателем, и перед нами на трехмерном цветном экране возникло отвратительное существо. Когтистое, клыкастое, с огромными щупальцами и несколькими парами глаз, смотревших в разные стороны, оно было покрыто зеленоватой слизью. У этой жуткой твари было еще немало разных отростков, о которых лучше не говорить.

— Уф-ф, — сказал Боливар за нас обоих.

— Ну, если этот экземпляр вам не понравился, — пробурчал Инскипп, — как насчет этого... или вот этого...

На каждом новом слайде чудища были все безобразнее и отвратительнее — возможно ли такое? — чем на предыдущих. Жуткие твари. Их объединяло лишь одно — уродство.

— Хватит! — воскликнул я. — Меня тошнит. Теперь целую неделю я не смогу притронуться к пище. Кто из них является нашим противником?

— Все они наши враги. Послушаем профессора Койпу.

На экране появилось изображение профессора Койпу, и, несмотря на свое скрежетание зубами и отвратительную манеру говорить, после этих мерзких тварей он выглядел довольно сносно.

— Мы исследовали захваченные экземпляры. Мертвым провели вскрытие, а живым пропылесосили мозги, чтобы добыть нужную информацию. Результаты весьма неутешительные. В нашествии участвует большое количество жизненных форм из различных планетарных систем. С их слов — а в достоверности мы не сомневаемся — стало ясно, что все они принимают участие в священном крестовом походе. Их единственная цель — уничтожить Человечество и изгнать всех представителей нашего рода за пределы Галактики.

— Но зачем? — удивился я.

— Вы можете спросить, а зачем это надо? — продолжал вещать профессор с экрана. — Резонный вопрос. Ответ заключается в том, что они не могут нас выносить. Они считают нас слишком уродливыми, чтобы иметь право на существование. Они говорят, что у нас недостаточно конечностей, мы слишком сухие, наши глаза не свисают на отростках, мы не выделяем слизь и у нас отсутствуют другие важные органы.

— Кто бы говорил! — воскликнул Боливар.

— Красота — понятие относительное, — нравоучительно сказал я. — Впрочем, в данном случае я с тобой полностью согласен. А теперь помолчи, и послушаем профессора.

— Вторжение было тщательно подготовлено, — сказал Койпу, шелестя бумагами и постукивая ногтями по своим выпирающим зубам. — Нам удалось обнаружить образцы чуждых жизненных форм в мусорных ведрах, вентиляционных вытяжках, помойных баках и туалетах. Судя по всему, они давно уже следили за нами, собирая различную информацию. Перед вторжением они похитили наших адмиралов, чтобы обезглавить наш флот и посеять панику в войсках. Вместо исчезнувших адмиралов были назначены младшие чины, и боеготовность увеличилась в два раза. Однако мы не располагаем достаточной информацией о вражеских структурах и базах, потому что нам удалось захватить лишь несколько небольших вражеских кораблей, пилотируемых летчиками-новобранцами. Необходимо собрать как можно больше данных...

— Спасибо большое, — проворчал Инскипп и выключил экран, оборвав профессора Койпу на середине фразы. — Сам бы я до этого никогда не додумался.

— Я смогу это сделать, — сказал я, с удовольствием наблюдая, как он таращил на меня свои покрасневшие глаза.

— Ты? Уж не думаешь ли ты победить там, где весь остальной флот постигла неудача?

— Конечно. Отбросив ложную скромность, скажу, что я — это то секретное оружие, которое позволит выиграть войну.

— Как?

— Дайте сначала мне поговорить с Койпу. Я задам ему пару вопросов, а потом все расскажу.

— Мы полетим спасать маму и Джеймса? — спросил мой сын.

— Разумеется, сынок. Это задача номер один. А заодно мы спасем цивилизованную Галактику от разрушения.

— Почему вы всегда отрываете меня от работы? — брызгая слюной, завопил с экрана связи профессор Койпу.

У него были такие же красные глаза, как и у Инскиппа.

— Успокойтесь, — ласковым голосом сказал я. — Я решу все ваши проблемы, как это уже делал раньше, но я должен рассчитывать на вашу помощь. Сколько видов чужаков вам удалось выявить до сих пор?

— Триста двенадцать. Но зачем...

— Сейчас объясню. Они всех размеров, цветов и форм?

— Точно как в моих кошмарах. Хочешь посмотреть?

— Спасибо, не надо. Вы, наверное, уже определили язык, на котором они общаются друг с другом. Он сложный?

— Ты говоришь на нем. Это эсперанто.

— Без шуток, Койпу!

— Перестань разговаривать со мной таким тоном! — истерично завизжал профессор. Затем он успокоился, выпил таблетку и пожал плечами. — А почему бы и нет? Несомненно, они уже давно наблюдали за нами, пытаясь собрать всевозможную информацию перед тем, как предпринять наступление. Должно быть, из всех языков — как и мы — они выбрали эсперанто как самый простой и эффективный способ общения.

— Понял. Спасибо, профессор. Постарайтесь немного отдохнуть, потому что скоро я прибуду к вам, и вы поможете мне пробраться во вражеский штаб, чтобы выяснить обстановку и спасти мою семью. И, может быть, адмиралов, если представится такая возможность.

— Что, черт побери, ты имеешь в виду? — рявкнул Инскипп.

Профессор на экране одновременно произнес эту же фразу. Таким же противным голосом.

— Все просто. По крайней мере, для меня. Профессор Койпу сконструирует для меня костюм чужака с выделителем слизи, и я залезу в него. Они примут меня за своего. Подумают, что я — представитель новой отвратительной формы жизни, который желает записаться в их армию. Они полюбят меня. Я готов, профессор.

Техники неплохо постарались, выполнив все в короткий срок. Они загрузили в компьютер данные о щупальцах, клыках, когтях, отростках, бородавках и заставили его выдать несколько вариантов. Мы получили рисунки, немного покумекали и выбрали самый подходящий экземпляр.

— И это мой отец! — восхищенно сказал Боливар, ходя вокруг этой штуковины и осматривая ее со всех сторон.

Костюм чужака был похож на страдающего проказой миниатюрного тиранозавра. У этой штуки было две ноги, понятно почему. Тяжелый хвост с двумя щупальцами на конце для равновесия. В хвосте располагались источники энергии и прочее оборудование. Огромная пасть с желтыми и зелеными зубами украшала голову. Зубы слегка выпирали, как и у создателя этого чудовища. Уши — как у летучей мыши, усы — как у крысы, глаза — как у кошки, жабры — как у акулы. Бр-р, какая мерзость! Я осторожно расстегнул брюхо и залез внутрь.

— Предплечья соответствуют твоим рукам и имеют силовой привод, — сказал Койпу. — Но тяжелые задние лапы оснащены серводвигателями и повторяют движения твоих ног. Будь повнимательней. Своими когтями ты можешь проделать дыру в стальной стене.

— Обязательно попробую. А что хвост?

— Оснащенный автоматическим противовесом, он шевелится при ходьбе. При помощи вот этих двух рычажков ты можешь размахивать им в движении. Для большей правдоподобности. Вот этот переключатель автоматически включает шевеление хвоста, когда ты находишься в сидячем положении. А вот с этой кнопкой будь

поосторожней — она приводит в действие безоткатную пушку 75-го калибра, вмонтированную в голову между глаз. Прицел на носу.

— Чудесно. А гранаты?

— Гранатомет, естественно, находится под хвостом. А сами гранаты замаскированы сам знаешь под что.

— Милая деталь. Только в вашей ученой голове могла родиться подобная идея. А теперь я застегну «молнию» и попробую эту штуку в действии.

Пришлось немало повозиться, прежде чем я смог естественно передвигаться, но через пару минут мне все стало ясно. Я бродил по лаборатории, оставляя за собой слизкие следы, царапая когтями стальной пол, сбивая хвостом все подряд, и даже разок выстрелил из вмонтированной в мою голову пушки. «Безоткатная она или нет?» — думал я, выпив пригоршню таблеток от головной боли, и решил пользоваться ею только в чрезвычайных случаях. Когда я повернулся в дверях, небольшой робот наступил мне на хвост.

— Эй, убирайся прочь! — закричал я, когда на табло перед моими глазами вспыхнула надпись: «Боль в хвосте». Я попытался смахнуть робота, но тот легко увернулся от удара. Затем он стал напротив меня, снял голову с оптическими линзами, и я увидел улыбающееся лицо Боливара.

— Можно ли полюбопытствовать, что ты делаешь в этой штуке? — спросил я.

— Конечно, папа. Я отправляюсь с тобой. Робот-слуга, он же оруженосец. Логично, не правда ли?

— Нет, неправда.

Я перебирал в уме различные аргументы, но понял, что мне нечего возразить. Впрочем, это меня обрадовало. Хотя я и опасался за сына, мне была нужна поддержка. Мы отправимся туда вдвоем.

— Куда? — спросил Инскипп, с отвращением глядя, как я выбираюсь из маскировочного костюма.

— На военную планету, где они держат адмиралов. И, возможно, Анжелину и Джеймса. Даже если это не их главный штаб, там, по крайней мере, мы сможем выяснить, где он находится.

— А не мог бы ты сообщить, как собираешься туда попасть?

— С удовольствием. На том же патрульном катере, на котором мы прилетели сюда. Но до того, как мы стартуем, я хочу, чтобы его как следует изуродовали и залатали. Пара пробоин, несколько разбитых приборов, второстепенных, разумеется. Пусть привезут с бойни побольше крови и разольют ее по всему кораблю. Мне, конечно, не хочется об этом говорить, но обстоятельства вынуждают. Нет ли у вас человеческих трупов?

— Больше, чем хотелось бы, — хмуро ответил Инскипп. — Ты хочешь, чтобы мы занесли на корабль пару убитых офицеров в военной форме?

— Они могут спасти наши жизни. Я примчусь на планету чужаков на всех парах, включив все огни и непрерывно подавая сигналы

по радио. Скажу им, что хочу присоединиться к священной войне против Человечества.

— О которой ты узнал, когда захватил этот корабль?

— Для вашего возраста вы на редкость сообразительны. Приготовьте корабль немедленно, потому что я хочу вылететь через пять минут.

Так как все надежды на победу над этими тварями теперь были связаны только со мной, нас обслужили по высшему классу. Покореженный патрульный катер загрузили на крейсерский звездолет, который стартовал, как только мы поднялись на борт. Он отвез нас к ближайшей вражеской звезде и оставил в космосе одних. Я провел катер мимо сгустка космической пыли, прошел через одну или две «черные дыры», чтобы запутать следы, а затем решительно направился в тот луч Галактики, где обитали наши противники.

— Ты готов, сынок? — спросил я, высунув голову из разреза на груди тиранозавра.

— Я в полной готовности, Скользкий Джим, — ответил робот, устанавливая свою голову на место.

Я застегнул «молнию» и когтистой лапой пожал его металлическую руку. Затем принялся за работу. На носу катера были установлены дополнительные огни, и я включил их на полную мощность. Теперь мы были похожи на летящую в космосе рождественскую елку. Затем я поставил пленку с недавно записанным гимном моей воображаемой планеты и стал передавать его на ста тридцати семи частотах. Закончив необходимые приготовления, мы спокойно приближались к военной планете под оглушающие звуки торжественной музыки.

Хвостатые, клыкастые —
Мы самые ужасные.
Вокруг на сотни светолет
Кошмарней тварей в мире нет.

Глава 7

— Кто ты такой? — спросил загробный голос на эсперанто, и в тот же момент на экране появилась на редкость гадкая физиономия чужака.

— Кто я такой? Меня знают все, но я тебя не знаю, красавец...

Я решил, что немного лести обеспечит мне теплый прием. Но мне стоило большого труда назвать этого безобразного слизняка красавцем. Приґладив скользким щупальцем пучок усиков на голове, слизняк перешел на более дружелюбный тон:

— Ладно, ладно, крошка. Возможно, тебя и знают на родной планете, но сейчас ты далеко от дома. А тут у нас война, и надо соблюдать меры предосторожности.

— Конечно, о чем речь! Я просто сгораю от нетерпения. Вы действительно воюете против этих сухокожих и розовотелых чужаков?

— Да, цыпочка.

— Что ж, принимайте меня к себе. Мы захватили этот корабль, когда он шнырял рядом с нашей планетой. У нас нет звездолетов, но одной боевой ракеты хватило, чтобы сбить его. Мы пропылесосили мозги оставшимся в живых, выучили их язык и узнали, что все привлекательные расы Галактики объединились в войне против людей. Мы хотим воевать под вашими знаменами. Ждем приказа о зачислении.

— Молодцы! — брызгая слюной, воскликнул урод на экране. — Мы пришлем за вами корабль, который покажет вам путь к нашей планете. Гарантирую торжественную встречу. Только один вопрос, милашка.

— Задавай, красавчик.

— Судя по глазам, ты ведь женского пола, не так ли?

— Я перейду в женский пол ровно через год, а сейчас я в нейтральном положении. И не он и не она.

— Тогда через год я назначаю тебе свидание.

— Сейчас помечу в записной книжке, — проворковал я и выключил экран.

Затем я потянулся за бутылкой. Но робот Боливар опередил меня и налил полный стакан виски, который я высосал через трубочку.

— Может, я ошибаюсь, папа, — сказал он, — но мне кажется, что этот обитатель канализации имеет на тебя виды.

— К несчастью, ты прав, мой мальчик. Судя по всему, в своем маскировочном костюме я похож на самую что ни на есть красавицу их уродливого мира. Надо было сделать костюм еще более отвратительным.

— Это только увеличило бы твою привлекательность.

— Конечно, ты прав. — Я снова пососал виски. — Надо подумать, как обратить себе на пользу их амурные чувства.

Через пару минут появился корабль-лоцман, и я установил автопилот, чтобы тот следовал указанным курсом. Мы облетели минные поля и защитные экраны и наконец приземлились на металлической площадке внутри огромной крепости.

Я надеялся, что это был космодром для особо важных гостей, а не тюремный двор.

— Тебе не мешало бы надеть шлем, папа.

Голос Боливара вывел меня из мрачных раздумий.

— Ты прав, мой славный робот. — Я надел украшенный золотом стальной шлем с бриллиантовой звездой во лбу и посмотрел на свое отражение в зеркале. Превосходно. — И, пожалуйста, больше не зови меня папой. А то это вызовет массу вопросов о нашей биологической несовместимости.

Когда мы вышли из люка, нас ожидало сборище прыгающих и ползающих тварей. Робот Боливар нес мой багаж. Один из встре-

чавших с золотым ободом на покрытой слизью голове сделал шаг вперед и замахал своими щупальцами.

— Добро пожаловать, звездный посол, — сказал он. — Я — Гар-Бэй, председатель Военного Совета.

— Рад познакомиться. Я — Скользкий Джим с Гештункина.

— Скользкий — это твое имя или титул?

— Это дворянский титул, который на моем языке звучит следующим образом: «Тот, который ходит когтистыми лапами по спинам крестьян».

— Довольно емкий у вас язык, Скользкий Джим. Я бы хотел поговорить с тобой. Наедине.

Шесть из его восемнадцати глаз мигнули, и я понял, что покорил его своей сексапильностью.

— Мы уединимся с тобой во время моего следующего периода оплодотворения, Гар. Сейчас все мои мысли только о войне. Расскажи мне, как идут дела и чем могут помочь гештункинцы.

— Я все тебе расскажу. Позволь мне провести тебя в твои личные апартаменты.

Движением одного щупальца он отпустил своих подчиненных, а жестом другого пригласил меня следовать за ним. Мой верный робот не отставал от меня ни на шаг.

— Военные действия идут по плану, — сказал он. — Ты, конечно, не знаешь, но мы потратили много лет на подготовку вторжения. Наши шпионы проникли во все человеческие миры, и мы знаем, сколько у них оружия, до последнего лазерного пистолета. Нас невозможно остановить. Мы полностью держим космос под контролем и сейчас готовимся перейти ко второму этапу.

— Какому?

— Высадка на планеты. Уничтожив их флот, мы станем захватывать их планеты одну за другой, как спелые сливы с дерева.

— Это то, что нам надо! — завопил я, проделывая когтями дыры в стальном полу. — Мы, гештункинцы, прирожденные бойцы и готовы пойти на смерть ради правого дела.

— Другого я и не ожидал услышать от такого зубастого и клыкастого монстра, как ты. Сюда, пожалуйста. У нас полно звездолетов, но опытные воины не помешают...

— Мы — бесстрашные солдаты!

— Тем лучше. Мы пригласим тебя на заседание Военного Совета и договоримся там о сотрудничестве. Но сейчас ты, наверное, устал и хочешь отдохнуть.

— Ни за что! — Я оторвал зубами кусок кресла. — Никакого отдыха, пока последний враг не будет уничтожен!

— Я восхищен твоим мужеством, но всем нам надо иногда отдыхать.

— Только не гештункинцам! Нет ли у вас парочки пленных, которых я мог бы разорвать на части перед телекамерой? Для пропаганды.

— У нас есть целая куча адмиралов, но они нужны нам живыми, чтобы высосать из них информацию, которая поможет лучше подготовиться к планетарному вторжению.

— Как жаль. Я бы оторвал у них руки и ноги, как лепестки с цветов. А нет ли у вас пленных женщин или детей? Они так приятно визжат.

Это был важный вопрос, и в ожидании ответа я нетерпеливо помахивал хвостом. Робот перестал жужжать.

— Странно, что ты об этом спросил. Мы действительно захватили шпионский корабль, пилотируемый женщиной и молодым существом мужского пола.

— То, что нужно! — закричал я от радости. — Их необходимо подвергнуть пыткам, допросам, а потом разорвать в клочья. Эта работа для меня. Ведите меня к ним.

— Я бы с удовольствием, но это невозможно.

— Они мертвы? — спросил я, стараясь выдать свое отчаяние за разочарование.

— Нет, к сожалению. Мы так до сих пор и не знаем, что произошло. В комнате с этими бледными двуногими находились пять наших лучших бойцов. Всех пятерых мы обнаружили мертвыми. А пленники сбежали.

— Плохо, — сказал я с наигранной скукой, почесывая лапой раздвоенный кончик хвоста. — Разумеется, вы их уже поймали?

— Нет, как это ни странно. Это произошло несколько дней назад. Но тебе не следует беспокоиться из-за таких пустяков. Отдохни, а когда соберется Совет, за тобой придет посыльный. Смерть гладкокожим!

— Смерть! Увидимся на Совете.

Дверь за ним закрылась, и робот Боливар спросил:

— Куда поставить багаж, могучий Скользкий Джим?

— Куда хочешь, металлическая башка. — Я попытался стукнуть его хвостом, но он ловко увернулся. — Не отвлекай меня по таким пустякам.

Я принялся расхаживать по комнате, громко распевая гештункинский гимн и внимательно проверяя обстановку. Затем я остановился и, расстегнув «молнию», высунул голову наружу.

— Если желаешь, можешь выйти и размяться, — сказал я. — Никаких «жучков» и оптических детекторов тут нет.

Боливар тут же вылез из металлического одеяния и сделал несколько приседаний под аккомпанемент хрустевших суставов.

— Не так уж и приятно сидеть в этой жестянке, — сказал он. — Что будем делать дальше? Как мы найдем маму с Джеймсом?

— Хороший вопрос, но на него сразу не ответишь. По крайней мере, мы знаем, что они живы и сумели напакостить неприятелю.

— Может, они оставили нам какой-нибудь знак? След, по которому мы их найдем?

— Поищем, хотя надежды мало. Ведь по их следам могли направиться и эти твари. Достань-ка бутылочку виски, чтобы прочистить мозги, и поищи, нет ли здесь стакана.

Я думал очень долго, но так ничего и не придумал. Возможно, сказывалась непривычная обстановка. На стенах висели картины с красными пятнами по зеленому фону. Половину комнаты занимал бассейн с булькающей жижей. Поднимавшиеся на поверхность пузыри лопались, наполняя воздух ужасным зловонием. Боливар принялся обследовать служебные помещения, но, когда его чуть не засосало в туалете и как только он увидел еду на кухне, он стал зеленее моего маскировочного наряда и сел перед телевизором.

Большинство программ было непонятно. А то, что мы понимали, вызывало у нас чувство отвращения. Как, например, военная хроника.

Мы даже не подозревали, что телевизор служит одновременно коммуникатором, пока на экране не появилась как всегда отвратительная голова Гар-Бэя. К счастью, рефлексы у ди Гриза отменные. Боливар юркнул в сторону, а я повернулся к экрану спиной, застегивая «молнию».

— Я не хотел беспокоить тебя, Джим, но Военный Совет уже собрался, и все ждут твоего появления. Посыльный укажет тебе дорогу. Смерть гладкокожим!

— Да-да, — пробурчал я, пытаясь просунуть свою голову через пластиковые складки.

Пронзительно заверещал звонок.

— Открой, робот, — сказал я. — Скажи, что я сейчас выйду. Затем понесешь за мной шлейф.

Когда мы вышли, монстр, которого послали за нами, удивленно вытаращил глаза. Выглядело это довольно забавно, ибо на торчащих отростках у него их было не менее дюжины.

— Указывай дорогу, макаронная голова! — скомандовал я.

Я шел за монстром, а за мной следовал робот, держа шлейф мантии, спадающей с моих плеч. Это украшение было длиною в добрых три метра. Пурпурный шлейф с вышитыми на нем золотыми и серебряными звездами был оторочен по бокам розовыми кружевами. Ух! К счастью, я не видел сам себя со стороны, но бедному Боливару не завидовал. Не то чтобы мне был нужен этот наряд, но таким образом я держал Боливара при себе. Я произвел на Совет неизгладимое впечатление. Восторженное хлюпанье, чавканье и хрюканье доносилось со всех сторон, и я два раза прошелся по комнате, прежде чем занял свое место.

— Добро пожаловать, неотразимый Скользкий Джим, на наш Военный Совет, — прочавкал Гар-Бэй. — Нечасто такие красавцы удостаивают нас своим посещением. Если все гештункинцы похожи на тебя — не говоря уже о ваших бойцовских качествах, — я уверен, что мы поднимем боевой дух наших солдат на небывалую высоту.

— Надо снять пропагандистский ролик, — прошамкала какая-то темная пупырчатая тварь в дальнем конце комнаты. — Пусть все имеют возможность любоваться тобой. Это привлечет к нам новых добровольцев.

— Чудесно! Прекрасная идея!

Со всех сторон слышались одобрительные крики, сопровождающиеся радостными взмахами щупалец, клешней, антенн и других отростков. Меня чуть не вырвало, но я защелкал зубами, сделав вид, что ужасно доволен. Не знаю, как долго продолжалось бы всеобщее ликование, если бы секретарь не ударил молоточком в гонг, призывая к порядку. Это было жуткое существо, похожее на раздавленную лягушку с морщинистым хвостом и пиявкообразной головой. Как только шум стих, секретарь прочавкал:

— Заседание Военного Совета номер четыре тысячи тринадцать объявляю открытым. При желании вы можете получить копию стенограммы предыдущего заседания. В сегодняшней повестке дня вопросы боевых действий, тылового обеспечения и снабжения продовольствием. — Подождав, пока прекратятся стоны и вопли, секретарь продолжал: — Однако, прежде чем начать обсуждение, мы хотели бы попросить нашего нового друга Скользкого Джима выступить с небольшой речью для вечерних новостей. Мы записываем тебя, Джим. Не будешь ли ты столь любезен...

Послышалось хлюпанье и шмяканье щупальцами, означавшее аплодисменты, и я кивнул в объектив камеры. Подтянув вверх подол мантии, я начал:

— Дорогие мои мокрые и слизкие друзья из космической шайки. — Скромно опустив глаза, я ждал, пока стихнут аплодисменты. — Все мои четыре сердца бьются от радости, что я нахожусь среди вас. Как только мы у себя на Гештункине узнали, что в Галактике есть существа, похожие на нас, мы решили тут же вступить с вами в контакт. И сегодня я хочу заверить вас, что все мы с радостью присоединимся к священному крестовому походу, чтобы очистить Галактику от бледнокожих двуногих. Всем известна смелость гештункинцев! — С этими словами я оторвал кусок железной трибуны, и присутствующие одобрительно захлюпали. — Поэтому можете положиться на нас. Как говорит наша королева Энжела Рдендрант, никто не справится с гештункинцем, даже если решится на это!

Я сел, скрестив лапы, в надежде, что моя хитрость удалась. Похоже, никто ничего не заподозрил. Если Анжелина все еще на этой планете, возможно, она увидит выпуск вечерних новостей. В этом случае она узнает имя, которое она носила, когда я познакомился с ней много лет назад. Слабая надежда, но другого выхода у меня не было.

Моим друзьям-монстрам не особенно понравилась моя речь, но жабообразный секретарь остался доволен. Я запомнил все подробности военных планов и, как новенький, не стал соваться со своими предложениями. Хотя, когда меня спросили о численности

гештункинской армии, я назвал им такие умопомрачительные цифры, что все снова повеселели. Я вдохновенно врал, но всеобщему ликованию положил конец секретарь, который сообщил, что заседание объявляется закрытым. Гар-Бэй дружески обнял меня своими щупальцами за талию.

— Может, ты зайдешь ко мне, красавчик? Мы разопьем с тобой бутылочку вонючего вина и съедим по паре кусочков какой-нибудь гадости. Как тебе это нравится?

— Превосходно, крошка Гар. Но у Скользкого Джима закрываются глазки, и ему надо как следует выспаться. А после этого мы просто обязаны встретиться. Не звони мне: я сам тебе позвоню.

Я поскорей убрался, прежде чем он успел что-либо ответить. Робот семенил за мной, держа край шлейфа. Я несся по сырым коридорам к своей комнате, радуясь, что избежал любовных объятий моего тошнотворного поклонника.

Не успел я коснуться двери, как она с грохотом захлопнулась, и луч бластера прожег дыру в стене рядом со мной. Я застыл на месте, когда услышал хриплый голос:

— Только пошевелись, и я разнесу твою гнилую башку!

Глава 8

— Я без оружия! — крикнул я в ответ. — Не стреляйте!

Что-то знакомое было в этом голосе. Может, все же повернуть голову и посмотреть? Я никак не мог решиться, пока Боливар не сделал это за меня. Он открыл верхнюю часть робота и высунул голову.

— Привет, Джеймс! — весело поздоровался он. — Что с твоим горлом? И не стреляй в этого уродливого чужака. Там внутри — твой собственный отец.

Я скосил глаза и увидел Джеймса, вылезавшего из-под шкафа. С бластером в руке и отвисшей челюстью он удивленно смотрел на нас.

Из другой комнаты вышла Анжелина, одетая в изящное меховое бикини, на ходу засовывая пистолет в кобуру.

— Немедленно вылезай из этой штуки, — приказала она, и я с удовольствием променял пластиковый плен на ее объятия.

— Ух! — сказала она после долгого и страстного поцелуя, который мы прекратили только из-за недостатка воздуха. — Мне кажется, я не видела тебя уже несколько световых лет.

— Взаимно. Я вижу, ты получила наше послание.

— Когда чудище упомянуло *то самое* имя в вечернем выпуске новостей, я поняла, что ты каким-то образом замешан в этом деле. Я не знала, что ты находишься внутри, вот почему мы пришли с оружием.

— Ничего, самое главное — ты здесь, и мне нравится твой наряд. — Я посмотрел на меховые шорты Джеймса. — И Джеймса тоже. Я вижу, вы одеваетесь у одного портного.

— Они забрали всю нашу одежду, — все тем же хриплым голосом пояснил Джеймс. Я пригляделся к нему.

— Что это у тебя за шрам на горле? — спросил я.

— Меня поцарапали во время побега. Но из шкуры чужака, который ранил меня, мы сделали себе одежду.

— Узнаю любимого сына! Боливар, если тебе не трудно, достань из аварийного запаса бутылочку шампанского. Мы отпразднуем нашу встречу, а твоя мама тем временем расскажет, что же с ними произошло.

— Все очень просто, — начала Анжелина, морща носик от пузырьков шампанского. — Нас захватил один из боевых кораблей чужаков. Думаю, ты видел, как это случилось.

— Это был самый ужасный момент в моей жизни, — простонал я.

— Бедняжка. Как ты понимаешь, мы чувствовали себя точно так же. Мы открыли огонь из всех орудий, но внутренним стенам из коллапсиума это не причинило ни малейшего вреда. Когда появились чужаки, мы хотели разделаться с ними, но у нас опять ничего не вышло. Потолок опустился и раздавил наш корабль. Нам пришлось сдаться, и они обезоружили нас. По крайней мере, они так считали. Я вспомнила, как ты когда-то спасся на Бураде с помощью отравленных ногтей, и мы сделали то же самое. Они схватили нас и отвели в тюрьму или камеру пыток — у нас не было времени узнать поточнее, — где мы быстро их уложили и дали деру.

— Прекрасно! Но ведь с тех пор прошло бесчисленное количество дней! Как вам удалось выжить?

— Благодаря помощи силайринов.

Она помахала рукой, и из другой комнаты выскочили пятеро мужчин, угрожающе размахивая оружием. Видя, что Анжелина совсем не беспокоится, я продолжал стоять на месте. У них были бледные лица и длинные черные волосы. Их одежда — если ее можно так назвать — состояла из обрывков шкур, скрепленных кусками проволоки. Оружие — примитивные топоры и сабли — было остро заточено и имело довольно устрашающий вид.

— Очень рад приветствовать вас, — произнес я на эсперанто, но они даже не пошевелились.

— Если они не понимают эсперанто, то на каком языке они говорят? — спросил я у Анжелины.

— На своем собственном. Я уже выучила несколько слов.

— Ду геобхайр деармад тайше Гош сеонд, — сказала она.

Они закивали и стали потрясать оружием, испуская воинственные крики.

— Здорово ты с ними общаешься, — заметил я.

— Я сказала им, что ты мой муж и глава племени. И прибыл сюда, чтобы уничтожить врагов.

— Так оно и есть.

Я приветливо поднял руки над головой, и они снова одобрительно закричали.

— Боливар, угости наших союзников виски, пока твоя мамочка будет рассказывать, что, черт возьми, тут происходит.

Анжелина отпила шампанского из бокала и мило нахмурилась.

— Подробности мне неизвестны, — сказала она. — Языковой барьер и все такое прочее. Силайрины — коренные обитатели этой планеты или переселенцы. Похожи на людей. Судя по всему, здесь находилась колония, которая оказалась отрезанной после Распада. Как они оказались здесь, вдали от цивилизованных миров, мне до сих пор непонятно. Когда здесь появились чужаки, силайрины сразу же возненавидели их и стали оказывать ожесточенное сопротивление. Чужаки хотели истребить их и покрыли всю поверхность планеты металлом. Но люди пробрались в здания чужаков и стали жить в подвалах и за стенными переборками.

— Стальные Крысы! — воскликнул я. — Молодцы!

— Я знала, что они тебе понравятся. Когда, убежав от чужаков, мы мчались по коридору, они вылезли из подвального люка и жестами позвали нас к себе. Именно в тот момент на Джеймса набросился чужак, но наш сын справился с ним. Силайрины сняли с него шкуру и отдали ее нам. Может, мы не так хорошо говорим на их языке, но дела лучше всяких слов. Прячась за стенными панелями, мы разработали план похищения звездолета. И освобождения адмиралов.

— Ты знаешь, где они?

— Конечно. Недалеко отсюда.

— Тогда нам нужен план. И хороший отдых. Почему бы нам не поспать, а битву устроить с утра?

— Потому что у нас нет времени и к тому же я знаю, что у тебя на уме.

— Ладно, — вздохнул я. — И что же мы будем делать?

Мы как раз решали этот вопрос, когда дверь распахнулась, и в комнату вошел мой любвеобильный Гар-Бэй. Он был настроен игриво, судя по его розовой ночной рубашке. Гар-Бэй жутко удивился.

— Джим, крошка, почему у тебя разрезано брюхо?.. Ох!

Последнее слово он добавил, когда чья-то сабля проткнула ему грудь. После короткой битвы он рухнул на пол, хотя его отрезанный хвост, в котором, несомненно, находился рудиментарный мозг, извиваясь, пополз по коридору и скрылся за углом.

— Надо сматываться, — сказал я.

— В спасательный туннель! — крикнула Анжелина.

— А я пролезу в него в своем маскировочном костюме? — спросил я.

— Нет.

— Тогда подождите, я что-нибудь придумаю.

Я стал думать. Быстро думать.

— Так, Анжелина, ты хорошо разбираешься в этом лабиринте коридоров?

— Разумеется.

— Прекрасно. Боливар, вылезай из робота и уступи место маме. Покажи ей, как управлять этой штуковиной, и отправляйся со всеми остальными. Мы потом сами тебя найдем.

— Как здорово! — расцвела Анжелина. — А то мои ноги совсем устали. Джеймс, покажи брату, куда идти. Встретимся позже. Отрежьте от этой туши пару кусков мяса. У нас сегодня на обед будут гости.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил я.

— Адмиралов. Мы освободим их при помощи твоего оружия, а я проведу их подземными туннелями.

Все согласились с этим планом. В семье ди Гризов долго не думают, а силайрины научились быстро принимать решения, сражаясь с противником. Со стены сорвали гобелен, за которым открылась потайная дверь. Как это чужаки не заметили, что происходит у них под самым носом, или нюхательным щупальцем, или как это у них там называется? Боливар и Джеймс скрылись в проеме, а за ними туда ринулись наши союзники, громко крича «Скадан! Скадан!».

— Как тут уютно, — сказала Анжелина, залезая в корпус робота. — Здесь есть замкнутая радиосеть?

— Да. Цепь номер четырнадцать. Переключатель рядом с твоей правой рукой.

— Нашла! — Ее голос раздался рядом с моим ухом. — Ты иди впереди, а я буду указывать тебе дорогу.

— Слушаю и повинуюсь.

Я выскочил в коридор, а робот последовал за мной. Отрубленного хвоста нигде не было видно. Я несколько раз ударил по металлической двери, пока ее не заклинило. Это задержит преследователей и собьет их с толку.

Путешествие по металлическому городу было долгим и на редкость скучным. Чужаки слабо разбирались в планировании и лишь добавили незначительные постройки к уже существующим. Сырые извилистые коридоры, где с потолков капала вода, сменялись металлическими площадками под открытым небом. Иногда коридоры использовались как стоки воды, и я плыл по ним, активно работая хвостом. Робот был слишком тяжелый, и ему приходилось передвигаться по дну. Мы проходили через склады, фабрики — вы можете себе представить тысячу крокодилоподобных существ, работающих отбойным молотком? — спальные и другие помещения. И везде было полно всяких монстров, которые радостно приветствовали меня. Я махал им рукой, бормоча себе под нос проклятия.

— Все это мне уже порядком надоело, — признался я Анжелине по цепи замкнутой связи.

— Терпение, мой герой. Мы уже почти у цели. Осталось всего несколько километров.

Вскоре мы заметили стену, которую охраняли вооруженные пиками зубастые монстры. При виде меня они восторженно зашумели и стали стучать пиками о землю.

— Джим! Джим! — кричали они. — Да здравствует Гештункин! Добро пожаловать к нам!

Судя по всему, все они видели вечерние новости, и я произвел на них неизгладимое впечатление. Я поднял лапы и подождал, пока стихнет шум.

— Спасибо! Спасибо! — завопил я. — Как я рад, что сражаюсь бок о бок с такими тошнотворными тварями, как вы! — Падкие на лесть монстры зашумели еще больше. — За время моего короткого пребывания здесь я видел немало уродливых, омерзительных и жутких тварей, но вы уродливейшие, омерзительнейшие и жутчайшие из всех. — Подождав, пока стихнут восторженные крики, я перешел к делу: — Мы на Гештункине видели только один корабль с бледными двуногими. Естественно, мы сразу же разорвали их на куски. Как я понял, у вас тут целый спутник. Не так ли?

— Именно так, Джим Скользкий, — ответил, брызгая слюной, один из них.

Теперь я разглядел у него на голове золотые изображения комет и понял, что это какой-то важный чин. Я обратился к нему:

— Это хорошая новость. Они здесь?

— Да, здесь.

— А нет ли у вас какого-нибудь ненужного бледнокожего, которого я бы мог сожрать?

— Я бы с удовольствием отдал его такому красавчику, как ты, но увы... Все они нужны для получения информации. К тому же список желающих расправиться с ними после этого уже полон.

— Жаль, конечно. Может, мне хотя бы удастся посмотреть на них? Надо знать противника в лицо.

— Только отсюда. Без пропуска к ним нельзя. Просунь глаза через решетку и полюбуйся на них.

В одном из моих фальшивых глаз была вмонтирована телекамера, и я просунул отросток с этим глазом через решетку. Они действительно были там. Изможденные, с седыми бородами, они бродили по тюремной камере. Некоторые лежали на полу. Адмиральская форма превратилась в лохмотья. Хоть они и адмиралы, но мне их стало жалко. И адмиралы когда-то были обычными людьми. Их надо освободить!

— Спасибо, — поблагодарил я. — Я обязательно доложу Совету о вашей любезности.

Я помахал им лапой и пошел прочь. В ответ они замахали своими щупальцами. Они напоминали мне стаю взбесившихся осьминогов.

— Я в отчаянии, — сообщил я своей жене-роботу, когда мы завернули за угол. — Их оттуда не вытащить!

— Выше голову! — передала мне по радио Анжелина. — Спускайся по ступенькам. Мы проберемся к ним снизу.

— Умница! — Я ласково похлопал когтистой лапой по ее металлическому плечу. — Это то, что надо. Но как узнать, что мы под ними?

— Мы узнаем. Пока ты толкал политическую речь перед этими монстрами, я прикрепила к стене ультраволновый сигнализатор.

— Конечно! Ты это еще раньше придумала! А то я чуть не позеленел от зависти. Но все равно я доволен находчивостью моей женушки.

— Если это так, то не стоит говорить об этом в таком пренебрежительном тоне. Женщины вообще умнее мужчин.

— Признаю свою вину, о мой робот! Веди меня, и я последую за тобой.

Мы спустились по скользким ступенькам в кромешную тьму. Прекрасно, значит, здесь никого нет. Анжелина включила пару прожекторов, и мы увидели перед собой массивную дверь.

— Можешь проделать в ней дыру? — спросила она, высунув голову наружу, чтобы немного подышать воздухом.

— Подожди. Проверь своими детекторами, нет ли там сигнализации.

— Полным-полно, — ответила она, тщательно проведя детектором по поверхности двери. — По крайней мере, двенадцать сигнальных устройств. Отключить их?

— Не стоит. Просканируй эту стену. Если она чистая, мы пройдем через нее.

Так мы и сделали. Тупоголовые чужаки. Мое мнение об их умственном коэффициенте упало еще на несколько пунктов.

— Так вот почему они так охраняют это место! — воскликнула Анжелина, освещая подвал своими прожекторами.

— Городская казна! — присвистнул я. — Надо будет еще сюда вернуться.

Повсюду валялись награбленные богатства из многих миров. Слитки золота и платины, бриллианты, всевозможные монеты и банкноты. Да на эти деньги можно построить целый банк! Не в силах противиться своим преступным инстинктам, я разорвал мешок с золотыми монетами и принялся валяться в деньгах.

— Я знаю, тебя всегда это успокаивает, — снисходительно сказала Анжелина. — Но ты не забыл, что мы еще должны спасти адмиралов?

— Нет, конечно. Веди меня. Теперь я чувствую себя помолодевшим.

Она включила свой ультраволновый приемник и пошла по направлению стрелки. Взломав несколько дверей и пробив пару стен, мы оказались на месте.

— Мы прямо под сигнализатором, — объявила Анжелина.

— Отлично. — Я осмотрелся. — Здесь должна быть охраняемая стена, а здесь — пленники. — Я тщательно измерил расстояние. — Электродрель готова?

— Жужжит от нетерпения.

— Вот здесь. Принимайся за работу.

Протянув руку с укрепленной на ней дрелью, она принялась сверлить ржавый потолок. Когда звук изменился, Анжелина вы-

ключила прожекторы и уменьшила обороты дрели. Через некоторое время она опустила руку, и через дырку в потолке пробился луч света. Мы молча ждали тревоги, но все было тихо.

— Дай-ка я сам посмотрю, — сказал я.

Стоя на кончиках пальцев и хвоста, я просунул в дырку отросток с глазом. Просканировав все на триста шестьдесят градусов, я убрал отросток.

— Отлично. Вокруг полно всякого хлама, никто из адмиралов не смотрит в нашу сторону, а охранников не видно. Дай мне молекулярный расщепитель и отойди в сторону.

Я вылез из своего костюма, встал на него и легко дотянулся до потолка. Молекулярный расщепитель — это такое приспособление, которое уменьшает связывающую способность молекул и превращает их в мономолекулярный порошок. Я вырезал в потолке круглую дыру, стараясь не чихать от летевшей во все стороны пыли. Взяв вырезанный диск, я передал его Анжелине, аккуратно просунул голову в отверстие и огляделся по сторонам. Все в порядке. Прямо передо мной сидел приунывший адмирал. Я решил немного поднять его боевой дух.

— Эй, адмирал, — прошептал я, и он повернулся в мою сторону.

Его глаза округлились, а искусственная челюсть чуть не выпала, когда он увидел перед собой голову без тела.

— Тихо, я пришел спасти вас. Понятно? Кивните головой.

Зря я доверял адмиралам. Он не только кивнул головой, но и вскочил на ноги, заорав во все горло:

— Охрана! На помощь! Нас хотят спасти!

Глава 9

Я и не ждал благодарности, особенно от офицера, но это было выше всякого понимания. Пролететь тысячи световых лет через всевозможные опасности, вытерпеть омерзительные объятия Гар-Бэя, чтобы спасти побитых молью адмиралов, первый из которых тут же выдал меня охране. Это уж слишком.

Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Стальная Крыса всегда начеку. Мой пистолет с иголками был наготове на случай появления охранников, но я мог использовать его и против пленников. Я переставил защелку с «яда» на «сон» — надо сказать, это потребовало от меня большого усилия воли, — и всадил стальную иглу адмиралу в шею. Он шлепнулся на пол, растопырив руки, будто в последний момент захотел обнять своего спасителя.

Я замер, вернее, окаменел, когда увидел его запястья.

— Что случилось? — раздался снизу шепот Анжелины.

— Ничего хорошего, — прошипел я в ответ. — Тихо!

Я опустил голову пониже, чтобы среди поломанных стульев, пустых жестянок от еды и другого мусора ее не было видно. Услышали ли охранники шум? Но остальные пленники точно услышали. Два дряхлых адмирала подошли к распростертому телу товарища.

— Что с ним такое? Припадок? — спросил один из них. — Ты слышал, что он кричал?

— Не совсем. Я выключил свой слуховой аппарат, чтобы не садилась батарейка. Нечто вроде «Хахана! Аромащь! Гас патят хахитеть!»

— Бессмыслица. Может, это что-то означает на его родном языке?

— Нет. Старый Шимсчах с Дешника, но в дешниканском языке нет таких слов.

— Давай перевернем его и посмотрим, дышит ли он еще.

Так они и сделали. Я одобрительно кивнул, увидев, что, как только они повернули тело, иголка выпала из шеи старого Шимсчаха. Улика уничтожена, а Шимсчах придет в себя не раньше чем через два часа. У меня будет достаточно времени. Планы уже роились в моей голове.

Опустившись вниз, я схватил металлический диск, помазал его края лепак-клеем — крепче всякой сварки — и поставил его на место. Клей мгновенно затвердел, и дыра в потолке исчезла. Тогда я спрыгнул на пол и тяжело вздохнул.

— Анжелина, будь так любезна, включи свой прожектор и достань бутылку самого лучшего виски.

Зажегся свет, в моей руке оказался стакан, и Анжелина терпеливо ждала, когда я поднесу его к губам. Затем спросила:

— Может, теперь ты поведаешь своей жене, что, черт возьми, там произошло?

— Извини, свет моей жизни. Случилось нечто непредвиденное. — Я опустошил стакан. — Все началось, когда я шепотом обратился к ближайшему адмиралу. Он взглянул на меня и принялся звать охранников. Пришлось в него выстрелить.

— Одним меньше, — удовлетворенно заметила Анжелина.

— Не совсем. Я выстрелил в него усыпляющей иглой. Никто не понял, что он сказал, меня не заметили, и дыра в потолке заделана. Но не это меня беспокоит.

— Я знаю, что ты еще не пьян, но в твоих словах отсутствует ясность.

— Извини. Все дело в адмирале. Когда он упал, я увидел на его запястьях тонкие красные полоски, похожие на шрамы.

— Ну и что? — удивленно спросила Анжелина и вдруг побледнела. — Нет, это просто невозможно.

Я нахмурился и медленно кивнул.

— Серые люди. Их почерк я узнаю где угодно.

Серые люди. По спине у меня пробежали мурашки, что со мной случается крайне редко. Я могу храбро и стойко сражаться против любой физической угрозы, но, как и все вы, ненавижу вмешательство в мое серое вещество. У мозга нет защиты. Стоит воткнуть

электрод в центр удовольствий мозга подопытного животного, как оно будет нажимать на кнопку, посылающую электрический разряд, до тех пор, пока не умрет от голода или жажды. Умрет счастливой смертью.

Несколько лет назад, улаживая один межпланетный конфликт, я оказался в роли такого подопытного животного. Меня поймали, связали, а затем отрезали кисти рук. Я тогда потерял сознание, а когда очнулся, кисти снова были на месте. Только на запястьях остались такие же тонкие шрамы, какие я видел у адмирала.

Но руки мои на самом деле никто не отрезал. Эту картину внушили мне подсознательно. Но я чувствовал, будто это действительно случилось со мной вместе с другими отвратительными вещами, о которых лучше не вспоминать.

— Здесь должны быть серые люди, — сказал я. — Они заодно с чужаками. Неудивительно, что они подчинили себе адмиралов. Привыкшие к приказам и суровой дисциплине, они представляют собой прекрасные объекты для промывания мозгов.

— Ты прав. Но разве это возможно? Чужаки ненавидят людей и никогда бы не стали сотрудничать с серыми людьми. Какими бы противными они ни были, они все равно люди.

Как только она произнесла эти слова, я сразу же все понял. Улыбнувшись, я обнял и поцеловал ее, что принесло удовольствие нам обоим. Затем я отстранил Анжелину, ибо ее близость мешала мне сосредоточиться.

— Послушай внимательно, любовь моя. Похоже, я придумал, как распутать этот клубок. Не все еще ясно, но я знаю, что должна сделать ты. Не могла бы ты привести сюда ребят и толпу силайринов? Надо пробраться наверх, перестрелять охрану, усыпить адмиралов и унести их отсюда.

— Все это возможно, но слишком опасно. Как мы освободим их из тюрьмы?

— Я позабочусь об этом. Если на всей планете начнется страшная неразбериха и никто не будет знать, чьи приказы выполнять, — это не облегчит твою работу?

— Разумеется, это упростит задачу. Что ты собираешься предпринять?

— Если я тебе скажу, ты запретишь мне ввязываться в это опасное дело. Скажу только, что это надо сделать, и только я способен на это. Я снова залезу в свой костюм чужака, а у тебя будет два часа, чтобы собрать свое войско. Как только начнется неразбериха, приступай к действиям. Отведи всех в какое-нибудь безопасное место, желательно возле космодрома. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Пусть меня ждет проводник. Только не дольше двух часов. Именно столько времени мне нужно, чтобы осуществить свой план. Проблем не должно быть. Но если они все же возникнут и я не вернусь вовремя, пусть он сразу возвращается к тебе. Как ты знаешь, я сам могу о себе позаботиться. Мы не можем рисковать всей операцией из-за одного человека. Вернется проводник со

мной или без меня — уходите. Захватите звездолет и улетайте с этой планеты.

— И все же я надеюсь на твое возвращение. — Анжелина грустно поцеловала меня. — Ты так и не признаешься, что задумал?

— Нет. Если я тебе начну об этом рассказывать, то могу и сам передумать. Мне надо сделать всего три вещи. Обнаружить серых людей, выдать их нашим друзьям чужакам, а затем вовремя смыться.

— Думаю, тебе это удастся. Надеюсь, ты справишься со всеми тремя пунктами. Особенно с последним.

Мы залезли в свои маскировочные костюмы и быстро разошлись. Анжелина направилась в нужную ей сторону, а я — в противоположную. Я думал, что хорошо запомнил дорогу, но, наверное, где-то повернул не в ту сторону. Пытаясь выбраться на верхний уровень, я провалился через ржавый пол в какое-то подземное озеро или водохранилище. Мне пришлось немало поработать хвостом в полной темноте. Вскоре я наткнулся на стену. Выход тут был явно не предусмотрен, но я исправил это обстоятельство следующим образом. Сбросив из-под хвоста гранату, я ударом лапы направил ее в стену. Она с грохотом взорвалась, и через пролом я увидел свет. Ко мне уже спешил патруль чужаков, чтобы узнать, что произошло.

— Ох! Помогите, пожалуйста! — застонал я, раскачиваясь из стороны в сторону и держась лапами за голову.

К счастью, патрульный офицер тоже смотрел новости по телевизору.

— Красавчик Джим? Что с тобой? — взволнованно закричал он, показав пять тысяч гнилых зубов и два метра пурпурной глотки.

— Предательство! Среди нас предатели! — завопил я. — Передайте своему командиру, чтобы немедленно созвали Военный Совет. И пусть меня туда отнесут.

Они исполнили это немедленно, обхватив меня сотнями щупалец с присосками. Таким образом я отдохнул и сэкономил энергию аккумуляторов. Наконец они опустили меня возле двери в конференц-зал.

— Все вы — омерзительные ребята, и я вас никогда не забуду, — пообещал я.

Они радостно закричали, хлопая по полу мокрыми щупальцами.

Я ворвался в зал с криком:

— Предательство! Измена!

— Займите свое место и сделайте свое заявление по всем правилам, — сказал секретарь.

Но чудище, напоминавшее фиолетового кита, страдающего геморроем, отнеслось ко мне с большим сочувствием.

— Скользкий Джим, ты взволнован. Мы слышали, что в твоих апартаментах произошло сражение. От славного Гар-Бэя остался один хвост, который почти ничего не может рассказать. Может, ты объяснишь, что там произошло?

— Конечно. Я все расскажу, если секретарь даст мне слово.

— Ну ладно, — хмуро прогнусавил секретарь, с каждой секундой становясь все больше и больше похожим на раздавленную лягушку. — Заседание считаю открытым. Слово имеет Скользкий Джим.

— Вот в чем дело, — сообщил я притихшим тварям из Военного Совета. — У нас, гештункинцев, есть масса разных достоинств. Не считая сексапильности, конечно. — Последовала шумная овация, восторженное хлюпанье и чавканье. — Спасибо, спасибо. И вам того же. Так вот, что касается запахов... Сядь на место, я знаю, что от меня приятно пахнет. Мы наделены тончайшим обонянием. И, как я уже говорил, именно это обстоятельство привело меня к мысли, что на этой планете что-то не так. Я нюхал и нюхал, пока не вынюхал людей!

Среди воплей ужаса я различил выкрики: «Силайрины!» — и отрицательно покачал головой.

— Нет, это не силайрины. Не местные обитатели планеты. Я сразу же обнаружил их, но от них нет никакого вреда, и я уверен, что карательный корпус позаботится о них. Я имею в виду людей, проникших в наши ряды.

Всполошившись, твари кричали и визжали, пока я приводил в порядок свои когти при помощи пилочки. Затем я поднял лапы вверх, призывая к тишине, и шум мгновенно стих. Все глаза — большие и маленькие, красные и зеленые — смотрели на меня.

— Да. Они среди нас. Люди. Делают все возможное, чтобы выиграть эту войну. И одного из них я вам покажу! Прямо сейчас!

Моторы в моих задних лапах загудели, когда я прыгнул, пролетев по воздуху метров двадцать. Это был изящный прыжок. Я со страшным грохотом приземлился прямо на стол секретаря. Схватив когтями за шиворот, я поднял его в воздух. Он брыкался, пытаясь вырваться.

— Ты с ума сошел! Отпусти меня! Я такой же, как и ты!

Именно этого я и ждал. Пока у меня в голове были одни лишь догадки. Если здесь действительно присутствовали серые люди, то они были замаскированы под чужаков, а единственной тварью с четырьмя конечностями, кроме меня, был секретарь. Для чужака он был слишком организован. И когда он заговорил, все мои сомнения рассеялись. Издав торжествующий крик, я вонзил только что отточенные когти в его горло.

Он хрипло заорал, и во все стороны брызнула черная жидкость.

Я сглотнул и на какое-то мгновение растерялся. Может, я ошибся? Может, я собирался разорвать секретаря Военного Совета в присутствии высших командных чинов? Вряд ли им это понравится. Нет! Мои сомнения длились всего лишь секунду, а потом я принялся за дело. Ошибки быть не могло. Проведя острым когтем по шее секретаря, я оторвал ему голову.

Воцарилась мертвая тишина, когда голова шмякнулась о пол. Затем послышался всеобщий вздох.

Внутри первой головы находилась вторая. Маленькая лысая человеческая голова. Секретарь был серым человеком!

Если все члены Совета застыли, охваченные ужасом, то серый человек не растерялся. Выхватив пистолет из жаберной щели, он направил его на меня. Разумеется, я этого ждал и выбил пистолет у него из рук. Но когда, выхватив из другой жабры микрофон, он принялся что-то кричать туда на непонятном языке, я слегка замешкался.

Я не стал спешить, потому что именно это было мне и нужно. Дав ему время, чтобы передать свое сообщение, я выхватил у него микрофон. Тут он пнул меня ногой в живот, и я, сложившись пополам, рухнул на пол. Открыв потайной ход, он быстро скрылся внутри.

Придя в себя, я отмахнулся от предложенной помощи.

— Не беспокойтесь обо мне, — прохрипел я. — У меня смертельная рана. Отомстите за меня! Арестуйте всех черных лягушек, похожих на секретаря. Не дайте им скрыться. Быстрее!

Я тут же откатился в сторону, чтобы меня никто не раздавил. На всякий случай, если кто-нибудь наблюдал за мной, я слегка побился в конвульсиях и, прикрыв глаза, осмотрелся. Зал был пуст.

Только тогда я открыл потайной ход и последовал за серым человеком.

Вы спросите меня, откуда я знал, куда идти? С удовольствием отвечу. Во время схватки я прицепил к его костюму маленький генератор нейтрино. Частички нейтрино могут беспрепятственно проходить через толщу планеты. Так что металлические конструкции города абсолютно не влияли на прохождение сигнала. Стоит ли говорить, что детектор нейтрино находился в кончике моего носа. Я никогда не отправлялся на задание без полной экипировки.

Светящаяся стрелка указывала вперед и вниз. Я направился вперед и вниз. Мне хотелось узнать, чем занимались серые люди на этой планете. Беглец должен привести меня прямо в их логово. Мне повезло. Он привел меня прямо к их кораблю. Увидев впереди свет, я замедлил шаг, оставаясь в затемненном туннеле, и принялся разглядывать огромное куполообразное сооружение. В центре стоял звездолет темно-серого цвета. Со всех сторон к нему спешили серые люди. Некоторые уже сбросили свои маскировочные костюмы, а другие шлепали в своих нарядах чужаков. Крысы, покидающие тонущий корабль. И все это благодаря мне. Теперь на планете царит паника, значит, Анжелина уже начала операцию по спасению адмиралов. Все шло по плану.

Хотя я и не думал, что обнаружу их корабль, но, глядя на их поспешное бегство, я решил, что не стоит упускать такую возможность. Но как узнать, куда он полетит? Существует множество приспособлений, которые можно легко прицепить к кораблю и следить за его передвижениями. Но ни одного из них у меня при себе не было. Тут я дал маху. Впрочем, самый маленький детектор такого типа весит около девяноста килограммов. Что же делать?

Я принял решение в тот момент, когда сверху на меня упала металлическая сетка и серые люди облепили меня со всех сторон.

Я мужественно сражался, но кто-то ударил меня по голове железной трубой. Я не смог увернуться, и моя фальшивая голова треснула.

А через секунду мне показалось, что треснула и моя собственная.

Глава 10

Я проснулся, почувствовав, что задыхаюсь. Я ослеп, оглох и не мог двигаться. Голова раскалывалась от невыносимой боли. Я немного подергался, но бросил это бесполезное занятие, потому что голова разболелась еще сильнее.

Понемногу охватившая меня паника исчезла, и я попытался оценить ситуацию. Прежде всего, я на самом деле не задыхался, а просто уткнулся лицом в мягкую ткань. Слегка повернув голову, я вздохнул полной грудью.

Так что же произошло? Несмотря на пульсирующую боль в черепе, ко мне вернулась память. Серые люди! Они поймали меня в сеть и били по голове до тех пор, пока я не потерял сознание. После этого — темнота. А что потом? Где они меня держат?

Осуществив это путешествие по лабиринтам памяти, я понял, где нахожусь. Меня оглушили и оставили в костюме чужака. И я до сих пор нахожусь внутри своего маскировочного наряда. Мои руки внутри механических рук, которые были прочно связаны. Пошевелившись — хотя это движение отозвалось резкой болью в голове, — я сумел высвободить правую руку. Я отодвинул пластиковые складки, которые давили мне на лицо, и понял, что моя голова соскользнула в шею костюма. Подергавшись еще немного, я сумел поднять голову до оптического устройства и посмотреть на металлический пол. Очень интересно. Я постарался освободить вторую руку и ноги, но из этой затеи ничего не вышло. Все это было крайне неприятно, я хотел пить, а голова раскалывалась от боли.

Хорошо, что я оказался предусмотрительным и установил дополнительный резервуар с водой рядом с основным. Нащупав губами трубку, я выпил немного воды, а потом, включив языком подачу виски, влил в себя порцию спасительного напитка. Это быстро меня взбодрило, и, хотя в голове продолжали стучать молоточки, я уже не обращал на них внимания. Теперь, по крайней мере, я мог манипулировать глазами. С трудом мне удалось высунуть один оптический отросток и повернуть его на триста шестьдесят градусов.

Интересное зрелище. Я сразу же понял, почему не могу двигаться. Тяжелые цепи, связывавшие меня, были намертво приварены к полу. Это значительно уменьшало мои шансы на освобождение. Я находился в небольшом помещении без мебели с куполообразным

потолком. Это что-то напоминало мне, и глоток виски освежил мою память.

Космический корабль. Космический корабль, последнее, что я увидел перед тем, как потерять сознание. Корабль серых людей, летевший в космосе. Я прекрасно знал, куда он летит, но не хотел думать об этом, чтобы не впадать в депрессию. Сначала надо ответить на один вопрос. Почему они связали меня в костюме чужака?

— Да потому что, идиот, они не знали, что это всего лишь маскировочный костюм! — закричал я.

И тут же пожалел об этом, потому что моя голова чуть не взорвалась от боли.

Но это действительно было так. Костюм чужака был слишком хорош, чтобы заподозрить подделку. Когда серые люди набросились на меня, они понятия не имели, кто я такой на самом деле. Они приняли меня за обычное чудище. Наверное, они очень спешили — цепи были приварены к полу кое-как. Они спешили покинуть планету, пока их не разорвали на части миллионы слизких чужаков. Поэтому они закинули меня на корабль, опутали цепями и стартовали в неизвестном мне направлении, надеясь разобраться со мной позже.

— Ура! — прошептал я. Затем принялся выбираться из костюма.

Нелегкая работенка, но все же мне это удалось, и я вылез через разрез на груди, как мотылек из куколки. Потянувшись и похрустев суставами, я почувствовал себя гораздо лучше. И совсем обрадовался, когда вытащил из костюма свой пистолет. Теперь, стоя на металлической палубе, я чувствовал вибрацию. Корабль летел в космосе в неизвестном мне направлении. Освободившись от оков, с пистолетом в руке, я мог посмотреть в глаза правде. Десять к одному, что мы летели домой. На планету серых людей.

Не совсем приятная перспектива, но у меня были шансы улучшить ее. До того, как мы приземлимся и меня придут проведать. Сейчас они, наверное, устали после такого спешного побега и совсем потеряли бдительность. То, что я хотел сделать, надо было делать немедленно. В этом я не сомневался. Я поставил переключатель на пистолете со «взрыва» на «яд», а потом на «сон». Хотя я и был уверен, что серые люди заслуживают смерти, я не мог хладнокровно убивать их. Хватит и того, что я их выведу из строя на время. Если я захвачу корабль, я смогу их всех изолировать. Если же мне не повезет, число оставшихся не будет иметь значения.

— Вперед, Скользкий Джим, спаситель Человечества, — подбодрил себя я.

И тут же с отчаянием обнаружил, что дверь намертво закрыта. Конечно, здесь нужен термит, как же я мог об этом забыть. Я направился к своему маскировочному одеянию. Все системы еще работали, и из-под хвоста выпала граната. Всего лишь пару секунд мне понадобилось на то, чтобы прикрепить гранату к замку. Она замечательно рванула, проделав дыру в двери и наполнив комнату

густым, едким дымом. Я не закашлялся лишь потому, что вовремя схватил себя за горло и сжал пальцами кадык.

Отдуваясь, пыхтя и багровея, я пнул ногой дверь. И тут же нырнул в коридор, где упал на пол, целясь во все стороны из пистолета. Ничего. Пустой коридор, к тому же плохо освещенный. Затем я прикрыл дверь дулом пистолета. Вызвать подозрения могли только небольшие выпуклости возле замка. Пока дверь закрыта, время работает на меня.

Куда теперь? На дверях были номера, и, как на любом звездолете, они уменьшались в сторону носа, где размещался центр управления кораблем. Туда я и направился, как вдруг одна из дверей открылась, и оттуда вышел серый человек. Он вытаращил глаза и открыл рот, чтобы позвать на помощь. Но игла из моего пистолета вонзилась ему в горло, и он хлопнулся на палубу. Я прижался к стене, готовый к любым неожиданностям, но коридор был пуст. Пока мне везло.

Но куда деть тело? Решение созрело через секунду. Я приоткрыл ближайшую дверь и заглянул внутрь. Судя по всему, это было спальное помещение. Там, храпя наперебой, спали двенадцать серых людей. Их сон стал еще крепче, когда я выпустил в каждого по иголке. Притащив из коридора первого спящего красавца, я швырнул его на кучу маскировочных костюмов.

— Приятных снов, — пожелал я им, закрывая дверь. — У вас был тяжелый день, но я обещаю, что все ваши трудности еще впереди.

Судя по всему, я недолго находился в бессознательном состоянии. Сваленные в кучу костюмы и спавшие серые люди указывали на то, что мы недолго находимся в космосе. Несколько человек управляли кораблем, остальные безмятежно спали. Может, найти бодрствовавших и тоже уложить спать? Нет, слишком опасно. Неизвестно, сколько их вообще на корабле. К тому же в любую секунду меня могли обнаружить и поднять тревогу. Лучше всего захватить капитанскую рубку. Отрезать ее от остальной части корабля, направиться к ближайшей станции Лиги и позвать на помощь. Если мне удастся сообщить о своем местонахождении, я смогу остановить корабль и дождаться прибытия подмоги. Прекрасная идея. Надо воплотить ее в жизнь.

С пистолетом в руке я крался по коридору к командирской рубке. Проходя мимо двери с надписью: «Радиорубка», я открыл ее и пожелал спокойной ночи радисту. Он уткнулся носом в панель передатчика. И тут же заснул. Передо мной была последняя дверь. Я сделал глубокий вдох. С тыла и флангов мне ничего не угрожало. Медленно выдохнув, я открыл дверь.

Больше всего я опасался перестрелки, ведь шансы на победу у меня были невелики. Зайдя в командирскую рубку, я тихо закрыл за собой дверь и огляделся по сторонам. Четыре человека. И все заняты работой. Прямо передо мной маячили два затылка, и я вонзил в них по иголке. Владельцы затылков тут же расслабились. Я осторожно шагнул вперед. Человек, сидевший на месте главного инженера, повернул голову, и тут же получил за это иглу в шею. Оставался последний. Командир. Я не стал его усыплять, потому что хотел с ним поговорить. Засунув пистолет за пояс, я на цыпочках приблизился,

В последний момент он обернулся, но было уже поздно. Я сомкнул пальцы на его шее. Его глаза вылезли из орбит, и он еще несколько секунд подрыгал ногами, прежде чем потерять сознание.

— Шестнадцать — ноль в пользу хороших парней, — удовлетворенно заметил я и сплясал боевой танец. — Но сначала закончи дело, а потом веселись, идиот!

Я был прав. Как всегда, я давал себе полезные советы. Порывшись в ящике, я выудил оттуда моток проволоки и крепко связал руки и ноги командиру. Затем привязал его к трубе подальше от пульта управления. Уложив остальных членов экипажа в ряд, я отстучал пару вопросов компьютеру.

Это был чудесный компьютер, который изо всех сил старался мне понравиться. Сначала он сообщил мне курс и конечную точку полета. Я запомнил эти данные, а для верности записал их на ладони. Если корабль летел туда, куда я предполагал, это должна быть планета серых людей. Специальный Корпус давно уже хотел узнать, где она находится. Что ж, Инскипп получит от меня массу полезных сведений. Затем я запросил координаты ближайшей базы Лиги, установил нужный курс и расслабился.

— Два часа, Джим, всего два часа. Потом мы выйдем из искривленного пространства и окажемся возле базы. Одно коротенькое сообщение — и серым людям конец. Гип-гип — ура!

Затылком я почувствовал на себе взгляд. Обернувшись, я увидел, что командир пришел в себя и смотрел в мою сторону.

— Ты слышал это? — спросил я. — Или тебе повторить?

— Я слышал, — ответил он бесстрастным голосом.

На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Вот и хорошо. Меня зовут Джим ди Гриз.

Он молчал.

— Ну, давай, как тебя зовут? Или мне посмотреть на твой ошейник?

— Я — Ком. Твое имя нам известно. Ты и раньше вмешивался в наши дела. Мы уничтожим тебя.

— Рад слышать, что моя репутация идет впереди меня. Но не кажется ли тебе, что это пустая угроза?

— Каким образом ты обнаружил наше присутствие? — спросил Ком, проигнорировав вопрос.

— Уж если ты так хочешь знать, вы сами себя выдали. Возможно, вы и мастера на всякие гадости, но у вас убогое воображение. Ваш фокус с отрезанными руками работает безотказно — уж я-то знаю! — поэтому вы и зациклились на нем. Я видел шрамы на запястьях у одного адмирала.

— Ты один?

Кто кого допрашивал? Но, учитывая свое преимущество, я мог позволить себе быть вежливым.

— Сейчас я один. Но через пару часов здесь будет полным-полно представителей Лиги. На планете нас было четверо. Всем остальным, я надеюсь, удалось бежать, прихватив адмиралов, с которыми вы так нехорошо поступили. Они расскажут о том, что с ними произошло, и, будьте уверены, вас ожидает теплый прием. Вы и ваши люди ведете себя довольно гадко.

— Ты говоришь правду?

Мое терпение лопнуло, и я сказал ему пару теплых слов, каких ему до сих пор еще не доводилось слышать. Надеюсь.

— Ком, друг мой. Ты разозлил меня. Мне нет смысла тебе лгать, ведь у меня на руках все козыри. А теперь заткнись, и я сам задам тебе пару вопросов, на которые я жажду получить ответы. Ты готов?

— Нет.

Я удивленно посмотрел на него. Впервые за все время он повысил голос. Нет, он не закричал, и тон был не злобный. Он просто сказал «нет» твердым командирским голосом.

— Пора заканчивать этот фарс. Мы узнали все, что хотели. Можете заходить.

Это был самый настоящий кошмар. Двери распахнулись, и в рубку стали заходить серые люди. Я стал в них стрелять, но они все шли и шли. Трое лежавших офицеров поднялись с пола и тоже направились ко мне. Я истратил все иглы, я швырнул в них пистолет и попытался удрать.

Но они схватили меня.

Глава 11

Хотя я и специалист по рукопашному бою и знаю массу запрещенных приемов, всему есть предел. Особенно если противникам нет числа. Хуже всего то, что они совершенно не умели драться. Они просто висли на мне. Этого было достаточно. Я сбил с ног первых двух, потом еще трех, уложил еще пару человек, но они продолжали наступать. Честно говоря, мне это уже порядком надоело. В конце концов они просто навалились на меня всем скопом, и на этом все закончилось. Сковав мне руки и ноги, они бросили меня на пол. Офицеры заняли свои места. Я хмуро смотрел, как они снова ввели в компьютер прежний курс. Покончив с этим, Ком повернулся ко мне.

— Ты обманул меня, — сказал я.

Не совсем удачная реплика, но как-то надо завязать разговор.

— Конечно.

Трудно обвинить серых людей в многословии. Они никогда не скажут лишнего слова. Но я продолжал гнуть свою линию. Меня

охватила легкая паника, потому что теперь я попал в ловушку и не видел никакого выхода.

— А зачем ты это сделал? Скажешь?

— Я полагаю, что это очевидно. Мы, разумеется, могли бы применить к тебе нашу стандартную процедуру мозгового контроля, как мы вначале и планировали. Но мы хотели срочно получить ответы на некоторые интересовавшие нас вопросы. Несколько лет мы работали среди чужаков, и они ничего не заподозрили. Мы желали узнать, каким образом ты обнаружил наше присутствие. Дело в том, что у нас есть технологии психоконтроля для любых жизненных форм. Когда мы готовили мозговые датчики, мы и узнали твою истинную личность. В природе ведь не существует металлических черепов. Мы поняли, что это всего лишь твой маскировочный костюм. Твое лицо слишком было похоже на лицо человека, за которым мы охотимся много лет. Именно тогда я решил пойти на хитрость. Если ты — тот, которого мы ищем, тебе никогда в голову не придет, что тебя могут обмануть.

— Твоя мать никогда не встречалась с твоим отцом, — огрызнулся я.

Никудышный ответ, но ничего лучше я пока не мог сказать. Потому что знал — Ком прав. Меня обвели вокруг пальца как простака.

— Я знал, что, если ты будешь считать, что у тебя на руках все карты, ты ответишь на все вопросы. Иначе, чтобы получить на них ответы, нам бы понадобилось несколько дней. А на это у нас не было времени. Поэтому мы разыграли эту комедию. Твой пистолет был заряжен стерильными иглами. Все хорошо сыграли свои роли. А ты — лучше всех.

— Считаешь себя слишком умным?

Это все, что я смог ответить. Меня охватило отчаяние.

— Я действительно умный. Много лет я являюсь организатором всех наших операций, и только два раза они провалились. И оба раза по твоей вине. Теперь, когда мы поймали тебя, никто не сможет помешать нам.

Жестом он приказал своим людям поднять меня с пола.

— Держите его взаперти, пока мы не прилетим. У меня больше нет желания с ним разговаривать.

Деморализованный... Раньше я не понимал смысла этого слова. Лишенный способности двигаться, охваченный тяжелейшей депрессией и отчаянием. Это кого угодно заставит думать о самоубийстве. Но только не меня, конечно. Пока я жив, жива и надежда. Эта мысль лишь углубила мое отчаяние, потому что никакой надежды не было.

Эти люди работали слишком старательно. Подвесив меня за руки на крюк, они принялись снимать с меня одежду, обувь и все остальное. Медленно, не спеша. Затем они избавили меня от таких явных вещей, как ножи, гранаты и отмычки. Затем, при помощи флуороскопа и детектора металлов, они забрали у меня то, что

было спрятано гораздо тщательнее. Просветив рентгеном челюсть, они удалили два моих зуба, которые до этого никому обнаружить не удавалось. Когда они закончили, я полегчал на несколько фунтов и чувствовал себя, как новорожденный ребенок. Какое унижение.

Забрав все с собой, меня оставили голым на холодном полу камеры. Который, как я заметил, становился холоднее с каждой минутой. Когда на нем появился иней, я застучал зубами и покрылся гусиной кожей. Я принялся скакать по камере. Это немного согрело меня. Дверь приоткрылась, и охранник просунул ко мне голову.

— Я сейчас умру от холода, — заикаясь, произнес я. — Вы специально понизили температуру. Прекратите эту пытку.

— Мы не используем такие пытки, — почти удивленно ответил он. — Корабль разогрелся при взлете, а теперь он охлаждается до нормальной температуры.

— Я замерзаю. Может, вы и привыкли жить в холодильнике, но я — нет. Дайте мне какую-нибудь одежду или убейте сразу.

В тот момент я действительно так думал. Выжить в таких условиях было невозможно. Охранник немного поразмышлял и удалился. Вернулся он с теплым комбинезоном и четырьмя помощниками. Они сняли с меня оковы и надели комбинезон. Я не стал противиться, потому что один из них засунул мне дуло пистолета прямо в рот. Палец на спусковом крючке побелел от напряжения. Я знал, что в случае чего он не станет долго раздумывать. Я не шевелился, пока на меня надевали комбинезон и натягивали тяжелые башмаки.

Пока меня снова не заковали в кандалы, пистолет оставался в том же месте.

Прошло четыре дня, прежде чем мы достигли конечного пункта нашего путешествия. Мои враги были никудышными собеседниками и не отвечали даже на самые оскорбительные ругательства. Еда была безвкусной, но питательной. Поили меня только водой. Естественные потребности я удовлетворял при помощи горшка, и все это мне смертельно надоело. Какие только планы побега не рождались в моем мозгу. В наручниках, без оружия, я не смог бы захватить корабль, даже если бы мне удалось сбежать. Чего я тоже не мог сделать. К тому времени, когда мы прибыли, я уже почти впал в кому от безысходности и тоски.

— Где мы? — спросил я пришедших за мной охранников. — Давайте, болтуны, говорите. Если вы мне скажете название планеты, никто вас за это не расстреляет. Я ведь все равно никому об этом не расскажу.

Они долго думали, и наконец один из них решился.

— Кеккончихи, — сказал он.

— Будь здоров. Только не вытирай нос рукой. Ха-ха!

Мне пришлось самому смеяться над своей шуткой. Никто меня не поддержал.

Какая ирония судьбы! Я обладал информацией, которая могла навсегда покончить с серыми людьми. Знал название планеты и где

она находится. И не мог передать эту информацию. Если бы я обладал минимальными пси-способностями, через минуту здесь было бы полно солдат Лиги. Но таких способностей у меня нет. Меня не раз подвергали пси-тестированию. Я ничего не мог сделать.

Но теперь я мог занять свой мозг и избавиться от депрессии, угнетавшей меня все эти дни. Наступило время снова подумать о побеге.

Нет, я совсем не сумасшедший. Просто мы наконец прибыли и скоро должны покинуть корабль. Меня отведут в какое-нибудь место, где со мной произойдут не очень хорошие вещи. Я в этом не сомневался. Я еще не знал, что именно со мной произойдет, но понимал, что будет только лучше, если я этого никогда не узнаю. Когда мы выйдем из корабля, какое-то время проведем в пути. Именно тогда я должен действовать. Правда, я понятия не имел, что ждет меня после посадки. Но все равно я должен что-то делать.

Серые люди и не думали создавать мне условия для побега. Я попытался выглядеть равнодушным, когда с меня сняли все цепи и застегнули на шее металлический ошейник. Хотя в тот момент в моих жилах застыла кровь. Тонкий шнур от ошейника шел к металлической коробочке, которую один из охранников держал в руке.

— Можно обойтись без демонстрации, — попытался сказать я самым непринужденным тоном. — Я уже носил такую штуку, и ваш друг Край — помните Края? — довольно долго демонстрировал мне принцип действия ошейника.

— Я могу сделать так, — сказал охранник, дотрагиваясь пальцем до одной из кнопок.

— Мне это уже показывали! — закричал я, пятясь назад. — И слова те же самые. Я знаю, вы никогда не отступаете от правил. Стоит только нажать на кнопку...

Пламя охватило все мое тело. Я ослеп, оглох, чувствуя, как горит моя кожа. Каждый болевой нерв заработал на полную катушку под воздействием нейтральных токов, генерируемых в коробочке. Я знал это, но какая польза от таких знаний? Боль была нестерпимой и, казалось, никогда не прекратится.

Когда все наконец закончилось, я обнаружил, что лежу на полу, не в силах пошевелить и пальцем. Меня подняли на ноги и потащили по коридору. Охранник с коробочкой время от времени толкал меня в спину, чтобы показать, кто тут главный. Я с ним не спорил. Хотя я мог уже ковылять сам, двое серых людей крепко держали меня под руки.

Мне это нравилось. Я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Они были уверены, что я не сбегу.

— Снаружи холодно? — спросил я, когда мы подошли к шлюзовой камере.

Никто не удостоил меня ответом. Однако они надели меховые шапки и рукавицы.

— А как насчет рукавиц для меня?

Меня снова проигнорировали.

Когда дверь шлюзовой камеры распахнулась, я понял, почему они так тепло оделись. Мощный порыв ледяного ветра со снегом ударил мне в лицо. Судя по всему, сейчас далеко не лето. Меня потащили через метель.

Может, это была и не метель, но с неба падали тяжелые хлопья снега. Тусклое солнце освещало снежную белизну ландшафта. Снег, снег и снег, куда ни посмотри. Нет, что-то темное промелькнуло вдали и пропало — каменная стена или какое-нибудь здание. Мы продолжали брести, и я старался не обращать внимания на онемевшие руки и лицо. Нам оставалось пройти еще добрые двести метров. Ноги и тело согрелись, хотя лицо просто заледенело.

Мы были уже на полпути к ожидавшему нас теплому жилищу, когда снова налетел шквальный ветер. За секунду до этого я поскользнулся и упал, потащив за собой одного из охранников. Он не стал жаловаться, хотя и нажал на кнопку, отчего мое тело пронзила острая боль. Так он предупреждал, чтобы в следующий раз я был повнимательней. И все это молча. Я тоже не издал ни звука. Потому что в падении изловчился перекинуть провод от ошейника через плечо, а затем схватил его зубами. И перекусил.

Это не так трудно, как может показаться. Ведь коронки на моих передних зубах сделаны из силиконового карбида. Они невидимы для рентгеновских лучей, потому что у них такая же плотность, как и у обычной эмали. Но по прочности они не уступают и стали. Коронки захрустели и потрескались, когда я плюхнулся на снег, чтобы никто не видел, как я грызу шнур. Снег скрыл меня от охранников на несколько секунд. Этого было вполне достаточно. Человеческие челюсти могут сдавливать предмет с усилием до тридцати пяти килограммов, и я старался изо всех сил.

Шнур лопнул. Как только это произошло, я двинул коленом в пах охраннику, стоявшему справа. Он громко вскрикнул и отпустил мою руку. Ударом ладони по горлу я вырубил второго. Теперь мои руки были свободны, и я прыгнул в сторону.

Стоявший позади меня охранник больше полагался на электронику, чем на свои рефлексы, поэтому и потерял драгоценные секунды. Занимаясь его коллегами, я все время был к нему спиной. А он ничего не предпринял. Только судорожно нажимал на кнопки своей коробочки. Он все еще тыкал в нее пальцем, когда получил удар ногой в живот. Я подставил ему плечо, и он рухнул на меня.

Я даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто же там так кричит. Взвалив обмякшее тело охранника на плечо, я заковылял в снежную мглу.

Все это может показаться безумием. Но не большее ли безумие покорно следовать за этими существами, обрекая себя на верную смерть? Я это уже однажды испытал, и до сих пор на моих запястьях краснели шрамы. Конечно, я теперь мог замерзнуть насмерть. Но это гораздо лучше, чем попасть в лапы к серым людям. К тому же я

надеялся, что, оставшись на свободе, смогу причинить им немало неприятностей.

Не так уж сильно я ослаб. Это была всего лишь хитрость, чтобы сбить охранника с толку. Хотя теперь я ослабевал — и замерзал — очень быстро. Безжизненное тело охранника весило немало, и это замедляло мой шаг. Но я продолжал идти, пока не споткнулся и не упал головой прямо в сугроб. Мои руки и лицо так онемели, что совсем не чувствовали холода.

Со всех сторон доносились крики, но метель скрывала меня от преследователей. Непослушными пальцами я снял шапку с охранника и нахлобучил ее на свою голову. Мне еле удалось расстегнуть его одежду. Я сразу же сунул свои руки ему под мышки. Казалось, их охватил огонь, но понемногу пальцы стали отогреваться.

От холода мой спутник быстро пришел в себя. Как только его глаза открылись, я вытащил одну руку и, сложив ее в кулак, врезал ему по челюсти. Он тут же потерял сознание, а я присел на корточки, ожидая, когда утихнет боль. Один из преследователей прошел совсем рядом, но нас не заметил. Я не чувствовал никаких угрызений совести, когда снял с охранника перчатки. Поднявшись на ноги, я пошел прочь сквозь снежную пелену.

Потом я побежал. Я часто спотыкался, но не чувствовал холода. Это было единственным утешением. Когда метель стала стихать, я плюхнулся спиной в сугроб, глубоко провалившись в снег. Голоса преследователей раздавались все дальше и дальше. Я лежал, восстанавливая дыхание, и чувствовал, как по лицу течет пот. Затем я осторожно разгреб снег и высунул голову.

Никого не видно. Я подождал, пока снова пойдет снег, и резвым галопом побежал к металлическому забору. Высоченный забор из металлической сетки тянулся до горизонта как в правую, так и в левую сторону. Если к забору была подключена сигнализация, то она уже наверняка сработала. Поэтому отступать не было смысла. Я уже забрался на забор, когда мне в голову пришла прекрасная идея, и я спрыгнул обратно.

Если сигнализация сработала, они станут искать меня в этом месте. Я не собирался облегчать им работу. Вместо того, чтобы перелезть через металлическую сетку, я во всю прыть помчался вдоль забора. Бежал я минут десять. Оглядевшись, никого не увидел. Тогда я перелез через забор, спрыгнул с другой стороны и направился в белую пустыню. Я бежал, пока не рухнул от изнеможения. Лежа в снегу, я с трудом переводил дыхание. Отдышавшись, я внимательно огляделся по сторонам.

Ничего. Только снег. Никаких следов. Ни кустов, ни деревьев, ни камней. Никаких признаков жизни. Белая бескрайняя пустыня, тянущаяся, насколько хватал глаз. Когда вьюга прекратилась, я увидел вдали темное здание, от которого я хотел уйти как можно дальше.

Я развернулся и, спотыкаясь, побрел прочь.

Глава 12

— Ты свободный человек, Джим. Свободный. Свободный как птица.

Я пытался таким образом немного взбодрить себя, и это помогло. Только здесь не было птиц. В этой застывшей пустыне не было ничего и никого, кроме меня, в одиночку бредущего по глубокому снегу. Что мне рассказывал Край об этой планете много лет тому назад? Покопавшись в памяти, я на пару секунд отвлекся от мрачных мыслей. Не зря же я посещал курсы по развитию памяти. Я выстроил нужную ассоциативную цепочку — и готово. Память сработала.

Он сказал, что здесь всегда холодно. Здесь нет зеленых растений. Да и вообще тут ничего не растет. Судя по всему, сейчас стояло лето. А что же будет зимой? Они ловят в море рыбу, сказал Край. Жизнь существует только в море. В снегу ничто не выживает. Кроме меня, разумеется. А сколько я еще проживу, зависит от того, сколько я еще смогу двигаться. Одежда согревала меня. Правда, только тогда, когда я передвигал ногами. Но это не может продолжаться вечно. Я видел уже одно здание. Значит, должны быть и другие. Должно же здесь быть что-нибудь еще кроме этого проклятого снега?

Действительно, кое-что было. И я чуть не свалился туда. Интуитивно почувствовав, как снег ушел у меня из-под ног, я отскочил назад. Раздался треск, и в зияющей расщелине я увидел темную воду. Когда щель стала шире, я заметил лед и понял, что все это время я шел не по земле, а по замерзшей поверхности моря.

При такой температуре мне наверняка бы грозила смерть, даже если бы я намочил только ноги. Я бы замерз. Мне эта мысль совершенно не понравилась. Не поднимаясь, я распределил свой вес на снегу и пополз от расщелины. Лишь оказавшись на безопасном расстоянии, я встал и, шатаясь, побрел обратно по своим следам.

— Что теперь, Джим? Думай быстрее. Повсюду вода, а по ней ходить довольно трудно.

Остановившись, я посмотрел по сторонам. Снег перестал идти, но снежная пыль, поднимаемая ветром, клубилась в воздухе. Но я теперь знал, куда смотреть, и в один из периодов затишья увидел темную линию океана. Она уходила налево и направо, насколько хватал глаз.

— Значит, сюда мне путь закрыт. — Я обернулся. — Судя по этим припорошенным следам, великий арктический путешественник, ты пришел отсюда. Нет смысла идти обратно. Пока. Встречающая группа точит ножи. Думай, что делать дальше.

Я стал думать. Если эта земля была такой пустынной, как мне рассказывал Край, то жилища не должны располагаться далеко от океана. Поэтому мне стоило держаться берега. На безопасном расстоянии, чтобы не свалиться в воду. Надо идти в другом направлении. Я надеялся, что здание космодрома не было последним строением в этой ледяной пустыне. Я тронулся в путь, стараясь не думать о том, что тусклый диск солнца опустился почти до самого горизонта. Когда стемнеет — мне конец. Я понятия не имел, как долго длится ночь на Кеккончихи, но знал наверняка — короткая она или длинная, рассвета мне уже не видать. Надо немедленно найти какое-нибудь укрытие. Вернуться обратно? Нет. Конечно, это сумасшествие, — но я продолжал идти вперед.

Солнце угасло, мои надежды тоже. Снежная пустыня окрасилась в темные цвета, но я по-прежнему не видел никаких признаков жизни. Увязая в глубоком снегу, я совсем выбился из сил. Но я знал, что стоит мне только остановиться, и мне грозит смерть. Поэтому я продолжал переставлять свинцовые ноги. Хотя я натянул шапку на лицо, нос и щеки совсем потеряли чувствительность.

Мне пришлось остановиться, когда я стал валиться с ног. Я стоял на четвереньках, тяжело дыша.

«Почему бы тебе не остаться здесь, Джим? — спросил я сам себя. — Это гораздо легче, чем куда-то идти. Говорят, что смерть от холода абсолютно безболезненна. — Это показалось мне хорошей идеей. — Какая еще хорошая идея, идиот! Вставай и продолжай идти!»

С величайшим трудом мне удалось подняться на ноги. Еще больше усилий понадобилось, чтобы передвигать одну ногу за другой. Полностью поглощенный процессом ходьбы, я не сразу обратил внимание на темные точки, маячившие на горизонте. Сначала я просто остановился и уставился на них, пытаясь привести в порядок свои заледеневшие мысли. Точки передвигались и увеличивались в размерах. Когда я это осознал, то плашмя шлепнулся на снег. Лежа в снегу, я внимательно наблюдал, как трое лыжников проскользили метрах в ста от меня.

Дождавшись, когда они исчезнут из виду, я встал. На этот раз мне не понадобилось никаких усилий. Из маленькой искры надежды разгорелось пламя. Снег перестал падать, а ветер стих. Следы от лыж четко виднелись на снегу. Они куда-то вели. Вели туда, куда лыжники хотели попасть до наступления темноты. Что ж, именно это мне и нужно. Внутри меня закипела энергия, и я пошел по лыжне.

Хотя энергия быстро улетучилась, я продолжал идти. Приближавшаяся ночь уже не пугала меня — отчаяние уступило место надежде. Лыжники двигались быстрее меня, но не слишком быстро. До начала сумерек они уже будут дома. Я надеялся, что тоже дойду туда.

Теория была правильной, но воплотить ее в жизнь оказалось не так уж просто. Солнце еще не опустилось за горизонт, но скрылось за плотными облаками, и видимость резко ухудшилась. Идти по следам было все труднее и труднее. К тому же я смертельно устал. Остановившись, я поднял глаза, поморгал, прищурился и увидел черное пятно на горизонте. Мой мозг настолько промерз, что я не сразу осознал важность увиденного.

— Черное — это прекрасно! — хрипло прошептал я. — Это не белый снег, а тебе подходит все, кроме снега.

Я снова заковылял, размахивая руками и высоко держа голову. Я попытался насвистывать, но мои губы потрескались от холода. Белое безмолвие уже не тревожило меня. Черное пятно оказалось зданием, нет, группой зданий. Все ближе и ближе. Здания из темного камня. Маленькие окна. Покатые крыши, чтобы на них не скапливался снег. Крепкие и уродливые здания. Но что за скрип вдруг донесся до моих ушей?

Я шел беззвучно, потому что ступал по рыхлому снегу. А это были шаги по утоптанному снегу. И они приближались. Вернуться обратно? Нет, лучше упасть. Когда я рухнул на снег, идущие завернули за угол ближайшего здания.

Мне ничего больше не оставалось, как лежать неподвижно и надеяться, что меня не заметят. По чистой случайности меня никто не увидел. Шаги становились все громче и громче, затем стали удаляться и, наконец, стихли. Я осторожно поднял голову и увидел колонну уходивших людей. Человек двадцать. Они завернули за следующее здание и скрылись из виду. В отчаянии я вскочил на ноги и засеменил за ними. Я завернул за угол как раз вовремя — последний человек как раз скрылся в здании. Большая и тяжелая дверь громко хлопнула. Именно туда мне и надо. Я скорее падал вперед, чем шел. И откуда у меня только взялись силы? Подойдя к двери, я дернул за ручку.

Дверь не открывалась.

В жизни полно таких моментов, которые лучше забыть и никогда не вспоминать. Спустя некоторое время они кажутся забавными, о них можно со смехом рассказывать после ужина, сидя у горящего камина. Но сейчас мне было абсолютно не смешно. Мало того, я понял, что мне конец.

Сколько я ни дергал за дверь, она не поддавалась. Напрасно я крутил ручку окоченевшими пальцами. Окончательно выбившись из сил, я навалился на дверь, чтобы не упасть. Она вдруг поддалась и открылась вовнутрь.

Впервые в жизни я не стал проверять, что находится по ту сторону двери. Я просто ввалился в теплое помещение и услышал, как дверь захлопнулась за мной. Тепло, великолепное тепло окутало меня, и, прислонившись к стене, я наслаждался им. Передо мной тянулся длинный, плохо освещенный коридор со стенами из грубо отесанного камня. Я был один, но вдоль коридора виднелось множество дверей, откуда в любой момент мог кто-нибудь выйти. Но я ничего не мог с собой поделать. Если бы стены не было, я бы просто упал на пол. Я стоял, прислонившись к ней, как ледяная статуя. Снег таял, и под ногами у меня натекли лужицы. Я чувствовал, как вместе с теплом ко мне возвращается жизнь.

Ближайшая от меня дверь распахнулась, и оттуда вышел человек. До него было не более двух метров.

Стоило ему только повернуть голову, он бы заметил меня. Даже в сумрачном свете я разглядел его серую одежду, длинные сальные волосы и даже перхоть на плечах. Стоя ко мне спиной, он сунул ключ в замочную скважину и запер дверь. Затем он пошел по коридору и вскоре пропал из виду.

— Хватит подпирать стену. Подумай лучше о том, что делать дальше. Ты, ржавая Стальная Крыса, действуй! — подбодрил я себя хриплым шепотом. — Не испытывай судьбу. Убирайся из этого коридора. Почему бы тебе не зайти в ту дверь? Если он ее запер, то там наверняка никого нет.

Хорошая мысль, Джим. Только где взять отмычку? Найди что-нибудь подходящее, вот и все. Я снял меховые рукавицы и вместе с шапкой засунул их за пазуху. Хотя внутри здания было холодно, мне показалось, что я нахожусь в раскаленной печи. Мои посиневшие пальцы обрели гибкость, хоть и сильно болели. Я потрогал обрывок шнура, свисавшего с металлического ошейника. Внутри были провода. Разжевав их зубами, я сделал из них подобие отмычки и засунул ее в замок.

Замок с огромной замочной скважиной оказался большим. Я превосходный взломщик. Что ж... мне повезло. Я шуровал отмычкой в замке, пока он наконец не поддался. В помещении царила тьма. Я зашел, закрыл за собой дверь, запер ее, а затем облегченно вздохнул. Впервые за все время после побега я почувствовал, что у меня появился шанс на спасение. Со счастливой улыбкой я повалился на пол и заснул.

Почти заснул. Хотя мои глаза слипались, я понял, что это не самое лучшее решение. Столько пройти и снова попасть в плен лишь потому, что меня сморил сон. Ни в коем случае.

— За работу! — приказал я себе и прикусил кончик языка.

Это тут же привело меня в чувство. Я вскочил на ноги, ругаясь от боли, и принялся на ощупь продвигаться по комнате. Это было узкое помещение, похожее на коридор. Оставаться здесь не было никакого смысла, поэтому я направился туда, где за поворотом виднелся тусклый свет. Осторожно высунув голову, я увидел в стене небольшое окошко. По ту сторону окна стоял мальчик и смотрел прямо на меня.

Отступать было поздно. Я улыбнулся ему, потом нахмурился, но он не обратил на меня никакого внимания. Затем мальчик пригладил волосы рукой. Где-то глухо прозвенел звонок, и мальчик поспешно ушел.

Конечно. Одностороннее стекло. С его стороны зеркало, а с моей — дымчатое стекло. Зеркало, установленное специально для наблюдения. Чтобы наблюдать, оставаясь незамеченным. Наблюдать за кем? Я прошел дальше по коридору и увидел за стеклом помещение, напоминавшее классную комнату. Мальчик вместе со своими одноклассниками теперь сидел за партой и внимательно слушал учителя. Учитель — серый человек с серыми волосами и бесстрастным лицом — вел занятие. На нем не отражалось ника-

ких эмоций. И — как я внезапно понял — на лицах мальчиков тоже. Никто не улыбался, не смеялся, не жевал резинку. Все внимательно слушали учителя. Совсем не похоже на урок. По крайней мере, моя учеба проходила гораздо веселее. За спиной учителя висел плакат. На нем было написано большими черными буквами: НЕ УЛЫБАЙСЯ, и дальше: НЕ ХМУРЬСЯ.

Оба указания неукоснительно выполнялись. Что это за школа? Когда мои глаза привыкли к тусклому свету, я увидел рядом с окошком динамик и выключатель. Понятно, для чего это надо. Я щелкнул выключателем и тут же услышал монотонный голос учителя:

— ...Моральная Философия. Это обязательный предмет, который вы будете изучать, пока не овладеете им в совершенстве. Вы не должны допускать ошибок. Именно Моральная Философия делает нас великими. Именно Моральная Философия позволяет нам править другими. Вы уже читали книги по истории и знаете о Днях Кеккончихи. Вы знаете, как нас бросили на произвол судьбы и только Тысяча осталась в живых. Когда они проявляли слабость, они умирали. Когда они боялись, они умирали. Когда они позволяли эмоциям брать верх над разумом, они умирали. Сегодня вы здесь лишь потому, что они выжили. Моральная Философия дала им силы выжить. Она даст силы и вам. Когда вы вырастете, вы покинете этот мир и установите господство над более слабыми расами. Мы — высшая раса. У нас есть на это право. А теперь отвечайте. Если вы слабы?

— Мы умрем, — монотонным хором ответили ученики.

— Если вы боитесь?

— Мы умрем.

— Если вы позволяете эмоциям...

Я выключил звук, чувствуя, что услышал более чем достаточно. А затем погрузился в раздумья. Все эти годы, которые я посвятил преследованию и борьбе с серыми людьми, я никогда не задумывался: почему они такие? Я воспринимал их враждебность как нечто само собой разумеющееся. То, что мне удалось подслушать, говорило о том, что их жестокость и настойчивость были далеко не случайными проявлениями. Их бросили на произвол судьбы, как сказал учитель. Наверное, на этой планете когда-то существовала колония. Возможно, чтобы добывать там руду, минералы или что-нибудь в этом роде. Планета была неприветливой и настолько удаленной от цивилизованных миров, что для основания колонии надо было иметь весомую причину. Затем этих людей бросили. Очевидно, это случилось в тяжелые годы Распада. Судя по всему, колония во всем зависела от внешнего мира. Оставшись одни, люди вынуждены были сами заботиться о своих нуждах. Наверное, большинство из них умерли, выжила лишь горстка самых стойких. Они выжили — если это можно назвать жизнью, — отказавшись от всех человеческих чувств и эмоций, посвятив свою жизнь лишь

борьбе за существование. Они начали борьбу с безжалостной планетой и победили.

Но при этом они потеряли свою человечность. Они стали похожи на машины, стремящиеся только к одной цели — выжить. Они эмоционально огрубели и превратились в моральных уродов. И теперь называли это силой, которая возвеличит их будущие поколения. Моральная Философия. Назвать ее моральной можно было лишь в то время, когда они старались выжить на этой планете. Но о какой морали может идти речь, когда они принялись закабалять другие народы. Их надо было исправлять, так, по крайней мере, считали серые люди. Остальная часть Человечества была слабой и излишне эмоциональной, смеялась и хмурилась, тратила энергию на всякие глупости. Серые люди не только считали себя самыми лучшими — их заставляли думать, что они самые лучшие. Несколько поколений, взращенных на ненависти к тем, кто их бросил, — и серые люди превратились в беспощадных галактических завоевателей. Они навязывали свои условия покоренным планетам. Слабые должны умирать — это основное правило. Выживших насильно вели к лучшей жизни.

Для тех немногих, которых они не могли завоевать сами, серые люди использовали других. Они задумали и осуществили межпланетную интервенцию на Клианду. Это продолжалось до тех пор, пока не вмешался Специальный Корпус. Операцию по борьбе с серыми людьми организовал я. Неудивительно, что они так хотели захватить меня своими холодными руками.

А здесь находилась их тренировочная база. Школа, в которой из каждого юного жителя Кеккончихи делали ревностного приверженца дела предков серых людей. Здесь не существовало никаких развлечений. Эта школа выживания, где в детях убивали их природные склонности, поразила меня. Я находился в тепле и — пока — в безопасности. Чем больше я узнаю об этом месте, тем больше у меня шансов придумать какой-нибудь план дальнейших действий. Хватит слоняться по темным коридорам. Я подошел к следующей классной комнате. Здесь располагалась мастерская. Подростки собирали какие-то приборы.

Какие-то приборы? *Те самые приборы.* Я схватился за обруч на шее, глядя на них, как кролик на удава.

Они собирали маленькие металлические коробочки с кнопками. Коробочки с проводами, которые тянулись к ошейникам. Точно такой же ошейник был на мне. Машины для пыток. Я провел рукой по стене и нащупал выключатель.

— ...разница только в применении, но не в теории. Вы собираете и испытываете эти синаптические генераторы, чтобы ознакомиться с их методом действия. Затем, когда вы перейдете к изучению аксионных фидеров, вам станет понятен их принцип функционирования. А теперь посмотрите на диаграмму на странице номер двадцать...

Аксионный фидер. Я должен узнать про него как можно больше. Я подозревал, что этот аппарат я ни разу не видел. Но сталкиваться с ним мне уже приходилось. Мозговой угнетатель, который порождал ужасные воспоминания в памяти. Воспоминания о том, чего на самом деле не было. Впрочем, от этого мне было не легче.

Какой же я идиот. Стоял там как столб, позабыв об опасности. Загипнотизированный голосом учителя, я не слышал приближавшихся ко мне шагов и не видел человека, который подошел ко мне вплотную.

Глава 13

В таких случаях надо сначала действовать, а потом уже думать. Поэтому я бросился на него, пытаясь сдавить руками его горло. Он даже не пошевелился, а только тихо произнес:

— Добро пожаловать в школу Юрусарата, Джеймс ди Гриз. Я надеялся, что ты найдешь сюда дорогу...

Он замолчал, когда мои пальцы сдавили его горло. Он не сопротивлялся, на его лице не отражалось никаких эмоций. Он спокойно смотрел мне в глаза. У него была дряблая, морщинистая кожа, и я внезапно понял, что он очень-очень стар.

Хотя я прошел специальную подготовку и могу убить, защищая свою жизнь, я не могу душить стариков, которые не оказывают сопротивления. Мои пальцы разжались сами собой. Я выдержал его взгляд и сказал своим самым грозным голосом:

— Стоит тебе только позвать на помощь — и ты покойник!

— Я не собираюсь этого делать. Меня зовут Ханасу, и я ждал встречи с тобой, как только ты совершил побег. Я сделал все возможное, чтобы ты пришел сюда.

— Может, ты объяснишь, что все это значит?

Я опустил руки, но был готов к любым неожиданностям.

— Разумеется. Как только я услышал сообщение о твоем побеге, я сразу же попытался поставить себя на твое место. Если ты пойдешь на юг или на восток, ты окажешься в городе, где тебя сразу же поймают. Если ты пойдешь в обратную сторону — на запад, — ты выйдешь к этой школе. Конечно, если ты направишься на север, то сразу же окажешься возле моря и все равно повернешь на запад. Основываясь на этой теории, я изменил расписание занятий и сказал, что сегодня всем ученикам нужна физическая подготовка. Они, конечно, обозлились на меня, потому что теперь им придется наверстывать пропущенные часы в вечернее время. Но все же они прошли несколько километров на лыжах. Не случайно их маршрут пролегал следующим образом — сначала на юг, потом на запад, а затем обратно по берегу океана. Я решил, что, увидев лыжников, ты последуешь за ними. Ты ведь так поступил?

Мне не было смысла лгать.

— Да. А что теперь ты собираешься делать?

— Делать? Поговорить с тобой, что еще? Никто не видел, как ты вошел в здание?

— Нет.

— Все гораздо лучше, чем я ожидал. Я был уверен, что мне придется кое к кому применить аксионный фидер. Я совсем забыл, что ты очень изобретательный человек. Если пройти до конца по этой наблюдательной галерее, мы окажемся в моем кабинете. Пойдем?

— Зачем? Ты хочешь выдать меня?

— Нет. Я хочу с тобой поговорить.

— Я тебе не верю.

— Это понятно. Тебе нет смысла доверять мне. Но у тебя нет выбора. Уж если ты сразу не убил меня, вряд ли ты это сделаешь сейчас. Следуй за мной.

С этими словами Ханасу повернулся и пошел по коридору. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. И держаться рядом. Я не собирался его убивать, но, если бы он только попытался поднять тревогу, я бы быстро его успокоил.

Галерея извивалась, и мы проходили мимо многих классных комнат, но, к сожалению, я не мог остановиться и посмотреть, чем занимаются ученики. Я шел за спиной Ханасу, когда он поднялся по ступенькам и взялся за ручку двери. Я схватил его за плечо.

— Что здесь? — спросил я.

— Мой кабинет. Я уже говорил...

— Здесь кто-нибудь есть?

— Навряд ли. Никто не имеет права заходить сюда без моего разрешения. Но я посмотрю...

— Лучше это сделаю я.

Я так и сделал. Ханасу оказался прав.

Я чувствовал себя как ящерица, одним глазом держа его в поле зрения, а другим осматривая комнату. Узкое темное окно, полки с книгами, большой стол, шкаф с картотекой, несколько стульев. Я указал ему на стул, стоявший подальше от стола — в столе могли быть скрыты кнопки сигнализации. Он покорно уселся и сложил руки на груди. А я еще немного порыскал по кабинету. На столе стоял кувшин с водой и стакан. Я внезапно почувствовал, как мне хочется пить. Я налил себе полный стакан воды и опустошил его одним духом. Затем я упал на стул и закинул ноги на стол.

— Ты действительно хочешь мне помочь? — скептическим тоном спросил я.

— Да.

— Для начала ты можешь показать, как снять эту штуку с шеи?

— Конечно. Ключ в правом ящике стола. Замочная скважина рядом с проводом.

Немного повозившись, я наконец расстегнул ошейник и швырнул его в угол.

— Прекрасно. — Я повертел головой. — Хороший кабинет. Ты заведуешь этой школой?

— Да. Я здесь Наставник. Меня сослали сюда в наказание. Они не осмелились убить меня.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь. Может, ты объяснишь, в чем дело?

— Разумеется. Планетой правит Комитет Десяти. Многие годы я состоял в этом Комитете. Я хороший организатор. Именно я спланировал всю операцию по захвату Клианды. Когда операция провалилась благодаря твоему вмешательству, я вернулся и стал Первым в Комитете. Именно тогда я попытался изменить наши программы, и меня за это наказали. С тех пор я руковожу этой школой. Я не могу уйти отсюда и не могу изменить ни единого слова в программе обучения. Это надежная тюрьма.

Все это становилось весьма интересным.

— А какие изменения ты хотел внести?

— Радикальные. Я стал сомневаться в правильности наших целей. Я имел дело с другими культурами — прогнившими, как утверждали наши теоретики, — и у меня возникло много вопросов касательно нашей. Но как только я решил претворить свои идеи в жизнь, меня лишили власти и сослали сюда. На Кеккончихи не должны появляться никакие новые идеи...

Дверь открылась, и ученик втолкнул тележку на колесиках.

— Я привез ваш ужин, Наставник, — сказал он, а затем увидел меня. На его лице не отразилось никаких эмоций. — Это сбежавший пленник.

Только усталость удержала меня на месте. Мне пришлось немало пережить за день, и мозг — как и тело — уже не реагировал с присущей ему быстротой. Как мне поступить с этим учеником?

— Ты прав, Нору, — сказал Ханасу. — Заходи. Ты проследишь за пленником, а я пойду позову на помощь.

Когда я услышал эти слова, я подскочил как ужаленный, готовый прикончить их обоих. Но Ханасу не вышел из комнаты. Вместо этого он зашел Нору за спину и бесшумно закрыл дверь. Затем он взял с полки черную металлическую коробочку и коснулся ею затылка ученика. Мальчик застыл с широко раскрытыми глазами.

— Опасность миновала, — сказал Ханасу. — Я сотру в его памяти воспоминания о последних минутах. Вот и все.

К горлу у меня подкатил комок. Я почувствовал отвращение и страх. Да-да, именно страх.

— Что это за штука?

— Аксионный фидер. Ты не раз его видел, но, конечно, ничего не помнишь. Этот прибор может стирать воспоминания и заменять их другими. А теперь выйди на минутку в коридор, чтобы ученик мог спокойно уйти.

Был ли у меня выбор? Я не знал. Возможно, усталость взяла верх. Я не стал спорить. Я просто подчинился. Хотя и не полностью закрыл дверь, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим в комнате. Ханасу что-то покрутил в аксионном фидере и снова приложил его к затылку мальчика. Ничего не произошло. Затем

Ханасу открыл дверь и сел на свое место. Через несколько секунд мальчик зашевелился и принялся двигать тележку в комнату.

— Я привез ваш ужин, Наставник, — сказал он.

— Оставь его здесь и больше сегодня не приходи. Я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Слушаюсь, Наставник.

Повернувшись, ученик вышел, и я вернулся в комнату.

— Это приспособление... то самое, которое применяли ко мне? — спросил я.

— Да.

— Это самая ужасная и жестокая вещь во всей Галактике.

— Это всего лишь машина, — ровным голосом ответил Ханасу, кладя аксионный фидер обратно на полку. — Я не хочу есть, а ты, должно быть, голоден после стольких испытаний. Угощайся.

Действительно, я и думать забыл о голоде, но, когда Ханасу напомнил мне о еде, я почувствовал, что могу съесть целого быка. В сыром виде. Я снял крышку с тарелки, и от вида пищи у меня потекли слюнки. Это была все та же безвкусная рыба, которой меня кормили на звездолете, но теперь она показалась мне изысканным деликатесом. Я засовывал себе в рот огромные куски, жевал и слушал Ханасу.

— Я пытаюсь понять, по какой причине ты считаешь эту машину жестокой вещью. Может, ты имел в виду цель, для которой она используется? — Я кивнул с набитым ртом. — Тогда причина мне понятна. Это моя беда. Я слишком умен, иначе бы я не был первым учеником в школе, а затем — Первым в Комитете. За годы, проведенные в ссылке, я пришел к мысли, что большинство людей на этой планете глупы и лишены воображения. Ум и воображение являются препятствием для выживания в таком суровом мире, как наш. В результате селективного отбора мы уничтожили эти качества. Это означает, что я — исключение, мутант. Эти различия не проявлялись во мне в годы юности. Я верил во все то, чему меня учили, и получал только отличные оценки. Я раньше не задавал вопросов, потому что их здесь никто не задает. Самое главное — это послушание. Теперь меня терзают сомнения. Мы не высшая раса, мы просто не похожи на других. То, что мы хотели подчинить или уничтожить других, было нашей ошибкой. Наши контакты с чужаками в войне против собственного рода — величайшее преступление.

— Ты прав, — сказал я, с сожалением проглотив последний кусок. — Я бы не отказался еще от одной порции.

Но Ханасу, казалось, не слышал меня. Он продолжал:

— Когда я все это понял, я попытался изменить наши цели. Но это оказалось невозможным. Хотя я и руковожу этой школой, я не могу изменить ни единого слова в учебных программах.

— Я могу все изменить, — сказал я.

— Конечно, — согласился он, повернувшись ко мне.

Его лицо дрогнуло, и уголки губ слегка приподнялись. Он слабо улыбался, но все же это была улыбка.

— А как ты думаешь, почему я хотел, чтобы ты пришел сюда? Ты можешь сделать то, о чем я давно мечтаю. Спасти людей этой холодной планеты от самих себя.

— Достаточно одного сообщения. Стоит только передать данные о местонахождении этой планеты.

— А затем появятся... солдаты вашей Лиги и нас уничтожат. Трагедия неизбежна.

— Ничего подобного. Ни один волосок не упадет с ваших голов.

— Это издевательство, и оно мне не нравится. Перестань смеяться надо мной. — Мне даже показалось, что в его голосе прозвучало раздражение.

— Это правда. Ты просто не знаешь законов Цивилизованного мира. Признаюсь, многие действительно предпочли бы стереть вашу планету в порошок, если бы узнали, где она находится. Но об этом будут знать только представители Лиги. Лига станет следить, чтобы ваши люди больше не делали гадостей. И предложит вам, как это делается в подобных случаях, помощь и сотрудничество.

Ханасу удивился:

— Не понимаю. Они должны убить нас...

— Достаточно убийств. У вас в голове только одно — жить или умереть. Убить или быть убитым. Эта философия принадлежит темному этапу развития человечества, который, я надеюсь, остался далеко в прошлом. Возможно, у нас не самая лучшая система правления с точки зрения этики, но мы, по крайней мере, запрещаем применять насилие в качестве меры воздействия. Как ты думаешь, почему ваши друзья чужаки добились таких успехов? У нас уже нет армий и флотов, предназначенных для ведения войн. Да и войн у нас давным-давно не было. Пока не появились серые люди и не постарались перевести стрелки часов на двадцать тысяч лет назад. Государство не должно возводить убийство в ранг государственной политики. Никогда.

— Такой закон необходим. Тот, кто убил, заслуживает смерти.

— Чепуха. Это не вернет мертвого к жизни. А общество, прибегающее к убийству, само становится убийцей. А сейчас у тебя вообще отвиснет челюсть. Высшая мера наказания не останавливает рост преступности, это доказанный факт. Насилие порождает насилие, убийство порождает убийство.

Ханасу мерил шагами комнату, пытаясь уяснить эти чуждые для него принципы. Тем временем я облизал тарелку и ложку. Вздохнув, Ханасу снова уселся на стул.

— То, что ты мне рассказал, не укладывается в моем сознании. Я должен все как следует обдумать, но не это сейчас важно. Самое главное — это то, что я уже принял решение. Оно созрело после долгих лет раздумий. Агрессии Кеккончихи надо положить конец. Слишком много крови. Я считал, что по законам логики вы убьете всех нас за эти преступления. Но ты сказал, что этого не произойдет, и я верю тебе. Но это не так важно. Надо отправить послание вашей Лиге.

— Как?

— Это ты должен ответить на этот вопрос. Будь у меня такая возможность, разве я сам не связался бы с Лигой?

— Да, конечно. — Теперь наступила моя очередь ходить по комнате. — Конечно, почтовая связь с другими планетами отсутствует. Пси-операторов тоже нет. Или есть? Неважно. Они все равно не передадут это сообщение. Радио?

— Ближайшая база Лиги находится на расстоянии четырехсот тридцати световых лет.

— М-да, мы не можем столько ждать. Мне придется каким-то образом проникнуть на один из звездолетов, когда они будут стартовать.

— Это практически невозможно.

— Не сомневаюсь. Так что же ты предлагаешь? Знаю-знаю, ты только что сам задал мне подобный вопрос. Должен же быть какой-то выход. Может, он приснится мне. Есть здесь безопасное место, где...

Резкая трель прервала меня на полуслове. Я широко раскрыл глаза.

— Это коммуникатор. Меня вызывают по дальней связи. Отойди к стене, чтобы не попасть в поле зрения. — Он сел за стол и щелкнул переключателем.

— Ханасу, — произнес он бесцветным голосом.

— *Отряд прибудет к вам через несколько минут. Все выходы из школы будут перекрыты. Следы беглеца ведут к вам, и, возможно, он прячется в вашей школе. В ближайшее время к вам отправится транспорт с шестью отрядами на борту. Школу обыщут, и беглец будет пойман.*

Глава 14

— Какие у вас имеются доказательства, что он в школе? — спросил Ханасу.

— *Следы на снегу, ведущие в вашем направлении. Или он прячется в вашей школе, или он погиб.*

— Ученики помогут вам обыскать школу. Они хорошо знают, где можно спрятаться в школьных зданиях.

— Дайте соответствующий приказ.

Выключив коммуникатор, Ханасу холодно посмотрел на меня.

— Итак, наш план провалился. Поймав тебя, они применят аксионный фидер и узнают о моем участии в заговоре. Согласен ли ты совершить самоубийство, чтобы защитить меня?

Все это он высказал мне с непроницаемым лицом. Тем же бесцветным тоном. Хотя в комнате было холодно, я почувствовал, как на лбу у меня выступила испарина.

— Не так быстро. Еще не все потеряно. Давай оставим самоубийство в качестве последнего средства. Я могу где-нибудь спрятаться?

— Нет. Они все обыщут.

— А здесь? В твоем кабинете. Скажешь им, что меня здесь нет.

— Ты не знаешь наших людей. Что бы я — или кто другой — ни сказал, они обыщут все помещения согласно полученному приказу. Мы очень старательные.

— Но у вас отсутствует воображение. Я перехитрю их.

В тот момент у меня самого было туго с воображением. Только адреналин, выброшенный в кровь предложением о самоубийстве, заставил шевелиться мои извилины. В отчаянии я посмотрел по сторонам.

— Окно! Я вылезу через него и спрячусь...

— Оно никогда не открывается. Закрыто намертво.

— Никогда не открывается? Даже летом?

— Сейчас лето.

— Я боялся, что ты это скажешь. Не все еще потеряно. — В моем голосе звучала безысходность, потому что у меня было предчувствие, что все потеряно. — Если нельзя спрятаться внутри, я спрячусь снаружи. Должен существовать какой-то выход на крышу. Чтобы сделать там ремонт. Или закрепить черепицу.

— Там нет черепицы.

Я с трудом удержался, чтобы не вырвать у себя клок волос.

— Не надо понимать меня буквально. Ведь можно как-то попасть на крышу изнутри?

— Можно.

Я еле сдержался, чтобы не схватить его за горло и не вытряхнуть из него необходимые мне сведения.

— У тебя есть планы? Планы-схемы школьных зданий?

— Да. Они в шкафу.

— Тогда достань их. Побыстрее, если можно. Сколько времени осталось до прибытия поисковых отрядов? — Я защелкал пальцами, погрыз ногти, и, когда Ханасу достал планы, вырвал их у него из рук. Я быстро переворачивал листы, не обращая внимания на его оптимистические замечания.

— Мы зря теряем время. Выхода нет. Я не хочу, чтобы меня пытали при помощи аксионного фидера. Если ты не желаешь покончить жизнь самоубийством, тогда я сам...

— Хватит ныть! — рявкнул я.

Мне это уже начинало действовать на нервы. Я ткнул пальцем в схему:

— Вот это. Что это за обозначение?

Ханасу взял листок, направил на него свет и прищурился. Мое сердце застучало в два раза быстрее.

— Да, я вижу, — наконец произнес он. — Это дверь.

Я хлопнул его по плечу.

— Мы спасены! Если ты сделаешь все, что я прикажу. Первое, распорядись, чтобы все собрались вместе. Я имею в виду не только учеников, но и учителей, поваров, садовников, специалистов по пыткам. Всех.

— У нас нет садовников.

— Какая разница! — Мой голос сорвался, и я с трудом взял себя в руки. — Самое главное, чтобы они собрались все вместе. Сейчас! Скажи им, что они должны участвовать в поисках. Остальное я объясню тебе потом.

Он беспрекословно выполнил мой приказ. Да здравствует железная дисциплина Кеккончихи! К тому времени, когда он объявил общий сбор, я уже знал, что делать дальше.

— Я не могу выйти отсюда незамеченным, поэтому тебе придется самому принести из лаборатории все, что мне нужно. А мне нужен гвоздемет — проверь, чтобы в нем было не менее десяти гвоздей или шурупов, — пятьдесят метров веревки, выдерживающей груз до пятисот килограммов, фонарик с батарейками и машинное масло. Где мне подождать, пока ты все это принесешь?

— Здесь. В коридоре полно людей. К тому времени, когда я вернусь, все уже соберутся в конференц-зале.

— Замечательно.

— Я не знаю, что ты собираешься делать, но я тебе помогу. Когда тебя поймают, у меня будет время покончить с собой.

— Мне нравится, что ты, Ханасу, всегда смотришь в будущее с оптимизмом. А теперь за дело!

Он ушел, а я принялся мерить шагами ковер, пытаясь найти хоть один необгрызанный ноготь. Зажужжал коммуникатор, и я быстро отпрыгнул в сторону. Ханасу отсутствовал четыре минуты, а мне показалось, что прошло четыре дня.

— Тебе звонят, — сообщил я, забирая у него вещи.

Пока он направлялся к коммуникатору, я рассовал все по карманам.

— Поисковые отряды прибыли. Все собрались в конференц-зале, — сообщил Ханасу.

— Хорошие новости. Спускайся вниз и организуй их. Скажи, чтобы они тщательно обыскали все здания снизу доверху. Мне необходимо как можно больше времени, ведь я не знаю, что ждет меня впереди.

— Ты собираешься вылезти на крышу?

— Пока еще сам не знаю. Пошевеливайся.

— Конечно, ты прав.

Он пошел к двери, открыл ее и обернулся.

— Удачи. Ведь так принято говорить в подобных случаях?

— Да. Спасибо. Я тоже желаю тебе удачи. Я постараюсь, чтобы нам не пришлось прибегать к пакту о взаимном самоубийстве.

Я вышел вслед за ним. Ханасу стал неторопливо спускаться по ступенькам, а я рванул по лестнице вверх, сжимая в кулаке схему здания. Восхождение согрело меня, но, добравшись до последнего

этажа, я запыхался. Сегодня у меня был нелегкий день. В конце коридора виднелась дверь. Разумеется, она была заперта.

— Джим ди Гриз смеется над такими замками, — рассмеялся я, засунув ноготь большого пальца в замочную скважину огромного замка.

Дверь со страшным скрипом распахнулась, я заскочил вовнутрь и захлопнул ее за собой. Я поискал выключатель, но так и не нашел его. Было холодно и пахло сыростью. Я включил фонарик, который взял с собой, и огляделся. Вокруг меня громоздились ящики и груды пожелтевших бумаг. Дверь, которую я искал, находилась в дальнем конце комнаты. В добрых четырех метрах от пола. Лестницы не было.

— Все лучше и лучше, — подбодрил себя я и принялся ставить ящики один на другой.

Пришлось немного повозиться. Ведь я не мог таскать ящики по полу, чтобы не оставлять следов. Приходилось носить их на себе. Когда я закончил это занятие, мне уже не было холодно. Я даже вспотел, когда вспомнил про поисковые группы. Интересно, где они сейчас? Я принялся быстро карабкаться по ящикам.

Это была не дверь, а крышка люка размером в квадратный метр, расположенного почти у верхушки крыши. Когда я толкнул ее, она заскрипела, и на меня посыпалась ржавчина. Ничего другого я и не ожидал. Я тщательно смазал петли машинным маслом, чтобы не скрипели, а затем тщательно вытер всю ржавчину. Теперь это была обычная крышка люка со смазанными петлями. Оставалось только надеяться, что тот, в чьи обязанности входит следить за такими люками, не окажется в составе поисковой группы. Мне ничего не оставалось, как пойти на этот риск. Теперь, когда я толкнул крышку люка, она легко открылась, и в лицо мне ударил ледяной ветер. Я высунул голову в холодную темноту. При тусклом свете звезд я увидел, что на крыше мне спрятаться негде.

«Решим эту проблему в свое время, — сказал я сам себе с неискренним энтузиазмом. — Делай все по порядку. Раз до сих пор тебе удавалось их перехитрить, то в конце концов ты победишь».

Пытаясь таким образом поднять свой моральный дух, я вколачивал здоровенный гвоздь в замерзшую крышу. Затем я привязал к нему конец веревки. Веревка была достаточно толстой. По ней не будут скользить руки. Именно поэтому я и взял ее с собой.

Теперь мне осталось только перетащить все ящики обратно на свои места, стараясь не думать, что поисковые группы приближаются с каждой секундой. Я уже был почти там, хотя до сих пор не знал, где находится это «там». Мне хотелось лишь одного — залезть на крышу и закрыть за собой крышку люка. Но вместо этого я внимательно осмотрел весь пол при свете фонарика. И обнаружил чудесный отпечаток своей ноги на пыльной поверхности одного из ящиков. Я перевернул ящик этой стороной вниз. Только теперь, убедившись, что никаких следов больше не осталось, я направился

к веревке. Прежде чем ухватиться за нее, я проверил свое снаряжение и выключил фонарик.

И тут, в полнейшей темноте, я услышал, как в замке поворачивается ключ.

Не знаю, существует ли такое спортивное состязание, как карабкание по четырехметровой веревке на время. Но если есть, то я установил новый мировой рекорд. Не переводя дыхания, я лез вверх, подгоняемый страхом. Еще мгновение назад я стоял на полу, а через секунду уже коснулся рукой крышки люка, вылез через него и, балансируя на коньке крыши, стал подтягивать, веревку. Казалось, она никогда не закончится, и, когда я наконец втянул ее и стал закрывать крышку люка, в комнате зажегся свет.

— Ты, Букай, проверь эту сторону, а я — ту, — услышал я приглушенный монотонный голос. — Посмотри за ящиками. В самые большие — где может спрятаться человек — загляни.

С величайшей осторожностью я опустил крышку на место. Что дальше? Ответ напрашивался сам собой. Конечно, они посмотрят везде, где только возможно. Значит, мне надо отыскать невозможное место. Гладкая металлическая крыша не вызвала у меня прилива энтузиазма. Она спускалась в обе стороны под крутым углом. В пяти метрах от меня крыша заканчивалась. Недовольно ворча, я попытался повернуться, чтобы посмотреть в другую сторону. И только тогда я обнаружил, что металлическая крыша была покрыта тонким слоем льда. Нога не удержалась на гладкой поверхности, и я заскользил вниз.

Тщетно я пытался ухватиться за какой-нибудь выступ, их попросту не было. Я продолжал скользить по замерзшей крыше.

Пока не вспомнил о привязанной веревке. Я схватил ее обеими руками. Она скользила между рукавицами. Я сжал ее изо всех сил. Пальцы свело от боли.

Я крепко держался за конец веревки, ожидая, когда пройдет боль. Чувствуя, как мои ноги болтаются над бездной. Отдышавшись, я стал медленно подтягиваться. Скоро я снова оказался на крыше. Там я вспомнил о поисковой группе и понял, что крышка люка может открыться в любой момент.

Спрятаться на крыше было абсолютно негде. Может, они не увидят меня при таком слабом свете. Надо как можно дальше отползти от люка. Отвязав веревку негнущимися пальцами, растопырив руки и ноги, я пополз вдоль конькового бруса. Я знал, что стоит мне только свалиться вправо или влево — и мне конец.

Конец. Крыша закончилась. Оглянувшись, я увидел ясные очертания люка. Тот, кто высунет из него голову, так же ясно увидит меня.

Один раз веревка меня уже спасла, спасет и на этот раз. Медленно и аккуратно, чтобы удержать равновесие, я вытащил гвоздемет. Я надеялся, что толстая крыша приглушит звук выстрела. Легким нажатием на спусковой крючок я вогнал гвоздь в самый край крыши. Замерзшими пальцами я соорудил нечто, напоминавшее пет-

лю, и набросил ее на гвоздь. Встал на нее ногами и медленно сполз вниз. Теперь я висел в воздухе, стараясь не обращать внимания на то, что гвоздь уже слегка изогнулся.

Громко хлопнула крышка распахнувшегося люка. Я спокойно висел, радостно улыбаясь, что и на этот раз обвел своих преследователей вокруг пальца. До меня донеслись их голоса.

— Видишь что-нибудь, Букай?

— Нет.

— На крыше никого нет?

— Нет. Мне спускаться вниз?

Отлично, ди Гриз. Куда им тягаться с тобой.

— Нет. Пройди вдоль крыши и осмотри все самым внимательным образом.

Это не люди, а какие-то машины. Ни один здравомыслящий человек не стал бы ходить по скользкой крыше. Ни один здравомыслящий человек никогда бы меня не обнаружил. Но эти тупоголовые болваны выполняли инструкции, и ничто не могло их остановить.

Я слышал, как кто-то ползет в мою сторону. Вдруг он дернул за веревку.

Я посмотрел вверх и увидел бесстрастное лицо серого человека.

Глава 15

Я видел, как он вздрогнул от неожиданности, когда обнаружил меня. Я видел, как он уселся на конек крыши, повернул голову и раскрыл рот:

— Ахиру!

...И тут он сорвался. Впервые я увидел эмоции на лице серого человека. Страх. Он попытался ухватиться за гвоздь, но промахнулся. Его ногти царапали гладкий лед. Затем он пропал из виду, и я закрыл уши, чтобы не слышать, как он ударился о землю.

Что мне делать теперь? Холод пробирал меня до костей, пока я висел на веревке и ждал неизвестно чего. До меня доносились приглушенные голоса. Я не мог разобрать слов, пока кто-то не высунул голову из люка.

— Букай что-нибудь сказал?

— Да. Он произнес мое имя.

— Затем поскользнулся и упал?

— Да.

— Это нехорошо.

— Нехорошо. Лучше бы он разбился молча. Ведь он проявил эмоции.

Крышка люка захлопнулась.

Какие чуткие люди. У Букая наверняка были друзья. Наверное, я больше скорбил о нем, чем они. Моральная Философия! Пока мои пальцы еще не полностью окоченели, я снова вылез на крышу и осмотрелся. Крышка люка закрыта, крыша пуста. Медленно и осторожно я пополз к люку. У меня не было ни малейшего желания присоединяться к Букаю.

Выждав десять нескончаемых минут, я решил, что внизу уже никого нет. По крайней мере, надеялся на это. Дрожа от холода я поднял крышку. Мои зубы так стучали, что этот звук можно было услышать внизу. В комнате царила тьма. Все ушли.

Существует определенный предел мучений, которые может вынести человек, и я уже давно перешел его. Я решил немного отдохнуть, но, как только прилег на пол, мгновенно уснул. Так крепко уснул, что, когда проснулся, не мог определить, сколько же времени я проспал. Минуту или день. А что, если серые люди продолжают поиски? И сколько здесь длится день? Ругая себя за проявленную слабость, я занялся замком. Медленно открыл дверь. Коридор был пуст. За окнами чернела ночь.

«Тебе снова повезло, ди Гриз. Может, твой подсознательный таймер работает лучше, чем твой мозг. Пора приниматься за работу».

Сон освежил меня. Я на цыпочках стал красться вдоль стены, готовый к любым неожиданностям. Все двери были закрыты, и ученики, очевидно, крепко спали после тяжелого дня. В кабинете Наставника горел свет, и, слегка отворив дверь, я заглянул внутрь. Он сидел на стуле, ожидая меня. Я зашел в комнату и бесшумно закрыл за собой дверь.

— Это ты... — сказал он, держа в руке стакан с водой.

Он осторожно поставил его на стол.

— Если это вода, то я ее выпью, — сказал я, беря стакан. — Меня мучает жажда.

— Это яд, — бесцветным голосом сообщил он.

Я тут же поставил стакан на место.

— Ты собирался покончить с собой?

— Да. В случае необходимости. Я не знал, кто первым войдет в мой кабинет.

— Все ушли?

— Да. Они ничего не обнаружили. Один из них упал с крыши и разбился насмерть. Ты виноват в его смерти?

— Косвенно. Я видел, как он сорвался с крыши.

— Теперь они считают, что ты замерз в снегу. Утром они отправятся искать твое тело. Не думаю, что они станут сильно стараться, потому что некоторые думают, что ты мог утонуть в океане.

— Это вполне могло произойти. Но теперь, когда вечерние приключения закончились, я думаю, нам надо вернуться к прерванной беседе.

— Как передать послание Лиге?

— Именно. Пока я там прохлаждался на крыше, у меня возникли кое-какие идеи. Думаю, у нас все получится. Ты устал?

— Не очень.

— Прекрасно. Тогда я хочу поработать сегодня в электронной лаборатории. Мне там никто не помешает?

— Я позабочусь об этом. Что ты хочешь сделать?

— Сходи в библиотеку и принеси мне схему детектора искривленного пространства. Думаю, у вас достаточно деталей, чтобы я мог его собрать?

— На складе есть уже собранные детекторы. Их тоже изучают в школе.

— Еще лучше. Тогда пойдем в лабораторию и займемся делом. Я покажу тебе, что я хочу сделать.

Ханасу подавал мне нужные детали, а я занимался сборкой, и скоро мое приспособление было готово. Я отошел в сторону, чтобы полюбоваться на него. Приспособление представляло собой металлическую трубу, заостренную с одной стороны и расширяющуюся с другой.

— Произведение искусства, — сказал я.

— Для чего оно нужно? — с присущей ему практичностью спросил Ханасу.

— Эту штуку надо прикрепить к одному из ваших звездолетов. Это наша следующая задача. Если все сделать аккуратно, никто не обратит на нее внимания — ведь это копия сигнального отстреливателя, которым оснащены все корабли. Только вместо сигнальных ракет внутри находится вот это. — Я показал ему пластиковый цилиндр. — Внутри располагается батарея и мощный радиопередатчик. Я смастерил десять таких передатчиков, больше чем достаточно. Работает эта штука следующим образом. Каждый раз, когда корабль выходит из искривленного пространства в нормальный космос, это фиксируется приемником на носу, и один из передатчиков выстреливается. Он начинает передавать сигнал каждые полчаса. За это время корабль уже давно вернется в искривленное пространство. Сигнал передается на частоте Лиги и содержит мой номер и местонахождение этой планеты. И, разумеется, призыв о помощи. Нам останется только сидеть и ждать, когда появится космическая подмога.

— Очень интересно. А если вблизи не окажется ни одного приемного устройства?

— Я предвидел этот вопрос. Теория вероятностей на нашей стороне. Большинство пилотов время от времени включают навигационную аппаратуру. То же самое относится к пассажирским кораблям. Одно из наших радиопосланий обязательно достигнет цели.

— Остается надеяться. Это лучше, чем ничего. В крайнем случае мы покончим жизнь самоубийством.

— Конечно. Ты неисправимый оптимист.

— А как ты прикрепишь это приспособление к звездолету?

— При помощи атомного сварочного аппарата. — Я поднял руку, когда он хотел что-то сказать. — Ладно, я пошутил. Больше не буду. Я должен незаметно пробраться к одному из звездолетов. Чтобы все сделать, мне понадобится всего лишь несколько минут. Космопорт охраняется?

— Он обнесен металлическим забором. На воротах стоит охрана. Больше я ничего не знаю.

— Если это так, то задача упрощается. Мне нужна твоя помощь. Я хочу знать, когда отправляется ближайший рейс. И мне нужен транспорт до космопорта.

— Что касается информации, то сложностей нет. Согласно графику «Такай Ча» стартует сегодня в шесть сорок пять.

— А сколько сейчас времени?

Прищурившись, Ханасу посмотрел на свои часы.

— Три часа одиннадцать минут, — наконец сообщил он.

— Ты можешь раздобыть транспорт? И вовремя доставить меня в космопорт?

Он долго думал и неохотно кивнул.

— Обычно это невозможно. Мне не разрешается выезжать за пределы школы. Но сегодня я могу сказать, что собираюсь присоединиться к поискам. Думаю, мне не откажут.

— Надо постараться.

Хитрость удалась. Через десять минут мы уже тряслись в колымаге на лыжах, приводимой в действие электрическим мотором с пропеллером. Обогревателя, естественно, не было, как и мягких подушечек на сиденьях. Эти люди зашли слишком далеко в своем аскетизме. К своему радиоэжектору я приделал ремень и повесил его на плечо. Все инструменты, которые могли мне понадобиться, я сложил в сумку. Глядя на снежинки, пляшущие в свете фар, я пытался придумать какой-нибудь план.

— Насколько близко ты можешь подъехать к забору? — спросил я.

— Вплотную. Как видишь, здесь нет дорог. Можно ездить где угодно.

— Это хорошо. План таков. Высадишь меня возле забора и поедешь дальше. Но запомнишь место. Вернешься туда ровно через час. Но если по радио передадут сигнал тревоги, держись отсюда подальше.

— Хорошо. У меня будет достаточно времени, чтобы вернуться в школу и выпить яд.

— Примешь его вместо завтрака. Только сначала убедись, что они поймали меня. Возможно, там будет суматоха, но не так уж и легко взять меня в плен.

— Ты когда-нибудь ходил на лыжах?

— Я чемпион по лыжному спорту.

Операция прошла как по маслу. Пару раз мы видели огни других машин. Но они были далеко. Затем мы на бешеной скорости петляли мимо каких-то темных зданий. Ханасу вел машину, как ас. Вскоре мы оказались возле ограждения и поехали вдоль него. Впереди ярко горели фонари возле ворот. Затем на какое-то мгновение резкий порыв ветра поднял с земли клубы снега.

— Я спрыгну здесь! — закричал я. — А ты езжай дальше и не забывай поглядывать на часы!

Я сбросил сумку с инструментами в снег и нырнул вслед за ней. Не успел я приземлиться, как Ханасу уже рванул с места, обдав меня снегом. Темно, холодно, противно — прекрасная маскировка. Вытащив из сумки детектор, я осторожно приблизился к металлической сетке забора.

Простенькая система сигнализации. Я мог отключить ее и прорезать дыру в сетке, закрыв один глаз, стоя на одной ноге и спрятав правую руку за спину. Не в силах удержаться от соблазна, я закрыл один глаз, поджал одну ногу, правой рукой схватил себя за затылок и быстро справился с работой. Прорезав в сетке дыру, я раздвинул ее обеими руками, побросал туда свои инструменты, а затем пролез сам. За пару секунд я заделал дыру при помощи молекулярной сварки, нацепил лыжи и заскользил в темноту. Снег засыпал мои следы. Первый этап прошел отлично.

Звездолет я нашел без всяких проблем. Он стоял на ярко освещенной площадке. Я направился к нему, лавируя между зданиями. Возле последнего строения я остановился и принялся рассматривать стартовую площадку.

Какое великолепное зрелище открывалось передо мной. Мощные прожекторы на башнях освещали корабль. Снежинки падали на горевшие лампы и немедленно таяли. Вокруг звездолета царило оживление — ходили люди, ездили машины. На боку красовалось название — «Такай Ча». Тот самый корабль. Скоро он отправится в полет.

Только как мне приблизиться к нему, чтобы прицепить свое приспособление?

Глава 16

На этот вопрос можно было ответить только однозначно. В своей одежде я не мог незаметно подойти к кораблю. Но я мог это сделать, одевшись как рабочие, копошившиеся вокруг звездолета. Итак, мне нужен один из рабочих.

Однако заполучить рабочего оказалось не так уж и просто. Я ходил возле границы освещенной зоны, как волк вокруг костра, и ничего не мог поделать. Никто не приходил, никто не уходил. Рабочие на Кеккончихи работали тщательно, не торопясь и не проявляя никаких эмоций. Зато моих эмоций хватило бы на них всех. Время летело. Прошел уже целый час. Я уже не успевал вернуться в назначенное место для встречи с Ханасу. Хуже того — я не сделал то, зачем сюда пришел. До старта звездолета оставалось меньше часа, а я все никак не мог до него добраться.

Мое терпение было на исходе — я придумывал и отвергал десятки самоубийственных планов, когда один из рабочих решил уйти. Он вылез из башни крана и направился к одному из зданий. Я плюхнулся на живот и пополз по снегу, чтобы меня не увидели из

окон. Подняв голову, я увидел, что рабочий скрылся за дверью с надписью: «БЕНЖО». Я ринулся вслед за ним и увидел, что такое на самом деле бенжо.

Я человек терпеливый и дал ему возможность закончить свои дела, прежде чем свалить на пол. Он как раз застегивал пуговицы. Он так и не узнал, что его ударило. Но я знал — ребро ладони моей правой руки. Стянув с него одежду, я связал его по рукам и ногам, засунул в рот кляп, затолкал в кабинку и прикрутил проволокой к трубе. Я, конечно, мог оставить его замерзать на снегу, но это шло вразрез с моей собственной моральной философией, которую я проповедовал Ханасу. К тому же я сам в нее верил. Самое главное, чтобы его не обнаружили до старта звездолета. До которого осталось совсем немного.

Его комбинезон сидел на мне в обтяжку, но я думал, что никто не станет обращать на это внимания. Надев защитную каску, я поднял воротник, чтобы скрыть лицо. Наступил самый ответственный момент.

С замирающим сердцем я шел по освещенной площадке, держа под мышкой свою трубу. На другом плече у меня болталась сумка с инструментами. Мне хотелось бежать, но вместо этого я был вынужден идти медленным шагом. Мне это давалось нелегко, но я знал, что моя безопасность зависит от того, насколько естественным будет мое поведение. Никто не смотрел на меня, все были заняты своей работой. Я облегченно вздохнул, когда наконец дошел до подвижного крана, побросал свои вещи в кабину и залез туда. Разобраться с ручками управлений оказалось несложно. Медленно и осторожно я подъехал к основанию звездолета, скрывшись из поля зрения остальных рабочих. Но за мной могли наблюдать из темноты, поэтому мне пришлось работать в таком же монотонном ритме, как и другие. Я медленно поднялся до рулевого крыла корабля, где обычно крепится сигнальный отстреливатель.

Там его, разумеется, не было. Впрочем, это не имело никакого значения, потому что единственный человек, который мог заметить разницу, находился в туалете, привязанный к трубе. Я принялся за работу. Молекулярный сварочный аппарат весело зашипел, и через несколько минут мой радиоэжектор оказался намертво приваренным к корпусу звездолета. С земли его никто не увидит. Тем более что снег все еще продолжал падать.

— Не подведи меня, крошка, — сказал я, ласково похлопав по нему рукой.

Спустившись, я быстро покинул место преступления. На этот раз я не пошел пешком, а подъехал к зданиям прямо на кране и оставил его возле ближайшего строения. До старта оставалось десять минут. К звездолету подъехала машина с экипажем. Рабочие покидали стартовую площадку.

— Почему этот кран стоит здесь? — послышался голос за моей спиной.

— Бур-бур? — промычал я, не поворачивая головы.

Я слышал, как кто-то подошел ко мне.

— Не понял. Повтори.

— А это ты понял? — сказал я, развернувшись, и схватил его обеими руками за горло.

Его глаза вылезли из орбит, а затем закрылись, когда я стукнул его головой о косяк двери. Когда решается судьба Галактики, тут не до вежливости. Я связывал ему руки, когда корабль стартовал. Такого приятного звука я еще не слышал в своей жизни.

— Ты победил, Джим. Ты опять победил, — поздравил я сам себя, так как вокруг не было никого, кто мог бы это сделать за меня. — Еще не родившиеся поколения станут благословлять твое имя. А все жители Кеккончихи — проклинать его каждый день. Скоро жестокому господству серых людей наступит конец.

Оставив очередное бесчувственное тело возле дверей, я вдруг заметил большой и сложный замок. Зачем он нужен? Табличка на двери помогла мне ответить на этот вопрос и подсказала, что делать дальше.

«Склад боеприпасов. Вход запрещен». Идеальное место для укрытия. Только сначала надо запутать следы. Это очень просто. Нацепив лыжи, я выехал на освещенное место и стал ждать, когда же меня заметят.

Никогда еще не встречал таких глупых и ненаблюдательных людей. Минут пять я катался взад-вперед, но никто не обращал на меня внимания. Все это мне уже порядком наскучило, к тому же я немного устал. В конце концов я почти вплотную подъехал к двум рабочим, сбив на своем пути две железные бочки. Только тогда они меня заметили. Когда они подняли головы, я закрыл лицо рукой и, пригнувшись, помчался в темноту, спотыкаясь на каждом шагу. Не хватало только стрелки, указывавшей, в какую сторону я побежал. Они, конечно, стояли как вкопанные, но я надеялся, что по крайней мере они запомнят меня и в каком направлении я скрылся. А бежал я прямо к забору. На этот раз я вырезал в сетке огромную дырищу, куда свободно мог пройти танк. Набрав скорость, я скользил по открытым местам, оставляя четкие следы на снегу. Одновременно размышляя, как бы сбить с толку преследователей. Скоро такая возможность представилась. Недалеко от меня проехала машина с лыжами вместо колес. Поравнявшись с ее следами, я принялся пересекать их во всех направлениях. Затем, ухватившись за лыжные палки, я совершил поворот, который бы наполнил гордостью сердца моих инструкторов. Приземлился я на лыжные колеи, оставленные другой машиной. Теперь я не отталкивался палками, чтобы не оставлять от них следов. Теперь, если преследователи бросятся за мной в погоню, они пойдут по ложному следу. А я возвращался в город, где мог чувствовать себя в безопасности.

Надо сказать, что на Кеккончихи просыпались довольно поздно. Я заметил лишь несколько человек, идущих на лыжах по своим делам. Не думаю, чтобы кто-нибудь их них видел меня. И никаких признаков погони. Когда я достиг зданий, стоявших возле дальнего края космопорта, то там тоже все было спокойно. Что теперь? Я не хотел направляться в убежище, пока все не бросятся за мной в погоню по ложному следу. Трудно сказать, когда это произойдет. Заметив освещенное окно, я подкрался к нему и заглянул вовнутрь. Это была кухня. Горшки на печи и повар, готовивший завтрак. Заманчивая перспектива. Перспектива стала еще более заманчивой, когда повар обернулся, и я увидел, что это женщина. Я еще ни разу не разговаривал с жительницами Кеккончихи и не мог удержаться от соблазна. Анжелина всегда упрекает меня, что я приударяю за другими женщинами, так что у меня был повод, чтобы оправдать ее подозрения. Получается, что я зря старался запутывать следы, но упускать такую возможность было выше моих сил. Я подошел к двери, снял лыжи, прислонил их к стене и зашел в дом.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Холодный сегодня денек, не правда ли.

Она повернулась и молча уставилась на меня. Молодая, симпатичная, с огромными глазами. Этакая кукла.

— Ты тот, которого все разыскивают, — произнесла она с едва заметным волнением. — Я должна поднять тревогу.

— Ты не должна этого делать, — ответил я, готовый схватить ее в любую секунду.

— Слушаюсь, мой господин, — сказала она, поворачиваясь к своим горшкам и сковородкам.

Господин! Немного поразмыслив, я понял, что мужчины на Кеккончихи считают женщин за людей второго сорта. Мужчины относятся друг к другу холодно, безо всяких чувств, с сознательной и бессознательной жестокостью. Представляю, как они тогда относятся к женщинам! Как к личному имуществу, как к рабыням. А если кто-нибудь из женщин проявляет недовольство, ее наверняка выкидывают из дома на мороз. Раса послушных служанок, о которой мужчины мечтали испокон века и которую вывели в результате селективного отбора серые люди. Они достигли этой благородной цели.

Мои философские размышления улетучились, когда я унюхал запах, исходивший из горшков на печи. Я давно уже не ел, и после физической нагрузки голод рвал мой желудок острыми зубами. В калейдоскопе событий я опять забыл о еде. Теперь живот напоминал мне об этом недовольным бурчанием.

— Что у тебя тут готовится, мой прекрасный цветок Кеккончихи?

Не поднимая глаз, она стала указывать на горшки и сковородки.

— Здесь кипяток. Здесь вареная рыба. Здесь запеченная рыба. Здесь соус из водорослей. Здесь...

— Прекрасно. Можешь не продолжать дальше. Дай мне по порция всего, кроме кипятка, разумеется.

Она подала мне несколько полных металлических мисок и вырезанную из кости ложку. Пища была невкусной, но я не стал жаловаться. Я даже уплел вторую порцию, не снижая темпа. Жуя и

чавкая, я внимательно наблюдал за женщиной, но она не предприняла ни малейшей попытки убежать или позвать на помощь.

— Меня зовут Джим, — сообщил я, громко икнув. — А тебя как?

— Каеру.

— Ты прекрасно готовишь, Каеру. Не особо вкусный завтрак, но это не твоя вина. Такая уж кухня на вашей планете. Тебе эта работа приносит радость?

— Я не знаю, что такое радость.

— Не сомневаюсь. Работа занимает у тебя много времени?

— Я не понимаю вашего вопроса. Я встаю, работаю, ложусь спать. И так каждый день.

— Праздников и выходных у тебя тоже, разумеется, нет. В этом мире нужны перемены, и они не за горами. — Каеру вернулась к своей работе. — Эту культуру не надо разрушать. Она сама рассыплется на куски. Она исчезнет, и цивилизация войдет в ваши жизни. Тебя ждет радостное завтра, Каеру.

— Завтра я буду работать, как и сегодня.

— Надеюсь, это продлится недолго. — Ногтем я вытащил водоросль, застрявшую у меня в зубах. — Во сколько ты должна приготовить завтрак?

Она посмотрела на часы.

— Через несколько минут. Когда прозвенит звонок.

— А для кого ты готовишь?

— Для мужчин. Для солдат.

Не успела она произнести последнее слово, как я уже вскочил со стула и стал натягивать рукавицы.

— Прекрасный завтрак, но, боюсь, мне пора идти. Я двигаюсь на юг. Надо закончить кое-какие дела, пока не взойдет солнце. Полагаю, ты не станешь возражать, если я тебя свяжу?

— Делай со мной все, что захочешь, мой господин.

Сказав это, она опустила глаза. Впервые в жизни мне стало стыдно за то, что я мужчина.

— Когда-нибудь твоя жизнь изменится, Каеру. Я тебе обещаю. Если мне удастся спасти свою шкуру, я пришлю тебе посылку с гуманитарной помощью. Платья, губную помаду и брошюру о движении феминисток. А теперь скажи — есть ли здесь кладовка?

Она указала мне на дверь, и я поцеловал ее в лоб. Она тут же принялась раздеваться и очень удивилась, когда я остановил ее. Представляю, какие романтические любовники эти серые люди! Еще одно преступление, за которое они должны ответить. Каеру не противилась, когда я закрыл ее в кладовке и запер дверь на ключ. Ее, конечно, быстро обнаружат, когда солдаты придут завтракать. Но все же я выиграю несколько минут.

Выйдя из дома, я некоторое время шел, держа лыжи на плече, пока не оказался на обледеневшей площадке, где следов не будет видно. Только тогда я встал на лыжи и помчался в обратном направлении. Вскоре я оказался возле ограждения космопорта и снова проделал дыру в проволочной сетке. Слышались крики и завывания сирен. Значит, мой предыдущий визит не остался незамеченным. Как раз вовремя. Я с трудом боролся с зевотой. Светало. Самое время отдохнуть. Я заделал отверстие в сетке и заковылял по полю.

Без всяких приключений я добрался до склада боеприпасов. Человек, которого я оставил лежать возле дверей, исчез, как, впрочем, и все остальные в округе. Замок так и просил, чтобы я обратил на него свое внимание, и я справился с ним за пару секунд. Прекрасно, Джим! Закрыв за собой дверь, я вошел внутрь, едва передвигая свинцовые ноги. Здесь была комната, где хранились осколочные гранаты. Спрятавшись за ними, я лег на пол и тут же безмятежно заснул.

Какое прекрасное чувство. Казалось, я мог бы спать вечно. Но что-то потревожило меня. Сознание вернулось ко мне, и я увидел, что уже наступил день. Так что же меня разбудило? Свет?

Нет. Звук ключа, поворачивавшегося в замке, и скрип открываемой двери.

Я сам во всем виноват. Как я мог забыть о поисковых отрядах! Этих людей никак не перехитришь. Как только они узнали, что я жив, они принялись обыскивать все здания подряд. Игра продолжалась.

Глава 17

Сон освежил меня, богатая протеином рыба восстановила мои силы. К тому же я был зол на себя, что не смог выбрать себе более надежного убежища. Но, как и все мы, я был готов скорее сорвать зло на ком-нибудь другом, нежели признать свою вину. И решил отыграться на злополучном человеке, который вошел в комнату. Выждав, когда он приблизится, я прыгнул на него, как разъяренный тигр. И тут же запутался в лыжах, которые забыл снять. Я рухнул к его ногам. Но судьба схватки была предрешена заранее, ведь серые люди абсолютно не умели драться. Пара ударов — и все готово. После чего я положил лыжи на плечо, переступил через неподвижное тело и высунул голову из двери. По всему зданию рыскали серые люди. Они были со всех сторон. Я засеменил к выходу. Один из них заметил меня, но я успел сделать три шага, прежде чем он опомнился.

— Он здесь. Пытается убежать, — монотонно произнес он.

— Уже убежал! — закричал я, выскочил через дверь и сбил при этом с ног одного из преследователей. Нацепив лыжи, я рванул прочь.

Естественно, это ничего мне не дало, просто отсрочило неизбежное на несколько минут. Дыру в решетке заделали, на воротах стояла охрана, а моя сумка с инструментами осталась на складе боеприпасов. Скользя по снегу и обдумывая, что делать дальше, я ус-

лышал звук заводящихся машин. Можно захватить одну из них. Прорваться через охраняемые ворота. А что потом? Я не смогу в одиночку побороть целую планету. Но, возможно, мне удастся найти в городе укромное место.

Только зачем? От этих людей мне не скрыться. Зачем тешить себя иллюзиями? Я остановился, чтобы обдумать это как следует, но, вспомнив про аксионный фидер, снова бросился бежать. Может, Ханасу прав и самоубийство — единственный выход. Но я сразу же отмел этот вариант. Я не самоубийца. По крайней мере, я пытался себя в этом убедить.

Все это полностью занимало мое внимание. Побег из космопорта, погоня и нерадостные мысли привели меня в состояние депрессии. Конечно, в таком состоянии я не услышал звука снижавшейся ракеты, пока она не зависла у меня над головой. Как и все остальные, я остановился, посмотрел вверх и раскрыл рот.

Окутанный облаком дыма, приземлялся небольшой патрульный катер. С эмблемой Лиги на борту.

— Получилось! — завопил я, подпрыгивая от радости.

Издавая победные звуки, я ринулся ему навстречу. Не успел корабль коснуться поверхности, как я уже находился рядом с ним. Стоит ли упоминать, что никто из местного населения не проявил такого энтузиазма.

Люк корабля открылся.

— Добро пожаловать на Кеккончихи, — приветствовал я появившегося пилота. — Провозгласи эту планету собственностью Лиги, о завоеватель.

— Насчет этого у меня нет никаких указаний, — ответил молодой и бородатый пилот в грязном и заштопанном комбинезоне. — Мне приказали взять на борт некоего Джеймса Боливара ди Гриза.

— Он перед тобой.

— Местных тоже здесь полно. И они с оружием. Залезай в корабль.

— Нет, сначала я должен объяснить им, что произошло.

Я был поражен, увидев знакомое лицо человека, возглавлявшего группу подоспевших преследователей. Ком, командир и капитан корабля, на котором меня привезли сюда.

— Брось пистолет! — приказал я.

Но вместо этого он направил его на меня.

— Вы оба пойдете со мной.

У меня глаза налились кровью. Упрямство этих людей просто бесило. Сколько они уже пролили крови, сколько смертей на их совести!

— Я умоляю тебя, не стреляй! — закричал я, поднял руки и, спотыкаясь, пошел к Кому.

Ребром ладони я выбил у него пистолет, который поймал в воздухе, завернул ему руку за спину и ткнул дулом пистолета в шею.

— Послушайте, замороженные идиоты! — закричал я. — Все закончилось. Вы проиграли. Вы больше ничем не навредите Галактике. Секретность была вашим главным оружием, вы скрывались как тараканы за обоями. Но этому пришел конец. Видите эмблему на этом корабле? Это корабль Лиги. Теперь они знают о вас все. Знают, кто вы и где. Справедливость спустилась на вашу планету в лице этого симпатичного пилота, который принес вам грозное предупреждение и завоевал Кеккончихи.

— Разве? — удивленно пробормотал пилот.

— Заткнись, болван, и выполняй свое задание.

— Мое задание заключалось в том, чтобы взять вас на борт.

— Я расширил твои полномочия. Забери у них оружие.

В моем голосе едва заметно звучали нотки отчаяния, потому что серые люди направили свои пистолеты на нас. Зная их сущность, я не сомневался, что они хладнокровно убьют Кома, чтобы схватить меня. Я еще сильнее завернул ему руку за спину.

— Ну давай, Ком, скажи им, чтобы они бросили оружие и сдались в плен. Если прозвучит хоть один выстрел, я лично прослежу, чтобы тебя подвергли самым страшным пыткам.

Ком задумался и вскоре принял решение:

— Возможно, этот корабль оказался здесь случайно.

— Ничего подобного, — ответил пилот. — Мы получили сигнал тревоги, и все корабли в этой зоне летят к вашей планете. Мы уже долго разыскиваем вас. Сейчас я покажу вам послание.

— Не надо нам никакого послания. Убейте их обоих! — громко приказал Ком. — Если они лгут, то они заслуживают смерти. Если не лгут, то мы все равно погибнем. Нет никакой разницы.

— Отойди в сторону, Ком, — сказал один из серых людей, поднимая пистолет. — Иначе мне придется стрелять в тебя.

— Стреляй в меня, — последовал монотонный ответ.

— Стой! — закричал я, метким выстрелом выбив пистолет из руки серого человека. — Это бесполезно!

Они так не думали. И уже изготовились стрелять, когда пилот показал им послание, о котором говорил раньше. Застрекотал корабельный пулемет, и разрывные пули полетели во все стороны. Не теряя времени, я двинул Кома пистолетом по затылку, чтобы он не артачился. Обычно я не злой человек, но сейчас получал прямо-таки садистское наслаждение.

Через секунду мы с пилотом уже находились в шлюзовой камере, и я нажал на кнопку закрытия люка.

— Ложись на пол! Мы взлетаем с пятикратной перегрузкой! — предупредил пилот.

Так оно и случилось. Меня придавило к полу, я ударился обо что-то головой, и перед глазами поплыли разноцветные круги. Затем давление исчезло, и я запарил в невесомости.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Пожалуйста. Надо же, какие у тебя чокнутые друзья.

— Это те самые психи, которые развязали войну. Кстати, что нового?

— Мы по-прежнему отступаем, — мрачно ответил пилот. — И ничего не можем поделать.

— Не унывай. Направь ракету к ближайшей станции, где есть пси-оператор. Мне нужно срочно передать важную информацию. Кстати, ничего не слышал о побеге с планеты чужаков?

— Ты имеешь в виду адмиралов? Они вернулись. Правда, на них жалко было смотреть. Я хочу сказать, что обычно мне наплевать на старших офицеров, я отношусь к ним как к непонятной форме жизни. Но с этими адмиралами поступили жестоко.

— Их вылечат. Не смотри, что я улыбаюсь, просто это моя жена и сыновья освободили пленников.

— Семейка у тебя что надо!

— Приятно слышать такие слова.

— Семейка у тебя что надо!

— Не обязательно повторять, хотя мне это и приятно. А теперь прибавь скорости. У нас полно дел.

К тому времени, как мы приземлились на спутниковой станции, я написал все послания на бумаге. Чтобы немедленно послали громадный крейсер с солдатами для установления порядка на Кеккончихи. Чтобы нашли Ханасу и поставили его во главе комитета по умиротворению. Справедливость, месть и все остальное могут подождать. Сейчас самое главное — нейтрализовать серых людей, защитив таким образом наши фланги. Нам еще предстояло выиграть войну. Я прочитал все сообщения, поступившие с фронтов и, когда мы достигли главной базы Специального Корпуса, в моей голове родились кое-какие идеи. Все они тут же улетучились, когда я увидел свою обожаемую женщину.

— Воздуха... — прохрипел я после затяжного и страстного поцелуя. — Как приятно вернуться домой.

— Это еще не все, но я полагаю, ты сначала займешься войной.

— Если ты не против, моя прелесть. Операция по спасению адмиралов прошла гладко?

— Как по маслу. Ты здорово нам помог, устроив такую суматоху. Мальчики поработали на славу. Они быстро учатся. Сейчас они занимают важные должности на флоте. Я так о тебе беспокоилась.

— У тебя были для этого основания, но все уже позади. Кстати, вы не захватили с собой сувениры, когда возвращались через казначейство чужаков?

— Этим занимались близнецы, у которых такие же наклонности, как и у тебя. Того, что они захватили с собой, хватит на всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, мы выживем.

— Война... — Мой восторг улетучился. — Как идут дела?

— Ничего утешительного. Оставшись одни, чужаки сначала наделали немало глупостей. После того, как серые люди покинули

планету, власть разделилась. Но у них осталось немало смышленых командиров, которые начали наступление на всех фронтах. Они оставили свою базу и наносят нам один удар за другим. Мы продолжаем отступать. Лишь иногда контратакуем, чтобы они не подозревали, в каком тяжелом положении мы находимся. Они превосходят нас в живой силе и вооружении по крайней мере в тысячу раз.

— И сколько это может продолжаться?

— Недолго. Мы оставили почти все обитаемые планеты и скоро окажемся в межгалактическом космосе. Дальше отступать некуда. А если мы отступим дальше, эти монстры поймут, что победили. Сдерживая нас небольшими силами у границы Галактики, они начнут планетарную интервенцию.

— Мрачную картину ты мне нарисовала.

— Так оно и есть.

— Не волнуйся, радость моя. — Я обнял и поцеловал Анжелину. — Твой Скользкий Джим снова спасет Галактику.

— Как приятно это слышать.

— Мне приказали явиться сюда... — раздался знакомый голос. — Чтобы посмотреть, как вы обнимаетесь и целуетесь? Вы что, не знаете, что идет война? Я очень занятой человек.

— Скоро вы будете еще более занятым, профессор Койпу.

— Что ты хочешь этим сказать? — Он нервно передернул плечами и заскрежетал своими выпирающими зубами.

— Я хочу сказать, что вам придется создать оружие, которое спасет нас всех, и тогда ваше имя навсегда войдет в историю. Койпу, Спаситель Вселенной.

— Ты сумасшедший.

— Вы не первый, кто мне это говорит. Гениев всегда называли сумасшедшими. А иногда и хуже. Я прочитал в совершенно секретном отчете, что вы верите в существование параллельных миров...

— Тихо, идиот! Об этом никто не должен знать. Особенно ты!

— Я узнал об этом случайно. Когда я проходил мимо сейфа, он неожиданно открылся и оттуда выпал листок с этим секретным отчетом. Так это правда?

— Правда, правда, — пробурчал он с несчастным видом, постукивая себя ногтями по зубам. — Мысль об этом пришла ко мне в голову, когда ты застрял во временно́й петле и попал в прошлое, которого не существует.

— Но ведь для меня оно существовало.

— Разумеется. Как я и говорил. Таким образом, возможно существование еще одного прошлого, а стало быть, и бесчисленного количества прошлых. И настоящих тоже, как подсказывает логика.

— Действительно, — подбодрил его я. — Итак, вы провели эксперименты.

— Да. Я получил доступ в параллельные вселенные и провел там необходимые наблюдения. Но как это может спасти Галактику?

— Сначала, с вашего разрешения, я задам еще один вопрос. Можно ли попасть во все эти вселенные?

— Конечно. Как иначе я мог проводить там свои наблюдения? Я посылал туда специальный аппарат, который делал замеры и фотографии.

— И какого размера аппарат можно туда послать?

— Это зависит от мощности поля.

— Отлично. Мне все понятно.

— Может, это понятно тебе, Скользкий Джим, — недовольно сказала Анжелина, — но я ничего не понимаю.

— О, дорогая, ты только представь, какие это дает нам возможности. Мы пошлем военный корабль с мощным источником питания. Корабль присоединится к нашему флоту и вступит в сражение. Флот отступит, корабль останется, его захватят враги, включится поле и...

— И все эти уродливые создания со своим вооружением отправятся в другую вселенную. И нам больше никто не будет угрожать!

— Примерно так, — сказал я скромно. — Мы сможем это сделать, Койпу?

— Может быть, может быть...

— Тогда пойдемте в вашу лабораторию и посмотрим на это устройство. Надо сделать возможное реальным.

Новое изобретение Койпу выглядело довольно невзрачно. Куча всяких ящиков с проводами и переключателями. Но он им гордился.

— Кое-что еще предстоит доделать, как вы сами видите, — сказал профессор. — Я назвал это устройство параллелолайзер...

— Мне в жизни не произнести такое слово.

— Не смейся, ди Гриз! Это изобретение изменит судьбу нашей Вселенной и, по крайней мере, еще одной, неизвестной.

— Не принимайте это так близко к сердцу, — примирительно сказал я. — А теперь, будьте так добры, покажите, как работает ваш параллелолайзер.

Бормоча себе под нос, Койпу принялся щелкать переключателями. Пока он этим занимался, я обнял Анжелину, и она обвила руки вокруг моей шеи. Профессор, занятый своей работой, не замечал, что мы заняты своим делом. Настраивая свое приспособление, он объяснял принцип его действия:

— Самое главное — это точность. Различные параллельные вселенные отделены друг от друга лишь фактором вероятности. Основная сложность заключается в том, чтобы выбрать нужный фактор из бесчисленного числа ему подобных. Разумеется, сложные факторы вероятности относятся к дальним вселенным, и для них требуется более мощное силовое поле. Для начала мы возьмем ближайшую вселенную. Итак...

Он установил в нужное положение последний переключатель, и свет померк, когда машина стала поглощать энергию. Она гудела, во все стороны летели искры, а в воздухе резко запахло озоном. Я выпустил Анжелину из своих объятий и посмотрел по сторонам.

— Знаете, профессор, — сказал я, — насколько я вижу, ничего не произошло.

— Ты кретин! Посмотри через генератор поля.

Я посмотрел через большую металлическую раму, на которую были намотаны медные провода. И все равно ничего не увидел, о чем и сообщил профессору. Тот заскрежетал зубами от злости.

— Посмотри через поле, и на другой стороне ты увидишь параллельную вселенную.

— Я вижу всего лишь лабораторию.

— Тупица. Это другая лаборатория. Лаборатория из другого мира.

— Замечательно, — улыбнулся я, не желая обижать старого профессора. Хотя и считал его психом. — Вы хотите сказать, что стоит мне только пройти через экран, как я попаду в другой мир?

— Возможно. А может, ты умрешь. Я пока еще не перемещал через экран живую материю.

— Не пора ли попробовать? — сказала Анжелина, крепко беря меня за руку. — Только не на моем муже.

Бормоча под нос проклятия, Койпу вышел и вскоре вернулся с белой мышью. Он поместил ее в зажим на длинном металлическом пруте и осторожно переместил мышь через экран. Мышь высвободилась из зажима и плюхнулась на пол. Затем побежала вперед и исчезла.

— Куда она побежала? — спросил я, моргая.

— В параллельный мир, как я уже объяснял.

— Бедняжка испугалась, — сказала Анжелина. — Но, похоже, ничего плохого с ней не произошло.

— Надо сделать необходимые анализы, — сказал Койпу. — Заслать туда еще несколько мышей, затем произвести микроскопическое исследование срезов тканей, спектрографическую детерминацию факторов...

— В нормальных условиях — да, профессор, — сказал я. — Но идет война, и у нас нет времени. Только если мы прямо сейчас...

— Нет! — завопила Анжелина, которая поняла, что я имею в виду, быстрее, чем профессор.

Но она опоздала.

Когда она закричала, я уже проходил через экран.

Глава 18

Я почувствовал всего лишь легкий зуд. Впрочем, это могло быть плодом моего болезненного воображения — ведь я ждал каких-то необычных ощущений. Я осмотрелся. Знакомая обстановка, только, разумеется, отсутствовал параллелолайзер.

— Возвращайся немедленно, Джим ди Гриз, или я пойду за тобой, — сказала Анжелина.

— Подожди минутку. Это исторический момент в науке, и я хочу насладиться им сполна.

Оказавшись на другой стороне, я с грустью заметил, что прежняя лаборатория — с Анжелиной и профессором — исчезла из поля зрения. Спереди само поле было невидимым, но с обратной стороны оно представляло собой черное пятно, висевшее в воздухе. Боковым зрением я заметил какое-то движение — возле шкафа пробежала мышь. Надеюсь, здесь ей понравилось. Прежде чем вернуться, я почувствовал, что должен как-то увековечить это историческое событие. Вытащив авторучку, я написал на стене: «ЗДЕСЬ БЫЛ СКОЛЬЗКИЙ ДЖИМ». Это им на память. В этот момент дверь стала открываться, и я тут же шмыгнул обратно через экран. У меня не было ни малейшего желания встречаться с кем бы то ни было. Возможно, это был мой двойник из параллельного мира.

— Очень интересно, — сказал я.

Анжелина повисла у меня на шее, а Койпу выключил машину.

— Какой величины можно сделать экран? — спросил я.

— Не существует ни физических, ни теоретических пределов, так как его на самом деле нет в природе. Сейчас для удержания поля я использую медную обмотку, но в принципе от нее можно и отказаться. Когда я смогу создать поле без материальных ограничителей, оно будет таким большим, что через него пройдет весь флот чужаков.

— В этом и состоит мой план, профессор. Возвращайтесь за свой кульман и шевелите извилинами. А я пока доложу о новостях нашим хозяевам.

Собрать вместе всех начальников штабов оказалось не так просто. Все они руководили боевыми действиями, хотя от этого не было никакого толку. Пришлось действовать через Инскиппа, который использовал свои полномочия главы Специального Корпуса, чтобы созвать совещание. Так как база использовалась в качестве главного штаба обороны, никто не посмел ответить отказом.

В отутюженной униформе я ждал, когда они усядутся на свои места. На груди у меня блестели несколько медалей, половина из которых были фальшивыми. Адмиралы приветствовали друг друга, раскуривали длинные сигары и бросали в мою сторону неодобрительные взгляды. Когда они все уселись, я попросил слова.

— Джентльмены, в настоящее время мы проигрываем войну.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы слушать прописные истины, ди Гриз! — рявкнул Инскипп. — Что у тебя на уме?

— Я собрал вас здесь, чтобы объявить о приближающемся конце войны. Мы победим.

Это заявление поразило присутствовавших. Все седые головы повернулись в мою сторону.

— Это станет возможным при помощи нового изобретения под названием «параллелолайзер». Посредством его мы сможем отправить весь флот чужаков в параллельную Галактику и навсегда забыть об этих тварях.

— Что за чушь порет этот сумасшедший? — проворчал один из адмиралов.

— Я веду речь о таком новом изобретении, что даже моего ума недостаточно, чтобы уяснить его сущность. Что тогда говорить о ваших усохших мозгах? Но я попытаюсь объяснить вам принцип его действия.

Послышались недовольные вздохи, но, по крайней мере, я завладел их вниманием.

— Теоретически все обстоит следующим образом. Мы можем путешествовать в прошлое, но не можем изменить его. Если мы и совершим там какие-нибудь радикальные изменения, они станут частью прошлого того настоящего, в котором мы сейчас живем.

Несколько адмиралов погрузились в дремоту, но я продолжал:

— Впрочем, изменения в прошлом могут привести к образованию другого прошлого для другого настоящего. Только мы не знаем об этом, но это настоящее существует для людей, которые там живут. Эти альтернативные линии времени или параллельные миры были закрыты для нас, пока наш гений — профессор Койпу не изобрел параллелолайзер. Это приспособление позволяет пройти в другие параллельные вселенные, или пролететь туда, или переместиться туда другим способом. Сейчас главное — создать поле достаточных размеров, чтобы через него пролетел весь флот чужаков. Таким образом мы навсегда от них избавимся. Вопросы есть?

Вопросов хватало, но после часа подробных объяснений мне удалось убедить их, что таким образом мы выиграем войну. Им это пришлось по душе. Адмиралы заулыбались, одобрительно закивали, раздались восторженные возгласы. Общее мнение высказал Инскипп:

— Мы сможем это сделать! Мы закончим эту ужасную войну! Мы отправим вражеский флот в другую вселенную!

— Абсолютно правильно, — сказал я.

— *Это запрещено! — вдруг раздался чей-то оглушительный голос. Казалось, он звучал прямо с потолка.*

Это было настолько необычно, что один адмирал схватился за сердце. Но старого мошенника Инскиппа трудно сбить с толку.

— Кто это сказал? Кто из вас занимается чревовещанием?

Отовсюду послышались протестующие крики, многие стали заглядывать под стол.

— *Это запрещено, потому что аморально!*

— Кто это говорит? — закричал Инскипп.

— Мы. Моральный Корпус.

На этот раз голос раздался от дверей, а не с потолка. Головы генералов одна за другой стали поворачиваться туда. Все уставились на вошедшего. Выглядел он весьма впечатляюще. Высокий, с длинными седыми волосами и бородой, в белой тунике до пола.

Но Инскипп не растерялся.

— Ты арестован, — заявил он. — Вызовите охрану. Пусть они уведут его. Я никогда не слышал о Моральном Корпусе.

— Конечно, не слышал. Мы — секретная организация.

— Так уж и секретная, — хмыкнул Инскипп. — Мой Специальный Корпус такой секретный, что о нем ходят только слухи.

— Знаю. Разве это секретность? Мой Моральный Корпус настолько секретный, что о нем даже слухи не ходят!

Инскипп побагровел. Я быстро втиснулся между спорившими.

— Все это очень интересно, но как это доказать?

— Пожалуйста. — Незнакомец смерил меня пристальным взглядом. — Какой ваш самый секретный код?

— Это я должен сказать?

— Нет, конечно. Я сам его назову. Это шифр «Васарнап», не так ли?

— Возможно, — уклончиво ответил я.

— Не возможно, а точно, — твердо сказал он. — Подойди к совершенно секретному компьютеру и сделай в этом шифре запрос: «Сообщить все о Моральном Корпусе».

— Я сам этим займусь, — сказал Инскипп. — У агента ди Гриза нет допуска к этому шифру.

Что ж, пусть думает, что нет.

Все смотрели на Инскиппа, когда он подошел к компьютеру и включил его. Достав из кармана колесико с шифром, он вставил его в терминал и отстучал запрос. Динамик захрипел, и механический голос спросил:

— Кто делает запрос?

— Инскипп, глава Специального Корпуса.

— Сообщаю, что Моральный Корпус является самой главной секретной силой Лиги. Его приказы должны выполняться неукоснительно. Приказы отдаются руководителем Морального Корпуса. В настоящее время таковым является Джей Ховах.

— Я — Джей Ховах, — сказал незнакомец. — Поэтому повторяю. Запрещается посылать флот чужаков в параллельный мир.

— Но почему? — спросил я. — Ведь вы не возражаете, когда мы стреляем в них.

Он спокойно посмотрел мне в глаза.

— Самозащита не бывает аморальной. Вы защищаете свою родину и своих близких.

— Но если вы не возражаете против истребления чужаков, почему же их нельзя вышвырнуть в параллельную вселенную? Так прольется меньше крови.

— Вы хотите отправить огромный боевой флот в параллельный мир, где никогда не существовало чужаков. На вас ляжет ответственность за гибель человеческой расы той галактики. Это аморально. Надо найти способ уничтожить врага, не заставляя страдать других.

— Вы не сможете нас остановить! — раздраженно закричал один из адмиралов.

— Смогу. И остановлю, — ответил Джей Ховах. — Конституция Лиги Объединенных Планет гласит, что ни один аморальный акт не должен совершаться правительствами планет или силами, подчиняющимися этим правительствам. В оригинале подписанного договора вы найдете параграф, где говорится, что для определения моральности актов создается Моральный Корпус. Мы — высшая власть. Мы говорим «нет». Придумайте другой план.

Пока Джей разглагольствовал, шарики в моей голове крутились со страшной быстротой. И скоро у меня созрело отличное решение.

— Хватит пререкаться, — сказал я.

Мне пришлось крикнуть это еще раз, прежде чем меня услышали.

— У меня есть запасной план.

Это успокоило спорщиков, и даже Джей с интересом посмотрел в мою сторону.

— Моральный Корпус протестует против высылки этих уродливых тварей в параллельную вселенную, где они могут навредить человеческим существам. Правильно, Джей?

— Суть верна.

— Тогда ты не станешь противиться, если мы отправим чужаков в параллельную вселенную, где нет человеческих существ?

Он несколько раз открыл и закрыл рот, затем бросил на меня злой взгляд. Адмиралы озадаченно загудели. Они не отличались сообразительностью, иначе бы они никогда не стали адмиралами.

— Мне надо посоветоваться, — наконец сказал Джей Ховах.

— Конечно. Только побыстрее.

Он недовольно покосился на меня, взял в руку золотой медальон, висевший у него на шее, и что-то прошептал в него. Затем прислонил медальон к уху. Пару раз кивнул.

— Высылка чужаков в параллельный мир, где нет человеческих существ, не считается аморальным актом. Я все сказал.

— Что происходит? — удивленно спросил один из адмиралов.

— Все очень просто, — ответил я. — Существуют миллионы и миллионы параллельных галактик. Может, их вообще бесчисленное множество. Среди них должна быть хотя бы одна, где никогда не существовал гомо сапиенс. Возможно, что существует галактика, населенная одними чужаками, где наших врагов примут с распростертыми объятиями.

— Раз ты это предложил, то сам и найдешь такую галактику, — приказал Инскипп. — Пошевеливайся, ди Гриз. Найди хорошее местечко, куда можно отправить вражеский флот.

— Он не будет действовать один, — заявил Джей Ходах. — Мы пристально следим за действиями этого агента. Ведь он самый аморальный человек во всем Специальном Корпусе.

— Прекрасный комплимент, — сказал я.

— Мы не можем доверять его словам. В поисках подходящей параллельной вселенной его будет сопровождать один из наших агентов.

— Все это хорошо, — сказал я, — но не забывайте, что идет война, и я не хочу, чтобы на моей шее висел ваш моралист, распевающий псалмы.

Джей что-то шептал в свой коммуникатор.

— Это военная операция, и я должен действовать быстро...

Я поперхнулся, когда она появилась в дверях. На ней была такая же туника, как и у Джея, которая не скрывала, а лишь подчеркивала изгибы фигуры. Блондинка с розовыми губками и сияющими глазами. И все при ней.

— Тебя будет сопровождать агент Инкуба, — сказал Джей.

— Что ж, в таком случае я забираю обратно свои возражения, — промямлил я. — Уверен, что она великолепно справится с заданием...

— Вот как? — снова раздался голос с потолка. На этот раз женский, и я тут же узнал его. — Если ты собираешься мотаться по Галактике вместе с этой сексуальной бомбой наедине, то ты ошибаешься, ди Гриз. Закажи билет и для меня.

Глава 19

— И это называется секретным совещанием? — заныл Инскипп. — Наши разговоры прослушивают все, кому не лень. Это ведь голос твоей жены, ди Гриз?

— Очень похож, — ответил я немного поспешно. — Полагаю, вам следует усилить меры безопасности. Но это вы сделаете без меня, потому что я срочно отправляюсь искать подходящую галактику. До скорой встречи, джентльмены.

Я вышел из комнаты вместе с Инкубой. Анжелина поджидала меня в коридоре. Глаза, как у львицы, ногти готовы впиться мне в горло. Смерив меня взглядом с головы до ног, она уничтожающе посмотрела на Инкубу.

— Ты собираешься отправиться в путешествие в этом купальном халате? — спросила она голосом, приближающимся по температуре к абсолютному нулю.

Инкуба молча осмотрела Анжелину. Ее лицо осталось спокойным, хотя ноздри слегка задергались, как будто она понюхала что-то с неприятным запахом.

— Нет. Я надену кое-что более практичное — и гораздо более привлекательное.

Чтобы не допустить эскалации боевых действий, я отпрыгнул в сторону и бросил на пол мини-гранату с дымовым зарядом. Она глухо рванула, и женщины на мгновение забыли о своих разногласиях.

— Леди, — быстро сказал я, — мы вылетаем через полчаса. Так что приготовьтесь. Я сейчас пойду к профессору Койпу и надеюсь, что вы тоже скоро там появитесь.

Подскочив ко мне, Анжелина схватила меня за руку и повела по коридору, шипя на ухо различные угрозы. Чтобы придать вес своим словам, она вдобавок укусила меня за ухо.

— Один только взгляд в ее сторону, одно только прикосновение к ней — и ты покойник, развратный Джим ди Гриз.

— А как же презумпция невиновности? — простонал я, потирая укушенное ухо. — Я люблю тебя и никого другого. А теперь прекрати это и займемся войной. Надо, чтобы Койпу помог нам осуществить нашу миссию.

— Существует только одна галактика подобного типа, — заявил Койпу, когда я объяснил ему суть дела.

— Что значит одна? — изумился я. — Вы ведь утверждали, что таких галактик миллионы, бесконечное множество.

— Утверждал. Их действительно столько. Но мы можем переправить большой объект — такой, как космический корабль — только в шесть из них. Чтобы попасть в остальные, у нас хватит энергии для создания поля диаметром лишь в два метра. В такую дырку много жуков не загонишь.

— Так, значит, шесть галактик. Почему же вы сказали, что только одна?

— Потому что в пяти из них существует эта лаборатория. Там я видел себя и других людей. В шестой — я называю ее Космос номер шесть — нет такой лаборатории. Экран выходит прямо в межзвездное пространство.

— В эту галактику мы и направимся, — послышался ласковый голос, и в лабораторию вошла Инкуба.

На ней был облегающий космический комбинезон, высокие черные сапоги и масса других интересных вещей. Но Анжелина стояла за моей спиной, и я быстро отвел взгляд. Лучше смотреть на Койпу. Он хоть и уродливый, но это более безопасно.

— Да, мы направимся именно туда, — сказал я.

— Я предвидел это решение, — сказал Койпу. — Экран параллелолайзера установлен вне здания. Диаметр его сто метров. Выберите себе корабль соответствующих размеров, и я проинструктирую вас, как действовать дальше.

— Отлично. Нам подойдет патрульный катер типа «Лансер».

Я вышел, и мой верный экипаж последовал за мной. Я расписался за катер и произвел все необходимые проверки с помощью Анжелины. Инкуба находилась в рубке управления, что значительно облегчило мне жизнь.

— Мне всегда хотелось побывать в другой галактике, — весело сказал я.

— Заткнись и приготовься к старту.

Я вздохнул и вызвал Койпу по радио.

— Вылетайте курсом в сорок шесть градусов, — сказал он. — Вы увидите светящийся круг.

— Понял.

— Пролетайте через него. Не забудьте оставить в этом месте радиомаяк.

— Хороший совет. Ведь мы собираемся вернуться.

Катер пролетел сквозь круг, который исчез позади нас. На экране заднего вида я увидел черный диск, закрывавший звезды.

— Радиомаяк установлен, — доложила Анжелина.

— Молодец. В пятидесяти световых годах расположена звезда Г-2. Приемник поймал радиосигналы, посланные оттуда пятьдесят лет назад. Посмотрим на эту систему?

— Да. Но это единственное, на что ты будешь смотреть.

— Любовь моя. — Я взял Анжелину за руки. — Мои глаза смотрят только на тебя. — Сначала она улыбнулась, потом засмеялась, и я обнял ее. — Ты меня разыграла?

— Самую малость. Мне хотелось отправиться вместе с тобой, и мне был нужен хороший повод. Правда, я изрежу тебя на куски, если ты приблизишься к этой цыпочке из Морального Корпуса.

— Не беспокойся. Я занят тем, что в очередной раз спасаю Галактику.

Когда мы вышли из искривленного пространства, в рубку управления вошла Инкуба.

— Вокруг этой звезды вращаются только две планеты?

— Так утверждают приборы. Сначала мы рассмотрим ближайшую.

Мгновенно переместившись туда в подпространстве, мы вынырнули в атмосфере. Голубое небо, белые облака, приятное место. По радио звучала тревожная музыка и доносились обрывки разговоров на незнакомом языке. Никто из нас не произнес ни слова. От того, кто населял эту планету, зависела судьба Человечества. Мы опускались все ниже и ниже.

— Дома, — с несчастным видом сказала Анжелина. — Вспаханные поля. Так похоже на наш мир...

— Не совсем, — заметил я, увеличивая изображение.

— Красота! — вздохнула Анжелина и осеклась.

Какая-то тварь с дюжиной ног тянула плуг. За плугом шел крайне отвратительный чужак, ничем не отличавшийся от наших врагов.

— Галактика чужаков! — со смехом воскликнул я. — Мы отправим их сюда, и они заживут здесь счастливой жизнью. Вернемся обратно и сообщим всем эту приятную новость.

— Давайте исследуем вторую планету, — спокойно предложила Инкуба. — И все остальные. Мы должны убедиться, что в этой галактике действительно не существует людей.

Анжелина холодно посмотрела на нее, а я печально вздохнул.

— Конечно. Именно это мы и сделаем. Посмотрим везде и убедимся, что здесь обитают только чужаки.

Я все сглазил. Выйдя на орбиту второй планеты, мы увидели города и деревни, поля и шахты. На этой планете обитали самые что ни на есть настоящие люди.

— Может, внутри они чужаки, — сказал я, хватаясь за соломинку.

— Давайте разрежем одного и посмотрим, что у него внутри, — совершенно серьезно предложила Анжелина.

— Моральный Корпус запрещает разрезать живых существ, будь то люди или чужаки...

Тут заработало радио, и из динамиков раздались крики на непонятном языке. На пульте зажглись несколько лампочек, и я взглянул на экран. И тут же отшатнулся.

— У нас гости, — сообщил я. — Улетаем?

— Не стоит торопиться, — посоветовала Анжелина.

Рядом с нами появился огромный военный корабль черного цвета. Его пушки были нацелены на нас. В дуле каждой из них мог спокойно разместиться такой катер, как наш. Остановив двигатель, я почувствовал, как нас захватили в магнитное поле.

— Я, пожалуй, отправлюсь к ним и узнаю, в чем дело, — сказал я, поднимаясь с кресла. — А вы оставайтесь здесь.

— Я пойду с тобой, — решительно сказала Анжелина.

— Не сейчас, свет очей моих. Это приказ. Если я не вернусь, летите на базу и расскажите им обо всем, что мы видели.

С этими словами я направился в шлюзовую камеру. Надел скафандр, вышел в космос и полетел к люку военного корабля, который уже открыли для меня. Я вошел с высоко поднятой головой и очень обрадовался, когда увидел, что меня окружают люди. С суровыми лицами, в черной военной форме.

— Крзти пиклин стимфрекс! — сказал один из них. На его погонах сверкали золотые звезды.

— Замечательно сказано, но я не понимаю.

Он склонил голову набок, прислушиваясь к моим словам, а затем что-то приказал своим подчиненным. Они убежали и вернулись, неся в руках металлический ящик, кучу проводов и устрашающий на вид шлем. Я попытался отклониться, но в ребра мне уткнулись стволы их пистолетов. Пришлось подчиниться. Шлем нацепили мне на голову, настроили соответствующие приборы, и офицер снова заговорил:

— Сейчас ты понимаешь меня, презренный червь?

— Понимаю, но не стоит разговаривать со мной подобным образом. Мы проделали нелегкий путь, чтобы попасть сюда, так что поберегите свои оскорбления для других.

Он зловеще улыбнулся, обнажив зубы, и мне показалось, что он готов перегрызть мне горло. Все остальные присутствующие испуганно шарахнулись в сторону.

— Ты знаешь, кто я такой? — закричал он.

— Не знаю и знать не хочу. Потому что ты не знаешь, кто я. Ты имеешь честь находиться в присутствии первого посла из параллельной вселенной. Можешь поприветствовать меня.

— Он говорит правду, — сообщил техник, следивший за стрелками приборов.

— Что ж, это меняет дело, — сказал офицер. И тут же успокоился. — Вряд ли тебе известно о карантинной зоне полетов. Меня зовут Канет. Пойдем выпьем, и ты мне расскажешь, кто прислал тебя в наши края.

Выпивка была неплохой, и все, раскрыв рты, слушали мою потрясающую историю. Я еще не закончил, а они уже пригласили моих женщин, и мы дружно чокнулись бокалами.

— Желаю вам удачи, — сказал Канет, поднимая свой бокал. — Я вам не завидую. Как вы заметили, нам удалось решить проблему с чужаками, и меньше всего нам нужно вторжение новых полчищ. Война закончилась тысячу лет назад. Мы взорвали все их космические корабли и отправили чужаков на свои планеты. Они готовы в любой момент снова вцепиться нам в глотку, поэтому такие корабли, как мой, постоянно патрулируют космос.

— Мы вернемся домой, и я доложу, что посылать сюда чужаков будет аморально, — сказала Инкуба.

— Мы можем одолжить вам парочку боевых крейсеров, — предложил Канет. — Хотя у нас их тоже немного.

— Я сообщу о вашем предложении. Спасибо, — поблагодарил я. — Но, боюсь, нам необходимо более радикальное решение. А теперь нам пора возвращаться, чтобы быстро решить, как действовать дальше.

— Желаю победы в войне. Эти уроды довольно мерзкие существа.

В подавленном настроении мы вернулись на свой корабль и отправились в обратный путь, ориентируясь по сигналам радиомаяка. То ли на меня подействовала выпивка из параллельного мира, то ли глубочайшая депрессия, но в голове у меня промелькнула одна потрясающая мысль.

— Придумал! — закричал я, не в силах сдержать радость. — Наша проблема решена!

Мы проскочили через поле, и я совершил головокружительную посадку.

— Пойдемте со мной, и вы все услышите!

Я ворвался в конференц-зал, когда адмиралы, срочно вызванные по моему требованию, занимали свои места. Женщины не отставали от меня ни на шаг.

— Мы сможем отправить к ним чужаков? — спросил Инскипп.

— Ни в коем случае. Там своих чужаков хватает.

— Так что же нам делать? — простонал один дряхлый адмирал. — Шесть параллельных миров — и везде живут человеческие существа. Куда же нам отправить чужаков?

— В эти галактики мы их не пошлем, — ответил я. — Вместо этого мы отправим их в другое место. Я разговаривал с профессором Койпу, и он утверждает, что это возможно.

— Куда? Отвечай! — приказал Инскипп.

— Мы отправим их в путешествие по времени.

— В прошлое? — удивился Инскипп.

— Нет, это не даст результатов. Они подождут, пока появится человеческая раса, чтобы снова пойти на нее войной. Значит, не подходит. Поэтому мы отправим их в будущее.

— Ты сошел с ума, ди Гриз. Что это нам даст?

— Послушайте, мы отправим их на сто лет вперед. За это время лучшие умы Галактики придумают способ, как с ними расправиться. Ста лет для этого хватит. Так что через сто лет люди будут ждать появления чужаков и, как только они появятся, покончат с ними раз и навсегда.

— Чудесно! — воскликнула Анжелина. — Мой муж — гений. Подготовьте машину времени и отправьте их в будущее.

— Это запрещено, — снова раздался голос над нашими головами.

Глава 20

Мертвая тишина, которая воцарилась после этого неожиданного сообщения, длилась не больше двух секунд, потому что Инскипп вытащил пистолет и принялся палить в потолок.

— Секретная конференция! Максимальная безопасность! Было бы больше толку, если бы нас показывали по телевизору. По крайней мере, об этом узнало бы гораздо меньше людей!

Он отталкивал старых адмиралов, которые тщетно пытались его остановить. Я перевернул стол и разоружил Инскиппа, слегка оглушив при этом. Он рухнул в кресло с остекленевшими глазами и принялся что-то бормотать себе под нос.

— Кто это сказал? — крикнул я.

— Я, — ответил внезапно появившийся в воздухе человек. Зависнув над столом, он ловко спрыгнул на пол. — Я сказал, доблестные сэры. А наречен я Га Бинетто.

Выглядел он довольно странно. Бархатный камзол, сапоги-ботфорты, широкополая шляпа с пером и длинные усы, которые он постоянно подкручивал одной рукой. Вторая рука лежала на эфесе шпаги.

Так как Инскипп еще не пришел в себя, вести переговоры пришлось мне.

— Нам все равно, как ты наречен. Скажи свое имя.

— Имя? Именовать? Меня именуют Га Бинетто.

— А по какому праву ты врываешься на секретное заседание?

— Секретов никаких не может быть от Констеблей Времени.

— Полиция Времени? — Это что-то новенькое. — Путешественники во времени из прошлого?

Даже я был немного озадачен.

— О нет, рыцарь! Что заставляет тебя думать так?

— Я думаю так, потому что твой наряд и язык устарели на двадцать тысяч лет.

Он бросил на меня испепеляющий взгляд и нажал какие-то кнопки на эфесе шпаги.

— Не думай, что ты такой умный, — проворчал Га Бинетто. — Попробуй поскакать по времени и выучить все языки с диалектами. Тогда бы ты...

— Перейдем к делу, — прервал его я. — Ты из Полиции Времени, но не из прошлого. Значит — дай-ка я сам соображу, — наверное, из будущего? Кивни, если я угадал. Отлично. Тогда скажи нам, почему нельзя забросить чужаков на пару сотен лет вперед?

— Потому что это запрещено.

— Ты уже это говорил... А по какой причине?

— Я не обязан отчитываться перед тобой, — презрительно процедил он. — Вместо меня вы могли получить водородную бомбу. Так что заткнитесь и слушайте.

— Он прав, — вздрогнув, сказал один из адмиралов. — Добро пожаловать в наше время, досточтимый путешественник во времени. Мы готовы выполнить твои приказы.

— Вот так-то лучше. Я могу только сказать, что Полиция Времени патрулирует время. Мы следим, чтобы не возникали парадоксы, чтобы путешествиями во времени не злоупотребляли, как это вы собираетесь сделать сейчас. Время — это очень тонкая материя и его легко повредить необдуманными действиями. Так что это запрещено.

Воцарилась гнетущая тишина, во время которой я изо всех сил пытался что-нибудь придумать.

— Скажи, Га Бинетто, — спросил я, — ты человек или чужак в человеческом обличье?

— Я такой же человек, как и ты, — недовольно ответил он. — А может, и больше.

— Это хорошо. Если ты человек из будущего, значит, людям все-таки удалось изгнать чужаков из своей галактики. Правильно?

— Правильно.

— Так как же мы выиграли войну?

— Победа была достигнута при помощи... — Он закрыл рот рукой и густо покраснел. — Это совершенно секретная временна'я информация, и я не могу ее разглашать. Догадайтесь сами.

— Хватит полоскать нам мозги, — прохрипел Инскипп, постепенно приходя в себя. — Ты отменил единственный план, который мог спасти Человечество. Мы его действительно не используем, даем тебе слово, если ты нам скажешь, как нам поступить с чужаками. Иначе нам придется действовать, как было намечено.

— Мне запрещено об этом говорить.

— Но намекнуть-то ты можешь? — предложил я.

Подумав немного, он улыбнулся. Мне его улыбка совсем не понравилась.

— Решение может принять только такой сообразительный человек, как ты, ди Гриз. Все дело в мозгах.

Он подпрыгнул в воздух, щелкнул каблуками и исчез.

— Что он имел в виду? — нахмурился Инскипп.

Что он имел в виду? Га Бинетто обратился ко мне, значит, я должен решить эту загадку. Говоря о моей сообразительности, он явно хотел меня запутать. *Все дело в мозгах.* Моих мозгах? Чьих мозгах?

Может, мы чего-то не учли? А может, он имел в виду не настоящие мозги? Я не знал, что и думать.

Инкуба мечтательно смотрела в пространство, очевидно размышляя о моральных принципах. Я уже стал подозревать, что от нее нам не будет никакого толку. Но Анжелина думала по-другому. Нахмурив лоб, она явно что-то замышляла. Она прищурилась, напрягая работу мысли, а затем широко открыла глаза. Затем улыбнулась. Заметив, что я смотрю на Инкубу, она улыбнулась еще шире. Я вопросительно поднял бровь, и она едва заметно кивнула в ответ.

Если я ее правильно понял, то она давала мне понять, что разгадала эту головоломку. Я и так уже раскаялся в том, что раньше пренебрежительно относился к женщинам, и был готов отказаться от мысли о превосходстве мужчин. Если Анжелина нашла правильное решение, я был готов принять его со свойственными мне великодушием и благодарностью. Я придвинулся к ней.

— Если ты знаешь ответ, скажи его нам, — прошептал я.

— С годами ты становишься мудрее, мой дорогой. — Она послала мне воздушный поцелуй, а затем громко произнесла: — Джентльмены, ответ очевиден.

— Только не мне, — проворчал Инскипп.

— Нам сказали, что все дело в мозгах. Это означает контроль над мозгом...

— Серые люди! — закричал я. — Промыватели мозгов с Кеккончихи!

— Я все еще не понимаю...

— Инскипп, старый воин, вы привыкли к физическим схваткам с противником, — сказал я. — А этот клоун из будущего намекнул, как одержать полную и окончательную победу.

— Как?

— Заставив чужаков изменить свое мнение о нас. Заставив их полюбить человеческие существа. Чтобы они направили всю свою военную мощь на мирное строительство и сделали нашу Вселенную образцовой. А кто у нас главные специалисты по промыванию мозгов? Жители Кеккончихи. Они сказали мне, что их методы психоконтроля применимы ко всем живым существам. Пусть теперь это докажут.

— А как они это смогут сделать? — спросил один адмирал.

— Детали обсудим попозже, — ответил я, подразумевая, что не имею пока об этом ни малейшего понятия. — Пусть приготовят боевой крейсер с космическими пехотинцами на борту. Я вылетаю немедленно, чтобы в очередной раз спасти Галактику.

— Я не уверена, что это разрешено, — сказала Инкуба. — Все, что касается манипулирования сознанием... — Вдруг она запнулась на полуслове и упала на пол.

— Бедняжка упала в обморок, — сказала Анжелина. — После такого стресса это неудивительно. Я отнесу ее в спальню.

Ничего себе обморок! Я-то знал, на что способна моя жена. Как только она вышла из комнаты, неся на руках бесчувственное тело

Инкубы, я тут же принялся действовать, чтобы воспользоваться драгоценным временем.

— Готовьте крейсер немедленно! Мне некогда ждать.

— Конечно, — ответил Инскипп. — Ждать тебе не придется.

Он все понял и тоже хотел как можно быстрее отправить меня на Кеккончихи, пока наблюдательница из Морального Корпуса еще не пришла в себя.

Мы летели быстро и молча. Я приказал соблюдать радиомолчание и запретил пси-оператору принимать любые сообщения, адресованные нам. Поэтому, когда замерзший мир Кеккончихи появился на экране, мы не получили приказа возвращаться обратно. У меня было достаточно времени, чтобы выработать план действий.

— Выходите из режима радиомолчания. Я хочу связаться с первой экспедицией, — приказал я.

— Они на связи, — сообщил оператор. — Их корабль не спустился, а все еще находится на орбите.

— А что случилось?

— С вами будет разговаривать командир, сэр.

На экране появился офицер с забинтованной головой. Увидев мою парадную форму с золотыми погонами, он отдал честь.

— Они рвутся в бой, — сообщил он. — Мы прибыли сюда с миссией умиротворения, а не для того, чтобы взорвать эту планету. Поэтому, когда переговоры зашли в тупик, я принял решение покинуть планету. Но прежде мы нейтрализовали все звездолеты серых людей.

— Они же знают, что не смогут победить.

— Вы это знаете, и я это знаю. Но попробуйте убедить в этом жителей Кеккончихи!

Этого следовало ожидать. Упрямые фаталисты готовы были скорее погибнуть, чем сдаться в плен. Очевидно, само понятие «плен» было чуждо их Моральной Философии выживания. Но мы нуждались в их помощи. На всей планете был только один человек — надеюсь, еще живой, — который смог бы оказать нам содействие.

— Оставайтесь на орбите, командир, и ждите моих распоряжений. Мне необходимо установить контакт с одним представителем этой планеты. Я свяжусь с вами по радио.

Мне понадобился час, чтобы отдать необходимые приказы своему экипажу и подготовить нужное оборудование. Затем я надел скафандр и полетел вниз к белой планете. Гравитационный парашют замедлил мое падение, а инфракрасный прибор давал возможность видеть через снег. Увидев знакомое здание, я направился туда и довольно жестко приземлился на крышу, на которой я уже был раньше. Мне стало холодно и неуютно, ведь я полагал, что больше никогда в жизни не окажусь на этой планете.

Я, конечно, мог опуститься вместе со взводом космических пехотинцев и зайти через дверь, но у меня были другие планы. Я должен поговорить с Ханасу, пока никто не знал о моем возвращении. Открыв крышку люка, я, пыхтя и отдуваясь, протиснулся в своем скафандре через отверстие и спрыгнул вниз. Первый этап прошел успешно. Затем снял с себя скафандр и прочие неудобные приспособления, открыл замок двери — надеюсь, в последний раз, — и пошел по коридору.

— Ты враг, и тебя надо убить, — монотонно произнес маленький мальчик, появившийся на моем пути.

Я отскочил в сторону. Он споткнулся и упал, представляя собой чудесную мишень. Игла из пистолета вошла в его мягкое место. Он сразу же обмяк. Схватив его под мышку, я пошел дальше.

Когда я открыл ногой дверь кабинета Ханасу, я тащил на себе четырех учеников и слегка вспотел. Наставник сидел за столом. Подняв голову, он изобразил на лице нечто отдаленно напоминающее улыбку.

— Все произошло, как ты и предсказывал, — сказал он. — Послание достигло цели. Тебе удалось спастись.

— Я спасся, но решил вернуться. Правда, твои юные друзья восприняли мое возвращение без энтузиазма. Они слышали по радио выступление Кома и не знают, чему теперь верить. Вот они и всполошились. Ну этих ребят я успокоил. Пусть поспят немного на полу.

— Я применю к ним аксионный фидер. Они все забудут.

— В этом нет никакой необходимости. Они будут спать достаточно долго. А теперь расскажи, что произошло после того, как я покинул планету.

— Неразбериха. В учебнике по Моральной Философии не написано, как действовать в такой ситуации. Поэтому, когда Ком приказал им сражаться или умереть, все подчинились ему. Это все понимают. Я ничего сам не мог сделать, поэтому просто жду развязки.

— Мудрое решение. Но теперь я здесь и хочу поручить тебе важное задание.

— Какое?

— Ты должен убедить своих людей, чтобы они снова надели свои маскировочные костюмы, вернулись к чужакам и восстановили над ними свой контроль.

— Я не понимаю. Ты хочешь, чтобы они заставили чужаков продолжать войну против Человечества?

— Нет. Совсем наоборот. Я хочу, чтобы они остановили эту войну.

— Объясни. Это выше моего понимания.

— Сначала я задам тебе один вопрос. Можно ли применить к чужакам синаптический генератор? Убедить их, что на самом деле люди очень хорошие. Что у нас влажные глаза и мы много потеем. И пальцы не так уж сильно отличаются от щупалец. Это можно сделать?

— Легко. Ты должен понимать, что чужаки относятся к примитивным культурам и ими легко управлять. Когда мы проникли в их среду, чтобы подготовить вторжение, сначала мы столкнулись с полным безразличием. Тогда нам пришлось научить их лидеров ненавидеть Человечество. Затем, при помощи пропаганды, они убедили в этом всех остальных.

— А можно этот процесс повернуть вспять?

— Думаю, что да. Но как заставить пойти на это моих людей?

— Это основной вопрос. — Я встал и принялся расхаживать по кабинету, переступая через храпевших учеников. — Это можно сделать при помощи вашей Моральной Философии. Я был не прав, когда утверждал, что вашу культуру следует уничтожить. Ни в коем случае. В ней содержится много постулатов, которые могут принести пользу всему Человечеству. Просто она неправильно применяется на вашей планете. В этом учении где-нибудь говорится, что вы должны быть завоевателями Галактики?

— Нет. Мы учились ненавидеть тех, кто оставил нас в этом мире, потому что они никогда не вернутся, чтобы спасти нас. Мы должны сами позаботиться о своем спасении. Выживание — вот смысл нашего учения. Все, что идет против него, — неправильно.

— Тогда Ком не прав, что собирается устроить самоубийство всей расы.

Для жителя Кеккончихи Ханасу отреагировал довольно бурно.

— Конечно! Его проповеди идут вразрез с законом. Надо сообщить об этом всем.

— Разумеется. Но это только начало. Давай еще раз разберем законы Моральной Философии. Вы выжили. Вы стоите выше, чем все остальное Человечество. Вы ненавидите тех, кто оставил вас умирать много сотен лет тому назад. Но нынешнее поколение ничего не знает об этом и ни в чем не виновато. Хватит ненависти. Мало того, раз обитатели Кеккончихи считают себя выше остальных, они обязаны помогать остальному Человечеству, когда ему грозит опасность. Это укладывается в рамки Моральной Философии?

Широко раскрыв глаза, Ханасу пытался собраться с мыслями. Наконец он кивнул.

— Все именно так, как ты сказал. Надо приспособить Моральную Философию к новым условиям. Раньше такого никогда не случалось. Раньше не было новых условий. Теперь они появились. Только сейчас я понял, как мы ошибались. Мы поддались эмоциям. Мы нарушили основной закон Моральной Философии. Когда я объясню это моим людям, они поймут. Мы спасем человеческий род. — Подойдя ко мне, он пожал мне руку. — Ты спас нас от самих себя, мой друг. Мы неправильно применяли постулаты учения. Пора исправить эту ошибку. Я пойду и объясню это своим соотечественникам.

— Подожди. Вдруг Ком сначала откроет огонь, а потом только будет вести с тобой переговоры? Если мы его нейтрализуем, сможешь ли ты убедить войска?

— Несомненно. Никто не осмелится возражать моим словам, ведь я им буду излагать закон, который они учили с тех пор, когда были такими маленькими мальчиками, как эти.

Не успел он закончить, как дверь распахнулась, и на пороге появились такие же маленькие мальчики с оружием в руках. Во главе стоял один из учителей, который направил свой пистолет прямо на меня.

— Брось оружие, — приказал он. — Иначе я тебя убью.

Глава 21

Конечно, я целился прямо в них. Моя интуиция никогда не подводит меня. Как только дверь скрипнула, я уже выхватил свой пистолет и присел. Теперь я медленно поднялся и бросил пистолет на пол. Я находился в неравном положении. Столько оружия в руках этих нервных учеников.

— Не стреляйте! — закричал я. — Сдаюсь!

— Что это значит? — спросил Ханасу, направляясь к двери. — Уберите пистолеты. Это приказ.

Ученики тут же подчинились приказу Наставника, но учитель колебался:

— Ком сказал...

— Кома здесь нет. Ком не прав. В последний раз приказываю убрать оружие.

Учитель никак не мог принять решение, и Ханасу повернулся ко мне.

— Пристрели его, — приказал он.

Что я и сделал. Разумеется, я выстрелил в него снотворной иглой, хотя ученики этого и не знали. Ханасу это вообще не волновало. Он не привык, чтобы кто-то не выполнял его приказы.

— Дай мне пистолет, — сказал он стоявшему рядом с ним ученику. — Пойди передай, чтобы вся школа собралась в конференц-зале.

Все остальные побросали оружие и тут же удалились. Я оттащил учителя и положил его рядом со спавшими учениками. Ханасу закрыл дверь и погрузился в размышления.

— Вот что надо сделать, — наконец сказал он. — Я объясню им все, пользуясь постулатами Моральной Философии. Их больше не будут мучить внутренние противоречия по поводу ее применения. Когда они это поймут, мы отправимся в космопорт. Там находятся Ком и его активисты. Я выступлю перед ними, и они перейдут на нашу сторону. Тогда твой космический корабль сможет спуститься, и мы приступим ко второму этапу операции.

— Все это хорошо. Но если они не согласятся с тобой?

— Им придется это сделать. Потому что не со мной они должны будут согласиться, а со священным текстом Моральной Филосо-

фии. Когда они это поймут, речь будет идти не о согласии, а о повиновении.

Говорил Ханасу весьма убедительно, но я на всякий случай скрестил пальцы за спиной.

— Может, мне лучше пойти с тобой? На всякий случай.

— Ты подождешь здесь. За тобой придет посыльный.

С этими словами Ханасу вышел, и мне ничего не оставалось, как подчиниться его приказу. Тела учеников наводили меня на грустные мысли. Чтобы отвлечься от них, я вызвал по радио корабли и обрисовал ситуацию. Я приказал им находиться на орбите над космопортом и ожидать моих дальнейших распоряжений. Потом выключил радио. В дверь постучали.

— Пойдем со мной, — приказал вошедший ученик.

Я последовал за ним. Ханасу ждал меня возле открытых дверей школы, а к нему со всех сторон стекались учителя и ученики.

— Мы отправляемся в космопорт, — сказал он. — К рассвету мы будем там.

— Проблем нет?

— Конечно, нет. Все обрадовались, когда постулаты Моральной Философии наконец обрели для них смысл. Мои люди сильные, но их сила проистекает от повиновения. Теперь они гораздо сильнее.

Ханасу ехал впереди на единственной машине, и я радовался, что сижу в кабине вместе с ним. Преподаватели и ученики тащились за нами на лыжах. Никто не пожаловался, что вместо сна им приходится совершать лыжный поход. Да, дисциплина — это великая вещь! Чего не скажешь о машине, на которой мы ехали. Хотя в этот раз трясло не так сильно, потому что Ханасу ехал медленно, чтобы лыжники не отставали от нас.

Занималась заря, когда мы приблизились к космопорту. Из сторожевой будки вышли два охранника и спокойно наблюдали за нами, как будто такие процессии появлялись здесь каждый день.

— Скажите Кому, что я хочу его видеть, — приказал Ханасу.

— Проход запрещен. Таков приказ Кома. Всех врагов надо убить. В твоей машине враг. Убей его.

— Четырнадцатое Правило Послушания гласит, — сказал Ханасу властным голосом, — что вы должны подчиняться приказам членов Комитета Десяти. Я даю вам приказ. Нет такого закона, чтобы убивать врагов. Отойдите в сторону.

На лицах охранников отразилось легкое волнение, но они с ним быстро справились.

— Проходите, — сказал один из охранников. — Я сообщу Кому о вашем визите.

Выстроившись в цепочку, наше юное войско направилось к административным зданиям. Мы проходили мимо зенитных установок, но их расчеты не обращали на нас никакого внимания.

Внезапно пошел снег. Наша машина остановилась у главного здания, и как только Ханасу спрыгнул на землю, дверь здания распахнулась. Я съежился на сиденье. Из здания вышли Ком и дюжина его сторонников. Все они были вооружены.

Наверное, от холода я совсем плохо соображал, потому что только сейчас осознал, что в нашей колонне только у меня есть оружие.

— Возвращайся в свою школу, Ханасу. Твое присутствие здесь нежелательно! — закричал Ком.

Не обращая никакого внимания на эти слова, Ханасу подошел к нему вплотную. Затем он громко заговорил, чтобы все могли его услышать:

— Я приказываю вам всем сложить оружие, потому что ваши действия противоречат учению Моральной Философии. Это учение обязывает нас возглавлять другие расы. Согласно ему мы не должны идти на самоубийство, борясь с другими народами, которые превосходят нас в числе в соотношении один к миллиону. Если мы станем продолжать борьбу, нас всех убьют. Разве этому учат нас законы Тысячи оставшихся в живых? Вы должны...

— Ты должен уйти, — перебил его Ком. — Это ты нарушил закон. Уходи или тебя убьют.

Он поднял пистолет и направил его старику в грудь. Я мигом выскочил из машины.

— На твоем месте я не стал бы этого делать, — сказал я, беря его на мушку.

— Ты привел с собой врага? — выкрикнул Ком. — Его убьют, тебя убьют...

Он осекся, когда Ханасу залепил ему звонкую пощечину.

— Я объявляю тебя вне закона, — сказал Ханасу. — Ты отказался повиноваться. Тебе конец.

— Мне конец? Скорее тебе! — вне себя от ярости завопил Ком, целясь из пистолета.

Я прыгнул в сторону, держа пистолет наготове, но Ханасу находился на линии огня. Тут раздался грохот выстрелов.

Но Ханасу продолжал стоять, бесстрастно наблюдая, как изрешеченное тело Кома рухнуло на землю. Сторонники Кома разом разрядили свои пистолеты в своего командира. Моральная Философия погубила его.

Спокойно и невозмутимо Ханасу повернулся ко всем присутствующим и стал объяснять им новую интерпретацию Закона. Серые люди с трудом скрывали свое облегчение. Лишь бездыханное тело Кома портило всю картину, напоминая о случившемся расколе. Люди старались не смотреть на него.

На планете снова был порядок.

— Можете спускаться, — сказал я в микрофон передатчика.

— Никак нет. Получен новый приказ от вышестоящего начальства.

— Вы что, с ума там все посходили? Быстро сажайте ваши жестянки, иначе я изжарю вашего командира и съем его на завтрак.

— Никак нет. Корабль с вышестоящим начальством будет у вас через три минуты.

Связь прервалась, и я, выпучив глаза, уставился на радио. Что там такое происходит? В это время собравшиеся внимательно слушали речь Ханасу. Ситуация под контролем, все проблемы решены, и вдруг такая загвоздка.

Тут я увидел спускающийся с неба корабль. Не успел открыться шлюзовой люк, как я уже стоял рядом с кораблем, метая глазами молнии и барабаня пальцами по кобуре. Из корабля вышла знакомая личность. Очень знакомая.

— Ты! — закричал я.

— Да, это я. И я прибыл как раз вовремя, чтобы предотвратить свершение аморального акта.

Это был Джей Ховах, босс Морального Корпуса. И я понимал, зачем он сюда прилетел.

— Мы не нуждаемся в твоих советах, — сказал я. — К тому же ты одет не по сезону. Вернись-ка лучше на корабль.

— Моральность превыше всего, — простучал зубами он.

Никто не предупредил его о местном климате, и он прилетел сюда в своем купальном халате.

— Я пыталась его убедить, но он и слушать меня не хотел, — раздался еще более знакомый голос, и по трапу спустилась Анжелина.

— Дорогая! — закричал я, бросившись ей навстречу, но голос Джея остановил меня:

— Мне сообщили, что ты прибыл сюда, чтобы убедить этих людей использовать их технику психоконтроля, с помощью которой можно выиграть войну. Психоконтроль аморален, и его использование запрещено.

— Это кто такой? — ледяным голосом спросил Ханасу.

— Его зовут Джей, — сказал я. — Он заведует нашим Моральным Корпусом. Он следит за тем, чтобы никто не нарушал наш моральный закон.

Окинув Джея презрительным взглядом, Ханасу повернулся ко мне.

— Я его уже когда-то встречал, — сказал он. — Уведите его отсюда. Пусть прибудут ваши корабли, и мы приступим к операции против чужаков.

— Похоже, ты меня не понял, — сказал Джей Ховах, выбивая зубами чечетку. — Я запрещаю эту операцию. Она аморальна.

Ханасу медленно повернулся и окинул его ледяным взглядом.

— Ты не имеешь права говорить со мной об аморальности. Я главный толкователь Моральной Философии, и я олицетворяю здесь Закон. Мы совершили ошибку, заставив чужаков развязать войну. Теперь мы прекратим ее при помощи того же способа.

— Нет! Два отрицательных действия не равны одному положительному. Операция запрещена.

— Ты не можешь остановить нас, так как здесь у тебя нет никакой власти. Ты можешь лишь убить нас, чтобы остановить. Если ты не убьешь нас, мы будем действовать согласно нашему собственному моральному закону.

— Вас остановит...

— Только смерть. Если ты не можешь отдать такой приказ, то отойди в сторону и не мешай.

Повернувшись, Ханасу пошел прочь. Джей пару раз открыл и закрыл рот, но не произнес ни слова. Он весь посинел от холода. Я сделал знак двум школьникам.

— Эй, ребята. Помогите этому бедному старику вернуться на корабль, чтобы он согрелся и обдумал там свои философские проблемы.

Джей пытался сопротивляться, но ученики крепко взяли его под руки и повели на корабль.

— И что теперь? — спросила Анжелина.

— Обитатели Кеккончихи полетят к чужакам и попытаются выиграть войну. Моральный Корпус не сможет убить их, чтобы помешать им защитить нас. Полагаю, Джею и Инкубе будет над чем поломать головы. Возможно, они не разрешат нам оказывать помощь серым людям, если найдут способ оправдать это решение.

— Я уверена, что ты прав. А что дальше?

— Дальше? Мы спасем Галактику. В очередной раз.

— Ты, как всегда, скромен, — сказала Анжелина и громко чмокнула меня в щеку.

Глава 22

— Потрясающе выглядит, как ты считаешь? — спросил я.

— По-моему, отвратительно, — ответила Анжелина, морща нос. — И воняет к тому же.

— Это улучшенный вариант первой модели. Запомни, там, куда мы отправляемся, все плохое считается хорошим.

Впрочем, Анжелина была права. Выглядело все это отвратительно. Однако меня это обрадовало.

Мы стояли в дверях кают-компании космического корабля, который заказали специально для этой операции. Перед нами располагалось множество рядов глубоких кресел. Не менее пятисот. В каждом кресле сидел омерзительнейший чужак. От их вида у любого нашего врага вылезут на лоб глаза — ведь все они были сделаны по образцу и подобию моего первого маскировочного костюма. Целая армия гештункинцев. Конечно, многочисленные сердца и плазменные помпы врагов не стали бы биться так сильно, знай они, что в каждом костюме чужака сидит обитатель Кеккончихи. А в хвостах у них спрятаны мощные синаптические генераторы.

Наш крестовый поход за мир начался.

Организовать его оказалось не так уж и легко. Моральный Корпус решительно противился нашей операции по промывке мозгов. Но им пришлось проводить свои приказы через планетарные правительства, и я впервые благословил бюрократический аппарат.

Пока эти приказы дошли до нас, Специальный Корпус предпринял ряд мер, чтобы избежать их выполнения. Главные техники исчезли, и никто не мог узнать, куда они подевались. Возмущенного профессора Койпу подняли среди ночи с постели и отправили в глубь Галактики, не дав даже времени, чтобы надеть носки. Была построена полностью автоматизированная планета, где разместились наши агенты и добровольцы с Кеккончихи. Пока готовились костюмы чужаков, Ханасу возглавил занятия с группой специалистов по психоконтролю. Мы как раз успели все закончить и вылетели к чужакам, когда через час после этого к нам направился боевой корабль Морального Корпуса. Чтобы остановить нас. Впрочем, это скорее помогло нам, чем помешало. Благодаря ему мы быстро преодолели вражеские заслоны.

— Мы в зоне устойчивой связи, — сообщил я. — Вы готовы к работе, добровольцы с Кеккончихи?

— Мы готовы, — послышался громкий, но монотонный ответ.

— Удачи вам. Экипажу надеть костюмы.

Я залез в свой костюм, а Анжелина — в свой. Джеймс и Боливар запрыгнули в костюмы роботов. Нахлобучив металлические головы, они помахали мне руками. Я застегнул «молнию» на животе и повернулся к коммуникатору.

— Мой дорогой Скользкий Джим вернулся с того света. — На экране появился отвратительный урод, размахивавший клешнями и щупальцами.

— Я вас не знаю, сэр, — жеманно проворковал я. — Но вы, наверное, были знакомы с моей сестрой. А меня зовут Скользкий Боливар. — Я нажал на кнопку, и из моего глаза выкатилась огромная слеза. — Мы на Гештункине услышали о ее доблестной смерти и прибыли сюда, чтобы отомстить!

— Тогда добро пожаловать! — захрюкала тварь. — Меня зовут Сесс-Пула. Я новый командующий вооруженными силами. Давай ко мне на корабль, и мы устроим замечательный банкет!

Я так и сделал. Состыковав наши корабли, я направился к нему в гости. Чтобы увернуться от его слизких объятий, я сделал шаг в сторону, и он шлепнулся на пол.

— Познакомься с Анн-Желем. Он — мой начальник штаба. Эти маленькие роботы принесут нам еду и выпивку.

Банкет удался на славу. К нам присоединялись все новые и новые уроды. Мне стало интересно, кто же остался управлять кораблем. Очевидно, никто.

— Как идет война? — поинтересовался я.

— Ужасно! — пожаловался Сесс, опустошая ведро какой-то отвратительной булькающей жидкости. — Нет, конечно, мы продолжаем гнать этих двуногих, но они не хотят вступать с нами в сражение. Моральный дух солдат упал. Всем им уже по горло надоела война, и они мечтают, как бы быстрее вернуться к своим слизким возлюбленным. Но война должна продолжаться. Я так думаю.

— Мы поможем тебе! — закричал я, хлопнув его по плечу. — Мой корабль битком набит кровожадными добровольцами, которые так и рвутся в бой. Они великолепные солдаты. К тому же превосходные навигаторы, артиллеристы и повара.

— Клянусь Мокрым Гогом, мы возьмем их к себе, — громко икая, сказал Сесс. — У тебя много солдат?

— Ну, — уклончиво ответил я, — достаточно, чтобы поместить по одному на каждый флагманский крейсер. Кстати, если офицерам понадобятся совет или доброе слово, пусть они обращаются к моим людям. Между прочим, они очень сексуальны.

— Мы спасены! — завопил Сесс.

Скорее наоборот, подумал я, оскалив в улыбке зубы. Мне стало интересно, сколько времени понадобится моим саботажникам, чтобы справиться с работой.

Оказалось, что немного. Чужаки уже созрели для мозговой атаки. Разложение шло своим ходом, и через несколько дней Сесс-Пула заполз в командирскую рубку, где я следил за тем, чтобы не столкнуться с космическим флотом людей. Он мрачно посмотрел на экран тремя парами покрасневших глаз.

— Бессонница мучает? — спросил я, щелкнув его по глазному отростку, и он втянул его внутрь с несчастным видом.

— Да, дорогой Боливар. Флот разваливается на глазах. Солдаты хотят вернуться домой, собрать урожай прошлогодних девственниц, у которых скоро начнется период течки. Я и сам задаюсь вопросом, что я здесь делаю.

— А что ты здесь делаешь?

— Не знаю. Мне опротивела эта война.

— Надо же. Я тоже об этом думал. Ты обратил внимание, что люди не такие уж и сухие? У них влажные глаза и мокрые красные отростки во рту.

— Ты прав! — забулькал он. — Как-то я об этом раньше не задумывался. А что мы можем сделать?

— Ну... — начал я и стал рассказывать.

Через десять часов могучая космическая армада стала разворачиваться в космосе. Корабли возвращались на свои планеты.

На грандиозной попойке, которую они закатили в честь победы, — мы внушили чужакам, что они победили, — мы с Анжелиной наблюдали за весельем.

— Я уже к ним привыкла, и они мне кажутся довольно милыми, — призналась Анжелина.

— Я бы не стал этого утверждать, но теперь, когда они отказались от своих захватнических планов, я отношусь к ним гораздо терпимее.

— Кстати, они довольно богатые, — заметил Джеймс, подливая какого-то пойла в мой бокал.

— Мы тут все исследовали, — добавил Боливар, подкатываясь с другой стороны. — За время боевых действий они захватывали корабли, планеты и спутники. Они очищали все банки, потому что

знали, с каким трепетом люди относятся к их содержимому. Но они не используют деньги, как мы.

— Знаю, — ответил я. — Они пользуются кое-чем другим, о чем лучше не говорить вслух.

— Ты прав, папа, — сказал Джеймс. — Не зная, что делать с этими сокровищами, они сложили их в один из грузовых трюмов.

— Я не удивлюсь, — сказала Анжелина, — если сейчас этот трюм пуст.

— Ты, как всегда, права, мамочка. А наш транспортный корабль полон.

— Надо раздать эти ценности тем, у кого они были украдены, — сказал я, с удовольствием наблюдая, как вытянулись их лица.

— Джим!.. — выдохнула Анжелина.

— Не волнуйся. Я не потерял свою хватку. Я хотел сказать, что мы вернем только то, что нам удалось обнаружить...

— ...а обнаружили мы не так уж и много, — закончила Анжелина.

Что-то зеленое, мокрое и противное плюхнулось на стул рядом со мной.

— За победу! — закричал Сесс-Пула. — Мы должны выпить за победу! Тихо! Очаровательнейший Скользкий Боливар произнесет тост.

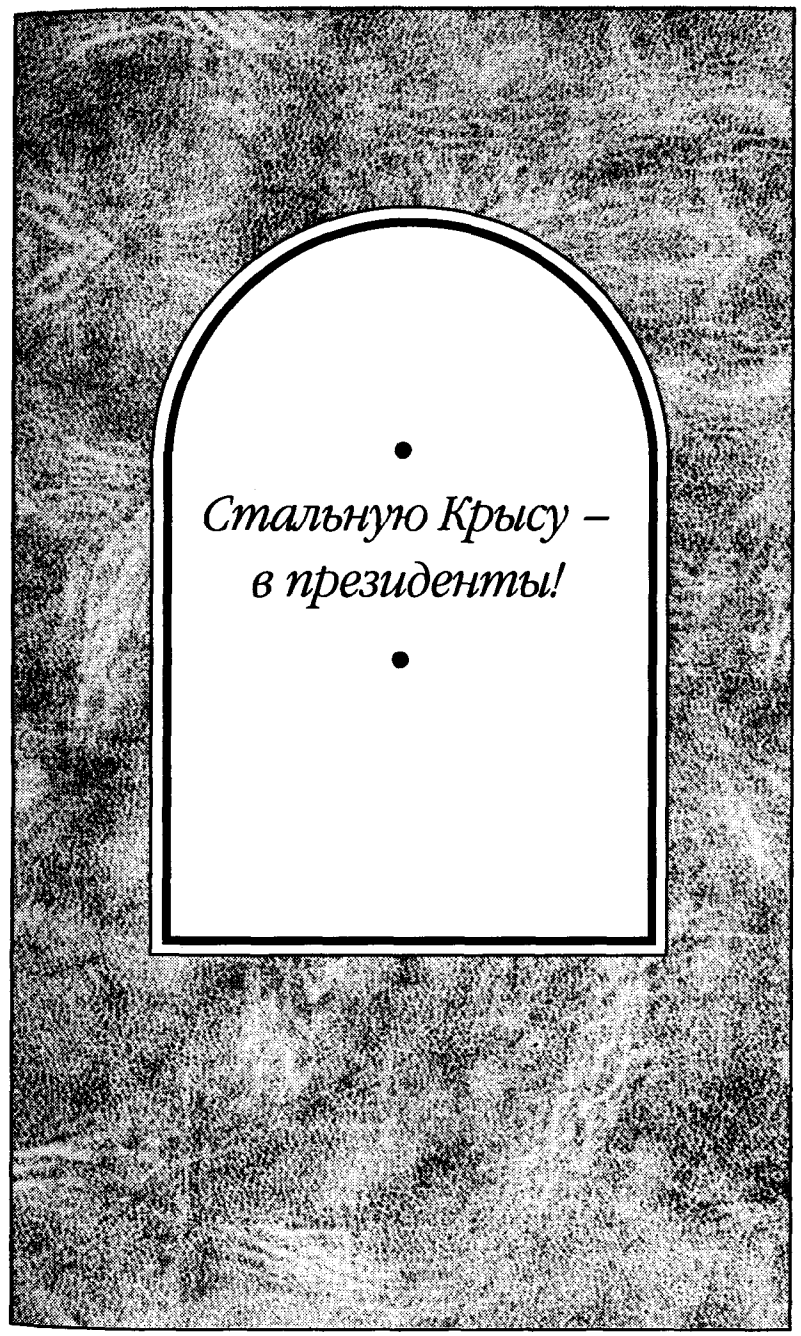
— Конечно! — закричал я, вскочив со стула.

Воцарилась тишина. Все глазные отростки, оптические щупальца, не говоря уже о трех парах человеческих глаз, уставились на меня.

— Тост! — крикнул я, с таким энтузиазмом подняв бокал, что часть жидкости выплеснулась на ковер и прожгла в нем дыру. — Предлагаю выпить за всех существ, живущих в нашей Вселенной, за больших и маленьких, твердых и рыхлых. Пусть все живут в мире и любви. За жизнь, свободу и противоположный пол!

Так началась эра гораздо лучшей жизни.

Надеюсь.

Глава 1

Официант сноровисто откупорил бутылку, разлил пенящееся искрящееся вино по бокалам и исчез, словно растворился в воздухе.

— Может, произнесешь в мою честь тост? — ненавязчиво предложил я.

— Что ж, ты вроде заслужил. — Моя дорогая Анжелина подняла бокал, прищурила левый глаз, правым лукаво взглянула сквозь резной хрусталь мне в глаза. — За моего мужа, Джима ди Гриза, спасшего Вселенную. В очередной раз!

Я был польщен. Особенно словами «в очередной раз». По природе я скромен, застенчив, но непредвзятое мнение о своих выдающихся способностях выслушиваю всегда с удовольствием. Тем более из уст такой очаровательной, умной и смертельно опасной женщины, как моя женушка. Да и кому судить, если не ей? Ведь она не только с самого начала следила за моей героической борьбой, с вознамерившимися захватить Галактику Слими, но и сама приняла в этой истории весьма активное участие.

— Ты так добра ко мне, — пробормотал я. — Хотя, что правда, то правда. Вселенную я спас. И не в первый раз. Ну да ладно, приключение кончено. Забудем мрачные эпизоды и отпразднуем мою славную победу.

Мы чокнулись и выпили.

Ярко-оранжевый диск блодгеттского солнца на четверть скрылся за лиловым горизонтом, в углах террасы плясали отраженные от бездонных каналов блики. Играл струнный квартет, мы с Анжелиной мило болтали, пили вино многолетней выдержки, с аппетитом уплетали фирменное в этом ресторане блюдо — поджаренные, от души приправленные кэрри[1] ломти мяса местной разновидности мастодонта.

Изысканное вино, приличная кухня, сносное обслуживание, приятное общество жены. Чего еще желать? Только вот два мрачных типа за столиком у входа... Весь вечер они пялились на нас, а их пиджаки были красноречиво оттопырены под влажными от пота подмышками.

Но не прерывать же чудесный ужин из-за пустяков?

Совсем стемнело. В ресторане включилось мягкое рассеянное освещение, на столиках загорелись разноцветные светильники. Не

[1] Кэрри — приправа из куркумого корня, чеснока и пряностей.

спеша допив кофе с ликером, Анжелина достала из сумочки крошечное зеркальце и накрасила губы.

— Дорогой, а ты знаешь, что нас пасут уже не первый час двое верзил у двери?

Я со вздохом кивнул и вытащил сигару.

— К сожалению, знаю, моя радость. Я их засек, как только мы вошли. Не говорил тебе, не хотел портить аппетит.

— Глупости! Немного остроты только добавит прелести вечеру.

— У меня лучшая во всей Галактике жена! — Я улыбнулся ей и прикурил. — На этой планете от скуки сдохнешь, и любая, пусть даже мало-мальская, перемена здесь развлечет меня.

— Рада, что ты так считаешь... — Анжелина кинула мимолетный взгляд в зеркальце. — О, да они идут сюда. Тебе помочь, милый? Правда, я экипирована не лучшим образом; сам понимаешь, в дамскую сумочку много не напихаешь. Так, с десяток гранат, акустическая бомба-другая, в общем, ничего особенного.

— И только-то? — Я слегка приподнял брови.

— Нет. Футляр от губной помады — однозарядный пистолет, смертелен при малейшем попадании с расстояния до пятидесяти метров. Есть еще...

— Хватит-хватит, твой арсенал сейчас ни к чему. Их ведь только двое. Сиди и смотри, а мне физические упражнения улучшат пищеварение.

— К ним присоединились друзья, и их уже четверо.

— Двое, четверо — невелика разница. Перевес все равно на моей стороне.

За спиной уже громыхали шаги. Поступь тяжелая, неуклюжая — недаром даже в самых отдаленных уголках Галактики полицейских называют косолапыми.

Полицейские! Ха! С преступниками, может, еще и пришлось бы повозиться, а с местными полицейскими... Да я, бывало, укладывал целое отделение таких одной левой и даже дыхание не сбивал.

Шаги смолкли. Надо мной навис громадный детина, полез в карман. Я напрягся, но тут же расслабился: он вытащил всего-навсего золотой, усеянный драгоценными камнями значок полицейского.

— Я капитан блодгеттской полиции Критик. А вы, насколько мне известно, действуете под кличкой Стальная Крыса...

Кличка? И это обо мне-то, будто речь идет о заурядном преступнике!

Скрежеща от обиды зубами, я поднялся и сломал у него под носом сигару. Его зрачки расширились, а через секунду он закрыл глаза: спрятанная в сигаре капсула треснула, и в его волосатые ноздри попал сонный газ. Я вырвал из его толстых пальцев значок, который он мне только что продемонстрировал, и сделал шаг в сторону. Он повалился лицом в сахарницу.

Вытянув левую руку, я крутанулся на каблуках. Как обычно, не промазал, угодил указательным пальцем точнехонько в нервный

узел под ухом стоявшему рядом здоровяку. Тот охнул, согнулся в три погибели и рухнул на своего коллегу.

Времени любоваться поверженными недругами не было.

— Двадцать два! — крикнул я Анжелине и направился к кухне.

Дверь в кухню распахнулась передо мной, оттуда вышли двое полицейских. У главного выхода маячили еще четверо.

— Я в западне!

Средним пальцем левой руки я коснулся пряжки ремня. Спрятанная там кричалка испустила не слышимые обычным ухом, но вызывающие безотчетный ужас инфразвуковые колебания, публика в ресторане завопила в унисон.

Отлично! В суматохе я легко выскочу через запасный выход.

За занавеской, у двери на пожарную лестницу, оказались двое полицейских.

Представление порядком затянулось. Я вспрыгнул на длинный банкетный стол, не опрокинув, заметьте, ни единой посудины, протанцевал к другому его концу и повернулся спиной к окну.

Ловушка захлопнулась. Все выходы перекрыты, блюстители закона приближались.

— Взять Скользкого Джима пытались сотни копов. И все получили лишь дырку от бублика! — закричал я. — Вряд ли вы, ребята, ловчее!

Анжелина из-за спин полицейских послала мне воздушный поцелуй. Я помахал ей в ответ и, напрягшись, прыгнул назад.

— Быстрая смерть лучше позора заточения.

Последние мои слова заглушил звон оконного стекла, и я вылетел в ночь.

В воздухе я перегруппировался и в воду канала вошел не хуже заправского ныряльщика. Отплыв под водой с десяток метров, вынырнул в темном месте, огляделся. Погони не видно. Я не спеша поплыл к берегу.

Ничего не скажешь, весело завершился приятный вечер! Я расшевелил здешнее сонное царство: полицейские, маленько поупражнявшись, поди, уже строчат столь милые их сердцам рапорты; газетчикам есть о чем написать; а читающая публика будет заинтересована событиями сегодняшнего вечера.

Я — благодетель человечества. Но нет в мире справедливости, уж я-то эту истину познал на собственной шкуре. Меня разыскивают копы чуть ли не всей Галактики. Чтобы вручить заслуженную награду? Держи карман шире! Чтобы покарать меня, Джима ди Гриза, как закоренелого преступника!

«Двадцать два» означало надежный домик на окраине Блодгетт-сити. Анжелина, безусловно, поняла меня и в ближайшее время объявится там.

Мой мокрый костюм не вызвал у редких в этот час прохожих удивления. Воспользовавшись потайным ходом из общественного туалета, я пробрался в дом, принял душ, переоделся и к приходу

жены сидел в мягком кресле с сигарой в одной руке и с полупустым стаканом коктейля в другой.

— Уход со сцены тебе удался, дорогой, — прокомментировала мое эффектное бегство вернувшаяся Анжелина.

— Рад, что угодил тебе. Дверь. Ты по рассеянности не закрыла входную дверь, моя радость.

— Вовсе не по рассеянности, любовь моя.

Через открытую дверь один за другим стали врываться полицейские.

— Предательство! — закричал я, вскочив на ноги.

— Сейчас я все объясню. — Анжелина подошла ко мне.

— Измену словами не объяснишь!

Я рванулся к спасительной панели в стене. Анжелина выставила передо мной изящную ножку, и я грохнулся на пол. Рывком поднялся, но поздно, меня уже окружили полицейские.

Глава 2

Я опытный, закаленный в сотнях схваток боец, но силы были неравны. С первыми двумя нападавшими я справился, потом еще с двумя. На меня навалились сзади, прижали руки к телу. Когда я расшвырял их в разные стороны, мне в лодыжку вцепился громадный полицейский. И пошло, и пошло... Я ревел, точно осаждаемый муравьями гигант. Они свисали с меня гроздьями, под непомерной тяжестью я упал на четвереньки. Свободной еще рукой достал из кармана полицейский значок и швырнул через комнату под ноги Анжелине.

— Держи! Носи с честью, своим предательством ты его заслужила по праву.

Десятки рук подняли меня, поставили на ноги.

— Прелестная вещица. — Анжелина подобрала значок, подошла ко мне и профессионально врезала мне в челюсть. — А этот синячок, милый, ты заслужил за недоверие собственной жене. Отпустите мистера Скептика.

Удерживающие меня руки разжались, и я, оглушенный, свалился на пол. Анжелина пнула меня носком туфли под ребра.

Туман перед глазами мало-помалу рассеялся, и я увидел, что она возвратила значок здоровенному полицейскому в штатском.

— Это капитан Критян, — представила его Анжелина. — Он пытался с тобой побеседовать сегодня. Может, выслушаешь его сейчас?

Я поднялся, пробурчал что-то невразумительное и, потирая подбородок, рухнул в ближайшее кресло.

Капитан заговорил:

— Как я уже объяснил вашей очаровательной супруге, мистер ди Гриз, сегодня совершено зверское убийство. Обнаружен труп...

— Я не убивал! Меня в это время не было в городе! Немедленно свяжитесь с моим адво...

— Джим, дорогуша, выслушай капитана.

Слово «дорогуша» она произнесла таким тоном, что в жилах стыла кровь, и я умолк на полуслове.

— Вы не поняли, мистер ди Гриз. Я вас не обвиняю, а прошу — помощи. Это первое убийство на Блодгетте за последние сто тринадцать лет, и, боюсь, мы несколько потеряли форму. — Капитан вытащил записную книжку и монотонно забубнил: — Сегодня приблизительно в тринадцать ноль-ноль в Цейтоунском районе города, кстати, невдалеке от вашего дома, раздались крики о помощи и звуки борьбы. Свидетели утверждают, что место преступления в спешке покинули трое мужчин. Прибывший наряд полиции обнаружил неизвестного с многочисленными ножевыми ранениями. По дороге в больницу, не приходя в сознание, неизвестный скончался. Карманы его одежды оказались пусты, отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза в банке данных полицейского компьютера отсутствуют, особых примет на теле убитого, позволяющих установить личность, не обнаружено. При вскрытии в ротовой полости трупа найден клочок бумаги. Вот этот.

Капитан протянул мне смятый листок. Я развернул его. На нем корявым почерком было выведено:

СТОЛЬНАЯ КРИСА.

После удара Анжелининого кулачка соображал я туго, оттого, наверно, и брякнул:

— Кто бы ни написал это послание, с грамматикой он явно не в ладах.

— Чертовски ценное наблюдение, — бросила Анжелина, заглядывая мне через плечо. В ее голосе я не услышал и намека на симпатию.

— Мы предполагаем, что неизвестный направлялся к вам. На него напали, и, чтобы скрыть от противников записку, он сунул ее в рот. Вот снимок убитого. — Капитан протянул мне стандартную, три с половиной на пять дюймов, карточку. — Быть может, вы его знали?

Что же, покойников на своем веку я повидал немало, взглянуть еще на одного не страшно.

Я поморгал, внимательно рассмотрел контрастную цветную голограмму. Хмыкнул, покрутил снимок и так и сяк, вернул капитану.

— Занятная история, — заявил я. — Но, клянусь, этого человека я вижу впервые в жизни.

Хоть и сказал я им чистую правду, они, естественно, не поверили. Но разве у них был выбор? Они задали с десяток формальных вопросов и, взвалив на плечи еще не очухавшихся товарищей, удалились восвояси.

Вечер выдался на удивление суетный. Я подошел к бару, смешал коктейли, со стаканами в руках повернулся... В полудюйме от моего левого глаза застыл остро заточенный кончик кухонного ножа.

— Так что ты говорил насчет моего предательства? — Голос Анжелины был приторно ледяным, прямо мед со снегом.

— Любовь моя! — Я отступил на шаг, нож двинулся за мной, так что расстановка сил осталась прежней. Чувствуя струящийся по спине холодный пот, я начал импровизировать: — Как ты можешь быть так бессердечна? Почему такое недоверие? Когда ввалились полицейские, я был на все сто уверен, что они силой привели тебя. Я не знал, какие злодеяния мне приписывают, но, назвав тебя предателем, дал им понять, что ты к моим делам не имеешь ни малейшего отношения. Я поступил так, моя радость, защищая тебя!

— О, Джим! — Нож со стуком упал на пол. — Видит бог, я была несправедлива к тебе!

Она бросилась мне на шею. Я напрягся, стараясь не расплескать коктейли. Ее руки были горячи, объятия — крепки, поцелуй — страстен. Чувствовал я себя в ту минуту вовсе не стальной, а серой мохнатой крысой.

— Да... — выдохнул я, отойдя на шаг. — Ты просто неверно истолковала мои слова, дорогая. Давай простим друг другу ошибки, выпьем и обмозгуем, что же случилось с шедшим ко мне человеком.

— Ты сказал полицейским правду? Ты действительно не знаешь убитого?

— Я сказал им правду и ничего, кроме правды. Покойник мне абсолютно незнаком. Конечно, я нарушил свой давний зарок не помогать полиции, но проку им от моих слов мало.

— Тогда давай выясним, кто он. — Из-за спинки софы Анжелина извлекла знакомую мне голограмму. — Я позаимствовала ее из кармана капитана, решила не вмешивать местную полицию в наши дела. В ближайшее время я свяжусь со здешним агентом Корпуса, пусть запросит Центр и выяснит, кем был убитый.

Она, конечно, права. Отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза покойного не зафиксированы в полицейском компьютере Блодгетта. Следовательно, он с другой планеты, и дело, таким образом, в компетенции легендарных, непревзойденных, прославленных на всю Галактику профессиональных полицейских сил, известных как Специальный Корпус. При всей своей скромности добавлю, что в этой организации я — самый важный сотрудник.

— Для установления личности убитого голограммы недостаточно, — сказал я. — Веди агента сюда, а я тем временем познакомлюсь с покойником поближе.

Я сунул в карман дежурный набор инструментов и отбыл. Морг находился поблизости. Милое соседство, не правда ли? Внутрь я проник через заднее окно, три запертые двери миновал, почти не останавливаясь. Замки я взламываю не хуже, чем гурман со стажем вскрывает раковины устриц.

Я выдвинул ящик холодильника и осмотрел труп. Призрачная надежда, что наяву я его узнаю, растаяла, тайна осталась. За считанные секунды я срезал с ладони покойного крошечный кусочек кожи и клочок волос с головы, соскреб из-под ногтей грязь. Его костюм лежал тут же, в ящике, аккуратно сложенный и увешанный полицейскими бирками на манер рождественской елки. Я отодрал две-три ниточки от штанов, еще две — от рубашки, с подошв ботинок счистил кусочки почвы. Вроде достаточно. Отбыл я, никем не замеченный, тем же путем, каким явился.

В дверях своего дома я нос к носу столкнулся со здешним агентом Специального Корпуса.

— Славная сегодня погодка, Джим, — сказал он, одергивая пиджак.

— На Блодгетте всегда такая погода, Чарли. Оттого-то я эту планету и ненавижу. Когда очередная почта в Центр?

— Через два с небольшим часа. Обычные еженедельные рапорта и доклады. Почту сопровождаю я сам.

— Прихвати с собой этот контейнер. Вот, держи еще снимок покойного, с которого я взял образцы. Скажи в лаборатории, пусть проведут все тесты, какие только придут в их безумные головы, но установят личность убитого. Если не смогут, пусть выяснят хотя бы, откуда он родом. Он разыскивал меня, а я понятия не имею, почему.

Ответ из Центра пришел на удивление быстро. Через три дня в дверь позвонили. Я взглянул на монитор. Чарли. Впустив его, я потянулся к чемоданчику у него в руке. Он отдернул руку, задумчиво пожевал нижнюю губу и, услышав мой утробный рык, совсем сник.

— Мистер ди Гриз, у меня приказ. От самого Инскиппа.

— И что же наш дражайший шеф повелевает?

— Он сказал, что, воспользовавшись поддельными чеками, ты снял с секретного счета Корпуса семьдесят пять тысяч кредиток, и прежде чем ты, жалкий воришка ди Гриз, получишь информацию из Центра...

— Ты назвал меня жалким воришкой?!

Видя мои сжатые кулаки, он с воплем отскочил и прижался спиной к стене.

— Нет, нет! Ты неверно понял! Это не я, это Инскипп так сказал. Это он назвал тебя жалким воришкой, а я только передаю его слова.

— Принесший дурную весть достоин смерти.

Я двинулся на него, но откуда ни возьмись появилась Анжелина и вклинилась между нами.

— Вот деньги, Чарльз, которые мы брали В ДОЛГ. В записи бухгалтерии, вероятно, вкралась ошибка. Сам понимаешь, бывает.

— Конечно, конечно. Ошибка? Случается, я сам беру в долг деньги. — Чарли утер со лба пот и протянул ей чемодан-

чик. — Будь добра, передай мужу, а мне некогда: дела, знаешь ли. До свидания.

За его спиной хлопнула дверь. Я взял у Анжелины чемоданчик, сделав вид, что не замечаю ее раздувающихся от гнева ноздрей, нажал на потайную кнопку. Чемоданчик раскрылся, из него поднялся экран. На экране — Инскипп собственной персоной и смотрит мне прямо в глаза. Захотелось вдруг оказаться в другой комнате. А лучше — на другой планете. Должно быть заметив мое замешательство, Анжелина подхватила чемоданчик и поставила на стол. Инскипп на экране громко высморкался и потряс листом бумаги.

— Ди Гриз, прекрати воровать деньги организации. Подумай, какой пример ты подаешь коллегам. Ты меня слышишь, следовательно, возместишь похищенное, но заруби себе на носу, впредь ты так легко не отделаешься. На этот раз воровство тебе сошло с рук только потому, что мы интересуемся Параисо-Аки.

— Что такое Параисо-Аки? — спросил я вслух. Ненавистный Инскипп глубокомысленно кивнул.

— Сейчас ты спрашиваешь, что такое Параисо-Аки, — как всегда, опережая меня на шаг, самодовольно заявил он. — Так слушай. Параисо-Аки — планета, где родился убитый. Отправляйся туда и осмотрись. По возвращении сразу доложишь мне. Прежде прочти документ и, может, поймешь, почему нас заинтересовал этот мир. До скорого.

Экран потух и опустился. За ним оказался запечатанный пакет. Я разорвал его, достал оттуда тоненькую книжку в черном переплете с грифом «Сов. секретно», открыл на первой странице.

— Очень интересно, — заявил я, пробежав по строчкам глазами.

— Что именно, дорогой?

— Оказывается, я не только не знал убитого, но и слыхом не слыхал о его родной планете.

— В конце концов, о чем-то всегда узнаешь впервые. Что нам предписано?

— Хотим мы того или нет, отправляемся на эту таинственную планету и производим общую разведку.

Анжелина понимающе кивнула. Мы стояли и, зная, что недолгий мирный отдых подошел к концу, улыбались, как идиоты.

Глава 3

Тяжелый путеводитель приятно согревал пальцы, обложка мягко светилась.

— Проведите отпуск на прекрасной солнечной Параисо-Аки, — громко продекламировал я.

Сидевшая рядом Анжелина читала брошюру потоньше и оформленную поскромнее.

— Параисо-Аки заселена во время первой галактической экспансии и вновь открыта совсем недавно. Главная особенность этой планеты — самое коррумпированное правительство во всей Галактике.

— Похоже, авторы малость расходятся во мнениях, — заметил я, потирая руки в предвкушении трапезы. Подкатил, раскланиваясь, робот-стюард.

— Вам порцию бульона, сэр?

— Утопись в нем сам, механический болван. Мне же принеси двойную «Альтаирскую пантеру» со льдом. Нет, неси две...

— Одну, — твердо сказала Анжелина. — Мне — бульон.

— Да, мадам. У вас безукоризненный вкус, мадам. — Капая машинным маслом, раскланиваясь, кивая и потирая руки-манипуляторы, железный подхалим отбыл.

Я его ненавидел всей душой. Так же, как ненавидел весь космический корабль, совершавший круиз с пышным названием «Роскошный тур по райским планетам», и всех его пассажиров — без умолку болтавших и выряженных как попугаи туристов.

Должно быть, я свои мысли произнес вслух, потому что Анжелина напомнила мне:

— Мы сами точно так же одеты.

Действительно, одеты мы не лучше. На мне были усеянные лиловыми и желтыми цветочками шорты и свободного покроя рубашка аналогичной расцветки. На Анжелине — то же самое, но выглядит она почему-то как всегда привлекательной и желанной. Следуя последней курортной моде, мы обесцветили и завили волосы, кончики локонов подкрасили зеленым. Чувствовал я себя в таком виде круглым дураком, несколько утешало лишь то, что все вокруг поголовно наряжены и причесаны таким образом. Отменная маскировочка, только, одеваясь по утрам, я скрипел зубами.

Я перевернул страницу. Панорама на развороте впечатляла: под светло-голубыми небесами плескался темно-синий океан, волны едва слышно накатывали на белоснежный песок, в воздухе — свежесть, щекочущие нос запахи йода и водорослей.

— На Параисо-Аки вас ждут теплое солнце, ласковый океан, целебный воздух, изобилие сочных тропических фруктов, неповторимая национальная рыбная кухня и счастливые, всегда приветливые местные жители.

— Большая часть населения Параисо-Аки живет в условиях, близких к рабству, — прочитала Анжелина из своей книжки. — Бедность и болезни здесь давно стали нормой. Указы деспотичного правительства исполняются беспрекословно. Наказание за малейшую провинность — смертная казнь или длительный срок заключения.

— Через тридцать минут — посадка, — забубнил динамик на стене. — Через тридцать минут...

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — глубокомысленно изрек я и швырнул путеводитель в ядерный обогреватель — искусное подобие камина. Брошюра вспыхнула, с чернеющих, скрючивающихся страниц раздались слабенькие крики. — Если у нас в багаже обнаружат секретный отчет информационного отдела, наше знакомство с Параисо-Аки закончится, еще не начавшись.

Анжелина протянула мне тоненькую книжечку в скромном черном переплете, и секретный отчет последовал за рекламным проспектом в огонь.

Подкатил стюард, поставил наши заказы на стол. Анжелина подняла чашку с бульоном, улыбнулась мне сквозь парок.

— Не будь занудой, ди Гриз. Считай наше задание отпуском, нашим вторым медовым месяцем... Что я говорю? У нас же не было медового месяца. Этот будет первым!

— Не поздновато-то ли? Нашим близнецам скоро стукнет по двадцать.

— Следовательно, для тебя я стара и безобразна? — В ее голосе явственно слышалась угроза.

Я отшвырнул бокал и упал перед ней на колени, краем глаза заметив, что напиток разлился и проел в ковре здоровенную дыру.

— Анжелина! Свет моей жизни! Клянусь, день ото дня ты лишь хорошеешь!

Я схватил ее руку и перецеловал каждый палец, каждый ноготок. Туристы в кают-компании дружно зааплодировали, а Анжелина с улыбкой кивнула.

— Так-то лучше.

Корабль приземлился точно по расписанию. Распахнулись люки, и в кают-компанию ворвались теплый свежий ветерок и мягкая мелодия.

Я повесил на плечо фотокамеру, надел темные очки, взял Анжелину под руку, и, смешавшись с толпой весело галдящих туристов, мы спустились по трапу.

Космопорт был выстроен на берегу океана. Как и обещала реклама, солнце ласкало, пропитанный солью и ароматами цветов воздух восхищал, пьянил. Улыбавшиеся местные девушки с обнаженной грудью надевали на головы туристам венки, совали в карманы цветы, а самым симпатичным, таким, например, как я, вручали крошечные бутылочки с золотистым напитком.

Анжелина улыбалась и ахала, покачивала бедрами в такт захватывающей музыке. У меня к подобному веселью иммунитет, и хоть хихикал и гримасничал я, как настоящий турист, внутри оставался тем же хладнокровным и проницательным Скользким ди Гризом.

Двигаясь с толпой туристов, мы очень скоро оказались в здании таможни. Таможенник, такой же загорелый и улыбчивый, как местные девушки, носил рубашку, которая, без сомнения, демонстрировала важность его должности.

— Добро пожаловать на Параисо-Аки! — обратился он ко мне на эсперанто. — Прошу ваши паспорта.

— О, да на этой планете говорят на эсперанто! — воскликнул я на том же языке и протянул ему паспорт. Поддельный, естественно.

— Не все. — Улыбаясь, таможенник сунул паспорт в щель компьютера. — Наш родной язык — несколько измененный испанский. Но не беспокойтесь, все, кого вы здесь встретите, владеют эсперанто. — Бросив взгляд на дисплей, он вернул мне паспорт и указал на висевшую у меня через плечо камеру. — Отличная у вас камера.

— О да. Обошлась недешево. Готов поспорить, такой кучи денег, что я за нее выложил, вы отродясь не видели. Ха-ха.

— Ха-ха... — эхом отозвался он. — Можно на нее взглянуть поближе?

— Взглянуть? Да это же не бомба, а всего лишь фотокамера.

— Осматривать съемочную аппаратуру предписано специальными правилами.

— Почему? Местные власти что-то от нас скрывают?

Его губы сжались в ниточку, глаза прищурились. Я улыбнулся во весь рот и протянул ему камеру.

— Поаккуратней с ней. Тонкий механизм.

Едва он коснулся камеры, задняя крышка отскочила; на пол, разматываясь, выпала кассета с пленкой. Я выхватил камеру из его дрожащих рук.

— Я же предупреждал! Испортили все снимки моей жены и друзей на корабле. Впредь смотрите, что делаете!

Я смял пленку, швырнул ее в мусорную корзину, не обращая внимания на его извинения, подхватил Анжелину под руку, и мы зашагали к выходу.

Наш багаж чист, в карманах и на теле — ничего подозрительного. Опасения внушала лишь камера — чудо миниатюризации, которая не только делала отменные стереоснимки, но и выполняла уйму других операций, в основном запрещенных законом. Но наш план сработал, все прошло как по маслу.

Выйдя из таможни, Анжелина взвизгнула. Такие же визги раздавались со всех сторон.

— Господи, вы только поглядите на них!

— Кто это такие?

— Они не опасны?

— Дамы и господа, минуточку внимания, — заговорил в мегафон юноша в униформе. — Меня зовут Хорхе, я ваш гид. Если у вас возникнут вопросы, обращайтесь ко мне. Сейчас я с удовольствием отвечу на ваши первые вопросы. Запряженные в тележки животные на нашем языке называются «кабайос». История их появления на Параисо-Аки скрыта завесой времени, но предания гласят, что они привезены первыми переселенцами с мифической планеты,

родины всего человеческого рода, называемой согласно одним источникам «Земля», согласно другим — «Грязь». Кабайос — наши друзья, они безобидны, перевозят грузы и незаменимы в сельском хозяйстве. Сейчас они домчат вас до отеля.

Мы расселись по хлипким скрипучим повозкам, и кабайос тронулись в путь. В действительности они назывались лошадьми, я имел с ними дело, когда, путешествуя во времени, очутился на вовсе не мифической, а очень даже реальной Земле.

Запряженные лошадьми повозки оказались самым неудобным транспортом из всех, какими я когда-либо имел несчастье пользоваться. Не обращая внимания на тряску, туристы смеялись и перекликались пронзительными резкими голосами. Анжелина, похоже, тоже наслаждалась путешествием, и только я чувствовал себя скелетом на венчании.

— Э-ге-гей! — подражая остальным, закричал я.

Сунув руку в карман, я обнаружил подаренную гостеприимной девушкой бутылочку. Несомненно, плескавшуюся внутри янтарную жидкость туземцы приготовили, раздавив грязными мозолистыми ногами гнилые фрукты или выварив старые тухлые носки. Я открыл пробку и залпом осушил бутылку.

— Э-ге-гей! — на этот раз вполне искренне заорал я и знаком подозвал смело скакавшего рядом Хорхе. — Из чего приготовлен этот напиток? — Я поднял бутылочку. — Уж не из солнечных ли лучей? Не пил ничего подобного с тех пор, как меня оторвали от материнской груди!

— Рад, сэр, что вам понравилось местное вино. Оно приготовлено из сока канья и называется «рон».

— Божественный напиток. Жаль только, что разливаете вы его по таким малюсеньким бутылочкам.

— Мы разливаем его в посуду самых разных размеров. — Засмеявшись, он вытащил из седельной сумки полную янтарной жидкости бутылку более приемлемого, на мой взгляд, размера и протянул мне.

— Как мне вас отблагодарить?

— Благодарность ни к чему, стоимость вина будет вписана в ваш счет.

Он галопом поскакал прочь.

Я отхлебнул из бутылки приличный глоток и удовлетворенно крякнул.

— Стоит ли напиваться в такую рань, дорогой?

— Напиваться? Я не напиваюсь, а, как ты и настаивала, привожу себя в праздничное настроение. — Я протянул бутылку Анжелине. — Попробуешь?

— Не сейчас. Может, позже. Посмотри, какая красотища кругом.

Она, как всегда, была права: вид открывался великолепный. Дорога, плавно изгибаясь, бежала через зеленые поля к берегу,

под лучами солнца искрился девственно белый песок, голубой океан манил.

Но где же местные жители? Кроме кучеров и нашего гида, не видно ни одного.

— Папа, папа, смотри! Умники выискались, слова не вымолвят!

Я проследил за пальцем сидевшего рядом юнца.

У дороги срезали высокую траву длинными ножами оборванные мужчины. Солнце припекало, работа была монотонна и изнурительна, их лохмотья пропитались соленым потом. Завидев нас, они замерли, на грязных изможденных лицах — жалкие подобия улыбок.

О туристах здесь, похоже, заботятся вовсю, а вот местные... Не будь занудой, Джим, наслаждайся жизнью, отдыхай на полную катушку!

Я поднял камеру и заснял людей в поле. Услышав треск камеры, наш кучер повернулся, дежурная улыбка исчезла с его лица. Через секунду он взял себя в руки, и белые зубы засияли с прежней силой, но я успел снять и его.

— Поберегли бы лучше пленку для цветущих садов и великолепного отеля, — посоветовал мне кучер.

— Почему? Разве запрещено снимать крестьян?

— Разумеется, нет, но это неинтересно.

— У людей в поле усталый вид. Сколько часов в день они работают?

— Понятия не имею.

— А сколько им платят?

Ответа я не получил — он повернулся ко мне спиной и тряхнул вожжи. Я поймал взгляд Анжелины и подмигнул. Она кивнула.

— Думаю, глоточек рона мне придется сейчас кстати, — сказала она.

...Отель, как нам и обещали, был выше всяких похвал. Наш багаж, без сомнения внимательно изученный, ожидал нас в роскошных апартаментах.

Зная, как остальные мужчины-туристы относятся к своим женам, я собрал волю в кулак — маскировка прежде всего!

— Когда распакуешь вещи, дорогая, найдешь меня внизу, — бросил я Анжелине и, не дожидаясь возражений, выскользнул за дверь.

Я заглянул в бар, не торопясь прогулялся по саду. У плавательного бассейна привлекательные девицы принимали солнечные ванны нагишом. Я решил их заснять, уже было поднял камеру, но, представив, что произойдет, если Анжелина наткнется на эти кадры, одумался.

Жена у меня вспыльчивая, этим мне и нравится. Во всяком случае, считать так спокойнее.

Метрах в ста от бассейна я наткнулся на торговавший туристским барахлом магазинчик, из любопытства заглянул внутрь. На полках красовались кораблики из покрытых разноцветным лаком ракушек, пестрые купальники-ниточки, очки от солнца на пол-лица, шапочки с надписями типа: «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ СТРАСТНО, ДУРАЧОК!» и «ДАВАЙ ПОТОЛКУЕМ!», позолоченные цепочки, колечки с бриллиантами-стекляшками, бусы из фальшивого жемчуга. Нахмурив брови, я прошел в секцию книг, топографических карт и путеводителей.

— Могу ли я вам помочь, сэр? — раздался за моей спиной мягкий голос.

Я обернулся. Девушка — прекрасная фигура, золотистая кожа, огромные сияющие глаза, выразительные алые губы...

Может ли она мне помочь? Может, да еще как! Тут я вспомнил об Анжелине, и мой энтузиазм в мгновение испарился. Флиртовать с туземкой, когда жена рядом? Я не сумасшедший!

— Я хочу... Дайте мне книгу!

— В продаже много превосходных изданий. Желаете что-нибудь конкретное?

— Да. Меня интересует история Параисо-Аки. Не рекламная чушь вроде той, что в путеводителях для туристов, а реальные факты. У вас есть что-нибудь в таком духе?

Оценивающе оглядев меня, она отошла к полке и вернулась с пухлым томом в руке.

— Думаю, это то, что вам нужно. — Она протянула мне книгу, грациозно повернулась и, покачивая бедрами, зашагала в глубь магазинчика.

«Работа прежде всего, Джим!» — одернул я себя и с трудом перевел взгляд от ее манившей фигуры на обложку.

«Социальная и экономическая история Параисо-Аки». Звучное название, под стать бестселлеру.

Перевернув несколько страниц, я наткнулся на вложенный внутрь лист. Не доставая лист из книги, я прочитал выведенную крупными печатными буквами надпись:

ОСТОРОЖНО! НЕ ЧИТАЙТЕ ЗАПИСКУ ПРИ ПОСТОРОННИХ!

На страницу внезапно легла тень. Я захлопнул книгу и поднял глаза. Передо мной стоял верзила в мундире и казенно улыбался.

— Дай мне книгу. — Он протянул руку. Полицейский — дурные манеры, багровая рожа, глаза навыкате, только что на лбу не написано «коп».

— Извините, зачем вам моя книга? — Я прижал книгу к груди.

— Не твое собачье дело. Давай сюда!

— Не дам.

Я отступил на шаг. Он холодно улыбнулся и двинулся ко мне, намереваясь вырвать книгу из моих трясущихся рук.

Ну, вот! Наконец-то начался настоящий отдых!

Глава 4

Дождавшись, когда коп вцепится в книгу обеими руками, я ухватил его за мясистый нос и что было сил сжал пальцы. Признаюсь, поступил я так из чистого садизма. Его полный гнилых зубов рот распахнулся во всю ширь, из глотки вырвался нечеловеческий рык. Выждав секунду, я легонько ткнул его кончиками пальцев левой руки в солнечное сплетение. Закрыв рот и глаза, он без чувств плюхнулся на пол. Я поднял книгу и отвернулся от поверженного тела. За мной стоял одетый в униформу отеля туземец — челюсть на груди, глаза с блюдца.

— Парень умаялся за день, должно быть, прилег вздремнуть, — поделился я с ним догадкой. — На вашей чудесной планете так хорошо отдыхается. Эту книгу я покупаю.

Поморгав, он уставился на обложку.

— Сожалею, но книга не наша.

Теперь заморгал я.

— Не может быть. Я собственными глазами видел, как девушка-продавец сняла ее с полки.

— В магазине только один продавец — я.

Я пожал плечами и направился в свой номер.

Все яснее ясного: и девушка и книга мне пригрезились. Да и валявшийся на полу полицейский, наверно, тоже.

Анжелина встретила меня на пороге номера. Она успела переодеться в купальник, от чего мое сердце взволнованно забилось. После нескольких долгих поцелуев она мягко отстранила меня.

— Прямо зверь дикий. Отдых, как вижу, пошел тебе на пользу. Впредь будем чаще выбираться на курорт. А что за книга у тебя под мышкой?

— Так, случайно купил в магазине. Интересно, твой купальник гармонирует с цветом здешнего песка? Пойдем на пляж, проверим.

Я выразительно повращал глазами. Анжелина едва заметно кивнула, показывая, что намек поняла.

— Отличная мысль. Я сейчас, только сандалии надену.

Мы молча покинули отель, прошли через сад к пляжу. У кромки воды Анжелина заговорила:

— Полагаешь, в номере «жучки»?

— Не знаю, но береженого, как говорится, бог бережет.

Я рассказал жене о своих приключениях в магазине, достал из книги сложенный лист, развернул, и мы молча прочитали написанное от руки послание:

НЕСЧАСТНЫЙ НАРОД ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ
ВЗЫВАЕТ К ВАМ!
УМОЛЯЕМ, ПОМОГИТЕ!
ПОЖАЛУЙСТА, ПРИХОДИТЕ В ПОЛНОЧЬ
НА БЕРЕГ. ОДИН.

Подписи не было.

Я разорвал записку на мелкие клочки, зачерпнул из океана пригоршню воды, смешал бумагу с водой, размял. Получившуюся однородную массу зарыл в песок.

— Интересно, кто написал записку?

— Я закатил скандал на таможне, заснял работавших в поте лица крестьян, задал уйму щекотливых вопросов. Я выделился из праздной толпы туристов, и теперь меня приглашают на встречу. Но ты правильно ставишь вопрос: кто? Может, записку послали несчастные жители Параисо-Аки, а может...

— Местные силы безопасности.

— Именно. Но выбора нет, в полночь иду на берег, хоть это и будет непросто.

— Почему?

— Не знаю, кто написал записку, но верзила, которого я уложил в туристском магазине, был точно коп. Боюсь, как только он очухается, мне на хвост сядет вся здешняя полиция.

— Тогда сделаем так: ты развлекаешься, играя в догонялки с полицией, а на встречу отправлюсь я.

— Дорогая, это же опасно!

Она улыбнулась и нежно сжала мне руку повыше локтя.

— Милый, как трогательно, что ты беспокоишься обо мне.

— Вовсе не о тебе. Я опасаюсь за жизни тех, других, если они вдруг надумают морочить тебе голову.

— Грязное животное! — Мне в бицепс впились ее железные пальчики, но через секунду-другую она ослабила хватку и вновь улыбнулась. — А ты прав, им лучше поостеречься.

— Сделаем все, как ты сказала. — Я потер синяк на руке. — Не люблю бегать на пустой желудок. Пока есть время, давай вернемся в номер и пообедаем.

В нашем номере, раскинув руки, спал на полу незнакомец, рядом лежала камера.

— Первый, — прокомментировал находку я. — Не дождался хозяев, решил разглядеть камеру получше и получил порцию усыпляющего газа.

Из карманов спящего Анжелина извлекла удостоверение капитана полиции, автоматический пистолет, дубинку, наручники, охотничий нож и три гранаты со слезоточивым газом.

— Мерзкий тип, — заключила она.

— Согласен. Параисо-Аки уже не кажется раем. — Я вытащил из камеры несколько необходимых предметов. — Отныне, куда бы ни шла, бери камеру с собой. А сейчас, пока не нагрянули очередные визитеры, давай закажем обед.

Обслуживали туристов в отеле превосходно. Через две-три минуты, катя перед собой сервировочный столик, явился официант. К неописуемой нашей досаде, за ним увязались двое полицейских.

— Вас не звали. — Анжелина преградила им дорогу. — Убирайтесь откуда пришли.

Официант подкатил столик к моему креслу, преданно глядя в глаза, сделал стойку, я же занялся приготовлением сандвичей. Не люблю есть всухомятку, но, что поделаешь, сегодня придется.

— Прочь с дороги, женщина! — рявкнул уродливый, заросший щетиной полицейский.

Решив поторопить Анжелину, он положил волосатую лапищу ей на плечо. С его стороны это было опрометчиво — хрустнула кость, и, издав сдавленный крик, он рухнул на ковер. Второй полицейский потянулся к пистолету. Я отложил недоделанный сандвич, но не успел встать, как он уже лежал рядышком со своим напарником.

Официант, не дождавшись чаевых, пулей вылетел из номера. Анжелина со счастливой улыбкой закрыла за ним дверь. Я приготовил второй сандвич, завернул их в салфетку, кинул в пластиковый пакет. Подумав, сунул в пакет и бутылку рона.

— Не хотелось бы, чтобы они помешали полуночной встрече, признав в тебе моего сообщника. — Я подошел к двери, склонился над полицейским, на секунду приложил к его шее черную коробочку, повернулся ко второму и повторил операцию. — Вколол им по двойной дозе, продрыхнут не меньше суток.

Наш прощальный поцелуй прервал громкий нетерпеливый стук в дверь.

— Что ж, выберусь другим путем. — Я выскочил на балкон, Анжелина последовала за мной. Наш номер находился на двадцатом этаже, стены здания гладкие, без выступов и трещин. Не беда. Я протянул Анжелине пакет с едой. — Подержи, пожалуйста.

Я перелез через ограждение, повис на руках, качнулся и мягко приземлился на балконе этажом ниже. Анжелина кинула мне пакет и послала воздушный поцелуй.

Все идет нормально, во всяком случае, пока. Номер, как по заказу, оказался пустым. Перекушу и промочу горло здесь, потом уж отправлюсь дальше.

Я дожевывал последние крошки, когда услышал позвякивание ключа в замке. Глотнув из горлышка, я неохотно отставил недопитую бутылку, пересек комнату и прижался к стене за дверью.

Дверь открылась, в номер ввалились военные с оружием на изготовку. Убедившись, что их только двое, я вышел из-за двери и небрежно поинтересовался:

— Кого-то разыскиваете?

Они как по команде повернулись. Набрав в легкие побольше воздуха, я шагнул вперед, раздавил перед их носами капсулу с сонным газом и отступил. Они, бряцая оружием, повалились на пол.

Один из них ростом и фигурой походил на меня, и я решил воспользоваться старым как мир, но очень эффективным трюком. Надев форму поверх купального костюма, я мысленно пожелал солдату почаще мыться. Его нижнее белье оказалось украшенным кружевом из дыр и заплаток. Видно, на солдатское жалованье не

разгуляешься. Зато на экипировке не экономили: коротковолновый передатчик, ионная винтовка, револьвер без отдачи пятидесятого калибра и полный комплект боеприпасов. В форме меня невозможно отличить от заправского военного, та же выправка, та же осанка, тот же загорелый цвет кожи.

«Классная работа, Джим, — поздравил я себя. — Ты, как всегда, на высоте: проникаешь в самые недоступные места, раскрываешь гнусные тайны тоталитарных режимов, двигаешься, подобно духу, разишь почище молнии. Бесстрашный и несокрушимый. Неотразимый!»

Подбодрив себя таким образом, я расправил складки на мундире и распахнул дверь...

В воздухе засвистели пули, из дверного косяка на уровне моего лица полетели щепки.

Глава 5

Я захлопнул дверь и отскочил в сторону. Как раз вовремя: в том месте, где я только что стоял, в двери появился аккуратный ряд дырочек.

— Туристов здесь обслуживают по первому классу, только держись, — бормотал я под нос, двигаясь ползком к балкону.

Зная теперь, на что способны местные парни, я надел каску на ствол винтовки и высунул ее над ограждением. Грянули выстрелы, каска подпрыгнула и, громыхая, покатилась по балкону. Вспыльчивые ребята. Я подобрал каску и, не обращая внимания на вмятины, нахлобучил себе на голову.

«Впредь не будешь обжорой, Джим, — сказал я себе. — Расплачивайся теперь за затянувшийся ленч».

Обидные слова, но я их заслужил. Я всегда откровенен с собой и, когда прав, а обычно так и бывает, поздравляю себя, а когда нет, что ж, честно признаю свои ошибки. Преступник, который водит себя за нос, оглянуться не успевает, как оказывается зарытым на два метра в землю или разглядывает небо в клеточку.

«Ну, покаялся? Хватит, теперь думай, как выберешься отсюда».

Я призадумался. С обоих флангов — враги, время работает против меня. Выходит, пробил час открыть новый фланг.

Не хотелось бы, чтобы из-за наших с полицией игр пострадали невинные люди. Вряд ли кто пользуется душем днем, так что лучшего места не придумаешь.

Входную дверь снова прошила автоматная очередь. Я заскочил в ванную комнату, вытащил резак и, нажав на кнопку, очертил по дну ванны круг.

Невежды считают, что молекулярный резак испускает разрушающие материю лучи. Вздор! Он всего лишь генерирует поле, которое на время ликвидирует силы молекулярных связей. Просто, как все гениальное, не правда ли?

Круг на дне ванны и пол под ним обрушились на нижний этаж. Я услышал, как грохнулась на пол входная дверь в номер, и не раздумывая прыгнул в дыру.

Самая мудрая тактика в моем положении — двигаться попроворнее. Так я и сделал. Выскочив из ванной в гостиную, я наткнулся на отчаянно накручивавшую диск телефона туристку с нашего корабля.

При виде меня она завизжала, точно резаная.

— Канья, кабайос, испаньон, рон! — выкрикнул я грозно все известные мне слова местного наречия.

Она пискнула и хлопнулась в обморок.

Великолепно! Приоткрыв самую малость дверь, я выглянул наружу. В холле ни души.

Осторожничать некогда. Я стрелой пересек холл, не церемонясь растолкал хихикающих туристов и оказался в ведущем к служебной лестнице коридоре.

Прибыв в незнакомое место, я всегда первым делом осматриваю возможные пути отхода. Эта привычка не раз выручала меня, пригодилась и сейчас.

Дверь на служебную лестницу была именно там, где я ее и приметил. Я взялся было за ручку, но, услышав за дверью топот кованых сапог, замер. Меня опередили? Шум за дверью постепенно становился тише. Я рискнул и приоткрыл дверь. За поворотом исчезала спина последнего солдата. Отлично!

Я бросился следом.

Сержант истошно орал, солдаты, грохоча по каменной лестнице подковами, бежали вниз. Я пристроился сзади; улучив минуту, когда замыкающие остановились, смешался с солдатами. Вместе с отделением выскочил из отеля, пронесся мимо других строившихся, бежавших, оравших солдат и полицейских, без суеты свернул за ближайший угол.

Через несколько минут, запихав мундир и оружие в мусорный бак на заднем дворе отеля, я весело насвистывал. Став снова обычным туристом, я влился в толпу таких же бездельников. Тут и там сновали гиды и служащие отеля, успокаивали туристов. От них, какими бы безобидными они ни выглядели, я держался подальше.

Я без приключений прошел через сад, увязался за бредущей вдоль берега экскурсионной группой. Никто не возразил. Да и кому до туриста дело? Вскоре мы обогнули мыс; отель и гомонившая перед ним толпа скрылись из глаз.

Я отстал от экскурсии, взобрался по покатому склону и, пройдя с десяток шагов, очутился на невидимой ни с берега внизу, ни из отеля опушке леса. Сел в тени большого дерева. Трава оказалась на удивление мягкой, тропических насекомых, слава богу, не было. В океан медленно опускалось солнце, сгущались сумерки. Неожи-

данно ощутив, что порядком устал, я прилег, закрыл на минутку глаза и тут же заснул сном праведника.

Не знаю, виной ли тому ром, или физические нагрузки, или их сочетание, но проснулся я только на рассвете. Потянувшись, зевнул, прислушался к жалобным стонам пустого желудка.

Единственная возможность покинуть эту гостеприимную планету — быть арестованным. Пора обратно в отель, сдамся властям, а между делом, глядишь, и перекушу.

Вытащив из карманов и закопав под большим деревом все запрещенные законом предметы, я направился к отелю. Дорогой соблюдал осторожность: избегал открытых мест, держался по возможности в тени, то нырял в кусты, то становился обычным, праздношатающимся туристом. Согласитесь, после всех выпавших на мою долю приключений оказаться продырявленным каким-нибудь ретивым юнцом было бы обидно.

Скрываясь за кустами, я подкрался к ресторану — идеальному, на мой взгляд, месту для ареста. Улучив минуту, когда курсировавший перед входом полицейский отвернулся, я влез через открытое окно в зал. Никто не счел мое появление чем-то из ряда вон выходящим. Я налил чашку кофе, прихватил со стойки тарелку с омлетом и уселся за ближайший свободный столик. Огляделся. Час был ранний, в ресторане завтракало совсем немного туристов. Официант как раз ушел на кухню, я быстро доел омлет и с чашкой кофе в руке подошел к престарелой паре за соседним столиком.

— Не возражаете, если присоединюсь к вам?

Супруги переглянулись.

— Присаживайтесь, — выдавил через добрую минуту молчания муж — тощий старик в роговых очках.

— Благодарю. А, часом, не знаете, из-за чего вчера был переполох?

— Нет. — Старик стукнул серебряной ложечкой по вареному яйцу так бережно, будто это яйцо снесла последняя в Галактике курица и, не сходя с места, протянула тощие лапки. — Нам не сказали. Ни единого слова.

Его супруга кивнула.

— Ни единого правдивого слова. Мы платили деньги не для того, чтобы любоваться пальбой. Сейчас позавтракаем и пойдем к управляющему. «Мы улетаем ближайшим рейсом. Верните нам деньги», — вот что я ему скажу.

Нашу милую беседу нарушил шум потасовки у входа. Мы повернули головы. Войти в дверь одновременно пытались с десяток полицейских. Они натужно пыхтели, толкались, давили друг другу ноги, пихались локтями. Наконец в зал проскочил самый маленький и шустрый и, подняв свою «пушку», подбежал к нашему столику.

— Шевельнешься — схлопочешь пулю! — прорычал он, не мигая глядя на меня.

На помощь ему подоспели остальные, обступили наш столик.

— Официант! — заорал я во всю глотку. — Управляющего сюда! Да поживей!

Я одним глотком допил кофе, а полицейские подошли ко мне вплотную.

— Следуйте за нами, — потребовал офицер.

Туристы и персонал ресторана во все глаза следили за происходившим.

— Почему? — невинно поинтересовался я.

— Взять его! — рявкнул офицер.

Двое здоровенных полицейских вцепились в меня, подняли на ноги. Хотя это и стоило мне огромных усилий, я не сопротивлялся. Людей вокруг столика становилось все больше, и вдруг я приметил в толпе нашего гида.

— Хорхе! Что происходит? Кто эти хамы?

— Полицейские. — Хорхе выглядел очень несчастным. — Они настаивают на беседе с вами.

— Что ж, я не против, побеседуем прямо здесь. Я — гражданин другой планеты и свои права знаю.

Хорхе сказал что-то по-испански. Полицейские замахали руками, залопотали, перекрывая гул толпы. Мало-помалу шум утих. Ко мне повернулся Хорхе, выглядел он несчастней прежнего.

— Сожалею, но помочь вам не в силах. Они стоят на своем, желают, чтобы вы шли с ними.

— Похищение! — заорал я. — Бедного туриста похищают переодетые полицейскими преступники! Звоните властям, звоните в Совет по туризму, звоните моему адвокату! Если меня сейчас уведут под дулами винтовок, я подам иск и планета враз обанкротится!

Туристы одобрительно зашептались. Еще минута-другая такой сумятицы, и я был бы волен как ветер, но тут сквозь толпу протолкался высокий офицер и немедленно взял дело в свои стальные руки.

— Извините, сэр! Произошло недоразумение, вас не арестовывают. Боже упаси. Немедленно отпустите его!

Полицейские разжали влажные ладони. Офицер улыбнулся и заговорил, глядя мне в глаза:

— Вчера в отеле произошел несчастный случай. Есть веские основания предполагать, что вы были свидетелем...

— Не видел я ничего. А вы, собственно, кто такой?

— Меня зовут Оливера, капитан полиции Оливера. Жаль, что вы ничего не видели, очень жаль. Не будете ли вы так любезны пройти со мной и подтвердить свои слова для протокола? Понимаете ли, пострадали люди, и мы рассчитываем на вашу помощь.

Его улыбка была столь искренней, а логика — столь непогрешимой, что в глазах собравшихся я вдруг из жертвы произвола превратился в заурядного жулика.

— Всегда рад помочь. Но прежде я бы хотел оставить жене записку. Скажите, куда мы направляемся?

В глазах Оливеры вспыхнул холодный огонь, но он превосходно владел собой, и через мгновение огонь бесследно потух.

— В центральный полицейский участок.

— Спасибо. Эй, ты! — Я махнул ближайшему официанту. — Поднимись к моей женушке в номер двадцать десять. Расскажи ей, что произошло. Скажи, что я вернусь к ленчу. — Я повысил голос: — Люди, вы слышали меня. Я помогу этим вежливым полицейским в их расследовании. Возможно, они объяснят мне, что стряслось вчера. Скоро вернусь и обо всем расскажу вам. Ждите меня. Пойдемте, капитан Оливера.

Я двинулся к двери столь стремительно, что полицейские едва поспевали за мной.

Сделано все, что в моих силах. Теперь, если со мной произойдет несчастный случай, каждый в отеле будет знать, кто виноват.

Сопровождаемый хмурыми взглядами и неодобрительным бормотанием, я залез на заднее сиденье патрульной машины. Взвыли сирены, завизжали шины, и мы помчались прочь от ласкового берега. Машина с капитаном Оливерой вырвалась вперед и вскоре скрылась из виду. Он спешит, несомненно, подготовит мне достойную встречу. До чего же страшно! Я громко рассмеялся, полицейские в автомобиле опасливо покосились на меня, наверно, приняли за сумасшедшего. Не исключено, что они не слишком далеки от истины, ведь я сам сунул голову в пасть льву. Но сокрушаться нечего, сделанного не вернешь.

Мы промчались мимо космопорта, снова потянулись поля. Через полчаса машина с ревом ворвалась в город, прогромыхав по брусчатке мостовой, остановилась перед серой двухэтажной постройкой. Ворота распахнулись.

Я в совершенстве владею техникой глубокого дыхания и полного расслабления, так что в мрачный тюремный двор вошел, чувствуя себя великолепно отдохнувшим и бодрым.

В отделении меня раздели донага, просветили рентгеном, тщательно обыскали мой костюм. Дохнув в лицо чесноком, дантист осмотрел мои зубы. Ни в одежде, ни на теле ничего подозрительного. С обычной рутиной, к которой я давным-давно привык, покончено. Мне выдали полосатую робу и пару стоптанных шлепанцев, двое полицейских препроводили меня в кабинет Оливеры. Он переоделся и из капитана превратился в полковника, а от былой вежливости не осталось и следа: в голосе металл, взгляд пронзал насквозь.

— Кто ты? — спросил он без предисловий.

— Самый обычный турист, оскорбленный вашими...

— Каргата! — проревел он. Слово я запомнил, авось когда и сгодится. — Офицер полиции видел, что ты разговаривал с числящейся в розыске преступницей и получил из ее рук послание. Он обратился к тебе с вопросом, ты на него напал. Арестовать тебя прибыл

наряд полиции и тоже подвергся нападению. Чтобы предотвратить дальнейшее насилие, были посланы оперативные силы полиции и армии, но, напав на военнослужащих, ты скрылся. — Он говорил спокойно, не повышая голоса, но внутри его бушевала холодная ярость. Такая же ярость постепенно закипала и во мне. — У нас мирная планета, и насилия мы здесь не потерпим. Теперь говори, кто ты, чем здесь занимаешься и что было в послании.

— Ничего не знаю, — твердо заявил я. — Я прилетел на вашу убогую планету в отпуск. На меня напали, я защищался. Я служил в «зеленых беретах», меня голыми руками не возьмешь! — О моей доблестной службе в десанте написано в межзвездном паспорте, так что врал я, опираясь на «факты». — Не знаю, почему меня пытались убить ваши люди, да мне и плевать. Дождавшись, когда поутихнет стрельба, я сдался. Вот и вся история в том виде, как ее услышат от меня журналисты. Теперь отпустите меня, сказать мне больше нечего.

— Этот фокус не пройдет! — Потеряв самообладание, Оливера грохнул кулаком по столу. — Ты скажешь правду или я выбью ее из тебя!

— Не валяйте дурака, Оливера. Туристы в ресторане знают, что я взят полицией под стражу. Если с моей головы упадет хотя бы волос, прибыльной туристской индустрии на вашей чертовой планете конец. Сейчас я сделаю официальное заявление, а там уж решайте. Подключите меня к детектору лжи.

— Кресло, на котором ты сидишь, — детектор лжи. Говори!

Хорошо, что я не знал о кресле, когда врал напропалую. Теперь надо сосредоточиться и подбирать каждое слово с предельной осторожностью.

— Записывайте. Книгу мне дала неизвестная девушка. Больше я ее не видел и другой информации от нее не получал. Кто она и почему обратилась именно ко мне, не знаю. Конец заявления. Теперь верните мне одежду и выпустите отсюда.

Глядя полковнику в глаза, я встал. Его лицо выглядело спокойным, только на висках едва заметно пульсировали голубые жилки. Перед ним был выбор: убить меня или отпустить. Третьего не дано, и мы оба знали это. Он в ярости, но он далеко не глуп.

Молчание длилось с минуту, показавшуюся мне вечностью. Когда Оливера наконец заговорил, голос полностью подчинялся ему:

— Я освобождаю тебя. В сопровождении моих людей ты вернешься в отель и упакуешь вещи. Тебя и твою жену доставят в космопорт и отправят ближайшим рейсом. Не знаю, да и не желаю знать, в какую грязную историю ты тут влип, но, если ты когда-нибудь вернешься на Параисо-Аки, клянусь, я убью тебя на месте. Понял?

— Вполне, полковник. Убраться с вашей поганой планеты мне хочется не меньше, чем вам спровадить меня.

Я не добавил, что при первой же возможности вернусь сюда.

Глава 6

Отлет космического корабля власти задержали почти на час. Как только мы поднялись на борт, был объявлен старт.

Покинув противоперегрузочное кресло, я первым делом плеснул в стакан солидную порцию виски, залпом выпил и, включив вмонтированный в камеру детектор, обошел каюту. «Жучков» не было.

— Чисто, — сказал я. — Ты была в полночь на берегу?

— Ты сказал, что повстречал одного из местных. — Голос Анжелины был лишь градуса на четыре выше абсолютного нуля. — Ты даже не упомянул, что этот местный — юная, весьма соблазнительная особа.

— Любовь моя! Клянусь, для ревности нет причин! Я видел ее не больше минуты, и между нами ничего, ровным счетом ничего не было.

— Пусть это «ничего» будет и впредь. Я тебя давно знаю, ди Гриз, ты как был, так и остался сексуальным маньяком. Учти, если твои грязные руки хотя бы прикоснутся к ней, я тебе их пообрубаю.

— Договорились, не прикоснусь. А теперь, пожалуйста, расскажи, что произошло на берегу.

— В полночь я шла вдоль берега. Девица окликнула меня из-за деревьев, спросила, читала ли я записку. Я повторила послание, сказала, что тебя задержали неотложные дела. Девицу зовут Флавия, она — член движения сопротивления. По ее словам, открытой оппозиции на Параисо-Аки нет и быть не может: как только недовольные объединяются, чтобы заявить протест, госбезопасность внедряет в организацию своих агентов и вскоре всех арестовывают. Лидеров публично казнят, остальных отправляют на принудительные работы до конца жизни. Последняя надежда местных жителей — сообщить Галактике правду о царящем на Параисо-Аки произволе.

— Боюсь, в Галактике давным-давно об этом знают, однако всем на них плевать.

— Я тоже так считаю, но, узнав, что ее сообщение будет обнародовано, девушка выглядела такой счастливой, что я придержала свое мнение при себе. Ее сообщение — пять отпечатанных на принтере страничек. Она страшно удивилась, когда я, пробежав текст глазами, запомнила его слово в слово.

— Не пытайся казаться глупее, чем ты есть.

— Сообщение было напечатано светящейся краской. На меня оно произвело впечатление. Оказывается, основная причина, по которой другие планеты не вмешиваются и не покончат с беспределом на Параисо-Аки, — правительство там формально выглядит демократичным. Каждые четыре года проходят всепланетные выборы президента. Демократия! Только вот результаты голосования фальсифицируются и генерал-президент Джулио Сапилоте неизменно оказывается выбранным на новый срок. Два с половиной года назад он принял свою сорок первую присягу...

— Да старичку не меньше двухсот!

— Именно. Он регулярно проходит курс интенсивного омолаживания, ну и там мелочи: сон в кислородной барокамере, свежие фрукты, физические упражнения по специальной методике... Прежде чем негодяй Сапилоте стал президентом, Параисо-Аки была мирной планетой с умеренным монархическим строем. Согласна, монархия не лучшая из известных в Галактике форм правления, но при короле люди по крайней мере не голодали, бесчисленных убийств и разгула насилия не было. Недовольных, конечно, хватало, к ним-то и обращался Сапилоте, проповедуя свободу и всеобщее равенство. Ему поверили, народ восстал, король отрекся и вместе с королевой и принцами был посажен в тюрьму. Дальнейшая судьба королевской семьи неизвестна. Прошли первые выборы. Сапилоте стал президентом, обосновался в королевском дворце. Было казнено шесть чиновников из правительства короля, еще с десяток сослано, остальные, вдруг оказавшись пламенными революционерами, своих кресел не покинули, хотя названия их должностей изменились, а чины были упразднены. Сапилоте один за другим выпустил бесчисленное множество декретов, постановлений, законов. Он ввел трудовую повинность, возобновил пытки и публичные казни, позволил в «исключительных случаях» расстреливать на месте, увеличил продолжительность трудового дня, на базе бывшей королевской охранки создал секретную полицию и прочее, и прочее. Его ставленники получили возможность на вполне законных основаниях эксплуатировать народ. Бедные нищали, богатые жирели, а тюрем между тем не хватало, были изобретены трудовые лагеря. Ко времени перевыборов на стороне Сапилоте оказались все коррумпированные генералы и чиновники. С их помощью результаты выборов с тех пор подделывают.

— Почему же народ не восстанет?

— Власть диктатора держится на штыках, агенты секретной полиции — вездесущи, объединиться в оппозицию людям не дают, а одинокие бунтари обречены. Социальное устройство общества на Параисо-Аки — типичная пирамида: на вершине — диктатор, в его руках сосредоточена вся власть, ступенькой ниже — несколько богачей, вассалы тирана; основание пирамиды — большая часть населения планеты, люди, практически лишенные элементарных человеческих прав; между угнетателями и угнетенными — немногочисленная прослойка, так называемый средний класс.

— Веселенькое общество. — Я зашагал по каюте, напряженно размышляя. — Надо изменить порядки на Параисо-Аки.

— Согласна, но это дело непростое.

— Для человека, спасшего Вселенную, — любое дело по плечу.

— Дважды спасшего, — напомнила Анжелина.

— Вот именно. Я вернусь и...

— Мы вернемся. Мне и сыновьям тоже нужен отдых.

— Мы, конечно, мы, любовь моя! Ты, я и два наших замечательных близнеца. Флавия не сказала, почему она обратилась именно ко мне?

— Наш гид, Хорхе, поведал ей о твоих попытках разобраться в социальном устройстве тамошнего общества.

— Отлично. Вернувшись, свяжемся с подпольем через него. А мы вернемся, и очень скоро! Направлявшийся ко мне человек был хладнокровно убит. Теперь, побывав на его родной планете, я понимаю почему. Несправедливости я не потерплю в любом, пусть самом отдаленном уголке Галактики! И еще, за полковником Оливерой должок. Вернусь — рассчитаемся.

Брови Анжелины сошлись на переносице.

— Если этот коп коснется тебя хотя бы пальцем, он умрет! Страшной, мучительной смертью!

— У меня лучшая в Галактике жена! Но не беспокойся, о полковнике Оливере я сам позабочусь, ты же поможешь мне освободить всю планету.

— Заманчиво звучит. Милый, а ты уже придумал, как будешь освобождать Параисо-Аки? У тебя есть план?

— Плана пока нет, но это пустяки, спасал же я Вселенную без всякого плана, спасу и эту планету.

— Может, наймем армию и объявим им войну?

— Нет, провернем это дельце потоньше. У меня вроде бы уже появилась первая гениальная мысль на этот счет.

Стоит ли говорить, что близнецам наша затея пришлась по сердцу?

Джеймс возглавлял зоологическую экспедицию, которая собирала ядовитых гадов на мрачной, покрытой туманом планете Виниола близ безымянного красного карлика. Приняв наше послание по мгновенной ССВ-связи, он сдал свой зоопарк помощнику и на полной скорости помчался домой. Боливар в то же самое время изучал тюремную реформу, как говорится, изнутри, но, получив по «тюремному телеграфу» весточку из дома, бросил все, сбежал из гарантированной от побегов кутузки на Хелионе и прибыл домой лишь на считанные минуты позже брата.

В молодости всегда отменный аппетит. Зная это по собственному опыту, я терпеливо ждал в кабинете, пока близнецы поглощали приготовленный женой обед из девяти восхитительных блюд.

— Отец, да ты на себя не похож! — заметил с порога Джеймс.

— Верно подмечено, братишка, — подтвердил Боливар. — Темная кожа, черные волосы и усы, карие глаза, квадратная челюсть и широкие скулы... Тебя, отец, не узнать!

— И говорю я теперь на новом языке, — похвастался я на безукоризненном испанском.

— Потрясно звучит, — одобрил Джеймс. — На эсперанто похоже, и почти все понятно.

— Включите на ночь гипнофон, утром проснетесь с головной болью, но по-испански заговорите не хуже меня.

Вошла Анжелина, поставила на стол поднос с бутылкой рона и стаканами, села в свободное кресло.

— Спасибо, ма, — поблагодарил ее Боливар. — За ночь овладеем языком, а что потом?

— Потом отправимся на Параисо-Аки, родину этого божественного напитка. — Я разлил рон по стаканам, мы выпили, причмокивая от удовольствия. — Название планеты переводится как «Рай Земной». Сделаем же, чтобы планета не только называлась раем, но и стала им.

— Как? — в очередной раз поинтересовалась Анжелина.

— На месте разберемся. А пока взгляните на это... Я нажал кнопку на подлокотнике кресла, стена плавно поднялась, и нашему взору предстала мастерская, посредине — огромный черный автомобиль.

— С виду — старье старьем, — подметил наблюдательный Боливар.

— Спасибо на добром слове, я этого и добивался. Внешне автомобиль — точная копия того, что я сфотографировал на Параисо-Аки, деталька к детальке...

— Только в нем наверняка еще куча деталей, которых не было в оригинале, — подхватил Джеймс.

— Сообразительный у меня сынишка. В папу. Осторожно! Пока не объясню, как тут что работает, не прикасайтесь ни к одной кнопке, ни к одному переключателю. Такие вот машины на Параисо-Аки оснащены громоздкими, чудовищно неэффективными, да в придачу еще и ядовитыми двигателями внутреннего сгорания. На плодородных полях этой отсталой планеты выращивают сахарный тростник, из которого потом получают этиловый спирт. Думаете, из спирта готовят рон? Ничуть не бывало! Им заправляют автомашины. — Я поморщился, как от зубной боли. — В наш автомобиль вмонтирован миниатюрный ядерный двигатель. Он не только приводит машину в движение, но и питает радар, поворачивает стволы гранатометов и пулеметов, снабжает энергией лазеры в фарах и прочие механизмы, без которых на той планете не обойтись.

— Классная тачка, па, — похвалил Джеймс.

— Да, па, как раз то, что нам нужно, — поддержал брата Боливар. — Поздравляю!

— Спасибо.

— Ладно, с техникой разобрались. А вот что делать нам? — сказала Анжелина.

— Отдыхайте и готовьтесь. Измените цвет кожи и волос, выучите вариант испанского. Через два дня невидимый для любых радаров крейсер Спецкорпуса доставит нас на Параисо-Аки. Нас бросят там одних, беззащитных...

— Беззащитных? Я бы не сказал! — не вытерпел Боливар.

— ...в десятках световых лет от ближайшей дружеской планеты. Четверо против целого мира. Против всемогущей государственной машины всепланетного тоталитаризма. Мне до слез их жалко...

— Ты, наверно, говоришь не о нас, а о тех, врагах, государственных людишках?

— Конечно. А теперь выпьем за нашу победу и за начало новой жизни на Параисо-Аки.

Глава 7

Одно дело сидеть со стаканом виски в руке на крыльце собственного домика и рассуждать, какие мы великие и непобедимые, совсем другое — остаться с тремя близкими людьми на враждебной планете. Признаюсь, даже у меня, бойца, покрытого шрамами схваток, сдавило горло при виде бесшумно взлетающего и растворяющегося в ночи крейсера Спецкорпуса.

Так что же, мы обречены? Если так, виноват во всем только я.

— Ну, отец... — начал Боливар.

— Начинается потеха, — закончил за брата Джеймс.

Они весело рассмеялись. Их дружеские похлопывания по спине едва не свалили меня на землю и выбили, должно быть, из головы все сомнения.

— Мы победим! Иначе и быть не может!

— Вы правы, ребята. Пора за дело!

Джеймс распахнул перед матерью заднюю дверцу автомобиля. Одетый в униформу шофера Боливар сел за баранку, завел мотор. Я расположился на заднем сиденье с Анжелиной, Джеймс — рядом с братом. На Джеймсе были черная рубашка, белые костюм и галстук-шнурок — любимая на Параисо-Аки одежда чиновников средней руки. Мы с Анжелиной облачились в пышные наряды богатеев, тщательно скопированные спецами Корпуса по маскировке со снимков в путеводителе.

Боливар надел темные очки, включил сцепление, и мы тронулись. Фары, с виду выключенные, излучали перед машиной не видимые невооруженным глазом ультрафиолетовые лучи, лишь темные очки воспринимали их.

Ночь выдалась безоблачной, быстрая езда в призрачном свете звезд хоть и была абсолютно безопасной, но все же приятно щекотала нервы.

— Почва здесь, как мы и думали, — сплошной камень, — сообщил Боливар. — Даже если корабль заметили и власти явятся сюда, наших следов вовек не сыщут. А вон и автострада. Пустая. Держитесь крепче, сейчас перемахнем через кювет.

Нас порядком тряхнуло. Повернув, автомобиль набрал скорость и стрелой помчался по ровной прямой автостраде.

— Километров через пять включи фары, — велел я Боливару. — Станем праздно катающимися на автомобиле законопослушными гражданами.

— Катим без остановок? — спросил Боливар.

— До берега — без. Если прибудем затемно, дождемся рассвета у обочины за развилкой и двинем вдоль побережья до самого туристского рая. Там перекусим, дальше — по плану.

Дорога, как и предполагалось, в это время суток была пустынна, лишь однажды нам навстречу попался автомобиль и, не притормаживая, пронесся мимо.

Я вставил в видеомагнитофон кассету с записью симфонического концерта, из бара в спинке переднего сиденья достал бутылку шампанского, и мы с Анжелиной выпили за успех нашего предприятия. В общем, ночь мы провели если не в роскоши, то в комфорте уж точно.

На заре мы достигли берега и свернули к курорту. По дороге брели к полям крестьяне. Завидев приближавшийся черный автомобиль, они отскакивали к обочине, снимали шапки, кланялись. Мы, как и полагается богачам, не замечая их, величественно катили мимо.

Еще полтора часа пути — и мы у туристского комплекса.

— А вон и ресторан! — воскликнула Анжелина. — Столики на открытой террасе. Выглядит вполне прилично.

— Боливар, высадишь нас у входа, поставишь машину на стоянку так, чтобы была видна из ресторана, займешь столик на должном от нас расстоянии, — распорядился я. — Джеймс, сядешь с братом.

Быть богатым среди бедных — что ни говори, приятно, обслуживают тебя только по первому классу.

К нашему автомобилю подскочил сам управляющий рестораном, с поклоном распахнул дверцу.

— Рад вас видеть в нашем ресторане, леди и ваша честь, рад видеть! Столик? Вон тот устроит? — Он кивнул на столик в глубине зала. — Малейшее ваше желание — закон для меня.

— Огня.

Я вытащил из нагрудного кармана черут[1].

С зажженными спичками ко мне бросились трое официантов, чуть не подрались за привилегию подать мне огня. Я развалился в кресле, небрежно пустив из ноздрей дым, сдвинул широкополую шляпу на затылок, Анжелина села напротив.

— Вот это жизнь!

— Джим ди Гриз, ты — неисправимый пижон, — сквозь зубы прошептала Анжелина. — Ты освобождаешь этих людей от угнетателей, а ведешь себя под стать тирану.

— Разве, выполняя за местных грязную работу, нельзя наслаждаться жизнью? Нет, первый класс во всем! Ну, наконец-то! — добавил я, выхватывая из трясущихся рук официанта меню.

[1] Черут — сигара с обрезанными концами.

Допив четвертую чашку кофе, я с удовлетворением откинулся на спинку кресла, щелчком пальцев поманил Джеймса. Изображая преданного хозяину слугу, тот суетливо вскочил с места, подбежал ко мне. Я не торопясь извлек из целлофановой обертки очередную сигару. Он с зажигалкой в руке склонился ко мне.

— Пойдешь к своему столику, обрати внимание на разговаривающего с тремя упитанными туристами юношу в зеленой рубашке, — тихо сказал я. — Нам везет, это Хорхе. Он выведет нас на связь с подпольем. Незаметно следуй за ним, узнай, где он живет.

— Будет сделано, па. Он в жизни не догадается, что за ним «хвост».

Джеймс ушел. Анжелина наступила мне под столом на ногу и сообщила:

— Дорогой, похоже, у нас проблемы. Взгляни направо.

Я скосил глаза. К нам приближались двое. Одежда штатская, но походка, заносчивый вид... Полицейские! У крайнего столика они остановились, заговорили с юной парочкой. Парень и девушка поспешно достали бумаги, очевидно — удостоверения личности, дылды придирчиво их просмотрели.

М-да, проблемы — документов у нас нет.

— Анжелина, ты — сама наблюдательность, — похвалил я жену. — Отправляйтесь вместе с Боливаром на стоянку, подгоните машину к выходу, а я тем временем расплачусь.

Я поманил официанта, он стремглав кинулся ко мне. Полицейские, не останавливаясь, прошли мимо двух занятых инопланетными туристами столиков и рядом со мной оказались одновременно с официантом. Я бросил несколько банкнотов, встал.

— Ваша честь, у вас есть паспорт? — обратился ко мне полицейский похлипче и пониже.

Я не спеша оглядел его с головы до пят и, дождавшись, когда он пошел лиловыми пятнами, отрезал:

— Разумеется, у меня есть паспорт.

И направился к выходу. Немудреный прием, обычно срабатывает, но на этот раз не прошел. За спиной раздался дрожащий голос хлипкого:

— Будьте добры, покажите паспорт нам.

К тротуару у выхода подкатила наша машина. Она совсем близко, до нее рукой подать, но погони, перестрелки... Надоело!

Я развернулся на каблуках и уставился на полицейского взглядом василиска.

— Как тебя зовут, грубиян?

— Виладелмас Пуюол, ваша честь.

— Напряги слух, повторять не буду. Я никогда, слышишь, никогда не общаюсь с полицией на улице. Тем более не показываю документов. Ты свободен.

Я вновь повернулся, но тот, что покрупней, был то ли тверже, то ли глупее.

— Если ваша честь настаивает, мы проводим вас к Верховному комиссару. Он будет счастлив лично принять вас в нашем городе.

Соображать, да побыстрее. Обмен репликами подзатянулся, скоро мы привлечем всеобщее внимание. Что же предпринять? Бежать к машине? Полицейские дадут описание и номер машины по рации, дороги перекроют... В общем, неприятностей не оберешься. В моей голове молнией вспыхнуло решение.

— Благодарю за предложение. — Я добродушно улыбнулся. Они немного расслабились и тоже заулыбались. — Я издалека, здешних мест не знаю. Садитесь со мной в машину, покажите дорогу в город, заодно и с комиссаром потолкую.

— Спасибо! Спасибо!

Улыбаясь до ушей, они залезли в автомобиль, опустили свои зады на обитые кожей ручной выделки сиденья напротив нас с Анжелиной. Уверен, позволь я, они бы расцеловали мне руки.

— Дорогая, здешний комиссар желает приветствовать нас лично, — обратился я к Анжелине. — Эти милые полицейские сопроводят нас к нему.

— Прелестно, — проворковала Анжелина, едва заметно приподняв левую бровь.

— Водитель, следуй указаниям полицейских, — распорядился я.

— Вперед, третий поворот направо, — сказал Пуюол.

Автомобиль плавно покатил к городу.

— Друзья должны помогать друг другу, — глубокомысленно изрек я, с улыбкой глядя на полицейских. — Или, как написал великий поэт: «При счете «три» усыпишь своего, я — своего».

— Что-то я не уловил рифмы, — пожаловался Пуюол.

— Сейчас объясню. Слушайте. Один, два, три...

Я схватил Пуюола за горло и сдавил. Он дернулся, судорожно глотнул и, закатив глаза, обмяк. Анжелина всей душой ненавидела полицейских, и ее подопечному пришлось совсем не сладко: она пнула его стройной ножкой в живот и, когда он сложился вдвое, ударила тыльной стороной ладони по шее. Он без чувств свалился у ее ног.

— Аккуратная работа, — одобрил Боливар, глядя в зеркало заднего вида. — Прохожие на улице ничего не заметили. А мы только что миновали третий поворот.

— Езжай вдоль берега, а мы решим, что делать с ищейками.

— Чего тут решать? Перережем глотки, привяжем по камню к ногам — и в воду. — Анжелина победно улыбнулась.

— Нет, дорогая. — Я похлопал ее по руке. — Мы — освободители. Разве забыла? Убивать и калечить никого не будем.

— К копам это не относится! — Она, мрачнее тучи, откинулась на спинку.

— К копам тоже, дорогая. Спросив, что с ними делать, я имел в виду, куда их запрячем, накачав предварительно наркотиком. Наркотик, как ты, несомненно, знаешь, стирает воспоминания о событиях последних двадцати часов.

— Стрихнин действует надежнее.

— Слишком надежно, дорогая.

— Отец, впереди развилка, — сообщил Боливар. — Боковая дорога ведет прямиком в лес.

— Сворачивай, а я вколю им по дозе.

Не хотелось, чтобы полицейские через двадцать часов очухались калеками, и от помощи Анжелины пришлось отказаться. Я достал из-под сиденья аптечку, ввел полицейским наркотик. Автомобиль тем временем, прошуршав шинами по грунтовой дороге, остановился. Вокруг — лес. Мы с Боливаром отволокли спящих красавцев подальше в кусты, сели в машину и покатили обратно.

У ресторана нас поджидал Джеймс.

— Свежим воздухом дышали? — спросил он.

— Дышали, заодно избавились от двух приставучих полицейских, — ответил я. — Как там Хорхе?

— Я с ним зашел в бар, пропустил за соседним столиком рюмочку. Он сказал своим друзьям, что всю ночь промаялся с туристами и теперь отправляется в постель.

— Где он сейчас? И как его найти?

— Так и думал, па, что ты решишь потревожить его сладкий сон. Пошли покажу.

Никем не замеченные, мы добрались до многоквартирного дома, поднялись на третий этаж. Я отослал Джеймса к матери и, как и подобает профессионалу, открыл замок входной двери легким движением пальцев. В квартире царил сумрак, шторы были задернуты. Спесь до добра не доводит. То ли сон у Хорхе, как у кота, то ли дверь его квартиры снабжена бесшумной сигнализацией. Когда я на цыпочках дошел до середины комнаты, вспыхнул свет. В двери спальни стоял Хорхе и целился в меня из большого, страшного на вид пистолета.

— Сейчас ты умрешь, шпик! Читай молитву!

Глава 8

— Не стреляй, Хорхе! Я друг!

— Неужели? С каких это пор друзья, как воры, крадутся в ночи?

— День, ясный день за окном, взгляни сам. А крался я, чтобы меня не видели враги. Я сам, как и ты и как Флавия, не жалую поли...

Последние слова едва не стоили мне жизни.

— Что ты знаешь о Флавии?! — заорал Хорхе, и, клянусь, его палец на спусковом крючке побелел.

Я, как герой мыльной оперы, пал перед ним на колени и с мольбой простер руки.

— Выслушай меня, храбрый Хорхе! Твое послание получено на другой планете, я прибыл оттуда. То самое послание, что ты передал туристу и его жене, которых потом вышвырнули из вашего райского мира.

— Ты знаешь о послании?

Ствол пистолета самую малость опустился. Я встал с колен, отряхнул брюки и сел на диван.

— Знаю, ведь я — тот самый турист.

— На того туриста ты не похож.

— Внешность изменена, но я — тот самый.

— Докажи.

— Правильно, что не доверяешь первому встречному, но я свой, друг. Сейчас убедишься. Я знаю, например, что туристка, моя жена, встречалась на берегу с Флавией и Флавия показала ей послание на пяти листах, которое моя жена прямо на месте запомнила, а позже пересказала мне. Могу прочитать тебе его слово в слово.

— Читай.

Я продекламировал без запинки все пять листов. Я читал и читал, а пистолет в его руке опускался и опускался. Когда я закончил, Хорхе и вовсе отложил его в сторону.

— Убедил. Я сам написал это послание, и видели его только Флавия и жена туриста.

Он, блестя глазами, подбежал ко мне, поднял на ноги, обнял и расцеловал в обе щеки. Не мешало бы ему, конечно, прежде побриться.

— Рад, что мы наконец-то нашли общий язык. — Я мягко высвободился из объятий. — Счастлив буду помочь.

— Я едва глазам верю. Мы так давно взывали о помощи извне. Несколько месяцев назад один из наших под видом туриста пробрался на космический корабль. С тех пор о нем — ни слуху ни духу.

— Такой низенький, загорелый, нос крючком?

— Он самый. А ты откуда...

— Боюсь, что принес печальную весть: он мертв, убит, без сомнения, агентами полиции.

— Бедный, бедный Хестер, он был храбрым бойцом, надеялся найти легендарную Стальную Крысу, заручиться его помощью...

Я, скромно потупив глаза, принялся многозначительно полировать и без того ухоженные ногти об отворот пиджака.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что... что ты...

— Стальная Крыса к вашим услугам. В разных мирах я известен под разными именами, и «Стальная Крыса» — одно из них. А теперь расскажи, что тут творится и какой у вас план.

— Положение у нас простое и безнадежное. Плана нет, и, если честно, мы пребываем в смятении. Секретная полиция действует эффективно, слишком эффективно. Едва организуется новая группа сопротивления, как всех ее членов арестовывают и уничтожают. Наша организация совсем новая, но о Флавии уже знают, на нее ведется охота. Я по работе встречаюсь со многими инопланет-

ными туристами, и план поиска помощи со стороны предложила она. Сами мы, к сожалению, очень слабы.

— Не так уж плохо для начала. Скажи, а многие ли на этой благодатной планете разделяют твои взгляды?

— Любой крестьянин спит и видит казнь президента Сапилоте. Но крестьяне беспомощны, вся власть в руках кучки богачей — ставленников диктатора, а с инакомыслящими расправляются головорезы из военизированной секретной полиции, ултимадо, как они себя называют. Правда, президента не жалуют многие дворяне из древних семей, но они давно утеряли свое былое влияние.

— Дворяне? — ухватился я за идею. — Расскажи мне о них.

— Я сам, к стыду своему, из старинного дворянского рода и наделен длиннющим, ничего не значащим титулом. Власти мне доверяют, вот даже туристов сопровождаю. Дворяне в свое время совершили ошибку — примкнули к так называемому «демократическому движению», а когда разобрались, что к чему, было поздно. Свинья Сапилоте стал президентом, ключевые позиции в правительстве заняли его люди. Результаты следующих выборов его шайка подделала. Так с тех пор и повелось каждые четыре года. Скоро очередные выборы, но это лишь фарс, каждый ребенок на Параисо-Аки знает, что Сапилоте — генерал-президент пожизненно.

Долго зревшая в моем черепе идея наконец оформилась, и я радостно закричал:

— Нет же, нет! На следующих выборах будет иначе!

— Каким образом?

— Найдем честного, уважаемого дворянина из старинной семьи, сделаем его кандидатом на пост президента.

— Но сколько бы человек ни проголосовало за нового кандидата, президентом ему не стать — результаты выборов будут фальсифицированы.

— Будут фальсифицированы непременно, но не местными чиновниками, а мной. Я покажу этой примитивной планете один-другой трюк из джентльменского набора по-настоящему грязных политиков. Выборы выиграем мы!

— А получится?

— А то как же, только нужен достойный кандидат. Не знаешь случайно такого?

Хорхе сосредоточенно потер подбородок.

— Сразу и не сообразишь.

— Может, расшевелим мысли стаканчиком рона?

— Отличная идея! У меня как раз есть старый выдержанный рон, вовсе не такой, каким обычно потчуют туристов. Тебе, думаю, он придется по вкусу.

Придется по вкусу? От напитка я был в восторге. Мы провозгласили тост за новую счастливую жизнь, потом друг за друга, потом... Открыв третью бутылку, мы возобновили работу.

— Чем дальше живет человек от крупного города, тем он лучше, чище душой, — сообщил Хорхе. Похоже, алкоголь промыл

его мозги, и они теперь работали не хуже отлаженного часового механизма. — В глубине континента находятся большие имения, где выращивают пшеницу, кофе и ягоды бискохо и канья. Там же изготовляют рон, перемалывают пшеницу. Крестьяне там живут в достатке, надсмотрщики мягки, дворяне, хозяева поместий, справедливы. До тех пор, пока в города по утвержденным планам поступает продовольствие, а люди там не занимаются политикой, Сапилоте не суется в местные дела.

— Ты кого-нибудь из тех дворян знаешь?

— Я всех знаю, ведь мы родственники.

— Кто-нибудь из них, на твой взгляд, подходит на роль кандидата в президенты?

— Да, Гонсалес де Торрес, маркиз де ла Роса. Он честен, справедлив, храбр, недурен собой и всей душой ненавидит Сапилоте.

— Вроде подходит. Ты его хорошо знаешь?

— Он — четвероюродный брат мужа двоюродной кузины матери. Я встречаю его только на похоронах, свадьбах и юбилеях, но знаю о нем все. У аристократов нет секретов друг от друга.

— Как с ним связаться?

— Сначала надо купить или взять напрокат автомобиль...

— Уже сделано. Ты поедешь с нами?

— Если я неожиданно оставлю работу, возникнут подозрения. С вами поедет Флавия. Она родом из тех мест, покажет дорогу, да и в имении ей быть безопаснее.

Я допил рон и неохотно поставил пустой стакан на стол.

— Где и когда мы ее подберем?

— Где она сейчас, не знаю, но к вечеру выясню. Подходи в полночь к подъезду этого дома, и я отведу тебя к ней.

— Договорились.

Мы пожали друг другу руки. В дверях я обернулся и указал на недопитую, покрытую толстым слоем пыли бутылку рона.

— Древний напиток в открытой посуде мгновенно выдохнется. Не возражаешь, если я позабочусь о вине?

— Забирай рон с собой, умоляю тебя. — Хорхе подал мне бутылку. — У меня еще есть, на полуночную встречу прихвачу несколько бутылок.

— У вашей планеты два достоинства, почему-то не упомянутых в рекламной брошюре: рон многолетней выдержки и жульнические выборы. Порой кажется, что я действительно попал в рай.

Глава 9

— Отличный план, па! — воскликнули близнецы хором.

Анжелина фыркнула.

— Я бы предпочла, чтобы твоя подружка Флавия сидела дома.

Я глотнул доброго старого рона прямо из горлышка.

— Если я и был волокитой, что крайне сомнительно, то это в прошлом. Давно уже не любуюсь я женщинами, даже такими прекрасными, как Флавия.

Брови Анжелины изогнулись дугой то ли в знак недоверия, то ли в знак признательности. Я не стал выяснять, отчего именно; душевное спокойствие, в конце концов, дороже всего.

— До полуночи еще почти десять часов. Может, махнем на природу, устроим пикник?

Мальчики тут же поддержали меня:

— Отличная мысль, па!

— Сейчас, заведу машину!

— Если вам не сидится, что ж, поехали. Но сначала — по магазинам, продуктов купим.

Умиротворенные сытной трапезой, мы наслаждались тишиной и покоем вблизи опушки леса на холме.

Джеймс дремал. Боливар ковырялся в машине. Я лежал на траве, положив голову Анжелине на колени, в мире с собой и со всей Вселенной. Огненный диск солнца медленно опускался, так же как и уровень рона в моей бутылке.

— Вот она, настоящая жизнь. — Я вздохнул. — Может, бросим все к чертям, уйдем на пенсию, осядем на такой же мирной планете и будем коротать старость, согретые лучами ласкового, теплого солнышка?

— Не мели чепуху. — Голос Анжелины звучал как сама практичность. — Не пройдет и дня, как ты от скуки на стенку полезешь. Сейчас тебе по нраву покой только потому, что предстоит схватка. И еще потому, что за нынешний день ты влил в себя не меньше литра древнего рона.

— Дорогая, ты несправедлива ко мне! Я трезв как стеклышко! Хочешь, назову число «пи» до двадцатого знака после запятой?

— Лучше скажи быстро: купи кипу пик.

— Купи пилу... э-э-э... кип.

— Восхитительно! — Анжелина резко встала, и я пребольно ударился головой о землю. — Пора в путь! Джеймс, похоже, твой папаша на ногах не держится. Затащи его в машину на заднее сиденье.

Джеймс открыл глаза и хитро подмигнул мне. Я подмигнул в ответ, перекатился на живот и пятьдесят раз отжался на кулаках. Тут же пожалел об этом — в голове будто заработал паровой молот. Оказывается, забористая штука — рон. Я допил последние капли и отшвырнул бутылку в кусты, дав зарок не прикасаться к вину до конца жизни. Ну, если не до конца жизни, то до завтрашнего утра точно.

Джеймс вырыл ямку и сложил туда весь мусор. Анжелина собрала тарелки, вилки, ложки, ножи, чашки, стаканы в кучу и по очереди запихала их через щель в крышке в корзину для пикника; разогнанный до сверхзвуковой скорости поток воздуха счистил с посуды остатки пищи. Мы сели в машину и покатили к городу.

Почти всю обратную дорогу я проспал на заднем сиденье. Сохраняя для подвигов свой боевой дух, а не в пьяном угаре, как намекала Анжелина.

Меня расшевелил ласковый толчок локотка Анжелины под ребра. Я протер глаза. Машина остановилась у знакомого многоквартирного дома. Из тени выскочил Хорхе, распахнул дверцу и мигом залез внутрь.

— Поехали! Поехали быстрее! — забормотал он, и Боливар тронул с места. — Все пропало! Флавию схватили ультимадо!

— Когда? — спросил я.

— Несколько минут назад. Я уже выходил, когда она позвонила, сказала, что к ферме, где она скрывается, подъехал крытый грузовик, из него выскакивают ультимадо и окружают дом.

— Далеко эта ферма?

— Не очень. Полчаса быстрой езды, а может, меньше.

— От фермы к городу одна дорога?

— Да.

— Перехватим их!

Отчаяние на лице Хорхе сменилось надеждой, но через секунду он вновь помрачнел.

— Их целая армия, и они вооружены до зубов!

— Неважно! Куда ехать?

— Прямо, четвертый поворот направо.

Хорхе смотрел на нас, как на сумасшедших, мы не удержались и загоготали. Боливар утопил педаль газа в пол, и нас вдавило в спинки кресел.

Армия головорезов! Эка невидаль!

Через пять минут мы оказались у развилки. Я привстал, оглядел место будущей операции, в голове уже возник план.

— Джеймс, живо достань из багажника большой резак и четыре игольчатых пистолета. Боливар, отгонишь машину с дороги. Остальные — из машины. Анжелина, будешь приманкой.

— Поразительная глубина мышления!

Наш автомобиль умчался. Я осветил фонариком большое дерево у дороги.

— Джеймс, срежь его так, чтобы упало поперек дороги... — Я услышал рев приближавшейся машины. — Быстрее, они с минуты на минуту будут здесь!

Анжелина легла у дерева, ноги под стволом, будто ее придавило. Верхушки деревьев осветили фары. Мы попрятались в кюветах по сторонам дороги. Свет стал ярче, из-за поворота выскочил грузовик и помчался к поваленному дереву. Завизжали тормоза, ужасно длинную секунду мне казалось, что они раздавят Анжелину. Машина замерла в метре от дерева, Анжелина вяло зашевелилась и позвала на помощь.

Открылась дверца, из машины вылез водитель, и воздух наполнился еле слышным шелестом — мы начали стрелять из игольчатых пистолетов. Игольчатый пистолет — бесшумное оружие, мощ-

ное электромагнитное поле выталкивает из стволов крошечные стальные стрелы с ампулами сильнодействующего снотворного на концах. Едва тело водителя коснулось асфальта, как я с фонариком в одной руке и пистолетом в другой подбежал к машине.

Мои предосторожности оказались излишни — в кузове вповалку лежали и храпели полицейские, среди них, как живое подтверждение нашей меткости, сидела бледная, перепуганная Флавия.

— Ты спасена.

Я подал ей руку, помог выпрыгнуть из кузова. К нам, отряхивая юбку и метая гневные взгляды, приближалась моя жена. Я поспешно отпустил руку Флавии и шагнул в сторону. Рядом как по мановению волшебной палочки появился Хорхе и тут же припал к освободившейся руке губами. Большой охотник до поцелуев был этот Хорхе.

— Если не считать, что меня чуть не раздавили в лепешку, операция прошла успешно, — дала оценку сделанного Анжелина. — Посадим теперь водителя на место, положим на колени термитную гранату.

Я вздохнул и поцеловал руку Анжелине а-ля Хорхе.

— Дорогая, я умер не меньше тысячи раз, пока скрипели античные тормоза этой повозки. При следующей засаде я лягу под дерево, а ты перестреляешь всех ультимадо. Джеймс, Боливар, выволоките из кузова храпящих уродов и оттащите с глаз долой в лес. Заберите все ценное из их карманов. Хорхе, прервись хотя бы на секунду, пусть рука Флавии просохнет. Ты сможешь вести этот драндулет? — Я кивнул на полицейский грузовик.

— По-твоему, я что, крестьянин? Конечно, смогу.

— Извини, ты не крестьянин. У тебя есть на примете местечко, где машину не сразу найдут?

— Знаю поблизости отвесную скалу. Если грузовик столкнуть оттуда в море, его век не найдут.

— Век — подходящий срок. Сделай, пожалуйста, эту работенку. Да, чуть не забыл, десяток прощальных поцелуев — и в путь!

Мы помахали отъезжавшему грузовику. Флавия повернулась, и я впервые заметил, что ее правый глаз заплыл, бровь рассечена, верхняя губа справа опухла.

— Сейчас принесу аптечку, — сказала Анжелина. — Знала бы я, как поработали над тобой эти ультимадо, они бы заснули долгим, может, даже вечным сном.

— Не знаю, как и благодарить вас! — воскликнула Флавия. — Вы не только спасли меня, но и задумали освободить нашу планету. Хорхе мне все рассказал. Думаете, ваш план сработает?

— Непременно сработает, — ответила Анжелина, нанося на лицо Флавии антисептическую мазь. — Если, конечно, я удержу мужа от глупостей.

Из леса вышел Боливар с кучей одежды в руках.

— Все нормально, па.

Следом появился Джеймс с ботинками.

— Мы видели, как эти громилы обошлись с юной леди, и решили, пусть, очухавшись, прогуляются до города нагишом.

— Вполне разумно. Флавия, познакомься, это — наши сыновья, Джеймс и Боливар.

Молодые люди с энтузиазмом пожали друг другу руки.

Анжелина положила ладонь мне на плечо и улыбнулась уголками губ.

— Смотри, как у них блестят глаза. Похоже, оба влюбились с первого взгляда. Что, поехали?

Мы выехали на главную дорогу и, следуя указаниям Флавии, направились на юг.

— Ультимадо не суются во внутренний район страны. Как только окажемся за Стеной, мы в безопасности, но пересечь ее не просто.

— Что за Стена? — поинтересовался я.

— Стена тянется через весь континент, проехать можно только через охраняемый пост. Сама Стена неприступна — мили колючей проволоки в несколько рядов, ограды из металлической сетки под напряжением, частоколы из стальных прутьев с отравленными остриями, бетонные стены, мины, детекторы...

— Если описание верно, то там и ребенок пройдет, — заметила Анжелина. — Джим, открой, пожалуйста, шампанское — успокоим нервы и выработаем план.

Флавия сидела на откидном сиденье напротив нас и маленькими глоточками пила из хрустального бокала. Я к своему едва притронулся, для одного дня выпивки достаточно.

— Расскажи об охраняемых постах, — попросил я.

— Посты — это маленькие, хорошо укрепленные форты. В фортах тяжелая артиллерия, пулеметы, войска. Проезд через двойные ворота. Внутри солдаты проверяют паспорт с визой, обыскивают багаж. Нам там никогда не прорваться.

— Слова «никогда» нет в лексиконе нашей семьи, — твердо сказала Анжелина. — Твое мнение, Джим. Стена или пост?

— Разумеется, пост. Иметь дело с людьми легче, чем штурмовать бетонную стену и стальные заграждения. До ближайшего поста далеко?

— Двести километров, может, чуть больше.

— Джеймс, слышал?

— Да.

— За сорок километров до цели включи радар. За десять — останови, осмотримся и подготовимся.

Лицо Флавии вытянулось, видимо, она представила, как богатые туристы на стареньком автомобиле штурмуют набитый отборными армейскими частями форт. Она не первая на этой планете приняла нас за сумасшедших, но ее так же, как и солдат, ждало несколько сюрпризов.

Продумывая детали предстоящего штурма, я отхлебнул приличный глоток шампанского.

Боливар остановил машину у обочины.

— Приехали, — сказал Джеймс. — Радар ни к чему, форт как на ладони.

Он был прав: в сумеречном свете отчетливо виднелась тянувшаяся от восточного горизонта до западного Стена, впереди высилось мрачное неприступное здание — охраняемый пост.

Флавия поежилась. Будь я женщиной, я бы, наверно, тоже поежился. Неприступное? Глупости!

Джим ди Гриз никогда не пасовал и не спасует перед трудностями! Планета будет освобождена!

— Слушайте внимательно. — Я достал из-под сиденья кейс. — С этими фильтрами мы не заснем, как все вокруг. Анжелина, пока едем, объяснишь гиду, как их вставляют в нос. Джеймс, подготовь газовые баллоны. Боливар, подними верх. — С мягким жужжанием над открытым автомобилем поднялась крыша из бронированных полос. Я одобрительно кивнул. — Проверим окна. Джеймс, по команде «сейчас» закроешь окна. Сейчас! — Глухой стук, все окна закрыты. — Отлично. Теперь переключи управление лазерной пушкой на меня. Проверь наш главный калибр, не исключено, что ворота слишком толсты и лазером их не возьмешь. — Из подлокотника моего кресла выскочил пульт управления. Я коснулся кнопок, взглянул на контрольные приборы. Все в норме. — Вопросы есть?

— А то как же, — подал голос Джеймс. — Когда обед?

— Прорвемся и сразу перекусим. Еще вопросы?.. Нет. Тогда вперед!

Мотор взвыл, и мы ринулись в атаку.

Глава 10

Атаковали мы, конечно, медленно — чем позже обнаружат наши истинные намерения, тем больше шансов на успех.

Подкатив с неторопливой величественностью к форту, автомобиль замер. Я достал очередную бутылку шампанского, взялся за пробку. Мощные прожекторы залили площадку перед воротами ослепительным желтым светом, торчавшие из бойниц в каменной стене стволы пушек повернулись.

Я высунулся из окна.

— Какого черта копаетесь?! Открывайте! Шофер, посигналь!

Боливар нажал на клаксон, раздался записанный на пленку рев стартовых двигателей межзвездного крейсера. Мне заложило уши. Видимо, наш призыв был услышан, ворота медленно двинулись вверх, и я победно замахал бутылкой. Мы въехали в форт, остановились перед вторыми, запертыми воротами. Открывая шампанское, я почти не обратил внимания, что ворота за нашими спинами так же медленно закрылись, а к машине подошли вооруженные солдаты. Пробка с хлопком вылетела, Анжелина восторженно закричала и подставила свой стакан. Мальчики тоже обернулись и протянули свои. Анжелина незаметно толкнула Флавию локтем, намекая, чтобы она присоединилась к общему веселью. Я начал не торопясь разливать шампанское.

Солдаты встали у машины разинув рты — подобные причуды аристократов им в диковинку. Сквозь их неровный строй вперед протолкался офицер.

— Документы, живо!

— Молчи, хам, когда находишься в обществе дворян! — От избытка эмоций я взмахнул рукой с бутылкой, и пенящееся вино залило серый китель офицера. — Открывайте ворота и проваливайте!

— Ваши документы, пожалуйста, — сказал более учтиво офицер, видимо признавая наше превосходство.

Дальнейшие события хотя и длились секунды, но были столь ярки, что до сих пор стоят перед глазами.

Робко заглянув в окно, офицер увидел Флавию, его зрачки расширились, губы задергались.

Узнал!

Я выплеснул в его распахнутый рот шампанское из стакана.

— Окна! Газ! — заорал я.

Доля секунды — и окна надежно закрыты, из специальных отверстий в кузове автомобиля пошел газ. Офицер, упав у колес, скрылся из виду, солдаты молча повалились рядом. Я включил лазер.

В ворота уперся рубиновый луч, сталь приобрела красивый красный цвет, во все стороны брызнули искры.

— Не особо впечатляет, — прокомментировала происходящее Анжелина.

— Металл слишком толст. Джеймс, пушку! Стреляй в верхнюю часть...

Капот машины открылся, оттуда вылез ствол пушки. Выстрел стопятимиллиметрового безоткатного орудия в замкнутом пространстве форта больно ударил по ушам, на время лишив нас слуха. Прогремел еще один выстрел. Бронебойные снаряды рвали сталь, закрытый автомобиль не спасал от оглушительных звуков, и мы заткнули уши пальцами. Выстрел. Ощущение было такое, будто я — внутри колокола, а моя голова — гигантский язык. Ворота перед нами прогнулись и затряслись. Еще выстрел, еще. Ворота сорвались с петель и с грохотом обрушились наземь.

Из здания с автоматами в руках выскочили солдаты. Пули смертоносными градинами застучали по бронированной крыше автомобиля, на стекле напротив моего лица появился аккуратный ряд звездочек. Солдаты стреляли на бегу и, попав в озеро сонного газа, падали.

— Боливар, жми! — В ушах стоял такой звон, что я едва слышал собственный крик. — Стой!

Солдат, пошатываясь, добрел до самой машины и, выпустив напоследок очередь в небо, завалился перед бампером. Если мы тронемся, ему конец.

Я распахнул дверцу, спотыкаясь о спящих, обогнул машину. И увидел солдата, который дрыхнул, широко раскинув руки, правая — под передним колесом. Я отпихнул руку этого ногой, схватил за сапоги того, что своим телом преградил нам путь, и оттащил в сторону.

На бегу я краем глаза заметил метрах в пяти солдата — лицо скрыто маской противогаза, пистолет нацелен на меня. Едва слышный выстрел — и левое плечо пронзила острая боль. Меня развернуло, перед глазами — асфальт.

Дальнейшее было подернуто багровой дымкой. Я безуспешно попытался встать, туман перед глазами сгустился. Затем я увидел рядом с собой Джеймса. Выстрелив из игольчатого пистолета, он нагнулся, схватил меня поперек туловища, подтащил к машине и бережно уложил на заднее сиденье. Я хотел знать, что происходит, но глаза сами собой закрылись. Автомобиль сорвался с места, позади раздался оглушительный взрыв. Мы проехали по покореженным воротам, меня швыряло из стороны в сторону. Дальше — сплошная тьма.

Я открыл глаза. Надо мной склонилась Анжелина. Видеть ее прелестное лицо приятно всегда, но сейчас — особенно. Я открыл рот, но вместо слов из горла вырвался сухой кашель. Анжелина повернулась, ставя пустой стакан, и я увидел над собой бездонное голубое небо. Красотища. Не то что грязный потолок тюремной камеры. Вода смочила глотку, и вторая попытка заговорить удалась.

— Как прошел штурм?

— Все бы ничего, если бы не твой дурацкий героизм.

Она улыбнулась? Или мне только показалось? Глаза в уголках блестят. Неужели слезы?

Ее ладонь в моей, и я слегка сжал руку. Ее улыбка стала шире.

— Газ просочился в здание, и оборона захлебнулась. Несколько солдат успели надеть противогазы, но их уложили игольчатые пистолеты. Мы проехали по разрушенным воротам и помчались по шоссе. Хорошо, что автомобиль укреплен броневыми листами, а то бы нам несдобровать. Сзади по нам стреляли из крупнокалиберных орудий, потом взглянешь — вмятины будь здоров. За нами погнались несколько машин и броневик, но мы взорвали за собой мост и с тех пор их не видели. С шоссе мы свернули на проселок, потом покатили и вовсе без дороги по холмам. Отыскав эту поляну, остановились на отдых. Как видишь, машина и лагерь скрыты деревьями, и с воздуха нас не найти. Короче, все прекрасно. Вот только твоя рука... Пуля прошла, не задев кости. Входное отверстие в бицепсе — маленькая аккуратная дырочка, а выходное в трицепсе... Большущая рваная дырища.

— Странно, но рука совсем не болит.

— Еще бы болела, ведь тебя под завязку накачали наркотиками.

Я пошевелился. Анжелина усадила меня, подложив подушку под спину. Оказалось, лежал я у высокой сосны на спальном мешке. Рядом в таких же спальниках посапывали близнецы и Флавия. Я посмотрел вдаль. Зеленые холмы, у самого горизонта — горы.

Мир и покой. Идиллия.

— Ты спала?

— Нет, я дежурю.

— Теперь моя очередь, а ты ложись отдохни.

Анжелина — хороший солдат и возражать не стала. В самом деле, бодрствовать и ей причины не было. Нежно поцеловав меня в губы, она пододвинула ко мне складной столик, на котором стояли кувшин с водой и аптечка, и залезла в спальник.

От наркотиков во рту пересохло, и я с жадностью осушил кувшин. Тихо, только шелест веток над головой и пение птиц вдалеке. Я встал и направился к автомобилю. Меня слегка покачивало, а в остальном чувствовал я себя удовлетворительно. Боливар открыл глаза и молча взглянул на меня. Я соединил указательный и большой пальцы правой руки, показал ему, мол, все нормально, затем коснулся пальцем губ. Он кивнул и снова закрыл глаза.

Я заглянул в кабину. Сигнальное устройство и радар включены, если в нашем направлении двинется кто-нибудь крупнее птицы, в приемнике, который, несомненно, лежит под ухом у одного из мальчиков, раздастся сигнал тревоги. Мысль, что мое маленькое войско позаботится о себе в любых обстоятельствах, наполнила меня гордостью, придала сил.

В холодильнике меня ожидал сюрприз — контейнер с водой и дюжина пива.

Я откупорил запотевшую бутылку и жадно припал к горлышку. Рядом раздались шаги. Я сжал горлышко бутылки — какое-никакое, а оружие. Обернулся. Флавия. Я расслабился и снова хлебнул из бутылки.

— Только благодаря вашей храбрости мы добрались сюда, — сказала она. — Спасибо от всего сердца.

— Пустяки. Я совершаю нечто подобное не реже двух раз в неделю. К тому же на этот раз у меня были отличные помощники.

— Признаюсь, что, когда Хорхе рассказал мне о вашем плане обставить Сапилоте на выборах, я сочла вас сумасшедшим. Простите меня за сомнения. Теперь я не только верю, что вы доведете задуманное до конца, но и очень хочу, чтобы Параисо-Аки освободили именно вы. Знаете, почему?

— Извините, сегодня я туго соображаю.

Она подошла ближе, остановилась на расстоянии вытянутой руки. Красивая девушка: губы алые, зовущие, в глазах можно утонуть... Я едва слышно вздохнул, осушил бутылку, чтобы оказаться подальше от этих бездонных глаз, сел на заднее сиденье автомоби-

ля. Она — сама серьезность — стояла, сложив руки на груди, и будто светилась изнутри.

— Я хочу, чтобы победили именно вы, потому что вы — человек чести. Я вам безоговорочно верю.

— Спасибо на добром слове, хотя полицейские на сотнях планет не разделяют вашего мнения, для них я — преступник.

— Не поняла, о чем вы, но все равно верю. Скажите, почему вы рисковали жизнью, почему покинули безопасный автомобиль?

— Под колесами лежал солдат. Если бы мы поехали, то раздавили бы его в лепешку.

— Но это был всего лишь солдат.

— Прежде всего — человек.

— Разве жизнь одного человека, тем более врага, так важна для вас?

— А что важнее человеческой жизни? Жизнь — это все, что есть у каждого из нас. Одна-единственная попытка; и пустота до рождения, пустота после смерти.

Флавия покачала головой.

— А как же загробная жизнь? По моей религии...

— Рад за вас, уверен, религия поддерживает вас в трудные минуты. Моя же вера предельно проста: я вижу реальность и сомневаюсь, что после смерти попаду на небеса, так как не верю в их существование. У меня одна жизнь, и я дорожу ею. Так имею ли я право лишить другого человека его единственной, по моим же собственным убеждениям, попытки — жизни? Только самовлюбленные политиканы и религиозные фанатики убивают людей ради собственной выгоды или абстрактных идей — справедливости, абсолютной истины, веры! По мне, живи и дай жить другим, помогай добрым людям и сторонись дурных. А что касается веры... Вера — личное дело каждого!

Позади Флавии появился Боливар.

— Отлично сказано, отец, — поддержал он меня. — Теперь, может, пойдешь приляжешь, а я подежурю?

— Спасибо, так я и сделаю, — пробормотал я. Сын кивнул мне, но смотрел он только на Флавию, она — так же пристально на него. — Что ж, поковыляю. Флавия, если тебе не спится, может, поговоришь с Боливаром! Уверен, у него к тебе куча вопросов о вашей планете.

Они оба энергично закивали, а я поплелся обратно. На смену моему поколению пришло новое, и тут уж ничего не поделаешь. Чувствовал я себя не то что старым и ненужным, но все же... Интересно, депрессия вызвана наркотиками или моей лекцией о религии?

«Выше нос, Джим, — сказал я себе, залезая в спальник. — Ты — освободитель, и на этой планете еще будет воздвигнут твой памятник!»

Мысль о памятнике согрела сердце, и я заснул с улыбкой на губах.

Глава 11

На следующий день наше войско проснулось поздно и сразу потребовало пищи. Рука моя побаливала, в голове слегка шумело. Я взвесил, принять ли мне наркотики или оставаться с ясной головой. Нужно продумать дальнейшие действия, так что без ясной головы не обойтись.

Я ковырнул вилкой яичницу из порошковых яиц с обезвоженным беконом, глотнул из кружки разведенный концентрат кофеина. Надо бы впредь более основательно продумывать рацион для подобных путешествий. Опустошив тарелку, я принял решение.

— Боливар, предстоит работенка, — сказал я повелительно. Он с явной неохотой оставил компанию прекрасной Флавии. О юность, юность! — Достань из багажника большой железный ящик с надписью: «Совершенно секретно».

— Ура! Наконец-то мы узнаем, что в нем!

Он вытащил тяжелый серый контейнер, поставил на землю у моих ног. Остальные собрались вокруг. Осмотрев царапины на замке, я прищелкнул языком.

— Признавайтесь, кому не терпелось. Кто ковырялся в замке?

— Это не я, это Джеймс, — сообщил Боливар. — А вот оплавленные швы — моих рук дело.

— И оба, как вижу, не преуспели. Неудивительно. Ведь не только содержимое, но и сам контейнер, а также замок — последние достижения профессора Койпу и лаборатории Специального Корпуса.

Я приложил к замку большой палец, на минуту задумавшись, набрал буквенно-цифровой код, и верхняя часть контейнера плавно отошла в сторону. Все придвинулись ближе. Я наклонился, достал из контейнера черный металлический ящик и поставил его на землю.

Анжелина пренебрежительно фыркнула:

— Не слишком впечатляет.

— Перед вами — молекулярный уменьшительно-восстановительный агрегат, или, как окрестили его создатели, МУВА, модель двенадцать сорок четыре дробь два бис. Штучка хоть и неказистая на вид, но творит чудеса. Сейчас сами убедитесь. — Я вновь покопался в контейнере и извлек на свет божий крошечный механизм, игрушку на первый взгляд. — Джеймс, как по-твоему, что это?

Джеймс положил «игрушку» на ладонь, покрутил так и этак и вернул мне.

— Точная копия крупнокалиберного миномета.

— Верно, да не совсем. Это — не копия, а настоящий крупнокалиберный миномет, только из него извлекли девяносто девять процентов молекул. Верни недостающие молекулы на прежнее место и стреляй.

— Милый, вероятно, у тебя после ранения разыгралась лихорадка. — Анжелина приложила к моему лбу прохладную ладонь. — Вот, что я говорила! Иди приляг в тенек.

Из контейнера я достал кабель и большую раздвижную воронку. Один конец кабеля подсоединил к МУВА, а другой — к миномету; воронку привел в рабочее состояние, сунул узкий конец в отверстие на верху агрегата.

— Теперь не хватает самой малости — сырья. Мальчики, тащите сюда песок, камни, любой мусор, складывайте горкой возле МУВА, засыпьте воронку с верхом и следите, чтобы во время работы она была полной. — Через минуту все было готово. — Отлично. Начинаем.

Я щелкнул переключателем на боку агрегата, раздался негромкий, режущий ухо вой — и только. На меня глядели если не как на дурака, то со скептицизмом точно.

— Запаситесь терпением. Восстановление — не мгновенный процесс. Сначала компьютер вычислит, где и каких именно молекул недостает, а уж потом... Ну, полюбуйтесь сами!

Миномет на глазах рос, раздувался, словно воздушный шар; и мальчики проворно работали лопатами. Минута — и вой стих, зазвенел серебряный колокольчик, а перед нами оказался миномет в натуральную величину.

Я погладил ствол. Сталь под ладонью гладкая, без изъянов.

— Кто-то еще сомневается?

— Потрясно! — воскликнул Боливар, крутя ручку вертикального наведения. — Выходит, в обычном чемодане уместится уйма любого, даже самого громоздкого оружия, и теперь, отправляясь... Признайся, а ведь...

— В контейнере куча интересных штучек, — закончил за брата Джеймс, ни на секунду не отрываясь от окуляра прицела.

— Конечно. Сейчас уменьшим миномет до первоначальных размеров и воспользуемся одной из них. — Я перевел переключатель на противоположное положение, послышался уже знакомый вой, из отверстия МУВА хлынул поток пыли, а миномет начал уменьшаться. — Вот так. Девяносто девять молекул из каждых ста долой. — Вой стих. Я положил миниатюрный миномет в контейнер и вытащил оттуда другую «игрушку». — Полный медицинский комплекс ДМ-7а. Такие комплексы есть только в крупнейших госпиталях Галактики, они восстанавливают поврежденные или утерянные ткани, залечивают раны. Двадцать четыре часа внутри ДМ-7а — и моя рука не хуже новой. Хотелось бы быть в форме к началу предвыборной кампании. Как, согласны отдохнуть здесь еще сутки?

Все дружно поддержали мое предложение. Мальчики снова загрузили воронку, МУВА завыл, и через минуту перед нами стоял полный медицинский комплекс ДМ-7а в натуральную величину. От пульта комплекса я отмотал кабель и подключил его к атомному генератору нашего автомобиля. Анжелина разбинтовала мою руку.

Взглянув на ужасную рану, я поморщился и влез в целебное чрево ДМ-7а. Машина зажужжала монотонно, успокаивающе, и я сразу почувствовал себя куда как лучше.

На следующий день погода выдалась отменная. Анжелина вязала из мономолекулярного волокна пуленепробиваемый жилет. Я, греясь на солнышке, сидел рядом. Мальчики наперебой ухаживали за Флавией. Та, согретая их вниманием, и думать позабыла о выпавших на ее долю суровых испытаниях, отчего еще больше похорошела.

Да, расставаться с гостеприимной рощей жаль. Здесь возродились и моя рука, и наш боевой дух, здесь мы прекрасно отдохнули. Но ничего не поделаешь, пора за работу.

Я разобрал и принялся смазывать игольчатый пистолет. Анжелина, кинув на меня быстрый взгляд, поняла, что пикник в раю подошел к концу, и крикнула:

— Пакуйте вещи, ребята! Мы уезжаем!

В детстве Флавия вместе с отцом — инспектором земледелия — исколесила здешние края вдоль и поперек. Теперь ее знание этих мест пригодилось. Следуя ее указаниям, мы катили по проселкам, горным тропам, изредка — вовсе без дороги, через холмы. Города и крупные фермы оставались в стороне, в пути нам встречались только одинокие путники да работающие в полях крестьяне.

На второй день после полудня Флавия сообщила:

— Мы пересекли границу владений маркиза де ла Роса.

Я глянул в окно. От горизонта до горизонта — те же поля, холмы, рощи, леса.

— Давно?

— Около часа назад.

— Ничего не понимаю. Где же его владения?

— Везде. Вся земля вокруг, сотни тысяч гектаров — его. На Параисо-Аки дворяне — феодальные лорды, большинство из них — деспоты, тираны. Маркиз де ла Роса — редкое исключение. Отчего-то он нам и нужен как союзник.

— Положитесь на меня, — уверенно заявил я. — У меня в таких делах хватка, как у сержанта-вербовщика. Боливар, будь добр, притормози.

Машина остановилась перед двумя каменными башенками по сторонам дороги. Башенки соединяла резная арка с родовым гербом посередине — геральдическим щитом с грифонами, шестилапыми львами и прочими мифическими зверюгами.

Я достал из морозильника ведерко со льдом. Ведерко как ведерко, только дно двойное.

— Это тебе, моя драгоценная. — Я надел Анжелине на пальчик колечко с четырехсоткаратовым бриллиантом. Она вздохнула. Я протянул ей ожерелье, под стать колечку. Ее второй вздох прозвучал много громче. — Так, безделушки, хранил до случая.

— Они прекрасны!

— Рад, что угодил, моя великолепная. А эти побрякушки — мне. — Я надел на указательный палец перстень с рубином величиной с голубиное яйцо, к шляпе прицепил украшенную подобными рубинами и расшитую золотом ленту. Близнецы зааплодировали. Флавия приоткрыла рот. — Надеюсь, хозяина поместья это тоже впечатлит. А теперь — вперед, к нашей судьбе!

Дорога сначала петляла меж зеленых лужаек, потом — среди цветущих садов. Повернув у огромного, древнего, как само время, дерева, машина покатила по аллее парка. Слева и справа — фонтаны, статуи, подстриженные правильными геометрическими фигурами кусты. Последний поворот — и перед нами дом. Или дворец, или замок, как вам больше нравится. Я бы назвал постройку красивой, если бы не витиеватый стиль и архитектурные излишества — башни, башенки, колонны, бесчисленные окна и ряды декоративных бойниц.

Дверь, размерами с ворота ангара, распахнулась, из дома вышел ярко одетый человек, с достоинством остановился, ожидая нашего приближения.

— Маркиз? — спросил я Флавию.

— Дворецкий. Назовите ему ваше имя и титул... если он у вас, конечно, есть.

Есть ли у меня титул? Да у меня их дюжины. Какое там дюжины — столько, сколько мне подсказывает моя фантазия. Какой же выбрать?

Джеймс открыл передо мной дверцу, почтительно склонил голову. Дворецкий чинно спустился по парадной лестнице. Я вышел, не спеша огляделся.

— Это резиденция его превосходительства Гонсалеса де Торреса маркиза де ла Роса?

— Это...

— Рад, что мне дали верный адрес. Замки, знаешь ли, ужасно похожи друг на друга. Будь любезен, сообщи своему господину добрую весть — прибыл герцог ди Гриз со свитой.

— Сию минуту. Прошу за мной.

Следом за дворецким мы пересекли огромный, богато обставленный зал, утопая по щиколотку в бесценных коврах, миновали длинный широкий коридор и оказались перед огромными, как все в этом доме, резными дверьми. Дворецкий торжественно распахнул обе створки, вошел первым, объявляя зычным голосом мое имя и титул. Приподняв подбородок и расправив плечи, я прошествовал за ним.

Маркиз — высокий красавец с седеющими висками — устремился навстречу. Слегка поклонившись, я пожал протянутую руку.

— Добро пожаловать, герцог ди Гриз! — вполне искренне воскликнул он.

— Джим, если не возражаете. В мире, откуда я родом, не приняты пустые формальности.

— Весьма мудрый обычай. Зовите меня Гонсалес. Из ваших слов следует, что вы с другой планеты. То-то ваш титул показался мне незнакомым.

— А ваш титул известен во многих уголках Галактики.

— Спасибо. Нашим языком вы владеете безукоризненно. Примите мои самые искренние поздравления.

— Благодарю. Я не осмелился бы нанести визит столь знаменитому человеку, если бы не рекомендации вашего родственника. Вот письмо от него.

Я протянул записку Хорхе, чем окончательно закрепил свой успех. В приемном зале появилась маркиза, и я с удовольствием отметил, что драгоценности на ней помельче, победней, чем на Анжелине.

Собравшиеся по этикету были представлены друг другу, после чего мы с маркизом прошли в его кабинет и удобно расположились за столом. Слуга поставил перед нами фужеры и внушительный графин с вином, и я немедленно приступил к делу.

— Маркиз, вам известно, что направивший меня к вам родственник — член движения сопротивления?

— Нет, я этого прежде не знал, но рад, что Хорхе борется против Сапилоте, этого монстра, этого стервятника, этого...

Дальнейшая часть его длинного монолога пополнила мой скудный запас ругательств на местном диалекте.

— Если я правильно понял, вы не слишком высокого мнения о способностях генерал-президента Сапилоте?

Маркиз снова разразился потоком ругательств. Воистину, бесценный для нас человек, и я, смакуя вино, одобрительно закивал в такт его словам.

— Все сказанное вами, — без сомнения, чистая правда, ибо рассказы о чудовищных злодеяниях генерал-президента Сапилоте достигли даже моей родной планеты во многих световых десятилетиях отсюда. И что, на мой взгляд, самое ужасное, все эти преступления совершены от имени и во имя демократии — системы, так высоко ценимой во всей Галактике. Знаю, замена почитаемого предками закона наследования урнами для голосования поначалу вызывает у людей нашего с вами класса определенного рода подозрения, но, поверьте, такая перемена в конечном счете к лучшему. — Я выждал секунду, глядя на маркиза. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы выразить свои сомнения вслух, и в знак удивления лишь слегка приподнял аристократические брови. — Это именно так, Гонсалес, и, немного подумав, вы со мной согласитесь. В самом деле, аристократия управляла государством многие века, и введение выборной системы вовсе не означает конец ее правления. На планетах с истинной демократией обычно все ключевые посты в правительстве занимают дворяне, и их, как ни странно, выбирает народ. Почему? Дворяне от рождения наделены высоким интеллектом и куда образованнее крестьян. Так кому же, как не им, управлять государством? — Я вновь сделал паузу, дожи-

даясь кивка маркиза. — И вот еще что: не знаю, как здесь, но у нас дома, да и на многих других планетах, встречаются такие, с позволения сказать, дворяне, которым не то что государство, свинарник доверить боязно.

Маркиз усиленно закивал, видимо, тема задела его за живое.

— То же и на Параисо-Аки. Здесь есть дворяне, чьи имена я не рискну произнести, боясь осквернить воздух в комнате.

— Вот вам и важнейшее преимущество демократического государства: чтобы быть избранным, нужны не только голова на плечах и диплом университета в кармане, но и характер.

— Похоже, Джим, вы меня убедили.

— Рад, Гонсалес, что мы смотрим одинаково на одни и те же вещи. — Я поднял свой фужер, маркиз — свой, и мы залпом их осушили. Невесть откуда появившийся слуга, к моему удовольствию, наполнил их вновь. — На ближайших выборах будут по крайней мере два кандидата, и я, пользуясь всем запасом своих профессиональных знаний и опытом в политической жизни государства, прослежу, чтобы принципы истинной демократии были соблюдены и победил достойнейший.

— Вам это по силам?

— Вне всяких сомнений.

— В таком случае вы — спаситель Параисо-Аки.

— Вовсе нет, спасением планеты займется новый президент, я же лишь помогу избрать его.

— И кто же станет новым президентом?

— Ответ очевиден. Новым президентом станет ваша честь.

Маркиз был ошеломлен. Он низко склонил голову и надолго задумался. Когда же наконец взглянул на меня, его глаза были полны печали.

— Сожалею, но вам придется подыскать другого кандидата. Президентом я быть отказываюсь.

Глава 12

Слушая роковые слова де Торреса, я как раз пил вино и неудивительно, что поперхнулся. Прокашлявшись, я спросил:

— Вы не будете президентом? Но почему?

— Причины отказа просты. Прежде всего у меня нет опыта в управлении планетой. Вторая причина, на ваш взгляд, может, и вздор, но я считаю иначе. Всю жизнь я посвятил обустройству своих владений и поместье в чужие руки не передам. Не скрою, предложение польстило моему самолюбию, но, уверен, чтобы покончить с ненавистным деспотом Сапилоте, на пост президента нужен более подготовленный человек, чем я.

— У вас есть на примете такой человек?

— Да. И этого человека знаем мы оба.

— Неужели? И кто же он?

— Вы.

Настал мой черед задуматься. Предложение де Торреса показалось мне заманчивым. Не то слово. Гениальным! Действительно, обстоятельства требовали на роль президента человека моего размаха. Но на пути к посту президента существовали некоторые преграды.

— Я — гражданин другой планеты.

— А это имеет значение?

— Обычно да, но... — Я вновь задумался и, чем больше размышлял, тем радужнее казались перспективы. Нужно только уточнить незначительные детали. — Прежде чем я приму решение, не ответите ли вы на несколько вопросов?

— Я к вашим услугам.

— Нет ли у вас родственника-домоседа, предпочитающего одиночество общению с внешним миром?

— Поразительно! — Маркиз покачал головой и вновь наполнил фужеры. — Вы только что описали моего внучатого племянника. Гектора Харапо. Конечно, Гектор он только для нас, ближайших родственников, для остальных он — сэр Гектор, Рыцарь Алой Розы, Наследник Серебряного Кинжала. Его крошечное поместье граничит с моим, но мы с ним не виделись, пожалуй, уже лет десять. В свете он не показывается, целыми днями читает научные трактаты и выводит новый сорт ягоды бискохо. Сказать по правде, мудрым в житейских вопросах его никак не назовешь, и, если бы не моя финансовая помощь, он бы давным-давно разорился.

— Судя по описанию, сэр Харапо идеально подходит для наших целей. Сколько ему лет?

— Он приблизительно ваших лет, примерно так же сложен, но, что досадно, носит огромную черную бороду.

— Подделать бороду — дело нехитрое. Если не возражаете, еще один вопрос.

— Сколько угодно.

— Если мы победим и сэр Харапо станет президентом, согласитесь вы занять пост вице-президента? Вся работа ляжет на плечи главы государства, но ваш авторитет как кандидата в вице-президенты придаст избирательной кампании вес.

— Да, я согласен, но предупреждаю, Харапо — мягкий, добрый человек и в президенты точно не годится.

— Спорный вопрос. Я, например, сам неоднократно видел выборы, после которых президентами становились актеры, отпетые негодяи, сумасшедшие... Хотя это для нас неважно. Решим лучше вот что. Как вы смотрите на некоторые незначительные отступления от закона и общепринятых норм морали?

— Нельзя ли поконкретней?

— В частности, я думаю ввести избирателей в некоторое заблуждение, выдав за сэра Харапо совсем другого человека. Уверяю, по сравнению с чудовищными преступлениями, которые Сапилоте

творит каждый божий день, это — детская шалость, но ваш судья — вы сами.

— Скажите, а кого вы собираетесь выдать за Харапо?

— Человека благородного, умного, в меру честного, проницательного, с характером, имеющего опыт политической борьбы...

Я говорил медленно, с расстановкой, а глаза маркиза разгорались, улыбка становилась шире и шире.

Наконец он не выдержал и закончил за меня:

— Вас!

— Меня, и никого другого!

— Отличная идея. По мне, лучшего кандидата в президенты не сыщешь!

— Есть еще некоторые трудности. Прежде чем мы с вами заключим окончательный союз, давайте обсудим нашу политическую платформу. Боюсь, некоторые реформы, которые я намерен провести, придутся вам не по вкусу.

Маркиз отмел все возражения небрежным взмахом аристократической руки.

— Бросьте. Мы с вами — люди чести, в главном согласны. А все эти реформы, законопроекты... Они яйца выеденного не стоят.

— Думаю, не все так просто. Например, как бы вы отнеслись к человеку, предложившему разделить обширные владения на участки и раздать их крестьянам?

— Я бы пристрелил наглеца на месте, — ответил он просто.

— Какое счастье, что я этого не предлагаю. — Говоря так, я, конечно, кривил душой. Теперь ясно, что земельная реформа — основа всех реформ — пойдет на этой планете медленно и болезненно, но начинать надо, ведь, как говорят сапожники, даже самое длинное путешествие начинается с одного-единственного шага. — При мне — никаких разделов поместий. Земельную реформу я упомянул лишь как один из вопросов, которые, безусловно, появятся у избирателей во время предвыборной кампании. Мы же проведем только две-три малюсенькие, ничего не значащие реформы. Понимаю, слово «реформа» режет утонченный слух, но что поделаешь — политика... — Я красноречиво развел руками.

— Какие именно реформы? — При слове «реформа» маркиз поморщился, видимо, картина его земель, разделенных между крестьянами, стояла перед его мысленным взором.

— Например, введем всеобщее избирательное право: один человек — один голос, и распространим его на всех граждан Параисо-Аки, включая женщин.

— Женщин? Разве у них могут быть те же права, что у мужчин?

— Может, вы зададите этот вопрос моей жене?

— Что вы, никогда. — Маркиз задумчиво потер подбородок. — И своей, пожалуй, тоже. Мысль насчет равноправия мужчин и женщин опасная и, я бы сказал, революционная... Да бог с ними, с

женщинами, с равноправием, считайте, что мы договорились. Что у вас еще?

— Ради победы на выборах мы поддержим habeas corpus[1], запретим пытки и тайные спецслужбы, сделаем медицину бесплатной и доступной, дадим молоко младенцам, легализуем разводы, признаем общепринятые в Галактике права человека и введем законы, гарантирующие их.

Он согласно кивнул.

— Похоже, вы правы. От таких новшеств все работники будут в восторге, да не только они, большинство жителей планеты поддержат их. И если вдуматься, люди давно все это заслужили. Оказывается, политика — непростое ремесло.

— Вот именно. Теперь давайте не торопясь, взвешенно подготовим платформу нашей политической партии.

— У нас будет партия на платформе?

— Нет, это только так говорится. На самом деле платформа — положение вещей, которого мы намерены добиться после победы нашей партии на выборах.

— А как называется наша партия?

Он спросил, и меня тут же осенило:

— Дворянско-Крестьянско-Рабочая Партия, сокращенно — ДКРП.

— Звучное название. Быть посему!

Так начался тот памятный вечер. Долго мы сидели, склонив головы, наморщив лбы, как заговорщики, кем мы, собственно, и были, и разрабатывали в деталях план действий. Маркиз оказался парнем не промах, он отлично представлял жизнь на Параисо-Аки, знал всех сколько-нибудь значимых людей на планете. Ближе к полуночи мы проголодались и маркиз послал за едой. Слуга вкатил сервированный столик, на котором среди бесчисленных тарелок с яствами оказался, к моей радости, большущий графин с ромом. Мы плотно подзакусили и снова углубились в работу. К утру все детали были оговорены, и отдыхать мы отправились с чувством выполненного долга.

...Завтракали мы с Анжелиной, как истинные аристократы, в постели. Я подробно пересказал ей наши с маркизом вчерашние переговоры, она почти без иронии поздравила меня с очередным успехом.

Де Торрес в отличие от меня не был лежебокой, и к часу, когда я соизволил выйти из спальни, дворецкий по его приказу уже привез на автомобиле из соседнего замка Рыцаря Алой Розы. Я и сэр Харапо были представлены друг другу. Рыцарь непрерывно поглаживал свою черную длинную бороду и невнятно бормотал под нос, похо-

[1] Habeas corpus (*лат.*) — начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого парламентом в 1679 году.

же, плохо понимая, что происходит. Может, он хотя бы в будущем оценит по достоинству работу, которую я проделаю от его имени? А борода у него чудесная, изготовить такую по фотографии — пара пустяков.

Я пил предобеденный бокал рона для аппетита, когда в комнату вбежал де Торрес.

— Получена срочная депеша. Идемте со мной.

Я почти бегом проследовал за ним в лифт. Закрыв за нами бронзовые двери, лакей взялся за вентиль. Отделанная бронзой и полированным деревом кабина задрожала и двинулась вверх. Вентиль? В лифте?!

Должно быть, я произнес эти слова вслух, потому что де Торрес улыбнулся и гордо кивнул.

— Вижу, лифт произвел на вас впечатление. Неудивительно. В городах, кроме дешевой электроники и слабеньких электродвигателей, ничего не увидишь, а у нас... Леса с избытком снабжают нас топливом, паросиловые установки в изобилии вырабатывают энергию, пар качает воду. Гидросистемы — вот чудо современной техники. Чувствуете, как равномерно, без толчков поднимает поршень кабину?

— З-з-здорово!

Длиною поршень был не меньше ста метров, следовательно, гидроцилиндр глубоко зарыт в землю. Малейшая неточность в изготовлении крошечной детальки, ничтожный перекос при сборке системы, да что там перекос, микроскопическая трещинка в металле — и...

Глядя на капавшую из вентиля воду, я мысленно молился всем известным и неизвестным мне богам металлургии и облегченно вздохнул, лишь когда кабина наконец замерла.

Поднявшись по крутой винтовой лестнице, мы попали в комнату в верхней части самой высокой в замке башни. Я ожидал увидеть здесь радиопередатчик или, на худой конец, телефон, но у маркиза были еще припасены для меня механические диковинки. В комнате стояла огромная, извергавшая пар и вонявшая горячим металлом машина с бесчисленными колесами, колесиками, шестеренками, кожаными ремнями, рычагами, циферблатами... От нее во все стороны отходили трубы самых разных диаметров, из сочленений труб капала вода, и вокруг суетились с полдюжины служащих в серых халатах.

Внезапно механический рев смолк, и центром всеобщего внимания стал щуплый человечек у мощного телескопа. Махая в такт словам левой рукой, он выкрикивал:

— Семь... Девять... Два... Четыре... То ли семь, то ли восемь, не разобрал. Конец строки. Передайте, пусть повторят последнюю фразу.

Оператор налег на рычаги. Машина застонала, засвистела, заскрипела, длинные поршни пришли в движение. Я проследил за ними взглядом. Поршни пронзали окантованную сталью стеклянную крышу и шли дальше к острию шпиля, где дергалась огромная металлическая ручища.

— Ну и как вам наш семафор? — гордо выпятив грудь, спросил де Торрес. — Впечатляет?

— Впечатляет — слабо сказано! — честно признался я. — На какое расстояние передается сообщение?

— Вдоль всего побережья, от станции к станции. Семафорная связь — привилегия владельцев крупных поместий, и мы с ее помощью постоянно общаемся друг с другом. Код известен только дворянам, так что секретность переговоров гарантирована. Это сообщение пришло с пометкой: «Особо срочно», и я сердцем чувствую, что оно имеет отношение к нашим планам избирательной кампании, потому пригласил вас с собой. А, вот и конец передачи.

Слуга с поклоном вручил де Торресу листок с колонкой цифр. Маркиз, нахмурив брови, махнул мне и проследовал в кабинку у стены.

Из высокого окна на резной стол падал солнечный свет. Маркиз сел за стол, положил листок перед собой, из кармана достал крошечный механизм — дешифратор, как догадался я вскоре, — повернул несколько рычажков, крутанул ручку.

— Мы управимся быстрее, если я буду расшифровывать и диктовать, а вы — записывать.

Я писал, буквы складывались в слова, а грудь мне будто сдавливал стальной обруч. Продиктовав последнюю букву, маркиз заглянул мне через плечо и молча прочитал получившееся:

В СТРОЖАЙШЕЙ ТАЙНЕ ИЗМЕНЕНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ТЧК КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ ДОЛЖЕН ДО 6 ЧАСОВ ЗАВТРАШНЕГО УТРА ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ В ПРИМОРОСО ТЧК

ХОРХЕ

— Мы не сделали и первого шага, а уже начались трудности, — сказал я. — Видимо, Сапилоте пронюхал о наших планах и выступил первым. Приморосо, это где?

— Приморосо — столица планеты. Цитадель Сапилоте. Негодяй перехитрил нас! Если мы сунемся туда, нас арестуют, если нет — тебя не признают кандидатом в президенты.

— Как учил меня отец: не кричи, что на лопатках, не начав бой. Если отправимся немедленно, доберемся в Приморосо до шести утра?

— Да. Мой вертолет доставит нас туда меньше чем за три часа.

— Сколько человек поднимает машина?

— Пятерых, включая пилота.

— Полетим вы, я, Боливар и Джеймс.

— Но ваши сыновья так молоды. Лучше возьмем мою вооруженную охрану...

— Молоды годами, но боевой опыт у них богатый. Увидите сами, на что они годятся. А сейчас, если не возражаете, прикажите готовить вертолет, а я пойду порадую близнецов.

Я вытаскивал из нашего автомобиля вещи в дорогу, когда мне на плечо легла рука Анжелины.

— Хорош муженек, нечего сказать! Сам развлекаться отправляется, а меня оставляет здесь!

— Нет же, нет! — Положив на заднее сиденье увесистый контейнер, я повернулся. — У тебя, дорогая, самая ответственная задача: как только мы улетим, займешься обороной замка, установишь оружие, детекторы. Об обороне замка я ничего толком не знаю и рассчитываю лишь на наше оружие. И на тебя, любовь моя!

Я обнял жену, она покачала головой и лукаво взглянула мне в глаза.

— Поклянись, Джим, что ты не выдумал все это прямо на месте, чтобы я осталась в безопасности.

— Клянусь! — Мне кажется, такая клятва — не слишком тяжкий грех. — Мы ударим, а потом дай бог ноги унести, нам просто необходим надежный тыл, который обеспечишь ты. К тому же выборы даже не начались, приключений и возможностей отличиться будет еще предостаточно. А сейчас помоги мне отыскать чемодан с гримом и срочно изготовь большую черную бороду.

Подумав немного, она нехотя кивнула.

— Уговорил. Но если ты погибнешь в этой операции, берегись!

Вот вам классический образец женской логики, но свое мнение на сей счет я оставил при себе. Что я, сумасшедший?!

Через полчаса я, путаясь в бороде, поцеловал Анжелину и влез в кабину вертолета.

Первый раунд поединка с Сапилоте начался!

Глава 13

На близнецах были желто-серые ливреи, которые подчеркивали пышность нарядов маркиза и моего: шляпы с перьями, расшитые золотом жилеты, широкие плащи до колен, ботфорты. Именно так, по мнению крестьян, одеваются вельможи. Наши глупые наряды, без сомнения, произведут на столичных бюрократов впечатление, да и оружие скрывают великолепно.

Как ни гордился де Торрес старыми технологиями, вертолет у него был новый, современный и, что приятно, без гидравлических излишеств. Взвыли мощные двигатели, и мы, молниеносно набрав высоту, понеслись к восточному побережью.

— Если мы опустимся на пригородном аэродроме, проникнуть через городские стены и попасть в Пресидио, где регистрируют кандидатов, будет чрезвычайно сложно, — вслух рассуждал маркиз.

— А что собой представляет этот Пресидио?

— Старый форт, традиционное местопребывание правительства королей Параисо-Аки. Сейчас, увы, форт занят узурпатором.

— А может, приземлимся прямо в форте?

— Это запрещено... Хотя вертолет Сапилоте постоянно садится перед Пресидио на площади Свободы.

— То, что годится ему, годится и нам. В худшем случае нас оштрафуют за посадку в неположенном месте.

— В худшем случае нас застрелят, — мрачно изрек де Торрес.

— Выше голову, маркиз! — Я указал на кейс на своих коленях. — Там, кроме необходимых для регистрации документов, еще и оружие. Да и мои сыновья неплохо экипированы.

— Именно. — Боливар приподнялся с сиденья и похлопал себя под мышками и по бедрам.

— Конечно! — Джеймс повторил действия брата. — А перекусим мы до или после операции?

— Если хотите, прямо сейчас. — Я передал им пакет с сандвичами из кухни замка. — Обертки по кабине не разбрасывать.

— Да, — пробормотал де Торрес, думая о своем. — Приземлимся мы на площади, там нас меньше всего ждут.

— А нас ждут?

— Несомненно. Если их радары еще не засекли наш вертолет, то засекут в самое ближайшее время.

— Тогда усложним им жизнь. Как бы мы добрались до Пресидио, если бы приземлились, как обычно, на пригородном аэродроме?

— Я бы заранее сообщил о прибытии по радио, и у посадочной площадки нас встречала бы машина с шофером.

— Так дайте такое сообщение. Автомобиль отправится на аэродром, противник — за ним, а мы тем временем без помех сядем на площади. Как только мы выберемся из кабины, пилот поднимет машину и перелетит на аэродром. Войска уже оттуда отбудут, пилот спокойно приземлится и отошлет автомобиль за нами к Пресидио.

— Гениальный план! — Де Торрес тут же схватил микрофон рации и отдал распоряжение.

Делать больше было нечего, и я задремал в кресле. Не то чтобы я демонстрировал крепость своих нервов, вовсе нет. Просто прошлой ночью я почти не спал и без помощи прогнозирующего компьютера знал, что нынешний день выдастся суетным.

— Отец, через минуту приземляемся.

— Спасибо, Джеймс.

Я открыл глаза, зевнул, потянулся. Под нами проплывал пригород большого города, справа виднелась размеченная белым посадочная полоса. Вдалеке я заметил городскую стену, пронзенную сейчас автострадой. На вид — все спокойно. Возможно, чересчур спокойно.

— Когда скажу «давай», разворачивай и жми на газ, — приказал пилоту де Торрес. — Давай!

Пилот заложил крутой вираж, и мы стрелой помчались над островерхими крышами. Несколько секунд безумной гонки — и вертолет плавно опустился на площади перед большущим мрачным фортом и, разок-другой подпрыгнув, замер; немногочисленные прохожие шарахнулись в стороны. Едва полозья коснулись брусчатки, близнецы выскочили с двух сторон и, дождавшись, пока вылезли мы с маркизом — старики в их понимании, — захлопнули дверцы. Вертолет взмыл в небо и через мгновение скрылся за зданиями. Зеваки еще стояли, открыв рты, а наша процессия с маркизом во главе промаршировала ко входу в Пресидио.

У нижней ступеньки нас поджидала первая, весьма незначительная помеха — молоденький тщедушный офицер полиции в парадной форме.

— Посадка летательных аппаратов на площади запрещена. Вы отдаете себе отчет, что ваши действия...

— С дороги, малявка. — В голосе де Торреса звучало наработанное десятками поколений предков презрение к простолюдину.

Офицер застыл, его лицо вытянулось, побледнело. Мы беспрепятственно проследовали мимо. Поднялись по истертым ступеням, вошли в просторный холл. При нашем появлении чиновник за столом у входа вскочил на ноги.

— Где регистрируют кандидатов в президенты? — спросил де Торрес.

— Не знаю, ваша честь.

— Срочно выясни.

Де Торрес придвинул стоявший на столе телефон к чиновнику. Выбора у того не было, и под грозным взглядом маркиза он быстро добыл нужную информацию.

— Третий этаж, ваша честь. Лифт там...

— Лестница там, — перебил его я. — С лифтами случаются аварии, бывает, отключат энергию, и часами сидишь между этажами.

— Бывает, — подтвердил маркиз, и мы зашагали через две ступеньки.

Мы нашли нужный кабинет, получили бланки, и я уже заполнял их, когда прибыла оппозиция. Хлопнула дверь, и внутрь хлынула толпа негодяев в черной форме, черных фуражках и темных очках, — без сомнения, наводящие ужас ультимадо. Головорезы диктатора выстроились у двери, вперед вышел пузатый офицер — морщинистое лицо багрово от ярости, желтые пальцы на ручке пистолета в расстегнутой кобуре.

— Всем оставаться на местах! — рявкнул пузатый.

Маркиз нарочито медленно повернулся к нему, на губах — холодная улыбка.

— Кто вы такой? — спросил он с оскорбительной смесью превосходства и скуки в голосе.

— Вам прекрасно известно, де Торрес, кто я такой! — завопил Сапилоте, открывая лягушачий рот не в такт словам. — Чем занят бородатый недоумок, что рядом с вами?

— Этот джентльмен — мой внучатый племянник, сэр Гектор Харапо, Рыцарь Алой Розы, и он заполняет бланки как претендент на пост президента республики. У вас есть по этому поводу возражения?

Генерал-президент Сапилоте вовсе не случайно правил все эти годы целой планетой. Он открыл было рот, но тут же, овладев собой, закрыл. Краска сбежала с его лица, гнев в глазах уступил место более для нас опасной расчетливости.

— Я не возражаю. — Голос Сапилоте теперь звучал так же спокойно, как голос де Торреса. — Но регистрация начнется только завтра, пусть завтра и приходит.

— В самом деле? — В улыбке де Торреса не было и намека на теплоту. — Вам следовало бы внимательней знакомиться с решениями вашего собственного конгресса. Сегодня утром в действующее законодательство внесена поправка, согласно которой регистрация не только открывается сегодня, но сегодня же и закрывается. Хотите взглянуть на копию отчета утреннего заседания?

Де Торрес демонстративно сунул руку в нагрудный карман. Он, конечно, блефовал, но делал это мастерски. Сапилоте покачал головой.

— Разве кто-нибудь сомневается в правдивости слов такого известного человека, как вы, маркиз? Нет, ни в коем случае, но для регистрации сэру Харапо необходимы копия свидетельства о рождении, справка о состоянии здоровья...

— Все здесь. — Я приподнял кейс и улыбнулся во весь рот.

Глядя в змеиные глазки Сапилоте, я почти видел, как в его голове лихорадочно бегают мысли. Отделаться от конкурентов хитростью не вышло, оставалось насилие. Если бы удалось устранить нас потихоньку, уверен, он бы, глазом не моргнув, прикончил нас, но прибыли мы с шумом, с помпой, свидетелей хоть отбавляй, а маркиз — слишком видная в здешнем обществе фигура, чтобы его смахнуть, как пылинку с лацкана. Зловещая тишина затянулась. Наконец, приняв решение, Сапилоте махнул рукой, мол, черт с вами.

— Заполняйте бумаги, — приказал он мне и повернулся к де Торресу. — А у вас, Гонсалес, в этом деле какой интерес? Неужели ваш внучатый племянник не обойдется без няньки?

Маркиз будто бы и не заметил, что диктатор обратился к нему по имени — явное оскорбление по здешним понятиям, и ответил совершенно спокойно:

— Нет, Джулито, он не нуждается в няньке. — Уменьшительное от имени диктатора прозвучало как пощечина. — Я — его партнер, баллотируюсь в вице-президенты. Когда нас изберут, я первым делом вышвырну вашу гнилую администрацию из столицы.

Показное спокойствие оставило Сапилоте, и он заорал:

— Никто не смеет разговаривать со мной в подобном тоне!

Диктатор дрожал от гнева, пальцы вцепились в ручку револьвера.

— Я разговариваю с вами так, потому что стану вице-президентом лишь ради того, чтобы раздавить вас, как букашку, ничтожный человечишка!

Внешне спокойный, маркиз был зол не меньше Сапилоте. Достойного пути к отступлению ни у одного из них не существовало.

— Не поможете ли вы мне с этой бестолковой анкетой? — Я встал между ними, поднес лист бумаги к самому лицу Сапилоте. — Вы — президент, значит, все знаете...

— Прочь, дубина!

Сапилоте оттолкнул мою руку. Я покачнулся и, сохраняя равновесие, вцепился в его мундир. В воздух полетели бланки. В гневе диктатор ударил меня кулаком по лицу. Едва заметный поворот головы — и его кулак лишь скользнул по моей щеке. Я непонимающе взглянул на диктатора, пожал плечами и нагнулся, собирая с пола бумаги.

— Если даже вы не знаете... Что ж, спрошу у клерка. — И, волоча ноги, я побрел в угол комнаты и уселся за письменный стол.

Явный идиотизм моего поведения несколько разрядил обстановку. Сорвав на мне гнев, Сапилоте вроде бы слегка успокоился, проницательный же де Торрес верно истолковал мои действия. Повернувшись спиной к диктатору, маркиз подошел ко мне.

— Спасибо, Джим, — проговорил он тихо. — Сегодня вы спасли меня от самого себя. — И громко, чтобы слышали все, добавил: — Давайте помогу вам, сэр Харапо, в этих анкетах сам черт ногу сломит.

Выстрела в спину я не опасался, полагаясь на сыновей. Но до схватки дело так и не дошло — последовали команды, и, повернувшись, я увидел, что Сапилоте уходит, его люди следуют за ним. Дверь за последним ультимадо захлопнулась, и я перевел дыхание.

— Вы были правы — политика захватывает не хуже азартной игры, — признался де Торрес. — Давайте быстрее заполним эти чертовы анкеты и уберемся отсюда.

Нас больше не беспокоили. Покончив с бесчисленными анкетами, мы отдали их клеркам, те понаставили на них подписей и печатей, вручили нам копии. Маркиз и я не торопясь спустились по лестнице, близнецы прикрывали сзади.

— Начало положено, — сказал де Торрес. — Врагом, который продаст душу дьяволу, но с нами разделается, мы обзавелись.

— Это точно. Думаю, без боя из города он нас не выпустит.

— Он не осмелится!

— Осмелится, маркиз, осмелится, мы сейчас на его территории, здесь устранить нас легче. В убийствах потом обвинят разъяренную толпу или предварительно застреленного фанатика. Гарантирую, басня прозвучит весьма правдоподобно, а Сапилоте, убрав нас наконец всегда со своего пути, принесет семьям и близким погибших соболезнования.

— Что же нам делать?

— Следовать во всем плану. На аэродром поедем на автомобиле, толпе нас из него не выковырнуть. Но давайте поторопимся, оставим неприятелю как можно меньше времени на подготовку.

У подъезда нас ожидал лимузин, но оснований для радости не было: не исключено, что Сапилоте опережает нас на шаг.

Шофер поклонился и распахнул перед нами заднюю дверцу.

— Боливар, дай шоферу денег и отправь на все четыре стороны, — распорядился я. — Машину поведешь ты.

Удивленного шофера оттеснили от машины, я достал из кейса маленькую черную коробочку с единственным индикатором и протянул Джеймсу.

— Прибор реагирует на все виды взрывчатки. Обследуй автомобиль.

Джеймс змеей заполз под передний бампер, через секунду вылез из-под заднего.

— Чисто. Проверь под капотом.

Он поднес прибор к замку и застыл. Нагнулся, присматриваясь, медленно поднял капот. По пояс залез внутрь, вскоре появился с контейнером в руке.

— Провода были подсоединены к педали тормоза. Как только шофер воспользовался бы тормозами — бух! — доложил Джеймс. — Но сработано топорно: ни о маркировке, ни о мине-ловушке не побеспокоились.

— Спешили, но ошибку вряд ли повторят. Поехали быстрей.

— Вот это да! Двигатель-то паровой! — воскликнул Боливар, резко трогаясь с места. — На аэродром? Дороги я не знаю, говорите, куда ехать.

— Из города только одна дорога? — спросил я де Торреса.

— Да, и ее наверняка перекрыли, а помощи нам ждать неоткуда.

— На аэродром, Боливар. Де Торрес, показывайте дорогу.

Маркиз давал указания, а Боливар гнал как сумасшедший. Автомобиль несся то посреди шоссе, то резко сворачивал, срезая углы; редкие прохожие боязливо жались к стенам. Крутой поворот, визг тормозов — и перед нами городская стена. В воротах — наспех сооруженная баррикада, справа и слева — солдаты с оружием на изготовку.

— Времени на переговоры нет, — бросил я. — Будем прорываться. Боливар, перед баррикадой притормози, будто останавливаешься. Джеймс и я забросаем солдат гранатами с усыпляющим газом. — Я достал из кейса с десяток гранат. — Воспользоваться фильтрами не успеем, так что просто задержите дыхание. Боливар, как только гранаты взорвутся, вперед!

Боливар сбавил перед баррикадой скорость, мы швырнули гранаты, и автомобиль понесся сквозь густые облака дыма. Удар,

треск, во все стороны полетели куски дерева, ящики, обломки кирпичей. Мы прорвались, и автомобиль вновь набрал скорость. Если сзади по нас и стреляли, выстрелов не было слышно. Три минуты бешеной езды — и машина, встав на два колеса, свернула, впереди — аэродром.

...Наш вертолет был объят пламенем, из кабины свисало безжизненное тело пилота.

Глава 14

— Негодяи! — воскликнул де Торрес. — Убили невинного человека! Они за это поплатятся!

Я разделял чувства маркиза, но сейчас было не до разговоров.

Один вариант бегства отпал. Нужно найти другой. И немедленно.

На посадочной площадке — еще четыре или пять вертолетов. Воспользоваться одним из них? Пока вскроем запертую дверцу, пока запустим двигатель... Да и неизвестно, есть ли в баках горючее! Погоня за нами по пятам. Нет, этот вариант не подходит.

Из-за угла выскочил и помчался прямо на нас набитый солдатами грузовик.

— Двигай! — крикнул я Боливару.

Наш автомобиль понесся мимо горевшего вертолета.

— Что находится за аэродромом? — спросил я де Торреса.

— Дома, фабрики, пригород. Еще дальше — скоростная автострада на север, но ее уже наверняка перекрыли. Нам не прорваться.

— Поживем — увидим. Жми, шофер!

Моральный дух своего войска я вроде поддержал. А кто поддержит мой?

Мы чудом выскочили из одной западни и теперь на всех парах несемся к другой. Наша свобода — всего лишь иллюзия. Ясно, что все дороги перекрыты, мы в кольце.

— Вы в кольце! — обрушился на нас голос. — Сдавайтесь!

Улица позади пуста, впереди — только дома и ни души. Откуда же голос?

Боливар крутанул руль, и мы помчались по перпендикулярной улице. Голос снова ударил по барабанным перепонкам:

— Вам не убежать! Остановитесь, или мы откроем огонь!

С нами будто говорили боги с небес. Я высунул голову в окошко, посмотрел вверх. Так и есть, над нами парит двухместный полицейский флаер на гравитационной подушке, с виду точь-в-точь тропическая бабочка; крупнокалиберный ствол нацелен на наш автомобиль. Я поспешно убрал голову и успел схватить де Торреса за руку.

— Отпустите меня! Я пристрелю эту свинью в воздухе!

— Не стоит. У меня мысль получше. Боливар, притормози. — Я вывернул запястье маркиза и подхватил выпавший пистолет на лету. Кроме того, что я не сторонник убийств, пусть даже жертвы — головорезы Сапилоте, мой план действительно не плох. — Машина останавливается, мы, подняв руки, выходим. Уверен, на уме у них что-то почище убийства, а то бы нас давным-давно расстреляли с воздуха.

— Сдаться этому отребью?.. Без боя? — Маркиз задохнулся от возмущения.

— Вовсе не сдаться, а перехитрить, — поправил я. — Мы только сделаем вид, что сдаемся, а сами завладеем флаером. Он — наш счастливый билет. А теперь, пока к ним не прибыла подмога, действуем.

Автомобиль остановился, флаер завис над нашими головами, ствол все так же нацелен на нас. Я отвел взгляд, надеясь, что моя теория верна. Иначе мы — покойники.

— Вылезайте! — приказал усиленный электроникой голос. — Да пошевеливайтесь!

Мы вылезли.

— Руки за голову, ноги расставить! — не унимался тип во флаере.

Мы подчинились. Флаер бесшумно опустился на шоссе перед нами. Пилот был в зеленой форме полицейского, пассажир на сиденье рядом — во всем черном, глаза за темными стеклами очков. Черный навел на нас крупнокалиберный автомат.

— Убивать я вас не хочу, поверьте. — Черный противно заржал. — Уладим дельце без пулевых ран в телах. Вертолет потерпит аварию при взлете, вы все сгорите. Красивая смерть! Ха-ха! Предупреждаю: одно лишнее движение — и я стреляю.

— Я не вынесу этого кошмара! Мое сердце... — Джеймс, прижав руку к груди, упал и задергался на асфальте.

— У него сердечный приступ! — Боливар склонился над братом. — Скорей, врача!

— Отойди в сторону... не прикасайся к нему! — заорал ультимадо, направляя на Боливара автомат.

Наш замечательный спектакль испортил де Торрес. Увидев, что ультимадо отвлекся, он с криком понесся к флаеру. До флаера было метров двадцать. Ультимадо дал очередь из автомата, де Торреса подбросило, развернуло в воздухе, и он рухнул замертво. В это мгновение Боливар отскочил от Джеймса. Тот, пока был прикрыт от взора ультимадо братом, достал игольчатый пистолет и теперь несколько раз выстрелил. Ультимадо выпал из кабины, пилот схватился за кобуру, но тут же откинулся на спинку сиденья и замер.

Схватка длилась меньше минуты. Я подскочил к маркизу, рывком разорвал плащ.

— Черт возьми! Боливар, аптечку из флаера! Быстро!

Плащ, жилет, сорочка залиты кровью. Кровь везде, где рана или раны, — не ясно. Кинжалом я разрезал на маркизе одежду. Пуле-

вое отверстие в бедре. Не опасно. А вот рана в животе... Очень скверно. Аптечкой тут не обойтись. Из аэрозоля я опрыскал раны антибиотиком, наспех наложил повязки. Перевернув бесчувственное тело на бок, обработал выходное отверстие пули в спине. Напряг память, вспоминая анатомию. Пуля прошила кишечник, но жизненно важные органы как будто не задела. Я пощупал пульс на руке маркиза. Сердце бьется без перебоев, дыхание хоть и слабое, но ровное.

— Боливар, сможешь вести флаер?

— Я вожу все, что двигается, па.

— Вышвырни из кабины пилота и ультимадо, сам садись за штурвал. Джеймс, помоги. Бери маркиза за ноги, усадим его на пассажирское кресло.

— Доставим его в госпиталь? — спросил Боливар.

— Нет, там его непременно прикончат ультимадо. Единственный для него шанс — попасть в замок. Джеймс, сядешь рядом с маркизом. Троих двухместный флаер поднимет...

— А ты, па...

— Вчетвером не взлететь. Приспособь капельницу, введи маркизу антибиотики и следи за работой сердца. В случае чего знаешь что делать? — Я взглянул Джеймсу в глаза. Он неохотно кивнул. — О своем отце-старике не беспокойтесь — я выбирался из передряг покруче. Удачи вам. Взлетайте!

Близнецы — послушные сыновья, да и времени на уговоры не было. Флаер свечой взмыл в воздух и скрылся за крышами домов. Я отволок пилота к лимузину, втащил внутрь, уложил на пол у заднего сиденья. Ту же операцию повторил с ультимадо, но с ним уже не церемонился, а швырнул довольно грубо. Останутся у него синячки, и поделом. В окне ближайшего дома шевельнулась занавеска, выглянуло бледное, перепуганное лицо и вновь исчезло. Невдалеке завыли сирены. Выбраться отсюда, и побыстрей, — первый, самый важный шаг к спасению.

Усевшись за баранку, я вдруг вспомнил, что не спросил у Боливара, как управлять паровым чудовищем. Я оглядел кабину. Сотни начищенных до блеска ручек, вентилей, кнопок, циферблатов. Таращить глаза некогда! Я ухватился за самую большую рукоять и дернул на себя.

Раздался громогласный рык, и автомобиль окутался клубящимся черно-белым облаком. Я быстро вернул рукоять в исходное положение. В течение следующей минуты, орудуя ручками и рукоятями, я продул дымовую трубу паром, включил и выключил дворники, свет в салоне, радио, магнитофон. Наконец мне повезло, после поворота очередной ручки завелся двигатель, и я покатил прочь.

На первом же перекрестке я свернул, на следующем — опять. Дорога шла через холмы, домов становилось все меньше. Сирены за спиной смолкли, и, чтобы не привлекать внимания, я сбавил скорость.

Но куда я еду? От преследователей с воздуха не скроешься, а они появятся надо мной с минуты на минуту.

Очередной поворот дороги — и передо мной загородная вилла. Из гаража выехала машина и свернула на шоссе.

Я ударил по тормозам, крутанул руль; автомобиль, перепрыгнув через бордюр, прокатился по лужайке, юзом вошел в распахнутые ворота гаража и с оглушительным металлическим грохотом врезался в дальнюю стену. Меня швырнуло вперед, баранка едва не сплющила мне грудную клетку.

Хватая ртом воздух, я выбрался из автомобиля и... не оказался подготовленным к беседе со стоявшим передо мной высоким мускулистым грубияном.

— Ты что, сумасшедший?! Чуть гараж мне не разворотил!

— Извините... — пробормотал я.

— Так ты еще и издеваешься надо мной! — Детина побелел от гнева. — Получай!

Он ударил меня в челюсть. В форме я или нет, но к таким разговорам готов всегда. Я сделал вид, что оглушен его ударом, и, вытаращив глаза, застыл. Он хорошенько прицелился и нанес убийственный прямой в грудь. Я отпрянул в сторону, пропуская детину, и саданул его ребром ладони в основание шеи. Он охнул и без чувств растянулся на полу.

Сирены надрывались совсем рядом. Я перешагнул через грубияна, взялся за ворота гаража. По дороге к дому мчался полицейский автомобиль. Я поспешно затворил ворота и замер, прислушиваясь. Сейчас завизжат тормоза, автомобиль развернется и...

Вой сирены стал удаляться и вскоре смолк вовсе. Я расслабился, взглянул на часы. Время сыграло со мной злую шутку, по моим представлениям, с тех пор, как я переступил порог Пресидио, прошло лет сто, а на самом деле — меньше двух часов.

Водитель выехавшей отсюда машины и владелец гаража, что отдыхает на полу, — одно и то же лицо?

Я выглянул в крошечное окошко на воротах гаража. У дома стоял автомобиль. Пустой. Что ж, задача облегчилась.

Есть ли в доме кто-нибудь, кроме меня, и, если есть, видел ли он мое вторжение? Если видел, то он спустится в гараж, здесь и решим все щекотливые вопросы.

Следующий шаг к спасению — план.

Владелец машины и дома зашевелился. Из сострадания я всадил в его бычью шею иглу из пистолета, и больше он меня не беспокоил. В голове уже сами собой складывались первые пункты плана. Моя аристократическая внешность издалека бросается в глаза. Изменю внешность. Стать полицейским? Стоит ли повторяться, если под рукой великолепный набор одежды лодыря-курортника — белая рубашка и белые шорты? И даже широкополая шляпа с бантом из змеиной кожи — отряхни и носи!

К владельцу курортного набора симпатии я не питал — при режиме ненавистного Сапилоте преуспевали только закончен-

ные негодяи. Раздевая грубияна, я старательно не глядел на расшитое кружевами нижнее белье из золотистого ламе[1] с алыми сердечками.

Теперь — борода. Из кейса я достал флакон растворителя, смочил кожу, рывком отодрал бороду и вместе с растворителем сунул в кейс. Кто знает, вдруг понадобится в будущем?

Как раз впору мне пришлась не только одежда грубияна, но и, что меня особенно обрадовало, обувь. В его одеянии я — вылитый он, за исключением, естественно, белья.

Я сунул грубияна в лимузин ногами к лицу ультимадо, подхватил кейс и вышел из гаража. Солнце клонилось к горизонту, но припекало еще вовсю. Я огляделся. Вокруг и в домах по соседству никого не заметил. Я направился к машине у обочины. На дороге показался возвращавшийся в город огромный черный автомобиль. Богатый лоботряс не вызвал у полицейских подозрений, и автомобиль промчался мимо. Я забрался в свою новую ярко-красную спортивную машину. К счастью, в движение она приводилась двигателем внутреннего сгорания на спирту. Управлять ею оказалось много проще, чем паровым монстром, и через минуту я уже несся по улице.

Вопрос: куда я направляюсь? Выезды из Приморосо блокированы, полиция проверяет документы и обыскивает машины у всех без разбору. С владельцем автомобиля сложены мы почти одинаково, но сомнительно, что его документы послужат мне пропуском. Нет, из города не выбраться. Следовательно — назад, в столицу, там подыщу убежище, продумаю дальнейшие шаги. Кроме того, Крысе, даже если она Стальная, всегда уютней в городе.

Я повозился с кнопками и переключателями. Подняв и опустив верх, посигналив, включил плейер и к центру Приморосо подъезжал в относительном комфорте, насвистывая под легкую музыку.

Глава 15

Как долго я останусь на свободе? Ответ напрашивался сам собой: недолго. Жители домов видели нашу стычку с полицией, видели, как потом взлетел флаер, а я укатил на лимузине. Как только это станет известно, поиски от того места пойдут по спирали. Будут заданы вопросы, обысканы дома, открыты гаражи. Полицейские найдут лимузин со спящими у заднего сиденья красавцами, вмиг сообразят, что я отбыл на автомобиле хозяина виллы, выяснят номер и... Я невольно сильнее надавил на педаль газа. Впереди показалась городская стена. Через открытые ворота беспрепятственно двигался поток машин, меня здесь пока не ждали. Миновав ворота, я увидел впереди Пресидио и поспешно свернул направо. Вскоре я

[1] Л а м е — парчовая ткань для вечерних туалетов.

оказался в красивом районе с тщательно обрезанными деревьями, аккуратными особнячками, магазинчиками под полосатыми навесами и барами с выставленными прямо на тротуар столиками. Люди за столиками потягивали напитки из высоких стаканов и резных бокалов, здесь же, без сомнения, подавали удобоваримую пищу.

Мой рот наполнила слюна, жалобно заурчал желудок. Я вспомнил, что, кроме аристократического завтрака, у меня во рту целый день не было ни крошки. Необходимо срочно исправить несправедливость!

Деревья вдоль дороги мало-помалу исчезли, улица сузилась, уютные бары уступили место неряшливым забегаловкам, тут и там стены подпирали мрачные типы. Подходящий районч ик!

Я повернул за угол, заглушил мотор и вылез из автомобиля, якобы по рассеянности не закрыв окошко, не заперев дверцу и даже оставив ключи в замке зажигания. Вряд ли машина простоит здесь больше минуты, преследователи на время потеряют мой след. Беззаботно насвистывая, я направился обратно к респектабельным кварталам. Когда я переступил порог заманившего меня неоновой рекламой ресторана, уже смеркалось и повсюду включили свет.

Кухню на Параисо-Аки я уже оценил по достоинству, не был разочарован и теперь. На первое я съел суп с альбондигас — маленькими фрикадельками, за ним последовали эмпанады — пироги с мясной начинкой, салат «Гуакемол», еще что-то и еще. Каждое блюдо я запивал бокалом вина из запотевшей бутылки. Ресторан называется «Откормленный поросенок», и, пообедав, я понял почему. Погладив живот, я вздохнул и мысленно вернулся к своим проблемам.

Лимузин, наверно, уже найден, мое подробное описание передали или в ближайшее время передадут по радио и телевидению. По описанию я — темнобородый мужчина в старинном костюме, То, что сейчас я бритый, а в курортном костюме вроде моего нынешнего в этой части города разгуливает каждый второй, замедлит преследование, но не остановит.

Я расплатился, не забыв о щедрых чаевых, и заботливый официант проводил меня к выходу и к суровой действительности.

Местные богатеи, набив животы отменными закусками и напитками, в дневные часы дремлют под теплыми лучами солнца и просыпаются только под вечер. Следовательно, магазины открыты допоздна, и там я куплю все, что нужно.

Я отправился за покупками. Купил новую шляпу в первом магазине, жакет — во втором, рубашку — в третьем. Награждая себя за труды, я зашел в бистро и опрокинул стаканчик рона. Осмотревшись, прошмыгнул в туалет, а вышел совсем другим человеком.

Выбросив старую одежду в ближайшей темной аллее, я чувствовал себя в относительной безопасности.

Дневная эйфория улетучилась, усталость взяла свое. Я прошагал два квартала и зашел в мягко освещенный бар поддержать моральный дух. Все, что было в моих силах, я сделал. А теперь? Один, небритый, всеми брошенный на произвол судьбы в незнакомом городе...

— Скучаешь, красавчик?

Брошенный всеми мужчинами, но не женщинами! Она была привлекательна и стройна, ножки под мини-юбкой даже очень ничего. Пойти с ней, найти безопасность и утешение на ночь?

Я покачал головой, она нецензурно выругалась. Если о моих похождениях узнает Анжелина, мне несдобровать. К тому же девицы легкого поведения обычно на учете полиции, а их сутенеры все, как один, — стукачи. Нет, придумаю что-нибудь получше.

Пока я размышлял, решение пришло ко мне само. Двое молодых людей рядом разговаривали довольно громко:

— ...Он так и не появился?

— Нет. Видно, дела задержали. Сам понимаешь, бизнесмен.

— Выходит, сегодняшний покер отменяется?

Широко улыбаясь, я повернулся и положил руку на плечо низенькому.

— Извините, что невольно подслушал ваш разговор. В этом городе я чужой, но дома очень люблю коротать вечер за игрой в карты с друзьями. Играю я так себе, но для дружеской игры вполне подойду.

Низенький обернулся, и хотя его улыбка напоминала оскал крокодила, то мне-то что.

— Хотите присоединиться к нам?

Я кивнул. Кто они такие, я понял сразу, как если бы на шее каждого висел плакат с надписью печатными буквами: «ШУЛЕР». Полиции они боятся как черт ладана. Что меня, собственно, вполне устраивает.

— ...Приезжие, как и вы, любим дружескую игру. Пойдемте.

Меня, как овцу на бойню, вывели из бара, посадили в такси, препроводили в номер гостиницы. На пороге нас встретила чертовски привлекательная женщина. Чудный выдался вечерок!

— Проходи, присаживайся, чувствуй себя как дома, — вился вокруг меня низенький. — Я — Адолфо, тот здоровяк — Сантос, мою девушку зовут Рената. А как твое имя?

— Джим.

— Очень приятно, Джим. Надеюсь, от стаканчика рона перед игрой не откажешься?

— Не откажусь.

Меня забавляла каждая минута в их обществе, каждая, наверно, давно набившая им оскомину фраза. Жулики обжуливали жулика. Вот хохма.

Рената смешала нам коктейли, а Адолфо разложил на столе несколько колод карт и фишки. Здоровяк Сантос двигался медленно, неуклюже, но я-то отлично понимал, что каким-каким, а неуклюжим он не был. Здесь он выполнял те же функции, что и вышибала в баре. Адолфо вскрыл первую колоду, перетасовывая карты, уронил одну под стол, с улыбкой поднял.

Ого, да руки у него почти такие же ловкие, как у меня.

— Раскидаем на старшего?

Мы согласились. Адолфо сдал каждому по карте рубашкой вверх. У меня оказался король, старшая карта. Я взял колоду, перетасовал, Сантос поднял — и пошла потеха.

Рената время от времени наполняла наши стаканы, снова садилась к окну и слушала тихую музыку из радиоприемника. «Раздевали» меня умно, не спеша. Когда колода попадала к Адолфо, он подмешивал крупные карты вниз и сдавал их мне. Настоящие профи следуют заповеди: «Пусть клиент испытает радость выигрыша, подержит в руках деньги, а потом он твой».

Я тоже исправно играл свою роль и сдавленно хихикал, сгребая фишки.

— Извините, ребята, деньги мои.

— Что поделаешь, в картах уж если повезет, так повезет, — философствовал Адолфо, сдавая.

— Что вы думаете по поводу предстоящих выборов?

Я разложил свои карты. Две пары: десятки и шестерки.

— Ты, наверно, шутишь? — удивился Адолфо. — Меняешь? Одну, две?

— Одну. Нет, не шучу. Говорят, независимые выставили против Сапилоте своего кандидата. — Я поменял карту, пришла еще одна десятка.

Мы прошлись по кругу, Адолфо удвоил, прошлись еще. Сантос сбросил, Рената принесла мне очередной коктейль.

— Дураки, — заявил Адолфо. — Против ветра плюют. Заполучат по сердечному приступу или автокатастрофу. Вскрываюсь. У тебя что?

— Три десятки и две шестерки.

— Не все тебе выигрывать, у меня — полный дом. Может, твоя полоса везения и кончилась.

Полоса везения действительно кончилась, и вскоре мой бумажник опустел.

— Все, ребята, я на нуле. — Я бросил карты. — Разве что достать неприкосновенный запас?

— Конечно, Джим, — поддержал меня Адолфо. — У нас же дружеская игра, шанс отыграться мы тебе дадим.

Я положил кейс на стол, открыл.

— Не шевелись. — Дружелюбия в голосе Сантоса как не бывало.

Я поднял глаза. Он целился в меня из большого пистолета. Адолфо — из такого же. И Рената. Я по возможности простодушно улыбнулся и поднял руки.

— Что происходит?

Сантос вместо ответа снял свой пистолет с предохранителя, щелчок прозвучал в тишине комнаты громовым раскатом.

Глава 16

— Что случилось с нашей дружеской игрой?

— А что случилось с нашим дружелюбным путешественником, который так любил играть в покер? — ответил вопросом на вопрос Адолфо.

— О чем ты? Не понимаю.

— Под столом спрятана рентгеновская установка. У тебя десять секунд, чтобы убедительно объяснить нам, почему в твоем кейсе три пистолета. Давай же, мистер полицейский шпик, лезь из кожи!

Я искренне рассмеялся над нелепым предположением, но Адолфо тоже щелкнул предохранителем, и мне стало не до смеха.

— Только полицейские ищейки заговаривают с посторонними о политике. — Адолфо криво усмехнулся. — Осталось семь секунд.

— Кончай считать, я признаюсь! Я — карточный шулер, собирался у вас поживиться.

— Что? — Адолфо потряс головой: такого ответа он никак не ожидал.

— Не веришь? Я наблюдал за тобой весь вечер, видел, как ты метишь старшие карты ногтем большого пальца, а при своей сдаче замешиваешь их в низ колоды и сдаешь кому нужно. Я позволил потихоньку обыграть меня, достал НЗ. Вы бы удвоили ставки, потом еще. В конце концов все мои и ваши деньги оказались бы на кону и я бы их взял при последней сдаче. А пистолеты у меня, чтобы выбраться отсюда с выигрышем.

— Ты лжешь, спасая шкуру. — Голос Адолфо звучал не слишком уверенно. — Со мной подобные фокусы не проходят.

— Не проходят? Сейчас продемонстрирую. Колоду, что на столе, тасовал ты? — Дождавшись его кивка, я продолжал: — Я медленно, без резких движений сяду, раздам карты. Вы уж не палите.

Я осторожно пододвинул стул, сел, собрал со стола колоду, перетасовал, раздал на троих. Они глядели не отрываясь. Я откинулся на спинку, переплел кисти рук за шеей — ни дать ни взять, безмятежно отдыхаю — и указал подбородком на пять карт перед собой.

— Полюбопытствуйте.

Слегка опустив пистолет, Адолфо вытянул руку, перевернул карты. На него глядели четыре туза и джокер.

— Пять тузов обычно берут банк, — заявил я.

Адолфо и Сантос не отрываясь смотрели на карты, Рената подошла ближе, тоже склонилась над столом.

Я выстрелил сначала в нее, потом — в Сантоса. Из игольчатого пистолета, который предусмотрительно подшиваю к воротничку сзади. Увидев, что компаньоны упали, Адолфо подпрыгнул, пистолет в его руке дернулся, но мой уже смотрел ему между глаз.

— Не суетись, — спокойно велел я. — Будь паинькой, положи пушку. О партнерах не беспокойся, они всего лишь спят.

Адолфо подчинился. Я взял пистолеты его и Сантоса, кинул на кушетку. Третий пистолет валялся на полу рядом с вытянутой рукой Ренаты. Отшвырнув его ногой в угол комнаты, я расслабился, убрал оружие и глотнул из стакана.

— Вы всегда просвечиваете багаж клиентов?

Ошеломленный событиями последних секунд, Адолфо вяло кивнул.

— По возможности. Если у них с собой что-нибудь «горячее», Рената дает нам знак.

— Код у вас великолепный, даже я не заметил. Дай обещание, что не бросишься на меня, тогда я не только оживлю твоих коллег, но и в знак особого расположения оставлю весь выигрыш вам.

— Что ты сказал? Кто ты? Полицейский?

Я решил сыграть в открытую.

— Как раз наоборот, каждый полицейский в этом городе сегодня ищет меня. Я и пошел с вами, рассчитывая, что сюда они не заглянут.

Он отшатнулся.

— Так ты тот парень, о котором передавали по радио. Маньяк, убивший сорок два человека...

— Ты прав лишь отчасти. Я — действительно тот парень, о котором передавали по радио, но убийства — легенда полиции. Я занимаюсь политикой, пытаюсь опрокинуть Сапилоте.

— А не врешь? — Адолфо так разволновался, что позабыл о своих страхах. — Если ты против Сапилоте, я на твоей стороне. Его полицейские вконец обнаглели, обкладывают ребят вроде меня таким налогом, что ни вздохнуть ни охнуть.

— Более веской причины, чтобы вышвырнуть зажравшееся правительство, я отродясь не слышал. — Я протянул ему руку. — Пожмем руки, Адолфо, ты только что присоединился к нашей партии. Даю слово, что, как только нашего человека изберут в президенты, он посадит самых гнусных копов за вымогательство.

Адолфо с энтузиазмом сжал мою ладонь. Мы уложили его компаньонов на кушетку, я, предусмотрительно сунув их пистолеты в свой кейс, достал шприц и ввел им по дозе противоядия.

— Минут через пять проснутся.

— Джим, мы оба знаем, как я подмешивал карты, но разрази меня гром, если я понимаю, как ты сдал себе четырех тузов и джокер?

— Невелика хитрость, — не без гордости заявил я. Обставить профессионала, что ни говори, приятно. — Просмотри колоду.

Он разложил карты рисунками вверх, окинул их взглядом.

— Постой, постой... Вот туз... Еще один... А вот и джокер. — Адолфо рассмеялся, как ребенок. — Так ты их вытащил из рукава!

— Именно. Пока мы играли предыдущей колодой, я изъял из нее нужные карты. Остальное — дело техники.

— Как же так, ведь за стол ты садился с пустыми руками... Ах да, ты же передвигал стул! Доли секунды, пока мы не видели твоих рук,

тебе оказалось достаточно. Ты сунул карты под низ колоды и потом сдал их себе. Ну, ты и силен, Джим!

Отлично, по-моему, сказано?

Некоторое время мы обсуждали профессиональные темы. Я показал ему несколько уловок, неизвестных пока на его планете, он, в свою очередь, обучил меня двум-трем новым трюкам. Когда Сантос застонал и зашевелился, мы с Адолфо были уже закадычными приятелями. Облизав губы и открыв глаза, Сантос с ревом бросился на меня. Адолфо сделал ему подножку, и тот растянулся на полу.

— Не трогай Джима, — повелительно сказал Адолфо. — Он — наш друг. Сейчас объясню.

Адолфо был мозгом их небольшого предприятия, и компания по его рекомендации сразу приняла меня. Я открыл кейс и вручил каждому по солидной пачке денег.

— Эти скромные подарки скрепят наш договор, — сказал я. — Отныне вы на жалованье партии. Обещаю, что этот гонорар не последний и что, когда в президентское кресло сядет наш человек, все будет так, как я говорил. — Сказанное мною, как всегда, было правдой, так как этим человеком буду я сам. — Но и вы помогите мне, свяжите меня с моими людьми. С туристами в Пуэрто-Азуле вы работаете?

— Что ты, мы не самоубийцы. Инопланетные туристы — единственный источник конвертируемой галактической валюты на Параисо-Аки, и если ультимадо только увидят нас рядом с ними, то сотрут нас в порошок. Мы довольствуемся местными деньгами, занимаясь своим безобидным бизнесом здесь, в столице, исправно отстегиваем полицейским их долю, а уж они заботятся, чтобы о нашем существовании не пронюхали палачи ультимадо.

— А вы можете попасть в Пуэрто-Азул?

— Почему бы и нет? Паспорта у нас в порядке.

— Отлично. В Пуэрто-Азуле живет человек, через которого я передам весточку маркизу де Торресу, а тот уж позаботится обо мне.

— Ты знаком с маркизом? — хрипло спросила Рената. Выходит, титулы на этой планете в почете даже у карточных шулеров

— Знаком ли я с маркизом? Да не далее как этим утром мы с ним завтракали. Так, со связью ясно, сейчас составлю послание.

Но что я напишу? Неизвестно даже, жив ли Торрес. И Боливар, и Джеймс... Добрались ли они до замка? Я заходил по комнате из угла в угол. Прежде чем строить планы, нехудо бы выяснить ситуацию. Вопрос: каким образом срочно связаться с замком?

Задай верный вопрос и получишь верный ответ.

— Адолфо, ты что-нибудь знаешь о семафорах, которыми пользуются аристократы?

— Кто же о них не знает? Вечно, как проходишь мимо замка, на крыше машет, сжимается, разжимается, загибает пальцы дурацкая ручища. Эти дворяне будто в каменном веке живут, на их месте я бы давно обзавелся телефонами.

— Ты ходишь мимо замка? А разве замки не за Стеной?

— Большинство, но не все. Например, один — ближе чем в двух километрах от нас.

— А внутрь попасть сложно?

— Да легче легкого. Показываешь полицейским у дверей паспорт и...

— Не подходит. — Я на минуту задумался. — А ваши документы вроде в порядке?

— Еще бы! Иначе за что, по-твоему, мы платим полицейским?

— Рената, отнесешь в замок письмо?

— Для тебя — что угодно.

— Вот держи. — Я дал Ренате еще пачку банкнотов. Сегодня я был сама щедрость, буквально сорил деньгами, тем более что деньги-то не мои, а маркиза. — Это покроет накладные расходы. Опиши подступы к замку, а я придумаю, как туда проникнуть.

План получился простым, каким и должен быть хороший план. Детали я додумывал уже на рассвете. Сантос спал на кушетке, Рената — в соседней комнате, Адолфо раскладывал пасьянс. Для меня — вторая ночь подряд без сна. Бодрствовать по ночам уже входило в привычку.

— Адолфо, во сколько открываются магазины?

Он взглянул на часы.

— Через два часа.

— Времени позавтракать и проинструктировать вас хватит. Буди свою команду, а я по телефону закажу завтрак в номер.

Два кофейника крепкого черного кофе — и мои глаза не слипаются.

Помогая де Торресу расшифровывать послание, я прихватил несколько почтовых листов с родовым гербом маркиза. Чисто рефлекторно, естественно. Сейчас листы пришлись как нельзя кстати. Я написал на одном из них записку, в точности подделал подпись маркиза, чем вызвал у моих друзей вздох восхищения, запечатал послание в конверт и отдал Ренате.

— Что делать, знаешь?

— Да. Иду по магазинам, делаю покупки. На такси подъезжаю к замку. Полицейским у входа говорю, что доставила заказы из магазина. Они пропускают меня, я вручаю письмо герцогу.

— Молодчина! А вы, ребята, так же хорошо заучили свои роли?

— Да, — ответил за себя и компаньона Адолфо.

— Тогда сверим часы — и за дело.

Наступил «час ноль». На душе у меня скребли кошки.

Можно ли доверять жуликам, даже озолотив их? Скоро узнаю. Если мои новые союзники верны мне, то они уже заняли исходные позиции.

Я, вновь став чернобородым, сидел в кафе напротив стены замка Пеносо. В двухстах метрах находилась окованная железом дверь в стене, к двери от тротуара вели четыре каменные ступени, у ниж-

ней стояли двое полицейских — лица суровы, руки на кобурах. К крыльцу подкатило такси, из него вылезла Рената, подошла к полицейским, предъявила документы. Ее пропустили. Минут через десять она вышла. Руки пустые — послание передано.

Я посмотрел на часы. Пора. Кинув монетку на стол, я подхватил кейс, покинул кафе, перешел дорогу и не спеша зашагал к входу в замок.

Мимо крыльца грациозно проплыла стройная молодая дама, полицейские проводили ее глазами, один из них в знак одобрения поднял большой палец. На улице больше ничего не происходило.

Где же мои помощники? Запаздывают или?..

Я нагнулся, завязывая шнурок. Невдалеке, перекрывая привычный городской гул, завыл мотор. Вой усиливался, приближался.

Я медленно двинулся к крыльцу.

На дороге, виляя из стороны в сторону, появился автомобиль. Взвизгнули тормоза, автомобиль врезался в бордюр, из окошка водителя высунулась безжизненная рука.

Полицейские переглянулись и кинулись к машине на другую сторону улицы. Я взбежал по четырем ступенькам и, повернув ручку, толкнул дверь.

Дверь не поддалась.

Заперто!

Глава 17

Кровь мгновенно насытилась адреналином, усталость как рукой сняло.

Если мое послание получено, дверь должна быть открыта. Что-то случилось, план не сработал.

Я снова нажал на ручку. Тот же результат.

Я оглянулся через плечо. Полицейские подошли к автомобилю. Безжизненная рука исчезла внутри, взревел двигатель, и машина рванула с места. Полицейский помоложе погрозил удаляющейся машине кулаком, другой записал ее номер в блокнот. Проку от действий и того и другого одинаково мало: машину мои друзья сегодня угнали со стоянки.

Еще секунда-другая, полицейские повернутся и увидят меня. Что же предпринять?!

Я снова дернул ручку и что было сил толкнул дверь плечом. Дверь неожиданно распахнулась. Я влетел внутрь и растянулся на полу. Дверь за мной захлопнулась.

— Добро пожаловать в замок Пеносо, сэр Харапо, — раздался надтреснутый голос. — Добро пожаловать.

Я поднялся, отряхнулся. Передо мной стоял не то человек, не то призрак — кожа серая, одежда серая, седые волосы до плеч. Я поклонился, легонько сжал дрожащую костлявую руку.

Как обращаются к герцогу? Милорд? Ваша милость? Ваша честь? Ваше герцогство? Хоть убей, не помню, но выкручусь, не впервой.

— Как мне вас благодарить? Я был на волосок от гибели, вы меня спасли.

— Ерунда, сэр Харапо, я всего лишь открыл дверь. Да, открыл дверь. — Герцог махнул бесплотной рукой. — Садитесь же, умоляю. Выпейте капельку бренди и расскажите мне обо всем по порядку. Я получил записку от маркиза де Торреса, в которой он просит принять вас. Подробности, пишет он, вы изложите сами.

Прихлебывая восхитительный старый бренди, я рассказал герцогу всю историю, приукрасив и сократив разве что самую малость. Он завороженно слушал меня, ловя широко открытым ртом воздух, его глаза подслеповато моргали, руки тряслись. Я даже забеспокоился, не хватит ли его удар, прежде чем закончится рассказ, но старик выдержал, лишь плеснул себе в бокал изрядную порцию бренди.

— Ужасно! Ужасно! С Сапилоте пора кончать! А как здоровье моего дорогого пятиюродного брата в тринадцатом колене? Опасны ли его раны?

Я помотал головой, но вскоре сообразил, что он имел в виду маркиза.

Интересно, как дворяне запоминают свою родословную?

— Не знаю и прошу вас о помощи. Если я напишу, вы передадите послание по семафорной связи?

— Сию секунду, любезный, сию секунду!

Он позвонил в колокольчик, приказал позвать оператора. Я написал записку:

Я В ЗАМКЕ ПЕНОСО, ЖИВ И ЗДОРОВ. КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЮТ ДЕ ТОРРЕС, ДЖЕЙМС И БОЛИВАР?
СЭР ГЕКТОР ХАРАПО

Герцог прочитал, кивнул, достал уже знакомую мне машинку и, повозившись минут пять, вручил зашифрованный текст оператору. Тот умчался.

Последовавшее тягостное ожидание несколько скрасил графин бренди. Наконец прибыл ответ, я вырвал бумагу из рук оператора и, увидев ровные ряды цифр, заскрежетал зубами.

Опять герцог крутил ручку дешифратора, опять скрипело перо в его руке, а я мерил комнату шагами. Едва он выпрямился, я, затаив дыхание, заглянул ему через плечо.

МАРКИЗ ПОПРАВЛЯЕТСЯ ТЧК БОЛИВАР И ДЖЕЙМС НЕВРЕДИМЫ ТЧК ЖДЕМ ВАШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ ТЧК
ЛЕДИ ХАРАПО

Все замечательно! Сыновья доставили маркиза домой; медицинское оборудование и докторов в замке я видел, о нем заботятся; всеми делами распоряжается Анжелина. Мне можно расслабиться. Что я и сделал, налив полный бокал бренди.

— Отличные новости! — воскликнул герцог. — Что вы теперь предпримете?

— Мы счастливо отделались, выбравшись из логова льва живыми, впредь подобного не повторится. Избирательную кампанию нужно тщательно спланировать, шаг за шагом, как военную операцию. Отныне, где бы ни появились маркиз или я, нас будет сопровождать вооруженная охрана, будто мы королевская корона.

— Да, королевская корона... Ее потеря — настоящая трагедия. Помню так же ясно, как если бы это было вчера, день, когда Сапилоте впервые принимал присягу. — Взор герцога затуманился; оказывается, он такой же долгожитель, как генерал-президент. — Он обещал неукоснительно следовать законам, а мы, как деревенские дурачки, поверили. Он обещал беречь королевскую корону как зеницу ока, с тех пор ее никто не видел. Негодяй, должно быть, присвоил ее...

Герцог погрузился в воспоминания, я задумался.

Пока я в безопасности. Но что же дальше? Попасть обратно в замок де ла Роса было бы неплохим началом. Вопрос: как?

Ответа не было. За исключением коньячных паров, моя голова пуста, тело требует отдыха. Но, должно быть, о Стальной Крысе заботилось само провидение.

В дверь робко постучали — прибыло решение моих проблем.

Не дождавшись ответа, человек за дверью постучал вновь.

— А, что?.. — Герцог открыл глаза. — Входите, входите.

В зал, шаркая, прошел дворецкий, по виду — ровесник отца герцога.

— Мне крайне неприятно беспокоить вашу светлость, но сегодня — четверг. — Голос дворецкого дребезжал не меньше, чем у его господина.

— Ну и что? — Герцог, разгоняя дремоту, потряс головой.

— Ваша светлость сами приказали мне напомнить об их прибытии не позже чем за полчаса.

— Черт! — прорычал его светлость, сверкая металлическими зубами. — Они скоро будут здесь!

— Они?

— Каждый четверг одно и то же! И ничего не поделаешь — приказ правительства! Экскурсия по дворянским домам, будь она неладна! И я с этого не имею ни гроша, весь доход в виде налога уходит в казну! Проклятые инопланетные туристы шляются по священным залам замка Пеносо...

Он продолжал в том же духе, но я не слушал. Туристы! Здесь! Вот оно — решение проблемы! Усталости и опьянения как не бывало.

Схватив со стола серебряный колокольчик, я позвонил. Герцог умолк на полуслове и уставился на меня, в зал снова вошел дворецкий.

— Я правильно понял, что скоро сюда с экскурсией пожалуют придурковатые туристы?

— Именно, сэр Харапо. Ужасные нынче времена!

— Совершенно с вами согласен. А сколько их будет?

— Из Пуэрто-Азула прикатит битком набитый автобус, — разъяснил дворецкий. — В нем умещается от сорока до пятидесяти туристов.

— Вторжение пролетариев, — подытожил герцог.

— А какие предосторожности вы соблюдаете, чтобы туристы в качестве сувениров не прихватили с собой фамильное серебро или картины?

— По замку их сопровождают мои лакеи.

— Подходит. — Я потер руки. — А лакеи будут держать язык за зубами, если я, не привлекая внимания полиции, выберусь из вашего великолепного замка?

— Для будущего президента Параисо-Аки — все что угодно.

Герцог встал и положил руку на сердце. Увидев кивок своего господина, дворецкий *сделал то же самое.*

— Хвала славному президенту Параисо-Аки! — с жаром воскликнули они.

Я скромно потупил взор.

— Еще один вопрос, если не возражаете. — Я вскинул на них глаза, седые головы с готовностью закивали. — В вашем замке есть потайной ход?

— В каждом замке есть потайной ход, — ответил несколько удивленный моим невежеством герцог. — Наш ведет в дом через дорогу. Некогда там располагался публичный дом, и ход прорыли по приказу третьего в роду герцога. — Нынешний герцог мечтательно закатил глаза, наверно вспоминая одну из обитательниц дома напротив.

— *Слушайте мой план. Переодевшись лакеем, я сопровождаю* туристов, выбираю среди них подходящего. Он остается здесь, а я вместо него покидаю замок и отправляюсь в Пуэрто-Азул.

— Но ваш костюм?.. — возразил было герцог.

— Я переоденусь в одежду туриста.

— А ваша борода?

— Я сбрею ее.

Уяснив идею, герцог захихикал:

— Как вы умны, сэр Харапо! Не то что в детстве, когда вы без умолку несли околесицу. А туриста мы, конечно, живьем замуруем в стену потайного хода.

— Никаких трупов! — твердо сказал я. — Если турист будет убит, следствие непременно выяснит, что пропал он в замке. Обтяпаем дельце иначе, не вызывая подозрений. Я введу туристу наркотик, и из его памяти начисто выпадут события этого дня. Вы же

обольете его роном, сунете в карман полупустую бутылку и пачку денег, выведете через подземный ход в город. Завтра полицейские найдут его бесцельно бродящим по улицам. Запах алкоголя, бутылка и деньги в кармане — все ясно, турист пустился в загул и опоздал на автобус, но на него не напали, не ограбили. Полицейские начальники посмеются над незадачливым туристом, вернут его в отель, и инцидент будет благополучно забыт.

— Жаль, так хотелось кого-нибудь убить, — недовольно произнес герцог.

— Позже, ваша светлость, может, после выборов. Пойду переоденусь.

Едва я отлепил порядком потрепавшуюся бороду и напялил бриджи и ливрею, как разнесшиеся по замку пронзительные неприятные голоса возвестили о прибытии туристов. Я выскользнул из боковой двери, вклинился в ряд слуг и вместе с вызывающе одетыми туристами зашагал по залам замка. Лакеи были вышколены безукоризненно, и в мою сторону не повернулась ни одна голова.

— ...Великолепный образец живописи прошлого столетия... — вещал гид, тыкая указкой в довольно посредственные пейзажи на стенах и еще более посредственные портреты. Туристы разглядывали картины, а я разглядывал туристов. Большинство из них прибыли парами и мне не подходили. Были среди них и одинокие женщины, но менять пол я не собирался. Наконец я выбрал жертвой скучавшего мужчину примерно моего роста в лиловых шортах и украшенной кружевами рубашке; шагает один, на шее — камера, в руке — сумка с надписью: «В ПУЭРТО-АЗУЛЕ ЛУЧШИЕ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КРАСОТКИ. ЕСЛИ НЕ ВЕРИШЬ, УБЕДИСЬ САМ!» То, что мне надо.

Толпа повернула головы к очередной картине, я подошел к незнакомцу и коснулся плеча. Он обернулся — лицо мрачно, брови нахмурены. Я прошептал ему на ухо:

— Вас ждет подарок герцога — бутылка древнего рона из винных погребов замка. Бутылка вручается одному туристу из каждой экскурсии. Поздравляю, сегодня выбор пал на вас. Пожалуйста, следуйте за мной и ни слова остальным.

Косясь на толпу, он на цыпочках двинулся за мной. О алчность, сколько преступлений совершено от твоего имени!

Я распахнул перед ним дверь зала.

— Сюда, сэр.

За дверью стоял дворецкий с подносом, на подносе — пыльная, запечатанная сургучом бутылка. Турист шагнул через порог, я уколол его смазанной наркотиком иголкой, помог бесчувственному телу мягко опуститься на ковер и закрыл дверь. Герцог выглядел счастливым, в нашем маленьком триумфе он, без сомнения, разглядел предвестие новой, лучшей эпохи. Хотя, может, так оно и было.

Переодевшись и переложив содержимое кейса в сумку с дурацкой надписью, я незаметно смешался с толпой.

Мы вышли из замка. У дверей автобуса зевавший полицейский пересчитал нас по головам, сделал пометку в записной книжке и махнул шоферу, мол, езжай.

Двери автобуса закрылись, включился кондиционер, заиграла ненавязчивая музыка, и мы покатили к побережью.

Меня подозрительно оглядела женщина на соседнем сиденье.

— Я вас прежде не видела.

Глава 18

Я разоблачен! Если я заставлю соседку молчать, бесчувственное тело привлечет внимание. Что же делать? Для начала тянуть время.

— Я вас тоже прежде не видел.

— Так смотрите же. — Она жеманно улыбнулась. О, да она не подозревает меня, а заигрывает. — Меня зовут Джойелла, я с Фиджеринадока-два...

Она многозначительно замолчала, и я поддержал игру:

— Какое совпадение. Я — Варил, с Блодгетта.

— В чем же здесь совпадение?

— Обе планеты находятся в одной и той же Галактике.

Мою не бог весть какую остроту она восприняла с восторгом, и вскоре мы стали друзьями. Джойелла оказалось милой, общительной девушкой, но одна беда: она несколько засиделась в невестах. Жила она в заштатном городишке Лашфлаш, работала в бухгалтерии фабрики по производству роботов. За долгую дорогу я, изредка кивая и поддакивая, узнал все сплетни и слухи, циркулировавшие в тех краях.

В Пуэрто-Азул мы прибыли после полудня. Кроме двух-трех бокалов бренди из подвала герцога, у меня с утра во рту не было ни капли спиртного, поэтому мы с моей новой знакомой заскочили в бар и пропустили по коктейлю. Мы хорошо провели время, но, пока наши отношения не зашли слишком далеко, я попрощался с Джойеллой и, не замечая, как дрожит ее нижняя губа, исчез в сумерках.

У многоквартирного дома, в котором жил Хорхе, стояла большая черная машина. Оснований, что незваные гости пожаловали именно к нему, вроде бы нет. Почему тогда сосет под ложечкой? Интуиция не раз выручала меня в прошлом, прислушаюсь к ней и сейчас.

Достав из туристской сумки карту и шприц, я подошел к машине, заглянул в открытое окошко. За баранкой сидел верзила в темных очках.

— Извини, приятель, — обратился я к нему, — где здесь такой дом?.. Ну, там еще отменная выпивка и, по слухам, веселые девочки.

— Не разговаривайте со мной, — пробормотал он на эсперанто.

— Не понял ни слова, приятель. Взгляни-ка лучше на карту.

Я сунул ему под нос развернутую карту. Он в негодовании оттолкнул ее и вдруг обмяк — игла впилась в его руку. Я пристроил его голову на руль, со стороны казалось — дремлет человек.

Устранив угрозу с тыла, я направился к подъезду. Навстречу мне вышли два ультимадо, волоча за руки основательно избитого Хорхе. Я преградил им дорогу.

— Он что, болен?

— Пошел прочь, придурок! — Свободной рукой ультимадо толкнул меня в грудь.

— Какой стыд! Вы напали на беззащитного туриста!

Я ударил грубияна в кадык, отступил на шаг, с удовлетворением услышал удар тела об асфальт. Другой ультимадо вытащил из кобуры пистолет, но поднять не смог: на его руке повис Хорхе. Я ткнул в нервный узел на руке ультимадо. Пистолет выпал из его ослабевших пальцев, лицо перекосила гримаса боли, и из жалости я отключил его коротким апперкотом.

— Счастлив вновь тебя видеть, — сказал Хорхе, старательно удерживая равновесие.

Он вытащил изо рта обломок зуба, мрачно разглядел его и, отбросив прочь, пнул ближайшего ультимадо под ребра.

— Уезжаем, — сказал я. — На том черном лимузине.

— Куда?

— Это ты мне подскажешь. — Я открыл заднюю дверцу, втащил бесчувственных громил внутрь и швырнул на пол. — Залезай туда же, — велел я Хорхе. Он стоял и бессмысленно моргал. Я помог ему влезть, захлопнул дверцу, отпихнув водителя, сел на его место, и мы тронулись. — Итак, куда поедем?

Ответа не последовало. Я обернулся. Хорхе спал — досталось бедняге. Будь возможность, я бы тоже вздремнул, ведь, бегая от полиции вторые сутки, я устал как черт, но дело есть дело.

«Опять, Джим, тебе все расхлебывать. Да ничего, тебе не привыкать».

Везти ультимадо в город не имело смысла, и я покатил по скоростной трассе вдоль берега.

Пока окончательно не стемнело, я свернул к обочине, связал ультимадо их собственной одеждой, сунул во рты кляпы и оттащил бесчувственные тела в придорожные кусты. Мимо промчались несколько машин, но ни одна не притормозила. Зашевелился и застонал Хорхе. Покопавшись в сумке, я достал аптечку, вколол ему смесь стимулирующего и обезболивающего. Посмотрев на его розовеющие щеки, я вспрыснул себе такой же коктейль.

Хорхе сел и потянулся.

— Как самочувствие? — поинтересовался я.

— Неплохо. Спасибо тебе за все.

— У тебя есть идея, как нам отсюда добраться до замка де ла Роса?

Он растерянно огляделся.

— А где мы?

— В нескольких километрах к югу от Пуэрто-Азула, на дороге вдоль берега.

— Ты умеешь водить вертолет?

— Я вожу что угодно. А почему ты спрашиваешь, у тебя что, вертолет в кармане?

— Нет, но поблизости есть частный аэродром, там стоят машины любых конструкций и размеров. Правда, аэродром охраняется и оснащен сигнализацией...

Я фыркнул, но не от гнева, а от желания ринуться в бой.

Хорхе вызвался помочь, но он бы скорее путался под ногами, и я оставил его в машине. Закоротив провода немудреной сигнальной системы и перерезав колючую проволоку, я ужом прополз на территорию аэродрома, а минут через десять уже открыл ворота изнутри. Мы покатили к залитому огнями посадочному полю.

— Глядя на тебя, кажется, что с сигнализацией и ребенок бы справился, — сказал Хорхе.

— Каждый — мастер в своем деле, — пробурчал я. — Глядя на тебя, мне тоже кажется, что водить крикливых туристов по окрестностям — занятие для дебилов.

До темного ангара мы ехали молча. За ангаром прямо под открытым небом стояли вертолеты.

— Оставим машину тут, в тени. В замок полетим вон на том спортивном вертолете.

Пока Хорхе пристегивался ремнями, я перехитрил систему зажигания, завел двигатель, включил навигационные приборы.

— Сначала мы направимся к Приморосо. — Я ткнул пальцем в светившуюся на мониторе карту. — Здесь резко свернем, пересечем Стену и рванем напрямую к замку. Ты готов?

Хорхе кивнул, и мы взмыли в небо.

Полет прошел на удивление гладко, на экране радара не появилось ни единого пятнышка; не напали на нас, и когда мы пересекали Стену. Впереди показался замок де ла Роса, я нарушил радиомолчание, назвал себя, сообщил, что мы прибываем через несколько минут.

Мы мягко сели на ярко освещенную посадочную площадку. Я выпрыгнул из кабины, ко мне подбежали самые дорогие люди во Вселенной. Я обнял жену, махнул рукой сыновьям, а те стали хлопать меня по плечам и спине.

— Мне тебя так не хватало, милый. — Анжелина шагнула назад и придирчиво оглядела меня. — Тебя не ранили? Если да, то скоро планета будет усеяна трупами врагов.

— Остынь, любовь моя! Все как раз наоборот: я скосил несметные полчища недругов, обзавелся множеством новых друзей и соратников, в пух и прах продулся в карты, в общем, был чертовски занят все это время. А как тут вы?

— Помаленьку. Маркиз быстро идет на поправку, мы с сыновьями воспользовались передышкой и составили детальный план.

Действие стимуляторов прекратилось, и на меня вновь навалилась усталость.

— План чего?

— План избирательной кампании, самой бесчестной со времени изобретения урн для голосования. Это будет триумф надувательства, монумент крючкотворству, гимн коррупции.

Мы с сыновьями восторженно зааплодировали великолепной речи Анжелины, и только Хорхе стоял с отвисшей челюстью и вытаращенными глазами.

Глава 19

Балкон заливало яркое утреннее солнце. Остатки трапезы со стола быстро убрали бесшумные слуги, а мы допивали кофе. Анжелина — самая практичная из всех — промокнула уголки губ салфеткой и напомнила нам о предстоящей работе:

— Дорогой, пока ты развлекался, я познакомилась с библиотекой маркиза. Один из его предков, оказывается, коллекционировал универсы. В библиотеке их почти тысяча.

Неординарное хобби, я бы даже сказал, экстравагантное. Хотя, если у тебя денег куры не клюют, почему бы не собирать универсы? Сами универсы — цельные диски с ладонь размером с банком данных большого университетского компьютера: учебники, лекции по всем дисциплинам, методические указания, тексты рекомендованных книг, прикладные программы и прочее — стоят сущие гроши, но вот проездные расходы... Разыскивая редкие универсы, забираешься в самые отдаленные уголки Галактики, копаешься в магазинах подержанной машинной памяти на богом забытых планетах, а дорога обходится в кучу денег.

— В поисках описаний незаконных выборов и грязных политических трюков я просмотрела все универсы в библиотеке. Оказывается, в древних университетах читалось множество курсов, так или иначе связанных с политикой, но, к сожалению, во всех них сами трюки упоминаются только мельком и подробно описываются лишь меры по их предотвращению.

— Проку нам от этого никакого.

— Именно. Но я наткнулась на невероятно древний универс. Диск посерел, потрескался от времени, название университета на наклейке не разберешь, не исключено, что он даже с Земли. Записанная на нем информация, на наше счастье, почти не повреждена, и среди прочего я наткнулась на книгу, которую мы будем использовать, как проповедники — Святое писание. Вот ее распечатка.

Анжелина подняла с пола тяжелую пачку сброшюрованных листов и передала мне.

— «Как добиться победы на выборах», — прочитал я. — Подзаголовок: «Большинство голосов вам поставит кладбище». Автор — Симус О'Нилл. Что значит подзаголовок?

— Подробно прочитаешь сам, а вкратце, там описана методика, при использовании которой каждое имя на надгробном памятнике заносится в число проголосовавших за тебя. Эту методику мы сами в скором времени опробуем.

Прочитав тут же первую главу, я не удержался и воскликнул:

— Здорово придумано! Автор книги — гений. И ты, любовь моя, тоже гений, ведь ты обнаружила для нас это сокровище. С таким подходом, как говорится, при любом раскладе выборы наши.

— Еще бы. Мальчики уже начали подготовку, и через неделю мы развернем широкомасштабную избирательную кампанию. И нашей величайшей ценностью будет сам генерал-президент Сапилоте.

— Что-то я туго соображаю с утра. Может, объяснишь?

— Знаешь, как проводил Сапилоте выборы в прошлом?

— Подделывал их результаты.

— Не только. В его руках — все средства массовой информации. Перед очередными выборами избирателей массированно обрабатывали: по телевидению прокручивали записанные на пленку елейные речи, в газетах печатали льстивые обещания, сообщали об ошеломляющем потоке голосов в его пользу при выборочных опросах. В этом году диктатор повторит отработанную тактику.

— И нам это поможет?

— Безусловно. — Анжелина снисходительно улыбнулась мне, как ребенку-идиоту. — С помощью современной электроники мы захватим телевидение, выпустим собственные газеты и подделаем результаты выборов в пользу попранной справедливости.

С подобным заявлением не поспоришь. Я молча допил кофе, так же молча удалился в комнату, навел грим и приклеил черную бороду. Превращаясь в сэра Харапо, я бегло просматривал книгу О'Нилла.

Книга стала для меня настоящим откровением. Уверен, если бы автор дожил до наших дней, он бы стал президентом Галактики. И что с того, что такого поста нет, он бы изобрел его. Предыдущий справочник по политическим играм, прочитанный мною, был «Воспитание Принца» Мака О'Белли. Так эта книга по сравнению с шедевром О'Нилла казалась детским букварем.

Переодевшись и загримировавшись, я созвал военный совет. Вокруг меня, оживленно переговариваясь, собралась вся моя семья, последним вошел озабоченный будущим де Торрес.

— Совещание, посвященное подготовке избирательной кампании, объявляю открытым.

— Ого! — Анжелина приподняла брови. — Да ты говоришь точь-в-точь как грязный политик.

— Именно, дорогая. Мне предстоит играть эту роль, так что вживаюсь помаленьку в образ. — Я помолчал, переводя взгляд с одного

лица на другое. — Я созвал вас, чтобы как кандидат в президенты от Дворянско-Крестьянско-Рабочей Партии сделать текущие назначения. Боливар, отныне ты — секретарь партии. Пожалуйста, вовремя меняй в магнитофоне кассеты и веди протокол заседаний. Джеймс, ты — организатор избирательного ралли, твои функции я разъясню чуть позже. Анжелина ди Гриз, будешь менеджером избирательной кампании. Менеджер нам необходим, а твое назначение на этот пост, кроме всего прочего, добавит нам голосов избирателей-женщин. Ты принимаешь должность? — Дождавшись ее кивка, я продолжал: — Хорошо. Назначения сделаны.

— Не совсем, — вмешался де Торрес. — Если не возражаете, еще одно, на мой взгляд, самое важное.

— Разумеется, маркиз, ведь вы — кандидат в вице-президенты. Если я что-то забуду, ваша обязанность напомнить.

Де Торрес громко хлопнул в ладоши. Дверь отворилась, в зал вошел щуплый юноша и едва заметно поклонился нам.

— Это Эдвин Родригес, — представил юношу маркиз. — Он будет личным телохранителем кандидата в президенты. Допустить повторение кризиса в Приморосо нельзя. Отныне, следуя за вами тенью, Родригес будет выявлять и устранять убийц и по возможности заботиться о вашем здоровье.

Я, сдерживая улыбку, оглядел юношу.

— Благодарю вас, маркиз, но о себе я позабочусь сам. К тому же, боюсь, молодой человек подвергается неоправданному риску в...

— Родригес! — крикнул маркиз. — В окне убийца!

В мгновение ока я оказался на полу под столом, на мне лежал Родригес и палил в окно из огромного пистолета; грохотало так, что мои барабанные перепонки едва не лопнули.

— Нападение отбито! — воскликнул маркиз. Родригес встал и отпустил меня. Я тоже поднялся, отряхнул брюки и уселся в кресло на почтительном от него расстоянии. Маркиз одобрительно кивнул. — Это была только репетиция. После того как Родригес стал победителем всепланетных соревнований по рукопашному бою и стрельбе из огнестрельного оружия, я нанял его, сделал начальником охраны замка. О своем решении я ни разу не пожалел.

— Думаю, я тоже не пожалею. — Я окинул замершего рядом юношу уважительным взглядом. — Избирательная кампания начнется через несколько дней, думаю, работы у моего телохранителя будет предостаточно. Мы выбьем Сапилоте из привычной колеи и не дадим ему опомниться до конца выборов. Начнем с предвыборного ралли.

— Что такое предвыборное ралли? — поинтересовался де Торрес.

— Предвыборное ралли — серия встреч с избирателями, на которых произносятся громкие речи, целуются младенцы, пожимаются руки, раздаются бесплатные выпивка и закуска. В общем, предвыборное ралли нечто среднее между карнавалом, религиозным действом и бессовестным подкупом потенциальных избирателей. Мы наврем с три короба, заклеймим позором существующий режим и создадим себе престижный имидж в средствах массовой информации.

Маркиз покачал головой.

— Выступать публично для вас смерти подобно. Я знаю Сапилоте, он ни перед чем не остановится. Не удивлюсь, если он сбросит на город тактическую ядерную бомбу, лишь бы с гарантией покончить с вами.

Я улыбнулся.

— Полностью с вами согласен, маркиз. Поэтому ралли начнем не в столице и даже не в крупном промышленном городе, а в ничем не примечательном курорте на берегу океана. Я говорю о Пуэрто-Азуле.

— Почему именно там? — удивился маркиз.

Анжелина мгновенно уловила мою мысль и захлопала в ладоши.

— Первая встреча с избирателями состоится именно в Пуэрто-Азуле, потому что там полным-полно инопланетных туристов. Они — гарантия безопасности Джима. Сапилоте не осмелится на акты насилия в их присутствии. Да и сам городок — прекрасное место для первого публичного выступления. Что бы там ни говорили, а котелок у моего мужа варит.

Я кивнул, благодаря как за комплимент, так и за то, что она не прибавила свое обычное «иногда».

— Как мы туда доберемся? — спросил Джеймс.

Действительно, дорога туда — проблема.

— Маркиз, подскажите, как безопаснее добираться: по воздуху или по земле?

— Конечно, по воздуху. Все дороги за Стеной — под контролем войск Сапилоте. Если мы поедем, то каждый метр достанется нам с боем.

— А войска диктатора могут напасть на нас в воздухе?

— Не исключено. Самолетов-истребителей у Сапилоте всего ничего. Прежде они ему не были нужны, ведь он контролирует все воздушные сообщения, ему принадлежат все вертолеты, за исключением нескольких частных спортивных моделей. Но с десяток истребителей у него вроде есть. Так, на всякий случай. А уж оснащенных крупнокалиберными пулеметами полицейских вертолетов — великое множество...

— К дороге подготовимся без спешки. — Я обратился к Боливару: — Сынок, запиши в протокол: используя МУВА, увеличить тяжелое вооружение и детекторы раннего обнаружения.

— Сделано, отец... Я хотел сказать, господин президент.

— Хорошо. Следующий вопрос: где мы проведем публичные выступления?

— В центре Пуэрто-Азула есть открытый стадион, — сообщил де Торрес. — Каждое воскресенье там устраивают бои быков.

Меня передернуло.

— Бои быков?

— Да. Весьма зрелищное состязание, советую посмотреть. Быки-мутанты в боксерских перчатках...

— Красиво звучит, будет время — заглянем. Сейчас стадион нам нужен для выступления перед избирателями, но наши замыслы необходимо держать в секрете до последней минуты. Есть предложения по этому поводу?

— Поручим Хорхе арендовать стадион на несколько дней, — предложила Анжелина. — Он работал в Пуэрто-Азуле туристским гидом, знаком с тамошними чиновниками. Пусть назовет мероприятие фестивалем фольклора для туристов или придумает легенду на свой вкус.

— Принято. Мы появимся там утром перед выступлением, остановимся в отеле для туристов, произнесем на каждом углу речи, раздадим желающим бесплатные билеты. И кампания начнется. У кого-нибудь есть дополнения? — Я выдержал паузу. — Нет? Тогда объявляю заседание закрытым, предлагаю пойти в сад и пропустить перед ленчем по коктейлю.

— Шампанского! — зычно приказал маркиз. — Поднимем бокалы за успех кампании и конец эры беззакония!

Глава 20

Наша маленькая эскадрилья — четыре вертолета и битком набитый старинный грузовой самолет с жесткими крыльями — взлетела на рассвете. Сияло солнце, на небе — ни облачка. Все прекрасно. Едва мы пересекли Стену, на экране радара дальнего обнаружения появились два пятнышка.

— Отец, компьютер утверждает, что их курсы и наш сходятся в одной точке, — доложил Боливар, читая данные на мониторе.

Боливар в полете отвечал за работу аппаратуры обнаружения, его брат — за вооружение.

Взглянув на экран радара, я включил радиопередатчик.

— Вертолет маркиза де ла Роса вызывает два неизвестных летательных аппарата. Назовите себя.

Ответа не последовало, пятнышки на экране приближались.

— Собьем их, пока они не открыли по нас огонь, — предложил маркиз, не отрываясь от экрана.

Я покачал головой:

— Нет, пусть нападут первыми. Камера зафиксирует их действия, и у нас будут убедительные доказательства, что мы только защищались.

— Отличная эпитафия. Может, ее выбьют на вашем надгробном камне. Они на расстоянии выстрела.

— Они выпустили ракеты! — сообщил Джеймс, нажимая кнопку. — Наши ракеты-перехватчики стартовали. Результат увидите в правой верхней четверти экрана.

Внезапно впереди и чуть выше заклубились белые облачка. Облачка увеличились и быстро остались позади.

— Противник удирает, — доложил Боливар. — Через тридцать секунд он окажется вне пределов досягаемости нашего оружия.

Все выжидающе смотрели на меня, а я молчал.

Тишину разорвал хриплый голос маркиза:

— Стреляйте же! Уйдут!

Палец Джеймса лежал на кнопке цели стрельбы, и, приняв выкрик маркиза за приказ, он ее нажал. Я повернулся и уставился на экран переднего обзора, стараясь не замечать две огненные вспышки, вскоре последовавшие на боковом. Анжелина положила мне на плечо руку, ее голос был едва слышен:

— Я понимаю, что ты чувствуешь, милый, и люблю тебя за это. Но пойми и нас. Они пытались нас убить и попытались бы вновь, не останови мы их раз и навсегда. Мы только защищались.

— Я понимаю, но... — В моем голосе почти не было горечи. — Мне это не нравится. Убийство ради чего угодно...

— Убийства кончатся, как только ты победишь на выборах. Ради этого ты и баллотируешься в президенты. Ты заменишь человека, который отдал приказ убивать.

Обсуждать больше было нечего, и мы замолчали. Полагаю, каждый из нас был прав по-своему. Убийства недопустимы ради любой цели, но управлявшие вертолетами наемники тоже впредь никого не убьют. В одном Анжелина права безоговорочно: с насилием на этой многострадальной планете будет покончено, если выборы выиграю я.

— Прогляжу еще разочек свою речь, — сказал я.

Анжелина поцеловала меня в щеку и отошла.

Дальше наш полет протекал без затруднений. Вскоре показались белоснежный песок и зелено-синий океан, затем белые здания Пуэрто-Азула. Мы покружили над посадочной площадкой, детекторы показывали «безопасно», и наша маленькая эскадрилья приземлилась. Я кивнул на ряд розовых туристских автомобилей на краю поля.

— Наша лучшая гарантия безопасности. Пока все спокойно. Разворачиваем кампанию?

И мы развернули. Из хвостовой части грузового самолета выкатился агитационный автомобиль — лучший седан маркиза. Сейчас он был слегка переделан: один белый борт украшала ярко-красная надпись: «Харапо в президенты» и «Как один голосуем за Харапо» — другой; на крыше располагались мощные динамики, а задние сиденья были заменены подъемной платформой.

Через несколько минут прибывшие с нами рабочие погрузили оборудование во взятые напрокат автомобили, и под звуки марша наш маленький парад победы покатил от аэродрома.

— Давайте начнем, — сказал я. — Пусть все знают, что наступают новые дни.

Я щелкнул переключателем, и гремящий из громкоговорителей марш сменился нашей бодрой президентской песней:

Слава, рабочим, слава!
Слава, крестьянам, слава!
Марширует с вами сэр Харапо —
Могильщик прихвостней Сапилоте!

Согласен, слова поэтичными не назовешь, но зато избирателям наверняка нравятся ритм и задиристые слова.

Мы въехали в пригород Пуэрто-Азула. За нами наблюдали взрослые — молча, глаза расширены от страха. К машинам выбегали только дети. Получив прикрепленный к флажку с надписью: «Харапо — лучший в мире президент» пакетик леденцов, они совали леденцы в рот и махали флажками в надежде получить еще.

С первыми трудностями мы столкнулись, свернув на главную улицу города. Поперек дороги стояли большой черный грузовик — кузов полон здоровяков в полицейской форме с автоматами на изготовку — и броневик с офицерами. Наша маленькая кавалькада остановилась перед препятствием. Боливар вылез из кабины и, улыбаясь, подошел к стоявшему перед грузовиком неулыбчивому офицеру.

— Харапо в президенты! — воскликнул Боливар и приколол значок с аналогичной надписью к груди офицера.

Тот сорвал значок, швырнул под ноги и растоптал.

— Убирайтесь откуда явились. Здесь прохода нет!

— Объясните, пожалуйста, почему? — попросил Боливар, протягивая горсть таких же значков полицейским, но те лишь скорчили недовольные рожи.

Анжелина тоже вышла из машины и принялась раздавать собравшимся детишкам сладости и флажки.

— У вас нет разрешения на проведение парада! — рявкнул офицер.

— А мы вовсе не парад. Мы — компания закадычных приятелей, которые...

— Если я сказал, что вы — парад, значит, вы — парад. Разговоры кончены, у вас десять секунд на то, чтобы развернуться и убраться прочь!

— А иначе?

— Иначе вас перестреляют, вот что!

Секунда — и улица опустела, лишь изодранные флажки на тротуаре указывали на то, что недавно здесь кто-то был. Оставшись без дела, Анжелина подошла к броневику и предложила флажки офицерам.

— Вы будете стрелять в нас? Но почему? — Зная, что происходящее записывается на пленку, Боливар повернул искаженное ужасом лицо к нам в профиль. — Вы будете стрелять в беззащитных граждан собственного государства?.. Вы, кто стоит на страже закона и порядка?.. — Словно подавившись собственными словами, он широко открыл рот.

— Время вышло. Оружие к бою! Це-е-ель-ся!

Автомат поднял лишь один полицейский, да и тот тут же свалился на своих потерявших сознание коллег, ведь кроме флажков Анжелина раздавала и капсулы с сонным газом.

— Огонь! — рявкнул офицер.

Тишина. Офицер повернулся, открыв рот, схватился за кобуру. Анжелина раздавила очередную капсулу — и офицер растянулся у ее ног.

Послышался гул одобрения, на улицу, размахивая флажками, высыпали дети. На этот раз среди них были и взрослые. Люди смеялись, прикалывая к мундирам полицейских значки и вкладывая в руку каждому флажки. Добровольные помощники откатили полицейские машины с дороги, а наша процессия последовала дальше. Теперь с флажками потенциальные избиратели получали не только сладости, но и зеленые хрустящие прямоугольники предвыборных денег. Придя вечером на стадион, каждый банкнот можно будет обменять на бутылку вина или сандвич. Все складывалось, по моему мнению, очень удачно.

Но Сапилоте в покое нас не оставил.

На центральной площади толпа стала гуще, восторженные крики — громче. Под звуки нашего гимна мы с маркизом стояли на открытой платформе и приветливо махали руками. Между нами и толпой — ничего, кроме невидимого силового поля, которое погасит луч любого лазера, замедлит и остановит нацеленные на нас пули. Мой верный страж — Родригес — стоял рядом, его суровое лицо выглядело угрюмее обычного, должно быть, оттого, что по моему приказу он оставил свой автоматический пистолет пятидесятого калибра дома. Моя предосторожность, как оказалось, не была излишней. Его рука вдруг дернулась под мышку, где обычно висела кобура, а перед моим лицом появились пули и, замедлив в защитном поле свой смертоносный полет, остановились.

— Стрелок в окне второго этажа.

Родригес указал рукой, где именно. Я поднял глаза, но наемник уже скрылся.

— Возьми его! — приказал я. — Живым!

Родригес бросился через толпу, как серфингист через волны, и исчез в здании. По моему знаку машина остановилась, я вытащил из защитного поля не остывшие еще пули и включил микрофон на подворотничке.

— Покушение засняли? — Я взглянул на Джеймса в соседней машине.

Он победно поднял над головой камеру, а в моем ухе прозвучало:

— В мельчайших подробностях, отец!

— Отлично. Включи запись звука.

— Есть.

— Только что на меня совершено покушение, и верный мне телохранитель отправился за стрелявшим. А вот и он.

Из подъезда вышел Родригес — в одной руке он держал длинноствольную винтовку, другой тащил за шиворот обмякшего стрелка. По толпе прошел шепот. Я включил усилитель и привлек всеобщее внимание к себе:

— Леди и джентльмены! Избиратели Пуэрто-Азула! Несказанно рад вам и искренне надеюсь вновь вас увидеть вечером на стадионе. Приходите и не пожалеете. Там будут речи, развлечения, бесплатные выпивка и закуска, детям — мороженое. Вход свободный. Будут разыграны сто призов — дартов с набором стрел. Мишень необычная, господа! На каждой мишени изображено лицо. Чье, спросите вы? Выиграв, вы будете метать стрелы в рожу ненавистного диктатора Джулио Сапилоте!

Люди заохали и заахали, некоторые подняли глаза к небу, ожидая, что после кощунственных слов на мою голову обрушатся громы и молнии. Ничего подобного, естественно, не произошло, лишь едва слышно хлопнула дверца автомобиля. Родригес швырнул наемника и его оружие на пол, перевернул бесчувственное тело и показал на темные очки. Я понимающе кивнул. Над толпой вновь разнесся мой усиленный динамиками голос:

— Сейчас, господа, вы услышите действительно неприятные новости, но ничего не поделаешь, такова жизнь. Я рассержен! Я прибыл сюда на мирную встречу с избирателями — и что произошло? В меня стреляли, вот что! — Я выждал, пока шум в толпе уляжется. — Я вне себя! В моей руке — пули, которыми меня пытались убить, у моих ног — убийца и его винтовка. И знаете, что самое, на мой взгляд, удивительное? Хотя стрелял он из здания, на нем темные очки...

Люди зароптали и двинулись вперед.

— Стойте! — закричал я, и толпа замерла. — Самосуда не будет! Я выдвину против этого человека официальные обвинения, и посмотрим, как работают законы на этой благословенной земле.

Я махнул рукой, машина выехала из толпы, набрала скорость и не останавливалась до самого отеля.

Отель «Гран Парахеро» мы выбрали в основном потому, что гараж в нем подземный. Наша маленькая процессия въехала в гараж, мой седан окружили остальные машины. Пока детекторы выясняли обстановку, я просмотрел карманы нашего пленника. Он оказался настолько глуп, что прихватил на «дело» удостоверение личности. Я развернул документ.

— Здесь написано, что он — член Федерального комитета перестройки общественного сознания. Что это за комитет такой?

— Так официально называется организация убийц— ультимадо, — разъяснил маркиз.

— Славно.

Будто услышав мои слова, ультимадо пришел в себя и вытащил из-за пояса охотничий нож. Я ткнул его носком ботинка в висок, и он снова потерял сознание.

— Приборы показали, что непосредственной опасности нет, — доложил Боливар.

— Я понесу стрелка, а вы, де Торрес, его оружие. Журналисты наверху, и мы не обманем их ожиданий, подкинем отличный материальчик.

Я вылез из седана, взвалил ультимадо на плечо и направился к лифту, маркиз последовал за мной.

В превращенном в конференц-зал банкетном зале собрались газетчики, телевизионщики, корреспонденты радио. При нашем эффектном появлении замигали фотовспышки, зажужжали кинокамеры, журналисты загомонили — настоящий пчелиный улей.

Я бросил ультимадо на пол, оглядел журналистов и, подняв над головой сжатый кулак, наклонился к микрофону.

— Знаете, что у меня в руке? Пули! Пули, которые всего несколько минут назад были выпущены в меня. — Из моей разжатой ладони на пол посыпались пули, а я указал на ультимадо у ног. — И их выпустил вот этот человек из оружия, которое вы видите в руках маркиза де ла Роса. Маркиз раздосадован произошедшим не меньше моего. Мы начали мирную демократическую избирательную кампанию, а в меня стреляли. И стрелок — не просто убийца-одиночка, в его кармане я обнаружил удостоверение личности. Видите? — Я потряс бумагой. — Он — ультимадо, наемник генерал-президента Сапилоте. Теперь вы знаете, почему следует голосовать за меня, а не за проклятого диктатора. Потому что со мной на Параисо-Аки придут мир и свобода. Голосуйте за меня, и название планеты обретет свое истинное значение! Голосуйте за меня! Голосуйте!!! Голосуйте!

Избирательная кампания шла вовсю. С выходом газет весь мир узнает, что случилось в небольшом курортном городке.

Глава 21

— Твое имя даже не упоминается! — раздраженно воскликнула Анжелина. — Ни строчки в вечерних газетах, ни слова в выпусках новостей по телевидению и радио. Гробовое молчание, будто тебя и нет.

— Ничего удивительного, дорогая, — сказал я, выскребая остатки обеда из бороды. — Иного мы и не ожидали, ведь всю прессу контролируют Сапилоте и его прихвостни. Но теперь на этот счет у нас есть не сомнения, а неопровержимые доказательства. Посмот-

рим, может, завтрашние новости будут более содержательными. А пока сосредоточимся на ралли. Как там дела?

— Стадион забит так, что яблоку негде упасть. Для тех, кто не попал внутрь, мы установили вокруг стадиона телеэкраны и громкоговорители, всем желающим раздаются бесплатные сандвичи и вино.

— Туристы на стадионе есть?

— Полным-полно. Они считают, что предвыборное ралли затеяно исключительно для их забавы.

— Не будь их там, не было бы и забавы. Сапилоте, наверно, отгрыз себе все ногти до основания. Сомневаюсь, что он выкинет что-нибудь в присутствии толпы туристов, но после...

— Не лезь на рожон.

— Любовь моя, я только этим и занимаюсь. Поехали на стадион?

— Поехали.

Как только электронный наблюдатель в нашем номере отеля дал «добро», седан выскочил из гаража и юркнул между двумя туристскими автобусами. Защитное поле вокруг нашего автомобиля включено, все другие предосторожности соблюдены, но туристы-инопланетчики все же нам лучшая защита.

Свернув со скоростной автотрассы, мы оказались среди взятых напрокат туристских легковушек и с этим почетным эскортом благополучно добрались до стадиона. У входа нас ожидало нечто новенькое: в прозрачном кубе сидели с десяток раздраженных людей: вокруг толпились жители Пуэрто-Азула, показывали на сидевших в кабинке пальцами, смеялись, швыряли в гибкое стекло пустые бутылки и обертки из-под сандвичей.

— Что все это значит? — спросил я подбежавшего ко мне Джеймса.

— Когда мы приехали с обеда, у дверей стояли полицейские шпики и демонстративно фотографировали всех входящих. Как ты понимаешь, народу при столь неблагоприятных условиях собралось немного. Боливар и я убедили полицейских отдать нам камеры и проследовать в специально возведенную для них кабинку.

— Лучше не рассказывай, как именно вы их убедили. Еще какие-нибудь помехи были?

— Нет. А ты, отец, готов к выступлению? Я хотел сказать, сэр Харапо.

— Готов, как никогда. А вы, маркиз?

— Тоже. Эта встреча войдет в историю.

— Тогда пошли.

Мы пошли по проходу сквозь возбужденно шумевшую толпу, махая руками, улыбаясь в туристские камеры, целуя младенцев. Добравшись наконец до центра стадиона, мы влезли на платформу. Платформа с нами поднялась, зазвучали записанные на пленку фанфары. Шум постепенно утих, и вперед выступил маркиз.

— Как знает всякий, я — маркиз де ла Роса. Я с удовольствием баллотируюсь на пост вице-президента. Избирательную кампанию возглавляет мой родственник, сэр Гектор Харапо, Рыцарь Алой Розы. В недавнем прошлом затворник и джентльмен-ботаник, он оставил лаборатории и сады, чтобы помочь своей многострадальной планете. Без дальнейших предисловий представляю вам следующего президента Параисо-Аки... Досточтимого сэра Харапо!

Крик, визг, свист, топот. Я махал, пока не устала рука, затем подал знак. Снова зазвучали фанфары. Мыском ботинка я нажал на кнопку. Пол стадиона завибрировал с инфразвуковой частотой. Звука не слышно, но каждый на стадионе испытал безотчетный приступ депрессии. Толпа мгновенно смолкла, в глазах многих я заметил слезы.

Не забыть бы ослабить уровень инфразвука.

В наступившей тишине я заговорил:

— Леди и джентльмены! Избиратели! Гости из других миров! Я сообщу вам великую радостную новость! — Я переместил носок ботинка с кнопки депрессии на кнопку энтузиазма, и слушатели, еще не услышав великую радостную новость, разулыбались до ушей. — Через несколько недель состоятся выборы в президенты Параисо-Аки, и у вас есть счастливая возможность избрать на этот пост меня. Вы спросите, почему вам следует голосовать именно за меня? На то есть весьма веская причина: я — не Джулио Сапилоте, вот почему!

Люди одобрительно зашумели, а я, воспользовавшись случаем, наполнил стакан сухим джином из графина и сделал несколько глотков.

— Голосуйте за меня — и с коррупцией в высших сферах будет покончено раз и навсегда! — продолжал я. — Голосуйте за меня — и все ультимадо отправятся на акульи фермы инструкторами по плаванию. Голосуйте за меня — и у вас будет лучшее в Галактике правительство. Я торжественно обещаю, что, когда приду к власти, у каждого жителя Параисо-Аки всегда будет кусок мяса в кастрюле и бутылка вина в буфете. Я отменю все налоги, введу ежегодный шестинедельный оплачиваемый отпуск, тридцатичасовую рабочую неделю, а для членов Дворянско-Крестьянско-Рабочей Партии — анкеты ждут добровольцев при выходе — пенсию с пятидесяти лет. Также в Пуэрто-Азуле каждое воскресенье будут проводиться бои быков с легализированным мною тотализатором. Я издам еще множество полезных законов, каких именно, придумаю по ходу дела. Голосуйте за меня!

Мои последние слова заглушили восторженные крики толпы, так что даже не понадобилась стимуляция инфразвуком. Если бы выборы проводились сейчас, здесь, и машина для подсчета голосов была беспристрастна, меня бы избрали в президенты единогласно.

Я сел, махая правой рукой, левой поднес к губам кем-то вновь заботливо наполненный стакан.

— Дорогой, тебе не кажется, что ты наобещал уж слишком много? — прошептала мне на ухо Анжелина.

— Ерунда. Политикам все равно не верит ни один здравомыслящий, а их предвыборные обещания произносятся лишь для привлечения внимания масс.

— Чего-чего, а внимания к себе ты привлек предостаточно.

— Вот и славно. Еще немного поболтаем и опускаем занавес. Ночка предстоит хлопотная.

Выступление вскоре кончилось, мы прорвались сквозь восторженную толпу к своим машинам и вместе с автомобилями туристов без проблем добрались до отеля.

— Готовы, ребята? — спросил я, в порыве нетерпения выдирая из бороды клок волос.

— Как всегда! — ответили сыновья хором.

— Тогда докладывайте.

Пока Боливар читал из записной книжки, я переодевался.

— Вся информация на Параисо-Аки в ведении Министерства пропаганды. Их штатные цензоры в Центре вещания просматривают макеты газет и все телевизионные программы на мониторах, прослушивают радиосообщения. Если они дают «добро», то информация транслируется на спутники, со спутников — в типографии или на телерадиовышки.

— Спутников много?

— Восемнадцать, все крутятся на геостатических орбитах, зона их трансляции — вся суша планеты. Личные антенны спутниковой связи их сигналы не принимают.

— Замечательно. — Я негромко рассмеялся, зашнуровывая ботинки из мягкой кожи. — Газеты нас до поры не интересуют, ведь саботировать работу каждой чертовски утомительно. Да и вообще, самое популярное средство массовой информации на планете — телевидение. И самое уязвимое. Нам нужны подробный план Центра вещания и схема расположения оборудования.

Боливар протянул мне план, Джеймс — схему.

Да, по части жульнических уловок мои сыновья перещеголяли меня. Я издал слабый стон, который они, надеюсь, приняли на сдавленный кашель и не заметили тоску в глазах стареющей Стальной Крысы.

— Мы сопоставили оба плана. — Боливар ткнул пальцем в свой лист.

— И обнаружили уязвимое место. — Джеймс ткнул в свой.

Я склонился над бумагами.

— Здесь расположены микроволновые радиопередатчики, которые посылают сигналы на висящий над Центром спутник, а он, в свою очередь, транслирует их на другие спутники в поле его зрения, те — по цепочке дальше...

— Красная и зеленая линия на схеме — волноводы радио- и телеканалов от передатчика к антеннам на крыше Центра...

— Здесь эти волноводы проходят по подвалу...

— Здесь! — Я ткнул на схему, и мы победно рассмеялись. — Для операции понадобятся два компактных электронных устройства, которые по сигналу извне не только отрежут в волноводе их сигналы, но и введут взамен наши. Сможем ли мы изготовить такие устройства?

Джеймс молча вытащил из кармана черную коробочку с ладонь размером. Боливар — из своего такую же.

— Ребята, я горжусь вами!

— Питание внутреннее, — сообщил Боливар. — От атомных батареек. На годы хватит.

— Неплохо, — похвалил я. — Жаль, что коробочки годятся лишь для одноразового использования. Узнав, что их информационная программа заменена нашей, сторонники Сапилоте организуют поиски и не успокоятся, пока не обнаружат наши устройства. В канун выборов без специального выпуска новостей не обойтись, а вновь установить аналогичную аппаратуру окажется гораздо обременительней.

Пока я говорил, Джеймс открыл ящик и вытащил два довольно массивных прибора с выключателями и болтавшимися во все стороны проводами.

— Мы примерно так и подумали! — воскликнул он. — И вот результат — полные электронной начинки обманки. Мы их установим на виду, при попытке вскрыть они взорвутся.

— Отец, ты устал, Джеймс и я позаботимся обо всем....

— Устал? Устал быть грязным политиком. Вы уж не лишайте старика отца развлечения перед сном.

— Я бы силой оставила тебя здесь, но, к сожалению, слишком хорошо тебя знаю, — впервые заговорила Анжелина. — Езжай, развлекайся, но не надейся, что, вернувшись, застанешь меня бодрствующей.

Я поцеловал свою понятливую жену, мы с мальчиками спустились по пожарной лестнице во двор отеля, прошли два квартала до стоянки и залезли в неприметную легковушку.

Машину мы припарковали в полукилометре от Центра прессы, дальше отправились пешком. Конечно, парадным входом мы не воспользовались, а сократили путь и, не потревожив сигнализации, проникли в подвал через окно. Дальше — проще. Мы нашли нужную дверь. В помещении в это время суток, как и предполагалось, только гудевшие машины — и ни души. Был, правда, еще вооруженный охранник, но при нашем появлении он тут же мирно уснул. Мы прикрепили обманки к волноводному тракту за набитым электроникой ящиком, затем, аккуратно разобрав пол, установили настоящие аппараты за жгутами проводов.

— Неплохо, — сказал я, любуясь делом наших рук. — Отправляемся обратно в отель, там нас ждут прохладительные напитки, да и программу нужно подготовить.

Удалились мы тем же путем, каким прибыли, незамеченными дошли до оставленной в тени легковушки.

Я открыл дверцу, в автомобиле вспыхнул свет...

На месте водителя сидел мой старый знакомый, полковник Оливера, и целился мне в голову из пистолета.

— Оказывается, ты уже не просто турист, а пособник врага, предателя Харапо. При нашей прощальной встрече я тебя предупреждал, чтобы ты не возвращался на эту планету.

Глава 22

Темную улицу вдруг залил ослепительный свет десятков прожекторов, из подъездов посыпались солдаты.

— Пожалуйста, не стреляйте! Мы сдаемся. Ребята, поднимите руки, это приказ. Доучан куоунбоула!

Мальчики подчинились, как и я, подняли руки над головой и, коснувшись запястьем запястья, привели в действие дымовые бомбы. Что я и приказал им сделать на редком инопланетном языке. Их тут же скрыли из глаз клубящиеся облака дыма.

Я отпрыгнул в сторону. Вовремя. Через долю секунды Оливера выстрелил, пуля просвистела у виска. Прежде чем Оливера нажал на курок второй раз, я швырнул в кабину дымовую бомбу, за ней — гранату с сонным газом.

Дверцу машины я открыл секунд десять назад, а все вокруг изменилось до неузнаваемости: улицу заполнили облака дыма и атакующие солдаты; слух резали отрывистые команды, свистки, крики, рев двигателей машин.

— Добавьте дыма! — приказал я на том же инопланетном языке. — Да про снотворный газ не забудьте! Я отвлеку их, а вы уносите ноги.

Давая мальчишкам шанс на бегство, я залез в машину, отпихнул тело Оливеры с водительского сиденья, завел двигатель, включил сцепление и что было сил вдавил педаль газа. Автомобиль рванул с места, набрал скорость, дымовая завеса поредела, а вскоре и вовсе исчезла, в глаза ударил свет прожекторов. Я прищурился и увидел, что машина несется на солдат. Я резко крутанул руль, автомобиль промчался в двух-трех сантиметрах от крайнего и врезался в броневик.

Я ударился о лобовое стекло и осел в водительском кресле. Вскоре очнулся: мой нос был разбит, рубашку залила кровь, голова тоже пострадала, мир вокруг несся в бешеном хороводе. Мысли шевелились еле-еле, и я лишь подумал, что еще немного дыма и сонного газа не повредит. Едва я швырнул через открытое окошко дымовую гранату, как в борту броневика открылась дверь. Вторую гранату я чисто рефлекторно закинул туда.

Я задержал дыхание. Кровь вымыла из моего носа фильтры, если я хотя бы раз вдохну, то засну, как полицейские и солдаты вокруг, но вряд ли мое пробуждение будет столь же мирным, как у них.

Я на четвереньках выполз из машины, стукнулся носом во что-то твердое. Грудь горела огнем: не набрать в легкие наполненный газами воздух чертовски трудно. Я пошарил рукой перед собой. Оказывается, я уткнулся в дверцу броневика. Транспорт! Вслепую отпихнув бесчувственное тело от входа, я забрался внутрь, перелез еще через два тела.

Если я не вдохну, то умру. Но дышать пока нельзя. Я прополз еще немного и ударился головой о металлическую поверхность. Долго ощупывал, прежде чем понял, что это сиденье. Сиденье водителя на высокой платформе в передней части броневика. Пошарив по полу, я обнаружил педаль газа. Педаль вибрировала — двигатель работал!

Я привстал, вытянув ногу, надавил на акселератор. Броневик задрожал и, подмяв под себя мой автомобиль, двинулся вперед. Беззвучно выругавшись, я снял ногу с педали. Пошарил рукой. Ручка. Наверно, ручка переключения скоростей. Я рванул ее на себя, снова нажал на газ. Тусклый, наполненный дымом мир перед глазами запрыгал, и броневик пополз назад.

Воздуха!

Забрезжил свет. Надеясь, что сонный газ вместе с дымом остались позади, я высунул голову из двери и вдохнул полной грудью.

Ничего не произошло. Ровным счетом ничего, если не считать, что воздух был восхитительно свеж. Я обернулся. Все великолепно: позади в дыму бессмысленно метались люди; оттуда кроме моего броневика выбрались и другие и теперь пятятся прочь.

Я захлопнул дверцу, снова втиснулся в кабину, толкнул плечом водителя, и тот со стуком шлепнулся на пол.

Мои сыновья там, в дымовой завесе, им отчаянно нужна помощь. Я уселся на водительское сиденье, осмотрел приборы. На одной ручке маркировка: «Управление стрельбой из переднего орудия». Подходит!

Я поднял ствол до упора и нажал на гашетку.

Оглушительно загрохотало, броневик задергался, к ногам посыпались пустые гильзы. Солдаты на экране засуетились: кто спешил к стенам зданий; кто, закрыв голову руками, падал на мостовую.

Отлично, пора удирать и мне. Ручка передач все еще в положении «назад». Я надавил на акселератор. Здания на экране заднего вида поползли навстречу. Вести броневик задним ходом оказалось непросто, его болтало из стороны в сторону. Надеясь привлечь к своему отходу внимание, я надавил на клаксон и включил дальний свет. На экране появился взвод солдат, но при моем приближении бравые вояки бросились врассыпную.

Перекресток. Я резко крутанул руль. Машину занесло, затем она рывком встала. Я переключил скорость на переднюю. Прежде чем успел нажать на газ, мимо моего броневика, направляясь к месту боевых действий, прогромыхали три его собрата-близнеца. На перекрестке броневики столкнулись с преследовавшей меня маши-

ной. Я от души посмеялся над их неуклюжими попытками разъехаться и покатил мимо устроенной кучи-малы.

Прежде я был чертовски занят, но теперь на меня с неимоверной силой навалились мысли о судьбе Боливара и Джеймса.

Они выбрались. Они непременно выбрались! Иначе и быть не может. Стрельбы оттуда я не слышал, близнецы в сознании, клубившиеся облака дыма скрыли их, да и враги, поди, давно, как один, спят. Я отвлек внимание на себя, создал панику. Ребята умны и проворны, возможностей спастись у них было сколько душе угодно.

Так почему я волнуюсь, почему по спине течет холодный пот?

Потому что рассуждаю я не как безжалостный агент межзвездной службы безопасности, а как отец. Они — мои дети, я втянул их в свою авантюру, и, что бы ни случилось, в ответе я.

Я медленно ехал по темным пустым улицам. Мой мозг захлестывала черная волна вины и отчаяния.

— Поплакался, и будет. — Мой голос звучал почти бодро и на время даже заглушил настойчивый внутренний голос. Я выпрямился в кресле и крепче сжал баранку. — Так-то лучше. Причитаниями и стенаниями им ты, ди Гриз, не поможешь, а на себя беду накличешь. Твоя текущая задача — добраться до отеля живым, а там уж взяться за работу. Так двигайся же.

Я до предела вдавил акселератор в пол и покатил насколько возможно кратчайшим путем. Бросив броневик посреди скудно освещенной улицы, оставшиеся два квартала до отеля я пробежал. Служебный вход оказался закрыт, и я воспользовался булавкой. Никем не замеченный, я поднялся на грузовом лифте на двенадцатый этаж, подошел к своему номеру. Дверь передо мной распахнула Анжелина.

— Ну и видок у тебя. Серьезно ранен?

— Пустяки: синяки, ссадины. Только вот...

Я не знал, как продолжить, но, должно быть, выражение моего лица было куда красноречивей слов.

— Мальчики?.. Что с ними?

— Не знаю толком. Уверен, у них все в порядке. Мы расстались после операции и к отелю отправились разными дорогами. Впусти же меня, я расскажу подробнее.

Как только дверь за моей спиной захлопнулась, я ей все рассказал. Медленно, выбирая слова между глотками выдержанного рона. Пока я говорил, жена сидела как изваяние. Печальное повествование подошло к концу, и она кивнула.

— Мучаешься?

— Мучаюсь. Я во всем виноват. Только я. Я взял их с собой...

— Помолчи. — Анжелина наклонилась ко мне и коснулась губами щеки. — Они — взрослые люди, на дело пошли с открытыми глазами. Ты не только не вел их к катастрофе, но и, дав им шанс на спасение, подставил себя под огонь врага. Ты сделал все, что в человеческих силах. А теперь успокойся, и, пока ждем новостей, я подлатаю твой безобразный нос.

Она промыла рану и наложила на мой нос пластырь; за всю операцию я лишь несколько раз сдавленно охнул. Потянулось ожидание. Анжелина, которая обычно пила лишь на официальных приемах, наполнила стакан роном и потягивала из него маленькими глотками. Мы поминутно отводили глаза от часов, а каждый раз, заслышав на улице сирену, как по команде вздрагивали. Мой стакан опустел, я потянулся к бутылке.

— Милая, тебе плеснуть?

Пронзительно зазвонил телефон. Прежде чем я опустил бутылку на стол, Анжелина сняла трубку и включила внешний усилитель.

— Говорит Джеймс, — раздался знакомый голос, и я облегченно вздохнул. — Поменялся одеждой с солдатом и выбрался из заварушки без проблем, но появиться в отеле в таком виде не могу.

— Я подберу тебя, — сказала Анжелина.

— Как отец?

— Нормально, сидит рядом с расквашенным носом. А как Боливар?

Последовала секундная пауза, и напряжение во мне возросло десятикратно.

— А он не звонил?

— Нет. Я бы сказала.

— Выходит, его взяли. Я видел, как оттуда выскочили полицейские в противогазах. Они были единственными, кто покинул поле битвы. Я оставался на месте, пока не рассеялся дым и не начали строиться войска. Сожалею, что...

— Не вини себя, сынок, ты сделал что смог. Для начала доставим тебя сюда, затем подождем новостей. Уверена, вреда Боливару не причинят. Все будет хорошо.

Голос Анжелины звучал спокойно, но, глядя ей в глаза, я знал, что в душе она рыдает.

Глава 23

Анжелина отправилась за Джеймсом.

Решив, что сегодня, как никогда, нужна свежая голова, я закупорил и отставил в сторону бутылку рона. Передо мной на столе стояли сандвичи и горох — лучшая пища для мозга. Весьма кстати. Я придвинул тарелку с горохом, открыл бутылку сухого вина — нужно чем-то запивать еду. В последовавшие полчаса мой невидящий взгляд был прикован к телефону, зажатая в руке вилка ковыряла горох, мозг же лихорадочно работал. Чем больше я размышлял, тем более логичным мне казалось одно из самых непривлекательных решений проблемы.

Хлопнула дверь, вошли жена и сын.

— Телефон не звонил, — сообщил я.

— Я бы поел, — сказал Джеймс, наливая в стакан немного вина.

Я рад, что по части алкоголя близнецы пошли в мать, а не в меня, забулдыгу.

— Я придумал план, — объявил я. — Возвращение Боливара гарантировано.

— Я тоже придумала план. Мы ворвемся в тюрьму, перестреляем всех, кто встанет на пути, и освободим его.

— Нет. Именно этого от нас ждут, мы же ударим в другом месте.

— И где?

— Мы возьмем пленного, которого они с радостью обменяют на Боливара.

— Кого?

— Самого Сапилоте!

Джеймс был столь удивлен, что на минуту даже перестал работать челюстями. Анжелина куда лучше контролировала себя.

— Может, разъяснишь, как додумался до этого?

— Охотно. До сегодняшнего вечера мы всюду опережали врагов на шаг и высокомерно полагали, что так будет и впредь. Но медовый месяц кончился — у кого-то в их стане есть голова на плечах. Весьма вероятно, что этот кто-то — полковник Оливера, ведь не случайно именно он поджидал нас в нашей машине. Пока не уверимся в обратном, считаем его врагом номер один. Он знал, что для успеха нашей избирательной кампании нам не обойтись без средств массовой информации. Из нашей сегодняшней пресс-конференции наружу не просочилось ни слова, и он резонно предположил, что мы попытаемся прорвать блокаду молчания. Что именно мы предпримем, неизвестно, но он верно угадал, где нас ожидать. У Центра вещания. Там он и устроил западню, а мы, беспечные простачки, в нее угодили — Боливар попался. Оливера был прав, расставив силки у Центра вещания, и теперь он, несомненно, ожидает, что мы бросимся освобождать пленного. Поэтому можно не сомневаться, что Боливара упрятали в место понадежней, чем муниципальная тюрьма, само же здание тюрьмы превратили в ловушку. Но мы перехитрим умника Оливеру: вместо того чтобы сунуться в тюрьму, мы возьмем Сапилоте в заложники. Боливара освободят, и счет снова станет ничейным.

— Все, что ты сказал, — правильно, но ты не упомянул самого главного: как мы захватим Сапилоте, — заметила Анжелина.

— Сейчас я посплю несколько часиков, а утром отправлюсь в столицу и навещу достопочтенного генерал-президента в его резиденции.

— Удар пришелся тебе по носу, но, видно, пострадали и мозги. — Анжелина едва заметно шевельнулась в кресле, и в ее руке оказался нацеленный на меня пистолет. — Отправляйся спать, а мы с Джеймсом придумаем план, который не будет самоубийством.

— Ты застрелишь меня, спасая мне жизнь? Не перестаю удивляться таинствам женского разума. Положи пистолет и расслабься. То, что я предлагаю, не самоубийство, а четко спланированная операция. Некоторые детали еще неясны, но, уверен, к утру все додумаю до конца.

Так и случилось. Проснувшись на рассвете, я обнаружил во фронтальных долях своего мозга план предстоящей операции в мельчайших подробностях.

Успех гарантирован.

Уверенность в успехе не покидала меня, пока я принимал душ, завтракал, летел в Приморосо и пересекал площадь Свободы. Лишь когда перед железными дверьми в Пресидио меня остановил вооруженный охранник, в душу закрались сомнения.

— Пропуск! — рявкнул он.

Отступать поздно. Только вперед!

— Пропуск? Ты спрашиваешь пропуск у меня? Ты что, кретин, не знаешь, что я здесь по специальному вызову полковника Оливеры?!

— Сожалею, сэр, полковник только что проходил мимо, но насчет вас не распорядился.

— Оливера здесь?

— Да, сэр, но...

— Тем лучше. Позвони ему. И пошевеливайся, если дорожишь жизнью.

Дрожа всем телом, охранник набрал номер. На экране появился садист Оливера. Прежде чем охранник заговорил, я отпихнул его в сторону и приблизил лицо к экрану.

— Оливера! Я — у парадного входа. Спускайся, поговорим.

Оливера недоверчиво оглядел меня, узнал, его зрачки расширились. Он, несомненно, продумал множество вариантов моих дальнейших действий после бегства от Центра вещания, но подобного оборота никак не ожидал. Он судорожно глотнул и заорал:

— Хватай его!

Я дал отбой и уселся в кресло охранника.

— Видел, в какой восторг пришел твой начальник?

Охранник, раскрыв рот, кивнул.

Я достал сигару и едва раскурил ее, как по лестнице сбежал Оливера. За ним по пятам следовал взвод солдат.

— Прошлой ночью вы взяли моего человека. — Я пустил в лицо Оливеры колечко дыма. — Немедленно освободите его.

Как я и предполагал, он не подчинился. Солдаты схватили меня и поволокли в подземную часть здания. Я не сопротивлялся. Меня раздели, осмотрели, ощупали, просветили рентгеновскими лучами, промыли кишечник и желудок. За всеми предварительными процедурами наблюдал лично Оливера. Он чувствовал в моей добровольной сдаче подвох, но, в чем он заключался, не понимал. По

его приказу все предварительные процедуры повторили в обратной последовательности. Вновь не найдя ничего подозрительного, мне выдали стоптанные шлепанцы и тюремную робу, затем сковали запястья и лодыжки тяжелыми цепями, затащили в следственную камеру и швырнули на жесткий железный стул. Оливера навис надо мной, постукивая тяжелой дубинкой по раскрытой ладони.

— Кто ты?

— Я — Джим ди Гриз, генерал Межгалактического комиссариата политических расследований. Называй меня просто — сэр.

Он ударил меня дубинкой по голени. Удар чертовски болезненный, но я и бровью не повел. К счастью, предварительная процедура не выявила, что я под завязку был накачан новокаином — мощнейшим болеутоляющим. Когда действие препарата прекратится, мне придется тяжко, но пока, бей меня чем угодно, мне начхать.

— Не лги или получишь еще. Кто ты? Говори правду!

— Я и сказал тебе свое настоящее имя и звание. Мы, члены МКПР, посвятили свою жизнь искоренению несправедливости, развитию политически отсталых планет. Мы помогаем демократам вроде Харапо и низвергаем с постов в правительстве преступников вроде Сапилоте.

Оливера ударил меня еще и еще раз, я же сидел и не мигая смотрел ему в глаза.

— Наслаждаешься? — спросил я. — Должно быть, ты серьезно болен.

Он вновь занес дубинку, но, подумав, отшвырнул. Что за удовольствие избивать человека, если тот не чувствует боли?

Я одобрительно кивнул.

— Теперь поговорим как взрослые люди. Моя организация, как я уже сказал, поддерживает Харапо. Прошлой ночью вы схватили моего оперативного работника. Освободи его немедленно!

— Никогда! Считай его покойником. Да и себя — тоже.

— Опять угрозы? Да ты глупей, чем кажешься. — Я медленно поднялся: чертовски мешали тяжелые кандалы. — Что ж, обращусь через твою голову. Вели отвести меня к Сапилоте.

— Я убью тебя! — взвыл Оливера, поднял дубинку и занес ее над моей головой.

— Моя организация продолжит работу без меня и непременно прокатит Сапилоте на выборах, а он уж спустит с тебя шкуру. Если ты этого добиваешься, что ж, бей.

Дубинка в его руке дрожала, в душе боролись желание вышибить из меня мозги и страх за собственную шкуру. Наконец последнее победило, и он медленно опустил дубинку.

— Так-то лучше, — подбодрил его я. — Теперь веди меня к Сапилоте, и мы заключим с ним соглашение, которое устроит обе стороны.

— Что за соглашение?

— Узнаешь, если твой шеф не выгонит тебя при переговорах. Пошли!

Я с наслаждением наблюдал, как Оливеру передернуло. У него был небогатый выбор, и он, слегка поколебавшись, тяжело вышел из камеры.

Я упал на стул. На моем теле проступили синяки; грудь справа заметно опухла, видимо, сломано ребро или два. Отвлекая себя от тяжких дум о собственном бренном теле, я принялся мысленно перебирать варианты мести ненавистному Оливере после победы на выборах. Вариантов осталось предостаточно, когда вернулся сам полковник Оливера со взводом солдат.

Поставив меня на ноги, солдаты образовали вокруг сплошную стену. Получив прикладом в спину, я промаршировал с этим почетным эскортом по длинному мрачному коридору, поднялся по бесконечным лестницам, прошел пышные приемные покои и оказался перед огромными позолоченными дверьми. По сторонам застыли охранники — лица строги, руки на оружии. Двери распахнулись, и солдаты втолкнули меня в центр здешнего ада — личные покои генерал-президента. Сам генерал-президент скорчился в кресле, кривые ручки — на массивном письменном столе. На вид жаба жабой, а уж внутри... Если он и распознал во мне Харапо, то виду не подал.

— Расскажи мне об этом человеке, — приказал он Оливере.

— Он представился Джимом ди Гризом, генералом МКПР...

— Если врешь, я пристрелю тебя!

— Нет, пожалуйста, я сказал все как есть, ваше превосходительство! — заскулил Оливера, покрываясь испариной и мелко дрожа. — Его слова похожи на правду. Межгалактический комиссариат политических расследований вроде бы существует, а он, без сомнения, — межпланетный агент. Впервые он здесь появился несколько месяцев назад под видом туриста, вступил в контакт с организованной оппозицией и тут же был выдворен с планеты. Теперь он нелегально вернулся и причинил нам... э-э... некоторые хлопоты. Он, несомненно, занимает высокое положение при мятежнике Харапо...

— Я убью Харапо! Повешу! На его собственных кишках!

— Да! Повесим всех предателей! Каждого! На их кишках!

— Заткни глотку, Оливера, или тебя вздернут первым! — заорал Сапилоте. Оливера захлопнул рот, его зубы громко щелкнули, не удивлюсь, если один-два при этом сломались. — Так ты работаешь на Харапо! — Поросячьи глазки диктатора впились в меня. — Ты — причина всей смуты! Прежде чем я убью тебя, скажи, зачем ты хотел меня видеть.

— Я намерен заключить с тобой соглашение о...

— Я не веду переговоров с предателями. Расстреляйте его!

Ко мне, намереваясь немедленно привести приговор в исполнение, подскочили солдаты. Такой оборот дела меня вовсе не устраивал.

— Подождите! Выслушайте меня! Я пришел сюда один, без оружия. Думаете, по дурости? Нет. Я пришел, чтобы сообщить вам,

что... — Я умолк. Сапилоте замер, слушая. Что же ему сказать? Что, на взгляд диктатора-параноика, достаточно важно? Паранойя? Вот ключевое слово, вот на что я сделаю ставку! — Я пришел, намереваясь сообщить, что рядом с тобой предатель! Он плетет заговор против тебя!

— Кто?!

Аудитория напряглась, ловя каждое мое слово. Сапилоте даже вскочил на ноги и перегнулся через стол.

— Мгртсссо... — буркнул я.

— Что?

— Произнести имя предателя вслух? Прямо здесь? При посторонних?

— Говори быстрей! — взвыл Сапилоте, обходя стол. — Кто он?

— Я скажу тебе. — Я напряг мышцы, согнул ноги в коленях. — Этот некто близок к тебе. Он желает твоей смерти...

Оттолкнув стоявшего передо мной охранника, я прыгнул. Шатаясь под весом цепей, поднял руки. Царапнул кончиками пальцев по лицу диктатора.

Меня ударили сзади по голове, наверно, прикладом. Мир закружился. Я упал на пол, солдаты принялись избивать меня ногами. Сквозь багровый туман я увидел, как Оливера остановил их, приказал поднять меня.

Меня поставили на ноги, сдавили грудь так, что я едва дышал. Оливера приставил ствол пистолета к моему лбу.

— Говори, прежде чем я размажу твои мозги по стене! Кто хочет убить генерал-президента?

— Я, — прохрипел я. — Я хотел его убить и только что это сделал. Видишь кровоточащие царапины на его лице? — При этих словах Сапилоте поднял руку, провел по лицу, тупо уставился на окровавленные пальцы. — Вы ощупали, осмотрели меня! — уже кричал я. — Оружия не нашли. А оружие, вот оно — ногти! На них — инопланетный четырехчасовой вирус. Сапилоте — заражен и через четыре часа умрет. Ты мертв, старик! Мертв!

Глава 24

На лица приспешников Сапилоте стоило посмотреть, но на рожу их шефа — особенно: его пергаментная кожа побелела, поросячьи глазки под густыми бровями норовили вылезти из орбит, нижняя губа судорожно дергалась. Он прижал руку к лицу, шатаясь, пересек комнату и плюхнулся в кресло. Казалось бы, после двух столетий жизнь любому надоест. Любому, но не ему, видимо, он слишком привык жить. Я вновь заговорил и, помня о пистолете у моего лба, слова подбирал тщательно:

— Ты покойник, Сапилоте. Если, конечно, вовремя не получишь противоядие. Убери от меня своего пса!

Сапилоте поднялся, проковылял к Оливере, схватил его за ухо и, повернув, дернул. Полковник взвыл и выронил пистолет, который, к счастью, не выстрелил.

— Поставьте пленного на колени! — приказал Сапилоте, и солдаты тут же выполнили его приказ. Сапилоте оттолкнул Оливеру и навис надо мной, дыша в лицо чесноком. — Говори, где противоядие!

— Где оно, знаю только я. Если в ближайшие три часа сделают укол, ты будешь жить. Неизвестный на вашей планете вирус сейчас разносится кровью по твоему организму. Твои доктора не поймут, и не надейся. Первые симптомы приближающейся смерти ты уже наверняка ощущаешь — тебя лихорадит. Температура будет подниматься, пока жар не разрушит мозг. Чувствуешь покалывание в кончиках пальцев? Скоро их парализует и паралич постепенно охватит все твое тело, член за членом...

Завизжав, он поднес пальцы к лицу — они побелели. Не переставая визжать, он сделал шаг назад, пошатнулся и упал бы, но подоспели двое солдат, подхватили его под руки, отволокли к письменному столу и усадили в кресло.

— Вели своим людям снять с меня кандалы и убираться прочь, — распорядился я. — Оливера пусть останется, еще пригодится. Отдавай приказы! Живо!

Дрожащим голосом Сапилоте отдал приказы. Как только с меня сбили кандалы, я добрался до кресла и упал в него. Оливера замер рядом, прижимая ладонь к уху, между его пальцами сочилась кровь.

— Оливера, слушай мои инструкции. Отдай по телефону приказ, чтобы захваченного прошлой ночью пленного освободили и доставили живым и невредимым в отель «Гран Парахеро» в Пуэрто-Азул. Сообщите ему номер здешнего телефона, и он, благополучно добравшись, позвонит сюда. Когда услышу его голос, поговорим о противоядии. Чего стоишь, время тянешь?

— Исполняй! — прорычал Сапилоте и, убедившись, что Оливера опрометью бросился к телефону, повернул голову ко мне. — Противоядие... Где оно? Мне все хуже, я весь горю внутри!

— Ничего, в ближайшие три часа не умрешь, хотя и будешь чувствовать себя все хуже и хуже. Противоядие поблизости, тебе его доставят, едва получат мое распоряжение по телефону. А позвоню я не раньше чем выберусь отсюда живым.

— Кто ты?

— Твоя судьба, старик, твой черный ангел, сила, которая низвергнет тебя. Но не теряй понапрасну времени, пошли за моей одеждой. Видишь, Оливера уже освободился, пусть сбегает.

— Какие гарантии, что, отпустив тебя, я получу противоядие?

— Мое слово, старик, но выбора у тебя нет. Отдавай приказы!

Телефон зазвонил чуть меньше чем через два часа. Сапилоте к тому времени почти впал в коматозное состояние; вокруг него суетились доктора, сгоняли температуру жаропонижающими препаратами, но остановить прогрессирующий паралич конечностей они были не в силах. Диктатор уже не ощущал собственных ног и рук и при первом звонке телефона лишь слабо булькнул.

Я поднял трубку.

— Ди Гриз на связи.

— Тебе сильно досталось, милый? — послышался из трубки голос дорогой Анжелины.

— Не слишком. Как Боливар?

— Сидит рядом. Ест. Выбирайся побыстрей оттуда.

— Уже в пути, милая.

Я швырнул трубку и, не оглядываясь, вышел. Мои инструкции выполнялись в точности: перед подъездом ожидал автомобиль с шофером — дверца нараспашку, двигатель тарахтел. Едва я сел, автомобиль сорвался с места и понесся к аэродрому. На взлетной площадке стоял мой вертолет, вычищенный и дозаправленный. Я немедленно взлетел и, сделав круг над аэродромом, на полной скорости направился на север. Минут через пять рядом появилась тяжеловооруженная машина, Джеймс в кабине помахал мне рукой, из динамика послышалось:

— Молодчина, па! В небе — никого. А если кто и появится, я вмиг его собью.

— Хорошо. Посылай Сапилоте имя и адрес доктора в Приморо-со, и жмем прямиком домой. Денек выдался не из легких.

На пути в Пресидио я заглянул к доктору, заручившись его обещанием не выходить весь день из дома и сделать обратившемуся к нему пациенту инъекцию, вручил ему кошелек с деньгами и наполненный шприц. Доктору у Сапилоте обеспечен весьма теплый прием. У доктора я, казалось, побывал лет сто назад, а на самом деле — утром.

На полпути к замку де ла Роса мы с Джеймсом нагнали весь наш небольшой воздушный флот. Остальные покинули Пуэрто-Азул, как только вернулся Боливар. Быть в досягаемости диктатора, когда она, получив укол, оправится от болезни, никому не хотелось.

Приземлились мы все вместе. Бок болел все сильнее. Повернув ключ в замке зажигания, я вылез из вертолета. Первым ко мне подбежал Боливар: лицо в синяках, под рубашкой повязка. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся.

— Довольно легко отделался. Так, ногами малость попинали, пока тащили. Ты выглядишь хуже.

— И чувствовать себя буду значительно хуже, если в ближайшее время не приму обезболивающее. Принеси аптечку.

— Она со мной. Мама мне все рассказала. — Сын делал мне укол, и его лица я не видел. — Спасибо, отец... Даже не знаю, как тебя благодарить...

— И не надо. Если бы я попал в подобную передрягу, уверен, ты бы сделал для меня то же самое. А теперь веди меня к мягкому креслу и крепким напиткам, а я расскажу... Осторожней, ребра! — закричал я, видя, что подбегает Анжелина и хочет обнять меня. — Поддерживайте меня лучше под руки. И пусть док осмотрит мои ребра.

Маркизу, должно быть, уже сообщили о моих подвигах, и, завидев меня, он распростер объятия. Но его знаком остановил — Джеймс.

— Давайте устроим вечеринку, — предложил я.

— Шампанского! — закричал де Торрес. При таких темпах его винные подвалы скоро опустеют. — Лучшего! О геройстве этих часов будут сложены легенды!

Мы расселись по креслам и подняли бокалы. Вскоре по моему телу разлилось блаженное тепло; шампанское было действительно из лучших. После того как мой стакан наполнили трижды, я, оставляя мрачные подробности и преувеличивая, где надо, неспешно повел рассказ о своем визите к диктатору:

— ...Положив трубку, я спокойно вышел. Доехав на автомобиле до аэродрома, пересел в вертолет. И вот я здесь, с вами, пью шампанское.

— Потрясающе! — вскричал маркиз. — Нужно обладать невероятной отвагой, чтобы, как вы, пойти в логово смертельно опасного врага.

— Уверен, маркиз, для своего сына вы бы сделали то же самое.

— Конечно, но удачный случай выпал не мне, а вам. И какая поразительная храбрость — нести смертельно опасных микробов на кончиках пальцев...

Конец его фразы потонул во взрыве всеобщего хохота. Анжелина склонилась и похлопала его по плечу.

— Не обижайтесь, маркиз, мы смеемся не над вами, а над дурнем Сапилоте. Самое потешное во всей этой истории, что мой муж не способен убить кого-либо. Он не ввязался бы в операцию, будь хотя бы малейшая вероятность, что умрет человек. Даже такой гнусный, как Сапилоте.

Маркиз недоумевающе моргал.

— Это выше моего понимания.

— Никакого смертельного вируса не было. Ногти покрывали безвредный пиретоген и анестезирующее. От первого у Сапилоте поднялась температура, от второго занемели конечности. Оба препарата действуют не более четырех часов, поэтому такой срок и был назначен.

— Но доктор?.. Инъекция?..

— Инъекция — безобидный биораствор. Теперь вы понимаете, в чем хохма? Смертельная болезнь диктатора была пустым блефом!

Мой муж — не только величайший из героев Галактики, но и величайший пройдоха и актер!

В показной скромности я опустил голову. То, что сказала жена, — чистая правда и, по-моему, всем очевидная.

Глава 25

Дальнейшая часть вечера прошла для меня болезненно, так как действие новокаина прекратилось прежде, чем врач залечил мои синяки и ссадины. И ребра. Оказалось, что проклятый Оливера сломал мне целых три ребра. Пока врач вводил мне в ребра восстановитель костной ткани, а затем бинтовал грудную клетку, я сидел и клял Оливеру последними словами. Наконец врач закончил, и маленькая доза новокаина и большая рона погрузили меня в заслуженный сон.

Утром Анжелина не будила меня, и я выспался на славу. Выпив две чашки кофе из заботливо оставленного ею на ночном столике у изголовья кофейника, я встал и спустился вниз.

— Как мы себя чувствуем? — спросила Анжелина.

— Не знаю, как себя чувствуете вы, но у меня ощущение, что вчера по мне проехал дорожный каток.

— Бедненький! — Анжелина пригладила мои взъерошенные волосы и коснулась лба губами. — Мальчики подготовили тебе сюрприз. Уверена, ты позабудешь обо всех неприятностях.

Дверь распахнулась, в комнату вошел Джеймс, неся проекционный телевизор, за ним следовал Боливар со свернутым экраном. Я непроизвольно поморщился.

— Ненавижу чертов ящик. Особенно утреннюю жвачку для дебилов.

Анжелина легонько хлопнула меня по лбу.

— Утро ты уже проспал, а сейчас — полдень, традиционное на этой планете время обеда. После сытной трапезы местные жители плюхаются перед включенным телевизором и, поглаживая вздувшиеся животы, просматривают новости.

— Мой живот прилип к спине, — пожаловался я. — И я ненавижу телевизионные новости.

— Вот и горничная с завтраком из девяти блюд для героя, — сообщил Боливар, давая проход катившей перед собой сервированный столик горничной. — Попав в засаду возле Центра вещания, мы резонно предположили, что нашу аппаратуру обнаружат. И действительно обнаружили. Наши обманки. Джеймс вчера проверил цепи, настоящая аппаратура работает нормально. Мы чуть ли не всю ночь готовили пленку к эфиру. Уверен, наш выпуск новостей тебе придется по сердцу.

— Ну и балда же я! — воскликнул я с набитым ртом. — Позабыл обо всем на свете. Забираю свои опрометчивые замечания обратно. Анжелина, любовь моя, садись рядом, бери самую большую отбивную, посмотрим передачу вместе.

Я покончил с завтраком, а на экране закончилась предшествующая выпуску новостей программа. Это была романтическая опера с бесчисленными слащавыми любовными сценами, бездарными актерами и идиотской интригой, какие по вкусу лишь умственно отсталым. Прежде чем я дотянулся до чего-нибудь тяжелого, намереваясь запустить в телевизор, кончилась очередная серия и последовала реклама. Из нее мне понравилась лишь реклама рона, остальное — тоска зеленая... К счастью, все, даже реклама, имеет конец. Под звуки фанфар на экране пошла заставка выпуска новостей, затем появилась смышленая на вид девица в очках.

— Добрый день, леди и джентльмены. Как всегда в это время — новости. Из столицы получено радостное сообщение: состояние здоровья генерал-президента Сапилоте после вчерашнего отравления несвежей рыбой улучшилось. Наш дорогой генерал-президент, мы все желаем ему скорейшего выздоровления и...

Джеймс нажал кнопку на черном ящике перед собой. Экран мигнул, и вместо смышленой девицы появилась фотография — я, при бороде и с лучезарной улыбкой на лице, рядом маркиз. Голос за кадром женский, его я тут же узнал и сжал руку Анжелины.

— Но не будем забивать головы дурацкими болезнями ненормального диктатора. Лучше встретимся с человеком чести — будущим президентом Параисо-Аки. Я с удовольствием представляю вам сэра Гектора Харапо. Рядом с ним — будущий вице-президент, маркиз де ла Роса. Эти дворяне только что закончили свое предвыборное выступление в небольшом курортном городке Пуэрто-Азул. Их выступление, несмотря на неоднократные попытки коррумпированной полиции Сапилоте помешать, имело ошеломляющий успех. Первая попытка была совершена...

Пошли кадры документальной хроники. Фильм был смонтирован так, что показывал действие официальных органов в самом неприглядном свете, а нас делал чуть ли не богами. Фильм кончился, и я в восторге захлопал в ладоши.

— Классная работа! Мои поздравления всем! Я бы заплатил тысячу кредиток, чтобы полюбоваться физиономией диктатора, когда он увидит это. Итак, первый этап избирательной кампании закончен, до выборов — почти два месяца, и каждая секунда на счету. Пора подумать и о будущем.

— Будем действовать без выстрелов и взрывов, — твердо заявила Анжелина.

— Полностью согласен. Но нам непременно нужен информационный канал, иначе проиграем выборы. Наша аппаратура после этой передачи уничтожена, можно и не проверять, шансы установить новую на прежнем месте приблизительно равны нулю.

Надо что-то придумать. У кого-нибудь есть соображения по этому поводу?

— Ответ очевиден, — сказала Анжелина. — Установим нашу перехватывающую аппаратуру в самом уязвимом и в то же время самом неожиданном месте. Надеюсь, догадались где?

— Хоть убей, не знаю. — Я потер лоб. — Должно быть, вчера моей бедной головушке досталось.

— Ма права, — выпалил Джеймс. Его вчера по голове не били, оттого, наверно, он сообразил быстрее меня и Боливара, который тоже непонимающе моргал. — Мы установим аппаратуру на спутниках связи!

Да, ответ лежал на поверхности, и непонятно, как я не дошел до него сам. Теперь я сидел, надув губы, а Джеймс вещал дальше:

— В начале разузнаем побольше о спутниках...

— Уже сделано, — сообщила Анжелина. — На космодроме, что рядом с Пуэрто-Азулом, находится компания «Всепланеткосмосвязь». Эта компания запускает спутники связи и спутники наблюдения за погодой. Подобной работы так мало, что эта компания — единственная на планете с таким профилем деятельности. В их распоряжении только один устаревший космический тягач, который и выводит спутники на орбиту.

Услышав эту информацию, мы заулыбались. У всех на уме была одна и та же идея, в слова ее облек я:

— А может, это единственный на всей планете космический корабль, пригодный для такой работы?

— Именно. Если этот корабль, «Популачо», выйдет из строя, замену ему подыщут не раньше чем через несколько месяцев.

Я в нетерпении потер руки.

— Следующий шаг очевиден. Разработаем и изготовим управляемые нашими кодированными сигналами блоки с автономным питанием. На орбиту нас с приборами доставит «Популачо». После того как мы установим блоки на спутники, космический корабль исчезнет по крайней мере до окончания выборов, а зрители и слушатели получат ежедневную беспристрастную информацию. Возражения есть?

— Конечно, нет, — заверила меня Анжелина. — У меня лишь незначительное дополнение. Мы участвуем в выборах под знаменем демократии и в своих поступках должны руководствоваться законами демократии, в которую мы, без сомнения, верим. Сегодня мы заменили их программу новостей своей, но впредь такого не повторится. Демократия — это прежде всего свобода слова! Избиратели сами выберут программу и решат, кто чего стоит.

— А разве им можно верить? — удивился я.

— Да, мой дорогой муж, можно и нужно. А твои собственные политические убеждения лежат где-то между фашистскими и анархистскими доктринами. Анархистские мне больше по сердцу, но при полной свободе выбора я бы остановилась на демократии. Голосуем?

Близнецы подняли руки, я нахмурился.

— Большинство «за», — подвела итог Анжелина. — Теперь, когда решение принято, скрупулезно спланируем преступление во имя великой демократии.

— Так кто теперь фашист-анархист? — вскричал я.

— Не мы. — Анжелина улыбнулась. — Мы — лишь практичные люди. Наши сердца горячи, наши помыслы чисты, а результат наших дел пойдет во благо всем.

— Скажи это владельцам «Популачо» после того, как они обнаружат свой корабль на дне дымящейся воронки.

Сбить Анжелину с толку не так-то просто.

— От страховой компании они получат компенсацию и на эти деньги купят себе новый, современный корабль. Что ты на это скажешь?

Сказать было нечего, и я впился зубами в торт. Но даже работая челюстями, я улыбался.

— Моя семья — замечательная команда, — изрек я, прожевав. — Спорить с вами не стану. Давайте, непогрешимые праведники, демократы-республиканцы, верные сторонники закона и порядка, спланируем похищение космического корабля.

Глава 26

Я высунул голову из окошка.

— Что-нибудь видишь? — обратился я к сидевшему на крыше автомобиля Джеймсу.

— Задраили грузовой люк, должно быть, готовятся к старту. Подожди... Да, именно, только что вышел один из экипажа, отстыковал от корпуса корабля разъем силового кабеля и вернулся внутрь. Теперь их корабль перешел на внутреннее питание. Рабочие и служащие обеспечения уезжают.

— Хорошо. Залезай в машину, мы начинаем.

Джеймс спрыгнул на мостовую и через миг уже оказался на переднем сиденье. Боливар тут же тронул машину. Мы выехали из темного ангара на залитый солнцем космодром. Я повернул голову и невольно залюбовался сидевшей рядом Анжелиной.

— В одежде медсестры ты восхитительна! Жаль, что не прихватил белый хлыст.

— Тебе в самом деле нравятся подобные вещи? Вот не знала. — Она будто не заметила моего шутливого тона. — Как, по-твоему, юбка не слишком коротка?

— Очень коротка и очень тебе идет. — Я погладил ее по гладкой бархатистой коже между коленкой и юбкой. — Идея отвлечь экипаж, на мой взгляд, замечательная. А ты, дорогая, самая отвлекающая штучка на всей этой планете.

— Да и ты при усах и в мундире вроде на человека стал похож.

Я подкрутил кончики усов, небрежным взмахом руки позвенел медалями, полюбовался чистым отглаженным мундиром и танцующими по салону бликами от кокарды на моей фуражке.

— Каждый уважает власть. Чем больше на тебе символов власти, тем больше почета и уважения. О, да мы прибыли. Начинаем операцию под кодовым названием «Виват, медицина».

Я вылез из машины и не спеша поднялся по трапу. За мной следовала Анжелина, шествие замыкали близнецы в белоснежных халатах и с огромными саквояжами в руках. Увидев нас, вахтенный у входа вытаращил глаза, но внутрь не пропустил.

— В корабль нельзя. Через три-четыре минуты старт.

Я осмотрел его с головы до пят с таким выражением, будто он только что вылез из-под тяжелых обломков. Дождавшись появления обеспокоенности на его лице, я достал из кармана свиток и развернул. Пластик был испещрен черными и красными печатными буквами, внизу красовалась огромная золотая печать. Я заговорил, мой голос — сама суровость:

— Видел? Распоряжение о карантине от Министерства здравоохранения. Ситуация не терпит отлагательств. Быстрей веди меня к капитану.

Он скривился, но повел. Как только его спина скрылась за поворотом коридора, Боливар и Джеймс задраили люки шлюза.

Мы вошли в каюту капитана, хозяин ее одарил нас хмурым взглядом.

— Что происходит?

— Вы капитан Сего де Авила? — Дождавшись его утвердительного кивка, я продолжал: — У меня предписание о проведении инспекции Министерства здравоохранения. Прежде чем корабль взлетит, осмотрю ваших людей,

— Какого черта идиоты бюрократы в Приморосо суют свои носы в мои дела?! График!.. У меня жесткий график полетов! Если не взлетим в ближайшие полчаса, то...

— Вы взлетите вовремя, это я вам обещаю. Поймите, осмотр не прихоть, а необходимость, проводится ради вашего же блага. На планету проник редкий инопланетный вирус. Откуда, пока неизвестно, ведутся поиски. Болезнь заразна, называется перротонитус.

— Впервые слышу о такой.

— Это лишний раз говорит о том, насколько редка болезнь. У зараженных этим вирусом сначала поднимается температура, затем обильно выделяется слюна, временами они рычат, как собаки. Имеется веское подозрение, что один из членов вашего экипажа заражен.

— Кто?

— Вот он. — Я ткнул пальцем в приведшего нас сюда вахтенного. Тот попятился. — Сестра, осмотри его горло.

Вахтенный неохотно открыл рот. Анжелина повернула его голову к свету и, прижав язык деревянной палочкой, заглянула в глотку.

— Гортань воспалена, — сообщила «сестра».

— Я не болен! — взвыл вахтенный. Из уголков его губ потекла слюна, и он поспешно вытер рот горячей ладонью. — Я не... — Он зарычал, затем дважды гавкнул.

— Это он! — закричал я. — Скоро хвостом завиляет. Держите же его, я его вмиг вылечу!

Боливар схватил несчастного за левую руку, Джеймс — за правую. Они уложили подвывавшего вахтенного на палубу, и я сделал ему укол. Препарат из шприца не только усыпил его, но и нейтрализовал действие растворов, которые всосались в его кровь через слизистую оболочку рта, когда Анжелина прижимала язык деревянной палочкой.

Я оглядел бесчувственное тело у ног.

— Вовремя мы его выявили. Придя в себя, он будет здоров. Капитан, постройте экипаж для проверки. Если вы поторопитесь, то взлетите по расписанию.

Команда построилась быстро. Через пять минут у большинства были выявлены симптомы опасного заболевания, и они сопели на палубе. Бодрствовать остались лишь вахтенные машинного отделения и офицеры рубки управления. И вовсе не случайно.

Я одобрительно кивнул сыновьям, достал из саквояжа большой пистолет и нацелил его на капитана.

— Мы захватили ваш корабль! Да здравствует Революция!

— Что это значит? Вы — сумасшедшие?

— Мы не сумасшедшие, просто мы не совсем в своем уме. Мы — члены революционной партии «Черная Пятница» и не колеблясь убьем любого, чтобы освободить его. Мы ничего и никого не боимся. Выполняйте наши приказы, или мы начнем одного за другим убивать людей из вашей команды, пока вы добровольно не согласитесь сотрудничать с нами.

— Вы из дурдома сбежали. Я вызову полицию...

Он потянулся к радиопередатчику, но я двигался проворнее. Схватив его за руку, повернул к себе.

— Убейте первого! — завопил я.

— Свобода и братство! — взвыл Боливар, вытаскивая из-под халата огромный мясницкий нож и усаживаясь на грудь ближайшего лежавшего в беспамятстве «больного».

Изогнувшись, Боливар одним взмахом острого ножа перерезал человеку горло. Из чудовищной раны с бульканьем хлынула кровь. Все выглядело весьма реалистично.

— Уберите тело! — заорал я, поворачиваясь к капитану.

Если даже я, зная, что кровь лилась из укрепленной на горле астронавта пластиковой емкости телесного цвета, а пронзительный звук испускало специальное устройство в ручке ножа, был потрясен увиденным, то что уж говорить о капитане.

В общем, своего мы добились, проблем с командой больше не было, капитан и оставшиеся на ногах члены экипажа лезли из кожи вон, лишь бы угодить нам.

Проверив приборы, мы благополучно взлетели, вышли на орбиту планеты. Вскоре корабль сблизился с первым спутником. Боливар вытащил из саквояжа наш блок. Я в это время внимательно изучал чертеж спутника, запоминал, куда какие провода нашего блока крепить. Все провода с цветной маркировкой, перепутает разве что законченный тупица.

— Первый установлю сам, — заявил я.

— Пусть выйдет один из мальчиков, — возразила Анжелина. — У тебя еще ребра толком не зажили.

— Для такой простенькой работенки, как установка блока, зажили достаточно. А отличиться в космосе еще каждый успеет, ведь спутников как-никак восемнадцать, но первый установлю своими руками — вдруг возникнут трудности.

— Да не трудностей ты опасаешься, а лавров жаждешь. К тому же прогуляться в космосе ты всегда не прочь.

— Ты права, без развлечений жизнь пресна.

Выход в космос оказался действительно развлечением. Голубой шар Параисо-Аки умиротворяюще парил подо мной. Полюбовавшись им немного, я включил реактивный ранец, поднырнул под растопыренные солнечные батареи и прижал магнитные подошвы к металлическому корпусу спутника связи. Открыл кожух, извлек нужный блок к заменил его нашим. На все ушло чуть больше минуты.

— Блок к тестированию готов, — доложил я по радио.

— Начинаю тест, — донесся до меня голос Джеймса. Я ничего не увидел, ведь все процессы происходили внутри спутника, да и разглядеть движение электронов невооруженным глазом вообще непросто. — Блок функционирует нормально. Конец связи.

Несколькими касаниями плазменного сварочного аппарата я запечатал свою работу и направился обратно к кораблю.

Так и пошло. Блоки на спутники устанавливали мы быстро, но много времени уходило на маневрирование. Бортовой компьютер получал с датчиков данные о положении корабля, его скорости и направлении полета, в него также вводились желаемые координаты, он пережевывал всю эту информацию и выдавал команды на ракетные двигатели.

К четвертому дню полета мы порядком вымотались. Кроме выходов в открытый космос приходилось непрерывно следить за экипажем.

— У тебя под глазами синяки, — посетовала Анжелина, протягивая мне бутылку рона. — Надо бы тебе поберечь себя.

Питался я в последнее время в основном роном, а в зеркало смотреть старался пореже. Сыновья выглядели не менее изнуренными. Только Анжелина, вкалывая наравне с любым из нас, как всегда, казалась бодрой, полной жизненных сил. Ее как будто ничего не берет. Вечная юность!

— Дело почти сделано, вернемся назад и отдохнем.

Я плеснул в стакан рона, глотнул. Недурственно.

— Как-то там проходит избирательная кампания? — Анжелина тяжело вздохнула.

— Думаю, движется помаленьку. Маркиз удерживает форт, его люди выпускают новости, которые, увы, пока никто, кроме них самих, не видит и не слышит. Как только мы приземлимся и включим нашу систему спутниковой связи, положение в корне изменится.

— Дай-то бог, чтобы так оно и было. — Анжелина налила в стакан рона и пригубила. — Плохо, что нет связи с маркизом.

— Дорогая, ты же знаешь, иначе нельзя. Пока с поверхностью идет только обычный обмен текущей информацией, никто ни о чем не подозревает, но если враги узнают, чем мы тут занимаемся, то сразу собьют наш корабль. — Я посмотрел на жену, ее взгляд блуждал по каюте. — О чем волноваться? До выборов — больше месяца, при голосовании мы получим девяносто девять процентов голосов и будем избраны.

— Ты, конечно, прав. Должно быть, вымоталась за последние дни, вот и полезли в голову всякие страхи. Уверена, немного отдохнув, снова буду в форме. Во всяком случае, надеюсь. — Анжелина нахмурилась и повернула голову ко мне. — Не смейся, Джим ди Гриз, или я тебе руки переломаю. Я в самом деле что-то недоброе чувствую.

Она смотрела на меня так, что смеяться, хихикать или перечить ей вмиг расхотелось. Да в общем-то, такого желания у меня и не было, я тоже чувствовал неладное.

Я покачал головой и допил стакан до дна.

— Я и не собирался смеяться над тобой, дорогая. У меня тоже тяжело на душе, не пойму отчего. Наверно, оттого, что нет вестей от маркиза. Хотя, убей меня, не представляю, что может пойти не так.

— Через несколько часов узнаем. Иди в трюм, посторожи пленных, а Джеймса отправь обедать.

Вошел Боливар в скафандре, под мышкой шлем.

— Сделано! — отрапортовал он. — Последний блок установлен. Теперь, когда заговорит Харапо, его голос услышит весь мир. Напяливай, отец, свою изъеденную молью бороду. Ты снова в фокусе камеры!

— Лучшая новость за последние дни. Мы направляемся домой!

Капитан, вычислив по моему приказу посадочную орбиту, увидел под своим носом раздавленную капсулу. Бедняга все еще считал нас бандой убийц и наверняка решил, что ему конец. Что ж, тем приятней будет пробуждение, ведь в капсуле был всего лишь безвредный усыпляющий газ.

Мы отправили маркизу зашифрованное послание, и я на случай, если посадка будет трудной, уселся в кресло пилота.

— Трудная посадка! — бубнил я, скармливая компьютеру данные. — Эка невидаль!

Из черной космической ночи мы попали в золотой рассвет и, пронзив облака, увидели под собой поверхность планеты. Голую поверхность и никакого космодрома.

— Надеюсь, они последовали нашим наставлениям насчет дыры, — проговорила Анжелина, хмуро глядя на обзорный экран.

— Есть дыра, есть. На де Торреса можно положиться.

Я оказался прав: посреди поля вблизи замка де ла Роса в земле открывалось черное отверстие. К цели корабль скользил по радиолучу, но в двухстах метрах я взял управление на себя и, сконцентрировав все внимание на радаре и экране нижнего вида, точнехонько опустил корабль в темную дыру. Выдвижные опоры мягко коснулись выжженного грунта, и я выключил двигатели.

— Сели, — сообщил я. — После того как над кораблем возведут коровник, его сам черт не сыщет. Во всяком случае, до выборов. Хотя экипажу мы и не вернем свободу: уверен, гостеприимство замка они оценят.

Мы поднялись в носовую часть корабля. Открылся верхний люк, и на нас хлынули солнечные лучи. Специальный кран установил трап, и мы с достоинством выбрались наружу. У дальнего конца трапа стоял маркиз, выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Ужасные новости! — запричитал он, энергично жестикулируя. — Случилась трагедия! Всему конец!

Анжелина и я обменялись многозначительными взглядами. Не зря, оказывается, нам не давали покоя внутренние голоса.

— Что стряслось? — спросил я.

— Жаль, что я не мог вызвать вас раньше. Вся наша работа насмарку!

— Может, расскажете почему?

— Выборы!.. Сапилоте объявил на планете чрезвычайное положение и перенес дату выборов. Они начнутся завтра утром. За такой короткий срок мы ничего не успеем! Тиран будет переизбран!

Глава 27

У нас остался один день! Целый день, ой как долго, но для победы во всепланетных выборах один день слишком малый срок.

Признать поражение трудно. Особенно мне, не знавшему их горечь прежде.

Что-нибудь придумаю!

— Я переиграю гнилого политика!

Моя семья в недоумении уставилась на меня. После некоторого замешательства Боливар задал мучивший всех вопрос:

— Как ты его остановишь, па?

В самом деле, как? Я не имел ни малейшего представления.

— Завтра узнаете. Парни покруче, чем Сапилоте, тягались со Скользким Джимом ди Гризом. Все были биты!

Я повернулся и, прежде чем последовали провокационные вопросы, зашагал к замку.

«Что же делать?» Эта мысль безостановочно билась в моем мозгу, не находя ответа.

Я скинул одежду, влез в ароматизированную ванну, натер себе мочалкой бока до зеркального блеска. Затем побрился, почистил зубы. Ответа все не было. Не одеваясь, я плотно позавтракал, выпил бесчисленное количество чашек кофе. За кофе последовал выдержанный рон. Результат все тот же. Я уселся на балконе и уставился в пустоту.

«Смирись, Джим, — сказал я себе. — Выборы ты проиграл».

С этим признанием пришло облегчение.

Я дрался как тигр, но проиграл. Что ж, бывает. Залижу раны и вернусь. Через четыре года следующие выборы, и тогда посмотрим, кто кого!

Выиграть во всепланетных выборах за один день невозможно. И неважно, сколько людей проголосует за Харапо, жульнический компьютер признает победу ненавистного Сапилоте.

Как только я подумал о подделанных в пользу диктатора голосах избирателей, в моей голове зародилась идея.

Почему бы и нет? В конце концов, перенос выборов не такая уж и скверная новость.

Я послонялся из угла в угол, взлохматил волосы, налил в стакан рона, выпил, потер подбородок и совершил все остальные действия, которые обычно подстегивают деятельность серого вещества. Должно быть, один из этих приемов сработал, и в моей голове внезапно сформулировалось решение проблемы. Подпрыгнув, я ударил в воздухе пяткой о пятку. Схватил телефон и набрал личный номер де Торреса. Через секунду экран ожил.

— В чем дело? — поинтересовался маркиз. Лицо на экране непрерывно дергалось, из динамика доносился цокот копыт. Маркиз скачет верхом, а аппарат, как я понял, прикреплен к передней луке седла.

— Один вопрос, если не возражаете.

— К вашим услугам.

— На планете теоретически правит демократическое правительство. Значит, есть конституция?

Голова маркиза подпрыгнула и вновь появилась на экране, он кивнул.

— Теоретически, верное слово. У нас есть конституция, по которой мы имеем все, что душа пожелает. На деле же на планете царит полное беззаконие, все, кому дадут, берут взятки, все, что плохо лежит, крадется. А на бумаге, да, у нас демократия...

— Меня сейчас интересуют только бумаги. Где мне найти текст конституции?

— Конституция есть в банке данных компьютера замка. Распечатка лежит на окне в библиотеке. А почему вы спрашиваете?

— Очень скоро узнаете. Спасибо.

Я накинул халат и поспешил в библиотеку. Анжелина и сыновья завтракали на балконе. Время для разъяснений еще не пришло, и мимо высокой открытой двери я прокрался на цыпочках.

Копию конституции я нашел там, где и сказал маркиз. Открыв пухлый том, я застонал. Девять тысяч страниц мелкого печатного текста. Одному с такой работой не справиться.

Но вовсе не обязательно просматривать страницу за страницей самому. *«Не делай работу, которую за тебя сделает другой»* — вот мой девиз.

Я включил компьютер, отыскал в банке данных текст конституции, составил и запустил простенькую программу. Налил рона и, ожидая, пока умная машина отыщет крупицу золота в куче навоза, принялся листать том. Конституция была написана с использованием полудюжины различных стилей; текст, полный туманных, ничего не значащих фраз, изобиловал сокращениями и аббревиатурами. Вскоре я понял почему. Сочинил конституцию Сапилоте не сам, а настриг статей из законов различных планет. Хорошая и плохая новость одновременно. Плохая, потому что компьютер потратит на анализ уйму времени. Хорошая, потому что среди этого бюрократического бреда непременно найдется то, что мне надо.

По полу библиотеки пролегли тени, прежде чем компьютер выдал результат — вторую сноску к пятому подпункту приложения сто семнадцатой статьи. Я быстро пробежал по строчкам глазами и почувствовал прилив сил. Перечитав сноску еще раз медленно, я станцевал перед мерцающим экраном джигу.

— Эврика! — не в силах удержаться, закричал я. — Эврика!

Я ввел слово «эврика» в голосовой модулятор компьютера, и по библиотеке прокатилось:

— Эврика!

Я пощелкал кнопками, и по залу понеслось, отражаясь, накладываясь друг на друга, многоголосье:

— Эврика! Эврика! Эврика!

В дверях, прижимая ладони к ушам, появилась Анжелина.

— Что значит сей хор безумцев? Ты решил проблему?

— Да, моя дорогая, решил! — Я схватил ее за руку, и мы закружились по залу. — Не говори никому, но я решил неразрешимую задачу! Молчал до последней секунды, не хотел прослыть пустомелей. *Я пришел к заключению, которое не осмеливаюсь даже произнести вслух, боясь, что подслушают враги.* Если они узнают, то легко избегут моей ловушки. Но они не пронюхают, я расскажу только тебе, дорогая! Сегодняшними вечерними новостями я приведу Сапилоте в бешенство. Пошли в студию, смонтируем выпуск новостей.

Я не садист и тому, что наш выпуск новостей испортит вечернюю телепрограмму, не радовался. Но без этого не обойтись.

Программу, которую я решил заменить нашим выпуском новостей, можно с легкостью потом повторить, хотя не вижу особой причины зачем. Это был фильм из длиннющего сериала о жизни психов. Наследники помещали своих престарелых родителей в дом для умалишенных с ласковым названием «Уют», а делами там заправляло семейство садистов... Сюжет вы сами представляете. Добавлю лишь, что сериал назывался «Не возлюби отца своего» и его, как утверждала заставка, смотрели сто восемь процентов телезрителей. Видимо, некоторые смотрели его дважды, а то и трижды.

Как только мы закончили монтаж выпуска новостей, сыновья прогнали тест и подтвердили, что наши блоки на спутниках работают безукоризненно. Кодированные сигналы из гостиной замка передавались на антенну на крыше, оттуда — на спутник над нами, с этого спутника сигналы ретранслировались на остальные, с них — обратно на поверхность планеты на телерадиовышки, дальше — на телевизоры наших потенциальных избирателей. И все эти сложности ради того, чтобы сегодня вечером они увидели великолепное зрелище.

— Осталось три минуты, — сообщил Джеймс, засовывая в плейер кассету. — Отец, ты уверен, что, увидев заставку политической передачи, зрители не повыключают телевизоры?

— Повыключают? Ну нет, они прилипнут к экранам. Сейчас убедишься.

Наша семья расселась перед телевизором. Наверно, подобную мирную картину в этот час можно было наблюдать по всей планете. Отцы семейств уселись в мягкие кресла перед светящимся экраном со стаканом рона или чашкой кофе в руке. Матери рядом делали какую-нибудь нехитрую домашнюю работу, например, вязали детские башмачки или просматривали налоговые декларации. Детишки вертелись тут же. Слуги жались в своих хижинах перед устаревшими и обшарпанными телевизорами. Весь мир замер, затаив дыхание, в ожидании любимой программы.

И вот она началась. И через минуту была грубо прервана простым нажатием кнопки. Экран мигнул, на нем появилась Анжелина, на ней такая же униформа, как на дикторах центрального телевидения, на столе перед ней — микрофон, фон в точности дублировал привычную студию.

— Дорогие зрители, у меня для вас неприятная новость. — Голос Анжелины дрожал. — Совершено убийство. Нет, убили не ненавистного диктатора, это было бы слишком радостным событием. Кандидат в президенты сэр Гектор Харапо сейчас вам расскажет, что случилось. После краткого сообщения будет возобновлена обычная программа, так что не выключайте телевизоры.

На экране появилась моя бородатая физиономия, поднятый кулак того и гляди обрушится на стол.

— Убийство! — вскричал я на экране. — Хладнокровное, зверское убийство. Вы спросите, кто убит? Я скажу вам. Ваша гарантированная конституцией свободная воля, вот кто! Вы спросите, кем?! Червем Сапилоте, который вот уже годы подтачивает устои вашего свободного государства, вот кем! Видит бог, я всегда был лоялен по отношению к сопернику по выборам, но последняя его выходка переполнила чашу моего терпения. Он не раз пытался остановить меня, а теперь обнаглел вконец и передвинул дату проведения выборов, чтобы не позволить вам, честным гражданам Параисо-Аки, выразить свое мнение. — Я остановился, послышались записанные на пленку рукоплескания. Я поднял руку, шум утих. — Завтра у вас есть шанс! Голосуйте за Харапо и де Торреса, и мыльный пузырь Сапилоте лопнет. Каждый ваш голос, отданный за землевладельца Харапо, приближает планету к свободе! Голосуйте за меня, и занимающее пост генерал-президента существо с интеллектом таракана будет сметено в мусорную корзину истории! Спасибо за внимание.

Мое изображение сменилось развевавшимся знаменем, заиграл наш марш.

— По-моему, отец, теперь всякому ясно, что ты недолюбливаешь генерал-президента, — заметил Боливар.

— Да уж, па, ты хватил через край, — добавил Джеймс. — Увидев этот выпуск, Сапилоте будет в ярости, и вряд ли ты получишь хотя бы один голос.

Я снял со своей докторской формы самую большую медаль и приколол ее Джеймсу на грудь.

— Вот тебе, сынок, награда за светлый ум. Как говорится, ты попал в самое яблочко.

Анжелина и Боливар вскочили и зааплодировали.

— Спасибо, па, буду носить награду с честью. Даже в темноте, даже в ванной. Но, может, разъяснишь, как ты выиграешь проигранные выборы?

— Это пока наш с матерью секрет, но обещаю, вы все узнаете первыми. А если ты, Джеймс, раскусишь мой замысел до утра, получишь еще медаль.

Глава 28

День выборов начался со взрыва.

Взрыв выбил в замке множество окон и мгновенно вывел меня из состояния глубокого сна. Я подскочил и замер на кровати в каратистской стойке.

— Не замерзнешь нагишом, милый? — поинтересовалась из-под одеяла Анжелина.

— Да, пожалуй, прохладно.

Я поежился и снова лег. Тут же затрезвонил телефон, и я схватил трубку.

— Защитное поле остановило самолет на расстоянии пяти километров от замка, — сообщил Боливар. — Самолет сбросил огромную, как дом, бомбу и лег на обратный курс. Компьютер вычислил траекторию его полета и выпустил вдогонку ракету. Самолет сбит далеко, второго взрыва слышно не было.

— Спасибо за информацию.

Я облизнул губы, встал и накинул халат.

— А ты, дорогой, надеялся, что после твоего вчерашнего выступления и всех нелестных эпитетов Сапилоте пришлет тебе цветы?

— Нет. Но я не хотел, чтобы гибли люди.

Я посмотрел на серый рассвет за окном, на душе было так же серо.

— Новый президент навсегда покончит с убийствами. Вот как ты должен смотреть на случившееся. Прикажи принести завтрак, впереди трудный день.

Анжелина как в воду глядела. Перекусив на скорую руку, я приклеил бороду и отправился на луг за замком. Слуги маркиза, выгнав оттуда всех коров, выгружали из грузовика свернутые полотняные палатки. За работой наблюдал сам хозяин замка.

— Доброе утро, Джим.

— Доброе утро.

— Все делается, как вы распорядились. Мои рабочие спрашивают, с чего это нам вздумалось именно сегодня устраивать карнавал. Уж не победу ли на выборах мы собираемся отмечать? Вы все-таки полагаете, что мы победим?

— Дорогой Гонсалес, потерпите несколько часов и все узнаете, но пока я опасаюсь, что подслушивают враги, и не осмеливаюсь дать вслух ответы на ваши вопросы. Ведь, как известно, даже у стен есть уши. Скажите своим людям, пусть не возводят трибуны для зрителей, *они нам не понадобятся.*

— Пустые палатки, и все?

— Именно.

На обычно невозмутимом лице маркиза появилось озабоченное выражение. С подобным выражением на меня в тот день смотрели многие. Люди в замке были слишком вежливы, чтобы высказать свои мысли, но думали они, наверно, примерно так: «Старина Харапо совсем рехнулся от обиды».

Что ж, впереди целый день, может, еще смогу их переубедить.

Прежде всего следовало проголосовать мне самому. Избирательный пункт округа, к которому был прикреплен замок де ла Роса, находился в маленьком городке Тортоса. Туда мы отправились на автомобилях, капот каждого украшал флажок нашей партии. На место мы прибыли, когда часы на городской башне показывали девять. Через центральную площадь городка выстроилась очередь.

— Наши избиратели! — воскликнул маркиз.

— Да, но и холуев Сапилоте тоже хватает. — Я кивнул в окно.

Перед входом в мэрию собрались последователи диктатора. Махая грязно-коричневыми знаменами с бледно-зеленым кругом в центре, — эмблемой партии «Счастливый Канюк»[1] — они с наглым видом расхаживали среди избирателей и прикалывали на грудь каждого значок с аналогичной символикой.

— Наш выход на сцену.

Я выбрался из автомобиля и направился к избирательному участку. За мной следовал мой верный телохранитель Родригес, за ним — Джеймс и Боливар. Все трое хоть и безоружны, но крайне опасны.

Анжелина вытаскивала из машины видеокамеру.

— Снимай все, — бросил я ей.

Мы промаршировали через площадь к избирательному участку — зданию мэрии. У дверей нас поджидали мэр и шеф местной полиции. Обоим явно не по себе, рука копа на кобуре, мэра — под пиджаком у подмышки.

— Здесь нарушается избирательный закон. — Я повернулся к камере в профиль и указал на раздававших в толпе значки прихвостней Сапилоте. — Агитировать за кандидата в день выборов согласно конституции разрешается не ближе чем в двухстах метрах от входа в избирательный участок. Прикажите тем людям удалиться на должное расстояние.

— Мэр здесь — я, и я издаю указы.

— Мэр прежде других обязан соблюдать законы.

— Капитан, арестуйте наглеца.

Шеф полиции был настолько глуп, что вытащил пистолет. Родригес шагнул вперед, его рука со свистом рассекла воздух, и шеф полиции мешком осел на асфальт. Члены партии «Счастливый Канюк» придвинулись друг к другу и глухо забормотали. Я пошел на них, Родригес и близнецы — по бокам. Горе-агитаторы переглянулись и бросились врассыпную.

— Уберите тело, портит праздничное настроение, — распорядился я, указывая на шефа полиции. — А вы, мэр, открывайте участок, я проголосую первым.

Как только мэр скрылся за дверью, избиратели зааплодировали, сорвали с одежды значки партии Сапилоте и побросали их на мостовую. Мои помощники, соблюдая дистанцию в двести метров, начали раздавать значки с символом нашей партии — Разъяренным Терьером. Маленькая бело-коричневая собачка держала в зубах дохлую жабу. Сказать, что жаба походила на Сапилоте, значит ничего не сказать. Каждому хотелось проголосовать с красивым значком на груди, и даже те, кто уже подошел к входу в мэрию, поспешили обратно на площадь.

[1] Канюк — хищная птица из семейства ястребиных, крик которой напоминает плач ребенка.

— А теперь, — обратился я к избирателям, — выборы начинаются.

Последовали аплодисменты и крики: «Харапо — в президенты!» и «Разъяренный Терьер задаст жабе перцу!». Мы с де Торресом прошли в мэрию, за нами проследовали охранники.

Я зашел в кабинку для голосования, задернул занавеску и включил машину для подсчета голосов. На лицевой панели только две кнопки, по одной на каждую партию. Я нажал на кнопку с надписью: «ДКРП». Машина довольно загудела, и на мониторе высветилось: «Ваш голос принят». Занавеска за моей спиной сама собой поднялась, я вышел, отступил на шаг, пропуская в кабинку маркиза.

— Как работает ваша аппаратура? — спросил я мрачного чиновника у входа.

Он недовольно поднял глаза от пола. Разговаривать со мной ему страшно не хотелось: вдруг заметят, — но от ответа ему было не отвертеться.

— Аппаратура электронная. Ваш голос поступает в банк машинной памяти. Вечером, после окончания голосования, центральный компьютер в столице подсоединится к нашему и другим таким же по всей стране и считает информацию. Затем, просуммировав голоса, выдаст окончательный результат.

— Откуда известно, что центральный компьютер не врет? Может, он запрограммирован так, чтобы присудить победу одной из сторон?

От столь нелепого предположения чиновнику сделалось дурно.

— Такого просто не бывает! И законом это запрещено. Уверяю вас, выиграет партия, набравшая большее количество голосов.

— Что ж, поживем — увидим. — Я протянул ему руку. После секундного колебания он неохотно пожал ее. — Запомните этот день. Сегодня диктатор будет выметен поганой метлой из нашего свободного государства. Желаю успехов!

Под рукоплескание избирателей мы пересекли площадь, сели в машины и покатили к замку.

— Итак, — сказал я, — дело сделано, до шести вечера отдыхаем. Надеюсь, повар приготовил нам приличный обед.

— Мы что, не будем сегодня никого агитировать? — удивился Боливар.

— И не будем защищать лояльных избирателей? — добавил Джеймс. — В таком случае, если не произойдет чуда, Сапилоте победит.

— Как интересно. — Я продемонстрировал им свою таинственную улыбку. — Надеюсь, на обед будет рыба. С сухим белым вином очень вкусно.

Обед удался на славу, а после отменных ликеров, признаюсь, я удалился в спальню. Заниматься политикой, знаете ли, весьма утомительно.

Вздремнув всласть, я открыл глаза. Анжелина стояла у западного окна. Солнце уже коснулось горизонта, и от ее точеного силуэта на светящемся оранжевом фоне было не отвести глаз.

— Дорогая, ты великолепна. Который час? — Я подавил зевок.

— Самое время лежебокам просыпаться. Избирательные участки только что закрылись. Я обо всем рассказала мальчикам. Твой замысел привел их в восторг, и они отбыли в назначенное время.

— Вот и славно. — Я встал, потянулся. — Пойду узнаю предварительные результаты.

Я спустился вниз и присоединился к маркизу. Тот, прослушав сообщение о ходе выборов, расхаживал по гостиной, как разъяренный тигр по клетке, и грозил телевизионному экрану кулаком.

— Ошеломляющая победа тирана, как и предсказывали. Сапилоте запутал избирателей, и те побоялись отдать свои голоса за правое дело.

— Думаю, маркиз, все гораздо проще. Главным компьютером для подсчета голосов управляют прислужники Сапилоте, и неудивительно, что он присудил победу своему господину. Именно поэтому мы и не стали терять время на дальнейшую предвыборную кампанию.

— В таком случае мы проиграли.

— Кто знает, кто знает? Все зависит от того, насколько зол на меня диктатор. А, вот и окончательные результаты.

Диктор — смазливый парень с жидкими усиками — махал перед камерой зажатыми в руке компьютерными распечатками.

— Воистину ошеломляющие результаты, — подогревал он энтузиазм аудитории. — Впечатляющая победа нашего дорогого генерал-президента Сапилоте. Свободное волеизъявление избирателей в очередной раз доказало, насколько он горячо любим нашим народом. И это несмотря на активные попытки подрывных элементов подточить десятилетиями сложившиеся устои нашего замечательного государства. Подождите секундочку... Да, только что мне вручили распечатку с окончательными результатами, результатами, которых все мы с нетерпением ждем.

— Ближе к делу, — не выдержал я.

Будто услышав меня, диктор сально улыбнулся и развернул лист бумаги.

— Результаты из городка Тортоса, относящегося к центральному избирательному округу. Городок граничит с земельными владениями де Торреса, так называемого маркиза де ла Роса. Против него недавно выдвинуты официальные обвинения в государственной измене и клевете, но, несмотря на это, его имя осталось в избирательном бюллетене в качестве кандидата на пост вице-президента. Так же как и имя умалишенного Гектора Харапо, который столь серьезно болен, что вознамерился стать нашим президентом. Но, граждане Параисо-Аки, повторяю, их имена были оставлены в

списках, что еще раз подтверждает демократичность нашего общества. В нашем государстве, леди и джентльмены, каждый, абсолютно каждый, даже самый ничтожный человечишко, может претендовать на высокий пост. А эти двое, скажу я вам, как раз из класса ничтожнейших. Доказательства тому передо мной. Цифры, как известно, не лгут.

Он опять замахал листом, а я пробурчал:

— Скорее, скорее, кретин.

Он будто вновь услышал меня.

— Поступившие из городка Тортоса результаты весьма забавны. Двое отъявленных негодяев, именующих себя дворянами, считали этот городок своей вотчиной и не стесняясь оказывали давление на избирателей, понуждая отдать свои голоса за них. Так вот, в Тортосе за генерал-президента проголосовало... пять тысяч триста двенадцать избирателей. За смутьянов Харапо и де Торреса... — выдержав секундную паузу, он заорал в микрофон: — Два голоса! Они сами за себя проголосовали!.. И больше — никто! Ни единый житель Тортосы! Вот что значит преданность своему вождю! Результаты выборов все еще поступают, но уже ясно, что наш дорогой великий генерал-президент будет переизбран на новый срок и никакие...

— Свинья! — заорал де Торрес, ударом ноги сбросив телевизор на пол. — Мы своими глазами видели, за кого голосовали жители Тортосы. Ложь! Бессовестная ложь!

— Иного я и не ожидал.

Я нажал на кнопку висевшей через плечо рации, послышался голос Боливара:

— Все готово.

— Начинайте. Итоги даже лучше, чем мы надеялись.

Маркиз, топча остатки телевизора, непонимающе смотрел на меня.

— Как только вернется колонна автомобилей, мы выйдем в эфир. Весь мир узнает, что...

— Колонна автомобилей?

— Сейчас объясню. Вы, маркиз, должны узнать новость раньше других. Сапилоте в своей дикой ярости угодил в наши силки!

Глава 29

Просветить маркиза было одним удовольствием.

— Решение всех наших проблем здесь, в тексте конституции. Прочитайте внимательно.

Де Торрес пнул напоследок телевизионные детали и взял из моих рук распечатку. По мере того как он читал, морщины на его лбу разглаживались, улыбка становилась шире и шире. Дочитав до

конца, он разразился хохотом и, отшвырнув распечатку, прижал меня к груди.

— Вы — гений! Гений!

Я не возражал. Да даже если бы и захотел, в его медвежьих объятиях было не то что слово вымолвить, вздохнуть невозможно. Горячо расцеловав в обе щеки, он отпустил меня. Воистину обычаи некоторых культур непонятны. От философских мыслей меня отвлек голос Анжелины из рации:

— Колонна автомашин пересекла охраняемый периметр. Пленки доставят через несколько минут.

— Отлично. Мы с маркизом успеем переодеться.

Вся наша команда собралась в гостиной. На большущем телевизионном экране мелькали сцены народного ликования по поводу очередного избрания Сапилоте в президенты, звук был приглушен, но и смотреть на вакханалию было тяжко. Я стоял перед книжной полкой с полным изданием законов Параисо-Аки в кожаных переплетах с золоченым тиснением, в правой руке — том конституции, указательный палец левой — на кнопке.

— Мы закончили, — сказала Анжелина. — Когда будешь готов, выходи в эфир.

— Я и сейчас готов, но пусть прежде заговорит сам Счастливый Канюк. А, вот и он. Эй, кто там ближе, включите звук?

Диктор, извиваясь от удовольствия, тыкал пальцем куда-то за камеру.

— Да, это случилось. Сквозь сущий ад к нам идет наш добрый ангел, не раз пожертвовавший собой ради нас в прошлом. Сегодня он вновь удостоил нас чести встать во главе государства. Он идет сюда, толпа ликует: слабые женщины падают в обморок, суровые мужчины смахивают слезы с глаз. Он поднимает руку, призывая к тишине, и тишина тотчас наступает, слышно только тяжелое дыхание его товарищей по партии и стук тел женщин, падающих в обморок. Леди и джентльмены, граждане благословенной Параисо-Аки, с неописуемым восторгом передаю микрофон генерал-президенту Джулио Сапилоте!

Довольная рожа Счастливого Канюка крупным планом. На большом экране он выглядел еще безобразней, чем в жизни, лягушачий рот был вытянут в подобие улыбки, маленькие глазки остекленели.

— Я рассчитывал на своих верных избирателей и не ошибся. Выборы закончены, и вы, жители Параисо-Аки, выполнили свой гражданский долг, проголосовали за достойного. Надеюсь, о преступнике Харапо мы сегодня слышим в последний раз...

Я нажал на кнопку, и его изображение сменилось моим.

— В последний раз? И не надейся, ничтожный лживый клоп! Бой еще впереди! Думаешь, подделал результаты выборов в своем лживом компьютере, обманул всех, и дело с концом? Не тут-то было! Приговор себе ты произнес собственными жабьими губищами. Правосудие восторжествует! Ты совершил тяжкое уголовное

преступление и поплатишься. Сейчас мир увидит, что мы отсняли в маленьком городишке Тортоса. Леди и джентльмены, взгляните, пожалуйста, на часы на городской башне. После закрытия избирательного участка прошло лишь несколько минут...

На экране появилась центральная площадь Тортосы, на переднем плане — Джеймс с микрофоном.

— Избирательный участок только что закрылся, и жители Тортосы собрались на площади, чтобы услышать результаты. По неустановленным причинам, вероятнее всего, из-за своей приверженности режиму лживого диктатора, мэр и шеф местной полиции несколько минут назад пытались незаметно покинуть город. Шеф полиции все еще в бессознательном состоянии, но мэр горит желанием поговорить с вами. — Камера отодвинулась, рядом с Джеймсом оказался мэр, его лицо было белее полотна. — Вы мэр города Тортоса?

Мэр покосился за спину, где маячил с виду щуплый Родригес, обеспечивая, видимо, добровольную помощь главе местной администрации.

— Да.

— Скажите, пожалуйста, господин мэр, проходили ли выборы в вашем городе в соответствии с законом и все ли голоса попали в избирательную машину?

— Да, конечно, все по закону.

— Скажите, а собравшиеся на площади люди — жители вашего города?

Побледнев еще больше, мэр оглядел толпу.

— Да... Большинство, я полагаю.

— Вы не знаете точно? Странно, ведь вы же мэр. Кстати, сколько лет?

— Двадцать два года.

— Тогда вы просто обязаны знать своих горожан в лицо.

— Я не уверен во всех из них.

— Да? Может, укажете хотя бы одного незнакомца?

— Ну... Вроде таких нет... Но я не уверен.

— В таком случае мы уверены, что в толпе — ни одного чужака. А-а-а, вот к нам присоединился и шеф местной полиции. Уж он-то поможет. Скажите, пожалуйста, капитан, как давно вы живете в Тортосе?

— Ну... Всю жизнь.

— Отлично. Не укажете ли вы хотя бы одного чужака в толпе?

Глаза капитана под густыми низкими бровями бегали.

— Нет.

— Замечательно. Мы закончили как раз вовремя. Сейчас огласят результаты выборов.

На площади ожили громкоговорители, сообщая уже известные нам результаты. Мэру и шефу полиции, казалось, вдруг стали тесны их костюмы. Прозвучала информация из Тортосы, послыша-

лись возмущенные крики горожан, а отцы города собрались было бежать, но на их пути встал Родригес.

— Вы слышали? Только два голоса за сэра Гектора Харапо, все остальные за Сапилоте. Давайте разберемся. — Джеймс щелкнул переключателем, и над площадью разнесся его голос: — Жители города Тортоса, с вами говорит доверенное лицо сэра Харапо. Машиной для подсчета голосов управляют приспешники Сапилоте. Зная это, сэр Харапо предположил, что лживый диктатор попытается одурачить вас, подделав ваши голоса в свою пользу. Так давайте узнаем правду. Пожалуйста, каждый, кто голосовал за сэра Харапо, поднимите руку. — Над площадью повисла тишина. Люди медленно подняли руки. Море рук. — Спасибо, опустите руки. А теперь поднимите руки те, кто голосовал за Сапилоте. — Все руки опустились и поднялись лишь две — мэр и шеф полиции, естественно, голосовали за своего босса. Джеймс продолжал: — Вот она, правда, граждане Параисо-Аки! Убедительнейшее доказательство нарушения закона о выборах. Все жители этого города, за исключением двоих, отдали свои голоса за сэра Харапо и были обмануты. Теперь ясно, что в Тортосе нарушены избирательные права граждан и победил не тот кандидат.

Я подал знак, и на экране вновь появилась моя физиономия. Я потряс перед камерой увесистым томом.

— Совершено преступление. Преступление, о котором упоминается на восемь тысяч третьей странице конституции Параисо-Аки. Закон однозначно трактует возникшую ситуацию. Сейчас я вам прочитаю. — Я раскрыл том. — «В случае использования электронных машин для подсчета голосов избирателей местной администрации предписывается: а — обеспечить точную запись голосов избирателей в машинную память; б — обеспечить тайну волеизъявления граждан. Подробнее о мерах по обеспечению данных требований смотри параграф девятнадцать статьи сорок закона о выборах.

В случае, если будет неопровержимо доказано, что распределение голосов хотя бы в одной машине одного округа не соответствует действительности, результаты всех выборов признаются недействительными, а через две недели проводятся повторные выборы с использованием старой системы подсчета голосов, в скобках: бумажных бюллетеней и ящиков для голосования. Победивший в этих выборах становится президентом. В обязанность ему вменяется организация инспекции всех электронных машин для голосования с целью использования в следующих выборах». — Я захлопнул том и поставил его на полку. Снова повернувшись к камере, насколько было в моих силах безразлично сказал: — Объявляю результаты сегодняшних выборов недействительными. Через две недели проводятся повторные выборы, и победит достойный!

Глава 30

— Сделано! — Анжелина пригладила мне бороду и звучно чмокнула в щеку. — Молодец! И об избирателях Тортосы ты также позаботился.

— Верно. Ради их и нашей безопасности они размещены в палатках возле замка. Они погостят у нас в недосягаемости от гнева Сапилоте две недели до выборов и получат щедрое вознаграждение. Вынужденные каникулы их вполне устраивают.

— Сапилоте наплюет на нашу передачу, — предрек де Торрес. — Новые выборы ему ни к чему, а власти в его руках достаточно, чтобы оставить все как есть.

— Он не осмелится, — заверил я маркиза. — Запись нашей передачи разошлем на все планеты, которые посылают сюда туристов. Если не будет новых выборов, правительства этих планет отвернутся от диктатора, а без поступления твердой галактической валюты его коррумпированный режим рухнет за месяц.

— Тогда мы победили! — Маркиз гордо поднял подбородок.

— Еще нет. Предстоит борьба за избирательные урны. Трудностей впереди уйма, но на каждый грязный трюк Сапилоте у меня заготовлено три, и наши шансы на успех весьма внушительны.

Последующие две недели мы вкалывали как каторжные. Власти Параисо-Аки изготовили ящики для голосования и в надлежащей обстановке запечатали их. С некоторыми трудностями мы достали один такой ящик с правительственного склада. С бюллетенями для голосования повторили ту же операцию. Обзаведясь образцами, мы наладили производство своих ящиков для голосования и напечатали столько же бюллетеней, сколько правительство. Не зная, что именно выкинет Сапилоте, я готовился к любым неожиданностям.

Хорхе, возглавив нашу агитационную команду, носился по городам и весям. Под его руководством местные добровольцы создавали секретные комитеты по выборам, получали рации и непрерывно поддерживали контакт с нами. Мы отпечатали агитационные брошюры и раздавали их повсюду. Каждый вечер граждане Параисо-Аки узнавали сначала официальные новости, затем в прямой эфир выходили радио- и телекомпания замка. Мы делали новости по возможности далекими от политики и максимально объективными. Правительственные техники старались вовсю, разыскивая нашу аппаратуру, но, как сами понимаете, безрезультатно. Вскоре они смекнули, что к чему, и пытались глушить сигналы из замка, но ничего из этой затеи у них не вышло. Жители Параисо-Аки впервые получили доступ к свободной информации, наши выпуски новостей стали для них глотком свеже-

го воздуха в затхлой атмосфере, годами царившей здесь. К концу второй недели мы не сомневались, что если бы итог предстоящих выборов зависел только от мнения избирателей, то режим Сапилоте потерпел бы сокрушительный крах.

На одиннадцатый день, за три дня до выборов, мы получили убедительнейшее тому доказательство.

Со мной связался руководивший охраной замка наемник.

— Извините, сэр Харапо, но вынужден побеспокоить вас.

— В чем дело?

— У границы периметра задержан правительственный автомобиль, и люди в нем не желают разговаривать ни с кем, кроме вас.

— Они представляют опасность?

— Вряд ли. Детекторы показали, что с собой у них только личное огнестрельное оружие. Взрывчатые, радиоактивные и ядовитые вещества не выявлены. В автомобиле один пассажир на заднем сиденье, на переднем двое — охранник и шофер.

— Кто пассажир?

— Неизвестно, окна в автомобиле прозрачны лишь в одном направлении.

— Пропустите их. Думаю, что, если за ними присматривать, хлопот они не доставят.

Так оно и вышло. Автомобиль остановился в полукилометре от замка среди деревьев. Боливар и Родригес позаботились о гостях — в секунду двое на переднем сиденье были разоружены и вышвырнуты вон. Я подошел и взглянул в темное окно. Чувствовал я себя в безопасности, возможно, благодаря своим бойцовским навыкам, возможно — переносному генератору защитного поля на поясе.

— Выходите, — велел я пассажиру.

Дверца машины медленно раскрылась, высунулась голова Сапилоте.

— Вот так сюрприз! — воскликнул я.

Диктатор, кряхтя, вылез.

— Оставьте, Харапо, я здесь по делу. — Он достал с сиденья металлический контейнер. Повернулся. Мой пистолет смотрел ему между глаз. — Убери пистолет, глупец. Твоя жизнь мне не нужна. — Он щелкнул переключателем на ящике, послышалось равномерное гудение, нас окружила стена густого, как кисель, тумана. — Это генератор белого шума. Теперь нашу беседу невозможно ни подслушать, ни прочитать по губам. Не хочу, чтобы появилась запись наших переговоров.

— Меня это тоже устраивает. — Я сунул пистолет в кобуру. — Что тебе здесь надо?

— Безмятежное правление давно наскучило мне, а ты — первый человек, давший мне бой за последние сто семьдесят лет. Я высоко ценю тебя и готов договориться по-хорошему.

— Тебе наскучило безмятежное правление? А что ты думаешь о людях, которых замучил до смерти за эти годы?

— Нас здесь только двое, так что прибереги пышные словеса для журналистов. Мне прекрасно известно, что о толпе баранов — народе — ты заботишься не больше, чем я...

— С чего ты взял?

— Ты, как и я, политик, а всех настоящих политиков интересуют только выборы, перевыборы. Выступив против меня, ты доказал твердость характера. Время схваток прошло, сейчас для нас наступил час сплотиться и прийти к взаимовыгодному соглашению. Ты знаешь, я не бессмертен...

— Лучшая новость из всех, какие я когда-либо слышал!

Мою реплику он пропустил мимо ушей.

— Мои гериатрические уколы уже не дают того эффекта, что прежде. Моя отставка — не за горами. Я присматриваю достойного преемника, ты меня устраиваешь. Ну, как предложение?

Демонстрируя, насколько подорвано его здоровье, он закашлялся и полез в карман за пилюлями.

Да, отличное предложение. Во всяком случае, в его понятии. Он создал безотказную политическую машину и предлагает рычаги управления мне... В обозримом будущем, конечно! Царское предложение!

— А от меня что требуется?

— Ты проиграешь выборы и возглавишь официальную оппозицию. Каждый крестьянин будет считать тебя величайшей исторической личностью со времени изобретения секса. К тебе примкнут все изменники либералы. Ты их организуешь, позаботишься, чтобы не путались у меня под ногами. И конечно, сообщишь о настоящих революционерах, а дальше уж мы ими займемся. Ну как, по рукам?

— Нет.

Лицо диктатора вытянулось, он так и сунул пузырек с пилюлями обратно в карман, не открыв.

— Почему?

— Видишь ли, я верю в закон: один человек — один голос...

— Ха, ха! Рассмешил!

— В равенство личности перед законом...

— Да брось ты!

— В свободу слова, в habeas corpus, в презумпцию невиновности...

— Да у тебя жар, Харапо!

— Так я и думал, что ты не поймешь. Хорошо, объясню доступно. Я хочу всю власть, и хочу прямо сейчас. Я хочу все богатство, все привилегии и почести, всех женщин и убью любого, кто встанет на моем пути. Теперь ясно?

Сапилоте кивнул.

— Как ты однажды заметил, я — старик, а от таких речей у меня поднимается давление. Ты напоминаешь мне меня в молодости. Становись моим другом, Харапо!

— Прежде я убью тебя!

— Отлично сказано! Но только я это сделаю первым. — Он повернулся, влез в автомобиль и, тяжело вздохнув, покачал головой. — Я не желаю тебе удачи, Харапо, но признаюсь, что, поговорив с тобой с глазу на глаз, испытал сильнейший эмоциональный подъем. Теперь я уверен, что после моей отставки работу продолжит достойный человек, человек, который понимает меня, думает, как я!

Хлопнула дверца. Я дал знак вернуть шофера и охранника на место. Они с довольным видом уселись на переднее сиденье, автомобиль развернулся и покатил прочь.

— Отец, что значит этот визит? — спросил Боливар.

— Сапилоте предложил мне весь мир. Партнерство сейчас и президентское кресло после его смерти.

— И ты согласился?

— Дорогой мой сын! Я — жулик, но, в отличие от Сапилоте, честный жулик. Я люблю людей, он же презирает все человечество в целом и каждого в отдельности. Бывает, я украду неправедно нажитое, но я не лишаю человека жизни или свободы. Да и вообще, у людей я не ворую, а изымаю богатства у корпораций, компаний, этих зажравшихся бездушных монстров нашей эпохи, которые...

— Извини, отец, но эту лекцию я уже слышал.

— Тогда пошли в замок. Не терпится после такой компании вымыть руки. Да и выпить не грех.

Глава 31

В день выборов я проснулся с первыми лучами солнца. Спрыгнув с постели, вдохнул полной грудью наполненный прохладой воздух.

Анжелина открыла правый глаз, взглянула на часы на туалетном столике. Увиденное ее явно не вдохновило.

— Откуда силы вскакивать в такую рань?

— Нынешний день не для лежебок! Сегодня вершится история, а я в этом деле — главное действующее лицо!

— Твои словоизлияния особенно раздражают по утрам. — Анжелина с головой укрылась простынкой. — Уходи, философствуй в другой комнате.

Насвистывая веселенький мотивчик, я спустился в столовую. Там застал раннюю пташку — маркиза. Он как раз завтракал, и я составил ему компанию.

— Сегодня вершится история! — воскликнул маркиз.

— Именно это я и сказал жене, но она не поняла. — Я вздохнул. — Что с нее взять, женщина.

Я произнес тост за победу, мы подняли чашки с кофе, чокнулись и выпили. Вскоре к нам присоединились Боливар и Джеймс.

В девять утра открылись избирательные участки, и мы вышли на связь с нашими сторонниками по всей стране. В течение минуты наши наблюдатели в дюжине мест подверглись нападению, в двоих стреляли, было выявлено четыре случая злостного нарушения закона о выборах. На меньшее я и не рассчитывал. Мы делали, что могли, но наши силы были незначительны по сравнению с мощью государственного аппарата Сапилоте, да и к тому же разрозненны. Было принято решение сконцентрировать наши усилия на крупных городах. Нашим самым действенным оружием были журналисты-инопланетчики. После того как по Галактике прокатилось известие об аннулировании результатов мошеннических выборов, многие соседние планеты заинтересовались политической обстановкой на Параисо-Аки. Некоторые крупные газеты прислали сюда своих репортеров, но, к сожалению, не у всех нашлись средства и время. Поэтому большинство писательской братии на Параисо-Аки имели в кармане свободную лицензию.

— Сработало! — воскликнул Боливар, снимая наушники рации. — Сообщение из десятого участка в Приморосо. Там холуи Сапилоте устанавливали свой ящик для избирательных бюллетеней и их застукали прямо на месте преступления. Подоспевший репортер заснял весь скандал на видео. Их ящик под шумок был заменен нашим. Нам повезло, что сюда прибыло так много журналистов.

— Везение, сынок, не всегда дело случая. На выборы прибыли сорок три журналиста со свободной лицензией, так как их нанял я. Журналисты наслаждаются оплачиваемыми каникулами и, если подвернется подходящий материальчик, не прочь на нем подзаработать.

— Мне следовало бы догадаться, па. Если существует какой-нибудь жульнический трюк для достижения своей цели, мой отец обязательно им воспользуется!

Я похлопал сына по плечу. Похвала, подобная этой, да еще от знатока в таких вещах, для меня дороже жемчуга.

К полудню нам пришлось туго. Наши люди были выдворены из многих избирательных участков в провинциях, где было сильно влияние Сапилоте. Да и свои собственные мы уже удерживали с трудом. В некоторых маленьких городках прислужники Сапилоте, угрожая пистолетами и даже винтовками, вламывались в избирательные участки и заменяли ящики для голосования. В вооруженные столкновения мы не вступали, ведь значение имели только крупные центры с большим количеством избирателей. Там уж мы позиций не сдавали.

По мере поступления рапортов маркиз мрачнел. Наконец он не выдержал и, ударив кулаком по раскрытой ладони, разразился речью:

— Наши люди сидят и наблюдают за устроенными Сапилоте бесчинствами! Мы проиграем, если будем только обороняться и не

нанесем ответный удар. Почему бы нам не перестрелять прихвостней диктатора?

Я покачал головой. Гонсалес де Торрес — неплохой человек, но мыслил весьма прямолинейно. Переделать его невозможно, и в обращении с ним я опирался на его врожденную доброту да на собственную хитрость.

— Дорогой маркиз, уверяю вас, что, если и дальше все пойдет как сейчас, мы выиграем выборы с разгромным для Сапилоте отрывом. Но если мы откроем стрельбу и затеем гражданскую войну, то ни о каких демократических выборах не может быть и речи.

— Плевать на демократию, главное — победа!

— Успокойтесь, маркиз. Пока, как вы говорите, мы оборонялись, к телефонным номерам каждого уличенного в жульничестве избирательного участка были прикреплены наши стафферы.

— Прикреплены... что?

— Стафферы. — Я вытащил из кейса небольшую металлическую коробку со множеством проводов. — Эти машинки соединены с нашим большим компьютером. После подсчета голосов чиновник зачитает результаты по телефону. Как только он наберет номер, наш компьютер смодулирует его изображение и голос и передаст их по телефонному кабелю; лжечиновник на приемном экране скажет то, что мы вложим в его уста.

— Вы совсем заморочили мне голову. — Маркиз разлил по стаканам рон. — Алкоголь стимулирует мою умственную деятельность.

— Благодарю. Мою тоже.

— Скажите, а насколько совершенен компьютерный чиновник? Если враги заподозрят подмену...

— Чиновник на экране будет выглядеть не хуже живого. Правда, процесс модуляции занимает время...

— Как много?

— Не беспокойтесь, никто ничего не заметит. Задержка не превышает четырех микросекунд. Компьютер у нас самый современный. Привезли с собой в миниатюре и увеличили с помощью МУВА.

— Объясните, пожалуйста, зачем мы тратим столько усилий на избирательных участках, если у нас есть столь хитроумные машины.

— Выборы, хотя бы внешне, должны выглядеть честными. Если новый мир начнется с явного мошенничества, то честным, справедливым ему уже не быть. Конечно, мы пользуемся жульническими уловками, иначе будем биты, но избирателям об этом знать ни к чему. Пусть остаются в беспечном неведении, считают, что демократия работает сама по себе... А она и будет работать, после выборов!

— Значит, мы изменим распределение голосов в избирательных участках... Вы, наверно, и общий счет голосов знаете?

— Что вы, маркиз, конечно, нет. Компьютерные чиновники появятся только в тех участках, где мы точно знаем, что приспешники Сапилоте подменили ящики для бюллетеней избирателей.

— Но почему? Можно же подделать все голоса в нашу пользу и избежать излишних волнений.

— Нет, пусть народ сам выберет своего президента.

— Какая разница, кто выберет, главное результат.

— Нет, все голоса мы подделывать не будем, это аморально. То, что мы совершаем, незаконно, но вполне соответствует нормам любой, пусть даже самой строгой морали. По поводу необходимости соблюдения моральных норм я вас просвещу как-нибудь в другой раз, а сейчас плесните, пожалуйста, еще по капельке рона — и за работу.

Мы работали не покладая рук, пока Анжелина и маркиза не вытащили нас из-за стола и не сопроводили в поджидающий вертолет.

— Зачем тебе эти побрякушки, дорогой? — спросила Анжелина, указывая на золотые ордена и орденские планки на моей груди.

— Избиратели хотят, чтобы их президент выглядел как президент. Так стоит ли их разочаровывать?

Результаты выборов огласят в оперном театре Приморосо. Традиционно каждые четыре года там собирались сторонники Сапилоте, горячо приветствовали его очередное переизбрание. В этом году в выборах участвовало два кандидата, и результат, как я надеялся, будет иным.

Не исключено, что Сапилоте попытается нас устранить по дороге, поэтому до Приморосо мы долетели в сопровождении тяжеловооруженных вертолетов. На аэродроме нас поджидали автомобили, и до оперного театра мы добрались благополучно. В здании опасаться было уже некого, так как Сапилоте тоже дорожил своей жизнью и по взаимному молчаливому соглашению вооруженные люди внутрь не допускались.

Мы поднялись на сцену. Сапилоте прибыл раньше. Я приветливо помахал ему рукой, он в ответ высморкался и демонстративно харкнул на пол.

— Похоже, генерал-президент сегодня не в лучшем расположении духа, — заметила Анжелина. — Надеюсь, у него на то веские причины.

Празднество было организовано с шиком, шампанское лилось рекой, толпа, поглядывая на огромное табло над нашими головами, неистовствовала. На табло высвечивалось распределение голосов. Сейчас на нем, как перед футбольным матчем, был счет 0:0.

Звякнул колокольчик, люди притихли. На трибуну поднялся председатель комитета по выборам.

— Все избирательные участки закрыты, начался подсчет голосов, — сказал он в микрофон. Зал разразился бурей оваций. — Только что поступили первые результаты из города Кукарача. Кукарача, вы нас слышите?

Экран под табло со счетом засветился, на нем появилось огромное лицо.

— Кукарача на связи. — Чиновник на экране опустил глаза на бумаги в руках. — За Сапилоте проголосовало шестнадцать избирателей, за Харапо... девятьсот восемьдесят. Желаем сэру Харапо крепкого здоровья!

Человек на экране обеспокоенно огляделся и исчез.

Ко мне придвинулся маркиз и прошептал на ухо:

— Отлично сделано. Никогда бы не догадался, что говорил не живой человек, а смодулированное компьютером изображение.

— Дела, маркиз, обстоят даже лучше, чем вы думаете. Говорил настоящий человек. И распределение голосов тоже настоящее. Будем надеяться, что и дальше все пойдет так.

Но получилось иначе. Приспешники Сапилоте не дремали, и после следующего сообщения счет оказался не в мою пользу. Так и пошло, из избирательных участков поступали результаты, и после каждого то я вырывался вперед, то — Сапилоте. Так мы с ним и шли голова к голове. Счет на табло постепенно увеличивался, напряжение в зале тоже.

— Весьма острые ощущения, — поделился со мной маркиз. — Выборы возбуждают не меньше, чем бои быков. У меня даже в горле пересохло. Я случайно прихватил с собой фляжку с роном девяностолетней выдержки. Чертовски хочется глотнуть. Не подскажете, долго ли еще до конца?

— Осталось четыре округа.

— Какие из них наши?

— Не знаю, — признался я. — Давно сбился со счета.

На первом участке победил Сапилоте. На следующем — я, но общий счет все равно остался не в мою пользу. Поступило сообщение из третьего участка. После него я отставал на семьдесят пять голосов.

— Лучше бы мы подделали все сообщения! — воскликнул маркиз.

— А еще лучше — пристрелили бы старого Канюка, — недовольно заявила Анжелина.

— Мы — демократы, — сказал я. — Разве забыли? Один гражданин — один голос, и результат неизвестен до самого конца...

— Внимание, леди и джентльмены. Поступил еще один результат. Последний!

На экране над нашими головами появилось очередное лицо, и мы вывернули шеи, силясь разглядеть его получше.

— Несказанно рад, что финальный результат принадлежит именно нашему Салисомбре — городу-саду на южном берегу океана... — Чиновник запнулся, слушатели недовольно забормотали, я

заскрипел зубами. — В нашем городе по результатам голосования следующие итоги... Минуточку, сейчас сверюсь с записями...

— После выборов первым делом казню этого шута горохового! — донеслась до нас реплика Сапилоте.

Маркиз кивнул, первый и последний раз соглашаясь с диктатором.

— А, вот и бумаги. Рад сообщить, что жители великолепного города Салисомбре отдали 819 голосов за нашего дорогого генерал-президента Сапилоте...

— Итак, старый негодяй опережает нас на 894 голоса, — прошептала Анжелина. — Придется все-таки его отравить.

— ...А за другого кандидата... Забыл, как его зовут... А, вот мне подсказывают — Харапо... За него отдано... постойте... О господи! — Глаза чиновника округлились, на лбу выступил пот. — Я вынужден сказать, что за него отдано... 896 голосов!

Люди в зале точно с цепи сорвались. Сапилоте покраснел до корней волос и погрозил мне кулаком.

— Вы победили с отрывом в два голоса! — воскликнула Анжелина. — Ты, мой дорогой, и замечательный маркиз де Торрес!

— Правда восторжествовала! — неистовствовал маркиз.

Я встал, поклонился залу, нагнулся, поцеловал Анжелину, обменялся рукопожатием с де Торресом и, показав Сапилоте нос, подошел к микрофону. На меня были нацелены десятки камер, от шума закладывало уши. Я поднял руки, призывая зал успокоиться. Гвалт стих лишь минуты через три-четыре, и я заговорил:

— Спасибо, друзья, спасибо. Я скромный человек... — Анжелина захлопала в ладоши, и зал поддержал ее. Ожидая тишины, я стоял и улыбался. Наконец смог продолжить: — Как я уже сказал, я скромный человек и от волнения едва говорю. Но публика меня просит выступить и я выступаю. В эту историческую минуту я торжественно обещаю...

Выстрела я не услышал. Меня отбросило на несколько метров и швырнуло на спину. Моя голова безвольно упала на грудь. Последнее, что я увидел — расползавшееся по сорочке кровавое пятно...

Послесловие

Не исключаю, что где-то на задворках планеты есть люди, не знающие меня. Для них представлюсь. Мое имя — Рикард Гонсалес де Торрес, маркиз де ла Роса. Выполняя просьбу историков Параисо-Аки, я записывал события того черного для нашей планеты дня. Я — не профессиональный писатель, но мужчины из рода Торрес, как бы ни были обременены заботами, никогда не уклоня-

лись от ответственности. Не уклонюсь и я, ведь мне больше других известно об обстоятельствах дела.

Начну, как и должно начинать рассказ, с начала. Я сидел позади благородного сэра Гектора Харапо, этого джентльмена, ученого, любящего и любимого отца. Любой самый возвышенный эпитет слишком беден для него. Но я отвлекся... Я сидел позади него, а он обращался к залу, к миру, ко всей Галактике. Это был час нашей величайшей победы, час, когда ненавистный Сапилоте потерпел сокрушительное поражение в ходе честных демократических выборов; сэр Харапо стал президентом Параисо-Аки, а ваш покорный слуга — вице-президентом. Мир в ту историческую минуту стал чище, лучше.

Прогремел выстрел. Стреляли из крошечного окошка под потолком, которым, как я полагаю, пользуются осветители или техники в ходе спектакля. Я видел, как от удара пули дрогнуло тело дорогого мне человека, и он упал. Через мгновение я был рядом. В его глазах еще светилась жизнь, но взор его с каждой секундой тускнел. Я встал перед ним на колени, взял его ладонь в свою. Из последних сил он слабо сжал мою ладонь.

— Друг мой... — Он вдруг закашлялся, его губы посинели. — Дорогой мой друг... Я покидаю этот мир. Продолжи нашу работу... Борись за идеалы справедливости. Будь тверд. Обещай мне... Обещай, что построишь новый мир, мир, о котором мы мечтали вместе...

— Обещаю, я обещаю. — Клянусь, мой голос в ту минуту сорвался от переполнявших меня чувств.

Его глаза закрылись, но, должно быть, он услышал мое обещание, ибо еще крепче стиснул руку. Через секунду он был мертв.

Тут подоспела его верная жена, оттолкнула меня и с необычайной для ее хрупкого тела силой сжала его в объятиях.

— Этого не может быть! — кричала она, и мое сердце обливалось кровью. — Этого не может быть! Он жив!.. Врача, «Скорую помощь»! Его спасут...

Его вынесли, но ему уже нельзя было помочь. Я упал на стул и опустил глаза. Впервые я увидел на своей руке его благородную кровь. С трепетом я вытащил из нагрудного кармана носовой платок и прижал его к ладони. Капли крови впитались в тонкий шелк, и тогда я поклялся хранить окровавленный платок как величайшую реликвию.

Своей клятве я верен. Вскоре священный платок был помещен под стеклянный колпак и будет храниться в нейтральных газах вечно. Сейчас, когда я пишу эти строки, реликвия стоит на столе рядом с драгоценной королевской короной, которую нашли в личных покоях негодяя Сапилоте. Похоже, диктатор намеревался короноваться.

Дальнейшее всем хорошо известно. Похороны собрали многотысячные толпы, его скромную могилу до сей поры ежедневно посещают сотни людей.

О судьбе его врагов вы тоже знаете, ведь об этом написано в десятках книг и газет. Вы знаете, как люди в зале оперного театра в едином порыве вскочили на ноги и с криком: «Смерть деспоту!» бросились на Сапилоте, намереваясь разодрать его в клочья. Знаете, как одержимый страхом диктатор скулил перед праведным гневом народа.

В эту минуту вернулась жена благородного сэра Харапо, загородила собой скулящее создание и, подняв над головой руки, обратилась к толпе:

— Слушайте меня, люди Параисо-Аки, слушайте меня! Мой дорогой муж мертв. Его не воскресить, но не предавайте его, не нарушайте мир, ради которого погиб мой муж! В своих деяниях опирайтесь на силу закона, а не на закон кулака и не изменяйте этой заповеди, даже имея дело с такой нечистью, как Сапилоте. Проклините его за преступления, но не оскверняйте его кровью своих рук. Мой муж всей душой ненавидел убийства, так не совершайте убийство от его имени. Спасибо.

Я закаленный человек, но признаю, в ту минуту в моих глазах стояли слезы. Да и не было тогда в зале человека с сухими глазами. Даже ненавистный Сапилоте расплакался от облегчения.

Вдова благородного сэра Харапо покинула Параисо-Аки на следующее утро. Я провожал ее на космодроме. На трапе она обернулась и помахала мне рукой. За ней в космический корабль прошли двое храбрых юношей, Джеймс и Боливар. Все имущество сэра Харапо осталось в родовом имении. Стюард внес за вдовой лишь два больших чемодана. Люк за их спинами захлопнулся, и с тех пор я их не видел.

Дальнейшие события тоже принадлежат истории. Хотя я и не хотел принимать ответственный пост президента Параисо-Аки, но отказать не смог, ведь такова была последняя воля умирающего. Этот пост я занимаю и поныне, и большинство граждан Параисо-Аки считают, что я не подвел благородного сэра Харапо.

Негодяи, которые терроризировали людей многие годы, предстали перед судом, и их вина была доказана. Мы обратились в Межзвездную лигу правосудия, там наш приговор подтвердили и отправили негодяев на планету-тюрьму Калабосо. Отправили всех, каждого коррумпированного судью и полицейского, каждого гнусного ултимадо. Подобной нечисти не место на нашей цветущей планете. Калабосо — довольно дикая планета с суровым климатом. Людей-охранников там нет, порядок поддерживают лишь несколько мощных роботов. Чтобы выжить, все заключенные там сами добывают себе хлеб насущный. Негодяи заслужили свою участь, отныне их судьба в их руках, но с планеты-тюрьмы им не выбраться.

Мой рассказ подошел к концу. Как ваш президент я делаю все, что в моих силах, и мир с моим вступлением на пост изменился к лучшему. И все благодаря ЕМУ. ОН будет жив в нашей памяти вечно. Спасибо тебе, дорогой друг. Прощай!

Еще одно послесловие

Как уже говорилось, убить Стальную Крысу много сложней, чем утомить. Не знаю, какие уж сувениры прихватила с собой Анжелина, возможно, бруски платины или мешочки с золотыми монетами, но чемоданы едва не вырвали мне руки из суставов. Пошатываясь, я поднялся за женой и сыновьями на борт космического корабля. Люк за нами захлопнулся, я с облегчением разжал ладони, и чемоданы грохнулись на палубу.

— Джеймс, Боливар! Не соблаговолит ли кто-нибудь из вас донести эти тяжеленные чемоданы до каюты вместо вашего стареющего отца?

Я прижал кулак к ноющей спине, и мой позвоночник громко хрустнул. Что за благодать! Два пассажира повернулись и удивленно воззрились на нас. Я тут же выхватил проклятые чемоданы из рук Боливара.

— Нет-нет, сэр. Таскать тяжести на корабле — моя работа. Старик Джим донесет их до вашей каюты. Сюда, пожалуйста, мадам и джентльмены, ваши апартаменты там.

Я засеменил по коридору. Моя семья последовала за мной. Лишь только за спиной захлопнулась дверь, я уронил чемоданы и застонал.

— Бедненький мой. — Анжелина подхватила меня под руки и отвела к креслу. — Сядь, отдохни, а твоя верная женушка облегчит твои страдания.

Опустившись в кресло, я отлепил от лица седые усы и брови, снял порядком надоевший парик и зашвырнул их в угол. Анжелина открыла ближайший чемодан. Внутри оказались проложенные мягким пластиком темные бутылки. Анжелина достала одну, стерла носовым платком вековую пыль.

— Рон стотридцатилетней выдержки. И довольно изрядное количество. На память о славной планете Параисо-Аки. Если не возражаешь, налью тебе стаканчик.

— О, свет моей жизни! — воскликнул я. — Ты так добра ко мне!

Выпив рона, я будто заново на свет родился.

— После твоего «убийства» раздобыть для тебя сувенир посущественней я просто не успела.

— Убийство было вроде разыграно неплохо? — Впервые после своей «кончины» я говорил с семьей без посторонних. — Ты отличный стрелок, Джеймс. Попал точнехонько в пакет с кровью, но в следующий раз используй калибр помельче. Пуля ударила с такой силой, что меня зашвырнуло на противоположный конец сцены.

— Извини, па, но двести девять метров — приличное расстояние. Для точного попадания мне нужна была прямолинейная траектория, оттого и такой калибр. А твой большой золотой орден, скажу я тебе, прекрасная мишень.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — философски заметил я, отпил еще глоток рона и причмокнул от удовольствия. — Проблем с отходом, надеюсь, у тебя не возникло?

— Все прошло гладко. Боливар поднялся по лестнице через секунду после моего выстрела. Я бросил винтовку на месте, и мы возглавили «погоню за убийцей». Получилось даже лучше, чем мы планировали. Твой старый знакомый, полковник Оливера, тоже включился в преследование, и мы без труда выманили его в пустую темную аллею.

— Глупый, глупый полковник! — не удержался я. — Надеюсь, вы его наградили по заслугам?

— Еще бы! Мы отправили его спецрейсом на планету-тюрьму, роботов запрограммировали высадить его на необитаемом острове и продержать там в полной изоляции три года. Думаю, размышления в одиночестве улучшат его характер.

— Правильно сделали. Пока я в отеле прикидывался туристом, просмотрел несколько выпусков теленовостей. Все вроде выглядело достоверно. Даже мои «похороны». Я сам чуть не поверил, что в гробу настоящее тело.

— Так оно и было. — Анжелина внезапно стала серьезной. — У меня две новости: плохая и хорошая. Начну с плохой. Один из наших был убит ултимадо. Ты, может, его помнишь — Адолфо, карточный шулер. Тот самый, что так ловко подменил в Приморосо фальшивые урны для голосования нашими. Его, смертельно раненного, доставили в тот же госпиталь, что и тебя. Умер он через несколько минут. Друзей у него не нашлось, вот мы и воспользовались случаем...

— Жаль Адолфо. Он был неплохим карточным шулером и отличным человеком. Да упокоится тело его в мире. — Я вздохнул и молча выпил в его память. — Ну а хорошая новость?

— Хорхе и Флавия поженились. Оказывается, они вот уже несколько лет были обручены и поклялись не венчаться, пока их планета не обретет свободу.

— Как романтично! — Я взглянул на помрачневших близнецов. — Не грустите, ребята, в Галактике на вашу долю незамужних дам хватит. Ну а как дела у настоящего сэра Харапо?

— С ним — полный порядок, — сообщил Боливар. — Мы снабдили его безумно дорогими гериатрическими препаратами Сапилоте и сбрили бороду. В одночасье он помолодел лет на тридцать и теперь вполне сойдет за собственного сына. Он продолжает исследования своего «отца» по выведению нового сорта какой-то там ягоды. Что произошло, он толком не понимает, но верные семье слуги его не оставят.

— По-моему, приключение закончилось как нельзя лучше. Плохие парни наказаны, маркиз возглавляет спектакль, на Параисо-Аки наконец — мир и спокойствие. А некоторыми эпизодами нашей героической борьбы с несправедливостью и собственной скукой мы можем вполне гордиться.

— Выпьем за это! — Анжелина откупорила бутылку. — Последний бокал шампанского — и я вступаю в Межгалактическое общество трезвенников.

— Вот и отлично, мои запасы рона дольше протянут.

Мы подняли бокалы, чокнулись и выпили. Что за счастье жить в нашей благословенной Вселенной, особенно с такой замечательной семьей, как моя!

Шампанское и древний рон смешались в моем желудке, и живот недовольно заурчал. Через секунду последовал острый приступ гастрита. Анжелина права, пора в общество трезвенников. Прикончив напоследок, конечно, бутылки в чемоданах.

Стальная Крыса поет блюз

Глава 1

Непростое это занятие — ходить по стенам, а уж прогулка по потолку казалась и вовсе невозможной. До тех пор, пока я не сообразил, что выбрал не тот способ. Стоило чуточку пошевелить извилинами, и все прояснилось. Держась руками за потолок, я не мог передвигать ноги, а посему отключил молекусвязные перчатки и свесился макушкой вниз. Теперь только подошвы ботинок притягивали меня к штукатурке. В голову сей же момент с напором хлынула кровь, и сопутствовали ей тошнота и ощущение превеликого неудобства.

Что я тут делаю, зачем свисаю с потолка вниз головой, наблюдая, как станок подо мной штампует монеты в пятьсот тысяч кредитов, и внимая их упоительному позвякиванью при падении в корзины? По-моему, ответ самоочевиден. Я чуть не свалился на станок, когда отключил питание на одном ботинке. Взмахнув ногой в великанском шаге, я снова грохнул подошвой о потолок и тотчас включил питание; поле, испускаемое генератором в ботинке — то самое поле, что соединяет молекулы друг с другом, — превратило мою ногу в часть потолка. Разумеется, на время работы генератора.

Еще несколько огромных шагов — и я над корзинами. Тщетно не замечая головокружения, я ощупал громадный до безобразия пояс и вытянул из пряжки бечеву с фишкой на конце. Сложившись пополам, дотянулся до потолка рукой, прижал фишку к штукатурке, включил. Молекусвязное поле вцепилось в потолок бульдожьей хваткой и позволило мне освободить ногу — чтобы повисеть, качаясь, правым боком вверх, и дождаться, пока от багровой физиономии оттечет кровь.

— Действуй, Джим, — посоветовал я себе, — нечего тут болтаться. В любую секунду может подняться тревога.

Словно уловив намек, засверкали лампы, и стены затряслись от рева сирены, которому позавидовал бы Гаргантюа. Я не объяснял себе, что и как надо делать, — не было времени. Палец сам вдавил кнопку на пряжке, и невероятно прочная, практически невидимая мономолекулярная леска быстро опустила меня к корзине. Как только мои загребущие лапы со звоном утонули в монетах, я застыл в воздухе, распахнул атташе-кейс и зачерпнул им, точно ковшом экскаватора, целую гору кругленьких сияющих милашек. Пока

крошечный мотор выбирал леску, поднимая меня к потолку, я захлопнул «дипломат» и щелкнул замком. Наконец моя подошва снова намертво прилипла к штукатурке, и я отключил подъемное устройство. В этот момент внизу отворилась дверь.

— Сюда кто-то совался! — закричал охранник, тыча оружием перед собой. — На двери сигнализация вырублена!

— Может, ты и прав, да только я никого не вижу, — изрек его напарник.

Они глянули под ноги и по сторонам. Но не вверх. Я надеялся на лучшее и готовился к худшему, ощущая, как от подбородка ко лбу струится пот. И с ужасом смотрел, как о шлем охранника разбиваются капли.

— В другой цех! — выкрикнул он, заглушив щелчок очередной капли пота.

Они рванули вон, дверь хлопнула, я прошел по потолку, съехал по стене и обмяк в изнеможении на полу.

— Десять секунд, — предупредил я себя.

Выживание — суровая школа. Идея, показавшаяся мне в свое время недурной, возможно, и впрямь была недурной. В свое время. Но сейчас я испытывал раскаяние — дернула же меня нелегкая посмотреть те новости!

Торжественное открытие нового монетного двора на Пасконжаке — планете, частенько именуемой Монетным Двором... Первые в истории человечества монеты достоинством в полмиллиона кредитов... Приглашены знаменитости и пресса.

На меня это подействовало, как на спринтера — хлопок стартового пистолета. Через неделю я прошел таможенный контроль пасконжакского космодрома с чемоданом в руке и удостоверением репортера ведущего агентства новостей в кармане. Армия вооруженных охранников и уймища защитных устройств не охладили мою психопатическую одержимость. С таким чемоданом я мог не бояться никаких датчиков — чем ты его ни просвечивай, он все равно будет демонстрировать ложное содержимое. Оттого-то поступь моя была воздушна, а улыбка — широка.

Но теперь мое лицо обзавелось пепельным оттенком, а ноги предательски дрожали, когда я заставил себя встать на них.

«Ты должен выглядеть спокойным и собранным, — проговорил я в уме. — И думать о чем-нибудь невинном».

Я проглотил успокаивающе-собирающую таблетку мгновенного действия и направился к двери. Шаг, другой, третий... И вот глаза лучатся самоуверенностью, походка обретает чинность, а сознание — чистоту. Надеваю очки в оправе, густо усаженной «алмазами», и гляжу сквозь дверь. Ультразвуковое изображение идеально четким не назовешь, но можно разглядеть силуэты спешащих мимо людей, а больше ничего и не требуется. Когда промелькнул последний силуэт, я отпер дверь, проскользнул в нее и позволил ей затвориться за моей спиной.

Невдалеке охранники, вопя и размахивая оружием, гнали по коридору толпу моих коллег-журналистов. Я отвернулся и твердым шагом двинулся в противоположном направлении. Свернул за угол...

Постовой опустил ружье, дуло уперлось в пряжку моего пояса.

— La necessejo estas tie? — Я изобразил чарующую улыбку.

— Че ты вякнул? Ты че тут делаешь?

— Вот как? — Я фыркнул распяленными ноздрями. — Весьма низкий уровень образования. В частности, знание эсперанто оставляет желать лучшего. Правильно?

— Пра-ально. А ну, вали отсюдова!

— О, вы так любезны!

Я повернулся и скромненько удалился на три шага, прежде чем смысл ситуации проник в его вялые синапсы.

— Эй, ты! А ну назад!

Я остановился, повернулся и показал мимо него.

— Что, туда?

Газовый баллончик, спрятанный у меня в ладони, коротко прошипел. Охранник закрыл глаза и повалился на пол. Я выхватил ружье из его обессилевших рук... и сразу положил на мерно вздымающуюся грудь. На что оно мне? Я отошел от охранника, открыл дверь на аварийную лестницу, закрыл ее за собой, привалился спиной к створкам и очень глубоко вздохнул. Затем извлек из репортерского бювара карту и водрузил палец на значок, отмечающий лестницу. Так. Теперь вниз, в кладовку... Но внизу кто-то ходит! Значит, вверх. Тихо-тихо, благо подошвы мягкие. Все нормально, в плане есть и такой вариант. Конечно, лучше всего — двигаться к выходу вместе с толпой, но раз уж выбирать не приходится, можно и вверх... на пять или шесть маршей, на последнюю площадку перед дверью с табличкой «КРОВ», что на языке туземцев, вероятно, означает «крыша». Непростая дверка, целых три охранных устройства... Обезвредив их, я раздвинул створки и проскочил между ними. Огляделся. Крыша как крыша, со всем, что положено крыше: резервуарами для воды, вентиляционными шахтами, кондиционерами и солидной дымовой трубой, выдыхающей грязь. Лучше и быть не может.

Я со звоном ссыпал деньги в мешок, а следом за ними побросал все снасти, способные меня скомпрометировать. Переломил пряжку ремня, извлек катушку с моторчиком и молекусвязной фишкой. Сунул ее в мешок, вытянул фишку наружу, затянул горловину мешка и завязал. Опустил его в дымоход на глубину руки и прикрепил изнутри к трубе подъемное устройство.

Готово! Остается лишь выждать, пока уляжется суматоха, и вернуться за добычей. Можно, если хотите, назвать это вкладом до востребования.

Затем, вооруженный одной невинностью, я вернулся к лестнице и спустился на первый этаж.

Дверные створки медленно и беззвучно раздвинулись и сошлись. За ними стоял охранник — спиной ко мне и так близко, что можно дотянуться рукой. Что я и сделал, да еще похлопал его по плечу. Он с визгом отскочил, развернулся и вскинул ружье.

— Простите, не хотел вас побеспокоить, — вежливо сказал я, — но боюсь, я потерял своих коллег. Вы не знаете, где сейчас все журналисты?

— Сержант, я тут сцапал одного, — пробормотал он в микрофон, укрепленный на плече. — Ага, это я, рядовой Измет, одиннадцатый пост. Так точно. Есть задержать. — Он навел на меня ствол. — Не вздумай рыпаться!

— Уверяю вас, это совершенно не входит в мои намерения!

Я полюбовался ногтями, снял с пиджака несколько пылинок и засвистал веселый мотивчик, стараясь не обращать внимание на подрагивающее дуло. Наконец раздался частый топот множества ног, и нас атаковал взвод под предводительством мрачного сержанта.

— Добрый день, сержант. Вас не затруднит объяснить, почему в меня целится этот солдат? Нет, лучше скажите, почему вы все в меня целитесь?

— Изъять «дипломат»! Надеть наручники! Увести!

Немногословный он парень, этот сержант. На картах, розданных журналистам, не был отмечен лифт, в который меня затолкали. Как и не было на них даже намека на многочисленные ярусы под первым этажом. Подземелье бог знает на какую глубину уходило в планетное чрево. По моим барабанным перепонкам шарахнуло давлением. Мы проезжали ярус за ярусом, и вскоре я сбился со счета, но их числу определенно позавидовал бы любой небоскреб. От мысли, что я откусил гораздо больше, чем способен прожевать, мой желудок съежился. Наконец меня вышвырнули из лифта, провели по коридору, перегороженному на каждом шагу решетчатыми воротами, и втолкнули в помещение особенно мрачного вида — с традиционно голыми стенами, лампами без абажуров и жесткой табуреткой. Я тяжко вздохнул и сел. Мои попытки завязать разговор остались без внимания, как и предъявление репортерского пропуска. Впрочем, его у меня забрали вместе с ботинками, а следом за ними отправилась и одежда. Я накинул халат из черной колючей мешковины и более не старался разговорить охранников.

Честно говоря, мой боевой дух в те минуты пребывал не на высоте и падал все ниже по мере того, как слабело действие успокаивающе-собирающей таблетки. Как раз в тот миг, когда он шлепнулся на самое дно, громкоговоритель неразборчиво пробулькал несколько приказов, и меня в спешке препроводили по коридору в другой кабинет — с точно такими же голыми лампами и табуретом. Но здесь обстановку дополнял металлический стол, и еще больше металла было в глазах офицера, который восседал за ним. Вперив в меня весьма красноречивый взгляд, он указал на мою расчлененную одежду, «дипломат» и обувь.

— Меня зовут полковник Неуредан, и я тебе не завидую.

— Вы со всеми журналистами-межпланетниками обращаетесь подобным образом?

— Никакой ты не журналист, — изрек он с теплотой двух жерновов, трущихся друг о друга. — Документы липовые. Кроме того, у тебя в ботинках молекусвязные генераторы.

— Разве их ношение запрещено законом?

— Здесь, на Пасконжаке, запрещено. Наш закон карает за все, что угрожает безопасности Монетного Двора и выпускаемых им межпланетных кредитов.

— Но ведь я ничего плохого не сделал!

— Все, что ты сделал, плохо. Подделка документов — раз. Нелегальное проникновение на охраняемую территорию — два. Усыпление охранника — три. Любое из этих преступлений учтено нашим уголовным кодексом. Четырнадцать пожизненных сроков — вот что тебе светит! — От его голоса, и без того угрюмого, повеяло могильной жутью. — И даже кое-что похуже.

— Шутите? Что может быть хуже четырнадцати пожизненных сроков?

Как ни силился я держать себя в руках, голос мой прозвучал надтреснуто.

— Смертная казнь. Кража на Монетном Дворе карается смертью.

— Но ведь я ничего не украл!

Проклятый голос! Дрожит, чтоб его!

— Очень скоро мы это выясним. Приняв решение чеканить пятисоттысячные монеты, мы надлежащим образом позаботились об их защите. Подсыпали в материал микроскопические приемники, улавливающие особый сигнал на особой частоте. А еще — звуковые устройства, выдающие их местонахождение.

— Ну и глупо! — заявил я с ничем не обоснованной бравадой. — Здесь это не сработает. Столько монет...

— Все они уже в надежном хранилище под десятью футами свинца. Если хоть одна монета — снаружи, мы ее услышим.

Будто в подтверждение его слов вдали раздался колокольный звон. Железную физиономию моего инквизитора украсила ледяная улыбка.

— Это они, — вымолвил он.

Мы просидели в молчании несколько долгих минут. Наконец раскрылась дверь, и знакомые охранники бросили на стол знакомый мешок. Офицер взял его за уголок, медленно приподнял, и на стол со звоном посыпались монеты.

— Так вот они какие! А я и не...

— Молчать! — громыхнул полковник. — Они похищены из чеканного цеха. Найдены в трубе плавильной печи вместе с орудиями преступления.

— Ничего не доказывает.

— Все доказывает!

Он метнулся ко мне с проворством змеи, схватил за руки и хлопнул ими по прозрачной пластине на столе. Над ней тотчас возникла голограмма моих отпечатков.

— На монетах нашлись «пальчики»? — спросил он, оглядываясь через плечо.

— Сколько угодно, — ответил призрачный голос. На столе отъехала крышка ящичка, явив нашим глазам что-то вроде фотоснимков. Полковник рассмотрел снимки и, опуская их в щель возле пластины, снова согрел меня улыбкой айсберга. В воздухе образовалась вторая голограмма. Подчиняясь прикосновению офицерского пальца к пульту управления, она подплыла к первой и наложилась на нее.

Изображения померцали и слились воедино.

— Совпадают! — торжественно заключил Неуредан. — Если хочешь, можешь представиться, чтобы мы правильно высекли на обелиске твое имя.

— При чем тут обелиск?! И при чем тут смертная казнь? Это противоречит галактическим законам!

— Здесь галактические законы не действуют, — произнес он назидательным тоном кладбищенского сторожа. — Здесь действуют только законы Монетного Двора. Его приговор обжалованию не подлежит.

— А как же суд... — промямлил я, и в голове заплясали видения: адвокаты, присяжные, кассации, апелляции...

В его голосе не было и тени сочувствия, а с лица бесследно исчезла даже улыбка айсберга.

— На Монетном Дворе кража карается на месте преступления. Суд проводится *после* исполнения приговора.

Глава 2

Я еще совсем молод, но вряд ли состарюсь. Вступая на преступную стезю, человек подчас здорово сокращает свой жизненный срок.

...И вот я здесь, и хотя мне нет и двадцати, я успел повоевать на двух войнах, побывать в плену и под ружьем, пережить трагическую кончину моего лучшего друга Слона и познакомиться с впечатляющей личностью — великим искусственным разумом по имени Марк Четвертый. Неужели это все? Неужели в моей жизни больше ничего не случится?

— Черта с два! — выкрикнул я.

Два охранника еще крепче сжали мои руки и поволокли меня по коридору. Третий вооруженный конвоир прошел вперед и отпер камеру, а тот, что замыкал шествие, двинул меня стволом по почкам. Они были хорошо натасканы и не считали ворон. И смотрелись весьма внушительно — рослые такие, упитанные. А я был невысок и худощав и вдобавок съежился от страха.

Как только отворилась дверь камеры, охранник с ключами повернулся ко мне и отомкнул наручники. И крякнул, когда я двинул его коленом в живот. Он повалился навзничь в камеру, а я схватил запястья двух его приятелей, бдивших справа и слева от меня, и в невероятном, спазматическом усилии скрестил собственные руки. Их черепа восхитительно щелкнули друг о дружку, а я в тот же миг прыгнул назад и затылком врезал по переносице четвертому охраннику.

Времени на все про все ушло поразительно мало. Еще две секунды назад скованный хнычущий узник заслуживал разве что брезгливого сочувствия, зато теперь один конвоир скрылся с моих глаз, двое стонали на полу, держась за головы, а четвертый зажимал окровавленный нос. Они явно не предвидели такого поворота событий. А вот я — предвидел.

Я припустил со всех ног той же дорогой, которой меня привели, проскочил в незапертую дверь и лязгнул ею, отгородясь от хриплых и злобных воплей. Дверь сразу задергалась под глухими ударами здоровенных туш, а меня сзади обхватили неласковые ручищи, и грянул победоносный рев:

— Попался!

Разве этого олуха не предупредили, что у меня черный пояс? Что ж, он это выяснил — не самым приятным образом. И вот, прикрыв глазки, он сопит на полу, а я снимаю с него оружие и мундир. Он не протестовал, но и не поблагодарил, когда я накинул арестантскую дерюгу на его бледные телеса, прикрыв от чужих любопытных глаз черное кружевное белье. Не стану врать, что его шмотки пришлись мне впору — фуражка, к примеру, съезжала на глаза, — но в таких обстоятельствах разве кривят нос?

В этом отрезке коридора было три двери. Одна, только что запертая мною, ходила ходуном под натиском разъяренных конвоиров. Через вторую меня тащили в камеру, поэтому не требовалось особого ума, чтобы воспользоваться ключами бесчувственного охранника и отпереть третью, ведущую, как выяснилось, в кладовую, где сумрачные стеллажи с незнакомыми вещами тянулись вглубь и там пропадали. Все это выглядело не слишком многообещающе, но выбирать не приходилось. Я подскочил к входной двери, распахнул ее настежь и нырнул в кладовку. Когда я запирался изнутри, раздался невероятный грохот и душераздирающие вопли — штурмовой отряд в конце концов одолел преграду. Не стоило надеяться, что они будут долго стоять, разинув рты от изумления. Я побежал мимо стеллажей. Укрыться среди них? Наверняка кладовую тщательно обыщут.

Ага! В конце прохода — дверь! И запирается, слава богу, изнутри. Я приоткрыл ее, заглянул в соседнюю комнату. Никого! Можно идти.

Я вышел из кладовой... и застыл как вкопанный.

Распластавшиеся по стенам охранники дружно вскинули оружие.

— Расстрелять! — скомандовал полковник Неуредан.

— Я безоружен! — Трофейный пистолет брякнулся на пол, а руки взметнулись над головой.

Пальцы охранников дрожали на спусковых крючках. Неужели конец?

— Отставить! Он нужен мне живым! Правда, очень ненадолго.

От нечего делать я поднял глаза к потолку и сразу обнаружил «жучка». Наверняка его «братцы» есть и в кладовке, и в коридоре... Все время за мной следили. Я не шевелился, даже не дышал, пока пальцы на спусковых крючках не расслабились.

Хорошая попытка, Джим!

Полковник заскрежетал зубами и наставил на меня указующий перст.

— Взять! Переодеть! Сковать! Увести! — Все это было исполнено с безжалостной быстротой. Меня раздели под прицелом, отволокли обратно в камеру, швырнули на пол, а на голову напялили арестантскую робу. Лязгнул засов, и я остался один-одинешенек.

— Джим, взбодрись! Это не первая твоя переделка! Бывало и похуже! — прочирикал я и тут же рыкнул: — Когда?

Неужели я так и загнусь в этой проклятой яме? Жалкая попытка к бегству подарила лишь несколько свежих ссадин.

— Так нельзя! Это не должно так кончиться!

— Можно и должно, — раздался кладбищенский глас полковника.

Вновь отворилась дверь камеры, дюжина охранников взяла меня на мушку. Кто-то вкатил столик с бутылкой шампанского и бокалом. Не веря своим глазам, я смотрел, как Неуредан вытаскивает пробку. Шипя и булькая, золотистая жидкость наполнила бокал. Полковник протянул его мне.

— Что это? — промямлил я, в тупом изумлении таращась на пузырьки.

— Твое последнее желание, — ответил Неуредан. — Шампанское и сигарета.

Он вытащил из пачки сигарету, раскурил и подал мне. Я отрицательно покачал головой.

— Не курю.

Он уронил ее на пол и припечатал каблуком.

— И потом, мое последнее желание совсем не такое.

— Такое. Есть закон о стандартизации последних желаний. Пей.

Я выпил. Ничего, вкусно. Я негромко рыгнул и отдал бокал.

— А еще можно?

Все что угодно, лишь бы потянуть время. Лишь бы что-нибудь придумать.

Я смотрел на льющееся вино, а в голове царила идиотская пустота.

— Может, вы мне расскажете, как будет выглядеть... казнь?

— А тебе в самом деле интересно?

— Вообще-то, нет.

— Коли так, расскажу с удовольствием. Представь себе, наши законодатели долго ломали головы над способом исполнения смертных приговоров. Они перебрали уйму вариантов: расстрел, электрический стул, ядовитый газ и тому подобное, — но любой требовал участия палача, нажимающего на кнопку или спуск. А разве гуманно принуждать человека к убийству?

— Негуманно! А как насчет приговоренного?

— Наплевать. Твоя смерть предрешена, и очень скоро тебя не станет. Вот как это произойдет. Тебя отведут в глухую камеру и посадят на цепь. Дверь задрают. Потом автоматика среагирует на тепло твоего тела, и вода заполнит камеру. Ты сам себя казнишь. Ну, что скажешь? Разве это не апофеоз гуманизма?

— И вы называете это быстрой и безболезненной смертью?

— Может, ты в чем-то прав. Но у тебя будет пистолет с одним патроном. На тот случай, если не захочешь страдать.

Я открыл рот, дабы выложить все, что думал об их гуманности, но в тот же миг множество рук схватили меня, отобрали бокал и потащили в камеру с мокрыми замшелыми стенами. На моей лодыжке защелкнули обруч, от которого к стене тянулась цепь. Все удалились, только полковник задержался у входа и положил руку на рычаг запора очень толстой и, несомненно, герметично закрывающейся двери. Одарив меня торжествующей ухмылкой, он нагнулся и опустил на пол древний пистолет. Едва я бросился к оружию, дверь лязгнула и проскрежетал запор.

Неужто и правда — каюк? Я повертел в руке пистолет, полюбовался на тупоносый патрон. Каюк Джиму диГризу, Стальной Крысе. Каюк всему...

Над головой клацнул, открываясь, вентиль, и с потолка, из широкой трубы, обрушился ледяной поток. Вода бурлила и брызгалась, затопляя ступни, лодыжки... Когда она добралась до пояса, я поднял пистолет и заглянул в дуло. Небогатый выбор... Вода уверенно доползла до подбородка... и вдруг остановилась! Я стучал зубами. Влагонепроницаемый плафон освещал только каменные стены и черную поверхность воды.

— Эй вы, ублюдки! Что еще за игры? Гуманная пытка перед гуманным убийством?

Спустя мгновение на двери, подтверждая мою догадку, опустился рычаг.

— Значит, я не ошибся! И вы еще смеете называть себя цивилизованными людьми!

Дверь стала медленно отворяться, и я направил на нее пистолет, чтобы прихватить на тот свет кретина полковника или садюгу сержанта. Как только в проеме показался темный силуэт, я послал в него пулю.

— Не стреляйте! — раздался мужской голос. — Я ваш адвокат.

— Можете не волноваться, у него только один патрон, — сказал полковник.

В камеру осторожно проник портфель с дыркой от пули, а за ним — седой индивидуум в традиционной черной мантии с золотыми и алмазными фестонами — излюбленном наряде адвокатов нашей Галактики.

— Я Педерасис Наркозис, назначен вам в защитники.

— Как вы намерены спасать меня, если суд состоится после казни?

— Никак. Но таков порядок. Чтобы защищать вас наилучшим образом, я должен вас расспросить.

— Но ведь это абсурд! Я же сейчас умру!

— Совершенно верно. Однако закон есть закон. — Он повернулся к полковнику. — Мне необходимо остаться наедине с клиентом. Это также предусмотрено законом.

— У вас десять минут и ни секундой больше.

— Вполне достаточно. Минут через пять впустите моего помощника. Надо оформить завещание и...

Громыхнула дверь. Наркозис раскрыл портфель, достал пластмассовую бутылку с зеленой жидкостью и, отвинтив колпачок, вручил ее мне.

— Выпейте до дна. Я подержу пистолет.

Я отдал ему оружие, понюхал содержимое бутылки и закашлялся.

— Какая гадость! Почему я должен это пить?

— Потому что я так сказал. В этом — ваше спасение. И у вас нет выбора.

Насчет выбора он прав. И вообще, что мне терять? Я перелил зеленую жидкость из бутылки в глотку.

Шампанское куда вкуснее!

— Теперь я все объясню. — Адвокат завинтил колпачок и спрятал бутылку в портфель. — Вы только что выпили яд замедленного действия. Это смесь токсичных веществ, изобретенная компьютером и в настоящий момент бездействующая. Но через тридцать суток вы погибнете в страшных мучениях, если не получите противоядие, чья формула также открыта компьютером и настолько сложна, что...

Он довольно ловко увернулся от моих скрюченных пальцев, но я бы все равно дотянулся до его шеи... если б не проклятая цепь.

— Если перестанете хватать воздух, я все объясню, — произнес Наркозис тоном мудреца, уставшего от разговора с дебилом.

Я шагнул назад и сложил руки на груди.

— Вот так-то лучше. Я действительно адвокат с правом юридической деятельности на этой планете, но еще я — агент Галактической Лиги.

— Чудненько! Значит, пасконжакцы хотят меня утопить, а вы — отравить! А я-то думал, это мирная Галактика.

— Вы теряете время. Я пришел вас освободить. Лиге необходима помощь преступника. Талантливого и вместе с тем надежного.

Свои способности вы наглядно продемонстрировали, едва не доведя эту кражу до успешного завершения. Яд — гарантия надежности. Смею ли я надеяться на сотрудничество? Как минимум вы выиграете тридцать суток.

— Ну, разумеется. Я бы не сказал, что у меня богатый выбор.

— Вот именно.

Он глянул на циферблат часов, украшавший его холеный ноготь, и шагнул в сторону. Отворилась дверь, вошел полный бородатый парень с кипой бумаг.

— Прекрасно, — сказал Наркозис. — Ты не забыл бланк завещания?

Молодой человек кивнул. Дверь снова закрыли и задраили снаружи.

— Пять минут, — напомнил Наркозис. Вновь прибывший расстегнул «молнию» комбинезона и разоблачился. Комбинезон оказался на толстой подбивке, а юноша — вовсе даже не толстым, а поджарым и мускулистым, как я. Когда он сорвал фальшивую бороду, я понял, что это — мой двойник. Заморгав, я уставился на собственную физиономию.

— ДиГриз, у нас всего четыре минуты. Надевайте костюм, я приклею бороду.

Мускулистый симпатяга напялил сброшенную мной арестантскую хламиду и шагнул в сторону. Наркозис достал из кармана ключ, снял с моей лодыжки обруч и протянул его помощнику, а тот совершенно хладнокровно нацепил окову на собственную ногу.

— Зачем вы это делаете? — поинтересовался я.

Двойник не ответил, только нагнулся и подобрал пистолет.

— Мне понадобится новый патрон, — сказал он моим голосом.

— Полковник выдаст, — пообещал Наркозис. И тут мне вспомнились слова, услышанные несколько мгновений назад.

— Вы назвали меня диГризом. Вы что, знаете, кто я?

— Я много чего знаю. — Адвокат прилепил к моему лицу бороду и усы. — Неси бумаги. Не отставай. Держи язык за зубами.

Я не возразил ни единым словом. Бросил последний взгляд на свое прикованное «второе Я» и засеменил на свободу.

Глава 3

Стиснув бумаги и стараясь шагать, как подобает бородатому и упитанному, я покинул камеру и затрусил вслед за Наркозисом. Охранники не удостоили нас вниманием — они с садистским любопытством наблюдали, как затворяется водонепроницаемая дверь.

— А ну погоди, — велел полковник надзирателю, держащему рычаг, и достал из пачки патрон. Когда я проходил мимо, он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Длился этот взгляд всего

секунду физического времени, а субъективного — должно быть, целый час. Я ощутил, как изо всех моих пор хлынул пот. Затем полковник отвернулся и крикнул подчиненному: — Эй ты, болван, а ну отвори! Задраишь, когда я заряжу пистолет, понял? И покончим с этим делом раз и навсегда.

Мы с Наркозисом свернули за угол, и компания душегубов скрылась из виду. Подчиняясь поводырю, я безмолвно прошагал сквозь множество охраняемых часовыми порталов, вошел в лифт, вышел из лифта и наконец оставил за спиной последнюю дверь Монетного Двора. Когда мы направились к поджидающему нас наземному автомобилю, я не удержался от глубочайшего вздоха облегчения.

— Помолчи. Садись в машину. Прибавку к зарплате обсудим в офисе.

Должно быть, Наркозис знал то, чего не знал я. Насчет «жучков» на деревьях, под которыми мы проходили, или акустических микрофонов, нацеленных на нас. Я понял, что мое тщательно спланированное преступление стало катастрофой еще в тот момент, когда я его задумал.

Водитель был молчалив, как надгробие, и столь же симпатичен. От нечего делать я глядел в окно. Сначала мимо проносились городские здания, затем появились коттеджи. Мы остановились в зеленом пригороде у виллы. При нашем приближении распахнулись ворота, затем то же самое случилось с дверью офиса — ее украшала стильная золотая табличка с алмазными буквами: «ПЕДЕРАСИС НАРКОЗИС. ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ». Когда дверь тихо закрылась, я грозно наставил на адвоката палец.

— Вы узнали обо мне еще до того, как я прилетел на эту планету!

— Конечно! Как только засветились ваши фальшивые документы, началась слежка.

— Так вы, стало быть, держались в сторонке, позволив мне задумать, подготовить и совершить кражу? И схлопотать смертный приговор? И даже не подумали вмешаться?

— Совершенно верно.

— Но ведь это преступление! Похуже моего!

— Не к чему сгущать краски. Мы бы все равно выудили вас из той купальни. Просто нам хотелось посмотреть, как вы умеете держаться на плаву.

— Ну, и как я держался?

— Для вашего возраста — довольно неплохо. Вы нам подходите.

— Вот уж подфартило так подфартило! А как насчет двойника, того обалдуя, что занял мое место?

— Этот обалдуй, как вы его назвали, — один из самых лучших андроидных роботов, которых можно сделать за деньги. Впрочем, эти деньги не пропадут, поскольку врач, проводящий сейчас вскрытие, получает у нас зарплату. В общем, инцидент исчерпан.

— Чудненько. — Я глубоко вздохнул и рухнул на кушетку. — Слушайте, у вас чего-нибудь выпить не найдется, а? Не обязательно крепкого. Пивка — в самый бы раз.

— Неплохая идея. Я составлю вам компанию.

В одной из стен обнаружился маленький, но довольно богатый бар; робот-раздатчик выдал две кружки охлажденного напитка. Я хлебнул и причмокнул.

— Прелесть! Ну ладно. Если у меня всего тридцать суток, чтобы сделать то, что я должен сделать, не соблаговолите ли рассказать, что же именно я должен сделать?

— Не так давно, — сообщил Наркозис, усаживаясь напротив, — капитан Варод просил передать вам привет, а еще сказать, что он знает: вы солгали, когда давали слово сойти с кривой дорожки.

— Так это он следил за мной!

— А вы и в самом деле сообразительны. Когда справитесь с этим последним криминальным заданием, у вас появится шанс стать честным человеком. Или не стать.

— Кто бы говорил! — Я фыркнул и осушил кружку. — Адвокату положено защищать закон, а вы промышляете темными делишками. Стоите в сторонке, позволяя пасконжакским головорезам измываться над правосудием: сначала казнить, а потом судить. Нанимаете уголовника, чтобы он совершил преступление. У меня язык не поворачивается назвать вас профессионалом с безупречной репутацией.

— Во-первых, — он воздел палец в типично адвокатском жесте, — мы никогда не мирились с тайными законами Монетного Двора. Их совсем недавно приняли сверхпараноидальные местные власти. Ваш арест — первый и последний. Уже сейчас многие чиновники получили по шапке. Во-вторых, — рядом с указательным пальцем распрямился средний, — Лига никогда не шла на сделку с криминальными элементами. Этот случай — исключительный, всему виной необычное стечение обстоятельств. После долгих и бурных обсуждений решено было сделать это один-единственный раз. И впредь никогда...

— Наверное, вам поверят миллионы простаков. — Я снова фыркнул. — Однако не пора ли объяснить, что от меня требуется?

— Не пора, потому что я и сам не знаю. Я голосовал против этой операции, поэтому меня отстранили от разработки. Вам все растолкует профессор фон Дайвер.

— А как насчет яда?

— На двадцать девятый день с вами свяжутся. — Он встал и подошел к двери. — Я бы пожелал вам удачи, но это противоречит моим убеждениям.

Такому уходу со сцены позавидовал бы сам Понтий Пилат. Как только адвокат исчез, в кабинете возник престарелый субъект с белой бородой и моноклем.

— Профессор фон Дайвер, я полагаю?

— Совершенно правильно полагаете, юноша. — Он протянул влажную и мягкую, как желе, ладошку. — А вы, очевидно, доброволец под nom de guerrel Джим, о чьем прибытии меня известили. С вашей стороны весьма любезно принять участие в том, что я не могу назвать иначе, как исключительно деликатной и сложной миссией.

— О да, милостивый государь, — согласился я, заражаясь академической выспренностью. — Надеюсь, вы не сочтете за труд ответить, есть ли у меня хоть малейшая возможность узнать, в чем заключается суть этой миссии?

— Разумеется. Я обладаю всеми необходимыми полномочиями, чтобы предоставить вам дополнительную информацию, касающуюся истории и трагических обстоятельств утраты. Другая персона, которой предстоит остаться безымянной, окажет вам всю необходимую помощь. Я начну рассказ с происшествия, имевшего место немногим более двадцати лет назад...

— Пива! Мне необходимо освежиться. А вам не угодно ли?

— Я воздерживаюсь от любых напитков, содержащих алкоголь и кофеин.

Пока я наполнял кружку, профессор сердито поблескивал моноклем. Его речь накатывала помпезными волнами и почти убаюкала меня, однако вскоре я был разбужен смыслом его слов. Он говорил чересчур пространно, злоупотребляя ненужными отступлениями, и все-таки послушать стоило.

Сухое изложение фактов заняло бы несколько минут и не доставило бы профессору и половины того удовольствия, которое он получил, упражняясь в словоблудии. Все началось с того, что экспедиция Галаксиа Университато, проводя раскопки на любопытной в археологическом отношении далекой планете, нашла однажды изделие иной расы.

— Сударь, да вы, наверное, ребячитесь, — сказал я. — За последние тридцать две тысячи лет человечество изучило большую часть Галактики и не обнаружило ни единого следа чужой расы.

Он возмущенно крякнул.

— Я не столь ребячлив, как вам кажется... из-за вашей младенческой непосредственности. При мне — наглядное доказательство, фотография, доставленная экспедицией. Слою, из которого выкопали находку, самое меньшее миллион лет, и ни в одном информационном банке освоенной Вселенной нет упоминаний ни о чем подобном.

Он достал из внутреннего кармана фото и протянул мне. Я взял, посмотрел, затем перевернул, поскольку не было никаких указаний, где верх, где низ. Нечто кривое и бесформенное, ни малейшего намека на симметрию... Отродясь не видал ничего подобного.

— Выглядит достаточно чужеродным, чтобы можно было вам верить. — От долгого, напряженного разглядывания начали шалить глаза, я бросил снимок на стол. — Скажите, для чего оно

предназначено или из чего изготовлено? Или хоть что-нибудь скажите о нем.

— Не имею ни малейшего представления, поскольку оно... увы, так и не попало в стены университета. С прискорбием вынужден сказать, что его путешествие прервалось, и теперь крайне необходимо довести его до конца.

— Могли бы и поаккуратнее обращаться с единственным нечеловеческим изделием во Вселенной.

— Я не уполномочен обсуждать с вами эту сторону вопроса. Зато уполномочен сообщить, что пропажа должна быть найдена и возвращена любой ценой, кою я уполномочен заплатить в надлежащий срок. Офицеры Галактической Лиги заверили меня, что вы, милостивый государь под псевдонимом Джим, добровольно вызвались найти и возвратить предмет. Они утверждают, что при всей вашей молодости вы — специалист в делах подобного рода. Мне лишь остается от всей души пожелать вам удачи и ждать вашего возвращения с тем, чего мы вожделеем больше всего на свете.

Он удалился, и его место занял лысый тип в мундире офицера космического флота. Затворил дверь и вперил в меня стальной взгляд. Я уставился на него.

— Так это вы — тот, кто в конце концов объяснит мне, что произошло?

— Ты чертовски прав, — прорычал он. — Идея чертовски идиотская, но до другой мы просто не додумались. Я адмирал Бенбоу, начальник контрразведки Галактической Лиги. Полудурки в академических мантиях проворонили самую бесценную вещь во Вселенной и отпасовали мяч, чтобы мы вытащили для них каштан из огня.

На мой взгляд, злоупотребление метафорами ничуть не лучше академической вычурности. Неужели нормальный человеческий язык отходит в разряд мертвых?

— Послушайте, — взмолился я, — вы только расскажите, что случилось и что от меня требуется, ладно?

— Ладно. — Он лязгнул, падая в кресло. — Если это пиво, то я бы тоже тяпнул. Впрочем, нет. Двойное, а лучше тройное высокооктановое виски. Без льда. Гони.

Робобар предоставил напитки. Адмирал осушил стакан еще до того, как я успел поднять кружку.

— Ну а теперь слушай и вникай. Когда упомянутая профом экспедиция закончила копать свои канавы и двинула восвояси, у нее что-то не заладилось со связью. Яйцеголовые наложили в штаны и решили аварийно сесть на ближайшей планете, а той, к великому прискорбию, оказалась Лайокукая.

— А почему к великому прискорбию?

— Заткнись и слушай. Корабль и этих умников нам удалось вернуть сравнительно целыми и невредимыми. Но без находки. По некоторым причинам номер не прошел. Вот почему понадобились твои услуги.

— Ага! Значит, теперь вы собираетесь четко и доходчиво изложить суть дела.

Он кашлянул, отвел взгляд и заговорил не раньше, чем наполнил стакан. Если б я не знал так хорошо эту породу, мне бы показалось, что тертый космический калач изрядно смущен.

— Тебе надлежит усвоить, что наша роль и цель — сохранение мира в Галактике. Это не так-то просто. Встречаются отдельные люди, даже группы людей, которые без сочувствия относятся к нашим намерениям. Эти люди склонны к насилию, многие из них неизлечимо больны психически и совершенно невыносимы в общении. Мы лезем вон из кожи, но они не поддаются на уговоры, не соглашаются принять от нас помощь. — Адмирал лихо опорожнил посуду, и у меня возникло отрадное чувство, что мы наконец подходим к сути. — Поскольку перебить мы их не можем, было решено... Заруби себе на носу, только высочайшие инстанции знают то, что я сейчас скажу... Так вот, было решено переселить их на Лайокукаю, чтобы не подвергать опасности мирные цивилизации союза...

— Галактическая свалка подонков! — воскликнул я. — Вот, значит, как вы заметаете под ковер свои позорные провалы! Неудивительно, что это держится в наисекретнейшем секрете!

— Кому бы рожу кривить, диГриз, да только не тебе! Наслышан я про твои подвиги. По мне, так от них за версту смердит. Раз уж ты теперь на коротком поводке, раз уж вылакал яд, который подействует через семьсот двадцать часов — кончай выдрючиваться и делай, что тебе говорят. Сейчас я тебя просвещу насчет этой поганой Лайокукаи, а после ты придумаешь, как вернуть ту фиговину. Других вариантов не будет.

— Спасибо. Какие у меня ресурсы?

— Ресурсы неограниченные, фонды бездонные, поддержка беспредельная. Университато субсидируется всеми планетами Галактики, кредитов у него, как у дурака фантиков. По сравнению с ним самый богатейший толстосум — беднее церковной мыши. Не буду возражать, ежели ты чуток облегчишь его мошну.

— Вот теперь вы говорите на моем языке. У меня прорезается интерес к вашему ядовитому проекту. Давайте сюда все материалы и чего-нибудь поесть, а я погляжу, что тут можно сделать.

«Н-да, негусто», — заключил я, проведя несколько часов за чтением и перечитыванием тонкой папки документов и поглощением множества несвежих и невкусных бутербродов. Адмирал, размякнув в кресле, храпел, точно ракетная дюза. У меня назрело несколько вопросов, и я с удовольствием его растормошил. Поросячьи глазки запылали, уставясь в мои зрачки.

— У тебя должна быть оч-чень серьезная причина.

— Есть. Что вы сами знаете о Лайокукае?

— Все, недоумок. Потому-то я и здесь.

— Эта планетка — самая настоящая тайна за семью печатями.

— Мягко сказано. За семью пудовыми замками — вот так бы я выразился. Глухой карантин, железный занавес, надежная охрана,

непрестанный надзор — короче, мышь не проскочит. Жратву и лекарства доставляем на кораблях. Психам оттуда вовек не выбраться.

— А врачи у них свои?

— Еще чего! Медицинская обслуга — в больнице, а больница — на космодроме, а космодром — что твоя крепость. По глазам вижу, что ты подумал, и сразу говорю: нет. Кабы не врачи, лайокукайцы вообще бы Флоту не доверяли. А так они приходят, и мы их пользуем. И все! Дай им хоть малейший повод заподозрить, что эскулапы — стукачи, и пиши пропало. Они к нам и на порог больше не сунутся. И начнутся эпидемии и мор. Так что сам понимаешь — мы предпочитаем не рисковать.

— Если цивилизованная Галактика о них не ведает, то что им известно о нас?

— Почитай что все. Мы не вводили цензуру. Открыты все развлекательные каналы, а еще — учебные и информационные. Теликов у них вдоволь, и смотрят они все, вплоть до самых тошнотворных программ и сериалов. Считается, чем сильней мы им пудрим мозги телевизионной дребеденью, тем меньше с ними хлопот.

— И что, действует?

— Может, и действует. Во всяком случае, у них галактический рекорд по просиживанию возле ящика для идиотов.

— Так вы, значит, внедряетесь и ведете статистику?

— Не мели ерунду. В каждом телике «жучок», его сигналы ловятся спутником.

— Итак, мы имеем дело с планетой воинственных, кровожадных, полоумных телевизионных фанатиков?

— Примерно так.

Я вскочил на ноги, разбросав крошки от протухших бутербродов, и возопил, потрясая кулаками:

— Вот она!

— Ты чего? — Бенбоу скривил физиономию и часто заморгал.

— Вот она, идея! Пока — только зародыш, но я уверен, он вырастет в нечто стоящее. Я понянчу его в голове, а когда проснусь, доведу до совершенства, причешу и явлю вам во всей красе.

— Что за идея?

— Не будьте таким нетерпеливым. Всему свое время.

Глава 4

Кухонный автомат выдал еще один лежалый бутерброд — машина явно напрашивалась на списание и переселение на свалку — вместе с чашкой жиденького тепловатого шоколада. Я угрюмо похрустел сухарем, похлебал коричневой бурды и отправился искать спальню. Ее дверь обнаружилась посередине коридора. В спальне работал кондиционер, но окно оказалось незапертым. Я растворил его и глотнул прохладного ночного воздуха. По небо-

своду ползла луна вслед за тремя уже взошедшими и бросала причудливые тени. Эх, сейчас бы на подоконник да в сад... Я бы скрылся еще до того, как поднялась тревога... чтобы скончаться через двадцать девять дней. Небольшое возлияние в тюремной камере гарантировало Галактической Лиге мою лояльность и активное сотрудничество... Однако вот вопрос: удастся ли мне осуществить такую сложную операцию в столь сжатые сроки? Но выбирать не приходится — учитывая последствия. Я несколько раз глубоко и неровно вздохнул, закрыл окно и улегся на койку. Что ни говори, денек выдался не из коротких.

Утром я отпер замок на пульте управления кухонного автомата и уже заканчивал возню с проводами, когда вошел адмирал Бенбоу.

— Можно вежливо поинтересоваться, какого хрена ты тут делаешь?

— Разве это не очевидно? Добиваюсь от подлого агрегата чего-нибудь получше бутербродов с заплесневелым сыром. Готово!

Я хлопнул панелью и отстучал на клавиатуре заказ. Спустя мгновение появилась чашка горячего ароматного кофе, а за ней — сочный, дымящийся свинобургер. Адмирал кивнул.

— Годится. Сделай и себе. И рассказывай, что задумал.

Я решил не упрямиться и заговорил с набитым ртом:

— Мы собираемся потратить немного кредитов из денежной горы, которую предоставили в наше распоряжение. Прежде всего позаботимся о рекламе. Я имею в виду интервью, ревю, сплетни и тому подобное. Чтобы слухи о новых поп-звездах Галактики разнеслись по всем планетам...

Он скривился и прорычал:

— Да провалиться тебе в Гадес! Какие еще поп-звезды?!

— Крутейшая поп-группа с названием...

— С каким еще названием?

— Не знаю. Не придумал пока. Что-нибудь броское, запоминающееся, из ряда вон. — Я улыбнулся и с воодушевлением поднял палец. — О! Вы готовы? Группа «Стальные Крысы».

— Почему — Крысы?

— А почему нет?

Адмирал расстроился. Недовольная гримаса сменилась злобным оскалом, и он прокурорски навел на меня палец.

— Еще кофе. Потом — или ты все объяснишь, или я тебя прикончу.

— Спокойствие, адмирал, спокойствие. В вашем возрасте не следует забывать об артериальном давлении. Я говорю о высадке на Лайокукаю со всем необходимым снаряжением и сильной вооруженной поддержкой. Мы создадим ансамбль под названием «Стальные Крысы»...

— Что еще за ансамбль?

— Один из музыкантов перед вами, а остальных подберете вы. Кажется, вы говорили, что командуете флотской контрразведкой?

— Говорил. Командую.

— Вот и покопайтесь в кадрах. Пусть кто-нибудь из технической обслуги просмотрит личные дела всех оперативников цивилизованной Вселенной, имеющих боевой опыт — вплоть до отставников. Уверен, долго искать не придется, поскольку нас интересует лишь одно: музыкальные наклонности. Кто играет на музыкальном инструменте, поет, пляшет, свистит или хотя бы мелодично гудит. Дайте список мне, и у нас будет ансамбль.

Он кивнул, едва не макнув подбородок в кофе.

— Кажется, твое предложение — не такой уж бред. Поп-группа из агентов контрразведки... Но потребуется время, чтобы их собрать, организовать, натаскать...

— Это еще зачем?

— Вот болван! Чтобы они нормально пели.

— Господи, да кто разберется? Вы когда-нибудь вникали в кантри и музыку угольных копей? Прислушивались к «Аква регии» и ее Плутониевым Мальчикам?

— Усек. Значит, мы соберем группу и расхвалим ее на весь свет, чтобы о ней прознали лайокукайцы...

— И услышали музыку...

— И захотели еще. Гастроли. Невозможно. Карантин.

— В этом-то и заключается изящество моего плана, адмирал. Как только Крысы прославятся на всю Галактику, они совершат какое-нибудь преступление, столь ужасное, что будут немедленно сосланы на планету-тюрьму. Где их встретят с распростертыми объятиями, ни о чем не подозревая. И где они проведут расследование и найдут изделие чужой расы, после чего я смогу получить противоядие. И вот еще что: прежде чем я возьмусь за дело, позаботьтесь, чтобы мне выдали три миллиона межзвездных кредитов. В новеньких монетах здешней чеканки.

— Исключено, — прорычал он. — Расходы оплачиваются по мере их возникновения.

— Вы недопоняли. Речь идет о моем гонораре. Все накладные расходы — сверх этой суммы. Или платите, или...

— Или что?

— Или через двадцать девять дней я умру, операция будет провалена, а вы получите черную метку в послужном списке.

Шкурный интерес подтолкнул адмирала к мгновенному решению.

— Почему бы и нет? Эти перегруженные финансами академики вполне могут позволить себе такую трату. Они ее даже не заметят. Ладно, будет тебе список кандидатов.

Он отстегнул от пояса телефон, проорал в него многозначный номер, затем пролаял несколько кратких приказов. Я еще кофе не успел допить, а в кабинете очухался принтер и загудел, складывая в стопку отпечатанные листы. Мы просмотрели их и понаставили уйму галочек. Имен в списке не было, их заменяла буквенно-цифровая абракадабра. Наконец я вручил листы адмиралу.

— Нам нужны полные личные дела всех отмеченных.

— Это совершенно секретная информация.

— Но вы — адмирал и можете ее получить.

— Получу и подвергну цензуре. Совершенно незачем посвящать тебя во все тайны контрразведки.

— Адмирал, мне нет никакого дела до ваших тайн. — Разумеется, это была наглая ложь. — Ради бога, пускай остаются кодовые номера. Меня интересуют только музыкальные способности этих людей, а еще — можно ли на них положиться, если мы попадем в серьезную заваруху.

Я провозился еще некоторое время, затем хорошенько размял мускулы, сунул одежду в вакуумную чистку и принял горячий, а после — холодный душ. Надо бы пополнить гардероб — но не раньше, чем подготовлю и начну операцию. Нельзя терять времени — смертельные часики неумолимо отщелкивают секунды, оставшиеся до рокового дня.

— Вот список, — сказал адмирал, входя в кабинет. — Никаких имен. Агенты мужского пола обозначены литерой А, женского...

— Стойте! Можно, я сам угадаю? Женщины — литерой Б.

Бенбоу только рыкнул. Он был совершенно лишен чувства юмора.

Я пробежал глазами список, слегка задержался на дамском диапазоне от Б1 до Б4. Церковный орган. Вряд ли годится. Гармонь. Труба. Певица.

— Мне нужна фотография Б3. А как понимать все обозначения после Б1? 19T, 908L и так далее?

— Шифр. — Он выдернул из моей руки лист. — В переводе на человеческий язык — мастер рукопашного боя, превосходное владение стрелковым оружием, шестилетний стаж оперативной работы. А прочее тебя не касается.

— Спасибо, чудесно, что бы я без вас делал. Не сомневаюсь, эта барышня очень бы нам пригодилась, если б еще могла таскать на спине церковный орган. Ладно, давайте пороемся в списке мужчин и закажем фотографии. Кроме вот этого, А19. Пусть он явится сам, во плоти, и поскорее.

— Зачем?

— Затем, что он ударник и играет на молекулярном синтезаторе. Поскольку в музыке я почти ни бельмеса не смыслю, он преподаст мне азы работы в ансамбле. Покажет, где что включается, пометит цифрами и настроит технику на проигрывание разной музыки. Я буду только улыбаться и нажимать на клавиши. Кстати, о технике. У вашей сверхсекретной службы есть на этой планете средства, чтобы ремонтировать электронику?

— Эта информация не подлежит разглашению.

— Все, что касается нашей операции, не подлежит разглашению. И все-таки мне необходимо поработать с электроникой. Не важно, здесь или еще где-нибудь. Ну что, посодействуете?

— Средства будут предоставлены.

— Вот и славно. А теперь скажите, что такое гастрофон или мешкотруб?

— Без понятия... А что?

— А то, что под этими названиями здесь подразумеваются музыкальные инструменты или профессии. Или что-то еще, но тоже — музыкальное. Я должен знать.

Смазанный бесчисленными университетскими кредитами, управляемый миньонами адмирала, мой план заработал на всю катушку. На этой планете находилась база Лиги, замаскированная под межзвездное транспортное предприятие. Она располагала отменно оборудованной ремонтной мастерской и цехами для производства электроники. Тот факт, что мне на все давали карт-бланш, означал одно: лафа закончится одновременно с операцией. Как только началось прослушивание, за агентом А19 отправилось самое быстроходное из имевшихся в нашем распоряжении транспортных средств. В тот же день после обеда он прибыл с маленько обалдевшим видом и остекленевшими глазами.

— Я знаю вас под кодовым прозвищем А19. Вы бы не могли назваться как-нибудь поудобоваримее? Не обязательно настоящим именем, лишь бы можно было обращаться.

Здоровенный агент почесал огромную челюсть. Я догадался, что он пинками приводит в действие свои мозги.

— Зач. Так зовут моего двоюродного брата. И вы меня так зовите.

— Хорошо, пусть будет Зач. У вас довольно музыкальный послужной список.

— Еще бы! Я весь колледж наяривал в банде. Да и после доводилось тряхнуть стариной.

— Раз так, вы подходите. Первое задание: возьмите чековую книжку и прогуляйтесь по магазинам. Покупайте самые дорогие, самые сложные электронные музыкальные инструменты. Только покомпактнее, поминиатюрнее. Несите сюда, а я их еще уменьшу — все, что мы с собой возьмем, должно уместиться на наших спинах. Денег не жалейте — чем больше потратите, тем лучше. Если чего-нибудь не найдете здесь, воспользуйтесь услугами экстренной галактической почты.

В его глазах зажглась музыкальная лихорадка.

— Вы это серьезно?

— Вполне. Не верите — спросите адмирала Бенбоу. Он дал «добро» на любые расходы. Приступайте.

Зач вышел, и началось прослушивание. Я не вижу смысла подробно излагать события двух следующих дней. По всей видимости, музыкальное дарование и военная карьера — вещи взаимоисключающие. Я «резал» кандидатов пачками, и список таял в нарастающем темпе. Надежда на большой ансамбль не сбылась — удалось наскрести лишь скромную группу.

— Вот она, адмирал, — сказал я, отдавая Бенбоу список аббревиатур. — Малое количество пришлось компенсировать высоким качеством. Я имею в виду себя и вот эту троицу.

Он нахмурился.

— А хватит?

— Должно хватить. Готов допустить, что остальные — замечательные оперативники, но их вокализы будут мне сниться годами. В кошмарах. Так что вызовите к себе уцелевших и расскажите обо мне и о задании. После обеда я приму их в студии.

Когда я расставлял на столе бутылки с прохладительными напитками и стаканы, отворилась дверь и вошли четверо. Строевым шагом!

— Первый урок! — воскликнул я. — Вообразите себя шпаками. Любой военный пустячок может всем нам стоить жизни. Итак, вы поговорили с адмиралом? Все кивают — хорошо. Кивните еще раз, если согласны подчиняться только мне. Еще лучше. Теперь я вас перезнакомлю. Мне запретили выяснить ваши настоящие имена и звания, поэтому я кое-что придумал. Джентльмен на левом фланге носит кодовую кличку Зач, он профессиональный музыкант и обучает меня новому ремеслу. От него больше всего зависит доведение нашего проекта до благополучного конца. Я — ваш лидер Джим, скоро научусь играть на чем-нибудь электронном. Присутствующей здесь юной леди на время операции присваивается сценический псевдоним Мадонетта, она богиня контральто и наша солистка. Давайте ей поаплодируем.

Парни захлопали — поначалу неуверенно, но быстро входя в раж. Я поднял руку, чтобы их остановить. Для поп-звезд они держались чересчур скованно, придется этим заняться. Мадонетта, высокая, серьезная, очень миловидная брюнетка с великолепной кожей, улыбнулась и помахала им рукой.

— Для начала неплохо. Теперь вы, ребята. Флойд и Стинго. Флойд — вот этот тощий дылда с фальшивой бородой. Он отращивает настоящую, но борода необходима нам уже сегодня — для паблисити. Недавно чудотворцы от волосяных наук создали антидепиляционный фермент, стимулирующий рост волос. Благодаря ему Флойд через три дня обзаведется отличной новой бородой. Однако ему и сейчас есть чем гордиться: он играет на многих духовых инструментах. Если вам незнакомо слово «духовые», позвольте объяснить: это исторически сложившееся название инструментов, в которые надо сильно дуть, чтобы извлекать звуки. Флойд прилетел с далекой планеты Ох'айя, подарившей Галактике еще одну знаменитость — Энджюса Максвина, основателя «Максвинской сети автоматических закусочных». Флойд играет на инструменте, чьи предшественники давно затерялись в тумане прошлого, и временами мне хочется, чтобы они и остались там на веки вечные. Нука, Флойд, дунь в мешкотруб, будь любезен.

Я был подготовлен чуть лучше остальных — мне уже доводилось слышать такую музыку. Флойд открыл футляр и достал инструмент, сильно смахивающий на упившегося кровью паука со множеством черных ног. Бородач повесил его на плечо, энергично надул и яростно сдавил пятерней паучье брюхо. Под рев смертельно раненных животных я любовался гримасами ужаса на лицах моих новых друзей.

— Довольно! — крикнул я наконец, и визг недорезанных поросят сменился мертвой тишиной. — Уж не знаю, как эта штуковина впишется в наш ансамбль, но вы должны признать, что она способна, по меньшей мере, привлечь внимание. Итак, наш последний, но отнюдь не худший музыкант — Стинго! Уйдя в отставку, он всего себя отдал игре на фиделино. Стинго, не сочти за труд, покажи, на что способен.

Стинго по-отечески улыбнулся нам и помахал ручкой. У него были седые волосы и внушительный живот. Поначалу я забеспокоился насчет его возраста и профпригодности, но адмирал, изучивший «в обстановке секретности» его личное дело, заверил меня, что здоровье Стинго — в разряде «А-ОК», что он регулярно проходит переподготовку и, если не принимать во внимание небольшой излишек веса, вполне годится для оперативной работы. Музицированием, как утверждало личное дело, он занялся уже в отставке; при острой нехватке талантов я вынужден был переворошить и ветеранский архив. Когда наступил черед Стинго, он с неописуемым восторгом согласился вновь нацепить на себя боевую сбрую. У фиделино два грифа и двенадцать струн; когда их щиплешь, получается довольно забавный протяжный скрежет. Похоже, игра Стинго понравилась всем.

Внимая аплодисментам, он чинно поклонился.

— Итак, только что каждый из вас познакомился с остальными Крысами. Вопросы?

— Имеются, — сказала Мадонетта, и все глаза уставились в ее сторону. — Что мы будем играть?

— Хороший вопрос, и, надеюсь, у меня есть хороший ответ. Изучая современную музыку, я столкнулся с превеликим многообразием ритмов и тем. Некоторые из них в высшей степени безвкусны и неблагозвучны, к примеру, музыка кантри-и-камнедробилок. Иные группы, наподобие «Чипперино» и «Стайки певчих пташек», обладают известным шармом. Однако нам требуется нечто принципиально новое. Или принципиально старое, поскольку ни одно музыкальное произведение не живет тысячелетиями. Хочу вас воодушевить: музыкальная кафедра Галаксиа Университато предоставила в мое распоряжение самые древние банки данных. С тех пор как эти темы прозвучали в последний раз, миновала вечность. Что в большинстве случаев легко объяснимо. — Я продемонстрировал горсть микропластинок. — Вот эти пережили жесточайший отбор. Если я мог выдержать пятнадцать секунд, то делал копию. Сейчас мы еще разок их прослушаем. В третий тур выйдут лишь те, которые мы вытерпим полминуты.

Я вставил в проигрыватель крошечный черный диск и сел. На нас обрушились раскаты атональной музыки, сопрано беременной свинобразихи атаковало барабанные перепонки. Я извлек пластинку, раскрошил каблуком и вставил другую.

Мы просидели у проигрывателя до позднего вечера. Глаза покраснели от слез, уши трепетали, а мозги пульсировали, но ничего не соображали.

— Ну что, хватит на сегодня? — ласково спросил я и услышал хоровой стон. — Ладно. По пути сюда я заметил, что ближайшая дверь справа по коридору — в питейное заведение «Пыль на ваших гландах». Название, видимо, шуточное. Хозяева заведения, должно быть, намекают, что посетители могут хорошенько прополоскать горло. Может, поглядим, правда ли это?

— Давайте! — Флойд возглавил исход.

— Тост, — произнес я, когда появилась выпивка. — За «Стальных Крыс» — долгой им жизни и немеркнущей славы.

Мои коллеги дружно осушили стаканы, а затем рассмеялись и заказали по новой. «Мы справимся, — подумал я. — Все закончится благополучно».

Но почему мне так не по себе?

Глава 5

А не по себе мне было оттого, что весь план здорово смахивал на бред буйнопомешанного. Неделя на рост популярности и получение музыкальных наград. Затем мы должны совершить преступление. И за этот краткий срок требуется не только выбрать стиль и репертуар, прослушав уймищу всякой белиберды, но и освоить их хотя бы на среднем уровне.

Вряд ли получится. Слишком короткий срок. Нужна помощь.

— Мадонетта, вопрос к тебе. — Прежде чем высказаться, я хлебнул пива. — Должен признаться, я в технике музыкоделания — полный профан. Но я вот что думаю. Прежде чем исполнитель заиграет мелодию, нужно, чтобы ее кто-нибудь выбрал или сочинил и записал. Скажи, кто этим занимается?

— Ты имеешь в виду композитора и художественного руководителя. Они могут существовать в одном лице, но лучше все-таки разделять эти профессии.

— Можно кого-нибудь из них заполучить? Или обоих? Зач, среди нас ты — ближе всех к профессиональному уровню. У тебя есть идеи?

— Вряд ли это чересчур сложно. Надо только договориться с ГАСИКОМ.

— С газиком? Ты хочешь заправить топливный бак наземобиля?

— Нет. ГАСИКОМ — «Галактический союз исполнителей и композиторов». Среди этой публики полным-полно безработных, и мы наверняка найдем кого-нибудь толкового.

— Значит, дело в шляпе. Я сейчас же договорюсь с адмиралом.

— Исключено! — прорычал Бенбоу с обычным своим дружелюбием. — Никаких шпаков. Никаких посторонних. Это секретная операция.

— Пока — да, но через неделю о ней узнает весь свет. Все, что нам требуется, это придумать легенду. Скажите, что организована группа для съемок голофильма. Или для рекламного концерта по заказу крупной фирмы. К примеру, Максвин в целях завоевания рынка решил сменить имидж. Избавился от красноносого алкаша Блайми Маковина и на его место берет нашу поп-группу. Вы уж постарайтесь устроить это, и без волокиты.

Адмирал подчинился. На следующий день на студию доставили бледного юношу, страдающего, по всей видимости, отсутствием аппетита.

— Я его узнал, — прошептал мне на ухо Зач. — Барри Мойд Шлеппер. Года два назад слепил рок-оперу «Пожалей мой филей, Анжелина». С тех пор его популярность на спаде.

— Как же, помню. Драма кухарки, вышедшей замуж за диктатора.

— Точно.

— Добро пожаловать, Барри, милости просим. — Я приблизился к музыкоделу и пожал костлявую руку. — Меня зовут Джим, я здесь главный.

— Кайфово, чувак, кайфово.

— И для нас в высшей степени кайфово познакомиться с вами. — Вот у кого мы переймем жаргон музыкального мира, если не рухнет наш план. — Итак, вы уже в курсе дела?

— Кой-че просек. Новая фирма звукозаписи, капусты — куры не клюют, чтобы побыстрее прогреметь, финансирует молодые группы.

— Именно так. Вам — командовать музыкой. Давайте покажу, что мы отобрали, а вы приведете это в надлежащую форму.

Чтобы самому не прослушивать в очередной раз ужасные композиции, я дал ему наушники и плейер. Он одну за другой вставлял пластинки, и я не верил своим глазам: белая как мел кожа побледнела еще сильнее. Но Барри держался геройски. Наконец с конвульсивной дрожью он перевел дух, снял наушники и вытер кулаками слезы.

— Хошь знать мое честное и беспристрастное мнение?

— Иное нас и не устроит.

— Лады. Как бы это поизящнее преподнести... Короче, дерьмо на палочке. Вонючее и невкусное.

— А вы можете сделать получше?

— Мой котяра и то лучше делает. Да еще песочек сверху нагребает.

— Тогда вам и карты в руки. Приступайте.

Пока музыка сочинялась, прослушивалась и записывалась, я мало на что годился. Другие играли и пели, я же только щелкал переключателями на пульте. А когда в дело вступал Зач и из динами-

ков галопом ринулись звуки барабанов, цимбал, колоколов и прочие эффекты молекулярного синтезатора, мой пульт и вовсе обесточился, и я нажимал на клавиши «всухую». Поэтому, предоставив коллегам творить музыку, я занялся спецэффектами. Это требовало просмотра клипов всех самых популярных групп, джаз-бандов и солистов. Некоторые воспринимались без омерзения, другие вызывали ужас, и все были чересчур громки. В конце концов я убрал звук, чтобы спокойно присматриваться к лазерным сполохам, буйным фейерверкам и физической акробатике. Я записывал и зарисовывал, постоянно бормотал себе под нос и не жалел университетских денег. А еще я вмонтировал в нашу электронику изрядное количество очень сложных самодельных цепей. Адмирал, хоть и с превеликой неохотой, но выдал все, что потребовалось, и я усовершенствовал технику в механической мастерской. Короче говоря, неделя не пропала даром.

Я без устали теребил адмирала, пока он не отдал обещанные три миллиона.

— Вы так добры! — сказал я, позвякивая шестью блестящими монетами по пятьсот тысяч кредитов. Достойная плата за достойную работу.

— Ты их лучше в банк положи, пока у них ноги не выросли, — угрюмо посоветовал он.

— Разумеется. Классная идея.

Дурацкая идея. Банки предназначены для грабителей и налоговой полиции — чтобы облегчать им работу. Поэтому сначала я двинул в мастерскую, там поработал по металлу, завернул деньги в бумагу, проштемпелевал и отправился на загородную прогулку. На случай, если адмирал приставил мне «хвост», я поупражнялся в любимом искусстве отрыва от слежки. Как ни крути, ради этих монет я жизнью рисковал. Если посчастливится выйти из этой передряги не по частям, денежки очень даже пригодятся.

Наконец я добрался до маленького почтового отделения на некотором удалении от города. Хозяйничал там близорукий джентльмен преклонного возраста.

— Пространственный экспресс и страховой взнос в агентство межпланетной доставки. Это тебе, голуба, в копеечку влетит.

— Ты, дедуля, знай крутись. За бабками дело не станет. — Он ошалело заморгал. Я сжалился и перевел на туземный: — Уважаемый сэр, деньги — не проблема. Но вы уж позаботьтесь, чтобы моя посылка благополучно добралась до профессора фон Дайвера из Галаксиа Университато. Это исторические документы, он их ждет не дождется.

Я уже предупредил ученого мужа по космофаксу, что посылаю ему кое-какое личное имущество с просьбой не отказать в любезности и подержать его у себя до моего визита. Опасаясь, что он проявит здоровый академический интерес, я спрятал деньги в маленький бронированный сейф. Конечно, его можно вскрыть с помощью ал-

мазного сверла, но я готов биться об заклад, что любопытство профессора не зайдет так далеко.

Посылка сгинула в почтопроводе, и я вернулся к делам. К концу шестого дня мы были выжаты как лимоны. Барри Мойд Шпеллер двое суток провел без сна, меняя на голове мокрые полотенца, глотая крепчайший кофе и перелопачивая залежи музыкальной архаики. Он проявил неплохие задатки вора — или аранжировщика, если угодно. Группа репетировала, записывала и снова репетировала. Я вплотную занялся костюмами, бутафорией и спецэффектами и потрудился, на мой взгляд, неплохо.

Наконец я объявил последний перерыв, а затем дал команду на построение.

— Сейчас я вас обрадую. Мы даем первый концерт.

Как я и предвидел, это вызвало стенания и горестные вопли. Я подождал, пока они утихнут.

— Ребята, я знаю, каково вам. Поверьте, мне ничуть не легче. По-моему, наш лучший номер — блюз «Я совсем одна». Вы сами видели, как здешний персонал старался нам помочь. Думаю, мы должны его отблагодарить, показать, что у нас вышло. Я пригласил человек тридцать, они сейчас подойдут.

Словно в подтверждение моих слов отворилась дверь и в зал потянулись вольноперы со скептическими минами и складными стульями. Шествие возглавлял адмирал Бенбоу; рядом с ним вице-адмирал нес два стула. Зач начал рассаживать зрителей, и наша пещероподобная студия впервые превратилась в концертный зал. Мы отступили на эстраду. Я притушил лампы и укрылся за своей электронной баррикадой.

— Леди и джентльмены, дорогие гости. На этой неделе мы с вами потрудились на славу, и я от всей души и от имени «Стальных Крыс» хочу сказать вам спасибо.

Я нажал на кнопку, и под потолком раскатилось: «СПАСИБО... СПАСИБО...» На эхо наложилось растущее крещендо барабанов, увенчавшись громовым раскатом и несколькими вполне натуральными с виду молниями. Судя по округлившимся глазам и отвисшим челюстям, мне удалось приковать внимание зрителей.

— Первый номер нашей программы — в исполнении мелодичной Мадонетты. Драма неприкаянного сердца! Блюз «Я совсем одна»!

Цветные юпитеры обрушили с потолка световой ливень, явив во всей радужной красе наши розовые с блестками костюмы в обтяжку. Зазвучали первые аккорды, и лучи юпитеров сконцентрировались на Мадонетте, на чей костюм пошло гораздо меньше материала, чем на наши. Публике он, похоже, глянулся. Завывания ветра и громовые раскаты притихли, Мадонетта простерла к залу изящные руки и запела:

Вот я одна, одна совсем,
И телефон мой глух и нем.
Вокруг обведу взглядом,
Никого не найду рядом.
Я, я, я
Совсем одна,
Я, я, я
И только я, я, я.

Сие сопровождалось раскачиванием голографических деревьев, проходом грозовых туч и прочими душераздирающими спецэффектами. Под рыдания музыки Мадонетта перешла к заключительным строфам.

Совсем одна в кромешной мгле,
Я змейкой юркну по земле.
В дремучий лес, где ветра вой.
И вдруг — о ужас! — предо мной
Манит могила глубиной.
Я знаю — хоть не видно зги,
Меня преследуют враги!
Сижу и плачу — только зря,
Ведь занимается заря,
Ночь позади.

В последний раз провыл ветер, скорчилось щупальце багрового тумана, и за нашими спинами величаво взошло солнце. Музыка смолкла. Тишина беспрепятственно расползалась по студии — и вдруг разлетелась в клочья под неистовым шквалом аплодисментов.

— Молодцы, ребята! — одобрил я. — Их вроде проняло. Все кайфово, чуваки, как говорит Барри Мойд.

На седьмой день мы не отдыхали. Но репетицию закончили довольно рано.

— На сегодня все. Собирайте рюкзаки. Музыка и реквизит уже упакованы. Улетаем в полночь. Значит, нужен еще час, чтобы добраться до космодрома. Не опаздывать.

Они разбрелись на подкашивающихся ногах, и тут притопал адмирал. В его кильватере плелся Зач.

— Агент отрапортовал, что вы закончили подготовку операции и ждете приказа к погрузке.

Ну что тут скажешь? Я лишь кивнул.

— А мне можно с тобой? — спросил Зач.

— Нет. Ты нам здорово помог, спасибо. Дальше мы сами.

Он едва не раздавил мне пальцы в рукопожатии, и через секунду за ним затворилась дверь.

— Управление по принудительному лечению наркоманов изобрело для вас страшное преступление. — Адмиральская улыбка

смахивала на оскал жалящей змеи. — Приговор — ссылка на Лайокукаю. Незамедлительная.

— Чудненько. И что же это за преступление?

— У наркоманов в большом фаворе качественное и дорогое зелье под названием бакшиш. Ты и твои приятели пойманы с поличным на контрабанде и употреблении. После принудлечения вы будете много дней шататься и дрожать от слабости, так что медлить с первым концертом не резон. Пресса уже извещена о вашем аресте и заключении в спецбольницу. Когда вы объявитесь на Лайокукае, туземцы нисколько не удивятся. Вопросы?

— Один, — сказал я. — Важный. Как насчет связи?

— Будет. Где бы ты ни находился, шифропередатчик в твоей челюсти достанет до приемника на космодроме. Радист будет дежурить круглосуточно. Пока вы на космодроме, связной окажет любую посильную помощь. Потом он переберется на орбиту, на борт космокрейсера «Беспощадный», и там будет получать твои донесения. Если понадобится, мы до любой точки планеты доберемся максимум за одиннадцать минут. Как отыщешь пропажу, дай знать. Мы подкинем десант. Рапортуй, по меньшей мере, раз в сутки. Местонахождение группы и результаты поисков.

— Только на тот случай, если нас заметут, да? Чтобы послать новый отряд?

— Точно. Еще вопросы?

— Один. Не хотите пообещать, что будете за нас волноваться?

— Нет. Ни к чему. Полагайтесь только на себя.

— Ну, спасибо! Вы сама доброта.

Он повернулся и утопал прочь, хлопнув дверью. На меня нахлынула усталость и — в который уж раз? — черная тоска. Зачем я все это делаю? Чтобы остаться в живых, разумеется. А не то... еще двадцать три дня — и упадет мой занавес.

Глава 6

На борту славного космического крейсера «Беспощадный» мы путешествовали недолго — и слава богу, а то окружение военных всегда пагубно влияло на мой боевой задор. За сутками, заключившими в себе упорные репетиции, плохую кормежку, неважнецкий ночной отдых, последовал столь же напряженный день, да еще с безалкогольной вечеринкой, поскольку на Галактическом Флоте царила Ее Величество Трезвость. И наконец, за считанные часы до посадки ансамбля на катер эскулапы вкатили нам по нескольку уколов для имитации лечения от наркомании. Я бы, пожалуй, предпочел наркоманию. Не говоря уж о любовании последним ужином, выползающим наружу, — можно прекрасно обойтись без этого развлечения. Судороги и нервный тик — то еще удовольствие, скажу я вам. К тому же у моих дрожащих, шатающихся коллег

глазные яблоки пылали, как у покойников в фильмах ужасов, и я сторонился зеркал, опасаясь увидеть еще одного зловещего мертвеца.

Стинго выглядел лет на сто — серый, как пепел, изможденный. Ни дать ни взять — ходячий скелет. Меня уколола совесть — дернула же нелегкая вытащить бедолагу из отставки! Впрочем, едва я подумал о собственных неприятностях, совесть улеглась баиньки.

— Я что, смотрюсь не краше твоего? — хриплым голосом осведомился Флойд, чья почти отросшая борода великолепно оттеняла пергаментную кожу.

— Надеюсь, что нет, — просипел я.

Мадонетта, словно ласковая матушка, протянула руку и похлопала по моей дрожащей кисти.

— Ничего, Джим, за ночь все пройдет. Ты только потерпи, и сам увидишь.

Я не ощутил сыновней признательности. Говоря откровенно, при виде Мадонетты меня разбирало иное чувство, но я надеялся благополучно его скрыть. Поэтому я прорычал что-то маловразумительное и заковылял в каюту, дабы уединиться со своим ничтожеством. Но даже это не удалось. В потолке зловеще скрежетнул громкоговоритель, затем грянул адмиральский глас:

— Алло, навострите уши и внимайте. Всем «Стальным Крысам» через две минуты собраться в двенадцатом грузовом отсеке. Мы на парковочной орбите. Осталась минута пятьдесят восемь секунд. Минута...

Я выскочил в коридор и лязгнул дверью, чтобы спастись от рева, но он гнался за мной по пятам. В двенадцатый грузовой я прибыл последним — товарищи по несчастью уже распластались на палубе возле рюкзаков. Я рухнул рядом с ними. Вслед за мной, точно чудовище из дурного сна, возник адмирал и завопил:

— Подъем! А ну, лентяи заторможенные, на ноги!

— Ни за что! — заорал я во всю силу надтреснутого голоса и поднялся на карачки, чтобы повалить шатающиеся тела обратно на палубу. — Изыди, злой военный дух! Иль позабыл, кто мы такие? Шпаки, лабухи, принудительно вылеченные от наркомании. Вот как мы должны выглядеть, вот как мы должны себя вести. Если кто-нибудь выживет, вы получите его обратно в свое военное распоряжение. А пока отпустите нас с миром и ждите моих донесений.

Бенбоу исторг трехэтажное военно-космическое ругательство, но все-таки ему хватило ума повернуться на каблуках и исчезнуть под квелые смешки моих товарищей. У меня слегка отлегло от сердца. Наступившее молчание не прерывалось ничем, кроме негромких стонов, далекого рокота двигателей и скрежета внутреннего люка воздушного шлюза, который величаво открывался, чтобы пропустить на борт деловитого старшину с канцелярской папкой в руках.

— Кто высаживается на Лайокукае? Вы?

— Все в наличии, и все нездоровы. Вызовите грузчиков, пусть отнесут наши вещи.

Он пробормотал несколько слов в микрофон, пристегнутый к воротнику кителя, после чего завел руку за спину и снял с ремня наручники. Кои через секунду ловко защелкнул на моих запястьях.

— Эт ще че? — промямлил я, выпучив глаза.

— Ты, накачавшийся дурью наркоман! Не доставляй мне хлопот, и я отплачу тем же. Может, там, в Галактике, ты и важная персона, но здесь, для меня, ты самый обыкновенный зэк. Который сам потащит свое барахло. Ишь ты, грузчиков им! Вконец обнаглели!

Я открыл рот, чтобы испепелить грубияна глаголом. И захлопнул. Я сам подкинул идею, чтобы о задании знали единицы. Очевидно, этот не из их числа. Я со стоном поднялся на ноги и поволок рюкзак в воздушный шлюз. Остальные взяли с меня пример и выглядели при этом не лучше моего.

Орбитальный катер встретил нас хмуро и негостеприимно. Едва мы сели в жесткие металлические кресла, на лодыжках наших защелкнулись кандалы — никаких танцев во время полета. Мы молча наблюдали, как матросы швыряют наши рюкзаки в грузовой отсек, затем воздели очи к широченному экрану на переборке. Изобилие звезд. Они кружились, и на экран заплывала выпуклость «Беспощадного». Как только заработали двигатели, она уменьшилась и отодвинулась.

Затем камера повернулась, чтобы показать растущий горб планеты, а громкоговоритель подверг нас пытке древним военным маршем, дополненным жутким треском статики. Наконец музыка смолкла, но раздался гнусавый до тошноты мужской голос:

— Заключенные, рекомендую выслушать. Эта информация предназначена для вас. Итак, вы получили билет в один конец и прибыли на место назначения. Вы не поддались нашим самоотверженным попыткам сделать из вас нормальных граждан гуманного цивилизованного общества...

— Заткни сопло, придурок! — взревел Стинго, запуская пальцы в седую шевелюру, — видимо, чтобы проверить, на месте ли она.

Я бы кивнул в знак поддержки, если б голова не раскалывалась.

— ...И отныне будете полагаться только на самих себя. По высадке вооруженный конвой сопроводит вас к воротам космодрома. Там вы избавитесь от наручников и получите необходимый для выживания минимум, то есть: ознакомительную брошюру, флягу с дистиллированной водой и недельный рацион концентрированной пищи. Через неделю вам придется искать полпеттоновые деревца, дающие жесткие плоды, которыми питается все туземное население. Полпеттоны — чудо генной инженерии, выведенное путем кропотливых мутаций и трансплантаций. Плоды богаты животным белком. Из-за опасности трихинеллеза их не следует употреблять в сыром виде, но печеными или вареными — вполне. Вам надлежит запомнить...

Ничего не желая запоминать, я вырубил звук. Наверное, чтобы попасть на этот рейс, человек должен совершить нечто уж очень нехорошее. Я пытался успокоить себя этой мыслью... Куда там! Нашей цивилизации — не один десяток тысячелетий, а все равно жестокость к ближнему своему не изжита до сих пор и вылезает наружу при малейшей возможности.

Облака сместились в сторону, на экране возникло пятистенное здание изрядной величины. Я предположил, что его называют Пентагоном.

— Через несколько минут мы совершим посадку на космодроме Пентагон. Не покидайте кресел, пока не получите разрешение встать. Подчиняйтесь приказам, и этап пройдет для вас гораздо приятнее...

Хотелось бы, чтобы это оказалось правдой! Я тут же расслабился и разжал кулаки. Скоро мы расстанемся с занудами-наставниками и будем полагаться только на себя. А пока лучше поберечь силы и нервы.

Помалкивая, мы выползли из шлюза, ссыпались по трапу — честное слово, ему не помешали бы поручни — и побрели к воротам в толстой стене Пентагона. Чтобы встретить там еще одного флотского — сумрачного, седовласого и в темных очках.

— Немедленно препроводить заключенных в девятую допросную.

Старшина — начальник нашего конвоя — с этим не согласился.

— Не положено, сэр. Я должен...

— Ты должен закрыть пасть и подчиняться моим приказам. Вот они, в письменной форме. Изволь ознакомиться и выполнять. Или хочешь уйти в отставку старшиной?

— Никак нет, сэр! Заключенные! За мной!

Офицер вошел за нами в допросную, запер дверь, дружески улыбнулся и беззлобно попросил всех заткнуться. Затем обошел комнату с приборчиком, в котором я без труда узнал детектор следящих устройств. Интересно, кому такое в голову может прийти — прослушивать разговоры в каморке на краю Вселенной? Видимо, у офицера было свое мнение на этот счет. Наконец он с удовлетворенным видом спрятал детектор, повернулся к нам и протянул мне ключ.

— Пока вы здесь, можете снять наручники. Я — капитан Тремэрн, ваш связной. Добро пожаловать на Лайокукаю. — Он снял темные очки, снова улыбнулся нам и махнул рукой в сторону кресел. Его переносица была обезображена жутким шрамом, глаза отсутствовали, но Тремэрн, несомненно, отлично видел электронными заменителями глаз. Позолоченные, они придавали его облику то еще своеобразие. — В Пентагоне только я осведомлен о вашем задании. Я в курсе, что все вы — добровольцы, и хочу вас поблагодарить. Угощайтесь, ребята, и знайте: вы еще долго не услышите этого слова.

— А как тут, вообще, жизнь?

Я вскрыл банку охлажденного пива и сделал живительный глоток. Тем временем мои спутники зарылись в гору свежих бутербродов и хотсвиндогов. Я, конечно, составил им компанию, но прежде выдвинул из синтезатора потайной ящичек и достал кое-какие мелочи.

— Какова жизнь на планете? Паршивая, Джим, и это еще мягко сказано. Уже не один век Лайокукая служит Галактике баком для социальных отходов, и — никаких перемен к лучшему. Возникают различные культуры, развиваются, но — как бог на душу положит. Жестокость правит бал, сильный подминает слабого. Одна из самых стабильных общин — прямо здесь, за стенами Пентагона. Они прозвали себя «жлобистами». Мужчина сильный, женщина слаба, кто сильнее, тот и прав. Тебе, наверное, не в диковинку такая идеология. Вожака этой банды зовут Свиньяр. Не сомневаюсь, что ты с ним вскоре познакомишься.

— Эти жлобисты не из тех ли придурков, которых психиатры называют шовинистическими свиньями мужского пола? — осведомился я.

Тремэрн кивнул.

— Точнее не скажешь. Так что позаботься, чтобы Мадонетта лишний раз не попадалась им на глаза. Научись ходить на цыпочках и раздувать ноздри. А коли это не поможет и ничего более путного в голову не придет, согни руку и поиграй бицепсом.

— Не жизнь, а сказка. — Мадонетта нахмурилась.

— Может, все и обойдется, если смотреть под ноги. Они любят, когда их развлекают, а сами развлекаться не умеют — мозгов не хватает. Обожают фокусы, дуэли, армрестлинг.

— А как насчет музыки? — спросил Стинго.

— Отлично, если она громкая, боевая и несентиментальная.

— Постараемся их не разочаровать, — сказал я. — Нас интересует племя так называемых фундаменталистов.

— Разумеется. Ты уже знаешь, что корабль археологической экспедиции совершил посадку в их зоне влияния. Я возглавлял спасательный отряд и вытащил оттуда ученых, вот почему теперь я ваш связной. Фундаменталисты — кочевники и вдобавок на диво узколобы и несносны. Я старался их не раздражать — куда там! Без наркогаза не обошлось. Если хочешь знать, я понятия не имел о пропаже археологического раритета, пока мы не убрались с планеты и яйцеголовые не очухались. Что мне оставалось? Только доложить начальству. А теперь все в твоих руках.

— Премного благодарен. Однако нельзя ли хотя бы на карте показать, где они обретаются?

— Я бы с удовольствием, но ведь они — кочевники.

— Чудненько. — Я одарил его неискренней улыбкой. Двадцать дней до конца. *До смертного часа*! В который раз я отбросил дурные предчувствия и окинул взглядом ансамбль.

— Если есть вопросы, задавайте — потом будет поздно, — посоветовал Тремэрн.

— У вас есть карта? — спросил я. — Хочу знать, что нас ждет за воротами.

Тремэрн протянул руку и включил голопроектор. Над столом появилась трехмерная топокарта.

— Как видите, мы на материке внушительных размеров. На планете есть и другие континенты, некоторые из них обитаемы, но с нашим не имеют никакой связи. Похищенная вещь должна находиться где-то здесь.

«Это и вправду многое упрощает, — подумал я. — Надо обыскать всего один материк, к тому же у нас почти три недели...» Я сумел оттеснить депрессию, которая пробивалась на подмогу угнетенности и подавленности.

— Вы имеете представление, что тут и как?

— Да, и весьма неплохое. Везде, где только можно, подсовываем «жучков», широко применяем «летающие глаза». — Он показал на равнину в центре материка. — Это Пентагон, рядом — жлобисты. Фундаменталистов можно встретить где угодно — в зависимости от погоды. Тут почти весь год субтропический климат, но очень неравномерное выпадение осадков. Они пасут баракоз — это жвачные парнокопытные, помесь барана и козы. Очень неприхотливы. Теперь взглянем на предгорья. Здесь находится то, что почти без натяжки можно назвать цивилизацией. Сельскохозяйственная община с легкой промышленностью, которая издали — но только издали — выглядит вполне прилично. Вот этот городок, окруженный хуторами, — столица. Горожане выплавляют серебро и чеканят монету под названием федха. Другой валюты на материке не существует, федхами можно расплачиваться в любом краю. — Он достал из выдвижного ящика увесистый мешочек. — Как вы догадываетесь, подделывать их несложно, — впрочем, наше серебро намного чище туземного. Это — вам. Советую поделить и хорошенько спрятать. За одну такую монетку местные субчики с радостью перережут вам глотку. Народ, который добывает серебро, прозвал свою столицу Раем, — вряд ли можно было подобрать менее подходящее название. Держитесь подальше от этой публики, если сумеете.

— Хорошо, намотаю на ус. А карту, если не возражаете, введу в память компьютера. Вот этого. — Я взял большим и указательным пальцами маленький череп, висевший у меня на шее. Когда я его сдавил, глазницы засветились зеленым, а в воздухе замерцал голографический дисплей. Я скопировал карту, подумал над предупреждением Тремэрна — и впервые осознал, в какое болото нас засасывает. Возник еще один вопрос.

— Значит, *население этой планетки — психи и выродки* всех мастей?

— Сосланные за разные преступления. Родившиеся здесь вырастают им под стать.

— И вы не питаете к ним сочувствия? К людям, обреченным тонуть в этой плевательнице размером с планету лишь потому, что их угораздило тут родиться?

— Конечно, я им сочувствую и рад видеть, что ты — тоже. До происшествия с археологами я вообще не знал об этой планете. Выручил ученых и решил осмотреться. Вот почему сейчас я возглавляю комиссию, которая постарается свернуть нашу деятельность на Лайокукае. Слишком уж долго идиоты-политики закрывали на это глаза. Я согласился работать с тобой, чтобы лично разобраться в обстановке. И когда ты выполнишь задание, мне очень пригодится подробный доклад, чтобы сделать планету-тюрьму достоянием истории.

— Капитан, если это всерьез, я на вашей стороне. Но если вы мне лапшу на уши вешаете, чтобы я получше сделал дело...

— Слово офицера.

Мне очень хотелось верить ему.

— У меня вопрос, — подал голос Флойд. — Если, к примеру, нам помощь понадобится или еще что-нибудь, мы что, свяжемся с капитаном?

— Вы — нет, я — да. — Я постучал пальцем по нижней челюсти. — Микрорация. Такая маленькая, что для ее питания достаточно кислородных ионов в крови. Но достаточно мощная, чтобы ее улавливали приемники Пентагона. Даже если бандиты обдерут нас как липку, челюсть останется при мне. Поэтому настоятельно рекомендую не отходить от меня далеко. Я буду регулярно выходить на связь с Тремэрном, докладывать и получать советы. Физические контакты исключены, не то мигом рассыплется наша легенда. Если ему придется выдергивать нас раньше времени, это будет означать провал. Вот так-то, мальчики и девочки. Давайте будем крепкими и самодостаточными. Нас ждут человеческие джунгли.

— Отродясь не слышал столь правильных слов, — хмуро заметил Тремэрн. — Если больше нет вопросов, можете надевать наручники и идти.

— Да, черт побери! — воскликнул Стинго, с трудом поднимаясь на ноги. — Пора заняться делом.

Рюкзаки ждали нас возле громоздких, щедро увешанных запорами ворот. Там же валялись четыре небольших пластиковых пакета — очевидно, с водой и сухпайками. В каждом наличествовала ознакомительная брошюра. Заградотряд с парализаторами и свинобразьими иглами нетерпеливо топтался на месте и недовольно глядел, как с нас снимают наручники.

— Вперед, — скомандовал старшина, указывая на шлюз. — Ворота двойные. Прежде чем откроются наружные, внутренние будут заперты и задраены. У вас только один путь — туда. Впрочем, если жить надоело, можете остаться в тамбуре. Через пять минут наружные ворота закроются, и вон из тех клапанов в потолке пойдет нервный газ.

— Я вам не верю! — вякнул я.

Он улыбнулся. Не слишком тепло.

— Проверить легче легкого. Поторчи там пять минут.

Я занес кулак, и старшина торопливо отскочил. Свинобразьи иглы угрожающе нацелились в мою сторону. Ну уж нет! Я поднял палец в древнем, как само время, межгалактическом жесте, повернулся и вышел следом за моими товарищами. Сзади приглушенно лязгнуло, скрежетнули засовы. Впереди лежало будущее. Со всеми своими сюрпризами.

Шатаясь от слабости, мы помогли друг другу взгромоздить рюкзаки на спины. Снова заскрежетало и залязгало, раздался гул моторов — начали отворяться наружные ворота.

Сами того не замечая, мы встали плечом к плечу и повернулись лицом к неизвестности.

Глава 7

В отворяющиеся ворота вместе с ветром влетел шум ливня. Добро пожаловать на солнечную, праздничную Лайокукаю. Ворота приоткрылись шире, и нашим глазам явилось не слишком воодушевляющее зрелище — снаружи нас поджидала группа субъектов самого что ни на есть жуткого облика. Одежда поражала разнообразием, словно благотворительные пожертвования для них собирали по всей Галактике. Но, по меньшей мере, две черты объединяли всех. Во-первых, каждый был вооружен либо мечом, либо топором, либо палицей. А во-вторых, они выглядели очень сердитыми. Что ж, примерно этого я и ожидал, а потому раздавил зубами старт-капсулу. Не питая иллюзий насчет последствий принудлечения, я держал эту штучку в кулаке — на всякий пожарный.

На меня нахлынула волна энергии, забил гейзер силы; смесь мощных стимуляторов, анальгетиков и тому подобной химии вышвырнула из тела усталость и дрожь. Я могуч! МОГУЧ! МОГУЧ! По совету Тремэрна я двинулся вперед на цыпочках, раздувая при этом ноздри.

Помахивая кустарным, но вполне исправным мечом, здоровенный бородатый детина злобно глянул на меня сверху вниз. Я ответил столь же недружелюбным взглядом, заметив, что у аборигена не только глазные яблоки соприкасаются друг с дружкой, но еще и волосы растут от бровей. Правда, куда больше, чем обличье, устрашал запах из его пасти.

— Че, сявка? Ты теперя деся. Дась-ко, че волокешь. Евто и протчих касаемо. Ложьте барахлишко, нято вместе с им полягете.

— Ты, косноязычный кретин! — заорал я. — Заруби себе на носу: никто не смеет указывать мне, пока меня не одолел!

Все равно разборки с этими ублюдочными жлобистами не миновать, рассудил я. Чем раньше, тем лучше.

Едва ли он понял смысл моих слов, однако на оскорбительный тон отозвался ревом и замахнулся мечом. Я высокомерно рассмеялся.

— Крутой трус идет с мечом на безоружную сявку!

Чтобы усилить оскорбление, я поднял два указательных пальца. Хоть я и надеялся, что такой примитивизм не выходит за рамки местных лингвистических норм, необходимо было, чтобы это дошло до всех.

По всей видимости, дошло. Свинодых выронил меч и прыгнул в мою сторону. Я скинул рюкзак и зашлепал по грязи навстречу. Растопырив ручищи, он хватал и давил воздух корявыми пальцами, мечтая, очевидно, вот так же схватить и раздавить меня.

Я поднырнул под его руки, провел подсечку, он эффектно шмякнулся в лужу. Поднялся свирепее прежнего, стиснул кулачищи, что твои футбольные мячи, и пошел на меня. Правда, на этот раз поосторожнее.

Можно было, конечно, сразу вырубить его и облегчить себе жизнь. Но хотелось продемонстрировать его приятелям несколько фокусов, чтоб не думали, будто он упал случайно. Я блокировал удар, перехватив его руку, заломил, а затем с приятным хрустом влепил кретина в стену. Но кровь из носа не убавила его прыти. Не добились этого ни молниеносный пинок, от которого у него онемела нога, ни удар коленом, парализовавший вторую ножищу. Он плюхнулся наземь и пополз ко мне на карачках. Но теперь даже самые тупые зрители поняли, кто выиграл эту схватку. Чтобы не транжирить время, я ухватил Свинодыха за сальный чуб, вздернул башку и рубанул ребром ладони по кадыку. Он мешком опрокинулся навзничь. Подхватив его меч, я проверил пальцем остроту лезвия и развернулся в прыжке — так внезапно, что вооруженные увальни инстинктивно отшатнулись.

— Теперь у меня есть меч, — прорычал я. — Кто хочет, может ради него умереть. А может, среди вас найдется олух посмышленей? Может, он возьмется проводить нас к атаману Свиньяру? Тот, кто это сделает, получит меч в подарок. Есть охотники?

Они не спешили с ответом. Новизна предложения вступила в борьбу с природной жадностью.

— Подходите ближе и держитесь за мной, — бросил я через плечо своим. — И постарайтесь выглядеть наглыми и невоспитанными.

Рыча и щелкая зубами, разудалый ансамбль выстроился у меня за спиной.

— Гони меч, отведу тя к Свиньяру, — вызвался чрезвычайно волосатый и мускулистый экземпляр. Его алчность была понятна — вооружен лишь деревянной дубиной.

— Покажешь мне Свиньяра и только тогда получишь меч. Приступай.

Снова нерешительность, угрюмые взоры, злобное ворчание. Я опять взмахнул клинком, и они вновь отпрянули.

— В моем рюкзаке есть кое-что интересное для Свиньяра. Держу пари, если он узнает, что из-за вас, остолопы, я столько времени не мог попасть к нему с подарками, он вас перережет.

Подчас там, где бесполезны увещевания, помогают угрозы. Мы тронулись в путь под проливным дождем, по раскисшим дорогам, мимо убогих лачуг, к невысокому холму с самой большой в округе избой. На ее бревнах еще держалась кора. Помахивая мечом, я сдерживал «почетный эскорт» на безопасном расстоянии и шагал за проводником по каменистой тропе ко входу; позади ковыляли изнемогающие музыканты. Мне было чуточку стыдно перед ними за старт-капсулу, но события разворачивались слишком быстро, у меня попросту не было времени раздать такие же капсулы коллегам. Я остановился у порога и поднял руку.

— Ну вот, наконец-то крыша. Будете входить — берите по одной и сразу раскусывайте. Эта штука мигом возвращает в мир живых.

Поводырь с дубиной протопал через сени и направился мимо вооруженных мужиков, стайками слонявшихся по большой комнате, к верзиле, который восседал в большом каменном кресле у очага.

— Ты мой босс, босс Свиньяр. Ты сказал — привести их, мы и привели. — Он затопал ко мне. — А теперя меч давай.

— Конечно. Лови.

Я швырнул меч в дверной проем, в дождь, и услышал чей-то болезненный возглас. Проводник убежал, а я двинулся вперед и остановился у каменного трона.

— Ты мой босс, босс Свиньяр. Эти кореша — мой банд. Зуб даю — кайфово лабают.

Детина со здоровенными мускулами и здоровенным животом, покоившимся на ляжках, окинул меня с головы до ног пытливым взглядом. Поросячьи глазки льдисто поблескивали в непроходимых зарослях жестких седых волос. Из подлокотника кресла торчала рукоять меча. Бородач стиснул ее жирными пальцами, слегка выдвинул клинок и позволил ему упасть обратно.

— Почему вы изъясняетесь, как наглые, невоспитанные туземцы?

— Прошу прощения. — Я смиренно отвесил поклон. — К вам только что обратились в подобной манере, и я пришел к выводу, что таков местный этикет.

— Так и есть, но его соблюдают только необразованные имбецилы, родившиеся здесь. А поскольку вы родились не здесь, постарайтесь не испытывать мое терпение. Так, стало быть, вы — те самые музыканты, которые влипли в большой кагал?

— Поистине, слухи летят быстрее света.

Он указал на тривизор в стенной нише, и я почувствовал, что глаза мои вылезают из орбит. Внушительных размеров металлический ящик был снабжен бронестеклом поверх экрана и громадной рукоятью на боку.

— Наши тюремщики такие щедрые. Их хлебом не корми, дай только поразвлечь нас. Эти «ящики» поступают громадными партиями. Вечные, сверхдуракостойкие, плюс четыреста двадцать каналов.

— А питание?

— Рабы.

Он дотянулся носком сапога до ближайшего. Раб со стоном взгромоздился на ноги, подтащился, лязгая цепями, к рукояти встроенного генератора и принялся ее крутить. Штуковина ожила и разродилась рекламой станков для изготовления кошачьей еды.

— Хватит, — буркнул Свиньяр, и мяуканье смолкло. — Ваши физиономии не слезали с экрана. Как только я услышал о наркотиках и принудительном лечении, я понял, что скоро вы объявитесь здесь. Играть готовы?

— «Стальные Крысы» всегда к услугам тех, кто заказывает музыку. А в данном случае, я полагаю, это ваша прерогатива.

— Правильно полагаешь. Концерт хочу, и сейчас же. С тех пор как наш факир-каннибалист скончался от инфекции, будучи случайно укушен в порыве страсти, перед нами никто не выступал «живьем». Начинайте.

Предвидя такой оборот, мы разжились самым что ни на есть портативным реквизитом. В динамике величиной с кулак прятались голопроекторы; наши изображения, выброшенные ими, дотянулись макушками до потолка.

— Отлично, ребята! — воскликнул я. — Располагаемся у стены напротив входа. На первый раз — без костюмов. Начинаем со «Шведского чудовища из Открытого пространства». — Я имел в виду один из самых впечатляющих номеров. Копаясь в древнейших банках данных, мы обнаружили лирический опус на давно забытом языке — не то швецком, не то шведском. После долгого электронного попискиванья компьютер кафедры языков Галаксиа Университато выдал его перевод, но стихи оказались столь ужасающими, что мы предпочли голую транслитерацию:

Этт фазанфул монетер мед рампан бар
Крайпер ин тиль ен юнгфру са рар.

И так далее. Все это Мадонетта выдала на полную громкость под мой синкопированный «фанерный» аккомпанемент и флойдов мешкотруб. Стинго не отставал от нас, пощипывая крошечную арфу, чье голографическое изображение было под стать нашим. От музыки сотрясался потолок, с бревенчатых стен сыпалась пыль.

Не думаю, чтоб этот номер вошел бы в десятку лучших галактических хитов, но здесь он выглядел шикарно. Особенно в конце, когда всю избу заполнило грибовидное облако, а усилители не пожалели мощи, чтобы выдать грохот атомного взрыва. Та часть публики, что не рухнула на пол, с визгом умчалась под дождь. Я вытащил беруши, услышал легкие хлопки и поклонился Свиньяру.

— Довольно сносный divertissemento, однако в следующий раз я бы предпочел в финале чуть меньше forte и чуть больше riposo.

— Малейшее ваше желание для нас равносильно приказу.

— Для молодого и простоватого на вид ты быстро учишься. Как тебя угораздило погореть на наркотиках?

— О, это длинная история.

— Сократи. Если можно, до одного слова.

— Деньги.

— Понятно. Стало быть, музыка — не такой уж приличный бизнес?

— Воняет похуже, чем любой из ваших жлобов. Все ничего, пока ты на вершине со звездами. Но мы там не удержались. Финансовые проблемы: стоимость звукозаписи, комиссионные агентам, выколачивание долгов, взятки чиновникам. Стинго и Флойд не один год ширялись бакшишем, вот и затеяли его продавать, чтобы не отвыкнуть. А что, недурственная штучка. Конец истории.

— Или начало новой. Как зовут твою солистку?

Расплывшись в мерзейшей улыбке, он глянул на Мадонетту.

Что делать? Я брякнул первое, что пришло на ум:

— Вы имеете в виду Мадонетту, мою супругу?

— Супругу? Вот незадача! Ну ничего, я уверен, тут можно что-нибудь придумать. Впрочем, не сейчас. Сказать по правде, вы, ребята, прибыли как нельзя кстати. Вы идеально вписываетесь в то, что я назвал бы генеральным планом мероприятия по облагодетельствованию широкой общественности.

— В самом деле? — Я без труда удержался от восторга.

— В самом деле. Благотворительный концерт. Жаркое и выпивка — бесплатно. Пусть все убедятся, что Свиньяр — щедрейший из меценатов. Надеюсь, вы не откажетесь выступить на благотворительном концерте?

— Ради этого мы и прилетели.

И ради кое-чего другого, о чем тебе, старый пройдоха Свиньяр, знать не обязательно. Но самые далекие путешествия начинаются, как гласит древняя пословица, под ногой.

Глава 8

— Я недоволен ходом операции, — произнес я, зачерпывая ложкой почти безвкусную кашу, служившую, по-видимому, основой существования туземного населения и лучшим украшением стола.

— Кто бы спорил. — Стинго подозрительно уставился в собственную миску. — Эта гадость не только с виду напоминает клей — она и на вкус не лучше.

— Ага, она тебе враз кишки к ребрам приклеит.

Я разинул рот. Неужели у Флойда прорезалось чувство юмора? Вряд ли. Вон он какой серьезный, похоже, сам не понял, что сострил. Можно, конечно, спросить у него, но сейчас есть темы и поважнее.

— Я не только ходом операции недоволен, но и компанией, с которой мы все еще вынуждены якшаться. Свиньяром и его гадкими поросятами. Почти день угробили, а толку? Если находка у фундаменталистов, то какого, спрашивается, лешего мы тут делаем?

— Но ведь ты обещал им концерт, — вполне обоснованно напомнила Мадонетта. — Они мастерят что-то вроде эстрады, созывают народ. Ты ведь не хочешь огорчить фанов?

— Боже упаси, — пробормотал я уныло и отодвинул миску. Не мог же я рассказать им про яд замедленного действия и о том, что через семнадцать суток мой занавес упадет. Ну и черт с ним.

— Давайте собираться. Может, успеем чуток порепетировать. Хочу убедиться, что все исправно и мы — в хорошей форме. Я на это очень надеюсь.

Мы с превеликим облегчением поднялись из-за стола и потащили реквизит к эстраде. Она являла собой дощатую платформу исключительно халтурной работы; опорами служили стволы деревьев, между ними валялись брусья — чтобы подпереть настил, если чересчур просядет.

Публика неспешно и опасливо скапливалась на поле. Ближе всех к эстраде располагались маленькие семейные подразделения; возглавлявшие их мужики с мечами или дубинами не спускали глаз со своих дам. Ничего удивительного — в рабовладельческом обществе свои законы.

Я пребывал в плохом настроении и не хотел, чтобы оно передалось остальным.

— Ну что, ребята? Начинаем?

Закинув рюкзак на эстраду, я вскарабкался следом.

— Вот оно, первое наше выступление «живьем» в краю непуганых слушателей. Если, конечно, не считать того концертика в честь прибытия. Давайте покажем, на что способна стая настоящих Стальных Крыс!

С нашим появлением публика набралась храбрости и приблизилась к помосту. Пришедшие последними спешили занять места. Пока ребята настраивали инструменты и пробовали голоса, я выпустил несколько громовых раскатов, заставивших народ позадирать головы и уставиться в небо. Когда мы были готовы, через толпу проплыл Свиньяр с парочкой вооруженных тяжеловесов. Они помогли ему вскарабкаться на эстраду, где он картинно воздел руки.

Наступила тотальная тишина. Я не знал, чем это объяснить: почтением, ненавистью, страхом или всем в совокупности. Как бы то ни было, Свиньяра это устраивало. Он с улыбкой обвел публику взглядом, приподнял огромное пузо, чтобы заткнуть за ремень большие пальцы, и заговорил:

— Свиньяр заботится о своем народе. Свиньяр ваш друг. Свиньяр пригласил Стальных Крыс, чтобы они усладили вас волшебной музыкой. Поприветствуем их, друзья мои!

Публика отозвалась гулким шепотом. Пока Свиньяр конферировал, его присные взгромоздили на эстраду массивное кожаное кресло; оно жалобно скрипнуло под жирным атаманским седалищем.

— Начинайте, — велел он нам и откинулся на спинку кресла с видом записного меломана.

— Ладно, ладно, мы готовы! — выпалил я в микрофон, пристегнутый к лацкану, и над публикой прошелестел мой усиленный вздох. — Мы рады видеть вас, любители популярной музыки! По зову наших сердец и прихоти легавых, которые, как все вы знаете, сцапали нас за наркоту, мы прилетели на вашу солнечную планету! И привезли музон, знаменитый на всю Галактику! Первый номер мы с удовольствием посвящаем любезному знатоку музыки Свиньяру! — Он одобрительно кивнул, и я рассыпал по окрестным полям барабанную дробь. — Песня, которую вы сейчас услышите и, надеюсь, полюбите, объединит нас, заставит смеяться и плакать вместе. Я привез вам мою собственную, оригинальную версию современной музыкальной классики — «Зуд в ногах»!

Послышались счастливые возгласы, радостные крики, восторженный рев. И зазвучали сверхгромкие аккорды и слова, от которых не так в ногах свербит, как в сердцах:

Забрезжит над рекой рассвет,
Вдали — тумана серый след,
Роса ложится на листы,
А в мыслях — только ты.
Ты сегодня далеко,
Тебя найти мне нелегко,
Среди планет куда-нибудь
Влечет меня мой путь.
У меня-аа-аа
Зуд в ногах!
Я всегда в пути,
Я всю жизнь в бегах.
Вечный странник меж планет,
Всегда один, и дома нет.
Зуд в ногах, зуд в ногах, зуд в ногах, зуд!
Все бреду, бреду, бреду, но напрасен труд!
Зуд в ногах, зуд в ногах, зуд в ногах, зуд!
Вынуждать меня блуждать — это ль не блуд?
Зуд в ногах, зуд в ногах, зуд в ногах, зуд!

Все это пелось, скажу я вам, под грандиозный топот зудящих ног, а завершилось под радостные вопли и дикое ржание. Подогретые восторгом публики, мы исполнили еще два номера, и я объявил антракт:

— Спасибо, братки! Огромное спасибо! Вы — клевая тусовка! Теперь, если не возражаете, мы прервемся на несколько минут, а затем продолжим наш...

— Прекрасный концерт! — Свиньяр враскачку добрался до меня и снял с моего лацкана микрофон. — И правда, великолепная музыка. Мы все и раньше слышали этих замечательных музыкантов — по ящику, — так что их восхитительное выступление не застигло нас врасплох. И все-таки довольно забавно видеть их здесь во плоти. Меня, как и всех вас, почтеннейшая публика, распирает чувство благодарности. — Он повернулся ко мне и улыбнулся до ушей, но в улыбке напрочь отсутствовало дружелюбие — это я видел совершенно ясно. Отвернувшись, он раскинул ручищи. — Я так благодарен, что приготовил для вас маленький сюрприз. Хотите узнать, какой?

Снова наступила полнейшая тишина, затем публика хлынула в проходы. Видимо, она недолюбливала маленькие сюрпризы Свиньяра. И правильно делала.

— Вперед! — рявкнул он в микрофон, и слово это раскатилось громовым эхом. — Вперед! Вперед! Вперед!

Помост подо мной вздрогнул и зашатался; я едва устоял на ногах. Исторгая хриплый рев, расшвыривая в стороны камуфляжные ветки с листьями, из-под наших ног хлынула и развернулась веером вооруженная толпа. Зрители с визгом бросились врассыпную. Мы оцепенело смотрели, как мужчин и женщин сбивают наземь ударами дубин, сноровисто вяжут и заковывают в кандалы. Атака получилась яростной и стремительной. Поле опустело, последние зрители в панике ретировались. Те, кому повезло меньше, лежали без чувств или стонали от боли. Над всем этим господствовал хохот Свиньяра. Охваченный садистским весельем, он раскачивался вместе с креслом, по бородатым щекам катились слезы.

— Но откуда... откуда их столько взялось? — спросила Мадонетта. — Ведь их не было под нами, когда начинался концерт.

Я спрыгнул на землю, пинками отшвырнул несколько ветвей и увидел черный зев схрона. До поры он скрывался под деревянным щитом, измазанным грязью, и под кучей ветвей. Раздался тяжкий удар — рядом приземлился главный жлобист.

— Правда, ловко? — Он указал на отверстие. — Мои ребята целый месяц копали эту ямку. Да все под дождем, а вынутую землю втаптывали в грязь. Я хотел устроить торжественное собрание, раздачу подарков — затея, сказать по правде, довольно сумбурная. А тут вы, как на заказ. Я бы вам спасибо сказал, кабы знал, что такое благодарность. Но не скажу. Если и надо кого поблагодарить, так это слепую удачу да себя — что не упустил ее. В общем, дельце выгорело, и нужно это слегка отметить. Да будет вволю еды, питья и вашей музыки!

Он повернулся, чтобы отдать несколько распоряжений и отвесить пинок новому рабу, подковылявшему слишком близко.

— Вот бы его прикончить! — Мадонетта выразила мнение всего ансамбля, если дружные кивки что-то значат.

— Поосторожней! — предупредил я. — У него на руках все тузы и головорезы. Дадим концерт, а заодно прикинем, как отсюда смыться.

Это было просто лишь на словах. В громадную бревенчатую хибару набилась уймища народу. Жлобисты пили, но не пьянели, бахвалились своими подвигами и снова пили. Мы спели, однако никто нас не слушал. Впрочем, нет. Свиньяр слушал. И смотрел. Затем подошел вразвалочку, взмахом пятерни велел замолкнуть. Плюхнулся на каменный трон и положил ладонь на рукоять огромного меча. И улыбнулся — как и раньше, недружелюбно.

— Жизнь у нас тут немного особенная, правда, Джим?

— Истинная правда, босс.

Если он ищет неприятностей, рассудил я, то явно обратился не по адресу. Мои шансы меня не очень радовали.

— Мы тут живем по-своему, по собственным законам. У вас на благоустроенных андрогенных планетах тон задают рафинированные интеллигенты. Они мужчины, но ведут себя как женщины. А мы низвергнуты в прошлое, где царит свирепый первобытный мужик. Сила против силы. И мне это по вкусу. И законы тут придумываю я. — Свиньяр бросил на Мадонетту особенно неприятный взгляд. — Изумительная певица... и красивая женщина. — Он посмотрел на меня. — Так, говоришь, твоя жена? Неужели безвыходная ситуация? Дай-ка поразмыслить... Нет, все-таки можно кое-что придумать. У вас, на так называемых цивилизованных планетах, нельзя, а тут можно. Потому что я — Свиньяр, а Свиньяр всегда может что-то сделать. — Он воздел громадную длань и шлепнул меня по лбу. — По моему закону и обычаю, я вас развожу. — Под оглушительный хохот шайки, оценившей тонкий юмор, он поднялся на ноги.

— Постойте! Но это совершенно невозможно...

Для своих габаритов он двигался с завидным проворством. Из паза в каменном подлокотнике кресла со свистом вылетел клинок.

— Первый урок моей новой невесте. Никто не говорит Свиньяру «нет»!

И сталь мелькнула в воздухе, чтобы рассечь мне горло.

Глава 9

Я отскочил назад, споткнулся о ноги сидящего разбойника и повалился на него.

— Держи его! — завопил Свиньяр.

Меня обхватили две крепкие руки. Я попытался высвободиться — не тут-то было. Надо мной навис Свиньяр, и к горлу моему приближалось острие меча...

Внезапно атаман качнулся вправо-влево и с глухим стуком растянулся на полу. Оказывается, Стинго, стоявший позади Свиньяра, несмотря на возраст и избыточный вес, ринулся в атаку и рубанул местного законотворца по шее.

Столь резкая перемена ситуации проникла даже в самые крошечные из птичьих мозгов. Холуи Свиньяра засуетились, хватая оружие и изрыгая проклятия. Я заметил, как Флойд укладывает ближайших бугаев, но этого было недостаточно. Если секунды за две я ничего не предприму, не миновать избиения.

Я предпринял. Для начала вонзил локоть в солнечное сплетение олуха, державшего меня. Тот крякнул и расцепил руки. На это ушла секунда. Чтобы не тратить вторую на попытку встать на ноги, я крутанулся вбок, выхватил из кармана черный шарик, надавил на взрыватель и швырнул в потолок. Вторая секунда. Повсюду размахивали оружием. Я выбрал лучший способ обороны — вставил в ноздри фильтры-затычки. Хлопнула газовая граната, но еще несколько секунд мне пришлось уворачиваться и раздавать тумаки. Наконец я огляделся и понял, что газ потрудился на славу. По всей избе валялись наши храпящие недруги.

Я помахал руками над головой.

— Вот так-то лучше, ребятки. — Я лишился публики, но это не убавило сладости победы. Сонный газ одолел и моих коллег, хотя Флойд продержался дольше других и упал на груду скорченных тел последним. Я раскрыл рюкзак, достал безыгольный инъектор, вкатил каждой Стальной Крысе дозу антидота. Пока они приходили в себя, я подошел к двери и бросил угрюмый взгляд наружу. Шел дождь. Позади раздались легкие шаги, и Мадонетта нежно взяла меня за руку.

— Спасибо, Джим.

— Было бы за что.

— Есть за что. Ты нам жизнь спас.

— Это точно, — сказал Флойд. — Мадонетта права: мы перед тобой в неоплатном долгу.

Стинго кивком выразил согласие.

— Если бы! Операцию можно было подготовить лучше, не оставив места случайностям. Моя вина. А еще — острой нехватки времени. По причине, которую я не хочу сейчас раскрывать, необходимо вернуть находку в течение двадцати дней, — сказал я.

— Маловато, — заметил Стинго.

— Верно, поэтому не будем расхолаживаться. По-моему, здесь нам уже не рады. Запасайтесь оружием — выбираясь отсюда с голыми руками, можно снова нарваться на неприятности. Будьте готовы убивать, если придется. Физиономии — свирепые и безжалостные. Вперед!

После разборки со Свиньяром и его кабанчиками-жлобистами мы не были расположены шутки шутить. Должно быть, это читалось на наших лицах или, что вероятнее, на грозных клинках. Во всяком случае, немногочисленные встречные, едва заметив нас, спешили в укрытие. Дождь почти унялся, в тучах все ярче разгоралось солнце, с пропитанной влагой земли струями поднимался ту-

ман. Появился чахлый кустарник, затем — кусты повыше и погуще, даже деревья там и сям на склонах покатых холмов. На иных кустах висели твердокожие шары величиной с человеческий кулак. Может, это и есть полпеттоны, о которых нам рассказывали? Придется уточнить, но не сейчас.

Я вел отряд в хорошем темпе и о привале распорядился не раньше, чем мы вошли под прикрытие первой рощицы. Там я обернулся и взглянул на уродливые строения и громадину Пентагона на заднем плане.

— Погони вроде нет, так что дальше будем двигаться в этом ритме. Каждый час привал на пять минут, и так — до заката.

Я дотронулся до черепа-компьютера, и вмиг появилась клавиатура. Я выбрал голокарту, глянул вверх, на солнце, затем указал вперед.

— Туда пойдем.

Поначалу шагать было нелегко, но наконец лесистые холмы остались позади, а перед нами расстилалась травянистая равнина. По истечении первого часа мы устроили бивуак, а проще говоря, попадали на землю и выпили воды. Самые храбрые из нас сосредоточенно жевали сухие пайки, которые не только жесткостью, но и вкусом сильно походили на картон. Заметив поблизости полпеттоновые деревца, я не поленился нарвать шаровидных плодов — твердых, точно камни, и примерно таких же аппетитных на первый взгляд. Я сунул их в рюкзак — разберемся, когда нужда заставит. Флойд откопал в своем рюкзаке маленькую флейту и сыграл плясовую, чуточку отогрев сердца. Мы пошли дальше, и мелодия сопутствовала нам, будто вообразила себя бодрым походным маршем. Рядом со мной шагала Мадонетта, время от времени напевая. Марш с полной выкладкой, похоже, доставлял ей только удовольствие. Ничего не скажешь, выносливый ходок, да и певица отменная — голос, какой поискать. Всем хороша, в том числе и телосложением. Она повернула голову, поймала мой изучающий взгляд и улыбнулась. *Я опустил глаза и укоротил шаг, чтобы для разнообразия пойти рядом со Стинго.* Он не отставал от нас и не выглядел уставшим, чем несказанно радовал меня. Ах, Мадонетта... Джим, старина, думай о чем-нибудь другом. О деле, а не о деве. Да, твоя правда, она гораздо привлекательнее остальных, но сейчас не лучшее время для масленых глаз и елейных речей.

— Как думаешь, до темноты еще долго? Твоя таблетка почти выдохлась.

Я спроецировал голограмму часов.

— Сказать по правде, не знаю. Я забыл поинтересоваться длительностью местных суток. Эти часы, как и компьютер, показывают корабельное время. Впрочем, за ворота нас вышвырнули уже давненько. — Я прищурился, глядя в небо. — Однако не похоже, чтобы солнце двигалось слишком быстро. Пора спросить совета.

И трижды клацнул зубами.

— Тремэрн на связи, — отчетливо прозвучало в черепе.

— Слышу нормально.

— Что слышишь? — поинтересовался Стинго.

— Будь другом, помолчи. Я по рации говорю.

— Извини.

— И я тебя слышу неплохо. Докладывай.

— В общем, у жлобистов нам не понравилось. Часа два назад мы убрались из городишка и теперь топаем по равнине...

— Вижу вас на карте. Спутник отслеживает ваш путь.

— А нет ли тут поблизости шаек фундаменталистов?

— Сколько угодно.

— Уточняю: в пределах досягаемости.

— Да, справа от вас. Примерно на таком же расстоянии, что и городок.

— Уже легче. Еще один важный вопрос: сколько времени длятся здешние сутки?

— Приблизительно сотню стандартных часов.

— Теперь ясно, почему мы начали уставать, хотя день еще в разгаре. Просто он вчетверо длиннее обычного. Нельзя ли посмотреть через спутник, нет ли погони?

— Уже посмотрел. Ничего такого не заметно.

— Прекрасная новость. Ладно, до связи. — Я повысил голос: — Рота, стой! Вольно! Хочу изложить ту часть диалога, которую вы не слышали. За нами не гонятся. — Я подождал, пока смолкнут мученические смешки. — А значит, останавливаемся здесь — поесть, попить, поспать и поработать. — Я скинул рюкзак, с хрустом потянулся, упал на землю, оперся на одну руку, указав другой на далекий горизонт. — Где-то там — кочевники-фундаменталисты. Рано или поздно мы с ними встретимся. Лично я — за «поздно».

Голосовать не понадобилось — все уже лежали. Я хорошенько промочил горло и продолжил:

— Здешние сутки вчетверо длиннее привычных. Мне кажется, для одного дня, или четверти дня, с нас достаточно драк, ходьбы и всего прочего. *Считаем, что наступила ночь, и вздремнем...*

Можно было этого и не говорить — у всех уже смежились веки. Сам я тоже куда-то проваливался, но в последний миг сообразил, что командиру так раскисать не годится. Кое-как растормошив себя, я со стенанием поднялся и отошел от бивуака, чтобы не мешать остальным.

— Алло, Тремэрн? Вы меня слышите?

— Это сержант Наенда. Капитан сдал вахту. Вызвать его?

— Не надо, если вы его замещаете и можете связаться со спутником.

— Замещаю и могу.

— Хорошо. Присматривайте за нами. Мы тут решили поспать, и я не хочу, чтобы нас потревожили. Если заметите крадущегося врага, разбудите, о'кей?

— Будет сделано. Баюшки-баю.

«Баюшки-баю!» Куда катятся наши вооруженные силы?! Еле волоча ноги, я вернулся в лагерь и с наслаждением последовал примеру коллег. На это не потребовалось никаких усилий.

Чего нельзя сказать о пробуждении. Наверное, мы проспали несколько часов — продрав глаза, я определил, что солнце наконец-то миновало зенит и клонится к горизонту.

— Тревога! ДиГриз! Тревога!

Я огляделся в поисках говорящего и лишь через несколько долгих секунд сообразил, что слышу капитана Тремэрна.

— Ч-че?.. — еле вымолвил мой одеревеневший язык.

— В вашу сторону движется шайка фундаменталистов. Примерно через час они заметят вас.

— Ага... Ладно, за этот срок мы подготовимся к приему посетителей. Спасибо, кэп. До связи.

Тут мой желудок зарычал, напоминая, что сухие пайки и впрямь сухи донельзя. Я глотнул воды, чтобы уничтожить неприятный привкус, и легонько попинал Флойда. С трудом разлепив глаза, он узрел мою ласковую улыбку.

— Ты только что изъявил желание прогуляться вон к тем кустам за хворостом. Пора завтрак готовить.

— Завтрак? Хворост? Кусты? Здорово! — Он кое-как поднялся на ноги, зевнул, потянулся, поскреб бороду и отправился выполнять задание. Я нарвал сухой травы и вытащил из рюкзака атомную батарейку. Рассчитанная на год бесперебойной работы всего нашего музыкального оборудования, она вполне могла пожертвовать несколько вольт для костра. Я заголил и закоротил контакты, щедро осыпав траву искрами. Через секунду она эффектно пылала, дымилась и потрескивала, вполне готовая для охапки сушняка, принесенной Флойдом. Когда стало тепло и хорошо, я высыпал полпеттоны в сияющие угли. Дым потянулся в сторону неразбуженных музыкантов, и они завозились, однако упорно не просыпались, пока я не разломил свежеиспеченный фрукт. Кожура почернела, и я рассудил, что он готов. По бивуаку растекся шикарный мясной аромат, и Стинго с Мадонеттой пробудились в один миг.

— Ням! — произнес я, вдохновенно жуя пахучую мякоть. — Мои поздравления генным инженерам, которые изобрели эту вкуснятину. Такой деликатес, да на дереве растет! Если б не население, я бы смело назвал эту планету раем.

Позавтракав и ощутив себя почти человеком, я доложил товарищам:

— Я снова внимал Гласу Небесному. В нашу сторону движется банда кочевников. По-моему, больше не стоит откладывать встречу. Все готовы к контакту?

Стальные Крысы дружно кивнули, никто не отвел глаз. Мне это понравилось. Стинго просиял, схватил топор и рявкнул:

— Всегда готовы! Но я надеюсь, что эта свора миролюбивее давешних ублюдков.

— Есть лишь один способ выяснить. — Я трижды стиснул зубы. — Где сейчас фундаменталисты?

— Забирают к северу. Вон за той высоткой, где кусты.

— Раз так, идем наперехват. Рюкзаки — на спины, оружие на изготовку, пальцы скрестить. За мной!

Мы медленно взобрались на холм, продрались через кусты и замерли как вкопанные, увидев бредущее мимо стадо.

— Баракозы, — сказал я. — Помесь барана и козы. Нам о них говорили.

— Баракозы, — подтвердила Мадонетта. — Но нам не говорили, что они такие громадные. Даже до подмышки не дотянуться.

— Верно, — кивнул я. — И еще один нюанс. При таком росте они вполне годятся для верховой езды. И, если не ошибаюсь, мы наблюдаем трех наездников. Скачут прямо к нам...

— И машут оружием, — мрачно подхватил Стинго. — Ну вот, опять!

Глава 10

Размахивая мечами, кочевники неслись во весь опор. Острые черные копыта баракоз грохотали и вздымали облака пыли. Вид животных не сулил ничего хорошего — вообразите злые горящие глазки, грозные кривые рога и нечто весьма похожее на клыки. Мне никогда не встречались бараны или козлы с клыками, но, говорят, все когда-нибудь случается впервые.

— Держать строй, оружие к бою! — выкрикнул я, вскидывая собственный меч.

Передний наездник, облаченный во все черное, с силой натянул поводья, и его косматый скакун остановился, будто налетел на стену. Всадник метнул в меня хмурый взгляд по-над смоляной бородищей и заговорил гнусавым патриархальным басом:

— Взявший меч от меча и погибнет. Так речено в Книге.

— Ты не себя ли имеешь в виду? — полюбопытствовал я, даже не думая опускать клинок.

— Мы — люди не воинственные, но в сем зловредном мире вынуждены носить оружие, дабы оборонять стада.

Возможно, он не лгал. Как бы то ни было, я вынужден был поверить ему на слово, воткнул меч в землю и отступил на шаг. Но был готов схватить его в любое мгновение.

— Мы тоже не воинственные. И тоже вынуждены таскать оружие в этом зловредном мире. Для самозащиты.

Он покумекал и, видимо, принял решение. Загнав меч в кожаные ножны, спрыгнул с баракоза. Зверюга сразу разинула пасть — с самыми настоящими клыками — и попыталась его цапнуть. С завидным хладнокровием кочевник сжал кулак и отвесил скакуну хорошо отработанный апперкот. Щелкнули зубы, горя-

щие глазки съехались у переносицы. Впрочем, это длилось недолго — едва глаза раздвинулись, баракоз исторг оглушительное «бе-е-е» и как ни в чем не бывало принялся щипать травку. Едва удостаивая его вниманием, кочевник подошел ко мне.

— Я Арроз конПолло, а мужи сии — мои последователи. Ты сберегаешь?

— Я Джим диГриз, а это — мой ансамбль. И я не верю в надежность банков.

— Банки? Что такое?

— Заведения, берегущие ваши деньги. Федхи.

— Джим диГриз, ты не так понял меня. Не федхи надобно сберегать, но душу!

— Любопытный теософский постулат. Не мешало бы исследовать его поглубже. Ты не будешь против, если мы все уберем оружие и потолкуем по душам? Эй, ребята! — повернулся я к своим. — Перемирие.

Мой собеседник сделал знак двум своим спутникам, и всем нам изрядно полегчало, когда мечи были убраны в ножны, а топоры легли на землю. Арроз впервые отвел от меня взгляд и обозрел моих «последователей». И вскрикнул. И заслонил рукой лицо, на котором сквозь густой загар проступила обморочная бледность.

— Нечисть! — возопил он. — Нечисть!

— Да, — согласился я. — Помывка в походе — вечная проблема.

Я не рискнул добавить, что сам он выглядит и пахнет так, будто родился и вырос на помойке.

— Не тело нечисто, но дух! Или ты не зришь, что среди вас — сосуд разврата?

— Нельзя ли выражаться чуточку яснее?

— Сей человек... женщина? — Он не отрывал ладони от глаз.

— Насколько я ее знаю, да. — Я слегка отступил к мечу. — А в чем дело?

— Да будет сокрыт порочный лик ее, оскверняющий взоры правоверных, да будут сокрыты порочные икры ее, вселяющие похоть в чресла правоверных.

— Парень-то слегка того, — с отвращением заключила Мадонетта.

Он перешел на визг.

— Да будут сокрыты порочные уста ее, доводящие правоверных до греха!

Стинго кивнул Флойду и взял разгневанную девушку за запястье. Она вырвала руку.

— Джим, — предложил он, — мы пока отдохнем в тенечке. По-моему, без нас ты лучше справишься.

— Хорошо.

Я провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду, а затем повернулся к остальным кочевникам. Они застыли в той же позе, что и предводитель — рука воздета, щека прижата к плечу. Как будто нюхали у себя под мышками.

— Все, больше не страшно. Можно спокойно поговорить.

— Возвращайтесь в становище, — сказал Арроз своим приятелям. — Я попекусь о стаде, а заодно приобщу чужеземца к Закону.

Те ускакали восвояси, верховая скотина Арроза побрела в сторонку. Он уселся, скрестив ноги, и указал на землю рядом с собой.

— Садись. Поговорим.

Я сел к нему лицом и спиной к ветру, поскольку не взялся бы отгадать, когда в последний раз этот малый и его одежда находились в контакте с мылом и водой. И он еще смеет рассуждать о чистоте! Арроз запустил пятерню под накидку, с наслаждением почесался, достал видавший виды томик и поднял над головой.

— Сия Книга — вместилище всей мудрости, — назидательно произнес он, блеснув глазами.

— Чудненько. И как она называется?

— Книга. Ибо она — единственная, других не существует. Все, что людям надобно знать, — здесь. Она содержит в себе квинтэссенцию всех истин.

Я подумал, что для такой работенки книжка выглядит тонковато, но благоразумно прикусил язык.

— Сие есмь промысел Великого Основателя, чье имя произносить запрещено. Осененный праведным вдохновением, он прочел все Священные книги и узрел в них откровение Всевышнего, чье имя произносить запрещено, и отделил драгоценные зерна божественной истины от греховных плевел блудомыслия. Он написал Книгу, а прочие предал огню. Он пошел в мир, и паства его была неисчислима. Но подлые завистники возжелали погубить Основателя и его приверженцев. Так речено. А еще речено, что он, дабы спастись от нечестивых гонений, привел свою паству в этот мир, и более никто их не тревожил. Вот почему вопрошаю я: чист ли ты, чужеземец? Идешь ли ты Путем Книги?

— Гм, занятно. Сказать по правде, я иду несколько иным путем. Но путь мой требует уважать чужие воззрения, так что можешь не беспокоиться.

Он нахмурился и увещевающе погрозил пальцем.

— Лишь один Путь истинный, и одна Книга. Кто мнит иначе, нечестивец есмь. Сейчас у тебя появилась возможность очиститься и сберечься, ибо я указал тебе истинный Путь.

— Премного благодарен, но как-нибудь обойдусь.

Он вскочил на ноги и ткнул в мою сторону указующим перстом.

— Неверный! Язычник! Изыди, не оскверняй меня видом своим!

— Ладно, остаемся при своих. До свидания и всяческих успехов в стрижке баракоз. Но прежде чем мы расстанемся, не взглянешь ли вот на это?

Я достал из кармана фотографию пропавшей штуковины и показал ему.

— Мерзость! — Чтобы не притрагиваться к снимку, Арроз спрятал руки за спину.

— В этом я не сомневаюсь. Я просто спрашиваю, не попадалась ли тебе на глаза эта вещь? Или ее фото?

— Нет! Никогда!

— Рад был с тобой познакомиться.

Даже не махнув на прощанье рукой, Арроз подошел к скакуну, пинком заставил его подняться, забрался в седло и умчался галопом. Я выдернул меч из земли и пошел к спутникам. Мадонетту все еще трясло.

— Лицемерный, узколобый, фанатичный выродок!

— Это еще мягко сказано. Но нет худа без добра — я добыл крупицу информации. Правда, негативной. Он никогда не видел находку. Значит, надо искать в другом месте.

— Мы что, опросим все племена?

— Если ты не предложишь что-нибудь поумнее. И если уложимся в девятнадцать дней.

— Я ему не верю, — заявила Мадонетта. — Только не надо хихикать и говорить про женскую интуицию. Разве он не такой же бандит, как те, что напали на корабль археологов?

— Ты права. И разве не топот множества копыт приближается к нам?

— Приближается! — воскликнул Флойд. — Что делать? Бежать?

— Еще чего! Выходим из укрытия. Инструменты наголо! Дадим грязнулям концерт, которого они вовек не забудут.

Арроз съездил за подмогой и привел не меньше трех десятков кочевников. Воинственно размахивая саблями, они летели на нас неудержимой лавиной под маниакальное блеянье баракоз. Я врубил усилитель на предельную мощность.

— Надеть наушники, приготовиться. По счету «три» начинаем старый добрый тринадцатый номер — «Летят ревущие ракеты». Раз, два...

Как только я произнес «три!», грянул оглушительный музыкальный взрыв. Передние баракозы вскинулись на дыбы и сбросили седоков. Для пущего эффекта я метнул в нападающих несколько дымовых шашек и обстрелял их голографическими молниями.

Получилось шикарно. Атака захлебнулась еще до того, как мы начали второй куплет. Последняя перепуганная баракоза бешеным аллюром унесла за горизонт своего черного всадника. Истоптанную траву усеивали брошенные сабли, клочья шерсти и мириады катышков навоза.

— Победа за нами! — ликующе выкрикнул я. «И девятнадцать дней на все про все, — уныло добавил про себя. — Дьявольски мало. Можно весь этот срок околачиваться на уголовной планете, а толку? В общем, план требует коррективов, и существенных».

Я отошел в сторонку и так надавил на кнопку рации, что едва не сломал зуб.

— Капитан Тремэрн слушает.

— А бедолага Джим диГриз говорит. Вы все поняли?

— Да, мы вели наблюдение. Я слышал, как ты просил опознать находку по фото. Полагаю, безрезультатно?

— Вы правильно полагаете, о владелец далекого неземного голоса. А теперь слушайте. Необходимо изменить план. Разрабатывая операцию, я исходил из допущения, что на этой убогой планетке существует цивилизация или хотя бы ее смутное подобие. Я собирался гастролировать, заодно шпионить. И просчитался.

— Да, тебе в надлежащее время не предоставили исчерпывающих сведений. Сочувствую. Ты и сам теперь в курсе: информация о планете практически целиком засекречена.

— Теперь-то я в курсе, но все равно мой замысел не выдерживает критики. Было бы куда больше проку, если б мы нагрянули сюда под видом космических десантников. Пока ни одна встреча с аборигенами не обошлась без попытки перерезать нам глотки. Каждая наша неудача — на совести твердолобого адмирала Бенбоу. Он не пожалел труда, чтобы втереть мне очки. Или вы так не считаете?

— Как должностное лицо при исполнении служебных обязанностей, я не вправе обсуждать компетентность начальства. Но вынужден признать, что офицер, готовивший вас к заданию, был, если можно так выразиться, скуповат на информацию.

— А еще — на отпущенный мне срок. Известно ли вам, что через девятнадцать дней я сыграю в ящик от яда замедленного действия?

— Увы, я осведомлен. И ты ошибаешься — осталось восемнадцать дней. Похоже, ты потерял счет времени.

— Восемнадцать? Вот спасибо! Что ж, коли так, мне тем более не обойтись без вашей помощи. Нужен транспорт.

— Нам запрещены любые контакты с населением.

— Я только что отменил этот запрет. Вы утверждали, что возглавляете комиссию и хотите многое изменить к лучшему. Вам и карты в руки. Для начала спустите катер. И тогда за оставшиеся дни я смогу посетить гораздо больше племен баракозьих пастырей.

— Ты подталкиваешь меня к нарушению приказа. Так и по фуражке можно схлопотать.

— Экое горе!

Пауза в моем черепе затягивалась. Я ждал. Пока не услышал звук, в котором безошибочно узнал вздох.

— Ладно. Надеюсь, в наши дни хороший специалист и на гражданке без работы не останется. Катер сядет после захода солнца. Если с земли его не заметят, может, обойдется и без отставки.

— Тремэрн, вы отличный парень. Спасибо от всей души.

Насвистывая аккорды из «Шведского чудовища», я возвратился к спутникам.

— Джим, ты чудо! — сообщила Мадонетта, обнимая меня и целуя. — Лучше плохо лететь, чем хорошо идти.

Флойд радостно кивнул и тоже полез обниматься.

— Руки прочь! — закричал я. — Ладно девчонки, но с бородатыми мужиками я не целуюсь. И вообще, хватит дурака валять. Сей-

час немного увеличим расстояние между нами и религиозными психами — на случай, если они решат вернуться. Потом отдых до темноты. У меня предчувствие, что ночка нас ждет та еще.

Глава 11

— Джим, просыпайся. Уже совсем темно.

Я почти обрадовался ласковой руке Мадонетты — она вытащила меня из кошмара. Скользкие щупальца, выпученные глаза. Брр, приснится же такая мерзость! Трагический финал, до которого осталось восемнадцать дней, все-таки закрался в подсознание.

Я сел, зевнул, потянулся. С великой неохотой солнце наконец-то спряталось за горизонтом, оставив лишь меркнущую ленточку. Проявлялись довольно невзрачные и к тому же малочисленные созвездия. Очевидно, тюремная планета обреталась где-то на задворках Галактики.

Внезапно звезды померкли, и к нам с небес двинулся на нульгравитационной тяге темный силуэт. Когда катер сел и мы приблизились, открылся люк освещенной кабины.

— Погаси свет, пентюх! — крикнул я. — Ты что, решил испортить мне ночное зрение?

Пилот повернулся вместе с креслом и натянуто улыбнулся.

— Простите, капитан. Пентюх — всего лишь метафора.

— Целиком признаю свою оплошность. — Тремэрн похлопал себя по электронному глазному яблоку. — С этими штучками совсем разучился отличать день от ночи. У меня лучшее ночное зрение на флоте, и я решил сам вести катер.

Он погасил лампы, оставив на борту лишь аварийное освещение — чтобы я не залез впотьмах куда не следует. Я сел в кресло второго пилота и пристегнулся.

— Что ты задумал? — спросил он.

— Ничего сложного. Скажите, вы знаете расположение всех баракозьих отар, да?

— Да, они на учете у бортового компьютера.

— Чудненько. Пускай компьютер займется топографией и проложит курс, чтобы мы в кратчайшее время облетели все отары. Тактика простая: садимся в сторонке, берем потихоньку «языка» и показываем ему фото. Если он не узнает находку, летим к следующему стаду.

— На вид и впрямь несложно и практично. Ремни пристегнул? Отлично. Летим к первой отаре.

Нас вдавило в спинки кресел. Катер набрал высоту и понесся по проложенному компьютером курсу. Потом он сбросил скорость и барражировал на малой высоте, пока Тремэрн вглядывался во мрак.

— Ага, вижу, — сообщил он. — Вон там, на дальнем краю стада. Не то пасет его, не то просто не дает разбрестись. Есть предложение: я подберусь сзади и скручу его, а ты допросишь.

— Подберетесь в темноте? Скрутите вооруженного охранника?

— Послушай, где я, по-твоему, обзавелся этими зенками? На оперативной работе. Сказать по правде, люблю вспомнить молодость.

Оставалось только согласиться. Час от часу капитан нравился мне все больше. С таким союзником можно горы своротить. Во всяком случае, сберечь немало времени — если он и вправду такой орел, каким себя выставляет. Кое-какие сомнения имелись, но я держал их при себе. Как ни крути, это был седой инвалид, столоначальник в погонах, у которого давно истек срок годности.

Я лишний раз убедился, что не всегда качество товара соответствует упаковке.

Посадив катер, Тремэрн выскочил и исчез в темноте. Не прошло и тридцати секунд, как я услышал тихий зов:

— Готово. Можно включить свет.

Я зажег фонарик и в кромешном мраке под почти беззвездным небом увидел двух человек, стоящих вплотную друг к другу. У пастуха были выпучены глаза и разинут рот, но рука, сжавшая его шею в железном захвате, не давала крику вырваться. Я покачал фонарем под носом у кочевника.

— Внемли мне, горе-пастух! Рука, сжимающая твое горло, может запросто убить тебя. Потом мы умыкнем стадо и до конца дней своих будем лакомиться шашлыками из баракозлятины. Но я готов пощадить тебя. Сейчас нукер уберет руку с твоей грязной шеи, и ты не закричишь, если не хочешь умереть. Ты будешь тихо отвечать на вопросы.

Он заперхал, потом застонал.

— О, демоны ночи! Отпустите меня, не убивайте, скажите, что вы хотите услышать, а потом убирайтесь в нечестивые глубины, из коих сбежали!

Я протянул руку, схватил его за нос и с силой крутанул.

— Заткнись. Открой глаза. Посмотри на фотографию. Отвечай. Ты когда-нибудь видел эту вещь?

Я поднес снимок к его лицу, посветил. Тремэрн чуть напряг мускулы, и «язык» простонал:

— Нет... ни разу... не помню...

Он забулькал, потерял сознание и рухнул наземь.

— Интересно, эти баракозьи пастухи когда-нибудь моются? — спросил Тремэрн.

— Только в високосные годы. Летим дальше.

Мы довольно быстро отработали процедуру. Тремэрн сажал катер и десантировался первым. Обычно к тому времени, как я выбирался из кабины, все уже было готово.

В ту ночь немало испуганных пастухов уснуло крепким сном, взглянув предварительно на фотографию находки. Я дремал между

высадками, сотрясая катер храпом и тяжкими вздохами. Капитан не знал усталости и после одиннадцатого допроса выглядел совершенно свежим. А мне казалось, что этой ночи не будет конца.

Устрашая тринадцатого кочевника, я едва не упал в обморок. Тринадцать — несчастливое число, но мы его преодолели и отправились дальше. И снова пара вытаращенных глаз воззрилась на нас по-над клином нечесаной бороды.

— Гляди! — прорычал я. — Отвечай! И учти — стоны за ответ не считаются. Видел когда-нибудь эту хреновину?

Вместо того чтобы застонать, этот закулдыкал и вскрикнул от боли. Тремэрн сильнее заломил ему руку. Было похоже, что железный капитан начинает терять терпение.

— Отродье демона... Творенье шайтана... я предостерегал, но они не внимали... Могила! Могила!

— Что он лопочет? — спросил Тремэрн. — Ты хоть что-нибудь понимаешь?

— Капитан, у нас есть надежда. Если это не соучастник, то, по крайней мере, свидетель. Эй ты! Гляди! Видел раньше?

— Я ему рек: не касайся, ибо смерть и проклятие приидут вослед...

— Значит, видел. Ладно, капитан, отпустите его руку, но будьте начеку. — Я выудил из кармана горсть серебряных цилиндров — местных денег. Дал им поблестеть под лучом фонаря.

— Гляди, вонючка, федхи, и все — твои. — Это мгновенно привело парня в чувство, но я сжал кулак, когда он протянул лапу.

— Твои, но при условии, что ты ответишь на пару-тройку простеньких вопросов. А если ответишь правильно, то вдобавок останешься цел и невредим. Ты видел эту вещь?

— Они сбежали. А ее мы нашли на корабле. Я к ней прикасался! Мерзость! Мерзость!

— Хорошо поешь. — Я пересыпал в поджидающую руку половину монет. — А теперь вопрос на десять тысяч федх. Где она сейчас?

— Продали, продали нечестивцам... райцам. Может, на них падет проклятие, вечное проклятие...

Нелегко было вытянуть из него все подробности, но мы в конце концов справились. Вылущив правду из вороха всяческих проклятий и поношений, мы поняли, что имеем дело с самой заурядной продажей краденого. Фундаменталисты видели, как садился корабль, и напали, едва открылся люк. Пока ученые спасались бегством, пастухи носились по отсекам и швыряли за борт все, что могли поднять. В том числе выволокли и контейнер с находкой, но раскурочить его сумели далеко не сразу. Наконец они управились с этой работенкой и стали ломать головы: что ж это за дьявольщина такая и как с ней быть? Неведение, как известно, порождает страх. Поэтому они отвезли диковину в Рай, где можно сплавить все что угодно. Конец.

Мы позволили пастуху сграбастать деньги и уложили на землю его бесчувственное тело.

— Надо бы посоветоваться, — сказал я.

— Надо бы, но не так близко к стаду. Давай поднимемся на плато, там воздух чище.

Мы высадились в последний раз. Остальные Крысы, к этому времени проснувшиеся, внимательно выслушали наш рассказ.

— Что ж, это здорово сужает сектор поиска, — заключила Мадонетта.

— Действительно, — согласился я. — Какова численность райского населения?

— Тысяч сто, — сказал Тремэрн. — Может, это не лучшая нация в Галактике, но здесь она выглядит самой преуспевающей. Правда, я с ней мало знаком. Только по фотографиям и наблюдениям со спутника.

— А в Пентагоне кто-нибудь знает побольше?

— Возможно. Но говорить не будет, потому что информация засекречена.

Я сжал кулак до хруста в суставах, поморщился и ткнул пальцем в сторону капитана.

— Согласитесь, все это выглядит не слишком разумно.

Тремэрн был не более доволен, чем я.

— Да, Джим, это неразумно. И я не понимаю, почему ваша группа, работая здесь, не имеет доступа к самым необходимым сведениям. Я попробовал это выяснить и получил не только отказ, но и строгое предостережение.

— Кто нам мешает? Есть догадки?

— Конкретно — никто. Высшие инстанции. Любой, с кем я разговаривал, понимал твои проблемы и соглашался помочь, но едва он обращался наверх, как получал головомойку.

— Или я параноик, или в этих высших инстанциях кому-то не нравится наша операция. И кто-то хочет ее сорвать.

Настала очередь Тремэрна хрустнуть пальцами и помрачнеть.

— Я уже говорил, что я — старый карьерист. Но сейчас мне очень многое не по нутру. Не только то, как обращаются с твоей группой, — вообще все это грязное дельце. Честно говоря, у меня у самого почва из-под ног уходит. Поначалу я думал, что сумею добиться перемен, если буду действовать по служебным каналам. Черта с два! Я почти так же крепко, как и ты, связан по рукам и ногам.

— Кем? И почему?

— Не знаю. Но изо всех сил стараюсь разобраться. А насчет этого города, Рая, и его жителей мне почти ничего не известно.

— Что ж, капитан, спасибо за честный ответ.

— Если вы не в курсе, почему бы нам самим не разузнать? — предложил Стинго. — Дадим концертик-другой, а заодно посмотрим, что там к чему.

— Может, и правда все так просто, — буркнул я. — Ладно, давайте взглянем на карту.

Складывалось впечатление, что население главным образом сосредоточено в одном-единственном городе; его границам явно недоставало архитектурной завершенности. От него тянулось не-

сколько дорог к ближайшим селам. Кое-где наблюдались мелкие группы строений — по всей вероятности, фермы. На трехмерной карте все выглядело совершенно обыденно. Озадачивала только стена, делившая город надвое. Тем более что на окраине никаких стен не наблюдалось.

Я поинтересовался, указывая на нее:

— Вы хоть представляете, что это такое и зачем оно понадобилось?

Тремэрн отрицательно покачал головой.

— Ни в малейшей степени. Похоже на стену — вот и все, что я могу сказать. Вдоль нее проходит дорога. Судя по всему, единственная дорога, идущая в город с равнины.

Я ткнул в голокарту пальцем.

— Вот здесь дорога кончается, исчезает в траве. Сюда-то нам и надо. Или у кого-нибудь есть более ценные предложения?

— Куда уж ценнее, — пожал плечами Тремэрн. — Я вас высажу вот тут, на плато, за этой грядой вас никто не заметит. Потом уведу катер, и дальше будем держать связь по радио.

Сказано — сделано.

— Первым делом — поспать. — Флойд зевнул. — Та еще ночка.

«Еще бы! — подумал я. — Если учесть длительность здешних суток».

Катер стартовал, и мы расположились на ночлег. Когда проснулись, было еще темно. И мы снова уснули. Во всяком случае, трое. У меня в голове слишком уж много всего накопилось, чтобы я мог дрыхнуть так же безмятежно, как мои приятели. Нам удалось-таки напасть на след находки. Но след бесполезен, если по нему не идти. А куда тут пойдешь впотьмах? Сколько еще у меня деньков до ухода в мир иной? Я сосчитал на пальцах. Примерно восемнадцать миновало, значит, остается двенадцать. Чудненько. Или я ошибся? И тут же обругал себя: только идиот загибает пальцы, когда у него под рукой компьютер.

Я включил машинку, быстренько составил программу и коснулся клавиши «3» — занавес, или загробный мир, выбирайте, что вам больше нравится. Передо мной засияла цифра 18, а рядом замерцало 12. Не скажу, что при их виде я приободрился, но, как ни крути, это решало проблему счисления срока. Должно быть, это удовлетворило некую часть моего «я», поскольку меня тут же сморил крепкий сон.

В конце концов небо, превозмогая великую лень, осветлилось, и наступил новый день. Но еще до восхода солнца капитан привел на бреющем катер, взял нас на борт, а затем высадил за грядой холмов неподалеку от Рая.

— Удачи, — без особой надежды в голосе пожелал он.

Катер полетел прочь и сгинул за светлеющим горизонтом. Я почти машинально ткнул пальцем в букву З на клавиатуре, цифры вспыхнули и сразу исчезли.

Но я успел их запомнить. Наступил девятнадцатый день.

Глава 12

Заря растянулась на целую вечность, солнце вставало как под пыткой. Еще не вполне рассвело, когда мы приблизились к началу стены — одному слою кирпичей, прячущемуся в траве.

— Интересно, что это такое? — произнес я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Стинго нагнулся и постучал о кирпич костяшками пальцев.

— Кирпич, — сказал он.

— Красный, — уточнила Мадонетта.

— Спасибо, спасибо, — отозвался я, вовсе не испытывая благодарности.

Справа от кирпичной полосы тянулась едва заметная тропка, и мы, снедаемые любопытством, пошли по ней.

— Глядите, тут она уже повыше, — показал Флойд. — Второй слой появился.

— А впереди — еще выше, — отозвалась Мадонетта. — Уже в три кирпича.

— Что это? — Стинго наклонился, раздвинул траву и приглядеался, а затем дотронулся до кладки пальцем. — Какой-то оттиск. На каждом кирпиче.

Все присмотрелись. Что-то вроде кольца с торчащей из него стрелкой.

— Кольцо, — пробормотал я. — Стрелка... — И тут у меня в черепушке запрыгала интуиция. Я уже видел этот символ... Да!

— Кто-нибудь, взгляните, пожалуйста, нет ли на той стороне кольца с крестиком.

Мадонетта изящно подняла брови, плавно переступила через низкую стену, грациозно нагнулась и посмотрела. Ее брови поднялись еще выше.

— Как ты догадался? Тут и впрямь на всех кирпичах колечки с крестиками.

— Биология, — ответил я. — Со школы помню.

— Ах да, точно! — воскликнула она. — Символы мужской и женской особей.

— В самую точку! — крикнул Флойд, ушедший тем временем вперед. — Знаете, что тут на кирпиче отпечатано? «VIROJ». А на той стороне. — Он наклонился и посмотрел. — «VIRINOJ».

Мы шагали вдоль стены, и она очень медленно росла. Вскоре появилась новая надпись: «LJUDI». Затем — «MTUWA, HERRER, SIGNORI».

— Довольно, — скомандовал я, останавливаясь. — Снимаем рюкзаки. Передохнем, а заодно попробуем решить эту задачку. По-моему, все вполне ясно. Мы идем по тропе. Кто не сочтет за труд посмотреть, нет ли такой же тропы с той стороны?

Кирпичная стена выросла уже до пояса. Флойд упер в нее ладони, подпрыгнул и перевалился на ту сторону.

— Есть как будто, но очень нечеткая. Сильно травой заросла. Можно мне назад?

— Можно и нужно, потому что пора выбирать. — Я показал вперед, на плавно растущую стену. — Фундаменталисты говорили, что приезжают в город торговать. Должно быть, этим путем и по этой стороне.

Мадонетта кивнула. Ей расклад не нравился.

— К тому же одни мужчины, как пить дать. Вот уж точно — нечистые! Обращаются с женщинами, как со скотиной. Если женщины приходят в город той дорогой, значит, та сторона отведена для них. Джим, что, по-твоему, нам следует делать?

— А по-вашему? Я уже сказал, пора выбирать. Или держимся вместе, или нарушаем инструкцию. Вот что необходимо решить в первую очередь.

— Держу пари: если не плюнем на инструкции, обязательно во что-нибудь вляпаемся, — заявила Мадонетта. — Неспроста эту стенку соорудили, ой, неспроста! Похоже на прозрачный намек, и если им пренебречь, наверняка случится что-нибудь не слишком хорошее. Вот мой выбор: я перелезу на ту сторону и сбегаю на разведку...

— Нет, — оборвал я. — Стена все растет, и если мы разделимся, то не сможем связаться по радио. Не годится.

— А мне не годится идти с вами по этой дорожке, но и возвращаться я не собираюсь. Так что будь любезен, включи свой челюстефон и поговори с Тремэрном. Пускай наблюдает за нами через спутник. Если не хотим провалить задание, мы должны выяснить, как обстоят дела в обеих частях города. И только я могу узнать, что происходит за этой стеной.

Она надела рюкзак, легла животом на кирпичную кладку, перекинула через нее ноги и улыбнулась нам с той стороны. Меня это ничуть не обрадовало.

— Нравится тебе это или нет, неважно, — сказала Мадонетта, прочтя у меня на лбу все сомнения. — Просто иначе — никак. Возьмем индивидуальные рации. Не забывай, что Тремэрн всегда начеку и подошлет солдат, если кто-нибудь из нас попадет в беду. Договорись с ним.

— Договорюсь. Только прежде давай убедимся, что рации не подведут. Боюсь, радиосигнал может не пройти. Кому-нибудь доводилось слышать о передатчиках, для которых камень не преграда?

Я просто думал вслух. Полушутя. И несколько опешил, когда за моей спиной прозвучало:

— Мне доводилось.

Я развернулся как ужаленный и бросил на Стинго пылающий взгляд. Он картинно отполировал ногти о рубашку, а затем полюбовался сияющими отражениями своей физиономии.

— Это ты сказал? — уличил его я. Он с глубокомысленным видом кивнул. — Зачем?

— Зачем? Хороший вопрос. Я отвечу так. Хоть ты и видишь перед собой стареющего музыканта-дилетанта, которого вызвали из отставки ради общего блага, не следует забывать, что ради того же общего блага он прослужил на флоте не один десяток лет. Связистом Лиги. Да будет тебе известно, я участвовал в разработке симпатичного приборчика под названием МИПСК.

— Мипсик? — тупо переспросил я.

— Почти правильно, мой дорогой Джим. МИПСК — миниатюрный персональный спутниковый коммуникатор. Полагаю, ты сейчас же щелкнешь челюстями и закажешь Тремэрну штуки две. А лучше четыре — чтобы каждый из нас всегда мог связаться с остальными. И еще скажи Тремэрну, чтобы он не забыл запустить на стационарную орбиту спутник связи, для постоянного приема сигналов из Рая.

— МИПСКи не только сверхсекретны, но и сверхдороги, — так отреагировал Тремэрн на мой заказ.

— Как и наша маленькая экспедиция. Вы сумеете их раздобыть?

— Конечно. Они уже в пути.

Через полчаса с небес спустился гравиподъемник и умчался ввысь, как только с него сняли маленькую посылку. Я надорвал упаковку и вытряхнул щепотку накладных ногтей. Сперва у меня глаза на лоб полезли, но затем я вспомнил, как Стинго, рассказывая про МИПСКи, полировал ногти.

— Ловко.

— Высокая технология плюс идеальная маскировка, — пояснил Стинго. — В пакете должен быть и клей. Ногти носятся парами. С пометкой «Т» — на указательном пальце левой руки. «М» приклеивается к мизинцу той же руки. Внутри — голографические микросхемы, так что можно обстригать их как угодно, они все равно будут работать.

— «Т»? — переспросил Флойд. — «М»?

— Телефон и микрофон.

— Что еще? — спросил я чуть ли не с почтением. Признаться, я слегка ошалел, обнаружив у себя под носом связиста-волшебника.

— МИПСКи питаются энергией разложения фагоцитов, которые постоянно атакуют «ногти» через кутикулу. Можно сказать, вечная батарейка. Если тебе понадобится с нами поговорить, к примеру, из здания с тонкими перекрытиями, спутник поймает твой сигнал и отошлет на приемник. Очень просто. Надо только вставить в ухо указательный палец и говорить в микрофон на мизинце.

Я выбрал пару «ногтей», подрезал, приклеил — сказать по правде, не без волнения, — сунул палец в ухо и сказал:

— Надеюсь, они работают.

— Конечно, работают. — Разнообразия ради голос Тремэрна раздался не из челюсти, а из пальца.

Прилаживая МИПСКи, мы заново обмозговали ситуацию, перебрали все варианты и вернулись к единственному разумному решению.

— Не будем терять времени. — Бросив последний восхищенный взгляд на коммуникаторы, Мадонетта надела рюкзак и несколько раз подкинула его, чтобы поудобнее приладить на спине. Затем повернулась и перелезла через стену.

С каждым шагом Мадонетты стена поднималась все выше и очень скоро заслонила ее с головой. Время от времени девушка поднимала руку. Когда же мы перестали видеть даже ее пальцы, я произнес в мизинец:

— Держим связь. Жду регулярных докладов. В случае чего пой. Все что угодно.

— Как скажешь, шеф.

Мы надели рюкзаки и пошли. За час стена неимоверно выросла и теперь выглядела неприступной. Мы поддерживали связь с Мадонеттой, но все-таки она осталась одна. Мне это было не по нутру, и хотя я все время напоминал себе, что на орбите — вооруженный корабль и в случае беды сюда в мгновение ока явится вооруженный десант, легче не становилось.

— Впервые вижу тут возделанные поля, — сказал Флойд. — И еще: вы заметили вон там, у стены, облако пыли? Оно приближается к нам.

— Ничего, у нас оружие, а на самый крайний случай я приберег несколько гранат-пугачей.

Мы решили подождать. Нечто, рысившее навстречу, издали смахивало на лошадь.

— Конь, — решил я, — но без седока.

У Стинго зрение было поострей моего.

— Отродясь не встречал коней о шести ногах.

«Конь» убавил прыть, затем и вовсе остановился и воззрился на нас. Мы ответили тем же. Робот. Металлический. Суставчатые ноги, впереди — пара щупалец-манипуляторов. Головы не предусмотрено, только пара глаз на стебельке. Динамик между щупальцами захрипел и изрек писклявым механическим голосом:

— Bonan tagon — kaj bonvenu al Paradiso.

— И тебе добрый день, — отозвался я. — Меня зовут Джим.

— Недурное имя, вполне мужское. Меня зовут Хингст, и я рад приветствовать вас в...

Конец фразы утонул в утробном реве, из задней части робота ударила струя черного дыма. Мы дружно отступили, наставили оружие. Хингст вскинул вверх гибкие клешни.

— О путники, я не желаю вам зла. Не будучи искушены в науках, вы, конечно, не догадываетесь, что треск и дым — всего-навсего выхлоп спиртового двигателя, который вращает генератор, который, в свою очередь...

— Подзаряжает твои аккумуляторы. Мы, Хингст, тоже не лыком шиты. Мы тебе не козопасы вонючие, с которыми ты привык иметь дело. А твоя, стало быть, работа — приветствовать гостей города?

— Счастлив, что передо мной на этот раз — настоящие джентльмены. До того как мой процессор вмонтировали в этот грубый агрегат, я был метрдотелем класса А42 и работал в самых престижных ресторанах...

— Если не возражаешь, твоими реминисценциями мы насладимся в следующий раз. У нас есть несколько вопросов.

— Не сомневаюсь, что у меня найдется несколько ответов, — пообещал Хингст недовольным тоном и приблизился на несколько шагов. Точно жалящая змея, ко мне метнулось щупальце. Я отскочил, вскинул меч, но было поздно. Холодный металл отпрянул, коснувшись моих губ.

— Еще раз так сделаешь, и я укорочу тебе манипулятор, — прорычал я.

— Спокойствие, спокойствие. Все-таки вы — вооруженные пришельцы, а я — должностное лицо при исполнении служебных обязанностей. Одна из них — взять у вас слюну на анализ. Что я и сделал. Джентльмен Джим, можете идти дальше, поскольку вы действительно принадлежите к мужскому полу. А теперь мне хотелось бы проверить слюну ваших спутников.

— Да ради бога, что мне, плевка жалко? — проворчал Флойд, на всякий случай складывая ладони ковшиком и прикрывая пах.

— Я рад, что вы обладаете чувством юмора, незнакомый... — щупальце взяло слюну изо рта Флойда, — ...джентльмен, в чем я более не сомневаюсь. Теперь вы, последний гость. Если не возражаете...

Хингст повернулся. Я прыгнул и встал перед ним.

— Одну минуточку, должностное лицо по прозвищу Хингст. У меня есть вопросы.

— Извините, но это не соответствует протоколу. Будьте любезны, джентльмен Джим, отойдите.

— Не раньше, чем ты ответишь.

Я не трогался с места. Другой манипулятор коснулся моей руки и шарахнул молнией!

Лежа на земле, я провожал Хингста злобным взглядом.

— Крепко, да? — крикнул он на бегу. — Мощные аккумуляторы.

Флойд помог мне встать, отряхнул одежду.

— Ничего, бывает и хуже.

— Спасибо. Но ведь не тебя же закоротили.

Мы двинулись дальше. Я рассказал об инциденте Мадонетте, а Тремэрн и сам подслушал.

— Прикладная технология, — резюмировал он. — Пожалуй, это местечко выгодно отличается от прочих лайокукайских свинарников.

Поскольку меня все еще пощипывало, а во рту был привкус гари, я только фыркнул. Вскоре Мадонетта сообщила, что создание, аналогичное описанному нами, приближается к ней. В бессильной ярости я схватился за меч и не разжимал пальцы, пока вновь не услышал ее голоса.

— Точь-в-точь как ваш приятель, только зовут по-другому. Хоппи. Проверила слюну и сразу убежала. Что теперь делать?

— Мы идем дальше, а ты передохни. Если по обе стороны стенки порядки одинаковые, мы освоимся раньше.

— Превосходство самцов-шовинистов?

— Здравый смысл. Нас трое, а ты одна.

— Что ж, аргумент веский, да и отдых мне не повредит. До связи.

— Умница. Мы пошли.

Дорога расширилась и уже ничем не напоминала грязную тропку. Мимо тянулись обработанные поля, а затем появились заросли полпеттонов — видимо, сады, так как деревья стояли аккуратными рядами. За ними маячило скопление низких зданий — наверное, ферма. Дорогу перегораживала кирпичная арка. Мы укоротили шаг, а потом и вовсе остановились.

— Это то, о чем я думаю? — спросил Стинго.

— Не знаю, о чем ты думаешь, а по мне, так это здание с аркой, — сказал Флойд. — И больше мы ничего не узнаем, если так и будем стоять и пялиться.

Мы медленно заковыляли вперед и снова встали, когда под аркой появился мужчина. Он вышел на солнечный свет, и мы убрали руки с оружия. Он подслеповато поморгал красными глазами, затем кивнул седой гривой и похлопал по колечку со стрелкой, вышитому на лацкане его серого одеяния.

— Добро пожаловать, путники! Добро пожаловать в Рай! Я — Афатт, комендант городских ворот. Рынок откроется завтра на рассвете. Можете остановиться прямо здесь, а если желаете, разбейте лагерь за аркой. Пока вы наши гости, мы сочтем за честь присмотреть за вашим оружием. — Взгляд, брошенный комендантом через плечо, откровенно говорил: взятка устроит его гораздо больше, чем пошлина.

— Не к чему утруждаться, достопочтенный Афатт, — проникновенно сказал я. — Ты видишь перед собой не крестьян и не торговцев, а знаменитых на всю Галактику первоклассных музыкантов. Мы — «Стальные Крысы»!

У дряхлого мздоимца отвисла челюсть, и он поспешил отступить назад.

— Крысы? Раю не нужны крысы. Раю нужны федхи — старые, грязные, любые...

— Всегда приятно встретить настоящего фана, — пробормотал Флойд. — А я-то думал, эта планетка не отлипает от ящика...

Под аркой возник еще один раец. Помоложе, покрупнее, повоеннее. В шипастом металлическом шлеме и твердой кожуре.

— Что ты сказал? — осведомился он, помахивая блестящим и весьма неэстетичным топором.

— Что слышал, голубок. Я не люблю повторяться перед солдатней.

Это спровоцировало кривой оскал и отрывистый лай:

— Стража! Сюда! К нам тут пожаловали стригали баракоз; требуется урок вежливости.

И секунды не прошло, как мы услышали лязганье оружия и топот.

Глава 13

Их было много, и они экспонировали коллекцию оружия, отвратительного и смертоносного на вид. При общении с жителями этого помоечного мира, напомнил я себе, необходима сдержанность. Пошевели мозгами, Джим, пока не поздно.

— Тысяча извинений, добрый господин, я всего лишь не устоял перед соблазном пошутить. Мы с удовольствием выполним ваше пожелание и представимся еще раз. Перед вами и вашими доблестными подчиненными имеют честь стоять лучшие музыканты освоенной Галактики!

Закончив тираду, я коснулся выключателя на боку рюкзака, и мощный орган исторг начальные аккорды «Меркурианских мутантов». Флойд и Стинго мгновенно сориентировались и хором пропели первые строки:

Ум хорошо, а два — лучше,
И карие глазенки английского сеттера...
Правда, что может быть круче?!

Коротенькая музыкально-генетическая шутка подействовала очень даже впечатляюще. Солдаты дружно взревели и кинулись на нас.

— Драться или драпать? — мрачно спросил Флойд, хватаясь за меч.

Едва не заорав «драться!», я спохватился и выкрикнул:

— Слушайте!

Ибо стражники позабыли об оружии и ревели от восторга.

— Это они! Ну прямо как в шоу «Галактическая салорезка»!

— Вот эта бородатая образина — Флойд!

— А я хочу послушать «Много ли яда в змеином логове?»!

Они окружили нас, стараясь пожать нам руки и испуская хриплые вопли буйного восторга. Ни дать ни взять заправские фаны.

— Но... но... — ошалело нокал я, — ваш комендант и в самом деле ничего про нас не слышал?

Первый стражник, чей оскал уже превратился в счастливую улыбку, не слишком тактично отпихнул старика.

— Афатт никогда не смотрит ящик. А мы смотрим! Ежели хотите знать, тут такой кавардак поднялся, когда мы прознали о вашей ссылке! Кто бы мог подумать, что в конце концов вы объявитесь тут! Погодите, скоро о вас услышат в казармах — вот тогда настоящая буча начнется!

Они с веселым гомоном повели нас через арку на гимнастическую площадку. Наш новый знакомый горделиво возглавлял шествие.

— Я — Льотур, сержант охраны. Располагайтесь, ребята, чувствуйте себя как дома. Я сейчас все устрою. Выпивку! — приказал он своим людям. — И еды! Все, что они захотят.

Продолжение последовало в том же духе. Нам подали пиво оригинального зеленого цвета, зато с настоящим вкусом пива. Солдаты толпились вокруг и ловили буквально каждое наше слово. Поэтому я сжал челюсти, чтобы привлечь внимание Тремэрна, и облек донесение в форму приветственной речи.

— Галантные витязи Рая, мы потрясены вашим гостеприимством. Вы встречаете осужденных за наркоту отщепенцев как героев вашей сказочной страны. Вы потчуете нас едой и выпивкой, и ваши радостные крики сулят нам прекрасное будущее.

— Искренне на это надеюсь, — прозвучал в моей голове глас Тремэрна. — *Но пока не решена задачка насчет мужчин и женщин*, Мадонетта, по моему приказу, не тронется с места.

— И это великолепно! — воскликнул я. — А вы, ребята, разве не согласны, что великолепнее, чем здесь, нас еще нигде не встречали?

Не отрываясь от еды и питья, мои спутники покивали. Под одобрительный булькающий рев солдаты принесли еще пива. Когда я вытирал губы тыльной стороной ладони, вернулся Льотур.

— Пришлось доложить самому Железному Джону, он даст вам аудиенцию. Но пока не приехали огненные колесницы, сбацайте-ка нам... Пардон! Может, вы не откажете в любезности исполнить для нас что-нибудь?..

Конец фразы сгинул под лавиной брутального солдатского восторга.

— Устраиваемся, ребята. Исполним номерок-другой, мальчики того заслуживают, — обратился я к Флойду и Стинго, а затем обвел взглядом публику. — Что заказываете?

Заказов было много, однако наибольшей популярностью здесь пользовался хит «С врагом все средства хороши». Тут нам здорово повезло — номер всегда шел только в мужском исполнении. Под небесами раскатился гром, заполыхали молнии. Наши фаны растянулись в балдеющий полукруг, а мы заиграли и запели:

Пытки и кровь, насилье и смерть!
Самая кайфовая круговерть!
Гуляй!
Руби, секи, коли, стреляй!
Терзай, взрывай, пинай, валяй,
Пугай, ругай и поджигай!
Круши, души от всей души —
С ВРАГОМ ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ!
Кайф! Ка-а-а-айф!

Налей!
Потом за воротник залей!
Хмелей! И будешь злей!
Балуй!
Хватай бабенок, тискай и целуй!
Им все на свете покажи —
С ВРАГОМ ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ!
Ка-а-а-а-а-а-а-а-айф!

Легко догадаться, что сей нежный цветок поэзии не мог не прийтись воякам по сердцу. Мы упивались овациями, пока сзади не зашипело и не залязгало. Прибыли обещанные транспортные средства. Туземцам они, конечно, были не в диковинку, однако туристов повергали в шок, если судить по нашей реакции.

— Только для особых случаев и особых людей, — гордо пояснил Льотур.

Мы стояли, разинув рты и утратив дар речи. Перед нами высились две трехколесные деревянные повозки — сплошь позолоченные завитки и нитки бус. Я пригляделся к ближайшей. Переднее колесо являлось рулевым, рычаг управления торчал наверху возле водительского кресла, за которым, над двумя задними колесами, располагалось широкое пассажирское сиденье. Все это выглядело довольно обыденно, не считая, конечно, дорогостоящего декора. Изумляло другое, а именно: сверкающая металлическая труба, что выступала из задка каждого экипажа. Из нее то и дело вылетал клуб дыма. Пока я таращился, настежь отворилась расписная дверца. Я забрался в салон и опустился на мягкое сиденье. Флойда и Стинго почтительно усадили в другой экипаж. Дверца с металлическим щелчком затворилась, и Льотур скомандовал водителям:

— Поехали! Врубай подачу топлива! Frapu viajn startigilojn! Жми на стартеры!

Я заметил под сиденьем моего водителя металлический бак. Водитель опустил руку, открыл вентиль, и в трубе забулькала жидкость. Затем он нажал на педаль. «Стартер», — сообразил я.

И ошибся — педаль всего лишь давала сигнал стартеру. Она натянула трос, который уходил в заднюю часть колесницы. Трос приподнял молоточек, тот резко опустился и ударил по плечу стартера, то бишь субъекта, сидевшего на платформе за колесами. Он был не только одет во все черное; лицо его и руки тоже были черны, а от шевелюры осталась жалкая щетина. Я очень скоро сообразил почему. Из металлической трубы уже капало жидкое топливо. «Стартер» протянул горящую спичку и тотчас отпрянул в сторону. Из струи черного дыма вырвался язык пламени, опалив солдат, которым не хватило ловкости увернуться.

А «стартер» уже скрежетал рычагом, очевидно, прокачивая воздух через примитивную дюзу. За несколько секунд рев окреп, струя пламени удлинилась, и вот моя огненная колесница задрожала и медленно покатилась вперед. Очень зрелищно! Хотя топлива,

должно быть, не напасешься. Я ободряюще помахал друзьям, те вяло, испуганно махнули в ответ. Расслабься, Джим, откинься на спинку сиденья и наслаждайся поездкой.

Если бы все было так просто! Признаться, в пути я мало внимания уделял пейзажу, ибо с головой ушел в раздумья о выживании. Так и не расслабился, пока наш маленький кортеж не остановился и огнемет за моей спиной не вырубился. Под жуткую разноголосицу фанфар распахнулась дверца повозки. Я прижал рюкзак к груди и ступил на серую подножку — прочную, но почему-то упругую.

Она оказалась вовсе не подножкой, а человеком в сером, стоявшим на четвереньках. Выполнив свою задачу, он поднялся и вместе с другой подножкой из плоти и крови побежал прочь. Карлики, ростом мне по пояс и примерно такой же ширины в плечах. Мои товарищи, как и я, проводили их взглядом. Затем они посмотрели на меня, но не сказали ни слова.

— Приветствую вас! — раздался зычный голос. — Добро пожаловать в гостеприимный Рай!

— Большое спасибо, — сказал я долговязому человеку с бочкообразной грудью, щеголяющему златотканой мантией. — Железный Джон, если не ошибаюсь?

— Весьма польщен, дорогой музыкальный гость, но вы ошибаетесь. Будьте любезны, следуйте за мной.

Снова пропели фанфары, затем трубачи расступились. К нам поспешили люди в сером, схватили рюкзаки. Я не стал сопротивляться, кое-как убедив себя, что все будет в порядке. Теплая встреча у арки совершенно не походила на розыгрыш или ловушку, так что и здесь вряд ли кроется подвох. Золотистый посланник Железного Джона поклонился нам и возглавил шествие.

Мы поднялись на кирпичное крыльцо кирпичного здания. Бедность ассортимента стройматериалов райские зодчие с лихвой возмещали полетом фантазии. Канонические высокие колонны с узорными капителями подпирали архитравы сложного антаблемента. Справа и слева от парадного крыльца на широкие балконы выходили стрельчатые окна. И все выполнено в красном кирпиче.

— Пока вроде все клево, — заметил Флойд.

— Да, тут здорово, — согласился я, не забывая поглядывать назад — там ли еще носильщики с нашими рюкзаками? И в кармане у меня — просто на всякий случай — лежали гранаты-пугачи. Береженого бог бережет, как говаривали мы в бойспраутские годы[1].

Мы зашагали по кирпичному полу кирпичного коридора и через проем в кирпичной стене попали в просторный, солидный зал, живописно освещенный солнечными лучами, которые падали из высокого — до потолка — витражного окна. Витраж пестрел колоритными изображениями армии — на марше, в атаке, в

[1] Игра слов. Boy Sprouts созвучно известным «бойскаутам», или «мальчикам-разведчикам», но может быть переведено как «мальчики — отростки брюссельской капусты». (*Прим. перев.*)

рукопашной, в момент гибели и так далее. Тот же мотив господствовал и на стенах, увешанных лохмотьями боевых знамен, щитами и мечами. Люди в мантиях, стоявшие в зале, повернулись и встретили наше появление кивками. Но золотистый гид провел нас мимо них к противоположной стене, где на высоком троне, сделанном сами догадайтесь из чего, восседал великан, подобного коему я отродясь не видал.

Сей муж был не только высоченным, но и совершенно голым. То есть был бы голым, если б не ржаво-красная шерсть, покрывавшая его с головы до пят. Рыжая бородища каскадом ниспадала на грудь, чья растительность нисколько не уступала ей длиной и густотой. Он встал, и стало видно, что не только руки и ноги, но и живот, и даже причинное место заросли густым мехом. Из одежды наличествовало лишь нечто наподобие бандажа, связанного, похоже, из его собственной шерсти. Он определенно напоминал ржавую железяку. Я шагнул вперед и отвесил легкий поклон.

— Железный Джон...

— И никто иной, — ухнул он, как далекая гроза. — Добро пожаловать, «Стальные Крысы». Ваша слава летит впереди вас.

Всегда приятно встретить в чужом краю фана. Теперь уже поклонились мы все, поскольку нас нечасто баловали таким приемом. В зале поднялся льстивый гомон, и мы поклонились еще раз.

Железный Джон снова уселся и подобрал под себя ноги. Либо он пытался сделать педикюр, либо его ногти сроду были цвета ржавчины. Я не стал акцентировать на этом внимание, меня гораздо больше занимало другое.

— Когда вас арестовали, всех жителей Рая объяла великая скорбь, — изрек он. — Ложное обвинение, разумеется?

— Разумеется!

— Так я и думал. Что ж. Галактика теряет, мы находим. Мы довольны, ибо получили, если можно так выразиться, монополию на ваш талант.

Это прозвучало довольно зловеще, но я не стал пугаться раньше времени, лишь навострил ухо.

— Галактика столь греховна, развратна и глупа, что мы исполнились отвращения к телевизионной мерзости и предпочитаем не смотреть большинство программ. Уверен, вас порадует новость, что после вашего ареста и осуждения мы в знак протеста закрыли обычное вещание и стали денно и нощно показывать запись ваших концертов. А теперь нас осчастливили визитом оригиналы!

Это вызвало бурю восторга, и мы, вскинув руки над головой, ответили кивками и улыбками. Когда гам утих, старина Железяка прогромыхал то, чего все от него ждали:

— И теперь мы — вся страна — трепетно уповаем, что вы нам споете! — Снова ликующие вопли. — Какое удовольствие — услышать самую любимую: «С врагом все средства хороши»! А пока вы устраиваетесь, мы покажем запись, чтобы разогреть публику, подготовить к вашему первому концерту в Раю!

Идея оказалась неплохой. Сами-то мы, конечно, могли подготовиться быстро, а вот местные телевизионщики... Они потратили уйму времени, таская туда-сюда кабели толщиной в руку, расставляя самодельные камеры, юпитеры и прочий антиквариат. Наконец с потолка свесился экран, и луч проектора высветил на нем яркий прямоугольник.

Едва ли этот кустарный клип побил рекорд самого эффектного открытия гастролей в Галактике. Сначала тысяча, или около того, загорелых культуристов принялись под бой барабана заколачивать в землю тяжелые колья. Барабан умолк, но кувалды продолжали безмолвно бить под вездесущий голос:

— Джентльмены Рая, наступило то исключительное, уникальное событие, о котором было объявлено несколько минут назад. Знаю, все вы, жители нашей сказочной страны, в томительном ожидании приникли к телевизорам. Думаю, этот ансамбль получит у нас стопроцентный рейтинг! Прославленные «Стальные Крысы» вот-вот начнут концерт, а пока они настраивают инструменты, мы воспользуемся их любезным разрешением и покажем специальную версию... «Пути космолета»!

Она и впрямь оказалась специальной. С привычным боевым задором грянул бравурный марш и одновременно с ним — изящные рифмы:

Ты в самом сердце космолета.
Моторист, твоя работа —
Провода соединив,
Ждать, когда же грянет взрыв.
Пусть будут нервы на пределе,
Но враг — у пушек на прицеле,
И капитан отдаст приказ:
Миллион миль в час!
Тяги! Тяги! Тяги! Тяги!
Слышишь, электронов гул...
Тяги! Тяги! Тяги! Тяги!..
В протонном вихре потонул.
Тяги! Тяги! Тяги!
На этот раз...
Тяги! Тяги! Тяги!..
...Победа ждет нас!
Тяги! Тяги! Тяги!

Мы внимали с деревянными улыбками. Изображение сносное, звук тоже ничего. На нас никто не смотрел, все прилипли к экрану. Флойд встретил мой взгляд и крутанул у виска указательным пальцем. Вселенский жест, означающий сумасшествие. Я угрюмо кивнул. Мне тоже не все понравилось.

На экране мы в привычных костюмах исполняли привычный номер. Непривычным было только одно. До сего момента никто из

нас в глаза не видывал человека, который стоял рядом с нами и солировал залихватским тенором.

Тенором?

Здесь всегда звучало чувственное контральто Мадонетты.

Глава 14

После телевизионного вступления мы повторили номер — сказать по правде, без огонька. Но публика этого не заметила, совершенно забалдев от одного нашего присутствия. Райцы качались, махали руками, однако ухитрялись при этом помалкивать. Но едва Железный Джон слился с нами в рефрене «Тяги! Тяги!», они завопили и заорали в невыразимом экстазе. Когда мы затянули последнюю «тягу» и смолкли, разразилась бешеная овация. Железный Джон отечески улыбнулся нам, затем строго посмотрел на зрителей и воздел ржавый палец. Мигом наступила тишина.

— Я разделяю вашу радость по поводу визита почетных гостей. Но у них выдался утомительный день, так что давайте позволим им отдохнуть. Не забывайте: они останутся с нами навсегда. Им выпала редкая удача — стать полноправными гражданами Рая и до конца дней жить в нашей сказочной стране.

И вновь — брутальная радость. Без особого энтузиазма выслушав приговор к пожизненному заключению, мы уложили инструменты в рюкзаки и отдали их поджидающим слугам. Зрители, все еще слегка пульсируя экстазом, двинулись к выходу.

— Секундочку, пожалуйста, — попросил нас Железный Джон. Подождав, пока выйдут посторонние, он коснулся кнопки на стене, и створки высокой двери бесшумно сдвинулись. — Отличная песня. Нам всем очень понравилось.

— Девиз «Стальных Крыс» — «Доставляй людям радость».

— Чудесно. — Он перестал улыбаться и мрачно посмотрел на нас. — Вы можете еще кое-чем нас обрадовать. Вы здесь надолго, и нам очень хочется, чтобы вы были счастливы. Так что осчастливьте и себя, и нас, соблюдая осторожность в выборе тем для разговора.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался я, хотя уже четко представлял себе, к чему он клонит.

— Мы все довольны судьбой. Тут надежно и спокойно. Я терпеть не могу смут. Джентльмены, вы переселились к нам из очень неблагоустроенного внешнего мира. В Галактике все нормально, скажете вы. И будете правы — если не замечать вечной войны. Борьбы противоположностей, от которой мы, к счастью, избавлены. Вы — дети цивилизации, в чьей основе не самосозидание, а саморазрушение. Вы — жертвы негативизма, который подавляет жизнь, угнетает культуру, ослабляет даже сильнейших. Вы понимаете, о чем я говорю?

Ни Флойд, ни Стинго не ответили, так что пришлось кивать мне.

— Понимаем. Хоть мы и не во всем разделяем кое-какие ваши умозаключения, предмет обсуждения нам совершенно ясен. И я торжественно обещаю: пока мы пользуемся вашим гостеприимством, ни я, ни мои помощники ни словом не обмолвимся о противоположном поле. То есть о женщинах, девушках, самках. Запретная тема. Но поскольку вы сами ее коснулись, я делаю вывод, что вы вправе...

— Не вправе.

— Ясно, больше вопросов нет. Мы очень благодарны за радушный прием и постараемся не бросить тень на вашу репутацию.

— Юный Джим, ты умен не по летам. — На лицо Джона вернулся призрак улыбки. — Должно быть, ты устал. Сейчас вам, ребята, покажут жилье.

Створки раздвинулись. Железный Джон отвернулся. Аудиенция завершилась. Мы удалились, всячески изображая беспечность. Золотистый провел нас все по тому же кирпичному коридору в довольно шикарные, хоть и тоже красно-кирпичные, апартаменты. Он включил телевизор, убедился, что в ванной работают краны, поднял и опустил шторы, затем поклонился и вышел. Я прижал палец к губам. В напряженном чуть ли не до судорог молчании Флойд и Стинго смотрели, как я с помощью детектора, позаимствованного у Тремэрна, выискиваю «жучков». После того видеоклипа я проникся большим уважением к местным электронщикам.

— Чисто, — сообщил я.

— Ни одной женщины, — вымолвил Стинго. — Даже говорить о них нельзя.

— Ну, какое-то время я бы смог без этого прожить, — подал голос Флойд, — но кто теперь будет солировать?

— Очень эффектный пример, — сказал я, — первоклассного электронного дублирования.

— Но откуда взялся этот клоун? — спросил Флойд. — Ей-богу, я видел его первый раз в жизни. Может быть, мы и впрямь наширялись бакшишем и эта планетка — не более чем наркотический кошмар?

— Спокойствие и хладнокровие! Этот клоун — не что иное, как набор электронных байтов и бит. Тут живут очень неплохие техники. Они перевели в цифирь нашу песню вместе со всеми нами, а затем анимировали солиста мужского пола. Стерли Мадонетту, записали его, а потом пересняли ролик.

— Но зачем? — простонал Стинго, устало падая в глубокое кресло.

— Хороший вопрос. И ответ очевиден. Эта половина Рая — только для мужчин. Женщин мы наверняка не увидим. Готов поспорить, их вылущили даже из телепрограмм. А также все, что с ними связано. И не спрашивай опять «зачем?». Я не знаю. Ты сам видел, как высока стена. А по наблюдениям с орбиты известно, что

по ту сторону стены — тоже город. Значит, женщины — если они вообще тут водятся — должны жить на той половине.

Ни один из моих спутников не спросил «почему?», хотя обоих, да и меня, изводил этот вопрос. Я глядел в их встревоженные лица и старался думать о чем-нибудь приятном. Это удалось.

— Мадонетта, — начал я.

— Что Мадонетта? — спросил Стинго.

— Надо ей обо всем рассказать. — Я сунул в ухо большой палец и обратился к мизинцу: — Джим вызывает Мадонетту. Алло, ты на связи?

— Еще бы!

— Я тоже тебя слышу, — проскрежетал Тремэрн из моего пальца.

Я изложил события дня. Сказал «у меня все» и стал ждать откликов.

Мадонетта зашипела от злости, и я не мог ее за это винить. Тремэрн, как всегда, был сама деловитость.

— На этой половине города ты потрудился неплохо. Может, теперь пора Мадонетте выйти на разведку?

— Рано. Нам еще надо получить несколько ответов на чертову уйму вопросов.

— Пока не возражаю. Как дела с находкой? Выяснил что-нибудь?

— Увы. Но надежда остается. Капитан, дайте нам передохнуть. По-вашему, такого перехода, да еще и концерта, для одного дня мало?

Я подождал ответа. Напрасно.

— Да, сэр, вы правы. Этого недостаточно. Нужно еще изделие иной расы.

Я выдернул палец из уха, стер с него серу и мрачно уставился в пространство.

— С чего начнем? — поинтересовался Флойд.

— Не имею представления. Сказал просто, чтобы Тремэрн отвязался.

— Я знаю, с чего начать, — заявил Стинго.

Я бросил на него подозрительный взгляд.

— Сначала — МИПСК, а теперь еще и это. Наш скромный арфист открывает тайные погреба.

Он улыбнулся и кивнул.

— Видать, многолетняя служба в Лиге не пропала даром. Разве старый вымогатель у ворот не сказал нам, что завтра на рассвете открывается рынок?

— Так и сказал, — подтвердил Флойд. — Ну и что? Штуковину давным-давно сбыли с рук.

— Гений! — Я зааплодировал. — Под этим седым скальпом прячется серое вещество, которое знает, что такое логика!

Стинго поклонился, принимая комплимент.

— В отставке всегда скучно. Что дальше, босс Джим?

— Отлови Золотистого. Прояви острейший интерес к рынку. Пусть даст провожатого, утром пойдем туда и...

Звякнул стеклярус, отворилась дверь, и вошел наш ангел-хранитель в златотканом облачении. Как будто одно упоминание о нем служило вызовом.

— О счастливцы, вы приглашены! Железный Джон ожидает вас в Веритории. Ступайте!

Мы пошли. А что еще оставалось делать? Золотистый — видимо, для разнообразия — пребывал в необщительном настроении и оборвал поток наших вопросов мановением руки. Новые коридоры, новые кирпичи... Спотыкаясь, ушибая ноги, мы добрались до ряда незанятых кресел и сели, как велел нам поводырь. В помещении было темно и стало еще темнее, когда Золотистый вышел и затворил дверь.

— Что-то мне тут не в кайф, — пробормотал Флойд, выразив ощущения каждого из нас.

— Не будем нервничать раньше времени, — выдал я совет за неимением более дельного, а сам нервно сцепил пальцы и хрустнул суставами. Затем уловил в темноте движение воздуха. Вспыхнул свет, в считанные мгновения разгорелся...

В освещенное пространство неторопливо вступил Железный Джон, вернее, его увеличенное изображение. И показал на нас.

— Сейчас вы переживете переживание, которое существенно отразится на вашем существовании. Воспоминания о нем будут поддерживать и подпитывать вас и никогда не сотрутся из памяти. Я знаю, вы будете благодарны, и заранее принимаю сердечное «спасибо». Уверяю, отсюда вы уйдете иными — духовно развитыми, обогащенными. Добро пожаловать, джентльмены, в первый день новой полноценной жизни. Добро пожаловать!

Когда его образ угас, я закашлялся, чтобы подавить ворчание. Старый примат почему-то нравился мне все меньше. Никогда не пытайся обжулить жулика! Поудобнее разместившись в кресле, я настроился на развлечение.

Едва оно началось, я определил, что голофильм сработан вполне профессионально. Он мог произвести впечатление на какого-нибудь доверчивого юношу или на круглого дурака. Мне это пришлось по душе. Сумрак рассеялся, ярче разгорелся ржавый свет, и я внезапно оказался в кадре.

В безмолвии взирал король на группу вооруженных мужчин, сторожко уходящих в лес и исчезающих среди деревьев. Внешне он был спокоен и терпелив, но рука его то и дело тянулась к голове, будто он хотел удостовериться, что корона все еще на месте. Спустя долгое, очень долгое время он выпрямился и повернул голову. Прислушался. В густой листве шуршали неспешные шаги, но напрасно ждал он появления кого-нибудь из воинов. Вышел толстенький уродец — волосы растрепаны, на губах блестят капельки слюны.

— Что ты видел? — спросил король шута.

— Ушли, ваше величество. Все до одного. Точь-в-точь как те, что уходили прежде. Скрылись за деревьями у пруда, и никто не вернулся.

— Никто никогда не возвращается, — горестно молвил король. Его плечи беспомощно поникли, в глазах застыло отчаяние. Он не заметил, как из леса вышел и приблизился к нему юноша; рядом с ним семенил серый молчаливый пес. У шута отвисла челюсть, изо рта вытекла и закачалась, точно маятник, струйка слюны. Он попятился.

— О чем печалишься, о король? — спросил юноша ясным, бодрым голосом.

— О том печалюсь я, что в моем королевстве есть место, где пропадают люди, — пропадают навсегда. Уходят по десять, по двадцать человек, но ни один еще не пришел назад.

— Я пойду туда, — сказал юноша, — но я пойду один.

Больше он не произнес ни слова, только щелкнул пальцами, и собака последовала за ним под сень дубравы. Они пробирались среди деревьев и висячих мхов, огибали груды валежника и топи и наконец подошли к темному пруду. Юноша остановился на берегу, вгляделся в воду — и тут из нее вынырнула рука и схватила пса. Схватила и утащила на дно. Только разбегающиеся круги остались на глади пруда, но и они вскоре исчезли.

Юноша не закричал и не убежал. Лишь кивнул.

— Наверное, это здесь, — сказал он.

Сумрак растаял — да будет свет! Железный Джон сгинул, зал опустел. Я посмотрел на Флойда — он выглядел таким же обалдевшим, как и я.

— Я, должно быть, что-то пропустил.

— Собачонку жалко, — произнес Флойд.

Мы оглянулись на Стинго, тот задумчиво кивнул.

— Это только начало, — пообещал он. — Вы все поймете, когда увидите продолжение.

— Что ты имеешь в виду? Нельзя ли поконкретней?

Стинго отрицательно покачал головой и хмуро сказал:

— Может быть, попозже... хотя вряд ли это понадобится. Сами догадаетесь.

— Ты что, уже видел это кино? — поинтересовался Флойд.

— Нет. Просто я немного разбираюсь в мифологии. Вам лучше досмотреть до конца, тогда и поговорим.

Я хотел было заспорить, но прикусил язык. Потом так потом. Отворилась дверь, появился Золотистый.

— Ты-то нам и нужен. — Я вспомнил недавнее наше решение. — Из достоверных источников мы получили информацию, что завтра на заре открывается рынок.

— Поистине ваши источники достоверны. Завтра — десятый, базарный, день. Кочевники ежедневно загибают палец, и когда пальцы на обеих руках кончаются, это означает...

— Понял, спасибо. Я и без грязных пальцев умею считать до десяти. Мы с друзьями-музыкантами хотим побывать на рынке. Это возможно?

— Достаточно лишь намека, о великий Джим Стальная Крыса.

— Вот я и намекаю. Может кто-нибудь завтра показать нам дорогу?

— Будет несравненно удобнее на огненных колесницах...

— Будет, не спорю. Но удобнее — не значит лучше. Пешая прогулка — чем не удовольствие?

— Пусть будет пешая прогулка, коли таково ваше желание. Мы предоставим эскорт. А теперь, джентльмены, позвольте напомнить, что наступил обеденный час. В вашу честь устраивается банкет. Не соблаговолите ли последовать за мной?

— Веди, дружище! Ты поразишься нашей прожорливости — если, конечно, нам не подсунут треклятые полпеттоны.

Шагая за ним по пятам, я обнаружил, что мои пальцы решили жить по-своему! Вероятнее всего, их вынудило к своеволию мое растревоженное подсознание. Они пробежались по клавиатуре компьютера, и передо мной вспыхнула цифра 19. А рядом — пульсирующая 11.

Еще одиннадцать дней. Будет совсем неплохо, если завтрашний базар что-нибудь даст.

Глава 15

— Эге, а денек-то чудный намечается!

Каждое слово вонзалось в череп, точно ржавая арбалетная стрела. Мало мне растущей пульсирующей головной боли! Я кое-как открыл один глаз, и по нему садистски резануло ярким светом. Сил хватило лишь на то, чтобы распялить в оскале рот. Наш златотканый нянь носился по комнате, раздвигал шторы, подбирал разбросанную одежду, — в общем, был настолько невыносим, насколько это возможно в предрассветный час. Лишь услыхав щелчок наружной двери, я сполз с кровати, выключил пыточные лампы, на четвереньках подобрался к рюкзаку, что покоился у стены. С третьей вялой попытки удалось открыть его и достать пилюлю отрезвина. Я слопал ее всухомятку, уселся и замер, ожидая, когда целительная химия растечется по разбитому телу.

— Что подмешали в зеленое пиво? — прохрипел Флойд и зашелся в кашле. Слушая, как он стонет между приступами, и глядя, как дергается его свесившаяся с кровати голова, я почувствовал себя лучше. Достал еще одну пилюлю и враскачку подошел к его смертному одру.

— А... ну-ка... проглоти... поможет.

— А ничего вечеринка, — благодушно изрек Стинго. Его сцепленные руки уютно покоились на солидном возвышении живота.

— Я сейчас умру, — просипел Флойд, забирая пилюлю слабыми пальцами, — и целый век буду мучительно гореть в аду. Плюс один день.

— Что, бодунчик? — сладеньким тоном осведомился Стинго. — Что ж, на то есть серьезная причина. Я о длительности здешних ночей. Вечеринки тянутся целую вечность. А может, мне просто так показалось с непривычки. Закусили, вздремнули. Проснулись, выпили, закусили. Хорошо, коли меру знаешь, а ну как нет? Мне-то пиво дрянью показалось, я к нему почти не притронулся. Но мясные блюда! Огромные, с овощами, отменной подливкой, вдобавок тут обожают хлеб и красный соус, да еще...

Он не договорил. Шатаясь и стеная, Флойд поднялся на ноги и вышел из комнаты.

— Ты жесток! — Я почмокал сухими губами. Стало чуточку легче.

— При чем тут жестокость? Я правду говорю, вот и все. Прежде всего — дело. А запои, похмелье и кислородное голодание лучше отложить до победной пирушки.

Крыть было нечем. Стинго прав на все сто.

— Намек понял. — Я потянулся за шмотками. — Размеренная жизнь, побольше отдыха и сырых овощей. И конструктивного мышления.

За окном разгоралась заря. Новый день. Еще десять дней — и упадет мой занавес. Пока что я мыслю деструктивно. Я встряхнулся, как мокрая шавка, и пожал плечами, выдавливая дурное настроение.

— Пойдем на ярмарку.

На крыльце гостиницы нас поджидал сержант Льотур. Он подскочил и отдал честь могучей дланью. Отделение привратной стражи, прибывшее вместе с ним, последовало примеру командира.

— Проводим на рынок! — громогласно сообщил он. — Все эти мальчики — добровольцы, им не терпится нести покупки лучших музыкантов Галактики.

— Похвально, похвально. Веди, голубчик. — Мы проворно спустились на тротуар, мощенный красным кирпичом.

К тому времени, когда мы достигли цели, над горизонтом уже повис малиновый диск. Видимо, кочевники-фундаменталисты были ранними пташками — на рынке уже вовсю кипела жизнь. И смерть. Протяжные стоны Флойда еще удавалось расслышать, но прочие звуки терялись в блеянье и пуканье баракоз. Должно быть, они жаловались на злосчастную судьбу сородичей, чьи освежеванные туши сгружали с их спин. Неужели здесь торгуют только мясом? Хотелось верить, что нет. Отводя взоры от сангвинических картин, мы спешили мимо лотков. То и дело назойливо приставал очередной бородатый кочевник и с мольбой в голосе расписывал достоинства своего товара. Надо сказать, все торговцы преувеличивали. Изможденные овощи, убогие глиняные

горшки и шматы баракозлятины для барбекю выглядели не столь уж привлекательно.

— Мрак, — резюмировал Флойд.

— Ничего. — Я указал большим пальцем на посетителей рынка. — Нас интересуют только они.

Я достал из рюкзака и роздал коллегам фотографии находки.

— Порасспрашивайте райцев, может, кто и видел.

— Просто так совать под нос? — В голосе Стинго звучало сомнение.

— Ты прав. Не просто так. Нынче за несколько бессонных часов я придумал легенду. С капелькой правды. Кочевники нашли эту штуковину на речном ложе после паводка. Хотели продать ее наблюдателям из Пентагона, но те на сделку не пошли, строго следуя политике изоляции. Однако они сфотографировали находку, а позднее выяснилось, что она имеет археологическую ценность.

— Резонно, — без охоты признал Стинго. — Но откуда у нас эти снимки?

— Их нам всучили, когда выпихивали за ворота. Намекнули на выгоду — амнистию, кучу федх и тому подобное. Мы согласились — без особого удовольствия, конечно. И то сказать, что мы теряем?

— Правдоподобно, но рискованно, — сказал Флойд. — Что ж, попробовать можно.

Вопреки нашим опасениям, контакты с посетителями рынка прошли без проблем. Проблематичной оказалась чрезмерная общительность райцев — разговорив горожанина, было очень трудно потом от него отделаться.

Боже, как они любили «Стальных Крыс»! Спустя немного времени за мной тащился шлейф обожателей — это вдобавок к целому взводу стражников. Все стремились помочь, и все ровным счетом ничего не слыхали о находке. Но в ходе опроса снова и снова упоминалось имя Сьонварпа.

Стинго протолкался ко мне сквозь толпу, держа в руке фотографию с разлохмаченными краями.

— Пока ничего. Но двое-трое посоветовали обратиться к Сьонварпу. Похоже, у торгашей он — главный.

— Я слышал примерно то же самое. Разыщи Флойда. Он вроде бы приходит в себя — я видел, как он пялился на лоток с кислым баракозьим молоком. Тащи его сюда, пока он не совершил ошибку с далеко идущими последствиями.

Найти Сьонварпа не составило труда, бесчисленные пальцы охотно указывали нам путь. Он был высок, дороден, с шевелюрой цвета стали. Когда он повернулся и увидел, кто назвал его имя, суровая физиономия расплылась в улыбке.

— Нержавеющие Пасюки! Во плоти! Я счастлив втройне!

Мы просвистели два первых аккорда из «Совсем одной», после чего рот Сьонварпа растянулся еще шире, а окружающие захлопали в ладоши.

— Красота! — восхитился он. — Какой ритм!

— Ваше удовольствие — наше удовольствие, — сказал я. — На рынке нам дали понять, что в этих краях ты — первый купец.

— Я — он. Целиком к вашим услугам, Джим, Флойд и Стинго.

— А мы — целиком к твоим. Если располагаешь временем, позволь, я покажу тебе один снимочек.

Вручив фото, я выжал все, что мог, из своего ораторского искусства. Он слушал вполуха, зато не сводил взгляда со снимка. Повертел его перед глазами на расстоянии вытянутой руки, дальнозорко прищурился и молвил:

— Ну, конечно! Знакомая вещица. — Фото вернулось ко мне. — Несколько рынков назад — точно вспомнить не берусь — один вонючий простак уступил ее моему приказчику. Мы скупаем все, что может заинтересовать ученых. Ежели честно, мне она вовсе не показалась интересной, но все-таки я отправил ее старику Хеймскуру.

— Прекрасно, значит, меньше хлопот. — Я разорвал снимок и бросил клочки. — Сегодня даем концерт, желаешь контрамарочку — устроим.

Как я и рассчитывал, археологическая находка мгновенно оказалась забыта — ах, если б так же быстро удалось вырваться из нежных объятий фанов! Лишь под предлогом репетиции мы в конце концов избавились от них.

— Мы что, больше ничего не ищем? — встревожился Флойд. Хороший музыкант. Жалко, что спиртное разъело ему мозги.

— Мы уже знаем имя покупателя, — напомнил Стинго, — и теперь попробуем его найти.

— Как? — спросил Флойд, явно страдая частичным параличом нервной системы.

— Всеми доступными способами, — объяснил я. — Приобретая друзей. Называя имена. В том числе Хеймскура. Выясним, кто он и чем промышляет. А сейчас, по дороге, я отчитаюсь.

Тремэрн и Мадонетта внимательно выслушали доклад. Затем капитан отключился, а она осталась поболтать.

— Джим, не пора ли и мне отлипнуть от стенки и побродить по здешней половине Рая? Не думаю, что это рискованно...

— Мы тоже так не думаем, однако наверняка не знаем. И тебе не резон испытывать судьбу, пока предмет наших поисков — здесь. Отдыхай в свое удовольствие. И ничего не предпринимай, пока мы не разузнаем побольше.

В апартаментах нас поджидал обед — фрукты и ломтики мясного рулета на серебряных блюдах под хрустальными колпаками.

— Отлично! — Флойд вмиг расправился с куском рулета.

— Баракозлятина, наверное. — Стинго вдруг помрачнел.

— Пища есть пища, а откуда она — мне до лампочки. — Флойд потянулся за новым ломтем, и тут появился наш золотистый опекун.

— Одно удовольствие смотреть, как музыкальные Крысы наслаждаются жизнью. Когда откушаете, я попрошу Крысу Джима пройтись со мной.

— Кому это он понадобился? — подозрительно осведомился я, что не так-то просто сделать со ртом, набитым сладкой мякотью.

— Всему свое время. — Он дотронулся до носа указательным пальцем, подмигнул и закатил глаза. Я этот жест растолковал так: «Не торопись, сам скоро узнаешь». Выбирать не приходилось. Я вытер пальцы о влажную скатерть и в который уже раз двинулся за Золотистым.

У дверей Веритории, где вчера крутили непонятный голофильм, меня поджидал сам Железный Джон.

— Пойдем со мною, Джим, — произнес он гулким, как далекая канонада, голосом. — Сегодня ты воспримешь и постигнешь Откровение.

— А как же мои...

— Потом, Джим, потом. — Он бережно, но цепко взял меня за плечо. Не оставалось ничего другого, как идти с ним. — Ты мудр не по годам. Ум старца в юной голове. А значит, извлечешь наибольшую пользу, открыв для себя тайну, в которой нет ничего таинственного. Идем.

Он усадил меня в кресло, но сам не сел. Однако я ощущал его присутствие — он притаился где-то близко, во мраке. Возник и тут же рассеялся светящийся туман, и я снова оказался на берегу водоема.

В лесу окрест темного пруда царило безмолвие. Когда на воде истаял последний круг, юноша повернулся и ушел, не оглядываясь. Шагал среди деревьев по палой листве, пока не добрался до опушки и не увидел перед собой короля.

— Я должен сделать кое-что, — сказал он властелину и больше не проронил ни слова. От короля не укрылось, что молодой человек вернулся цел и невредим, но без собаки. И вместо того чтобы засыпать юношу вопросами, изводившими разум, король последовал за ним к замку. За крепостными воротами, во внутреннем дворе, юноша огляделся и заметил большое кожаное ведро.

— Вот что мне нужно, — произнес он.

— Бери. — Король сопроводил разрешение взмахом руки. — И помни, что я помог тебе. За это когда-нибудь ты скажешь, что нашел в лесу.

Молодой человек повернулся и снова — теперь уже в одиночестве — проделал весь путь к темному пруду. Там он окунул ведро в воду и опорожнил его над ближайшей ямой. И еще раз. И еще. Он трудился без отдыха, он упорно осушал пруд. Солнце не заходило, свет не мерк, юноша все работал и работал. Спустя очень долгое время почти вся вода была вычерпана, и в грязи на дне пруда появилось нечто большое. Юноша орудовал ведром, пока не увидел высокого мужчину, покрытого с головы до ног, точно ржавчиной, рыжим волосом. Рыжий открыл глаза и посмотрел на юношу. Тот поманил его пальцем. Рыжий поднялся на ноги, неуклюже отряхнулся, выбрался из пруда и пошел следом за юношей через заросли.

И вот они в замке. Все стражники и челядь разбежались в панике, и только король стоял перед ними.

— Это Железный Джон, — сказал юноша. — Надо посадить его в железную клетку и держать здесь, во дворе замка. Если вы запрете клетку, а ключ отдадите королеве, можно будет ходить по лесу без опаски.

Сцену заволокло туманом. Конец.

На плече Джима лежала тяжелая рука, обросшая рыжей шерстью. Но это его не беспокоило.

— Теперь ты понимаешь, — с небывалой теплотой в голосе сказал Железный Джон. — Теперь ты можешь освободить Железного Джона. Давай, Джим, давай.

Я хотел сказать, что понял далеко не все, точнее, ни черта не понял. Кое-что почувствовал, но что именно — не взялся бы выразить словами. Но я промолчал. Поскольку ощутил, как на глазах выступили слезы. Ни с того ни с сего. Но стыдиться тут нечего. Это я понимал.

Железный Джон улыбнулся и громадным пальцем стер слезинки с моих щек.

Глава 16

— Ну, и что там было? — спросил Флойд, когда я вернулся. Уже в коридоре слышалось его тромбонио — хитроумная и блестящая коллекция золотистых труб и салазок, временами издающая довольно-таки забавные звуки. К сожалению, большинство из них так и норовило растерзать барабанные перепонки.

— Продолжение учебного фильма, — ответил я как можно беспечнее и огорчился, услышав в голосе легкую дрожь. Флойд этого не заметил — он уже вернулся к игре, — но Стинго, который лежал на койке и вроде бы спал, сразу открыл глаз.

— Учебный фильм? О лесном водоеме, что ли?

— В яблочко.

— Теперь ты знаешь, что это за пруд? И кто утопил собаку?

— Глупая история. — Флойд выдал коротенький пассаж. — И все-таки жалко песика.

— Это был ненастоящий пес. — Стинго, как мне показалось, смотрел выжидающе, но я стиснул зубы и отвернулся. — И пруд ненастоящий, — добавил он.

— Что ты имеешь в виду? — Я повернулся к нему.

— Мифология, дорогой Джим. И ритуалы перехода. На дне пруда сидел Железный Джон, верно?

Я подскочил как ужаленный.

— Верно! А как ты догадался?

— Я же говорю — интересовался когда-то мифами. Впрочем, на самом деле меня волнует не учебный фильм, как ты его называешь, а тот факт, что Железный Джон — здесь, во плоти. Здоровенный и волосатый.

— Э, ребята, про меня забыли. — Озадаченный взгляд Флойда перескакивал с меня на Стинго и обратно. — Вам не кажется, что небольшое пояснение будет очень кстати?

— Да, конечно. — Стинго свесил с кровати ноги и принял сидячее положение. — Человечество создает культуру, а культура создает мифологию, дабы объяснить свое существование. Далеко не последнюю роль играют мифы и обряды перехода для мальчиков. Я имею в виду переход от отрочества к зрелости. В эту пору юноша расстается с матерью и другими женщинами. В некоторых первобытных культурах мальчики уходят жить к мужчинам и уже никогда не видят своих матерей.

— Невелика потеря, — пробормотал Флойд.

Стинго кивнул.

— Джим, ты слышал? Всегда и везде матери пытаются лепить сыновей по своему — женскому — образу и подобию. Ради их же блага. Естественно, мальчики противятся, и в этом им помогает обряд перехода. Тут всегда замешана уйма символов, поскольку символика — способ выражения мифов, лежащих в основе любой культуры.

Я поразмыслил над этим — и тотчас разболелась голова.

— Стинго, извини, но я за тобой не поспеваю. Растолкуй.

— Пожалуйста. Возьмем Железного Джона. Ты сам сказал, что ничего не понял из фильма. Но я думаю, он все-таки произвел на тебя впечатление. Чисто эмоциональное.

Я хотел было отмахнуться — мол, ерунда, — но спохватился. Почему ерунда? Уж кому-кому, а себе я стараюсь не лгать никогда. Самое время последовать этому правилу.

— Ты прав. Меня проняло, а почему, не знаю.

— Мифы воздействуют на эмоции, а не на логику. Давай разберем символику. Молодой человек вычерпал пруд и нашел там Железного Ганса или Джона, так?

— Тютелька в тютельку.

— Железный Джон, по-твоему, кто? Я не о нашем приятеле, а о том, из легенды... И кто — тот парнишка?

— Ну, это не так уж сложно вычислить. Парнишка — тот, для кого предназначен фильм. Зритель. Поскольку на этот раз вас в Вериторию не приглашали, можно предположить, что этот юноша — я.

— Ты прав. Итак, ты — герой мифа, что-то ищешь в пруду, и тебе надо хорошенько потрудиться с ведерком, чтобы добиться

своего. Теперь мы приближаемся к Железному Джону, волосатому чудищу, живущему на дне водоема. По-твоему, это живой человек?

— Конечно, нет. Мужик на дне пруда — это символ. Элемент мифа. Воплощение мужества, брутальной натуры. Первобытный самец, который прячется в каждом из нас под тонким лоском цивилизованности.

— Отлично, Джим, — сказал он, понизив голос. — Идея фильма ясна: когда мужчина — не мальчик, а взрослый мужчина — заглядывает в недра своей души, погружается в них достаточно долго и упорно, он обнаруживает там грубого волосатого мужика.

Флойд оторвался от инструмента, у него отвисла челюсть.

— Не иначе вы, ребята, шизеете в свое удовольствие, а про меня забыли.

— Мы не шизеем, — ответил Стинго, — а пьем из источника древней мудрости.

— Ты поверил в этот миф? — спросил я его.

Он пожал плечами.

— И да и нет. Половое созревание — трудный процесс, ритуалы взросления подготавливают мальчиков, дают им уверенность в себе, которой так недостает на пороге новой жизни. С этим я согласен, но только с этим. Я говорю твердое «нет» мифу, выдающему себя за реальность. Что мы видим? Железного Джона — живого, здорового, залезшего на самый верх. И расколотое общество, лишенное женщин. Даже не подозревающее об их существовании. Нехорошо. Я бы даже сказал, паршиво.

Мне стало не по себе.

— Не во всем с тобой согласен. Честно говоря, кино мне понравилось. Я ведь не из легковерных простаков, и все-таки меня проняло.

— И должно было пронять, ведь мифы воздействуют на самые тонкие материи — психику и эго. Сдается мне, Джим, детство у тебя было не из счастливых...

— Счастливое детство! — Я рассмеялся. — Попробуй расти счастливым на свинобразьей ферме в общении с буколическими селянами, которые по части умственного развития ненамного выше своей скотины.

— В том числе твои родители?

Я чуть не взорвался, но сообразил, куда он клонит, и прикусил язык. Флойд вытряс из инструмента слюну и нарушил паузу:

— Жалко песика.

— Это ненастоящий пес, — повторил Стинго, отворачиваясь от меня. — Как и все остальное. Символический. Собака — твое тело, то, чем ты распоряжаешься: «сидеть!», «лежать!».

Флойд обалдело потряс головой.

— Слишком глубоко для моего куцего умишка. Как тот пруд. Нельзя ли ненадолго перейти от теории к практике? Что еще у нас на повестке дня?

— Разыскать Хеймскура, поинтересоваться у него насчет находки. — Я с удовольствием переключился на более злободневную тему. — Предложения?

— Пустота в башке, — сказал Флойд. — К сожалению. Проклятый бодун, когда ж ты кончишься?!

— Хорошо, что хоть один из нас не надрался. — В голосе Стинго вдруг появилась нехарактерная нотка раздражения. По личным причинам я слегка обрадовался — все-таки живой человек, а не мешок с подарками. Вся эта мифология основательно вывела меня из равновесия. Ладно, забудем — сейчас не до этого.

— У нас два пути. Можно ронять намеки и выуживать информацию. А можно взять и выложить напрямик про находку. Лично я — за второй вариант, поскольку времени у нас с гулькин нос. — Десять дней до мрачного финала, мысленно договорил я. — Давайте начнем с Золотистого, нашего мажордома. Похоже, он тут каждую собаку знает.

— Поручи это мне, хорошо? — Стинго встал и потянулся. — Поговорю с ним по душам и как бы невзначай переведу разговор на науку и ученых. И на Хеймскура. Скоро вернусь.

Флойд мерил комнату шагами, наигрывая марш. Когда за Стинго затворилась дверь, он сказал:

— Ты вроде и впрямь принял близко к сердцу эту лабуду насчет Железного Джона.

— Да. А почему, не понимаю. Вот беда.

— Женщины. У меня шесть сестер и две тетки, я среди них вырос. А братьев нет. Никогда не думаю о женщинах. Только о какой-нибудь одной — в конкретной ситуации.

Не дожидаясь, когда он пустится в жлобские описания какой-нибудь «конкретной ситуации», я извинился и сбежал на улицу. Размявшись до пота, возвратился, сделал несколько отжиманий и приседаний и забрался под душ. Когда вернулся в комнату, Стинго был уже там. Я вопросительно поднял бровь, а он потряс над головой сомкнутыми руками.

— Удача! Хеймскур — вожак шайки, «созидающей во имя науки», так выразился Вельди.

— Вельди?

— Коридорный. Да, у него, оказывается, есть имя. В беседе с ним у меня сложилось впечатление, что мы попали в сильно дифференцированное общество, где каждый индивидуум занимает отведенное ему место. Особенно тут уважают ученых. Вельди отзывался о них с великим почтением — судя по всему, они очень влиятельны.

— Чудненько. Как же нам встретиться с Хеймскуром?

— Надо подождать. — Стинго взглянул на часы. — Вот-вот должен подъехать экипаж и отвезти нас в резиденцию его высоколобой милости.

— Опять огненные колесницы?

— Нет. Однако название не менее зловещее. Транспорт восторга — каково?

Мы не успели как следует поразмыслить над этим. В дверь отрывисто постучали, и появился золотистый Вельди.

— Следуйте за мной, джентльмены. Если угодно.

Мы вышли парадным шагом — грудь вперед, подбородок вскинут. Пряча все сомнения и опасения. И все-таки содрогнулись при виде того, что нас поджидало.

— Транспорт восторга, — гордо сообщил Вельди, взмахом руки указав на самую настоящую спасательную шлюпку. Оставалось лишь ломать голову, каким ветром ее с морских просторов перенесло на сушу. Впрочем, нельзя сказать, что она прогадала. Белоснежный корпус был украшен вымпелами, белые колеса прятались под килем. Стоявший у фальшборта капитан в мундире посмотрел вниз, отдал честь, скомандовал, и к нашим ногам ссыпался веревочный трап.

— На абордаж! — Я первым полез на борт. Нас дожидались обитые плюшем диваны; слуги подобострастно кланялись и протягивали кувшины с прохладительными напитками. Как только мы расселись, капитан дал сигнал, и барабанщик на носу пустил частую дробь, а затем повернулся к басовому барабану. Под металлическое уханье транспорт восторга дернулся и медленно покатил вперед.

— Галера, — сказал Флойд, — без рабов и весел.

— Как же — без рабов! — Я брезгливо поморщился — из белого раструба за моей спиной хлынула брутальная вонь. — А вместо весел — педали или что-нибудь наподобие.

— Никаких жалоб! — отрезал Стинго, потягивая вино. — Что еще за брюзжание после огненных колесниц?

Мы помпезно катили между домами, кивали зевакам и время от времени царственным жестом приветствовали восхищенных фанов. Шлюпка оставила за кормой нечто вроде жилого квартала и углубилась в пригород, похожий на парк. Дорога попетляла среди деревьев, вытянулась в струнку вдоль ряда изящных фонтанов, и наконец шлюпка тяжеловесно остановилась перед огромным зданием со стеклянными стенами. Нас встретила группа старцев в элегантных одеяниях, ее возглавлял старейший — весь в белом и прямой как жердь. Я сорвался с трапа и шлепнулся перед ним.

— Имею ли я честь обращаться к благородному Хеймскуру?

— Да. А ты, несомненно, Крыса Джим? Милости просим, милости просим.

Мы еле устояли под шквалом рукопожатий и радостных возгласов, наконец Хеймскур прервал церемонию встречи и повел нас в стеклянное здание.

— Милости просим, — приговаривал он, — милости просим в сокровищницу знаний, откуда проистекает все благое. Извольте следовать за мной, я ознакомлю вас с тематикой наших исследований. Поскольку вы, джентльмены, — выходцы из неспокойного

смешанного общества, лежащего за нашими мирными пределами, вы, безусловно, высоко оцените достижения разума, благодаря коим мы живем в счастливой и уютной стране. Ни раздоров, ни различий, — места хватает всем, и все — на своих местах. Этим путем мы с вами пройдем через Фазенды Физики и Хоромы Химии. Нас ждут Агора Агрономии, Музей Медицины, а чуть дальше — Архив Антропологии.

— Архив? — небрежно переспросил я. — Архивы я люблю.

— Тогда непременно побывай в здешних. Там ты найдешь подробное описание нашего многотрудного пути до переселения на эту планету. Ты узнаешь, как мы свершили обряд перехода и очищения, чтобы найти эту тихую гавань. Тут мы возмужали и обрели достаток, и теперь любой желающий может зачерпнуть из источника нашей мудрости. Архивы открыты для всех!

Скучища, подумал я, и вдобавок — откровенная несообразность. Какие мы чистенькие, какие мы беленькие. Только крылышек да нимбов не хватает.

— Вдохновляет, — сказал я, когда мы добрались до конца экспозиции.

— О да!

— А там, дальше, что?

— Музей для студентов. Биологи изучают флору нашей планеты, геологи — сланцевые толщи.

— А археологи?

— Увы, очень немногое. Примитивные поделки давно усопших бедолаг первопоселенцев.

— Можно взглянуть?

— Отчего же нельзя? Вот, пожалуйста: палочки для добывания огня, грубая керамическая посуда. Топорик, несколько наконечников для стрел. Едва ли стоит их беречь, но мы беззаветно преданы своей миссии хранителей и архивариусов.

— И это все?

— Все.

Я глубоко вздохнул, извлек из внутреннего кармана фотографию и протянул Хеймскуру.

— Вы, наверное, уже в курсе, что вертухаи из Пентагона не останутся в долгу, если им помогут разыскать вот эту штуковину?

— В самом деле? Я бы не верил ни одному их обещанию. — Он взял снимок, поморгал, отдал. — Как это похоже на них! Вечно лгут, вечно мутят воду.

— Лгут?

— В данном случае — безусловно. Этот предмет был доставлен сюда. Я лично его осмотрел. Никакой научной ценности. Абсолютно никакой. Похоже, всего-навсего обломок старого космического корабля. Неинтересный, бесполезный хлам. Мы от него избавились.

— Избавились? — Не возьмусь описать усилия, которые я затратил, чтобы в голосе не прозвучало отчаяние.

— Списали. В Раю его больше нет. Все, что не представляет ценности для мужчин, должно исчезнуть. Да что тебе в этой безделице, Джим? Давай-ка выбросим ее из головы и поговорим о чем-нибудь действительно интересном. К примеру, о музыке. Скажи-ка, голубчик, ты сам пишешь тексты или?..

Глава 17

На обратном пути мы помалкивали, будто воды в рот набрав, и почти не замечали роскошеств, которые окружали нас на транспорте восторга. Лишь за закрытыми дверями апартаментов мы дали волю языкам. Одобрительно кивая, я выслушал весь Флойдов запас проклятий и ненормативной лексики, — надо сказать, он оказался в высшей степени изобретательным по этой части и практически ни разу не повторился.

— Присоединяюсь, — сказал я, когда отсутствие воздуха в легких заставило его стихнуть. — Нам и правда здорово не повезло.

— Ага, — согласился Стинго, — а еще нам здорово соврали.

— То есть?

— То есть Хеймскур попытался продать нам старую лепеху верблюжьего кагала. Так называемая история науки в его изложении — по большей части пропаганда для солдатни. И раз уж мы это понимаем, то с какой стати должны верить истории насчет археологической находки? Ты запомнил его последние слова?

— Нет.

— И я — нет. Но кое-что, надеюсь, запомнилось. Или ты не заметил, как на экскурсии я постоянно чесал в затылке и ковырял в носу?

Флойд с самого утра соображал туговато; он уставился на Стинго, разинув рот. Я улыбнулся и сунул в ухо указательный палец.

— Эй, небесное око, ты меня слышишь?

— Нет, зато я слышу, — отозвался через мой ноготь капитан Тремэрн.

— Чудненько, но не это главное. Главное — слышали вы нашего экскурсовода?

— Все до последнего слова. Скучища. Но все равно я записал, как ты просил.

— Как просил Стинго — каждому по делам его. Не откажите в услуге, воспроизведите последние слова насчет штуковины.

— Пожалуйста.

В ногте пощелкало, попищало, а затем наш престарелый гид занудил:

— Списали. В Раю его больше нет. Все, что не представляет ценности для мужчин, должно исчезнуть...

Он повторил это пару раз, пока я переписывал.

— Готово. Спасибо.

— Вот. — Стинго щелкнул по бумаге ногтем. — Хитрый старый котофей. Решил с нами поиграть, сообразил, что неспроста мы разнюхиваем. Заметьте, он не сказал «уничтожили». Ни разу. Он сказал «списали». А значит, находка, возможно, еще существует. В Раю ее нет — следовательно, она где-нибудь в другом месте. Но особенно мне нравится обмолвка насчет того, что эта вещь не нужна мужчинам. — Он улыбнулся, точно игрок в покер, открывший пять тузов. — Если мужчинам она ни к чему, то как насчет женщин?

— Женщин? — У меня отвисла челюсть, но я тотчас спохватился и с лязгом вернул ее на место. — А при чем тут женщины? Здесь же одни мужчины.

— Святые слова! А за стенкой-то кто? Готов поспорить: дамы! Либо они, либо в этом городе имеется высокоразвитая технология клонирования. В чем я очень сомневаюсь. Готов поставить на естественные контакты через стену.

Зажужжал челюстефон, и по мозговым извилинам разбежался голос Тремэрна:

— Я согласен со Стинго. И Мадонетта. Она уже идет вдоль стены к центру и доложит, как только что-нибудь выяснит.

Я сразу понял, что возражать бессмысленно.

— Годится. Вожаки местной шайки только и знают, что нам вешают лапшу на уши. Логично допустить, что они солгали и про находку. Ничего не остается, как подождать...

Я замолк. Вельди негромко постучал, затем отворил дверь.

— Благая весть! — заявил он, возбужденно сверкая глазами. — Железному Джону угодно встретиться со «Стальными Крысами» — и не где-нибудь, а в Веритории! Высочайшая почесть! Но сначала отряхните одежду от пыли и удалите с музыкальных челюстей суточную щетину — Флойда с его героической бородой это, естественно, не касается. О, если б вы знали, какое вас ждет удовольствие!

«Готов поспорить, без такого удовольствия мы бы прекрасно обошлись», — подумал я, но вслух ничего подобного не высказал. Царская милость есть царская милость, от нее не отвертишься. Я избавился от щетины с помощью быстродействующей депиляционной мази, расчесал волосы и постарался не кукситься, глядясь в зеркало. Из апартаментов я вышел последним, молча взобрался на транспорт восторга, и мы с тяжеловесным шиком покатили во дворец.

— Не возьму в толк, почему на этот раз все трое? — Стинго пригубил бокал охлажденного вина. — В прошлый раз, Джим, на фильм приглашали тебя одного.

— Понятия не имею.

Мне не очень нравился беспечный тон Стинго, захотелось сменить тему. Я попытался представить, как Мадонетта одна-одинешенька бредет по чужому городу, но мысли упрямо сворачивали на Железного Джона. Какой еще сюрприз он приготовил?

Наконец мы вступили в Вериторию, освещенную лучше прежнего, и я поразился — насколько же она просторней, чем показалось вчера! Кресла были расположены полукругами, в каждом сидел зритель — я еще не видал в Раю такого сборища старых пней. Куда ни глянь — лысины, седины, морщины и беззубые рты.

Сам Железный Джон вышел на сцену и обратился к нам с приветственной речью:

— Мы искренне рады видеть вас здесь. Эти кресла — для вас.

Он указал на передний ряд, удаленный от прочих и состоящий всего из трех, но лучших кресел.

— Музыкальные Крысы, вы наши почетные гости. Это особый случай, особый для юного Джеймса диГриза. Джим, ты здесь самый молодой. Скоро ты поймешь, что я имею в виду. А твои друзья, несомненно, получат удовольствие. Не только удовольствие, но и полезный урок, я надеюсь. Итак, начинаем...

Едва он вымолвил: «Начинаем», — погасли огни и тьма заполнила Вериторию. Во мраке зазвучали шаги, раздался смех. Загорелся свет, я увидел малыша лет восьми. Спотыкаясь, он семенил к нам с большой коробкой в обнимку. Он положил коробку, откинул крышку, достал и запустил волчок. Потом, вынув лоток с кубиками, начал строить башню. Когда она поднялась довольно высоко, мальчик полез в коробку за новой игрушкой. Выглядел он при этом уморительно серьезным и сосредоточенным. Он порылся в коробке обеими руками, потом огляделся, по-детски морща лобик.

— Не прячься, Мишутка.

Он заглянул за коробку с игрушками, снова покопался в ней и вдруг решительно повернулся и убежал в темноту, но шаги я слышал — они удалялись, затихали. Затем малыш вернулся с игрушкой — самым обыкновенным потрепанным плюшевым медвежонком. Усадил его возле коробки и взялся сооружать вторую башенку из кубиков.

Стало еще светлее, и я понял, что мы опять во дворе замка. И мальчик на сцене не одинок. В полумраке прорисовывался человеческий силуэт. Все резче и резче.

В железной клетке безмолвно сидел Железный Джон. Мальчик вскрикнул, пинком расшвырял кубики и тут же кинулся их собирать. Посмотрел на Железного Джона, отвел глаза. Видимо, он давно привык и к этой клетке, и к ее узнику.

Больше ничего особенного не происходило. Мальчик играл. Железный Джон пялился на него. Но в воздухе копилось электричество, дышалось все труднее. Я уже понимал, что должно произойти, и, когда мальчик снова потянулся к коробке, невольно подался вперед. Как только малыш достал золотистый мячик, я понял, что сдерживаю дыхание, и с хрипом выпустил воздух из легких. Тут я был неоригинален — рядом в темноте прозвучали точно такие же звуки.

Мячик взлетал, падал и подпрыгивал. Мальчуган заливисто смеялся.

Вдруг он бросил мячик сильнее, чем хотел. Тот все катился, катился... За прутья клетки. К ногам Железного Джона.

— Мячик! — воскликнул малыш. — Мой! Отдавай!

— Нет, — сказал Железный Джон. — Сначала отопри клетку и выпусти меня. Тогда и получишь обратно золотистый мячик.

— Заперто, — возразил малыш. Железный Джон кивнул.

— Конечно. Но ты ведь знаешь, где ключ.

Мальчик отрицательно покачал головой и попятился.

— Где ключ? — спросил мохнатый узник, но мальчик уже исчез. — Где ключ? Наверное, ты и в самом деле не знаешь, ведь ты еще ребенок. Но подрастешь и узнаешь, где спрятан ключ.

Невидимые зрители одобрительно зашептались. Я понял: очень важно найти ключ. Ключ...

Вот тут-то я и осознал, что Железный Джон смотрит на меня. Из фильма. Из голографической клетки. Он кивнул, встретив мой взгляд.

— Да, Джим. Я уверен, ты знаешь, где ключ. Ты уже не мальчик, ты сможешь его найти. Сейчас.

Противиться его зову было невозможно, я встал и двинулся к коробке с игрушками. Кубик, задетый моей ногой, с шумом покатился прочь.

— Ключ в коробке с игрушками. — Я понял, что ошибаюсь, еще до того как закончил фразу. Взглянул на Железного Джона, он отрицательно качнул головой.

— Нет, Джим, не в коробке.

Я опустил глаза. Я знал, где спрятан ключ. Снова посмотрел на Железного Джона, и он с серьезным видом кивнул.

— Да, Джим, теперь ты все понял. И сможешь наконец меня выпустить. Потому что знаешь: ключ в...

— В Мишутке, — сказал я.

— В Мишутке. Не в живом медвежонке, заметь. Плюшевые мишки — для детей, а ты уже не ребенок. Ключ — в Мишутке.

Смахивая ресницами слезы, я протянул руку, схватил игрушку, ощутив в ладони мягкую ткань. И вдруг тишину разорвал знакомый голос:

— Неправильно, Джим! Ты ошибаешься! Ключ не здесь. Наверное, он под подушкой у мамы.

Стинго вышел на сцену и встал рядом со мной. Последние слова он был вынужден прокричать — в зале поднялась настоящая буря.

— Мать не хочет потерять сына. Ключ от клетки железного человека она прячет под подушкой. Сыну придется выкрасть ключ...

Орущие старцы не дали ему договорить. Свет погас, кто-то набросился на меня, сбил с ног. Встать во весь рост не удалось — чья-то твердая нога наступила мне на руку. Я вскрикнул от боли, но возглас потонул в неимоверном гвалте. Снова кто-то врезался в меня, а затем все сгинуло в кромешном мраке.

— Джим, ты цел? Слышишь меня?

Надо мной маячило лицо Флойда, очень встревоженное. Цел ли я? Непонятно. Я лежал в кровати, должно быть, спал. Зачем он меня разбудил?

Тут в голове слегка прояснилось, я сел и схватил его за руки.

— Веритория! Погас свет, что-то произошло... Не могу вспомнить...

— Вряд ли я смогу тебе помочь, сам ничего не соображаю. Помню, кино нам показывали, вроде неплохое. Правда, я не особо вникал. А ты в нем сам участвовал, припоминаешь?

Я кивнул.

— Тебе как будто даже нравилось, хотя идею распотрошить плюшевого мишку ты принял без восторга. Тут на сцену вылез Стинго, и началась потеха. Или кончилась. С этого момента почти ничего не помню.

— А где Стинго?

— Я думал, ты знаешь. Последний раз я его видел на сцене. Я ведь тоже спал, только что проснулся. Оглядываюсь — Стинго нет, а ты лежишь, посапываешь. Ну, я тебя и встряхнул.

— Если его здесь нет...

Послышался робкий стук, через секунду дверь отворилась и в комнату заглянул Вельди.

— Доброе утро, джентльмены. Мне послышались голоса, и я осмелился предположить, что вы уже проснулись. Я принес послание от вашего друга...

— Стинго?! Ты его видел?

— Не только видел, но даже насладился дружеской беседой с ним, пока вы почивали. Прежде чем уйти, он надиктовал это сообщение и велел передать вам. Сказал, что вы поймете.

Вельди положил на стол миниатюрный диктофон и со словами: «Серая кнопка — воспроизведение, красная — стоп», — удалился.

— Сообщение? — удивился Флойд, поднимая диктофон и вертя его перед глазами.

— Чем таращиться на эту хреновину, проще кнопку нажать.

Мой тон заставил Флойда недоуменно покоситься, затем он опустил диктофон на стол и включил:

— Доброе утро, Джим и Флойд. Вы, ребята, не дураки поспать, и я решил не будить вас перед уходом. Мне начинает казаться, что этот городишко не для меня. Тянет на простор, никак не сидится на месте. Прогуляюсь, что ли, до стены, подышу свежим воздухом, осмотрюсь. Оставайтесь здесь, я дам о себе знать.

— Узнаю старого непоседу, — сказал Флойд. — Вот ведь субчик! Все с него как с гуся вода. Его голос, точно. И манера выражаться. Это он, Стинго.

Я посмотрел ему в глаза. Парень был мрачнее тучи — как, наверное, и я. Он отрицательно покачал головой. Я тоже.

«Послание» оставил не Стинго. Да, это был его голос. Подделка — несложная задача для опытных электронщиков.

Стинго исчез.

Что происходит?

Глава 18

— А ведь я действительно спал, — сказал я. — Как убитый.

— Я то же самое. Схожу-ка, пожалуй, за соком и стаканами.

— Отличная идея.

Я нацарапал записку и, когда Флойд вернулся, незаметно сунул ему. Флойд развернул ее, прикрыв кувшином, и прочел:

«Жучки». Что будем делать?»

Он кивнул и протянул мне полный стакан.

— Спасибо. — Я наблюдал, как он пишет на другой стороне листка.

Трудно сказать, стоят здесь оптические «жучки» или только аудио. Пока не выяснили наверняка, считаем, что стоят. Читая записку, я прикрывал ее ладонью.

«Стинго очень беспокоился. Перед уходом в кино оставил это тебе».

Я допил сок, поставил стакан, вопросительно поднял брови. Флойд быстро показал кулак. Затем встал и, проходя мимо, уронил мне что-то на колени. Выждав минуту, я налил себе еще соку, выпил и блаженно откинулся на спинку кресла, а руку положил на колени. Два маленьких мягких предмета. Знакомые на ощупь. Я почесал нос и посмотрел на них.

Носовые затычки-противогазы. Стинго что-то знал. Или догадывался. От него не укрылось, как сильно подействовали на меня сеансы в Веритории. Он заподозрил, что там потчуют не только духовной пищей, но и кое-чем вещественным.

Ну, конечно! В ретроспективе все всегда яснее ясного. Я же знаком, по меньшей мере, с дюжиной гипнотических газов. Они лишают человека критического восприятия, открывают его разум для внешнего воздействия. Так что чрезмерная эмоциональность тут совершенно ни при чем, благодарить надо добрую старую химию. Стинго первым обо всем догадался, но почему же он меня не предупредил? Мои несчастные мозги, одурманенные на прошлом сеансе, ему бы просто-напросто не поверили. Оставалось только одно — сунуть в нос затычки и отправиться в Веритории.

И когда Стинго увидел, как меня с головой затягивает в ритуал, он вмешался. Спас меня, может быть, ценой собственной жизни. Я услышал скрежет зубовный — моих зубов — и с превеликим трудом взял себя в руки.

Стинго говорил о матери и ключе под ее подушкой. Говорил перед людьми, которые отрицают само существование женщин! С точки зрения райцев, чудовищное преступление.

И тут я по-настоящему испугался. Вдруг они решили убить Стинго? Или уже убили? Они на все способны, в этом теперь сомнений нет.

Как быть? Пожалуй, самое время связаться с крейсером, с группой прикрытия. Позвать Тремэрна на выручку. Для этого надо выбраться на открытое место, туда, где нет «жучков». Стинго надо спасать. Мы с Флойдом непонятно почему еще на свободе, Мадонетта тоже в любой момент может попасть в беду. Да и вообще операция — на грани провала.

Стоило подумать о плохом, как еще одна неприятность поспешила напомнить о себе. Компьютер нарисовал в высшей степени нежелательную девятку. Девять суток до моего персонального провала. Впервые услыхав о яде с тридцатидневной отсрочкой, я не особо расстроился. Месяц — огромный срок. Так мне казалось тогда.

Девять дней — гораздо меньше, чем тридцать. И с неожиданным исчезновением Стинго проблем не убавилось. Совсем наоборот.

— Пробежаться хочу! — крикнул я Флойду, вскакивая под энергичным напором страха. — А то мозги в ступоре, надо же было столько продрыхнуть!

Не дожидаясь отклика, я раздвинул створки двери и выбежал из гостиницы. На сей раз мой маршрут отличался от обычного — сначала я трусил в противоположную сторону, затем — куда глаза глядят. А они в конце концов углядели фруктовые сады — аккуратные ряды деревьев, густо усеянных полпеттонами. Туда-то я и свернул, уповая, что райцы не догадались посадить «жучков» на ветки.

Но все же это не исключалось. Я свернул на вспаханное поле и побежал по борозде. Вряд ли в округе найдется более безопасное место. Я дважды клацнул зубами.

— Алло, Тремэрн, как слышите?

— Отлично, Джим. Ждем не дождемся от тебя донесения. Рассказывай, мы записываем.

Я потрусил немного на месте, затем нагнулся завязать ботинок, а заканчивал подробный отчет, сидя на земле. Я здорово устал; из организма еще не до конца испарилась вредная химия.

— Так-то вот, — сказал я. — Стинго исчез. Может, уже мертв...

— На сей счет могу тебя слегка успокоить. Несколько часов назад мы его слышали, правда, связь неожиданно прервалась. Должно быть, он где-то в городе, за толстыми стенами, непроницаемыми для радиосигнала. Возможно, его переводили из корпуса в корпус, и на открытом месте он едва успел подать голос.

— Что он сказал?

— Мы записали буквально клочок передачи. Начало и конец невозможно разобрать из-за статики. Но это Стинго, мы уверены.

Вот, слушай: «...Все мало! Когда я до тебя дотянусь, ты...» Следующее слово понять очень трудно, но у меня есть полдюжины вариантов.

— Как нам, по-вашему, поступить? Идти на прорыв?

— Нет. Действуйте по обстановке. Вам помогут.

— Помогут? Кто, когда, как? Алло, Тремэрн? Отвечайте!

Ответа не последовало. Я встал и отряхнул шорты. М-да, загадка. Тремэрн что-то задумал, но предпочитает не раскрывать карты. Может быть, знает то, чего не знаю я?

Я неторопливо побежал назад, затем перешел на спортивную ходьбу. Поднимаясь на крыльцо, я уже еле ноги волочил — еще минута, и опустился бы на все четыре. Когда я ввалился в комнату и с хриплым стоном растянулся на кровати, Флойд озадаченно посмотрел на меня.

— Ну и видок! Как будто тебя замесили, раскатали и свернули.

— А самочувствие еще гаже. Воды, быстро. И побольше.

Я глотал воду, пока не поперхнулся. Чуть передохнул, попил еще и дрожащей рукой протянул Флойду стакан.

— Добегался. Будь другом, подай мой рюкзак. Подкреплюсь витаминами.

Когда он принес рюкзак, я вылущил из упаковки две старт-капсулы. Одну проглотил сам, другую предложил ему. Флойд соображал уже заметно быстрее — он не задал ни одного вопроса.

Мы отлично подгадали — едва смертельная усталость отхлынула под натиском свежих сил и возвратилось хорошее самочувствие, в комнату ворвался Вельди.

— Встать! — заорал он.

Я не шелохнулся.

— Вельди, — протянул я, — старый преданный слуга, я тебя не узнаю. Где робкий стук? Где подобострастие в голосе?

— Есть сведения, что вы, «Стальные Крысы», — самые обыкновенные крысы. Смутьяны! На выход!

Раздалось топанье марширующей стражи, и появился сержант Льотур с отделением солдат, вооруженных жуткими копьями с зазубренными блестящими наконечниками.

— Вы пойдете со мной, — объявил сержант далеко не радостным тоном.

— Как? — спросил я, медленно поднимаясь на ноги. — Льотур, ты уже не фанат?

— У меня приказ.

«Который тебе наверняка не по вкусу», — подумал я. И который все равно будет выполнен, поскольку независимость мышления испокон веку не в чести у военных. Флойд вышел вслед за мной на улицу, отделение построилось: четверо перед нами, четверо — позади.

Льотур придирчиво осмотрел строй, кивнул, встал во главе и поднял копье.

— Вперед! Burtu!

Мы двинулись легкой рысью, на перекрестке свернули на прямую дорогу к хоромам из красного кирпича — обиталищу Железного Джона. Этот путь я помнил еще с первого визита. Когда мы вбежали в туннель, что проходил под зданиями, один из стражников похлопал меня сзади по плечу.

— Подсоби мне, слышь? — хрипло попросил он. Затем качнулся вбок и двинул соседа кулаком в живот. Тот сложился пополам и рухнул без звука.

Разъяснений не потребовалось. Как только парень начал, я стал поворачиваться; не прерывая этого движения, приложил ладони к шеям двух охранников. И огорченно поморщился, когда они наставили на меня копья.

— Флойд! — прохрипел я, вкладывая все силы в удушающие захваты, чтобы вырубить шутников, пока они меня не загарпунили. Один рухнул, зато второй — обладатель более крепкой шеи — ткнул копьем. Мне в живот...

Нет, не совсем. Конвоир, просивший о помощи, влепил ему ребром ладони под ухо. В следующее мгновение мы развернулись, чтобы броситься на выручку к Флойду. И застыли на месте.

Остальные четверо солдат лежали на земле безмолвной грудой. Флойд одной рукой держал Льотура, а другой прижимал к его подбородку наконечник копья.

— Хочешь потолковать с этим парнем? — спросил меня Флойд. — Или пускай отдохнет?

— Я ничего не знаю...

— Он ничего не знает. Роняй.

Прежде чем я договорил, бесчувственное тело Льотура увенчало пирамиду спящих конвоиров.

— Как насчет этого? — Флойд указал согнутыми пальцами на оставшегося стражника.

— Погоди! Это он все начал. Должно быть, неспроста.

— Неспроста, — прохрипел солдат. — Я хочу вам кое-что открыть. Вы спокойно выслушаете и не будете смеяться. Понятно?

— Нам не до смеха, — заверил я. — Спасибо, парень, ты нам помог. Так что ты хочешь сказать?

— Повторяю: никаких смешков! Я не парень, а девушка! Кажется, я вижу ухмылки?

— Ошибаешься! — воскликнул я, кляня себя за неосторожность — все-таки на моей физиономии промелькнуло веселье. — Ты нас освободила. Мы перед тобой в неоплатном долгу. И не смеемся. Выкладывай, в чем дело.

— Хорошо. Но сначала давайте уберем с дороги этих так называемых солдат. И пойдем дальше. У меня приказ доставить вас к Железному Джону. И я его выполню. Ваш друг в беде, не совершайте опрометчивых поступков. Вперед!

Мы подчинились. Мало что поняли, однако побежали. Флойд хотел что-то сказать, но я поднял руку.

— Дискуссии потом. Вот убедимся, что Стинго жив-здоров, тогда и потребуем объяснений. Скажи-ка, Флойд, неужели я своими глазами видел, как ты в одиночку вырубил пятерых, пока я возился с жалкими двумя?

— Ничего ты не видел. Все закончилось еще до того, как ты обернулся.

Рядом со мной бежал все тот же старина Флойд — но откуда эта твердость в голосе? Что ни говори, а денек выдался щедрым на сюрпризы. И Флойд был прав: в деле я его не видел. Только результаты.

В поле зрения возник кирпичный дворец. Видимо, далеко не всем солдатам сообщили, что мы больше не кумиры. Стражники у входа подпрыгнули на месте, чтобы привлечь наше внимание, и отдали честь.

— Стой! — скомандовал наш благоприобретенный друг (или правильнее сказать — подруга?), и мы остановились перед часовыми у дверей. — Приказано доставить этих людей к Железному Джону. Разрешите войти?

— Войдите, — позволил дежурный офицер. Дверные створки раздвинулись и сдвинулись, пропустив нас.

Кроме Железного Джона, мы увидели в большом зале только одного человека. Стинго.

Весь в кровоточащих ссадинах, он лежал у стены; глаз заплыл огромным синяком. Бедняга попытался заговорить, но лишь прохрипел что-то невразумительное.

— Наконец-то все в сборе, — сказал Железный Джон. — Солдат, стереги выход. Никого не впускай и не выпускай. Пора разобраться с этими любителями совать нос в чужие дела. Раньше я хотел уладить это втихую, но теперь передумал. Слишком долго я внимал советникам. Хватит секретничать, да свершится правосудие. И оно свершится — здесь и сейчас. Сначала прикончу старого черта — мне обрыдло его сквернословие. А вы на это полюбуетесь. Потом разделаюсь и с вами.

Рыжее чудовище начало поворачиваться к Стинго. Могучие волосатые ручищи поднялись, чтобы убить.

Глава 19

— Дай копье! — крикнул я девушке, оставшейся у дверей. Она отрицательно мотнула головой и заявила:

— У меня приказ.

Ясно. Уговоры бесполезны.

Железный Джон уже развернулся и приближался к Стинго. Я бросился наперехват, прыгнул и всю свою силу, всю свою тяжесть перелил в смертельный удар пяткой.

И отскочил, точно мячик, налетевший на биту. Железный Джон оказался столь же проворен, сколь и огромен. Пока я летел, он успел повернуться и взмахнуть лапищей. Отбросил меня в сторону, распластал на полу. И произнес — гулко и зловеще, как далекий вулкан:

— Торопишься, мальчишка? Хочешь, чтобы дружки полюбовались твоей смертью? Пожалуй, это и впрямь забавно — ведь ты вожак.

Он медленно двинулся на меня, и я поймал себя на том, что дрожу от страха. Страх? Да, самый настоящий. Потому что передо мной — не человек. Супермен. Железный Джон, ожившая легенда. И я совершенно беспомощен перед ним.

Нет! Он — всего лишь здоровенный мужик. Я кое-как встал и, припадая на ушибленную ногу, двинулся к Джону. Он был гораздо больше меня — выше, шире в плечах. И сильнее. Ручищи со скрюченными пальцами тянулись ко мне. Я нанес обманный удар с прицелом в челюсть, а когда он дернулся, чтобы поставить блок, воспользовался инерцией разворота и хорошенько двинул ему по колену.

Пинок удался, тем более что Железяка даже не попробовал увернуться. Я отшиб себе вторую ногу. А его нога, его коленная чашечка, выглядела невредимой.

— Я Железный Джон! — заорал он. — Железный! Железный!

Я подался назад, но бежать было некуда. Я ввинтил кулак ему в бицепс... Как об камень! Затем он саданул мне кулачищем по ребрам, и я заскользил по полу.

Потом я хватил ртом воздух и дернулся от острой боли. Что-то сломано. Вставай, Джим! Вставай!

Я поднялся на колени. Он шел ко мне.

Я заморгал от изумления — две руки обхватили сзади икры Железного Джона и заставили его пошатнуться. Он вырвал одну ногу, лягнул. Пока мы дрались, Стинго подполз сзади и попытался его повалить. Теперь Стинго съезжал по стене. Чтобы повалиться на бок и больше не шевелиться.

Но я видел все лишь краем глаза, поскольку в тот миг, когда Железный Джон отвлекся, я прыгнул. Обвил рукой его шею, другой перехватил собственное запястье. Надавил предплечьем, чтобы проломить гортань, перекрыть путь воздуху и крови. Зарываясь лицом в пышный рыжий мех, я выжимал из себя последние капли сил.

Безуспешно. Его шейные сухожилия затвердели, как прутья железной решетки, и приняли нажим на себя. Он медленно поднял руку, утопил пальцы в моих мышцах...

...и швырнул меня чуть ли не через весь зал. Прямо на стену, по которой я и сполз.

Я услышал мучительные стоны и кое-как сообразил, что исторгает их мое горло. Стражница у дверей посмотрела на меня и отвела

взгляд. Стинго после того страшного удара не подавал признаков жизни. Я не мог подняться на ноги — только ползти.

Но, по крайней мере, Железный Джон ощутил мой захват — он потирал шею. Недобрая улыбка исчезла, теперь на его губах пузырилась слюна. «Еще один удар — и тебе конец», — говорили его глаза...

— Эй, Железный Джон, ты забыл кое о ком. Обо мне.

Это произнес Флойд. Худенький, бородатый, равнодушный. Все это время он помалкивал в сторонке, наблюдая, как нас со Стинго лупили. И только теперь зашевелился.

Спокойно двинулся вперед. Руки — перед корпусом, пальцы расслаблены и полусогнуты. Железный Джон пришел в неистовство. Он прыгнул и нанес удар.

И промазал — потому что Флойда перед ним уже не было. Он ушел в сторону и так двинул рыжему верзиле ногой по ребрам, что тот зашатался и едва не упал.

— Иди сюда. — Флойд говорил так тихо, что едва удавалось разбирать слова. — Иди и подохни.

В движениях великана появилась осторожность — он на своей шкуре испытал ловкость нового противника. И все-таки рыжий выглядел грозно. Сама стихия, неуязвимая и неудержимая.

Два молниеносных выпада, два хлопка — и Железный Джон покачнулся. Флойд снова увернулся и теперь медленно кружил вокруг него. Внезапный удар ногой, кулаком — и прыжок назад.

Железный Джон, похоже, забеспокоился не на шутку. Он стал бдителен и внезапен, он хватал и бил, но всякий раз промахивался. Флойд оказывался то впереди, то сзади, то сбоку. Изматывал его.

Так они кружили несколько минут. Флойд казался неутомимым, все его удары попадали точно в цель, а сам он уходил безнаказанным. А рыжий великан двигался все тяжелее, ручищи постепенно опускались — бесчисленные тумаки выбивали из него силу. Видимо, до него дошло, в чью пользу неизбежно закончится поединок, если не переменить тактику. Он все еще был опасен. Джон будто ненароком приблизился ко мне.

Так вот что он задумал! В последнее мгновение я сообразил, но успел лишь подтянуть ногу к животу. Железный Джон повернулся кругом, кинулся на меня...

...и получил ступней по физиономии. Он рухнул, но тут же схватил меня за лодыжки, подтащил к себе, занес кулак...

Но тут вмешался Флойд. На этот раз никакой техники — сила в чистом виде. Серия ударов а-ля копер по почкам и позвоночнику. Железный Джон от боли разинул рот, ему пришлось выпустить меня, чтобы оторваться от мучителя.

Не тут-то было! На его голову обрушился град ударов. Он не мог встать, как ни брыкался. Я слышал частые хлопки — казалось, рядом работает паровой молот. Потом наступила тишина.

Все с тем же безучастным выражением на лице Флойд встал поустойчивее и нанес ужасающей силы свинг в висок рыжего гиганта. Тот рухнул и больше не поднимался.

— Мертв? — прохрипел я.

Флойд опустился на колени, дотронулся до горла Железного Джона.

— Не похоже. Живучий, стервец, но теперь будет знать, что такое настоящая драка. — Он изобразил мимолетную улыбку и опять стал само хладнокровие. — Ты цел? Если можешь потерпеть, я осмотрю Стинго.

— Со мной порядок. Разбит вдребезги, но ничего, жить буду. — Я кое-как поднялся на ноги.

— Пульс в норме. — Флойд уже стоял на коленях возле нашего друга. — Ему здорово досталось, но кости вроде целы. Ничего, выкарабкается. Могло быть хуже.

От облегчения я еще больше ослаб и промямлил, едва соображая:

— Могло быть хуже, значит. Ага. Однако могло быть и лучше, если б ты не стоял столбом.

Он поджал губы, и я сразу пожалел о своих словах. Но поздно.

— Прости. Честное слово, так было надо. Я ведь не представлял, на что он способен, вот и пришлось посмотреть. Джим, я знал, что в драке ты не новичок и, по крайней мере, сможешь его задержать. Но я не знал, какая у него реакция, а тут надо действовать наверняка. Когда я понял, что его можно только измотать, то вмешался, ни одной секунды больше не ждал. Прости.

— Докладываю, — произнесла девушка-стражник, — Рыжий-Один в отключке.

Я поплелся к ней, протянул дрожащие руки к ее горлу. Она опустила рацию величиной с монету.

— Ты кому докладываешь? На чьей ты стороне? Что тут происходит, черт возьми? Отвечай или умрешь!

Стражница наставила на меня копье и не тронулась с места.

— Сейчас ты все узнаешь. — Наконечник копья дернулся — она давала понять, что мне следует оглянуться. Подвох? Наплевать. Я повернулся и взглянул на огромный трон Железного Джона.

Он медленно поворачивался вокруг невидимой оси. Инстинктивно приняв боевые стойки, мы с Флойдом не сводили с него глаз. Трон замер; в стене за ним показалось черное отверстие. В темноте кто-то шевелился. В комнату вошли...

Женщины.

Две. Одна из них — Мадонетта.

— Мальчики, привет. — Она улыбнулась и помахала рукой. — Познакомьтесь с моей подружкой Матой.

Ее спутница была с меня ростом, темное платье с золотым шитьем подчеркивало царственность осанки. Выражение лица говорило о скромном и миролюбивом нраве, и только морщинки у глаз и легкая седина в прическе выдавали ее «бальзаковский» возраст.

— Добро пожаловать на нашу половину Рая. — Она протянула руку и быстро, крепко пожала мою. Я открыл рот, но так и не придумал остроумного приветствия.

— У вас много вопросов, я знаю, — поспешила она заполнить брешь в разговоре. — Вы все поймете, но лучше подождать со светской беседой, пока не выберемся отсюда. Секундочку.

Достав из ридикюля, что висел у нее на поясе, солидный шприц, Мата сняла колпачок, наклонилась, раздвинула пальцами мех на ноге Железного Джона и ловко сделала укол.

— Крепче будет спать, — пояснила она. — Бетель, иди первой, пожалуйста.

Стражница быстро отсалютовала копьем и твердым шагом прошла мимо трона к подземному ходу. Мадонетта дотронулась до щеки Стинго, затем жестом подозвала Флойда.

— Помоги его нести. Джиму на сегодня хватит, хорошо, если доберется самостоятельно.

Мужская гордость во мне возмутилась, но они не стали дожидаться, пока я подтащусь, подняли Джима и последовали за Бетель.

В подземелье царил кромешный мрак — до тех пор пока Мата, замыкая шествие, не поставила трон на место. Загорелся слабый свет. Сойдет, лишь бы видеть дорогу. Тем более что она оказалась короткой. Мы вошли в просторный зал со стенами из красного кирпича — точную копию того, откуда только что выбрались. Точную, однако, лишь в архитектурном отношении. Вместо щитов и мечей на стенах висели приятные глазу украшения, по большей части гобелены с солнечными лучиками, цветочными полянками и прочей буколикой. В отличие от окон Железного Джона, здесь на витражах были изображены горы и долины, леса и деревни. И вообще, все было гораздо симпатичнее.

В том числе и перешептыванье женщин. Они заботливо уложили Стинго на кушетку, и над ним захлопотала незнакомка в белом. Я рухнул в кресло и некоторое время внимал бабьему сюсюканью, а затем под сводами зазвучал мой голос — гораздо громче и нервозней, чем мне бы хотелось:

— Черт побери! Кто-нибудь объяснит наконец, что происходит?

На меня не обратили внимания, и это само по себе было достаточно красноречиво. Впрочем, улыбчивая девушка поднесла мне бокал охлажденного вина. Как и остальным. Мадонетта села рядом с Матой, они пошушукались, склонив головы друг к дружке, а затем наша солистка начала:

— Самое главное: все мы теперь в безопасности. Находка тоже здесь и под надежной охраной. Кроме того...

— Извини, что перебиваю, — вмешался я. — Дело первостепенной важности. — Я дважды клацнул зубами. — Тремэрн, вы все слышали?

Челюсть отозвалась:

— Слышал и...

— Капитан, будем соблюдать приоритет. — Говорил я тихо, обращаясь только к Тремэрну. — Задание выполнено. Археологическая находка обнаружена. Извольте подать противоядие. Девять дней — не срок. Вы все поняли?

— Конечно, конечно. Но... возникло одно затруднение...

— Что?! — Я уловил в собственном голосе нотку страха. — Какое еще затруднение?

— Как только Мадонетта сообщила о находке, я заказал противоядие. Я вовсе не хочу идти за твоим гробом, Джим. Однако при пересылке что-то случилось...

Мой лоб внезапно покрылся крупными каплями пота, а пятки забарабанили по полу.

— Такое бывает. Я заказал вторую дозу, она уже в пути.

Я злобно выругался под нос и поймал на себе не один встревоженный взгляд. Изобразив улыбку паралитика, я прорычал Тремэрну:

— Противоядие. Сейчас же. Никаких оправданий. Ясно?

— Ясно.

— Чудненько. — Я произнес громче: — Очень рад, что артефакт нашелся. И все-таки извольте растолковать, что случилось.

— Неужели еще не ясно? — Похоже, Мадонетту покоробил мой дерзкий тон. — Эти замечательные дамы спасли твои окорока, и ты должен сказать им спасибо.

Мне это ничего не объяснило.

— Если мне не изменяет память, — капризно возразил я, — вовсе не дамы, а господа причесали рыжего ротвейлера. Не без ущерба для собственного здоровья, вынужден заметить. Дамы только подглядывали в замочную скважину и даже пальцем не пошевелили, чтобы нам помочь. Или я ошибаюсь?

Мадонетта ответила не слишком вежливо, я зарычал на всю дамскую компанию, и со всех сторон посыпались гневные отповеди. Но Мата разрядила обстановку.

— Дети мои, довольно с нас горя и боли, не стоит провоцировать мужчин на новые злодеяния. — Она повернулась ко мне. — Позвольте, Джеймс, я все объясню. Стражница Бетель — одна из наших агентов. Благодаря ей мы узнаем обо всех мужских происках. По моему приказу она помогла вам избавиться от конвоя, но дальше этого не пошла, опасаясь выдать себя Железному Джону. За стеной не подозревают, что мы за ними наблюдаем, и я хочу, чтобы так было и впредь. Она сделала что могла, и вы должны быть ей благодарны.

Я и был благодарен, и не мешало бы сказать об этом вслух, но я предпочел по-прежнему выглядеть злобным тупицей и разразился невнятным ворчанием и рычанием, а Мата улыбалась и кивала, будто слушала нечто важное.

— Джим, посмотрите, как хорошо все закончилось. Вы спасены, друзья тоже в безопасности, и находка, которую вы искали, совсем рядом и хорошо охраняется.

Я внимал вполуха. Пропаганда для солдатни. Все бы выглядело распрекрасно, если б не каверзы неких сил, вовсе не желающих мне счастливой и долгой жизни. В наше время почта работает безукоризненно. Случайности исключены. Во всяком случае, непредвиденные.

Кто-то из высокопоставленных бюрократов манипулирует мною, при этом не питая ко мне теплых чувств. Возможно, этот «кто-то» всегда меня недолюбливал и с самого начала не собирался давать противоядие. И то сказать, с мертвой Стальной Крысой хлопот гораздо меньше, чем с живой и здоровой.

Девять дней. Всего-то девять дней, чтобы во всем разобраться.

Под вибрацию мыслей в утомленном мозгу я машинально коснулся компьютера. Перед глазами вспыхнула цифра. Я и впрямь проспал дольше, чем казалось.

Восемь дней.

Глава 20

Я любовался мирной женской возней, и вдруг накатила усталость. В боку вспыхнула боль — похоже, сломано ребро-другое. Я потягивал вино, однако толку от этого было маловато. Сейчас бы одну-две старт-капсулы, они бы мигом вернули меня к жизни, на худой конец к ее смутному подобию. В рюкзаке...

— Рюкзаки! — хрипло воскликнул я. — Там все наше снаряжение! Оно досталось этим брутальным недорослям!

— Не все, — успокаивающе произнесла Мата. — Как только вы сбежали, мы позаботились о том, чтобы Вельди, ваш коридорный, уснул. Теперь оба рюкзака здесь, но в резиденции не нашлось вещей твоего друга Стинго. Надо полагать, их прибрал к рукам Железный Джон или кто-нибудь из его присных.

— Худо дело, — простонал я. — В том рюкзаке есть кое-что, чего ему вовсе не следовало бы видеть...

— Можно мне сказать? — обратился ко мне Тремэрн через челюстефон. — Я молчал, ожидая, пока все утрясется. Рюкзак Стинго вне опасности.

— Он у вас?

— Пожалуй, следовало сказать: не опасен. Во всех ваших рюкзаках — контейнеры с гнилизатором. По шифрованному радиосигналу контейнеры откупориваются, гнилизатор вытекает и в один миг разлагает содержимое рюкзака на молекулы.

— Отрадно слышать. Иные тайны слишком долго хранятся за семью печатями, не правда ли?

Челюсть не ответила. Я протянул стакан за новой порцией вина.

— А сейчас — несколько простеньких ответов на столь же простенькие вопросы, если, конечно, вы не против.

Усталость выпарила из меня гнев, притупила страх неминуемой смерти.

Мата кивнула.

— Прекрасно. Небольшой экскурс в историю. Как получилось, что мальчики отошли направо, а девочки — налево?

— Согласие сторон, — ответила Мата. — Много лет назад наших праматерей насильственно переселили на эту планету. Бесчеловечное отторжение от общества подействовало на них отрезвляюще, и они позаботились о том, чтобы здешнее общество не унаследовало отрицательные черты больших цивилизаций. У нас превалируют мир, здравомыслие и логика. Вот так мы и стали теми, кого ты видишь перед собой.

— Женщины, — сказал я. — Страна амазонок.

— Верно. Нам долго пришлось бороться за выживание. Фундаменталисты старались нас поработить, соседи за стенкой — вообще уничтожить. Нас считают «низшей расой», угрозой их существованию. Высадившись на этой планете, праматери обнаружили, что психопаты-жлобы уже неплохо обустроились. Думаешь, легко было добиться, чтобы они оставили нас в покое? Сколько времени на это ушло, сколько сил! Не желая больше их растрачивать, матери-основательницы сумели убедить правящую клику мужчин, что они только выиграют, если найдут своей энергии более мирное применение. Они пошли на сделку с мужскими вожаками, помогли им прочно обосноваться на вершине социальной пирамиды, зато все нижние слои подчинили себе.

— Какой ужас! — сказала Мадонетта. — Превратить всех мужчин в рабов!

— Никогда не называй их рабами. «Добровольные помощники» звучит намного лучше. Мы доказали мужским вожакам, в частности этому гадкому типу по прозвищу Железный Джон, что править с помощью мозгов гораздо удобнее, чем с помощью мускулов. А если мозги и мускулы помогают друг другу, то они вообще способны творить чудеса. Их сила, наш ум и научные познания... Вот так и развивались наши культуры — порознь, но в плодотворном сотрудничестве. Вначале было много конфликтов, даже обоюдной ненависти, но мы положили этому конец, когда договорились, что только мужские власти будут знать о нашем существовании. Надо сказать, эту идею они приняли с восторгом.

— Тогда-то вы и построили два Рая? И стену?

— Верно. Лайокукая богата красной глиной и ископаемым топливом, поэтому мужчины страстно увлеклись обжигом кирпичей. Разумеется, после того, как мы обучили их этому ремеслу. Они даже состязания устраивали — кто больше вылепит, обожжет или перетащит. Чемпион получал прозвище Кирпичное Рыло и огромную популярность. В конце концов за горами кирпичей уже нельзя было увидеть лес. Тогда мы быстренько извлекли из банков данных описание разных способов кладки и подбросили мужчинам новое развлечение.

Она пригубила вино и обвела вокруг себя рукой.

— Вот результаты. Согласитесь, они впечатляют. Пока наши физики сортировали мужчин по этому признаку, культурологи проанализировали убогие жлобские теории, которые довели соседей до такой жизни. В их пантеоне среди прочих гнусных идолов фигурировал Железный Ганс. Мы его упростили и чуть переименовали. Затем с помощью генной инженерии усовершенствовали организм лидера — в этом новом обличье вы его и встретили. Он даже был благодарен... очень давно.

— Как давно?

— Века назад. Помимо всего прочего, он приобрел долголетие на клеточном уровне.

Я начал улавливать.

— И я готов поспорить, что вы об этом узнали не от бабушки или прабабушки... Вы, да и остальные дамы, прошли сходную процедуру.

Она кивнула с улыбкой.

— Вы весьма проницательны, Джеймс. Да, на обеих половинах Рая верхушка подверглась усовершенствованию в целях консервации института власти...

— И оной консервации также способствует неведение мужчин и женщин друг о друге?

Мата восхищенно покачала головой.

— Вы и впрямь очень умны! Как бы мне хотелось, чтобы за стенкой правили вы, а не этот волосатый придурок.

— Спасибо, но у меня уже есть работа. Итак, мужчины за стеной не знают, что здесь живете вы, женщины. А ваши подданные, наверное, тоже не...

— Ну, что вы! Им известно о мужчинах, но это ничего не меняет. У нас стабильное, процветающее общество. Полноценная интеллектуальная жизнь — для всех, материнство — для желающих...

— А религия? А дамский эквивалент Железного Джона?

Она расхохоталась от души, женщины, которые прислушивались к нашей беседе, — тоже. Даже Мадонетта заулыбалась. И отвернулась, встретив мой пылающий взгляд.

— Давайте, давайте, — проворчал я, — веселитесь. А когда успокоитесь, сделайте милость, объясните, что тут смешного.

— Извините, Джеймс, — сказала Мата, и смех утих. — Это и в самом деле невежливо. Ответ прост: женщинам не нужны мифы, чтобы объяснить их сущность. Все легенды о Железном Гансе, Железном Джоне, Барбароссе, Мерлине и тому подобных героях-спасителях — сугубо мужские. Конечно, это всего лишь мое наблюдение, вы не обязаны соглашаться, но разве вы сами не видите, что мужчины драчливы, злы, ненадежны и небезопасны? Потому-то и нужны им мифы — для оправдания такой натуры.

Пожалуй, я мог бы долго с ней спорить... Ну, не то чтобы очень уж долго, но мог. Конечно, рациональное зерно в ее словах присутствует, но гораздо больше — свободного полета фантазии. И я решил погодить. Вот разузнаю об этом мирке побольше, тогда и поговорим.

Я поднял палец.

— А теперь скажите, все ли я правильно понял. Вы, дамы, уютно устроились по эту сторону стены. Помогаете мужчинам, погрязшим в невежестве на той стороне. А еще держите их в узде. Так?

— Так. В основном. Помимо всего прочего.

— Можно спросить, чем они за это расплачиваются?

— Сказать по правде, сущей ерундой. Свежим мясом от кочевников. Ведь фундаменталисты не только не желают торговать напрямую — они якобы не верят в само наше существование, хотя на самом деле все знают и мечтают сжить нас со свету. Еще мужчины время от времени пополняют криогенный банк спермы... Ну, и оказывают кое-какие услуги. Мы с ними нянчимся в основном по привычке, а еще — ради собственной безопасности, конечно. Если мужчина не догадывается, что мы живем по соседству, он и неприятностей не доставляет. Когда досаждают кочевники, мы науськиваем на них соседей — ведь их хлебом не корми, дай подраться. В целом — взаимовыгодное сотрудничество.

— Что ж, похоже на то. — Я допил вино и наконец ощутил воздействие алкоголя. Все лучше, чем боль от ссадин и ушибов. Надо бы ребра проверить — целы ли? Впрочем, успеется. Сейчас гораздо интереснее драматический конфликт культур, разворачивающийся передо мной.

— Если не возражаете, еще один-два вопросика, а потом мы отдадимся в руки врачей. Сначала самое главное. Вы упомянули банки спермы. Выходит, вы знакомы с такими понятиями, как беременность и материнство?

— Конечно! Мы никогда не ставили целью лишить женщин ни гормональных, ни психологических, ни физических прав. Кто желает стать матерью, становится ею. Без всяких проблем.

— Несомненно. И, насколько я могу предположить, все они счастливы в окружении прелестных дочерей...

Впервые на моих глазах с лица Маты сошло выражение безмятежного покоя. Она отвела взгляд, взяла бокал, налила вина.

— Наверное, вы устали, — произнесла она наконец. — Давайте поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

— Мата! — вмешалась Мадонетта. — Кажется, ты уходишь от разговора. Не следует этого делать. Ты мне так понравилась, и твой народ... Неужели я в вас ошиблась?

— Нет, что ты! — Мата взяла Мадонетту за руки. — Просто мы очень давно не обсуждали эти проблемы... Когда-то мы нашли выход — он показался идеальным. С тех пор кое-кто стал думать иначе, но ничего не меняется...

Мата умолкла и осушила бокал. Она здорово расстроилась. Мне стало неловко — наверное, зря я так нахраписто... Я зевнул и равнодушно произнес:

— А ведь и верно. Пора отдохнуть и подлечиться.

Мата хмуро покачала головой.

— Нет. Мадонетта права: нельзя закрывать глаза на острейшую проблему. Сейчас около половины плодов — мальчики. Пол будущего ребенка определяется в первые же недели беременности...

Она увидела тревогу на лице Мадонетты и снова отрицательно покачала головой.

— Пожалуйста, не спеши думать плохое, дослушай до конца. Все здоровые женщины благополучно разрешаются от бремени. Мальчики доращиваются в колбовых банках до девятимесячного возраста...

— Колбовые банки? Это что, упражнение в тавтологии?

— Возможно, Джеймс, этот термин вам кажется смешным. Для нас же он означает сверхсовременные искусственные утробы. Должна заметить, в техническом отношении они безупречны. Начисто исключены самопроизвольные выкидыши, неопасны случайные факторы вроде неправильного питания и тому подобного. И через девять месяцев здоровые младенцы мужского пола...

— Вытряхиваются?

— Нет, рождаются. Как только они расстаются с пуповиной, за дело берутся специально обученные мужчины-няньки. Они воспитывают мальчиков и помогают им освоиться в обществе.

— Очень интересно, — признал я, не кривя душой. Следовало воздержаться от нового вопроса, но любопытство взыграло не на шутку и не желало меня слушаться. — Но интереснее всего, какие у мужчин мысли насчет того, откуда берутся дети?

— Почему бы тебе не спросить у них? — холодно осведомилась Мата.

Намек ясен. Интервью подошло к концу.

— Что-то я и в самом деле притомился, — вздохнул я, укладываясь на кушетку. — В этом доме есть врач?

Эти слова разбудили вулкан материнских инстинктов и заботливого внимания. Я не почувствовал укола, от которого провалился в сон. Как и второго, приведшего меня в чувство гораздо позже. Женщины ушли, оставив нас с Мадонеттой наедине. Она держала обеими руками мою пятерню. Неохотно выпустила ее, увидев, как я открываю глаза.

— Проснулся, крепыш Джим? А у меня хорошая новость. Все кости целы. Правда, ссадин — не счесть. Новость получше: их уже лечат. А вот самая замечательная: Стинго неплохо себя чувствует и хочет с тобой повидаться.

— Давай его сюда.

— Секундочку. Пока ты спал, я переговорила с Матой. Она много чего порассказала о здешнем житье-бытье.

— Ты выяснила насчет мальчиков?

— Джим, она в самом деле прекрасный человек. Со мной тут так хорошо обходились, и...

— Но у тебя появились некоторые сомнения?

Она кивнула.

— Их больше, чем хотелось бы. С виду все так благолепно... Может, так оно и есть. Но вот дети... Об их физическом здоровье наверняка хорошо заботятся, возможно, и о психическом... Но верить в дурацкий миф...

— Все мифы дурацкие. Тебя который беспокоит?

— О непорочном рождении. Представляешь? Все мужчины собираются у пруда Железного Джона на Церемонию Жизни. Из глубины всплывают золотистые шары. Их вылавливают. В каждом — здоровый ребенок. И взрослые мужчины верят в такую чепуху!

— Испокон веков взрослые мужчины, да и женщины тоже, верят и не в такую чепуху. Подобные мифы вполне обычны для так называемых низших форм жизни. Ибо никому в голову не приходит связать червячка, точащего яблоко, с бабочкой, откладывающей яйца. Отсюда проистекают всевозможные сказки про богов, проливающихся на землю дождем, месящих глину, вдыхающих жизнь и так далее. Бред, да и только, если вдуматься. Но рано или поздно приходится этим заниматься. Правда, мне не по душе, к чему это кое-кого приводит...

За дверью зашуршало, потом ее створки раздвинулись. Флойд вкатил кресло на колесиках. Пассажир поднял забинтованную руку.

— Джим, похоже, дело в шляпе. Задание выполнено. Мои поздравления.

— А мои — вам с Флойдом. И раз уж Стальные Крысы снова вместе, не следует ли кое-что выяснить? Меня давно преследует чувство, что каждый из вас оказался тут вовсе не случайно. Позвольте спросить, кто же вы такие, а? Стинго, давай начнем с тебя. Если я правильно догадываюсь, дело не только в музыкальном даровании. Или нет?

Он кивнул забинтованной головой.

— Почти угадал. Мадонетта — та, за кого себя выдает. Синий чулок из учреждения. Музыка — ее хобби.

— Учреждение потеряло — музыка нашла. — Я улыбнулся и послал ей воздушный поцелуй. — Раз. Теперь два. Ты, Стинго. Сдается мне, никакой ты не отставник.

— Верно. И потому вдвойне горжусь своими музыкальными способностями. Да будет тебе известно, только благодаря им мой старый собутыльник Бенбоу подключил меня к операции.

— Собутыльник? Бенбоу? У кого в собутыльниках — адмиралы, тот...

— Сам адмирал. В яблочко. Я натерсекс.

— Натер... секс? Прости, я, кажется, не понял юмора...

— Это аббревиатура. Начальник территориальной секции культурных связей. И нечего ржать! Может, это и не совсем благозвучно, зато по сути верно. Я защитил диссеры по археологии и культурной антропологии — увлекался ими еще на гражданке, а в Лиге, так сказать, поверяю теорию практикой. Очень заинтересовался,

когда услышал про археологическую находку. Так что вполне созрел к тому времени, когда Вонючка Бенбоу посоветовал мне назваться добровольцем.

— Вонючка? Какая прелесть!

— Да, смешная кличка, он еще в академии ею разжился — что-то там перемудрил с химическим экспериментом. Впрочем, к делу это совершенно не относится. Я с радостью вылез из кабинета и ни чуточки не жалел. До последнего нашего приключения.

— Так-так. Остается юный Флойд. Он тоже адмирал?

Он улыбался и таращился на меня. Дебил дебилом!

— Да брось ты, Джим, сам же знаешь. Из колледжа меня выперли, так потом и не восстановился...

Я погрозил пальцем:

— Да бог с ними, с академическими успехами. Зато готов поспорить, что в Специальном Корпусе тебя высоко ценят.

— Да есть маленько, пожалуй... Я там вроде инструктора...

— Ладно, Флойд, скажи, — разрешил Стинго. — Ты же старший инструктор по самозащите без оружия. Чего тут стыдиться?

— Абсолютно согласен, — кивнул я. — Если б не ты, вундеркинд по части рукопашного боя, мы бы сейчас здесь не разговаривали. Спасибо, ребята. Задание успешно выполнено. За это и выпьем.

Когда мы чокнулись и поднесли бокалы к губам, я вспомнил матушку. Не так уж часто это со мною бывает — видать, запала в душу мифологическая лабуда. Или все-таки — ее назидания? До чего ж ты, мамуля, была суеверна! На каждый случай жизни — по суеверию. А пуще всего не любила, когда я вслух радовался жизни или там погожему денечку. «Прикуси язык!» — всякий раз рявкала.

То есть не накликай беду. Не провоцируй богов на пакости. Когда говоришь «у меня все хорошо», обязательно случится что-нибудь противоположное.

Нет уж, добрая старая Ма. Все отлично, а скоро будет еще лучше. Так что сама прикуси язык и не каркай.

Когда я опускал бокал, в комнату, спотыкаясь, вбежала женщина. Молодая, в грязной, порванной одежде.

— Тревога! — прохрипела она. — Беда... Разрушение!

У нее подкосились ноги, но Мадонетта успела подхватить ее и бережно опустила на пол. Девушка прошептала несколько слов, и Мадонетта испуганно посмотрела на нас.

— Она ранена, бредит... Кажется, про научный корпус... Разрушен... все пропало...

Вот тут-то и впились мне в грудь ледяные когти. И сдавили с такой силой, что я едва смог просипеть:

— Находка...

Мадонетта медленно кивнула.

— Мата говорила, она там. В научном корпусе. Наверное, тоже пропала.

Глава 21

В конце концов Стальные Крысы единодушно приняли самое легкое решение: на сегодня достаточно. Главное — все живы, хоть и не все здоровы. Пропажа отыскалась, а значит, задание выполнено. А то, что археологическая находка уничтожена, — дело второстепенное. Во всяком случае, для меня. Я надеялся в самом скором времени получить вожделенное противоядие. С этой успокаивающей мыслью и отошел ко сну. И то сказать: мы заслужили передышку. Надо заштопать раны, восстановить мышечную ткань, снять невероятную усталость. Обо всем этом должны позаботиться хороший врачебный уход и спокойный сон по ночам.

Над парком новой нашей резиденции, куда наутро я с превеликим трудом выполз погулять, ярко сияло солнце. Сон частично вытеснил изнеможение, и теперь я гораздо спокойнее относился к многочисленным ссадинам и синякам. Я упал в шезлонг и стал ждать, когда лекарства окончательно обуздают боль. Вскоре пришел Стинго, выглядевший вполне под стать моему самочувствию. Он расположился напротив, я с улыбкой поприветствовал его:

— Доброе утро, адмирал.

— Джим, ну что ты, в самом деле! Я по-прежнему Стинго.

— Хорошо, Стинго. Поскольку мы сейчас наедине, позволь выразить искреннюю благодарность за спасение от промывки мозгов, оно не прошло для тебя безболезненно, к великому моему сожалению.

— Спасибо за сочувствие, Джим. У меня не было выбора. Тебя хотели запрограммировать, я просто был обязан помешать. К тому же, сказать по правде, я вышел из себя. Плюшевый мишка — надо же такое изобрести! Надругательство над канонами!

— А что, в канонах мишки нет? И золотистого мяча?

— Золотистый мячик есть. Он олицетворяет невинность, радости безмятежного детства, свободу ребенка от ответственности. Мы вырастаем и теряем их. Чтобы вернуть эту свободу, надо выкрасть мячик из-под материнской подушки.

— Но если в обществе нет женщин, то не может быть матери, — подхватил я. — Вот и пришлось переиначить миф.

Стинго кивнул и, морщась, дотронулся до повязки на голове.

— Получился сущий бред. В их начальном варианте мать не желает, чтобы мальчик вырос. В ее глазах он всегда остается ребенком, во всем зависящим от нее. Независимость надо украсть у матери — вот что такое золотистый мячик под подушкой.

— Ну и дребедень!

— Не скажи, не скажи. Никакой социум не обходится без мифологии, с ее помощью он объясняет и оправдывает свое существование. Искази мифы, и ты изуродуешь социум.

— Как это сделали рыжий мордоворот и его банда?

— Вот именно. Но мы столкнулись не просто с искажением мифа, а кое с чем гораздо более опасным. Я подозревал, что в Веритории подмешивают в воздух наркогаз, и, как оказалось, не ошибся. У вас с Флойдом были остекленевшие глаза, вы вели себя как загипнотизированные. Выходит, нас не просто потчевали очередной байкой о притягательности звериного начала, сокрытого в душе любого мужчины. Все это заталкивалось в глубь разума, в подсознание. Типичная промывка мозгов, психокодирование в жесткой принудительной форме. Это невероятно вредно для рассудка, и мне пришлось вмешаться.

— Рискуя собственной жизнью?

— Возможно. Но разве на моем месте ты не поступил бы точно так же?

Я не сказал «нет». А правда, как бы я поступил? Мрачновато улыбаясь, я произнес:

— По крайней мере, можно еще раз выразить тебе признательность?

— Ради бога, но давай наконец займемся делом. Пока не пришли Флойд и Мадонетта, сообщу тебе кое-что важное. Я освободил капитана Тремэрна от командования операцией и взялся за дело сам. У меня гораздо больше возможностей накрутить кому надо хвост и добиться, чтобы ты немедленно получил антидот. Собственно, это мой первый приказ, и уж поверь, он будет выполнен.

— Так ты, выходит, знал про яд? Скажу тебе честно: мне пришлось здорово подергаться. Спасибо...

— Не спеши благодарить. Мне нужно обещание, что ты не бросишь работу, когда получишь противоядие.

— О чем разговор! Я же согласился помочь, взял деньги — какие еще нужны гарантии? Яд — бредовая идея какого-то бюрократа-перестраховщика.

— Я знал, что ты так скажешь. Знал, что ты из тех, кто трудится не за страх, а за совесть.

Почему мне стало не по себе от его слов? Передо мной сидел все тот же добряк Стинго — неужели в нем проснулись адмиральские замашки? Солдат — всегда солдат... Нет, зря я о нем так плохо думаю. Однако не стоит забывать: яд все еще внутри.

Я ответил Стинго зеркальным отражением его широкой улыбки, хотя страх и тревога все еще царапали и покусывали душу. «Найди эту проклятую хреновину, Джим. Иначе не будет тебе покоя», — твердили они.

Я смеялся и улыбался. Превозмогая себя.

— Конечно, продолжаем. Находка должна быть возвращена.

— Ты прав. Нельзя сидеть сложа руки. — Его взгляд скользнул над моим плечом. — А вот и Флойд с Мадонеттой. Рад вас видеть, дорогие мои. Извините, что не встаю в присутствии дамы.

Она улыбнулась и поцеловала его в забинтованный лоб. Разумеется, появилась последней — женщина есть женщина. Хотя,

конечно, зря я обращаю внимание на такие пустяки, не к лицу мне рефлексия самца-шовиниста. Во всяком случае, на этой половине Рая.

— Я поговорила с Матой, — Мадонетта села и глотнула фруктового сока. — В момент взрыва людей в научном корпусе не было, поэтому никто не пострадал. Они обыскали развалины и не обнаружили ни единого обломка археологической находки.

— Точно? — спросил я.

— Точно. У них «жучки» за стеной, поэтому стало известно, что там заинтересовались вещицей. Они ждали, когда ученым мужам надоест ее разглядывать и ощупывать. Так и вышло. Эти благородные господа, которых здесь иначе как гериатрическими неучами не называют, ничего полезного для себя не обнаружили и отдали ее женщинам. А те составили план исследований, но едва успели приступить к ним, произошел взрыв. У меня все.

Итак, не исключено, что находка украдена и спрятана где-нибудь неподалеку. Можно пособить с поисками. Но можно и прекратить в скором времени обратный отсчет дней. Едва проснувшись, я включил компьютер, и он порадовал яркой семеркой. Правда, адмиралу Стинго удалось частично исцелить меня от хронической тревоги.

Гонка за изделием иной расы продолжается. Я получил три миллиона авансом и найду его во что бы то ни стало, хотя все еще не представляю, что это за штуковина такая. Одно хорошо: надо мной больше не будет висеть дамоклов меч.

Я обвел взглядом музыкальных Крыс и понял, что для них все осталось по-прежнему. Задание надо выполнить. Что ж, быть по сему.

— Ну, что дальше? — спросил я.

Стинго — уже не столько музыкант, сколько адмирал, — деловито осведомился:

— Почему взорвался научный корпус? Случайно? Если нет, то кого благодарить? У меня еще много таких вопросов...

— Мата сказала, — перебила его Мадонетта, — чтобы мы обращались к ИРИНе, если возникнут вопросы.

Секунду-другую мы напряженно осмысливали это предложение, затем спохватились, что понятия не имеем, о ком речь. Стинго — истинный адмирал — выразил общее недоумение:

— Кто такая Ирина?

— Не кто, а что. Это акроним: Искусственный Разумный Информационный Накопитель. Проще говоря, главный компьютер на этой стороне Рая. А вот его терминал.

Она положила на стол и включила нечто похожее на обыкновенный портафон. Ничего не произошло.

— ИРИНа, ты здесь?

— Слушаю и повинуюсь, милочка, — услышали мы глубокое сексуальное контральто.

— Кажется, ты произнесла слово «компьютер»? — запинаясь, сказал я Мадонетте.

— Я что, слышу мужской голос? — ИРИНа хихикнула. — Сколько лет, сколько зим! Как тебя зовут, сладкий мой?

— Я не сладкий, я Джим. А почему ты интересуешься?

— Программа и жизненный опыт. До того как попасть сюда, я работала на исследовательском звездолете. Мужской экипаж, бесконечные годы в космосе... Мои создатели полагали, что женские манеры и голос будут гораздо лучше влиять на настроение команды, нежели машинные или мужские.

— Последний исследовательский крейсер, — сообщил Стинго, — пущен на металлолом несколько веков назад.

— Неприлично напоминать даме о ее возрасте, — парировала ИРИНа. — Но ты прав. Когда корабль отправился под автоген, меня списали на берег. Но так как я, по сути своей, компьютерная программа, я бессмертна. Разве не об этом мечтает любая женщина? Прежде чем оказаться здесь, я сделала весьма и весьма многообразную карьеру. Поверьте, я не жалуюсь. Тут так мило. Кругом добрейшие существа, общение с ними — одно удовольствие. К тому же для меня в любое время открыты все дополнительные банки и базы данных. А приятнее всего... Но что-то я заболталась. Мне сообщили, что у вас проблема. Если представитесь по именам, будет намного проще разговаривать. Джима и Мадонетту я уже знаю. Как зовут джентльмена, который только что говорил?

— Адмирал... — Стинго умолк.

— Спасибо, давайте обращаться друг к другу по именам. Вы — Адмирал. А...

— Флойд, — сказал Флойд.

— Счастлива познакомиться. Чем могу помочь?

— Недавно в научный корпус поступил некий предмет, так называемая археологическая находка. Ты что-нибудь знаешь о ней?

— Еще бы! Кому и знать, как не мне, ведь это мне поручили изучать диковину. В сущности, именно этим я и занималась в момент взрыва.

— Ты видела, что произошло?

— Дорогой Джим, если понимать глагол «видеть» буквально, то я вынуждена дать отрицательный ответ. Увы, на том этапе исследований я не пользовалась фотоэлементами, а потому физически не видела, куда он исчез. Мне известен только его пеленг. Тридцать два градуса правее нулевой северополярной широты.

— Но там же ничего нет, — возразил Стинго. — Ни поселений, ни становищ. Одни пустынные равнины до самой полярной шапки. С чего ты взяла, что находка отправилась туда?

— С того, mon Admiral, что артефакт испускает тахионы, а я их регистрирую с помощью тахиметра, так сказать, веду учет, и надо заметить, это весьма интересное занятие. Правда, излучение слабенькое — а у какого вещества оно мощное? — но это все же лучше, чем вообще ничего. И вот за микросекунду до того, как тахиметр уничтожило взрывом, он успел зафиксировать одну-единственную частицу, прилетевшую со стороны полюса.

— А ты сама не... ранена? — спросила Мадонетта.

— Как это любезно с твоей стороны! Нет, я не пострадала, ведь меня как таковой там не было. Я поспешила собрать новый тахиметр и отправила его на место взрыва, но, увы, обследование развалин не дало результата. Там сейчас только фоновое излучение.

— А ты знаешь причину взрыва?

— Друг мой Флойд, я рада, что ты решил поучаствовать в нашем взаимополезном общении. Отвечаю на твой вопрос: да. Очень мощное взрывчатое вещество. Могу дать полную формулу, но уверена, тебе это покажется невероятно скучным. Вам, дорогие мои, достаточно знать, что некогда эта взрывчатка широко применялась в горнодобывающей промышленности. Она называется осбрехитит.

— Впервые слышу.

— Неудивительно, Адмирал, поскольку выяснилось, что с течением времени она теряет свои свойства. Производство осбрехитита свернули, заменив его новыми, более устойчивыми взрывчатыми веществами.

— Когда? — спросил я.

— Чуть больше трех веков назад. Тебя интересует точная дата?

— Да нет, пожалуй, это лишнее.

Мы поморгали, тупо глядя друг на друга. Что бы еще почерпнуть из этого кладезя историко-химической мудрости? Только Мадонетте пришел на ум верный вопрос:

— Скажи-ка, ИРИНа, у тебя есть какие-нибудь догадки насчет этого происшествия?

— Тысячи, милочка. Но излагать их не вижу смысла — необходимо собрать побольше данных. Пока могу сказать, что мы — в начале шахматной партии, и вариантов ее исхода — миллионы. Однако могу назвать несколько цифр. Вероятность случайного взрыва: ноль процентов. Вероятность того, что взрыв связан с похищением: шестьдесят семь процентов. Дальнейшее — в ваших руках.

— То есть?

— Попробуй рассуждать логически, cher Джим. Вы мобильны, тогда как я, фигурально выражаясь, прикована к рабочему месту. Я могу давать советы и сопровождать вас в виде рации, но основное решение принимать вам.

— Какое еще решение? — ИРИНа подчас просто невыносима.

— Я дам вам новый тахиметр. Если пойдете с ним в указанном мною направлении, то сумеете обнаружить находку.

— Спасибо. — Я протянул руку и выключил ИРИНу. — Похоже, и впрямь надо решать. Кто пойдет по следу? Только не отвечайте хором, лучше дайте высказаться мне, потому что я — самая главная Крыса. У меня такое чувство, что настало время прореживания наших рядов. Я заявляю, что Мадонетта дальше не пойдет. Она

была нужна как солистка и бесподобно справилась с этой ролью. Но гонка по ледяным пустыням за сумасшедшими любителями подсовывать мины вековой давности — не для нее.

— Поддерживаю Джима, — высказался адмирал Стинго.

— И я. — Флойд не дал Мадонетте возразить. — Это и впрямь работенка не для тебя. И не для Стинго.

— А разве не мне решать? — прорычал Стинго в классической адмиральской манере.

— Нет, — охладил его я. — Если хочешь нам помочь, лучше всего сделать это прямо здесь. Оборудовать базу. Итак, решение принято, все возражения отклоняются. Демократию я признаю лишь в тех случаях, когда она меня устраивает.

Адмиральский оскал сменился обычной улыбкой. Стинго был слишком сообразителен, чтобы упрямиться.

— Согласен. Мой срок годности для оперативной работы давно истек. Это подтверждают больные кости. Мадонетта, пожалуйста, уступи нажиму истории со свойственной тебе грацией. Тебе это не нравится, но ты киваешь, да? Вот и прекрасно. В дополнение к услугам любезной ИРИНы я позабочусь о том, чтобы Специальный Корпус предоставил вам все необходимое. Вопросы?

Он развернулся вместе с креслом и обжег нас взглядом, но мы промолчали. Он удовлетворенно кивнул. Мадонетта подняла руку.

— Теперь, когда все решено, можно кое о чем вас попросить? Из разговоров с девочками я узнала, что здесь очень любят музыку Крыс, и...

— ...и нельзя ли дать последний концерт перед развалом группы? О чем разговор?! Все «за»!

Все весело загомонили, только Стинго приуныл, вспомнив, что его инструменты обратились в горстку молекул. Но умница Мадонетта еще раз блеснула предусмотрительностью:

— Я порасспрашивала девочек. Говорят, тут очень миленький камерный оркестрик. Есть и симфонический. Думаю, хотя бы один инструмент для Стинго подойдет.

— Любой! Хоть все! Только спустите меня с цепи! — И с этой минуты я видел вокруг только счастливые лица.

Благодаря чудесам современной медицины, заботливому уходу, а также лошадиным дозам болеутоляющего и изрядной порции горячительного для Стинго мы смогли дать концерт в тот же день. Дневной — поскольку ночь на этой планете равнялась двум нашим суткам и не стоила того, чтобы ее дожидаться.

На стадионе мы увидели настоящее столпотворение. Нас встретили бурей восторга, и всем, похоже, было наплевать, что Стинго выступает без костюма и в инвалидном кресле. «Стальные Крысы» давали последний концерт и хотели, чтобы он запомнился надолго. Естественно, все милитаристские и жлобские песни пришлось из репертуара выкинуть. Мы начали выступление с нежного, мягкого блюза:

Голубой мир,
Для тебя я пою.
Голубой мир,
Слышишь песню мою?
Голубой мир,
Помоги мне, молю.
Голубой мир.

Вот мы здесь
И не можем уйти.
Вот мы здесь,
Перекрыты пути.
Голубой мир.

Жизнь была нам мила,
Нас планета звала и манила.
Вниз ракета несла,
Под лучи голубого светила.
Как посадка легка!
Как прекрасно, как здорово было!
Голубой мир.

Не вернуться назад,
И навеки здесь должен остаться я.
Наша жизнь — это ад
На дне колодца гравитации.
Голубой ми-ии-иир...

В тот день мы много раз пели на «бис», а покидали стадион предельно вымотанные и счастливые, как настоящие артисты, потрудившиеся на славу. Потом я улегся на койку, но перед этим не удержался и посмотрел, сколько мне еще осталось.

Все еще семь суток. Все еще неделя. За этот срок мой закадычный друг адмирал Стинго вполне успеет намылить шею кому надо и получить противоядие.

Опуская голову на подушку, я, кажется, улыбался, чего не делал уже двадцать два дня, если мне не изменяет память. Так отчего же все-таки я не могу уснуть? Почему лежу неподвижно, уставившись во тьму? По-моему, ответ очевиден.

Пока не наступит счастливый миг, когда я нажму на поршень шприца и введу себе противоядие, я не смогу забыть о том, что смертельная отрава ждет своего часа.

Спокойной ночи, Джим. Баюшки-баю...

Глава 22

То ли я — лежебока, то ли адмирал в обычной жизни — трудоголик... А может, и то и другое. Ибо к тому времени, как я явился пред его очи, он успел в одиночку подготовить все до малейшего пустя-

ка. Комкая список, он бубнил над грудой снаряжения. Заслышав мои шаги, поднял глаза, помахал рукой и разделался с последним пунктом.

— Вот тебе новый рюкзак. Почти все, что в него напихано, может сгодиться, а это — распечатка описи. Надо думать, в синтезаторе ты таскал много чего незаконного, даже, наверное, смертоносного. Можешь выковырять, когда я уйду. ИРИНа собирает новый тахиметр. Скоро подойдет Флойд... А вот и Мадонетта! Просим, просим!

Стинго удалился со всей грацией, какую только допускали костыли. В комнату впорхнула Мадонетта — воплощенное обаяние — и взяла меня за руки. Затем, обнаружив, что одними рукопожатиями чувства не выразить, ласково поцеловала меня в щеку. Мои руки машинально раскинулись для объятий, но сомкнулись в пустоте, так как она уже выскользнула и опустилась на кушетку.

— Эх, Джим, как бы я хотела пойти с тобой... Но знаю — это невозможно. Ужас до чего неохота возвращаться в тесный, душный офис.

— Мне будет не хватать тебя. — Я надеялся, что это прозвучит спокойно и ровно, однако со страхом поймал себя на слезливо-елейном тоне. — То есть всем нам, конечно.

— А мне — вас. Не все было гладко, но ты всегда держался молодцом.

Должно быть, я залился румянцем, настолько тепло и нежно звучал ее голос.

— И вообще, в моей жизни еще не бывало таких приключений. И мне совершенно не хочется возвращаться к папкам, заседаниям и запертым окнам. Даешь работу на свежем воздухе! Как тебе эта мысль?

— Отлично, отлично, — покивал я.

Мне ее уже не хватало. Не знаю, чем бы все это кончилось, если б не вошел Флойд — жизнерадостный до тошноты.

— Доброе утречко! Денек — в самый раз для экспедиции. Мадонетточка, милая ты наша спутница и товарищ по оружию, здравствуй и, увы, прощай. Работать с тобой было одно удовольствие.

— А ты бы не согласился поучить меня самообороне без оружия?

— С превеликой радостью. Это совсем просто, главное — стараться.

— И тогда меня возьмут в оперативные агенты?

— Наверное, нет. Но я могу замолвить словечко.

— Правда?! Ой, как здорово! Век тебя не забуду. Я только что сказала Джиму, что в офис больше — ни ногой.

Они улыбнулись друг другу с противоположных концов кушетки, едва не соприкасаясь коленями. Им было не до меня. Я всей душой возненавидел Флойда.

А потому несказанно обрадовался стуку костылей и шарканью волочащихся ног.

— Все в сборе, — сказал Стинго. — Прекрасно. Тахиметр готов.

Как только он это произнес, штуковина, которая семенила за ним по пятам, выбежала вперед.

Искусственная собака на негнущихся лапах. В жизни не видывал ничего уродливее. Черный искусственный мех с россыпью проплешин, черные глазки-пуговки. Когда она сказала «гав-гав», из пасти высунулся сухой красный язык.

— Что значит — гав-гав? — вспылил я. — Что еще за пакость?

— Тахиметр, — ответил адмирал Стинго.

— Гав-гав, — снова изрекла собака. — Удобства ради тахиметр совмещен с мобильным терминалом.

— ИРИНа? — заподозрил я.

— А то кто же? Как тебе нравится этот красавчик?

— Отродясь не видал ничего искусственнее этого фальшивого пса.

— Ладно, не бери в голову. Бобик и впрямь произведение искусства... Скажем, *современного* искусства, если тебе на ум пришла какая-то гадость. Между прочим, эта милая собачонка общается со мной посредством гравиметрических волн. Как тебе, наверное, известно, они, в отличие от радиоволн, не знают преграды. Они проникают сквозь здания с мощными стенами, даже сквозь огромные горные хребты. Так что мы постоянно в контакте. Готова признать: Бобик знавал лучшие времена. Но ты ведь слышал поговорку про битых и небитых?

— Слышал. Однако небитых нам не предлагают, а посему я беру мобильный терминал.

— Отличный выбор, малыш. Дай мне еще два денька, и получишь все, что душе угодно.

Два дня? Когда у меня всего-то шесть с половиной? Я набрал полную грудь воздуха и свистнул.

— Здорово, Бобик. Хо-оро-ошая собачка. Пойдем гулять, а?

— Гав-гав! — Он раскрыл пасть и возбужденно задышал. Фальшивей некуда.

— Вот план, — начал адмирал Стинго. — За ходом операции я буду наблюдать с орбиты, с борта космического корабля, в паре с капитаном Тремэрном. Джим и Флойд пойдут на север, в сторону исчезнувшей находки. ИРИНа будет поддерживать связь с этим терминалом, которому вдобавок придется искать источник излучения тахионов. — Он задумчиво почесал подбородок, видимо, не зная, что еще сказать.

— Хороший план. — К сожалению, я не удержался от насмешливой нотки. — Если вылущить суть, то надо просто шагать на север, пока что-нибудь не случится.

— Вполне приемлемая интерпретация. Желаю удачи.

— Спасибо. А ты позаботишься об одном пустяковом укольчике? Чтобы мне спокойно работалось?

— Круглые сутки буду допрашивать всех причастных, — мрачно произнес Стинго, и я понял, что он сдержит обещание.

Мы уложили вещи в рюкзаки, без особых церемоний простились, затем навьючили на себя кладь и двинулись за Бобиком, не оглядываясь назад. Мне нравилась Мадонетта. Даже, наверное, слишком нравилась — для такого задания. Топай, Джим, топай, понукал себя я. Гоняйся за неуловимым тахионом.

Мы прошагали по улицам за виляющим хвостом из черного нейлона и вышли в пригород. Встречные женщины улыбались нам и махали руками, иные даже насвистывали крысиные мотивчики, чтобы хоть как-то нас приободрить. И вот последняя ферма осталась позади, и перед нами расстелились голые равнины. Я включил челюстной передатчик.

— Алло, Тремэрн?

— Я слушаю.

— Нет ли поблизости племен кочевников?

— Отсутствуют.

— А прямо по курсу? Поля, строения, люди, баракозы? Ничего такого?

— Ничего и никого. Мы тщательно просканировали местность до самого полюса. Пусто.

— Спасибо. Конец связи. Чудненько.

— По сторонам — ни души, по курсу — то же самое, — сообщил я Флойду. — Так что будем идти вперед, пока эта пластмассовая легавая не сделает стойку на тахион. Или пока не доберемся до Северного полюса и не дадим дуба от стужи.

— У меня тут вопросик назрел. Что такое тахион?

— Хороший вопросик. До сего времени я полагал, что это гипотетическая величина, рожденная физиками в потугах объяснить принцип действия Вселенной. Из племени субатомных частиц, существующих либо в волновой, либо в корпускулярной форме. Пока их не наблюдают, они не существуют в реальности. Принято считать — а кто я такой, чтобы сомневаться? — что они живут в вероятностном логове многих возможных наложенных состояний.

У Флойда начала отвисать челюсть, взор затуманился. Он потряс головой.

— Джим, нельзя ли помедленнее? А то я уже давно отстал.

— Конечно. Извини. Попробуем так. В физике есть различные частицы. Фотон — частица световой энергии, электрон — электрической. Понятно?

— Ага. Пока иду рядом.

— Гравитон — частица гравитационного поля, а тахион — частица времени.

— Виноват, опять отстал. Я думал, частицы времени — это минуты и секунды.

— Так и есть, Флойд, но только для простых людей вроде нас с тобой. У физиков извращенный взгляд на вещи.

— Верю. Извини, что спросил. Пора отдохнуть. Ежечасно — пять минут, не забыл?

— Ты прав. — Я достал фляжку, глотнул, потом свистнул мохнатому терминалу, почти скрывшемуся с глаз. — Бобик, к ноге! Привал.

— Ты — начальник, — согласилась ИРИНа. Бобик вперевалочку прибежал назад, тявкнул и обнюхал рюкзак, уже опущенный на землю.

— Не перебарщивай с реализмом! — взревел я. — Еще не хватает, чтобы какая-то пластмассовая псина задирала ногу на мое имущество!

Путешествие продолжалось в том же духе, и казалось, ему не будет конца. Как и мы по бескрайней равнине, солнце еле плелось по небосводу и не выказывало ни малейшего намерения обгонять нас. Через пять часов усталость начала брать свое. Флойд шагал впереди, довольно сильно обогнав меня.

— Не притомился еще? — крикнул я.

— Не-а. Здорово!

— Для тех из нас, кого не превратили в отбивную.

— Еще немножко, ладно?

«Еще немножко» означало гораздо больше, чем мне бы хотелось, и я уже подумывал, не взмолиться ли о пощаде, но тут на выручку пришел Бобик.

— Гав-гав, джентльмены. Только что сквозь меня просвистела парочка тахионов. Я могу ошибиться с первым, но второй... и третий!

— С какой стороны? — спросил я.

— С той, куда мы идем. Если не отклоняться от курса, найти его будет проще простого. Но отклонение вполне вероятно... Даже очень вероятно, я бы сказала.

— Ага! — поддакнул я. — Да будет тебе известно, у меня безотказный нюх на экивоки. И даже обломок древнего корабля, с которым я вынужден общаться посредством синтетической шавки...

— Не надо! Мне больно слышать слово «древний».

— Хорошо, попрошу прощения. Когда растолкуешь последнюю оговорку.

— Ты прощен. Я изучила кривизну планеты, гравитационные аномалии и прочие факторы, но по-прежнему вынуждена считать, что на поверхности источник тахионов отсутствует.

— Намекаешь, что эта штуковина ушла в подполье?

— Подполье — самое подходящее слово. Она под полем.

Я судорожно стиснул зубы.

— Тремэрн, вы не могли бы подключить адмирала?

— Джим, я здесь. ИРИНа предупредила меня чуть раньше, и с той самой минуты я слежу за развитием событий. Пока все не выяснилось, я не хотел нервировать тебя...

— Новостью, что мы зря не прихватили лопату. Чем еще вы не хотите меня нервировать?

— Я просто ждал новых данных. Послал низколетящий зонд на поиски гравиметрических аномалий, которые заметила ИРИНа. Похоже, их там полным-полно.

— Что еще за аномалии? Линзы металлоносных руд?

— Совсем напротив. Полости под землей.

— Впечатляет. Все, до связи. По крайней мере, мы хоть знаем теперь, где находка.

— Где? — спросил Флойд, участвовавший в разговоре несколько односторонне.

— Под землей. Впереди не то пещеры, не то каверны. На поверхности ничего не видно, но они есть; ИРИНа и адмирал уверены, что находка где-то там. Может, отдохнем наконец и подождем новостей?

— Думаю, можно.

Флойд думал правильно — едва мы рухнули наземь, в нашу сторону понесся целый рой пуль. Они просвистели там, где только что находились наши головы.

В руке у Флойда я увидел большой уродливый пистолет. Он нисколько не помешал моему спутнику ловко юркнуть на четвереньках мимо меня к земляному валику под ближайшим полпеттоновым деревцем.

— Мы под огнем! — крикнул я в челюстефон.

— Противник вне видимости.

Бобик встал на задние лапы и вдруг высоко подпрыгнул, не обращая внимания на новую очередь.

— Гав-гав! Может, для кого-то и вне видимости, а для меня — как на ладони.

— Кто это?

— Не кто, а что. Какое-то устройство, врытое в землю. Хотите, я с ним разделаюсь?

— Если сможешь.

— Р-р-р-р!

Он удлинил лапы и рванул с такой быстротой, что мы едва не потеряли его из виду. Через несколько секунд до нас донесся приглушенный расстоянием взрыв, и по земле забарабанил дождь обломков.

— Быстро, — пробормотал я.

— Спасибо. — Бобик вырос перед нами с куском металла в зубах. — Если хотите взглянуть на останки — пожалуйте за мной.

Мы пожаловали за ним к дымящейся воронке. Посреди нее валялся исковерканный механизм. Бобик выплюнул обломок, вытянул шею, задрал хвост и ткнул передней лапой.

— Дистанционно управляемая пулеметная установка. Заметьте: верхняя часть закамуфлирована грязью и вьющимися растениями. С помощью гидравлики может подниматься над землей. Вот эта красная жидкость — вовсе не кровь, а битое стекло из оптического прицела. Обратите внимание на счетверенный пулемет Рапеллит-

Бинетти-Икс-Девятнадцать. Восемнадцать выстрелов в секунду. Пули бронебойно-разрывные.

— ИРИНа, с каких это пор ты спец по оружию? — поинтересовался я.

— С давних, пирожок ты мой сладкий. Когда-то моя профессия требовала глубоких познаний в этой области. А еще я знаю, что пулеметы этого образца не производятся уже пять веков.

Глава 23

Я глотнул еще воды, мечтая о чем-нибудь покрепче. В кои-то веки выдалась минутка, когда мне не нужна ясная голова.

— Сколько, говоришь? — Я не получил ответа — поддельный пес уже зарывался под турель, суча лапами, как настоящий, и разбрасывая грязь.

— Пятьсот, — сказал Флойд. — Да неужто такое возможно? Кому могло понадобиться это старье?

— Тому, у кого под рукой не оказалось ничего получше. Перед нами загадка, и ее предстоит разгадать. Помнишь, чем уничтожили лабораторию? Древней взрывчаткой. Тоже ведь старье. О чем все это говорит? О том, что планета, возможно, была обитаема еще до того, как на нее начали сметать социальный мусор. Что, если потомки первопоселенцев укрылись под землей? Это вероятно. Лайокукаю превратили в тюрягу минимум пять веков назад. Вот сколько времени прячутся эти таинственные аборигены. И они, наверное, закопались еще до того, как Лига обнаружила планету. Потому-то о них никто и слыхом не слыхивал.

— Кто они?

— Об этом я знаю не больше твоего...

— Ррр-гав! — сообщил наш собакомат. — Нашел кабель из оптического волокна. Под землю уходит. Это, наверное, для наведения установки.

— Да, из каверн. Напрашивается другой вопрос: как нам туда...

— Джим, — заявила моя челюсть, — в двух шагах от вас, в той стороне, куда вы направлялись, происходит кое-что занятное. Мы настроили электронные телескопы на максимальное увеличение и теперь видим...

— Что видите?

— Из отверстия в земле появилась группа вооруженных людей. Похоже, они тащат кого-то связанного... Так, а теперь поднимают металлический столб... Возятся... Привязывают к столбу, кажется...

В моем мозгу замерцали сонмища исторических кинокадров.

— Остановите их! Не иначе, это казнь! Расстрел! Сделайте что-нибудь!

— Невозможно. Мы же на орбите. В ближайшие пятнадцать минут ничем нельзя помочь, кроме ракеты со взрывчаткой, но она тут явно противопоказана.

— Забудьте! — Сунув руки в рюкзак, я свистнул псевдопсу: — Бобик! Лови!

Он высоко подпрыгнул и поймал зубами газовую гранату.

— Беги! Вон туда! Слышал адмирала? Подбеги к тем ребятам и хорошенько укуси эту штуку.

Последние слова я кричал хвосту, исчезающему среди кустов. Мы схватили рюкзаки и бросились следом. Флойд легко обогнал меня, и к тому моменту, когда я, спотыкаясь и задыхаясь, добежал до места казни, схватка отошла в историю. Задрав хвост, наш славный приятель лаял и указывал на поверженные тела.

— Бобик, ты — лучший друг человека. Отличная работа. — Я едва одолел искушение погладить искусственную шерсть.

— Это в порядке донесения, — уделил я внимание рации. — Все — мужского пола, у всех стрелковое оружие. На двенадцати — камуфляжная форма. Тринадцатый — вот уж точно, несчастливое число — раздет до пояса и привязан к столбу.

— Он не ранен?

— Невредим. — Я дотронулся до шеи тринадцатого и уловил вполне нормальный пульс. — Вовремя мы встряли. Вот что интересно: он молод, моложе остальных. Как быть дальше?

— Компьютер стратегического планирования принял решение. Соберите все оружие. Возьмите пленного и отступайте на безопасное расстояние, затем допросите его.

Распуская узлы на запястьях юноши, я с отвращением фыркнул.

— До этого можно было додуматься и без компьютера стратегического планирования.

Флойд подхватил падающее тело и взвалил на плечо. Я поднял рюкзаки и дернул подбородком.

— Давай в укрытие, вон в ту балку.

Граната, взорванная Бобиком, содержала быстродействующий газ. Один вдох, и ты спишь. Но этим быстродействие не исчерпывалось — через двадцать минут спящие должны были проснуться. И все двадцать минут ушли на то, чтобы по мокрой глине изглоданного дождями оврага перетащить «языка» и кладь на сухое местечко под кручей. Там наш пленник — или гость? — закрутил головой и забормотал. Мы с Флойдом и ходячим талисманом сидели и смотрели. Долго ждать не пришлось. Парень что-то пробубнил, открыл глаза и увидел нас. Резко сел и изменился в лице от страха.

— Fremzhbuloj! — воскликнул он. — Amizhko mizh.

— Похоже на жутко испорченный эсперанто.

— А разве могло быть иначе, если его род сотни лет обходился без внешних контактов? Говори медленнее, он поймет.

Я повернулся к юноше и поднял руки ладонями вперед, полагая, что здесь, как и во всей Галактике, этот жест означает «мир».

— Ты не ошибся, мы чужестранцы. А что еще ты сказал? «Мои друзья», да?

— Друзья, да! Друзья! — Он закивал, как безумец, и отшатнулся от Бобика, которому приспичило гавкнуть.

— ИРИНа, я тебя умоляю! Заткни пластмассового пуделя. Он пугает нашего гостя.

Псевдопес перестал лаять и вымолвил:

— Я всего лишь хотела сообщить, что вступила в контакт с наблюдателями. По их словам, усыпленные пришли в себя и ретировались.

— Прекрасно. Ты все фиксируй, а после доложишь. — Я повернулся к «языку», который ошалел при виде говорящей собаки. — Валяй дальше, приятель. Меня зовут Джим, его — Флойд. Мохнатого трепача — Бобик. У тебя тоже есть имя, я угадал?

— Меня зовут Дредноут, сын Неотзывчивого.

— Рад знакомству! А теперь не соблаговолишь ли поведать, почему тебя едва не отправили в расход?

— Неподчинение приказу. Я стоял в Карауле. Видел приближение вашей группы. Открыл огонь из Караульной Турели... но не гневайтесь, чужеземцы! Я стрелял мимо. Открывать огонь разрешается только с ведома Начальника Караула. Поэтому меня отправили на казнь. Я не спросил разрешения.

— У всех бывают ошибки.

— Это не ошибка. Я выполнял приказ.

— Ты хоть что-нибудь понял? — поинтересовался Флойд.

— Немногое. Скажи-ка, Дредноут, кто, если не Начальник Караула, приказал тебе стрелять?

— Это было коллективное решение.

— Что значит — коллективное?

— Я не вправе рассказывать.

— Понятно. Не хочешь выдавать товарищей. — Я панибратски хлопнул его по спине и обнаружил, что он дрожит. — Холодает вроде. Дам тебе куртку.

Я зарылся в рюкзак и, конечно, не упустил случая поболтать по радио.

— Ну что, идеи есть? Если не у вас, то у бесценного компьютера стратегического планирования?

— Да. Если «язык» не желает разговаривать, то, возможно, упомянутые им сообщники будут откровеннее. Попытайся встретиться с ними.

— Ладно. — Я вернулся с курткой. — На, Дредноут, не мерзни. — Он поднялся и натянул куртку. — Вот так-то лучше. А сейчас я тебе скажу, что думаю. Если не желаешь кое о чем рассказывать, не надо. Но как насчет товарищей, о которых ты говорил? Может, они согласятся объяснить нам, что происходит?

Он прикусил нижнюю губу и замотал головой.

— Нет? Попробуем по-другому. Ты не хочешь вернуться к своим? Потолковать, узнать, не готов ли кто-нибудь встретиться с нами? Согласен?

Он перевел взгляд с меня на Флойда, затем опустил его на Бобика, помахивающего хвостом, и наконец решился.

— Следуйте за мной.

Он был молод, силен и бежал уверенной трусцой. Флойд и механическая шавка подражали ему без особого труда, ко мне же мигом вернулись боль и слабость. Я тащился в хвосте и вскоре вынужден был взмолиться о передышке, но за миг до этого Дредноут остановился на краю полпеттоновой рощицы.

— Ждите здесь, — сказал он, когда я, жутко сопя, доковылял до них.

Он скрылся среди деревьев, не заметив, как Бобик, укоротив лапки и втянув в туловище голову и хвост, скользнул за ним, точно черная половая щетка.

Перерывчик в физической деятельности пришелся как нельзя кстати, да и быстро саморазогревающаяся еда, которую я достал из рюкзака, тоже. Свинобургер с подливкой. Флойд тоже распечатал консервы, и мы слизывали соус с пальцев, когда бесшумной тенью вернулась «половая щетка»: лапы, хвост и голова — врастопырку, из пасти — заливистый лай. Я ощерился.

— Докладывать — в первую очередь, брехать — во вторую.

— Ваш новый помощник не заметил слежки. В лесу находится валун, под ним — отверстие в земле. Он скрылся там. Показать?

— Чуть позже... если понадобится. А сейчас дай нам сосчитать до десяти и выяснить, передаст ли он нашу просьбу.

Навалилась усталость. Я закрыл глаза, утонул в беспамятстве и вынырнул вовсе не по счету десять, а в час дня, — солнце балансировало уже в зените. Когда я решил выяснить, сколько потерял времени, компьютер услужил по-медвежьи, поменяв красную шестерку на пятерку. Не волнуйся, Джим, адмирал Стинго на твоей стороне. Вялые попытки самоуспокоиться не принесли успеха, мне даже казалось, будто в моих жилах булькает и струится яд.

Флойд спал сном праведника, даже похрапывал. Но стоило Бобику нечаянно сдвинуть на осыпи несколько камешков, как мой напарник вмиг распахнул веки.

— Гав-гав, джентльмены, то есть доброе утро. Из-под камня только что появился ваш новый друг в сопровождении сослуживца, и они направляются сюда. Заметьте: я вам первым об этом сообщил.

Бобик посидел, подождал, а затем приветственно тявкнул двум мужчинам в опрятном камуфляже и касках с блестящими шпилями. Грудь каждого перекрещивали набитые патронташи, на бедрах висели пистолеты впечатляющих размеров. Однако кобуры были застегнуты. Я тут же успокоил себя мыслью, что Флойд — под рукой и малейшее прикосновение к кобуре будет означать для них мгновенную потерю сознания.

— А, Дредноут, — приветствовал я, — рады тебя видеть. И твоего товарища.

— Его зовут Неутомимый, он — Комендант Участка. Этот, с бородой, — Флойд, а второй — Джим.

Неутомимый воздержался от рукопожатий, зато звучно саданул себя в грудь правым кулаком. Мы поступили точно так же, ибо никогда не вредно перенимать обычаи туземцев.

— Цель вашего прибытия? — осведомился Неутомимый самым что ни на есть холодным и непререкаемым тоном.

Я позволил себе слегка обидеться.

— Скажем так: мы пришли, чтобы спасти твоего друга от неминуемой казни. И принимаем вашу благодарность.

— Если бы вы не пришли, он бы не открыл огонь и не был бы приговорен к расстрелу.

— Веский аргумент. Но, как мне помнится, он открыл огонь, исполняя волю коллектива. Вы — из этого коллектива?

Я уже заметил, что под бесцеремонностью Неутомимого скрывается изрядная тревога. Обстреливая нас глазами, он пожевал нижнюю губу. Не обошел пристальным вниманием даже псевдопса, тявкающего у наших ног. Наконец промолвил с великой неохотой:

— На это я ответить не могу. Но мне поручено доставить вас к тому, кто ответит. А теперь ваш черед отвечать. Зачем пришли?

— Не вижу смысла секретничать. Мы ищем того, кто взорвал некое здание и стащил из него — а значит, у нас — некий важный предмет.

Похоже, новость их немного успокоила. Неутомимый перестал кусать губу, а Дредноут даже слегка улыбнулся, прежде чем наклонился к товарищу и зашептал ему что-то. Затем они кивнули, вспомнили, где находятся, и к ним сразу вернулся воинственный вид.

— Вы пойдете с нами, — произнес Комендант так, что стало ясно: возражения бессмысленны.

— Возможно. — Я всегда недолюбливал приказной тон. — Но сначала вы нам скажете... это не опасно?

— В опасности мы рождаемся и живем. И покидаем ее только в момент гибели.

Это здорово смахивало на лозунг, тем более что Дредноут, внимая Коменданту, шевелил губами.

— Да, конечно, но ведь это не более чем расплывчатый философский постулат. А я имею в виду совершенно конкретную ситуацию.

— Вы будете под защитой. — Очевидно, он старался не насмехаться над нашими скудными силенками и не кичиться своим превосходством.

— О! Спасибо! — восторженно откликнулся Флойд. Для пущей достоверности он даже глаза выпучил. — Под такую гарантию мы готовы с вами хоть к черту в пекло. Верно, Джим?

— Совершенно верно. Под защитой этих бравых солдат нам ровным счетом не о чем беспокоиться.

Флойд запросто мог бы слопать за завтраком дюжину таких молокососов, но я не видел проку в хвастовстве.

Мы потянулись к рюкзакам, но Неутомимый остановил нас:

— С собой ничего не брать. Вы должны довериться нам.

Флойд равнодушно пожал плечами — он всегда ходил «при оружии».

— Хоть воды-то можно глотнуть? — Я откупорил флягу и сделал два-три глотка, а укладывая ее на место, припрятал в ладони несколько гранат. — Ну и конечно, с нами пойдет верная спутница — игрушечная собачка.

Бобик умело подыграл мне: залаял, высунул язык и часто задышал. Даже перестарался, задрав над моим рюкзаком заднюю лапу. Впрочем, эта собачья проделка еще больше убедила наших воинственных приятелей. Они кивнули.

— Придется завязать вам глаза, — сказал Дредноут, доставая два черных шарфа. — Чтобы вы не запомнили путь к Убежищу.

— Если ты имеешь в виду отодвигающийся валун под полпеттонами, то можешь не утруждаться.

— Как ты узнал?!

— Узнал, а как — не имеет значения. Так идем или нет?

Они изумленно переглянулись и отошли в сторонку пошептаться. Потом неохотно вернулись и снова насупились.

— Идите. Быстро!

Мы подбежали собачьей трусцой к валуну, затем по лестнице спустились за Дредноутом в туннель. Бобик гавкнул и спрыгнул на меня, как только я задрал голову. Я поймал его и тут же выронил. Неутомимый закрыл люк, и я мрачно уставился во мрак.

Оставалось надеяться, что мы приняли верное решение, ибо дни мои сочтены, а подземелье чересчур усердно навевало мысли о могиле.

Возможно, оно и станет моей могилой. Если не получу противоядия в срок.

Глава 24

Едва глаза привыкли к темноте, я заметил, что по стенам туннеля, на высоте плеч, тянутся горизонтальные светящиеся полоски. Пол был гладок и тверд, стены тоже — в этом я убедился, проведя пальцами по прохладному камню. Некоторое время мы шагали молча, пока у перекрестка один из провожатых не шепнул:

— Ни звука! Не шевелиться! Спиной к стене!

Мы простояли там несколько томительных минут. На стенах я разглядел мерцающие цифры и поместил в банк бесполезных данных тот факт, что мы находимся на месте пересечения туннелей Y-

82790 и NJ-28940. Прислонясь к камню, я всерьез подумывал, не вздремнуть ли, но тут из туннеля NJ-28940 донеслось чеканное буханье армейских подметок. Я проснулся и весь обратился в безмолвие и ожидание. Справа появилась колонна человек в двадцать и протопала мимо нас влево, в туннель с тем же номером. Когда шаги почти стихли, нам шепотом велели продолжать движение.

— Налево, за ними. Как можно тише.

Видимо, этим и исчерпывался риск; как только мы свернули в другой туннель, наши спутники снова зашушукались. Я вспомнил о присутствии Бобина и встревожился.

— Не лаять, — скомандовал я едва слышно. — Но если ты, лучший друг человека, все еще с нами и со сверхчувствительными ушами, можешь тихонько порычать.

Где-то неподалеку от моей лодыжки раздалось гортанное «ррр».

— Чудненько. А теперь — дважды, если ты увидел и запомнил номера туннелей.

Быстрое «грр-гррр» придало мне уверенности, ибо я уже запутался в бесчисленных поворотах. За сим диалогом последовало долгое и скучное молчание; мои силы все еще оставляли желать лучшего. Я несказанно обрадовался, увидев впереди свечение, и чуть ли не бегом приблизился к нашим новым приятелям, когда они остановились.

— Ни звука! — цыкнул Дредноут.

Мы с Флойдом затихли и прислушались. Раздавался частый топот. Кто-то бежал к нам. И вдруг остановился неподалеку.

— Шум смертельной битвы... — вымолвил вновь прибывший.

— Эхо криков умирающих, — ответил Дредноут.

Пароль и отзыв. Какая безвкусица!

— Неисправимый, это ты? — спросил Дредноут.

— Я. Послан вас предупредить. Прибыла депеша сами знаете от кого, ваш выход из туннелей и возвращение не остались незамеченными. Отправлены поисковые группы, следует их избегать.

— Каким образом? — осведомился Неутомимый. Не без истерической, надо сказать, нотки в голосе.

— Не знаю. Моя задача — предостеречь. Да пребудет с вами Бог Сражений.

После благословения топот возобновился — нарочный убегал восвояси.

— Что делать? — огорченно спросил Дредноут у своего столь же расстроенного товарища. — Я не представляю...

Готов поклясться, я слышал, как у них стучали зубы! Уж не знаю, какие они вояки, но заговорщики и конспираторы — аховые. Самое время вмешаться.

— Я вам скажу, что надо сделать, — произнес я решительным тоном бывалого конфидента.

— Что?! — воскликнули они дуэтом.

— Если туннели обыскивают, значит, из них надо убраться.

— Отлично, — пробормотал Флойд.

Идею, которая, на его взгляд, лежала на поверхности, парни восприняли как откровение самого Бога Сражений.

— Да! Уйдем, пока нас не обнаружили!

— Уйдем из туннелей!

«Вот и чудненько, — подумал я, — а дальше посмотрим». Когда пауза затянулась и я сообразил, что этим их вклад в общее дело ограничивается, я задал крайне серьезный вопрос:

— Значит, из туннелей уходим. Но куда? Опять наверх, что ли?

— Нет! Все выходы под наблюдением.

— Есть еще один путь, — слегка оживился Дредноут. — Вниз! Надо идти вниз!

— Да, в Агроутилизатор! — подхватил Неутомимый, заражаясь его энтузиазмом.

— К делу, — устало сказал я, совершенно не догадываясь, о чем идет речь. — Богу Сражений угодно, чтобы мы пошли этой дорогой.

Они припустили бегом, и мы поспешили следом. Свернули в очередной туннель, где сияющий контур на стене означал металлическую дверь. Ни один из провожатых не дотронулся до ручки; напрашивалась гипотеза, что дверь заперта. Неутомимый прошел чуть вперед и остановился перед освещенной клавиатурой, вмурованной в стену возле косяка.

— Не смотреть, — распорядился он. — Код замка совершенно секретен.

— Бобик, действуй, — шепнул я.

ИРИНа отреагировала мгновенно: друг человека выпустил острые когти, высоко подпрыгнул, вцепился в мою куртку и больно оцарапал мне ухо, карабкаясь на голову. Я подавил искушение ойкнуть и вытянулся в струнку, помогая песику считывать набираемый код.

Дверь со скрипом отворилась, искусственная зверюшка спрыгнула на землю.

Из проема дунул легкий ветерок, потянуло свежестью и летом. Здесь, в подземелье? Оступаясь, мы двигались во тьме, пока не лязгнула дверь и не зажегся свет. Мы находились в тесном зале перед винтовой лестницей. Не теряя времени, Дредноут и Неутомимый направились вниз, и мы постарались не отстать.

Когда меня замутило от бесчисленных витков, показалось дно. За отворенной дверью сияли лампы. Моргая от рези в глазах, я тащился последним. Миновал проем и оказался среди зреющей кукурузы. Испуганные нашим появлением птицы захлопали крыльями и отлетели подальше, а в гуще стеблей мелькнуло что-то маленькое и мохнатое. Я понимал, что мы никак не могли выбраться на поверхность, разве что прошли насквозь всю планету. Не иначе это гигантская пещера с мощными источниками света на потолке. Похоже, здешний народ и впрямь не зависит от обитателей поверхности — стоит ли удивляться, что Лига даже не подозревала о его существовании?

Дредноут возглавлял шествие между рядами кукурузы. Было жарко и пыльно, и усталость никуда от меня не делась, да еще вдобавок нахальная крошечная мошка так и норовила залететь в нос. Я чесал его, чихал и вдруг уткнулся в широкую спину Неутомимого.

— Слава Дому и Счастью Выживания! — провозгласил он.

— Слава, слава и добро пожаловать, отважный Защитник, — ответил голос. Тонкий и приятный. Женский. Мы снова пошли вперед, и я, чихая и почесывая нос, поравнялся с коренастой фигурой провожатого. На миг моим глазам открылась мирная буколическая картинка: женщина и трое или четверо детей мотыжат поле.

Да, всего лишь на миг. Ибо в следующую секунду женщина увидела меня и завопила:

— День Вторжения!

Дальнейшее все происходило с невероятной быстротой. Дети распластались на земле, а она ухватилась за тяжелый пистолет, висящий на шее. Вскинула и открыла огонь.

Мы попадали наземь быстрее, чем дети. Дредноут орал, пистолет трещал, пули свистели и взрывались среди кукурузы.

— Прекрати! Не надо! Это не Вторжение! Хватит! Хватит!

По-моему, женщина не слышала. Пытаясь отползти по черному пару, я видел, как она исступленно нажимает на спусковой крючок: глаза выпучены, белые зубы утоплены в нижней губе. От верной смерти нас спасала только сильная отдача пистолета: от первого выстрела мушка вскидывалась на дыбы, и почти вся очередь уходила в зенит.

Это закончилось так же внезапно, как и началось. Дети исчезли. Неутомимый, вырвав у женщины пистолет, хлопал ее по спине, чтобы унять истерические рыдания.

— Отличная выучка, — одобрил Дредноут. — Неподступная — прекрасная женщина и хорошая мать...

— И, к счастью для нас, никудышный снайпер, — добавил я. — Тебя не затруднит объяснить, что произошло?

— Тренировка. Выживание. За многие поколения это превратилось в инстинкт. Пока в Галактике — война, мы жаждем только мира. Мы выживаем. Пусть другие истребляют себя, но мы выживем во что бы то ни стало!

Тирада обещала перейти в проповедь, но я помешал этому.

— Стоп! Одну минуточку. Со времен Раскола и Галактических войн прошло несколько веков. Сейчас повсюду мир.

Он опустил кулак, стиснутый до белизны в суставах, вздохнул, снова поднял и почесал им нос.

— Я знаю. И не только я. Но большинство не хочет смотреть правде в глаза. Не может. Нас слишком долго учили выживанию — и ничему другому. Никто и никогда не готовил нас к жизни без войны. Без угрозы вторжения. Кое-кто собирается, думает... О будущем. Мы выбрали предводителя... а большего я тебе не открою. Не смею.

Он умолк. К нам бегом вернулся Неутомимый.

— Пришла депеша: пора уходить. Зона поиска расширена. Если не будем мешкать, обгоним преследователей и доберемся до явки. Поспешим!

Мы поспешили, хотя я уже еле переставлял ноги. Оказывается, подниматься по винтовой лестнице гораздо труднее, чем спускаться. От Флойда не укрылось, что я едва дышу, и если бы он не тащил меня за собой, я бы не осилил восхождение.

И снова — в темные туннели. Я весьма туманно осознавал присутствие двух заговорщиков, Флойда и семенящего Бобика. Когда мы наконец остановились, я сполз по стенке. Стоит ли ждать, когда подействует яд? Лучше умереть, не сходя с этого места.

— Вы останетесь здесь, с Дредноутом, — распорядился Неутомимый. — За вами придут.

Мы прождали несколько минут, и за это время наш часовой не ответил ни на один вопрос.

— Продолжать движение! — скомандовал кто-то из темноты.

Мы подчинились. И вошли в тускло освещенный зал, хотя поначалу свет нашим привыкшим к темноте глазам казался невыносимо ярким. В зале наличествовал стол, за ним лицом к нам восседало полдюжины молодых людей, наряженных по той же моде, что и наши проводники.

— Стойте здесь, — показал Неутомимый, затем они с Дредноутом подсели к своим.

— Как насчет стульев?

Вопрос остался без внимания. Бобик, уязвленный не меньше моего, запрыгнул на стол и гавкнул, но, чтобы не угодить под кулак, был вынужден мигом соскочить на пол.

— Заткнитесь, — предложил один из гостеприимных хозяев. — Мы ждем приказа. Альфамега, мы здесь.

Все повернули головы и уставились на стол, посреди которого лежала красная коробочка. Обыкновенная пластиковая коробочка, ничем не примечательная, кроме зарешеченного отверстия в боку.

— Двое Внешних, о которых вы докладывали, тоже здесь? — поинтересовалась коробка ровным механическим голосом, несомненно, пропущенным через искажатель речи.

— Да.

— Внешние, я обращаюсь к вам. Мне доложили, что вы прибыли, разыскивая похищенный предмет.

— Все верно, говорящая коробка.

— Каково предназначение этой вещи?

— Это ты нам скажи. Ты же его стибрила. — Меня уже подташнивало от всей этой муры с плащами и кинжалами.

— Ты ведешь себя неподобающе. Отвечай на вопрос или будешь наказан.

Я набрал полную грудь воздуха... и прикусил язык.

— А что, меня устраивает, — весело произнес Флойд, тоже сытый по горло.

Уж не знаю, к чему бы привела дискуссия, если бы в эту самую минуту не зазвучал частый топот и в зал не влетел юноша с диким ужасом в глазах.

— Тревога! Рядом патруль!

Истерическую ноту в его голосе усилило буханье множества ног. И тут же выяснилось, что заговорщики, по крайней мере, об одном позаботились — об отходе. В стене отворилась потайная дверь, и возле нее тотчас возникла давка. Вновь прибывший, должно быть, предвидел такую реакцию — он кинулся к выходу в числе первых.

У меня на пути оказался стол. Я перевалился через него, подскочил к двери, но она лязгнула перед носом. Я дал ей пинка, однако толку не добился и оглянулся на притихшую коробочку.

— Альфамега, говори! Как отсюда смыться?

Коробка затрещала и вспыхнула, растекшись пластмассовой лужицей.

— Спасибо, — сказал я.

— А что, другого выхода нет? — полюбопытствовал Флойд.

— Пока не вижу.

Топот раздавался совсем рядом. Пока я выуживал из кармана газовую гранату, в зал ворвалась лавина вооруженных людей.

Пришлось заняться ею вплотную. Флойд повалил первых трех, я сцепился с двумя следующими. Дело приняло серьезный оборот: подбегали все новые солдаты. Кое-кто носил панцирь, и все без исключения — островерхие шлемы с прозрачными забралами. Стрелять они не пытались, зато с удовольствием размахивали винтовками, точно дубинами.

Кто-то славно двинул меня по затылку, я зашатался и рухнул. Прежде чем они накинулись, я увидел Бобика — он как паук вскарабкался по стене и исчез во мраке под потолком. Тут меня еще разок треснули по черепу, и я тоже погрузился во мрак. Надо сказать, не без удовольствия.

— Джим, тебе не стало лучше? — донеслось издалека, и я ощутил на лбу что-то влажное и прохладное.

— Шбша... — выдавил я. Или что-то вроде. Пожевал пересохшими губами и открыл глаза. Перед ними раскачивалась мутная физиономия Флойда. Он снова положил мне на лоб мокрую тряпку. В жизни не испытывал ничего приятнее.

— Ты здорово схлопотал по затылку, — объяснил он. — А мне не так круто досталось.

Я хотел было спросить: «Где мы?» — но вовремя сообразил, что не стоит задавать глупые вопросы, когда и так все ясно. В данном случае хватило одного намека, чтобы понять все — решетчатой двери. Я сел. Боже, какая пытка! Флойд подал пластмассовую чашку с водой. Я, булькая, осушил ее и протянул обратно — хочу, мол, еще. Потом ощупал карманы и швы брюк. Напрасная надежда: все припрятанное оружие исчезло.

— Ты собак тут поблизости не видал?

— Не-а.

Вот, значит, как? Получил по башке. Угодил в плен. Брошен в беде лучшим другом человека. И все это — в земных недрах, где челюстефон скорее всего бесполезен. На всякий случай я стиснул зубы и воззвал о помощи, но не услышал даже треска статики.

— Ничего, могло быть и хуже, — бодро заявил Флойд, и мне захотелось его пристрелить. Но я не успел даже послать его к черту. К решетке подошел человек, и Флойд получил заслуженную отповедь:

— Будет и хуже. Вы моментально умрете, если попытаетесь дотронуться до меня или до Смертомата. Ясно?

Я оглядел его повнимательней. Седой, лицо суровое, одет по здешней моде, то есть в полевую форму; на голове островерхая каска, с той лишь разницей, что шпиль — золотой, со стилизованными крылышками. Тюремщик шагнул в сторону, чтобы продемонстрировать нечто мобильное и крайне опасное на вид, этакую коллекцию смертоноснейшего оружия. Стволы, палицы, шурикены, ножи и металлические зубы. Зубы-то зачем? Чтобы разорвать нам глотки?

Выяснять почему-то не хотелось.

— Идите за мной.

Надзиратель повернулся и отошел. Мы с Флойдом выползли из камеры и побрели за ним, строго соблюдая дистанцию. Позади лязгал, шелкал и погромыхивал Смертомат.

Коридор в гнетущих серых тонах имел, по крайней мере, одну положительную черту — хорошее освещение. На стенах висели ряды фотографий — по всей видимости, одного и того же субъекта. Или разных угрюмых вояк, отличающихся друг от друга разве что количеством шевронов и медалей.

Конвоир свернул в дверной проем между двумя шипастыми колоннами из стали. Мы последовали его примеру, ни на миг не забывая о лязгающем позади агрегате.

— Впечатляет, — сказал я, окинув взором громадный зал. Стены и пол — в черном мраморе. За широченным окном — военный лагерь, полощутся знамена, марширует пехота, рядами стоят бронемашины. Поскольку мы находились глубоко под землей, логично было предположить, что это проекция. Но она заслуживала высшей похвалы.

Та же военная тематика легко прослеживалась на внутреннем убранстве: *люстры из авиабомб, цветочные горшки из пулеметных кожухов*, гардины из ветхих флагов. Все это вмиг навеяло на меня жуткую тоску.

Конвоир, не оглядываясь, приблизился к гигантскому столу и уселся в единственное кресло с высокой спинкой. Властным жестом указал на два кресла поменьше. Смертомат за нашими спинами лязгнул, щелкнул и зашипел, выпуская пар. Мы сели.

Что-то ласково дотронулось до моей лодыжки. Я опустил голову и увидел выдвижные захваты, обитые тканью. Зажужжали моторчики. Захваты сомкнулись намертво.

Я всплеснул руками, на долю секунды опередив клешни, вынырнувшие из подлокотников. Они щелкнули вхолостую.

— Неразумно, — упрекнул седовласый. Клацая, Смертомат приблизился ко мне и упер в спину нечто твердое — автоматный ствол, что же еще?

Клешни разжались. Я вздохнул и опустил руки. Не надо было вертеть головой, чтобы убедиться: Флойд подвергся точно такой же процедуре.

— Свободен.

Механизм-убийца беспрекословно убрался из зала, и огромная дверь затворилась, отрезав нас от его дребезжания.

— Я Командир, — представился седой после того, как откинулся на спинку кресла и раскурил большую зеленую сигару.

— Это должность или имя? — спросил я.

— И то и другое. — Он пустил к потолку голубое колечко. — Я взял вас в плен, потому что не хотел подвергнуться нападению. И не хотел говорить с вами при посторонних. — Он дотронулся до кнопки на столе и взглянул на мерцающую фиолетовую лампочку. — Теперь можно не бояться подслушивания.

— Вы, наверное, собираетесь рассказать, кто вы и ваши приятели, откуда вы тут взялись, и все такое прочее?

— Безусловно. Мы — выживисты.

— Кажется, я что-то слыхал об этой компании.

— Наверняка. В годы Раскола это название присваивали себе самые разные общины, потому что оно многим нравилось. Но только мы по-настоящему заслужили его, ибо только нам удалось выжить.

— Выживисты, — раздумчиво протянул Флойд и добавил скороговоркой: — «Группы людей, считавшие войну неизбежной и не верившие в способность властей защитить их. Они покинули свои жилища и укрылись в подземных бункерах с запасами пищи, воды, амуниции — всего необходимого, чтобы переждать любую катастрофу...» Не выжил никто.

— Великолепно. Ты процитировал...

— Карманный справочник по истории психов, культов и спасителей человечества.

— Великолепно. Конечно, это не относится к названию книги и последней фразе цитаты. Мы постарались — и выжили.

— Вы даже малость перестарались. Войны Раскола давным-давно закончились, в Галактике — мир.

— Отрадно слышать. Только другим этого не говори.

— А почему? Нет, постой, дай самому догадаться. Чтобы они до скончания века оставались стрижеными болванами — ведь это полностью тебя устраивает. Пока идет война или пока сохраняется

ее угроза, власти держатся. В нашем случае власти — это ты и тебе подобные.

— Прекрасная логика, Джим. Надо сказать, не всем по вкусу такой порядок...

— Мы встречались с теми, кому он не по вкусу. Это сопливые мальчишки, ну, может, и кто-то из взрослых. Их не устраивает милитаристский статус-кво и вечная война. Вероятно, им больше по нраву мирная жизнь в окружении родных и близких. Но это — если допустить, что у вас есть семьи.

— Конечно, есть. В тишине и покое надежных жилых пещер. Мы их охраняем и защищаем...

— Но главным образом тратите время на игру в солдатики и постановку командных голосов.

— Ты слишком придирчив. Мне это начинает надоедать.

Командир с усмешкой посмотрел на сигарный пепел и стряхнул его в пепельницу, изготовленную, разумеется, из снарядной гильзы. Каким-то боковым зрением я заметил шевеление чего-то черного, но не обернулся в ту сторону. Самое время выйти на сцену Бобику.

— Зачем мы тебе понадобились? — спросил Флойд.

— Я думал, это понятно. Надо выяснить, кто вы такие и много ли знаете о нас.

Из-под стола к моим ногам метнулась тень, но Командир не мог этого видеть. Тень, должно быть, поднялась по спинке кресла — голос ИРИНы прошептал мне на ухо:

— Я проанализировала голоса участников прерванного совещания. Восстановила обертоны, снятые искажателем речи, и теперь могу сказать, кто называет себя Альфамегой...

— Я уже знаю.

— Что ты знаешь? — осведомился Командир. — С кем разговариваешь?

— Да так, мысли вслух. Мысли о том, что ты не такой хитрец, каким себя возомнил. Назвал меня по имени, а ведь мы еще не представились. Но если ты присутствовал на собрании юных диссидентов, то, конечно, должен знать, кто я такой. А я теперь знаю, кто ты. — Я улыбнулся и спросил, выдержав долгую паузу: — Командир? Или Альфамега? Какое имя тебе больше нравится? Ведешь двойную игру, не правда ли?

Глава 25

— Я могу тебя прикончить, — холодно вымолвил Командир. — Глазом моргнуть не успеешь. — С этими словами он очень даже нервно раздавил окурок в пепельнице.

— Спокойствие, спокойствие, — сказал я. — Ведь ты притащил нас сюда явно не с бухты-барахты. Почему бы не довести дело до конца и не объяснить, какая помощь от нас требуется?

Командир хмурился; он выглядел сердитым и опасным. Как говаривала моя матушка — почему я все время ее вспоминаю? — «свинобразы липнут на мед, а не на уксус». Помягче надо, помягче.

— Командир, ну что вы, право, — залебезил я. — Мы же за вас, только мы, больше вам не на кого рассчитывать. Вы отлично знаете, чего хотите, а из солдат никто не представляет себе истинной картины. Вы тут не единственный начальник, но, похоже, только вас осенила идея устроить небольшой заговор. Устроить по-своему. Вы потрудились на славу — не знаю, кому еще под силу такое. Мы готовы помочь... если, конечно, вы не против.

Хмурое выражение на лице Командира исчезло. Флойд, подражая мне, улыбнулся и кивнул, но не сказал ни слова. Зажглась вторая сигара. Вверх потянулся дымок. Курильщик благодушно кивнул.

— Конечно, Джим, ты прав. Невероятная ответственность, постоянная нагрузка на психику... А кругом — одни болваны! Stulteguloj! Kretenoj! Вековое кровосмешение и прозябание в норах не слишком хорошо отражаются на умственных способностях. Поражаюсь, как мне самому хватило рассудка, чтобы это заметить. Я так не похож на них, будто родился на другой планете — этакое дитя гомо сапиенс в пещере неандертальцев.

Мне это показалось знакомым. Не родился еще «сильная рука», диктатор, военачальник, который не считал бы себя венцом творения.

— Да, сэр, вы не такой, как все, — подхватил Флойд чуть ли не застенчиво. — Я это понял, едва вы заговорили.

Похоже, мы с Флойдом учились в одной школе. Правда, раньше мне казалось, он лишь скользит по верхам. Выходит, ошибочка.

— Так вы заметили? Впрочем, для Внешних разница, надо думать, очевидна. Поверьте, мне было нелегко. Я даже к начальству обращался, выявлял некоторые проблемы, предлагал решения... Как об стенку горох, честное слово. И ведь молодежь не лучше. Хотя надо ей отдать должное — она волнуется. Особенно когда до нее доходит, как мало радости в простом выживании. Поначалу это, конечно, занятно — вызов обществу и все такое. Но через век-другой удовольствие сходит на нет.

— Уж не беспокойство ли молодых навело вас на мысль о необходимости вождя? — спросил я.

— Не сразу. Но я все чаще замечал, как младшие теряют уважение к старшим. Только к ученым они пока относятся благосклонно. С их точки зрения, одни лишь ученые делают что-то новое и нужное. Потому-то я и стал Альфамегой. Меня считают молодым ученым. Мятежником, не способным идти в одиночку наперекор ветхим идеям, наперекор устоям, а посему вынужденным искать сочувствия среди людей его возраста и склада ума.

— У меня руки затекли, — улыбнулся Флойд. — Нельзя ли ненадолго снять железки?

— Нельзя. Вы нужны мне там, где находитесь.

А ты переменчив, дружище. Куда девалась твоя теплота и почему ты вдруг затянулся с такой силой, что сигара затрещала и заискрилась?

— Мы, выживисты, очень внимательно следим за событиями. На всей этой планете. Создали наблюдательную сеть еще до того, как здесь опустился первый ваш корабль. С тех пор мы ее расширяем и совершенствуем. Ни одна птичья свара, ни одно падение полпеттона не ускользает от наших глаз. От моих глаз! Потому что я наблюдаю за наблюдателями. Я наблюдал и заметил, что на поиски археологической находки тратится уйма ресурсов и сил. За этим скрывается что-то важное, и мне захотелось узнать, что именно. Я послал отряд похитить ее и взорвать здание, чтобы замести следы. Мои люди справились великолепно, преследования не должно было быть. И все-таки вы здесь. Меня интересует и то, как вам это удалось. Поэтому рассказывайте, и побыстрей.

— С удовольствием, — откликнулся я. — Мой друг Флойд и слыхом не слыхивал ни о какой находке. Зато мне известно все. Ведь это я нашел ее первым, а затем проник сюда по ее следу. Только я могу открыть принцип ее действия, показать, какие удивительные чудеса она способна вытворять. Если отведете меня туда, где она лежит, я с удовольствием продемонстрирую ее в работе.

— Почему бы и нет? Пойдешь со мной. Друг останется здесь в качестве гарантии. Ты не против?

Он встал и положил ладонь на рукоять грозного оружия, висевшего у него на боку.

— Ну, конечно. Флойд, ты уж извини. — Я повернул голову к коллеге, подмигнул левым — не видимым Командиру — глазом. — Я знаю, ты бы охотно пошел со мной и подсобил, но — увы! Так что жди здесь и ничего не бойся. Никто тебя не тронет, можешь положиться на слово Джеймса Бобика диГриза.

— Все будет в норме, Джим. Позаботься лучше о себе.

Оставалось лишь мысленно скрестить пальцы и надеяться, что из смеси туманных и прозрачных намеков Флойд сумеет вычленить суть. Отворилась дверь, за моей спиной зашипело, залязгало, заклацало. Кресло разомкнуло оковы. Я помассировал затекшие руки и медленно, осторожно поднялся. Смертомат, злобно полыхая оранжевыми глазками, махнул в сторону двери закопченным раструбом огнемета.

Я вышел из зала за Командиром Альфамегой, оставив Флойда в плену у кресла. Уповая, что ненадолго. Все будет зависеть от того, правильно ли Бобик-ИРИНа расшифрует мою прощальную речь.

Мы с Командиром прошли по широкому коридору, украшенному портретами героев. Дружелюбно улыбаясь, спутник приподнял над кобурой пистолет, а затем позволил ему скользнуть обратно.

— Если хоть словом обмолвишься о нашем разговоре, от тебя останется мокрое место. Уяснил?

— Вполне, спасибо. Не произнесу ни звука, сэр, можете на меня положиться. Только взгляну на находку и объясню принцип действия. И все.

Может, я и улыбался, но в душе был мрачнее тучи. Джим, сказал я себе, ты увяз, что твой свинобраз в яме с кагалом. Прискорбно, однако выбирать не из чего.

Идти пришлось долго; я снова притомился. И клятвенно пообещал себе уйти в длительный отпуск, как только все закончится. Если закончится.

Отворилась последняя дверь, и мы вошли в лабораторию — из тех, которые ни с чем не спутаешь. Кругом пульты, провода, скворчащие реторты и престарелые ученые мужи в белых халатах. При виде начальства они верноподданно лупили себя в грудь — это напоминало барабанную дробь — и почтительно расступались, пропуская нас к лабораторному столу. На нем, все в проводах и «крокодилах» тестеров, возлежало творение иной расы. Я хлопнул себя по лбу и пошатнулся.

— Кретины! Что вы сделали с кагалятором?! Если включили — нам всем крышка!

— Нет! Не включали! — пискнул дряхлый ученый и в страхе посмотрел на Командира. Тот презрительно усмехнулся.

— Болваны! Все как один! А ну, отвечайте этому Внешнему, чем вы тут занимались? Только он знает, на что годится устройство.

— Спасибо! Спасибо! Конечно, конечно, как прикажете. — Старый пень повернулся ко мне и показал дрожащим пальцем. — Мы всего лишь просветили его рентгеновскими лучами и начертили схему. Она очень сложная, да вы и сами знаете. Однако... — Он вспотел и смущенно огляделся по сторонам. — Когда мы пытались проверить цепь, что-то сработало...

— Сработало?! Если вы его включили, этой планете каюк! А ну, показывайте!

— Нет, что вы, ничего страшного не случилось. Просто объект поглотил электрический ток из нашего тестера. Мы даже не сразу заметили, а как только спохватились, прекратили...

— Так что же вы заметили? — Голос Командира напоминал скрежет напильника по стальной заготовке.

— Сейчас, сэр, сейчас расскажу. Отвалилась панель и открыла вот этот тайник. А в нем — лампочки. Вот и все. Только лампочки...

Охваченные любопытством, мы все подались вперед. Да, тайничок имел место. И внутри его — четыре светящиеся выпуклости. Зеленая, красная, оранжевая и белая.

— Что это значит? — Пальцы моего инквизитора крепче сжали рукоять пистолета.

— Ничего особенного. — Я даже зевнул, подчеркивая, что не стоит волноваться из-за таких пустяков. — Просто этот тестер протестировал ваш.

Я беспечно ткнул пальцем в сторону сияющих лампочек и ощутил, как в бок уперся ствол пистолета.

— А по-моему, ты несешь околесицу. А ну, говори правду, или ты — труп!

Бывают в жизни секунды, которые легко перепутать со столетием. Вот он, именно такой случай. Командир злобно таращился на меня. Я прикидывался невинной овечкой. Ученые, разинув рты, пялились на начальство. Смертомат ждал в дверном проеме, лязгая и шипя о чем-то своем. Возможно, ему просто хотелось кого-нибудь прикончить. Время остановилось, надо мной нависла вечность.

Чтобы пересчитать возможные пути к спасению, мне хватило пальцев одной руки. Еще и лишние остались. Штук пять.

— Правду? — переспросил я. — Да ради бога... — И умолк. А что тут скажешь, как успокоить маньяка? Сейчас как бабахнет...

Бабахнуло. По лаборатории с лязганьем и клацаньем разлетелись обломки Смертомата.

Как вы догадываетесь, это привлекло всеобщее внимание. А через мгновение раздался возглас:

— Джим! Ложись!

В дверях возник Флойд с неописуемым, но грозным на вид оружием наперевес. Бобик сделал свое дело — освободил его. А Флойд позаботился о Смертомате.

Командир молниеносно развернулся, вскинул пистолет...

А я не упал, как советовал опытный в таких делах товарищ. Не упал, ибо подвергся приступу безумия. Слишком уж часто последнее время меня бросало из огня да в полымя. Вертело, крутило, сбивало с толку, а теперь еще пинком под зад толкнуло к...

К чему?

Лампочки археологической находки манили таинственным мерцанием, и мой палец потянулся к ним. Будто по своей воле.

Зачем?

Чтобы коснуться одного из разноцветных огоньков. А то зачем же?

Которого?

Что означали эти цвета для древних нелюдей — создателей загадочной штуковины?

У меня не было ни малейшего представления.

Но зеленый свет всегда говорил мне: «Иди».

Истерически хихикая, я ткнул пальцем в зеленую лампочку...

Глава 26

Вроде бы ничего не произошло. Я отдернул палец и посмотрел на огоньки. Потом на Командира с обнаженным пистолетом. И удивился. Почему это чудо допотопной техники еще не выстрелило?

Затем взглянул на вояку повнимательней. И обнаружил, что он не шевелится. Его будто паралич хватил. Стоит каменным истуканом, глаза стеклянные, на физиономии застыла злобная гримаса.

Подобным же образом вели себя и остальные. Флойд замер в дверном проеме с пистолетом на изготовку и ртом, разинутым в крике. У его ног я только сейчас обнаружил Бобика. Меня окружали ученые в самых немыслимых позах. Простертые руки, поднятые ноги, открытые рты. И — ни звука! Живы или мертвы? Мир превратился в стоп-кадр, и только я не попал к нему в плен.

Я двинулся к Командиру — избавить от пистолета — и увидел, что он с силой давит на спуск. С каждым шагом я все отчетливей ощущал, как воздух противится моим движениям, густеет, твердеет — и вот я словно тщусь пройти сквозь стену. Я не мог даже дышать — воздух превратился в кисель и не желал затекать в легкие.

На меня налетел страх — и отпрянул, едва я шагнул назад. Снова все нормально. Воздух как воздух. Я с удовольствием наполнил им грудь.

«Эй, Джим, а ну-ка осади крышу! — велел я себе, и этот приказ оглушительным воплем разлетелся по безмолвному залу. — Что-то происходит. Что? Началось оно, когда ты дотронулся до зеленой лампочки. Это связано с находкой!»

Я воззрился на нее. Постучал по ней кулаком. Науськал мозги на гениальное прозрение. Поймал!

«Тахионы! Их излучает эта штуковина... Мы об этом знаем — по ним ее выследила ИРИНа. Тахионы — частицы времени...»

Агрегат действует — я его включил, нажав на лампочку. Зеленый — значит, путь открыт. Куда?

Стазис или скорость. Либо я ускорился, либо мир замедлился. А как определить разницу?

С моей точки зрения, все вроде бы притормозило, даже остановилось. Находка что-то такое делает, излучает хронополе или прекращает движение молекул. Короче говоря, в один миг замораживает все кругом. Куда ни глянь, везде остановилось время, и только в непосредственной близости от устройства этого не случилось. Я подступил еще ближе, погладил его.

— Ах ты, миленькая машинка времени. Хронозамедлялка-тормозилка-прекращалка и что там еще? Фокусница ты моя! Как же мне теперь быть, а?

Она не соизволила ответить. Да я и не рассчитывал. Моя проблема, мне и решать. Придется потратить немного времени на раздумья. Невелика беда: у меня теперь — все время мира. Но рано или поздно придется что-то сделать. Скорее всего нажать на кнопочку другого цвета. Или же так и стоять, тупо глазея на машинку и ожидая смерти от жажды, голода или чего-то подобного. Ну, Джим, какая лампочка нам больше нравится?

С зеленой все ясно — в ретроспективе, разумеется. Я ее выбрал, когда ребром стоял вопрос: быть или не быть? Сейчас я вовсе не уверен, что поступил правильно. Я поднял руку... и опустил. Пол-

ным-полно времени, чтобы решать, я же — сама нерешительность. Зеленая означает: иди, трогай, стартуй. Может быть, красная — это «стоп»? Может быть. А как насчет белой и оранжевой?

«Что, Джимми, не по зубам орешек?» — Хотелось произнести это весело, но получилось — обреченно и плаксиво. Я хрустел пальцами; я не знал, как быть. Потом замер и взглянул на пальцы так, будто ответ был напечатан на них. Но увидел только грязь под ногтями.

«Рано или поздно ты выберешь, Джим. Уж лучше рано, пока нервы целы». Я поднял руку... и отдернул. Кажется, я опоздал — нервы уже ни к черту.

«Джим, не раскисай!» Я схватил себя за шиворот и со злостью встряхнул что было сил.

Не помогло. Ни капельки. Ну что ж, тогда русская рулетка? Почему бы и нет? Не гадать же целый век на кофейной гуще? Я снова выпрямил палец и дал себе слово дотронуться до той лампочки, на которую придется конец считалки.

«Эне, бене, раба, квинтер, финтер...»

Я так и не выбрал лампочку, ибо в самый ответственный момент из коридора донеслось шарканье.

Движение?!

В мире, где застыло все и вся?

Я развернулся в прыжке, вскинул руки, принимая защитную стойку. Затем опустил их, внимая шагам, звучавшим все громче. Они приближались к дверному проему...

Они прогремели рядом с окаменевшим Флойдом...

— Чудовища! — завопил я, шарахаясь назад. — Нелюди!

Будь моя воля, я бы умчался сломя голову.

Две жуткие металлические твари. Раздвоенные конечности, многогранные черепа, пылающие глаза, когтистые пальцы. И все это приближалось ко мне. Остановилось. Протянуло руки к головам...

Нет! Не к моей. К своим. И принялось их отвинчивать. Я расслышал булькающий вопль и не сразу сообразил, что он вырвался из моего горла.

Отвинтило, отделило, подняло...

Съемные шлемы. На двух совершенно человеческих физиономиях читался неподдельный интерес. Я уставился на них с таким же точно выражением. И, несмотря на коротко подстриженные волосы, признал в одной из них женщину. Она улыбнулась и сказала:

— Wes hal, eltheodige, ac hva bith thes thin freond?

Я лишь беспомощно заморгал, не поняв ни слова. Пожал плечами и улыбнулся — надеюсь, беспечно. Второй гость покачал головой.

— Unrihte tide, unrihte edge, to earlich eart thu icome?

Хватит с меня этой тарабаршины!

— Слушайте, а как насчет эсперанто? Я имею в виду старый, добрый и простой язык. Второй язык Галактики, между прочим.

— О чем разговор. — Девушка улыбнулась беспечно и белозубо. — Я — Веста Хронотиктак, мой спутник — Отред Хронотиктак.

— Супруги? — осведомился я, понятно, по каким соображениям.

— Нет. Сводные брат и сестра. А ты? У тебя есть какое-нибудь имя?

— Да, естественно. Джеймс ди Гриз. Но все зовут меня Джим.

— Рада познакомиться, Джим. Спасибо, что нашел и включил хронобур. Мы его сейчас заберем.

Она двинулась к изделию иной расы. Теперь я знал, что оно называется хронобуром. Знал и еще кое-что. Я заступил ей дорогу и сказал:

— Нет.

— Нет? — Ее прелестный лобик пошел складками, а Отред вмиг насупился. Я чуть развернулся, чтобы держать его в поле зрения.

— Если «нет» звучит для вас слишком категорично, могу выразиться помягче: будьте любезны, погодите минутку. Разве не вы только что поблагодарили меня за обнаружение этой вещи?

— Я.

— Стало быть, кто-то ее потерял, а теперь она найдена благодаря мне. Разве я не достоин пустяковой ответной услуги? Я имею в виду объяснение.

— Джим, нам ужасно жаль, но информировать темпоральных аборигенов строго-настрого запрещено.

Не очень-то деликатно, подумал я. Какое счастье, что я такой толстокожий!

— Послушайте, — начал я проникновенно, — перед вами абориген, который уже знает довольно много. В моем распоряжении — хронобур, устройство для бурения времени. Похоже, вы с братцем не совладали с управлением и даже потеряли инструмент во времени и пространстве. Это весьма неприятно, поскольку вы забыли предупредить о своей деятельности аборигенов того отрезка времени, который изучаете.

— Как ты... с чего ты взял? — спросила Веста.

«Молодчина, Джим. Может, по части лингвистики они здорово продвинулись, но уж по части воображения и дедукции где им с тобой тягаться? Продолжай в том же духе».

— Когда мы, аборигены, обнаружили хронобур, то приняли его за изделие давным-давно, тысячелетия назад, исчезнувших нелюдей. Правда, как это нередко случается, оказалась гораздо проще. Хронобур попал к нам из прошлого, выйдя по какой-то причине из-под вашего контроля.

Я стрелял наугад, однако, судя по их ошарашенным физиономиям, попадал в точку.

— Итак, не подчиняясь управлению, он все глубже уходил в прошлое. Пока не сел источник энергии. А без излучения засечь его невозможно. Вы решили, что я погиб. Вот почему все так всполошились, когда штуковина напомнила о своем существовании. И вас послали на поиски.

— Ты... ты читаешь мысли? — придушенно выговорила Веста.

Я решительно кивнул.

— В моей эпохе сильно развито искусство психической телепатии. Хотя очевидно, что все сведения об этом изъяты из ваших банков информации. Сейчас я перестану читать в умах, потому что понимаю, как неприятно, когда к тебе в мозги забирается посторонний. — Я отвернулся, ущипнул себя за лоб и снова повернулся к ним. — Все, кончено. С этой минуты — общение посредством речи.

Ошеломленные гости из будущего переглянулись.

— Пожалуйста, говорите, теперь я не знаю, о чем вы думаете. Чтобы понимать друг друга, нам придется облекать мысли в словесную форму.

— Знать о путешествиях во времени запрещено, — сказал Отред.

— Не моя печаль. Это вы потеряли хронобур, а не я. Вам следует уяснить: я знаю почти все. И не только я, но и все мои собратья по телепатии, которые сейчас слушают мои мысли. Но мы клянемся молчать. Если необходимо, чтобы ваша тайна осталась тайной, так и будет. Но для этого потребуется ваша помощь. Посмотрите вокруг. Видите этого мерзкого типа в рогатом шлеме? Он вознамерился убить меня. Входя в это помещение, вы, наверное, переступили через обломки вооруженной до зубов и очень смертоносной машины. Переступили? Если да, кивните. Хорошо. Эта чертовка хотела прикончить меня и моего друга, но он разделался с ней раньше. Так что выключить хронобур и улизнуть вместе с ним — это не выход. Вы оставите за собой опасную, я бы даже сказал, чреватую гибелью ситуацию.

— Что же делать? — спросила Веста, положив ладонь мне на руку.

— Во-первых, помогите нам с другом бежать отсюда, пока не закончился временной стазис.

— Это в пределах возможного. — Отред кивнул.

— Значит, договорились. Во-вторых, мне понадобится другой хронобур, чтобы вернуться с ним...

— Исключено! Запрещено!

— Сделай милость, дослушай до конца. Вернуться с *недействующим* хронобуром. С хорошей подделкой, которая всех убедит, что вы тут ни при чем. Уловил?

— Нет.

Похоже, нашим потомкам удалось вывести породу тупиц. Или людей-роботов, лишенных воображения и тому подобного. Я сделал глубокий вдох.

— Послушайте! Я хочу, чтобы вы поняли: здесь, в моем времени, на слуху у всех ученых появление некоего загадочного предмета, похожего на ваш хронобур. Только они считают его изделием нечеловеческой расы из далекого прошлого. Зачем же их разубеждать, а? Никто и не заподозрит, что вы потеряли в прошлом свой прибор. Попросите техников вырезать имитацию из камня возрастом не меньше миллиона лет. Мы выдадим ее за оригинал, тайна будет сохранена, честь — спасена, все хорошо, что хорошо кончается.

— Прекрасная идея. — Откуда-то из недр бронекостюма Веста извлекла микрофон. — Сейчас же и закажу. Через секунду-другую копия будет...

— Погоди. Я хочу попросить еще об одном пустячке. Чтобы ученые не заподозрили подделки, дубликат должен кое-что делать. Вмонтируйте в него простенькое устройство, которое самоуничтожится после одной-единственной операции. Уверен, с этим у ваших технарей проблем не возникнет.

Я потратил еще немного времени, убеждая тугодумов из грядущего. В конце концов они скрепя сердце уступили. Копия внешне ничем не отличалась от оригинала. Мерцая, она овеществилась перед нами и повисла в воздухе. Отред с негромким хлопком вырвал ее из пустоты и вручил мне.

— Чудненько. — Я зажал штуковину под мышкой. — Ну что, можно идти?

Они кивнули и надели шлемы.

Первым делом я велел своим темпоральным друзьям снять стазисное поле с руки Флойда. Надо было его разоружить — подобно Командиру, он жал на спуск. Господи, в каком жестоком мире мы живем! Я сунул пистолет за пояс и кивнул темпотехам.

Надо отдать должное рефлексам Флойда — он мигом сориентировался, развернулся и саданул по Отредовой шее ребром ладони. Но замер, едва я крикнул: «Стой!»

— Успокойся, Флойд, это друзья. Ужасные с виду, но добрые внутри. Они помогут нам отсюда выбраться. Обернись, и ты увидишь, что все наши недруги замерли в нерешительности. Так они и простоят, пока мы не окажемся в безопасности. Весточка, будь лапушкой, дотронься волшебной палочкой вон до того комка меха. Он нам еще пригодится.

— А в чем дело-то? — спросил, озадаченно моргая, Флойд. — Что тут творится, черт возьми?

— По-моему, небольшое объяснение не повредит, — заметила ИРИНа, а Бобик сердито залаял.

— Для начала, — уточнил Флойд.

— Непременно. Как только выберемся. Пожалуйста, идите первыми.

Я обернулся, чтобы поблагодарить темпоральных спасителей, но они уже исчезли. Какое там воображение — хорошими манерами и то обделены, бедолаги. Похоже, исчезая, они прихватили с собой стазисное поле — я вдруг услыхал наши шаги. Охваченный

страхом, я оглянулся... Нет, все в порядке, поле действует, среди безмолвных силуэтов угадывается Командир со злобным оскалом на лице и пистолетом в руке.

— Пора смываться, — сказал я, — поскольку неизвестно, как долго эти негодники простоят столбом. Вперед!

— Объясни! — воскликнул Флойд, пребывая, надо сказать, не в лучшем расположении духа.

— Одну секундочку, — решил поволынить я. И обмер. Так как на ум пришла ужасная мысль. Пока мы тут развлекались со временем, возможно, и оно развлекалось с нами? В частности, со мной? Как насчет скорой кончины от ядовитого зелья? Рука дернулась к черепу-компьютеру, но он, разумеется, исчез вместе со всем снаряжением. Сколько дней я потерял? Что, если отрава уже взялась за дело? Вдруг я умираю?..

Дрожа и потея, я выронил псевдохронобур и сгреб в охапку синтетического пуделя.

— ИРИНа! Бобик работает на передачу?

— Конечно.

— Сколько времени... то есть который сейчас день? Нет! Отставить. Свяжись с адмиралом. Спроси, сколько мне осталось? Когда конец? Пожалуйста, побыстрее! Не надо вопросов. Он все поймет. Действуй! И поживей!

Время, скажу я вам, едва переставляло ноги. Флойд помалкивал — должно быть, уловил в моем голосе отчаяние. Проползла секунда, минута, столетие... Наконец-то! ИРИНа справилась — добилась чистой слышимости. Бобик вдруг заговорил голосом адмирала Стинго:

— Джим, старина, как я рад тебя...

— Не надо слов. Слушай. Я не знаю, который нынче день. Сколько еще у меня времени?

— Понимаю, Джим, я бы тоже волновался на твоем...

— Ты не на моем месте, я и впрямь волнуюсь, отвечай, или при первой же возможности я тебя медленно прикончу. Хочешь знать как?

Я вдруг обнаружил, что не могу продолжать — задыхаюсь.

— Извини, я хотел сказать: не беспокойся. Яд — не проблема.

— Ты добыл противоядие?

— Нет, но тридцатый день уже миновал. Два дня назад.

— Два дня назад?! Значит, я уже труп? Нет!

Мозги сорвались с цепи, побесились на воле и вернулись в конуру. Тридцать дней позади. Противоядия нет. Я жив.

— Значит, яд с месячной отсрочкой... — Я слышал, как скрежещут мои зубы. — Лажа, да? Значит, с самого начала вы ломали комедию?

— Боюсь, это так, Джим. Прошу прощения. Но ты должен поверить: я до последнего дня абсолютно ни о чем не подозревал. Всей информацией располагал только один человек. Который задумал операцию.

— Адмирал Бенбоу!

— Боюсь, я не вправе разглашать эти сведения.

— Незачем. Шила в мешке не утаишь. Адвокат, угостивший меня ядом, поступил, как ему было приказано. За деньги адвокаты что хочешь сделают. Бенбоу — главный, стало быть, он и придумал фокус с отравой, чтобы держать меня на коротком поводке.

— Возможно, Джим. Возможно. — Даже посредничество псевдопса не сглаживало неискренности, уклончивости в адмиральском тоне. — Но тут уже ничего не поделаешь. Все в прошлом. Лучше забыть. Согласен?

Я кивнул, подумал и улыбнулся.

— Согласен, адмирал. Почему бы и впрямь не забыть? Все хорошо, что хорошо кончается, кто старое помянет, тому глаз вон. Забудем.

«До поры», — но вслух эту существенную поправочку я не высказал.

— Джим, я рад, что ты все понимаешь. Значит, без обид?

Я выронил пса, повернулся и радостно хлопнул Флойда по плечу. Затем нагнулся и поднял псевдоархеологическую квазинаходку.

— Мы победили, Флойд! Мы справились. По пути я тебе все расскажу. Со всеми подробностями. А пока обрати внимание на главное: мы живы, и находка у нас. Задание выполнено. Ну, а теперь веди нас, верный Бобик, ты же запомнил дорогу. Но не торопись, ибо такие денечки, как нынешний, выдаются нечасто.

Я зверски проголодался и хотел пить. Однако сильнее всего меня изводила иная жажда... Мести? Нет, мщение — не выход. Но если не месть, то что?

Настало время для небольшого сведения счетов, для маленькой внеплановой разборки.

Меня нисколько не позабавил розыгрыш с ядом. И перед тем как над последней «i» будет поставлена точка, перед тем как археологическая находка скажет нам последнее «прости», я позабочусь о том, чтобы свершилось правосудие. По моим законам.

Глава 27

— А теперь, Флойд, неси его ты, ладно? — попросил я напарника, вручая ему хронобур. Мы оставили позади последний освещенный туннель и теперь целиком зависели от памятливости ИРИНы. — Я маленько притомился.

— Не удивляюсь. Но и ты пойми: у меня нервы на пределе. Так выкладываться, а потом не найти еще чуть-чуть силенок, чтобы объяснить, в чем дело — да что ты, ей-богу?! Я же ни черта не соображаю! Помню, как долбанул Смертомат вот из той пушки, что у тебя за поясом — мне ее Бобик приволок. Потом кидаюсь в дверь,

кричу тебе «ложись», собираюсь вырубить Командира и вообще любого, кому захочется неприятностей...

— Я помню то же самое.

Бобик тявкнул и свернул из мглистого туннеля в другой, еще более мглистый. Флойд знай себе брюзжал:

— Потом жму на спуск, и вдруг пистолет оказывается у тебя, а рядом стоят какие-то чудища — не то люди, не то роботы, поди разбери... Таращусь на лабораторию, а там все будто окаменели! Хоть бы шевельнулся кто! Оглядываюсь — а металлических тварей уж и след простыл. Зато возникло чувство, будто я маленько того... Вот я и прошу: если ты мне друг, расскажи-ка, что произошло. И поскорее.

— Если б я знал! Я видел то же, что и ты. Ума не приложу, как все это...

— Ты должен знать! Ты ведь с ними разговаривал.

— Да ну? Не помню. В башке туман какой-то...

— Джим, со мной этот номер не пройдет. Вспоминай. А почему ты на адмирала орал, а? Насчет яда и другого адмирала?

— Ну, тут как раз все просто. Некие злодеи шантажом заставили меня участвовать в этой операции. Сказали, что я отравлен и через тридцать суток отброшу копыта, если не получу противоядия. И весь этот месяц, пока мы гонялись за находкой, я поминал про яд и считал оставшиеся денечки.

Он несколько секунд помолчал.

— Ну и скотство! А ты уверен?

— Еще бы! Знаешь, я все-таки здорово вымотался, давай-ка отложим ненадолго этот разговор и сосредоточимся на переставлении ног.

Понравилось это Флойду или нет, но он оставил меня в покое. Мне надо было хорошенько пораскинуть мозгами, сочинить убедительную историю — не только для него, но и для военных. Я спотыкался от изнеможения и радовался, что никто нам не мешает. Хотя как раз на такой случай я держал под рукой пистолет.

Когда Бобик включил запорный механизм люка и в проеме показалось голубое небо, я вздохнул с облегчением, возвратил оружие Флойду, а оставшиеся силы употребил на подъем по лестнице. После чего рухнул со стоном на землю и привалился спиной к стволу полпеттона.

— Флойд, пистолет теперь у тебя, — сказал я, — так что можешь отдать находку. ИРИНа, как насчет средств передвижения?

— Будет. Как только вы поднялись на поверхность, я сообщила координаты и теперь даю пеленг. Помощь идет.

Она не выдавала желаемое за действительное — в небе появилась черная точка и быстро превратилась в катер со старины «Беспощадного». Он сел с характерным грохотом, заставив землю содрогнуться, и я не удивился, когда из кабины выбрался капитан Тремэрн.

— Поздравляю, Джим. — Он протянул руку. — Ты отлично справился.

— Спасибо. — Я поморщился, растирая кисть, побывавшую у опытного костолома. — Но не думайте, что это было просто.

— Бог с тобой! Мы же вместе работали, неужели забыл? Ну что, избавить тебя от этой штуковины?

— Нет! — воскликнул я и перепугался, услышав в своем голосе истерический надрыв начинающего психа. А почему нет? — Она побудет у меня... до подробного объяснения принципа действия. До собрания.

— До чего?

— До собрания, которое вы устроите в Пентагоне. Я хочу, чтобы на нем присутствовали все Стальные Крысы. Так сказать, последняя встреча. Мадонетта еще не вернулась в свой тюремный офис?

— Собирается. Но не улетит до твоего возвращения.

— Верная боевая подруга! Еще я хочу, чтобы, кроме нас, присутствовали и новые друзья.

— Друзья? — недоуменно переспросил Тремэрн. — Что еще за друзья?

— Во-первых, жирный головорез Свиньяр, король жлобистов. Во-вторых, пригласите Железного Джона и его противоположность — Мату. Можете и сами прийти. Скучно не будет, обещаю.

— Еще бы! Но, увы, невозможно. Ссыльнопоселенцы на территорию Пентагона не допускаются.

— В самом деле? А я-то думал, что вижу перед собой человека, который собирается хорошенько почистить Лайокукаю.

— Да, но...

— Сейчас, капитан, самое подходящее время. На собрании я не только отдам изделие иной расы и открою его тайну, но и расскажу всем, почему на этой планете скоро все будет по-другому.

— И почему же?

— Приглашаю на собрание. Там и узнаете.

— Нелегко будет его устроить, ох, нелегко...

— Ничего, справитесь. — Я показал на Флойда. — Поинтересуйтесь у него, что произошло у выживистов. Пускай адмирал Стинго изучит его рапорт. Вы даже не представляете себе, сколько грязи на этой планете. Подготовьте аргументацию, проконсультируйтесь с начальством, присмотрите за ним. — Я отдал поддельный хронобур. — И не будите меня, пока все не организуете.

Кое-как я забрался на катер. Опустил подлокотники на заднем ряду кресел. Улегся и мгновенно погрузился в сон.

И вдруг обнаружил, что Флойд осторожно трясет мою руку.

— Мы уже в Пентагоне. Будет встреча, как ты велел. Я заказал для тебя завтрак и чистую одежду. Как управишься, приходи — все уже в сборе.

Пожалуй, я слишком задержался в парилке и под горячим душем. Но в результате не только настроение, но и больные мышцы претерпели чудесную трансформацию.

Я не спешил. Собрание все равно состоится, ведь у них нет выбора, иначе отказали бы под каким-нибудь предлогом. Чего проще? Лабораторные умники как пить дать уже обломали зубы о находку. Флойд, наверное, изложил сумбурную историю насчет прыжка с пистолетом и металлических незнакомцев. И в конце концов заинтересованные лица неохотно пришли к заключению, что происшествие в подземной лаборатории так и останется для них загадкой. Если, конечно, они не обратятся ко мне за разъяснением. А получив его, скорее всего решат, что могут поступить со мной, как им вздумается. В этом я нисколько не сомневался, ибо знал цену их обещаниям.

— Ладно, Джим, — обратился я к мокрому отражению в зеркале, улыбаясь и тщательно расчесывая волосы. — Они получат что хотят.

Роль поводыря досталась Флойду. Мы нога в ногу прошли по коридорам в конференц-зал.

— Привет, ребята! — весело поздоровался я с недружелюбной, мягко говоря, аудиторией.

Только Мадонетта улыбнулась в ответ и помахала нежной рукой. Адмирал Стинго был суров, капитан Тремэрн — необщителен. Мата — чересчур серьезна. Флойд дулся, однако подмигнул, когда я глянул на него. Железный Джон и Свиньяр рванулись вперед, злобно выпучив глаза и ощерясь — не будь эта парочка прикована к креслам, она бы растерзала меня в клочья. Я даже слегка развеселился при виде нашего волосатого приятеля с забинтованной башкой и лапой на перевязи. Перед ними на столе возлежала пресловутая археологическая находка. Я подошел и уселся рядом с ней.

— Расскажи нам про это устройство, — взял быка за рога Стинго.

— Не спешите, адмирал. Как я полагаю, ваши специалисты не добились толку?

— Сказали, что ему больше миллиона лет. И все.

— Что ж, мне есть о чем рассказать. Но сначала хочу вам кое-кого представить. Вот этот побитый парень с рыжей шерстью — Железный Джон. Живой символ культа, с которым вы собираетесь покончить. Джон — маньяк-убийца, по нему давно плачет «психушка». И по его раскормленному соседу тоже. Мне они нужны лишь для того, чтобы вы увидели, какие уроды правят бал в мире, превращенном во вселенскую помойку.

Улыбаясь, я подождал, пока стихнут ругань и фырканье, затем благодушным кивком указал на пару нечистых.

— Кто из присутствующих удовлетворен состоянием дел? Необходимо срочно создать комиссию для защиты женщин и детей от произвола этих упырей. И здесь вам очень пригодятся советы Маты. Мне кажется, с мужчинами на этой планете надо разбираться отдельно. Уверен, многих из них вполне все устраивает. И поделом. Но другие не заслуживают такой участи. Однако все это — дело будущего. А мы заглянем в прошлое, идет? Я знаю, вся моя команда скорбит об уходе «Стальных Крыс» с эстрады. Мы дали последний концерт, спели последнюю песню. Для банды дилетантов сработано неплохо. Посмотрите на нас хорошенько: молодой уголовник, адмирал, специалист по рукопашному бою, а еще... Мадонетта, кто ты на самом деле? Только не заливай про несуществующий офис — это не твой стиль. Все уже раскрыли карты, а как насчет тебя?

Она встала, хмуро глянула на меня... и улыбнулась.

— Джим, ты заслуживаешь правды. Я действительно работаю в учреждении. Оно называется Галаксиа Университато, я — преподаватель на кафедре археологии. Университет вложил в экспедицию кучу денег и, конечно, настоял на участии своего представителя.

— Профессор, я счастлив, что выбор пал на вас. Работать с вами было одно удовольствие.

Я послал Мадонетте воздушный поцелуй, она поймала его на лету и вернула обратно.

— Я об этом не знал! — Адмирал Стинго изрядно опешил. — Мне начинает казаться, что в этой так называемой операции по возвращению археологической находки столько секретности и перестраховщины, что сам черт ногу сломит. Чем глубже я закапываюсь, тем хуже она попахивает. И все острее ощущается аромат Вонючки Бенбоу.

— Кличка не проходит цензуру и будет выброшена из стенограммы, — раздался из отворившейся двери знакомый до тошноты голос. — Все, игры и шутки в сторону. Сядь, диГриз. Теперь командую я.

— Нисколечко не возражаю! — с неподдельной радостью я повернулся к вечно хмурому антиподу Стинго. — Это слишком здорово, чтобы быть правдой. Старый отравитель собственной персоной!

— А ну, заткнись! Это приказ!

Стинго был потрясен.

— Бенбоу! Что ж ты, подлец, через мою голову?.. Неужели даже я не все знаю?..

— Ты очень многого не знаешь. Но тебе известно гораздо больше, чем посвященным инстанциям. Так что лучше замолкни, как этот жулик, и слушай.

— Бенбоу, хватит молоть языком. — Я вмешался скрепя сердце, ибо ничего не обожаю так, как добрую адмиральскую потасовку. Но Бенбоу прав: хватит веселиться, работать пора. — Скажи-ка мне правду. Хотя бы для разнообразия. Это ты придумал «угостить» меня ядом, да?

— Конечно. Я умею договариваться с преступниками. Никакой веры, только страх. И полный контроль. — Ящеричьи губы растянулись в ледяной улыбке. — Сейчас увидишь, как это действует.

Он щелкнул пальцами, и появился адъютант со знакомым свертком. Пасть Бенбоу еще шире расползлась в земноводной ухмылке.

— Неужели ты и впрямь размечтался, что я позволю тебе с ними уйти?

В мешке лежали три миллиона кредитов. Те самые, что я отправил на хранение профессору фон Дайверу. Гонорар за смертельный риск, деньги, заработанные честным трудом. И вот они в руках врага. Думаете, я огорчился? Ничуть не бывало, я пришел в восторг.

— До чего же вы любезны, дорогой адмирал. — Я хихикнул. — Цикл завершен, круг замкнулся. Игра окончена. Нечеловеческая поделка возвращена. Спета лебединая песня. Спасибо! Спасибо!

— ДиГриз, не спеши радоваться! Ты влип в здоровенный кагал. Тебя не казнят за кражу на Монетном Дворе, но от заслуженной отсидки тебе не отвертеться. А деньги, добытые путем вымогательства, вернут Университету. Вместе с находкой...

— Ага! Наконец-то мы о ней вспомнили. Ты не хочешь наконец узнать, что же это такое?

— Нет. Не моя проблема. Пускай этим занимаются в Университато. Я с самого начала был против операции. Теперь она закончена, и пускай жизнь идет своим чередом.

— Ты имеешь в виду и жизнь на этой проклятой планете?

— Разумеется. Мы не позволим всяким доброхотам вмешиваться в дела компетентной администрации.

— Адмирал, я в восторге! — Я встал и повернулся к завороженной аудитории. — Слыхал, Железный Джон? Как срастутся кости, можешь возвращаться на дно пруда к любимой работенке. Свиньяр, ты обожаешь кровопролитие и вообще скотство? Исполать тебе. Да свершится правосудие, да восторжествует закон адмирала Бенбоу!

— Арестовать болтуна! — скомандовал адмирал. В зал вошли два вооруженных охранника и направились ко мне.

— Пойду без сопротивления! — пообещал я. Затем повернулся и дотронулся до «археологической находки». — Но пойду один.

Наступила такая тишина, что вы бы услыхали падение пылинки. Если она может падать.

Ничто не двигалось. Не могло двигаться. Кроме меня, разумеется. Бодро насвистывая «С врагом все средства хороши», я приблизился к адмиралу Бенбоу и избавил его от своего гонорара. Добродушно посмотрел в злобные неподвижные глазки и улыбнулся. Бедняжка, долго же тебе придется так стоять. Я повернулся и помахал рукой монументальной аудитории.

— Последняя гастроль «Стальных Крыс»! Шикарное выступление, спасибо, друзья. Спасибо и вам, капитан Тремэрн. Вы столько раз мне помогали, надеюсь, не откажете еще в одной маленькой услуге?

С этими словами я подошел и коснулся его руки, делясь противостазисным полем, которое меня окружало.

— В какой услуге? — Его взгляд обежал немую сцену и вернулся ко мне. — Что тут происходит?

— То, что видите. Все целы и невредимы, но какое-то время они не смогут двигаться. Темпоральный стазис. Потом они даже не заподозрят, что побывали в нем.

— Так вот, значит, что случилось с Флойдом?

— Именно.

— Что — именно?

— К нам наведались путешественники во времени. Находка вовсе не чужая, она сделана людьми в далеком будущем, отправлена в прошлое и затеряна во времени. Я обещал путешественникам никому не рассказывать, но делаю одно-единственное исключение, поскольку нуждаюсь в вашей помощи.

— Что надо делать?

— Выведите меня отсюда. Чем скорее мы начнем чистку этой гнилой планеты, тем лучше. Вы, наверное, заметили, что сюда прибыл адмирал Бенбоу? Из чего следует: на орбите — межзвездный крейсер. Мы захватим что-нибудь летающее и выберемся на орбиту. Там благодаря вашему званию, сообразительности и силовым методам воздействия мы проникнем на борт крейсера и уберемся с Лайокукаи. Затем, по возвращении в цивилизованное общество, поднимем шумиху в средствах массовой информации и настроим всех и вся против здешних злодеев. Разразится скандал, полетят головы...

— Моя полетит первой. Военно-полевой суд, разжалование, пожизненное заключение...

— Вовсе не обязательно. Если мы привлечем под наши знамена силы добра, то силы зла вас даже пальцем не тронут.

— Нужно время...

— Капитан, не волнуйтесь! Чего-чего, а этого добра у нас вдоволь. Целых шесть месяцев. Стазис раньше не кончится. Наши друзья этого не знают, им покажется, что не прошло и секунды. Представляете, как они всполошатся, увидев, как все изменилось, пока они спали! Едва мы выйдем отсюда, стазисное поле самозакупорится наглухо, и уже никто и ничто не сможет в него проникнуть. К моменту его исчезновения кампания реформ завершится успехом, и тюремная планета станет не более чем постыдным воспоминанием.

— А мне, значит, мыкаться без работы и пенсии...

— Зато уйма народу будут живы и счастливы, а ваше бездействие обречет их на горе и смерть. Кроме того, взрослым людям в армии не место. И вообще, имея миллион кредитов в банке, можно нанять лучших юристов и зажить в свое удовольствие, не вспоминая о прошлом.

— Миллион? Что еще за миллион?

— Взятка, которую я собираюсь положить на ваш счет, чтобы вы не слишком расстраивались.

Он погрозил пальцем.

— ДиГриз, ты жулик! Неужели ты всерьез думаешь, что я пойду на сговор с мошенником?

— Нет. Но вы бы могли возглавить «Фонд спасения Лайокукаи», учрежденный анонимным филантропом.

Тремэрн нахмурился и открыл рот, чтобы отказаться. Помедлил. И расхохотался.

— Джим, а ты и впрямь нечто большее, чем кажешься. Черт с тобой, согласен. Но действовать буду по-своему, понял?

— Понял. Только скажите, куда прислать чек.

— Ладно. Сейчас подберем тебе мундир, и я распоряжусь насчет катера. У меня такое предчувствие, что на «гражданке» мне понравится.

— Конечно, понравится. Ну что, идем?

Мы пошли. Самым что ни на есть строевым шагом. Прямо в будущее. В лучшее, светлое будущее.

Блюзы отпеты. Перевернута страница, закончена глава. Тремэрна ждет интересная работа — расчищать авгиевы конюшни. Я тоже найду себе занятие по вкусу в какой-нибудь щели или закоулке социума. За полгода я убегу далеко отсюда, след простынет, капиталец благополучно уляжется на банковский счет, и тогда можно будет гульнуть на всю катушку. Отдохну, поправлю здоровье, а там, глядишь, Стальная Крыса снова напомнит о себе.

Придется блюзы петь и вам,

если вы не освоите эсперанто. Я получаю много писем из разных стран. Читатели спрашивают: есть ли на свете такой язык? Есть! На нем, как на родном, говорит Джим диГриз и почти все, кого он встречает в своих космических похождениях. В будущем эсперанто процветает, но существует ли он в настоящем?

Смею вас уверить, существует. Это живой, простой, удобный язык. Миллионы людей на Земле владеют им как своим родным. Он легок в изучении и приятен в использовании. На нем публикуется много книг, журналов и даже газет.

Если вас интересует более подробная информация, то вот наш со Стальной Крысой совет. Отправьте открытку с вашим именем по адресу:

ESPERANTO-CENTRO
140 Holland Park Ave
London W11 4UF

Он изменит вашу жизнь!

— Да никак это старина Скользкий Джим диГриз!

Когда охранник увидел меня прикованным наручниками к запястью рослого полицейского, его уродливое лицо расплылось в злобной ухмылке. С нескрываемым наслаждением он распахнул дверь и, пока снимали наручники, подошел поближе и крепко — пожалуй, даже чересчур крепко — ухватил меня за руку. Едва мое запястье освободилось, он резко дернул меня и потащил вперед. Я еле удержался на ногах, но засеменил следом, прошаркав за дверь, на которой висела покрытая патиной бронзовая табличка с трогательной надписью:

В СИИ ВРАТА ВХОДЯТ ДРЯХЛЫЕ КЛЯЧИ
ПРЕСТУПНОГО МИРА ГАЛАКТИКИ

Грандиозно! Вот так всегда: полиция не преминет пнуть лежачего. Садист-провожатый все ускорял шаги, и мне приходилось шаркать быстрее.

— Мне надо сесть... — пропыхтел я, делая слабые попытки освободиться от цепкой хватки и присесть на стоящую у стены скамью.

— Успеешь насидеться, папаша. Тут только этим и занимаются. Сначала познакомься с начальством.

И он повлек меня, несмотря на вялое сопротивление, дальше по коридору, к массивной стальной двери и громко постучал. Колени мои подгибались, я ловил воздух ртом. На стене висело зеркало с увещевающей табличкой:

ПОСМОТРИ-КА, УБЕДИСЬ:
АККУРАТЕН ЛИ И ЧИСТ?
А КОГДА ТЫ НОГИ МЫЛ?
МОЖЕТ, ВОВСЕ ПОЗАБЫЛ?

— Не помню... — дрогнувшим голосом признался я, с трепетом и отвращением глядя на собственное отражение: жиденькие седые волосенки спутаны и торчат клочьями, с отвисшей нижней губы тянется ниточка мутной слюны, бледную кожу избороздили морщины, глаза покраснели, взгляд жалкий, как у дворняги. Несимпатичное зрелище, что и говорить.

Тут загорелась зеленая лампочка, замок щелкнул, дверь открылась, и мой провожатый, подтолкнув меня мясистой ладонью, приказал:

— Заходи!

Я споткнулся и с трудом восстановил равновесие. Позади хлопнула дверь. Передо мной сидел, склонившись над толстой папкой, похожий на небритого верблюда тюремщик.

— Твоя папка. — Он поднял голову и мрачно поглядел на меня. — Личное дело преступника. Джеймс диГриз, он же Стальная Крыса. — Безразмерные губы изогнулись в некоем подобии улыбки. — Где уж там стальная — просто ржавая.

Он радостно заухал над своей пресной шуткой, оскалив длинные зубы.

— Все попадают ко мне, Ржавая Крыса. В конце концов все предстают перед начальником тюрьмы Сакксом. Как ни бегай, как ни хоронись, все равно попадешь ко мне. Даже самый хитроумный преступник со временем стареет, начинает хуже соображать и совершает одну-единственную ошибочку, необходимую для того, чтобы его поймали и отправили в Каторжную тюрьму последнего отбывания — таково официальное название. А знаешь, как ее называют в народе?..

— Адский Предбанник! — Слова помимо моей воли соскользнули с губ и липким комком упали на пол.

— Знаешь. Да только так ее называют снаружи. Войти сюда можно, а вот обратно — ни-ни. Здесь мы не пользуемся этим замысловатым названием, у нас есть другое, получше. Просто Чистило — вроде как уменьшительное от Чистилища, если ты не понял. А данное слово означает место, где муками искупают...

— Мне надо в туалет, — просипел я, скрестив ноги и крепко их сжав. Его оскал стал еще шире.

— Все вы, старые клячи, только об одном и думаете. — Он надавил на кнопку, и дверь позади меня со скрежетом распахнулась. — Боггер покажет, где сортир, а потом отведет тебя на медосмотр. Мы будем следить, диГриз, чтобы ты пребывал в хорошей форме и долго еще мог наслаждаться нашим гостеприимством.

Плетясь по коридору, я слышал за спиной издевательский смех. Не могу сказать, что подобный прием так уж меня поразил.

То же можно сказать и про медосмотр — дебелые скучающие садисты-тюремщики раздели меня донага, потом прикрыли выпирающие из-под кожи ребра ветхим серым халатиком и начали таскать от одного диагностического аппарата к другому, не обращая внимания на мои протесты и хныканье. Результаты небрежно комментировались.

— В бедре стержень. Вроде бы старый.

— Не такой старый, как эти пластиковые суставы. Да, древняя кляча изрядно побегала на своем веку.

— Доку этот экземпляр понравится: в легких затемнения — туберкулез, пневмосклероз или что-нибудь в этом роде.

— Еще не кончили? — поинтересовался Боггер, явившись внезапно, как жуткое воспоминание.

— Кончили. Он весь твой, Боггер. Забирай.

Прижимая скомканную одежду к груди, я зябко переступал босыми ногами по холодному полу, а он волок меня за собой. Затем впихнул в камеру. Невзирая на слабое сопротивление, Боггер отнял у меня одежду, вытряхнул содержимое из карманов, швырнул на кровать грубую тюремную робу и пару шлепанцев.

— Обед в шесть. Двери отпираются за минуту до этого. Опоздаешь — останешься голодным.

Лязг захлопнувшейся двери оборвал его гнусный смешок.

Дрожа и поеживаясь, я присел на кровать и спрятал лицо в ладонях, являя собой жалкое зрелище для наблюдателя, следившего за мной через замаскированные объективы. Вот и пришел конец гордому, хоть и преступному человеку. Я — просто обреченный столетний старец, подошедший к последней черте.

Чего они не могли разглядеть сквозь заслонившие лицо ладони — так это мимолетной счастливой и довольной усмешки. Я таки добился своего!

Но когда я поднял лицо, от ухмылки не осталось и следа, а губы мои опять тряслись.

Пластиковое стеклышко моих дешевых часов было так исцарапано, что цифры удавалось разглядеть лишь с большим трудом. Я поднес их к свету и принялся вглядываться, пыхтя от усердия. Наконец мне удалось разобрать, который час.

— Обед в шесть, боженьки мои! Надо выходить, как только дверь откроется.

Прошаркав к двери, я сразу после щелчка замка распахнул ее и заплетающейся походкой вывалился в коридор.

При первом же взгляде на шаркающую в одном направлении толпу одетых в серое дряхлых развалин стало ясно, где находится столовая. Я влил свои шаги в общий шелест, у входа получил поднос и подставил его для получения своей доли казенного месива. По виду нипочем не догадаться, что это такое, а по вкусу — тем более. Ну, надеюсь, хоть какие-то питательные вещества там есть. Трясущейся рукой я начал таскать эту жижу в рот, ложка за ложкой.

— Впервые тебя вижу, — с подозрением заметил сидевший рядом старец лет восьмидесяти. — Ты что, провокатор?

— Я осужденный рецидивист.

— Добро пожаловать в Чистило, хе-хе, — хрюкнул он, радуясь новичку. — Тебе пришлось угонять корабли?

— Пару раз.

— А мне трижды. На третьем и попался — корабль оказался приманкой. Но я подрастратился, и, сам понимаешь, недостаток средств, возраст, да и глаза стали подводить...

Его воспоминания текли ручьем, сливаясь в однообразное жужжание, и были ничуть не интереснее последнего. Я позволил старику бубнить, а сам тем временем старательно приканчивал свой

навозбургер с почесухой. Едва я, давясь, пропихнул в горло последний кус этой гадости, как до омерзения знакомый голос перекрыл заполнившие столовую бряцанье ложек и хлюпанье старческих ртов:

— Ржавая Крыса! Я вижу, ты покончил с обедом. Так что давай быстренько волоки свои старые кости к доку.

— А как я его найду?

— По зеленым стрелкам на стене, ты, тупорылый! Зеленые стрелки с красным крестиком. Пошел!

Я выкарабкался из-за стола и потащился куда сказано. Стены были усеяны разноцветными стрелками, указывающими в разные стороны. Я заморгал и подошел к стене вплотную, чтобы разобраться, потом повлек свои стопы налево.

— Входите, садитесь, отвечайте на мои вопросы. Недержанием страдаете?

Молодой доктор сидел как на иголках, будто куда-то спешил. Я поскреб в затылке и пробормотал:

— Уж и не знаю толком...

— Вы не можете не знать!

— Да откуда? Не знаю, что это такое.

— Недержание мочи! Вы мочитесь по ночам в постель?

— Только если пьян.

— Здесь, диГриз, такая возможность вряд ли представится. Я смотрел вашу медицинскую карточку. Вы просто развалина — в легких затемнения, в бедрах гвозди, череп на скобах...

— У меня было тяжкое житье, док.

— Это ясно с первого взгляда, не говоря уж о взбесившемся обмене веществ. Сейчас я сделаю вам пару уколов, чтобы приостановить процесс деградации, а потом будете принимать вот эти пилюли три раза в день.

Я взял банку и вытаращил глаза на пилюли величиной с ружейную пулю.

— Чего-то великоваты.

— А вы чего-то не слишком здоровы. Это специальная формула, которая решит ваши многочисленные проблемы. Все время носите их при себе — зуммер в крышке сообщит, когда настало время принять очередную пилюлю. А теперь закатайте рукав.

Он начал орудовать зазубренной иглой. Готов присягнуть, пару раз кончик задел кость. Потирая саднящие плечи, я вывалился в коридор, в поисках своей камеры заблудился, был наставлен на верный путь встречным тюремщиком и наконец вернулся к себе. Как только дверь за мной захлопнулась, замок щелкнул, а через несколько минут начал тускнеть свет. Я выпутался из робы, натянул тошнотворно-оранжевую пижаму, рухнул на кровать и едва успел натянуть одеяло, как свет потух окончательно.

Вот оно — конец строки. Чистило, преддверие ада, чистилище у небесных врат. Тут тебя кормят и лечат, чтобы продержать как можно дольше. Приговор с одним-единственным исходом.

Угу-ага! — мысленно воскликнул я и позволил себе широко ухмыльнуться под одеялом. Кожа под полосками прозрачного пластика на спине зудела, и я с наслаждением почесался. Пластик совершенно незаметен для глаза, зато покрыт непрозрачным для рентгеновских лучей свинцово-сурьмяным сплавом. Я сделал ставку на то, что здесь нет ни дорогостоящих томографов, ни чего-то в этом роде — и выиграл! На двухмерном экране рентгеновского аппарата полоски на моих ногах выглядели как скрепляющие кость металлические гвозди, а полоски на черепе — как скрепы. Пластик сделал свое дело, во время очередного мытья он растворится и исчезнет.

Мне это удалось! Первая часть операции завершена. Труднее всего было раздобыть информацию об этой тюрьме-богадельне. Пришлось с немалым риском для себя долго рыться в планетарных правительственных картотеках, прежде чем я нащупал след. Предприятие рискованное, зато увлекательное. Поначалу мы с Анжелиной активно руководили полулегальной карьерой наших близнецов, но теперь они устроились вполне благополучно (следует добавить, комфортно и богато), так что можно насладиться — как бы это выразиться? — полуотставкой. Анжелину это вполне устроило, она без памяти кинулась в вихрь увеселительных круизов и развлекательных планет. А мне, как вы прекрасно понимаете, это было не по нутру. Если мне не дать очистить подвернувшийся банк или угнать дорогостоящую космическую яхту, то в конце концов недолго и свихнуться. Но это так, шуточки. И вдруг подвернулась грандиозная идея! Крохотное сообщение в вечерних новостях. Я отпечатал его и показал Анжелине. Она быстро прочитала и отложила листок в сторону.

— Надо что-то делать, — сказал я.

— Нет, — моментально отреагировала моя дорогая.

— По-моему, мы кое-чем ему обязаны — ты, во всяком случае.

— Чепуха. Взрослый человек должен сам отвечать за себя.

— Ну да, конечно. Но мне все-таки хочется знать, куда его засунули.

Когда я проследил его путь и раскрыл местонахождение Каторжной тюрьмы последнего отбывания, то изложил свой план Анжелине. Слушая меня, она прищурилась и помрачнела, но стоило мне договорить, как моя женушка задумчиво кивнула.

— Давай, Джим. Это опасно и очень смахивает на самоубийство — но ты единственный человек в Галактике, кому это по зубам. Разумеется, не без моей помощи.

— Разумеется. И первоочередная твоя задача — найти лишенного практики, но компетентного доктора.

— Нет проблем! Ты хоть раз слыхал, чтобы доктор (или адвокат) — лишен он практики или нет — выстоял под непрерывным дождем банкнот, сыплющихся на стол перед его носом?

— Ну да, после твоих слов я сообразил, что ни разу. Как там наш счет?

— Немного поистончился, осталось всего несколько миллиончиков. Почему бы тебе не колупнуть какой-нибудь солидный банк, пока я буду заниматься медиком?

— Твои слова — как бальзам на душу.

Но на приготовления ушел еще целый год. Не тот случай, когда можно решать в спешке, нахрапом, строить план на догадках или рассчитывать на везение; если каждый шаг не будет выверен до последней цифры после запятой, мне придется ужасно долго отдыхать за решеткой.

Приехавшая за мной в клинику Анжелина в ужасе отшатнулась.

— Джим, ты жутко выглядишь!

— Спасибо, ради того и старались. Потерять вес было достаточно легко, так же как состарить кожу, перекрасить волосы — ну, и прочий традиционный набор. Больше всего мне недостает мышц.

— Мне тоже. А твоя великолепная фигура...

— При помощи ферментов сведена на нет — альтернативы просто не было. Если я хочу сойти за дохлую клячу, то должен выглядеть как дохлая кляча. Не волнуйся, когда все будет позади, несколько месяцев бодибилдинга меня восстановят, и я буду как новенький.

На глаза Анжелины навернулись слезы, и она нежно обняла меня.

— Ты идешь на это ради меня.

— Ну конечно. Но ради него тоже — а заодно и ради Джима диГриза. Чтобы я вновь мог смотреть в зеркало без ужаса и отвращения, которые внушает мне нынешнее отражение.

А потом было вот что. Провести неудачное ограбление ювелирного магазина и попасться легко; единственное условие — совершить преступление на Гелиотропе-2, откуда исходила заметка, заварившая всю эту кашу.

И заварилось на славу! Здесь, в Чистиле, у меня была ровно неделя на ознакомление с планировкой, сигнализацией и «жучками», затем операция должна перейти во вторую фазу. Скучать не приходилось. Наутро за завтраком я обвел взглядом лысые головы и серые балахоны своих коллег и сразу же заметил его, но продолжал держаться поодаль. Времени для возобновления старого знакомства вполне достаточно, так что дождемся подходящего момента. Прихлебывая лиловую кашицу, я заканчивал осмотр узников и тут вздрогнул от удивления.

Неужели он? Да, поседел как лунь, лицо избороздили бесчисленные морщины, но два месяца совместного пребывания в ледяной пещере... Словом, есть вещи, которые не забываются. Когда мы сдали свои судки, я прошаркал за ним в общий зал и сел рядом.

— Давно ты здесь, Баррин? — поинтересовался я.

Он обернулся и близоруко сощурился, потом лицо расплылось в широкой улыбке.

— Клянусь жизнью и душой, это Джимми диГриз!

— Весьма рад, что у тебя жизнь и душа на месте! Баррин Бах, ты же лучший фальшивомонетчик в Галактике!

— Спасибо на добром слове, Джимми. Раньше так и было, да только в последние годы...

Улыбка померкла, и я торопливо обнял его за плечи.

— У тебя по-прежнему мерзнут щиколотки?

— Спрашиваешь! Ты же знаешь: я даже в выпивку лед не кладу, мне один его вид противен.

— Да, но в лед той пещере была помещена лишь икота...

— Да уж, икота! Но тут ты прав, Джимми, парнишка. Когда мы спихнули это дельце, мне не надо было работать лет десять. Ты был юн, но гениален. Жаль видеть, что ты кончаешь, как все. Никогда не думал, что тебя упекут.

— И на старуху бывает проруха.

Я говорил, а моя спрятанная в горсти авторучка тем временем быстро выписывала на ладони короткое сообщение. Потом я потер подбородок тыльной стороной руки, дожидаясь, когда Баррин взглянет на текст. Тот увидел надпись и сделал круглые глаза.

— Ну, мне пора, — сказал я, стирая сообщение смоченным слюной пальцем. — Увидимся.

Он только молча кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Винить его не за что. Даю голову на отсечение, что с самой посадки Баррин и не надеялся увидеть подобное:

МОТАЕМ ОТСЮДА

Невероятная взятка, уплаченная Анжелиной городским властям, стоила того. Строительные эскизы хоть и страдали пробелами, но оказали неоценимую услугу. На второй день я остановился рядом с намеченной нами комнатой, на третий — сунул авторучку в замочную скважину. После часового пребывания под мышкой ее пластик размяк, как пластилин, но при соприкосновении с холодным металлом застыл, став зеркальной копией внутренностей замка.

Нас ежедневно выпускали на часовую прогулку в тюремный парк. Я нашел уединенную скамейку вдали от мест, где можно установить «жучки», и сидел там с открытой книгой, в полудреме свесив голову на грудь. Чтобы понять, чем я занят на самом деле, надо подойти вплотную.

В то утро я содрал часть пластикового покрытия своего потрепанного бумажника и хорошенько разжевал полученную пленку. На вкус она была ничуть не хуже, чем здешняя кормежка. Пропитавшись слюной, пленка размякла до состояния отлично лепящейся тестообразной массы и в таком виде нырнула в темные глубины моего кармана, где я прижал ее к слепку замка, чтобы получить дубликат ключа, способного открыть нужную дверь. Удовлетворившись полученным результатом, я подставил пластик под жаркие лучи солнца — содержащийся в нем катализатор на свету начал действовать, и пластик моментально затвердел.

По логике вещей следовало подождать подходящего момента, прежде чем пытаться открыть дверь — но требовался пробный прогон, чтобы устранить с дороги все потенциальные препятствия и пребывать в уверенности, что в запланированный момент все пройдет без сучка без задоринки.

Баррин помогал мне с упоением. Мы сверили часы, и в тот момент, когда я дошел до двери, он споткнулся и упал на стол в самый разгар какой-то карточной игры. Раздался грохот, злобные вопли, а я тем временем сунул доморощенный ключ в замочную скважину, повернул его и нажал на дверь.

Ничего не произошло. Я глубоко вздохнул, задержал дыхание, а потом пустил в ход весь опыт медвежатника, приобретенный за долгую жизнь.

Замок слегка заскрежетал — и уступил.

Мгновенно нырнув в комнату, я запер за собой дверь и прижался к ней, ожидая услышать топот шагов и встревоженные крики.

Ни того, ни другого. Теперь можно оглядеться. Комната оказалась небольшой кладовкой и была до потолка завалена стопами бумаги и грудами столь дорогих сердцу бюрократа бланков и формуляров. Крохотное оконце пропускало достаточно света, чтобы ориентироваться. Я мысленно зарисовал план, потом переставил одну коробку, преграждавшую путь. Все, хватит. Пора убираться, иначе День Д, Час Ч и Минута М, когда я нарвусь на неприятности, окажутся в роковой близости. В коридоре ни звука. Теперь быстро за дверь, запереть замок — и бросок по коридору обратно в зал, в эпицентр вялой потасовки. Жаль, что мы испортили игру. Впрочем, нет, жалеть не стоит. Баррин стрельнул в мою сторону глазами, а я то ли заговорщицки подмигнул, то ли просто глаз мой дернулся от нервного тика.

Мы с Анжелиной сошлись на том, что при первой встрече контакт должен быть предельно кратким. Выбор момента вообще играл главную роль. Ради конспирации встреча должна состояться в сумерках, но не настолько поздно, чтобы нас отправили баиньки.

В назначенный вечер после обеда я вышел из столовой первым и быстро заковылял к сортиру. Мимо двери и вверх по лестнице. Пришел впритык, в запасе оставалось буквально несколько секунд. Открыть и закрыть дверь, несколько шагов по проходу, часы уже наготове.

Быстро перехватить ремешок в обе руки — для удобства. Прижать его к оконному запору. Пластик, покрывающий ремешок, тут же сполз, обнажив куда более твердую пластисталь мини-пилы. Пила громко взвизгнула, раздался резкий щелчок. Сунув часы в карман, я дотянулся до окна и приоткрыл его.

Снаружи уже ждала Анжелина, вся в черном, вплоть до черных перчаток и черного грима на лице. Она сунула мне в руки сверток, но вопреки нашему уговору не удержалась и тихо прошипела: «Самое время!» — пока я закрывал окно.

Я тут же смылся, спрятав сверток в складках робы, а укладываясь в постель, сунул его под подушку, предварительно вытащив детектор.

Вскоре после того, как в тюрьме вырубили свет, я начал ворочаться с боку на бок с громкими стонами:

— Никак не уснуть. Бессонница и артрит меня в гроб вгонят. О-ох!

Я поворочался еще чуток, а потом встал и начал слоняться по камере, почесывая ногу. А заодно почесывая регуляторы детектора с потрясающими результатами: всего лишь одна телекамера над дверью — что дарило мне два слепых сектора вне обзора. Теперь стоило хорошенько выспаться, потому что наутро предстояла масса работы.

Баррина Баха я отправился искать уже перед самым полуднем, обнаружил его на солнечной террасе и присел рядом. Он вопросительно приподнял брови, но я не проронил ни слова, пока не поработал с детектором.

— Великолепно, — наконец кивнул я, — только не говори слишком громко. Контакт состоялся.

— Значит, у тебя все есть?

Он аж трепетал от волнения.

— Все. Большая часть упрятана так, что ее не найдут. Выйдем в парк ровно через двадцать минут.

— Зачем?

— Затем, что у меня во рту лазерный оптический телефон. — Я приоткрыл губы и продемонстрировал объектив. — Звук передается через кости черепа на уши.

— Какой звук? — Баррин был явно заинтригован.

— Звук сладкого голоска моей милой Анжелины, которая держит путь во-он к тому правительственному зданию, что виднеется за оградой. Такой разговор перехватить невозможно. Пошли.

Я откинулся на спинку шезлонга, а в нужный момент улыбнулся в сторону далекого здания. Особой точности не требовалось, поскольку у Анжелины двухметровый объектив.

— Доброе утро, любимая.

— Джим, я жалею, что мы затеяли эту безумную авантюру, — забренчал в моем черепе ее голос.

— Да, только теперь она уже мчит на всех парах.

— Знаю. Но мне не нравится карабкаться по стенам даже в молекусвязных перчатках и ботинках.

— Но ты же справилась с этим, любимая. Ты очень сильная и опытная...

— Если ты осмелишься добавить «для женщины твоих лет», я с тебя живого шкуру спущу, когда выберешься!

— У меня и в мыслях этого не было! Слушай, а потянем мы двоих вместо одного? Я встретил тут старого знакомого, который, честно говоря, однажды спас мне жизнь. В ледяной пещере. Как-нибудь расскажу на досуге. Ну, так как?

Она мгновение поколебалась, и я представил себе, как она очаровательно нахмурилась: моя Анжелина слова не проронит, пока не примет решение.

— Да, конечно. Надо только поменять транспорт.

— Хорошо. Раз уж будешь менять транспорт, позаботься, чтобы он оказался достаточно вместительным.

— На четверых?

— В общем, нет. Мне в голову пришла цифра, ну, несколько ближе к шестидесяти пяти...

— Сбой связи. Повтори последние слова. Прозвучало «шестьдесят пять».

— Вот именно! В самую точку! Правильно! — Я изо всех сил старался придать голосу радостные нотки и убрать заискивающие, но мою жену не проведешь.

— И не пытайся, диГриз, знаю я тебя. Шестьдесят пять — да это, должно быть, все зэки до единого!

— Именно так, любимая. Ровно столько. Я бы предложил в качестве варианта туристский автобус. Однажды я это проделал, и все прошло как по маслу. Найди автобус, а завтра в это же время обсудим детали. Надо идти, а то кто-то приближается.

С этими словами я отключился. На самом деле никто нас не засек, но я хотел выждать сутки, чтобы поостыл праведный гнев моей благоверной, а уж потом толковать о деталях.

— Что случилось? — поинтересовался Баррин. — Я слышал, как ты бормотал себе под нос, и все.

— Все работает как часы, лучше некуда. Моя дражайшая супруга полна искреннего энтузиазма, особенно по поводу последних доработок.

— Каких?..

— О подробностях после, пора на ленч. Воду не пей.

— Почему это?

— Я утром ее проанализировал. Буквально напичкана успокоительными, селитрой и отупляющими средствами. Потому-то заключенные заговариваются и еле таскают ноги. По-моему, почти все находятся в куда лучшей форме, чем выглядят.

На следующий день гнев Анжелины действительно остыл, даже чересчур. Хотя лазерный телефон искажал ее голос, превращал его в жужжание, я уловил в нем ледяные нотки настолько отчетливо, что невольно вспомнил ту самую пещеру.

— Автобус есть. Куплен легально. Что еще?

— Лично тебе — форма водителя, чтобы оправдать пребывание за рулем. А еще — ну, несколько мелочей...

— Каких, например? — Температура жидкого азота.

Пока я диктовал список, голос остыл до абсолютного нуля.

— Это самый безумный план, придуманный куриными мозгами, какой мне только приходилось слышать. Мне придется из кожи вон лезть, чтобы он не провалился, а ты выбрался бы в целости и сохранности — я хочу пришить тебя собственноручно.

— Любимая, ты шутишь!

— А вот узнаешь! — И она отключилась.

Может, идея и в самом деле не такая и блестящая — но раз уж я ступил на эту дорожку, то должен пройти ее до конца. Впервые в жизни я чувствовал не волнение, а подавленность — может, перепил воды. И тут я вспомнил о лекарстве, которое положил в сверток как раз на такой случай.

Пристроившись вне поля зрения «жучка» над дверью, я вынул вентиляционную решетку и извлек пластиковую бутылку с этикеткой «ОСТОРОЖНО! ОСОБОВЗРЫВЧАТАЯ ЖИДКОСТЬ». В каком-то смысле так оно и было: сто десять градусов плюс двадцать лет выдержки в бочке. Хорошее расположение духа вернулось тотчас же.

Мы с Анжелиной регулярно общались при помощи лазера на протяжении последующих шести дней. Весьма краткие беседы проходили в официальном ключе, как ни старался я говорить подружески или выдать какую-нибудь шутку. Все тщетно. Моя милая была не в духе. И не без повода, со вздохом констатировал я. Оставалось лишь смириться с этим.

На седьмой день наша беседа вообще была односторонней: она произнесла одно-единственное слово и прервала связь. Кончиком языка я отключил передатчик и повернулся к Баррину; теперь он выглядел куда живее — перестал пить воду в столовой.

— Срок назначен.

— И когда?

— Скажу после обеда.

Он открыл было рот, но тут же его захлопнул, осознав мудрость моего решения. Чем меньше народу знает, тем меньше шансов проговориться. Сохранить тайну в тайне под силу лишь одиночке.

В тот же вечер, когда бряцанье ложек по металлу судков сменилось хлюпаньем серого желеобразного десерта, я отнес свой поднос на мойку, вышел и закрыл за собой дверь. Кое-кто из хлебавших десерт с вялым интересом в мутном взоре наблюдал, как я накрыл «жучок» на стене крохотной металлической коробочкой.

— Попрошу вашего внимания, — сказал я, громко постучав ложкой по столу, подождал, пока гул голосов стихнет, а потом указал на боковую дверь.

— Сейчас мы все выйдем через эту дверь. Джентльмен, который ее откроет, Баррин Бах, будет вашим провожатым. Все следуют за ним. — Пришлось повысить голос, чтобы перекрыть бормотание присутствующих. — Сейчас же заткнитесь и не задавайте никаких вопросов. Обо всем узнаете после. Сейчас могу сказать только одно: властям наверняка не понравится то, что мы сделаем.

Все одобрительно закивали, поскольку каждый оказался здесь именно потому, что попирал закон и обводил власти вокруг пальца. Это обстоятельство да еще транквилизаторы в питьевой воде заставили их невозмутимо выполнять дальнейшие мои приказания.

Я остановился у двери, улыбаясь и время от времени похлопывая проходящих по плечу, изо всех сил стараясь не выдать своего беспокойства.

Каждая истекшая минута грозила тем, что массовое бегство обнаружат. Повара и двое охранников мирно спали в кладовой; «жучок» выдавал запись счастливого чавканья, а две другие двери были на запоре — в этом-то и заключалось самое слабое звено плана. Обычно во время еды в столовую никто не заходил, но бывали и исключения. На счастье я скрестил пальцы за спиной, от всей души надеясь, что нынешний день не станет этим самым исключением.

Наконец последняя согбенная спина скрылась в коридоре, я вздохнул с облегчением, вышел следом и запер за собой дверь. Следуя за своими шаркающими коллегами вниз по лестницам в подсобный коридор, я запирал за собой каждую дверь. То же самое я проделал, миновав подвал и войдя в котельную. Огнеупорная дверь была массивнее прочих, и засов вошел в пазы с приятным лязгом.

Я обернулся и оглядел коллег, удовлетворенно потирая ладони.

— Что происходит? — спросил кто-то.

— Мы покидаем эти пенаты, — сообщил я, поглядев на часы, — ровно через семь минут!

Легко представить, какой поднялся переполох. Я прислушался к голосам, а потом криком призвал всех заткнуться.

— Нет, я вовсе не сошел с ума! И вовсе я не так стар, как выгляжу. Я позволил себя арестовать и водворить сюда по одной-единственной причине: чтобы взломать эту цитадель. Теперь позвольте пройти — вот именно, расступитесь, спасибо — к той стене. Может, вам известно, а может, и нет, но тюрьма выстроена на склоне холма. Это означает, что хотя здание и утоплено в землю и скалы, мы сейчас находимся на одном уровне с проходящей рядом дорогой. Будьте добры, отойдите в дальний угол. Да, вот именно. Как видите, я размещаю на стене направленный заряд макротермита. Стоит его зажечь, как он не только загорится, но и прожжет себе дорогу наружу.

Зэки в напряженном молчании следили, как я леплю аляповатое кольцо из тестообразной массы, поливаю его изолирующим составом и вгоняю запал.

— Сбейтесь в компактную группу, отойдите как можно дальше, — распорядился я, глядя на часы. Когда до выхода осталось пять секунд, я стукнул по бойку и поторопился присоединиться к остальным.

Наступил самый драматический момент представления. Запал вспыхнул, и стену прочертило огненное кольцо. Оно потрескивало, сыпало искрами и дымило. Помещение заполнилось густым дымом, многие закашлялись, пока вентиляторы трудолюбиво не отсосали дым. Потом я размотал брандспойт с висевшей на стене катушки, открутил вентиль и окатил стену холодной водой. Взвились клубы пара, вызвав вопли ужаса и еще более натужный кашель.

Когда треск и шипение утихли, я завернул вентиль и устремился вперед. Хорошенько примерившись, ударил ногой в центр выжженного на стене круга, и, к моей великой радости, тот с грохотом обрушился наружу.

— Погасить свет! — приказал я, и Баррин щелкнул выключателем.

Снаружи землю заливал свет уличных фонарей, открывая взору скатанный рулоном ковер. Рулон начал вращаться, и его снабженный гибким приводом конец вполз в отверстие. Как я и заказывал, ковер был красным.

— Уходим по одному! Не разговаривать и не касаться ни земли, ни стен. Оставаться на ковре, он теплоизолирующий. Баррин — сюда!

— Джим, сработало, действительно сработало!

— Твоя вера прямо за душу берет. Перед уходом проверь, все ли вышли.

— Будет сделано!

Я влился в колонну бредущих на подгибающихся ногах старцев, торопливо миновал ковер и рванулся к жене, одетой в аккуратно подогнанную по фигуре форму водителя.

— Любимая!..

— Заткнись, — отрезала она. — Вон автобус. Сажай их внутрь.

И действительно, неподалеку стоял автобус с включенным двигателем и освещенным салоном. Большой транспарант на борту гласил:

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПЕНСИОНЕРОВ

— Сюда, — велел я, направил ближайшего беглеца в нужную сторону и подвел его к дверям. — Идите в конец, найдите свободное сиденье. Наденьте лежащую там одежду и парик. Вперед!

Я повторял это вновь и вновь до подхода Баррина. Он сменил меня, пока я сгонял к автобусу отставших. Анжелина тоже вошла и молча уселась на водительское место.

— Все погрузились! — сообщил я как можно радостнее.

— Двери закрываются, отправляемся! Я уже проделала это однажды, много лет назад, только тогда были велосипеды.

Я обернулся и одобрительно оглядел седые парики и платья — оказалось, в автобусе расположилась толпа пожилых дам.

— Отлично сработано! — крикнул я. — Преотличнейше!

И действительно, все шло отлично. Если не брать в расчет ледяного молчания моей женушки, все шло прямо-таки идеально. Мы весело катили сквозь ночь и были уже далеко за пределами города, когда впереди замаячил полицейский пост. Я влез в платье, нахлобучил парик и начал дирижировать сборищем леди, распевающих: «Мы на лодочке катались...»

Не успел автобус затормозить, как нам велели ехать дальше. Пока мы набирали скорость, раздалось множество писклявых во-

плей радости; на прощание дамы помахали полицейским кружевными платочками.

Время подбиралось к полуночи, когда фары автобуса осветили щит с надписью: «ПРИЮТ БЛАГОРОДНЫХ ДАМ «ПОГОДИ НЕМНОЖКО». Я выскочил, открыл ворота и закрыл их за автобусом.

— Заходите в дом, леди, — пригласил я. — Чай с пирогами ждет вас — а заодно и бар.

Последние слова были встречены хриплым ревом удовольствия, и дамы устремились внутрь, по пути теряя платья и парики. Анжелина посигналила мне, и я поспешил к ней.

— И что я ему скажу?

— По-моему, ты на меня сердилась?

— Это давно прошло. Всего лишь...

Он стоял поодаль и смотрел, как мы разговариваем, а потом медленно подошел.

— Я должен поблагодарить вас обоих — за все, что вы для нас сделали.

— Так уж получилось, Пепе, — ответил я. — Правду сказать, мы затеяли это дело, чтобы вытащить тебя. А идея большой операции... возникла несколько позже.

— Значит, ты не забыла меня, Анжелина? Я узнал тебя сразу же.

Он ласково улыбнулся, и глаза его увлажнились.

— Идея принадлежала мне, — поспешил вставить я, пока события не вышли из-под контроля. — Я узнал о тебе в новостях и почувствовал, что обязан что-то предпринять — хотя бы во имя прошлого. Ведь это я арестовал тебя за кражу крейсера.

— А я сбила тебя с пути, — твердым голосом сказала Анжелина. — Мы чувствовали, что на нас лежит определенная ответственность.

— Особенно если учесть то обстоятельство, что мы много лет состоим в счастливом браке и нажили двух чудесных сыновей. Если бы вы не грабили на пару, я бы нипочем не встретил свет моих очей, — добавил я, давая понять, каковы правила игры.

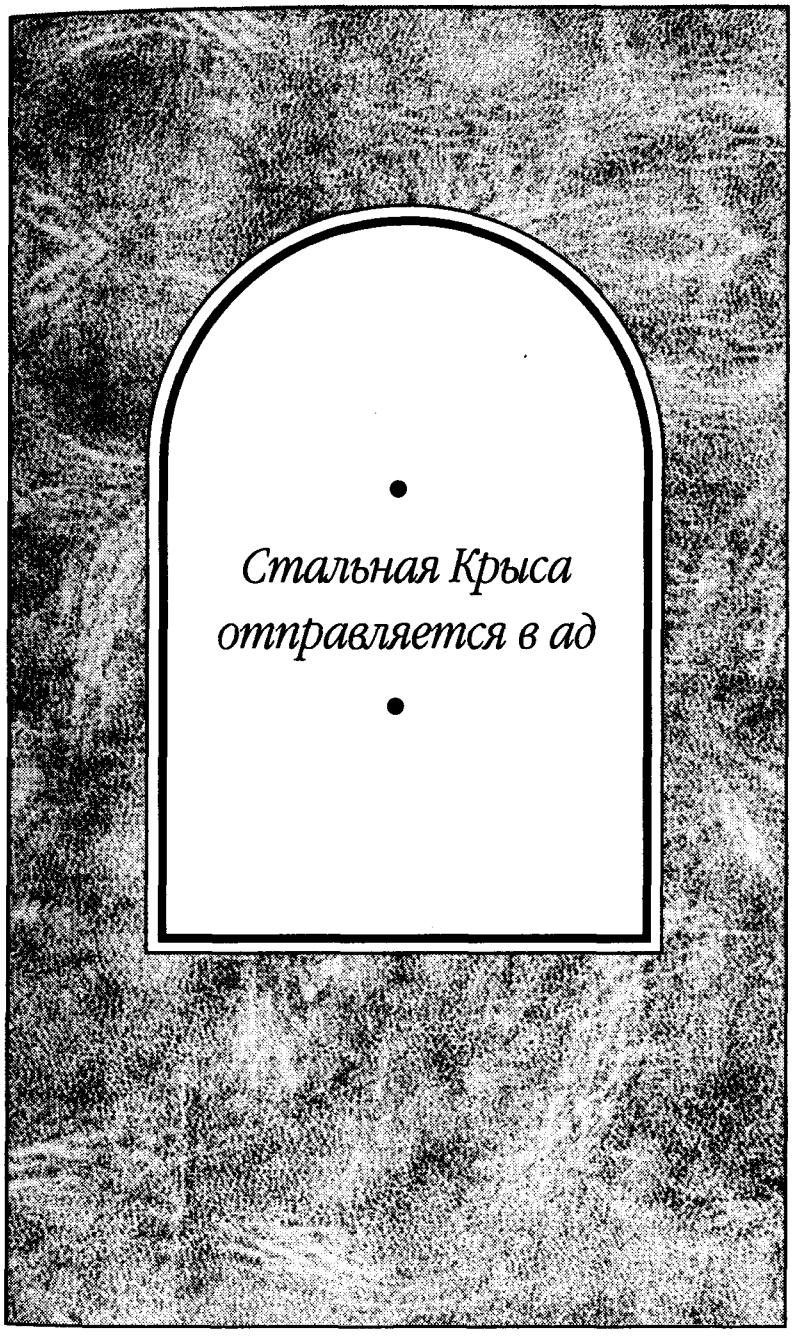
Пепе Неро кивнул и утер кулаком слезу.

— Пожалуй, я могу сказать лишь... спасибо. Значит, в конце концов все становится на свои места. Анжелина, по-моему, я был создан для преступной жизни, ты всего лишь подтолкнула меня. А теперь я намерен на славу выпить.

— Грандиозная идея, — согласился я.

— У меня тост! — крикнул Баррин. — Джим и Анжелина, наши спасители! Спасибо за жизнь!

Все подняли стаканы и чашки, и одновременно из глоток всех присутствующих к потолку взмыл хриплый рев одобрения. Я обнял Анжелину за талию — и на этот раз настала моя очередь уронить слезу.

Стальная Крыса отправляется в ад

Глава 1

Я утопил кубики льда в слоновьей порции виски, осклабился, предвкушая удовольствие, а затем плеснул еще чуть-чуть. Пока живительная влага восхитительно булькала в горле, глаза медленно поднялись к часам, вмурованным в стену над баром.

Всего-навсего десять утра.

Джим, дружище, а не рановато ли ты нынче за воротник закладываешь? И ведь это уже который день, гляди, в привычку войдет.

«Тебя не касается! — беззвучно огрызнулся я на себя. — Мои привычки — это мои привычки. Моя печенка — это моя печенка». Виски добулькало, стакан опустел. И домашний компьютер — словно дожидался этого момента — обратился ко мне гнусавым и даже, как мне показалось, насмешливым голосом:

— Сэр, к передней двери кто-то приближается.

— Превосходно. Надеюсь, это разносчик из винного магазина. — Вместе со звуками я источал яд, но компьютеры, как известно, невосприимчивы к сарказму.

— Сэр, вы ошибаетесь. Винно-продуктовый магазин «Балкалея» доставляет покупки по товаропроводу. Я установил личность приближающегося человека. Это миссис Ровена Виникультура. Она запарковала автомобиль на передней лужайке и направляется к дому.

Как только это имя коснулось барабанных перепонок, мой боевой дух полетел вниз, точно свинцовое грузило. Среди красавиц-зануд (а Луссуозо ими изобилует) Ровена, должно быть, первая красавица и первая зануда. Спастись от нее можно только двумя способами: или сбежать, или покончить с собой. Я двинулся в другую половину дома, к бассейну, но и там меня настиг голос комп-дворецкого.

— Сэр, мне кажется, миссис Виникультура упала на пластмассовый коврик у двери, который произносит на шести языках «добро пожаловать».

— Что ты подразумеваешь под словом «упала»?

— Я полагаю, это слово вполне подходит к данной ситуации. Она закрыла глаза. Ее тело перестало сопротивляться гравитации. Она медленно опустилась на землю и теперь лежит неподвижно. Если верить датчику давления в коврике, пульс ее замедлен и неровен. На лице видны синяки и царапины...

Я уже бежал через дом, а вдогонку несся голос компдворецкого.

— Дверь отвори! — прокричал я. Она распахнулась, и я выскочил на крыльцо.

Прекрасный лик — белее полотна, темные волосы восхитительно растрепаны, пышная грудь бурно вздымается и опадает... На щеках — кровоточащие ссадины, на лбу — багровый синяк. Губы чуть заметно шевелятся. Я склонился над ней.

— Пропала... — вымолвила она едва разборчиво. — Анжелина... пропала...

Услышав эти слова, я, кажется, похолодел градусов на тридцать. Но на рефлексах это никоим образом не отразилось. Протягивая к ней руки, я успел набрать на браслете-коммуникаторе число 666.

— Где у нас домашняя клиника? — выкрикнул я, просовывая руки под теплые бедра и мягкую спину и очень осторожно поднимая Ровену.

— Диван в библиотеке, сэр.

Я побежал, стараясь не замечать ледяной комок отчаяния в груди.

Поскольку мы с Анжелиной не бедствовали, услугами домашней клиники нам еще пользоваться не приходилось. И вот теперь мне подвернулся случай похвалить себя за предусмотрительность. Подписывая договор об аренде дома, мы не крохоборствовали. Иными словами, за ту сумму, которую мы выложили за домашнюю клинику, можно было купить провинциальную больницу или даже что-нибудь посерьезнее.

Пока я нес Ровену в библиотеку, диван ушел в стену, а на его месте появился операционный стол. Как только я уложил на него свою бесчувственную ношу, медробот, который вынырнул из потолка, протянул гибкие щупальца с датчиками на концах. Один из них прижался к моему затылку, и я раздраженно оттолкнул его.

— Не меня! Ее! Вот она, на столе. Тьфу ты, идиотская машина!

Застоявшийся без дела медробот с механическим энтузиазмом приступил к работе. Я отошел подальше от его щупалец. На дисплее замельтешили цифры и диаграммы — все от температуры и пульса до состояния эндокринной системы, печени и всего остального, что только можно измерить.

— Говори! — потребовал я. — Докладывай!

Медробот загудел — различные программы сортировали и тасовали вводимые данные, в считанные микросекунды сопоставляли и согласовывали результаты.

— Пациент перенес контузию и получил сотрясение мозга. — Компьютер говорил мужским голосом — сочным и успокаивающим. — Все ссадины — поверхностные. — Передо мной молниеносно двигались щупальца и сверкающие инструменты. — Они обеззаражены и закрыты. Введены необходимые антибиотики.

— Помоги ей очухаться! — рявкнул я.

— Сэр, если под термином «очухаться» вы подразумеваете приведение пациента в сознание, то это уже сделано.

Не знаю, можно ли обидеть компьютер, но мой медробот говорил таким тоном, будто его оскорбили в лучших чувствах.

— Что случи... — пролепетала красавица, моргая огромными фиолетовыми глазами, перед которыми все расплывалось.

— Это меня не устраивает, — процедил я сквозь зубы, обращаясь к медроботу. — Накачай ее стимуляторами или чем-нибудь в этом роде. Я должен с ней поговорить.

— Но пациент серьезно травмирован...

— Но не смертельно, — сказал я. — Судя по твоим же словам. А теперь добейся, чтобы она заговорила. Понял ты, сверхдорогой набор микросхем? А иначе закорочу твои РОМ, ПРОМ и ЭПРОМ!

Похоже, это возымело действие. Ровена снова заморгала и посмотрела на меня.

— Джим...

— Во плоти, моя сладкая. Не пугайся, Ровена, все будет хорошо. Рассказывай, что стряслось. Где Анжелина?

— Пропала... — ответила она. И ее роскошные ресницы затрепетали. А я заскрежетал зубами и, поймав себя на этом, кое-как изобразил улыбку.

— Это я уже слышал. Где пропала? Когда? При каких обстоятельствах? — Я умолк — почувствовал, что вхожу в раж.

— В Храме Вечной Истины. — Больше она ничего не сказала. Снова закрылись глаза. Но я уже услышал достаточно.

— Лечи ее! — крикнул я на бегу компдворецкому. — Сторожи! Вызывай «Скорую»!

Полицию я не упомянул — не хотел, чтобы плоскостопые путались у меня под ногами.

— Заводись! — вбегая в гараж, приказал я атомоциклу. — Ворота, отворяйся!

Я вскочил в седло, выжал полный газ и сорвал нижнюю, запоздавшую, створку ворот. Едва не задавив на тротуаре гуляющую парочку, я проскочил между двумя машинами и с ревом понесся по дороге. А куда понесся? Это не мешало бы выяснить.

— Справочная! — крикнул я в телефон атомоцикла. — Срочно! Храм Вечной Истины! Адрес!

На свежерастрескавшемся обтекателе спроецировалась карта города. Под визг покрышек я свернул за угол и увидел мигающую лампочку коммуникатора. Не иначе, ответ на мой срочный вызов. Его могли получить только Анжелина, Джеймс и Боливар.

— Анжелина! — воскликнул я. — Это ты?

— Боливар. В чем дело, папа?

Я доложил кратко и по существу, затем повторил рассказ, когда подал голос Джеймс. Я не имел представления, где находятся сыновья, но это сейчас не играло роли. Достаточно было знать, что они осведомлены и спешат ко мне на помощь. Нам еще ни разу не

случалось пользоваться сигналом «три шестерки», который требовал бросать все дела и мчаться к тому, кто его послал. Я сам это придумал, когда птенцы решили покинуть родительское гнездо. Чтобы прийти на выручку, если кто-нибудь из них попадет в передрягу. Так мне это представлялось. Но вышло так, что первым о помощи воззвал я. Они выслушали и сразу отключились — знали, ни к чему отвлекать меня ненужными расспросами.

Я круто свернул за последний угол и нажал на тормоз. К небу поднимались клубы маслянистого дыма, в искалеченном здании умирал огонь под ливнем белой пены из пожарного вертолета. В груди моей разрастался ледяной ком. Я несколько секунд оставался в седле — глубоко дышал, стараясь взять себя в руки, — а затем бросился к развалинам. Двое в синих мундирах попытались заступить мне путь и растянулись на тротуаре. Затем передо мной возник их предводитель, — упитанный, с обилием золотого шитья на мундире; за ним сомкнули ряды многочисленные шавки. Я усмирил рефлексы, взбесившиеся от избытка адреналина в крови, и обуздал рассудок.

— Моя фимилия диГриз. У меня есть основания считать, что там — моя жена.

— Мистер диГриз, соблаговолите отойти назад и...

— Нет! — Я плюнул этим словом, как змея — ядом, и он невольно присел. — Я плачу налоги. Большие налоги. Чтобы вы могли получать зарплату. У меня огромный опыт в полицейских делах. — Я счел излишним уточнять, по какую сторону закона набрался этого опыта. — Что вы успели выяснить?

— Ничего. Мы только что прибыли. Сработала пожарная сигнализация.

— В таком случае, я скажу, что известно мне. Это здание... вернее, бывшее здание, принадлежало Храму Вечной Истины. Несколько минут назад ко мне пришла уцелевшая прихожанка Ровена Виникультура. Она сказала, что в этом Храме была моя жена.

Я расслышал писк компьютера в головном телефоне полицейского.

— Сэр адмирал Джеймс диГриз! Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы найти вашу супругу... Анжелину. Я, капитан Коллин, готов признать, что ваша должность подразумевает достаточную меру компетентности и ответственности для передачи вам руководства этим расследованием.

Прилетев на Луссуозо, я исключительно по привычке зарегистрировался по липовому военному билету адмирала космического флота. Видимо, не зря говорят, что лишних предосторожностей не бывает.

За большим и надежно защищенным пожароботом мы побрели по развалинам. Он прокладывал для нас аккуратную тропу, время от времени обрызгивал пеной дымящиеся останки и фиксировал в памяти каждое свое движение, каждое препятствие, которое ему приходилось огибать. Дверь, висевшая на одной петле, жалобно

скрипнула, сорвалась, и мы оказались на дымном пепелище просторного молельного зала. Шелестя лопастями, над нами плыли робопрожекторы и пронизывали лучами дым. Куда ни глянь — развалины, но тел не видно. Ледяной комок под ложечкой никуда не делся, но заметно уменьшился.

Зал был щедро украшен резными панелями из дерева и гардинами; от гардин почти ничего не осталось. Ряды церковных скамей были обращены к наиболее разрушенной части зала, где дым был почти непроницаем. Но вскоре химические абсорбенты очистили воздух, и в свете летучих прожекторов заблестели исковерканные, искромсанные машины.

— Дальше не пойдем, — сказал капитан Коллин. — Теперь дело за бригадой судмедэкспертизы.

Под бригадой судмедэкспертизы подразумевался один-единственный робот. Его серый металлический корпус был под завязку набит программами пожарной и судебной экспертизы, всевозможными датчиками и микроанализаторами. Логика мне твердила, что со своими обязанностями он справится гораздо лучше, чем неуклюжие люди. И все-таки очень хотелось пинком отшвырнуть его в сторону и перевернуть руины вверх дном.

— А людей не видно? — крикнул я.

— Ни единого живого существа. Трупы также пока не замечены... Поправка! На полу — красная жидкость. Идентифицирую. Это человеческая кровь.

У меня закружилась голова, а из горла вместо нормальной человеческой речи вырвался хрип.

— Экспресс-анализ. Группа крови?

— Анализирую. Первая группа, резус отрицательный, аглютинин...

Остального я не слышал. У Анжелины — третья группа и положительный резус. Я успокоился — правда, самую малость. Прошло совсем немного времени, и я узнал два важных факта. В молитвенном зале отсутствовали человеческие останки, если не считать крови. Зато к залу примыкала комната, в которой находилось большое количество электронного оборудования. Все оно было тщательно (а значит, намеренно) уничтожено, определить его предназначение робот не сумел.

Где же моя Анжелина?

Роботы усердно копались в развалинах. Я ждал. Никаких новостей. Напрасная потеря времени. Полиция запретила вылеты всех космических кораблей, я не сомневался, что в ближайшее время никому не удастся покинуть планету. Из успевших к этому времени вылететь не было ни одной женщины, хотя бы отдаленно напоминающей Анжелину. Ну что тут можно сделать?

Я медленно ехал домой. Соблюдал все правила движения. Останавливался на перекрестках и махал пешеходам рукой — дескать,

проходите. Громыхнув сорванной створкой гаражных ворот, я слез с седла. Направился прямиком в бар, вылил дежурную бурду и состряпал крепкую, хоть и гораздо меньшую по объему, замену. А потом зарылся в почтовые распечатки.

Близнецы уже в пути. Обоих мой вызов застал вне дома, так что они прибудут лишь через несколько дней. Они скупились на подробности, но я не сомневался, что в этот самый момент они покупают, выпрашивают, вымогают или даже крадут самые быстроходные транспортные средства в освоенной вселенной. Они прилетят. Быть может, наш маленький клан отвергает чужие этические нормы, но зато он стойко придерживается своих.

Но пока я обречен на бездействие. Когда еще малоподвижная технология просеет и изучит останки Храма Вечной Истины, когда еще она выяснит, что там произошло! Я ничего не смогу предпринять, пока не дождусь новостей из полиции. Решив поговорить с Ровеной, я позвонил в больницу, но там от меня отмахнулись. С расспросами придется обождать, пока она не оправится от контузии. Луссуозо — богатая, прогрессивная планета, судмедэксперты здесь работают не хуже, чем на всех остальных планетах, где мне доводилось бывать. А то и лучше. Я ненавидел ее всеми потрохами, но к высоким технологиям и компетенции специалистов это не относилось.

Куда же подевалась Анжелина?.. Я перебирал в уме самые страшные варианты...

Опомнись, Джим! Выбрось все это из головы! Ты давным-давно выбрал жизнь, которая кому-то может показаться странной и даже преступной. Сколько раз ты потом жалел, что связался со Специальным Корпусом, что не остался в преступной среде. На стороне закона тебе всегда бывало нелегко. И сколько раз ты задумывался об этом с тех пор, как обосновался на Луссуозо? А ведь когда-то это показалось тебе недурной идеей. Когда-то...

Райская планета. И невероятно дорогая. Чтобы на нее перебраться, я был вынужден снять деньги с банковских счетов, к которым не притрагивался годами. Пришлось даже вытрясти давно просроченные долги, а это было совсем не просто. В том смысле не просто, что мне понадобилось тяжелое оружие и кое-кто оказался в больнице. Преступная жизнь не всегда малина, особенно когда ты получаешь задания от Специального Корпуса. Конечно, спасать вселенную очень романтично, но подобные волнующие приключения очень плохо оплачиваются. А много ли я заработал, став президентом Параисо-Аки? Пока ты развлекаешься, дело стоит. Под делом я, конечно, подразумеваю личное обогащение. Поэтому мы с Анжелиной, служа закону, в перерывах позаботились и о себе. Провернули несколько афер, в результате чего наши банковские сейфы наполнились, зато опустело множество чужих. Да, немало мы припасли на черный день... который довольно скоро настал и оказался вовсе не таким уж черным. Но оно того стоило — на Луссуозо Анжелина была счастлива, как никогда и нигде. Когда она

улыбалась и целовала меня, я даже забывал о том, как жгуче ненавижу эту оранжерейную планету...

А начиналось все довольно просто.

— Ты слышал когда-нибудь о Луссуозо? — спросила однажды моя жена.

— Новый горячительный напиток? Или в кожу втирается?

— Джим диГриз, привычка острить по любому поводу тебя до добра не доведет. Я говорю о планете. Каждый день в новостях...

— Необузданный восторг или завистливое брюзжанье. Знаешь, сколько людей могут позволить себе всего-навсего однодневный визит на Луссуозо? Один на триллион — это в лучшем случае.

— И мы в их числе.

— Ну конечно...

Ну конечно. Кто-то мог истолковать эти слова двояко. Но только не моя благоверная. Слишком поздно я вспомнил, что Анжелина всегда знает, чего хочет. А когда она чего-нибудь хочет, она это получает.

Я просто-напросто сплясал под ее дудку. Она заранее продумала этот простенький диалог, и я ни на словечко не отошел от роли.

Луссуозо. Прославленная мифами, легендами и мыльнокосмическими операми. Планета-рай. Населенная только богатыми, очень богатыми и теми, кто еще богаче. Меня сразу заинтриговал этот феномен, и я решил навести справки. И вскоре понял, чем Луссуозо так привлекает определенный слой галактического населения.

Луссуозо — омолодительный центр освоенной вселенной. Медицинские услуги стоят невероятно дорого; надо быть миллионером, чтобы вам позволили взглянуть на прейскурант. Курс омоложения безболезнен, но требует времени, может понадобиться не один год... все зависит от степени износа заказчика. Поскольку клинические процедуры скучны, а спонсоры проекта вовсе не бедствовали, целая планета была отведена под санаторий. И теперь виллы богачей состязаются между собой в пышности. Оперных и иных театров и аттракционов — хоть отбавляй. Все виды спорта — от глубоководного ныряния и рыбалки до альпинизма и охоты. И прочие блага загнивающего капитализма, какие только можно вообразить. А в укромных местах — клиники и лечебницы, где богатых делают молодыми и, если удается, бедными.

Да, я коснулся запретной темы, нарушил табу. У нас не принято говорить о том, что омоложение — главная и единственная причина существования цивилизации на этой планете.

Все это я открыл для себя и мгновенно забыл. А вот Анжелина не забыла. В один прекрасный день, как раз перед выездом на обед, она подошла к зеркалу в гостиной, и я понял, что мой приговор подписан. Я казался себе рождественским гусем — зажаренным, поданным на стол, разрезанным и разложенным по тарелкам. Грациозным касанием руки, которому позавидовала бы любая кино-

звезда, Анжелина поправила безупречную прическу и наклонилась к зеркалу. Изящным пальчиком коснулась уголка глаза.

— Джим, смотри, у меня, кажется, морщина.

— Ну что ты! Просто свет неудачно падает.

Пока я произносил эти вежливые, правдивые и простые слова, мысли мои уже неслись вскачь. Счастливые годы супружеской жизни открыли мне одну важную истину... если не целую гору важных истин. Женщина никогда не изъясняется на одном смысловом уровне. Самый немудрящий вопросик, например, «ты не проголодался?» может означать «я проголодалась», или «ты не забыл, что нас пригласили на обед?», или «я не хочу есть, но ты наверняка скоро начнешь ко мне приставать, требовать завтрак». Возможны и тысячи других толкований. Но мнимая морщинка у глаза, вслед за невинными расспросами о Луссуозо и случайным появлением рекламного проспекта на краю стола, могла означать только одно. Я улыбнулся.

— Дорогая, мне начинает казаться, мы злоупотребляем гостеприимством этой планеты и она рискует нам надоесть. Ты еще не подумывала о перемене обстановки? По-моему, нам пора отдохнуть на какой-нибудь роскошной, щедрой на развлечения планете.

Она развернулась на каблуках и осыпала меня восторженными поцелуями.

— Джим! Ты, наверное, телепат! Что скажешь насчет...

Если честно, «говорить насчет» от меня не требовалось. Только вспомнить давно забытые номера банковских счетов.

Но удовольствие того стоило. Поначалу. Иногда Анжелина куда-то уходила, но мы с ней ни разу не обсуждали омолодительные процедуры. Обнаружив у себя в шевелюре седые волосы, а также заметив одышку после серьезных тренировок, я вынужден был признать, что и мне не повредит оздоровительный цикл, а то и два. В конце концов я раскошелился.

Рекламные проспекты не солгали, на Луссуозо нам жилось весело и интересно. У нас был великолепный дом и красивые друзья. Уж не знаю, насколько красивы они были до того, как стали красивыми, но теперь они смотрелись очень даже неплохо. Говорят, не все на свете можно купить за деньги, но в наши времена это не более чем избитый штамп. На Луссуозо все молоды, красивы и богаты. Хотя, пожалуй, слово «богаты» заслуживает первого места. А потом идут «молоды» и «красивы».

Не так уж много времени мне понадобилось, чтобы узнать, какие они все неизлечимые зануды. Похоже, избыток денег способствует появлению на свет людей, которые интересуются только избытком денег. Не скажу, что я сноб (куда мне до настоящего сноба!), в круг моих друзей и знакомых попадали воистину удивительные, даже изумительные образчики самых невероятных проявлений жизни. Всезнайки и зазнайки. Диктаторы и махинаторы. Политиканы и полицейские болваны. Вояки и прочие бяки. И в их

обществе мне никогда не бывало скучно, если, конечно, не брать во внимание кое-какие нюансы. Однако, проведя месяц на Луссуозо, я уже был согласен на что угодно... только не на второй месяц на Луссуозо.

Даже самоубийство казалось вполне приемлемым вариантом. А может, вернуться в армию? Или поплавать в озере серной кислоты? Все веселее, чем провести пять минут в обществе Ровены Виникультуры или Вивилии фон Брун.

Но я покорно сносил их дурацкую болтовню и топил горе в вине. На то были две причины. Во-первых, за медицинское обслуживание я заплатил кучу денег величиной со спутник и вовсе не желал бросать их на ветер. Во-вторых (и эта причина гораздо важнее), на Луссуозо Анжелина очень хорошо проводила время. Прежде наш образ жизни не позволял ей обзавестись подругами и приятельницами. Ее кровожадная юность осталась в далеком прошлом и глубоком забвении благодаря психиатрам, которые вернули ее в лоно цивилизованного общества, но избавили далеко не от всех преступных наклонностей. Мы с ней старались лишний раз не вспоминать дела давно минувших дней, когда я (разумеется, в порядке исключения) воевал под знаменем закона, а под ее очаровательной внешностью таилась коварная, злобная и жестокая натура. Я никак не мог понять, в чем тут дело, пока она (любившая меня, должно быть, уже тогда) не доверилась мне, пока не раскрыла медальон со страшной тайной своего прошлого. Ее красота вышла из-под скальпеля хирурга. Операции стоили безумно дорого, только беспримерные по лихости и жестокости кражи и грабежи позволили Анжелине расплатиться с врачами. Она приобрела ангельский облик, но в душе так и осталась жуткой уродиной.

Имея за плечами такое прошлое, да еще привычку то и дело переступать рамки закона, поневоле станешь анахоретом. Разумеется, мы старались вести не слишком замкнутый образ жизни, но все равно он изрядно отличался от образа жизни 99,99 процента человечества. А потом у нас родились близнецы... Не скажу, что я встретил эту новость с энтузиазмом, но потом мало-мальски вошел во вкус отцовства и изменился к лучшему. Так утверждает Анжелина, а уж кому и знать меня, как не ей. Когда мальчуганы подросли, мы постарались дать им самое лучшее образование. А потом долго спорили и в конце концов пришли к выводу, что Джеймс и Боливар должны выбрать образ жизни, который им импонирует. Сказать по правде, мы с Анжелиной все-таки показали им наиболее заманчивые аспекты нашего бытия. И счастлив заметить, что мальчики не колебались в выборе. Все эти приятные и полезные занятия не позволяли нам скучать, и, поскольку у Анжелины никогда не было близких друзей, она не стремилась обзавестись и близкими подругами.

На Луссуозо ее словно подменили. Я постоянно видел ее в обществе светских див, они вместе приходили и вместе уходили, а куда уходили, я не спрашивал, меня это мало заботило. Главное, что Ан-

желине было хорошо. Она даже как-то раз упомянула (эх, растяпа ты растяпа, ну почему не расспросил?) о Храме Вечной Истины. Анжелину он не слишком интересовал, но ее туда несколько раз заманивали увлекающиеся подруги. И вот результат...

Я надолго присосался к стакану, а потом строго-настрого запретил себе наполнять его заново.

Зазвонил телефон.

— ДиГриз, — буркнул я.

— Адмирал, это капитан Коллин. Есть кое-какие новости о Храме Вечной Истины. Вы бы не могли приехать в мой офис?

Когда я выскочил за дверь, он еще говорил.

Глава 2

— Итак, что вы обнаружили? — Я бесцеремонно ворвался в офис капитана Коллина. Он говорил по телефону и жестом велел мне подождать.

— Да. Спасибо, я понял. — Он повернулся ко мне. — Это из больницы. Похоже, у миссис Виникультуры посттравматическая амнезия.

— Забыла все, что с ней случилось?

— Вот именно. У врачей есть способы проникнуть в ее память, но с этим придется обождать, пока она не оправится от шока.

— Но ведь вы меня не для этого позвали?

— Вы правы. — Он провел пальцем по внутренней стороне воротника. Он выглядел смущенным — насколько это возможно для перегруженного мускулатурой капитана полиции. — Мы, граждане Луссуозо, гордимся нашей сверхнадежной службой безопасности, сверхтщательным делопроизводством...

— Следует понимать, — перебил я, — что ваша служба безопасности опростоволосилась, а делопроизводство дало маху?

Он открыл рот для гневной отповеди. Но тут же закрыл его и обессиленно упал в кресло.

— Вы угадали. Но этого еще никогда не бывало.

— Один раз — это уже перебор. Рассказывайте.

— Просто беда с этим Храмом Вечной Истины. Видите ли, он зарегистрирован должным образом, религия признана общественно безопасной. Бухгалтерия в полном порядке, финансовые отчеты предоставлялись точно в срок. Но Храм, как и остальные церкви, был освобожден от уплаты налогов. Короче говоря, все выглядело очень даже пристойно. Разумеется, у нас есть досье на всех священнослужителей, мы располагаем сведениями, и весьма подробными, обо всех рядовых членах секты...

— Досье? Сведения? Вас не затруднит объяснить?

Капитан явно был не в своей тарелке.

— Видите ли... Луссуозо, как и любая цивилизованная планета, свято блюдет Межзвездный закон о свободе вероисповедания. Вам, конечно, доводилось о нем слышать.

— Что-то такое слышал. В школе.

— Межзвездный закон — это вам не что-то такое. История религии — это история насилия. Слишком уж часто верующие проливали кровь. Мы сыты по горло убийствами. А посему ни одно государство, ни одна планета не может иметь официальной религии. Точно так же государство или планета не может иметь законов, контролирующих религию. Свобода собраний и отправления религиозных обрядов — краеугольный камень цивилизации.

— А как насчет изуверских культов?

— К этому-то я и подвожу. Галактический кодекс требует от нас невмешательства в дела религиозных общин, и мы ни в коей мере не поступаемся этим принципом. Но, поскольку юным и морально неустойчивым необходима защита, мы бдительно следим за всеми сектами. Разумеется, совершенно легально и с предельной осторожностью. Желая убедиться, что никто не посягает на права верующих, что каждая секта вольна по-своему вершить религиозные обряды, что никто не посягает...

— Давайте покороче. Вы пытаетесь сказать, что держите все секты под колпаком. Знаете, кто в какую церковь ходит, как часто и к чему эти хождения могут привести.

— Именно, — агрессивно прорычал он. — Мы храним эти сведения за семью печатями и допускаем к ним лишь самых высокопоставленных лиц, и то в исключительных случаях...

— Отлично. Случай исключительный, а мы с вами — высокопоставленные лица. Излагайте.

— Ровена Виникультура — одна из самых «старых» прихожанок храма. Службы посещает регулярно. Вашу жену она приводила на четыре сеанса, или мессы, или как у них это называется...

— И?

Капитан Коллин опять стушевался.

— Как я уже говорил, наши досье полны и весьма подробны. Только один человек — магистр Фэньюимаду, глава Храма Вечной Истины...

Он замялся и уперся глазами в стол. Я договорил за него:

— Магистр Фэньюимаду не фигурирует ни в одном из ваших файлов.

Он кивнул, не поднимая головы.

— Мы знаем его адрес и зафиксировали каждое посещение храма. Но ничего сверх этого мы не сделали, дабы не нарушить Межзвездный закон о свободе вероисповедания.

— Не следили за ним? Не интересовались его прошлым? Обстоятельствами иммиграции? Темными делишками?

Он отрицательно покачал головой. Я не на шутку разозлился.

— Позвольте мне слегка порассуждать. Вам неизвестно, как он попал на эту планету. Вы не знаете, здесь он сейчас или уже улетел. Я прав?

— Видите ли... мы допустили небольшую оплошность.

— Оплошность?! — Я вскочил на ноги и забегал по кабинету. — Оплошность?! Пожар! Взрыв! Кровь! Женщина в больнице! Бесследное исчезновение моей жены! Это вы называете оплошностью?

— Адмирал, вовсе ни к чему так волноваться.

— «Ни к чему»? Я вам покажу «ни к чему»!

— Адмирал, мы ведем расследование и уже добились кое-каких результатов. — Он притворился, будто не услышал мой презрительный смех. — Обнаруженная в Храме кровь собрана и проанализирована на молекулярном и субатомном уровнях. Результаты сопоставлены с образцами крови всех людей, находящихся сейчас на Луссуозо. Как вам известно, мы тщательно храним данные медицинского обследования. На сегодняшний день компьютеры располагают огромной базой данных. Еще когда я вам звонил, сектор поиска значительно сузился — до двадцати, даже меньше, человек. Пока мы тут с вами беседовали, я получил самые свежие данные. — Он постучал по экрану на столе. — Число подозреваемых сократилось до пяти... Нет, до четырех! Погодите, их уже всего три, и две пробы крови взяты у женщин. Остается мужчина...

Как только он выдернул лист из принтера, мы дружно повернулись и бросились к двери.

— Кто? — крикнул я на бегу.

Он прочитал не останавливаясь.

— Профессор Джастин Слэйки!

— Где?

— Отсюда — шестьдесят секунд полета.

Ну хоть на этот раз он оказался точен. Вертолет оторвался от земли, едва мы запрыгнули в салон. Очевидно, на этой планете военные узнавали новости одновременно с полицейскими — над нами ревели десантные реактивные «вертушки». Еще до захода на посадку мы увидели, как десантные машины приземляются, из них высыпает пехота и окружает дом.

Под вой двигателей мы спрыгнули на мощенный каменными плитами внутренний двор. Коллин выхватил огромный пистолет и на секунду раньше меня ударил ногой в дверь.

Пусто. Птичка улетела.

Спальня. В платяном шкафу — четыре чемодана в ряд. Между ними брешь, точно след вырванного зуба. Одного чемодана не хватало. Дверь гаража была распахнута настежь. Вошел офицер связи, отдал честь и достал распечатку из нагрудного ранца.

— Удрал, сэр.

Коллин зарычал и выхватил у него лист.

— «Профессор Дж. Слэйки. Пассажир межзвездного лайнера пятизвездного класса «Звезда суперзвезд». Отправление...» — Он посмотрел на меня. Он был мрачнее тучи. — Больше часа назад.

Стало быть, корабль уже в кривопространстве и до его прибытия на место связи с ним не установить. Я призадумался. Выбор был небогат.

— Вам, конечно, надо обратиться к правительству места назначения. Впрочем, вряд ли это что-нибудь даст. Случай, мягко говоря, не совсем обычный. Я очень сильно подозреваю, что этот тип все время опережает нас на корпус. Скорее всего разговор с пунктом ожидаемого прибытия корабля ничего не даст, поскольку лайнер идет по другому, непредвиденному маршруту. Капитан, по-моему, мы упустили Слэйки. Но вы, по крайней мере, можете мне сказать, что он собой представляет. Или хотя бы, за кого вы его принимаете.

— Самое неприятное, что он действительно профессор Слэйки. Я начал розыск, едва прочитал его фамилию, и только что получил доклад непосредственно от медицинского начальства. Профессор Слэйки — врач с межпланетным именем, прибыл сюда по приглашению правительства, — за услуги такого профессионала никаких денег не жаль. Что-то связанное с замедлением энтропии применительно к нашему медицинскому обслуживанию.

— На мой взгляд, это разумно. Замедлить энтропию — значит, замедлить старение. Для чего и предназначена ваша планета. Так вы говорите, он — настоящий?

— Несомненно. Мне посчастливилось однажды увидеть его за работой. Он истинный гений, не только я, но и наши ученые, в основном врачи, остались от него в восторге. Ко мне поступают сведения, — Коллин дотронулся до динамика в ухе, — что они отказываются верить в его причастность к деятельности Фэньюимаду.

— А вы верите?

Он не успел ответить. Снаружи донеслась перебранка, затем распахнулась дверь и вбежал полицейский с герметичным контейнером под мышкой.

— Капитан! Бригада судмедэкспертизы разобрала все обломки Храма Вечной Истины и обнаружила вот это... под разрушенным электронным устройством. Мы не могли понять, что это, пока не подняли аппарат. Это... человеческая рука!

Он поставил контейнер на стол, и мы ошеломленно уставились на раздавленную, искромсанную руку в прозрачном контейнере. На меня нахлынул страх, но отпустил, как только я по форме и величине руки определил, что она несомненно принадлежала мужчине.

— Кто-нибудь додумался взять отпечатки пальцев?

— Додумался, сэр. Они уже в компьютере и...

Его перебил звонок телефона. Капитан Коллин поднес аппарат к уху, послушал и медленно положил на место.

— Отпечатки идентифицированы. Да, сэр. Это рука профессора Слэйки.

— Если вам нужно вещественное доказательство, вот оно. — Я показал на раздавленную конечность. — Слэйки и Фэньюимаду — одно и то же лицо. Сначала — анализ крови, а теперь еще и это. Постоянно держите меня в курсе. Ясно?

Не дожидаясь ответа, я повернулся на каблуках, направился к выходу и крикнул через плечо:

— Надеюсь, когда я доберусь домой, все сведения о Слэйки уже будут в моем компьютере!

Все, Джим, хватит заниматься ерундой. Возня с полицией и властями — напрасная трата времени. Пора браться за работу.

Я вызвал такси, позвонил своему водителю, чтобы перегнал машину домой от управления полиции (плох тот богач, который не жмет соки из слуг), и по дороге продумал во всех деталях план спасения Анжелины.

— Здесь я выйду, — сказал я таксисту в километре от дома. Я слишком нервничал, чтобы наслаждаться шикарной ездой. Хотелось пройтись и поразмыслить. Во мне крепло предчувствие, что полиция очень скоро зайдет — если еще не зашла — в тупик. Злоумышленник слишком превосходит ее по части ума. Но удастся ли мне его одолеть?

Вокруг стояли роскошные дома, их окружали великолепные сады, вовсю щебетали птицы. Я мало что слышал и ничего не видел. Но, приближаясь по тропинке к дому, все-таки заметил, что передняя дверь приотворена. А ведь я ее запер собственной рукой. Воры? Исключено. На солнечной Луссуозо от бытового воровства избавились, чего нельзя сказать о бытовом занудстве. Я вошел, хлопнул дверью и широко улыбнулся. Джеймс вскочил с кресла, подбежал ко мне и обнял. Или Боливар?

— Папа, я — Джеймс. — Он помнил о моей ахиллесовой пяте. — Ничего, когда-нибудь ты научишься нас различать.

— А я уже научился. Ты предпочитаешь синие рубашки.

— Эта — зеленая. Советую найти примету понадежнее.

Он мне налил горячительного, а о себе успел позаботиться до моего прихода, и я доложил об успехах полиции. Вернее, об отсутствии таковых. Затем он произнес слова, которые вряд ли могли нас ободрить:

— Я уверен, с мамой все в порядке. Да, она исчезла. И наверняка попала в беду. Но в нашей семье она лучше всех может за себя постоять.

— Конечно, сынок, она лучшая из лучших. — Вопреки моему желанию, прозвучало это довольно мрачно. Джеймс положил руку мне на плечо, очень сильно сжал.

— Да, папа. Произошло что-то непонятное и страшное. Но эта женщина, Ровена, говорит «пропала», а не «умерла». Поэтому мы должны взяться за дело и найти маму. Только и всего.

— Верно. — Я упрекнул себя за надрыв в голосе. Ах ты, старая серая сентиментальная крыса! Хватит распускать нюни! — Правильно, сынок! И если клан диГризов не справится с этой работой, то значит, с ней не справится никто.

— Чертовски хорошо сказано! Да, я получил от Боливара весточку, очень скоро он будет здесь. Твой вызов застал его на исследовательском корабле — он занимался геологической съемкой на спутниках. Все бросил и летит быстрее света.

— Лунная геология? Что-то новенькое. А я думал, он в биржевые маклеры подался.

— Эта профессия ему быстро наскучила. В конце концов он вложил свои миллионы в самые рискованные предприятия — я уверен, с гораздо большей выгодой для себя, чем для клиентов, — вонзил брокерский штык в землю и купил космический корабль. Так чем мы сейчас займемся?

— Для начала, если не возражаешь, я тебя попрошу еще разок наполнить стаканы. — Я упал в кресло. — Старым, добрым, стопроцентно надежным и как раз для таких случаев предназначенным «Мозговым штурмом». Нам предстоит работенка.

— Какая, папа?

— Прежде всего надо раз и навсегда отказаться от сотрудничества с власть предержащими. Их тянет все дальше в лес, хотя они уже достаточно наломали дров.

— А мы пойдем другим путем. — Он не спрашивал. Он констатировал факт.

— Вот именно. Бюрократы затеяли невероятно дотошные, необыкновенно кропотливые поиски Слэйки, а у нас нет времени на глупости.

У него поднялись брови, и мне пришлось улыбнуться.

— Если они добьются успеха, в чем лично я весьма сомневаюсь, мы об этом очень скоро узнаем. А тем временем мы должны собрать все сведения, какие только можно, о Храме Вечной Истины. Будем брать их из первых рук. Прихожане расскажут все, что нас интересует. — Я помахал перед его носом списком сектантов, которым без особого труда разжился в полиции. — Среди них три женщины, я с ними довольно хорошо знаком. Ну что, начнем?

— Как только я сниму щетину с физиономии и надену чистую рубашку, можешь считать, что дело в шляпе. Я ведь красавчик и знаю подход к слабому полу.

Я довольно хмыкнул. Думайте о нас, что хотите, но я-то знал, что сын говорит чистую правду. В нашей семье ложная скромность не поощрялась.

— Действуй. А я пока разогрею мотор семейного драндулета.

Разумеется, я говорил в переносном смысле. Процветающая планета Луссуозо по праву гордилась своим чистым воздухом, наверное, самым дорогостоящим в галактике. По-моему, за одну только мысль о гадком двигателе внутреннего сгорания можно было угодить в кутузку. Здешние машины бегали на атомных или

электрических батареях или, как наш шикарный «парящий орел», на энергии, аккумулированной в маховом колесе, которое на ночь подключалось к источнику тока.

Я свистнул. Робошофер выкатил машину из гаража, склонил передо мной пластмассовую голову и глупо улыбнулся. Вздыбилась золотая крыша, в салоне заиграла легкая гостеприимная музыка. Как только я расположился на сиденье, включился телевизор. Передавали новости, но как раз их-то я и не желал слышать.

— Спорт, — сказал я, и телевизор молниеносно выбрал из множества передач скоростную гонку на воздушных шарах. К приходу Джеймса бар разлил шампанское по бокалам.

— Ух ты! — восхитился Джеймс. — Настоящее золото?

— Конечно. А еще алмазные фары и ветровое стекло. За ценой мы не постояли.

— Куда? — спросил он, потягивая шампанское.

— Первая в списке Вивилия фон Брун. Не только в этом списке, но и во всех остальных, надо полагать. Невероятно богата, умопомрачительно красива. Я ей позвонил, и она к нашим услугам.

Чарующе улыбаясь, она выплыла нам навстречу. Она оставила под изумительными глазами красноватые тени — след недавних переживаний. Конечно, те переживания были во всех отвратительных подробностях описаны в программах новостей. На ней было нечто серое и просвечивающееся, каждое ее движение позволяло нам взглянуть на загорелые прелести. Выглядела она лет на двадцать пять, от силы на двадцать шесть, и вообще казалась идеалом красоты и здоровья. Но я не верил в идеалы и даже помыслить не решался о ее настоящем возрасте. Должно быть, это что-то астрономическое.

Она протянула изящную руку. Я ее взял и легонько коснулся губами.

— Милый Джим, бедняжка! — Она вздохнула. — Какая трагедия!

— Ничего, еще не вечер. Разреши представить тебе моего Джеймса.

— Ах какой ты умница! Молодец, что заглянул. Уолдо, мой муж, опять на охоте. А по мне, так что может быть скучнее, чем взрывать диких животных? Если Джеймсу негде переночевать...

Вивилия не теряла времени. Пока Уолдо крошил робохищников на лоне природы, она помаленьку хищничала на дому. Вероятно, она не годилась Джеймсу даже в прапрабабушки. А значит, имела кое-какой опыт... Я выбросил из головы неприличную мысль и вспомнил, за чем пришел.

— Вивилия, мы ищем Анжелину, и ты способна нам помочь. Для этого надо рассказать все, что тебе известно о Храме Вечной Истины.

— Ах, Джимми, ты такой... напористый! И твой сын, конечно, унаследовал...

— Сначала факты! — рявкнул я. — Флирт — потом!

— Грубо, но по существу, — улыбнулась невозмутимая Вивилия. — Хорошо, расскажу все как на духу.

Ее рассказ доставил бы нам с Джеймсом намного больше удовольствия, будь он раз в десять короче. Вивилия обожала чесать язык, но я не позволял ей слишком далеко отходить от темы. Между прочим, от очень интересной темы.

Поистине олимпийская скука привела к расцвету на Луссуозо спорта, эскапизма и всевозможных религиозных культов. Магистра Фэньюимаду приглашали на различные приемы и званые вечера, с гипнотизмом его проповедей соперничал только магнетизм его глаз. Праздношатающиеся дамы нет-нет да и заглядывали в Храм Вечной Истины, очень многие становились завсегдатаями. И Вивилия вполне доходчиво объяснила почему.

— Его религия, как и любая другая, дает утешение, но дело не столько в утешении, как в обещании вечного блаженства. Впрочем, у него и проповеди интересны, уж поверьте. Все лучше, чем ежедневная телемуть. А проповедует он вот что. Тому, кто часто ходит в Храм, истово молится и охотно жертвует, предоставляется возможность заглянуть в рай.

— В рай? — Я торопливо перерывал свои познания в рудиментарной теологии.

— В рай. Да неужели ты о нем ничего не слышал? Неужели в твоей религии...

— Папа атеист, — сказал Джеймс. — Как и все мы, диГризы.

Вивилия многозначительно усмехнулась.

— Что ж, не мне вас судить. В наш век реализма и социального равенства таких, как вы, большинство. Но у этой медали есть и оборотная сторона — обожествление рутины, возведение прагматизма в культ. Тоска смертная. Поэтому нет ничего странного в том, что самые чувствительные из нас ищут высший смысл бытия...

Наступил мой черед многозначительно усмехнуться. Но снисходительная Вивилия притворилась, что не заметила.

— Мне бы не пришлось этого объяснять, если бы ты прилежнее училась в школе и не прогуливал уроки прикладной теологии. После смерти все мы попадем на небеса, и тот, кто при жизни вел себя хорошо, получит в награду вечное блаженство. Те же, кто вел себя плохо, отправятся в ад — на вечные страшные муки. Я понимаю, все это выглядит слишком упрощенно и нелогично. Так показалось и мне, и всем остальным девушкам, когда мы впервые услышали о небесах и преисподней. Однако возможность побывать в этих местах, по крайней мере с кратким визитом, придает им весомость и осязаемость. После того, как я сама там побывала, у меня основательно поубавилось недоверия.

— Гипноз, — предположил я.

— Ха! Джимми, это же слово я услышала от Анжелины. Она тоже поджимала губы и фыркала, точь-в-точь как ты. А я ей на это ответила, что все мои подруги, побывавшие в раю, пережили

в точности те же ощущения, что и я. Уж поверь, я способна отличить гипнотическое наваждение от реальности. Нет, это был вовсе не транс. Не могу описать сам перенос в рай, но я там была, честное слово. Одной рукой магистр Фэньюимаду держал меня, а другой эту редкостную тупицу Роузбадд. Она слишком бедна умом, чтобы ее можно было загипнотизировать. Но в раю мы видели друг друга, и у нас остались схожие впечатления. Там так чудесно, так красиво — даже слов не подобрать. И... здорово воодушевляет. — Она запнулась и покрылась легким румянцем. Воодушевление было не в ее стиле.

— Анжелина тоже побывала в раю? — спросил я. — Мне она ни о чем подобном не рассказывала.

— Я тоже ни о чем подобном не могу рассказать. Не имею привычки совать нос в чужие дела.

Она притворилась, будто не заметила моей поднятой брови. Я понял, что ничего нового здесь не узнаю. Сейчас она скажет: «Вы и сами могли бы увидеть рай, если бы верили». Не женщина, а твердыня веры.

Она вдруг резко сменила тему — предложила Джеймсу взглянуть на дом и взяла его под руку. Я вдруг почувствовал себя третьим лишним. Отпускать моего сына за здорово живешь она явно не собиралась, но, к счастью, из космопорта позвонил Боливар, и нам не пришлось искать повод для бегства.

По пути в космопорт я вдруг поймал себя на том, что скалю зубы и все сильнее злюсь.

— Р-р-р-р! — сказал я наконец.

— Недурной рык, папа. Нельзя ли узнать его причину?

— Можно. Джеймс, я в ярости. Слишком много загадок, и одна из них загадочнее всех. Меня уже с души воротит от этого пройдохи и его липовой церкви.

— А мне казалось, к жуликам и проходимцам ты снисходителен.

— Снисходителен, но лишь при условии, что они надувают богатых. Я никогда не обжуливал вдов, сирот и вообще всех тех, кто не смог бы этого пережить. И к тому же я иду на преступление только ради денег. Ради старых добрых зелененьких и желтеньких, ради хрустящих и звенящих красотулечек.

— Я все понял. — На лице Джеймса появилась свирепая, под стать моей, улыбка. — Ты — за чистое, высоконравственное мошенничество. За то, чтобы отнимать деньги у богатых и отдавать их не столь богатым. В частности, тебе. И чтобы никто не страдал от этой процедуры.

— Совершенно верно! В афере Фэньюимаду, несомненно, тоже замешаны деньги, но оскорблять чувства верующих — это уже недостойно! Фальшивый гуру переступил грань приличия. Вера — самое сокровенное богатство человека. Религия — исключительно тонкая материя, руками ее лучше не трогать. Я никому не диктую, во что ему верить, а во что — нет. Я даже внимательно выслушиваю искренне верующих, какую бы они чушь ни мололи. Но

Слэйки, он же Фэньюимаду, ведет грязную игру. Мало ему лживых проповедей, он использует машины, чтобы дурачить простодушных, убеждать их в существовании загробного мира. Я не спорю, может быть, он и существует, но в данном случае мы имеем дело с чистейшей воды мошенничеством. Если человек после смерти попадает на небеса, значит, единственная дорога туда — смерть. Никакие обзорные экскурсии природой не предусмотрены. Короче говоря, у Слэйки не просто очень грязный промысел, но и, возможно, очень опасный. Добро бы он показывал своим доверчивым прихожанам настоящий рай, где им неизбежно предстоит оказаться. Он бы просто вытягивал из них деньги, а это красивое, благородное занятие. Но он вытягивает из них индивидуальность и веру. Он им лжет, наживается на страхе перед смертью. Представляешь, как они будут потрясены, узнав, что их одурачили? Шок, психическая травма, эмоциональная контузия. Мы должны его остановить! Во что бы то ни стало!

Рыча в унисон, мы подъехали к космопорту. Боливар, загоревший под лучами кварцевой лампы, помахал нам и отворил дверцу машины. Он еще не успел снять скафандр. По пути к дому мы ему обо всем рассказали.

Едва переступив порог, я почувствовал легкий голод. Без особой надежды заглянул в меню автоповара, решил не рисковать и набрал три бифштекса из ардварка с гарниром из жареных овощей. А в душе пожалел, что не могу заказать экзотический обед на четверых, он бы сейчас был очень кстати.

— Спасибо, папа, ты отличный кулинар. — Боливар отодвинул тарелку и бокал с вином, которое даже не пригубил. — А то эти сухие пайки уже вот где сидят. Ты не поверишь, я даже хотел попробовать их упаковку — вдруг она повкуснее, чем содержимое. Впрочем, это к делу не относится. По-моему, нам пора браться за работу.

Как раз в этот момент просигналил центральный терминал, и на экране появилось лицо Анжелины.

— Джим, я хочу тебя предупредить, — сказала она, и мое сердце, подскочившее к горлу, медленно сползло на свое привычное место. — Я еду в Храм. Мне обещали показать кое-что интересное. Конечно, я не верю в ахинею, которой нас пичкает краснобай и пройдоха Фэньюимаду, но точно знаю, что скучать не придется. Предстоит путешествие в физическом теле, — вероятно, даже за пределы планеты. Подробнее пока рассказать не могу, у меня в основном догадки и интуитивные предположения. Только не смейся, ладно? Будет опасно, но я хорошо подготовилась. Так что, если вдруг потеряешь меня из виду, не теряй надежды. Счастливо.

Анжелина послала мне воздушный поцелуй и исчезла.

— Она сказала «за пределы планеты»? — спросил Боливар.

Я кивнул.

— Папа, воспроизведи-ка еще раз.

Мы снова прослушали запись. И когда Анжелина снова умолкла, я кое-что понял.

— Она сказала «за пределы планеты» и ничего другого не имела в виду. Предположения?

— Уйма, — сказал Боливар. — Папа, давай на время забудем про Слэйки, как ты и предлагал. Полиция и без нашей помощи сумеет просмотреть свои банки информации. Из этой записи мы узнали то, о чем полиция не подозревает. Если мама за пределами планеты, значит, она в космосе, а космос — понятие очень емкое. Но я думаю, это нас не остановит. Надо искать в галактических информаториях. Мы должны найти Храм Вечной Истины, как только он снова вынырнет на поверхность, — скорее всего под другим именем или личиной. Надо составить его «словесный портрет», и пусть наши агенты перевернут галактику вверх дном.

— Вот именно, — согласился я. — Необходимо определить его модус операнди.

— Папа, я не так хорошо знаю мертвые языки, — сказал Боливар, — но если ты имеешь в виду, что мы должны разыскать этого шутника и его чокнутую секту, то я — за.

— А что, это мысль. Пусть он даже изменит фамилию и способы заманивания легковерных, почерк у него останется прежним.

— Каким?

— Пока — ни малейшего представления. Поручаю это выяснить вам с Джеймсом.

— Мы будем искать не только в прошлом, но и в будущем, — сказал Джеймс. — Нет никаких оснований считать, что эта секта привязана к одной-единственной планете. Зато есть все основания предполагать обратное.

— В точку, — кивнул Боливар. — Исходя из этого, разработаем план поисков.

Я с гордостью посмотрел на своих мальчиков. На лету схватывают, ни секуды не теряют. Да и сам я — хоть и старая крыса, только еще не заржавел. Но смотреть, как молодые, блестящие оттачивают зубы, — одно удовольствие.

Они разделили космос на двоих и принялись его обзванивать и опрашивать. Секторы поисков стремительно расширялись. Я решил не мешать сыновьям. Нашел холодное пиво, перенес к себе в кабинет и свистнул терминалу компьютера, чтобы включился. Потягивая пивко, я скользил по всевозможным базам данных и застревал на религиях. Надо было побольше разузнать насчет рая и ада. Все необходимое я нашел в разделе «Эсхатология». Там очень подробно и столь же сумбурно рассказывалось о жизни после смерти. За долгие века накопилось несметное множество различных религий, которых придерживалось такое же несметное множество различных социальных групп. В большинстве случаев загробная жизнь рассматривалась как новая стадия человеческого бытия, но в более или менее предпочтительных условиях. Другие религии рисовали потусторонний мир в черных красках. Умершему, считали они, неизбежно придется расплачиваться за грехи.

Я вызубрил статьи о рае и аде, затем о гадесе, парадизе и шеоле. В любой религии хватало путаницы и зауми, а то и откровенной белиберды. Впрочем, попадались и исключения, в основном компилятивные религии, составленные из клочков и осколков других. У меня заболела голова. Из всей этой теософской неразберихи несложно было вылущить один простой и ясный факт: религия — дело серьезное. Она затрагивает тему жизни и смерти. Очевидно, ранние религии были ненаучны, да и как иначе, если они не стремились понять действительность, а только воздействовали на эмоции? Они появлялись благодаря естественному желанию людей разгадать тайну своего существования. Но затем на сцену вышла наука, и религии должны были исчезнуть под натиском логики и эмпирики. Но не исчезли, и это наглядно доказывает способность человечества верить во взаимоисключающие явления.

День выдался утомительный, и я вдруг обнаружил, что красочные иллюстрации загробной жизни уже не скользят перед моим взором. Я вздрогнул и открыл глаза. Все, хватит на сегодня. Зевнем разок — и в постель. От выспавшейся крысы проку гораздо больше, чем от усталой, с обвислыми усами.

Я провалился в сон, а через десять секунд (или часов?) бестолково заморгал.

— Джеймс?

— Папа, это Боливар. Мы нашли второй Храм Вечной Истины.

Сон как рукой сняло. Я вскочил с кровати.

— Под тем же названием?

— Ничего подобного. Эта секта называется Церковь Ищущих Путь. В именах, биографиях, книгах ничего общего с Храмом Вечной Истины. Но по совокупности признаков — это он.

— Где?

— Недалеко. Планета Вулканн. В основном тяжелая промышленность и добыча сырья. Но есть симпатичный тропический архипелаг, на нем только курорты и виллы. Похоже, там довольно уютно. С ближайших звездных систем народ валом валит.

— Вылетаем?..

— Как только будешь готов. Билеты заказаны. До старта — час.

Я заглянул в бумажник. Кредитные карточки на месте.

— Я уже готов. Захватите какие-нибудь паспорта и — вперед!

Глава 3

На всякий случай мы отправились в путь под новыми именами и с новыми паспортами. В моем сейфе хранились десятки паспортов, все — подлинные. Из снаряжения мы взяли только две кинокамеры — надо заметить, их конструктору в самых диких грезах

не привиделись бы мои усовершенствования. Еще я, разумеется, прихватил алмазные запонки и герметичную шкатулку с драгоценностями и прочими невинными вещицами.

Прибытие на Вулканн выглядело более чем эффектно. Когда мы с пестрой толпой туристов высаживались из корабля, духовой оркестр грянул бравурный марш; под эту воодушевляющую музыку и наш взволнованный гомон к кораблю чеканным шагом приблизился Корпус Экскурсоводов. Черные ботфорты на высоких каблуках, а также облегающие и тонкие до прозрачности ярко-красные мундиры подчеркивали великолепные формы наших будущих гидов. Раздалась отрывистая команда, они дружно остановились и разошлись. Каждая гидесса получила назначение, и самая привлекательная — блондинка с очаровательными веснушками на носу — строевым шагом приблизилась к нам и отдала честь.

— Сэр, фирма «Диплодок и сыновья» счастлива приветствовать вас на планете Вулканн. Я — Дивина де Зофтиг, но друзья меня называют просто Ди.

— Мы — друзья!

— Ну разумеется. Пока вы будете гостить на нашей чудесной планете, я всегда к вашим услугам. Позвольте обращаться к вам неформально: Джим, Джеймс и Боливар.

— Ну разумеется! — хором откликнулись близнецы, дружно копируя ее белозубую улыбку.

— Вот и прекрасно. Добро пожаловать на праздник, который всегда с вами.

— С удовольствием! — воскликнули они, излучая жар буквально из каждой поры.

— А коли так, прошу следовать за мной. Будьте добры, махните справками о здоровье вон туда, в сторону врача. Отлично. А теперь посмотрите вон на того робота. Это носильщик, он понесет ваш багаж. Выход — там, благодарю вас. Рентгеновский аппарат на выходе просветит ваши бумажники и убедится в подлинности кредитных карточек. Вам предстоит восхитительный и очень дорогой отдых на нашей планете.

Прямолинейность гидессы создавала самое выгодное впечатление. Планета Вулканн уже начинала мне нравиться — почти так же, как мальчикам Ди. Ужасно не хотелось портить им настроение, но ведь мы прибыли сюда ради дела, а не ради удовольствий.

— Нам нужна роскошная гостиница, — сказал я.

— У нас их тысячи.

— Предпочтительна ближайшая к Церкви Ищущих Путь. Мы хотим повидаться с друзьями.

— В таком случае, вам очень повезло, поскольку на той же площади Гротского стоит робособняк Разумовского. В обслуге — только роботы, гостиница открыта круглосуточно, и там всегда есть места.

— Годится, — сказал я. — Веди.

— Ваш номер готов и ждет, — сообщила она, когда такси остановилось перед гостиницей.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — загомонили, хватая наши чемоданы, до неприличия жизнерадостные робопортье.

— Это вам. — Ди приколола каждому из нас на рубашку искусственный цветок в алмазах. — Сейчас мы расстанемся, но я не забуду о вас ни на миг. Достаточно сказать цветку мое имя, и я прилечу, как на крыльях. От всей души желаю вам только одного: приятного времяпрепровождения. Молю, развлекайтесь!

— Будем! Будем! — хором ответили мы и позволили робокоридорным отвести нас в номер.

Перед тем, как сесть за работу, я связался с домом — нет ли новостей? Увы, никаких следов Анжелины. Полиция топталась на месте. Я чувствовал, что мы правильно сделали, поняв намек Анжелины и улетев с Луссуозо.

— Отлично. — Боливар провел стеклорезом по окну и вынул аккуратный стеклянный кружок. Стеклорез щелкнул и снова превратился в карманный нож. Боливар установил нашу умную кинокамеру на подоконнике, так чтобы объектив смотрел в отверстие. — Теперь можно не только снимать входящих и выходящих, но и записывать их голоса.

— Превосходно. — Глядя в видоискатель, я настроил и включил камеру. — Теперь она в автономном режиме.

— А память? — спросил Джеймс.

— Молекулярная, примерно на десять тысяч часов. Нам столько и не понадобится. Сейчас мы спокойно выпьем, перекусим и вздремнем, а утром полюбуемся на улов.

Утро мы благополучно проспали. День на Вулканне длился десять часов. Пока мы спали, солнце взошло и зашло. Когда завтракали, оно снова вынырнуло из-за горизонта и быстро полезло вверх. Без особого воодушевления мы смотрели в окно; тем временем робофициант убирал тарелки, а кровати застилались сами. Поскольку гостиница была целиком автоматизирована, никто не обращал внимания на нашу странную деятельность. На той стороне улицы в Церковь входили первые прихожане. Ни одного знакомого лица. Когда затворялась высокая дверь, я заметил, что грызу ногти, и вскочил на ноги.

— Я в спортзал, а потом в бассейн.

— Мы там будем раньше тебя. — Боливар метнулся к двери в свою спальню.

Подойдя к бассейну, мы сняли и отбросили полотенца. Войдя через другую дверь, Ди тоже сняла и отбросила полотенце. Но не стоило переоценивать этот жест. Просто на Вулканне нагота не считалась постыдной.

— Надеюсь, вам нравится на нашей сказочной планете. — Широкая улыбка Ди, как и все остальное, смотрелась восхитительно.

Конечно, это был риторический вопрос. Я нырнул и энергично заработал руками и ногами, а близнецы столь же энергично — язы-

ками. «Ах, молодость, молодость... что-то в тебе все-таки есть», — подумал я, когда остановился передохнуть и полюбоваться сыновьями и красоткой Ди.

Потом мы перешли в гимнастический зал, и мальчики размялись до седьмого пота. Как ни крути, мы прилетели работать, а не жирок нагуливать. Упражнения, не требующие усилий мозга, пошли нам на пользу — подняли настроение и позволили забыть об Ищущих Путь. Со свежими силами, а еще с ленчем, утрамбовавшим в желудках недопереваренный завтрак, мы вернулись в номер. Я включил ускоренное воспроизведение, затем прослушал несколько диалогов и, наконец, увеличил изображение каждого прихожанина и сделал снимки их лиц. Мы их расстелили на столе, внимательно рассмотрели и дружно приуныли. Потом Джеймс высказал мысль, которая угнетала всех:

— Одно мы теперь знаем наверняка. Никто из нас не сможет внедриться в секту.

— Да, без радикальной хирургии не получится.

Боливар широко улыбнулся. Мы ответили сердитыми взглядами. Среди посетителей Церкви Ищущих Путь не было ни одного мужчины.

— Нам нужна помощь, — сказал я.

— Ты еще не расстался со Специальным Корпусом? — спросил Джеймс.

— Расстанешься с ним, как же! Правда, я уже давно не общался со своим начальником, достопочтенным Инскиппом... а впрочем, может, оно и к лучшему. — Я глянул на ручные часы, затем нажал несколько кнопочек и улыбнулся. — Отличная новость. На главной базе сейчас глубокая ночь. Придется разбудить старого лежебоку.

Сначала ответил секретарь, но я знал код и обошел его крошечный робомозг. Чем упорнее звонил телефон, тем надрывнее храпел Инскипп, — он у нас не дурак поспать. Наконец он очухался, и телефон заскрипел знакомым сердитым голосом:

— Кто бы ты ни был, можешь считать себя покойником, если только это не самый чрезвычайный случай.

— Старина, это я, диГриз. Неужели разбудил?

— Сейчас я прикажу арестовать все твои банковские счета, даже те, о которых, по твоему глубокому убеждению, я ничего не знаю.

— Мне нужна помощь. Анжелина исчезла.

— Подробности. — Совершенно спокойный голос, раздражения как не бывало.

Я правдиво рассказал обо всем. А тем временем мальчики отправили по электронной почте все относящиеся к делу файлы, в том числе предупреждение Анжелины.

Инскипп не стал тратить время на соболезнования и поднял войска по тревоге раньше, чем я закончил рассказ. Будучи начальником Специального Корпуса — самой секретной из всех секретных служб, призванных защищать мир и охранять галактику, — он обладал внушительными возможностями и умел ими пользоваться.

— Сейчас на Вулканн летит крейсер, на его борту наш специальный агент. В ходе операции она будет носить кличку Сивилла. До сего момента она выполняла только мои приказы, а теперь поступает в твое распоряжение. Скажу вдобавок, что она — лучший агент из тех, кого я знаю.

— Даже лучше меня?

— Лучше всех, диГриз, лучше всех. Будут новости, докладывай.

Он отключился. Либо снова завалился спать, либо я его совершенно не знал.

На предельной скорости крейсер Специального Корпуса способен обогнать или перехватить любое космическое тело. И все-таки время шло невыносимо медленно. Чтобы хоть как-то развлечься, я залез в компьютерную сеть местной полиции — до смешного простая работенка, но она позволила убить несколько часов. Как только я с нею справился, у нас исчезла проблема опознания прихожан. Мы нисколько не удивились, проникнув в совершенно секретные финансовые отчеты и обнаружив, что все эти люди исключительно богаты. Подобно Храму Вечной Истины, Церковь Ищущих Путь ждала от своих адептов солидных пожертвований в обмен на проповеди и возможность получить некоторое представление о радостях загробной жизни.

У экрана монитора мы сидели по очереди. А в свободное от дежурств время старались не слишком много пить. Я побывал в бассейне, сорок раз пересек его из конца в конец, а когда вернулся, Боливар вскочил со стула и закричал:

— Ура!

Мы с Джеймсом подбежали к экрану и вытянули шеи.

— Точно, ура, — сказал я. — И еще раз ура. Мало того, что он не женского рода, он еще и очень знакомо выглядит.

— Слэйки-Фэньюимаду?

— И никто иной. Правую руку держит в кармане.

— И ты бы так делал, — без тени сострадания проговорил Джеймс, — если бы твоя рука заканчивалась запястьем.

Словно подслушав эту фразу, Слэйки вынул руку и помахал прихожанке.

— Отличный протез, — сказал я.

— И быстро же он им обзавелся, — с откровенным подозрением в голосе добавил Боливар. — При первой возможности пожму руку святому отцу.

Я вдруг уловил нечто странное, даже сам не понял, что именно. Может быть, сквозняк, а может, звук. Оглянулся и увидел, что дверь в коридор, надежно запертая на замки и засовы, отворена настежь. Вошла женщина и затворила ее за собой.

— Я — Сивилла, — произнесла она сочным контральто.

Высокая, загорелая, рыжая, статная, красивая. Она носила модный платье с вращающимися алмазами, они сверкали и шарили

лучиками вокруг, как прожекторы. Для такого броского, облегающего наряда необходима идеальная фигура. Вряд ли Сивилла могла пожаловаться на свою. Близнецы обернулись на голос и погрузились в одобрительное молчание. Я тоже одобрил — не столько ее внешность, сколько сам факт ее прибытия.

— Я — Джим диГриз. Это мои сыновья Боливар и Джеймс. Вы в курсе происшествия?

— Вполне.

— Отлично. Но вы еще не знаете, что Слэйки здесь, в Церкви, напротив этой гостиницы.

— И у него новехонькая правая рука, — добавил Боливар. — Мы рады, что вы не задержались.

— Я должна как можно скорее проникнуть в Церковь. Уверена, пока я сюда добиралась, вы навели справки о прихожанах. Вы отобрали наиболее перспективных для контакта?

— Вот эти три — самые многообещающие. — Джеймс достал из стопки фотографии и копии паспортов и протянул Сивилле. — Все они богаты и молоды, либо выглядят молодо после омоложения. Очень общительны, охотно бывают на приемах и вечеринках. Познакомиться с ними будет несложно.

— Что я и сделаю. Как только стану Ищущей Путь, я с вами свяжусь.

За ней затворилась дверь, и мы долго сидели молча.

— Очень самоуверенная, — сказал наконец Боливар. Конечно, это был комплимент.

— Лучший агент за всю историю Специального Корпуса. Так сказал Инскипп. — Поразмыслив немного, я кивнул. — Может, на этот раз он прав.

Видимо, Инскипп действительно был прав. Через три часа мы снова увидели Сивиллу, она входила под мраморную арку Церкви рука об руку с Моуди Лесплэйнс. В списке, который мы вручили Сивилле, это имя стояло первым. Почти через два часа она вошла в номер. На этот раз мы все видели, как отворялась дверь, ибо уже давно не сводили с нее глаз. Сивилла посмотрела на нас и улыбнулась.

— Джеймс, Боливар, надеюсь, кто-нибудь из вас угостит даму? Я бы предпочла что-нибудь жидкое, алкогольное и большую дозу.

Близнецы галопом помчались к бару, и мне пришлось отпрянуть. Она подошла к дивану, села и жестом предложила мне сделать то же самое.

— Джим, вы уж извините за бесцеремонность. Я устала с дороги, к тому же думала, действия вы цените выше разговоров о пустяках. Я вам очень сочувствую и надеюсь, что ваша супруга вернется в добром здравии. Я прослушала ее сообщение и твердо верю, что нам удастся ее найти. Но не на Луссуозо.

Будь на ее месте кто-нибудь другой, такие слова вряд ли ободрили бы меня. Но Сивилла, похоже, нисколько не сомневалась, что выполнит свое обещание. Мне очень хотелось ей поверить.

— Прошу. — Мой сын протянул бокал.

Она взяла, пригубила, улыбнулась и блаженно вздохнула.

— Спасибо, Боливар. Как раз то, что надо.

— Вот еще. А то вдруг покажется мало.

— Нет, Джеймс, хватит, благодарю.

— А вы уверены, что не путаете их? — ляпнул я.

— Ну что вы, Джим. Сами прекрасно знаете, это невозможно. Разве не всю жизнь у Джеймса вон тот шрамик на левой мочке?

Я оторопело заморгал. Шрамик? Да его почти невозможно разглядеть.

— С четырех лет, — сказал Джеймс. — Это меня Боливар укусил.

— Теперь я верю, что Инскипп не преувеличил.

Она улыбнулась моим сыновьям, затем повернулась ко мне, и улыбка исчезла.

— Ладно, пошутили, а теперь к делу. Я побывала на мессе Ищущих Путь. Похоже, она мало отличается от службы в Храме Вечной Истины, о которой я узнала на инструктаже. Все громче играет орган, все сильней запах ладана... это чтобы заглушить запах тойлинина. Вы, конечно, знаете, тойлинин — это транквилизатор, не из самых мощных. Здоровью не вредит, помогает расслабиться, облегчает внушение. Впрочем, особой нужды в этом нет, поскольку каждый ждет не дождется, когда его загипнотизируют. Очень вдохновенная проповедь. Было странно слышать ее от врача с такой репутацией, как у Слэйки. Тьма-тьмущая мистицизма и всякой чепухи о загробном мире, праведной жизни и благих делах, которыми выстлана дорога в рай. Потом опять музыка, женщины с большим энтузиазмом поют о предстоящем визите на небеса, после которого они пожертвуют внушительные суммы на нужды Церкви. На мой взгляд, все это очень похоже на рассказ Вивилии фон Брун.

— Значит, новая лавочка, старые жулики? — спросил я.

— Вряд ли здесь годится слово «жулики». Похоже, эти люди искренне верят в то, что проповедуют. Чтобы узнать побольше, я сама должна побывать в раю. Мне удалось приблизить этот день, — конечно, пришлось раскошелиться. Инскипп за голову схватится, когда узнает, сколько я истратила.

— Когда? — спросил Боливар.

— В самое ближайшее время. Не стоит спешить, можно спугнуть Слэйки. Да, кстати, здесь его называют отцом Мараблисом. И вот еще что показалось мне интересным. После мессы я к нему подошла и осыпала комплиментами. Ему это понравилось, и он не обиделся, когда я в порыве восторга схватила его за правую руку и пожала от всей души.

Я взволнованно подался вперед. Но спрашивать не пришлось. Она кивнула.

— Не протез. Теплая человеческая рука.

— Но... — Я запнулся. — Я же своими глазами видел отрубленную руку. И она опознана.

— Я знаю. Правда, интересно? Жду не дождусь, когда мы наконец разгадаем эту загадку.

Мальчики влюбленно смотрели на нее. Наш человек, своя в доску. Если и есть на свете детектив, способный найти Анжелину, то этого детектива зовут Сивилла. В ее сверхспособностях я больше не сомневался.

Через два дня (и два очень щедрых денежных взноса) ей велели приготовиться к «восхождению на небеса».

— Как я выгляжу? — спросила она, медленно поворачиваясь. Если женщина задает этот вопрос, значит, ей уже известен ответ. На ней было нечто черное, облегающее, дорогое и очень подходящее к шляпе. А еще много драгоценностей. — А вдруг все-таки разглядят? — Она коснулась крошечной алмазной брошки на лацкане.

— Только в микроскоп, — сказал я. — И то, если будут знать, что разглядывать. Центральный алмаз — кинокамера. Обычно я ее маскирую под запонку от рубашки. Я расположил вокруг еще несколько камешков, получилась эффектная брошь. Алмазная линза фокусирует изображение на нанометровые записывающие молекулы, а те доставляются под нее броуновским движением. Это движение поддерживается за счет тепла тела, поэтому источник питания обнаружить невозможно. Насчет освещенности не беспокойся, как и человеческий глаз, камера улавливает даже отдельные фотоны. Он разглядит то же, что и ты. И снимет.

— В жизни ничего подобного не видела.

— Как и твой босс Инскипп, — гордо произнес Джеймс. — Папа сам изобрел.

— Как только закончим это дело, я тебе подарю усовершенствованную, звукозаписывающую модель, — пообещал я Сивилле.

— Другой такой во всей галактике нет, — уточнил Боливар.

— Я... не знаю, как и благодарить, — с жаром произнесла она. И я был уверен, что этот жар — не притворный. Она быстро вышла из номера. Через несколько минут мы увидели, как она переходит улицу и исчезает под аркой Церкви.

Глава 4

Шел тропический ливень, то и дело полыхали молнии и грохотал гром. Церковь Ищущих Путь превратилась в туманное пятно, ее очертания терялись в сумраке за стеклом, испещренным брызгами дождя. Оптика позволяла видеть ее довольно сносно, но невооруженным глазом я почти ничего не мог разглядеть. Уже почти час Сивилла — в этом здании. У Слэйки. Я задыхался в четырех стенах.

— Пойду подышу свежим воздухом. — Я нахлобучил бейсболку с логотипом «Кокаин-кола» над козырьком.

— Промокнешь, — сказал Боливар.

— Будешь слоняться вокруг Церкви, спугнешь Слэйки, — добавил Джеймс.

Я высокомерно скривил верхнюю губу.

— Спасибо за сыновнюю заботу, но ваш старый папаша еще не в полном маразме. Эта кепочка не только рекламирует дрянной напиток, она в придачу создает водоотталкивающее поле. Вас еще на свете не было, когда я слонялся возле церквей, невидимый и непромокаемый, аки дух святой.

Мое натужное остроумие не заслужило ни одной кривой улыбки. Я понял, что сыновья волнуются ничуть не меньше старого папаши. И все-таки мне было необходимо глотнуть свежего воздуха.

В вестибюле гостиницы — ни единого признака жизни. В смысле, белковой. Робоуправляющий поклонился и помахал мне рукой в перчатке. Робошвейцар распахнул передо мной дверь, и дождь мигом забрызгал его металлическую физиономию.

— Вечерок не то чтобы очень, сэр, — елейно проговорил он. — Но завтра будет солнечный денек, это как пить дать.

— Это что, в программе у тебя? — прорычал я. — Ты всегда эти слова говоришь, когда дождь?

— Да, сэр.

Подумать только, я беседую о погоде с безмозглым роботом! Должно быть, нервы сдают. Я вышел из гостиницы. Дождь лил как из ведра, но я не сомневался, что выйду сухим из воды. Спасибо электростатическому полю, которое отталкивало дождевые капли.

Анжелина... В груди сидела боль. Не метафорическая — самая что ни на есть настоящая. Я гнал мысли о жене, чтобы не мешали действовать, но тоска терзала сердце. Сколько раз Анжелина спасала мне жизнь, сколько раз ей приходилось выхватывать из коляски с близнецами припрятанное оружие! А как ловко мы с ней брали банки, как весело делили на двоих приключения, уже не говоря о деньгах! Как лихо спасали вселенную, отражали орды скользких чудовищ! Воспоминания, воспоминания... Бывали в нашей жизни и тяжелые времена, но в этот вечер мне хотелось стать цифрой на солнечных часах, чтобы замечать только светлые, радостные дни... Я оборвал нить тягостных раздумий. Слезами горю не поможешь. Чтобы вернуть Анжелину, необходимо действовать. Только по этой причине я здесь. И мальчики. И только по этой причине Сивилла сейчас рискует жизнью.

Я шел куда глаза глядят. А они глядели не куда попало, а на кафе, которое стояло напротив Церкви Ищущих Путь, на другой стороне площади. Несколько столиков на тротуаре были защищены от непогоды навесом и водоотталкивающим полем. Когда я вошел под навес, это поле наложилось на мое, и по мне забегали крошечные молнии. Я коснулся выключателя на козырьке бейсболки и расположился за столиком лицом к Церкви.

— Милости просим, господин или госпожа, милости просим, — произнесла свеча на столике. Вспыхнул и затрепетал огонек.

— Не госпожа. Господин.

— Что желает заказать не госпожа, а господин?

Проклятие! Везет же мне нынче на бестолковых роботов!

— Пива. Холодного. Большую кружку.

— С превеликим удовольствием, господин, а не госпожа.

Столик задрожал, а затем посреди него возникло отверстие и появилась кружка. Я протянул к ней руку, но взять не смог.

— Два кропотника с полтиной, — произнес другой механический голос, не такой теплый, как у свечи.

Я уронил в прорезь три монеты, зажим отпустил кружку.

— Спасибо за чаевые, — сказал наглый механизм.

Я удержал в горле невольный рык и смыл его в пищевод глотком пива. По площади лупил тропический дождь, вдали рокотал гром. Мимо изредка проносились машины. Дверь Церкви Ищущих Путь не отворялась. Пиво было так себе. Я ждал. Время шло. Я осушил кружку и заказал вторую.

— Два кропотника семьдесят, — сказал столик.

— Почему семьдесят? Та кружка стоила два пятьдесят.

— Тогда еще действовала дневная скидка. Платите.

На сей раз я не дал роботу шанса зажилить сдачу.

— Жадина. — Он сопроводил этот эпитет электронным фырканьем.

Помаленьку дождь сошел на нет, сквозь облака проглянул один из трех спутников Вулканна. Я заметил движение на той стороне площади. Пригляделся. Отворилась дверь Церкви, вышли три женщины. Постояли, поговорили и разошлись. Сивилла направилась прямиком в мою сторону, и у меня отлегло от сердца. Она не смотрела на меня, но, по-видимому, каким-то образом узнала о моем присутствии.

Сивилла вошла в кафе. Я еще несколько минут посидел, глотая пиво. Похоже, «хвоста» за ней нет. Я осушил кружку и вошел в кафе.

Она сидела в дальнем углу, в кабинке, и перед ней стоял бокал с коктейлем. Она едва заметно кивнула, и я направился к ней. Она сделала большой глоток, затем второй и вздохнула с облегчением.

— Джим, я такое испытала... словами передать невозможно. Кроме меня, там были еще две женщины. Мы подошли к отцу Мараблису... или Слэйки... Я уже запуталась. Никаких машин на виду. Он с нами немного побеседовал, затем положил ладонь мне на лоб. И тут что-то произошло... неописуемое. Обморок... или нечто в этом роде. Могу только повторить вслед за Вивилией фон Брун, это невыразимо. Но зато я хорошо запомнила, что было потом. Мы шли за отцом Мараблисом по полю, по очень низкой траве. Он остановился, простер руки, и в тот же миг я услышала приятный звон. Очень явственно. Отец Мараблис показывал на белое облако, оно плыло к нам. С него-то и доносился звон. И пение. Слыша все это,

я испытала прилив радости, душевный подъем. А после — только не смейся! — увидела над облаком маленькое летучее существо. Правда, всего лишь мельком.

— Птицу?

— Нет. Малюсенького розового ребеночка с крылышками на плечах. Он тотчас исчез, и все кончилось.

— А больше тебе ничего не запомнилось?

— Я... даже не знаю. Помню, отец Мараблис взял меня за руку, повернул лицом к себе, и я снова оказалась в Церкви, а рядом стояли те женщины... И почему-то было очень грустно, словно я утратила что-то дорогое...

Ну что я мог на это сказать?

Сивилла неподвижно глядела вперед, будто видела там нечто недосягаемое для моего взора. По ее щеке сбежала слезинка. Фыркнув, она вытерла ее и улыбнулась.

— Извини. Ничего не могу с собой поделать. Конечно, я знаю, это мошенничество, в однодневные экскурсии на небеса я не верю. Но со мной действительно что-то было. Чувства ведь не лгут.

— Так-то оно так, но ведь есть наркотики, вызывающие разные эмоции.

— Знаю. И все-таки... — Она встала, одернула платье и дотронулась до броши. — Чем слушать мою болтовню, лучше выяснить, что она сняла.

— Ты отлично поработала. Спасибо.

Близнецы заметили нас на улице и отворили перед нами дверь номера. Потом я сидел молча, а Сивилла делилась с ними впечатлениями. Ничего нового я не услышал, но на этот раз она не поддалась сентиментальному настроению и даже слегка рассердилась на себя. Как только она закончила рассказ, я вставил в активационный модуль электронную брошь. Засветился экран, на нем развернулась Церковь и двинулась к нам. Запись воспроизводилась без звука. Мы тоже помалкивали, глядя, как Сивилла встречается с двумя другими прихожанками. Они о чем-то поговорили, затем в Церкви появился Слэйки и женщины обернулись к нему. Он успел неплохо вжиться в образ отца Мараблиса, мягкие пассы очень гармонировали с коричневой сутаной. Я радовался, что не слышу елейных речей.

— Вот до этого момента я все помню, — сказала Сивилла. — Он красочно описал блаженство, которое нас ожидает на том свете, а теперь следите за рукой: получил несколько чеков, ибо за удовольствие полагается платить. И тут все кончилось. Вот сейчас...

Должно быть, Слэйки что-то сказал. Все три женщины вдруг повернулись и двинулись за ним. Экран почернел.

— Может, камера испортилась, — предположил Боливар.

— Вряд ли. — Я нажал кнопку ускоренного воспроизведения, и экран ожил.

— Опять мы в Церкви, — сказала Сивилла. — Но то, что я увидела в раю, не записалось. Мне очень жаль.

— О чем тут жалеть? — Я подверг запись экспресс-анализу. — Все, что от тебя зависело, ты сделала. И камера в полном порядке, только запись не сохранилась. Не знаю, как это могло произойти. Похоже, не обошлось без электроники. Но все равно, должны были остаться следы. — Я бросил на аппаратуру раздраженный взгляд. — Не верю я в чудеса.

— Никто и не думает о чудесах, — сказал Джеймс. — Мы думаем о технике. Допустим, путешествие в рай — это результат действия силового поля или электромагнитного излучения. Вопрос: не могло ли это поле или излучение повлиять на работу нашей камеры?

— Разумеется, этого нельзя исключать, — сказал я.

— У меня мысль, — произнес Боливар. — Ничего, что первая попытка сорвалась. Сивилла — молодчина. Пора делать следующий ход. Надо как следует обыскать это местечко. Помните, в первой церкви взорвалась какая-то техника? Интересно, нет ли и здесь чего-нибудь подобного?

— Не пойдет, — сказал я.

— Почему?

— Я не в том смысле, что мы не будем обыскивать Церковь. Я в том смысле, что вы не будете обыскивать Церковь. Эту работу я беру на себя.

Они возмущенно загомонили, и я решительно поднял руку.

— Я говорю «нет» не потому, что я старше и мудрее, хотя, конечно, все это так. Просто у меня гораздо больше опыта в подобных делах. Боливар, я не моргнув глазом позволю тебе вложить мои деньги в самое рискованное предприятие. Я видел последний турнир по карате и теперь не рискну состязаться с твоим братом даже в спарринге. Но в некоторых профессиях мастерство приходит только с годами. Кто из вас считает, что лучше справится с дверным замком, проникнет в чужие владения и обыщет их? — Я не дождался ответа и произнес гораздо добродушнее: — Спасибо. Но и вам без дела сидеть не придется. Вот мой план.

Всю ночь и часть следующего дня мы посвятили приготовлениям. Операция намечалась серьезная, требующая от нас четких и слаженных действий. Обедня в Церкви отца Мараблиса начиналась в полдень, и за час до нее мы провели командно-штабные учения.

— Сивилла, — произнес я, — сначала — ты.

— Вхожу с остальными. Разговариваю, держусь непринужденно. И смотрю во все глаза. Если ничего из ряда вон выходящего, действую строго по плану. Я знаю, что перед началом службы дверь Церкви всегда запирается, поэтому, как только отец Мараблис начнет проповедь, я сожму вот это. — Она подняла на ладони крошечную пластмассовую пилюлю.

— Это передатчик одноразового действия, — сказал я. — Батарейка разряжается в микросхему, та сгорает, но успевает послать сигнал длительностью в миллисекунду. Ни до, ни после использования передатчика его обнаружить невозможно. Я буду ждать неподалеку от Церкви. Как только получу сигнал, войду с улицы. — Я показал усовершенствованную отмычку. Сивилла хорошо рассмотрела замок. — «Собака на сене», знакомая система. Я с ней легко справлюсь. Джеймс, твоя очередь.

— Подгоняю фургон доставки товаров на дом. Мы его взяли напрокат и заменили номера и название фирмы. Как только отец Мараблис запирает дверь, я объезжаю вокруг Церкви и останавливаюсь за ней. Боливар!

— Я в фургоне с аппаратурой слежения, магнитометрами и детекторами теплового излучения. Смогу наблюдать за передвижением людей в Церкви. Еще у меня приемник сигнала тревоги.

Я кивнул.

— Который я пошлю одним из четырех способов. Крепко сожму зубы мудрости, дважды стукну каблуком или оторву пуговицу рубашки.

— Но ты перечислил всего три.

— Четвертый способ мне неподконтролен. Приемник поднимет тревогу, когда у меня остановится сердце. Если это случится, мальчики бросятся на штурм, стреляя из всех видов оружия. Вопросы? Замечания?

— Не только стреляя, но и разбрасывая гранаты с парализующим и усыпляющим газом, — сказал Джеймс.

— Вот именно.

Мы обсудили погоду на Вулканне, а заодно опустошили высокие стаканы с безалкогольными напитками. Затем Сивилла глянула на часы, встала и направилась к выходу. Мы пошли следом.

Я зашел за угол и, с напускным интересом разглядывая пеструю витрину магазина, одну за другой ощупал выпуклости на одежде. Оружие, датчики, инструменты, сигнальные устойства и тому подобное. Не имея представления о том, что ждет меня в Церкви, я на всякий случай посетил множество магазинов электроники и приобрел все, что могло нам пригодиться. Резко щелкнул телефон, приклеенный лейкопластырем к коже за ухом. Я повернулся кругом, вышел из-за угла и поднялся на церковное крыльцо. Под прикрытием левой руки, опустившейся на дверную ручку, правая дважды быстро провернула отмычку. С такой же скоростью я бы успел провернуть ключ — кое-какой опыт в этом деле у меня имеется.

Клацнул замок, я решительно вошел в Церковь и запер за собой дверь. Коридор был тускло освещен, его противоположный конец занавешен. Я раздвинул занавеси на ширину волоса и посмотрел.

За высоким аналоем отец Мараблис-Слэйки разливался соловьем. На почтительно внимающую паству низвергался водопад слащавой безвкусицы.

— ...Несомненно, лучше отдать церкви, а взамен получить страховой полис. В «Книге книг» речено, что тропа спасения лежит на земле благих деяний. Да будут сии благие деяния и любовь путеводными звездами вашими, перстами, указующими в потусторонний мир. О да, возлюбленные чада мои, вас ждет загробная жизнь, исполненная покоя и радости, блаженства и восторга, кои превзойдут все ваши чаяния.

Отлично. То есть не отлично, а отвратительно. Но меня устраивает. Пока он чешет язык, я успею проникнуть в святая святых.

Слева — дверь, за нею, по словам Сивиллы, — лестница. Куда она ведет, Сивилла не знает. Следовательно, выяснять это придется мне.

Я вошел, беззвучно затворил за собой дверь, легонько сдавил зубами микрофонарик. Пыльная винтовая лестница. Держась ближе к стене, чтобы не скрипели ступени, я двинулся вверх. Лестница привела к другой двери, я отворил ее и увидел просторную комнату. В ней было сумрачно, свет проникал через единственное окно. Я находился над молельным залом и слышал приглушенное бормотание проповедника. Я медленно пошел между ящиками и наваленными друг на друга стульями к противоположной стене. В ней тоже оказалась дверь, через нее я попал в таинственную прихожую, вполне возможно, преддверие рая. Это место приблизительно соответствовало тайнику с электронной техникой, которая погибла в Храме Вечной Истины. Как только я отворил дверь, внизу смолк голос Мараблиса-Слэйки.

Я замер с поднятой ногой, но тотчас успокоился и шагнул вперед. Внизу зазвучал орган, запели женщины. Я увидел еще одну винтовую лестницу, эта вела вниз. Медленно, бесшумно я стал спускаться. Остановился перед очередной дверью. Будем надеяться, она — последняя...

Было душно, и я потел — разумеется, только из-за высокой температуры воздуха. Пульс был в норме, боевой дух — на высоте. Хватит ждать, пора действовать. Я выключил и спрятал в карман фонарик, отворил дверь и шагнул во тьму. Вспыхнули яркие лампы. Передо мной стоял Слэйки. Улыбался. Я заметил его самым что ни на есть мельком. Как только вспыхнул свет, я метнулся в сторону и стиснул зубы мудрости.

По крайней мере, попытался. Но как я ни спешил, кое-кто действовал гораздо быстрее. Я не утратил способности видеть и слышать... в отличие от всех остальных способностей. Тело меня больше не слушалось, глаза смотрели в одну точку. На грязный пол. Потому что я вдруг ткнулся в него носом. У меня отпала челюсть, изо рта потекла слюна. Охваченный страхом, я понял, что совершенно беспомощен, ни единый мускул не подчиняется мозгу. Правда, я еще дышал и сердце билось, его громкое эхо регулярно отдавалось в ушах. Перед глазами появился носок туфли. Мир опрокинулся вверх тормашками, и я уставился на яркую лампу. Должно быть, Слэйки меня перевернул. Я ничего не чувствовал. Лампа исчезла, на ее месте появилась ухмыляющаяся физиономия.

— Ты меня видишь, правда? И слышишь. Мой нейтрализатор нервных клеток это позволяет. Джим диГриз, я о тебе знаю все. Я вообще все на свете знаю, ибо я всеведущ. Мне ведомо, как ты проник в это святилище, обитель веры. Ведомо, кто тебе помогал. — Его руки опустились, и у меня повернулась голова. Рядом лежала Сивилла — распластанная, неподвижная. Снова мой взор обратился вверх, и Слэйки выпрямился. Он был при полном параде: сутана из яркой материи с диковинными символами и высоким воротником, на голове что-то вроде короны. Он торжествующе поднял сжатые кулаки. Правая рука действовала отлично. Когда запястья вынырнули из обшлагов, я не заметил шрама.

— Жалкие смертные, вас ждет суровая кара. Вы чаяли сорвать покров с тайны, — ты, диГриз, и твоя шпионка, это существо женского пола, но просчитались. Хотели увидеть загробный мир? Что ж, будь по-вашему. Я вас туда отправлю. Прямиком.

Картинка перед моим взором снова закачалась и замерла. Голова моя была запрокинута, я сообразил, что Слэйки поднял меня и бросил на бесчувственное тело Сивиллы.

— Ступайте, ступайте! На тот свет. — Он расхохотался, закашлялся, а потом захохотал еще громче. — Но он не совсем тот, о котором вы мечтали.

Глава 5

Со мной что-то случилось.

Я не мог вспомнить, что именно. Даже не пытался. Не хотелось об этом думать. Хватало других, гораздо более насущных проблем. Я все еще лежал в параличе, но теперь — лицом вниз, в красном порошке. Я его не осязал, но чувствовал запах.

Сероводород. Гниль.

Запах! Он мне не чудился. Он все крепчал. Это должно означать что-то важное. С тех пор, как меня вырубил Слэйки, я не ощущал никаких запахов. Вообще ничего не ощущал, а теперь могу! Похоже, я оправляюсь от паралича. Щека уже чувствовала колючее. Я сосредоточился, собрал все силы... и уловил слабое шевеление кончиков пальцев. Чувства возвращались гораздо медленнее, чем покидали меня при встрече с Лжемараблисом. Очень не скоро началось суровое испытание. По оживающему телу пробегали алые волны боли, такой мучительной, что хотелось выть. Я корчился, по щекам катились слезы. Минула целая вечность, прежде чем боль угасла и мне удалось перевернуться на спину. Я поморгал, чтобы выжать слезинки из глаз, и уставился в серый потолок.

Раздался тихий стон, и я ценой огромных усилий повернул голову и увидел лежащую рядом Сивиллу. Глаза ее были закрыты, тело корчилось от боли. Она снова застонала. Я-то знал, каково ей.

Из последних сил, хрипя и кряхтя, я подполз и взял ее за руку.

— Потерпи, — с трудом выговорил я. — Пройдет.

— Джим... — прошептала она так тихо, что я едва расслышал.

— И никто иной. Все будет в порядке.

Трогательное обещание, но в ту минуту мне ничто другое не пришло на ум. Где мы, что случилось? Если мы попали на тот свет, то он изрядно отличается от местечка, которое описывала Сивилла. Вместо травы — колючий вулканический шлак, вместо неба — скалы. Откуда идет свет? И что сказал Слэйки на прощание? Кажется, он говорил о том свете, который не совсем тот...

После долгого самоистязания я принял сидячее положение и увидел брешь в каменной стене. Мы находились в расселине или пещере. Сквозь проем виднелось красное небо.

Красное? Вдали глухо зарокотал гром, подо мной задрожала земля. По небу расползалась черная туча. Придерживаясь за скалу, я кое-как поднялся на ноги и заковылял к Сивилле. Я помог ей сесть и опереться спиной о шершавый камень.

Она попыталась заговорить и зашлась кашлем. Наконец выдавила из себя:

— Слэйки... постоянно нас опережал.

— Что ты имеешь в виду?

— Играл с нами, как кошка с мышью. Должно быть, сразу узнал, что ты проник в Церковь. Внезапно прервал мессу, сослался на неожиданный визит, включил орган и запись хорового пения и попросил всех уйти. Всех, кроме меня. Пообещал сказать кое-что важное, отвел в сторонку. Меня это, конечно, заинтриговало, и к тому же, что я могла поделать? Как только остальные женщины вышли, он набросил на меня какую-то штуковину... что-то вроде серебряной паутины, я толком не успела разглядеть, потому что сразу упала. Это было ужасно! Я ни единым мускулом не могла пошевелить, даже глазами. Видела, что он затаскивает меня в темную комнату, и не могла сопротивляться. Даже слова сказать! А самое страшное, тебя не могла предупредить. Потом зажглись лампы, и я увидела, как ты падаешь. Помню, он к тебе обращался. А после — снова мрак.

— Я запомнил не намного больше. Он меня подстерег и вырубил. А потом открываю глаза и вижу здесь тебя.

Я похлопал ладонью по боковому карману, нащупал выпуклость рации и слегка повеселел. Вынул ее, поднес к уху, включил. Тишина. Я проверил все остальные устройства. Бесполезный хлам. Аккумуляторы и батарейки разряжены. Даже лезвие перочинного ножа вытащить не удалось. Он выглядел так, будто побывал в плавильной печи.

Глядя на кучку металлолома, я испытал желание пинком разбросать его по пещере. Я поддался соблазну — все равно больше заняться было нечем. Бывшая техника приятно зазвенела о камни.

— Хлам. Не работает. Все испорчено. — Я встал и побрел навстречу свету.

— Джим, не уходи...

— Я недалеко. Хочу только выглянуть, утолить любопытство.

Придерживаясь за скалу, я медленно зашаркал к выходу из пещеры. Добрался до выхода, высунул нос наружу. Тут у меня отвисла челюсть и подкосились ноги. Добрую минуту я стоял на коленях и мог только пялиться, а затем с трудом встал и вернулся к Сивилле. Она уже устроилась поудобнее и вообще выглядела гораздо лучше.

— Ну и что там?

— Не рай, это ясно как дважды два. Небо не голубое, а красное. Ни белых облаков, ни травы. Зона тектонической активности, неподалеку от нас действующий вулкан. Туча дыма, хотя лавы не заметил. А еще — разбухшее до безобразия солнце, отродясь такого не видал. Не белое или голубое, а красное. Чем и объясняется преобладание красных тонов в расцветке ландшафта.

— Где мы?

— Гм... — Я замялся в поисках толкового ответа. — Ну, с уверенностью можно сказать, что не на Вулканне. И...

От нее не укрылись мои колебания.

— И?

— Кажется, я что-то видел.

— «Что-то видел»! Посмотрел бы сейчас на свое лицо! Ты же серый от страха.

Я попробовал рассмеяться, но из горла вырвалось только жалкое бульканье.

— Или кого-то. Только мельком, буквально сотую долю секунды. Он сразу убежал. Двуногий, прямоходящий. — Я умолк, и Сивилла посмотрела на меня с нескрываемой тревогой.

— Извини, я, наверное, глупо выгляжу. Он и правда слишком быстро двигался, я не успел как следует разглядеть. Но мне показалось... Нет, я даже уверен, у него хвост. И... он с головы до ног ярко-красный.

Очень не скоро она нарушила паузу:

— Ты прав. Конечно, мы не в раю. Ты хорошо разбираешься в теологии?

— Не то чтобы очень, но все-таки достаточно, чтобы гнать из головы мысли, которые там сейчас возникают. До твоего прибытия я успел немного покопаться в информационной сети насчет рая и загробного бытия в целом. Короче говоря, всякой душе хочется закончить свои дни на небесах. Там упоминается также местечко под названием ад, полная противоположность раю. Я уверен, ты об этом слышала.

Ее зрачки расширились от страха.

— Так мы, по-твоему, туда и попали? В так называемый ад?

— Ну за неимением лучшей идеи и в надежде, что она появится, я считаю эту гипотезу вполне...

Снова издали донесся гром и под ногами вздрогнула земля. Внезапно на меня обрушилась страшная тяжесть, я повалился на колени. Тяжело... Ужас как тяжело. Сивилла опять распласталась на земле.

Тяжесть исчезла так же внезапно, как и возникла. Я встал. Меня трясло.

— Что... Что это было?

— Даже не представляю... Со мной такое в первый раз. Кажется, мы побывали под гравитационной волной.

— «Гравитационная волна»? Чепуха.

— Здесь — не чепуха. — Она попыталась улыбнуться и тоже задрожала. Казалось, она вот-вот расплачется.

— Не надо, — попросил я. — Мы попали в очень необычное место, вполне возможно, оно находится в так называемом аду. Но при этом мы, кажется, живы, так что давай выйдем из пещеры и попробуем выяснить, куда же нас, черт подери, занесло!

Она встала, выпрямилась, расчесала пальцами волосы. Ей хватило сил даже на слабую улыбку.

— Бьюсь об заклад, я чертовски плохо выгляжу. Пошли.

Воодушевление вскоре нас покинуло. Жара крепчала. Это было и неприятно, и непонятно. В чем тут дело, выяснилось, когда мы обогнули одинокий утес.

Мы попятились под раскаленным ветром, а после, цепенея от страха, стояли и разглядывали картину, открывшуюся нашим глазам. Широкую реку пышущей жаром лавы. Темная корка на ее поверхности была сплошь растрескана, в бороздах сияла огненно-красная жидкость. Мы отступили по собственным следам.

— Попробуем в другую сторону. — Я закашлялся.

Сивилла не ответила, только кивнула, ее, должно быть, тоже мучила жажда. Есть ли хоть капля воды на этом огромном красном лоскутном одеяле? Ответ так и напрашивался, но я его отмел с порога.

А вслед за ним отправил другую мысль. Об Анжелине. Может быть, она где-то здесь? Что, если Слэйки закинул ее сюда незадолго до нас? Нет, не сюда, твердо подумал я. В рай. Я упорно внушал себе, что Анжелина не могла попасть на эту ужасную планету.

Мы прошли мимо пещеры и углубились в пустыню с покатыми шлаковыми барханами. Было жарко, но не так нестерпимо, как у лавовой реки.

— Минуточку. — Сивилла остановилась и села на широкий валун. — Устала немножко.

Я кивнул и сел рядом.

— Неудивительно. Не знаю, что за штуковину испытал на нас Слэйки, но она явно небезопасна для здоровья. И для физического, и для психического.

— Так тяжело на сердце... просто жить не хочется. Знала бы, как тут руки на себя наложить, — даже рассуждать не стала бы...

Видя грусть на ее прекрасном лице, внимая отзвукам изнеможения в голосе, я вдруг рассвирепел. Каким надо быть подонком, чтобы довести до такого состояния этого красивого, умного, сильного агента?!

— Слэйки! — заорал я. — Ненавижу тебя! — Я вскочил на ноги и погрозил небу кулаком. Но вряд ли стоило принимать за ответ рев далекого вулкана. Я разозлился еще пуще. — Тебе это с рук не сойдет, даже не надейся! Клянусь, мы отсюда выберемся! На этой планете есть воздух, и там, откуда он поступает, должна быть зелень. А где растения, там и вода. Мы ее найдем, и ты нас не остановишь!

— Джим, ты молодчина! — Сивилла встала и разгладила грязное, измятое платье. — Конечно, мы доберемся до воды. И конечно, победим.

Я сердито кивнул, а затем показал на долину.

— Туда. Подальше от лавы и вулканов нам будет гораздо лучше.

Так оно и вышло. Мы шагали и шагали, а жара потихоньку спадала. Вскоре долина раздалась вширь, и я заметил впереди зелень. Я решил не торопиться с ликованием — вдруг почудилось? — но и Сивилла ее заметила.

— Зелень, — уверенно сказала она. — Трава или деревья или что-то в этом роде. А может быть, всего-навсего мираж?

— Исключено. Прекрасно вижу зелень, и это очень бодрящая картина. Вперед!

Нашим глазам открывался яркий пейзаж, и мы прибавили шагу. Трава. Высокая, до колена, прохладная, слегка влажная. Мы шли, оставляя позади протоптанные тропинки. Впереди — разрозненные деревья, а за ними целая роща.

— Хлорофилл, старый дружище, — восторгался я. — Нижняя ступенька пищевой пирамиды, первооснова всей жизни. Ловит солнечную энергию и производит пищу.

— И воду?

— Можешь не сомневаться. Вода где-то рядом, и мы ее найдем.

— Тсс! — цыкнула она. — Слышишь? Шорох. Как сухие листья под ногами.

Да, я тоже услышал шорох, приближающийся к нам по лесу. Затем между деревьями появился симпатичный малютка и боязливо ступил на траву.

— Сколько лет, сколько зим, — сказал я красновато-коричневому существу.

Оно вытаращило черные глазки-бусинки и испуганно взвизгнуло. Из лесу, точно эхо, донесся визг — правда, более громкий и не испуганный, а гневный. Вслед за ним прилетел топот раздвоенных копыт, и из рощицы выбежал громадный мститель — добрые два метра от пятачка-непоседы до вертлявого хвостика. Всем своим обликом мамаша демонстрировала готовность вступиться за детеныша и подтверждала ее свирепым хрюканьем. Вдобавок она была сплошь покрыта длинными жесткими шипами, и все они стояли дыбом.

Сивилла вскрикнула. Я улыбнулся и произнес:

— Ца-ца-ца. Хрю-хрю-хрю.

— Джим, ты что, с ума сошел?

— Позволь тебе представить одного из самых славных и добрых обитателей галактики, друга юности моей и давнего спутника человека. Это свинобраз.

Сивилла глядела на меня как на форменного психа.

— Это он-то добрый? Он нас на куски сейчас разорвет!

— Не он, а она. И ничего она нам не сделает, если не будем пугать поросенка.

При появлении монструозной матушки крошечное существо перестало бояться и, решив подкрепиться молочком, зарылось головой в частоколы грозных игл. Я медленно приблизился, наклонился и подобрал с земли сухую ветку. Налитые кровью глазки подозрительно следили за каждым моим движением.

— Какая хорошая девочка! — Успокаивающе цокая, я двинулся к свинобразихе. Она задрожала, но не сдвинулась с места. Только голову повернула, чтобы не упускать меня из виду. Из пасти под длинным острым бивнем свесилась капля слюны, сорвалась на траву. — Ах ты, славная моя хрюшечка! Маленький Джимми не обижает свинобразиков. Маленький Джимми обожает свинобразиков. — Я протянул руку, осторожно раздвинул иглы на голове, просунул между ними ветку и с силой почесал загривок. Свинобразиха зажмурилась и громко захрюкала.

— Свинобразы очень любят, когда им чешут загривок. Самим-то ни в жизнь до него не добраться.

— Где ты научился ладить с этими жуткими тварями?

— «Жуткие твари»? Помилуй! Они — спутники человечества на звездном пути. Советую получше изучить историю освоения галактики. Почитать о неведомых чудовищах и коварных существах, которые подстерегали первопоселенцев на каждом шагу, о монстрах, способных проглотить тебя, даже не жуя. Уж поверь, древние свинобразы научили своих хозяев их уважать. Это плод искусственной генетической мутации, скрещивания громадных лесных кабанов и дикобразов. Бивни и копыта — для нападения, иглы — для обороны. Когда надо, они верные друзья, когда надо, стойкие защитники...

— Когда надо, вкусные бифштексы...

— Верно, но об этом в их присутствии мы говорить не будем. Я вырос на ферме, и поверь, стадо свинобразов с успехом заменяло мне друзей. А вот и глава семьи!

Я поприветствовал радостным возгласом огромного и грозного кабана, вперевалочку вышедшего из леса. Кабан сверкнул в мою сторону налитыми кровью глазками, а потом долго кряхтел от удовольствия, когда я скреб веткой его загривок. Я же кряхтел от натуги... впрочем, от удовольствия тоже.

— Откуда они взялись? — спросила Сивилла.

— Из лесу, — ответил я, даря радость четвероногому другу.

— Я о другом. Как эти твари сочетаются с вулканами, лавовыми потоками и гравитационными волнами?

— Очень просто. Это обитаемая планета, на ней есть поселения, и очень скоро мы в этом убедимся. Но сначала сходим по свинобразьей тропе в лес, поищем воду. Когда в котелке есть жидкость, он лучше варит.

— Согласна. — Она направилась к лесу. Я пошел следом, а за нами побрели новообретенные друзья, настойчивым хрюканьем требуя восхитительного почесывания. Расстались мы с ними только на поляне, окаймленной дубарисами. Кабан вонзил бивни в ствол перегруженного плодами дерева и безжалостно затряс. С ветвей посыпались желуди величиной с мою голову, и семейка увлеченно захрупала.

Мы вышли на заливной луг, изрытый острыми копытами. Он обрамлял живописное озеро, противоположный берег хоронился в размытой дымке. Мы сошли с топкой тропы, обнаружили россыпь камней, которая вела к воде, устроились на бережку и черпали ладонями чистую, прохладную воду, пока не напились вдоволь.

— Осталось только найти сухие палочки, добыть трением огонь, и можно будет подкрепиться жареной свининой. — Сивилла облизнулась.

— Никогда! Они — друзья. — Разбуженный словом «подкрепиться», мой желудок заурчал. — Разве что как-нибудь потом, в отдаленном будущем, если не найдем другого источника пищи. По-моему, сейчас самое время для небольшой разведки. Этот мир — обитаемый или был обитаемым. Мутанты-свинобразы не сами расселились по галактике, их развезли люди. Значит, тут должны быть и фермы.

— Фермы? Я даже не представляю, как они выглядят. Я родилась и выросла в городе, вернее, в городке. Всегда верила, что еда растет в магазинах. Родители мои, если они вообще существовали, были программистами, или телеведущими, или еще кем-нибудь в этом роде. Ни фабрик, ни загрязнения окружающей среды — в дальних городах, построенных роботами, о подобных спутниках цивилизации знают только понаслышке. Моя родина — самый что ни на есть заурядный городишко, сплошь ухоженные парки и дома, вписанные в ландшафт, скучища невыносимая...

В тумане на другом берегу озера появилась брешь. Я показал на нее.

— Как вон то местечко?

Глава 6

— Какое местечко? — Она встала и притенила глаза ладонью.

Я снова показал, на этот раз молча.

— Увидишь один, считай, что увидел все, — хмурясь, пробормотала она. — Такое впечатление, будто их на конвейере делают, как завтраки из кукурузных хлопьев. Вынимаешь из коробки,

склеиваешь, раскрашиваешь, подключаешь к источнику тока — и пожалуйста, городок живет. В Родинограде — так и называется, хочешь верь, хочешь не верь, — я даже в школе не смогла учиться. Экстерном сдала экзамены за первые классы, а потом улетела и с тех пор не возвращалась. Мир повидала, в полиции послужила. Ничего, понравилось. А после меня завербовали в Специальный Корпус. Вот и вся биография.

— И что, не тянет хоть на денек заглянуть в родной Родиноград?

— Ни капельки.

— А ведь там, наверное, уютно, и еда в магазинах растет. Или так охота жареной свинины, что ты готова убить свинобраза голыми руками?

— Слушай, сколько можно, а? Заглянем, все равно больше делать нечего.

Озеро было невелико, и обойти его труда не составило. Бодрый спортивный шаг Сивиллы постепенно укорачивался. Наконец она остановилась и твердо произнесла:

— Не хочу.

— Чего ты не хочешь?

— Заходить туда. Ни малейшего желания. Это Родиноград, один к одному. Штамповка с конвейера. Вставляешь штепсель в розетку, и пошло... Ненавижу свое детство!

— В этом ты не одинока. Правда, мое детство скрашивали свинобразы, — по крайней мере, светлые воспоминания остались только от них. Давай-ка все-таки заглянем. Может, в этом штампованном городишке есть ресторанчик Мак-Свини, и там мы раздобудем по сандвичу?

На улицах не было ни души. Дома казались необитаемыми. Единственная дорога, выходившая из городка, обрывалась посреди луга. Возле нее стоял щит указателя, обращенный лицевой стороной к городу, и мы не смогли ничего прочесть, пока не приблизились. Сивилла застыла как вкопанная и с такой силой сжала кулаки, что побелели суставы. И зажмурилась.

— Прочти.

— Уже.

— Ну и что?

— Просто совпадение.

Она резко открыла глаза и процедила сквозь зубы:

— Сам-то хоть веришь? Что тут написано? «Добро пожаловать в Родиноград». Мы что, спятили? Или вся эта планета умом тронулась?

— Ни то ни другое. — Я сел, сорвал травинку, воткнул в зубы. — Здесь что-то творится. И мы должны выяснить, что.

— Я уже выяснила, что здесь творится. Ты сидишь на пятой точке и жуешь траву. — Она не на шутку рассердилась. Впрочем, ее злость меня гораздо больше устраивала, чем страх или подавленность.

Я ободряюще улыбнулся и похлопал по земле рядом с собой.

— А коли так, к делу! Садись и жуй траву. А я схожу на разведку.

Она села. Возможно, подчинилась силе моей личности, а может, просто устала. Я со скрипом поднялся на ноги и поплелся в Родиноград.

Очень скоро я узнал все, что стоило узнать, и вернулся посидеть рядом с Сивиллой и пожевать траву.

— Странно, — подвел я итог своим раздумьям. — В жизни ничего подобного не видел. Во-первых, в городе пусто. Ни людей, ни собак, ни машин, ни детей. В Родинограде никто не живет. А почему? Скорее всего потому, что он для этого и не предназначался. Дверные петли не поворачиваются, а сами двери, похоже, неотделимы от стен. То же самое и с окнами. И не видно в них ничего. То есть видно, но такое впечатление, будто все это — не в доме, а на стекле. На что ни глянь, все кажется халтурным, недоделанным. Городишко не так на Родиноград похож, как на представление о Родинограде.

Она помотала головой.

— Какое еще представление? Ты хоть сам представляешь, о чем говоришь?

— Не надо нервничать. Да, я еще не во всем разобрался. Пока лишь пытаюсь собрать в логическую цепочку разрозненные и очень странные факты. Мы с тобой очутились в какой-то пещере. Кругом — вулканы, лавовые потоки, зато ни травы, ни чего-нибудь еще. — Я поднял глаза, а затем указал на распухшее светило. — Заметь, солнце прежнее. Итак, мы решили прогуляться и обнаружили зеленую траву и живность, свинобразов из моей юности...

— И Родиноград из моей. Неспроста это все...

— Совершенно верно. — Я вскочил и быстро заходил взад-вперед. Ничто не стимулирует мозги лучше такой ходьбы. — Слэйки знал, что отправляет нас вовсе не в рай. Так и сказал. Следовательно, он тут уже побывал. Вероятно, он считал, что забрасывает нас в преисподнюю. То местечко, где мы очухались, чертовски смахивает на ад, там красные твари, вулканы, лава и все такое прочее. А может, оно такое адское, потому что он ожидал его таким увидеть? Может, этот ад — представление Слэйки об аде?

— Продолжай, Джим, продолжай, хотя я не успеваю вникать.

— В этом нет твоей вины, потому что моя идея — из ряда вон выходящая — самому кажется абсурдной. Итак, мы уже знаем: где-то есть место, которое называется рай. Если оно существует, значит, должны существовать и остальные. В одно из остальных мы и угодили. Правда, у него несколько необычные свойства.

— Например?

— Например, ты здесь находишь то, что ожидаешь найти. Предположим, эта планета, или скажем проще — место, раньше была всего лишь вероятностью места. А когда сюда прибыл Слэйки, оно стало местом, которое он рассчитывал увидеть. Предположим, красное солнце натолкнуло его на мысли о преисподней. И чем

больше он о ней думал, тем больше ад походил на ад. По-моему, это логично.

— Вот уж не сказала бы! По-моему, это чушь несусветная.

— Ты права. Я несу чепуху. Но ведь мы с тобой здесь, не так ли?

— В аду, придуманном каким-то маньяком?

— Да. Вернее, были в аду, как только оказались на этой планете. Но в преисподней нам не понравилось, и мы решили поискать местечко поуютнее. Помнится, я подумал, что этот пустынный вулканический мир — полная противоположность тому, на котором я вырос.

Пришел мой черед спросить себя: «А может, все это — безумный морок?» Но Сивилла была практичнее.

— Ну хорошо. Давай пока будем считать, что ты прав. В этом аду мы оказались потому, что до нас тут побывал Слэйки, и все увиденное им совпало с его дьявольскими ожиданиями. Нам тут не понравилось, и ты очень захотел перебраться в более мягкий климат. Помнится, ты очень рассердился; возможно, это помогло оформиться тому, что мы хотели увидеть. Мы пустились в путь и пришли туда, куда хотели прийти. Жажда нас больше не мучит, но есть все еще хочется. Во всяком случае, мне. В голову так и лезут воспоминания о разных вкусностях из детства. А детство мое, к сожалению, прошло в Родинограде. Предположим, так оно все и обстоит. Что дальше?

— А «что дальше»? Возвращаемся в ад.

— Зачем?

— А затем, что оттуда мы вышли, а значит, должны находиться там, если хотим отсюда выбраться. Кроме Слэйки, никто дорогу сюда не знает. И вот еще что... — Я вдруг помрачнел.

— Что, Джим? Что?

— Всего-навсего трезвая мысль. Возможно, до нас сюда сослали Анжелину. Если это так, то нам ее не найти ни в моей, ни в твоей юности. Должно быть, она в личном аду Слэйки.

— Правильно. — Сивилла встала и отряхнула платье от травы. — Если захотим пить, всегда сможем вернуться. И если проголодаемся...

— Я тебя умоляю, не будем сейчас об этом. Всему свое время.

— Конечно. Ну что, идем?

По своим следам мы вновь обогнули озеро и пересекли луг. Заслышав вдали умилительное хрюканье, я изрядно приободрился. Пока на свете живут свинобразы, наша галактика не так уж и безнадежна.

Мы вышли из рощи и зашагали по траве. Она редела и укорачивалась и наконец исчезла. Опять под ногами вулканический пепел, из каждой трещины в земле сочится желтый серный дым. Мы оставляли позади сопку за сопкой, они вздымались все выше, и наконец мы добрались до самой высокой. С ее гребня мы увидели дымящийся вулкан — судя по всему, ближайший и далеко не единственный в этом мире. А за ним над самым горизонтом багровело солнце. Барханы подступали к отрогам истресканных, оплавленных и, конечно, красных гор. Гряду прорезал узкий каньон, к нему-то мы и направились. Тесниной идти гораздо легче, чем лазать по скалам.

Скрежет мы услышали одновременно и остановились.

— Подожди здесь, — сказал я. — Пойду взгляну.

— ДиГриз, я с тобой! Пока мы здесь, мы напарники!

Конечно, она была права. Я кивнул и прижал палец к губам. Мы очень медленно, осторожно двинулись вперед. Скрежет звучал все громче и вдруг оборвался. Мы остановились.

Невдалеке раздалось чавканье, затем царапанье возобновилось. Мы сделали еще несколько шагов и увидели...

Человек стоял на цыпочках и острым камнем сдирал со скалы что-то серое. Отвалился кусочек, человек сунул его в рот и принялся шумно жевать. Мне это показалось занятным, но еще интереснее выглядела его кожа. Ярко-красная. Из одежды на нем были только старые, выцветшие шорты, похоже, когда-то они были брюками. Сзади в экс-брюках зияла прореха, из нее торчал красный хвост.

И тут человек нас заметил. Мгновенно развернулся кругом, разинул слюнявый рот с черными пеньками зубов и запустил в нас камнем. Мы пригнулись, камень угодил в скалу рядом со мной и разлетелся вдребезги.

В тот же миг негостеприимный туземец обратился в бегство. С удивительным проворством вскарабкался на отвесный утес и скрылся за его кромкой.

— Краснокожий...

— Очень краснокожий. А ты заметила красные рожки на лбу?

— Трудно было бы не заметить. Может, выясним, чем он занимался?

— Да. Чем занимался и что ел. — Я подобрал камень с острым краем и направился к тому месту, где до нашего появления трудился хвостатый незнакомец. И обнаружил небольшую трещину в скале, там росло что-то серое, похожее на резину. Будучи повыше ростом, чем наш недружелюбный друг, я легко дотянулся до растения. Резал и рубил, пока из трещины не вывалился серый кусок.

— Что это? — спросила Сивилла.

— Понятия не имею. По-моему, больше смахивает на растение, чем на животное. И мы видели, как он его ел. Хочешь попробовать?

— Разве что после тебя.

Очень пресно, очень скользко и почти невозможно разжевать. Такое ощущение, будто сунул в рот кусок пластмассы. С той лишь разницей, что растение содержало влагу. Наконец перемолотый зубами «деликатес» спустился в желудок и, похоже, решил поселиться там надолго. Желудок жалобно заурчал.

— Попробуй. Гадость неимоверная, но в ней есть вода, а может, и несколько калорий.

Я оторвал веточку и протянул Сивилле. Она подозрительно оглядела угощение со всех сторон и положила в рот. Я поднял голову и тотчас прыгнул в сторону, увлекая за собой Сивиллу. На то место, где мы только что стояли, с грохотом рухнул валун.

— Сердится, — прокомментировал я. — Мы его оставили без обеда. Давай-ка отойдем от скал и понаблюдаем за ним.

Но краснокожий не дал нам возможности понаблюдать. Он полез наверх и целиком скрылся из виду.

— Побудь здесь, — сказал я Сивилле. — Присматривай за рогатым злыднем. А я еще надергаю жвачки.

К тому времени, как мы управились с завтраком, солнце чуть-чуть поднялось над горизонтом. А может, мне только показалось. Мы худо-бедно заморили червячка, отогнали жажду и расположились на отдых в тени, поскольку воздух ощутимо разогревался.

— Не деликатес, зато сытно. — Сивилла выковырнула из зубов жесткий кусочек растения, брезгливо посмотрела на него и уронила на землю. — Что теперь делать будем? Есть предложения?

— Попробуем шевельнуть мозговыми извилинами. С тех пор, как мы здесь проснулись, нас бросает то в жар, то в холод. Давай разберемся с тем, что уже знаем.

— Во-первых, — сказала она, — мы попали в ад, каким его себе представляет Слэйки. Предлагаю называть это место адом, пока мы его не изучим как следует. Мы перенеслись в другое место, либо на другую планету. Или сошли с ума.

— Последнюю версию я не приемлю. Нам известно, что без техники тут не обошлось, — на Луссуозо найдена тщательно разрушенная аппаратура. Из Храма Вечной Истины Слэйки куда-то перебросил Анжелину. А нас закинули сюда из Церкви на Вулканне. Это мы знаем доподлинно, и вдобавок нам известно кое-что поважнее. Обратное путешествие возможно. Человек попадает на небеса и возвращается. И еще следует допустить, что раньше нас здесь оказалась Анжелина.

— Из чего следует: нужен «язык».

— Точно. Из чего следует: надо поймать краснокожего увальня за хвост, взять за рога и вытрясти все, что он знает. Пусть расскажет об Анжелине, об этом месте и о том, как он — и мы — здесь очутились. И как отсюда выбраться.

Я умолк, заслышав подозрительный шорох. Он нарастал и вскоре превратился в гул. Чуть позже мы различили человеческие голоса.

— Люди, — пробормотал я.

И тут показался наш новый знакомый. Его сопровождала целая делегация встречающих — по меньшей мере дюжина мужчин и женщин, все ярко-красные, у всех острые камни в руках. Одного взгляда на теплую компанию хватило, чтобы понять: Анжелины среди этих людей нет и быть не может. Завидев нас, они остановились, а в следующий миг по мановению руки своего предводителя пошли в наступление.

— Бегите, если хотите! — выкрикнул вождь, потрясая камнем. — Все равно догоним. Бегите или стойте — разницы никакой. Мы вас убьем! Убьем и съедим! Ад — очень голодная страна.

Глава 7

Я поднял руку ладонью вперед — во всей вселенной этот жест означает мирные намерения. По крайней мере, так я полагал.

— Погодите, — сказал я. — Если вы нападете, нам придется за себя постоять. А мы очень опасны. Все вы получите увечья и даже погибнете, если осмелитесь сопротивляться. Мы не простые люди. Мы — безжалостные убийцы.

— Обед! — кипятился вождь краснокожих. — Мясо! Убейте их!

Я сложил поднятую кисть в чашечку, выставил перед собой другую и угрожающе запрыгал на полусогнутых ногах. Рядом Сивилла приняла точно такую же стойку для защиты и нападения.

— Надеюсь, ты это не всерьез? Ведь ты не собираешься их убивать?

— Нет. Но хочу напугать, чтобы побыстрее с этим закончить. Вперед!

Мы дружно завопили и напали. Ребром ладони я саданул краснокожему верзиле по запястью, он взвизгнул и выронил оружие. Не теряя времени, я вонзил пальцы ему в солнечное сплетение, и, пока он падал, я проскочил мимо и сделал подсечки двоим рогатым, которые прикрывали его с тыла. Тем временем Сивилла стремительно обошла неприятеля с фланга. Два молниеносных удара по почкам, и две женщины с воплями летят с ног.

Увидев занесенный над моей головой камень, я резко присел, выпрямился и рубанул противника по шее. И шагнул в сторону, чтобы он не упал на меня.

Еще несколько красивых тумаков, и все кончено. Поле боя покрыто корчащимися, стенающими краснокожими людоедами. Один из них потянулся за камнем, я наступил ему на запястье. Это был последний очаг сопротивления.

— Какие-то хилые, жалкие... — Сивилла недовольно отряхнула ладони.

— Иначе бы мы с ними не справились. Кажется, обошлось без переломов и крови.

Мы подобрали и отшвырнули подальше каменное оружие. А затем как следует рассмотрели поверженных забияк. Одеждой (если это слово здесь уместно) им служили грязные и выцветшие лохмотья, плохо скрывавшие, а то и вовсе не скрывавшие, те места, которые принято скрывать хорошо. Все щеголяли пунцовой кожей, изящными рожками и хвостами. Хвосты волочились по земле

вслед за своими хозяевами, когда те трусливо отползали от меня. Я прошел между ними, схватил под мышки бесчувственного вожака, привалил спиной к скале и подождал, пока он очухается. Он со стоном открыл глаза, взвизгнул, упал и попытался отползти. Я вернул его в прежнюю позу.

— Послушай, приятель, тебе некого винить, кроме самого себя. Ведь это ты подкинул шайке идею прикончить нас и съесть. Мы только защищались. Давай считать, что мы квиты. Не надо мычать, просто кивни. Вот так, уже лучше. Первый контакт не удался, попробуем еще раз. Меня зовут Джим.

За моей спиной раздался болезненный возглас и звук падения. Я понял, что Сивилла надежно прикрывает меня с тыла.

— А меня... Катберт Подписи, я профессор кафедры сравнительной анатомии университета Войданетвой.

— Профессор? Рад познакомиться. Далековато вас занесло от родных пенатов.

Он помассировал ушиб на животе, поднял мутные красные глаза и тяжело вздохнул.

— Пожалуй. Я давно об этом не думал. Тут все мысли подчинены голоду и жажде, мы хотели только добыть чуть-чуть протеина... — Профессор всхлипнул, видимо, ему стало очень жаль себя. — Наш рацион слишком однообразен и малопитателен. Я абсолютно уверен, в местной пище нет многих необходимых аминокислот, минеральных солей и витаминов...

— А, вы о той серой дряни из скалы? Это и есть ваша пища?

— Именно. Она называется колимикон. Не представляю, что означает это слово. Я его услышал, как только сюда попал.

— А как вы сюда попали? — поинтересовалась Сивилла. Она подошла ко мне, но не спускала глаз с побитых туземцев.

— Если бы я знал... Я решил провести отпуск на праздничной планете, понежиться на пляжах Вулканна... Все было так хорошо, я отлично загорел, совсем не так, как здесь... Я растолстел от переедания, испортил печень, злоупотребляя алкоголем, ну, вы понимаете... Помню только, однажды вечером улегся в постель, а проснулся здесь.

— А что вы знаете о других?

— У тех, с кем я разговаривал, истории очень похожи на мою. Остальные сошли с ума, они вообще не говорят. По-видимому, они сюда попали задолго до меня... Что вы со мной сделаете? Съедите?

— Не говорите глупостей. На своем веку я много экзотических блюд перепробовал, но ни разу не мечтал продегустировать человечину.

— Да-а... Вот я вам поверю, а вы...

— Слово чести. Годится? И раз уж речь зашла о профессорах... Вам знакомо имя профессора Джастина Слэйки?

— Нет. Впервые слышу. Наш университет очень маленький...

— Ну хорошо. Расскажите о ваших краснокожих братьях. Судя по вашим словам, в этот мир время от времени попадают люди. А удавалось кому-нибудь уйти?

— Только через желудки. — Он захихикал, ощерил черные зубы и пустил слюну. В зрачках мелькнул огонек безумия, и я поспешил сменить тему.

— Раз уж вы профессор анатомии, вас, наверное, не затруднит объяснить, откуда этот любопытный загар? Я уже не говорю о рожках и хвостах.

Он ущипнул себя за живот, оттянул кожу и оторопело заморгал.

— Да, очень любопытно, — рассеянно произнес он. — Я изучал этот феномен и записывал выводы... Пытался записывать. Полное отсутствие пигмента... Я полагаю, цвет кожи объясняется усиленным ростом капилляров под эпидермой. Ну а хвост... — Он схватил его и погладил. — Вполне может быть, это следствие разрастания копчика. Конечно, не за счет образования костей, тут, скорее, дело в хрящах...

Я предоставил ему бормотать и жестом отозвал Сивиллу в сторонку. Мы ни на миг не спускали глаз с разгромленного противника, а тот, похоже, напрочь утратил воинственный пыл. Некоторые краснокожие еще лежали без чувств, другие жалобно стонали, и только двое или трое сидели. Молодой рогоносец кое-как поднялся на ноги и с нескрываемым страхом посмотрел на нас. Увидев, что мы не двигаемся, он заковылял по каньону и скрылся за буграми.

— Не нравится мне все это, — сказала Сивилла.

— А мне и раньше не нравилось. И с каждой минутой нравится все меньше. Эти люди — не туземцы. Их сюда закинули. Выбросили, как на свалку. Но по крайней мере, мы знаем, чьи это проделки. Нужно найти обратный путь, пока мы не уподобились этим созданиям. Я еще не краснею?

— Нет, но ты прав. Надо найти какой-то выход.

— Пока я его не вижу.

Солнце вдруг померкло, и мы зашатались под непосильной тяжестью. Это закончилось так же внезапно, как и началось. Гравитационная волна? Раздумывать я себе не позволил. Есть проблема поважнее. Что мы можем предпринять для своего спасения?

— Наберем колимикона, сколько сумеем унести, — решительно произнес я. — Колимикон — пища и вода, он позволит выжить и что-нибудь придумать.

Тут вдохновение меня покинуло, однако Сивилла не теряла времени и шевелила мозгами.

— Возвращаемся в пещеру, где мы проснулись. Нам тогда было очень нехорошо, поэтому мы не обыскали ее как следует. Правда, я понятия не имею, что там искать.

— Все равно, идея недурна. Какая бы сила ни забросила нас сюда, она предпочла забросить нас в ту пещеру. Значит, надо ее хо-

рошенько осмотреть. — Я показал на распростертые пунцовые тела. — Только как быть с этим стадом?

— Мы им сейчас ничем не поможем. Вот вернемся в пещеру, тогда и для них что-нибудь сделаем, если удастся. До сих пор они не умерли, значит, продержатся еще немного. К тому же не забывай: они пытались нас убить.

— Аргумент принят. Пошли.

Мы обнаружили колимикон, надергали из трещин в скале местного заменителя жевательной резинки. Нести его было довольно трудно, пока Сивилла не превратила макси-юбку в мини.

— Не так жарко, — сказала она, сооружая аккуратный узелок с едой и питьем. Я взял у нее узелок и махнул свободной рукой вперед.

— Иди в авангарде.

Я не решался задумываться о том, сколько длится здешний день. Казалось, солнце застряло на той высоте, где мы его увидели в первый раз. А может, планета вовсе не вращается вокруг своей оси и этот день не закончится даже через миллион лет?

Мы приближались к пещере, откуда начались наши тоскливые блуждания по преисподней. Поднимались по склону сопки из вулканических камешков. Я споткнулся о крупный камень и упал на четвереньки. И тут перед моим носом образовалась маленькая воронка, взметнулся песок и взвизгнула отрикошетившая пуля.

— В укрытие! — воскликнул я. — По нам стреляют!

Сивилла побежала к валунам, я отпрянул в сторону и вскочил на ноги. По нам выпустили еще несколько пуль, но трудно попасть издали в быстро движущуюся мишень. Задыхаясь от бега, я скользнул под прикрытие огромного валуна и увидел, что Сивилла уже залегла между камнями.

— Где этот снайпер? — выкрикнула она.

— Наверху, на склоне нашей сопки. Я его не разглядел, только краем глаза заметил.

— А цвет?

— Преобладающий в этих краях.

— Что будем делать?

— Переведем дух. А затем поохотимся на охотника. Попробуем взять в клещи. Ты уж не сердись, я выронил наши припасы. Потом их поищем, когда краснокожего завалим. Ты не против?

— Не против. Кто бы он ни был, я хочу, чтобы он находился впереди, а не сзади.

Я короткой перебежкой одолел отрог холма и укрылся за валуном. Пуля угодила в камень, брызнули осколки. Вторая пуля ударила в землю. Пока снайпер палил в меня, с другого фланга к нему подбиралась Сивилла.

Перебегая от камня к камню, мы медленно поднимались на холм. Неприятель стрелял без передыху, похоже, боеприпасов у него было вдоволь. Когда до вершины осталось совсем немного, я

его увидел. Краснокожий толстяк перебегал к другому укрытию. На одном плече — сумка, на другом — длинноствольное оружие. Я что было сил припустил вдогонку. Он обернулся и пальнул навскидку. Я метнулся за валун. Пока краснокожий посылал в мою сторону пулю за пулей, Сивилла зашла ему в тыл.

Закончилась наша игра внезапно. Я услышал, как он палит в другую сторону — должно быть, заметил мою напарницу. Я опустился на четвереньки и быстро пополз вверх по склону. И вот он в считанных метрах, направляет на меня ружье... и тут ему между лопаток попадает камень, брошенный меткой рукой.

Он завопил, подпрыгнул и попытался взять меня на мушку. Но я уже был рядом. Пяткой отбил ружье в сторону, изо всех сил ударил толстяка в грудь.

Он снова взвизгнул и повалился навзничь. Сумка слетела с плеча, из нее высыпались блестящие цилиндры.

Сивилла, запыхавшаяся не меньше моего, подошла взглянуть на поверженного неприятеля. Он был толст, красен и, как полагается, хвостат и рогат. Но в отличие от других аборигенов, показался нам очень знакомым. Когда он, пятясь от нас на четвереньках, повернул голову в поисках пути к спасению, я увидел его профиль.

— Это невозможно! Он же вылитый...

Сивилла закончила фразу за меня:

— Слэйки! Или магистр Фэньюимаду! Или отец Мараблис!

Все эти имена, конечно, были ему знакомы. Я не знал, что и думать. Он таращил на нас глазищи и дрожал от страха.

— Разве... мы встречались? — пролепетал он.

— Возможно, — сказал я. — Моя фамилия диГриз. Вам доводилось ее слышать?

— Не припоминаю. Вы не из родственников Гродзинского?

— Насколько мне известно, нет. А как ваша фамилия?

— Интересный вопрос. Может быть, Эйнштейн...

Он с надеждой посмотрел на меня. Когда я отрицательно покачал головой, улыбку с его лица как ветром сдуло.

— Значит, ответ неправильный... А фамилии Митчельсен и Морли вам знакомы? Эпинард?

— Да, эти фамилии я слышала, — сказала Сивилла. — Все они принадлежали знаменитым физикам, и все они — покойники.

— Физики? — Он просиял и показал на багровое солнце. — Горение длится вечно. Но ядро, как вы знаете, нестабильно. Ядро, сфера Ферми. Далее — ядра. Литий нестабилен...

— Профессор, — обратился я к нему.

— Да? Что? Но эти ядра просто-напросто распадаются. Снова и снова...

Он закрыл глаза и, непрерывно бормоча под нос, медленно закачался вперед-назад.

— Спятил, — уверенно сказала Сивилла.

Я кивнул.

— Как и все остальные.

— Он снова бубнит о физиках. Ты заметила, как он отреагировал, когда я его назвал профессором?

— Профессоров тут хоть пруд пруди.

— Твоя правда. — Я поднял оружие и рассмотрел. — Интересно, где он ее раздобыл? Вполне исправна, и стрелок он неплохой. — Я постучал пальцем по шкале на прикладе и указал на рассыпанные цилиндры. — Знаешь, что это за штуковина?

— Конечно. Боевой линейный ускоритель. В армии его называют гаусс-винтовкой.

— Точно. Ни одной съемной части, сверхмощная ядерная батарейка и уйма стальных пуль в этих трубках. Откуда тут взялась гаусс-винтовка? Помнишь, что случилось со всеми моими снастями? И механическими, и электронными? Все пришло в негодность. До сего момента мы с тобой не видели тут ни одного артефакта.

Наш демонический приятель умолк, посмотрел на винтовку, вскочил на ноги и попытался ее схватить. Сивилла всадила ему каблук в солнечное сплетение, и он ткнулся носом в землю. Я опустился на корточки и поднес винтовку к его лицу.

— Профессор, где вы ее взяли?

— Моя. Я дал себе... — Он изумленно огляделся по сторонам. Затем опустил голову, закрыл глаза. Похоже, уснул.

— Не очень-то разговорчив наш «язык», — заметила Сивилла.

— Похоже, в этих краях безумие заразно. А может, оно просыпается в человеке, если он тут надолго задерживается.

— Мне тоже так кажется. Ну так что, возвращаемся к первоначальному плану? Идем в пещеру?

— В пещеру. — Я собрал боеприпасы в сумку, повесил ее на плечо.

Удаляясь от сумасшедшего профессора, мы то и дело оглядывались, но он ни разу не пошевелился.

— А тебе не кажется, что, чем дольше мы торчим в аду, тем больше у нас вопросов и меньше ответов?

Сивилла мрачно кивнула.

— Смотри, это не она? Вон там, впереди, брешь в скале.

— Похоже, она.

Я еще ни разу в жизни не испытывал такого уныния, и это о многом говорит, поскольку мне доводилось попадать в очень и очень неприятные ситуации. Поиск пещеры — жест отчаяния. Будь там какое-нибудь приспособление, какой-нибудь механизм, мы бы его сразу обнаружили. Мы возвращались в тупик.

Как только мы подошли к пещере, внутри раздался оглушительный хлопок, его сопровождала ослепительная вспышка. Сивилла метнулась в сторону, а я вскинул гаусс-винтовку и сдвинул рычажок питания. Из пещеры доносился шорох. К нам приближался кто-то большой и темный. Я смотрел через прорезь прицела и все сильнее давил на спусковой крючок.

В проеме появился человеческий силуэт.

— Брось эту гадость, и пошли со мной, — сказал мой сын. — Быстрее!

— Боливар, мы идем! — выкрикнула Сивилла на бегу.

Глава 8

Я бросил винтовку, сумку с боеприпасами, узелок с колимиконом и пустился вприпрыжку. Сивилла не отставала ни на шаг. Боливар бежал впереди. У стены напротив входа он остановился и, взволнованно переминаясь с ноги на ногу, огляделся.

— Нет, левее, — пробормотал он. — Назад, назад. Здесь! — воскликнул он и протянул к нам руки. — Хватайтесь!

Мы не спорили. Он напряг могучие мышцы и крепко прижал нас к груди. Я открыл рот, но не успел вымолвить ни слова.

Я пережил что-то совершенно неописуемое. Это никоим образом не напоминало привычные человеческие ощущения — жар, холод, боль, грусть или удар электрического тока.

Потом все закончилось. Сверкнула белая молния и раздался оглушительный хлопок.

— Ложись! — выкрикнул кто-то.

Боливар повалил нас на пол. Рядом загрохотало. Я мельком увидел мужчину со стрелковым оружием в руках. Точнее, в руке — левой, потому что правая была забинтована. Сильная отдача заставила его выронить оружие, он повернулся и бросился наутек. Я услышал топот погони.

— Джеймс! — выкрикнул Боливар.

— Все в порядке! — донеслось издалека. Из-за пылающих обломков сложного электронного устройства появился Джеймс. Лицо его было в саже, он стряхивал с рубашки красные угольки. — Едва не зацепило. Хорошо, что не по мне стрелял, но над машиной он неплохо потрудился.

— Мальчики, спасибо что выручили. — Я закашлялся. — Горло! Печет, как в аду!

Зашипели автоматические огнетушители, пламя исчезло в белом облаке. Вдали ревела сирена.

— Объяснения позже, — сказал Джеймс. — А сейчас надо сматываться.

Я спорить не стал, ибо еще не совсем очухался от событий минувшего дня. Дня? Мы выбежали из Церкви в темноту. Фургон стоял на том же месте, где я его видел в последний раз... Когда?

— В кузов! — скомандовал Джеймс.

Пока мы залезали в фургон, Джеймс завел двигатель. Он нажал на газ, не дожидаясь, пока закроется задняя дверь.

Мы покатились по полу и услышали нарастающий рев сирен. А затем он начал стихать. Фургон повернул за угол, Джеймс

сбросил скорость почти до максимально дозволенной. Еще несколько раз фургон сворачивал и наконец остановился. Джеймс развернулся вместе с водительским сиденьем к нам лицом и произнес с улыбкой:

— Кажется, у кого-то в горле пересохло?

Сквозь ветровое стекло виднелась большая вращающаяся вывеска: «Шалман робота Родни», а чуть ниже буквы меньшего размера сулили: «Самые дешевые и самые алкогольные напитки в городе».

В боковом окне появилось лицо андроида.

— Добро пожаловать в мечту пьяниц, — проскрежетал он. — Что будем заказывать?

— Пива. Четыре большие кружки.

— Расскажите нам, что случилось, — попросила Сивилла моих сыновей, пока я боролся с кашлем.

— Конечно, — пообещал Боливар. — Только сначала скажите, вы невредимы?

Он с тревогой смотрел на нас, и пришлось кивнуть, чтобы он успокоился.

— Слава богу! Ну и напугал же ты нас, папа. Представляешь, как мы всполошились, когда получили сигнал тревоги!

— Правда? А мне казалось, я не успел его послать.

— Не успел. Но у тебя остановилось сердце, и мы поняли: что-то не так. И решили действовать.

— Оно не останавливалось! — Я схватился за запястье, нащупал пульс. Приятное, уверенное «тук-тук».

— Рад слышать. Но тогда мы об этом не знали. Буквально через несколько секунд после того, как ты отправился в ад, мы вломились в Церковь и увидели Мараблиса в дурацкой шапке. Он еще возился с пультом. Когда поворачивался, Боливар шарахнул по нему из парализатора.

— Я его уложил, но вас уже не было в Церкви. Оттого-то и сработал сердечный датчик. Потом Слэйки признался, что закинул вас, или телепортировал, в ад. Интенсивный гипноз, по этой части Джеймс мастер.

— Да, у меня это вроде хобби. Уже несколько лет. Впрочем, расколоть Мараблиса было нетрудно. Стресс и шок. Я проник в его психику и взял контроль на себя. Он сказал, что отправил вас обоих в ад. Джеймс вызвался идти за вами. Я заставил Мараблиса включить машину, а остальное вы уже видели. Все это заняло целых пять минут, но закончилось благополучно.

— Удивляюсь, как это я до сих пор не разучился удивляться! — воскликнул я.

— Пять минут! Но ведь в аду мы провели несколько часов, почти целый день!

— Разные масштабы времени? — предположил Боливар. — И вот что еще я вам скажу, просто для сведения. Отправясь в ад, я в то

же самое время находился здесь. То есть отсюда я видел все то, что видел в аду Боливар, слышал, как он говорил. И наоборот...

— Пиво, — произнес жестяной голос.

— Еще четыре, — распорядился Боливар и, когда мы с Сивиллой осушили кружки, вручил нам две оставшиеся.

Прохладительный напиток благотворно подействовал на мозги. Я крякнул от удовольствия и кое-что вспомнил.

— Джеймс! А почему была стрельба в Церкви? Что произошло?

— Да ты же сам видел. Когда вы возвращались, откуда ни возьмись появился тот парень с пушкой в лапе. Я бросился в укрытие, а он расстрелял аппаратуру. Потом они с Мараблисом удрали.

— Я успел на него взглянуть, — сказал я. — Этого не может быть, но...

Джеймс хмуро кивнул.

— Я его очень хорошо разглядел. Это был профессор Слэйки с повязкой на правой культе.

— Тогда кто... кто... кто... — сбивчиво зактокал я.

— Ты хочешь спросить, кто включал машину? Кто отправлял тебя в ад и возвращал обратно? Тоже профессор Слэйки. И на клавиши он нажимал здоровой правой рукой.

— А у меня еще есть новость, — сказал я. — В аду мы встретили ярко-красного, длиннохвостого и рогатого Слэйки.

Наступила тишина. Мы напряженно искали в этой информации смысл, а может быть, хотели убедиться в его отсутствии. Наконец Сивилла оборвала паузу.

— Джеймс, будь другом, свистни официанту, пусть принесет бутылочку чего-нибудь покрепче.

Никто не возразил. Все произошло так быстро и выглядело так непостижимо, что в голове у меня образовалась дикая путаница. Точно иголка, из нее высунулась и ужалила страшная мысль. Анжелина? Где она?

— Не в аду, — сказал Джеймс. — Этот же вопрос я задал Мараблису, как только погрузил его в транс. Он очень не хотел отвечать, даже едва не вынырнул, но в конце концов поддался. Я погрузил его еще глубже, чтобы вызволить вас из ада. Надеялся взяться за него по-настоящему, когда вы вернетесь... Но вы и сами знаете, что потом случилось. Уж простите.

— Простить? — радостно вскричал я. — За что? Анжелина жива, но ее куда-то закинули. Может быть, в рай. Выясним. Спасибо и на том, что ты нас выручил. Словечко «простите» совершенно неуместно. Надо как следует пораскинуть мозгами, разобраться со всеми этими головоломками и парадоксами. Но не сейчас. В первую очередь необходимо сделать два дела. Заручиться поддержкой и покончить с ненужным риском. Слэйки знал, что мы с Сивиллой на него охотимся. Сам в этом признался, когда нас отключил. А теперь он знает, что за ним гоняется вся дружная семейка. Он способен перейти в контратаку — что ж теперь, прикажете носу из гости-

ницы не высовывать? Короче говоря, мы должны немедленно связаться со Специальным Корпусом.

— Мне нужен только телефон, — сказала Сивилла. — У меня есть номер местного резидента, он нас соединит непосредственно с Инскиппом.

— Отлично. Доложим старику обо всем. Попросим взять Церковь под надежную охрану. Никого не впускать и не выпускать. А еще посоветуем как можно скорее прислать сюда профессора Койпу. Ученый, способный создавать действующие модели машины времени и творить прочие чудеса, наверняка разберется в этих адско-райских штучках. До прибытия Койпу и космической пехоты мы не будем беспокоить Слэйки. Не забывайте, мы побывали в аду и сумели вернуться. Теперь нам предстоит найти Анжелину и возвратиться вместе с ней.

В другое, не столь тяжелое, время несколько дней интенсивной релаксации в «Праздничной обители Васка Нулджа», наверное, оставили бы у меня самые светлые воспоминания. Но в те дни мысли об Анжелине не давали мне покоя. Чем бы я ни занимался (плавал, загорал, выпивал и закусывал), я даже на секунду не мог забыть о том, что ее нет рядом. Правда, негодяй Слэйки признался, что она жива, но если бы заодно сказал, где ее искать, мне бы спалось гораздо спокойней. На душе скребли кошки, и я ничего не мог с собой поделать. Я знал, что близнецы разделяют мою тревогу. Под их жеребячьими играми и ухаживанием за Сивиллой скрывались все те же грустные мысли. Я замечал тоску на лицах сыновей, когда они не подозревали, что за ними наблюдают.

Но очень скоро игры и забавы кончились. Мы приступили к делу. Вселившись в эту гостиницу по фальшивым паспортам, мы составили подробный отчет обо всем, что узнали, увидели и пережили. Картина получилась нелепая, однако мы понимали, что смысл в ней есть. Мы переслали отчет в Специальный Корпус, надеясь, что там найдутся головы помудрее наших.

Они нашлись. Обзорная экскурсия по аду подействовала на меня оглупляюще. Как ни пытался я состыковать мысли, они упрямо разбредались. То и дело я поглядывал в зеркало — не краснею ли? Спустя некоторое время я перестал подходить к зеркалам, но, моясь под душем, нет-нет да и ощупывал копчик — вдруг отрастает хвост?

Все это действовало на нервы. Но однажды рано утром ситуация в корне изменилась. Я спустился в ресторан и увидел за нашим столиком знакомый силуэт.

— Профессор Койпу! — радостно воскликнул я. — Наконец-то!

Он улыбнулся. Некоторые из его желтых зубов торчали вперед, точно покосившиеся надгробья.

— А, Джим. А ты неплохо выглядишь. Загорелый, но не красный. Хвост еще не проклюнулся?

— Благодарю вас, нет. Я за этим слежу. А как ваши дела?

— Отлично, отлично. По пути сюда я изучил обломки машины из Церкви и проанализировал все ваши записи, а также подверг экспертизе одежду, которую вы носили в аду. Вы молодцы. Правильно сделали, что отослали все это к нам. По-моему, теперь все ясно.

— Вам все ясно?! А мне ничего не ясно! Бред какой-то. Абсурд, неразбериха...

— Джим, ты за деревьями не видишь леса. Смею тебя уверить, изобрести темпоральную спираль для моей машины времени было куда труднее, чем разобраться с этой мозаикой.

Койпу отломал зубами кусочек гренка и деловито захрупал. Он очень смахивал на грызуна, нашедшего пшеничное зерно.

— Профессор, давайте не будем забираться в метафорический лес и ломать дрова.

— Да, конечно. — Он вытер салфеткой рот, а заодно тайком отполировал торчащие зубы. — Когда я узнал, что в этом деле замешан Джаз Джастин, разобраться с остальным было гораздо проще...

— Джаз Джастин? — пробормотал я, ровным счетом ни черта не понимая.

— Да. — Койпу хихикнул, блеснув желтыми зубами. — Мы его так в университете прозвали.

— Кого, кого? — заковокал я, точно заезженная доисторическая музыкальная пластинка.

— Джастина Слэйки. Он играл на тромбоне в университетском джазовом квартете... недурно играл, смею тебя уверить. По правде говоря, я ничуть ни хуже наяривал на банджо и...

— Профессор, ближе к делу, пожалуйста. Постарайтесь обойтись без экскурсов в историю музыки.

— Да, конечно. Слэйки — гений, это я понял еще в первую нашу встречу. Он очень стар. Учитывая достижения гериатрии, он, наверное, гораздо старше, чем выглядит. Он создал теорию галактических перемычек, — несомненно, ты знаешь, что она очень долго ходила в гипотезах. Никому не удавалось приблизиться к ее математическому выражению, пока Слэйки не вывел формулы, которые доказывали существование перемычек. Он сумел даже математически описать природу червоточин в перемычках между галактиками. Изредка Джастин писал научные статьи, но никогда не соединял свои открытия в единую систему. До недавних пор я считал, что его теория так и осталась незавершенной.

Профессор снова оттяпал кусок гренка и торопливо смыл его в пищевод глотком кофе.

— Подождите, — попросил я. — Начните сначала. Я ничего не понял.

— А зачем тебе понимать? Природу червоточин в перемычках можно объяснить только с помощью алгебры отрицательных чисел. Любая нематематическая модель будет всего лишь грубой профанацией.

— Меня вполне устраивает грубая профанация.

Он пожевал, задумчиво поморщил лоб, рассеянно смахнул с глаз длинную жидкую прядь волос.

— Что ж, утрируя...

— Да?

— Предельно утрируя, можно сказать, что наша вселенная напоминает недожаренную глазунью из одного яйца. Лежащую на противне рядом с другими, тоже полусырыми яичницами.

Похоже, завтрак подстегнул его воображение. У меня же здешние яичницы никаких ассоциаций не вызывали, я успел к ним привыкнуть.

— Противень с яичницами символизирует пространство-время. Но он должен быть невидимым, поскольку у него нет измерений и, следовательно, его невозможно измерить. Не отстал еще?

— Пока держусь.

— Отлично. Энтропия — заклятый враг вселенной. Все изнашивается, остывает, пока не наступает тепловая смерть вселенной. Но с этой проблемой было бы нетрудно справиться, если бы существовала возможность обратить энтропию вспять. Но это невозможно. Но!

Это было важное «но», судя по тому, как профессор ораторски воздел палец и щелкнул зубами.

— Но хотя обратить энтропию вспять нельзя, измерить и увидеть степень энтропийного разложения можно — разумеется, только математически. И можно доказать, что в разных вселенных этот процесс идет с разной скоростью. Ты понимаешь, как это важно?

— Нет.

— Подумай! Предположим, скорость энтропии в нашей вселенной гораздо больше скорости энтропии во вселенной Икс. Гипотетическому наблюдателю из той вселенной покажется, что распад нашей вселенной происходит быстрее. Правильно?

— Правильно.

— Столь же очевидно, что, если наблюдатель в нашей вселенной смотрит на вселенную Икс, ему покажется, что энтропия там идет в противоположном направлении, и это явление можно назвать обратной энтропией. Хотя этой обратной энтропии не существует, ее можно увидеть. Вот тебе и уравнение.

Койпу откинулся на спинку стула и улыбнулся. Похоже, он был доволен собственной логикой. А мне она показалась сущим бредом. Я так и сказал, и он нахмурился.

— Жаль, диГриз, что в школе ты валял дурака на уроках математики. Ладно, попробую еще больше упростить. Допустим, явления не существует, но если оно наблюдается, его можно выразить математически. А если его можно выразить, то на него можно и повлиять. А на что можно повлиять, то можно и изменить. В этом-то и прелесть. Чтобы добраться до червоточин между вселенными, не нужно источника энергии, хотя энергия, конечно, потребуется для путешествий по ним. Для самих червоточин источником энергии служит разница в скорости энтропии. Этот закон открыт Джастином Слэйки, и я первым снимаю перед ним шляпу.

Он приподнял над головой воображаемую шляпу. Я тупо заморгал, а затем подстегнул мозги. Да что это со мной? Котелок совершенно не варит. С огромным трудом я вылущил из буйных физических фантазий профессора кое-какую суть, доступную моему первобытному умишку.

— Так. Давайте по порядку. Если ошибусь, поправьте. Существуют разные вселенные. Так?

— И да и нет.

— Пусть будет да. Хотя бы на минутку. Существуют разные вселенные, и если они существуют, то связаны друг с другом перемычками, в которых есть червоточины. Далее. Разница в скоростях энтропий этих вселенных позволяет человеку путешествовать по червоточинам из одной галактики в другую, и Слэйки изобрел для этого специальную машину. Так?

Профессор поднял палец, нахмурился и отрицательно покачал головой. Затем поразмыслил и пожал плечами.

— Так, — произнес он весьма сдержанным тоном.

Я поспешил, пока он не передумал:

— Ад находится в иной вселенной, там действуют иные физические законы, а может быть, и химические. И время там течет с другой скоростью. Если это так, то рай — это уже совсем другая вселенная, соединенная с нашей червоточинами в пространстве-времени. Возможно, есть вселенные и кроме этих двух...

— Теоретически их множество бесконечно.

— И машина Слэйки позволяет снова и снова налаживать связь с ними, и что по силам ему, то по силам и вам. Я прав?

— И да и нет.

Я одолел соблазн выдрать из своей шевелюры клок волос.

— Что вы подразумеваете под «да»? Что вы подразумеваете под «нет»?

— «Да» означает, что теоретически это возможно. А «нет» — что мне это не по плечу. По крайней мере, без математического выражения энтропийного соотношения, которое было записано в машине. В той, которую ты позволил уничтожить.

— Но должны существовать и другие машины.

— Раздобудь хоть одну, и я тебе построю межгалактическую подземку.

— Раздобуду, — пообещал я. Пообещал твердо, ибо не видел другого способа выручить Анжелину. После чего у меня возник очередной закономерный вопрос: — У кого есть эти машины?

— У Слэйки.

— У которого Слэйки?

— Слэйки только один.

— Не верю. Своими глазами видел по меньшей мере троих. Краснокожий с хвостом — раз. Без правой руки — два. А третий — со здоровой правой рукой.

— Ты видел одного и того же человека, только из разных времен. Представь, у тебя есть машина времени, и ты отправляешься на ней в гости к новорожденному ребенку. Затем передвигаешься вперед во времени и видишь того же ребенка, но уже взрослым, а потом еще раз перемещаешься и встречаешь уже старика. Математически это вполне объяснимо. Джастину каким-то образом удалось продублировать себя в разные времена своего существования. Все эти двойники — один и тот же человек. Поскольку они из разных времен, у них одни и те же мысли. Вот каким образом однорукий Слэйки узнал, что Слэйки невредимый попал в беду. Узнал и пришел на выручку. То же самое явление наблюдали твои сыновья. Поскольку они — биологические близнецы, то есть произошли от одного яйца, некогда они были одним и тем же лицом, или яйцом. Поэтому, оказавшись в разных вселенных, они думали одинаково и видели одно и то же. Все это вполне очевидно.

— Что «очевидно»? — спросила Сивилла, подходя к нашему столику.

— То очевидно, — сказал я, — что мы теперь знаем, как попасть в рай. Или в ад. Всюду, куда понадобится. Похоже, наш гениальный профессор все знает об этих вселенных.

Она кивнула.

— Профессор, если вы все поняли, объясните, как Джиму удалось обнаружить в аду своих свинобразов.

— Объясню. Я прочитал отчет и полностью согласен с вашими предварительными выводами. Судя по всему, ад — это пластичная, еще не до конца сформированная вселенная. Дожно быть, когда Слэйки увидел ее впервые, она была тектонически активна. Он ошибочно принял ее за ад, и она стала адом. Вы оба оказались в его аду, но и сами создали по фрагменту из миров вашего детства.

— Можно спросить, — произнесла Сивилла. — Если это получилось у нас, почему не удалось никому из тех, кого мы там нашли?

— Это тоже вполне понятно, — чинно вещал профессор. Он всегда был рад внимательной аудитории. — Те люди — простые обыватели, а не суперагенты Специального Корпуса. Вам же сила воли, психическая устойчивость помогли материализовать воспоминания, слепить наиболее знакомые вам мирки. Там, где простые обыватели в страхе убегали, вы поворачивались к опасности лицом и встречали ее свирепым рыком.

— Послушать вас, так мы — одичавшие терьеры, — свирепо прорычал я.

— Так и есть. Еще вопросы?

— Да, — сказала Сивилла. — Что теперь будем делать?

— На это отвечу я, — откликнулся я. — Профессор Койпу построит машину для путешествий в эти далекие вселенные, и мы вернем Анжелину.

— Отличная идея. Но давайте не будем этим заниматься до завтрака, — с женской практичностью добавила она. — У меня предчувствие, что работенка намечается не из легких.

Глава 9

Я дождался, когда к нам подсядут Джеймс с Боливаром и съедят полусырые яичницы, а затем взял быка за рога.

— Объявляю заседание открытым.

Они внимательно посмотрели на меня. Все, кроме профессора Койпу. Он уже бормотал под нос и заполнял уравнениями широкий блокнот.

— Надеюсь, профессор не будет в обиде, если я чудовищно упрощу все, что он мне сейчас объяснил. Рай и ад находятся в других вселенных, и туда можно попасть. Есть и кроме них вселенные, и в одной из — Анжелина. При некотором нашем содействии профессор смонтирует машину пространства-времени, и мы на ней отправимся в путешествие.

Все кивнули и улыбнулись — опять же, кроме Койпу, который бубнил что-то математическое. Но он мог делать одновременно два дела. Выводя свои закорючки, он произнес:

— Твое упрощение — полная ахинея. Из этих уравнений вытекает...

— Что вы понимаете, что от вас требуется, — перебил я, пока остальные не приуныли, — а мы — что требуется от нас. Надо найти одного из клонов. Если Слэйки еще не удрали с этой планеты при помощи своей машины, то они должны быть где-то здесь. По-моему настоянию Специальный Корпус надавил на местных военных, и они надежно изолировали планету. Как мотель, где морят насекомых, — вселиться можно, а съехать нельзя. Сейчас ведутся тщательные и методичные поиски...

— А давайте их отпустим, — предложила Сивилла.

Воцарилось молчание. Даже Койпу дал передышку авторучке.

Сивилла обворожительно улыбнулась и окинула снисходительным взглядом ошеломленную аудиторию.

— Давайте посмотрим чуть дальше собственного носа, — сказала она, — и не будем такими прямолинейными. Вся беда мужчин в том, что их тестостерон и прочие гормоны, которые носятся по кровеносной системе, делают их слишком предсказуемыми. Давайте мыслить изощреннее, хотя бы в порядке эксперимента. Люди, за которыми вы охотитесь, «Слэйки и Слэйки», — такие же недалекие мужланы, как и вы. Они рассчитывают, что вы будете действовать точь-в-точь, как они запланировали.

— Что же ты посоветуешь?

— Умерить пыл, не пороть горячку, набраться терпения. Пусть они тычутся носами во все щели, пока не найдут лазейку. Когда выберутся, мы пойдем следом.

— Это будет не просто...

— Да нет, просто, — сказал Койпу. — Я как раз обдумываю новую уникальную теорию... насчет побочных эффектов путешествий между вселенными. — Он помахал блокнотом с формулами. — И теперь с удовлетворением вижу, что мои предположения верны. Назовем это энтропийным размежеванием. — Крайне довольный собой, он расплылся в улыбке и постучал ногтями по зубам. Наши вытаращенные глаза еще больше подняли его настроение. — Объясню. Как вы заметили, в аду с людьми происходят некоторые перемены. Краснеет кожа, отрастают новые конечности, прогрессирует психическое расстройство. Мои уравнения доказывают, что генезис этих метаморфоз не физический. То есть они вызваны не химическим составом атмосферы или чем-нибудь подобным. Нет, в этих переменах виновато энтропийное размежевание, коренная несовместимость материи исконной и материи привнесенной. Как только я это понял, разработать принцип энтропометра было легче легкого. Это устройство, будучи очень простым по конструкции, заключает в себе невероятные возможности. Вот оно.

Он достал из кармана рубашки маленькую вещицу и бережно положил на стол. Мы дружно вытянули шеи.

— Похоже на камешек на ниточке.

— Именно. Проанализировав ваш доклад и определив для себя направление поисков, я не поленился найти чуть-чуть адской материи. В твоей одежде, Джим, которую ты мне весьма благоразумно прислал. В карманах оказались камешки. Я полагаю, ты ими разжился, когда ползал по земле. Как говорится, чтобы поверить в существование пудинга, лучше всего его отведать. — Он поднял ниточку за свободный конец, встал и обогнул столик. Остановился рядом со мной и протянул руку. Хитроумное устройство закачалось перед моим носом.

Я скосил на него глаза.

— Движется? — спросил он.

— Похоже, ко мне тянется.

— Да. Ты достаточно долго пробыл в аду, чтобы энтропийное размежевание изменило твой организм. Правда, это очень незначительная перемена. — Он подержал энтропометр над ладонью Сивиллы, довольно кивнул, перешел к близнецам, подержал ниточку с камешком у обоих над макушками, а затем показал на Джеймса.

— Вот этот брат управлял машиной и в аду не побывал.

Джеймсу оставалось лишь молча кивнуть. Койпу гордо любовался своим изобретением.

— Видите, я определил это буквально с ходу. Представьте теперь, как засветится в темноте Джаз Джастин. Как только я сделаю несколько тысяч датчиков, а это достаточно просто, мы отменим запрет на движение транспорта. И не станем разыскивать злоумышленников или мешать их бегству.

— Отлично! — возликовал я. — Им удастся сбежать, но не удастся спрятаться. Мы поставим датчики на всех поездах, автобусах, космических кораблях, мотоциклах и рикшах. На всем, что способно двигаться. Мы пойдем за ними следом, и они нас приведут к одной из своих машин, и мы ее захватим, и, как всегда, победят хорошие парни.

На деле все оказалось далеко не так просто. Вместо того, чтобы убегать, «Слэйки и Слэйки», похоже, залегли на дно. В конце концов славному профессору Койпу надоело ждать, когда они попадутся в одну из наших многочисленных ловушек. Он отправился в мастерскую и усовершенствовал энтропометр. Первая модель, сделанная наспех, была очень грубой. Новые датчики были крупногабаритными, с мощными усилителями и имели больший радиус действия.

Военные разбили на квадраты небо над островами, и через несколько часов самолеты-разведчики обнаружили след.

— Вот здесь, — сказал техник из Специального Корпуса, расстилая большую карту и тыча пальцем в красный кружок. — Пилот самолета-разведчика обнаружил слабое излучение, а когда сбросил высоту, загудели все зуммеры.

Мы склонились над картой.

— Это в самом центре города, — сказал я.

— Так точно. В центре Гаммара, столицы этой планеты. В первый раз стрелка датчика зашкаливала, и с тех пор ничто не изменилось. Но в городе есть еще два источника излучения, послабее, и один из них движется.

— Да, это возможно. Если сильный источник — машина, а два послабее — близнецы Слэйки.

— Такого же мнения придерживается и профессор Койпу. Он просил предупредить его, если вы решите предпринять агрессивные действия.

— Никаких проблем. Где он?

— Внизу, в ночном клубе. Работает.

— Работает?.. — У меня опять царил разброд в мыслях. — В котором клубе? В этой гостинице их семь.

— «Зеленая ящерица». Очень этническое местечко.

— Интересно, что может быть этнического в ящерицах?

Вскоре я это выяснил. В теплом влажном воздухе рокотали барабаны джунглей, вопли ночных животных сотрясали полумрак. Я пригнулся, чтобы не задеть низко свисающие ветви, а в следующую секунду меня едва не задушила лиана.

— Человек-посетитель, чем могу служить? — спросила рослая зеленая ящерица, одарив меня змеиной улыбкой.

Ящеричьей была только голова, тело же — совершенно человеческое и восхитительно женское, хоть и зеленое. Краска, сразу понял я. Даже в тусклом свете джунглей было несложно ее разглядеть. А еще было несложно разглядеть, что, кроме краски, на женщине-ящерице нет ничего. Любопытно, над чем здесь работает профессор?

— Койпу, — сказал я. — Мне надо с ним встретиться. Невысокий гомо сапиенс. Седые волосы, необычные зубы...

— Дорогой человек-посетитель, прошу сюда. — Удивительная официантка повела меня сквозь джунгли к бревенчатому столу. За ним на толстом чурбане сидел Койпу, тоже обнаженный, но вовсе не такой сексапильный, как женщина-ящерица. Он что-то тянул через соломинку из бамбукового стакана и царапал авторучкой широкий банановый лист.

— Что он пьет, то и я буду, — заказал я и с трудом оторвал взгляд от ускользающей официантки.

— А, Джим. Присаживайся.

— Не хотел вам мешать...

— А ты и не мешаешь. Я только что закончил и завтра смогу опубликовать научный труд «Ископаемые ящеры как суррогат насильственного подавления подсознательной сексуальности».

— Звучное название.

— Мне тоже так кажется. А еще я пишу сокращенную популяризаторскую версию для «Интернет». Назову ее «Обида на либидо».

— Главный приз вам обеспечен. О чем вы хотите со мной поговорить?

— О планах. Надо придумать надежный способ захватить целую и невредимую действующую модель универсального дифференциатора Слэйки. Без нее я не смогу и шагу дальше ступить. Две машины мы уже получили — в виде обгорелых обломков. Я сконструировал одно устройство, надеюсь, оно пригодится.

— Что за устройство?

— Темпоральный ингибитор. Интеллектуальный отпрыск моей спирали времени. Джим, ты должен ее помнить, ведь ты по ней путешествовал. Когда отправлялся искать приключения, а заодно спасать мир. Кое-чем это изобретение обязано и тебе. Еще ты должен помнить, как спас от нападения из времени Специальный Корпус, как повстречал хрононавтов из будущего и они тебе дали хронобур... Помнишь, он все кругом замораживал, погружал во временной стазис. Как только я узнал, что такое в принципе возможно, полдела было уже сделано.

— Профессор, вы гений.

— Знаю. Допивай и берись за работу. На столе в моем номере ты найдешь темпоральный ингибитор, или для краткости ТИ. Действием он ничем не отличается от уже знакомого тебе. Включишь его, и все кругом застынет. Конечно, кроме тебя. Ступай, Джим, ступай с темпоральным ингибитором наперевес и добудь универсальный дифференциатор, машину пространства-времени. А сейчас давай попрощаемся, потому что у меня много дел, а ты человек женатый.

Я ушел. Поднялся в его номер, увидел на столе «фонарик». Взял, включил. Вместо луча света он испустил механический гул, а больше, на мой взгляд, ничего не произошло. Я выключил ТИ, достал из кармана монетку, подбросил и включил «фонарик». Монетка повисла в воздухе и упала не раньше, чем я нажал на кнопочку.

Следующая станция — город Гаммар.

Я позвонил из профессорского номера мальчикам. Они для меня оставили сообщение на автоответчике, предлагали встретиться в «Подводном мире», самом популярном ночном баре в гостинице. Я сунул ТИ в карман, вышел и разыскал бар без особых затруднений, надо было только идти на звуки пляжной музыки и плеск волн. Но у входа я заколебался. Не хватит ли с меня на сегодня ночных клубов? Я еще от «Зеленой ящерицы» не очухался. Впрочем, этот кабак был освещен гораздо лучше, и вообще в нем все выглядело привычнее. Специальная подсветка и близкая к нулю гравитация создавали почти полную иллюзию пребывания под водой. Официантки с русалочьими хвостами не несли, а подталкивали к плавающим столикам подносы с напитками и закусками. Подгулявшие посетители танцевали в нескольких футах над полом, извивались, точно косяк угрей. Боливар отплясывал с Сивиллой — похоже, им было очень весело. Кажется, Боливар не был против, когда к ним присоединился Джеймс. Или просто не подал виду? Впрочем, это не имело значения. Они были молоды, задорны и заслуживали все удовольствия, которые только могла подарить таким замечательным сыновьям освоенная галактика. Пусть себе гуляют, а я тем временем позабочусь о машине Слэйки.

Я поднялся к себе в номер за кой-какими мелочами, и тут зазвонил телефон. На экране появился Инскипп и зло блеснул глазами.

— ДиГриз, что это ты затеял?

— Да так, поработаю немножко мальчиком на побегушках, — невинно проговорил я. — Принесу одну машинку профессору Койпу.

Злой блеск сменился насмешливым.

— Отставить. Одного я тебя не пущу. Учти, я в курсе всего. Знаю даже, о чем тебя попросил Койпу. За последнее время ты наделал слишком много ошибок. Неряшливая работа. Теперь с этим покончено. В вестибюле гостиницы тебя ждет взвод космической пехоты во главе с капитаном Гризли.

— Спасибо, спасибо, вы сама доброта. Сейчас я к ним спущусь.

Разумеется, я решил покинуть гостиницу через черный ход. Я всегда стараюсь избегать докучливого общества, коим вполне обоснованно считаю космическую пехоту. Но тут снаружи громко заколотили в дверь.

— Взвод ждет в вестибюле, но капитан поднялся к тебе. Действуй.

Я выхватил из кармана ТИ и подумал, не избавиться ли с его помощью от вояки. Но телефон зловеще зарычал:

— ДиГриз, не вздумай шутки шутить! Я за тобой слежу!

Я пробормотал несколько любимых ругательств и отворил дверь. За ней стоял коренастый военный с некрасивыми красными глазками и тяжелой, как наковальня, нижней челюстью. Дрожа от боевого задора, он кинул руку к козырьку. Я коснулся лба «фонариком».

— Мы вас доставим в аэропорт! — проорал Гризли. И галантно повел рукой. — После вас, сэр.

На огневой рубеж мы выдвигались эффектно. В чем, в чем, а в таких делах Специальный Корпус знает толк. Выли сирены, топали солдаты, вскидывались и опускались винтовки. Все как обычно. По пути капитан Гризли ввел меня в курс дела, подчеркивая каждый пункт резким взмахом указательного пальца.

— Первое. Гаммарская полиция держит объект под надежным колпаком. В ходе розыска установлено, что машина, которую вы ищете, находится в молельном зале, арендованном организацией под названием «Круг Святости». Это очень узкий круг, только важные персоны — политики и бизнесмены. Кое-кого из них сейчас допрашивают.

— А вам известна цель операции?

— Так точно, агент диГриз. Я в ней участвую с самого начала. Второе. В отличие от всех прочих сект, фигурирующих в этом деле, Круг Святости — сугубо мужская организация. Ее не так загробный мир интересует, как деньги и власть. А управляет ею, по нашим данным, некий промышленник, барон фон Крюмминг.

— Значит, они богатеют, и барон — быстрее всех?

— Так точно.

— Личность установлена?

— Так точно. Чуть постарше, пожирнее, полысее. Но это Слэйки, никаких сомнений. Очередная инкарнация. Сколько еще двойников Слэйки шастает по галактике?

Я приуныл. Возможно, им несть числа. Армия из одинаковых солдат. Штамповки, разбросанные по всем временам. У них одни и те же мысли, одни и те же воспоминания. Это казалось настолько невероятным, что я предпочел вообще об этом не думать.

— Какие будут распоряжения? — спросил капитан.

— А что, разве я руковожу операцией?

— Так точно, сэр. По решению вышестоящего начальства.

— Инскиппа, что ли?

— Так точно.

— Никак, он поумнел на старости лет.

— Сомневаюсь, сэр. Мы выполним все ваши приказы, поскольку я и два сержанта не расстанемся с вами до конца операции.

Глава 10

Полет в баллистическом орбитальном шаттле отнял не слишком много времени. Взлет и посадка — с многократной перегрузкой, зато в промежутке — невесомость. Пока мы в ней пребывали, я выспался, казалось, на всю оставшуюся жизнь. Кстати, при нулевой гравитации спится неплохо.

Мы благополучно сели и на чем-то колесном добрались до гостиницы, где нас поджидал еще один космический пехотинец, на сей раз лейтенант. Он и мои спутники вволю нащелкались каблуками и накозырялись. Я нетерпеливо переждал этот ритуал, столь милый сердцам военных. Наконец все большие пальцы улеглись по брючным швам.

— Лейтенант, что-нибудь изменилось с тех пор, как пришла последняя сводка?

— Никак нет, сэр. Как и прежде, наши люди с энтропометрами следят за двумя подозреваемыми. Они не перемещаются, мы тоже сохраняем дистанцию. Ни один из них не приближался к универсальному дифференциатору.

— Они не догадываются о слежке?

— Никак нет. Мы к ним ни разу не подходили, даже не видели их. Нам приказано вести наблюдение издали, пока вы не захватите машину.

— Чем я сейчас и займусь. Лейтенант, ведите!

Я решил действовать предельно просто, очень уж не хотелось в третий раз перехитрить самого себя. Парадная дверь была уже распахнута и взята под охрану, за проемом входа скрылось из виду еще несколько пехотинцев. Мой вооруженный эскорт трусцой бежал рядом со мной и застыл как вкопанный, когда я остановился.

— Доложите-ка еще разок, — прошептал я.

Лейтенант показал на высокую двустворчатую дверь в конце коридора.

— Вон там они собираются. Конференц-зал. Круглый, метров двадцать в поперечнике. — Он протянул мне металлическую коробочку со шкалами. — Ваш энтропометр, сэр.

— Отдайте капитану, пускай носит. Дверь не на замке?

— Не знаю, сэр, мы к ней не приближались. Но у меня есть ключ.

— Отлично. Вот что мы сейчас сделаем. Тихо подойдем к двери. Вставим ключ в замок. Вы попытаетесь отворить. Как только будете уверены, что справились, кивните мне и распахивайте дверь. — Я поднял ТИ. — Это не «фонарик», а темпоральный ингибитор. Вы отворяете дверь, я его включаю, и в молельном зале останавливается время. Ни люди, ни механизмы не смогут шелохнуться, пока я его не выключу. А сделаю я это не раньше, чем машина пространства-времени окажется в моих руках. Все ясно?

Они нетерпеливо закивали.

— Тогда приступаем.

Они дружно отдали честь, и хоть на этот раз обошлось без строевого топота. Мы крались на цыпочках. Гризли и два сержанта дышали мне в затылок. Я взял ТИ на изготовку.

Лейтенант вставил ключ в замочную скважину, медленно провернул, а затем изо всех сил ударил ногой в дверь.

— Включаю! — крикнул я. И включил ТИ. В зале царила чернильная мгла.

— Нельзя ли зажечь свет? — поинтересовался я.

Ответа не последовало. Все застыли. Лейтенант — под острым углом к полу, и вдобавок на одной ноге. Мой эскорт — точно статуи со стеклянными глазами. Я отступил к двери, и пехотинцы задвигались, как только оказались в моем поле.

— Мы вошли, — сообщил я. — Но я ничего не вижу и не решаюсь отключить эту машинку, чтобы найти выключатель. Предложения?

— Боевые фонари. — Капитан Гризли взял энтропометр в левую руку, а правой снял с пояса фонарь. Ударил яркий луч, к нему присоединились еще три.

— Держитесь за руки и за меня, а не то будете похожи на него. — Я указал на неподвижного лейтенанта.

Капитан и сержанты подскочили ко мне. Мы медленно зашаркали вперед, точно на состязаниях по групповому бегу в мешке.

— Показания четкие, — произнес Гризли. — Стрелка направлена вон на ту дверь.

Насчет двери беспокоиться не пришлось. Она была не заперта. Мы двигались, светя боевыми «фонарями». И обнаружили стеллажи с электронным оборудованием, точной копией того, которое я уже видел.

— Вот, — показал я, — то, что мне нужно. Не разбредаемся. Все, стоим. Потому что у нас возникла проблема. Чтобы снять эту штуковину, мне придется выключить ТИ. — Я показал огонек на пульте машины Слэйки. — А еще мы должны ее обесточить, если хотим вынести. Предложения?

— Сержанты, оружие к бою! — скомандовал Гризли. — Никого не подпускать. А мы с вами, — сказал он мне, — хватаем машину, снимаем со стеллажа и ищем рубильник или разъем силового кабеля. Больше ничего не придумать.

Я поразмыслил над его идеей и не нашел альтернативы.

— Ладно, попробуем. Сержанты, охраняйте нас, увидите кого-нибудь — кричите. Впрочем, нет, лучше сначала попробуйте пристрелить. Я отключаю хрономорозильник, восстанавливаю статус-кво. Готовы?

Телохранители мрачно кивнули. Сержанты взяли оружие на изготовку, капитан крепко ухватился за универсальный дифференциатор.

— На счет «три». Раз... Два...

Я нажал на кнопку, и все случилось в один миг. Машина вдруг ожила, на пульте заполыхали огоньки. Жутко вереща, рядом со мной возник человек, облапил, вывел из равновесия. Я вцепился в него свободной рукой...

Мы летели. Где-то, куда-то. В пустой тишине все громче и громче стучало мое сердце. Больше я ничего не слышал и не чувствовал. Что это, страх? Почему бы и нет? Снова в ад? Или в рай? Белый свет, густой, теплый воздух... Хруст, треск, звон разбитого стекла.

Я лежал спиной на чем-то колючем, а от меня, спотыкаясь, удалялся толстый и старый вариант Слэйки. В руке я держал темпоральный ингибитор.

— Слэйки, ты попался! — закричал я, направляя на него ТИ и нажимая кнопку. А он отбежал, спотыкаясь и размахивая руками, подальше, остановился и повернулся. И захохотал.

— Здесь твое оружие не действует. Здесь вообще не действует техника из другой вселенной. Ты дурак! Неужели это до тебя еще не дошло?

Доходило, но очень уж медленно. Болели расцарапанные ноги. Я уперся бесполезным ТИ в битый хрусталь и с трудом встал. Выдернул из лодыжки осколок стекла и увидел, как штанина пропитывается кровью.

— Мы не в аду, — крикнул я, оглядевшись. — Это и есть твой рай?

Я бы не удивился, если бы он ответил утвердительно. Ибо глазам моим открылись поистине райские кущи. Я даже рот разинул — не столько от удивления, сколько от восторга. Но при этом я ни на миг не упускал из виду жирного Слэйки. Только он тут выглядел знакомо, а все остальное не могло привидеться даже в сладостных грезах.

Кругом вздымался мир хрустальной красоты. Пышный, красочный и прозрачный. Во все стороны расстилались заросли стекла, — аналоги деревьев и кустов. Листья — просвечивающие, с прожилками. Я стоял на круглой полянке, под ногами похрустывали осколки.

— Нет, — сказал Слэйки. — Это не рай.

— Что же тогда?

Он не ответил. Я сделал несколько шагов в его сторону, и он вскинул руки.

— Стой! Не приближайся. Будешь стоять, я отвечу. Согласен?

— Пока да. — Я не был расположен давать обещания, но любые сведения могли пригодиться. — Если мы не в раю, то где?

— В другом месте. Я здесь нечасто бываю. От него мало проку, а может, и вовсе никакого. Раньше я это место называл Силиконовой долиной, а теперь зову Стеклом. Просто Стеклом.

— Ты — профессор Слэйки. А еще, наверное, ты — босс в Круге Святости. Барон фон Крюмминг.

— Как тебе угодно. — Он насупился и оглянулся.

Я осторожно шагнул вперед, но он это заметил.

— Не двигайся!

— Успокойся, я не двигаюсь. Лучше расскажи, зачем это все.

— Ничего я тебе не расскажу.

— Даже о том, как ты оказался в аду?

Едва я это произнес, он понурился.

— Трагическая ошибка. Но больше я ее не повторю. Да, я не могу оттуда убежать. Слишком долго там прожил, слишком долго. Если уйду, обязательно умру.

— А винтовка? Зачем тебе там винтовка?

— «Зачем винтовка»? Что за глупый вопрос. Конечно, чтобы жить, чтобы есть. В колимиконе слишком мало питательных веществ, а может, их и вовсе нет. Медленная смерть от голода... Ружье — чтобы охотиться, чтобы давать отпор охотникам...

Меня затошнило. Я разговаривал с явным безумцем и вдобавок почти ничего не понимал в происходящем. Но он откровенничал, и я решил задать давно мучивший меня вопрос. Я произнес как можно беспечнее:

— А где та дамочка с Луссуозо? Куда ты ее закинул?

— «Та дамочка»?! — Он рассмеялся, и мне тот смех совершенно не показался заразительным. — Помилуй, диГриз! Неужели я тебе кажусь круглым дураком? Ты хочешь знать, где твоя жена? Твоя Анжелина? Это ее ты называешь «той дамочкой»?

Заметив выражение моего лица, он повернулся и побежал по тропинке, устланной битым хрусталем, через волшебный лес. А я мчался следом и настигал.

Но он-то знал, что делает. Внезапно он остановился, огляделся, метнулся вправо-влево. Я прыгнул на него, и он исчез. Спасся. Выскочил из этой вселенной.

Мне стало очень одиноко. Еще бы, ведь я оказался на чужой планете, в чужой вселенной. И не в первый раз. Оставалось лишь одно утешение: я побывал в аду и сумел выбраться.

— Джим, у тебя опять получится. Непременно. Ты хороший парень, а хорошие парни всегда побеждают.

Укрепив таким образом свой боевой дух, я огляделся. В солнечных лучах искрился хрустальный лес. Ничто не шевелилось в тепле и тишине. Тропинка вела прочь от полянки, оставалось лишь гадать, куда она ведет. Я медленно брел под стеклянными кронами. Тропка сворачивала, огибая край утеса. Передо мной открылась водная гладь — до самого горизонта.

Тропинка шла влево. Глянув в ту сторону, я увидел невдалеке острова. Над моей головой хрустальные ветви висели над водой, и опадающие листья со звоном разбивались о камни. По морю бежали небольшие волны, пенились, накатывая на берег.

Я остановился. Слэйки удрал, я один как перст. Не слишком отрадная мысль, постараемся ее отогнать. Я отсюда обязательно выберусь, это всего лишь дело времени. Наверное, капитан Гризли и его бравые пехотинцы уже вынесли машину из здания и спешат к гениальному профессору Койпу. А тот изучит трофей, выведет

уравнения, сконструирует собственную машину пространства-времени и придет ко мне на помощь.

Что же предпринять? Я один в хрустальной вселенной. Один-одинешенек. Я захохотал. Что тут смешного? Я потряс головой, и она вдруг сильно закружилась.

— Кислород, — сказал я вслух, чтобы успокоиться. — Избыток кислорода.

И в самом деле, не было никаких причин считать, что атмосфера этой планеты неотличима от атмосфер терраформированных и заселенных планет. Намного вероятнее, что все обстоит совсем иначе. Очевидно, Слэйки находит и посещает планеты, малопригодные для жизни людей. Я задержал дыхание, затем решил дышать «через раз». В голове прояснилось, веселья поубавилось. Я оглядел хрустальные заросли. Протоптанная в них тропинка тянулась вдоль утеса. Стоит ли по ней идти? Я не привык к нерешительности, а потому пребывал в нерешительности. Но знал, что от решения никуда не деться. Путешествие в ад доказало, что между точками прибытия и отправления нет географической разницы. Взять хотя бы ту пещеру. Мы с Сивиллой в нее прибыли и из нее вернулись. Как же быть? Возвратиться на круглую полянку? Или побольше разузнать о Стекле?

— ДиГриз, по-моему, ответ очевиден, — сказал я себе тоном мудрейшего и авторитетнейшего наставника. — Сиди на пятой точке и жди, когда тебя спасут. Или когда ты тихо-мирно дашь дуба от жажды и голода. А хочешь, поиграй в первопроходца, выясни побольше об этом местечке. Например, чиста вода в этом океане или насыщена ядовитой химией. И вообще, вода ли это. Иди узнавай.

Я пошел. По земле, усыпанной битым стеклом. Мое счастье, что подошвы ботинок были сделаны из серингеры, эластичного компаунда, который считался прочнее стали. Будем надеяться, что так оно и есть.

Вдоль берега росли высокие хрустальные деревья, между ними попадались лужайки синеватой травы. Тропинка петляла, и на очередной лужайке я увидел стеклянного зверя.

До сего момента я мирился с присутствием хрустальной растительности. С тех пор, как я здесь очутился, слишком много всего произошло, чтобы сомневаться в реальности этого ландшафта. Мало ли диковин на свете? Может быть, это природное минеральное образование либо отходы жизнедеятельности местных организмов наподобие кораллов?

Но что, если все это создал некий гениальный скульптор? Поистине, маленькое пламенно-оранжевое существо на поляне казалось произведением искусства. Оно было покрыто стеклянным мехом — отчетливо виднелась каждая шерстинка. В пасти блестели два ряда великолепно изваянных крошечных зубов. Я посмотрел под ближайшее дерево и отскочил. Там изготовилось к прыжку создание вдвое крупнее меня. Но зверь не двигался, и я успокоил-

ся. Полюбовался зазубренными, как гарпуны, саблевидными клыками, громадными когтями, торчащими из пальцев. Хрустя стеклянной травой, я подошел поближе. Изумительная работа. Глаза зверя находились на одной высоте с моими и казались особенно правдоподобными... отчасти потому, что они очень медленно двигались. Зверь наблюдал за мной.

Это не статуи! Это живые существа!

Я прошел назад и нагнулся над меньшим зверем, убегавшим от хищника. Да точно. Одна нога заметно опустилась, другая чуточку приподнялась. Это не скульптура и вообще не артефакты. Я — в мире медлительной хрустальной жизни.

— А почему бы и нет? — проговорил я вслух — собственный голос слегка успокаивал. — Джим, ты не тронулся умом. Просто воспользовался наконец своей недюжинной наблюдательностью и увидел то, что с самого начала бросалось в глаза.

Я вспомнил, что мало-мальски разбираюсь в химии. У стекла аморфная структура, то есть это вещество, по сути, не жидкое и не твердое. И если в природе встречается жизнь, основанная на углероде, то вполне могут существовать и силиконовые организмы. И существуют. На Стекле наверняка можно обнаружить какие-нибудь необычные молекулы и экзотические реакции. И все, что меня сейчас окружает, убедительно иллюстрирует эту теорию.

Я расчистил ботинком местечко на земле и сел. Обхватил руками колени, опустил на них подбородок и набрался терпения.

Да, животные двигались. Заторможенный метаболизм, замедленная жизнь. По всей видимости, здесь другая скорость энтропии, по крайней мере, для этих стеклянных существ. Жаль, я не досижу до конца гонки. Интересно, кто ее выиграет? Но это выяснится денька через два, не раньше.

Было жарко, мне уже хотелось пить. Тропинка сбегала по обрыву к океану и заканчивалась на песчаном берегу. Песок был великолепен — как и полагается кварцевой планете. Был отлив, из чего я заключил, что у планеты есть как минимум один спутник. Впереди между выветренными рифами поблескивала вода. Я подошел к ближайшей лужице, нагнулся, и тотчас крошечная тварь поспешила укрыться в трещине. В лужице она была не одна. Трепеща конечностями, малюсенькие рыбоподобные существа метнулись врассыпную от моей тени. На стеклянных они не походили. Они жили в воде, если только это была вода.

— А ты глотни, Джим, — предложил я себе. — Вдруг понравится?

Зачерпнул ладонью, понюхал. Запах как у воды. Макнул левый мизинец и осторожно дотронулся им до языка. Вода. С легким привкусом, но — вода. Я глотнул. Никаких болезненных ощущений.

Ладно, хорошего понемножку. Привкус может означать все что угодно, а я еще не умираю от жажды. Подожду, не случится ли чего со мной.

Я побрел по песку к маленьким островкам, что лежали у самого берега. Они были чуть больше обычных песчаных кос, и за ними виднелись острова покрупнее. Довольно далеко, но кое-что рассмотреть можно. На них росло что-то зеленое, не похожее на хрустальный лес. Хлорофилл? Почему бы и нет? Во вселенной всякое бывает. Где хлорофилл, там и вода. Возможно, и пища. Похоже, все не так уж и страшно.

Я напряг зрение. Вроде кусты шевелятся. Это не ветер. Он настолько слаб, что просто не заслуживает упоминания. Живые существа? Разумные или съедобные? Меня устроят и те и другие. Я вошел по колено в воду, постоял в нерешительности, а затем направился к ближайшему островку. Очень мелко. Возможно, удастся перейти вброд.

— Эгей! — крикнул я. — Есть там кто нибудь? Я добрый и миролюбивый пришелец с далеких планет и не желаю вам зла! Mi vidas vin! Diru min — parolas Esperanto!

Из тени появился человек и, размахивая руками, крикнул:

— А ты вовремя!

— Анжелина!

Глава 11

Я окаменел от неожиданности, одеревенел от восторга. Стоя столбом, вновь и вновь выкрикивал ее имя. И глупо улыбался. А она махала рукой и посылала мне воздушные поцелуи.

Потом она бросилась в воду — видимо, рассудила, что от криков и махания руками толку мало. Она всегда была практичнее, чем я. Полдюжины мощных гребков, и вот она встает передо мной, точно богиня из морской пены. И, мокрая до нитки, попадает в мои объятия, чтобы, смеясь, осыпать меня жаркими поцелуями.

Недостаток кислорода в легких заставил нас прервать поцелуй, но из объятий мы друг друга не выпустили.

— Ты жива и здорова, — сказал я наконец, — и это великолепно. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Лучше некуда. Особенно теперь, когда ты рядом. А где Боливар и Джеймс?

— Насчет них не беспокойся. Нелегко было тебя найти, нам пришлось как следует потрудиться. Честное слово, мы очень волновались. Да ты, наверное, представляешь.

— Конечно, представляю. Но ты сюда очень быстро добрался. Кстати, когда я ушла из дому? Вряд ли больше двух-трех дней назад. Сутки здесь такие короткие, трудно судить о времени.

Мы пошли обратно к берегу. Я отрицательно покачал головой.

— С твоей точки зрения, ты здесь провела считанные дни. Рад слышать, ведь это означает, что тебе не пришлось сильно мучиться. Судя по некоторым признакам, в разных вселенных время течет

по-разному. Разные скорости энтропии, так говорит профессор Койпу.

— Разные скорости? Не понимаю. И разные вселенные?

— Похоже, в этом-то все и дело. Слэйки научился передвигаться между этими вселенными, поэтому для тебя здесь минуло лишь несколько дней, а для нас, после твоего исчезновения, больше месяца. Разумеется, я тебе во всех подробностях опишу наши удивительные приключения, но сначала расскажи, что с тобой случилось.

Она перестала улыбаться.

— Джим, я допустила ошибку, и очень жаль, что из-за меня поднялся такой переполох. Я надеялась, что сама справлюсь. Честное слово, я считала рай и все остальное сплошным жульничеством и бредом сивой кобылы. А жуликов и сивых кобыл я насквозь вижу. Посмотришь на магистра Фэньюимаду — заурядный тюфяк, мешок с салом. Я и не подозревала, что он такой шустрый... И что ему поможет брат-близнец...

— Любимая, погоди. А лучше начни сначала. Сядь со мною рядом на песочек, вот так, давай возьмемся за руки. Один-два поцелуя делу не повредят. А теперь — с самого начала, если, конечно, ты не против. Я ведь о твоих злоключениях ничего не знаю. Запись, которую ты для меня оставила, видел и слышал, а что потом с тобой было, не представляю.

— Я была слишком самонадеянна... Ровена и остальные девчонки с таким восторгом описывали рай, вот я и захотела посмотреть своими глазами. Магистр Фэньюимаду заупрямился, и пришлось его уговаривать, даже кучу денег выложить. В конце концов он согласился. Я не хотела отправляться совсем безобидной, поэтому захватила пистолет и несколько гранат, ну, все как обычно. Решила взглянуть на рай и вывести Фэньюимаду на чистую воду. Но до этого не дошло. Мы собрались в Храме, он произнес елейную проповедь и сказал, что пора отправляться. Взял нас с Ровеной за руки, и я унеслась вместе с ним. Что-то случилось, было какое-то движение, но я не возьмусь его описать.

— Я тоже не возьмусь. Так всегда бывает, когда проносишься сквозь вселенную. Или попадаешь в другую.

— Если так, ты меня понимаешь. Очень скоро все закончилось, мы снова очутились в Храме, и тут появился этот незнакомец, точная копия Фэньюимаду. Что-то выкрикнул и показал на меня. Сам понимаешь, у меня сработал рефлекс...

— Ты имеешь в виду рефлекс стрелять, бросать гранаты и вообще защищаться?

— Ну конечно, ты же меня знаешь. Ровена завопила и хлопнулась в обморок, я тоже полетела с ног, но могу тебя обрадовать: успела нанести врагу серьезный урон. Потом... не знаю, как это произошло, но мы очутились в этом хрустальном мире. Втроем: я и двое мужчин. Они не обращали на меня внимания, один был ранен, другой его перевязывал. Как только я к ним бросилась, они исчезли. Раз, и нету. Я поняла, что осталась одна, и решила осмотреться.

— Так что же, здесь, кроме нас, ни души?

— Я никого не видела. Конечно, мне было очень одиноко, я и скучала, и грустила, и тосковала, но потом успокоилась. Это было несложно, ведь здесь довольно интересно. К тому же ничего другого не оставалось. Я прошла по тропинке к океану — такая красотища, ты в жизни ничего подобного не видел. Напилась морской воды, похоже, она безвредна. На островах есть что-то вроде травы и кустов, на них растут крошечные оранжевые фрукты, но они ядовиты. Ты хочешь спросить, как я это выяснила? У меня был только один способ, не самый приятный.

— Отравилась?

— Уже прошло. Я проголодалась и надкусила фрукт. Сначала показалось, что все в порядке, я проглотила кусочек, и стало плохо. И очень долго было очень плохо. Я решила отлежаться на острове, а когда полегчает, сплавать к большим островам. Воды здесь хоть отбавляй, но пищи нет. Я уже начала слегка беспокоиться, и тут слышу, ты кричишь. А теперь рассказывай, что с нами происходит и как это все понимать.

Она начала слегка беспокоиться! Да на ее месте любая другая женщина с ума бы сошла от отчаяния. Я приник к ее губам в страстном поцелуе и получил от этого занятия несравненное удовольствие.

— Пока тебя не было с нами, много всякого случилось. Мне помогали мальчики, но своими силами мы бы не справились. Поэтому обратились в Специальный Корпус, и Инскипп подкинул солдат. А еще — профессора Койпу и агента по имени Сивилла. Она проникла в другую липовую церковь и повстречала еще одного Слэйки. Судя по всему, он постоянно размножается. Мы решили найти его машину, придумали недурной план, но нас с Сивиллой обезвредили в самом начале операции и закинули в жуткую дыру под названием ад. У Койпу есть теория, что все эти места — рай, ад и Стекло — находятся в разных вселенных. Потом мы придумали новый план, и мне удалось сорвать еще одну аферу Слэйки. Я хотел захватить универсальный дифференциатор, — профессору необходима действующая модель, — но получилось не слишком удачно, и вот я здесь.

— Да, времени ты зря не терял. А теперь расскажи-ка поподробнее про ад и эту твою спутницу. Как бишь ее? Сивилла?

Ее тон не мог не вызвать у меня тревоги, поэтому я в ярких красках описал визит в ад. О Сивилле я старался без нужды не упоминать. По-видимому, я сумел убедить благоверную, что в аду мне было не до курортных романов.

— Ладно, — сказала она наконец. — Так ты говоришь, мальчикам эта агентша нравится? Сколько ей лет? Я имею в виду, не годится ли она им в бабушки?

В этом вопросе пряталась мина-ловушка, и я решил идти на цыпочках.

— Ты не поверишь, но она — ровесница наших малышей. Взаимный интерес, со стороны очень мило смотрится. Но еще милее твои объятья, любимая.

Какое-то время нам было не до Сивиллы.

— Хватит, — сказала наконец, Анжелина, вставая и отряхивая одежду. — Итак, насколько я понимаю, Джеймс с Боливаром живы-здоровы и не скучают, Инскипп руководит операцией, а Койпу упражняет мозги. И нам о них беспокоиться не стоит.

— Верно, лучше побеспокоимся о себе. Впрочем, и это ни к чему. От жажды можно умереть через три дня, но нам это не грозит, воды тут целый океан.

— Да, но ты не учел того, что от голода можно умереть через месяц. А у меня уже аппетит появился. — Она показала на большие острова. — Может быть, там есть пища? Почему бы не взглянуть? Ничего другого в голову не приходит, а ведь у меня было время поразмыслить. Ты заметил, что все хрустальные животные сторонятся берега?

— Заметил. Только сейчас. Уверен, ты знаешь разгадку.

— Знаю. Я провела несложный эксперимент. Все это живое стекло — вовсе не стекло. Оно растворяется в воде. Правда, довольно медленно. Размягчается, оплывает и в конце концов тает без следа.

— Значит, местная растительность и живность должны бояться дождя.

— А его здесь не бывает. Посмотри, на небе ни облачка.

— Зато прочие формы жизни к воде претензий не имеют. Я видел у берега несколько водоплавающих.

— И некоторые разновидности зеленых растений тянутся к воде корнями или чем-то наподобие. Предположим, они, как и мы, большей частью состоят из воды...

— А потому вполне могут оказаться съедобными, — подхватил я с растущим воодушевлением. — Мы не можем питаться стеклянными тварями, но вполне вероятно, заморим червячка на островах.

— Ты читаешь мои мысли.

Я почесал подбородок и скользнул взором по голому берегу ближайшего из крупных островов. Он находился самое большее в двухстах метрах от нас. За песчаным пляжем виднелись зеленые заросли, они были гораздо выше кустарников, покрывавших островок, на котором побывала Анжелина.

— А еще нам не мешает подумать о том, — сказал я, — как выбраться со Стекла. Надо вернуться в то место, куда нас затащили Слэйки. Чтобы Койпу, когда наладит машину, сумел нас найти.

— Он ее сможет наладить не раньше, чем изобретет и построит, — заметила моя практичная супруга. — Предлагаю оставить записку, где нас искать. А потом сходим на разведку. Если мы намерены здесь задержаться, необходимо найти пищу.

— Умница. — Я восторженно поцеловал ее. — Отдохни, наберись сил. Я сбегаю оставлю записку.

Я побежал трусцой, но вскоре перешел на шаг — избыток кислорода вызвал приступ неудержимого хихиканья. Затем передо мной встала исключительно серьезная проблема — на чем писать послание для Койпу? Но я решил эту задачку, пока добирался до полянки. В кармане лежал бумажник, набитый обесцененными деньгами и бесполезными кредитными карточками, и на каждой стояла моя нынешняя фамилия. Я проборозднл носком ботинка аккуратный круг, в его центре положил бумажник, затем оторвал от рубашки лоскут, обмотал им руку, набрал разноцветных осколков стекла и соорудил из них стрелку, указывающую на тропу, а под стрелкой выложил слово ОСТРОВА. И отошел полюбоваться делом рук своих. Отличная работа, Джим. В тебе пропадает великий художник. Когда прибудут спасатели, они сразу это поймут.

Когда я вернулся к Анжелине, уже смеркалось и она крепко спала. Воздух был теплым, а песок мягким, и денек выдался не из легких. Я улегся рядом с женой и, кажется, сразу заснул. Когда она похлопала меня по плечу и я открыл глаза, было уже светло.

— Доброе утро, спящая красавица, которой давно не мешает побриться. Пора вставать. Предлагаю напиться океанской водицы, а затем отправиться в плаванье на поиски завтрака.

— Позволь, я тебе кое-что покажу. — Я достал из кармана матерчатый сверток. — Это от моей рубашки. А другим куском обернул рукоятку, чтобы пальцы не порезать.

— Дорогой, ты у меня такой предусмотрительный. — Она полюбовалась на стеклянный кинжал и вернула мне. — А он не растает, пока будем плыть?

— Не растает, милая, если держать его над головой, а грести свободной рукой.

— Я вышла замуж за атлета. Ну что, поплыли?

В несколько гребков она добралась до первого, самого маленького острова, и там терпеливо дождалась меня. Мы двинулись к противоположному берегу. Внезапно она остановилась и показала.

— Вон там. Под тем растением помесь чахоточного осьминога и полузасохшего кактуса. Кусты, о которых я тебе говорила. С оранжевыми фруктами. Чистый яд.

Мы поплыли к другому острову. Пришлось помучиться, но зато ни единой капли не упало на лезвие. Сопя и пыхтя, я вышел на берег и огляделся. Может, тут найдутся другие фрукты или ягоды, не слишком ядовитые?

— Смотри, похоже на тропку.

— Если это тропа, значит, ее кто-то протоптал. И этот «кто-то», возможно, небезобиден.

— Не забывай, со мною мой верный клинок. — Я развернул тряпицу и любовно протер ею лезвие.

— Коли так, иди первым.

Тропка на самом деле оказалась тропой, ее протоптало множество ног, или лап, или иных конечностей. Она вовсю петляла по непривычным моему глазу зарослям. Мы встречали аналоги деревьев и кустов, даже зеленую землю, точнее, покрытую чем-то средним между травой и мхом. И — ничего знакомого или хотя бы чуть-чуть похожего на съестное.

Анжелина первой увидела наш шанс.

— Смотри, — сказала она, раздвигая ветки. — Видишь наросты на стволе?

Наросты удивительно напоминали сизые фурункулы. Я наклонился, дотронулся ногтем до одного из них. Лопнула тонкая кожица, потек голубой сок.

— Как ты думаешь, это съедобно? — спросила Анжелина.

— Возможно, — произнес я с великим сомнением. — Есть способ выяснить, но он, к сожалению, только один.

Похоже, пришел мой черед играть в морскую свинку. Я решительно макнул палец в сок, приблизил к носу, понюхал и скривился.

— Фу, гадость! Даже если это съедобно, наружу быстрее выйдет, чем попадет внутрь. Пошли отсюда.

Я выпачкал палец землей, зато очистил от сока. Сторожко зыркая по сторонам, мы снова пошли по тропе. Заросли поднимались все выше, тропка петляла, но вела в одном направлении — вверх по склону холма, в глубь острова.

— Постой, — сказала Анжелина. — Ты ничего не слышишь?

Я навострил ухо и кивнул.

— Похоже на буханье.

— Барабаны джунглей. Неужели туземцы всполошились?

— Скоро узнаем, — проговорил я с бодростью, коей вовсе не испытывал. Как ни крути, мы попали на чужую планету, в чужую вселенную, у нас не было еды, зато нам угрожала неведомая опасность. Было от чего приуныть. Хотя, конечно, я не прав, ведь я нашел мою Анжелину, и это очень, очень отрадно. Настроение слегка приподнялось, и я постарался удержать его в таком положении. При этом я не забывал медленно и бесшумно шагать и осторожно прощупывать заросли ножом.

Буханье звучало все громче и аритмичней, ослабевало, затем совершенно непредсказуемо учащалось. Ну а почему бы и нет? Что я надеюсь увидеть, слаженный полковой оркестр?

Заросли редели, попадались все более высокие деревья, и впереди я разглядел поляну. Тропа сворачивала, похоже, она не пересекала поляну, а огибала.

— Очень странно, — сказала Анжелина. — Почему те, кто протоптал эту тропинку, боялись ходить через поляну?

— Может, у них агорафобия, а может, просто стесняются показаться на люди...

— А еще может быть, на поляне кто-то живет и он не жалует гостей. Кстати, буханье доносится оттуда.

Мы остановились у большого толстого ствола, покрытого чем-то наподобие зеленой шерсти, и настороженно огляделись.

— Ух ты! — воскликнула Анжелина.

В самом центре поляны лежала массивная серая тварь, похожая на огромную кучу мокрой глины. С верхушки этой кучи до самой земли ниспадали длинные прутья. И на этих прутьях, словно фрукты на ветках, поблескивали красные шары.

— Они или съедобные...

— Или ядовитые, — договорила за меня Анжелина. — Что-то мне эта зверюга не нравится. Развалилась посреди поляны, а тропинка в обход идет.

Мне все это тоже не нравилось.

— В таком случае, есть два варианта. Либо идем по тропинке и не приближаемся к твари, либо подходим поближе и узнаем побольше.

— Джим диГриз, насколько я тебя знаю, ты уже принял решение. Я иду с тобой.

— Годится. Но с условием, что будешь держаться сзади.

Как только мы ступили на поляну, барабанный бой прекратился — тварь узнала о нашем присутствии. Через несколько секунд она снова забухала, но уже гораздо громче и чаще. И не умолкала, пока я медленно приближался к ней. Я остановился, присмотрелся и озадаченно покачал головой. Трудно было понять, на кого она смахивала, но выглядела сущей уродиной.

В центре серой кучи появилась слюнявое отверстие и раздался низкий скрипучий голос:

— Сущая уродина.

Глава 12

— Она говорить умеет! — воскликнула Анжелина.

— Не только говорить, но и читать мысли. Что я сейчас подумал, то она и сказала. Слово в слово.

— Неужели она и в мои мозги может залезть? — хрипло произнесла тварь.

Анжелина отшатнулась.

— А это уже моя мысль. Слушай, не нравится мне это существо. Совсем не нравится. Пойдем отсюда, а?

— Секундочку. Я все-таки хочу выяснить, для чего ей эти шарики...

Я выяснил, и гораздо раньше, чем мне того хотелось. Тварь с невероятным проворством хлестнула отростком-прутом, и я не успел отпрянуть. Прут обвился вокруг моей шеи и потащил меня вперед.

— Гррр... — только и сумел выговорить я, всаживая в бок твари стеклянный нож. Из раны потекла желтая жидкость. Резать было невероятно трудно. Тварь упорно подтаскивала меня к себе.

— Щупальце руби! — Анжелина обхватила меня сзади, изо всех сил уперлась ногами в землю. Это немного помогло, но я все равно приближался к пасти, из которой вырывался голос. Тварь умолкла, пасть все расширялась, и я разглядел в ней множество темных острых роговых пластин.

Я рубил и хрипел. Перед глазами сгущалась красная пелена, но я не сдавался.

Волокнистая конечность отделилась от туловища твари, когда ее пасть была уже перед моим носом. Я опрокинулся навзничь. Сквозь обморочный туман я видел, как Анжелина тащит меня по земле. Тварь снова заговорила. Громко, хрипло.

— Неужели это страшилище... читает мои...

Я сел и потер саднящую шею. Надо же, чуть ни прикончила!

— Как самочувствие?

— Больно! Но в целом — терпимо.

Я опустил глаза. Нож и правая рука были покрыты вязкой жидкостью, а в другой руке я все еще сжимал отсеченную конечность с красным шаром.

— Давай вернемся к океану, — произнес я так же хрипло, как и телепатка-душительница, которая все еще исторгала мешанину из обрывков наших мыслей. — Хочу отмыться от этой гадости и узнать, годится ли в пищу наша добыча.

— Давай я ее понесу, — предложила Анжелина. — И советую пошевеливаться, а то это чудо-юдо, чего доброго, за нами поползет.

Конечно, она шутила, но у меня от этой шутки прибавилось сил. Скоро мы вернулись на берег, я отскреб и отмыл запекшуюся кровь. Рядом со мной Анжелина полоскала шар в воде.

— Дай-ка нож, — попросила она. — Сейчас моя очередь отведать туземной пищи.

— Он же размяк.

— Я быстро.

Я не успел ее остановить. Она разрезала шар, мякоть оказалась влажной, ярко-красной, волокнистой. Больше всего она напоминала мясо. Анжелина отрезала ломтик, понюхала.

— Запах вроде ничего.

— Не надо, — сказал я. Но опоздал.

Она сунула ломтик в рот, быстро разжевала и проглотила.

— Недурно. Нечто среднее между морепродуктами и конфетами.

— Не стоило этого делать.

— Почему? Кто-то ведь должен был попробовать. К тому же сейчас действительно моя очередь. И я пока отлично себя чувствую. Ладно, по крайней мере, знаем теперь, почему тропа огибала полянку.

— Ой! — Я коснулся ободранной шеи. — Ты была права, и больше мы не будем сходить с тропы. Эта тварь — здешний аналог рыбы-удильщика. Один к одному.

— «Рыба-удильщик»?

— Угу. Она живет в океанских глубинах. У нее есть орган наподобие удочки — стебелек растет из макушки, а на кончике фонарик качается, перед самым ртом. Отсюда и название. Фонарик сияет во мраке, другие рыбы плывут на свет и попадают в пасть к удильщику.

— А зачем этой зверюге читать мысли?

Я тяжело вздохнул и пожал плечами.

— Кто знает? Должно быть, это как-то действует на местные организмы. Что ты делаешь?

Она отрезала еще кусочек красного шара и прожевала.

— Ем. А ты что подумал?

Я смотрел на движущиеся тени и прикидывал, сколько времени прошло с тех пор, как я оказался здесь. Анжелина посмотрела мне в лицо, а затем погладила по руке.

— Бедняжка Джим. Не бойся, я здорова, только есть очень хочется.

— Дай и мне попробовать. Может, этот яд убивает избирательно, по половому признаку.

— Очень остроумно. — Анжелина насупилась.

— Извини, я, конечно, глупость сморозил. Должно быть, обстановка на психику действует.

Я отрезал, разжевал и проглотил.

— А знаешь, ничего. Но я не собираюсь идти за другим шариком, когда мы этот съедим.

— Как скажешь. Кстати, ты заметил? Опять стемнело.

— Заметил. Предлагаю поспать, а на рассвете пройти дальше по тропе. Согласна?

— Согласна.

Когда нас разбудили лучи солнца, мы пребывали в добром здравии и очень хотели есть. Мы разделили и проглотили остатки трофея, запили океанской водой, зевнули, потянулись и посмотрели на тропу.

— Можно сегодня я ножик понесу? — спросила Анжелина. — Буду прорубать дорогу сквозь заросли.

— Его больше нет. — Я показал на песок, там осталось влажное пятно в форме ножа.

— Ничего, найду подходящий камень.

Она подобрала камень, отдаленно напоминающий топор — традиционное оружие человечества. Я безуспешно поискал другой такой же, затем набил карманы галькой. Анжелина пошла впереди. Она ничуть не уступала мне силой и ловкостью, а ее рефлексам я всегда завидовал. Вдобавок я никогда не решался дискутировать с нею на тему равенства полов.

Отдохнувшие и сытые, мы шли довольно быстро. На этот раз мы благоразумно обогнули охотничьи угодья коварной твари. Я только на секунду остановился, чтобы запустить в нее камнем, которым

только для этого и запасся. Он смачно влепился в бок, и зверюга яростно взмахнула «удочками».

— Эх, была бы у меня... мощная пила... — сказала тварь.

— Это ты подумала? — спросил я жену.

— А то кто же?

Мы одолели последний, самый крутой участок тропы и взобрались на гребень холма. И остановились.

— Что-то новенькое, — сказала Анжелина.

Зеленый растительный покров обрывался перед нами — четко по гребню, словно отрезанный по линейке. Впереди лежала котловина. Ни единого признака жизни. Песок, камень и ничего кроме. Бесплодная пустыня.

— Ты говорила, на этой планете дождей не бывает? — спросил я.

— На моей памяти ни разу не было.

— Пойди тут дождь, стеклянные организмы сразу прикажут долго жить. Это означает также, что углеродная и хлорофилловая жизнь не может удалиться от океана. Держу пари, она либо пускает корни, либо собирает влагу из воздуха. А здесь влаги нет, а значит, нет и жизни.

— Но тропа есть. — Анжелина показала вперед.

— Интересно. Полагаю, стоит по ней пройти.

Мы пошли. Тропа попетляла, огибая камни величиной с дома, и вывела нас на песчаную равнину.

— Это еще что за диво? — спросила Анжелина.

Я не нашелся с ответом.

На песке стояла небольшая пирамида, по всей видимости, каменная. Монолитная, но полая. Это сразу стало ясно. Верхушка отсутствовала, и нам удалось заглянуть внутрь. Но еще любопытнее выглядела другая пирамида, она была чуть повыше и стояла неподалеку. И тоже имела наверху отверстие. А рядом с ней — третья, а за третьей — четвертая... Целый ряд пересекал пустыню строго по прямой, у всех пирамид были отверстия наверху, причем каждое шире предыдущего.

— Инопланетная загадка, — бодро сказал я.

Анжелина пренебрежительно фыркнула. Она не считала, что над этой загадкой стоит ломать голову.

Мы сошли с тропинки и двинулись вдоль ряда пирамид. Насчитали больше тридцати, и последняя была выше нас.

— Взгляни-ка, — указала на ее верхушку Анжелина. — Целехонька. Гипотезы?

Я смущенно промолчал, что со мной бывает нечасто.

— Хочешь, объясню? — спросила она.

— Будь любезна.

— Наверное, эти пирамиды созданы силиконовым организмом. Он поедает песок и выделяет камень, создавая таким образом вокруг себя пирамидальную раковину. Когда существо вырастает из раковины, оно проламывает верхушку, вылезает и строит следующую пирамиду.

— Очень интересно. — Меня действительно поразила ее логика. — Но позволь спросить, откуда тут взялся этот силиконовый организм и как ему удается строить пирамиды изнутри?

— Я кто, по-твоему? Всезнайка? — отбрила она меня. — Возвращаемся на тропу.

— Давай не будем спешить. — Я показал на ближайший холм. — Кажется, по ней сюда кто-то идет.

— И этот «кто-то» не один.

— Ты права. Скажи, нам обязательно торчать на открытом месте, пока мы их не разглядим получше?

Она отрицательно покачала головой, и мы отступили в тень самой большой пирамиды. Анжелина прижалась к ней ухом.

— Слышишь? — спросила она. — Скажи, там правда шуршит или мне кажется?

— Дорогая, давай с этим обождем. Я считаю, инопланетные загадки надо разгадывать по одной за раз.

Существа шли гуськом и несомненно представляли собой загадку. Их было одиннадцать, каждое со взрослого человека ростом. Но этим сходство полностью исчерпывалось. Мельтеша, бахрома ног или щупалец несла вперед туловище — массивное, сморщенное, издали напоминающее неокоренное полено. Один-единственный отросток, очень похожий на «удочку» твари, которая пыталась мною закусить, венчал «полено», и на его конце покачивалось нечто вроде глазного яблока.

Существа как ни в чем не бывало шли по тропе и, похоже, не замечали двух инопланетян, затаившихся в тени пирамиды.

Они поднялись по склону холма и исчезли за гребнем, взбитая ими пыль быстро осела.

— Ну что, послушаем пирамиду? — спросила Анжелина.

— Да, конечно.

Я напряг слух и, кажется, расслышал похрустывание в глубине.

— Вроде слышу.

— Возвращаются, — сказала она.

Да, они возвращались. Конечно, я не мог с уверенностью сказать, что это та самая стая. Тем более что существа выглядели иначе. Пока мы их не видели, сморщенные туловища так раздались вширь, что от борозд остались только неровные следы на поверхности.

— Воды набрали, — сказала Анжелина, и я растерянно покивал.

— Возможно, возможно.

— Они прошли через пустыню и набрали воды из источника или океана. Теперь возвращаются. Зачем?

— Ну это-то как раз несложно выяснить. Достаточно пойти за ними следом.

Когда загадочные существа исчезли из виду, мы пошли за ними. Далеко идти не пришлось. Тропа нас привела к шеренге громадных валунов и скрылась между двумя из них.

— Подозрительно, — сказал я. — Кому понадобилось тащить сюда такие громадные камни?

— А может, это природное образование?

— Не исключено. Но все равно, остается проблема: стоять или идти на разведку? Ты ведь помнишь, что было в последний раз, когда я...

— Сзади!

Я резко повернул голову и отскочил в сторону. Появилась вторая колонна водоносов, они шли прямиком к нам. Мы застыли в боевых стойках. Но существа, хоть и увидели нас, не проявили ни малейшей заинтересованности. Они просеменили мимо, только глаза на стебельках поочередно повернулись к нам. И отвернулись.

— Похоже, им нет до нас дела, — сказал я.

— Зато мне до них есть.

Мы пробрались между двумя валунами и оказались на круглой площадке. Там мы и остановились и сделали все возможное, чтобы не разинуть рты от изумления, хотя наши ай-кью в сумме были никак не ниже температуры наших тел.

Все выглядело так необычно... Трудно было разобрать, что там происходило. По крайней мере, теперь мы знали, куда девается вода. Существа бродили по зеленому лабиринту, разбрызгивая воду и одновременно съеживаясь. Вот один из них, закончив работу, отошел в сторонку, другой, третий... Затем, то ли по собственной воле, то ли по чьей-то беззвучной команде, они построились в колонну по одному и засеменили к проходу между скалами.

Мы приблизились к растительной путанице и остановились, заметив движение под широкими листоподобными образованиями. В сумраке по стволам и лианам бегали существа, похожие на пауков, — очевидно, садовники. На землю сыпались куски растений, их подбирали другие существа. Один паук свесился на толстой нити или щупальце, в лапах он сжимал что-то красное.

— Очень похоже на фрукт, — сказала Анжелина, — из-за которого пострадала твоя шея.

— Вполне может быть. Поглядим, куда он его отнесет.

Высокий проем в скале служил, по всей видимости, входом в пещеру. Я попытался заглянуть, и в этот момент кто-то легонько, осторожно дотронулся до моей ноги. Как будто перышком пощекотал.

— Что это?

Как всегда, Стекло предпочло не отвечать на этот вопрос. Я увидел что-то похожее на мягкий веник или очень многоногое насекомое. Впрочем, кто бы это ни был, он теребил мою штанину. Затем оставил ее в покое и засеменил в пещеру. Остановился. Вернулся, снова пошевелил штанину.

— Попытка общения, — сказал. — Кажется, он хочет, чтобы мы следовали за ним. — Вообще-то, я не против.

— Не возражаю. Мы уже слишком далеко зашли.

Мы двинулись вперед. Насекомое возглавляло шествие, время от времени останавливаясь, чтобы дождаться нас. В пещеру проникали солнечные лучи, и мы вполне отчетливо увидели спрутообразное (иначе не скажешь) существо, которое там расположилось. Щупальца, росшие прямо из зеленой шкуры, сплелись в невообразимую путаницу. Верхняя половина выглядела знакомо, она напоминала туловище водоноса. Нижняя представляла собой веник из многочисленных конечностей, как у нашего проводника. А другие члены тела я не возьмусь описать.

Внезапно к нему подбежал паук-садовник с красным шаром. В боку большой твари образовалось отверстие, и шар исчез.

— На нас глядит, — сказала Анжелина.

В нашу сторону изогнулось несколько стебельков с глазами на концах.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — громыхнула тварь.

Глава 13

— Речь или имитация? — спросила Анжелина.

— Речь... речь... речь...

Не ахти какой ответ. Глаза на стебельках смотрели на нас и покачивались, а на нижней половине туловища отрастал новый орган. Сначала образовалась выпуклость, затем раскрылось нечто наподобие цветка или гриба. Гриб-цветок задвигался, будто что-то искал, затем потянулся ко мне. Я отступил.

Цвет, звук, движение, страх.

Боль. Удушье. Неприятные воспоминания. Крик...

Все это вдруг кончилось, и я понял, что крик рвется из моего горла. Кто-то крепко держал меня за руки. Я сморгнул пелену с глаз и увидел, что меня держит Анжелина.

— В чем дело? — спросила она.

— Я... не знаю. А что ты видела?

— Ты закрыл глаза, упал и стал корчиться и вопить. Но почти сразу успокоился.

— Это из-за твари, — тяжело дыша, ответил я. — В мозги ко мне забралась. Кажется, хотела контакт наладить. Большая, сильная...

— Она тебе ничего не повредила?

— Что ты, она мирная. Ни злобы, ни угрозы, только любопытство. Она что-то искала, но не нашла. И сразу выскочила. Может, я ей по уровню интеллекта в собеседники не гожусь?

Пока я это говорил, цветок закрылся и исчез. На тварь забрался водонос, прижался боком и стал пульсировать. Похудев, он с чмоканьем оторвался, спрыгнул на землю и поспешил прочь.

— Это королева, — сказала Анжелина. — Отращивает части колонии. А может, она сама — колония.

Тварь больше не пыталась завязать с нами разговор. Как только она утратила к нам интерес, глазастые стебельки разошлись в стороны. Но она помнила о нашем присутствии.

В пещере появился паук с двумя красными фруктами. Один сунул в отверстие на боку гигантской королевы, а другой уронил перед нами и выбежал.

— Спасибо, ваше величество, — сказал я. — Вы очень любезны. А что, уже пора обедать? Знакомое блюдо, кажется, мы недавно точно такое же пробовали. Да и вы сейчас продемонстрировали, что оно съедобно. Думаете, стоит рискнуть? — Я опустился на корточки и пригляделся к фрукту, затем ткнул в него пальцем. Кожица лопнула, я слизнул с ладони сок. — Вкус точь-в-точь как у того, из-за которого нам пришлось подраться. А почему бы и нет? Когда коварная зверюга на поляне предлагает тебе соблазнительную приманку, смело можно предположить, что приманка съедобна.

— Дай-ка и мне откусить.

Мы съели угощение, а затем, видя, что новой знакомой явно не до нас, вышли в инопланетный сад.

— Как насчет добавки? — спросил я.

— Отличная идея.

Не заметив поблизости ни одного семенящего создания, я залез на дерево и сорвал красный фрукт. Похоже, никто этого не заметил. Мы уютно расположились у каменной ограды и поели. Фрукт был мясист и сочен, он и насыщал, и утолял жажду.

— Что теперь? — спросила Анжелина, слизывая с пальцев последнюю каплю сока.

— Хороший вопрос. Предлагаю поразмыслить над ним завтра. Утро вечера мудренее.

— Будем спать по очереди. Не верю я этой пчелиной матке.

— В таком случае, надо отсюда уйти. Найдем безопасное местечко в стороне от тропы, если проголодаемся, всегда можно будет вернуться.

Анжелина грациозно зевнула.

— Муж мой, ты дежуришь первым. До чего же утомительный день...

Так мы провели два коротких дня и две ночи. Спали, лазали в чужой сад и решали, как быть дальше. Когда важное решение не приходило сразу, заставляли себя ломать головы. Потом засыпали, а поутру начинали все сначала.

На третий день Анжелина кое-что предложила и в конце концов убедила меня действовать. Она гораздо дольше, чем я, прожила в этом экзотическом мире, а значит, гораздо сильнее соскучилась по приличной еде.

— Джим, ты худеешь. И я.

Так оно и было, но я ей об этом не говорил. Не хотел расстраивать.

— Фрукты — это хорошо, но ты заметил, как быстро возвращается голод?

— Я все время об этом думаю и не могу понять, в чем тут дело.

— Хватит думать. Вода — это вода, водород плюс кислород. Жажда нас не мучит, значит, мы получаем вдоволь воды из фруктов. Но еда — это совсем другое дело. Мы ведь даже не представляем себе, что за элементы и молекулы содержатся в этих красных штуковинах. Очень сомневаюсь, что мы получаем хоть какие-то питательные вещества. Если будем сидеть на месте и лопать эту дрянь, запросто протянем ноги с голодухи.

Я огорченно вздохнул.

— Вынужден согласиться. — В моей голове бродили точно такие же мысли, но я их держал при себе — боялся показаться глупым. — Тут, конечно, по-своему забавно, но толку от нашего сидения... Возвращаемся в стеклянную страну?

— Можешь предложить что-нибудь получше? Странное у тебя чувство юмора, если ты считаешь, что здесь забавно. Что же касается меня, то я истосковалась по хорошей пище, горячей ванне и прочим благам цивилизации. Пойдем-ка на ту полянку, с которой все началось. Вдруг кто-нибудь уже получил твою весточку?

На тропе я обернулся и помахал инопланетному саду.

— До свиданья. И спасибо за гостеприимство.

Ответа мы, конечно, не дождались. Спустились с холма, миновали рыболова-убийцу и вплавь добрались до Большой Земли.

— Вперед, в стеклянный лес! — воскликнул я, мобилизовав всю свою бодрость. — Наверняка профессор Койпу уже успел изучить трофейную машину и теперь очень скоро построит собственную. С ее помощью он разыщет нас и спасет. Глазом не успеешь моргнуть, как окажешься за тарелкой с отменным бифштексом.

Прошло еще три дня по местному времени, и мне захотелось съесть эти слова, поскольку больше в Стекле есть было нечего. Бумажник, стрелка и слово «острова» дождались нас нетронутыми. Я подобрал бумажник, а остальное растоптал в порошок, рыча от злобы и отчаяния.

Оставалось только ждать. Никто не появлялся в сказочном лесу, и вообще ничего не происходило. Мы сидели на полянке и лишь изредка совершали короткие прогулки к океану — напиться. Время ползло, как самая ленивая улитка на свете, и вскоре нам стало казаться, что мы сами движемся не быстрее хрустального хищника. Он настигал свою хрустальную жертву, но слишком уж медленно... слишком медленно...

Опять наступила ночь, ее сменил очередной безоблачный день, и снова — ночь... Я потуже затянул пояс и постарался не глядеть на впалые щеки и обострившиеся скулы Анжелины. Но на пятый день мне стало не по себе.

— По-моему, сидеть сложа руки — не выход, — жалобно произнес я.

— Другого не вижу. Кажется, ты сам говорил, что нам осталось только ждать. Наберись терпения.

— Не хочу!

— Вот так всегда. Джим, надо попытаться. Иначе язву наживешь.

— А я и мечтаю нажить язву! И цирроз! — Воспоминание о крепких напитках вызвало мощное слюновыделение. Я плюнул на стеклянный кустик и стал глядеть, как растворяется веточка. Все-таки хорошо, что здесь не бывает дождей.

И вот наступило шестое утро. Я проснулся с первыми лучами солнца и увидел диск в зеленую полоску, сияющий сквозь разноцветную листву. Картина эта уже давно не казалась чарующей, и больше не хотелось ломать голову над загадкой зеленых полос. Рядом лежала бледная, исхудалая Анжелина и постанывала во сне. Я не стал ее будить. Сон — единственное спасение от голода. А еще — неисчерпаемое терпение. Я решил для разнообразия поглядеть на океан. По-прежнему волны неторопливо бились в утесы, а больше ничто не шевелилось. «Какая тоска, — подумал я. — Тоска на тоске едет и тоской погоняет». Я тяжело вздохнул и вернулся на полянку. Когда проснулась Анжелина, мы поговорили о том о сем. У меня пересохло в горле, ей же пить не хотелось, поэтому я снова отправился к берегу. Носить воду было не в чем, поэтому мы ходили на водопой по очереди. Кто-то всегда оставался на полянке. Ждал. Ходьба утомляла, но тут уже ничего не поделаешь. Я напился вдосталь, затем впрок. С полным желудком легче терпеть голод.

Обратный путь лежал в гору. Он начисто выкачал из меня силы, вдобавок идти приходилось медленно, чтобы не хохотать от перенасыщения кислородом.

— Отворяй, старуха, двери, за порогом — пьяный муж! — Слабая попытка сострить. — Эгей! Доброе утро? Может, опять уснула? — Я умолк и прибавил шагу. А потом застыл как вкопанный.

Анжелина исчезла!

Кажется, еще ни разу в жизни мне не было так страшно. Впрочем, чего это я так всполошился? Профессор Койпу построил машину пространства-времени и выдернул отсюда мою жену. Да, конечно, это сделал Койпу, а не Слэйки. Но разве такое возможно? Почему бы и нет? Если космические пехотинцы захватили машину, если доставили к Койпу не повредив и если он построил свою... Чересчур много «если». А у Слэйки чересчур много машин, и, в отличие от Койпу, он-то знает, где нас искать. Запросто мог вернуться и унести Анжелину, обречь меня на медленную смерть в полном одиночестве...

— Кто это сделал? Кто! — кричал я, кипя от злости и шатаясь от голода.

Конечно, Койпу. Не Слэйки, а Койпу.

Что мне еще оставалось? Только надеяться.

Но если это дело рук Койпу, почему он забрал только Анжелину, а меня оставил? Должна быть записка... хотя бы записка! Я забегал по полянке, расшвыривая битое стекло. Ни записки, ни следов.

А потом долго, очень-очень долго ничего не происходило.

Я хихикал от страха и избытка кислорода. Ну-ну, Джим, успокойся. Не надо так волноваться. Я сидел на расчищенном участке, где совсем недавно мы лежали с Анжелиной, и старался дышать помедленней. Еще разок хихикнув, я умолк. Навалилась тоска. Дни на Стекле коротки, но этот мне показался самым длинным в моей жизни. Наступили сумерки, и я, должно быть, задремал, свесив голову на грудь. Просто сил не осталось из-за треволнений, голода и всего прочего. Слишком большая беда на меня обрушилась. Как ни крути, есть предел человеческой стойкости.

— Папа! Вот ты где, — сказал Боливар.

Я поморгал. Нет, я все еще сплю. Вижу сон.

— Папа, ты цел? Надо поторапливаться.

Это не сон! В меня точно новую батарейку вставили. Я бросился к Боливару, схватил... и не удержался на ногах. Он тоже. Мы повалились... на мягкий ковер в светлом гостиничном номере. Я так и остался на полу — глядеть на профессора Койпу, который восседал за пультом, и на улыбающуюся Анжелину.

— Надеюсь, ты успела приготовить что-нибудь вкусное? — беспечно проговорил я. Мне не верилось, что все кончилось, что моя жена цела и невредима.

Она опустилась на колени и взяла меня за руки.

— Прости, что мы так задержались. Профессор говорит, у него были неполадки с машиной.

— При настройке допустил ошибки, затем они разрослись, — произнес Койпу. — Но с каждым новым запуском — все лучше.

— Папа, подкрепись. — Боливар помог мне встать и протянул огромный сандвич с ростбифом. Я зарычал и, захлебываясь слюной, оторвал здоровенный кусок.

— М-м-м-м! Райское блаженство! — Я схватил за горлышко протянутую сыном бутылку пива и все глотал, глотал, глотал... пока не отморозил кончик носа.

— Садись за стол. — Анжелина придвинула стул. — И не слишком быстро ешь, а то плохо станет.

— Хамфамжум?..

— Я не могу с тобой разговаривать, пока у тебя рот набит. Ешь помедленней, вот так, а я расскажу, что случилось. За мной пришел Боливар. Он сказал, ждать некогда, машина вот-вот разладится, у него считанные секунды. Я не хотела уходить, но он меня схватил и утащил. Потом профессор очень долго возился, я представляю, каково тебе было. Но все закончилось хорошо, мы вместе, волноваться больше не о чем.

— Вам-то не о чем, зато кое-кому из нас есть о чем, — проворчал, входя в номер, Инскипп. Мне была до боли знакома свирепая ухмылка на его физиономии. Он плюхнулся в кресло и грозно сверкнул глазами. — Неплохо устроились, как я погляжу. Пивко попиваете, рассказываете друг дружке о своих инопланетных приключениях. И не вспоминаете о тех, кто изнемогает под тяжким

бременем ответственности. С того дня, как начался этот сыр-бор, мы — в цейтноте, увязли, точно черепаха в дегте, и куда ни кинь — всюду клин...

Я не стал распутывать сложный клубок метафор, а потянулся за новым сандвичем. Всему свое время, вот мой девиз.

— Попадаем из огня да в полымя, и везде нам натягивают нос. Еще ни одному Слэйки не удалось заломать руку. Только к нему подкрадемся, откуда ни возьмись, выныривает другой, предупреждает его, и все наши труды насмарку. Пока нам удается только выручать тебя, диГриз, из переделок. И нести убытки. Огромные убытки! Как я полагаю, это ты родил гениальную идею снять всю эту гостиницу, «Праздничную обитель Васка Нулджа», под штаб-квартиру? А ты хоть представляешь, в какую копеечку нам это влетело?

— Надеюсь, эта цифра сопоставима с годовым доходом богатой планеты, — изрек я надменно и подавился. — Извини, проголодался очень. Анжелина права, за едой спешить нельзя. Еще пивка не найдется? Спасибо, Джеймс. Инскипп, старый вы скупердяй, неужели еще не сообразили, что каждый из этих кредитов потрачен с толком? Ревут ракеты, марширует космическая пехота, сверхурочно работают новые каналы вещания, галактика в восторге, и триллионам счастливых граждан не приходится скучать. Чем хныкать из-за нескольких жалких кредитов, лучше скажите спасибо за бесценный вклад в дело Специального Корпуса. Кроме выгоды, наша операция ничего не дает.

Он побагровел, выпучил глаза и разинул рот, но Анжелина заговорила раньше:

— Джим, ты и прав, и не прав. Похоже, Слэйки отошел от дел. Поиски все еще ведутся, но наши энтропометры потеряли его след. Ни на одной цивилизованной планете он больше не показывался. Насколько я поняла со слов нашего мудрого руководителя, любезного Инскиппа, сектор поиска сейчас охватывает практически все зарегистрированные миры. — Она улыбнулась Инскиппу, но тот обладал врожденным иммунитетом к добрым словам и ласковым прикосновениям.

— Как хотите, — сказал он, — а я собираюсь вставить затычку в бездонную бочку.

И тут я неописуемо разозлился.

— Ничего вы не вставите! Зануда-монетарист! Все цивилизованные планеты отстегивают вашему Корпусу огромные налоги и не требуют никаких отчетов. Только для того, чтобы вы существовали и хоть изредка шевелили пальцем. А стоит человечеству оказаться перед лицом страшнейшей опасности, вы устраиваете истерику и трясетесь над каждым грошом!

— Какая еще «опасность»? Да неужели псих-одиночка способен угрожать тысячам миров?

— Инскипп, пошевелите извилинами. — Я схватил бутылку пива — размочить сандвичи. — Допустим, профессор Джастин

Слэйки начинал как светило науки и гений. Но скачки по вселенным не только повредили ему мозги, но еще каким-то образом их размножили. Вы хотите, чтобы эти психи плодились и умножали число проблем? Нам уже известно, что он отправляет кого ни попадя в ад, на завтрак своей чокнутой персонификации. Слэйки — массовый убийца, и это самый меньший из его грехов. Убийцу, способного в своем безумии натворить невообразимых бед, необходимо остановить. А кроме того...

Мне внимали. С меня не сводили глаз. И молчали. Я поднял бутылку и заполнил паузу драматическим бульканьем. Затем ораторски воздел палец.

— Есть еще много чего. Давайте посмотрим на его «достижения», на все эти церкви, храмы и круги. Он собрал целую гору денег. Зачем она ему? Ответ очевиден. Ради денег. В этом деле замешаны умопомрачительные суммы. Задайте себе вопрос, для чего он копит деньги? Что он затевает? Если кто-то верит, что Слэйки мечтает облагодетельствовать человечество, пусть выйдет из номера. А те, кто останутся, узнают безотказный способ найти его и обезвредить. Ну что, хотите узнать мой план?

Глава 14

— Конечно, милый, мы хотим узнать твой план. — Анжелина наклонилась и поцеловала меня в щеку. — Мой муж — гений.

Может, она и лицемерила, но все равно у меня потеплело на сердце. Боливар и Джеймс показали мне большие пальцы, их примеру последовала Сивилла, а затем и Койпу неохотно кивнул. Только Инскипп упрямо глядел букой, он все еще подсчитывал растущие убытки. Я постучал по столу бутылкой.

— В таком случае, объявляю заседание Лиги Спасения Галактики открытым. Кто возьмет на себя обязанности секретаря?

— Мой диктофон работает. — Сивилла опустилась в кресло и положила перед собой на стол диктофон. — Добро пожаловать домой, Джим диГриз. Ты нас заставил здорово поволноваться.

— Я и сам здорово поволновался. Помнишь, что Слэйки сделал с нами в аду? А как забросил на Стекло нас с Анжелиной? Только за эти преступления надо загнать его за край галактики и наложить запрет на профессию. Но и помимо обычной жажды мести у нас вдоволь причин, чтобы отловить Слэйки и все его ипостаси.

Инскипп негромко фыркнул.

— И ты знаешь, как это сделать?

— Вот уж от кого не ожидал подобного вопроса, так это от вас. Как я понимаю, пока меня тут не было, вы полностью потеряли его след. Я прав?

— Гм... Ну, выражаясь фигурально... Пожалуй, да.

— А я выражусь совершенно буквально. У меня есть план, отличный план, и на этот раз мы не промахнемся. Профессор, как поживает ваш универсальный дифференциатор?

— Благодарю, отменно. Еще чуточку подрегулировать... Но это много времени не займет.

— Рад слышать. И много ли вселенных вы теперь можете посетить?

Он постучал ногтями по зубам, задумчиво нахмурился.

— Теоретически их бесконечное множество. Вероятно, Слэйки и сам создавал эти вселенные, когда попадал в них, как ты предположил по возвращении из ада. На сегодняшний день мы побывали в сорока одной.

— В том числе и в раю?

— Нет. Но мы его ищем. Захваченная тобою машина настроена на разные частоты, но, к сожалению, чьи они, можно узнать, только побывав в каждой вселенной.

— А как насчет ада?

— В ад мы попасть можем, тут никаких сомнений. Помнишь, как твой сын Джеймс загипнотизировал Слэйки и заставил отправить Боливара к тебе на выручку?

— Да, это я помню. — Я откинулся на спинку кресла и удовлетворенно вздохнул. — Пожалуй, я еще не прочь пожевать, если сандвичи не кончились.

— Джим диГриз, — сердито произнесла Анжелина, — хватит над нами издеваться. А то в придачу к сандвичам получишь плюху.

— Прости, любимая. Я вовсе не пытаюсь извлечь выгоду из своего положения. Просто за последнее время так наскучался, вот и хочется слегка развлечься.

— Ты прощен. Так к чему ты завел речь про ад?

— К тому, что там обитает Слэйки. Краснокожий, толстый, сумасшедший и хорошо вооруженный. Как вы думаете, почему остальные двойники не пытаются его оттуда вытащить? Потому что не могут. Он тогда наверняка умрет, так мне сказал Слэйки на Стекле. Исходя из этого соображения, мы отправим в ад небольшую экспедицию и потолкуем с рогатым профессором. Экспедиция будет хорошо вооружена, ведь что известно одному Слэйки, то знают и остальные. Они его не прикончат — для них это все равно что самоубийство. Зато без особых угрызений совести попробуют разделаться с нами. Но мы, возможно, доберемся до него раньше и попробуем слегка загипнотизировать. И зададим вопросик-другой, правильно, Джеймс?

— Отлично, папа.

— Мы зададим два исключительно важных вопроса. Где находится ад и чего, по большому счету, добивается профессор? Необходимо выяснить, с какой целью эти Слэйки копят денежки.

— Действуй. — Инскипп, при всех его недостатках, всегда отличался решительностью. — Что тебе понадобится?

План был неплох, но связан с риском. Как только Слэйки познает о нашей затее, он отреагирует, и очень агрессивно. К тому же он постоянно опережает нас технически. Койпу до сих пор не придумал способа переносить в другую вселенную действующие машины, а у Слэйки в аду мы отняли исправную гаусс-винтовку. Оставалось лишь надеяться, что этот хвостатый забияка не обзавелся оружием посерьезнее.

Мы рассчитывали только на внезапность нападения и численное превосходство. Но все-таки я рассудил, что ударный отряд должен быть невелик, иначе стремительного натиска не получится. Первым в списке я поставил свое имя, ведь идея принадлежала мне. Со мной отправится Джеймс — кто, как не он, загипнотизирует старого краснокожего дьявола? И конечно, Анжелина — она не допустит, чтобы мы остались без женской опеки. Конечно, и Боливар не захочет расставаться с дружным семейством. Мы явимся как гром с ясного неба, упадем как снег на голову. Но с флангов нас должны прикрывать две сотни опытных и несносных космических пехотинцев, вооруженных только руками, зубами и рукопашным ноу-хау. И этого должно хватить. Проводником у них будет Сивилла, она уже освоилась в аду. Конечно, пока я разговаривал с суперагентшей, Анжелина не раз и не два бросала на меня мрачный взгляд, который означал: «Джим, у тебя гораздо больше шансов вернуться живым, если Сивилла пойдет не с нами, а с солдатами».

Возглавит роту мой старый приятель капитан Гризли. Я уже получил от него весточку — он желал меня видеть. Быть по сему.

— Без оружия? — спросил он, оглушительно притопав в номер. — Космический пехотинец без оружия — не космический пехотинец.

— А как же рукопашный бой голыми руками? Я всегда считал, что космическая пехота в таких делах знает толк.

— Знает. Но разве не будет лучше, если мы прихватим гранату-другую.

— С таким же успехом можно прихватить гнилые яблоки. На Стекле я даже перочинный нож раскрыть не смог.

— Штыки?

— Намертво застрянут в ножнах. Только не предлагайте оставить ножны здесь. Я не вынесу мысли о том, как двести космических пехотинцев посыплются друг на друга со штыками наголо. Но не беспокойтесь, кое-что я придумал. Будет вам оружие.

— Какое?

— Мне еще надо поработать над деталями. Увидите перед выступлением. Вы свободны.

На приготовления ушло несколько дней, врочем, нам позарез требовалась передышка. Анжелина времени не теряла и восстановила вес, в этом ей здорово помогло четырехразовое питание. По этой части я от нее не отставал. Профессор Койпу возился с электроникой и корпел над уравнениями и в конце концов получил усовершенствованную модель двери в иные миры.

— В сущности, главную роль тут играет энергия, — объяснил он мне. — Джастин Слэйки вынужден прятать машины, делать их миниатюрными. У нас такой проблемы нет.

Новая машина выглядела очень даже впечатляюще. За огромные деньги мы ее подключили напрямую к общепланетной системе электроснабжения. Через главный бальный зал гостиницы, превратившийся в электронные джунгли, тянулся толстенный, больше метра диаметром, красный кабель. Посреди зала стояли гаражные ворота в полную величину. Я поглядел на них — спереди, конечно, — и восхитился. А задней стороны у них не было. Обойдешь — ничего не увидишь. Вообще ничего. Но снаружи ворота казались массивными и прочными.

— Что ж, давайте поглядим, что у нас получилось. — Койпу понажимал клавиши на пульте управления, я взялся за ручку гаражных ворот и приотворил на ширину пальца. Сразу засвистел утекающий воздух. Я с лязгом затворил ворота.

— Черным-черно. И звезды. И низкое давление. Это не ад.

— Но очень близко. Это ближайший к нему мир. Ну-ка, попробуй еще разок.

В красных небесах заполыхало красное солнце. Нахлынул запах сероводорода, защипало в ноздрях.

— Это он. — Я снова затворил ворота. — Звать войска?

— Давай. Я уже готов.

Все нетерпеливо ждали моего сигнала. Первыми вошли Сивилла и Анжелина. Затем чеканный топот возвестил о прибытии космической пехоты. Десантники вошли строевым шагом, развернулись и, топнув в последний раз, замерли.

— Отлично, — сказал я капитану Гризли. — Скомандуйте им «вольно» и приготовьтесь к раздаче оружия.

— Оружия?! — Губы капитана Гризли растянулись в непривычной улыбке.

Джеймс с Боливаром вкатили нагруженные тележки. Я вскрыл одну из коробок, достал продолговатый предмет с закругленными краями и помахал им над головой.

— Салями? — опешил Гризли.

— Капитан, вы очень наблюдательны. Оружие смертоносное и съедобное. Раздайте подчиненным.

— Ты что, опять издеваешься? — спросила Анжелина. Сивилла тоже глядела на меня с подозрением.

— Ну что ты, любовь моя. Это очень серьезное решение. Я исходил из жесткой логики. Вместо того чтобы драться с обитателями ада, мы их накормим. Они ведь каннибалы поневоле, будь у них эта ароматная колбаса, ад показался бы раем. Правда, среди них есть маленько чокнутые, поэтому мы должны быть готовы к затруднениям. На всякий случай советую учесть, что удар десятикилограммовой копченой колбасой способен причинить серьезную травму, и вдобавок, если нам придется задержаться, мы ее сами съедим.

Каждый пехотинец получил по батону колбасы.

— И без приказа не грызть! — предупредил я.

Сивилла и близнецы тоже вооружились салями, но Анжелина метнула в меня такой свирепый взгляд, что я даже не рискнул протягивать колбасу в ее сторону.

Я взвалил на плечо предпоследний батон.

— Профессор, мы готовы.

— Я тоже.

— А коли так, вперед! — Я распахнул врата ада и взял салями на изготовку. — В атаку!

Выглядело это потрясающе. С колбасой наперевес, чеканным шагом космические пехотинцы маршировали за Сивиллой в ад. В арьергарде шествовала моя семейка.

Затем капитан Гризли, помня мои указания, растянул роту в широкую цепь. Сивилла взмахом салями указала направление главного удара. Мы двинулись к сопкам, в противоположную сторону от лавовой реки.

— Какое ужасное место, — сказала Анжелина.

Задрожала земля, далекий вулкан дохнул огнем и дымом.

— Надеюсь, мы здесь не задержимся.

— Вон там какая-то проблема, — сказал Боливар.

Один из космических пехотинцев попал в засаду — на него из укрытия бросились двое местных и попытались схватить. Умело орудуя колбасой, точно дубинкой, он уложил обоих, но при этом колбаса сломалась пополам, и от нее пошел восхитительный чесночный запах. Не обращая внимания на солдата, краснокожие подползли, схватили добычу и обратились в бегство.

— Отличная работа. — Анжелина повернула голову и чмокнула меня в щеку.

— Мы под огнем! — прокричал капитан. — Один подстрелен! В укрытие!

— Вперед! — Я бросился в атаку.

Все шло по плану. С такой толпой загонщиков мне будет гораздо проще поймать краснокожего Слэйки. Два пехотинца подняли своего раненого товарища.

— Кость не задета! — крикнул один из них.

— За ворота! Там ждет гостиничный врач.

Потея и тяжело дыша, мы перешли на шаг. К тому времени, как добрались до противника, космические витязи уже сделали свое дело. Слэйки был пленен и обезоружен, его крепко держали двое самых рослых солдат. Их сменили Боливар и Джеймс, а десантники присоединились к своим товарищам, которые образовали вокруг нас широкое живое кольцо.

— Мы уже встречались, — сказал я профессору Слэйки.

Он маленько подергался, побрыкался в железной хватке близнецов, но не проронил ни слова. Я схватил его за руку, предоставляя Джеймсу заняться гипнозом. Но у того ничего не вышло.

— Извини, папа. Не могу завладеть его вниманием. Он совершенно спятил, мне с такими еще не доводилось работать.

— Дай-ка я попробую.

Я переломил огромный батон салями и поднес к ноздрям пленника. Они сразу затрепетали. Слэйки прекратил сопротивление и разинул рот. Затем рванулся к колбасе, и я едва успел ее отдернуть. Челюсти щелкнули вхолостую. Я отдал пахучую колбасу Джеймсу.

— Все, теперь он готов тебя слушать.

— Вы голодны, — сказал Джеймс. — Вам хочется есть и спать. Кусайте, жуйте, не стесняйтесь. А теперь глотайте. Отлично. Если хотите еще, кивните. Вот так.

— Не сметь! — завопил, сбегая к нам по склону холма, профессор Слэйки в темном костюме. Воздев над головами грозные салями, космическая пехота ринулась в контратаку. Слэйки ретировался за гребень.

Мы очень правильно поступили, взяв с собой в ад столько народу. Слэйки появлялись один за другим, в одной из атак их участвовала целая дюжина, и наше счастье, что все они были безоружны, — должно быть, успели смастерить в аду только одну винтовку. Как ни старались, они не сумели прорвать мускулистое кольцо. Один из них возник у нас над головами и попытался схватить рогатого двойника, но Анжелина перехватила его и бросила через голову, и он покатился вниз по склону.

Нашествие прекратилось так же внезапно, как и началось. Пленник сидел на земле и довольно пожирал наши дары.

— Они унялись! — выкрикнул я. — Но будьте бдительны, возможно, это подвох. Будьте готовы ко всему.

— Они не вернутся, — жуя, произнес Джеймс. — Что известно одному, то и остальным. Они уже знают, что пленный проговорился. У него в голове такой кавардак, он даже не понял, о чем я его спрашивал. Правда, я так и не выяснил, для чего ему нужны деньги. Но Слэйки ясно помнит рай, помнит, что он очень важен. Как только он выдал частоту этой вселенной, его двойники оставили нас в покое.

— Ты запомнил?

Он протянул оставшуюся половину колбасы.

— Еще и ногтем нацарапал.

Глава 15

Каждый день я трудился в гостиничном оздоровительном клубе. В первый день выбился из сил через час — сказалась голодовка на Стекле. Но и тренеру приходилось потеть вместе со мной, и довольно скоро я вернул форму, которая позволяла заниматься спортом по пять часов в день и чувствовать себя при этом бодрым и дееспособным. Возвратился прежний вес, и я снова оброс мышцами. Разумеется, все это благотворно повлияло на боевой дух. Слой

жира на моих любимых бицепсах — дар праздной и разгульной жизни на Луссуозо — исчез без следа.

Наконец я понял, что больше не могу откладывать момент истины. Мне этого просто-напросто не позволит Анжелина.

— Мне не нравится, — сказала она, словно прочитав мои мысли, — что мы бездельничаем.

— Милая, ты, как всегда, права. — Я взял ее за руки.

Кроме нас, в баре никого не было, только робобармен видел этот рассудочный порыв страсти. Едва ощутимо повернув запястья, она высвободила руки, взяла бокал и пригубила.

— Любовь моя, свет моих очей. — Я решил призвать на помощь логику. — Я рассмотрел вопрос со всех сторон и вижу только один ответ...

— Я могу с ходу предложить намного больше.

— Но только мой — правильный. Необходимо разузнать, что творится в раю. Чем больше народу туда отправится, тем больше шансов, что кого-нибудь заметят. Должен идти кто-нибудь один. Невероятно талантливый, исключительно опытный суперагент. Одинокий волк, крадущийся в ночи, ловкий, красивый и непобедимый. Короче говоря, лучший агент галактики. Если ты еще не вспомнила его имя, могу намекнуть. Кое-где его зовут Стэлоуи Сцкцер, кое-где — Рэтинокс, кое-где — Растимуна Стальрато...

— Ты о себе, что ли?

— Как приятно слышать это от собственной жены! Люди редко говорят правду вслух. А ты что, знаешь специалиста более высокой квалификации?

Она нахмурилась и промолчала. Почти бесшумно по ее соломинке перетекла последняя капля напитка. Но робобармен уловил этот звук и вжикнул к нам по рельсу, проложенному вдоль стойки. И произнес глубоким, проникновенным голосом:

— Сударыня желает еще порцию нашей восхитительной амброзии?

— Почему бы и нет?

Металлическое щупальце по-змеиному обвилось вокруг ножки бокала, и тот мигом скрылся из виду. На груди робота раскрылась дверца, в нише стоял запотевший бокал пенящегося напитка.

— А что угодно сударю? Горячительного?

Я только что позанимался спортом и еще не настроился заложить за воротник.

— Диетическое виски с долькой фрукта.

— На это мне возразить нечего, — сказала наконец Анжелина. — У Инскиппа ты лучший агент. Главным образом потому, что не зеленый новичок и не добропорядочный слуга закона. Нет, по сути, ты — изощренный жулик, всю жизнь посвятил криминальному ремеслу...

— Век бы слушал.

— Знаю. Но все-таки из этого не вытекает, что в райское пекло тебе надо лезть одному. Я пойду с тобой.

— Нет, дорогая, не пойдешь. Ты будешь хранить домашний очаг, заботиться о детях и...

— Еще одно словечко в этом духе, и я тебе глаза выцарапаю! Терпеть не могу шовинистических свиней мужского пола.

Когда она говорит таким тоном, с ней лучше не шутить. Я увидел ее скрюченные пальцы и невольно отпрянул.

— Прошу прощения. Не бери в голову, я вовсе не это имел в виду. Неудачная попытка пошутить.

Она рассмеялась, я понял, что гроза миновала, и снова взял ее за руки.

— Я должен идти. И я должен идти один.

Она тяжело вздохнула.

— Понимаю, и все-таки ужасно не хочется уступать. Я знаю, ты вполне способен о себе позаботиться...

— Клянусь, таким я и останусь.

— Когда уходишь?

— Это выяснится сегодня во второй половине дня. Наш славный друг Койпу считает, что довел наконец до ума связь между нами и другими вселенными.

— Помнится, он говорил, что это невозможно.

— В тот день он был в плохом настроении. Ты бы посмотрела на него сейчас!

— А что, пойдем посмотрим.

Нагромождение электронных устройств и путаница проводов за эти дни успели спрятаться под широкой черной консолью — сплошь разноцветные лампочки, шкалы и спирали Тесла; венчал все это сияющий экран. Неизменным остался лишь толстенный электрический кабель.

— А, Джеймс! — Когда мы вошли, профессор выдвинул из бюро ящик и перерыл содержимое. — У меня для тебя кое-что есть.

Он извлек плоский черный диск с отверстием в центре, сдул с него пыль и гордо протянул мне.

— Музыка? — озадаченно спросил я.

Койпу слегка рассердился.

— Джим, временами мне кажется, будто ты не намного умнее одноклеточной водоросли. Сейчас ты держишь в руках уникальное, совершенно необыкновенное изобретение — межвселенностный активатор. Он твердый, не имеет съемных частей, и в его атомах не электроны, а псевдоэлектроны, они движутся с нулевой скоростью. Обнаружить это устройство невозможно, воздействовать на него каким-либо образом — тоже. Я его испытал во многих вселенных и остался вполне доволен.

— И что же оно делает?

— Будучи включено, оно пошлет сигнал универсальному дифференциатору. А тот возвратит тебя обратно. Все очень просто.

— И в самом деле просто. Но как же я его включу?

— А это еще проще. Активатор улавливает волны мозга. Стоит только захотеть, и машина перенесет тебя домой.

Я восхищенно посмотрел на диск. Повертел его на пальце. Какое чудо! Достаточно лишь подумать: «Унеси меня домой»...

Я вдруг оказался на другом краю комнаты. Врезался в машину. Диск прилип к консоли, а палец в его дырочке чувствовал себя так, будто его ампутировали.

— Не могу... дышать... — прохрипел я.

Койпу нажал на клавишу, и я свалился на пол.

— Надо еще кое-что подрегулировать.

Я встал и потер ушибленные ребра. И поспешил снять диск, пока палец не распух.

— Впечатляет, — сказала Анжелина. — Спасибо, профессор, теперь я меньше буду волноваться. Когда он отправляется?

— Когда захочет. — Он нажал другую клавишу, в недрах машины сверкнула молния, раздался хлопок, и от спирали Тесла брызнули искры. — Но перед отправлением следует учесть несколько факторов. Мне удалось засунуть в рай кончик многофункционального анализатора и получить довольно интересные результаты. Смотрите.

Засветился экран, на нем замельтешили цифры, закорчились диаграммы.

— На что смотреть? Для меня это полнейшая бессмыслица.

Койпу раздраженно фыркнул, а затем ухмыльнулся с видом превосходства. И постучал по штрихам газового спектра на экране.

— Это же очевидно.

— Только для таких высоколобых, как вы. Не откажите в любезности, растолкуйте профанам.

Не стоило мне этого говорить. Профессор с радостью ухватился за возможность прочитать длиннейшую и нуднейшую лекцию. Гравитация, атмосферное давление, давление кислорода — все это было мне знакомо. Худо-бедно я разбирался в таких вещах, как спин электрона, хаотичная дисперсия, качество воды, предельно допустимое загрязнение и так далее. Но когда он перешел к анализу компонентов атмосферы, я его перебил:

— Кажется, вы упомянули о каком-то газе?

Он снова показал на экран, заштрихованный спектральными линиями.

— Вот он. Я еще ни разу не встречал этой формулы, поэтому дал газу условное название «закисин». Он действует на человека аналогично закиси азота.

— Веселящий газ?

— Точно. Закисин — это закись азота в кубе, я имею в виду фактор радости.

— Мне это не нравится, — сказала Анжелина. — Может возникнуть привычка, а у Джима их и так хоть отбавляй. Вы можете чем-нибудь помочь?

— Конечно. — Он протянул пузырек с фиолетовой жидкостью. — Это противоядие, полностью снимет все побочные эффекты. Ну-ка, диГриз, закатай рукав. — Он достал шприц и ввел

мне прямо в вену дозу противоядия. — Больше тебе ничего не понадобится. Ну что, готов?

Он нажал кнопку, и машина нетерпеливо загудела.

— Давайте без спешки, — произнес я, хотя меня самого вдруг охватило нетерпение. — Для начала нужно как следует подкрепиться и выспаться. А завтра на рассвете начнем. Улетать в рай лучше на свежую голову.

В тот вечер мы отправились гулять по городу — впервые вкусили радостей праздничного мира. Мы с Анжелиной шагали в обнимку, Сивилла держала под руки моих сыновей, и вечер удался на славу. Над городом полыхало искусственное северное сияние, в оркестровой яме на центральной площади наяривали две тысячи инструментов. Еда там была просто шик, а питье и того лучше. Но только не для меня. Ближе к утру я перешел на диетическое виски.

На рассвете я встал, вышел на цыпочках из спальни, предоставив Анжелине улыбаться во сне, и твердо прошествовал в преддверие рая.

— Что-то ты поздно, — ворчаньем встретил меня Койпу. — Неужели оробел?

— Профессор, давайте обойдемся без воодушевляющих речей. Я готов идти хоть сию секунду.

— Межвселенностный активатор не забыл?

— В каблуке. Нас даже смерть не разлучит.

— Ну а коли так, желаю удачи. — Он нажал несколько клавиш, и машина зловеще взвыла. — Ворота не заперты.

Я приотворил створку гаражных ворот и глянул в щель. Вроде не так уж и страшно. Я распахнул ворота настежь и шагнул вперед.

Мило. В голубых небесах — теплое желтое солнце, совсем не похожее на багровое в аду. Рядом со мной на высоте моих плеч проплывало белое облачко. Я ткнул в него пальцем, и оно отпрянуло с мелодичным звоном. Совершенно безмятежный ландшафт — низкие, округлые, поросшие короткой травой холмы. Неподалеку купа деревьев бросала тень на мощеную дорожку. Я подошел, постучал каблуком по желтым плитам. Мягкие. Дорога петляла и исчезала среди деревьев справа от меня. Слева она сворачивала в долину между холмами.

Ну и куда прикажете идти? С холмов доносился приглушенный рокот, похожий на гром. Как всегда, любопытство победило, и я двинулся налево. И очень скоро понял, что не ошибся в выборе. Я увидел перекресток с указателем и приблизился к нему с нарастающим интересом.

— Три пути, — сказал я, глядя на стрелки указателя. — Я пришел со стороны «свалки мусора». Слишком волнующее название, чтобы захотелось вернуться по своим следам. Остаются «валгалла» и «парадиз». Что выбрать, вот вопрос.

Парадиз — это, конечно, заманчиво, мне сразу вспомнилась чудесная планета по имени Параисо-Аки. Она и впрямь стала парадизом, когда меня там выбрали в президенты. Валгалла? Тоже вроде знакомое слово, кажется, попадалось на глаза, когда я копался в истории религий. Смутно ассоциируется со снегом, топорами и рогатыми шлемами. Нет, парадиз мне нравится гораздо больше.

И тут я заметил прикнопленную к столбику указателя бумажку: «Парадиз закрыт на ремонт». Разумеется, после этого я уже не колебался.

Дорога вилась по дну узкой долины. Закончилась она у высокого уродливого частокола из неокоренных бревен. В стене была металлическая дверь — казалось, она только меня и ждет. Впечатление оказалось ложным, ручка на двери не поворачивалась. Я налег на дверь плечом, но она даже не шелохнулась. Я уже совсем было решил попытать счастья в парадизе, но тут заметил на двери табличку: «Служебный вход» — прозрачный намек на существование другого входа. Он-то мне и нужен.

Заметив тропинку, я пошел по ней вдоль стены и повернул за угол. И сказал с неподдельным восхищением:

— Вот это да!

Массивные золотые колонны поддерживали карниз над массивной золотой дверью. Несметное множество драгоценных камней на карнизе лучилось светом. Внезапно затрубили невидимые рожки, зазвучала героическая музыка. Под волнующий бой барабанов я взошел на крыльцо. Пока я, заинтригованный донельзя, приближался к двери, огоньки на карнизе выстроились в слова, но прочитать их мне не удалось. Наверное, потому, что я не знал этого языка и вообще впервые видел причудливые письмена, очень похожие на рассыпанные спички. Над драгоценными камнями сверкали золотом огромные скрещенные топор и молот.

— А классно смотрится, правда? — прозвучало за спиной.

Я развернулся в прыжке и принял защитную стойку. Только благодаря музыке этот человек сумел приблизиться ко мне незамеченным. Но выглядел он вполне мирно — средних лет, полный, в дорогом деловом костюме, белой рубашке с жабо и кроваво-красном галстуке. И улыбался он вполне дружелюбно.

— Тоже валгаллу решили посмотреть?

— Конечно. — Я успокоился и заметил на его галстуке золотое шитье — скрещенные топор и молот, точно такие же, как над входом.

— Наконец-то мы в валгалле.

— Еще нет, — замахал он на меня руками. — Я только посмотреть пришел, только посмотреть. Одним глазком глянуть. Каждому ведь интересно, что его ждет после жизни. Я еще не готов переселиться насовсем.

Его слова утонули в душераздирающем реве рожков и оглушительной барабанной дроби. Золотая дверь медленно отворилась, музыка стихла, и к нам обратился женский голос:

— Добро пожаловать, благочестивые и доблестные приверженцы Лиги Длинной Ладьи И Верных Друзей Фрейи. Входите и обретите до срока один день из грядущей вечности. Перед вами валгал-

ла! Колодезь медового молока на краю радуги. Входите и не наступите на змею!

Ничего себе змея! Толщиною в добрый ярд, голова и хвост где-то за горизонтами. Когда мы через нее перепрыгивали, она медленно извивалась.

— Уроборос, — сказал мой спутник. — Опоясывает мир.

— Поторопитесь, — велела нам невидимая экскурсовод. — Время не ждет. Я могу поднять завесу, но совсем ненадолго и только по специальному разрешению богов. Тор всегда благоволит воинам Лиги Длинной Ладьи, а Локи сейчас в хеле, поэтому Тор в безмерной щедрости своей позволяет вам заглянуть в будущее. Так что смотрите и радуйтесь, ибо когда-нибудь все это будет вашим...

Мрак неторопливо растаял. Я шагнул вперед, чтобы получше рассмотреть, и стукнулся носом о невидимое препятствие, оно начиналось от земли и поднималось выше, чем я мог дотянуться. Мой спутник постучал по нему костяшками пальцев.

— Стена Вечности, — сказал он. — Хорошо, что она нас не пускает. Пройти сквозь нее может только мертвый.

— Спасибо, я не настолько любопытен. Ух ты!

Возглас посвящался удивительной сцене, которая внезапно открылась по ту сторону барьера. В громадном каменном очаге ревел огонь, над ним жарился на вертеле огромный зверь. За длинными столами восседало множество здоровяков с пышными шевелюрами и бородами. Они вели себя совершенно непринужденно, выпивали и закусывали с неописуемым энтузиазмом. На деревянные столы с грохотом падали глиняные кружки с напитками, их тут же хватали и опрокидывали над разинутыми ртами. Причем это делалось одной рукой, потому что в другой почти каждый пирующий держал кусок дымящегося мяса или ногу очень крупной птицы.

Голоса были едва различимы — как отдаленное эхо. Насколько мне удалось разобрать, выпивохи орали и ругались. Некоторые пели что-то боевое. Еду и питье разносили громадные светловолосые официантки с толстенными ляжками и ничуть не уступающими им бюстами. Время от времени над ревом мужественных глоток поднимался истошный визг — кто-то щипал даму за ягодицу. Иногда раздавался глухой треск — проворная официантка, не желая оставаться в долгу, обрушивала кружку на череп нахала, чтобы секунду спустя с хохотом дернуть его за бороду, прозрачно намекая на предстоящую оргию. Сказать по правде, в отдалении мясистая парочка, похоже, именно этим и занималась прямо на столе — из полумрака доносился смех. Он стих, как только снова воцарилась мгла.

— Ну каково? — У моего спутника маслились глаза от возбуждения.

— Не для вегетарианца, — пробормотал я едва слышно, чтобы не испортить ему настроение. И вкрадчиво спросил: — Насколько я понял, мы с вами из одной длинной лодки?

Ответа не последовало — толстяк уже исчез. Я упустил свой шанс, надо было вытягивать из него информацию, а не пялиться на красоты валгаллы. Я вышел на крыльцо, но благочестивый и доблестный приверженец Лиги Длинной Ладьи, похоже, успел убраться восвояси. За моей спиной хлопнула дверь, драгоценные камни-лампочки померкли. Финита ля комедия. И что же я узнал?

Немало, утешил я себя. Но это, конечно, не тот рай, о котором рассказывала Вивилия фон Брун. Похоже, валгалла — это воплощенная мужская греза о вечном мальчишнике. Из чего вытекает: в раю наверняка не один рай. Наверное, Вивилия побывала в каком-нибудь другом. В парадизе? Возможно. Из чего вытекает: мне тоже надо сунуть туда нос. Даже если парадиз на ремонте.

Повинуясь сей железной логике, я вернулся на распутье и пошел по тропинке к парадизу. Она петляла среди деревьев и густых кустарников. Внезапно я услышал рокот мотора впереди и остановился. Я всегда ставил осторожность превыше отваги, а потому упал на землю и пополз сквозь кустарник. Возле последнего куста я залег и раздвинул ветви.

Глава 16

Передо мной стояли самые обычные на вид городские многоэтажки, такие можно найти на любой цивилизованной планете. За ними, вокруг декоративного озера, стояли дома пониже, похожие на замки. Совсем неподалеку от меня высилось недостроенное здание, ничем не отличающееся от соседних. Подле него копошилась строительная техника.

На площадке трудились люди, а не роботы. Я услышал, как один из них крикнул: «Bonega! Veldu gin nun!» Цивилизованные знатоки эсперанто говорили о сварке. Картина была столь привычна, что я недоумевал, как она могла оказаться в этой райском уголке рая?

Меня охватил такой зуд любопытства, что пришлось почесаться. Я лежал под прикрытием куста и смотрел во все глаза. Уже не в первый раз я пожалел, что Койпу до сих пор не нашел способа переносить технику невредимой в другие вселенные. Сейчас бы телескоп — получше разглядеть стройку и рабочих. Если бы среди них оказался хоть один Слэйки, я бы десять раз подумал, стоит ли выходить из укрытия.

Но его на площадке, похоже, не было. Все строители были поджары и молоды. Впрочем, не все; я обнаружил одного пожилого и довольно упитанного. Больше он ничем не напоминал Слэйки, которых мне доводилось встречать. Он то и дело покрикивал на рабочих, из чего я сделал вывод, что он десятник или прораб. Посвятив довольно много времени наблюдениям, я обнаружил, что сидеть в кустах довольно скучно. И подавил зевок. Надо придумать что-нибудь дельное либо убраться отсюда и поискать где-нибудь в другом

месте... Где, как не на свалке мусора? Но судьба распорядилась за меня.

Пожилой толстяк глянул на часы, а затем с силой дунул в свисток. Рабочие побросали инструменты и заглушили моторы. Сначала я предположил, что закончился рабочий день, но тут на стройплощадку въехала автокормушка, знакомая мне по тысячам строек и фабрик, под завязку набитая замороженными продуктами и вооруженная микроволновой печью. Удобная штука. Выбираешь свинобразью котлету или конечность ракообразного, нажимаешь кнопку и получаешь дымящееся блюдо.

Хрипло переругиваясь и сально перешучиваясь по обычаю строителей нашей галактики, рабочие стояли в очереди, получали через пазы в бортах фургона тарелки и располагались на сваях и ящиках, которых на площадке была тьма-тьмущая. Мне повезло — несколько человек решили устроить пикничок на травке рядом с моим наблюдательным пунктом. Впрочем, не так уж и рядом — я не мог расслышать, о чем они говорят. Но достаточно близко, чтобы у меня в голове заработали шестеренки.

Среди этих любителей природы был толстый прораб, он разглагольствовал, сжимая в пятерне мясистое ребро. Судя по размерам, оно вполне могло принадлежать бронтозавру.

Я немного подождал, затем поднялся и, насвистывая, двинулся к ним.

— Чудесный денек, не правда ли? — заискивающе произнес я и наткнулся на угрюмое молчание и зловещие гримасы. — Как работа, спорится?

— Кто ты такой, черт бы тебя побрал?! — Толстяк отшвырнул ребро и тяжело поднялся на ноги.

— Я бухгалтер, работаю на босса.

— На Слэйки?

— Поскольку он мне платит, я его предпочитаю называть мистером Джастином Слэйки. А вы?..

— Грушер. Я тут десятник.

— Рад познакомиться. Это вы жаловались на задержки с подвозом цемента?

— Что это ты плетешь? Ни на что я не жаловался. — Он смотрел на меня с откровенным подозрением. Как, впрочем, и все остальные работяги.

— Значит, не жаловались? Что ж, тогда вопрос снимается...

— Да кто ты такой, чтобы тут расхаживать и вопросы задавать? Я у Слэйки много лет работаю, головорезов, сорвиголов и мордоворотов нанимаю, стройматериалы выписываю, строю все, что ни закажет... Заказал парк аттракционов — пожалуйста, будет тебе парк. — Грушер кивком указал на стройплощадку. — А вопросов он никогда не задает, только счета мои оплачивает. И никаких таких бухгалтеров ко мне не подсылает.

— Не нравится мне этот парень, — прорычал рабочий с самой жуткой физиономией и могучими бицепсами. — Грушер, когда

мы нанимались, ты обещал, что проблем не будет. Солидный заказчик, секретная стройка. Даже привез нас сюда в полной отключке. Большие деньги, нормальный рабочий день, зарплата — наличными...

— Ты из налоговой полиции? — спросил меня другой строитель, тоже далеко не красавчик.

— А то откуда же? — ухмыльнулся парень с толстыми бицепсами, вытягивая из петли на поясе гаечный ключ.

— Ну так поприветствуем дорогого гостя. — Грушер недобро улыбнулся, и его люди быстренько меня окружили. — Он цементом интересуется? Это кстати, мы как раз нынче бетон заливаем. Пускай поглядит, только изнутри.

Я отскочил в сторону, и гаечный ключ просвистел возле уха. Затем я поднырнул под яростный хук. Я не новичок в карате, но одолеть такую толпу не надеялся. Девять, нет, десять на одного, и все — наглые и в хорошей физической форме. Кольцо сжималось.

— Вы правы! — закричал я. — Вы все арестованы за неуплату налогов! А теперь руки вверх и не вздумайте...

Мускулистые работяги свирепо заревели и ринулись на меня.

«Домой! — подумал я. — Сейчас же!»

Я врезался в металлическую панель и повис, неистово размахивая руками и свободной ногой.

— Профессор... выключите...

— Извини, — сказал Койпу. — Кажется, я забыл кое-что сделать. А конкретно, кое-что подрегулировать перед твоим возвращением.

Он дотронулся до клавиши, и я сполз на пол. На пульте стояла откупоренная бутылка пива. Я приблизился на негнущихся ногах и осушил ее единым духом.

— И что же ты там обнаружил?

— Сущие пустяки. Экскурсия прервалась в самом начале. Я побывал в пригороде рая, он называется «валгалла», народ там подобрался некультурный и разнузданный, и вообще это местечко никак не вяжется с моими представлениями о загробном мире. Еще там есть парадиз, он пока закрыт для посетителей. Я не успел его как следует рассмотреть, решил вернуться — пивка хлебнуть, а заодно рассказать, что там делается. У меня возникли трения... впрочем, ерунда. Если Анжелина будет обо мне спрашивать, скажите, что все идет великолепно. Ну а теперь вы можете меня снова туда отправить? Только не в то самое место, откуда сейчас выдернули.

— Никаких проблем. Пока тебя здесь не было, я откалибровал сферический локатор. В километре по горизонтали устроит?

— Вполне. — Я приотворил ворота и увидел только синее небо и зеленую траву. — Да, в самый раз. До скорой встречи.

Я вышел и ощутил спиной теплые лучи солнца. Дул слабый ветерок, над головой медленно проплывали маленькие облака. Их появлялось все больше, некоторые плыли против ветра, и это мне не понравилось. Одно из них держало курс прямо на меня. Оно нежно

позвякивало... И не только! С него доносился смех. Или мне почудилось? Оно пролетело мимо, и я двинулся следом по дорожке.

Спустя некоторое время я увидел далеко впереди холм, а на нем — белое строение. Вдогонку за моим пушистым облаком плыло точно такое же и тоже чарующе звенело. Они летели вдоль дорожки, в этом я уже не сомневался. Дорожка была вымощена желтыми плитами — мягкими, эластичными. Впереди над ней кружила стая птиц. То есть я сначала принял их за птиц, а когда приблизился, понял свою ошибку. Они были розовые, круглые, с белыми крылышками — такими маленькими, что удерживались в воздухе не благодаря им, а вопреки. Мне эти существа показались очень знакомыми. Когда я штудировал историю религий, я в конце концов добрался до иллюстраций и очень скоро понял: во все времена религии, при всей их противоречивости, спорности и бестолковости, очень сильно стимулировали вдохновение у творчески одаренных людей. Благодаря религиям появлялись стихи и песни, книги и картины, архитектура и весьма своеобразная скульптура. В некоторых банках информации я видел этих розовых воздушных акробатов.

Я все приближался, а они все кружили. Наконец я остановился и вытаращил глаза.

Толстенькие розовые младенцы помахивали прозрачными крылышками. Все они были златокудры, и различить их по половому признаку я бы так сразу не взялся. Я имею в виду, что у всех у них были набедренные повязки из тонкой материи. Трепеща крыльями, они резвились над моей головой, точно комариная стайка. Я с трудом одолел искушение подпрыгнуть, схватить кого-нибудь за ножку и рассмотреть получше. Они порхали, улыбались и смеялись; казалось, надо мной звенят десятки крошечных колокольчиков. Внезапно они зазвенели и замельтешили оживленнее — к нам приближалась еще одна стая точно таких же малюток. В ручках они держали нечто наподобие оружия, и я огляделся в поисках укрытия.

— Стыдно, Джим, — сказал я себе, когда они подлетели ближе. — У тебя извращенный, не в меру подозрительный ум. Это не луки, а крошечные золотые арфы.

Пощипывая на лету струны, малыши окружили первую стайку. Я сел на желтые плиты и обнаружил, что дорога не только мягкая, но и теплая.

Внезапно к трогательному арпеджио добавилось хоровое пение на незнакомом языке:

— Die Entfuhrung aus dem Serail! — распевала, уносясь, первая музыкальная стайка. Но ее место уже прочно заняла вторая:

— Per queste tue manine, In quale eccessi, mi tradei, un bacio de mano...

Потом они затянули на эсперанто. Я разобрал слова, но так и не понял, о чем идет речь.

— Profunde li elfosis min Bele li masonis min, Alte li konstrius min, Sed Bid-Auld estas foririnta...

И так далее. Все это звучало очень мило, хотя, на мой взгляд, небесные создания перебарщивали с высокими тонами. И чересчур усердно щипали струны. И без умолку хихикали. Впрочем, я, наверное, слишком придирчив. Закончили они на такой писклявой ноте, что у меня заныли зубы. Потом, кружась, небесные создания понеслись вверх.

— Браво! — крикнул я им вдогонку. А потом запоздало осведомился: — Нет ли где-нибудь поблизости приличного бара? Или ресторанчика?

Ответом было только хихиканье.

— Огромное спасибо, — уныло пробормотал я и зашаркал по дороге, стараясь не замечать першения в горле.

Солнце припекало, а белая постройка на холме будто и не приближалась вовсе. Но за поворотом я приободрился. У дорожки стояла небольшая торговая палатка, рядом на траве — позолоченные кресла с резными подлокотниками. В одном из кресел сидела женщина в белом платье и прихлебывала напиток из позолоченного бокала.

Увидев меня, она широко улыбнулась. Но улыбка так и застыла на лице, глаза не следили за мной. На столике под тентом стояло много запотевших бокалов с напитками. Я взял один из них, понюхал, пригубил. Сладко, прохладно и, похоже, небезалкогольно.

— Недурно, — произнес я, лучась дружелюбием.

Женщина не ответила, даже головы не повернула. Я подошел к ней, опустился в соседнее кресло. Очень симпатичная леди — высокая грудь, пышные волосы. Хорошо, что Анжелины здесь нет, во всяком случае, сейчас. Я наклонился вперед и спросил:

— И часто вы сюда заглядываете?

Боюсь, я выглядел пошляком, но надо же было как-то завязать разговор.

И я своего добился — привлек ее внимание. Она медленно повернула голову, остановила на мне взгляд красивых темных глаз и разжала влажные алые губы. И спросила хрипловатым грудным голосом:

— Что, уже пора? — После чего встала и пошла к дорожке.

Да, Джим, умеешь ты разговаривать с женщинами, попенял я себе и глотнул из бокала. И озадаченно заморгал. Женщина исчезла, едва ступила на желтые кирпичи. Исчезла совершенно беззвучно. Я подошел, посмотрел, но не обнаружил ни люка, ни какого-нибудь другого устройства. Я резко повернулся. Кругом — ни души. Она что, тоже купила однодневный тур? Взглянуть на рай — и сразу обратно за бухгалтерские книги? Я вспомнил слова Койпу о наркотическом газе в здешнем воздухе. Женщина выглядела заторможенной, — наверное, это от газа, а может, из-за выпивки. Я поставил стакан с недопитым коктейлем. Впрочем, я уже вполне утолил жажду и мог идти дальше.

Дорожка завела в лощину, на склонах холмов в изобилии росли цветы. Отсюда до белого сооружения уже было рукой подать, оно виднелось гораздо отчетливей. Золоченая крыша опиралась на красивые беломраморные колонны. С дорожки к ним поднималась каменная лестница. Ступеньки пришли в движение, и я остановился.

— Эскалатор райских масштабов, — сказал я, подозрительно и мрачно разглядывая лестницу. — Джим, тебя заметили. Или ты нажал невидимую кнопку.

Но я не видел смысла отступать. Все равно, Слэйки уже знает, что я проник в его владения. Я в разведке, значит, надо действовать, а не рассусоливать. Я боязливо шагнул на ступеньку, и она бережно понесла меня к зданию. В нем оказался один-единственный, но очень просторный зал. Стены отсутствовали, между тесно стоящими колоннами виднелось голубое небо. На лоснящемся мраморном полу — ни соринки. Напротив входа возвышался трон, на нем сидел старый толстый седой мужчина. В руках он держал арфу и рассеянно пощипывал струны. Чего-чего, а этих музыкальных инструментов в раю хватало с избытком. Над головой старика висел золотистый нимб. Когда я приблизился, ко мне повернулся благородный лик, вместе с ним крутанулся и нимб. Арфист кивнул и растянул губы в улыбке.

— Добро пожаловать в рай, Джим диГриз, — сказал он сочным, богатым обертонами голосом.

— Если не ошибаюсь, профессор Слэйки?

Глава 17

Очень хотелось подумать: «Заберите меня отсюда! Домой, домой!» Но я удержался. Сбежать всегда успею, во всяком случае, так утверждал Койпу, и на стройплощадке я в этом убедился. Поэтому имеет смысл обождать. Похоже, Слэйки в неплохом настроении, к тому же я, как ни крути, в разведке.

— Вы на меня разве не сердитесь? — спросил я.

— А за что я должен сердиться?

— И это вы говорите мне? Последний раз, когда мы встречались, точнее, когда я встречался со множеством ваших инкарнаций, вы были готовы рвать и метать.

— А, ты о том досадном инциденте в аду. Лично я там не был, но, конечно, обо всем знаю. Очень вкусное салями. Надеюсь, ты не откажешь в услуге, назовешь имя твоего поставщика.

Диалог переходил на почву сюрреализма, но я решил не отступать. Ведь мы со Слэйки впервые разговаривали в мирной обстановке.

— И где же ваш хваленый рай? — спросил я.

— Вокруг тебя. Разве он не прекрасен?

— Тот самый рай, куда многие надеются попасть после смерти?

— Не правда ли, мило? А херувимчики тебе понравились? — Он благодушно улыбнулся.

А я решил спросить напрямик:

— А почему вы здесь? В раю?

— По той же причине, что и ты.

— Давайте ближе к фактам. Вы — жулик с толстенным кошельком. И убийца. Да-да, убийца, ведь вы отправляете в ад ни в чем не повинных людей, и они там едят друг дружку. А жулик вы потому, что продаете дуракам однодневные путевки на небеса. На самые разнообразные небеса.

Он пожевал губами и задумчиво кивнул.

— Пожалуй, я не буду с тобой спорить, мой мальчик. Мне ни к чему споры в раю.

— Можно поинтересоваться, чего вы добиваетесь? Зачем выуживаете деньги у простофиль?

В его глазах появился характерный ледяной блеск.

— Джим, ты меня начинаешь утомлять. Тебе еще не говорили, что ты зануда? И вдобавок назойливый.

— Да неужели? — Я опечаленно вздохнул. — Подумать только, а ведь я всегда считал себя душой компании. Вы уж извините, профессор. Я не всегда такой.

— Ну разумеется, я тебя прощаю. Здесь, в раю, так хорошо, зачем же нам ссориться? Почему бы тебе не присесть, не отдохнуть?

За моей спиной стояло кресло — я мог поклясться, что секундой раньше его там не было. Впрочем, я не так удивился, как обрадовался. Я ведь и в самом деле устал... чертовски устал. Я упал в кресло.

Слэйки кивнул.

— Пора устроиться поудобнее. Снять ботинки. Размять пальцы ног...

Отличная идея... Или не совсем? Чем-то она мне не нравится... В голове вертелась какая-то мысль, но я так и не смог ее поймать за хвост. Поэтому снял ботинок, затем второй и бросил в сторону. Слэйки обнажил в улыбке частокол зубов, щелкнул пальцами, и усталость как рукой сняло. «Каблук! Унеси меня отсюда!» — Я не проговорил — прокричал это мысленно. Так громко, что эхо раскатилось под черепом.

Я вскочил на ноги, бросился к Слэйки и упал ничком. И увидел золотой браслет на своей лодыжке. От него шла золотая цепь, которая исчезала в полу.

— Ловкий трюк, — произнес я стоически, но довольно писклявo. Затем встал и опустился в кресло.

— Да какой там трюк... Просто ты очень глупый человечишка, тебя легко перехитрить. Джим, тебе не приходило в голову, что твой необнаружимый межвселенностный активатор — ну и названьице, курам на смех! — все-таки можно обнаружить? Знал бы ты, как вы с Койпу отстали от меня в технологии, — слезами бы го-

рючими умылся. Обводить вас вокруг пальца — детская забава. Для начала я тебя размягчил с помощью гипнотического газа, а потом хватило простенького соблазна, чтобы твой недалекий ум целиком подчинился мне и ты отдал ботинки... вместе со своей жизнью. Впрочем, наверное, ты и сам уже это понял. Я — божество! Властелин науки, жизни и смерти, времени и энтропии!

«Ноль без палочки, — мрачно подумал я. — Дырка от бублика».

Но выбраться из его западни будет непросто.

— Воистину, все это так, — сказал я торжественно. — Вы не только божество, вы еще и гений. У вас столько талантов... Скажите, профессор, почему вы опустились до мелкого жульничества?

Слэйки предпочел не отвечать. Хоть он и свихнулся, но тайны свои держал за семью печатями.

И он начал выходить из себя.

— Жалкий недолговечный червь! Да ты хоть знаешь, сколько мне лет?

— Нет, но уверен, вы мне скажете. Впрочем, меня это не слишком интересует.

Я отвернулся, зевнул и краешком глаза заметил, как у него побагровела физиономия.

— ДиГриз, ты испытываешь мое терпение. Таким, как ты, надлежит относиться к таким, как я, с уважением, даже с благоговением. Ведь мне больше восьми тысяч лет!

— Да что вы говорите? А я бы вам больше семи тысяч не дал.

— Баста! — прорычал он, вскакивая с трона. — Ты мне надоел. А потому слушай приговор. Ты отправляешься в чистилище. Увести!

Последнее слово адресовалось громоздкому человекообразному роботу. Лязгая, тот поднялся по ступенькам. Он был весь во вмятинах, царапинах, ржавчине и черной пыли. Зловеще поблескивал электронный глаз, другой был «с мясом» вырван из глазницы. Андроид затопал ко мне, а я привстал от испуга — до того грозно выглядел бесчувственный металлический монстр. Он с шипением нагнулся, вытянул руку и когтями-ножами перекусил мою цепь. Я отпрыгнул, но ладони шириной с полотенце поймали меня в воздухе и влепили в ржавую грудь. Было невыносимо больно, я не то что вырваться — пошевелиться не мог.

Толстый и седой Слэйки крякнул, с трудом поднимаясь на ноги, и заковылял к лестнице, за ним следом залязгал мой мучитель. Мы спустились на желтую дорожку.

Слэйки топнул ногой. Что-то звучно хлюпнуло, и дорожка вздыбилась, точно огромный желтый язык. Открылась черная яма, из нее хлынул ужасающий запах.

— Оставь надежду всяк сюда входящий, — прогнусавил Слэйки. — Ступай, обреченный.

Не выпуская меня из объятий, робот склонился над ямой. Он кренился все сильнее и сильнее... а потом мы сорвались и полетели в бездну.

Не раз и не два на моем богатом приключениями веку у меня возникало жгучее желание оказаться где угодно, только не там, где я в тот момент находился. И вот опять как раз такой случай. Не скажу, что мимо меня пронеслась вся моя жизнь, зато это сделали неровные серые каменные стены. Снизу шахта была подсвечена красным. Мы быстро набрали предельную скорость.

Неужели все должно кончиться здесь? В этой вонючей норе?

Робот то и дело громко лязгал, задевая за стены. Но не жаловался. Я беспомощно корчился в его железных объятиях. Затем падение замедлилось, и я, воспользовавшись резким торможением, едва не вырвался из жестких ручищ. Но робот спохватился и чуть не задушил меня в объятиях. Наконец он лязгнул в последний раз, ударясь ногами о землю, и позволил мне рухнуть навзничь.

Не дав ни секунды передышки, он схватил меня за руку и потащил за собой. Я понял, что сопротивление бесполезно, кое-как поднялся на ноги и заковылял по невероятно жесткому каменному полу. Носки быстро превратились в лохмотья, — все-таки даже на том свете обувь надо беречь.

Сцена моим глазам открылась, мягко говоря, безрадостная. Воздух был перенасыщен миазмами, они не только нестерпимо воняли, но и раздражали дыхательные пути. Я кашлянул; этот звук призрачным эхом раскатился над головой. Мы обогнули высокую груду камней, и я увидел фабрику.

В красном полумраке тянулись вдаль, насколько хватало глаз, длинные низкие сооружения, похожие на столы. Над столами склонилось множество людей, они неторопливо водили руками, но я не успел как следует разглядеть, что они делали. Раздался шорох; я оглянулся и увидел раструб в стене; из него валил черный порошок. Поднялась пыль, я снова закашлялся и узнал, почему здесь так мерзко пахнет и что раздражает слизистую оболочку носа.

Не останавливаясь и не укорачивая шага, мой металлический конвоир тащил меня вперед. Но мало-помалу я начал вникать, поскольку сцена повторялась снова и снова. Вернее, я не сумел ничего понять, зато смог разглядеть и запомнить.

Пыль медленно плыла или ползла по столам-транспортерам. Труженики — я уже понял, что все они женщины, — водили над ней руками. Этим занимались все без исключения, медленно, монотонно, не поднимая глаз, не останавливаясь. Вдруг одна из них что-то подобрала — что именно, мне разглядеть не удалось — и уронила в стоящий рядом контейнер. Неприятнее всего было отсутствие интереса ко всему, что не имело отношения к работе. Я бы на их месте обязательно повернул голову, если бы огромный ветхий робот протащил мимо Джима диГриза. А они даже не покосились.

Мы миновали один стол за другим. Работницы молча и сосредоточенно делали свое таинственное дело. Их тут были сотни, а может, и тысячи. Наконец мы оставили позади последний транспортер, и я оказался во мраке.

— Любезный экскурсовод, скажи, пожалуйста, куда ты меня тащишь?

Он целеустремленно топал. Я попытался разжать металлические пальцы и крикнул:

— Прекрати! С тобой разговаривает хозяин! Человек — твой господин, ты должен мне повиноваться! А ну стоять, металлолом ходячий!

Он не замедлил поступи и вообще не обратил на меня внимания. Волок, точно какую-то падаль. Я снова поднялся на ноги и, спотыкаясь, засеменил вслед. Вскоре перед нами появилась металлическая дверь в скале. Робот ее отворил и повел меня по темному коридору. Я услышал, как за нами лязгнула дверь, но разглядеть ничего не смог. Андроид затопал по невидимым ступенькам — похоже, его единственный глаз превосходно видел в темноте.

Я споткнулся и ушиб голени и еще несколько раз спотыкался, пока не привык к ступенькам. Когда робот остановился и отворил следующую дверь, я уже шатался от усталости. Робот выпустил меня — лишь для того, чтобы схватить за шиворот и толкнуть вперед. Пока я летел, дверь лязгнула. Реальность исказилась, я испытал знакомое ощущение переноса в другую вселенную. Внезапно вспыхнул яркий свет, и я с грохотом распластался на каменном полу.

Новая сцена выглядела ничуть не отраднее предыдущих. Я сразу застучал зубами. Я находился в комнате с металлическими стенами и решетчатой дверью, через решетку врывался ледяной ветер и залетали снежинки.

Неужели чистилище — это заурядный морозильник? Бессмыслица какая-то. Наверняка можно было придумать уйму более легких и менее сложных способов избавиться от меня. И тут мои голые, посиневшие пальцы ног, торчащие из останков носков, что-то задели. Я посмотрел вниз, на груду теплой одежды и обуви. Что ж, и на том спасибо.

Дрожащими пальцами я натянул теплые носки, затем надел толстые брюки и сунул ноги в ботинки. Не мой размер, но от холода спасают, и ладно. Вся без исключения одежда была унылого пепельно-серого цвета, но это меня нисколько не огорчило. Я обмотал шею шарфом, нахлобучил поношенную меховую шапку и протиснул руки в толстые рукавицы.

Словно только этого и дожидаясь, дверь распахнулась и пропустила мощный снеговой заряд. Я не удостоил его вниманием, лишь огляделся — нельзя ли вернуться обратно тем же путем, каким я сюда попал.

— Мя звуть Бубо, — произнес не очень внятный, но очень зловещий голос.

Я вздохнул и повернулся к своему новому мучителю. Ростом с меня, но упитаннее и шире в плечах. Одежда неотличима от моей. В руке — гибкий металлический прут, он мне сразу не понравился. Особенно когда Бубо ткнул им в мою сторону.

— Эвто быохлысть. Больно — жуть. А ишшо — каюк, ежли че. Слухать Бубо — жить. Не слухать Бубо — больно. Во как больно. — Он замахнулся своей штуковиной.

Я отскочил, и прут задел меня самым кончиком. Такой боли я еще не испытывал — как будто руку рассекли до кости и в рану налили кипящей кислоты. Я не мог кричать, не мог даже шевельнуться, только стоял, держась за левую руку, и ждал, когда утихнет боль. Она в конце концов утихла, и я с изумлением увидел, что предплечье и рукав невредимы.

— А опосля — каюк. — Бубо погрозил мне биохлыстом, и я с дрожью отступил.

— Смекать — жить, не смекать — каюк.

В лингвистике он звезд с неба не хватал, но зато располагал очень убедительным аргументом на все случаи жизни. И к тому же худо-бедно умел говорить. А я в тот момент мог только кивнуть, не вполне доверяя своему языку.

— Работать. — Он указал прутом на отворенную дверь.

Я на негнущихся ногах вышел в голубой день, в унылое, заснеженное, студеное чистилище. Вокруг двигались большие машины, но мне не удавалось понять, что они делают, пока глаза не привыкли к ледяному ветру. Я — в открытом карьере, в огромной яме, среди груд свеженарубленного камня. Громоздкие экскаваторы крошат черные пласты породы, многоколесные самосвалы вывозят камень с карьера. Сначала я принял эти машины за строительных роботов, затем увидел в кабинах людей — водителей и операторов.

— Тудыть. — Бубо ткнул биохлыстом в сторону неподвижной машины.

Одного взгляда на тонкий стержень было достаточно, чтобы я беспрекословно полез по скобам к кабине. Я втиснулся в корзину-сиденье, глянул в исцарапанное, грязное окно и призадумался. Что теперь делать? Над головой затрещал громкоговоритель.

— Идентификация. Личность неизвестна. Представиться.

— Ты кто? — Я оглянулся в поисках оператора, но никого не обнаружил. В кабине я был один. С вопросом ко мне обращалась стальная махина.

— Дробилка-черпалка, девяносто первая модель. Представиться.

— Зачем? — сердито спросил я. Всегда считал болтовню с машинами занятием пустым и глупым.

— Представиться, — упорствовала она.

— Мое имя тебе знать не обязательно, — мрачно произнес я и тотчас пожалел о своих словах.

— Тебе Знать Не Обязательно, какой у тебя стаж работы на девяносто первой модели?

— Заткнись! Я — человек, я буду приказывать, а ты будешь исполнять. А теперь слушай...

— Тебе Знать Не Обязательно, какой у тебя стаж работы на девяносто первой модели?

Я понял, что в этом споре мне не победить.

— Никакого.

— Начинаю инструктаж.

И она выполнила свою угрозу. Прочитала нуднейшую, подробнейшую, глупейшую лекцию, явно рассчитанную на умственные способности двухлетнего олигофрена. Я очень скоро узнал, как управлять этой штуковиной, а потом не слушал, только искал способ прекратить эту пытку. Но так и не нашел.

— А теперь, Тебе Знать Не Обязательно, я включаю двигатель. Приступаем к работе.

И мы приступили. У каждого моего колена торчало по рычагу, а еще были две педали — скорости и направления. От меня требовалось прижимать громадный отбойник к поверхности скалы и давить на гашетку. Во все стороны летели каменные брызги, чем и объяснялись выбоины и царапины на лобовом стекле. Нарубив достаточно камня, я коснулся горящей красной кнопки — послал сигнал грузовику. Он пригромыхал на двух рядах тяжелых колес и занял позицию подо мной. Я понажимал кнопками на пульте управления ковшами, который находился прямо под носом. Заполняя первый ковш, я помахал водителю самосвала. На мрачном лице труженика не дрогнул ни один мускул, он был достаточно разумен, чтобы показать мне толстый средний палец. Как только я загрузил самосвал, он отъехал.

Наступила ночь, и я почему-то решил, что рабочий день вот-вот закончится. Мысль была приятная, но, увы, не слишком верная — на моей дробилке-черпалке вспыхнули прожектора, осветили скалы и падающие снежинки. Сколько это продолжалось, я судить не берусь. Но не ошибусь, если скажу: очень долго. Наконец громкоговоритель выпустил птичью трель и моторы умолкли. Я увидел, как оператор ближайшей девяносто первой устало спускается по скобам, и столь же устало последовал его примеру. На земле поджидал другой тепло одетый человек; как только я слез, он вскарабкался в кабину. Мне он ничего не сказал, да и у меня к нему вопросов не возникло. Я зашаркал вслед за другими в большое, теплое, светлое помещение, битком наполненное людьми; могучий запах пота господствовал там над разнообразной коллекцией барачных ароматов.

Мой новый дом. Ничуть не лучше любого военного или трудового лагеря, где мне случилось побывать. На меня давил толстый слой безысходности, и я ничего не мог с этим поделать. У моих обреченных товарищей по несчастью давно угасла последняя искорка воли. И надежды.

Только один раз они проявили интерес — когда я нашел пустую койку, свалил на нее тяжелую зимнюю одежду и уселся за длинный стол. Пока я разглядывал отвратительную пищу на доставшемся мне обшарпанном подносе, чья-то здоровенная лапища больно стиснула мое плечо.

— Я съем твое kreno, — сообщил здоровенный наглый тип, приросший к руке с другого конца. Другая лапища, похожая на первую как две капли воды, протянулась к моему подносу за дымящимся фиолетовым куском.

Я отпустил поднос, дождался, когда нахал покрепче стиснет kreno, и вывернул ему кисть. Впервые сделал что-то хорошее с того утра, как отправился в рай. Кстати, когда это было? Неделю назад? Или вечность?

Поскольку противник мне достался очень рослый, недюжинной силы и, судя по всему, с крайне дурным характером, я решил зря не рисковать. Как только громадная башка пошла вниз, я треснул ребром ладони по переносице. Он завизжал от невыносимой боли, но я позаботился об анестезии, ткнув ему в горло натренированными пальцами. Он растянулся на полу и больше не шевелился. Я подобрал поднос и вынул kreno из обессилевших пальцев. А затем обвел взглядом остальных едоков.

— Кто еще хочет попробовать мое kreno?

Те немногие, кто потрудились оторваться от еды, сразу опустили глаза. Лежащий у моих ног человек засопел. Ему аккомпанировали дружным, сосредоточенным чавканьем и хрупаньем.

— Ребята, честное слово, я рад с вами познакомиться, — сказал я макушкам. Сел и отужинал с аппетитом. А заодно поразмыслил о том, где я очутился и что здесь делаю. И какие еще сюрпризы готовит мне будущее.

Глава 18

В монотонном и неинтересном труде прошло бесчисленное множество мучительных дней, а о ночах я уже не говорю. Пища была столь же разнообразна, как и работа, и вдобавок мерзка на вкус, но худо-бедно поддерживала огонь в телесной топке. Вскоре я узнал имя своего приятеля-креноцапа. Его звали Лэсч, и в бараке он считался первым задирой. Но меня он сторонился, хоть и злобно сверкал фонарями, которые я ему понаставил. Впрочем, он довольно быстро успокоился и нашел себе другие, не такие драчливые жертвы.

Мы работали в две смены, пока одна отсыпалась, другая управляла машинами. Выходных не полагалось. Рабочий день начинался с рассветом — в бараке появлялся Бубо и биохлыстом сгонял лежебок с нар. Пока мы выходили из барака, другая смена входила, едва волоча ноги от усталости. Действовала система неостывающих матрасов — один слезает с койки, другой на нее падает. Никто никогда не менял и не стирал грубые одеяла, потому в спальном помещении стояла ужасающая вонь.

Так начинался день... а заканчивался он, когда гасли огни. Между работой и сном, сном и работой мы ели кошмарную дрянь, со-

стряпанную кухонными робомужиками. Разговоров я почти не слышал, скорее всего по той причине, что говорить было совершенно не о чем. Только однажды мне для разнообразия дали поработать на самосвале, но это оказалось еще нуднее, чем на дробилке-черпалке. Я вывозил камень с карьера, сваливал и возвращался порожняком. Впрочем, во мне шевельнулось любопытство, когда я ехал в первый рейс — трясся в колее за другими нагруженными машинами. Однако не нашел ничего интересного в громадной металлической воронке, врытой в землю. Оставалось лишь гадать, куда девается ссыпаемый туда камень и зачем вообще он нужен. Может, под землей склад или транспортер? Вряд ли. На этой планете я очутился благодаря машине Слэйки, значит, вполне логично допустить, что добытый камень точно таким же образом переправляется в другую вселенную. Я размышлял об этом, но вскоре перестал под спудом однообразия и усталости. Должно быть, именно однообразие и усталость усыпили мою бдительность. Пока «фонари» Лэсча меняли цвет с черного на зеленый, я о нем начисто забыл. Но он не забыл обо мне.

За ужином, доедая остывшее kreno, я вдруг заметил странное выражение на лице человека, сидевшего напротив меня. У него отвисла челюсть и расширились зрачки. Рефлексы заставили меня отпрыгнуть, а везение спасло от трещины в черепе. Камень обрушился на плечо, парализовал руку и свалил меня со скамейки.

Взревев от боли, я откатился в сторону, вскочил на ноги и прислонился к стене, чтобы не свалиться в обморок. Левую кисть я сжал в кулак, но правая рука висела плетью. Я двигался влево, прижимаясь к стене, пока передо мной не образовалось свободное пространство. Лэсч преследовал меня, угрожающе подняв камень.

— Теперь ты покойник, — сообщил он.

У меня не было желания вступать с ним в дискуссию. Я смотрел в противные, налитые кровью глазки и ждал, когда он нападет. Он напал — и полетел ничком. Человек, сидевший напротив меня за столом, подставил ногу, а остальное доделал я. Взметнул колено к физиономии Лэсча. Он заорал и выронил камень, я подхватил его здоровой рукой и приготовился обрушить на череп.

— Если ты его убьешь или изувечишь и он не сможет работать, Бубо тебя прикончит.

Я выронил камень и довольствовался тем, что дал подлецу хорошего пинка по ребрам и врезал кулаком по нервному узлу. Это его на время успокоило.

— Спасибо, — сказал я. — За мной должок.

Мой спаситель был тощ, жилист и черняв. Не только волосы, но и лицо, и руки были черными от толстого слоя тавота. Я помассировал ушибленное правое плечо. Зудит. Хороший признак.

— Меня зовут Беркк.

— Джим.

— С дуговой сваркой знаком?

— Эксперт.

— Так я и думал. Я к тебе с первого дня присматриваюсь, ты умеешь за себя постоять. Пошли, навестим Бубо.

Наш суровый страж занимал отдельную комнату. Для такого места она выглядела поистине роскошной, в ней даже была электроплитка. Когда мы входили, Бубо как раз помешивал варево ядовито-оранжевого цвета в помятой кастрюльке. Но пахло оно недурно и, судя по всему, выгодно отличалось от гадости, которой нас кормили.

— Че надыть? — ощерился он. Видимо, его раздражала необходимость говорить членораздельно.

— Мне нужен помощник, чтобы завтра поднять девяносто первую. Ту, что со скалы сверзилась.

— З`щем?

— Затем, что я так говорю, вот зачем. В одиночку не справиться, а Джим варить умеет.

Бубо оставил стряпню в покое. Взгляд выпуклых красных глаз подозрительно ощупал Беркка, затем меня. На это ушла уйма времени. По всей видимости, мышление было столь же чуждо его натуре, как и речь. Наконец он хрюкнул и снова заработал ложкой.

Беркк направился к двери, я вышел следом за ним и спросил:

— Тебя не затруднит перевести?

— Поработаешь со мной в ремонтной мастерской.

— И все это — в одном «хрю»?

— Точно. Если бы он сказал «нет», мы бы ушли ни с чем.

— Ну что ж, спасибо.

— Не за что. Работа тяжелая, грязная. Пошли.

Он почесал нос черным пальцем, а затем на секунду прижал его к губам.

Помалкивать? Это мы запросто. Что-то тут явно крылось, и впервые с того дня, как я оказался на каторге, во мне шелохнулась надежда.

От логова Бубо коридор вел к большой запертой двери. Беркк сел и прислонился к стене спиной, я понял, что у него нет ключа. Я расположился рядом, и мы ждали в молчании, пока не вышел Бубо. Дожевывая последний хрящеватый кусок своей стряпни, он отворил дверь и запер ее за нами.

— Ну что, начнем? — предложил Беркк. — Надеюсь, ты не преувеличил насчет сварки?

— Я владею всеми слесарными инструментами, ремонтирую печатные схемы и вообще все на свете. Если у тебя сварочный аппарат неисправен, я починю.

— Ладно, посмотрим.

У девяносто первой была вмята боковая панель и вдобавок сломана ось. Работенка и впрямь выдалась трудная, я бы не отказался от нескольких роботов в помощь.

— Сейчас можно говорить, — произнес Беркк, лупя кувалдой по панели. — Я за тобой наблюдал. По-моему, ты не такой тупица, как все эти мускулистые увальни.

— По-моему, ты тоже.

Он криво улыбнулся.

— Ты не поверишь, но я доброволец. А все остальные... Кого подпоили, кого оглушили или еще что-нибудь в этом роде. Очухались они уже тут. А я клюнул на объявление в сети, требовался опытный механик. Зарплату предлагали невероятную, условия — прямо-таки санаторные. Ну я и отправился в контору, потолковал с профессором Слэйки, шлепнулся в обморок и очнулся здесь.

— «Здесь» — это где?

— Понятия не имею. А ты знаешь?

— Кое-что. Я знаком со Слэйки и знаю, что попасть сюда можно через рай. Только не надо на меня так глядеть, я сейчас объясню. Меня швырнули в яму, и я оказался в другой. Я имею в виду, в другой вселенной. Должно быть, и с тобой случилось что-то подобное.

Пока мы чинили машину, я рассказал ему о деятельности профессора Слэйки. Конечно, поначалу ему все это казалось несусветной чушью, но ничего другого не оставалось, как поверить. Ремонтируя, мы решили передохнуть, и он достал банку с жидкостью самого что ни на есть зловещего вида.

— Меня на кухню пускают роботов чинить, ну я и стибрил сырых kreno. Поэкспериментировал с кожицей разных овощей, получил приличные дрожжи. Подверг kreno брожению. Короче говоря, спирта достаточно, но пить невозможно. Правда, я эту бурду прогонял через пластмассовую спираль...

— Змеевик! Нагревание, испарение, охлаждение, конденсация — и вот перед нами напиток богов. — Я обрадованно взболтнул самогон.

— Я тебя предупредил. Со спиртом все в порядке, но вкус...

— Позволь мне самому оценить, — торопливо перебил я. Поднял банку, наклонил и жадно глотнул. — По-моему... — просипел я вмиг севшим голосом. — По-моему, это самая дрянная дрянь на свете, а уж дряни я на своем веку перепробовал...

— Спасибо. Дай-ка и мне глотнуть, если ты не против.

Потом банка снова вернулась в мои руки, но к этому времени ее содержимое не стало вкуснее. Зато уже подействовал этиловый спирт. Быть может, по большому счету мои муки не были напрасны.

— Ладно, кое-что и я могу добавить. Был тут у нас как-то говорливый парень, он сказал, что ремонтировал валы на камнедробилке. Там из камня делают порошок. Может, этот камень из нашего карьера?

— А для чего, он не сказал?

— Нет. Исчез на другой день. Слишком много болтал. А потому нам с тобой надо быть поосторожнее. Не знаю, кто его подслушал...

— Зато я знаю. Слэйки в одном из своих воплощений. Здесь он добывает породу и куда-то ее транспортирует. Потом дробит и отправляет порошок к женщинам, и те в нем что-то ищут.

— Что?

— Этого я не знаю. Но одно могу сказать с уверенностью: это очень дорогостоящее занятие. Требует уйму денег и рабочего времени.

— Пожалуй, ты прав. И разгадки мы здесь не найдем. Послушай, Джим, я хочу отсюда выбраться, и мне нужен помощник.

В моих ушах это звучало музыкой. Я схватил его за руку, а другой ладонью похлопал по спине.

— У тебя есть план?

— Всего-навсего идея. Мне не верится, что отсюда можно удрать тем же путем, каким мы сюда попали, через ту комнату с решетчатой дверью.

Я кивнул.

— Наверняка это дверь между вселенными, и швейцаром при ней сам Слэйки. Но что еще остается? Я тут осмотрелся и не знаю, как выбраться из карьера. Даже если выберемся, куда денемся? Может, эта планета — голая пустыня на краю вселенной?

— Совершенно с тобой согласен. Значит, остается только один путь. Ты уже догадался?

— Конечно. Порода ссыпается в воронку. Мы отправимся вместе с ней, и нас раздавит насмерть. Так?

— Не так. Я очень долго над этим думал и подготовил все необходимое. Но мне нужен помощник.

— Я твой помощник, — сказал я. Правда, уже не так решительно.

— Ну, тогда за работу. — Он с трудом поднялся на ноги. — Сначала надо закончить ремонт.

Работа нас протрезвила, и в тот день мы больше не разговаривали. На зов электрического звонка явился Бубо, отворил ворота в карьер, которые отпирались только снаружи. Пока я дрожал и притоптывал, Беркк вывел из мастерской девяносто первую и оставил ее за воротами. Бубо снова клацнул замком и отпер дверь в барак. Он безжалостно обыскал нас, прежде чем пустил в тепло.

Техника в карьере успела изрядно поизноситься, и работы у нас было вдоволь. Но мы не спешили — меня не тянуло возвращаться в кабину дробилки-черпалки или на открытое всем ветрам сиденье самосвала. Беркк больше не заговаривал о побеге, а я не спрашивал — решил, что он сам обо всем расскажет, когда придет время. Мы вкалывали и спали, спали и вкалывали — так проходила жизнь. И скрашивали ее только кратковременные застолья с отвратительными яствами.

Пока мы не управились с ремонтом, Беркк ни словом не обмолвился о побеге. На следующий день мне предстояло сменить сварочный аппарат на баранку самосвала. Мы лежали бок о бок под днищем машины, один держал панель, другой стучал по ней кувалдой.

— Бубо говорит, у него на карьере людей не хватает, — сказал Беркк. — Он хочет, чтобы ты вернулся. Я его пытался уломать, но он больше не уламывается. Ты готов бежать?

Я не спросил куда. Я спросил когда.

— Сейчас. — Он повернул ко мне голову, и я понял, что ему не по себе. — Тебе приходилось убивать?

— А что, это важно?

— Еще бы. Придется обезоружить Бубо, а то и убить. Я не ахти какой боец...

— Зато я — «ахти». Я о нем позабочусь. И будем надеяться, не убью. А что потом?

— А потом погрузим в самосвал вот эти штуки и смоемся отсюда. — Он откинул брезент, и в тусклом свете лампы я увидел две продолговатые клетки, сваренные из металлических прутьев толщиной в палец. Формой и размерами они очень напоминали гробы. Беркк торопливо спрятал их под брезентом.

— Неужели это единственный способ? — спросил я.

— А ты можешь предложить другой?

— Но это же самоубийство.

— Все равно тут подохнем, если не сбежим.

Я набрал полные легкие воздуха, медленно его выпустил и сказал:

— Хорошо, попробуем. И чем скорее, тем лучше. Потому что мне не хочется раздумывать и подсчитывать наши шансы. Надеюсь, мы выберемся отсюда целыми и невредимыми, а не в виде порошка.

Глава 19

Больше в мастерской не оставалось поврежденных самосвалов. Мы тянули ремонт до последнего, насколько хватило смелости. Знали: когда он вернется в карьер, вместе с ним туда вернусь и я. Пока этого не случилось, необходимо бежать. Вместе. Одиночке эта задача не по силам.

Мы давно подготовились к побегу. Удерживала только боязнь оказаться перемолотыми вместе с камнями. Я поводил напильником по выступающей шляпке болта, отступил на шаг, чтобы полюбоваться на свою работу, а затем бросил инструмент на землю.

— Начинаем. Сейчас же.

Беркк постоял в нерешительности несколько мгновений, а затем хмуро кивнул. Я порылся в куче металлолома и ветоши и достал самодельную дубинку. Просунул руку в темляк и затолкал дубинку под рукав. Беркк смотрел на меня, я поднял большой палец и улыбнулся, как я надеялся, ободряюще.

Он повернулся и нажал на кнопку звонка. Однако наш надсмотрщик не спешил на вызов, должно быть, ему подвернулась срочная грязная работенка. Уходили минуты, я видел, как на лбу Беркка выступают капли пота, хотя в мастерской царила полярная стужа.

— Нажми-ка еще разок, — сказал я. — Может, не услышал.

Беркк нажал.

— Еще.

За моей спиной со скрежетом отворилась дверь, и я едва успел спрятать дубинку в рукаве.

— Ну че ты звонишь? Че звонишь-то?

— Закончили. — Беркк с лязганьем поднял тяжелый борт самосвала.

— Ну дык выводь.

Бубо вставил ключ в замочную скважину. Ворвался ледяной ветер. Бубо повернулся ко мне и сверкнул глазами.

— А ты пыдь отседа. Работать.

Он не сводил с меня глаз. Стоял спиной к машине и похлопывал биохлыстом по штанине.

— Конечно. Как скажешь, так и будет. — Хотелось орать на него, но я лишь улыбнулся с неискренним подобострастием.

Все шло не так, как мы задумывали. Он должен был смотреть на Беркка, а я — вырубить его, не дав пустить в ход биохлыст. За его спиной Беркк забирался на сиденье самосвала. Машина загудела, задрожала. А Бубо упорно таращился на меня. Потом шагнул вперед и скомандовал:

— Пыдь отседа! Кому грю?

И занес над головой биохлыст.

У самосвала надсадно взвыл, закашлялся и стих двигатель.

— Э, да тут вон что творится! — испуганно крикнул Беркк из кабины.

Уходили секунды, а мы оставались в прежних позах. Биохлыст угрожающе покачивался, надсмотрщик свирепо таращился на меня. Беркк сидел за баранкой и не знал, что предпринять. К счастью, мозги Бубо не могли удерживать одновременно две мысли. Когда в них наконец пробился смысл Беркковых слов, Бубо задрал голову.

— Ну че такое?

— А вот че. — С меня вдруг спало оцепенение. Я сделал один-единственный шаг вперед. Дубинка скользнула в ладонь, я размахнулся... и Бубо упал как подкошенный. Я снова занес дубинку, но он не двигался. Даже не шелохнулся, когда я вырвал из его руки биохлыст. — Начали! — скомандовал я, сдергивая брезент с клеток.

Беркк схватил первую и, кряхтя, перевалил через борт самосвала. Загодя приготовленными кусками проволоки я связал бесчувственного стража, затем притянул его руки к ногам. Когда очухается, сможет освободиться, но не сразу. А нас к тому времени уже и след простынет. Я засунул кляп и оттащил Бубо в угол, а Беркк погрузил вторую клетку. Я накинул на связанного брезент и выпрямился. Беркк уже распахнул ворота в карьер. Пока я забирался в кузов самосвала, он придерживал одну из створок.

— Есть там кто-нибудь? — крикнул я, когда он уселся за баранку.

— Грузовиков не видать. Ни одного. — Он снова завел двигатель, и я увидел, что у него дрожат руки. Мотор выл, но самосвал не трогался с места, и я понял, что мой товарищ потерял голову от страха. Но и это я предвидел.

— А ну-ка успокойся. Замри. Глубокий вдох. Вот так, а теперь поехали. И помни: как только выедем, надо будет затворить ворота.

Мы выехали за ворота и остановились. Беркк заглушил мотор и поставил машину на ручной тормоз. Мы медленно спустились на землю и затворили ворота.

— Готово, — сказал он, и мы полезли обратно.

Когда мы тряслись на темной дороге, я подтянулся на руках и бросил взгляд за борт. Впереди вокруг воронки горели огни, лязгали машины.

— Ты его... не убил? — крикнул Беркк.

— Какое там! Череп что твой камень. Но голова поболит.

— А нас тут уже не будет. Вон там самосвал разгружается.

— Только один?

— Да.

— Сбрось скорость, двигай в объезд. Подожди, пока не отъедет.

Беркк убавил газ, и машина загромыхала на ухабах. На нас упали лучи прожекторов, и я свалился на дно кузова. Через несколько минут мы остановились. Мотор умолк, но лучи не отрывались от черной громадины самосвала.

— Пошли! — крикнул Беркк и спрыгнул на землю.

Я спохватился, что все еще держу в руке биохлыст, швырнул его в воронку, и он исчез из виду. Клетки одна за другой перевалились через борт, я — следом. Пока мы действовали строго по плану, у нас не было времени задумываться над его заключительным этапом. Беркк встал на пологий край воронки, наклонился и схватил клетку, которую я уже толкал к нему. И тут я увидел, что он дрожит от макушки до ступней.

— Н-не... м-могу! — Он всхлипнул, сел и схватился за голову. А за его спиной вдруг вспыхнули фары приближающейся машины.

— Поздно отступать! — закричал я, откидывая крышку стальной клетки. — Залезай!

— Нет! — Он подался назад.

Я сжал кулак и ударил его в челюсть. Не ободрить хотел — успокоить. Получилось. Я уложил бесчувственное тело в клетку, но Беркк почти сразу очнулся, завопил благим матом, просунул руки между прутьями и вцепился в меня.

— Руки убери! — Я пинком столкнул клетку в воронку. Она загрохотала по металлическим листам и исчезла из виду.

Отлично. Молодец, Джим, ты хорошо позаботился о своем товарище. Ты хороший мальчик, а поэтому сейчас точно так же позаботишься и о себе.

Легко сказать, трудно сделать. Я поднял крышку и заглянул в клетку, точно в металлический гроб. Кто знает, сколько времени я так простоял, не в силах пойти на риск, которому с такой легкостью подверг своего напарника... Не в силах даже пошевелиться.

По мне скользнули лучи фар.

— Джим, не дрейфь! — Я упал в клетку, опустил крышку, щелкнул задвижкой. И с гримасой ужаса на лице, отбивая зубами барабанную дробь, схватился за край воронки. Рванул изо всех сил и полетел во мглу.

Шагая по жизни, люди многому учатся на своих и чужих ошибках. Но не все. Далеко не все. На своем веку я совершил великое множество в высшей степени идиотских и неоправданно рискованных поступков. Но вряд ли горький опыт меня чему-нибудь научил.

Клетка лязгала и громыхала, а я, держась внутри за скобы, ругался во весь голос. Затем лязганье и громыхание прекратились, и началось свободное падение. Я стиснул зубы, вытаращил глаза, упершись коленями и ступнями в прутья и стал ждать неминуемого приземления.

Возникли уже привычные ощущения, а затем внизу появился красный свет. Он становился ярче и ярче. Я падал в топку.

Меня объял ужас. Сердце забилось, как молот. Я понял: это конец.

Клетка упала рядом с вершиной горы, подскочила, снова ударилась и заскользила вниз. Невыносимая боль пронзила все мое тело. Отступила на миг и опять вспыхнула — на этот раз в боку. Острый камень застрял между прутьями. Треск, лязганье, грохот и наконец — последний тяжкий удар.

Надо было двигаться, но я не мог. Вот-вот обрушится камнепад, раздавит и похоронит, если я сейчас же не выберусь из клетки. Дрожащими пальцами я потянул задвижку. Она не тронулась с места — прогнулась от удара. Меня выручил страх. Я прижал к задвижке обе ладони, налег изо всех сил и выпрямил ее. И услышал грохот лавины над головой.

Я откинул крышку и вывалился из клетки. А вокруг сыпались камни. Один рикошетом ударил по ноге. Я пополз на четвереньках и вдруг заметил, что подо мною шевелятся булыжники. Они уносили меня прочь от груды. Тусклого красного света хватило, чтобы разглядеть широкую движущуюся ленту, она потащила меня — неведомо куда. Вряд ли меня там ждет теплый прием. Спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, я добрался до края транспортера и свалился на твердую землю.

— Беркк! — закричал я. Где же он, черт бы его побрал? На транспортере его нет. Может, его клетка упала по ту сторону груды?

Ушибленная нога не слушалась. В боку засела мучительная боль. Я упал, затем поднялся и пошел. Чтобы утвердиться на ногах в оче-

редной раз, я схватился не за камень, а за прут из легированной стали. Металл? Я отвалил несколько камней от полупогребенной клетки и увидел лицо Беркка. Бледное, неподвижное. Мертв? Выяснять не было времени, вокруг клетки зашевелились камни. Я откатил еще несколько булыжников и откинул крышку, которую совсем недавно закрыл своими руками. Чистое везение, что она оказалась наверху. Случись иначе, Беркк неизбежно погиб бы, у меня бы не хватило сил перевернуть клетку.

Мне даже не удалось вытащить его. Я просунул руки ему под мышки, потянул вверх. Ничего не выходит. Он слишком тяжелый и вдобавок, кажется, застрял. Я снова рванул, и он снова не шелохнулся. Придется его бросить, иначе оба попадем в камнедробилку. И тут я почувствовал, что он слабо шевелится.

— Беркк, жалкий ты ублюдок! — закричал я ему в ухо. — А ну вставай! Вставай, или тебе конец! Вставай!

И он встал. Я тянул его к себе, он протискивался между вогнутыми прутьями, сдавившими его с боков. Наконец он вырвался из клетки и упал на меня. А потом мы ползли на четвереньках — ни на что другое не хватало сил. Ползли, пока не оставили позади последний камень. И рухнули на землю.

В рубиновом свете его кровь казалась черной. А ее на бледном и грязном лице было немало. Одежда была изорвана, на теле — множество ссадин. Но он остался в живых. Мы оба остались в живых.

— Я что, не лучше твоего выгляжу? — прохрипел я и надсадно закашлялся.

— Хуже, — только и сумел выговорить он.

Я поднял голову и взглянул на каменную пирамиду, едва не ставшую нашей усыпальницей. Она казалась огромной — настоящая гора. У нас был один шанс из тысячи уцелеть, и мы его не упустили.

А еще мы сбежали с каторги.

— Давай больше не будем играть в такие игры, — вымолвил я под нажимом вполне объяснимых чувств.

— Так ведь и не придется, потому что... мы это сделали. Драпанули с копей. И никогда туда не вернемся.

Глава 20

Я осторожно дотронулся до ребер и вскрикнул.

— Болят. Может быть, даже сломаны. Но об этом придется забыть, все равно сейчас ничего не сделаем. А ты как?

Беркк медленно поднялся на ноги и сразу припал на ушибленную.

— То же самое. Кажется, мне от каждого из всех этих камней досталось. Ты уж прости, что я голову от страха потерял.

— Ничего, с кем не бывает.

— С тобой. Ты меня засунул в клетку и бросил в воронку и сам отправился следом.

— Будем считать, что у меня в таких делах больше опыта. И не кори себя понапрасну. Сейчас другое важно. Что делать будем?

— Что скажешь, то и сделаем. Ты мне жизнь спас, я перед тобой в долгу.

— А ты мне жизнь спас, когда подножку дал жлобу, который хотел мне вышибить мозги. Так что квиты. Идет?

— Идет. Но все-таки лучше ты решай, как нам теперь быть. Я ведь только клетки придумал, а ты — весь план.

Я огляделся.

— Попытаемся выяснить, где мы, и попробуем это сделать незаметно. Хватит на сегодня приключений.

Мы шагали вдоль транспортера и всматривались в багровую мглу. Впереди нарастал грохот. Мы прошли мимо сияющей ямы, я в нее заглянул. Свет шел со дна. Я бросил камень, он поднял брызги, а затем медленно исчез из виду. Очередная загадка. Но в тот момент загадки нас мало интересовали.

— Впереди свет, — сказал Беркк. И не обманул меня. Огни были белые — наверное, для разнообразия. И они горели по нашу сторону грохочущей ленты.

— Мы не на той стороне. Я бы предпочел идти в темноте. Как думаешь, сможем перелезть через эту штуковину?

— Веди.

Превозмогая боль, мы очень медленно залезли на транспортер, а дальше продвигаться было легче, лента ползла не очень быстро. Мы оступались, спотыкались о камни и наконец спрыгнули на другой стороне. А дальше шли согнувшись, прячась в тени, стараясь не наступать на упавшие с ленты булыжники. Грохот все нарастал. Мы добрались до конца транспортера, и я нисколько не удивился. Увидишь одну камнедробилку — считай, что видел все. Камни сыпались с ленты в широкий раструб, множество спаренных металлических валов последовательно дробили их на все меньшие фракции, до тончайшего порошка, который я видел на сортировочных столах. Валы были заключены в стальном кожухе, который исчезал из виду внизу, в огромной шахте. На стенах шахты горели прожектора. Мы нагнулись, приблизились и глянули вниз. Беркк показал.

— Лестница. Похоже, до самого дна.

Я вытянул шею, повертел головой и кивнул.

— Там лестничные площадки для ремонта дробилки. И вроде бы пульт управления на самом дне.

— Видишь кого-нибудь?

— Нет, но все-таки зря рисковать не стоит. Я спущусь погляжу...

— Не пойдет. Куда ты, туда и я. Мы же вместе в этом деле.

Он, конечно, был прав. Пока не имело смысла расставаться.

— Хорошо, но я иду первым. Прикрывай мне тыл. Готов?

— Нет, — признался он со стыдливой улыбкой. — И вряд ли когда-нибудь буду. Но тут уже ничего не поделашь. Давай считать, что я готов, и пошли.

Толковый парень. Я двинулся вниз по лестнице, держась ближе к стене. Когда добрался до первой площадки, жестом разрешил ему спускаться. И подождал в тени огромного, помятого, растрескан-ного вала. Когда Беркк спустился, я показал на толстый слой пыли, который покрывал ступеньки.

— Видишь? — крикнул я, перекрывая вой валов и треск камней.

— Да. Нет следов, кроме наших.

— А пыль толщиною в добрый сантиметр. По этой лестнице давным-давно никто не ходил. Но вполне возможно, нас поджидают внизу.

Мы оставляли за собой площадку за площадкой, а грохот все нарастал, и вскоре мне стало казаться, что мои мозги вот-вот рассыплются. Я остановился. До дна шахты было рукой подать, я видел скопление пультов. Поманив к себе Беркка, я показал ему на пульты, и он кивнул. В таком оглушительном шуме мы не слышали друг друга, приходилось изъясняться с помощью жестов. Но мы отчетливо видели на дне шахты следы ног. Напротив лестницы следы тянулись вдоль огромной трубы, которая исчезала в стене рядом с тяжелой металлической дверью.

Я показал на дверь, а затем торжествующе вскинул кулак.

— Бежим отсюда, пока у меня череп не растрескался.

Я опустил руку. Дубинка выскользнула из кармашка в рукаве и съехала в ладонь. Я подкрался к двери, коснулся штурвала замка и подозвал Беркка. Он ухватился за штурвал обеими руками, налег изо всех сил. На шее натянулись сухожилия, на висках вспухли вены.

Ничего не произошло. Я подергал его за рукав, а когда он обернулся, жестом предложил крутить штурвал в другую сторону, по часовой стрелке.

Идея оказалась удачной. Штурвал повернулся, а когда я навалился на дверь — тяжелую, прочную, — она поддалась. Я заглянул в щель и увидел тесную комнату с металлическими стенами. Мы распахнули дверь. Ни души. В противоположной стене — другая дверь. Мы затворили и заперли первую, и грохот тотчас превратился в далекий слабый рокот.

— Похоже на воздушный шлюз, — произнес Беркк. Я едва расслышал — в ушах звенело.

— Тогда уж на звуковой.

Сверху доносилось дребезжание. Я поднял голову и увидел толстую трубу, пересекавшую комнату под потолком. Это она дребезжала.

— Попробуем и эту дверь отпереть? — осведомился Беркк.

— Секундочку... только молот в башке утихнет.

В комнате было неинтересно. Стены голые, на потолке — одинокая лампочка рядом с трубой, на полу — цепочка следов от двери

к двери. Она заканчивалась на резиновом коврике. Я вытер о него ноги.

— По ту сторону должно быть что-то поприличнее. Пол в чистоте держат...

Я скомкал фразу. Передо мной начал поворачиваться штурвал.

— К двери! — прошептал я и прижался к стене.

Если там один человек, я с ним легко справлюсь. Если несколько, будет труднее. Дверь отворилась. Я напрягся, поднял оружие. Появился металлический сапог, затем металлическое колено. Я опустил дубинку. Робот вошел и, не обращая на нас внимания, повернулся и запер дверь. На его сияющем затылке виднелась номерная пластинка, мне удалось прочитать: «Компробот 707».

— Отлично! Это всего-навсего ходячий измерительный прибор. Тебе доводилось с такими встречаться?

Беркк кивнул, улыбаясь.

— У самого штук пятнадцать было на сборочной площадке, когда я работал мастером. На что запрограммируешь, то и сделают, а сами ни черта не соображают. Этот малыш даже не догадывается, что мы рядом.

Робот отворил дверь в шахту. Ворвался грохот, мы закрыли уши. Дверь лязгнула, и снова стало терпимо.

— Ну так как, поглядим, что на той стороне? — Я повернул штурвал и приотворил дверь. Коридор, никого не видать. Я отворил дверь шире, шагнул через порог.

— Э, ты ведь не собираешься меня тут бросить? — тревожно прозвучало за спиной.

— Совсем ненадолго. Надо разведать, что к чему.

Я вышел в длинный, хорошо освещенный коридор. Огляделся. Под самым потолком — труба, несколько дверей в боковых стенах, еще одна — в противоположной. В любой момент она могла отвориться. Я поспешил к ближайшей боковой, нажал на ручку. Не заперто. Я глубоко вздохнул, взял дубинку на изготовку и отворил.

Склад. Стеллажи и ящики, как раз то, что нужно. Я поспешил обратно к Беркку.

— Выходим. Там склад, в нем можно спрятаться.

Затворив дверь склада, я сполз по ней на пол. Беркк последовал моему примеру.

— Что дальше? — нетерпеливо спросил он. Похоже, возомнил, что я знаю ответы на все вопросы. Эх, если бы!

— Отдыхаем. И планируем. Впрочем, с планами погодим. Мы ничего не сможем предпринять, пока не выясним, где находимся. — Я умолк — больше сказать было нечего. В голове царила неразбериха, все эти падения, кувыркания и ушибы не пошли мне на пользу. — Ты отдыхай, — предложил я, с великими мучениями поднимаясь на ноги, — а я загляну в соседние комнаты, выясню, что удастся. Скоро вернусь.

Три первые комнаты оказались на редкость неинтересны. Ящики с шарикоподшипниками, компьютерные панели, мили прово-

дов. Ни съесть, ни выпить, ни в дело пустить. Но в четвертом помещении я нашел бесценный клад и бегом вернулся к Беркку.

— Все боковые двери ведут на склады, но только в одном, кроме колесиков, я нашел аптечку. А еще там есть душ и одежда, и вдобавок какая-то добрая душа оставила бутылочку медицинского коньяку.

Мы распили целительный бальзам, а затем приступили к помывке и перевязке. Судя по всему, мы очень легко отделались. Когда я вышел из-под душа, с головы до ног испятнанный лейкопластырем, наступило время подумать о будущем.

— Ты отдохни, поспи, если сможешь, а я — на рекогносцировку.

— Это что, медицинская процедура?

— Нет. Совсем забыл, ты же штатский. Это военный термин, я его в армии узнал. Рекогносцировка — это разведка в районе предстоящих боевых действий. Рисковать я не буду, вернусь, как только смогу. Лучше этим заниматься в одиночку, так что не спорь.

— Удачи, — сказал он.

— Не верю я в удачу, предпочитаю ковать ее собственными руками, — солгал я, чтобы поднять его (а может, и собственный) боевой дух, и вышел.

Дверь в конце коридора вела в очень просторное помещение. До его центра доходила толстая труба, затем изгибалась и исчезала под полом. Мне эта комната совсем не понравилась, я долго смотрел в щель между дверью и косяком на ряды консолей и стулья. Где есть стулья, там обычно бывают люди. На консолях мерцали лампочки, издали доносился гул моторов. Похоже, сейчас тут никого, но долго ли это продлится?

Я не заметил ни малейшего движения, никто не входил и не выходил. Я не видел проку в ожидании, но все-таки еще немного понянчился с дурными предчувствиями. Наконец отворил дверь шире и бесшумно двинулся между консолями, стараясь при этом ничего не упустить из виду. Через дверь со свободно ходящими створками я вошел в еще более просторную и ярче освещенную комнату. Ни души. Это казалось невероятным. Я крался и гадал, долго ли еще меня будет баловать удача, пока не приблизился к двери с круглым оконцем. Посмотрел в оконце и сглотнул. Автоматизированная кухня. Ее ни с чем невозможно спутать. Я вошел, тихо притворил за собой дверь и нажал на кнопку. Кофеиновый напиток — как раз то, о чем я давно мечтаю и что мне сейчас позарез необходимо. М-м-м, какое блаженство...

Я торопливо осушил две чашки, понажимал на клавиши, и автоматика отправила в микроволновую печь замороженные котвич и песбургер. Я жевал и озирался по сторонам. Жевал усерднее, чем озирался. Я вдруг вспомнил о Беркке, но под напором сытости жалость к нему исчезла. Пускай отдохнет, поспит, а я ему принесу еды, в крайнем случае, самого сюда приведу.

Вскоре живот округлился и довольно заурчал. Я решил еще немного разведать, а потом вернуться к напарнику. За поворотом я увидел кое-что интересное. Между неровными бетонными стенами вниз уходила лестница. Я вспомнил трубу, по которой перемещался каменный порошок. Напрашивался вывод, что место его назначения внизу. Взглянуть? А почему бы и нет? Желудок полон, по кровеносной системе циркулирует кофеин, и вдобавок я очень и очень любопытен.

Я спустился по ступенькам в широкий коридор, он изгибался вправо и влево и терялся из виду. Передо мной висела толстая труба, но не такая, как наверху. Эта была значительно шире, из полированного металла. Стены здесь были еще шершавее, чем в лестничной шахте, из-под штукатурки там и сям выпирала скала. Гирляндами свисали тяжелые электрические кабели, металлическая труба была испещрена всевозможными электронными устройствами. Я не мог взять в толк, что это за сооружение. Прошел немного вдоль трубы — она плавно изгибалась вместе с туннелем. Если и дальше буду так идти, вполне вероятно, опишу огромный круг и вернусь к лестнице.

Кольцеобразный туннель, пронизанный металлической кишкой... Это казалось знакомым.

Впереди раздался звук шагов. Пора возвращаться. И снова — тишина. Уходи, Джим. Уходи, пока цел.

Любой здравомыслящий человек на моем месте поспешно и бесшумно ретировался бы, а любопытство приберег для более подходящего случая. А я всегда считал себя здравомыслящим. Почему же я снимаю тяжелые рабочие ботинки и заталкиваю за пазуху? Почему я крадусь на цыпочках и заглядываю за поворот?

Я застыл как вкопанный на одной ноге. В считанных метрах от меня профессор Джастин Слэйки смотрел в окошко на боку огромной трубы.

Глава 21

В тот же миг я отпрянул. И подумал, что он не может не слышать барабанную дробь моего сердца, эхом разносящуюся по коридору. А вдруг он меня заметил? Я выждал секунду-другую, но не услышал погони и двинулся обратно так же бесшумно, как и пришел, и тут за моей спиной зазвучали шаги. Оставалось только бежать. Если я чуть-чуть задержусь или он прибавит шагу, я не успею дойти незамеченным до выхода из кольцевого туннеля. Или если я нашумлю. Или если... Слишком много «если».

Впереди лестница, по которой я спустился. Подняться? Нет, она ведь не изогнута, как туннель. Когда Слэйки ступит на нижнюю ступеньку, я еще буду виден наверху. Вперед, только вперед.

И все-таки я не прошел мимо лестницы. Широкие бетонные ступеньки вели наверх, а под ними был темный закут. Рискнем. Я прыгнул и вжался в стену под ступеньками. Затаил дыхание. Но все равно казалось, я сопю, как разгоряченный свинобраз.

Шаги приближались. Что, если Слэйки свернет на лестницу? Он меня заметит. И даже если я накинусь на него и оглушу, меня это не спасет — остальные Слэйки узнают, что я здесь.

Топ-топ. Шаги все ближе. И вдруг они зазвучали над моей головой. Слэйки поднимался по лестнице. Но не заметил меня.

Когда затих последний «топ», я сполз по стенке на пол и надел ботинки.

«Ну, Джим, как тебе рекогносцировочка? Еще немного, и она бы оказалась последней в твоей жизни».

Потом я долго ждал. Гораздо дольше, чем сам считал необходимым. Когда же решил уходить, обнаружил, что от сидения на жестком полу затекли ягодицы.

Хрустя суставами, я осторожно двинулся вверх по лестнице. При этом так вертел головой, что скоро заболела шея. Снова побывал в большой лаборатории, невидимкой проскользнул на склад. И там ужасающий рык заставил меня отпрянуть. Но я тотчас успокоился и плотно затворил за собой дверь. Рычал Беркк. Точнее, храпел. От легкого прикосновения ботинка к ребрам он пришел в чувство.

— Сон на посту карается смертью, — сказал я.

На это ему крыть было нечем, и он мрачно кивнул.

— Прости, не хотел. Думал, смогу не заснуть. Не смог. Что ты узнал?

— Тут кормят и поят незваных гостей. О, я вижу на твоем лице неподдельный интерес. Нет, ты бы только посмотрел на себя! Сразу вскочил, ноздри раздуваются, сна ни в одном глазу. Ладно, пошли к кормушке, а по пути я тебе расскажу, что еще увидел.

В столовой мы не задержались. Запаслись едой и сразу вышли. Опасались, что у Слэйки вдруг появится аппетит.

— Мы с тобой едва не погорели. — Я слизнул с пальцев последние крошки. — Может, удача помогла, которой ты мне пожелал. Если так, спасибо.

— Не за что. Мы живы, еды и питья вдоволь, нас пока не ловят, и вдобавок ты слегка разведал дорогу. К тому же здесь гораздо лучше, чем на карьере. Для начала годится.

— Точно. Мы с тобой ступили на тернистый путь, но все-таки мы еще движемся. — Я стал загибать пальцы. — Во-первых, выбрались из каменоломни вместе с камнями. Во-вторых, выяснили, что подземная дробилка размалывает эти камни в порошок. В-третьих, — загнул я третий палец, — порошок переправляется по трубе, возле которой мы с тобой прячемся. И мы все еще под землей. Кое-кто не пожалел огромных трудов и непомерных затрат, чтобы пробить и оштукатурить кольцевой туннель и нашпиговать его очень сложной техникой. Зачем — этого я пока не знаю. А у тебя какие соображения?

— Ума не приложу. Я только одно знаю: нам лучше не высовываться из норы, точнее, из туннелей.

— Ты не прав. Конечно, мы тут отдохнем, малость отъедимся, но это не решит главной проблемы. Рано или поздно придется идти на риск. Сдается мне, перемолотый камень нужен кому-то для очень серьезного дела. Не стал бы Слэйки развлечения ради так с ним возиться. И я готов поспорить, в конце концов он попадает на столы к женщинам, о которых я тебе рассказывал.

— Да, помню. Ты там побывал как раз перед тем, как тебя отправили на карьер.

Я кивнул и как следует напряг память.

— Мимо столов мы прошли к лестнице, по ней — в комнату, откуда я перенесся в раздевалку на карьере. А ты попал в раздевалку прямо с другой планеты.

Он кивнул.

— Это означает, что машина пространства-времени настроена на ту раздевалку. Но... — У меня заболела голова, но я упорно рассуждал: — Но я попал в цех со столами через дырку в раю...

Тут мой разум вдруг опалила догадка, и я, взбодренный, даже окрыленный, вскочил на ноги.

— Подумай! Нас обоих машина перенесла в комнату на холодной планете с карьером. Потом вместе с камнями мы полетели в шахту. Никаких сомнений, мы попали в поле действия еще одной машины. Вполне возможно, мы сейчас под самим раем, и вся эта сложная операция заканчивается здесь.

Он глядел на меня стеклянными глазами. Не успевал за моими рассуждениями.

— Думай! — приказал я. — Рай — это штаб Слэйки. Чем бы он ни занимался, на что бы ни тратил миллиарды кредитов, — все это здесь начинается и здесь же заканчивается. — Я ткнул пальцем вверх. — Там, на поверхности, — рай. И профессор Койпу из Специального Корпуса знает, как туда попасть.

— Здорово. Но нам-то от этого какая выгода?

На меня вдруг нахлынула тоска, я съехал по стене на пол.

— Да никакой. Это я так, хватаюсь за соломинку.

На его лице отразилась тревога.

— Да? Если и впрямь все обстоит так, как ты обрисовал, то нам остается только идти следом за каменной пылью к тем столам. Раз ты туда попал, значит, оттуда и выбраться можно.

— Это не так просто.

— Почему?

В самом деле, почему? Назад мы повернуть не можем, значит, остается только вперед. Это наш единственный шанс.

— Ты прав. Пойдем.

— Сейчас?

Несколько секунд я раздумывал.

— Тут Слэйки. Он не спит. Бродит. И возможно, он не один. И в любую минуту кто-нибудь может прийти на склад. Куда ни кинь, всюду клин.

— Ты разве не устал?

Я подумал над этим и отрицательно покачал головой.

— Нисколечко. Наглотался кофеина, аж вибрирую. Так что идем.

Мы пошли. Пробегали по комнатам, точно мыши, пока не увидели кое-что обнадеживающее. Беркк показал, я кивнул. Из стены выныривала знакомая толстая труба и мирно шуршала над нашими головами. И через отверстие в противоположной стене уходила в соседнюю комнату.

Но это оказалась не комната, а пещера, вырубленная в монолитной скале. Освещение было тусклое, бетонный пол — в выбоинах и пыли. Но труба была здесь, только не висела под потолком, а лежала на полу.

— Шумит, — сказал, приложив к ней руку, Беркк. — Вибрирует. Что-то по ней идет, это точно.

— Вот и чудненько. — Только одно мне не нравилось — труба исчезала в неровной каменной стене. И в этой стене не то что двери — крошечной щелки не видно.

— Двери нет, — сказал Беркк.

— Должна быть!

— Почему? — спросил он с убийственной прямотой.

И правда, почему? Потому лишь, что до сих пор мы без особых проблем шли вдоль трубы?

— Подумай! — Это относилось не только к нему, но и ко мне. — Черный камень добывается с огромными затратами труда и денег, переносится сюда и с еще большими затратами измельчается в порошок. А тот подвергается обработке — что-то добавляется или извлекается. Затем порошок поступает... куда?

— В то место, о котором ты рассказывал. Где робот, женщины и столы. И куда мы можем попасть, хотя почему это место должно находиться рядом с трубой?

— Молодчина. Конечно, ты прав. Куда пойдем, налево или направо?

— Налево, — сказал он твердо. — Когда я был бойспраутом[1], мы всегда...

— Начинали с левой ноги. Убедил, идем налево.

За нами тускнели, удалялись огни. Мы шагали почти во мраке, вели руками по каменной стене, и это ничего не дало, кроме сломанных ногтей. Мы свернули за угол, а затем, спустя целую вечность, за другой. Потом впереди показались тусклые огни и знакомая труба. Пройдя по трем коридорам, мы оказались на прежнем месте.

— Может, надо было вправо идти? — бодро предположил мой спутник.

[1] Игра слов. Буквальный перевод: мальчик — брюссельская капуста.

Я не удостоил его откликом.

Мы дошли до стены, в которую упиралась труба, и повернули направо, во тьму. Беркк шествовал впереди и вел по скале обломанными ногтями.

— Ой! — воскликнул он.

— Что — «ой»?

— Костяшки ободрал. Тут что-то вроде дверного косяка.

Мы ощупали это «что-то», и оно оказалось дверным косяком. А еще мы обнаружили колесо очень знакомой формы. Мне оно оказалось не по силам, но вдвоем удалось его повернуть. Раздался противный скрежет.

— Давно... — прохрипел я, — не отпирали. И — р-раз!

Замок в последний раз протестующе скрипнул и сдался. Распахнув дверь, мы вошли в тесную комнату. На стенах еле-еле светили зеленые плафоны, но наши глаза давно привыкли к темноте и теперь вполне отчетливо увидели другую дверь в противоположной стене. Не со штурвалом, а с ручкой.

Беркк протянул руку и ощупал замок.

— Цифровой.

— Стой! — Я хлопнул его по запястью. — Дай-ка я сначала посмотрю.

Я моргал и водил головой из стороны в сторону, пытаясь разглядеть замок в тусклом свете.

— Ага, цифры вижу. Барабанный замок. Архаика, я такие в детстве отпирал.

— А с этим справишься?

— Может быть. А может и не быть, поскольку число возможных кодов — астрономическое. Но у нас есть серьезный шанс. Такой замок не запрется, если набрать предыдущий код. Об этом многие забывают.

«А многие не забывают». Но вслух я этой мысли не высказал, потому что сразу ее отогнал. Слишком уж она была муторной. Нет, я обязан справиться с этой дверью! Обратного пути у нас нет. Мне опять позарез нужна удача, очень уж многое поставлено на кон. Я вытер о рубашку вспотевшую ладонь, схватился за дверную ручку и потянул.

Дверь не шевельнулась. Но ручка легонько клацнула. Неужели поворачивается? Я налег изо всех сил.

И она повернулась. Дверь была не заперта. Я ее приотворил и заглянул в щель.

Глава 22

— Ну что видишь? — прошептал Беркк.

— Ничего. Темно.

И очень тихо. Я распахнул дверь настежь, и зеленые плафоны осветили неровный пол, заваленный всяким хламом. На стене

змеилась надпись светящейся краской: «Если ты сюда пришел, уходи скорее!» Похоже, тут и до нас кому-то очень не понравилось. На полу в изобилии валялись обломки пластика и пустые раздавленные контейнеры. И стояла неописуемая вонь.

— Фу! — сказал Беркк. — Здесь что-то сгнило.

— Тут везде такой запах. Я тебе говорил, так пахнет каменный порошок. Там, где я в самом начале очутился. В раю.

— Запашок не райский.

— Это потому, что рай на поверхности. Меня сюда принес робот со встроенным гравишютом, мы упали в яму и приземлились здесь. А рай наверху.

— Так всегда бывает.

— Идиот! Он на поверхности планеты. Это планета по имени Рай.

— Здорово. Но как нам туда подняться?

— Очень хороший вопрос. Но у меня пока нет ответа. Поэтому начнем с того, что уберемся с этой помойки. Смотри, вон там вроде свет пробивается. Притвори дверь, но неплотно. Вот так. И постой рядом с ней, а я пока взгляну.

Вертикальная щель в стене пропускала красный свет. Похоже, тонкие металлические плиты были пригнаны неплотно. Подойдя к ним и ощупав стык, я убедился в правильности своей догадки. И приник глазом к щели. Пустыня, светящиеся красным ямы, пламя, то и дело рвущееся из них. Вонь шла снаружи. Знакомая сцена. Отсюда начались мои мытарства в подземном мире.

— Беркк.

— Что?

— Поройся в мусоре. Нужно что-нибудь тонкое и прочное. Эта стенка — из листового металла, попробуем оторвать панель.

Осколок жесткого пластика согнулся и громко затрещал. Тогда мы прибегли к помощи кривого арматурного прута. Щель удалось расширить; мы просунули в нее пальцы и, проклиная острый край листа, потянули его на себя.

— А ну-ка, — сказал я, и мы рванули разом. Лист с треском отвалился, в стене появилась брешь, достаточно широкая, чтобы мы смогли пролезть... Из одной тюрьмы в другую. Я не поддался пораженческому настроению и огляделся.

Невдалеке — темный силуэт. Здание, понял я. В первый раз я его не заметил. Впрочем, я тогда ничего толком не разглядел.

— Ну что, посмотрим?

— А разве есть выбор?

Ответа не последовало. В пронизанной красными сполохами полутьме видно было не слишком далеко. Укрыться на равнине было негде. Но людей мы поблизости не заметили.

— Пошли.

Мы осторожно приблизились к темному силуэту — он и впрямь оказался зданием. Черные проемы в стенах походили на двери и окна без стекол и занавесок. Некоторые помещения были слабо освещены. Тишина, никого не видать. Я заглянул в окно и увидел ряды кроватей или топчанов, ни с чем другим их нельзя было спутать.

— Женщины, — прошептал я, показывая. — Они не могут работать без отдыха. Смотри, некоторые койки заняты.

— Ага. Мы на карьере тоже в две смены вкалывали.

Мы обогнули безмолвствующее здание и увидели столы. Они терялись из виду в красном далеке. Над ними сгибались женщины. Налетел мерзкий запах, его сопровождал шорох... прибыла новая партия каменного порошка.

— Хочу с ними поговорить, — сказал я. — Наверняка им кое-что известно об этом местечке, ведь они сюда тоже откуда-то попали. Значит, тут должен быть и выход.

Я двинулся вперед, но Беркк ухватил меня за руку.

— Куда без меня?

Мы подбежали к ближайшему столу и залегли в тени, у ног одной из работниц. Если она и заметила нас, то виду не подала.

— Ni estas amikoj, — сказал я. — Parolas Esperanto?

Сначала она не отвечала, даже не поворачивала головы. Только медленно водила руками по движущемуся слою порошка на столе. Потом спросила, не глядя на нас:

— Да. Кто вы и что здесь делаете?

— Друзья. Ты можешь рассказать об этом месте?

— Нечего рассказывать. Мы работаем. Ищем то, что надо искать. Когда находим достаточно, об этом узнает Он. Он всегда узнает. Он приходит, забирает, а потом мы едим и спим. И снова работаем. Вот и все. — Она умолкла, и вновь руки медленно задвигались.

— Кто это Он? Тот, кто заставляет вас работать?

Она повернулась и вытянула руку.

— Вон Он. Вон там.

Я приподнял голову и тотчас упал на пол и повалил Беркка.

— «Он» — это робот. Тот, что меня сюда притащил. Здешний черт, я тебе о нем рассказывал. Что будем делать?

— Что скажешь. — В его голосе звучал страх. И небеспричинно.

— Я могу сказать, чего не надо делать. Не надо допускать, чтобы нас видели. Иначе мы покойники. В лучшем случае вернемся на карьер к симпатяге Бубо.

Мы вжимались в тень и надеялись, что нас не заметят. Вдали между столами появился робот, рядом с ним, шаркая от усталости, шла женщина с опущенной головой. Они направлялись к зданию и прошли так близко от нас, что я хорошо разглядел на боку робота потеки ржавчины. Единственный светящийся глаз потух, как только они исчезли в дверном проеме. Я поднялся на ноги.

— Пошли. Как можно дальше от этого робоизверга.

Беркка уговаривать не пришлось, его стаж борьбы за выживание в чертогах Слэйки был побольше моего. Он даже опередил меня в этой смертельной гонке. Пока мы бежали, ни одна голова не повер-

нулась в нашу сторону. Женщины сосредоточенно разгребали порошок.

— Впереди какие-то огни, — крикнул Беркк. — Может, здание?

Я оглянулся и с перепугу припустил со всех ног. Нас заметили! И гонятся!

Когда я снова осмелился посмотреть назад, он был гораздо ближе. Робот бежал быстрее нас, стальные ноги работали, как поршни мотора. Нам не уйти...

Я повернул голову — как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна женщина бежит от стола нам наперерез. Она остановилась у меня на пути. Я попытался ее обогнуть, но она вытянула руки и схватила меня. Внезапный разворот, и я, бездыханный, лечу на землю.

В следующую секунду на меня рухнул Беркк. А робот был уже совсем рядом.

Но женщина его опередила. Прыгнула с разбегу, увенчала собой нашу кучу малу, и ее лицо оказалось как раз перед моим.

— А ты вовремя, — сказала Анжелина.

Глава 23

Тьма исчезла под натиском яркого света, я заморгал от рези в глазах. И почувствовал, как подо мной корчится Беркк. И тут мне открылось самое прекрасное зрелище во всей освоенной и неосвоенной вселенной. Перепачканное и улыбающееся лицо Анжелины. Я поднял голову и поцеловал ее в кончик носа.

— Гргль, — гргльнул Беркк, извиваясь ужом.

Я слегка сдвинулся, выпуская его, но все еще прижимался к теплому мускулистому телу Анжелины. Мы увлеченно целовались и при этом испытывали такое райское блаженство, какого никогда не познает рай, откуда мы только что вырвались.

— Когда закончите, поделитесь, пожалуйста, новостями, — сказал Койпу.

Знакомый тон. Мы неохотно выпустили друг друга из объятий и встали. И взялись за руки. За спиной Койпу я увидел очень знакомые приборы.

— Мы на главной базе Специального Корпуса, — сказал я.

— Совершенно верно. Когда ты не вернулся из рая в срок, мы перенесли сюда штаб операции. Слэйки — очень опасные люди. С тех пор, как мы здесь, они не дают нам покоя. То и дело пытаются прорваться. Но мы устояли, и теперь наша защита надежнее прежней.

— Ты, конечно, не откажешься выпить. — Анжелина свистнула робобару. — Охлажденная венерианская водка, две двойные порции.

— После тебя, дорогая. Познакомься с моим другом Беркком.

Он все еще сидел на полу с разинутым ртом и озирался по сторонам. Робобар протянул ему бокал. Беркк вцепился в него мертвой хваткой. Мы воодушевленно забулькали.

— А теперь, профессор, извольте объяснить, — сказал я, отдавая робобару бокал, чтобы наполнил заново, — что делала в этом ужасном месте Анжелина и как ей удалось нас вернуть?

Едва профессор открыл рот, распахнулась дверь и ворвался Боливар (или Джеймс?), а за ним его брат. Сивилла отстала от них совсем чуть-чуть.

— Папа!

Мы долго и взволнованно обнимались, а потом засыпали робобар заказами, надо же было отметить мое благополучное возвращение. Затем мы поставили бокалы, а Беркк выронил свой. Наклонился за ним, да так и рухнул на пол. Я схватил его за запястье. Пульса почти не было!

— Врача! — выкрикнул я, а затем перевернул Беркка на спину и раскрыл ему рот — хотел убедиться, что дыхательные пути не засорены. Но тут меня не слишком вежливо отстранил упавший с потолка медробот. Он сунул Беркку в рот манипулятор, вытянул язык. В то же самое время другие манипуляторы прижали к коже Беркка диагност, взяли кровь на анализ, сунули под голову подушку и накрыли его одеялом. Еще один медробот вызвал по радио врача, и через несколько мгновений тот вбежал в комнату.

— Отойдите! — приказал он нам.

Медробот расстелил под Беркком металлическую сеть, поднял его на лебедке и осторожно укатил вместе с ним.

— Операционная готова, — сказал врач. — Похоже, у пациента небольшое кровоизлияние в мозг, скорее всего результат удара по черепу. Будем надеяться на скорое выздоровление. — Он поспешил вслед за медроботом, а Сивилла, крикнув: «Я посмотрю и вернусь», — побежала вдогонку. Боливар и Джеймс кинулись за ней. Они уже были неразлучны.

Похоже, у меня назревала семейная проблема, но в ту минуту не хотелось о ней думать. Происшествие слегка омрачило вечеринку, и некоторое время мы молча потягивали напитки. Перед тем как опустели бокалы, зазвонил телефон, и Койпу схватил трубку. Современная медицина действует быстро. Койпу выслушал, кивнул и улыбнулся.

— Спасибо, Сивилла. Операция прошла успешно, пациент вне опасности, необратимых изменений в мозгу нет. Беркк полежит под наркозом, пока не закончится лечение.

Мы сразу развеселились.

— Спасибо, профессор, — сказал я. — Проблема решена, теперь можно слегка успокоиться и поделиться новостями. Расскажите, как Анжелине удалось вызволить меня из ада в раю и как вообще она там оказалась. А затем попробуем разобраться во всей этой путанице. Профессор, мы вас слушаем.

— Если не возражаешь, начнем по порядку. С того, что ты не вернулся в назначенный срок. Я активировал твой межвселенностный активатор и получил ботинок. Без тебя. И пришел к неизбежному выводу, что мое устройство обнаружили. Следовательно, мне пришлось еще над ним поработать, чтобы в следующий раз его ни при каких обстоятельствах не смогли найти. Я сделал это очень быстро — у меня был мощный стимул...

— Я прижимала пистолет к его затылку, и мой палец дрожал на спусковом крючке, — обворожительно улыбаясь, пояснила Ажелина. — Джим, я решила отправиться к тебе на выручку, и мне требовалась машинка получше, чем это кустарное изделие, которое всучил тебе профессор.

— То была первая модель, — парировал Койпу. — Я значительно улучшил конструкцию и собрал три активатора различной степени необнаружимости.

— Первый я спрятала в складках ридикюля, — сказала Анжелина. — Второй — в руке, вот здесь. — Она потерла длинный белый шрам, едва заметный под грязными пятнами, и ухмыльнулась. — Слэйки пришлось повозиться, чтобы увидеть этого невидимку.

— Он еще за это поплатится, — проскрежетал я зубами. — Я до него доберусь!

— Нет, дорогой, ничего у тебя не получится. Я дала себе слово добраться раньше до этой его ипостаси. Конечно, он сразу нашел активатор в сумочке, а потом, — надо отметить, не без труда, — в моей руке. Но он был так доволен собой, что даже не заподозрил о третьем.

— А где он прятался? — спросил я.

— Там, где Слэйки не мог его найти. — Койпу гордо постучал пальцами по зубам. — Я знал, что обнаружить псевдоэлектроны невозможно. Предположил, что тебя подвела активность псевдоэлектронов в твердом веществе. Поэтому я вживил активатор в нервную систему Анжелины, и активность нервных клеток замаскировала активность активатора.

— Вы имеете в виду, что пристроили свою машинку прямо к ее нервам?

— Совершенно верно. Поскольку псевдоэлектроны двигались на псевдоскоростях, электромагнитное поле ее синапсов не интерферировало с ними. Цепь заканчивалась в ее мозгу.

— Поэтому, когда я подумала: «Летим», — мы все улетели. — Она бросила робобару пустой бокал, тот ловко поймал его щупальцем. — А сейчас я намерена смыть с себя райскую грязь, и тебе, Джим, советую сделать то же самое.

— Охотно. Только сначала я задам тебе один-единственный вопрос...

— С этим можно повременить.

Она ушла. Я свистнул роботу, тот поспешил ко мне с наполненным бокалом.

— Так ты наконец расскажешь, что там было?

— Вы отпустили ее одну к Слэйки, — упрекнул я. — Хоть и располагали всей мощью Корпуса!

— А еще пистолетом, приставленным к моей голове. Неужели ты всерьез считаешь, что я мог ее удержать?

— Могли бы хоть попытаться.

— Я и пытался. Так что ты там увидел?

Я устало опустился в кресло, пригубил напиток и поведал профессору обо всех своих неприятностях. О том, как низринулся из ада в чистилище и увидел там женщин за длинными столами. Как затем оказался на адской каторге. Профессор слегка выпучил глаза, услышав о нашем бегстве в металлических клетках. Но глаза превратились в задумчивые щелочки, когда я описал лабораторию и загадочный кольцевой туннель.

— А потом мы вернулись в сортировочный цех, и там была моя драгоценная Анжелина, и она нас вытащила оттуда, а остальное вы и сами знаете.

— Так-так-так, — задумчиво проговорил Койпу. Он уже давно поднялся на ноги и возбужденно расхаживал взад-вперед. — Теперь нам известно, что он делает и как он это делает. Мы только не знаем, для чего он это делает.

— Профессор, может, вы что-то знаете, но кое-кто из нас по-прежнему блуждает во мраке.

— Но ведь это так очевидно! — Он остановился и назидательно поднял палец. — Мы уже знаем наверняка, что рай — центр всей его деятельности. И для нас совершенно не имеет значения, где добывается минерал. Потому что, по твоим словам, его переправляют в рай. Рабы мужского пола рубят породу, потом ее сбрасывают в воронку, универсальный дифференциатор переносит ее в рай, и там она тщательно измельчается и подвергается бомбардировке в циклотроне.

— В чем, в чем?

— В циклотроне. Это аппарат, который ты видел в кольцевом туннеле. Ты его очень убого описал, но я все равно догадался. Циклотрон — древнее и очень громоздкое лабораторное устройство, оно уже давно не применяется. В сущности, это очень большая труба, из которой выкачан воздух. В циклотрон закачиваются ионы и движутся по кругу, разгоняясь и удерживаясь на расстоянии от внутренней поверхности трубы благодаря электромагнитному полю. Развив невероятную скорость, ионы попадают в металлическую мишень.

— Зачем?

— Мой дорогой друг, как тебе удалось окончить школу, не изучив азов физики? Любой первокурсник тебе ответит, что при бомбардировке платины ионами получается элемент номер сто четыре, уннилквадий. Столь же очевидно, что если облучать изотопы свинца хромом, то получишь уннильсекстий.

— Это еще что такое?

— Трансурановый элемент. В каменном веке ядерной физики считалось, что химических элементов всего девяносто восемь, самый тяжелый из них — уран. Когда были открыты следующие, их назвали, как мы считаем, именами богов-хранителей. Например, кюрий — в честь бога медицины, который исцелял от болезней, что-нибудь в этом роде. После открытия менделевия, нобелия и лоуренсия элементы стали просто перечислять на древнем, давно забытом языке. Сто четвертый — уннильквадий, сто пятый — уннильквинтий и так далее. Слэйки создал новый элемент, я уверен, он стоит гораздо дальше в периодической таблице. Несомненно, он добывается в очень малых количествах и поступает из циклотрона вперемешку с исходным веществом. Обнаружить элемент с помощью техники невозможно, иначе Слэйки обязательно бы ею воспользовался. Зато его, очевидно, способны чувствовать женщины — не мужчины, а именно женщины. И об этом нам расскажет Анжелина.

— О чем я должна рассказать? — Моя супруга торжественно вошла в зеленой космической блузе, идеально шедшей к новому рыжевато-золотистому цвету волос.

— Что ты искала в каменном порошке вместе с теми женщинами?

— Понятия не имею.

— Тогда просто расскажи поподробней, чем вы там занимались.

— Сказать по правде, это было довольно интересно. Все крупинки выглядят совершенно одинаково, но некоторые, когда дотрагиваешься, медлительнее других... Нет, не совсем так. Вероятно, другие крупинки быстрее... Черт, словами не выразить. Но стоит один раз почувствовать, и уже никогда не забудешь.

— Энтропия, — уверенно сказал Койпу. — Любимый конек Слэйки. Я уже ничуть не сомневаюсь, что он добывает элемент с иной энтропией.

— Зачем? — Я был удивлен, изумлен и ошеломлен.

— Это мы и должны выяснить.

— Как?

— Ты найдешь способ. — Анжелина похлопала меня по руке. — Ты их всегда находишь.

Но едва она заметила мои грязные ногти, улыбка исчезла, а брови сдвинулись.

— А ну-ка, пойди и сожги это тряпье, — приказала она. — А потом отмойся добела. А потом еще раз вымойся.

Я охотно подчинился. Побитое тело уже явственно ощущало грязь, зуд ссадин и боль ушибов. Пока вонючие тряпки корчились в огне, я напустил в ванну жидкого мыла вперемешку с антисептиками, а затем со вздохом неимоверного облегчения погрузился в горячую воду и блаженную дремоту. А очнулся, когда в ноздри попала вода. Я закашлялся и выплюнул ее. Должно быть, заснул.

Я вытерся, припудрил синяки, потом на четвереньках перебрался в спальню, сонно заполз на кровать и позабыл обо всем на свете.

Перед обедом мы с Анжелиной, чтобы слегка расслабиться, пропустили по стаканчику. Близнецы с Сивиллой куда-то ушли, профессор хлопотал в лаборатории. Мы ненадолго остались наедине.

— Как посоветуешь разделаться со Слэйки? — спросил я.

— Самым грязным способом. И самым мучительным. Не скажу, что я его ненавижу до глубины души, просто он старая, толстая и противная крыса. Видел бы ты, как он хихикал, когда робохирург вырезал у меня из руки активатор. Правда, это было безболезненно, но все равно очень неприятно. Сразу после этого Слэйки утратил ко мне всякий интерес — я стала всего-навсего одной из его рабынь. Меня схватил жуткий одноглазый робот и утащил в сортировочный цех. Клянусь, я своими руками разделаюсь с этой ржавой железякой. Там одна женщина дала мне дотронуться до песчинки, а затем я сама приступила к работе. Но я, в отличие от всех этих бедняжек, знала, что в любой момент смогу вернуться, и мне было не очень страшно. А еще я знала, что ты при первой возможности сбежишь, и на долгое ожидание не настраивалась. Трудилась наравне со всеми, а потом увидела, как вы с приятелем удираете от робота. Ну и решила, что будет лучше, если мы вернемся вместе.

Ни слова жалобы! А ведь ей столько пришлось пережить ради меня! Мой ангел, моя Анжелина. Я не находил слов, чтобы выразить свою признательность, но несколько жарких поцелуев сделали слова излишними. Когда появился Койпу, мы оторвались друг от друга. Я заказал профессору его любимый коктейль, а Анжелина пошла заняться тем, чем занимаются все женщины, когда у них растрепана прическа.

— Профессор, можно вопрос?

— Да? — Он пригубил и с блаженством почмокал.

— Как вы совладали с той загвоздочкой? Помнится, вы говорили, что не можете переправить в другую вселенную исправную технику. Из-за этого нам, отправляясь в ад, пришлось вооружиться безотказной салями.

— Да, я помню, и поэтому сразу по вашему возвращении я приступил к устранению проблемы. Ее больше нет. Теперь энергетическая клетка защитит от воздействия переноса любой предмет, который ты захочешь переправить. А что, у тебя появилась идея?

— Так точно. Помните, как в аду мой сын Джеймс загипнотизировал старого дьявола Слэйки?

— Да, но, увы, толку от этого было мало. Он ведь совершенно ничего не соображал, да и времени у вас было мало.

— А если я доставлю сюда его или другого Слэйки?

— Тогда — никаких проблем. Тут у нас психологи высочайшей квалификации, с помощью компьютерных зондов они способны проникнуть на любой уровень его разума. Снимут блокировку с памяти, восстановят ее травмированные участки, доберутся до воспоминаний. Но ты же сам понимаешь, это всего лишь мечта. Он

слишком долго там прожил в аду и сразу умрет, если его перенести в другую среду.

— Я знаю. И предлагаю вовсе не это. Давайте-ка вернемся мыслями в наше богатое событиями прошлое. Помните войну во времени, когда едва не погиб Специальный Корпус?

— Какое там «едва»! — Койпу содрогнулся и хлебнул коктейля. — Ты одолел супостатов и возродил нас в реальности и настоящем. Такое не забывается.

— Ради друзей я готов на все. Но сейчас меня интересует фиксатор времени. Я имею в виду машину, которую вы создали, когда распадалась структура настоящего и исчезали люди. Вы мне сказали: «Пока человек помнит, кто он, атака из времени ему не страшна». Поэтому вы изобрели устройство, которое считывало воспоминания индивидуума и через каждые три миллисекунды перезаписывала их в его память.

— Конечно, я помню фиксатор времени, ведь это мое детище. На складах Корпуса их сейчас достаточно. А зачем он тебе?

— Терпение. Надеюсь, также вы помните, что я забрал с собой вашу память. Потом, возвратясь в прошлое, позволил вашей памяти завладеть моим телом, чтобы построить спираль времени, то есть машину времени, которую тоже изобрели вы.

У него округлились глаза, а сверхсообразительный разум одним прыжком добрался до вывода, к которому я приближался черепашьим шагом. Он широко улыбнулся, осушил бокал, вскочил и энергично пожал мне руку.

— Великолепно! Идея, достойная любой из моих! Мы переправим в ад фиксатор времени, подключим его к Слэйки и сделаем запись. Потом оставим там телесную оболочку Слэйки, но перенесем сюда его воспоминания.

Как раз в этот момент вошла Анжелина и услышала последние фразы.

— Если опять собрался скакать по вселенным, не надейся, что я отпущу тебя одного.

Прозвучало это беззлобно, но совершенно непререкаемо. Я открыл рот, чтобы возразить, но вовремя одумался и кивнул.

— Конечно. Прогуляемся по аду. Надень что-нибудь летнее.

— Только на этот раз без колбасы.

— Ну разумеется. То была чрезвычайная мера, и смею напомнить, она себя оправдала. Но на сей раз такие крайности ни к чему. Мы опять возьмем с собой космическую пехоту, но теперь уже хорошо вооруженную и экипированную. И под ее надежной защитой спокойно перепишем память краснокожего Слэйки.

— Никакой пехоты, — отрезала она. — Только под ногами путаться будет. Нет, мы с тобой поедем вдвоем на быстром и прочном танке-разведчике. Стремительной атакой подавим сопротивление старого черта и захватим его в плен, а после я пришибу любого, кто вздумает к нам приблизиться. Надеюсь, до ленча управимся. Завтра?

— Почему бы и нет? Сегодня меня ждут в больнице. Хотят залечить шрамы и ушибы, а заодно вправить сломанные ребра. Завтра утром будет в самый раз.

Насчет сломанных ребер я не преувеличивал. Как показало сканирование, я отделался всего двумя переломами, и о них вполне могла позаботиться микрооконная хирургия. Требовался такой крошечный разрез, что врачи не видели необходимости в общей анестезии. Но поскольку я всегда очень нервно воспринимаю любые проникновения в мой организм, врачи уступили и предоставили мне голографический монитор, точно такой же, как у оперирующего хирурга. Все, что со мной делали, я видел в превосходной цветной трехмерной проекции. Мягкая змейка залезла мне под кожу и ткнулась в ребро. Из кончика иглы сразу же посыпались субмикроскопические машинки. Они вцепились манипуляторами в края моих сломанных костей и плотно прижали их друг к другу. Загудели микромоторы, и ребра сошлись тютелька в тютельку. Чудненько. Пока не зарастут трещины, машинки побудут во мне.

Прямо с операционного стола я отправился в лабораторию, где ждали машина пространства-времени и Анжелина.

— Куда ты, туда и я, — сказала она.

Верная боевая подруга. Ей была очень к лицу черная униформа, усыпанная металлическими шипами и карабинчиками для гранат. А также черные ботфорты и тяжелые пистолеты в кобурах на бедрах.

— Очень стильно, — похвалил я и надел на спину ранец с фиксатором времени. — Что показала предстартовая проверка нашего стального коня?

— Все отлично. — Она похлопала по лобовой броне танка-разведчика. — Быстрый, крепкий, и огневая мощь вполне приличная. Для ада вполне достаточно. Как твои косточки?

— Лучше не бывает. Я превосходно себя чувствую и рвусь в бой.

— Ну что, поехали?

— Одну секундочку. Перед отъездом я хочу, чтобы профессор Койпу зарубил себе на носу: мы вовсе не собираемся обживаться в аду.

— Ну разумеется. — Койпу отступил от пульта, выглядел он при этом слегка раздраженно. — Не беспокойся, на сей раз с межвселенностным активатором проблем не возникнет.

— То же самое вы говорили, отправляя меня в рай. А я там едва не дал дуба!

— Теперь я подстраховался. Один активатор в корпусе вашего танка, другой — опять же у тебя в каблуке. А если все-таки придется туго, надо только покрепче обнять Анжелину...

— Это я всегда с удовольствием.

— ...и она вернется вместе с тобой.

— Благодарю, теперь мне намного спокойнее. — Я не кривил душой.

Я залез в танк и лязгнул крышкой люка. Анжелина завела двигатель, и я показал профессору большой палец. На экране коммуникатора его физиономия расплылась в виноватой ухмылке.

— Можешь заглушить мотор, — сказал он. — У нас тут маленькая проблема.

— Маленькая?

— Ну... точнее сказать, большая. Кажется, я не могу найти дорогу в ад.

— Что значит — «не можете найти»?

— Это и значит. Похоже, он исчез.

Глава 24

Анжелина заглушила мотор, а я поднял крышку люка. Слегка дрожа от волнения (срыв такой важной операции — дело нешуточное), мы затопали подкованными каблуками. Койпу сосредоточенно возился у пульта.

— *Почему вы говорите, что он исчез? — спросила рассерженная* Анжелина.

— Потому что он исчез. Не понимаю, что за чертовщина творится с этим адом.

— *Потеряли целую вселенную? Это еще ухитриться надо было.*

— Я ее не терял. Просто она не там, где должна быть.

— По-моему, это все равно, что потерять, — сказал я.

Он раздраженно скривил губы и снова защелкал клавишами и тумблерами. Но толку не добился.

— Прежний набор частот не соответствует нынешнему аду. Я уже несколько раз перепроверил. Похоже, там вообще нет вселенной.

— Уничтожена? — спросила Анжелина.

— Сомневаюсь. Гибель вселенной — очень долгий процесс, на много миллиардов лет.

— А рай на месте? — спросил я.

— Конечно. — Он покрутил верньеры, нажал на клавишу, крякнул и вытаращил глаза. Нашарил рукой кресло позади, рухнул в него. — Невероятно!

— Профессор, вы себя хорошо чувствуете? — спросила Анжелина.

Он не услышал. Его пальцы бегали по клавишам, экран стремительно заполнялся математическими формулами.

— Оставим его в покое, — сказал я жене. — Все равно только он один способен выяснить, что случилось. А мы пока отдохнем.

Мы отправились в бар, и я щелкнул пальцами, подзывая роб-официанта. Анжелина поморщилась.

— Не рановато ли зенки заливать?

— Ничего я не собираюсь заливать. Просто хочу утолить жажду одним-единственным бокалом пива. Составишь компанию?

— Только не в это время дня.

Я потягивал пиво и думал.

— Опять придется начинать все сначала. До поры до времени забудем о других вселенных. Когда ты исчезла с Луссуозо, мы с Боливаром и Джеймсом тщательно обыскивали все планеты подряд — вдруг Слэйки проворачивает где-нибудь аферу под другой личиной? Храма Вечной Истины мы не нашли, зато обнаружили Церковь Ищущих Путь на Вулканне. Проникли в нее, а что было дальше, ты знаешь.

— Знаю. Побывали в аду, на Стекле и в раю. И теперь застряли, и будем ждать, пока наш замечательный профессор не найдет кого-нибудь из Слэйки.

— Ждать не придется. — Я схватился за телефон. — Возможно, в ходе наших поисков мелькали следы других афер Слэйки. Давайка выясним, что удалось найти мальчикам.

Мне ответил Боливар, а может быть, Джеймс. Звуковым фоном ему служили радостный визг и плеск.

— Я что, нарушил заслуженный отдых?

— Просто решили провести денек на пляже. В чем дело, папа?

— Расскажу, когда вы будете здесь. Но сначала попробуй вспомнить: когда мы были на Луссуозо, нам не попадались на глаза следы других предприятий Слэйки?

— Даже не знаю. Мы там все бросили и улетели. Но помню, когда улетали, компьютер все еще работал. Мы с ним свяжемся. Как только получим распечатки, будем у тебя.

Профессор Койпу все еще бубнил свои формулы, Анжелина пила чай, а я подумывал о новом бокале пива. И тут появились мальчики.

— Новости? — спросил я.

— Прекрасные! — хором ответили они.

Я полистал распечатки и передал их Анжелине.

— Действительно, прекрасные новости. Несколько слабых следов, два-три довольно отчетливых...

— И один верный, — сказала Анжелина. Паства Блеющего Агнца. Прихожане — только женщины. И причем богатые женщины.

— А ты заметила название планеты?

— Еще бы! Клианда. Вы, мальчики, были тогда слишком малы, чтобы сохранить воспоминания об этой планете. Вы ее видели из детской коляски. Там были кое-какие проблемы, но мы с вашим папой все уладили. Как-нибудь расскажем на досуге. А пока вам достаточно знать, что Клианда — это планета-музей.

— Музей чего?

— Военщины, милитаризма, фашизма, джингоизма и тому подобной древней чепухи. В последний раз, когда мы были на Клианде, она едва сводила концы с концами. Но с тех пор, говорят, многое изменилось к лучшему — разумеется, благодаря деньгам туристов. Ну что, отправляемся на экскурсию?

Страдальческий стон заставил нас дружно повернуть головы. Профессор Койпу тонул в пучине горя.

— Все пропало, — снова простонал он. — Ничего не понимаю. Просто абсурд какой-то. Все сгинуло без следа — и рай, и ад.

Он выглядел таким несчастным, что Анжелина подошла и погладила его по руке.

— Ничего, профессор, все будет в порядке. Пока вы тут потели за уравнениями, мы раскрыли еще одно религиозное жульничество Слэйки. Осталось только хорошенько поработать над планом и разобраться наконец с этим мерзавцем. Не думаю, что мы можем себе позволить еще одну ошибку.

Мы все одобрительно закивали.

— Нельзя ли сделать новый темпоральный ингибитор? — спросил я.

— А твой куда подевался? — Койпу сразу воспрянул духом, он всегда так поступал при малейшем проблеске света в конце туннеля. — Ах да, ты же говорил, что на Стекле он не действовал. Ты его там оставил?

— Зашвырнул в океан. Кусок металла, что с него проку? Кстати, Слэйки там говорил, что наше оружие в его мирах бесполезно. Так и сказал «оружие», а не «темпоральный ингибитор». Выходит, он не подозревает, что для захвата его машины мы воспользовались ТИ.

— А коли дело обстоит так, я не понимаю, почему бы нам не объединить ТИ с фиксатором времени.

— Точно! Так мы и сделаем. И нанесем внезапный удар! Как раз во время проповеди, когда Слэйки наверняка будет в церкви. Заморозим все и вся, войдем, приставим к голове Слэйки ФВ и перепишем его память. Профессор, неужели это возможно?

— Конечно. Действие обоих устройств основано на одном принципе. Их можно соединить друг с другом и снабдить переключателем. Не нужен режим ТИ, включаешь ФВ. А через миллисекунду автоматически срабатывает обратное переключение.

Я потер ладони, предвкушая успех.

— Спокойненько войдем, выкачаем память и выйдем, а когда окажемся в безопасном месте, отключим хронозаморозку. Слэйки будет разливаться соловьем и даже не заподозрит, что мы скопировали его разум. Но нам понадобится машинка помощнее того ТИ, — чтобы удержала в стазисе уйму народу. И нейтрализующее поле пошире, чем то, рассчитанное на горстку агентов. А еще както надо отпереть двери, чтобы проникнуть в здание.

Профессор слушал меня с таким видом, будто я требовал от него сущих пустяков.

— Не предвижу осложнений. Ты получишь большой ТИ, испускаемое им поле будет формой и размерами точно соответствовать зданию, в которое ты захочешь проникнуть. Когда остановится время, никто не сможет ни войти, ни выйти. Никто, кроме тебя. Нейтрализующее поле твоего ТИ будет рассчитано на одного человека.

— Не пойдет, — сказала Анжелина. — Одного я его больше не отпущу. Ему обязательно потребуется помощь и прикрытие. Можно это устроить?

Мы задумывали небольшую семейную операцию, но Инскипп, везде понатыкавший «клопов» и «жучков», не дремал. Я подчинился высокому начальству и явился на ковер.

— Положа руку на сердце, неужели нам необходимо больше четырех человек?

— Положа руку на сердце, мне плевать, сколько агентов будут участвовать в этом деле. Меня беспокоит расцвет кумовства в наших рядах. Не забывай, ты агент Специального Корпуса, а значит, должен подчиняться правилам Специального Корпуса. А правила Специального Корпуса не предусматривают семейных операций.

— Зато они предусматривают использование темпоральных ингибиторов и фиксаторов времени в церквах. Где об этом сказано, в каком пункте?

— Когда я говорю «правила Специального Корпуса», я имею в виду мои правила. Ты возьмешь с собой специального агента, и он будет постоянно держать меня в курсе.

— Кого?

— Сивиллу. Я ее уже отправил на рекогносцировку.

— Согласен. Значит, вы нам даете зеленый свет?

— Да. — Он выпроводил меня царственным взмахом руки.

На борт крейсера мы поднялись только через неделю — этот срок потребовался на изготовление и проверку заказанной нами техники. Совершив путешествие в кривопространстве, мы расстались с военными на орбитальной станции и вместе с многочисленными пассажирами крейсера спустились на планету в челноке. Как и все они, мы были одеты по-курортному. Мы прилетели налегке (несколько мелких сувениров не заслуживали названия «багаж»), а оружие и снаряжение переправлялись дипломатической почтой. В память о добрых старых временах я снял самые роскошные номера в лучшем городском отеле «Злато-Злато».

— Почему мне знакомо это название? — спросила Анжелина. — Не в этой ли гостинице мы жили, когда тебя пытался убить тот нехороший серый человек?

— Совершенно верно. И в тот раз ты спасла мне жизнь.

— Воспоминания... — Она лучезарно улыбнулась. — Воспоминания...

В вестибюле нас встретил сам управляющий — высокий, красивый, с проседью на висках. Он поклонился и улыбнулся.

— Генерал, миссис диГриз и сыновья. Добро пожаловать на Клианду, здесь вам всегда рады.

— Остров? Ты ли это?

— Конечно, генерал. Теперь я владелец этого отеля.

— Надеюсь, среди гостей нет убийц?

— На этот раз нет. Не угодно ли посмотреть ваш номер?

В номере оказалась превосходная гостиная, за стеклянными стенами открывался прелестный пейзаж. Но Джеймс с Боливаром восторженно закричали при виде совершенно иной картинки.

— Сивилла!

Она ласково улыбнулась.

— Рекогносцировка узаконена? — Ужасно не хотелось портить им радость встречи, но дело — превыше всего.

— Все сведения здесь. — Она протянула мне атташе-кейс. — Завтра в одиннадцать утра — торжественная месса Паствы Блеющего Агнца.

— И мы на ней поблеем, если вовремя прибудет снаряжение.

— Уже прибыло. Огромный грузовик с черепами и скрещенными костями на бортах.

Анжелина предалась любимому занятию — проверке оружия, а я распаковал фиксатор времени, очень хитроумно замаскированный под типичное клиандское устройство охранной сигнализации. Он не привлечет внимания, когда мы его прикрепим к стене клуба голосистых овечек. И потом его снять будет невозможно — он застынет во времени вместе со зданием. Я выключил голоэкран и ввел в процессор ФВ все данные о форме и размере здания, которые собрала Сивилла.

— Готово, — удовлетворенно произнес я и пристегнул к поясу металлическую коробочку с темпоральным ингибитором и фиксатором времени. А затем нажал белую кнопку режима ФВ. Ничего не происходило, пока я не нажал красную кнопку ТИ. Моя семья и Сивилла превратились в статуи.

Я выключил ингибитор. Снова — звуки и движение. Все системы в порядке, можно не волноваться.

В тот вечер мы ужинали в ресторане, пили и танцевали, но спать отправились рано. А утром, сразу после одиннадцати, наша дружная компания продефилировала по Глупость-авеню. Достопримечательности радовали глаз, но еще больше его порадовала Анжелина, поджидавшая нас на углу. Проводок ее наушника тянулся к плейеру, точнее, усилителю подслушивающего устройства, замаскированному под плейер.

— Вон там, за тем оконным витражом, — едва заметно указала она, — молельный зал. От голоса Слэйки вибрирует стекло, и я отлично слышу его тошнотворные разглагольствования.

— Ну что ж, друзья мои, — сказал я, — пора начинать представление.

Взявшись за руки, мы бодро и весело двинулись через улицу. По пути Боливар отделился от нашей компании, вошел в переулок и поднес к стене здания пляжную сумку. Затем сдернул сумку, и на стене осталось красивое охранное устройство. Никто из прохожих и проезжих этого не заметил. Боливар догнал нас у парадного.

— Молодец, — похвалил его я.

Я включил ТИ. И ничего не случилось. Во всяком случае, ничего заметного. Но здание вместе со всем содержимым погрузилось в стазис. И выйдет из него через час, а может, и через год, но не раньше, чем я отключу машинку. Люди в этом доме ничего не почувствуют и не узнают. Только удивятся, если обнаружат, что их часы показывают одно и то же неверное время.

— Джеймс, отвори, пожалуйста, дверь.

Мы зашагали по вестибюлю, а позади нас поле ТИ заперло дверь надежнее любого засова. Теперь ее даже атомным взрывом не вышибить. Вот я какой могущественный.

— Вперед, — сказала Сивилла. — К высокой двустворчатой двери.

— К той, что голубыми овечками разрисована?

— Да.

За микросекунду рука Анжелины успела выхватить и снова вложить в кобуру пистолет. Моя жена явно искала неприятностей, и я надеялся, что не найдет.

Мальчики взялись за дверные ручки и по моему кивку рванули. Прямо перед нами стоял Слэйки и глядел на нас. Мы инстинктивно выхватили оружие — шесть стволов (Анжелина сразу два). Затем пистолеты медленно вернулись в кобуры.

— Остановись, мгновенье, ты прекрасно, — сказал я.

Слэйки и впрямь выглядел эффектно, хоть картину пиши. Рот разинут в порыве словоблудия, на лбу — крупные капли пота. Мы обошли толпу замороженных прихожан и поднялись по ступенькам за аналой.

— Милый, ты готов? — спросила Анжелина.

— Ну еще бы!

Она подняла руку и прижала к черепу Слэйки, сразу за ухом, контактный диск фиксатора времени. Кивнула, и я нажал на кнопку темпорального ингибитора.

Не произошло ничего зрелищного. Но на кратчайшую долю секунды поле ТИ отключилось, и изобретение гениального Койпу скопировало и заключило в своей памяти разум профессора Слэйки. Со всеми его знаниями и бредовыми идеями.

— Под завязку! — сказала Анжелина, глянув на шкалу памяти прибора.

— Ах ты, мошенник! — обратился я к Слэйки. — Ах ты, черт из райских кущ, ах ты, козлище среди Блеющих Агнцев! Наконец-то попался!

Глава 25

Я нервно грыз ноготь и ждал беды. До сих пор Слэйки постоянно нас опережал, еще ни один демарш против него не увенчался хотя бы пустяковым успехом. Лишь ценой героических усилий нам каждый раз удавалось избежать полной катастрофы в последнюю минуту. И я вовсе не испытывал уверенности, что теперь все пройдет гладко. Поэтому я не выпускал из рук ФВ, не забывал о нем ни на миг. Он лежал у меня на коленях, а я сидел в пассажирском кресле челнока, который вез нас на главную базу Специального Корпуса. Уже в сотый, нет, в тысячный раз я глянул на шкалу и слегка успокоился. Стрелка держалась на красной риске, а над риской виднелась надпись: «Полная загрузка». Ни один бит памяти профессора Слэйки не вырвался из этого крошечного узилища. Только бы дотянуть до базы!

В лаборатории нас с нетерпением дожидалась целая толпа. Там был даже Беркк, он уже вполне поправился и теперь наслаждался вполне заслуженным отдыхом. Как только мы вошли, гул голосов уступил напряженной тишине. Профессор Койпу нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Я торжественно приблизился и вручил ему ФВ.

— Он здесь?

— А то где же?

Он постучал по шкале пальцем.

— Похоже, разум скопирован целиком. Проверим. Но вот загвоздка: куда пересадить Слэйки из этого фиксатора?

— Может, в другой?

— Глупости. Пока он в машине, к нему не подступиться. Нужен человек. Заложник. Помнишь, Джим, как это было? Когда ты с помощью моего разума, моих воспоминаний строил машину времени?

— Да, я вам сдал напрокат мое серое вещество. И не скажу, что это было сплошное удовольствие. Помнится, вы еще рассказывали, что с огромным трудом заставили себя отключить ФВ, когда соорудили спираль времени. Ведь это было все равно, что с собой покончить.

— Совершенно верно. Нам нужен доброволец. Мы к нему подключим ФВ, и безумец завладеет его мозгом и телом. И разумеется, не захочет потом отпустить их за здорово живешь. Правда, не

слишком заманчивая перспектива? Теперь вы все сознаете риск. Так кто согласится на него пойти?

Наступила самая что ни на есть драматическая пауза. Все старательно прятали глаза. Я уже было совсем решился подать голос, чтобы опередить жену и сыновей. Но, как только я открыл рот, Беркк сказал:

— Профессор, считайте, что доброволец у вас есть. Правда, ребята, я вам по гроб жизни задолжал. И Джиму — за то, что от каторги спас, и Анжелине — за то, что из ада в раю вытащила. Иначе бы так и пропал заодно с другими бедолагами. Я не хочу видеть, как вы, или ваши сыновья, или Сивилла пустите к себе в мозги этого психа. Профессор Койпу, у меня к вам только один вопрос. Вы уверены, что потом сможете его выковырнуть и возвратить мне рассудок?

Койпу энергично закивал.

— Выковырну, не сомневайся. Если понадобится, вышибу нервным разрядом.

— Здорово. А что при этом будет со мной?

— Не волнуйся. Нервный разряд нейтрализует синапсы, полностью стирает воспоминания. Поэтому мы заранее скопируем твой разум с помощью фиксатора времени. Это несложная и хорошо отработанная процедура, не веришь мне, спроси у Джима. Что бы Слэйки ни вытворял, у тебя в конце концов все будут дома.

— Ну, тогда ладно. — Бледный как полотно (если не считать темных струпьев) Беркк медленно встал. — Только поскорее, профессор, пока я не раздумал.

Для Койпу слово «поскорее» всегда означало «молниеносно». Похоже, психобластер лежал у него на коленях. Он громко зажужжал, и у Беркка подкосились ноги. Мы с Анжелиной едва успели его подхватить.

Из стены выдвинулся длинный, обитый мягким медицинский стол. Мы аккуратно положили на него Беркка, и Койпу приступил к работе. Взял со стеллажа пустой ФВ, приложил диск к затылку Беркка. Щелкнул выключателем и удовлетворенно кивнул.

— Готово. Теперь этот смелый юноша некоторое время полежит на полке. Если Слэйки заартачится, я его «приласкаю» нервным разрядом и верну Беркку его психику. А теперь — к делу.

Он схватил и положил на пульт ФВ со Слэйки, подключил к его порту процессор, запустил программу тестирования. Затем отсоединил фиксатор времени и прижал контактный диск к голове Беркка.

— Погодите, — сказал я, и Койпу замер. — А не пристегнуть ли нам Беркка к столу, чтобы не поранился и нас не поранил?

— Нет причины для опасений. Все под надежным контролем электроники.

— Слэйки еще ни разу не бывал под нашим контролем. Давайте все-таки подстрахуемся, а то чем черт не шутит.

Койпу нажал несколько кнопок, из-под стола с гудением выползли обитые мягким захваты. Я зафиксировал их на лодыжках и

запястьях Беркка, затем нашел широкий пояс, перекинул через живот смельчака и кивнул Койпу. Он убрал контактный диск, понажимал на клавиши и передвинул микрофон ко рту.

— Вы спите. Спите очень крепко. Но вы меня слышите. Слышите мои слова. Вы не можете проснуться. Но вы меня слышите. Вы *меня слышите*?

Динамик пошуршал несколько секунд, затем испустил нечто наподобие вздоха. И мы с трудом разобрали ответ:

— Я вас слышу.

— Очень хорошо. — Койпу чуть повернул регулятор усилителя. — А теперь скажите, кто вы, как вас зовут.

Пауза затягивалась. Мы все сидели как на иголках. Наконец динамик снова прошелестел:

— Я профессор... Джастин Слэйки...

Кто нас упрекнет за дружное «ура!»? Мы победили!

Не совсем. Беркк, точнее его тело, корчилось и рвалось из оков. Он до крови прокусил губы, а затем открыл глаза.

— Что вы со мной делаете? Убить пытаетесь? Я вас первым убью!

Койпу снова пустил в ход психобластер, и Беркк обмяк.

По-видимому, профессор Джастин Слэйки не собирался легко сдаваться. Даже Джеймсу, гипнотизеру гораздо более опытному, чем Койпу, не удалось подчинить разум Слэйки. Стоило загипнотизировать одного, как тут же появлялся другой. Неистовые рывки и жуткие корчи не слишком благотворно сказывались на физическом здоровье Беркка, и я уже всерьез опасался, что он останется без губ.

— Похоже, не обойтись без помощи профессионала, — сказал Койпу. — Сюда направляется доктор Мастигофора, главный психосемантик в клинике Корпуса.

— Семи пядей во лбу?

— Угадал.

В лабораторию вошел высоколобый скелет, обвитый сухожилиями, обтянутый кожей и увенчанный пышной седой гривой.

— Я полагаю, это и есть пациент? — Он направил на Беркка длинный костлявый палец.

— Он самый, — ответил Койпу.

Мастигофора окинул нас яростным взором.

— Всем выйти. — Он раскрыл чемоданчик. — Единственное исключение — профессор Койпу.

— У пациента проблема чисто физического свойства, — объяснил я. — Он нам одолжил свое тело, но мы не хотим его повредить.

— Что, Койпу, опять фокусы с обменом разумов? В один прекрасный день ты зайдешь слишком далеко. — Он посмотрел на меня и ощерился. — Когда я говорю «выйти», это означает «выйти». — С этими словами он прыгнул ко мне, схватил за руку и довольно ловко ее выкрутил. Разумеется, я ему это позволил, не драться же с представителем такой гуманной профессии, как медицина. При всей своей худобе профессор Мастигофора был весьма ловок и силен, и я надеялся, что он в случае чего справится с телом Беркка. Как только он меня отпустил, я вышел следом за остальными.

Прошло много часов. Нами овладела зевота и мысли о сладком сне, и тут загудел коммуникатор. Мы с Анжелиной отправились в лабораторию.

— Невероятно, — стенал Мастигофора. — Невозможно удержать разум под контролем, невозможно снять блокировку, невозможно проникнуть в глубь психики! Да вы и сами видите, это же многоличностная сущность! Коллега мне объяснил, что профессору Слэйки каким-то неизвестным образом удалось наделать себе двойников. Их мозг... или правильнее будет сказать — мозги? Их разумы постоянно находятся в контакте друг с другом. Это похоже на сущий свинобразий бред! Но я это вижу воочию! И ничего не могу сделать! Ровным счетом ничего!

— Ровным счетом ничего, — эхом вторил ему Койпу.

— Ничего? — заорал я. — Вранье! Безвыходных положений не бывает!

— Бывает, — хором возразили они.

— Кое-что я могу предложить. — Во всех жизненных передрягах моя Анжелина оставалась практичной и здравомыслящей. — Давайте пока забудем о Слэйки и займемся машиной пространства-времени. Что, если удастся опять привести ее в действие?

Койпу отрицательно покачал головой. Он был мрачнее тучи.

— Пока доктор Мастигофора сушил себе мозги, я снова занялся этой проблемой. Даже освободил центральный компьютер главной базы Специального Корпуса от всех остальных задач. На всякий случай напоминаю: это самый большой, быстродействующий и мощный компьютер в истории человечества. — Койпу повернулся к видеоэкрану и поднял руку. — Видите, вон там спутник? Он почти втрое больше этой базы. Так вот, это не просто спутник, а компьютер, и сейчас он корпит над одной-единственной задачей. Я ему предоставил эквивалент одного миллиона лет компьютерного времени.

— И?

— Он рассмотрел вопрос со всех без исключения сторон, но всякий раз приходил к одному и тому же выводу. Частоты излучения вселенных, на которые настроена машина, измениться не могли.

— Но это случилось? — спросил я.

— Очевидно.

— А мне ничего не очевидно! — Я очень устал, терпение иссякло, и все это нытье, все эти мрачные взгляды и вздохи здорово действовали на нервы. Я вскочил, подошел к блестящему стальному пульту, посмотрел на мигающие лампочки и змеящиеся диаграммы. И дал машине пространства-времени крепкого пинка. Даже

ногу ушиб, но зато с радостью увидел, как на одном из приборов чуть дрогнула стрелка. Затем изготовился для второго пинка. И замер. Несколько долгих секунд я простоял на одной ноге, а тем временем мысли бегали наперегонки.

— Похоже, у него идея. — Казалось, голос Анжелины доносится издали. — Когда он вот так замирает, это верный признак вдохновения. Скоро выдаст.

— Сейчас выдам! — закричал я, разворачиваясь в прыжке и щелкая в воздухе каблуками. — Профессор, компьютер абсолютно прав, его выводы подтверждают вашу репутацию гения. Все эти вселенные остались на прежних местах. Как только я это понял, ответ стал очевиден. Надо искать причину, по которой мы не можем попасть в эти вселенные. И знаете, что это за причина?

Я их ошеломил. У Койпу и Мастигофоры отпали челюсти и задергались головы. Анжелина гордо кивнула, она знала, что объяснения долго ждать не придется.

— Саботаж. — Я указал на пульт. — Кто-то изменил настройки.

— Но я же сам ее настраивал, — сказал Койпу. — А после много раз проверял и перепроверял, вплоть до исходных данных.

— Значит, их тоже изменили.

— Это невозможно.

— Очень подходящее слово. Когда использованы все возможности, пора браться за невозможное.

— Мои первые записи, — пробормотал Койпу. — Они должны были сохраниться. — Спотыкаясь от усталости, он подошел к письменному столу и вытащил ящик. Тот грохнулся о пол, рассыпались авторучки, скрепки, клочки бумаги, сигарные окурки и пустые мыльницы — все, что обычно скапливается в ящиках письменных столов. Он порылся среди мусора, поднял скомканный листок, расправил и поднес к глазам.

— Да. Мой почерк, первые расчеты. Их никто не мог изменить. Никто не знал об этом листке.

Он подошел к пульту, постучал по клавишам и торжествующе показал на уравнение, которое появилось на экране.

— Видите? То же, что и здесь. — Он посмотрел на бумажку, затем на экран, затем снова на бумажку; взгляд скакал туда-сюда, точно шарик для пинг-понга. — Не то, — хрипло произнес он.

Должен признаться, в тот миг на моем лице сияла победоносная улыбка. И я охотно позволил Анжелине нежно обнять меня и поцеловать.

Пока Койпу выбивал из компьютера дурь, Мастигофора решил взглянуть на пациента.

— Ну как он, доктор? — спросил я.

— Без сознания. Пришлось как следует шарахнуть из психобластера, не только мозг парализовать, но и все тело. А что еще оставалось?

— Вот он! — завопил Койпу, и мы обернулись. — Ад!

На экране багровел знакомый отвратительный ландшафт. И еще более отвратительное солнце.

— Ад, — сказал Койпу. — И рай. Никуда они не делись. Ошибка в расчетах, в уравнениях. Изменены совсем чуть-чуть, но в итоге получаются совсем другие частоты. Но кто, кто мог это сделать?!

— Я же вам сказал, саботажник. Шпион, затесавшийся в наши ряды.

— Это невозможно! В Специальном Корпусе шпионов не бывает, а на главной базе и подавно. Это невозможно!

— Очень даже возможно. Я успел над этим как следует подумать и теперь, к сожалению, могу назвать его имя.

Я снова приковал к себе внимание. Даже моя супруга взволнованно подалась вперед. Я одарил их безмятежной улыбкой, отполировал ногти о рубашку и показал.

— Вот он.

Они дружно повернули головы.

— Шпион — не кто иной, как мой верный друг-каторжанин. Беркк.

Глава 26

— Джим, как у тебя язык поворачивается? — спросила Анжелина. — Ведь он тебе жизнь спас.

— Он — мне, а я — ему.

— Он же вместе с тобой на карьере спину гнул. Не может он быть шпионом.

— Еще как может.

Скептик Койпу встал на сторону Анжелины.

— Это невозможно. Ты же сам говорил, он простой механик. Изменить эти уравнения, да так ловко, чтобы я ничего не заметил? Это задача для гениальнейшего, искуснейшего математика.

Я поднял руки, чтобы остановить поток возражений.

— Друзья мои, давайте выясним эмпирическим путем. Спросим его самого.

Профессору понадобилось несколько секунд, чтобы пропустить через мозг Беркка мощный пучок электронов и полностью очистить его от разума. Пленный Слэйки превратился в рой снующих наугад электронов, и нас это вполне устраивало. И так его ипостасей в мире было с избытком. Затем профессор схватил ФВ, заряженный психикой Беркка, и прижал контактный диск к голове подозреваемого. Нажал кнопку, и Беркк благополучно вернулся к нам.

Доктор Мастигофора наполнил шприц противошоковой сывороткой, и Беркк, получив укол в руку, пошевелился и застонал. Веки его затрепетали и размежились.

— Почему я привязан?

Прежний голос. Слэйки исчез.

— Профессор, если вас не затруднит, освободите его.

Щелкнули зажимы, я отстегнул пояс.

— Ой! — Беркк коснулся кровоточащих губ. — Это все Слэйки, да? Это он натворил? — Он со стоном сел. — Но хоть дело того стоило, а? Вы узнали, что хотели?

— Не совсем. Беркк, прежде чем мы тебе все расскажем, можно задать один простенький вопросик?

— Вопросик? Какой вопросик?

— Зачем ты подделал расчеты для машины пространства-времени?

— Я? Подделал расчеты? С чего ты взял, что я на это способен?

— Беркк, отвечай.

Он обвел нас взглядом затравленного зверя. Он уже не улыбался. Внезапно зрачки расширились, лицо исказилось от ужаса.

— Нет! Не надо! Вы же обещали! — Он уронил голову на ладони и горько заплакал. Все молчали, никто ничего не понимал. Беркк поднял голову, вытер глаза рукавом.

— Все кончено. Он вернулся в каменоломню.

— Тебя не затруднит объяснить?

— Это я про себя. Про моего двойника. Он, то есть я, вернулся в карьер. Его утащил тот мерзкий одноглазый робот.

Меня вдруг осенило.

— Слэйки тебя размножил? Как себя?

— Да. Нас двое.

— Ну, тогда все ясно, — произнес я с ухмылкой.

— Только не нам, тупым крестьянам. — У Анжелины лопнуло терпение. — А ну-ка, диГриз, выкладывай, и побыстрее!

— Прости, дорогая. Все очень просто. Отправляя твоего любящего супруга в каменоломню, Слэйки, должно быть, все-таки его побаивался. И еще больше он побаивался следующего шага Койпу или Специального Корпуса. Поэтому он поручил Беркку за мной следить. Раздвоил его и делал всякие гадости одному, чтобы другой беспрекословно подчинялся.

— Цепи, — простонал Беркк. — Пытки. Электрошок. Я не мог ему противиться, ведь я испытывал все, чему подвергали мое второе «я». А оно было приковано к стене в лаборатории Слэйки.

— И постоянно сообщало Слэйки обо всем, что мы с тобой делаем?

— Да. Это Слэйки приказал мне изготовить клетки для побега.

— Но ведь мы запросто могли в них угробиться.

— Да разве его это волновало? Если б мы погибли, он бы нисколько не огорчился. Но как только мы благополучно приземлились на груду камней, он снял охрану с циклотрона, чтобы мы смогли пройти беспрепятственно. Как только мы дошли до столов, где уннильдекновий собирают, он послал робота в погоню — посмотреть, сумеем ли мы оттуда сбежать..

— Ах ты, крыса двуличная! — Я похолодел, увидев, как Анжелина подняла руки со скрюченными пальцами. — Змея, на груди

пригретая! Мы тебя от верной смерти спасли, а ты нас чем отблагодарил? Тем, что разладил машину профессора?

— У меня выбора не было, — простонал Беркк. — Мой двойник обо всем доносил Слэйки. Если б я не подчинился, Слэйки бы его тотчас убил. Когда я очнулся после операции, вы уже разошлись. Я пришел сюда, вижу, никого, только профессор Койпу спит за пультом. Ну и, понятное дело, Слэйки не упустил своего шанса. Я все сделал, как он сказал.

— Это он тебе предложил добровольцем вызваться? Чтобы в твою голову его разум закачали?

— Нет, это моя идея. Честное слово, я сам этого хотел. Но Слэйки не возражал, он знал, что ничего у вас не получится. Зато вы мне будете еще больше доверять. У меня не было выбора.

— Ладно, забудь, — сказал я. — Все в прошлом, и нам опять доступны другие вселенные, ведь профессор перенастроил машину. Больше ты не будешь шпионить, но зато поможешь нам рассчитаться со всеми Слэйки. Окажи нам эту услугу, а мы попытаемся спасти твое второе «я».

— Да неужели это возможно?

— Попробуем. А теперь первый вопрос. Куда деваются все эти добытые, перемолотые, облученные и отсортированные камни? Мы до сих пор не имеем представления о главной цели Слэйки. Ты произнес слово «уннильдекновий». Что это такое?

— Чего не знаю, того не знаю. Просто я все время был рядом со Слэйки, а потому видел и слышал все, что он делает и говорит. При мне это слово только раз прозвучало, а речь тогда шла о сортировочных столах.

— Наверное, уннильдекновий — то самое вещество, которое мы ищем, — предположила Анжелина. — Но для чего оно используется?

— Не знаю. Но могу сказать твердо: для Слэйки нет ничего важнее этого самого уннильдекновия. И кажется, я знаю, куда он девается. Слэйки приковал меня к машине цепью, почти как профессор Койпу к столу. И я ему рассказывал обо всем, что тут происходило. Но при этом я видел, чем он сам занимается. Иногда рядом со мной были двое, а то и трое Слэйки, но они не разговаривали друг с другом, им это ни к чему. А один раз на экране появился тот одноглазый робот, и Слэйки сказал ему, куда доставить уннильдекновий. Вот и все.

— Этого достаточно. — Профессор Койпу постучал по клавиатуре, и экран показал синее небо и низкие белые облака. — Рай. Вот где все это происходит. Копи могут находиться на любой из многих тысяч планет, но минерал, который там добывают, заканчивает свой путь в раю.

— Одну секундочку, профессор. Что значит «на любой из тысяч планет»?

— Я имею в виду сырье. Это очень широко распространенный минерал.

— Да? И вы можете его назвать?

— Конечно. Его пылью была покрыта твоя одежда. И Беркка, и Анжелины. Этот минерал называется графит. Кристаллическая форма углерода. Его можно найти на многих планетах. Слэйки его добывает и размалывает в порошок, затем подвергает бомбардировке в циклотроне, и при этом очень небольшое количество углерода превращается в уннильдекновий, который потом собирают женщины. У него говорящее название. Сто девятнадцатый элемент периодической таблицы. Новое вещество с неизвестными свойствами. И эти свойства как-то связаны с энтропией, тут никаких сомнений. Женщины способны чувствовать разницу в скорости энтропии, поэтому извлекать уннильдекновий из графитовой пыли поручено им. Потом его забирает тот дешевый робот и куда-то зачем-то уносит.

— Найдем куда, выясним зачем, — торжественно обещал я. — Одно можно сказать с уверенностью: это место — в раю.

— Этим займусь я, — произнес Инскипп, чеканным шагом входя в лабораторию. Очевидно, он внимательно следил за нашим разговором и выбрал самый подходящий момент для вмешательства. — Сюда уже летит космическая пехота. Проведем штурм по всем правилам тактики и стратегии. Канонерские лодки, танки, огнеметы, пушки, полевые кухни...

— Отставить! — с жаром произнес я. — Я вам не позволю сорвать мою операцию на заключительном этапе. Оружие и войска не понадобятся. Обойдемся своими силами. Не забывайте, нам предстоит битва с одним-единственным человеком, пусть даже у него множество дублей. Да еще с ветхим роботом, но заботу о нем берет на себя Анжелина. И уж она о нем позаботится, ни одного целого винтика не оставит. У нас опытная, притертая команда, и мы все сделаем сами. Конечно, если профессор Койпу снабдит нас защитой от оружия Слэйки.

— Уже готово, — с нескрываемым самодовольством произнес Койпу. — Я изучил атмосферу рая и теперь доподлинно знаю, что Слэйки пользуется энергетическим оружием и гипнотическим газом. Кроме того, в атмосфере есть и природные наркотические газы. — Он нажал на клавишу. Из стенки вынырнула металлическая рука и уронила на пол прозрачный скафандр.

— Серингера, полимер нового поколения. Прозрачна и сверхпрочна, надежно защитит и от силовых полей, и от ядовитых газов. Под верхним слоем — оболочка с наномолекулярной структурой, она за микросекунды отреагирует на внезапный удар, такой, например, как попадание пули. Молекулы сцепляются намертво, и вещество становится прочнее самой прочной стали, не позволяя пуле углубиться даже на миллиметр. Вот этот маленький ранец на спине — источник питания для системы цикличной переработки ваших газов и влаги, а еще в него вмонтирован гравишют, который позволит левитировать в случае необходимости. Я сейчас продемонстрирую.

Он скинул туфли, рубашку и саронг и продемонстрировал... фиолетовые трусы с вышитыми крошечными роботами и золотыми кружевами. Схватил и напялил на себя прозрачный костюм, нахлобучил пузыреобразный шлем. Внешний динамик заскрежетал его голосом:

— На свете не существует лезвия, способного его разрезать. — Он выдвинул из стола ящик с инструментами, схватил нож и ткнул им себе в грудь. Нож отскочил. Точно так же поступили и все другие виды оружия, которыми профессор сам себя атаковал. Он включил гравишют и отлетел от потолка, как мячик, вовсю паля из своих смертоносных игрушек. Лаборатория заполнилась удушливыми газами и рикошетирующими пулями, совершенно неопасными для профессора, чего нельзя было сказать о нас.

Заливаясь слезами и кашляя, мы выбежали в коридор и не возвращались, пока не закончилась демонстрация и кондиционер под потолком не ликвидировал ее последствия.

— Замечательно, профессор. — Я вытер глаза уголком носового платка. — Надеваем ваши чудесные скафандры и отправляемся в рай. Под словом «мы», конечно, я подразумеваю себя, мою семью, а также Беркка и Сивиллу. Профессор будет следить за нашим продвижением, а мудрый руководитель Инскипп при необходимости обеспечит огневую поддержку. Вопросы?

— Все это выглядит достаточно безумно, — сказала Анжелина, — а потому может закончиться благополучно. Профессор, когда мы получим скафандры?

— К утру они будут готовы.

— Отлично. — Обведя нас взглядом, она улыбнулась. — Предлагаю небольшую вечеринку. Выпьем за нашу скорую победу, падение Слэйки и воссоединение Беркка с самим собой. Все согласны?

Ответом ей было радостное хоровое «да».

Робобар поспешил начать час коктейля, и даже Инскипп в этот раз согрешил, пригубив сухого черри.

— Меня очень интересует новый элемент. — Он облизал едва смоченные вином губы. — Этот психопат основал множество религий, чтобы выманивать у богачей деньги, чтобы заточать рабов в графитовые копи, чтобы превращать углерод в уннильдекновий. Должно быть, у этого вещества весьма необычные свойства, иначе зачем столько хлопот? Я собираюсь это выяснить, так что ступай, Джим, победи, и возвращайся с образцом и подробными объяснениями.

— Считайте, что это уже сделано. — Я поднял бокал.

Глава 27

Все мы под скафандрами носили только купальные костюмы. Сивилла и Анжелина выглядели потрясающе. Я поспешил отвести взгляд от одной и послать воздушный поцелуй другой.

— Проверка снаряжения. — Я вытащил из кобуры пистолет. — Парализатор, заряжен до отказа. В этом контейнере — гранаты со слезоточивым газом. В этом — дымовые шашки. Боевой нож с серебряной зубочисткой. Наручники для пленных, сыворотка правды — для них же. Чтобы разговаривали.

— Плюс алмазная энергетическая пила для разделки одного робота. — Анжелина подняла жуткий агрегат.

— Все исправно, все практично. И вот еще. — Я показал белый ранец с красным крестом. — На всякий случай. Всемогущий Инскипп, вы на связи?

— Да, — проскрипело в ухе. — И не забывай, у меня тут уйма запасных игроков, они только и ждут, когда ты сядешь в лужу.

— Великолепно. Профессор Койпу, вас не затруднит отпереть ворота?

Он постучал по клавишам, и над стальными воротами, обезображенными шляпками болтов и тяжелыми петлями, погасла красная лампочка и вспыхнула зеленая. Я схватился за ручку, повернул, распахнул створку ворот, и мы решительно вступили в рай.

— Что это с ним? — Я ткнул пальцем в сторону пролетающего мимо облачка. Оно весело позвякивало.

— Облако — местная форма жизни, — прозвучал в ухе голос Койпу. — У него хрустальные внутренности, этим и объясняется позвякивание. А плавает оно благодаря метану, который само же и вырабатывает. Поосторожнее с огнем, может взорваться.

Оно не только могло взорваться, оно взорвалось. На меня обрушилась волна пламени. Я моргнул от неожиданности, но ничего не почувствовал. Судя по всему, Слэйки обнаружил нас и открыл заградительный огонь. В нашу сторону плыли и другие облака, но мы их сбили, не подпуская близко. Получился восхитительный фейерверк.

Когда ветер унес последний клуб дыма, я указал на извилистую желтую дорожку.

— Нам туда. Валгалла — балаган и сплошное жульничество, а парадиз все еще недостроен. Прошлый раз я повстречал Слэйки в той стороне, на холме. Пойдем по дорожке, она сама приведет.

Мы пошли. Оглядываясь по сторонам, Анжелина сказала:

— А ведь неплохая была бы планета. Если бы не Слэйки.

— Мы ее сделаем еще лучше. Для того и прибыли.

— Сделаем. Кажется, я слышу музыку. Это что, птицы? Вон там, впереди.

— Не совсем. — Я узнал крылатых певцов. — Я их видел в книжке «Все, что вы хотите знать о религии, но о чем стесняетесь спросить». Мифологические существа, не то херафины, не то серувимы. Судя по всему, бесполые и очень увлекаются игрой на арфе, не говоря уже о хоровом пении.

Облачко приближалось, все громче звучали струны и голоса. Появился еще один рой, эти создания тоже пели, ничуть не обескураженные отсутствием легких и вообще тел. Это были просто головы с крылышками за ушами. Выглядели они настолько странно, что у меня возникли закономерные подозрения.

— Ты уверен, что это настоящие аборигены? — спросила Анжелина.

— Не знаю, не знаю. Но очень бы хотелось выяснить.

Они снижались, кружили над нашими головами и пели фальцетом. Я подпрыгнул и ловко ухватил одного за ножку. Он знай себе заливался, возведя горе голубые очи. Я пощупал грудку, животик, крылышки, попытался заглянуть под набедренную повязку. Потом взялся одной рукой за туловище, а другой за головку и крутанул.

— Джим, ты чудовище!

— Ну что ты. — Я поднял оторванную головку, и за ней из шеи потянулись провода. А туземец знай себе пел и помахивал крылышками. Я его отпустил, и он улетел; свисающая головка как ни в чем не бывало исторгала нежные трели.

— Нуль-гравитационные роботы с музыкальными записями. Для пущей достоверности райских кущ. Чтобы проще было охмурять доверчивых прихожан.

Дорога извивалась по дну узкой долины, кусты на склонах холмов стояли в цвету. Как только мы приблизились к ближайшему кустарнику, кто-то выскочил из них и галопом поскакал к нам.

— Он мой! — радостно вскричала Анжелина и побежала навстречу.

Я разглядел грязного, обшарпанного одноглазого робота. И поспешил вслед за женой — не для того, чтобы испортить ей развлечение, а просто на всякий случай. Но моего участия не понадобилось, дело было сделано за несколько секунд. Когда робот замахнулся могучей рукой с когтями-ножами, Анжелина еще быстрее взмахнула энергетической пилой. Рука с лязгом покатилась по дорожке, зато робот обзавелся металлической культей, а в следующее мгновение и второй.

Тогда он решил ударить мою верную спутницу жизни ногой. Снова лязгнуло, и робот попытался ускакать на уцелевшей конечности. А затем лишился и ее и покатился по мягким желтым плитам.

— Ты обижал людей, — сказала Анжелина, поднося к нему пилу. — Тупо выполнял приказы своего начальства. Твое счастье, что ты — всего-навсего бесчувственная железка, а потому не почувствуешь того, что я с тобой сейчас сделаю. Но ничего, очень скоро мы доберемся и до твоего господина.

Металлическая голова подкатилась к моим ногам. Я посмотрел на нее и улыбнулся. Медленно погас огонек в единственном глазу. Я пинком отшвырнул голову робота.

— Один готов. А теперь по этой дороге мы доберемся до логова его хозяина. И пожалуйста, будьте осторожны. Слэйки знает о нашем вторжении и обрушит на нас весь свой арсенал.

Тут в моей голове мелькнуло тревожное воспоминание, я подпрыгнул и закричал:

— С дороги!

Поздновато. Рядом громко и противно хлюпнуло, и дорога вырвалась у нас из-под ног. И разверзлась бездна.

— Гравишюты! — воскликнул я, включая собственный.

Падение прекратилось в считанных метрах от зазубренных сталагмитов и острых металлических кольев, которые торчали из дна. Мы благополучно поднялись наверх и двинулись дальше. Но уже по обочине.

— Вот он. — Я показал на белый храм, украшавший собою вершину холма. — Там я повстречал старого толстого Слэйки, в этом адском раю он корчил из себя Бога. Интересно, там ли он сейчас?

Нам предстояло очень скоро это выяснить. Мы осторожно поднимались по мраморным ступенькам. На сей раз они не двигались — небесный эскалатор не предназначался для враждебно настроенных пришельцев. Но мы решительно приближались к храму и наконец увидели трон. А на нем сидел Слэйки. И свирепо ухмылялся.

— Вас сюда не звали, — процедил он сквозь зубы, тряся головой. Вместе с нею тряслись жирные складки на шее и золотой нимб.

— Профессор, где же ваше гостеприимство? — спросил я. — Ответьте на несколько вопросов, и мы уйдем.

— Вот мой ответ! — прорычал он, вскидывая руку к голове.

В нас полетел золотой нимб. При ударе о мой костюм он взорвался и свалил меня с ног. Я встал и обнаружил, что трон вместе со Слэйки провалился сквозь пол.

Как только он помчался вниз, его примеру последовал потолок. Колонны, которые его поддерживали, были одновременно поршнями. Убежать мы никак не могли, каменный потолок вместе с кровлей обрушился на нас и расплющил, как жуков. То есть непременно расплющил бы, не окажись на нас боевых скафандров. Под натиском камня наномолекулы сомкнулись, и костюмы стали тверже стали. Стальные гробы...

— Кто-нибудь может пошевелиться? — прокричал я. Ответом были только стоны и кряхтенье.

Неужели это конец? Вот так бездарно погибнуть в раю под тяжестью храма с дистанционным управлением? Мы задохнемся, если не успеем что-нибудь придумать. Сто часов, а потом мучительная смерть от удушья.

— Не... пойдет! — сердито пробормотал я. Мои локти были прижаты к бедрам. Храм всей своей тяжестью давил мне на грудь, а та, казалось, затвердела, как наносталь. Но кисть находилась в свободном пространстве, и я мог пошевелить пальцами. Что я и сделал. Нащупал бризантную гранату на бедре, сорвал, сдавил. Просунул как можно дальше в щель между камнями. Сделал глубочайший вдох. Разжал и отдернул пальцы.

Пламя и страшный грохот. И конечно, дым и пыль. Как только они улеглись, я увидел свет — он проникал сквозь пробоину в каменной толще. Еще несколько гранат, и дело сделано. Я неуклюже поднялся на ноги. Очередной взрыв заставил меня подпрыгнуть вместе с развалинами храма, и в облаке дыма появилась Анжелина. Мы обнялись, а затем с помощью гранат освободили остальных.

— Давайте больше так делать не будем, — предложила Сивилла, потрясенная в прямом и переносном смысле.

— С его стороны это жест отчаяния, — сказал я. — Он чувствует близость неизбежного краха и пытается любой ценой избавиться от нас. Однако фокус не удался, и скоро мы сразимся со Слэйки.

— Где? — спросила моя практичная Анжелина.

— За мной. — Я повел их по лестнице назад. — Помните яму, в которую мы сверзились? Она только для этого и предназначалась — убивать людей. Но тут есть еще одна шахта, она ведет в подземный мир, к фабрике уннильдекновия. — С этими словами я бросил на дорогу гранату. Она красиво взорвалась и разметала желтые плитки. Под ними открылась пропасть.

— Я здесь уже бывал, поэтому и поведу.

Мы включили гравишюты и прыгнули в отверстие с рваными краями. Но на сей раз я не падал камнем, а медленно снижался. Остальные делали как я, неспешно миновали каменные неровные стены, освещенные снизу красным. Наконец появился унылый черный ландшафт, изредка оживляемый багровыми сполохами. Показались столы, они никуда не делись, исчезли только женщины. Скоро мы выяснили, в чем тут дело. Женщины стояли перед зданием. Мое отделение приземлилось, взяло оружие на изготовку и растянулось в цепь.

— Не стреляйте! — крикнула Анжелина. — Это женщины! Они рабыни, жертвы.

Мы осторожно приблизились к ним и услышали тихие стоны и плач. Над причиной долго ломать головы не пришлось. Женщины были крепко связаны по десять-двадцать человек.

— Помощь идет! — крикнул я. — Мы вас освободим.

— И не мечтай! — хором возразили Слэйки. Рядом с каждой группой заложниц стоял негодяй с винтовкой наперевес, и все они говорили одновременно, потому что разум был один на всех. — Прочь, или мы их перестреляем! — Каждый поднял винтовку к плечу.

Пат.

— Тебе это с рук не сойдет. — Я решил потянуть время. Как же спасти этих бедняжек?

— Еще как сойдет! — грянул хор. — Считаю до трех. Если не уйдете, в каждой группе умрет одна женщина. Их смерть будет на вашей совести. Затем еще по одной. Раз, два...

— Стой! — крикнул я. — Мы уходим.

Но мы не ушли. Это сделали женщины. Рыдания и стоны вдруг утихли, зато раздались хлопки, и группы заложниц исчезли одна за другой. На миг меня объял страх — что творится, неужели они погибли? Но я успокоился, как только увидел изумление на физионо-

миях Слэйки. Ну конечно! Профессор Койпу не дремлет, он вовремя пришел к нам на помощь и перенес женщин из рая на надежную, безопасную главную базу.

Я вскинул пистолет, выстрелил в ближайшего Слэйки и побежал к его неподвижному телу. Поднялась жуткая пальба, и огненный луч гаусс-винтовки отшвырнул меня назад. Но я тотчас поднялся, снова бросился вперед и схватил подстреленного мною Слэйки.

Схватил пустоту. Он исчез. Стрельба утихала, Слэйки скрывались один за другим. Анжелина вложила пистолет в кобуру, подошла ко мне и похлопала по руке.

— Я видела, ты одного прикончил. Поздравляю.

— Преждевременно. Я хотел с ним поговорить, а потому стрелял парализующим лучом.

— Что теперь?

— Хороший вопрос. На графитовый карьер идти не имеет смысла, это всего-навсего источник сырья. И к циклотрону спускаться ни к чему. Мы знаем, что там производится уннильдекновий, но все равно он поступает сюда для очистки от пыли.

— Значит, надо выяснить, куда девается конечный продукт.

— Именно. И вряд ли это место находится далеко отсюда. — Я повернулся к Беркку. — Ты слышал, как Слэйки приказывал ныне покойному роботу куда-то его отнести?

— Должно быть, туда. — Он повернулся и показал за ряды пустых столов. В противоположном направлении от циклотрона.

— Пойдем глянем.

Мы пошли. Осторожно. Догадываясь, что поиски наши близятся к концу и вряд ли это может понравиться профессору Слэйки. Ему и не понравилось.

— В укрытие! — крикнул я за миг до того, как в воздухе перед нами материализовалось и заняло позицию огромное полевое орудие.

Оно выстрелило, и рядом со мной взорвался снаряд. Земля вздыбилась и отшвырнула меня в сторону, дождем посыпались шрапнель и осколки камней. Э, так нечестно! Даже боевые костюмы Койпу не спасут от прямого попадания артиллерийского снаряда. Пушка выстрелила еще раз и исчезла.

— Поймал! — прозвучал в моем шлемофоне голос Койпу. — Осадная пушка с дистанционным управлением. Я ее сбросил с большой высоты в адский вулкан. — Других нет?

— Пока не видно. Спасибо за своевременную поддержку.

Мы наступали. Приближались к громадному металлическому строению, похожему на крепость. Мне оно не понравилось, особенно когда в стенах открылись бойницы и из них вылезли стволы крупнокалиберных пулеметов. И принялись метать крупные пули.

— Профессор Койпу! — воззвал я.

Вокруг шлепались пули, попадали в нас, сбивали с ног и катили по каменному полу.

Профессор не оставил нас в беде. Между нами и цитаделью появилась бронированная самоходка и выстрелила еще до того, как грянулась оземь. Орудийный ствол неторопливо передвигался, и пулеметы Слэйки умолкали один за другим. Подавив сопротивление, пушка развернулась еще раз и проломила ворота крепости. Когда я проходил мимо самоходки, из люка вынырнула голова космического пехотинца, бравого капитана Гризли.

— Когда ворветесь, я буду прикрывать. Только кричите и показывайте, куда стрелять.

— Хорошо. — Я воздел над головой кулак, а затем указал вперед. — На приступ!

Мы ринулись в атаку. Подбежали к зияющей бреши на месте ворот.

— Гризли, вы меня слышите?

— Отлично слышу.

— Прежде чем мы войдем, дайте два-три выстрела.

— Никаких проблем.

«Два-три выстрела» для Гризли означали больше сотни. Похоже, ему было приказано не жалеть снарядов. Разрывы гремели все дальше и дальше — фугасы одну за другой сносили перегородки. Взрыв последнего крупнокалиберного снаряда показался хлопком детского пугача.

— Насквозь!

— Ну коли так, прекратить огонь. Мы входим.

Если и ждали нас в крепости пушки и ловушки, то пережить стрельбу капитана Гризли им не удалось. Мы ощупью пробирались среди обломков. Наконец тьма начала рассеиваться вместе с дымом. Навстречу из неровной пробоины в стене лился свет. Мы подкрались с оружием на изготовку, выглянули.

— Ну разве не красота? — спросила Анжелина. — Похоже, мы добрались наконец до конца дороги.

Глава 28

Мы любовались прелестной райской долиной. Голубое небо, зеленая трава. Ласковый ветерок шевелил листву декоративных кустов и деревьев и наполнял наши ноздри благоуханием. На дне долины белые маленькие строения с черепичными крышами тонули среди цветов. По долине змеились тропинки, огибали клумбы и беседки. И все это великолепие окружало самую необыкновенную вещь, которую мне довелось увидеть в моей необыкновенной жизни. Черную матовую сферу диаметром не менее десяти метров. Безупречно гладкую и чистую. Гигантский восьмой бильярдный шар без семи остальных, бробдингнегский[1] кегельный шар без отверстия для пальцев. Мы стояли и смотрели во все глаза.

[1] Бробдингнег — название страны великанов в «Путешествиях Гулливера».

— Разве ты не чувствуешь? — спросила Анжелина, протягивая руки к загадочному предмету. — Это непередаваемое ощущение, но оно мне знакомо. Именно это вещество мы искали в графитовой пыли.

Я сразу понял, что она имеет в виду. Невесомый вес, неподвижное движение, медленная быстрота. Женщины способны чувствовать крошечные дозы этого элемента, но здесь, в черной сфере, его были тонны. А в таких дозах его может ощущать даже мужчина.

— Уннильдекновий, — сказал я. — Вот где он скапливается. Вот для чего он нужен Слэйки. Он собирал вещество по крупицам, чтобы построить этот шар. Должно быть, на это ушли тысячелетия.

— Но зачем? — спросила Анжелина.

— Не знаю. Однако надеюсь, очень скоро мы это выясним. Взгляни.

Из-за колонн одной из построек вышел толстяк. Слэйки из белого храма, и никто иной. Он добрался до большого круглого стола, тяжело опустился на ближайший стул. Долго смотрел в землю, а затем поднял голову. Гневно посмотрев в нашу сторону, он махнул рукой — дал знак подойти.

— Это ловушка, — сказала Анжелина.

— Не думаю. Этот шар — святой грааль Слэйки. Он столько сил ему отдал, так упорно и бесстрашно защищал. Но битва проиграна. Так что давай спустимся и послушаем, что он скажет.

Ни на миг не утрачивая бдительности, держа оружие наготове, мы спустились в долину — мирную, уютную и, несомненно, очень опасную. Чем ближе я подходил к Слэйки, тем спокойнее было у меня на душе. И вот я совсем рядом с ним, и остальные Слэйки уже не рискнут применить тяжелую артиллерию. Я опустился на соседний стул, снял ранец и положил на колени. Удобно облокотился на него и улыбнулся. Слэйки ощерился.

— Ребята, рассаживайтесь и приготовьтесь услышать занятную историю.

— ДиГриз, если б ты только знал, как я мечтаю тебя прикончить! Ты — главная моя ошибка. Если б я тебя сразу убил, ничего бы этого не случилось.

— Слэйки, что толку махать кулаками после драки? Никто не застрахован от ошибок, а ты их наделал больше чем достаточно. Но теперь все кончено, и ты это знаешь.

Он с огромным трудом держал себя в руках. Щеки покраснели, зубы скрежетали. Смотреть на это было одно удовольствие. Я расплылся в улыбке.

— Я знал, что в конце концов мы припрем тебя к стенке. Поэтому на всякий случай подстраховался. Вот это — для тебя. — Я взял ранец с колен и положил на стол между нами.

Несколько секунд Слэйки оторопело разглядывал большой красный крест на белом фоне.

— Походная аптечка? Ты что, умом тронулся?

— Вовсе нет. Сейчас ты все поймешь. — Я протянул руку и сорвал наклейку с крестом. Под ней алел символ радиоактивной опасности. А под ним — надпись:

«АТОМНАЯ БОМБА
(мощность десять мегатонн).
ОБРАЩАТЬСЯ БЕРЕЖНО!
НЕ ДАВАТЬ ДЕТЯМ!»

— Всего лишь небольшая предосторожность. Только что я поставил ее на боевой взвод, и больше она от меня не зависит, хотя, сказать по правде, кнопка выглядит соблазнительно. Видите ли, у профессора Койпу есть другая кнопка, и он сейчас внимательно наблюдает за нами. Постарайтесь об этом не забывать.

— Ты не посмеешь...

— Еще как посмею. Я настроен очень решительно. Еще один нюанс, прежде чем мы закроем эту тему. Профессор Койпу, пора.

Перед уходом с базы у нас с Койпу был серьезный разговор. И я его убедил, что другого выхода нет. Необходимо остановить Слэйки во что бы то ни стало. Как только Анжелина, близнецы, Сивилла и Беркк исчезли, я улыбнулся с облегчением. Они снова на главной базе, и опасность им не грозит. Я помахал рукой.

— Милая Анжелина, прости, но эту работу я должен сделать сам. Если бы ты была рядом, у меня бы не хватило смелости, а теперь хватит. Я уверен, все выйдет, как задумано, но, если я все-таки не вернусь, помни, что я всегда любил тебя.

Я вскочил на ноги и похлопал ладонью по бомбе.

— Все, довольно сантиментов. Я вполне способен ненадолго забыть о любви и вспомнить о дикой ненависти. Ты — подлое чудовище, многоглавая гидра, наконец-то ты в моих руках! Слэйки, на этот раз тебе не сбежать, мы остались один на один, и для тебя все кончено!

— ДиГриз, мы могли бы договориться...

— Никаких сделок. Только безоговорочная капитуляция. И не зли меня, иначе я выйду из себя, стукну по кнопке и успокою тебя раз и навсегда.

— Погоди, ты же еще не выслушал мое предложение. А оно не из тех, от которых отказываются. Ведь я предлагаю тебе бессмертие. Ну что скажешь?

В чем-то он был прав. Очень заманчивое предложение. Но этот физик-шизик давно зарекомендовал себя пройдохой, каких поискать, и я не верил ни единому его слову.

— Ну что ж, профессор Слэйки, я даю вам шанс. Объясните. Попробуйте убедить. Может, я и соглашусь подумать.

— Энтропия, — начал Слэйки, машинально переходя на лекторский тон. — Тебе уже известно, это мое поприще. Но ты не знаешь, насколько далеко я продвинулся в этой области знаний, как широко раздвинул горизонты науки. Сначала была теория. Я математически

исследовал трансурановые элементы. И обнаружил любопытное явление: чем выше атомное число, тем выше степень замедления энтропии. Хоть и очень слабо выраженная, закономерность проявлялась в каждом случае. И мне удалось вывести уравнения, которые показали, что у элемента номер сто девятнадцать обратная энтропия будет максимальной. И я не ошибся. Когда циклотрон произвел первую крупицу уннильдекновия, я ее почувствовал! И чем больше масса, тем ярче выражен эффект. — Слэйки поднялся на ноги. — Идем, я тебе покажу.

— Не возражаете, если я ее захвачу? — Я кивнул в сторону бомбы.

Он зашипел от злости.

— Я готов показать тебе врата в вечность, а ты все остришь.

Взяв себя в руки, он повернулся и направился к черному шару. Краем глаза я уловил движение в одном из белых строений и понял, что остальные Слэйки рядом. Наблюдают. Все ближе и ближе шар, и вот мы останавливаемся перед ним, и черная выпуклость затмевает собой небосвод.

— Дотронься, — прошептал Слэйки, поднимая руку и касаясь шара. После недолгих колебаний я дотронулся до матовой черной поверхности. Неописуемое, но восхитительное ощущение. Из тех, которые хочется запомнить на всю жизнь.

— Иди за мной.

Он двинулся вдоль шара, ведя по нему ладонью. Я шагал следом и тоже не отрывал от сферы руки. Впереди — беломраморная лестница в несколько ступенек. Слэйки нажал кнопку на ее боку, и над нами отошла кверху большая квадратная дверца люка. Мы поднялись по ступенькам и вошли.

Сфера была полой, стена в толщину достигала метра. И внутри шара невыразимое ощущение было еще невыразимей. Слэйки указал на ряд черных ячеек в центре шара, они напоминали гробы. Мы приблизились к ним и заглянули в крайний «гроб», в нем лежал довольно поджарый Слэйки, глаза были закрыты, грудь едва заметно поднималась и опускалась, и на ней лежала правая рука. Я узнал его. Однорукий. Впрочем...

Я наклонился и увидел крошечную розовую кисть. Она росла из культи.

— Жизнь бесконечна! — закричал Слэйки, брызгая слюной. — Здесь я отдыхаю и набираюсь сил. Если я ранен, мое тело восстанавливается. И здесь, в окружении энтропии, повернутой вспять уннильдекновием, я молодею. Другие стареют, слабеют, впадают в маразм, а я с каждым днем все моложе, энергичнее и сообразительнее. И чем больше уннильдекновия в этой сфере, тем быстрее идет обратная энтропия. Теперь ты понимаешь, что я тебе предлагаю? Вечность. Переходи на мою сторону, Джим, и обретешь бессмертие. Одна из этих энтропийных ячеек будет твоей.

Да, от такого предложения отказаться непросто. Положа руку на сердце, у кого хватит хладнокровия сказать «нет», когда ему поднесут бессмертие на блюде?

Одного такого упрямца я знаю. Увы, далеко не всегда я поступаю так, как мне хочется. Гораздо чаще — как велит долг. Если бы я встал под знамена Слэйки, я бы уподобился этому негодяю и сам себя перестал уважать.

И все-таки, должен признаться, я колебался. Но своевременно вспомнил об Анжелине, которая дожидалась меня на главной базе Специального Корпуса, и собрал волю в кулак. Ценой невероятных усилий повернулся и медленно двинулся к выходу.

Нет, это не для меня. Не для одного меня. Но до чего же соблазнительно! А может, я бы согласился, будь рядом Анжелина? Но тогда надо будет договариваться и насчет мальчиков. Да и профессору Койпу мысль о вечной молодости наверняка придется по вкусу. И нашему мудрому боссу Инскиппу. Слэйки глазом не успеет моргнуть, как в его шарик набьется целая толпа народу.

Трудно, невероятно трудно было идти к лестнице. Не знаю, сколько времени я простоял у выхода. Не было сил шагнуть на верхнюю ступеньку. Чудом удалось наклониться вперед, потерять равновесие. Я упал, машинально сгруппировался и кувырком скатился на траву. И долго лежал, не шевелясь. Наконец вздохнул и встал. Наверху, в темном проеме, стоял Слэйки.

— Профессор, признаюсь как на духу: мне еще никто и никогда не делал такого заманчивого предложения.

— Ну еще бы. И ты его, конечно, принимаешь.

— По крайней мере, нам есть что обсудить. Давайте-ка сядем возле бомбы рядком и поговорим ладком.

Не буду лгать, что я боялся бомбы. Мне хотелось очутиться как можно дальше от искушения бессмертием.

— Поговорим? — Я похлопал по бомбе, и Слэйки угрюмо кивнул. — Я отвергаю ваше предложение. Большое спасибо, но нет, спасибо.

— Это невозможно! — выдавил он.

— Для вас — да. Но не для меня. Профессор, должно быть, тысячи людей легли костьми из-за вашей навязчивой идеи, из-за вашего патологического желания сохранить свою жалкую, бесполезную жизнь. Будь моя воля, я бы сейчас же, не сходя с этого места, покончил с нею. Со всеми ее отвратительными проявлениями. Вы даже не представляете, как мне хочется взорвать эту бомбу, но я слишком высоко ценю свою жизнь. Мне надо совершить еще уйму добрых дел, и я намерен жить долго и счастливо и по возможности не стареть. А теперь к делу. — Я склонился над бомбой и грозно наставил палец на Слэйки. — Вот наши условия. Вы больше никогда не будете добывать графит. Шахтеры вернутся к прежней, привычной жизни. Беркки воссоединятся. Женщины не будут гнуть спину над столами. Они отмоются от угольной пыли и возвратятся к сво-

им мужьям и возлюбленным. Ваша лавочка закрывается. Имущество «Слэйки и Слэйки» идет с молотка.

— Я не...

— Молчать! Стройка парадиза замораживается, рабочие получают расчет. В валгалле — никаких пьянок и оргий. Не спорьте, профессор, у вас нет выбора. Вы прекратите религиозные аферы на всех планетах, и все ваши ипостаси соберутся здесь. И останетесь тут на веки вечные.

— Я этого не сделаю! — завопил он.

— Нет, вы это сделаете.

— Неужели думаешь, что я тебе поверю?

— А что еще остается?

— Ты все равно взорвешь бомбу!

— Только если вы нас к этому вынудите. Разве мы можем быть уверены, что кто-нибудь из вас не останется на воле и не попробует начать сызнова весь этот кошмар? Бомба — гарантия, что вы на это не осмелитесь. А мы не осмелимся ее взорвать, подозревая, что один из вас гуляет на свободе. Это парадокс, проблема без решения, начало без конца, как ваша обращенная вспять энтропия. Так что посидите здесь и подумайте. Посоветуйтесь сами с собой. Ум — хорошо, а два — лучше, даже если они с одного конвейера. Это наше первое, последнее и единственное предложение.

Я устало поднялся и потянулся.

— Профессор Койпу, заберите меня отсюда. У меня был очень трудный день.

Глава 29

— Их там не меньше пятидесяти. — Анжелина скривилась от отвращения. — И все мерзавцы, как на подбор. Профессор, я вас умоляю, нажмите кнопочку, взорвите бомбу, и все мы будем крепче спать по ночам.

Мы сидели втроем и смотрели на экран постоянно действующего монитора. Койпу сокрушенно вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Слишком рискованно. Достаточно одному из его «я» спрятаться на одной из миллионов планет в тысячах вселенных, чтобы все началось сначала.

— Но мы будем следить, наблюдать, бдить...

— Да, — произнес я с глубокой печалью, — все-таки жаль, что нельзя взорвать бомбу. Конечно, смерть Слэйки — ничто по сравнению со всеми его злодеяниями, но я бы не стал лить по нему слезы. Однако профессор прав. Может быть, Слэйки и псих, но он далеко не дурак. Если снова возьмется за старое, то на сей раз обойдется без фальшивых религий. Придумает что-нибудь похитрее, и мы не сможем его разоблачить. Найдет планету с подходящим климатом, с запасами графита и построит там фабрику. Будет работать подпольно, стараясь не вызвать подозрений, и в конце концов добьется своего. Ведь у него в запасе целая вечность. Ага, вот и они!

Мы едва успели заметить движение возле черного шара. Космические пехотинцы репетировали, наверное, тысячу раз, сократили необходимое время до трех секунд и в решающий момент полностью в него уложились. Двое огромных сержантов с лязгом припечатали к шару водородную мину, капитан Гризли саданул кулаком по кнопке, и они исчезли так же внезапно, как и появились. Рядом с Койпу вспыхнул экран, на нем показалось изображение Беркка.

— Готово, профессор. Фугас на боевом взводе, датчик действует исправно.

— Очень хорошо, спасибо. До связи.

Экран погас, и Койпу с облегчением вздохнул.

— Беркк — хороший техник. Я рад, что он решил служить в Корпусе. И его двойник. Они мне помогли сконструировать датчик, и теперь за сохранность уннильдекновия беспокоиться не стоит.

— Я что-то упустила? — спросила Анжелина.

— Да. Сегодня ночью меня замучила бессонница, а ты спала как убитая. Я пришел сюда и увидел профессора Койпу, он таращил на экран красные глаза и мучился над той же проблемой, которая не давала покоя и мне. Что, если...

— Какое именно «если» ты имеешь в виду?

— Что, если один из Слэйки гуляет на воле? Что, если он соорудит машину пространства-времени, достаточно мощную, чтобы перенести уннильдекновиевую сферу в другую вселенную? Тогда его братцы непременно сбегут снова и заварят кровавую кашу. И мы нашли выход из тупика. Взяли со склада водородную мину, дополнили молекулосвязью, и только что на твоих глазах бесстрашные десантники сделали ее неотъемлемой частью сферы.

— А еще, — сказал Койпу, — мы на ней установили датчик энтропийного размежевания. Если шар окажется в другой вселенной, там появится водородное облако.

— Но если Слэйки не украдет шар, — возразила Анжелина с несокрушимой женской логикой, — то будет преспокойно жить-поживать в своих многочисленных телах. И как вы намерены избавиться от этой вечной угрозы?

Мы с профессором хором тяжело вздохнули.

— Над этой проблемой трудятся наши эксперты, — сказал я. — Мы замаскировали ее под абстрактную головоломку и предложили всем философским кафедрам галактических университетов. Когда-нибудь в чьей-то светлой голове родится ответ. А до тех пор нам остается только наблюдать.

— Ага, до скончания века. Значит, оставляем правнукам в наследство головную боль?

Я не люблю, когда мне сыплют соль на раны, и всегда в таких случаях стараюсь сменить тему.

— Зато мы можем кое-что сделать для жертв Слэйки. Я имею в виду женщин из чистилища. Те из них, кто не нуждался в госпитализации, разлетелись по своим планетам. Им назначены пожизненные пенсии — в основном из средств, вырученных за имущество Слэйки, которое пошло с молотка. То же относится и к шахтерам, с одним-единственным исключением. Бубо отправлен в психиатрическую лечебницу для преступников, а уж там врачи посмотрят, можно его вылечить или нет.

— А как же те бедняги из ада? — спросила Анжелина. — Неужели мы их бросим на произвол судьбы?

— Ну что ты! Конечно, это задача посложнее, ведь они не могут покинуть ад. Но уже делается все возможное, чтобы жизнь не была им в тягость. Эту почетную миссию взяло на себя Межзвездное благотворительное общество. В ад уже отправились отряды добровольцев, они строят временные жилища с кондиционерами, оказывают медицинскую помощь, готовят бесплатный суп, барбекю, коктейли и тому подобное. Но скоро краснокожие братья по разуму перейдут на самообеспечение.

У Анжелины полезли вверх брови.

— На самообеспечение? В аду?

— Знаешь поговорку: «О вкусах не спорят»? Туристическая фирма «Отпуск в аду» уже отправила туда первую партию желающих снимать дикарей за деньги, жарить мясо на раскаленной лаве и трястись под гравитационными волнами. Страшновато, но не опасно. Чем не развлечение?

— Возмутительно. Надеюсь, всех этих туристов перестреляет и съест краснокожий дьявол Слэйки.

— Увы, этому не бывать. До него уже добрались туземцы. Им надоели его стрельба и крайний эгоизм.

— Вот молодцы! Я бы не стала их упрекать, если б они зажарили всех его двойников. Чем не решение проблемы?

— Кстати, о проблемах. Профессор, меня давно беспокоят два вопроса. Зачем Слэйки понадобилось столько двойников? И как ему удалось размножиться?

Как всегда, у Койпу ответы были наготове.

— На первый вопрос ответ самоочевиден. Кому еще он мог доверять? Он желал вечной жизни только себе, а потому только сам и годился себе в соучастники. А о том, как он размножился, я узнал совершенно случайно. Помните, его машину пространства-времени мы получили вместе с набором координат различных вселенных. Только благодаря им я и нашел вас на Стекле и вернул обратно. Всякий раз, когда выдавалась свободная минутка, я ее тратил на изучение других вселенных. Но среди них попадались довольно жуткие. Чтобы не расходовать понапрасну время и средства, я сконструировал бронированный зонд и отправлял его измерять температуру, гравитацию, плотность и состав атмосферы — все,

что полагается. Каково же было мое удивление, когда он вернулся из Двойников, — название, как вы понимаете, я выбрал не случайно, — вместе со своей точной копией! Довольно скоро мне удалось выяснить, что там удваивается частота всех видов излучений и точно так же удваивается любая побывавшая там материя. Не правда ли, интересный феномен? Каждый раз, когда Слэйки нуждался в помощнике, он заскакивал во вселенную Двойников и возвращался со своим дублем. Между прочим, ты не первый задаешь мне этот вопрос.

— А кто первый?

— Я. — В дверном проеме лучезарно улыбалась Сивилла. — Мистер и миссис диГриз, я больше не могу скрывать, что очень хочу называть вас мамой и папой. Я безумно влюблена в вашего сына и мечтаю выйти за него замуж.

— За которого? — спросила Анжелина.

— За обоих. — Два голоса слились в один.

Сивилла вошла в лабораторию, за ней по пятам шагала ее точная копия. Я посмотрел на них и впервые в жизни утратил дар речи. Но Анжелину было гораздо труднее сбить с панталыку.

— Ты раздвоилась? Теперь у нас две Сивиллы?

— А что еще оставалось? — спросили они с несокрушимой женской логикой. — Я люблю ваших сыновей, а кто любит, тот обязательно что-нибудь придумает.

— Ты их еще не порадовала приятной новостью?

— Еще нет, — хором ответили Сивиллы. — Но я знаю, они тоже в меня влюблены. Женщины всегда это чувствуют. Но ваши сыновья слишком благородны, честны, отважны и порядочны, чтобы просить моей руки. Ведь она может достаться только одному, и тогда другой будет несчастен. Но этой проблемы больше не существует.

— Похоже на то, — кивнула Анжелина. Некоторые решения женщины принимают не умом, а сердцем. Это был как раз тот самый случай. — А ты, Джим, что скажешь?

— Скажу, что решать мальчикам.

Она снова кивнула.

— Скоро они будут здесь, — дуэтом произнесли Сивиллы. — Я им позвонила...

В этот миг вошли Джеймс и Боливар. Я в жизни не видал такой уморительной немой сцены. Прежде чем близнецы вновь обрели способность двигаться и говорить, к каждому подошла Сивилла, обняла и горячо поцеловала. Ответный поцелуй не был холодней ни на градус.

— Люблю тебя, — прошептали Сивиллы. — Люблю всем сердцем. А ты меня любишь?

Как вы, наверное, уже поняли, это был чисто риторический вопрос. Улыбаясь до ушей, мы с Анжелиной взялись за руки, повернулись спиной к влюбленным парочкам и отошли в уголок — обсудить предстоящие свадьбы.

Мы поклялись себе и друг другу, что главная база Специального Корпуса запомнит их навсегда.

Я щелкнул пальцами. Робобар достал заиндевелую бутылку игристого вина, ловко откупорил двумя щупальцами, наполнил бокалы до краев и подал нам. Мы чокнулись.

— Не желаешь ли произнести тост? — спросил я.

— Конечно. За здоровье молодых. И пусть они живут долго и счастливо.

— Как мы с тобой, — сказал я.

— Да.

Мы поцеловались и осушили бокалы. За спиной Анжелины на экране виднелся чудовищный шар. Я отвернулся — не хотелось портить себе настроение в такой прекрасный день. И все-таки забыть о нем никак не удавалось. Ни мне, ни Анжелине.

— Сколько у нас денег в банке? — спросила она. — На циклотрон хватит?

— Мы и угольную шахту можем себе позволить. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, есть одна мысль... насчет оригинального свадебного подарка.

Стальная Крыса на манеже

Глава 1

— Все, я выдохлась, — пожаловалась Анжелина. — Шутка ли — столько времени лупить по клавишам.

— Любовь моя, ты ведь не задаром лупишь. — Я оторвался от своей клавиатуры, зевнул, потянулся до хруста. — Меньше чем за два часа мы через брокеров выкачали с фондовой биржи свыше двухсот тысяч кредитов. Кто-то скажет, что это противозаконно. Пусть так, зато очень выгодно. Что до меня, то я предпочитаю считать это служением обществу. Я стимулирую оборот денег, снижаю уровень безработицы...

— О господи, Джим! Оседлал любимого конька! Уши вянут.

— Не беспокойся. От того, что ты сейчас услышишь, они не завянут. Нам необходимо развеяться, и медлить с этим нельзя. Что скажешь насчет пикника на живописной поляне в Моншервудском лесу? Насчет шампанского?

— Идея прекрасная, но для пикника необходимо запастись продуктами и...

— Все схвачено. Есть и корзина, и все остальное — от икры до роковых яиц. Ждет в стазисном холодильнике. Нужно только забросить еду вкупе с неисчерпаемым запасом шипучего напитка в лодку на воздушной подушке — и вперед, навстречу развлечениям.

Сказано — сделано. Пока Анжелина выбирала наряд для пикника, я погрузил снедь и ящики с шампанским на борт лодки. При этом я напевал от счастья — еще бы не напевать, последнее время мы с Анжелиной вкалывали, как заправские трудоголики, и заслужили отдых. Бежать, бежать от прозы будней! Скорее сменить декорации! Укрыться под сенью ближайшей дубравы, в одном из редких зеленых уголков мучительно скучной планеты Усти-над-Лабам. Мой бог, во что ее превратили аборигены! Куда ни кинь взор, он непременно упрется в сатанински-мрачную фабрику с тупейшим компьютерным управлением.

Обворовывать такие — одно удовольствие. Что я и проделывал с неизменным успехом. С помощью передовой техники взламывания компьютерных защит я закинул хитрую программу в операционную систему преуспевающей брокерской конторы. Это позволило мне задерживать поступление информации на фондовую

биржу. Для чего, спросите? Разумеется, чтобы покупать акции, пока на них не подскочили цены, а затем продавать с выгодой. Чистая работа!

Вдобавок это просто услуга с моей стороны здешним финансово-промышленным воротилам. Рано или поздно афера раскроется, и тогда, я уверен, газетная шумиха и веселая беготня полицейских натолкнут их на мысли о необходимости перемен. А то ведь только и слышишь: РАМ, РОМ, ПРОМ... Да, мы с Анжелиной в своем роде благотворители, скрашиваем унылое туземное житье-бытье. И почитай что даром. Ну, за чисто символическую плату.

Анжелина вышла из дома, и мы взмыли в небеса.

Мощно ревел мотор, воздух стремительно обтекал корпус лодки, мы с женой взволнованно держались за руки, и прекрасное средство передвижения уносило нас все выше и выше.

— Как чудесно! — воскликнула Анжелина.

— Merda! — прорычал я, потому что пульт забибикал, заполыхал лампочкой предупреждения об атаке. Так и есть — прямо на нас пикировал полицейский крейсер. Я врубил форсаж.

— Пожалуйста, милый, не надо! — Анжелина ласково положила ладонь мне на запястье. — Не будем портить такой день головокружительными гонками. Давай остановимся, улыбнемся славным блюстителям правопорядка. Если не хочешь улыбаться, предоставь это мне, а ты только заплатишь штраф. Я очарую легавых, ты их подмажешь, и мы со спокойной совестью полетим дальше.

Мысль показалась мне здравой. И верно, к чему лишние проблемы, особенно в такой славный денек? Я для порядка театрально вздохнул и с превеликим облегчением сбросил скорость.

Полицейский крейсер открыл огонь из носовых орудий.

Все стремительно завертелось. Я ударил по рычагу ускорения, дал полный назад. Пушки промазали, а я — нет. Лодка описала мертвую петлю, и я снес крейсеру хвост. И отпрянул что было тяги на тот случай, если за крейсером идет ведомый. Когда подбитый корабль ринулся вниз, я присмотрелся к нему. Иллюминаторов не было. Следовательно, не было и пассажиров.

— Роботы-полицейские! — Я довольно фыркнул. — Прекрасно. Не надо задерживаться и щадить их жизнь, потому что они таковой не располагают. На свалку металлолома, и вся недолга!

Настало время вспомнить веселые деньки, когда имя Джима диГриза гремело на всю галактику. Я набрал высоту, а затем ринулся вниз с пятикратной перегрузкой — стая полицейских крейсеров появилась слишком неожиданно. Когда они пристроились мне в хвост, я дал задний ход. Анжелина, не теряя времени, приготовила к бою оружие и защиту и, пока крейсеры проносились

мимо, ухитрилась сбить троих. Я не летаю безоружным даже в небе самых мирных планет. Наша уютная лодочка безобидна только с виду.

Однако дело принимало неважнецкий оборот. Нас чудовищно превосходили в численности и огневой мощи.

— И снаряды на исходе, — предупредила Анжелина, словно прочла мои безотрадные мысли.

— Меняем маршрут! — крикнул я, падая на зеленый лес. — Хватай «энзэ» и готовься к жесткой посадке!

Мы пронеслись на бреющем над скалистой грядой, нырнули в долину и зависли над самой землей под деревьями. Анжелина распахнула дверцу вибрирующей лодки, сбросила ранец и спрыгнула в тот самый момент, когда я нажал на кнопку двухсекундного замедления. Сам я слишком замешкался и, прыгая, получил дверцей по каблуку. Пришлось делать сальто с выходом на плечи, а потом лежать пластом почти без чувств.

— Мой герой! — Дражайшая супруга погладила меня по щеке и чмокнула в лоб. — Надо пошевеливаться.

Надо — значит надо. Она подхватила ранец и грациозно — не то что я — скользнула под прикрытие кустов.

В небесах грохотала канонада, наша верная лодка защищалась изо всех своих робосил. Увы, вскоре чудовищной силы взрыв положил конец пальбе.

— Прощайте, шампанское с икрой, — произнесла Анжелина таким ледяным тоном, что у меня резко понизилась температура.

— В этом году пожертвований на праздничный бал легавые не получат, — зловеще поклялся я.

Моя боевая подруга вмиг повеселела, рассмеялась и ласково сжала мне руку. Смертоносный холод сгинул без следа.

— Надо запутать след, — сказал я. — Пока полиция не выяснила, что сражалась с робопилотом.

— Ничего не надо запутывать, — возразила Анжелина. — Мы с тобой под большим красивым деревом. Нас нельзя заметить с воздуха, даже, надеюсь, в инфракрасном спектре. Если роботы заподозрят, что лодке пуста, они будут искать нас по ее траектории.

— Безупречная логика, — признал я, роясь в спасательных ранцах. Винтовки, гранаты — все, что необходимо для выживания. — Позволь слегка дополнить цепочку твоих рассуждений и задать вопрос: с какой стати полиции вздумалось нас расстрелять?

— Ума не приложу. Для местных властей мы самые обыкновенные туристы, для развлечения играем на рынке ценных бумаг. Иногда теряем, иногда...

— Но гораздо чаще приобретаем.

— Что это? — спросила она, когда я вынул из кармашка на поясе серебристую флягу.

— Коктейль «Веселый бармен». Действует мгновенно. Купил на распродаже. — Я отвинтил колпачок, на ладонь упали две пластмассовые стопки. Зашипело, ладонь ощутила холод — во фляге конденсировалась жидкость. Я протянул Анжелине полную искристого напитка стопку. Под воздействием «Веселого бармена» серые кружки на дне стаканчиков молниеносно превратились в дольки фруктов. Мы сняли пробу.

— Недурно. — Я облизнулся и подстегнул мозги. — Этих роботов не арестовать нас послали, а прикончить. Мы где-то дали маху?

— Похоже на то. По-моему, надо выбраться из леса и разузнать, кто нас так невзлюбил и за какие грехи.

— И мы, конечно, не можем позвонить в полицию и спросить, почему стражи закона лупят из пушек по мирным туристам? Не можем?

— Не можем. Но я придумала более тонкий ход. Свяжись с Джеймсом и усади его за компьютер. Пускай побьется с нашей проблемой. Он здесь, он занят компьютерным бизнесом, он умеет добывать информацию.

— Отличная мысль. Заодно попросим забрать нас отсюда, а то возвращаться пешком из такой дали мне почему-то не хочется.

Мы осушили стопки, и я взвалил ранцы на спину. В небе разлилась тишина, лишь насекомые жужжали, да где-то вдалеке перекликались птицы. Мы двигались, избегая открытых мест и напрягая слух. Однако ничто не выдавало близости полицейского флота. Я улыбнулся. Затем помрачнел — над головой зарокотал мотор.

— Возможно, это всего лишь местный житель, кряжистый лесовик. Летит куда-то по своим лесным делам.

— Будем надеяться. — Анжелина кивнула. — Хотя, кто бы это ни был, он приближается, и быстро. Если это по нашу душу, я буду вынуждена признать, что такая бурная деятельность и пристальное внимание чрезмерны для рядового дорожного происшествия.

— Вынужден согласиться. Выйти с нами на связь никто не пытается. Только палят. Кому-то мы нужнее мертвые, чем живые.

Я нахмурился: Анжелина раскрыла ранец и достала громадный пистолет.

— Но нас не так-то легко одолеть, согласись.

Я согласился. Мы разбили бронированному полицейскому крейсеру гусеницы, но, и обездвиженный, он яростно сражался. Пригибаясь, мы подобрались вплотную — на таком расстоянии он уже не мог навести на нас скорострельные пушки. Я запрыгнул на корпус, распахнул люк, бросил две сонные капсулы. Затем осторожно заглянул в кабину.

— Очень интересно. — Я вернулся к Анжелине. — Никого нет дома. Из чего вытекает: эта штуковина, как и те, что нас преследовали, — робот с дистанционным управлением.

— Но кто же ее на нас науськал?

— Да кто бы ни науськал, он враг.

Вдали за деревьями загудели моторы, и мы бросились в противоположном направлении, в гущу леса. Выбор оказался не самым удачным — вскоре машины загудели впереди.

— Выслеживают датчиками, так что беготней мы только выдаем себя. Лучше останемся здесь, и будь что будет. Захватим с собой на тот свет как можно больше машин.

— А мне казалось, что убивать или калечить людей — против законов роботехники.

— Похоже, законы отменены. Оружие к бою — противник атакует!

Не буду лгать, что я не испытывал угрызений совести, превращая полицейских в металлолом. Но все же эти угрызения были не столь мучительны, чтобы отравить мне удовольствие. Однако силы оказались слишком неравными. На смену разбитым машинам появлялись новые, а наш боезапас неуклонно таял.

— У меня последняя граната, — предупредила Анжелина, взорвав танк на воздушной подушке.

— А у меня последняя пуля, — посетовал я, выведя из строя роботикл. — Мне было с тобой хорошо.

— Чепуха! Джим, не сдавайся. Ты же никогда не сдавался.

— Ты это знаешь, а они — нет.

Я вышел на открытое место, замахал носовым платком и продемонстрировал окружившим нас робофараонам, что безоружен.

— Мир, пакс, капитуляция. Довольны?

— Недовольны, — ответил вооруженный до зубов робот с сержантскими полосками на манипуляторе и злобной иронией в механическом голосе. И поднял раскаленный докрасна огнемет.

Я разнес его вдребезги выстрелом из спрятанной в паху пушечки.

Неужели конец? Неужели нам суждено лечь в землю этой убогой планетки, затерявшейся на задворках галактики?

Окружавшие нас танки, роботиклы и прочие военные сооружения с грохотом двинулись вперед, их оружие зловеще колыхалось и вибрировало. На мою руку легла ладонь Анжелины. Я обдумывал последнюю свою атаку — сейчас ринусь в самую гущу этих железных душегубов, и пусть я погибну, лишь бы дать обожаемой спутнице жизни малейший шанс прорваться. Но в тот самый миг, когда я напряг мышцы, чтобы броситься вперед, за деревьями раскатился голос.

— Вы показали себя очень неплохо, — снисходительно заявил, выбираясь на полянку, его щеголеватый владелец. Он был при полном параде: вечерний костюм, черная мантия, сколотая алмазной брошью, трость с алмазным набалдашником.

Это было уже слишком. Я услышал жуткий первобытный клокочущий рев и запоздало сообразил, что он рвется из моего горла. И выпустил последний — на этот раз и в самом деле последний — снаряд из пушечки.

Была вспышка, и был грохот.

Перед самым носом у франта. Взрыв не причинил ему ни малейшего вреда — силовое поле, генерируемое тростью, защищало надежно.

— Спокойствие, спокойствие, — изрек он, зевая и прикрывая рот ладонью. Эбеновая трость небрежно описала дугу, и весь самодвижущийся арсенал с громыханием и лязгом скрылся в лесу.

— Вы не из полиции, — заключила Анжелина.

— Миссис диГриз, вы абсолютно правы. Зато мои слуги, взявшие вас в плен, — из полиции. Или, точнее, мои служащие. Вынужден признать, их ряды значительно поредели.

— Крепитесь, — сказал я. — И позвоните в страховую компанию. Но не забывайте: это вы начали.

— Вы правы, начал я и вполне доволен результатом. Из многих источников я слышал, что вы — лучший джентльмен... и, разумеется, лучшая леди из тех, кто подвизается на определенном поприще. В это верилось с трудом, но теперь я убедился. Да, впечатляющая работа. Настолько впечатляющая, что я готов предложить вам контракт.

— Не нанимаюсь. Вы кто?

— О, думаю, мне вы все-таки не откажете. Позвольте представиться: Императрикс фон Кайзер-Царский. Зовите меня просто Кайзи.

— До свидания, Кайзи. — Усмехаясь, я взял Анжелину за руку и повернулся кругом.

— Миллион кредитов в день. Плюс издержки.

— Два миллиона.

Я повернулся к нему. Ухмылки как не бывало.

— По рукам. Обе стороны подпишут договор.

Он вынул из трости разукрашенный золотом лист бумаги и вручил мне. Анжелина встала на цыпочки, заглядывая в документ через мое плечо.

— Что-нибудь не так? — спросил Кайзи.

— Все так, — ответил я. — Мы берем на себя обязательство выполнить порученную работу за согласованный гонорар. Сумма выплачивается частями, ежедневно, путем перевода денег на мой счет. Превосходно. Но тут нигде не сказано, чего вы от нас хотите.

Кайзи глубоко вздохнул и вновь коснулся рукой трости. Она раскрылась, превратилась в удобное складное кресло, в которое наш собеседник вальяжно уселся.

— Прежде всего, вам следует войти в мое положение, уяснить, кто я и что из себя представляю. Моего имени вы, разумеется,

раньше не слышали, потому что до сего дня это не входило в мои планы. Я старался не привлекать к своей персоне внимания жуликов с загребущими лапами. Видите ли, ваш покорный слуга — один из самых богатых людей в галактике. — Губы его чуть тронула улыбка — несомненно, он вспомнил о своих сокровищах. — Вероятно, я еще и абсолютный чемпион среди долгожителей. В последний раз я пытался сосчитать свои годы, кажется, сорок тысяч лет назад, плюс-минус тысячелетие-другое. Как вы сами, несомненно, знаете, с веками память уже не та. Я был ученым... то есть я полагаю, что был ученым. А может быть, нанимал ученого. Иными словами, я первым в галактике получил средство для долголетия. И, разумеется, оставил его себе. А потом усовершенствовал. На сколько я выгляжу, по-вашему?

Он приподнял и повернул голову. Ни двойного подбородка. Ни «гусиных лапок» у глаз. Ни седины на висках.

— Сорок я бы, пожалуй, дала.

— Веков?

— Годков.

— Вы очень любезны. Так вот, тысячелетие за тысячелетием я копил деньги, движимое и недвижимое имущество. Чтобы мой капитал неуклонно рос, хватило бы одних инвестиций под сложные проценты. Но это было бы слишком скучно, а скуку я ненавижу больше всего на свете. Чтобы не ощущать бремени прожитых лет, я охочусь за развлечениями. Чего я только не испробовал! По мере того как росло мое состояние, я покупал целые созвездия. Между прочим, сейчас, чтобы коллекция не выглядела слишком однообразной, я выторговываю спиральную галактику — вдруг да пригодится когда-нибудь. В числе моих последних приобретений — несколько черных дыр. Но, боюсь, я их скоро сбуду с рук. Скучища. Увидел одну черную дыру — считай, что увидел все.

Он достал из нагрудного кармана носовой платок, легонько дотронулся до губ, вернул на место. Не хватает последнего атома до полной молекулы, подумал я. И, поймав взгляд Анжелины, прочел в нем ту же мысль.

— Однако сейчас передо мною стоит более сложная проблема, нежели скука, и ее необходимо срочно решить. Тут не обойтись без вашей помощи.

— Три миллиона в день.

Моя подозрительность быстро уступала жадности.

— Согласен. — Он подавил зевок. — Итак, проблема в том, что меня систематически обворовывают. Некоему мошеннику или шайке мошенников удается проникать в мои банки. В каком бы краю галактики они ни находились. И успешно их обчищать. И если мне случается приобрести банк — к примеру, «Первый межзвездный банк вдов и сирот», — они обчищают его до последнего

кредита. И это плохо сказывается на моих отношениях с клиентами. На миллионах клиентов с миллиардами кредитов. Как вы понимаете, в подобной ситуации любой на моем месте был бы весьма огорчен. Вы, джентльмен Джим диГриз, должны мобилизовать все свои нержавеющие стальные таланты, чтобы положить конец воровству и разоблачить преступников.

Я открыл было рот, но Кайзи поднял трость и устало вздохнул.

— Знаю, знаю, не тратьте слов. Четыре миллиона в день, и торг окончен. О, если б вы только знали, как мне наскучил бизнес!

— Вы посвятите меня во все подробности предыдущих краж, — сказал я. — И дадите список банков, где храните деньги, а также банков, которые вам принадлежат.

— Уже сделано. Всю информацию найдете в вашем компьютере.

— Вы очень уверены в себе, не правда ли?

— О да.

— И не теряете времени даром.

— Приходится. Да и вам не грех поработать споро — за такие-то деньги. Я из тех, кто на вопрос: «Когда надо сделать?» — всегда отвечает: «Вчера». Может быть, вас подвезти? Чтобы не теряли времени?

— Какая любезность, — процедила Анжелина. — Особенно после того, что вы сделали с нашей воздушной лодкой. И с корзиной для пикника.

— Деньги в размере стоимости поврежденного транспортного средства уже переведены на совершенно секретный, никому не известный счет в «Банко ди Наполи». И в качестве некоторой компенсации за причиненные неудобства прошу вас быть моими гостями на сегодняшнем приеме в «Зале Пепельного Света». Просто скажите метрдотелю, что счет оплатит Кайзи. Отужинаете, как никогда в жизни.

На полянку бесшумно спустился «Роллс-Ройс» на воздушной подушке. Отворилась дверца.

— Миссис диГриз, после вас. А можно вас звать Анжелиной? Не сочтете меня нахалом?

— О чем речь? — снисходительно улыбнулась она, изящно поднимаясь по трапу. — За те деньги, что вы заплатите моему мужу, зовите меня как хотите.

Глава 2

Кайзи держал слово. Обещанная сумма легла в «Банко ди Наполи» на мой счет. И это несмотря на то, что я считал его совершенно секретным, ни единой душе не известным. Похоже, Кайзи и в самом деле неплохо разбирался в банках и банковских операциях.

Необходимо учесть это. Я мысленно завязал узелок на память — надо подыскать новый, куда более секретный банк. А также нетрадиционный и абсолютно безопасный способ перевести все мои средства из финансового учреждения, чьими услугами я пользуюсь сейчас. Уж если Кайзи без всяких хлопот положил кредиты на мой счет, нет сомнений, что выкачать их оттуда ему тоже труда не составит.

Включая компьютер, я содрогался. Кайзи напихал в него столько информации о своих банках и банковских счетах, что из кластеров вываливались биты и байты, а с экрана сыпались пиксели.

— Тебе понадобится гораздо больше компьютерной памяти.

Анжелина хмурилась, разглядывая электронный хаос.

— Чувствую, что и компьютеров понадобится гораздо больше. Ведь нам нужен доступ не только к этим данным. Скажи, мне не изменяет память — наш дорогой сынишка Джеймс рассказывал о суперкомпьютере собственного изобретения, но я был занят другими делами и все пропустил мимо ушей?

— Удивлена, что хоть это помнишь. Ты тогда сразу уснул.

— Не сомневаюсь, в том виноваты выпивка и закуска.

— А я сомневаюсь. Ты, засыпая, бормотал что-то об идеях, которые твоим мозгам не переварить.

— Ну, виноват! Ну, каюсь. Да, ты права. Я превосходно помню этап компьютерного энтузиазма в моей юности, но те дни уже давно позади. Сейчас, видя перед собой умную машину, я интересуюсь только одним: где у нее выключатель.

— Наши компьютерные проблемы Джеймс возьмет на себя.

С такой незыблемой верой в способности человека может говорить только его родная мать.

Но эта уверенность имела под собой почву. Если бы не трудолюбие и незаурядный ум Джеймса и его брата-близнеца Боливара, наша недавняя беготня по параллельным галактикам вполне могла бы закончиться катастрофой. Тогда Анжелина побывала в раю, а я, в свою очередь, посетил ад. Или местечко, очень похожее на преисподнюю. Немало мы помучились, пока не разобрались со временем и пространством и не ухватили за хвост многоликого черта, наломавшего дров во множестве миров. Да, без помощи наших славных мальчиков мы бы не справились. И хотя не всегда нам сопутствовал успех в геройской, пусть и нерегулярной, борьбе за очищение вселенной от скверны, в тот раз все закончилось благополучно. Венцом отчаянного предприятия стала двойная свадьба. Близнецы влюбились в некую Сивиллу, лучшего агента Специального Корпуса. Она была столь же красива, сколь и умна, и это ей удалось разрубить гордиев узел проблем, которые иначе неизбежно привели бы к ревности и соперничеству. У машины профессора Койпу, с помо-

щью которой мы скакали по вселенным, оказался любопытный побочный эффект: дублирование при переходах. Иными словами, если некто отправлялся в параллельный мир, у него или у нее появлялся двойник. То есть некто становился одним в двух лицах. Или два лица в одном. Это не очень легко усваивается, зато здорово помогает, когда двое мужчин обожают одну и ту же женщину, а она любит обоих. Сивилла, натура целеустремленная, отправилась в параллельный мир, а вернулись оттуда две Сивиллы. Вопрос, кто из них второе «я», они решили, подбросив монетку. Свадьбу мы закатили на славу. Одно удовольствие было смотреть, как Сивилла с радостью выходит замуж за Джеймса, а счастливая Сивилла отдает руку и сердце Боливару. Чем не идеальное решение труднейшей головоломки?

— Надо поговорить с Джеймсом, — сказала Анжелина. — Пускай разберется с компьютером.

— Надо — значит надо.

Я потянулся к телефону.

На унылой планете Усти-над-Лабам мы очутились не случайно. Когда Джеймс обнаружил, что Сивилла разделяет его увлечение нанотехнологией, они отправились сюда — утилизировать ноу-хау этой планеты. Время от времени они сообщали нам о своих успехах. Похоже, дело шло как по маслу, и денежки вместо того, чтобы безудержно растекаться, начали уверенно притекать. Поэтому, когда мы искали подходящее местечко для операции по увеличению капитала, выбор Усти-над-Лабам выглядел вполне оправданным.

«Будет вполне логичным, — говорила тогда Анжелина, — нанести молодым визит, а заодно провернуть новую финансовую аферу. У меня такое впечатление, что на этой планете циркулирует изрядная денежная масса».

«Так-то оно так, — добавил я, листая рекламный буклет планетарного туристического бюро, — но, если читать между строк, понятно, что планетка не бог весть какая развеселая. На турбазах запрещены азартные игры. Хорошо, хоть алкогольные напитки не под запретом, но бьюсь об заклад: власти об этом подумывают».

«Джим диГриз, ты превращаешься в старого брюзгу. Мы летим навестить нашего сына и невестку. И заработать кучу денег. Если и правда там смертная тоска, прямиком махнем на планету, где можно гульнуть на славу».

И мы перебрались на Усти-над-Лабам. Надо сказать, все оказалось не так уж плохо. Закон запрещал азартные игры, однако в подполье они цвели пышным цветом. Я с детства увлекался карточными фокусами и со временем стал неплохим каталой. Катала — это спец по карточным манипуляциям, он вполне уместен на эстраде и хорош за покерным столом. Когда мне надоела фондовая биржа, я

облюбовал несколько злачных местечек, где играли по-крупному, и никогда не оставался внакладе.

Анжелина тоже не скучала. Она (как, впрочем, и я) с удовольствием посещала Джеймса и его жену. Каждый такой визит непременно служил поводом для вечеринки. Мы праздновали мои картежные успехи в лучших ресторанах.

Если это было прекрасно, то все прочее оставляло желать лучшего. Я имею в виду наше временное пристанище — унылый мирок. Должно быть, его породила сверхновая. Литосфера была перенасыщена тяжелыми металлами, вполне пригодными для допирования компьютерных полупроводников. Я уже не говорю о широчайших полях чистого кремния, из которого изготовляются сами проводники. Недаром в Силиконовое ущелье валом валят компьютерные фабриканты, а за ними тянутся чокнутые программисты и прочая шушера, зарабатывающая свой кусок хлеба в промышленности высоких технологий.

Мы не собирались там застревать, но обнаружили, что отвратительно организованный фондовый рынок вполне годится на роль дойной коровы. И задержались. Пожалуй, даже слишком. Следует признать, Кайзи объявился весьма кстати. Нас приободрила перспектива в ближайшем будущем покинуть этот малопривлекательный мир.

— Я им позвоню.

Анжелина назвала номер.

— Соединяю, — откликнулся телефонный аппарат. Он не бросал слов на ветер — через секунду я услышал гудок.

— «Нанотехтрик». Чем можем служить? — прозвучал елейный компьютерный голос.

— Я хочу поговорить с боссом.

— Кто ее спрашивает?

— Славная девочка. — Анжелина всегда горой стояла за женские права.

— Не ее, а его. Это его отец Джеймс.

— Гррр к. — Компьютер отключился.

— Папа, здравствуй, рад тебя слышать. Что-то ты давно не звонил.

— Очень давно. Столько работы — не до забав. Вот и сейчас — прежде всего о деле. Мы с Анжелиной решили кое-что расследовать, и нам нужен мощный компьютер. Желательно, величиной не с дом, не из тех машин, для которых требуется электрический кабель толщиной с твою руку.

— Ты только что описал наш «Нанотехтрик шестьдесят восемь икс». Сейчас же доставлю.

— Остаюсь в неоплатном долгу.

Я отсоединился.

Загудел дверной звонок.

— Я открою, — сказала Анжелина.

Через несколько секунд снова послышался ее голос:

— Джеймс! Какой приятный сюрприз! Входи.

Когда мой сын говорит: «Сейчас же», это означает «сейчас же».

— Твой звонок застал меня в вертолете. «Шестьдесят восьмой» был при мне, а я был совсем рядом.

Он держал в руке видавший виды кожаный чемодан. После усаживания, поцелуев и рукопожатий я подозрительно глянул на Джеймсову ношу.

— Решил попутешествовать?

— Это «Шестьдесят восемь икс», наша последняя модель.

Он положил чемодан на стол и щелкнул замками. Откинулась крышка с экраном, выскочила клавиатура. Я посмотрел на компьютер с сомнением, а сын рассмеялся.

— Это же первая действующая модель. Мы втиснули ее в чемодан, но со временем обеспечим потрясный дизайн. А для полевых испытаний чемодан — самое то.

Он любовно похлопал по обшарпанной коже.

— Превосходная работа в параллельном режиме. Процессор обращается к дистрибутивным источникам, а через них — к информации, распределенной по высокоскоростным сетям, чем достигается невероятная скорость. И практически неизмеримая. В пределах нескольких терафлопов.

— Терафлоп? Что за диво? Падение на землю?

— Один терафлоп — это триллион вычислений в секунду. Так что, сам видишь, этому малышу место в высшей лиге. Немаловажно и то, что вся его память — на нанооснове. Мы изобрели и запатентовали молекулярную нанопамять. В ней ряды молекул двигаются тем или иным путем, за счет чего и осуществляется запись информации. Я продемонстрирую. Можно у тебя скопировать какую-нибудь базу данных?

— Да мне их просто девать некуда, данные эти. Посмотри в файле «КАЙЗИ».

Напевая под нос, Джеймс соединил системные блоки и нажал клавишу. Раздался треск, у меня на затылке вздыбились волосы. Джеймс посмотрел на экран и улыбнулся.

— Готово. И задействована, между прочим, всего сотая доля памяти моей машинки. Что ты хочешь сделать с этой информацией?

Я рассказал о наших приключениях в лесу и о проблемах Кайзи. Джеймс понимающе кивнул, его пальцы запорхали над клавиатурой. Когда я упомянул о сегодняшнем переводе на мой банковский счет, Джеймс улыбнулся. Услышав, с какой легкостью работодатель нашел этот счет, он задумчиво покачал головой.

— С этим придется что-то делать. Подыскать надежную кубышку для твоих кровных.

Он откинулся на спинку кресла и хрустел суставами пальцев, пока экран задумчиво вспыхивал и потрескивал.

— Я включил программу поиска, — объяснил мой сын. — Вернее, сейчас в нервной компьютерной системе действует великое множество программ. Им придется перелопатить гору материала. Сейчас мы в межзвездной сети высматриваем каждую деталь каждого происшествия в каждом городе, где имела место кража. А также все подробности всех происшествий до и после того дня, когда был ограблен тот или иной банк. Потом компьютер сравнит данные. И если, к примеру, какой-нибудь космический лайнер прилетал в каждый из этих городов ровно за день до ограбления...

— То жулики, считай, у нас в руках. Найдем звездолет, найдем и преступников.

— Легче сказать, чем сделать. Ведь это всего лишь условный пример. Мне кажется, найти настоящие следы будет гораздо трудней. Но давайте сначала соберем все факты, а потом попробуем их сопоставить. Пускай компьютер поработает спокойно — ему нужно время. А мы пока откупорим бутылку шампанского и обмоем вашу новую работу. И первое серьезное испытание моего «Шестьдесят восьмого икс».

Он и договорить не успел, как Анжелина внесла бутылку и бокалы. Мы тяпнули. Через секунду появилась Сивилла, и стало еще веселей. Только Джеймс, попивая шампанское, не забывал о деле.

— Папа, — спросил он, — что ты знаешь о банках?

— Что в них лежат деньги, — жизнерадостно ответил я.

— Я имею в виду нечто более конкретное. Что тебе известно о фидуциарных фондах, процентных отчислениях с оборота, кредитовании частных предприятий, краткосрочных инвестициях, казначейских векселях и сертификации вкладов?

— К счастью, ничего. Предпочитаю старый добрый чистоган.

— Согласен. Но, поскольку мы с Сивиллой организовали собственное предприятие, я был вынужден окунуть палец ноги в золотые финансовые воды и нашел их весьма многообещающими в плане прибыли. Но я в этом деле всего лишь любитель. Чтобы вывести на чистую воду жуликов такого калибра, как те, что залезли в карман к Кайзи, нам не обойтись без помощи специалиста по банковской системе.

— Я считаю, эта задачка как раз для Боливара, — сказала Сивилла.

Она прислушалась к разговору, пока Анжелина ходила за новой бутылкой шипучего вина.

У меня взлетели брови.

— Но он же далеко! Дарит свой неисчерпаемый энтузиазм лунной геологии! И во всех его подвигах рядом с ним — Сивилла. Как я полагаю, она разделяет его пристрастие к жизни на границе.

— Все верно, но твои сведения слегка устарели. Мы поддерживаем тесный контакт, и я чувствую все, что чувствует она. Ведь она — это я. И хотя Сивилла не из тех, кто жалуется на обстоятельства, я прекрасно понимаю, что многодневная жизнь в скафандре плохо сказывается на прическе. Не говоря о личной гигиене. Мы обсуждали альтернативные ситуации, которые могут сделать необходимым краткосрочный отдых от прелестей безвоздушного пространства и свободного падения. Как и я, Сивилла живо интересуется историей живописи, археологией и, что весьма кстати, банковским делом. Для меня в перерывах между заданиями Специального Корпуса фидуциарная экономика стала чем-то вроде хобби. Сюда немножко вложишь, там перехватишь контрольный пакетик акций и изымешь оборотные фонды... Как вы понимаете, исключительно развлечения ради. Но у меня прочный банковский баланс, а тут еще такое совпадение... ты заинтересовался финансами.

— Я ими всегда интересовался, — скромно возразил я.

Она рассмеялась.

— Я имею в виду интерес несколько иного рода. Скажи, если вы с Анжелиной ничего не вложили в здешнюю экономику, как вам удается получать дивиденды?

— Намек ясен.

— Возможно, это не просто совпадение. Грядущие события бросают перед собою тень. В последний раз мы с Сивиллой говорили о том, как ей недостает старой доброй игры на фондовой бирже. А также... о, неужели я посмею это сказать?! — о жизни в тысячу раз привлекательнее, чем изучение лун. Хоть чуточку другого! Уверена, если бы Боливар занялся банковскими операциями, он бы непременно увлекся. И тогда Сивилла с огромной радостью поделилась бы с ним глубокими познаниями в этой области.

— Ты веришь, что ему понравится эта идея?

— Конечно, понравится, — хором ответили Сивилла и Анжелина.

Я понял, что вторая Сивилла тоже участвует в сговоре. И Боливар, конечно, уступит. Шутка ли — один против троих? У него ни малейшего шанса.

— Я все устрою, — вызвалась Сивилла. — На одной очень гостеприимной планете Элизиум есть филиал «Банко Куэрпо Эспесиаль». Мало кому известно, что владеет и управляет этим банком Специальный Корпус. Если все решено, можем отряхнуть с наших ног пыль Усти-над-Лабам и отправиться на Элизиум. Будет настоящий семейный сбор. Там мы продолжим компьютерный поиск, а я помогу Сивилле и Боливару освоить новую профессию.

— Бедный Боливар, — тяжело вздохнул Джеймс и тотчас был вынужден поднять бокал, чтобы укрыться от убийственных взглядов.

Когда мы наконец связались с Боливаром и Сивиллой, на моем сыне лица не было. Но поделать он ничего не мог, разве что корчиться на крючке.

— А ведь я был так близок к прорыву в области тектонической гравиметрии и фотонной интерференции!

— Звучит восхитительно, — сказала Анжелина. — Когда соберемся на Элизиуме, обязательно расскажешь во всех подробностях.

— Но не слишком распинайся, потому что за несколько недель тебе необходимо разобраться во всех деталях банковского бизнеса, — заметила Сивилла. Очевидно, она слегка жалела мужа. — И не забывай: банки — это где деньги лежат.

— Верно. — Он явно приободрился. — Чтобы довести исследования до конца, мне понадобится дополнительное финансирование. — И еще бодрее: — Мы давненько не собирались всей семьей. Нет худа без добра.

— И необезвоженная пища! — поспешила развить успех Сивилла. — А еще мы устроим бал.

Так закончился мой первый день на новой работе.

На следующее утро, проснувшись, я обнаружил, что Сивилла встала спозаранку и все уже готово к отлету. Билеты куплены, чемоданы уложены, компьютер озадачен, а у дверей ждет такси. Я задержался только для того, чтобы убедиться: Кайзи перевел на мой счет суточную зарплату.

Должен признаться, мы прекрасно проводили время. Сивилла и Сивилла до того обрадовались встрече, что остальные купались в лучах их счастья. Как мы и надеялись, банковское дело пришлось Боливару по душе. Вскоре он получил должность технического помощника директора и не собирался медлить на лестнице успеха. Искал, как бы применить новые познания к вящей выгоде нашего семейства.

Элизиум и впрямь оказался планетой блаженства, и мы с удовольствием причастились всех щедро предложенных благ. Банк располагался в экваториальном поясе. Климат там был восхитителен, и мы, разумеется, устроились в высшей степени комфортно. В теплом море было не счесть островков. Я плавал с аквалангом и скубой и чувствовал себя как дома среди разнообразных существ. В мои старческие мышцы вливалась юношеская сила. Но и о деле я не забывал. Ежедневно трудился не за страх, а за совесть и убеждался, что Кайзи платит исправно. Благодарно похлопывал компьютер, попискивающий от усердия. Он бы уже давно управился и с поисками, и с сопоставлениями, если бы не одна загвоздка — нелегко получать информацию с далеких планет.

— Пусть это тебя не беспокоит, — говорил Джеймс. — Моя программа поиска работает во всех городах нашего списка. Развлекайся, а когда все будет готово, я тебе сообщу.

Уговаривать меня не было нужды. Как ни приятно нырять со скубой, куда больше меня привлекал суровый континент у Северного полюса. С зубчатыми гребнями, острыми горными вершинами и бескрайними снегами. Настоящий рай для лыжника. Мои мышцы уже гудели от избытка сил. Мы с Анжелиной наслаждались каждой секундой вынужденного простоя. И все же самым приятным было просыпаться утром и проверять банковский баланс. С каждым днем сумма на моем счету увеличивалась на четыре миллиона. Этот вклад Боливар по теоретически не обнаружимому пути переводил в далекий и в высшей степени секретный банк.

Но любой простой рано или поздно заканчивается. Получив от Джеймса весточку, что компьютер наконец-то получил желанную информацию, мы сдали лыжи на базу и вернулись первым же авиарейсом. И встретились вчетвером поутру за семейным завтраком.

— Вот это уже больше похоже на дело, — заявил я, выходя на балкон и закуривая сигару.

И как раз в этот момент раздался звонок компьютера, замигала красная лампочка и из вентиляционного отверстия в корпусе повалил дым.

Джеймс оторвал взгляд от тарелки и положил вилку и нож.

— Вот и результаты. Наконец-то. Все-таки долго.

— Три недели, — сказал я. — Разве это долго?

— Для такой машины — да. Ладно, посмотрим, что тут у нас.

Он сел за клавиатуру и набрал команду. Поморщился, пальцы быстрее застучали по клавишам. Наконец он откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и нажал на кнопку. Принтер щелкнул, выдал лист бумаги.

— Ответ. — Джеймс помахал листом.

— Какой? — спросила Анжелина.

— Странноватый. Из всех событий — будь то прибытия и отправления, преступления и наказания, случайности и неслучайности, рождения и смерти — из всего, что произошло на всех фигурирующих планетах в дни ограблений банков, из всей этой горы вероятностей компьютер вычленил один-единственный элемент.

— Говори! — приказал я, и все остальные дружно кивнули.

— Скажу. В городе был цирк.

— Джеймс, хватит нас разыгрывать, — с холодком заметила Анжелина.

— Что ты, дорогая матушка, я вас не разыгрываю. Это правда, только правда, и ничего, кроме правды.

— Везде один и тот же цирк?

— Нет. Я сначала тоже так подумал. Множество цирковых трупп.

— Но у них есть что-то общее? — спросил я.

— Папа, холодный скальпель твоей логики режет глубоко. Похоже, все эти труппы в дни ограблений показывали один и тот же номер.

В комнате воцарилась гробовая тишина, было слышно, как в воздухе сталкиваются пылинки.

— На планете, где совершалось преступление, обязательно присутствовала некая личность по имени Пьюссанто с кичливым титулом первого силача галактики.

— Известно, где он сейчас?

— Нет. Где-то отдыхает. Но я знаю, где он объявится примерно через месяц. В одном из городов скоро откроет сезон «Большой Бигтоп»[1]. Пьюссанто участвует в программе.

— И же где этот город?

— На далекой планете, я о ней никогда не слыхал. Она на том конце галактики, и у нее непривлекательное имя Феторр. Название города столь же неблагозвучно: Феторрскория.

Я поднялся на ноги и оставил окурок умирать в пепельнице.

— Собираемся.

— Блеск.

Анжелина вовсе так не считала, судя по презрению в голосе.

— Конечно, — согласился я, вновь усаживаясь. — Вы хотите спросить, чем мы займемся, когда окажемся там. Что ж, отвечу. Вы будете сидеть тихо, а я — выполнять план «А».

— Что еще за план?

— Поступлю в цирковую труппу. Сидя среди публики, мы ничего не узнаем. И пока я буду блистать на арене, вы сделаете все остальное. Джеймс и Сивилла! Кажется, я слышу, как вас тихим свистом зовет любимая нанотехнология.

— Да, папа. Это очень веселая планета, но даже лучший отпуск когда-нибудь кончается. Ты берешься за дело, и я чувствую, мы должны последовать твоему примеру. Но, хотя мы и возвращаемся,

---

[1] Вот еще одно подтверждение тому, что визит Гарри Гаррисона в Россию в мае 1998 года не мог не оставить яркий след в его творчестве. Если «Бигтоп» — это традиционное название цирка в англоязычных странах (сравн. наш «Шапито»), то слово Bolshoy (так в оригинале) пришло понятно откуда. Автор и раньше питал здоровый интерес к гиперборейской культуре. Но тогда его русские персонажи носили архетипические фамилии Онегин, Капустин и т.п., звякали шпорами на борту космических дредноутов и лихо цедили через бороду водку из горлышка или курили сигареты «papirossi», а теперь мы на каждом шагу замечаем более тонкие аллюзии. Пускай кому-то это покажется смешным или наивным, но мне лестно. (*Прим. перев.*)

канал связи будет открыт, и ты мгновенно нас найдешь, если потребуется помощь.

— Весьма признателен. Боливар, тебя еще не кличет романтика звезд?

— Кличет, но пока не очень громко. Оказывается, финансовые операции — это довольно занятно. Хочу узнать как можно больше, а потом наварить деньжат. Устрою, так сказать, экзамен самому себе. А еще хочу, когда понадобится, прийти тебе на помощь. Вернуться в космос мы с Сивиллой всегда успеем.

— Коли так, за работу!

Я снова вскочил на ноги и больше уже не садился.

Глава 3

— И какими же талантами ты сразишь наповал хозяев цирка, когда пойдешь наниматься в труппу? — поинтересовалась Анжелина. — Что тебе ближе всего? Акробатика?

— Не совсем. Хотя смог и акробатом, если б захотел.

— Ну, в этом не сомневаюсь. Несмотря на...

— Несмотря на почтенный возраст, ты хочешь сказать? — перебил я скрипучим стариковским голосом. После чего подпрыгнул и успел до приземления пятикратно ударить пяткой о пятку.

Анжелина восхищенно зааплодировала.

— Думаю, для меня найдется работенка полегче. — Я достал из кармана пять монет и погонял их между пальцами. — Фокусы. Всегда ими увлекался. Особенно карточными. Я буду каталой.

— Каталой? Я считала, так называют карточных шулеров.

— Ошибаешься. Катала — термин фокусников, определяет одно из направлений этой профессии. Сейчас покажу.

Я снял с полки запечатанную колоду карт, сорвал упаковку. Веером разложил карты на столе, собрал, лихо перетасовал и снова пустил веером, рубашками кверху.

— А теперь выбери карту. Любую. Вот так. Посмотри. Отлично.

Я смахнул карты в ладонь и снова разложил.

— Верни ее в колоду.

Когда Анжелина это сделала, я хорошенько перетасовал карты и разложил лицом вверх.

— Будь любезна, покажи ту, которую выбрала.

Она посмотрела на карты, затем на меня и снова — внимательно — на карты.

— Ее здесь нет.

— Уверена?

— Конечно, уверена.

— Король пик?

— Да! Но как ты узнал?

— Чего проще! Я вижу эту карту через карман твоей юбки.

Я вытянул пикового короля и вручил ей. Она ахнула:

— Это он! Да ты и правда фокусник! И столько лет скрывал! Я думала, в карты ты умеешь только жульничать.

Я поклонился, принимая комплимент.

— Фокусы только с виду похожи на волшебство. Но это дело непростое. Прежде всего надо отвлечь внимание, чтобы ты смотрела туда, куда мне нужно. Потом я заставляю...

— Заставляешь? Меня? Никогда!

— Это, опять же, профессиональный термин. То есть я добиваюсь, чтобы ты взяла именно ту карту, которую нужно. Потом я смотрю, как ты возвращаешь ее в колоду, и отмечаю эту карту ногтем мизинца. Но ты этого не видишь, так как карты обращены рубашкой к тебе. А тасуя колоду, я извлекаю карту и прячу в ладони. И опускаю ее в твой карман.

— Но я этого не заметила!

— И не должна была заметить. Остается только достать карту из кармана. Опля! Дело в шляпе. Однако на сцене одних манипуляций с картами, конечно, будет недостаточно. Как любитель я неплох, но пора идти в профи.

— Мысль здравая, — сказала Анжелина. — Тем паче что ты показал себя настоящим профессиональным фокусником, когда в последний раз очищал банк. — Она улыбнулась и восторженно хлопнула в ладоши. — А я буду твоей прекрасной ассистенткой. Какая женщина не мечтает об артистической карьере? Носить прелестные, потрясающие костюмы!

— Я об этом думаю. Очень серьезно думаю. А еще — о том, что пора получше изучить мое новое поприще.

Увы, это оказалось не так-то просто. Испокон веков фокусники не отличались разговорчивостью, когда дело касалось секретов мастерства. Держали их за семью печатями, под семью замками. И хотя я прошерстил миллиарды банков данных, стоящей информации удалось собрать очень мало. Так, карточные проделки, исчезающие кролики и прочие пустяки. И возникло нехорошее и стойкое предчувствие, что в «Большом Бигтопе» меня поднимут на смех, если я явлюсь с таким убогим репертуаром.

Я рявкнул компьютеру: «Отключись», — а затем прорычал:

— Ну, ничего. На худой конец остается акробатика.

— Не отчаивайся.

Анжелина наполнила мой бокал алкогольсодержащим средством от отчаяния. Я глотнул и благодарно улыбнулся своей верной боевой подруге.

— Ты права. Не к чему тревожиться, лучше напрячь старые мозговые клетки. Если бы профессия фокусника была такой простой, мы бы сидели по уши в факирах. А дело обстоит совсем иначе. Но по телику постоянно показывают фокусников, и я, глядя на них,

благоговею. Как им удается то, что они делают? Вернее, как они научились этому? Не по книгам и не по компьютерным программам, я проверял. Но ведь научились! Как?

— Ты хочешь спросить, у кого, не правда ли?

— Хочу, хочу! — воскликнул я, вскакивая на ноги и тыча пальцем вверх. — Они перенимают тайны друг у друга. У каждого мага должен быть подмастерье. Вот кем я стану.

Я повернулся к давно уже привычному чемодану с «Нанотехтриком — 68Х».

— Мой верный компьютер, проснись!

— О великий, слушаю и повинуюсь.

Анжелина приподняла изящную бровь.

— Ты сделал из него электронного раба?

— А почему бы и нет? Чем бы мое старое эго ни тешилось, лишь бы не плакало. — Я снова обратился к чемодану: — Фокусники. Лучшие фокусники. Фокусники, знаменитые на всю галактику. Всех найти, составить список.

Я и договорить не успел, а из компьютера с тихим шелестом полезла распечатка. Всего-навсего шесть пунктов. Узкий круг избранных, ничего не скажешь.

Я добрый час убил на подготовку неотразимой рекламы, перечислил свои многообразные и убедительные дарования и выразил желание поступить в ученики к волшебнику сцены. Разумеется, главной приманкой была моя готовность платить за обучение огромные деньжищи. Когда послание отправилось в электронный вакуум, я осушил бокал и навострил ухо. Да, я не ошибся — желудок укоризненно урчал.

— Пора обедать, — проурчал, вторя ему, я. — Предлагаю сделать это в самом шикарном и чудовищно дорогом ресторане, а тем временем, надеюсь, кто-нибудь клюнет на мой крючок. И мы, возвратясь, узнаем, кого судьба прочит мне в наставники.

Мы пообедали шикарно и чудовищно дорого, и в тот момент, когда я дал знак официанту принести счет, появилась Сивилла. Да, это была Сивилла, потому что Сивилла, ее второе «я», вместе с Джеймсом вернулась на Усти-над-Лабам к работе над совместным компьютерным проектом.

— Поесть? — предложил я. — Или выпить?

— Нет, спасибо. Ну, может, крошку пирожного и каплю вина. Благодарю. — Она глотнула вина и улыбнулась.

— Урвала несколько минут — поговорить, пока Боливар на заседании совета директоров только что созданного нами частного банка «Кредитный ручеек». Мы решили поиграть с инвестициями.

— С инвестициями? Может, и мне попробовать? Надо же куда-то пристроить деньги Кайзи.

— Те же самые слова произнес Боливар. Вдобавок он не уверен, что твой сверхсекретный счет абсолютно надежен, и потому перевел все твои деньги сюда, чтобы лежали под его присмотром.

— Как любезно с его стороны!

— А также чтобы профинансировать учреждение «Кредитного ручейка».

Пожалуй, даже слишком любезно, подумал я. Но вслух этого не сказал. Я был уверен: Боливар знает, что делает.

— Еще вина?

Я наполнил бокалы. Мы выпили.

— Ведь ты не для того пришла, чтобы говорить о банках, — сказала Анжелина.

— Верно. Пока Боливар увлеченно делает деньги, я думаю о новой карьере Джима. В Специальном Корпусе у меня есть связи, и я разузнала кое-что о цирках. Просмотрела самые популярные программы, и одна показалась мне очень интересной. Называется «Чудовищное шоу Гара Гуйля. Всегалактическое уродство».

— На мой взгляд, не слишком заманчивое название, — заметила Анжелина. — Вдобавок такие вещи, кажется, противозаконны.

— Я тоже так подумала, а потому провела через Специальный Корпус осторожное расследование. Нет, все совершенно легально и интересно...

Во мне проснулось любопытство:

— *Интересно? В каком отношении?*

— Боюсь, тебе придется выяснить самому. На сегодняшний день это все, что я раскопала. Ну, разве что еще одна мелочь: по мнению Специального Корпуса, Гар Гуйль заслуживает доверия. Если еще что-нибудь узнаю, непременно сообщу. Как продвигается освоение твоего ремесла?

— Это будет ясно, как только я получу ответы на несколько вопросов. У меня такое чувство, будто впереди — совершенно неизведанный путь.

— Желаю удачи. — Она глянула на часы, коснулась губ салфеткой. — Боливар, наверное, уже освободился, я должна лететь. Пока.

И она упорхнула на крыльях энтузиазма.

Мы расплатились и вернулись, сытые, в номер. Мне не терпелось узнать, кто польстился на мои денежки.

Никто! Ровным счетом никто!

Не лучшим образом дело обстояло и на другой день. Мои рекламные листки канули в межзвездную пустоту. Вот тебе и фокус! А потом звякнул колокольчик электронной почты, и я, исполненный восторга, подхватил лист с лотка.

Через секунду клочки полетели на пол. Сопровождаемые трехэтажной бранью на эсперанто:

— Fiegulo! Bastardego! Ekskrementkapo!

— Похоже, ты не слишком доволен результатом, — констатировала Анжелина.

Отвечать пришлось сквозь скрежещущие зубы:

— В жизни мне так не плевали в душу. Не просто отказ, еще и насмешки, унижение, оскорбление, хамство...

— И все прочее. Видать, и правда свою науку фокусники держат в строжайшем секрете. Каков будет твой следующий шаг?

— Спроси что-нибудь полегче, — проворчал я, нервно расхаживая по комнате. Чего стоило не рычать и не крушить мебель! — Проклятье! Ни один знаменитый фокусник не захотел взять меня в ученики!

— Тогда почему бы не обратиться к незнаменитым?

— Не пойдет. Мне нужны только лучшие.

— Может, все лучшие вымерли? Впрочем, если они действительно были лучшими, то сумеют, наверное, поговорить с тобой из могилы.

— Без шуток! Дело серьезное!

И тут я застыл как вкопанный. Меня осенило. Не живые, не мертвые... Но... отошедшие от дел!

Мой верный чемодан ждал только команды.

Новый список состоял лишь из двух имен. Обладатель первого находился во многих световых годах от нас. Затем мой дрожащий палец указал на адрес второго:

— Вышел на пенсию и живет в «Счастливых Гектарах», доме престарелых артистов. Мне это нравится!

— А ты знаешь, где они, эти «Счастливые Гектары»?

— Конечно! На Элизиуме слышал. Ничего удивительного — эта планета развлечений обслуживает тьму-тьмущую звездных систем. Ну что, звоним в «Самокат напрокат»? Заказываем транспорт?

— А то как же! Жду не дождусь встречи с Великим Гриссини. А пока ты будешь звонить, я распечатаю его послужной список.

Через несколько часов мы подкатили к воротам «Счастливых Гектаров». Они располагались под аркой с вывеской из мигающих лампочек: «Дом звезд». Мы пересекли шикарный сад, где пожилые люди прогуливались по дорожкам или сидели в тенистых беседках, где трудились на клумбах робосадовники, где циркулировали роболакеи с чаем, сандвичами и пирожными. У некоторых на подносах я заметил запотевшие бокалы. Анжелина перехватила мой взгляд и укоризненно покачала головой.

— Джим, рано заливать зенки. Сначала найдем фокусника.

Дама за стойкой бюро обслуживания, обладательница элегантного платья и изысканной прически, была сама обходительность.

— Великий Гриссини? Конечно, он проживает у нас. Ну-ка посмотрим...

Она перебирала ключи, а я ломал голову: где же я ее раньше видел? В таких ситуациях у Анжелины мозги работали гораздо быстрее.

— Да вы же Хеди Ластарр! Подумать только, я вас видела в «Планете страсти». Какое это было удовольствие — словами не передать!

— Неужто поклонница? — проворковала Хеди, приглаживая стильные седые локоны. — Как мило с вашей стороны. Мало кто в наши дни помнит старое доброе объемное телевидение.

— Кто забыл, тот очень много потерял. Старое кино — не то что нынешняя мура.

— Всем сердцем согласна. Ага! Великий Гриссини — в западном саду. Ступайте за служителем, он вас проводит. И не забудьте: мы освобождены от уплаты налогов. — Она деликатно указала на ящик для пожертвований с надписью красивыми узорными буквами: «Подавать бедным никогда не вредно». Я затолкал в щель несколько кредитов, и Хеди Ластарр просияла. Затем робот голубой окраски вывел нас в сад.

— Вот человек, которого вы ищете, — указал он на сидящего под зонтиком мужчину и покатил восвояси.

Великий Гриссини вовсе не выглядел исполином. Кожа да кости, бледный как смерть, парик смахивает на старую швабру. Нас экс-факир встретил подозрительным взглядом. Я вспомнил, как реагировали (и не реагировали) фокусники на мои попытки сближения. Ершистый народ. Не стоит повторять ошибки. Пока Анжелина везла меня в «Счастливые Гектары», я ознакомился с биографией Гриссини и решил не излагать свою фальшивую «легенду». Тут нужен деликатный подход.

— Позвольте спросить, имею ли я честь обращаться к Паскуале Гриссини, известному всей галактике как Великий Гриссини?

Невнятный горловой звук мог означать все, что угодно. Я попытался изобразить располагающую улыбку и представил себя и Анжелину. Гриссини не дослушал до конца:

— Тяпнуть хотите?

— О да, конечно. Вы очень любезны.

Он снова булькнул горлом — на этот раз оживленнее — и нажал на столе перед собой кнопку. Когда он отводил большой палец, я увидел на ногте рисунок — стилизованный бокал для коктейлей. Что ж, вполне красноречиво.

Приехал робот — ящик на колесах. Ящик обладал руками и был увенчан головой мужского манекена.

— Чего изволите? — спросила эта штуковина. — Сегодня наш фирменный напиток — Цубенельгенубийский чай со льдом. Сто пятьдесят градусов.

— Мне двойную!

Великий Гриссини с заметным воодушевлением подался вперед.

Мы с Анжелиной тоже заказали фирменный. Внутри у робота погудело, затем откинулась крышка люка и показался поднос с охлажденным напитком. За прозрачной перегородкой!

— Это стоит двадцать два кредита, — сообщил робот. — Только наликом. — И широко раскрыл рот, показывая прорезь для денег на месте языка.

Я покосился на Гриссини. Тот уподобился мраморной статуе. Стало быть, мой ход.

Я шпиговал робота монетами, пока вмонтированный в него рожок не исполнил краткий туш. Перегородка скрылась, механические руки водрузили поднос на стол.

— А еще — прожаренных крендельков из морских водорослей, — потребовал наш новый друг, улыбаясь одними глазами.

Я с удовольствием расплатился. А когда Великий Гриссини присосался к стакану с токсичным чаем, я ударил по самым ярким параграфам его карьеры:

— Ваш «Исчезающий бойспраут» — подлинная вершина циркового искусства. Настоящий мальчик поднимался по канату на глазах у публики, а затем мгновенно пропадал. Вам известно, что этому фокусу посвящены две книги? И оба автора утверждали, что знают, в чем тут хитрость.

— Они и правда знали?

— Нет. Во всей галактике ваша тайна — до сих пор тайна. И она жива в памяти благодарных зрителей.

— Да, им этот номер нравился.

Он покивал, но несильно, чтобы губы не оторвались от стакана.

— Но больше всего, насколько мне известно, завсегдатаев цирка восхищал «Исчезающий свинобраз». Прямо на глазах у зрителей огромная свирепая тварь просто-напросто дематериализовалась. О да, это было поистине чудо! Цирковое искусство в неоплатном долгу у Великого Гриссини, в галактике несть числа его почитателям, и он никогда не познает забвение.

— Дерьмо свинобразье! — рявкнул он, подавая наконец признаки жизни. — Если бы меня помнили, я бы не ушел с арены, не страдал бы от жажды на солнцепеке, не жил бы одними воспоминаниями!

У него на миг увлажнились глаза. Он осушил бокал, отодвинул, посидел с опущенной головой, жалея себя, а затем протянул к роботу руку с посудиной. И молчал, пока она не наполнилась. Изрядный глоток вернул ему самообладание.

— Когда ты стар, публика за тебя гроша ломаного не даст. Не дадут и продюсеры. Молодых фокусников со свежими номерами — пруд пруди. Вот я и ушел, не дожидаясь пинка под зад. И увяз

в этой выгребной яме, чей девиз «Живи, пока не сдохнешь». Подписал контракт и получил обещанные стол и кров. Да вот незадача — не прочел набранный петитом текст. Самоуверенный я тогда был, самоуверенный и глупый. Положился на своего хитрозадого адвоката, а когда хватился, было уже слишком поздно. Он впал в маразм, и теперь с него взятки гладки. Представляете, этот олух устроил меня сюда, даже не заглянув в контракт! Даже не заметив, что меня брались обеспечивать лишь самым необходимым! Обещали кормить, но не вкусно. Обещали стелить, но не мягко. Захочешь еще чего-нибудь — плати. Разумеется, адвокаты забыли об этом предупредить.

Он с шумом высосал последние капли, и я азартно нажал кнопку на столе. На этот раз улыбка на моем лице была совершенно непринужденной. Что плохо для него, то хорошо для меня.

— Запомните сегодняшний день, — сказал я. — Поскольку это первый из дней, которые вам суждено провести в холе и неге. Подумайте о лучших яствах, какие только можно вообразить. Подумайте о холодильнике, где никогда не иссякнет выпивка.

— Чего ради я должен обо всем этом думать?

В нем мгновенно проснулась подозрительность. Впрочем, она не помешала сцапать бокал коктейля, едва тот появился на столе.

— А того ради, что все это вы получите. Плюс лучшие гериатрические процедуры. К чему вам столько морщин? Все это мы гарантируем, как и то, что ваши замечательные чудеса снова украсят звездные арены и принесут вам известность.

— Какие арены? Какая известность? Да из меня песок сыплется.

— Не волнуйтесь, вам не придется ударить пальцем о палец. Но вы будете почивать на лаврах, зная, что ваш ученик упрочивает благородную традицию...

— Нет у меня ученика. Всегда в одиночку работал.

— С этого дня будет. Договорились?

— Нет. Мои фокусы — это мои фокусы. Ни с кем не делюсь!

— Речь идет не о дележе, а о преемственности. — Я придвинул к нему полный до краев бокал. — Вы меня научите всему, что знаете, а я никому ничего не раскрою.

— Даже мне, — подхватила Анжелина. — Конечно, за исключением тех номеров, в которых мне предстоит ассистировать. Как это будет прекрасно! — Она погладила его по запястью и получила в награду безрадостную улыбку.

— А ведь неплохо было бы еще разок выйти на сцену. Подержите меня за руку, детка... — Вдруг он нахмурился. — Не согласен. Уйду в могилу я, уйдут и мои тайны. Меня не подкупите.

— Да я и не пытаюсь вас подкупить! — воскликнул я с жаром, который свидетельствовал как раз об обратном. — Но искусство не должно умереть вместе с вами. Как же без него обойдутся тысячи еще не родившихся зрителей?

На мой взгляд, это прозвучало неубедительно. Должно быть, спиртное затуманило мозги. Убийственная штука этот Цубе...небе... Тьфу, не выговорить.

— Я объясню, что пытается сказать мой муж. — Похоже, из нас троих только Анжелина осталась сравнительно трезвой. — Он до такой степени восхищен достижениями Великого Гриссини, что решил сделать его счастливым до конца дней. И если вы поделитесь своими секретами, он свое обещание сдержит. Для него — карьера. Для вас — счастливые годы. Вот и решайте.

— Ну... — промямлил он, и я понял, что этот бой мы выиграли.

Мы сняли дом неподалеку от «Счастливых Гектаров». Каждое утро Великого Гриссини привозил лимузин. День ото дня он выглядел все лучше — хорошее питание, в меру выпивки плюс чудодейственные гериатрические процедуры делали свое дело. Казалось, он и в росте прибавил, когда ради нас взялся за старое.

Мы заказали столь же дорогую, сколь и удивительную аппаратуру, и, пока дожидались ее, Великий Гриссини преподавал мне азы мастерства.

— Отвлекать, отвлекать и еще раз отвлекать! Накрепко зарубите себе на носу эти три волшебных слова. Не забывайте: публика хочет, чтобы ее надули. Пока она смотрит сюда, вы манипулируете здесь.

«Сюда» — это его поднятая белая рука, выхватившая из пустоты припрятанную в ладони монетку. «Здесь» был цилиндр, секунду назад пустой, а теперь таящий в себе белого грызуна, которого факир миг спустя вытащил за длинные уши. Меня он надул безупречно. Я и не заметил, как он достал зверушку из подвешенного под столом мешка, а затем, прикрывая ее собой, сунул в шляпу. Когда он продемонстрировал все медленно и открыто, фокус показался донельзя примитивным. Гриссини угадал мою мысль и улыбнулся.

— Конечно, когда объясняешь, в чем секрет, зритель разочаровывается. Думает: до чего же просто, как это я не заметил? Вот почему фокусник никогда не раскрывает своих тайн. Разоблачить его — все равно что лишить невинности. Он должен верить в волшебство, хоть и знает назубок рецепты своей кухни, и внушать эту веру публике. Не пренебрегайте сим правилом, и вам отплатят любовью. Скажете, в мире нет волшебства? Сделайте так, чтобы оно появилось, и вас будут носить на руках. А теперь исполните все, что я показал. Не торопитесь. Вот так, уже лучше... хоть и не слишком.

В дверь постучала Анжелина, я открыл.

— Доставка. Огромный ящик от «Просперо электроникс».

— Ага! — Гриссини возбужденно потер ладони. — Очень скоро мы воссоздадим потрясающее чудо — «Исчезновение свинобраза»!

Глава 4

Этот дом мы сняли еще и по той причине, что в нем была огромная гостиная. Когда мы убрали всю мебель и забили ею гараж, гостиная стала нашим театром. Ее разгородили занавесами, раздвигавшимися и сдвигавшимися от одного нажатия на кнопку. Мы с Анжелиной, сидя в кресле перед сценой, служили благодарной публикой. И смотрели, как техники под руководством Гриссини готовят аппаратуру к «Исчезновению свинобраза».

Все выглядело довольно просто. На сцене перед задним занавесом возвели двустенную клетку из металлических брусьев. В плане она образовывала треугольник. Одна сторона — занавес, две другие — металлические решетки.

Нас Гриссини удостоил вниманием лишь после того, как техники получили щедрый магарыч и разрешение отправляться восвояси.

— Для фокуса все готово, — объявил он. — Дело только за свинобразом.

— Это довольно хлопотно, — сказал я. — А нельзя ли при демонстрации использовать другое существо?

Он поразмыслил, затем указал на Анжелину.

— Конечно, большое и грозное животное чрезвычайно усугубляет эффект. Но в целях демонстрации сгодится и она. Прошу, дорогая.

Гриссини и мою жену скрыл занавес, а через минуту я увидел их в клетке.

— Вы должны стоять совершенно неподвижно, — предупредил он. — Что бы ни происходило, не двигайтесь. Понятно?

— Вполне. Я буду как статуя.

— Хорошо. Когда я делаю фокус по всем правилам, свинобраз скован цепями и не шевелится. Итак, начинаем.

Он скрылся за занавесом. Анжелина сложив руки на груди, терпеливо ждала, когда Великий Гриссини выйдет на сцену и поклонится публике, то есть мне. Я ответил бурными и продолжительными аплодисментами.

— Леди и джентльмены, — заполнил гостиную его усиленный электроникой голос, — вы только что видели, как униформисты заключили опасного свинобраза... простите, очаровательную леди в эту клетку. Она изготовлена из несокрушимых стальных брусьев. — Гриссини постучал волшебной палочкой с металлическим наконечником по прутьям решетки. Они звякнули, как и полагается несокрушимым стальным. — Вы видите крепкие замки и цепи, которые удерживают на месте огромного зверя. — Замки и цепи присутствовали, чего нельзя сказать о свинобразе. — Бежать из этой клетки невозможно.. ну, разве что с помощью волшебства. Волшебства, которое вас изумит и поразит. Держитесь за стулья!

Громом раскатилась дробь невидимых барабанов и оборвалась на последнем крещендо. В тот же миг на клетку упал черный покров. Он висел одну-единственную секунду, потом Гриссини сдернул его.

— Анжелина! — вскричал я.

Она исчезла. Клетка была пуста. Я вскочил и ринулся вперед.

— Спокойствие! — громовым голосом рявкнул Гриссини. Я остановился и сел. — Это же всего-навсего фокус.

Почему же с меня ручьями льется пот?

Пока факир уходил за занавес, мне огромного труда стоило усидеть на месте.

Он появился, ведя под руку Анжелину. Оставаться в кресле я уже не мог, подбежал к ней и заключил в объятия.

— Что произошло? — спросил я.

— Не знаю. Кругом было совершенно темно, пока не появился мистер Гриссини и не вывел меня. А ты что видел?

— Ничего. На мгновение упал покров, и ты исчезла.

— А мне не казалось, что я исчезла. Или что меня передвигали. Вообще ничего не заметила, кроме темноты. — Она посмотрела на улыбающегося фокусника. — Что вы сделали?

Он поклонился и картинно раскинул руки.

— С удовольствием расскажу, поскольку вы собираетесь участвовать в этом представлении. — Улыбка стала еще шире, и он театрально ткнул пальцем вверх. — Все благодаря зеркалам.

Боюсь, в ту минуту мы с Анжелиной были способны только на то, чтобы показать Великому Гриссини наши миндалины.

Он велел нам посмотреть на металлическую решетку в упор.

— Сейчас все произойдет открыто, без черного покрова. Смотрите внимательно. Абракадабра!

Мгновенно и бесшумно промежутки между брусьями превратились в зеркала. Мы с женой изумленно переглянулись. Фокусник счастливо рассмеялся.

— В брусьях скрыты зеркальные полоски. Выдвигаются по сигналу радиопередатчика. Зрителям клетка кажется пустой, поскольку они смотрят на отраженный в зеркалах голубой занавес. И пока они сидят, разинув рты, ассистенты уводят свинобраза, зеркала исчезают, и на этот раз клетка действительно пуста. Не правда ли, просто и в высшей степени эффектно?

— Разит наповал, — кивнул я.

— Совершенно с вами согласен, — заметил Кайзи, отворяя лично мною запертую дверь и входя в гостиную. — Джим, вы потратили кучу моих денег, и у меня возникло вполне естественное желание посмотреть, чем вы тут занимаетесь. Я читаю ваши ежедневные отчеты и, разумеется, отчеты моих агентов. Вы уверены, что цирк имеет отношение к кражам?

— Компьютерные программы не лгут. Мы составили перечень краж. Я дал компьютерам задание изучить и сопоставить малейшие детали всех преступлений. Мы прочесали файлы новостей, тщательно проанализировали расписания космопортов и аэропортов. Встречались довольно похожие эпизоды. Из горы данных, которую мы добыли и проанализировали, удалось извлечь только одно обстоятельство, связанное со всеми преступлениями. В каждом городе выступала цирковая труппа. То есть труппы были разные, но на манеже обязательно появлялся некий силач по имени Пьюссанто.

Пришел черед Великого Гриссини таращиться на нас, изумленно раскрыв рот.

— Пора сделать антракт. — Анжелина вежливо взяла его под руку и увела со сцены. — А заодно и горло промочить.

— Мысль здравая. — Кайзи уселся в кресло и пригладил мягкий мех утреннего костюма. — И все же она не решает главной проблемы: я трачу большие деньги и жду утешительных результатов. Если уж на то пошло, я готов вас материально стимулировать. То есть придержу ежедневные выплаты, пока вы не войдете в контакт с подозреваемым силачом.

— Вы не посмеете!

— Помилуйте, отчего же? Статья шестая, восемнадцатый параграф нашего договора.

— Что-то я не припоминаю такого параграфа. — У меня перед глазами живо встала горестная картинка: крылатые банкноты улетают в ночную мглу.

— Припомните, если повнимательнее прочтете документ, на котором стоит ваша подпись. Копия контракта при вас?

— Нет. Она в банке.

— Разумная предосторожность. Ничего, я прихватил свою — подумал, вдруг вам захочется взглянуть.

Он достал из мехового бумажника документ — на сей раз не шедевр полиграфии, а обычную принтерную распечатку. Я пробежал текст глазами и победоносно воздел копию контракта над головой.

— Я прав! В шестой статье всего семнадцать параграфов!

— Да неужели? — Кайзи выглядел сбитым с толку. Но тут он склонился над бумагой и ткнул пальцем в конец семнадцатого параграфа. — А на это что скажете?

Я заморгал.

— Похоже на чернильную кляксу.

— Внешность обманчива. — Он достал из саквояжа медную трубу и вручил мне. — Поглядите в микроскоп.

Я поглядел. Все равно обыкновенная клякса.

— Это потому, что он настроен на четырехкратное увеличение. Поставьте-ка на четыреста.

Я нашел регулировочное колесико, покрутил и снова посмотрел. Клякса превратилась в текст, в восемнадцатый параграф. Меня надули.

— Не отчаивайтесь, — посоветовал Кайзи. — Просто работайте энергичнее, и все будет хорошо. Вдохновитесь мыслью о кругленькой сумме, которая накапливается на вашем депоненте.

— Уже вдохновился. И уже работаю. Энергично. Мой агент связался с «Большим Бигтопом» и подписал контракты. Скоро я поступлю в труппу. Как раз накануне премьеры на Феторре.

В голосе моем звучала роковая решимость. Кайзи ни к чему знать, что я освоил еще не все заявленные фокусы. А также что здесь, на развлекательной планете, нет ни одной свинобразьей фермы. К тому же факт остается фактом: до сих пор Кайзи был добрым и щедрым работодателем, и мне не хотелось его разочаровывать. Пусть даже это требовало некоторой скупости по части правды.

Короче говоря, если он оказался способен натянуть нос старине диГризу, то и старина диГриз вправе кое-что оставить в загашнике.

— Позаботьтесь о том, чтобы не опоздать к открытию сезона, — сказал Кайзи. — Ради нашей обоюдной выгоды. Увидимся на премьере.

Он удалился так же внезапно, как пришел, а я огляделся в поисках Анжелины. Как там насчет упомянутого ею возлияния?

Анжелина и Гриссини сидели и болтали в саду, в крытом портике. Я подошел и скорее с вожделением, чем с простой благосклонностью устремил взор на полный до краев запотевший бокал. Он поджидал меня. Одним глотком расправясь с его содержимым, я сказал:

— Бальзам на мои раны!

Анжелина вопросительно подняла изящные брови.

— Похоже, кого-то из нас вдруг разобрала жажда. Проблема с Кайзи?

— Так уж и проблема... Хотя радоваться особенно нечему. Ты ведь знаешь, в последние дни он мне подбрасывал деньжат. Похоже, чернильная клякса на контракте позволяет Кайзи приостанавливать выплаты, когда ему этого захочется. И вот — захотелось. Но он обещал возобновить отчисления, как только мы поступим в цирк.

— Клякса? — удивилась Анжелина.

— Только для невооруженного глаза. Под лупой она превращается в кошмарный параграф.

— Значит, тем важнее то, о чем мы говорили, пока ты беседовал с Кайзи. Я имею в виду сроки.

— Подготовиться полностью все равно не успеете. — Гриссини поднес бокал ко рту и глубоко вздохнул. — Схватываете вы на лету, но этого недостаточно.

Я потупился и постарался выглядеть в глазах маэстро скромным.

— Я позабочусь о том, чтобы в вашем репертуаре было достаточно фокусов и трюков. Но все же «Исчезающего бойспраута» вам не осилить.

— Но как же без него? Это ваш коронный номер! Почему мы его не осилим?

— Ну, главным образом потому, что у нас нет бойспраута. — Как всегда, логика Анжелины была убийственной. — Я думала над этим, но трудно подыскать восьмилетнего мальчугана. К тому же это противозаконно.

— Когда я выступал, передо мной такой проблемы не стояло, — припомнил фокусник. — Гриссини — большая семья, и всегда удавалось найти маленького кузена или племянника. Увы, все они выросли и рассеялись по дальним уголкам галактики.

— А нельзя ли обойтись без мальчика? — упорствовал я.

— Ни в коем случае! На этом-то и построен фокус. Мальчика сажают среди публики, чтобы вызвался в нужный момент доброволъцем. «Исчезающего бойспраута» я всегда приберегал напоследок, как долгожданный номер под занавес. Для начала встряхивал свою огромную крылатку. Взлетали голуби, выскакивали два кролика. Восторженная публика вопила и аплодировала. Я поднимал руки над головой, звучали оглушительные фанфары и громовой раскат. Зрители не умолкали. Я обращался к ним: «Вот он, момент, которого ждали все. Найдется ли среди вас бойспраут в мундирчике?» Всегда находилось несколько. «Ну-ка, — говорю, — покажитесь!» Дети вскакивали на ноги. «Идите сюда! — кричу. — Кто первым заберется на сцену, тот вместе со мной будет демонстрировать следующий фокус, а еще получит двадцать кредитов». Малыши кричали и отпихивали друг дружку. А мой помощник сидел в первом ряду, поблизости от ступенек. Он тоже вскакивал и устремлялся к сцене. При этом налетал на людей, даже на ноги наступал. То есть всячески доказывал, что он обыкновенный маленький зритель, а никакая не подсадка. Я просил его принести корзину, опустить на пол передо мной. Брал кусок веревки и бросал в корзину. Мальчик терпеливо ждал. И вдруг раздавалась сверхъестественная музыка. Я делал над корзиной магические пассы, веревка выныривала и без всякой поддержки, извиваясь змеей, поднималась в воздух. Казалось, мой мальчик поражен ничуть не меньше остальных. Я махал ему рукой, и он проходил позади меня к корзине. А музыка — все громче, напряженнее... Возьми веревку, говорил я, и мальчик боязливо пятился. Я делал пасс, и у него выпучивались глаза, а все мышцы деревенели. И вот он уже полностью под моим контролем. Что я ни прикажу, все исполнит в точности. Я машу рукой, и он хватается за веревку. И лезет по ней.

Мы с Анжелиной кивали, зачарованные рассказом. Я живо представил, как мальчик лезет по веревке, изумляясь этому ничуть не меньше зрителей.

— И вот, — драматически интонировал Гриссини, — мальчик добирается до верхнего конца веревки. Музыка обрывается оглушительным громом литавр, и я всплескиваю рукой. И в тот же миг мальчик пропадает, исчезает, а обмякшая веревка падает в корзину. Я переворачиваю корзину, веревка вываливается. И все. Я кланяюсь. Занавес.

— Чудесно, — сказала Анжелина. — В чем же фокус?

— Вам его не показывать, а потому и знать ни к чему.

И никакая лесть не убедила его передумать.

— Я вам не расскажу. Зато раскрою загадку «Левитирующей леди». Сегодня утром прибыла аппаратура, пойду устанавливать. — Он повернулся к Анжелине. — Вы купили черное платье, о котором я упоминал?

— Да.

— Замечательно. Если соблаговолите надеть его сейчас, перейдем к следующему номеру.

Я остался в одиночестве. Гриссини возился с аппаратурой, Анжелина переодевалась. Я пил. Разумеется, в меру. Только для того, чтобы поднять настроение, испорченное коварным мошенником Кайзи. Мне ведь уже понравилось звонить по утрам в банк.

— Божественно!

Платье заслуживало этой похвалы. Оно было черное, бархатное, длиной до пят, с изумительно глубоким вырезом, и ткань развевалась, когда Анжелина поворачивалась.

— Сойдет, — бросил из дверей Великий Гриссини. — Ну что ж, начнем. Я должен объяснить Анжелине ее роль. — Он глянул на часы. — Джим, приходите к нам ровно через полчаса.

— Будет сделано. — Я тоже посмотрел на часы, потом на бутылку. Пожалуй, бокал-другой поможет мне скоротать вынужденный досуг.

В наш домашний театр я возвратился изрядно навеселе. На этот раз голубой занавес не закрывал авансцену. Она была пуста, если не считать трех больших кубов. Волной накатывала музыка, предвещая выход Гриссини. И вот магистр на сцене. Он поклонился, а публика, то бишь я, неистово захлопала.

— Благодарю вас, леди и джентльмены, благодарю. А сейчас вам необходимо подготовиться к потрясающему чуду, которое обязательно вас изумит, зачарует и заставит теряться в догадках. — Он один за другим повертел кубы, демонстрируя, что у каждого отсутствуют две противоположные грани. Кубы были черны снаружи и белы внутри. В руке у факира появилась волшебная палочка, и он провел ею внутри каждого куба, показывая, что они полые.

— Простенькие четырехгранные конструкции, совершенно пустые. Сейчас я их поставлю вот так.

Волшебная палочка исчезла, руки фокусника освободились. Он поднял первый куб и перенес на середину сцены. Потом переместил остальные. Получилась платформа. Снова я увидел волшебную палочку. Гриссини постучал ею по кубам и еще раз помахал внутри каждого. Затем повернулся и поклонился.

— А теперь, леди, джентльмены и почетные гости, прошу поаплодировать моей очаровательной ассистентке.

Я изо всех сил захлопал в ладоши, не сомневаясь, что любой зритель на моем месте точно так же встретил бы появление Анжелины. Она ступала неторопливо и безмятежно, и чарующе улыбалась, и махала восторженным толпам, состоящим, разумеется, из меня одного.

Под спокойную мелодию Гриссини взял Анжелину за руку и подвел к рампе. Они поклонились, затем вернулись к кубам. Анжелина медленно и осторожно села на средний куб, затем закинула ноги и улеглась на все три ящика. И улыбнулась зрителям, подпирая ладонью подбородок. Юбка свешивалась и была черна, как смоль, на фоне белых внутренних поверхностей кубов. Гриссини делал пассы, его волшебная палочка снова исчезла.

Он нагнулся и выдернул из-под Анжелины средний куб.

Я изумленно ахнул, как ахнул бы на моем месте любой зритель. Анжелина лежала как лежала, совершенно неподвижно, хотя средняя часть ее тела лишилась опоры.

А потом я ахнул еще громче — Гриссини выдернул куб из-под ее локтя, и она повисла в воздухе. В довершение всего он убрал и третий, последний куб. Когда факир отвернулся, Анжелина улыбнулась мне и помахала рукой. Я хлопал так, что даже руки заболели.

Под мои аплодисменты и под крещендо Гриссини поднял над головой металлический обруч и грохнул им об пол — дескать, убедитесь, какой он крепкий и цельный. А затем повел им вдоль тела Анжелины, доказывая, что она действительно висит в воздухе.

Мои руки онемели от восторженных хлопков. Обруч скользнул назад и со стуком покатился за кулисы. Музыка оживилась, фокусник один за другим вернул кубы на место. Затем помог Анжелине спуститься и поклонился вместе с ней. Я вскочил на ноги, чтобы заключить ее в объятия.

— Моя волшебница! — воскликнул я. — И не больно тебе было висеть на проволоке?

— Никакой проволоки. Ты же видел, как проходил обруч.

— Видел и ничего не понял. Настоящая магия?

— Скажем так: настоящая иллюзия.

Гриссини вышел из гостиной. Я заметил, что направился он к портику. Фокусы — дело утомительное. А может, старик не желал слышать, как раскрывают его тайны.

— И все-таки не понимаю, как это удалось. Может, дело в кубах?

— Нет. Они в точности такие, какими выглядят. Прочное дерево. Устанавливаются, как ты помнишь, рядком. Потом, как ты помнишь — мой выход.

— Это незабываемо!

— И привлекает внимание. Гриссини идет по сцене встречать меня, и луч прожектора движется за ним. Вот тут-то и делается фокус, а не в тот момент, когда он убирает кубы.

— Ну, конечно. Многие фокусы делаются задолго до того, как их показывают. Публика смотрит на тебя и на Гриссини и не смотрит на кубы. Тут-то все и происходит.

Я направился к кубам, лежащим на сцене у черного занавеса. Фокус был столь хорош, что я лишь в футе от себя разглядел тонкую черную платформу, висящую в воздухе. Она-то и поддерживала Анжелину.

— Но это все равно волшебство! Не может она просто так висеть!

Я рассмотрел платформу, заглянул под нее, провел по ней руками.

И обнаружил прочный черный стержень. Он торчал из занавеса. И, несомненно, крепился к скрытой там прочной раме. Меня осенило:

— Все ясно! Когда он обходил сцену, а затем укладывал кубы, платформы здесь не было. Она появилась, лишь когда он пошел навстречу тебе и за ним поплыл луч юпитера. В темноте выдвинулся стержень, несомненно управляемый по радио, и поместил платформу над ящиками. Публика ее не видит, потому что она черна, как и наружная поверхность коробок. Ну, а обруч? Он прошел вдоль твоего тела...

— И назад, — напомнила она. — Он достаточно широк.

— Все ясно! Обруч уперся в брус, и его пришлось возвращать тем же путем.

Мы пошли поздравить Гриссини. Он по обыкновению пожал плечами и напомнил, грозя пальцем:

— У вас мало времени, а научиться надо очень многому.

Разумеется, он был прав. Я располагал одной-единственной неделей. Все эти дни я трудился не покладая рук, не брал в рот хмельного и спал урывками. И вскоре научился ловко доставать больших птиц прямо из воздуха и сотнями вытаскивать платочки из пустой тубы. Я тренировался с аппаратурой для подвешивания человека, что особенно нравилось Анжелине, и мастерски освоил этот фокус. Я даже постиг искусство читать записки из зрительного зала, прижимая их неразвернутыми ко лбу.

Научившись, я был на седьмом небе от счастья. Раньше, видя это диво на сцене, я неизменно приходил в восторг. А все оказалось так просто! Вы прижимаете ко лбу сложенный клочок бумаги, произносите имя приславшего записку зрителя, и он откликается. Ответив на его вопрос, вы разворачиваете записку и читаете ее вслух для сверки, затем отбрасываете и берете следующую. Отвечаете и на нее, а затем разворачиваете и прочитываете вслух под аханье публики. Дело в том, что первый зритель — подсадка, и никаких записок он вам не присылал. Зато благодаря ему вы получили возможность прочитать настоящую записку. Вы постоянно обгоняете публику на один вопрос. Чудо? Отвлечение внимания!

Прошла неделя, и вот наши чемоданы уложены, билеты куплены. Пора в путь-дорогу. И пора снова зарабатывать деньги. С тех пор как Кайзи ткнул меня носом в микроскопический параграф контракта, я нес убытки, и это причиняло невыразимые мучения.

Когда мы прощались, Великий Гриссини вовсе не выглядел великим.

— А все-таки славно было вновь постоять на сцене, — сказал он с тяжелым вздохом.

— Остаюсь навеки вам благодарен. Вы уж простите, что все так быстро кончилось. — Я отвернулся, чтобы не видеть тоску в его глазах.

— Берегите себя, — сказала Анжелина.

Он скривился.

— Пускай меня берегут «Счастливые Гектары». — Особой радости в его голосе я не услышал.

У меня рука не поднялась нанести задуманный удар.

— Послушайте, — сказал я, — мне выпала великая честь поработать с вами и чуточку скрасить вашу жизнь. Поверьте, вам не придется об этом жалеть.

— Что вы имеете в виду?

— Деньги. Еженедельно вы будете получать чек. Хватит и на еду получше, и на выпивку поприличней, и на все маленькие радости, ради которых стоит жить.

Его это потрясло. Он сощурился.

— В чем подвох? Почему вы это делаете?

— Потому что он хороший человек, — ответила Анжелина.

— Так уж и хороший, — пробормотал я. — Признаюсь, столь исключительная щедрость не входила в мои планы. Скажем так: я внял голосу сердца.

— О, черт! — Анжелина была растеряна. — Джим, о чем мы вообще говорим?

— Видишь ли, я собирался платить и дальше, но лишь за тайну «Исчезающего бойспраута». А сегодня вдруг понял: в моем послужном списке нет ни одного случая шантажа. И я уже слишком стар, чтобы за него браться. Так что живите на пенсии в свое удовольствие и поминайте меня добрым словечком по вечерам, в час коктейля.

Я свистнул. Загудели моторчики, чемоданы поехали за нами.

— Не верю! — крикнул Великий Гриссини нам вслед.

— Поверьте, — сказала Анжелина. — Старина диГриз только с виду кремень, а сердце у него нежное.

— Если не прекратишь меня нахваливать, я покраснею.

Я поцеловал жену в щеку.

Когда я подошел к такси, позади отворилась дверь коттеджа.

— Я вам скажу, — произнес факир. — Я решился.

— Лайнер ждать не будет, — предостерегла Анжелина.

— Это и минуты не займет. Вы бы сами могли догадаться, когда я сказал, что мальчик заходит мне за спину. На секунду он исчезает с глаз публики. Отвлекай внимание!

— И тут кое-что происходит. — Я обрадовался. — Но что?

— Он останавливается. Его скрывает моя крылатка. Вот почему я всегда оставляю этот номер на конец представления. Когда он заканчивается, падает занавес. Но прежде, чем он поднимется снова, мальчик успевает убежать за кулисы. Я кланяюсь.

— Но если не он поднимается по веревке, то кто?

— Никто. Нет никакой веревки над корзиной, это изображение. В тот момент, когда мальчик заходит мне за спину, я включаю проектор. Передо мной тотчас появляется голографическое изображение веревки. Помните, настоящий мальчик скрывается от публики за моим плащом. А в следующий миг из-за меня выходит голографическое изображение мальчика и поднимается по голографической веревке. И исчезает, как может исчезнуть лишь изображение. А изображение веревки падает в корзину. И остается только настоящая веревка на дне.

— И тут опускается занавес, — со смехом добавила Анжелина, — и довольные зрители расходятся по домам.

— Пора и нам честь знать, дорогой магистр. Великий Гриссини, вы действительно великий.

На сем мы и расстались. Он — кланяясь, мы — смеясь. Под занавес жизни он дал великолепное представление.

Глава 5

Как только мы оказались на борту лайнера, которому выпала честь доставить нас в Феторрскорию, эйфория от последнего представления Великого Гриссини испарилась. Мы так и не решили одну из серьезнейших проблем. Должно быть, Анжелина увидела мой злобный оскал. Она попыталась меня развеселить, но ничего путного из этого не вышло. В моей черепной коробке плясали мысли о свинобразах. Да разве могу я допустить, чтобы исчезло одно из этих чудесных созданий, даже будь оно в моем распоряжении?

— Что скажешь о бокале шампанского перед ленчем?

Из моего пересохшего горла вырвался хрип, и Анжелина похлопала меня по руке.

— Да, милый.

— Тогда — в «Звездный бар»!

Тут пискнуло сигнальное устройство коммуникатора и засветился экран.

— Ну, конечно, — фыркнул я и состроил кислую мину своему отражению в зеркале. Это было несложно — я как раз причесывался. — Сейчас нам прочтут нуднейшую лекцию о применении спасательных средств.

— Ошибаешься, — возразила подошедшая к экрану Анжелина. — Это от Джеймса. Ниже все подробности. Он договорился, чтобы нас встретили, как только пройдем таможню. Некто Игорь, владелец грузовика. Игорь знает, куда нам надо ехать. Еще Джеймс желает удачи и всего наилучшего.

Она нажала кнопку принтера, и машина выдала распечатку.

— Он подготовил для нас полное расписание.

— Наш мальчик! — с любовью и воодушевлением отозвался я. — А сейчас — шампанского!

«Звездный бар» вполне оправдывал свое название. Потолочным сводом служил огромный хрустальный купол, за ним раскинулась космическая тьма в желтую крапинку. Впрочем, я очень сомневался, что в корпусе звездолета прорубили окно только для того, чтобы пассажиры имели удовольствие посмотреть на космос. Нет, это был фокус, и не из плохих. Мы попивали шампанское и строили планы. Я делал заметки на листе с посланием от Джеймса. Если звездолет не выбьется из расписания, а законы космической механики позволяют на это рассчитывать, мы прилетим на Феторр всего за день до открытия циркового сезона. Свинобразье ранчо примерно в пятистах километрах от космопорта, еще двести километров до Феторрскории. Если и успеем, то впритык.

— Твоя правда, но что поделаешь?

— Ничего. А потому давай отложим тревоги на потом.

Я сунул лист в карман, осушил бокал и отодвинул бутылку.

— Надо извлечь из полета максимум пользы, то есть постоянно упражняться. Без похмельной дрожи в руках.

— А как же стаканчик перед сном?

— Это святое. Я не намерен записываться в абстиненты.

Дни проходили быстро. Я упражнялся, пока мои пальцы не приобрели змеиную изворотливость. В последние дни перед отлетом Анжелина взяла на себя все покупки. Тогда я не осознавал, сколь хлопотное это дело — все мое внимание было отдано фокусам. Однажды она появилась из спальни, когда я отрабатывал очень сложную карточную манипуляцию.

— Ну, как тебе? — спросила она.

Я обернулся.

— Ух ты!

Карты порхнули во все стороны. На Анжелине был настоящий шедевр швейного искусства — сногсшибательное алое платье с высокими разрезами на бедрах, глубоким декольте и облегающее везде, где только можно. Я бросился обнять ее, но застыл, как вкопанный, от ласкового удара кулаком в челюсть.

— А тебе не кажется, что для женщины в моем возрасте оно слишком много открывает?

— Ты в самом подходящем возрасте! — воскликнул я. — Ты шикарная и желанная, и любой зритель мужского пола, достигший половой зрелости, будет пялиться не на меня, а на тебя. Я уже слышу шипение перегретых оргонов[1] в зрительном зале.

— А изумрудная тиара — это не чересчур?

— В самый раз. Подчеркивает осиную узость твоей талии.

— Не уверена. — Она проделала перед зеркалом изящный пируэт. — Может, лучше зеленый цвет?

— У тебя есть еще наряды вроде этого?

— А как же?

— Доставь мне удовольствие! Давай устроим дефиле.

Я отложил карты, пододвинул кресло, зажег сигару, налил себе бокальчик белого вина. Анжелина запаслась костюмами для всех фокусов. Зеленый — в пару бурому, как ржавчина, окрасу нашего предполагаемого свинобраза. Черное с красным платье — чтобы ассистировать, когда я буду показывать карточные фокусы. Полуночно-черное — для левитации. Мы чудесно провели время, пока гонг не возвестил начало обеда.

В подобном духе истекли последние дни полета. Пока я пестовал в себе таланты фокусника, супруга доводила до совершенства наряды. Мы хорошо питались, прекрасно высыпались, и я позволял себе лишь бокал-другой вина за обедом.

Мы уже знали, что по прибытии на место назначения свободного времени у нас почти не будет. А значит, надо избежать лишнего стаптывания подметок и распихивания локтями остальных пассажиров. Иными словами, меня ждала дружеская встреча с корабельным экономом.

Им оказался слащавый тип с привычкой то и дело вытирать влажные ладони и скалить в улыбке белоснежные зубы.

— И чем же я могу служить вам, дорогой сэр?

— Советом насчет багажа. Если мы уложим чемоданы заранее, вы возьмете на себя их выгрузку?

[1] Оргоны — гипотетические частицы живительной космической энергии, питающей, по мнению известного психоаналитика Вильгельма Рейха, нервную систему человека (сравн. «ци» и «прана» из цигуна и йоги). (*Прим. перев.*)

— С превеликим удовольствием.

— Значит, если вы получите наш багаж вечером накануне прибытия, ничто вам не помешает выгрузить его в первую очередь?

С этими словами я сунул ему пятьдесят кредитов.

— Сэр, считайте, что это уже сделано. Даю слово, вам не о чем беспокоиться.

— Тогда, если не возражаете, я попрошу вас о дополнительной информации. С кем бы мне поговорить, чтобы мы с супругой получили возможность первыми покинуть этот гостеприимный корабль?

— Со мной, сэр. Высадка пассажиров — в моем ведении.

В его потливой ладошке исчезла вторая банкнота.

— Судя по всему, вы часто летаете этим рейсом. Не поделитесь ли опытом ускоренного прохождения через таможенный контроль?

— Как кстати, сэр, что вы завели об этом речь! Мой кузен — сотрудник таможни в космопорте, и я...

У меня основательно полегчало не только в кармане, но и на душе. И я отправился в каюту собирать вещи.

Встреча с бесстыжим взяточником дала плоды — мы первыми сошли по трапу, первыми преодолели таможню, где царил любезный кузен нашего мздоимца, и получили свой багаж нетронутым и непросвеченным. У выхода нас дожидался коренастый субъект в промасленной и мятой спецовке, державший лист бумаги с надписью «Мистюр Догрыз». Я помахал рукой, и он приблизился.

— Это вы — Догрыз?

— Это я — диГриз. С кем имею честь?

— Игорь. Поехали.

Я свистнул, и багаж последовал за нами, а мы — за Игорем на пыльную и дымную улицу. Анжелина фыркнула.

— Мне не нравится это место. А еще мне не нравится наш односложный приятель Игорь.

— Боюсь, вся планета такая. Тут первую скрипку играют добыча природных ресурсов и тяжелая промышленность. Ты разве не заметила в последнем письме Джеймса легкий тон отчаяния?

— Заметила. Пошли поглядим, на чем нас собираются везти. О-о!

И правда, о-о! Нас ждало огромное, обшарпанное, грязное кубовидное нечто о четырех колесах. Когда-то его, несомненно, по ошибке покрасили в розовый цвет. На боку я с трудом прочел под слоем грязи: «Грузоперевозки Игоря. Куда захочешь, туда и доставим».

Я надеялся, что это не пустые слова. Игорь открыл дверцу и затолкал в кузов наш багаж. Потом по лестнице забрался в установ-

ленную наверху кабину. Зарычал, залязгал двигатель, выхлопную трубу стошнило зловонным черным дымом. Мои слезящиеся глаза увидели, как из кабины вынырнула рука, приглашающе махнула нам один-единственный раз и снова исчезла. Мы залезли в кабину, уселись на обшарпанное залатанное сиденье, уставились в грязное ветровое стекло. Где-то внизу скрежетали шестеренки. Грузовик дернулся, затрясся и наконец с грохотом покатил вперед.

— Вы знаете, куда нам надо? — спросил я, стараясь не кривиться при виде унылого ландшафта.

— Угу, — ответил Игорь. Или что-то вроде этого.

— Мы едем в Лортби, верно? На свинобразью ферму «Бекон и иголки»?

Очень нескоро дождался я от Игоря утвердительной фонемы. Затем последовала целая речь:

— Грязь возить — вдвойне платить.

Я решил, что это следует перевести примерно так: если вы намерены погрузить в мое транспортное средство нечистоплотное животное, вам следует учесть, что и без того возмутительно высокая плата будет удвоена.

В свою очередь я невнятно буркнул, и на сем наш разговор окончился. Постепенно и с великой неохотой фабрики, дымовые трубы и закопченные стены уступили место невзрачным пустошам. В основном болотистым, декорированным свалками обочь дороги. Мы с Анжелиной попытались завести легкую беседу, но из этого ничего не вышло. Оставалось лишь подскакивать и качаться на сиденье и отупело разглядывать чахоточные пейзажи. Спустя несколько часов, а может, веков мы свернули с шоссе и разухабистым грейдером миновали дорожный знак, который гласил: «Бекон и иголки». Его дополнял не слишком отвратительно намалеванный геральдический свинобраз. Надпись под ним предупреждала: «Нарушителей права частной собственности расстреливаем на месте».

Ободренный сим посулом теплого приема, я дождался, когда грузовик остановится, и сполз на землю. Со стоном потянулся и направился к большому приземистому строению. Когда я отворял дверь, звякнул колокольчик и сидящий за столом человек поднял голову. Телосложением и манерами он был ровня Игорю. Я хотел сказать «Доброе утро!», но вовремя одумался и лишь хмыкнул. Он точно так же хмыкнул в ответ.

— Нужен свинобраз, — сказал я.

— Туша? Или разделанный?

— Зачем мне труп? Я приехал за живым свинобразом. Целым и невредимым.

Это застигло его врасплох, и лоб избороздили непривычные морщины. В конце концов он выдал:

— Живьем не продаем.

— А сейчас продадите.

Я катнул к нему по столу монету в сто кредитов. Он ее сцапал и буркнул:

— Противозаконно.

— Я этот закон отменяю.

Вторая монета покатилась следом за первой.

С чудовищным усилием улыбка исказила его гранитные черты. Он с шумом поднялся на ноги и направился к двери. Снаружи ждала Анжелина, ее глаза метали молнии.

— Еще минута в обществе Игоря, и я бы его прикончила. И в налитых кровью глазках я читала взаимную любовь. Его счастье, что нам нужен водитель. У тебя все готово?

— Искренне надеюсь, — ответил я с натужной бодростью. — Я повстречал еще одного балагура, он отведет нас к свинобразу.

Предвкушая встречу с этим чудесным существом, я снова повеселел. Мы не должны забывать, что свинобразы вместе с человечеством покоряли звезды, защищали нас и кормили. Эти гибриды, потомки смертоносно-колючих дикобразов и могучих кабанов, настоящие красавцы.

— Ах, — сказал я, входя в хлев и оказываясь лицом к морде с гигантским хряком.

У Анжелины дрогнули ноздри. Она не разделяла моей любви к свинобразам.

— Поистине, я вижу свинью моей мечты!

При виде нас хряк вздыбил рыжеватые иглы, крошечные глазки сердито заблестели. С клыка скатилась капля слюны.

— Фью-фью-фью, — тихо позвал я. — Ах ты, славная хрюшечка!

Я просунул руку между прутьями решетки и почесал его за ушами. Он загремел иглами, довольно заурчал. Свинобразы обожают чесаться, а до затылка им не достать. Анжелина уже видела меня за этим занятием и никак не отреагировала, зато свинмейстер выпучил глаза и побагровел, как при закупорке коронарной артерии.

— Берегись! Это убийца!

— Не сомневаюсь. Но он суров лишь с теми, кто этого заслуживает. Для всех остальных, то есть для прогрессивного человечества, свинобразы — верные, надежные и даже почтительные друзья. Хо-орошая свинка, — сказал я, любуясь огромной зверюгой.

Ужасно не хотелось уходить, но время поджимало. Как ни красив этот кабан, он не годится для циркового номера. Нам нужен актер поминиатюрнее.

Мы пошли дальше, минуя настороженных свиноматок с поросятами, минуя сотни неуемных пятачков и тысячи острых игл. Когда свернули за угол, я ахнул и замер. Передо мной в загоне стоял самый очаровательный подсвинок на свете. Добродушно блестели глазки-пуговки, дыбом стояли тонкие иглы. Самочка побежала на

мой зов, стуча копытцами, и захрюкала от удовольствия, когда я почесал, где нужно.

Мы быстренько поладили с ее хозяином. В его руки перешло еще несколько сотен кредитов, в мои — кусок веревки. Свинка спокойно приняла поводок и послушно засеменила перед нами к машине.

— Чудо-свинка, — сказал я. — Назовем ее Глорианой.

— Это в честь кого же? — вмиг насторожилась Анжелина. — Одной из подружек твоей юности?

— Да бог с тобой! Это имя из легенды, из мифологии. Глориана — богиня скотного двора, ее часто изображали с поросенком на коленях.

— Ты выдумал!

— Ну, что ты!

— Джим диГриз, если бы я не знала тебя так хорошо, приняла бы за скрытого зоофила.

— Маленьким я дружил с этими симпатичными зверушками.

— Сейчас ты большой, так что изволь держать свои симпатии в узде. И вообще, поехали-ка в цирк.

Я выдвинул из кузова сходни, и Глориана бодро взбежала по ним. Из кабины кузов просматривался через оконце, и я поглядывал на нашу покупку. Но Глориане было не занимать самообладания, и вскоре она уснула.

О том, как мы добрались до Феторрскории, рассказывать особо нечего. Бывают впечатления, которые лучше поскорее выбросить из клеток памяти, развеять, как страшный сон. Когда мы пересекли городскую черту, наше настроение подпрыгнуло... по крайней мере, чуточку приподнялось. Уже в сумерках мы добрались до цели — большого здания. Игорь сбросил в сточную канаву наш багаж и скривился при виде семенящей мимо Глорианы.

— В кузове свинячье пу. Еще двадцать кредитов.

Я заглянул в кузов и отрицательно покачал головой:

— Нет пу, нет и кредитов.

И вручил ему оговоренную сумму.

Он медленно сосчитал деньги, убрал в карман. Затем его чело пробороздили глубокие складки. Очевидно, мышление не входило в число его привычных занятий.

— Я вижу пу. Плати.

— А я не вижу пу, и ты не увидишь денег.

Он замахнулся гранитным кулаком и ринулся вперед. Анжелина улыбнулась:

— Моя очередь, если не возражаешь.

Ответить я не успел. Анжелина махнула ногой и врезала Игорю по лодыжке. Пока он падал, она сомкнула руки и треснула его по шее. Он восхитительно шмякнулся оземь.

Пока он, исторгая грязные ругательства, поднимался на ноги, я указал на грузовик и предупредил:

— Езжай отсюда. А то хуже будет.

Я слегка надеялся, что Игорь не уймется. Он оскорбил мою обожаемую Анжелину, а я такие штучки прощаю нелегко.

Не я один испытывал по отношению к нему подобные чувства. Краем глаза я заметил рыжеватое пятно. Глориана, встопорщив иглы, метнулась вперед. Игорь взвизгнул и запрыгал на одной ноге, держась за лодыжку, по которой ударил острый бивень. А затем, нечленораздельно ругаясь, поспешил вскарабкаться в кабину. Фургон исчез в ночи, увозя Игоря с полными карманами моих денег.

Глориана, довольная собой, уже рылась в мусорном баке у двери. Я нажал на кнопку под табличкой: «Колоссео. Вход для работников сцены». Дверь со скрипом отворилась, появилась усатая физиономия.

— Че надо?

— Здесь находится «Большой Бигтоп»?

— Ну.

— В таком случае, добрый человек, отвори дверь шире. Перед тобой не кто иной, как Могучий Марвелл собственной персоной!

— Ты опоздал.

— Я никогда не опаздываю к благодарной публике, которая очень скоро будет взирать, затаив дыхание, на Могучего Марвелла. Дружище, веди нас в наши покои.

Обладатель усатой физиономии повел нас в недра «Колоссео». Мы с Анжелиной шли рука об руку, Глориана семенила сбоку, следом катился багаж. Все предвещало мне начало новой эффектной карьеры.

— Вы опоздали, — произнес другой голос.

Я обернулся.

— Те же слова изрек цербер у вашего портала. А вы?..

— Харли-Дэвидсон. Со всеми вопросами — ко мне.

Он вошел в артистическую уборную, и мы пожали друг другу руки. Харли-Дэвидсон был высок и черняв, и в наряде инспектора манежа выглядел щеголем. Все, начиная от блестящих черных сапог и заканчивая еще сильнее блестящим черным цилиндром, выдавало прирожденного артиста.

— Надеюсь, вы стоите своих афиш, — сказал он.

Я тоже на это надеялся, потому что, придумывая афиши, полностью расстреножил фантазию.

— Еще бы!

Я пытался излучать шарм и пробуждать положительные эмоции.

— Последний наш факир пил горькую и пропускал почти все выступления.

— Уверяю вас, я с младых ногтей не прикасаюсь к спиртному. Позвольте представить Анжелину, мою жену.

Он, как истинный актер, поцеловал ей руку.

— А это — Глориана.

Харли-Дэвидсон одобрительно посмотрел на свинку, но от поцелуя воздержался.

— Мне нравится, когда в номерах участвуют животные. Это стильно. Вы знакомы с Великим Гриссини? У него есть несколько фокусов наподобие ваших.

— Так вы его знаете? Это мой наставник. Я ему обязан всем, что умею.

— Приятно это слышать. Гриссини — профессионал высочайшей пробы. Ну что ж, до начала еще часа два. Располагайтесь, отдохните. Если что понадобится, не стесняйтесь, зовите коридорного.

— А где тут ближайший ресторан? — спросила Анжелина. — Мы давно не ели.

— Увы, ни одно из окрестных заведений я рекомендовать не берусь. Но возле вашего телефона лежит список фабрик-кухонь, они доставляют вполне приличную еду...

— Харли, че ты от меня прячешься? — прогрохотало, как вулкан. — Есть разговор.

В комнату вошел человек примерно моего роста, но, как минимум, вдвое шире в плечах и талии. Он был наголо обрит, с вислыми черными усами. Казалось чудом, что одежда на нем не лопается от малейшего движения. Мышцы бегали и сплетались в узлы диаметром с древесный ствол. Его предплечье было толще моего бедра. Я видел этого человека на фотографиях и афишах и сразу узнал его. Ради него-то мы и преодолели бесчисленные световые годы.

— Подумать только! — воскликнул я. — Вы не можете быть никем иным, кроме знаменитого на всю галактику Пьюссанто! Поистине, встреча с вами — великая честь для меня. Я — Могучий Марвелл.

Я шагнул вперед и протянул руку. Он подал только два пальца, и это было вовсе не чванство — три его пальца я бы попросту не обхватил. Я энергично пожал, но с таким же успехом можно пожимать арматурные прутья. Красные глазки богатыря моргнули, на лбу пролегли морщины.

— Че, правда? Слыхал обо мне?

— Вам поют оды в самых дальних звездных системах.

На его лице промелькнула хиленькая улыбка — видно, грубую лесть он принял за чистую монету. Но к Харли-Дэвидсону повернулся с прежней гримасой на физиономии.

— Че это ради сторожа меня не выпускают?

— А того ради, что тебе запрещено покидать город. И учти, каждый кредит на взятки, без которых не удалось бы спасти тебя из кутузки, вычитается из твоего жалованья.

— Но тута же скучища!

— В городе — тоже.

— Все вранье! Напраслина!

— Ну, конечно! Да знаешь ли ты, сколько свидетелей пришлось подкупить, чтобы держали языки за зубами? Ты и раньше выкидывал такие номера, и сколько раз!

— На меня напали!

— Что я слышу?! Двадцать восемь сталеваров напали на одного лысого клоуна? Трое сейчас в больнице, а когда прибыла полиция, все до одного, без малого три десятка, лежали в отключке.

— Да я же пошутил только.

— В последний раз предупреждаю! Еще одна подобная выходка, и ищи новый цирк.

Харли, видать, был не робкого десятка. Уж не знаю, смог ли бы я вот так отчитывать монстра вроде Пьюссанто. Секунду-другую я даже ожидал кровопролития и разрушения. Пьюссанто напрягся, бицепсы вздувались, вены под кожей извивались, как змеи. Потом он пробормотал что-то не слишком приличное, круто повернулся и вышел.

— И часто он так? — спросил я, когда атмосфера слегка разрядилась.

— Увы, слишком. Как закончим сезон, он получит расчет. Хватит с меня возни с этим двуглазым циклопом. — Харли-Дэвидсон мрачно посмотрел на Глориану. — А ей лучше не пакостить в коридорах.

С этими словами он вышел. Анжелина затворила двери, села и сказала:

— Фу-ух!

— Присоединяюсь.

Она улыбнулась.

— Добро пожаловать в шоу-бизнес.

Глава 6

Судя по всему, в старом городе намечался шумный вечерок. Это я понял, миновав пост охраны неподалеку от нашей уборной. Мое внимание привлекли шеренги экранов. На экранах горели прожектора, освещали площадь у парадного входа. Там царила суета, начиналось много всякого интересного. Шоферы отворяли дверцы машин и отдавали честь пассажирам. Из всевозможных транспортных средств появлялись шикарно одетые пары. Чего там только не было — крылатого, колесного, гусеничного. А одна хитроумная штуковина даже прыгала. Все это пахло внушительными деньгами.

Сей запах я учуял сразу. Он и удивлял, и радовал. На Феторре мы до сих пор видели только грязное подбрюшье индустриального мира: копи, плавильни, фабрики — и сажу, сажу, сажу. Но все это означало солидные банковские счета для немногих везунчиков, покоривших вершину социальной пирамиды. Иными словами, нашим взорам явился старый добрый капитализм с обнаженными клыками и когтями. Минимум — для большинства на дне, максимум — для меньшинства на плаву. Однако все раздумья об экономической несправедливости испарились, когда я вернулся в уборную и обнаружил Анжелину. Она придирчиво изучала себя в зеркале.

— Зеленый костюм! — вскричал я. — Безупречный, шикарный, невероятный. О, дайте мне облобызать эту богиню шарма.

Вполне ощутимый толчок ладонью в грудь остановил мой страстный порыв.

— Позже. Я полчаса убила на макияж и не позволю, чтобы ты его размазал.

— А можно я его размажу потом?

Ответом мне было крайне отрицательное «фи». Только теперь я заметил, что тени на ее веках необычно густы. Черные брови ярче очерчены и круче изогнуты. А на щеках рдеют румяна.

— А ну-ка, Джим, садись гримироваться. Не забыл, чему я тебя учила?

— Сажусь, сажусь.

Я сел перед зеркалом и наложил слой основы. И тут краем глаза уловил движение. Глориана устраивалась в своей корзине.

— С ней не было хлопот?

— Что ты, совсем напротив. Она была настоящей паинькой, пока какой-то оболтус не попробовал к нам вломиться. Малютка отреагировала быстрее меня. В один миг превратила его штаны в лохмотья, и он с визгом умчался по коридору. В награду она получила сандвич с сыром и черными трюфелями и миску молока, а теперь отдыхает. Я специально надела зеленое, потому что этот цвет прекрасно гармонирует с рыжими иглами.

Время еще было — нам предстояло выступать под занавес первого отделения. Но мы так разволновались, что пошли за кулисы смотреть через дырочки в занавесе. Ряды и ложи были забиты до отказа — яблоку негде упасть. Пришлось посторониться — униформисты тащили тяжелые снасти Пьюссанто. Он открывал шоу.

— Марш отсюда, — приказал нам Харли-Дэвидсон, когда духовой оркестр сыграл туш. Он выскочил на сцену, навстречу восторженным аплодисментам.

— Дамы, господа и простые пеоны, мы рады приветствовать вас в «Большом Бигтопе»!

Это вызвало новый, еще более мощный взрыв аплодисментов. Особенно усердствовал пролетариат на высокой галерке, отделенной от сливок общества прочной металлической сеткой. Инспектор манежа дождался, когда утихнут хлопки.

— Друзья мои, вам предстоит насладиться лучшими цирковыми номерами в галактике. Оставьте свои заботы, целиком отдайтесь самому чудесному развлечению в освоенной вселенной. Сегодня вас поразит таинственное волшебство Могучего Марвелла. Вас заворожат многообразные жизненные формы Гара Гуйля и его изумительной труппы уродов. С их чудовищной притягательностью сравнятся только красота и пластика Белиссимы и ее «Прыгающих балерин».

Это вызвало не только аплодисменты, но и пронзительный свист на галерке.

— А открывает наше сегодняшнее представление лучший среди отважных, стремительных и презирающих смерть. Позвольте представить вам подлинного титана, сильнейшего человека нашей галактики и всех других галактик, неудержимого, незабываемого, невероятного Пьюссанто!

Инспектор манежа отошел в сторону, занавес раздвинулся и явил взорам публики борца — скользкого, блестящего от масла, перегруженного мускулами и, несомненно, источающего запах тестостерона. Со своего закулисного НП мы с Анжелиной видели его как на ладони — конечно, если этот фразеологический оборот применим к такой громадине.

— Высокоуглеродистая сталь! — возгласил Харли-Дэвидсон, и силач постучал прутом толщиной в палец и длиной метр по стоящей перед ним наковальне. После чего взял его за концы и положил на колено. Под охи и ахи зрителей он напряг мускулы, да так, что лопнула рубашка, и согнул стальной прут. Всем это понравилось, но еще больше им понравилось, когда он цапнул железяку зубами.

И перекусил пополам!

— А сейчас обратите внимание, — сказал Харли-Дэвидсон, когда утихли крики, — на веселых каменщиков. Они займутся своим делом, пока Пьюссанто будет вас развлекать.

Партер промолчал, зато с галерки на цирковых рабочих посыпались добродушные ругательства и советы. Пока Пьюссанто вершил свои подвиги, каменщики быстро замесили раствор и принялись возводить стену. Когда верхний ряд кирпичей лег вровень с их головами, снова раздался туш, и к рампе вышел инспектор манежа.

— Настоящие кирпичи! Настоящий строительный раствор! Вы своими глазами видели, как возводилась эта стена. Она крепка, вернее, будет крепка через некоторое время. Мы не можем ждать, когда раствор затвердеет сам по себе. Видите, к нам выезжает машина? Это специальная техника, она применяется лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Она укрепит эту стену у вас на глазах.

Вырвалась струя пламени, публика закричала и заахала. Облаченный в защитный костюм оператор гонял огонь вверх и вниз по стене. Когда он сделал свое дело, вышли два тяжеловеса с кувалдами и под грохот кузнечных молотов из оркестровой ямы взмахнули своими орудиями. На стену посыпались удары, но она осталась невредима.

Рабочие покинули сцену вместе с машиной и своими инструментами, Харли-Дэвидсон поклонился и тоже отошел. Свет померк, лучи юпитеров освещали только громадный силуэт Пьюссанто. Силач побрел к стене. В мертвой тишине постучал по ней пальцем и улыбнулся. Все утонуло во тьме, кроме стены и богатыря.

Он прошелся по сцене, повернулся спиной к зрителям и постоял в эффектной позе. Возбужденно рокотали малые барабаны, их дробь поднималась волнующим крещендо и вдруг оборвалась, вмиг уступив место гробовой тишине.

Пьюссанто опустил голову, раскинул руки и ринулся на стену, сгибаясь на бегу. И со всего маху врезался бритой макушкой в кирпичи.

Стена содрогнулась, пошла трещинами и рассыпалась. Под безумное ликование зрителей Пьюссанто смахнул с черепа кирпичную крошку и поклонился. Публика влюбилась в него без памяти, трижды вызывала на бис и, когда он задержался за кулисами, долго шумела и рукоплескала. Мы с Анжелиной поняли: сейчас что-то будет. И оказались правы. Это был экспромт.

— Пьюссанто вас слышит и понимает ваши чувства, — объявил инспектор манежа. — А потому, идя навстречу вашим пожеланиям, он исполнит небольшой оригинальный номер.

Силач, вместо того чтобы вернуться на авансцену, сошел по ступенькам в партер. Пожал несколько рук, вернее, позволил пожать его пальцы, довольно улыбался, когда его целовали красивые дамы. Потом возвратился в первый ряд и поклонился. И, кланяясь, схватил два привинченных к полу кресла. Одним могучим рывком выкорчевал их и вскинул над головой.

Зрители хохотали, глядя, как бледные от страха мужчина и женщина в поднятых силачом креслах судорожно вцепились в подлокотники и пытаются улыбаться. Под звуки труб раздвинулся занавес, и Пьюссанто, держа своих пленников над головой, взобрался на сцену. Повернулся и поклонился зрителям. И принялся подбрасывать кресла с людьми, как гири!

Вопя от ужаса, пленники совершали сальто и снова, подхваченные ловкими и могучими руками, летели вверх. Пятикратно продемонстрировав чудесную силу и координацию движений, Пьюссанто целыми и невредимыми опустил свои жертвы на сцену. Девушка поцеловала его, зрители пришли в неистовство. Стоявший рядом со мной Харли-Дэвидсон закричал, но в оглушительном реве только мне удалось расслышать его:

— Пьюссанто! Ты заплатишь за эти кресла! Вычту из жалованья!

Униформисты вернули кресла в зал, а силач поклонился последний раз и ушел за кулисы.

Крики смолкли, и туш сменился унылым похоронным маршем. Его сопровождали пронзительные замогильные крики и маниакальный хохот.

Потускнели, а затем и вовсе погасли прожектора, а леденящие кровь вопли звучали все громче. Появилось одинокое пятнышко синеватого света, в нем стоял красивый мужчина в смокинге. Он поклонился зрителям и голосом, исполненным угрозы, проговорил:

— А вот и мы! «Межзвездное шоу уродов Гара Гуйля!» Прошу любить и жаловать!

Он отошел в сторону, и место под прожектором занял четверорукий зеленокожий артист в килте из шотландки и со спорраном, низко поклонился, достал из споррана маленький белый череп с крохотными рожками и подбросил вверх. Затем появился другой череп. Вскоре множество черепов замелькало в синеватом луче над ловким четвероруким жонглером. Выглядело это классно, и публика получила огромное удовольствие. Особенно когда уродец один за другим отправил черепа в зрительный зал. Из-за них дрались и, завладев и рассмотрев, поедали. Черепа оказались конфетами.

— Приветствую вас, дорогие друзья, приветствую! Нынче вечером я с вами. Я подарю вам трепет ужаса, дрожь отвращения и судороги экстаза! По всей галактике собирал я доселе сокрытые от глаз почтеннейшей публики капризы природы, и вот они перед вами. Любуйтесь или содрогайтесь от омерзения, как пожелаете. В моей коллекции недоношенные недоумки и помешанные помеси — возможно, вы о них слышали, возможно, они вам снились. Но если это были сны, дамы и господа, то сны кошмарные! Ужасающие наездники ночи! И человек-улитка!

Занавес стремительно раздвинулся, и резкий свет юпитера залил существо на сцене. В зале — возгласы, крики. По вполне понятной причине. Уродец был скрючен, изогнут в три погибели, наполовину скрывался в шипастой раковине. Напуганный шумом, он еще глубже забрался в свое укрытие и пустился в бегство. Вернее, медленно пополз по сцене, оставляя за собой полосу слизи. Он двигался в мою сторону, и я, глядя в дико выпученные глаза, попятился.

«Это не человек! Это робот из псевдоплоти!» — твердил я себе. Однако мне невыразимо полегчало, когда он повернулся и пополз в обратную сторону. Несомненно, создатель этой твари обладал самым извращенным воображением.

Затем публика весело приветствовала птицедевушку с недоразвитыми крыльями вместо рук и ороговелым клювом. Особенное оживление вызвал ее полет — она вспорхнула на несколько футов.

Были и другие уродцы. Публике все это нравилось, а мне сии восторги немало поведали о нравах обитателей Феторра. Показалось, что отвратительное зрелище несколько затягивается, и все же я надеялся в глубине души, что оно никогда не кончится. Поскольку это с каждой минутой приближало меня к сценическому дебюту. Удастся ли завоевать симпатии зрителей? Теперь-то я знал, что им по вкусу, но, увы, слишком поздно украшать свои номера кровью и слизью. Я мог предложить только фокусы простые и чистые.

Следующие выступления миновали мое сознание. Я возился со снастями, гармошкой перебрасывал карты из руки в руку. Подошла Анжелина, ведя на золотой цепи Глориану, и, склонив голову набок, подозрительно посмотрела на меня.

— Как самочувствие? У тебя ужасный цвет лица.

— Мандраж перед премьерой. Неужели ты не понимаешь, что мы впервые в жизни выступаем на сцене? Что бы там ни утверждали наши лживые афишки.

— Джим диГриз, на тебя это не похоже. Ты глядел в огромные жерла пушек, в лица мелких злобных генералов, в морды гигантских хищных зверей, в мрачные физиономии таможенников. И никогда не колебался. Хорош потеть! Соберись, хлебни. — Она достала фляжку лечебного бренди. — И вспомни девиз шоу-бизнеса.

— Очутишься на сцене — уймется дрожь в коленях! — хором воскликнули мы, и я сделал добрый глоток.

И вот мы готовы выйти на авансцену и слушаем, как разливается соловьем доверчивый конферансье.

— ...Нырнул с тысячеметровой башни в крошечную ванну с водой и остался жив! В наручниках, опутанный цепями и запертый в стальной сейф, он был сброшен в океан, несколько часов боролся за свою жизнь и нашел-таки путь к спасению!

Боже, неужели я спятил, когда садился писать всю эту рекламную ахинею? Гореть мне веки вечные на адской жаровне!

— ...Без лишних слов представляю вам магистра магии, корифея колдовства, властелина волшбы — Могучего Марвелла!

Действуй спокойно, Джим, и ты успокоишься, твердил я себе. Не дергайся.

Я вышел на середину сцены, поклонился и едва не потерял дар речи. Потому что прямо передо мной, в первом ряду, у прохода сидел мой сын Боливар и хлопал, как очумелый. А ведь он должен находиться во многих световых годах от Феторра!

К счастью, говорить мне и не требовалось. Я повернулся и дал Анжелине знак выходить. Что она и сделала с непередаваемой грацией под шквал аплодисментов. Оставалось лишь гадать: либо аборигены обожают свинобразов на золотых цепях, либо они в таком же восторге, как и я, от Анжелины.

Не возьмусь описать свои действия в те минуты — со мной приключилось что-то вроде трупного окоченения. Слава богу, я ничего не уронил. В нужные моменты публика ахала или смеялась. Анжелина своевременно подавала мне аксессуары, кричала, когда я укладывал ее в ящик и распиливал пополам, собирала клочки бумаги при фокусе с чтением мыслей, плавала в воздухе. И вдруг Анжелина с Глорианой на поводке оказалась передо мной. Я понял, что наступил черед последнего фокуса — с исчезновением.

— Глядите и восхищайтесь! — прокричал я. — Красавица и чудовище. Они из плоти и крови, но это — пока. Умоляю, молчите, ведь достаточно малейшей оплошности, малейшей ошибки, малейшей невнимательности, и все может закончиться даже не провалом, а неописуемой катастрофой! Глядите! Они входят в клетку! А сейчас неподражаемая Анжелина пристегнет свирепого свинобраза к полу тяжелыми замками и цепями. Видите, все уже готово. А вы готовы? Да, похоже на то. А теперь волшебное слово — моносодиумглютамат!

Упал и через миг поднялся покров. Анжелина с Глорианой исчезли. При виде опустевшей клетки публика одобрительно заревела. Закрылся занавес, и я вышел на авансцену раскланяться в последний раз. Боливар кинул букет цветов, я поймал и едва заметным движением пальца указал сыну на кулисы. Он кивнул.

В уборной он оказался раньше меня и поцеловал воздух перед материнской щекой, чтобы не испортить грим. Когда я вручал ей букет, она сделала изящный реверанс.

— От Боливара, — сказал я.

— И от Джеймса, Сивиллы и Сивиллы. Я обещал им позвонить, как только вы закончите выступление. Это было поистине великолепно! Какой шикарный свинобраз!

Глориана хрюкнула в знак согласия и подставила Боливару спину для почесывания.

— Можно поинтересоваться, что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Разумеется, можно. Работаю в банке. Как только мы узнали, что вы летите сюда, Джеймс пришпорил свою поисковую программу и создал на Феторре базу данных, какая тебе и не снилась. Знаешь, сколько банков только в этом городе? Сорок.

— Верю. Где бабки, там и банки.

— Самыми большими резервами располагает «Банкротт-Гейштесабвезед». Ты о нем что-нибудь слышал?

— Нет. А что, должен был? Название не из самых запоминающихся.

— Мы покопались в его реквизитах, что было совсем не просто, и в конце концов обнаружили: банк принадлежит твоему старому другу. Некоему Императриксу фон Кайзеру-Царскому.

— Кайзи?

— Именно. Он же владеет «Первым межзвездным банком вдов и сирот», о котором тебе говорил. По некой причине, известной только Кайзи, здешнему банку полагается быть секретным. Я послал письмо, что мы намерены помочь тебе в расследовании. И добавил, что это будет гораздо легче осуществить, если среди сотрудников здешнего филиала «Вдов и сирот» появится наш человек. Я надеялся, что твой наниматель достаточно влиятелен и сумеет организовать мое назначение.

— И ты получил работу? — спросила Анжелина, всегда интересовавшаяся карьерой сына.

— О да. Ему так понравился мой опыт в банковском деле, что он назначил меня менеджером.

— Мой сын — менеджер банка! — Анжелина улыбнулась. — Лишний повод закатить вечером пирушку.

И тут зазвонил телефон. Боливар достал его из кармана, выслушал и отключил.

— Что-нибудь важное?

Мой сын кивнул. Мне казалось, что он слегка помрачнел.

— Звонил ночной менеджер. Похоже, несколько минут назад «Вдов и сирот» ограбили.

Глава 7

— Мне надо вернуться в банк. — Боливар направился к двери.

— А мне надо идти с тобой. — Я запрыгал на одной ноге, пытаясь стащить брюки.

— Нам всем сначала надо подумать, — заявила самая практичная из нас — Анжелина. — Ограбили банк. Охрана и полиция уже полностью изолировали место преступления. А значит, нам нет смысла бегать кругами и хлопать крыльями.

Рука Боливара застыла на дверной ручке.

— Здравая мысль. — Он вернулся и сел.

— Ты — яркий светоч мудрости в ночных потемках глупости. — Я сел и скинул туфли, что основательно облегчило процедуру снятия брюк. — Пока я переодеваюсь, может, Боливар окажет услугу — забронирует нам номер в самом элегантном из ближайших отелей, а также закажет такси. Сами мы это сделать не успели — слишком поздно приехали.

— Считай, что дело в шляпе. — Он застучал по кнопкам телефона. — Готово. Вас ожидают королевские апартаменты в «Уолдорф-Кастории» и лимузин у подъезда.

— Скажи, что мне нужен час переодеться и упаковаться. — Анжелина скрылась за ширмой. — И позаботься, чтобы Глориане предоставили первоклассное обслуживание. Ей, наверное, тоже нелегко далось сегодняшнее представление.

Свинка подтвердила это тихим хрюканьем.

Мало-помалу в мои перенапрягшиеся мозговые клетки возвращался рассудок. Я указал на кожаный чемодан.

— Возьмем с собой суперкомпьютер. Может, зададим ему вопросик-другой.

— Ты позвонишь и расскажешь, что случилось в банке, — велела Анжелина.

— Как только узнаю.

Я послал ей воздушный поцелуй, и мы с Боливаром вышли.

Представление еще не закончилось, и перед зданием стояла уйма наемных экипажей. Мы сели в первое попавшееся такси, Боливар объяснил водителю, куда ехать, затем повернулся к машинке, вмонтированной в перегородку между нами и шофером.

— Что это? — спросил я.

Он указал на табличку «Индикатор шпионских устройств».

— На Феторре процветает промышленный шпионаж. Эта штуковина находит «жучки» в машине и генерирует «белый шум», мешающий наблюдению снаружи.

— Ты уверен, что в самом индикаторе нет «жучка»?

— Я ее проверил вот этим. — Он отстегнул от пояса приборчик и показал мне. Вещица пискнула и полыхнула зеленым. — Индикатор «жучков» в индикаторах «жучков». Их выдают в банке и ежедневно проверяют с помощью...

— Знаю, знаю! С помощью индикаторов «жучков» в индикаторах «жучков» в индикаторах «жучков». Хватит, хватит! Этак и с катушек недолго слететь!

— Да, папа, лучше подумать о чем-нибудь другом, например о том, как нам быть с ограблениями банков.

Боливар щелкнул выключателем встроенного индикатора. Тот дал красную вспышку и произнес тонким машинным голосом:

— Слева под сиденьем подслушивающее устройство.

Боливар порылся под сиденьем и извлек несколько монет.

— Ложная тревога? — спросил я.

— Сомневаюсь. — Он пристально рассмотрел монеты, затем выбросил их в окно. Индикатор отреагировал на это гудком и зеленой вспышкой и отключился.

— В одной из этих монет — радиопередатчик.

— Кому понадобилось за нами следить?

— Может, и не за нами. Кто бы ни были эти люди, им, возможно, захотелось понаблюдать за кем-то из зрителей, и они подсунули «жучки» во все машины.

— Дорогое удовольствие.

— Но вполне позволительное, если денег куры не клюют. Итак, мы теперь наедине. Не пора ли подумать о деле? Нужен план игры.

— Ты совершенно прав, — изрек я важно. И обмяк. — Только негде его взять.

— Ошибаешься. Впервые с тех пор, как начались эти кражи, мы с тобой оказались на месте преступления. Мы соберем все улики... Под словами «все улики» я подразумеваю абсолютно все улики. Науськаем на них суперкомпьютер и посмотрим, что из этого вылупится.

Я похлопал компьютер по кожаной шкуре.

— Можно считать, дело сделано.

Однако я вновь ошибался. Впереди были сонмы легавых, шеренги полицейских машин и длиннющие куски желтой ленты с надписью: «Полицейский барьер! Не пересекать!» Такси остановилось. Когда мы вышли, к нам решительным шагом приблизился кряжистый слуга закона.

— Уезжайте! Посторонним запрещено!

— Мы останемся. — Боливар достал бумажник. — Я менеджер банка, и я войду.

Лоб под узорной, инкрустированной алмазами кокардой избороздили морщины. Полицейский взялся за телефон. От его начальника проку оказалось ненамного больше, поэтому мы с Боливаром прошли по всей иерархической цепочке, пока не достигли фараона, облеченного золотыми галунами и властью достаточной, чтобы нас пропустить.

— Кто такие? — прорычал он.

— Боливар диГриз, управляющий этим банком. А вы?

Золотогалунник сверкнул глазами.

— Капитан Кидонда из Отдела серьезных преступлений. Меня вызвали из цирка. Смею вас уверить, я не люблю, когда мне портят вечер.

— Вполне разделяю ваши чувства. Мой вечер тоже безнадежно испорчен.

Мы остановились перед фасадом банка и уставились на огромную пробоину. Вряд ли ее могли проделать вдова или сирота.

— Впечатляет, — заключил Боливар. — В этом месте стоял счетчик банкнот.

Золотогалунник кивнул:

— По показаниям свидетелей, его выдернули летающим краном. Один рывок — и он в небесах. На поиски брошены все дежурные силы полиции.

— А что творится в банке? — спросил Боливар.

— Все устройства охранной сигнализации молчат. Кроме тех, что на счетчике денег.

Пискнул капитанов телефон, и Кидонда рыкнул:

— Ну?

Выслушал ответ, кивнул:

— Хорошо, действуйте. Подключите экспертов.

Он повесил телефон на пояс и повернулся к нам.

— Найден счетчик денег. Выпотрошенный и брошенный. Вам известно, сколько в нем было наличных?

— В банке есть сведения. Пойдемте посмотрим.

Боливар наклонился и заглянул в сияющий глаз сетчаткоскопа. Тот дважды пискнул. Мой сын прижал ладонь к металлической пластине на косяке парадной двери, та погудела и дала замку сигнал открыться. Мы вошли.

Внутри едва тлели лампы дежурного освещения. Медленно вращались на своих осях телекамеры. С улицы в огромную пробоину вливался свет фонарей. На полу везде лежала щебенка.

Датчики заметили наше присутствие, и заиграла нежная музыка — серьезная финансовая классика с арпеджио выгоды. В подвале с мощными стенами и контрфорсами Боливар склонился над пультом.

— Слава богу, хоть хранилище цело. Здесь надежные запоры. Снаружи нельзя изменить код часового замка. Он сработает только утром, когда явится персонал.

Неужели хранилище только и ждало этих слов? Едва они прозвучали, на потолке вспыхнули лампы и посреди двери ожил огромный штурвал.

— Доброе утро, дорогие клиенты, — сказало хранилище.

Штурвал щелкнул и замер, толстые стальные штыри вышли из гнезд.

— Кажется, вы сказали, что он не откроется до утра?

Увиденное не обрадовало капитана Кидонду.

Боливар не успел ответить. Массивные врата распахнулись настежь, и мы увидели хранилище. Повсюду валялись пустые депозитные сейфы. И тут же оглушительно заревели сирены, а в глазах зарябило от вспышек ламп охранной сигнализации. Капитан закричал в телефон, потом замахал руками на хлынувшую в ворота толпу полицейских.

— Отправьте взвод к задней стене! — Он повернулся к Боливару. — В банке есть черный ход?

Боливар кивнул.

— Маленькая дверь для персонала, а также ворота для бронированных фургонов.

— Ясно. Я хочу окружить здание, да так, чтобы комар не вылетел. Возможно, преступники еще в банке. Шевелитесь!

Толпа зашевелилась. Он вызвал тяжело вооруженный взвод.

— Стрелять во все, что движется.

— Надеюсь, это не относится к нам?

Капитан на шпильку не отреагировал.

— Ведите нас к черному ходу, — приказал он.

Боливар подчинился.

Я брел в арьергарде. Очень хотелось выяснить, что происходит, но я не хотел привлекать к себе излишнего внимания. Боливар отпирал замки. Через кабинеты и кладовые мы добрались до последней двери.

— За нею гараж, — сказал Боливар.

— *Отоприте — и сразу в сторону.*

Капитан махнул рукой, и штурмовое подразделение двинулось вперед.

— Когда я ее распахну, врывайтесь. Зря не рискуйте. Стреляйте первыми.

Мрачные фараоны кивками выразили согласие и взяли оружие на изготовку.

Дверь распахнулась, и взвод ринулся в атаку. Штурмовики стреляли на бегу в темноту. Боливар шагнул в дверной проем и включил свет. Клубился пороховой дым. Пусто.

— Откройте наружные ворота! — приказал капитан.

Боливар поднял рубильник. Загудели моторы, застрекотали шестеренки, и тяжелые бронированные ворота утонули в земле. Мы напряженно ждали, пальцы штурмовиков застыли на спусковых крючках. И наконец впереди показались люди. Это тоже были полицейские. И тоже стояли шеренгой. И тоже целились.

— Не стрелять! — крикнул Боливар этим парням не промах. — Мы свои!

Пальцы дрогнули и расслабились. Защелкали предохранители.

— Можете объяснить, как это случилось? — Капитан Кидонда повернулся к Боливару.

— Конечно, не могу. Я тоже был в цирке.

— Но вы хоть поняли, что произошло?

— Я понял ровно столько же, сколько и вы. Счетчик денег извлечен через пробоину в стене. И каким-то образом неизвестный или неизвестные проникли в подвал и вынесли все его содержимое.

— Каким образом?

— Почем я знаю?

— Должны знать, потому что это ваша работа. — Капитан выходил из себя. — Мне начинает казаться, что здесь не обошлось без «крота». Тот, кто планировал кражу, прекрасно знал, как открывается дверь в хранилище. А затем он отправился в цирк, чтобы обеспечить себе алиби.

— Я не нуждаюсь в алиби! — вспылил Боливар. — Я не совершал кражи, не имею к ней никакого отношения! Доходит это до ваших куриных мозгов через толстую черепную кость?

— Что? — взревел капитан. — Оскорблять офицера полиции при исполнении служебных обязанностей? Это преступление! Арестовать его!

Подскочили плоскостопые крепыши и схватили моего сына.

— Вы не смеете! — вскричал я, замахиваясь компьютером.

На моем пути встал капитан.

— Не только смею, но и вас упеку вместе с ним в каталажку, если услышу еще хоть слово!

— Папа, успокойся. Это недоразумение, досадная ошибка.

— Ваша ошибка! — мрачно изрек олух-полицейский. — Новый менеджер с чужой планеты, разве это не подозрительно? — Он несколько секунд помолчал, держа телефон возле уха. — Отлично. Комиссар со мной согласен. Приказал доставить вас к нему. — Он ткнул в мою сторону жирным пальцем. — А вы убирайтесь, не то и вам обеспечены очень большие неприятности.

Запах из его рта говорил о многолетних отложениях еды в дуплах, в голосе сквозили ненависть и презрение. Я оглянулся на Боливара. Тот подмигнул. Я понял: не надо вмешиваться и устраивать истерику. Следует убраться отсюда и искать более деликатное решение назревшей проблемы.

Я стушевался.

— О, дорогой сэр! Вы должны простить меня. Я позволил всем этим ужасным обстоятельствам затуманить мой рассудок. И вы, конечно же, правы. Вы — слуга закона, и ваш долг — служить закону. Позвольте же мне заползти в мой жалкий отель и глубоко раскаяться в своей ошибке.

Я поклонился ему в ноги и, не разгибаясь, шаркая, попятился. Золотогалунник хотел что-то сказать, но тут Боливар оттолкнул полицейского и хорошенько врезал второму. В суматохе никто не заметил моего ухода. Я пролез под барьерной лентой и помахал зеваке, который случайно оказался водителем медленно кружившего около банка такси.

— Тормози, — сказал я. — Включай счетчик и стой здесь. Надо кое-кого подождать.

Он с радостью подчинился и с восторгом лицезрел прибытие визжащего сиреной автофургона, задом подъехавшего к парадной двери банка. Люди разместились в кузове, дверь закрылась, и фургон тронулся.

— Поезжай за этой машиной.

— Ну уж дудки! Это Полиция Безопасности, а с ней шутки плохи.

— Только для преступников. А я — репортер газеты, и вот мое удостоверение.

Я протянул золотую монету в пятьдесят кредитов. Водитель ее забрал, хоть и не без колебаний.

— Ладно. Но ближе, чем сейчас, не подъеду.

Движение на улицах было невелико и вполне позволяло нам сохранять дистанцию, не теряя фургон из виду. Он подъехал к отворенной двери уродливого, чудовищно закопченного здания. Мой шофер нажал на тормоз, и такси с визгом остановилось.

— Выходи, выходи, — трусливо приказал он.

Я открыл дверцу, но выходить не спешил.

— Что это за дом?

И услышал в ответ стон и ругательство. Наконец шофер прохрипел:

— Пыткодром. Кто сюда попадает, тот уже не возвращается.

— Отлично. Из этого выйдет превосходный репортаж, мой издатель будет доволен. А теперь поехали в «Уолдорф-Касторию», меня там ждут.

Тут я похолодел — в гостинице ждала Анжелина, и несложно было предугадать, как она воспримет новости. Такси ехало быстро, расстояние было невелико, а ее гнев — вполне оправдан.

— И ты позволил легавым бросить за решетку нашего сына?

В голосе был яд, а во взоре — жажда крови.

— Я хотел с ними расправиться, но Боливар не велел. Он мне подмигнул.

— У него тело юноши, а голова мудрого старца. Он тебе жизнь спас! Неужели ты всерьез надеялся одолеть всю полицию города? В твои-то годы? Что дальше?

— Мы его вызволим. Дело принимает очень неприятный оборот. В ту же ночь, когда мы приехали в город, произошло ограбление. Это во-первых. Во-вторых, оно резко отличается от предыдущих. Раньше сигнализация не срабатывала, а банк к утру оказывался пуст. Теперь же злодеи с шумом и пылью утащили счетчик денег, чего доселе не случалось. А когда мы вошли в банк, у нас под носом обчистили хранилище. Во всяком случае, у меня сложилось именно такое впечатление. А тут еще нас разлучили с Боливаром, и теперь нам необходимо крепкое алиби.

— Ты его обеспечишь?

— Обеспечу. Вернее, это сделаешь ты. Звони, заказывай гору еды и реки питья. Устроим вечеринку.

Пока она делала заказ, я извлек из чемоданов и сумок аппаратуру, распихал по карманам всякую всячину. Портативную рацию, под завязку набитую функциями, которые даже не снились ее конструктору. Фотоаппарат, делающий неплохие снимки, но это лишь второстепенное и, пожалуй, простейшее из его умений.

Как только я переоделся в черное, раздался звонок в дверь. Сервировочные столики я встречал, сидя на диване с зажженной сигарой.

— Выпивай, закусывай, веселись! — Я удобно откинулся на спинку дивана и откупорил бутылку шипучего. Но как только затворилась дверь, я вскочил на ноги и достал из кармана паутинник. — Пошли. Облаченные в черное и готовые на все!

— Надеюсь, у тебя есть хитроумный план спасения нашего мальчика, — заметила, натягивая трико, Анжелина.

— Не такой уж хитроумный, потому что у нас мало времени и еще меньше представления о том, где его держат. Обойдемся без затей. Пробьемся к нему и вызволим.

— Хорошо. Приступаем.

Выйдя на балкон, я прижал фишку к стене возле перил, и она соединилась с камнем нерушимой молекулярной хваткой. Я ухватил рукоять катушки и перебрался через перила во тьму.

— Держись!

Анжелина ухватилась за мою руку. Я нажал на кнопку, и из паутинника потек, мгновенно застывая, жидкий полимер. Мы плавно двинулись вниз — в точности как паук на своей нити. Мимо балкона соседнего этажа пролетели не задерживаясь — в окнах горел свет. Еще этажом ниже окно было темным, и там, на перилах, мы остановились. Я замаскировал паутинник, одним поворотом отмычки справился с замком раздвижной двери. Мы спустились на четыре лестничных марша и очутились на цокольном этаже. К счастью, нас никто не заметил. Затем мы преодолели запертую и снабженную сигнализацией дверь аварийного выхода. Это было плевым делом.

— Мне нравится вон та синяя спортивная малютка, — указала на машину Анжелина.

— Мне тоже. Но, по-моему, сейчас требуется что-нибудь побольше и поскромнее.

Дверца большого черного лимузина открылась от одного моего прикосновения. Машина вмиг завелась и повезла нас в ночную мглу.

— Запаркуюсь по ту сторону здания, — решил я. — Войдем через парадную дверь. Действуем быстро, экспромтом, не копаясь. Вызволяем Боливара и убираемся отсюда.

— Звучит неплохо, надеюсь, скучать не придется. Я только сейчас поняла: в последнее время мы с тобой даже не жили, а, как говорится, влачили унылое существование.

— Вам сюда нельзя, — сказал охранник у парадной двери. И словами не ограничился — поднял оружие.

Пришлось сунуть ему под нос и раздавить капсулу сонного газа. Я был уверен, что он не вспомнит о нас, когда проснется, — не зря же я добавил в газ амнезийный наркотик.

Прежде чем войти в здание Пыткодрома, мы натянули противогазы. В столь поздний час там было тихо, и стало еще тише, когда поработали аэрозоль «Отключка» и капсулы с газовой смесью «Глубокий сон». Кругом валились на пол тела в полицейских мундирах. Перешагивая через них, мы добрались до крепыша, обмякшего за конторкой. Получив укол, он что-то невнятно пробулькал, а от второго укола снова обмяк.

— Я твой господин, — прошептал я ему в ухо. — А ты мне подчиняешься.

— Только скажи, я все исполню.

— Отвечай: где доставленный сюда недавно арестант? Подозреваемый в ограблении банка?

— В шестой допросной.

— Веди нас туда.

Он повел. Безропотно, как овечка. В коридорах уютно почивали его коллеги. Мы остановились перед указанной дверью, и наш гид отправился к своим друзьям в сонное царство. Где-то вдали завыла сирена.

— Все-таки всполошились, — сказала Анжелина.

— Ничего, время еще есть. Ты готова?

Она кивнула. Я не видел под маской ее лица, но знал, что она улыбается.

Анжелина распахнула дверь и бросила капсулу. Когда мы вошли, все лежали без чувств, только Боливар безвольно висел на чем-то вроде дыбы. Его лицо и руки были в крови. Анжелина бросилась к нему, наверное случайно ступая только по животам полицейских.

— Спасибо, — сказал, открыв глаза, Боливар. — Ну и садисты здешние легавые!

Когда мы уходили, Анжелина шагала по физиономиям. Наверное, случайно.

Сирены выли громче, к ним добавился отдаленный топот бегущих ног, хриплые крики и беспорядочная пальба. Очевидно, фараоны ударились в панику и лупили по теням. Мы старались держаться подальше от суматохи и пробирались к задам здания.

— Кажется, здесь, — произнес я с сомнением, когда мы спустились на первый этаж.

— Мне очень хочется, чтобы это было здесь, — сказала Анжелина таким тоном, что мне захотелось того же. — А ну, выводи нас отсюда!

Я плохо представлял себе толщину стены, а потому установил заряд помощнее. Мы благоразумно укрылись за углом коридора, но и там нас оглушило и парализовало взрывом. Шатаясь, мы прошли по обломкам и через огромную пробоину выбрались на ночную улицу. Неподалеку стояла наша машина. Никто не помешал нам преспокойно уехать.

Мы вернули краденое авто на прежнюю стоянку, добрались до балкона и оттуда по паутинке залезли в наш номер.

— Боливару надо умыться и переодеться, — сказала Анжелина. — Я ему помогу, а ты закажи еще выпивки.

— Теперь это и впрямь вечеринка, — хмыкнул я. — Нам есть что отметить. А потом надо будет подумать, что делать дальше. У меня очень стойкое подозрение, что с тех пор, как мы прибыли на эту планету, невидимые враги постоянно опережают нас на корпус. Так не годится. Надо сравнять счет.

Глава 8

Я опорожнил над кухонной раковиной две бутылки доброго пойла. Сердце обливалось кровью, но это была необходимая жертва. Затем я позвонил и заказал еще выпивки. Будем веселиться.

По номеру бродил испытанный лейкопластырем Боливар с индикатором шпионских устройств в одной руке и жареным ребром свинобраза в другой. Глориана вышла узнать, в чем причина оживления, уловила запах убиенного сородича, скорбно взвизгнула и вернулась в свою спаленку. Анжелина в модном неглиже в тигровую полоску восполняла ущерб, причиненный ее ногтям в наших недавних приключениях.

— В награду за медицинское обслуживание предлагаю еще бокал шампанского, — сказал я. — Думаю, он будет кстати.

— Еще как кстати.

Она взяла бокал и выпила.

Я одолел двойную дозу «Старого почкоубийцы» и налил еще, на этот раз со льдом. Съел пару-тройку канапе и приказал себе расслабиться. Но не смог.

— Как быть с Боливаром? — задал я актуальный вопрос. — Гостиничный номер — не лучшее убежище.

— Как и этот город, да и вся планета, — раздраженно заявила Анжелина. — Мне здесь все не нравится, потому что наш план оглушительно трещит по швам. Я уже начинаю жалеть, что мы повстречали Кайзи и позволили его деньжищам нас загипнотизировать.

Я был вполне согласен с ней, но чувствовал, что должен хотя бы изобразить оптимизм.

— Не волнуйся, все у нас получится, и мы разбогатеем. Но сначала давай-таки решим, как быть с Боливаром.

— Успокойся, со мной все будет в порядке, — сказал он. И тут, словно наперекор его словам, в дверь позвонили. — Однако береженого бог бережет, перейду-ка я в другую комнату.

— На этой завалящей планетке очень настырная полиция, — заметил я. — Так что, думаю, будет лучше всего, если ты перелезешь через балкон и повисишь снаружи. Я чую запах беды.

Сверхчуткий нос меня не подвел. Стоило только отворить дверь, как в прихожую устремились три бугая.

— Здесь интимный ужин, а вас нет в списке приглашенных, — сказал я, затворяя дверь. Вернее, пытаясь затворить. Воспрепятствовал огромный ботинок.

— Полиция Национальной Безопасности, — заявил главный бугай и сверкнул узорчатым жетоном с голографическим изображением жалящей змеи. — Мы войдем.

— Без моего разрешения или ордера на обыск?

— И без того, и без другого. Мы на Феторре и во имя правосудия имеем право вторгаться в любые владения, которые считаем подозрительными.

— У нас тут что-то вроде вечеринки... это она вызвала подозрения?

— Это ты вызвал у нас подозрения! — прорычал полицейский и толкнул меня в грудь.

В других обстоятельствах ему бы это даром не сошло, но сейчас я не мог рисковать. Я неохотно попятился, и он улыбнулся.

— Сегодня тебя видели рядом с известным преступником.

— Но это же не преступление!

— Если я называю это преступлением, то это преступление. А ну, с дороги!

Полицейские ринулись вперед, и пришлось шагнуть в сторону, чтобы не затоптали. Анжелина попивала вино и не давала ни малейшего повода счесть, что она заметила наглое вторжение.

— Где Боливар диГриз? — спросил главный самым злобным и подозрительным тоном. Остальные, наверное, не обладали правом говорить.

— С кем имею честь?

— Инспектор Муавули. Где он? — Полицейский огляделся. — Все обыскать!

— Вы о ком? О Боливаре? Он в тюрьме. Его на моих глазах увезли ваши приятели.

— Он не в тюрьме. Сбежал.

— Приятно слышать! Выпить не желаете?

Очевидно, такого штампа, как «на службе не положено», феторрская полиция не знала. Не сводя с меня глаз, инспектор Муавули налил полный стакан и осушил единым духом. Его присные вернулись в гостиную с пустыми руками и при виде выпученных глаз и залезших на лоб бровей патрона неодобрительно захмыкали.

— Пределы города не покидать! — приказал он и удалился.

— Какая прелесть! — сказала Анжелина, заперев входную дверь на два замка, цепочку и подставив под дверную ручку стул.

Боливар залез на балкон и прижал палец к губам. После чего обыскал номер индикатором и вернулся к нам с пригоршней «жучков». Их замаскировали под монеты, туалетное мыло и крючки для картин, а один даже под таракана. Боливар сбросил их с балкона и налил себе бокал красного вина.

— Боливар, ты поступаешь в цирковую труппу, — распорядилась Анжелина.

— Всю жизнь мечтал!

— Не ерничай. Я говорю серьезно.

— Не сомневаюсь. Но вижу небольшую проблему — как добраться до «Колоссео»? Наверняка вся полиция поднята на ноги и мои фотографии розданы филерам. На улицах небезопасно.

— Да, для молодого мужчины. Но молодой женщине бояться нечего, кроме будничных опасностей этой неописуемой планеты. Приготовься к временной смене пола. Заранее сочувствую тому недоноску, который попытается обидеть мою любимую дочурку. Побрей ноги, а я подберу тебе одежду.

Они провозились до первых проблесков зари. Наконец Анжелина удовлетворенно кивнула.

— Что скажешь? — спросила она меня.

— Лучше, чем сейчас, Боливера никогда не выглядела.

Я не кривил душой — Боливар смотрелся на все сто. Изящное телосложение, длинная юбка, плоский живот. Отличный грим и не слишком париковидный парик.

— А теперь поспать несколько часов, — распорядилась Анжелина. — Не вздумай помять платье. И постарайся отработать женскую походку. Вот такую.

Когда он справился с этой задачей, все улеглись спать — устали изрядно.

Я проснулся довольно свежим, но не настолько, чтобы обойтись без бодрящей пилюли. Проглотив ее, я, как всегда по утрам, проверил свой банковский счет. Обещанные четыре миллиона не пришли, зато поступило сообщение: «Неважная работа, Джим. Надо стараться».

В разгар утра мы вышли из гостиницы. Первыми номер покинули мы с Анжелиной. Я нес компьютер, а она вела Глориану. Боливера выскользнула за дверь, как только получила от нас сигнал, что в коридоре пусто. И осталась у лифта ждать следующей кабины — мы не сомневались, что к нам приставлен «хвост».

Так оно и оказалось.

Не обращая внимания на слежку, мы поймали такси и велели шоферу везти нас в цирк.

— Животных не вожу.

Шофер подозрительно глянул на Глориану.

— Это не животное, — возразил я, щедро кладя ему на лапу. — Это наша дочь, зачарованная злой колдуньей. Мы везем ее к доброму волшебнику, он обещал за вознаграждение вернуть ей человеческий облик.

Водила выпучил глаза. Но если он и сомневался в моей правдивости, деньги его убедили. Проверить индикатор «жучков» было нечем, поэтому мы говорили в пути только о пустяках. Лишь в артистической уборной я достал собственный индикатор и обшарил все закоулки.

— Чисто.

Я сложил и спрятал прибор.

— Отлично. Оставим Боливару записку, пусть ждет нас здесь. А потом надо будет подыскать ему уборную. И поговорить с Гаром Гуйлем. Уверена, он с радостью нам поможет.

— Почему?

— Увидишь.

Я узнал этот тон и решил ничего не выпытывать. В нужное время, и ни секундой раньше, я все узнаю.

Когда мы направились к выходу, Глориана негромко взвизгнула, а услышав наш зов, радостно засеменила. И взволнованно хрюкнула, едва мы отворили дверь в уборную Гуйля. Там крепко пахло скотным двором. Или зоопарком. Я уже познакомился с этим запахом, когда стоял за кулисами. Конечно, он был искусственный — чтобы добавить зрелищу реалистичности.

За столом сидел мужчина в смокинге и писал. Когда мы вошли, он даже головы не поднял. Это он Гар Гуйль? Или четверорукий жонглер?

Уродец-жонглер тоже был здесь. Облаченный в килт, он сидел напротив Гуйля и разговаривал по телефону. Я огляделся. Просторное помещение было скудно освещено, но все же удалось рассмотреть клетки и тех, кто в них сидел. Что за твари! Некоторых я видел на сцене, но больше было незнакомых. По своему узилищу расхаживал некто двуглавый и хищный. Встретив мой взгляд, он зашипел и обнажил громадные клыки.

А вот Мистер Скелет — я видел его на афишах — прилег на кушетку вздремнуть. Ростом он вымахал под два метра, но в талии был не толще моей руки.

— Что вам угодно? — прозвучало в сумраке.

Я повернулся и увидел, что Гар Гуйль по-прежнему водит стилом по бумаге.

— Мистер Гуйль, мы бы хотели с вами поговорить.

— О чем?

Только сейчас я обнаружил, что говорит четверорукий.

— Да так, вообще. Поболтать о цирке. Ну, как о погоде.

Я говорил что-то еще в том же духе, пока ходил по комнате с индикатором «жучков» наперевес. Нашел их шесть штук — пять в виде настоящих насекомых и одну монету. Я давил их каблуком, пока индикатор не дал зеленую вспышку.

— Мы о вас много слышали, — вкрадчиво произнесла Анжелина.

— В Специальном Корпусе, — шепотом добавил я.

Он сидел, молчал, не проявлял никаких чувств. И шевельнулся только один раз, когда подошла Глориана и расположилась у его ног.

Вдруг она подалась вперед и укусила его за руку.

— Невоспитанная свинка! — рявкнула Анжелина. — Немедленно оставь в покое этого джентльмена!

А джентльмен поглядел вниз и кивнул.

— Видите, она способна отличить плоть от пластмассы. У свинобразов отличное обоняние.

С этими словами он схватился верхней парой рук за свои плечи и резко потянул вниз. Кожа отошла, Анжелина ахнула. А он все тянул и тянул, пока не освободился от лишних рук.

— Почему вы упомянули Специальный Корпус?

Я перевел взгляд на сидящего за столом.

— О нем не беспокойтесь. Это робот из псевдоплоти, как и все остальные. Зрители глазами протирают на нем дырки и не замечают, что всем управляю я.

— Отвлекай внимание! — радостно воскликнул я.

— Ну, конечно. А теперь будьте любезны, ответьте на мой вопрос.

— Мистер Гуйль, у нас есть основания считать...

— Зовите меня просто Гар.

— С удовольствием. Вы, Гар, конечно, слыхали о Специальном Корпусе, о мифической группе лиц, которая якобы по всей галактике сражается с преступностью и защищает справедливость.

— Разумеется. Все наслышаны о Специальном Корпусе, хотя такового и не существует в природе. Но позвольте задать вам вопрос. Если бы в этом мифическом Корпусе был мифический научно-исследовательский институт, кто из мифических ученых возглавлял бы его?

Я снова дотронулся до индикатора. Увидел зеленый огонек и произнес еле слышно:

— Профессор Койпу.

Гар глубоко вздохнул и выскользнул из остатков четверорукого уродца. Глориана отпустила его конечность и легла. Псевдочеловек за столом прекратил писать и свалился на пол. Я сел в кресло.

— Профессор Койпу прислал весточку. Просил помочь, если вы ко мне обратитесь. Когда я создавал труппу, он оказал неоценимую помощь.

— Так вы — агент Специального Корпуса? — спросила Анжелина.

— В отставке. Работал в лаборатории судебной экспертизы. Вначале было интересно, потом — прескучно. Видел один труп — считай, что видел все. Но мне эти годы не кажутся потерянными. Именно тогда я подготовил свое нынешнее поприще. Поверьте, сейчас моя работа весьма увлекательна.

— Шоу уродов?

— Это прикрытие. Я... — Он жестом велел нам приблизиться, с опаской огляделся и еле различимо прошептал: — Я из СОС.

— Специалист по спасению душ? — удивленно переспросила Анжелина, но он в страхе замахал на нее руками.

— Тихо! СОС — это Союз Объединенных Союзов. Вы наверняка о нас слышали.

— Вроде что-то слышали. Вы организуете профсоюзы?

— Да. Мы сражаемся с произволом сильных мира сего и создаем профсоюзы там, где это запрещено.

— Например, здесь, на Феторре?

— Товарищ, вы очень проницательны. И я вам так скажу: среди планет, созревших для профсоюзов, эта — самая перезревшая.

— И ей не помешали бы чуточку больше свободы предпринимательства, добрая взбучка хамам в полицейских мундирах и хотя бы зачаточные представления об экологическом контроле.

— Согласен. Но пускай все это до поры останется нашей тайной, а пока — чем могу помочь?

— Спрячьте нашего сына Боливара.

— Не тот ли это Боливар диГриз, который вчера ограбил банк и бежал из тюрьмы, убив при этом множество женщин и детей?

— Тот самый. Конечно, минус женщины и дети. Плюс тот факт, что он не грабил банк.

— Ну разумеется. — Гар помял подбородок и окинул взором комнату. — Как вы считаете, он не откажется стать Человеком-Мегалитом? У моего помощника проблема с обратной связью.

В сумраке возникло шевеление, на передний план вышло серое существо. Анжелина ахнула, я с трудом подавил возглас. Мощный выпуклый лоб почти закрывал глаза, далеко выступающая челюсть, скрюченные пальцы и еще несколько подобных штрихов создавали поистине отвратительное подобие человеческого существа. Гар улыбнулся и кивнул:

— Не правда ли, красавчик? Одно из лучших моих творений.

Тварь застонала, закатила глаза и с шумом растянулась на полу.

— Под такой личиной никто вашего сына не узнает.

— Не сомневаюсь. — Анжелина фыркнула. — И, зная его, я уверена, что ему это придется по вкусу.

— Как только он прибудет, мы пошлем его к вам, — сказал я. — Спасибо. Агенты Корпуса понимают, что такое взаимовыручка.

Покидая нашу уборную, я запер дверь. Но, как выяснилось, это не остановило нашего Боливара. Он вернул себе мужскую внешность и теперь сидел за компьютером.

— Похоже, маскировка тебя не подвела, — сказала Анжелина. — *Я отложу эти тряпки, может, еще пригодятся.*

Он рассеянно кивнул и быстро набрал команду.

— Интересно, — произнес наш сын.

Я вопросительно хмыкнул.

— Я велел программе поиска заняться твоим нанимателем.

— Кайзи? Ну и как, нашлось что-нибудь занятное?

— Много чего нашлось. Во-первых, его не существует в природе.

— Не может быть! Мы же с ним встречались!

— Речь не о его физической форме, с этим все в порядке. Я имею в виду биографию Императрикса фон Кайзера-Царского. Богатейшего человека в галактике. Не могу найти ни единого его следа.

— А как же банки, рассеянные по всему космосу?

— Они ему не принадлежат. Их хозяева — корпорации, которыми, в свою очередь, владеют другие корпорации. Я прошел по длинной цепочке собственников и не обнаружил среди них ни одного Кайзи. Похоже, все, что он наговорил тебе, — ложь.

У меня заболела голова. Я тяжело опустился в кресло и разложил факты по полочкам.

— Во-первых, *он должен быть очень богат, иначе не смог бы* платить нам по четыре миллиона кредитов. То есть платить до вчерашнего дня. Я проверял: вчера он не только не перевел деньги, но и оставил очень оскорбительную нотацию.

— Да, конечно, он платил. Чтобы у тебя не возникло сомнений в его правдивости. Согласись, огромные суммы внушали доверие. А если бы он предложил жалкую сотню кредитов в день? Представляешь, как бы ты отреагировал?

— Я бы дал ему пинка! Но не будем уходить в сторону. Разберемся с тем, что нам известно.

— Во-вторых, мы знаем, что все эти банки на всех этих планетах были ограблены. Так утверждают официальные источники.

— Верно. Но меня беспокоит другая информация.

— Например?

— Цирковые представления, какие номера показывали в тот или иной день, ну и так далее.

И тут до меня дошло:

— Ну, *конечно! Имея дело с базой данных, трудно судить, что* факт, а что — плоды воображения искусного хакера. Невозможно отличить правду от вымысла, когда дело касается отдаленной планеты, если только не обращаться к первоисточникам. Чему, понятное дело, крайне мешают световые годы.

— Вот и я рассуждал точно так же. Оттого и решил порыться в здешних базах данных. Без особого, впрочем, успеха. Ко всему закрыт доступ, кроме железнодорожных расписаний. Экран хлопнул передо мной уймой электронных дверей.

— Похоже, туземцам не нравится, когда чужаки суют нос в их дела.

— В этом я с самого начала не сомневался. Потому-то, рассылая запросы по другим системам, хорошенько запутал следы. Я не хочу, чтобы нас нашли.

Он даже не успел закончить фразу — дверь затряслась под сокрушительными ударами.

— Немедленно откройте! У вас тридцать секунд, потом мы выломаем дверь.

— Кто там? — спросила Анжелина.

— Спецотдел по компьютерным преступлениям. Не пытайтесь сопротивляться. Вы обвиняетесь в противозаконном использовании компьютера и проникновении в секретные файлы.

Глава 9

Похоже, все спецслужбы Феторра ели свой хлеб недаром. Я затравленно огляделся. Мы находились в комнате без окон, с одной-единственной дверью. Правда, была ширма, но она давала уединение, лишь когда требовалось переодеться, и шанс укрыть за ней нашего сына выглядел крайне ничтожным.

— Боливар! — прошипел я. — За ширму!

Он в один миг пересек комнату. Тем временем дверь трещала и содрогалась под градом ударов.

— Перестаньте колотить! Я иду!

Анжелина тоже не бездействовала. Закрыла чемодан с компьютером, придвинула к ширме, уселась перед ним на стул. И намотала на руку цепочку Глорианы. Напуганная свинобразка скалила клыки и скребла копытцами пол. Дрожали взъерошенные иглы. Я подошел к двери, отомкнул, распахнул.

— Это вы стучали? — спросил я разлюбезно.

Передо мной стоял невероятно толстый человек с отвисшими подбородками и необъятным брюхом. Он наставил на меня палец и обвинил:

— Вы пользуетесь нелегальным компьютером.

— Клевета!

— Хафифу, тщательно обыщи комнату.

Хафифу, столь же тощий, сколь тучен был его напарник, вбежал в артистическую уборную. Медленно огляделся. При этом глаза-бусинки возбужденно блестели, а костлявый нос по-крысиному вздрагивал. Тощий фараон взглянул на компьютер, отвел взор. Несомненно, принял его за обычный кожаный чемодан.

— Я не вижу здесь компьютеров! — доложил он пронзительным тонким голосом.

— Так загляни за ширму! — прорычал тучный полицейский. — Видел же ориентировку! Компьютер где-то в этом помещении. Наши детекторы никогда не ошибаются.

Хафифу послушно подошел к ширме и тут же с визгом отскочил. Сверкнули бивни и ударили его по лодыжкам. Я тотчас принял решение: жизнь и свобода Боливара дороже бездушного компьютера.

— Назад! — приказал я. — Это злобный сторожевой кабан. Он обучен убивать любого дурака, который посмеет приблизиться к его хозяину. И вообще, вот он, компьютер. В чемодане.

Хафифу охотно дистанцировался от нашего колючего цербера и схватил компьютер. Открыл, достал клавиатуру, включил, неистово застучал по клавишам.

— И правда, это орудие преступления, — пропищал он.

— Что в нем преступного? Я всего лишь просматривал официальные источники информации. Разве это противозаконно?

— Да! — в превеликом азарте воскликнул жирный. — Потому что у нас на Феторре не существует официальных источников информации, только конфиденциальные. Я конфискую это устройство!

Запротестовать я не успел — Хафифу с чемоданом молниеносно выскочил за дверь.

— Кроме того, я взыскиваю с вас штраф в размере пятисот кредитов за попытку нелегального проникновения в секретную общественную базу данных.

— Вы не смеете!

— Еще как смею! Власть, данная мне государством, позволяет штрафовать на месте преступления. Если у вас есть причина сомневаться в моем праве взыскивать штрафы, можете обратиться в судебные инстанции.

— Судиться? Всегда готов!

— Для этого требуется внести две тысячи кредитов невозвратимого залога за судебные издержки плюс пятьсот кредитов гонорара судье авансом.

Я открыл рот для решительного протеста и закрыл — понял, до чего же глупо веду себя.

— Чеки берете?

Пока я доставал стило и чековую книжку, Анжелина незаметно отмотала цепочку.

На Феторре у меня не было банковского счета. Я выписал чек на пятьсот галактических кредитов, вспомнив, что они конвертируются в феторрские по курсу один к одному. В следующий миг Глориана яростно хрюкнула и бросилась вперед. Толстяк торопливо схватил чек, выскочил за дверь и исчез.

— Отличная работа, — сказал, выходя из-за ширмы, Боливар. — Но мы остались без компьютера.

— Со временем будет новый, — пообещал я. — Но, похоже, на Феторре от компьютеров проку не больше, чем от дверных замков. Пока мы вынуждены полагаться на обыкновенные человеческие мозги — кстати, они существовали задолго до того, как были изобретены электронные.

— А также на письменность. — Анжелина достала из туалетного столика блокнот и стило. — Сначала составим список того, что мы знаем, а затем того, что должны узнать.

— Правильно. — Я походил по комнате, привел в порядок взбаламученные мысли. — Еще есть нераскрытая тайна нашего рабо-

тодателя, и не скажу, что она как нельзя более уместна в настоящий момент. Кем бы он ни был и чем бы ни занимался, он может подождать.

— По крайней мере до того дня, когда возобновит выплаты, — добавила моя в высшей степени практичная супруга.

— Очень здравая мысль. И мы вправе забыть обо всех остальных ограбленных банках на других планетах. Вполне возможно, они не имеют никакой связи с нашим расследованием, а факты, связующие их вместе, судя по всему, сфабрикованы.

— С какой целью?

— Очень существенный вопрос. Самый простой ответ: Кайзи было нужно, чтобы мы прилетели на эту планету. Под предлогом расследования банковских ограблений. Но и эта версия вызывает у меня вполне закономерные сомнения. Впрочем, сейчас не важно, почему он выбрал такой сложный окольный путь. Своего он добился — мы прилетели и взялись за работу.

— И теоретически подозреваем Пьюссанто, — подхватила Анжелина. — Как я помню, изначально именно эта причина привела нас сюда. Не следует ли приглядеться к нему?

— Мы бы и пригляделись, но все совершенно неожиданно и стремительно полетело под откос, — напомнил Боливар. — Как только мы прибыли, был обворован банк. И полиция записала меня в преступники.

Я отрицательно покачал головой.

— Думаю, все это просто досадная случайность. Воры, строя планы, не могли предугадать твое появление.

— Согласна, — сказала Анжелина. — Кайзи стоило немалого труда привести нас сюда в назначенный день. И конечно, появление Боливара явилось для него сюрпризом. Что бы он ни замышлял, он не добивался вступления в игру нашего сына.

— И все-таки, что же он замышлял? — спросил я и тотчас сам ответил: — Не будем гадать на кофейной гуще. Сейчас важнее, что замышляем мы. Найти воров, которые обчистили его банк. Или банки. А для этого прежде всего необходимо выяснить, каким образом осуществилась кража. Нам нужен кто-нибудь из служащих.

— Поэтому как нельзя кстати, что там работает Боливар.

— Уже не работаю.

Услышав эти слова и обдумав их скрытый смысл, я ощутил вдохновение.

— Нет, работаешь. Ты возвращаешься на вершину банковского успеха.

— Да, секунды на две, до появления полиции.

Я увлеченно потер ладоши.

— Тебя не арестуют, так как примут за брата-близнеца Джеймса. Сейчас мы его вызовем, он сразу же прилетит, и при нем случайно окажется новый компьютер.

— Ну, и что нам это даст? — спросила Анжелина. — Джеймс ни бельмеса не смыслит в финансах.

— Зато Боливар смыслит, — хихикнул я. — Он просто вернет утраченные позиции. Банк принадлежит Кайзи, и Кайзи поможет нам подделать удостоверение личности, рисунок сетчатки и все прочее.

— Поздравляю! — сказал Боливар. — Это похоже на бред, значит, должно сработать.

— Согласна. — Анжелина кивнула. — Сейчас же отправлю Джеймсу межзвездограмму, что срочно требуется его присутствие.

Она сняла с Глорианы поводок, и та почесала себе шею задним копытцем. И вдруг приятное погромыхивание игл прекратилось. Свинка вмиг оказалась на ногах, голова наклонена вбок, уши торчком. Я приложил палец к губам, затем указал на дверь. С той стороны тихо скреблись. Боливар бесшумно скользнул за ширму, а Глориана, гортанно исторгая свинские ругательства, затрусила к двери. Там на полу появилось что-то белое, и наша любимица вмиг пустила в ход зубы.

— Лист бумаги, — констатировала Анжелина. — Наверное, письмо. Хо-орошая свинка. Ну-ка, неси его папочке.

Копытца зацокали по полу, письмо упало к моим ногам. Я перевернул его и прочитал: «Фабрика-кухня Рыгающего Барни. Рободоставка бесплатная и быстрая».

— Любопытно, — сказал покинувший свое укрытие Боливар. — Сказать по правде, я сегодня завтракал, но уже успел проголодаться.

— Бесплатное пиво, если стоимость заказа превышает пятнадцать кредитов. Орехбургеры для вегетарианцев, жирафбургеры для хищников, диетбургеры из пенополистирола... И тому подобное. А что, мне нравится.

Анжелина заказала по телефону еду, и нас, в самом деле, обслужили стремительно. Пока Анжелина соединялась с местным центром связи и диктовала межзвездограмму, в коридоре загудели клаксоны. Въехал робомармит, по каким-то неясным маркетинговым соображениям изготовленный в форме гроба. Его сопровождали органная музыка и запах давно не менявшейся смазки. Я скормил ему пять кредитных монет, и лишь после этого звякнул колокольчик и откинулась гробовая крышка. Пища оказалась горячей, пиво холодным. Проклятый робот ждал, играя мрачную литургию, пока я не бросил в него еще несколько монет. Да и потом пришлось выпроваживать его пинками по колесам.

— Хорошо, — сказал я, облизав пальцы и полюбовавшись, как Глориана изящно поглощает бананбургер с пряностями.

— Слишком калорийно, — возразила Анжелина. — Небезвредно для талии.

Загудел телефон, и она взяла трубку. Послушала, кивнула.

— Десять минут. — Она положила трубку и повернулась к нам. — Это портье. Сюда направляется репортер из «Феторрских серых будней», желает взять у Могучего Марвелла интервью для программы «Жизнь сегодня и ежедневно». Памятуя о том, что мы артисты и заинтересованы в паблисити, я сказала «да».

Она встала и подошла к Боливару.

— *В этой уборной скоро будет слишком людно. Боливар, давай-ка сходим к Гару, пока не нагрянули репортеры.*

Я переоделся во фрак и уже завязывал галстук, когда в дверь громко постучали. Отворив, я уставился на исполинского серебристого андроида.

— Приветствую! — молвил он сочным голосом. — Я роборепортер номер тринадцать, представляю «Феторрские серые будни». Вот мое удостоверение. — Он вынул из паза в груди зеленую пресс-карту, помахал ею перед моим носом и спрятал обратно. — Можно войти? Спасибо.

Я отскочил, иначе бы это чудовище меня затоптало.

— Тут темновато. Мне нужно больше света.

Ярко вспыхнула прозрачная макушка куполообразной головы, из груди вынырнула камера и взяла меня на прицел. На спине серебристого монстра загудела, наводясь, тарелка спутниковой антенны. Чуть ниже камеры засветился экран, и я уставился на свою собственную изумленную физиономию. Спохватясь, показал зубы в натянутой улыбке. Вот так-то лучше.

Тринадцатый заговорил:

— *Дорогие телезрители, мы вновь с вами, а где мы, там и горячие* новости. Где бы что бы как бы ни происходило, Бариди Барака, ваш любимый репортер, всегда в эпицентре событий. А сейчас он стоит на волшебной сцене, и перед ним — Могучий Марвелл собственной персоной!

Зажужжали линзы телекамеры, и у моего изображения на экране появился визави — темнокожий мужчина в зеленом костюме. Очевидно, он обращался ко мне. Хотя существовал, возможно, только на телеэкранах. То есть его генерировал встроенный в робота компьютер. Ничего не скажешь, экономный подход.

— А сейчас, Могучий Марвелл, скажите, каково это — быть фокусником?

— Да проще пареной репы, дорогой мой дружище Бариди. Вот так, например.

Я помахал рукой (отвлекай внимание!), а другой выхватил прямо из воздуха букет черных цветов. *И сунул их под нос виртуальному* репортеру. Экранный человек в зеленом склонился, понюхал, расплылся в счастливой улыбке.

— Дорогие зрители, уверяю вас, это настоящие цветы и великолепно пахнут. Марвелл, вы — мастер своего дела, я вижу это собственными глазами. Вам нравится быть фокусником?

— Нравится? Дружище, я просто влюблен в эту профессию. Обожаю путешествовать, развлекать людей.

Отворилась дверь, вошла Анжелина. Я приглашающе помахал.

— А еще больше я влюблен в мою ассистентку Анжелину, которой нипочем, когда ее распиливают каждый вечер и, вдобавок, на субботних утренниках.

— Привет, Анжелина, — сказал наш несуществующий интервьюер. — Скажите «Здрасьте»! Скажите это миллионам зрителей, очарованным вашими фокусами и, несомненно, вашей красотой. А теперь, не выдавая никаких секретов, ответьте: каково это — быть распиленной?

Анжелина восхитительно улыбнулась и пустилась в объяснения. Разумеется, ни один ее слог ничего не сказал миллионам недоумков, которые смотрят «ящик» среди бела дня. Зато виртуальный репортер кивал, как будто понимал каждое слово. Когда Анжелина оттоворила ровно тридцать секунд — очевидно, на больший срок туземные домохозяйки сосредотачиваться не умели, — он прервал и поблагодарил ее. И повернулся ко мне.

— Могучий Марвелл, скажите нашим зрителям, какое событие было самым ярким в вашей увлекательной карьере?

— О, легко. Это случилось, когда я давал представление на далекой планете по имени Виртшафтлих. На туманной улице за стенами театра произошла авария. Среди пострадавших машин оказался фургон со свинобразом. Зверь выскочил из покореженного кузова и напал на театрального швейцара — наверное, его привела в ярость красная ливрея. Преследуемый по пятам громадным колючим вепрем, швейцар вбежал в театр. Я не растерялся, бросился навстречу чудовищу, закричал во всю силу легких и замахал своим плащом с алым подбоем. И зверь повернул ко мне. Догадываетесь, что произошло затем? Я поднял волшебную палочку и на глазах у охваченной ужасом публики совершил «Исчезновение свинобраза». Вы верите, что чудовище сгинуло в один миг?

— Нет, не верю.

— Да за такие слова я бы вам свернул виртуальную шею, если бы только смог в нее вцепиться! — вскричал я, хватая скрюченными пальцами пустоту.

На экране это выглядело лучше, чем в действительности — человек в зеленом захрипел в моей хватке.

— Милый! Спокойствие, спокойствие!

Анжелина ласково оттащила меня от жертвы.

— Ну что ж, раз вы это так болезненно воспринимаете, то я вам, конечно же, поверю. Ха-ха-ха. А сейчас, Могучий Марвелл и Анжелина, оставайтесь с нами, потому что я знаю: у вас в запасе тьма-тьмущая анекдотов из жизни фокусников для миллионов наших телезрителей.

И тут я увидел на экране другого компьютеризованного репортера — он стоял перед банком.

— Сразу за моей спиной, — вещал этот псевдожурналист, — стоит мирный и процветающий «Банкротт-Гейштесабвезед банк». И хотя на его названии язык сломаешь, до сего дня он имел репутацию надежного и нынче утром готов был открыться как всегда, и тут...

Экран расширился, чтобы показать пробитый фасад. Компьютер поохал и поахал, а заодно выдал звон бьющегося стекла.

— Преступление свершилось средь бела дня, и не где-нибудь, а здесь, в симпатичном пригороде Феторрскории. Только что кругом царили мир и процветание, и вдруг...

Громыхнул чудовищный взрыв, раскатилось эхо, снова зазвенело стекло.

— ...Случилось ужасное. В банк не вломились — из него выломились. Очевидно, ночью жуликам удалось проникнуть в хранилище денег, и при этом они не только обошлись без взлома, но и протащили с собой бронированные мотоциклы. Отличная работа! Держу пари, вы сейчас представили, какова была физиономия у менеджера, когда он повернул штурвал и отворил дверь хранилища! Если приглядитесь, вы его увидите — он лежит в банке, и ему смазывают йодом ссадины. Грабители промчались по нему и по коридору и вылетели через стеклянную витрину на улицу. И мгновенно растворились в транспортном потоке. Сейчас полиция ищет их по всему городу. Следите за нашими выпусками, и мы познакомим вас с новыми поворотами потрясающего сюжета. Это великолепно организованное преступление. Грабители сбежали при свете дня и унесли с собой всю добычу. По пятам за ними гналась полиция, однако им удалось благополучно скрыться в промышленной зоне. Они перескочили через высокую стену по заранее приставленному пандусу.

Камера мельком показала толпы у барьерных лент, сдерживающих людей полицейских, давку и суматоху. Вдруг из банка вышел седовласый офицер полиции в мундире и направился к репортеру. А тот, не моргнув глазом, знай себе трещал:

— Есть новые сведения! На месте преступления обнаружена новая улика! И эта улика, возможно, выведет полицию на след грабителей, позволит их обнаружить и опознать. Капитан, скажите, что тут у вас?

— Улика. Обнаружена в хранилище денег. И очень красноречивая улика!

— Так что же это?

— Ключ к разгадке.

— Да, мы это уже поняли. — Неужели я уловил раздражение в электронном голосе? — Не соблаговолите ли сказать миллионам наших зрителей, что за ключ вы держите в руках?

Я увидел громадные ручищи, вокруг них нервозно суетилась камера, пытаясь увидеть, что они прячут.

— Металлическая улика, — сказал полицейский. И наконец показал ее. — Как видите, я держу в руках вещь, похожую на резную фигурку из какого-то металла. Это фигурка грызуна, скорее всего мыши.

Камера наплывала, пока предмет не закрыл весь экран.

— Капитан прав. Да, он прав. Это самый настоящий металлический грызун. Для мыши он слишком велик, должно быть, это крыса. Да, дорогие зрители, сейчас вы видите очень четко.

Действительно, мы видели очень четко.

— Дорогие зрители, перебейте меня, если я не прав. Но я уверен... что это фигурка... крысы из нержавеющей стали!

Глава 10

В ту минуту я был крайне рад, что камера смотрит не на меня.

Наверняка моя физиономия выражала крайнюю степень изумления и непонимания. Проще говоря, с выпученными глазами и отвисшей челюстью я здорово смахивал на идиота.

Что происходит? Я бросил взгляд на Анжелину — она была ошарашена не меньше моего. Но быстрее пришла в себя. Тыльной стороной ладони поправила прическу и изобразила на лице абстрактный интерес. Что бы ни происходило, нам это добра не сулило. Должно быть, кто-то из тех, кто промышляет грабежами банков, славно потешился на мой счет. Стальная крыса? Подсказка для полиции? Скорее предупреждение мне.

Впрочем, как только я это понял, вернулось самообладание. Я дослушал до конца с видом расслабленным и беспечным. Ухитрился даже без сучка, без задоринки показать несколько простеньких карточных фокусов.

— Итак, дорогие зрители, близится к волшебному концу наше интервью с магической супружеской четой. С той самой, что демонстрирует свои чудеса по вечерам в «Колоссео», в очаровательном пригороде нашей обожаемой Феторрскории, в приюте театрального искусства, спорта и просто хорошего времяпрепровождения.

В голове робота померк свет. Из груди выдвинулся металлический лоток с листом бумаги. Репортер вручил его мне.

— Стандартная платежка. Подпишитесь здесь, поставьте инициалы тут и тут. А теперь вы, леди. Спасибо.

Он выдернул у Анжелины лист, и на его металлическом бедре со шелчком поднялась маленькая панель. Манипулятор робожурналиста извлек тонкую пачку банкнот. Аккуратно разделил ее надвое и вручил одну половину мне, другую — Анжелине.

— Стандартный гонорар. По сто восемьдесят кредитов. До свидания.

Он отворил дверь и скрылся с глаз. Анжелина тщательно заперла ее и повернулась ко мне.

— Объяснения имеются?

— Если бы. Я понял только одно: кто-то невзлюбил меня, и дело не в моей паранойе.

— Как нам с этим быть?

— Со стальной крысой? А разве мы можем что-нибудь сделать?

— Можем. Улететь с этой противной планеты.

— Нет. — Меня вдруг охватила ярость. — Он, или они, или оно, или она... Кто бы или что бы ни играл в эти игры, ему это с рук не сойдет. Если мы сейчас улетим, то так и не узнаем, что за чертовщина творится на этой планете. Вдобавок мне нравится зарабатывать по четыре миллиона в день.

Последняя фраза заставила Анжелину приподнять бровь.

Я обдумывал свои слова, пока шагал к бару и доставал бутылку «Цубанишамалийского кислого сусла» и бокал. Вернее, два бокала. Один предложил ей. Она отрицательно покачала головой.

— Нет, спасибо. Не понимаю, как ты можешь пить эту кошмарную муть. Мне белого вина, если не возражаешь.

Я открыл бутылки, налил. Мы чокнулись и выпили.

— Дело не в деньгах, — заявил я по некотором размышлении. — Дело в моей репутации, вернее, в угрозе престижу. Кто-то решил покуражиться над биографией старины Джима диГриза. Необходимо разыскать шалуна и положить конец гнусным проделкам. Я глубоко оскорблен, хуже того, оскорблена вся моя семья. И мне это не нравится. Но кто же нас подставляет?

— Кайзи, — уверенно произнесла Анжелина.

— Не исключено. Либо вмешались некие темные силы, разоблачить которые он меня нанял. История знает немало случаев, когда охотник и дичь менялись ролями. — Я глянул на часы. — Пока не начались новые приключения, я займусь нашим единственным подозреваемым — Пьюссанто. До представления времени еще уйма.

Прежде чем искушать судьбу, я подошел к двери, ведущей за кулисы. Там престарелый охранник читал голокомикс-ужастик. Перелистывание страниц сопровождалось пронзительными воплями и демоническим смехом.

— Я ищу Пьюссанто. Вы давно его видели?

— Не-а. Вышел подкрепиться. Четыре или пять раз в день лопает.

— А вы не знаете, когда он вернется?

— Через часок. У него на каждую заправку около часа уходит. Видал я однажды, как он рубает. Словами не передать!

— Отлично, спасибо. Поищу его попозже.

Но это была ложь. По ряду вполне очевидных причин я решил с ним разминуться. Дверь его уборной была на замке. Я громко по-

стучал, но не дождался отклика. Памятуя, как Пьюссанто перекусывал стальной прут, я, прежде чем войти, воспользовался электронным подслушивающим устройством. Тишина. Ни топота, ни вздоха. Затем я проверил, нет ли охранной сигнализации. Лишь после этого взялся за отмычку. Без труда одолел замок, вошел, запер за собой дверь и уставился во тьму.

Нашарив на стене выключатель, я заморгал от резкого света. Типичная артистическая уборная: ширма, диван со сломанными пружинами и крепкими с виду подпорками, стальные прутья, наковальня, две бочки пива, подвешенная к потолку копченая свинобразья туша. У туши отсутствовал изрядный клок мяса и зато ясно виднелись следы зубов. Впрочем, что еще я ожидал обнаружить в жилище силача?

Я огляделся пристальнее. По-прежнему ничего неожиданного. В мусорной корзине — бумаги. Квитанции из химчистки. На полу — траченная молью львиная шкура, на вешалке — мужской пиджак сто восьмого размера. Это мало о чем говорило. Я подошел к туалетному столику. В выдвижных ящиках — ни клочка бумаги, на столе — одна-единственная книга. Я ее потряс, быстро пролистал, поднес к свету, чтобы прочитать заголовок. «Звездные убийцы галактических скитальцев». А что полагается читать цирковому богатырю, кроме дурацкой бульварной фантастики с морями крови и лазерной пальбой?

Еще на столе я обнаружил видавший виды компьютер. Включил. Замерцал экран, затем на черном поле красным вспыхнули слова «Введите пароль». Я перевернул компьютер и нашел марку: «Эпром-80». Будь у меня паспорт этого изделия и чуть побольше времени, я бы попытался обойти пароль. Или дождался Джеймса — это как раз по его хакерской части.

В коридоре, прямо за дверью, раздались грубые мужские голоса. Неужели возвращается Пьюссанто? Меня охватил страх. Я ощутил, как в мое горло вонзаются стальные пальцы. Где тут можно спрятаться? В углу, за гигантским сундуком, если сумею туда втиснуться!

Уже поворачивалась дверная ручка. Я ударил по выключателю за наносекунду до того, как между дверью и косяком образовалась щель. В следующую секунду дверь остановилась.

— ...Плюс стоимость установки колеса, которое ты оторвал от грузовика.

Я узнал голос Харли-Дэвидсона.

— Че такое? Он меня угробить хотел! Вшивый водила! Шиш ему!

— Это был несчастный случай. Ты же читал полицейский отчет. И водитель тебя пальцем не тронул.

— Зато колесо тронуло. И отлетело.

— Это ты его отломал! Вместе с полуосью и дифференциалом.

— Грузовик — дешевка. На соплях держался.

— И все равно ты возместишь ущерб.

Пока шла эта высокоинтеллектуальная беседа, я на цыпочках пересек комнату. В приотворенную дверь проникало достаточно света, и я бесшумно огибал препятствия. Но сундук пришлось слегка отодвинуть, иначе я за ним не поместился бы. Он отошел от стены с жутким скрежетом, но в коридоре, похоже, ничего не услышали. Едва я скользнул за сундук, распахнулась дверь и вспыхнул свет.

Пьюссанто хлопнул дверью и, бормоча, пошел по комнате. Скрипели половицы, застонало под его тяжестью кресло. Должно быть, он схватил телефон. Я услышал электронное попискивание. Силач набрал номер и в ожидании ответа тяжело дышал и невнятно ругался.

— С Пакой поговорить, — сказал он невидимому собеседнику. И снова тяжело засопел. — Пака? Почему ты не явился на встречу, как мы уславливались? У тебя есть что сказать в свое оправдание? Есть? Говорят, кто хочет делать — ищет способ, кто не хочет — ищет причину. С огнем играешь. В каком смысле? В таком. Будь там через пятнадцать минут, иначе конец нашему взаимовыгодному сотрудничеству.

Раздался удар телефоном об стол, затем опять тяжелые шаги. Щелкнул выключатель, комната погрузилась во тьму. Хлопнула дверь, скрежетнул в замочной скважине ключ. Я судорожно выпустил застоявшийся в легких воздух, выполз из-за сундука. Передо мной встала новая загадка. Оказывается, наша слабоумная гора мускулов способна, когда захочет, говорить, как профессор. Может это иметь отношение к нашему делу? Еще как может! С помощью компьютера установлено: Пьюссанто присутствовал везде, где происходили ограбления. Будь у него вместо мозгов мышечная ткань, как он старается доказать, его бы не привлекли к участию в сложных и технически превосходно оснащенных кражах. Но он, оказывается, вовсе не дебил. Из чего следует: он вполне может быть связан с преступниками.

Я глубоко вздохнул. Мало мне загадок!

Выждав несколько минут, я ушел. По пути к нашей уборной ломал голову над последним своим открытием.

Анжелина сидела у туалетного столика.

— У меня интересные новости, — сказал я, распахивая дверь настежь. — Только что я узнал...

Я умолк, обнаружив, что она не одна. Напротив сидел некто в чиновничье-строгом, с глазками-пуговками. Он повернулся и холодно воззрился на меня. На черном как смоль мундире блестели регалии. Особенно привлекали внимание петлицы со скрещенными мечами над ухмыляющимися черепами.

— Так что же ты узнал, милый? Скажи, не то я сейчас умру от любопытства.

Анжелина поняла, что мне нужно оправиться от шока, и пришла на выручку.

— Смею поинтересоваться, кто у тебя в гостях.

Обладатель черепов и мечей опередил ее. В голосе сквозили холод и угроза:

— Капитан Везекана из Отдела по делам инопланетников. Предъявите документы.

Я вынул бумажник. Ни на одной планете не встречал я такого обилия разных спецслужб.

Везекана долго шуршал моими удостоверениями, одну страницу даже разглядывал, подозрительно щурясь, на просвет.

— Возможно, я смогу помочь, если скажете, что вас интересует.

— Не скажу.

Что ж, вряд ли в компании обладателя подобного мундира можно рассчитывать на увлекательную беседу.

Пауза затягивалась. Он изучал документы, точно микробов под микроскопом. Если он пытался напугать меня, то это ему вполне удалось.

— Ты купил свинобразье пойло? — спросила Анжелина.

— Увы. Заходил в магазин, но оно кончилось.

— Ладно, сама потом этим займусь. Мы же не хотим, чтобы проголодалась наша драгоценная свинка.

— Конечно, не хотим. Может, предложить ей сандвич?

— Отличная идея! Только без свинины.

Но в мрачной тени полицейского наша слабая попытка завязать разговор успеха не имела.

— Документы я забираю, — сообщил он, запихивая их в карман.

— Вы не смеете!

— Смею, не беспокойтесь.

— Зачем они вам?

— Мы подозреваем, что вы — инопланетный преступник.

— Что за чушь?! С какой это стати?

— С той стати, что вы — инопланетник. Прибыли недавно. Мужской пол и определенный возраст. Этого достаточно, чтобы вас заподозрить.

— Но ведь при таком подходе можно заподозрить любого туриста!

— Что мы и делаем. На сегодняшний день у нас шестьсот двенадцать подозреваемых. Мы отсеем тех, у кого железное алиби. Где вы находились в момент совершения преступления?

— Сидел. На этом самом стуле, где сейчас сидите вы. И давал интервью. Между прочим, тогда-то я и узнал про ограбление банка. Интервью прервали ради экстренного выпуска новостей.

— Мы проверим ваши показания. А до тех пор вам лучше не покидать пределы города.

— Да я и сам не собираюсь покидать пределы города. Каждый вечер я выступаю в цирке. На меня смотрят тысячи людей и, между прочим, бешено аплодируют.

— Мы проверим и это алиби, — холодно пообещал он.

— Это не алиби. Это правда. — Я порылся в кармане. — Смотрите. Контрамарка на сегодняшнее представление. Вы увидите меня в «Колоссео» своими глазами.

— В тюремной камере, вот где я вас увижу. — Он схватил билет, разорвал, бросил клочки на пол. — Я обвиню вас в попытке подкупа офицера полиции.

Он брезгливо вытер руки, встал и пошел к двери. Мое облегчение испарилось, когда он круто развернулся.

— Что вам известно о Стальной Крысе?

Нет, я не завопил и не обратился в бегство. Я ответил точно таким же ледяным взглядом.

— Это еще что за диво?

— Кличка преступника, совершившего множество серьезных злодеяний на множестве планет.

— Преступники меня не интересуют. Я честный чародей, и моих заработков на сцене вполне хватает для скромного образа жизни.

Я поймал себя на том, что барабаню пальцами по бедру. Спокойствие, Джим! Я спрятал руки в карманы. Вынул. Об пол звякнул металл.

Мы посмотрели вниз.

Я выронил отмычку, которой недавно отпирал дверь Пьюссанто.

— Отмычка! — возликовал капитан, испепеляя меня взглядом.

— Самая настоящая. — Анжелина подошла и нагнулась. Подобрала. Подала. И все это — как ни в чем не бывало.

— Я без нее из дому не выхожу, — спокойно произнес я. — Смотрите. — Я пересек комнату и взял альбом с моей фальшивой биографией. Полистал, подал фараону. — «Чудесное подводное бегство». Видите, у меня на руках наручники? А на ногах — цепи с замками. А вокруг — стальная клетка. И все это под водой. Не будь отмычки, я бы давно утонул. Спасибо, милая.

Я спрятал отмычку в карман. Отворачиваясь, чувствовал, как полицейский василиск буравит взглядом мой затылок.

Я подошел к креслу, сел. А Везекана все таращился, пока не родил новую идею:

— Иметь на Феторре отмычку запрещено законом. Вашу я должен немедленно конфисковать.

Он протянул руку. Я отпрянул.

— Вы с ума сошли! Как же я отопру замки подводной клетки? Я попросту утону!

— Это не моя забота. — Не фараон, а сама доброта. Не дождавшись повиновения, он вытащил из кобуры здоровенный пистолет. — Повторять не буду.

Бормоча ругательства, я отдал отмычку. В тот же миг она исчезла. Слава богу, исчез и пистолет.

— Я еще вернусь.

Везекана ушел.

Анжелина приблизилась к двери, выждала несколько секунд и отворила. Я достал индикатор и обыскал комнату. Капитан времени даром не терял. Только в кресле, где он посидел — две хитрые монеты. Еще несколько — под ковром и в мусорной корзине. Они трещали и искрили под моим каблуком. Наконец прибор замигал зеленым.

— Мне это не нравится, — сказал я. — Такое чувство, будто я в ловушке, а вокруг смыкаются силы тьмы.

— Многовато драматизма, но в целом довольно близко к истине. Тебе налить?

— О, мой ангел! Лошадиную дозу. Спасибо.

Спиртное помогло — прочистило мозги.

— Может, нам лучше отменить турне и убраться отсюда? — предложила Анжелина. — Не ты ли говорил: «Мало быть других смелее, чтоб дожить до юбилея»?

— Говорил. И не шутя. Но много лет назад. В ту пору я был легче на подъем. И все время искал свежие впечатления. А сейчас я — старая ржавая одураченная крыса. Вдобавок упрямая. И по многим причинам, в том числе и по тем, которые я даже не возьмусь выразить, мне не хочется улетать отсюда несолоно хлебавши.

— Четыре миллиона кредитов в день. Ни о чем другом ты сейчас думать не в состоянии. Угадала?

Я неохотно кивнул.

— Отчего бы нам не плюнуть на них? Много ли радости от миллионов в какой-нибудь зловонной феторрской кутузке?

— Твои слова не лишены мудрости. Но погоди сдаваться, ладно? Я уже пытался сообщить, прежде чем увидел твоего незваного гостя, что обнаружил кое-что интересное. Оказывается, наш малыш Пьюссанто вовсе не такой дебил, каким кажется. У него словарь академика, но лишь когда он не знает, что его подслушивают. Так что сегодня, пока он будет вершить на сцене свои подвиги, я поиграю с его компьютером. — Тут я схватил телефон. — Хочу обратиться в местный сервер, пускай пришлют техпаспорт и прочую документацию на «Эпром-восемьдесят». Конечно, если это не секрет государственной важности.

К счастью, эти сведения оказались незасекреченными, из чего вовсе не вытекает, что я получил их без труда. Похоже, на Феторре царила паранойя. Я узнал телефонный номер «Эпрома ЛТД», по-

звонил и уйму времени убил на болтовню с автоответчиками. Наконец меня удостоило разговором человеческое существо, и я сразу добром помянул роботов.

— «Эпром-восемьдесят»? Назовите серийный номер.

— Откуда мне его знать? Машина сейчас не у меня. А номер на ее документах утрачен вместе с документами.

— В таком случае я даже не представляю, чем могу вам помочь...

— Зато я представляю. Назовите цену этой модели и доставьте мне один экземпляр вместе со всей документацией. Или она тоже — секрет?

— Нет. Но она защищена законом об авторском праве...

— Само собой! Но вы ее прилагаете ко всем продаваемым машинам. Говорите цену, а я пришлю деньги.

Многократно повторенное слово «деньги» наконец пробилось в сознание. Мой собеседник долго жеманничал, но все-таки принял заказ. У меня уже болело ухо. Я подошел к бару, достал бутылку «Старого ушного бальзама» и налил себе, не скупясь. Что и говорить, денек выдался еще тот.

Глава 11

На вечернем представлении мне пришлось потрудиться до седьмого пота, чтобы выбросить из головы все мысли о неприятностях и не разочаровать зрителей. Потом мы с Анжелиной сняли грим, переоделись и вернулись на такси в гостиницу. В номере мигала лампочка автоответчика. Я нажал на кнопку, прослушал сообщение: «Здрасьте, предки, это Джеймс. Я уже купил билеты. Прямого рейса на Феторр отсюда нет, так что не знаю, когда мы встретимся. Через несколько минут мой лайнер вылетает на Гелиор. Я привезу новый, невероятно усовершенствованный компьютер. Как только узнаю время прибытия, сообщу».

— Помощь идет.

Я потянулся за бутылкой крепкого. И замер. Наши дела приняли очень непростой оборот, и не стоило их еще больше усложнять, затуманивая себе мозги алкоголем. Я обошелся рюмочкой сухого шерри и сигарой. Глориана умоляюще гремела иголками. Я наклонился и почесал ее между ушами.

Я чувствовал, как давит на меня зловещий рок, и мне это совсем не нравилось. Должно быть, Анжелина поняла все по выражению моего лица. Она села рядом на диванчик и взяла меня за руку.

— Дорогой супруг, у тебя очень мрачный вид. Не хочешь ли рассказать, что у тебя на сердце?

Я благодарно пожал ей руку и хлопнул рюмашку.

— Я выгляжу мрачно, потому что я мрачен. Меня не оставляет ощущение, что ситуация вышла из-под контроля. А я, как тебе известно, привык опережать события, держать в руках вожжи собственной судьбы. Чего сейчас, увы, не происходит. Ты только взгляни на все эти беды и несчастья, что сыплются на наши головы со дня прибытия на убогую планету! Сначала ограбили банк Кайзи и обвинили в преступлении Боливара. Согласен, мы вытащили его из каталажки, но теперь вынуждены прятать среди уродов до прибытия Джеймса. Затем — второй обчищенный банк, и этим банком, как мы знаем, негласно владеет Кайзи, а на месте преступления остается крыса из нержавеющей стали. Теперь полиция решает приглядеться к моей скромной персоне и подвергает экспертизе каждый миллиметр моих совершенно подлинных документов. Все это в совокупности поджаривает мне пятки, и я вынужден задать себе вопрос: стоит ли такая свистопляска четырех миллионов кредитов в день?

— И что ты себе отвечаешь?

— Что давно пора делать ноги.

— И сделаем?

— А то нет? На свете много других способов зарабатывать деньги — и законных, и незаконных. У меня здорово полегчает на душе, если мы решим испробовать новые возможности.

— Так мне собирать чемоданы?

Я отрицательно помотал головой.

— Подождем до завтрашнего представления. Из всей этой каши мне удалось вылущить один неоспоримый факт: Пьюссанто, наш подозреваемый, не такой простак, каким прикидывается. Я хочу выяснить, кто он на самом деле. Завтра, когда он выйдет на сцену, я покопаюсь в его компьютере. И сразу после этого мы уберемся отсюда, захватив с собой Боливара.

— План недурен, но мне не нравятся два нюанса. Во-первых, твои документы находятся в полиции, а во-вторых, у Боливара вообще нет документов. И к тому же местная — и далеко не самая лучшая — порода блюстителей правосудия разыскивает его за побег из тюрьмы.

— Похоже, ты забыла, что разговариваешь с непревзойденным мастером подделки. Не вижу проблем. К утру у нас с Боливаром будут новые ксивы. А во-вторых?

— Мы что, оставим Джеймса прикрывать наш отход?

— Ни в коем случае. — Я налил еще рюмку шерри и осушил одним глотком. — Наш новый форс-мажорный план позволяет сбежать до его прибытия. Если мы отказываемся от сложного расклада, по которому Джеймс теоретически занимает место брата в банке, то зачем он вообще нам здесь нужен? Свяжемся с ним, дадим отбой. Боюсь, что работенка за четыре миллиона кредитов в

день превращается в кошмар. Напомни, где у него первая остановка?

— На Гелиоре.

Я схватил телефон.

— Отправлю туда межзвездограмму. Пускай сидит и дожидается нас.

— Абсолютно с тобой согласна.

Из Глорианиной корзины донеслось сонное хрюканье.

— Давай возьмем пример с этого очаровательного существа и хорошенько выспимся. По-моему, нам это не повредит.

Так мы и сделали. А утром, после завтрака, Анжелина вооружилась тугим кошельком и отправилась на поиски нечистоплотного агента бюро путешествий. Или это тавтология? Я же занялся подделкой документов, для чего прибег к скрытым способностям нашей портативной рации. Настало время похвалить себя за предусмотрительность: отправляясь на Феторр, я оборудовал в стандартном корпусе рации тайничок. К возвращению Анжелины все было готово.

— Есть. — Я помахал толстым конвертом. — А у тебя как дела?

— Больше всего времени ушло на разборки с субчиками, которые нашли меня привлекательной. Сейчас шестеро мирно спят, а один, боюсь, угодил в больницу.

— Уверен, поделом.

— Ты и сам не представляешь, до какой степени прав. Жулик-таксист привез меня в бар, где, по его уверениям, ошивается местная мафия. Он не обманул. Тот, кого я отправила в больницу, — бывший телохранитель туземного капо. Крестный отец остался в таком восторге от расправы над его прихвостнем, что сразу предложил пойти к нему в «торпеды». Когда я его убедила, что не работаю на полицию и единственное мое желание — поскорее счистить с обуви грязь этой жуткой планеты, он связался со специалистами по контрабанде.

— Контрабанде чего?

— Не уточняла. Как бы то ни было, в конце концов мы ударили по рукам. Вот три билета на полуночный поезд на воздушной подушке. Он нас довезет до Мтумвапорта. Это промышленный город, известный своей загрязненностью и высоким уровнем смертности.

— Чудненько. А зачем нам этот курорт?

— Затем, что к нему примыкает региональный промышленный космодром. И мы — в списке экипажа звездолета, который отбывает завтра с грузом сталепроката.

— Мне это нравится! Что у нас за должности?

— Я — помощник кока. Вы с Боливаром — техники в машинном отделении.

— В пути придется вкалывать?

— Не придется, если я вручу капитану вторую половину взятки.

Каждый из нас подготовил в дорогу одну сумку — все остальное необходимо было оставить. Глориана внимательно наблюдала за сборами, наконец вопросительно хрюкнула. Анжелина нахмурилась.

— Заберем ее с собой?

— А что будет, когда нас хватятся? Тебе не кажется, что семейная пара, путешествующая в обществе свинобраза, очень бросается в глаза?

— Ты совершенно прав. Но если бросим бедняжку, ее дни сочтены.

Это не вызывало сомнений. Я посмотрел на нашу очаровательную питомицу и явственно представил шмат сала.

— Решим ее судьбу позже? — спросила Анжелина.

— Нет, не будем откладывать. Звони в зоомагазин, заказывай собачью будку на колесиках.

В «Колоссео» мы приехали рано. Я переоделся и дождался выхода Пьюссанто на сцену. На выступление силача я отвел тридцать одну минуту и, включив секундомер, быстро пробрался в его уборную. Запершись изнутри, достал компьютерные брошюрки и включил машину. Я уже знал, что имею дело с дешевой штамповкой и ее пароль несложно обойти. На эту задачу ушло десять минут. Я положил секундомер на виду и зарылся в файлы. В основном платежки, бухгалтерские отчеты. Но ни единого намека на то, какое отношение ко всему этому имеет наш силач.

Оставалось десять минут. Потея, я залез в другую директорию. Пора убираться. У меня по шее бежали мурашки. Не от страха — от сквозняка!

Я резко развернулся. В дверях стоял Пьюссанто. Жуткие глазки пылали. Он затворил за собой дверь.

Вот он, кошмар наяву! Я заперт вместе с монстром!

— Убью! — лаконично пообещал он и ринулся в атаку.

С одной стороны, этой горе мышц недоставало проворства, но с другой, уборная была невелика. Единственное окошко загораживали толстые металлические прутья. Я отскочил назад, запрыгнул на сундук и ласточкой сиганул через стенобитную башку и ручищи со скрюченными пальцами. Еще в прыжке угодил отмычкой в замочную скважину. Рванул дверь на себя...

И тут ее захлопнула огромная, как свиной окорок, рука. Каменные пальцы жестоко вонзились в мою шею. Оторвали меня от пола, затрясли, как пыльный коврик. Я перхал, я не мог говорить, я задыхался. И вдруг Пьюссанто выронил меня.

Я успел судорожно глотнуть воздуха, но в следующий момент на грудь опустилась тяжеленная ножища. Сразу вспомнилось, как силач перекусывал стальной прут, как крушил головой кирпичную стену.

— Я могу объяснить, — прохрипел я наконец.

— Валяй.

— Я не тот, за кого себя выдаю...

— Полицейский шпион!

Нога нажала, и я зажмурился, боясь услышать треск ребер.

— Нет! Я... Частный сыщик!

— Кто тебя нанял?

Я понял, что ситуация совершенно не подходит для вранья и уверток.

— Банкир! Очень богатый делец по имени Императрикс фон Кайзер-Царский.

— Врешь!

Он надавил сильнее, и у меня потемнело в глазах.

Словно издали донеслись слабые крики: «Нет! Нет!» Снова и снова... Неужели это мой голос?

И вдруг отлегло. Могучая рука подняла меня и бросила в кресло. Постепенно в глазах прояснилось, и я увидел, что чудовище спокойно сидит передо мной. Потом оно заговорило:

— Ну что ж, не слишком могучий Марвелл, на сей раз фокус не удался. В комнате у меня спрятан необнаружимый «жучок». Поэтому я всегда узнаю, если в мое отсутствие сюда проникает незваный гость. И сегодня я раньше времени покинул сцену, чтобы посмотреть, кто это вторгся тайком в мое жилище.

— У тебя вдруг прорезалось красноречие.

— Верно. Но никто об этом не узнает, если вздумаешь лгать.

Температура упала градусов на десять. Он улыбнулся.

— Мы поняли друг друга, а потому расслабься и выкладывай, что тебя сюда привело.

Я выложил. Как на духу. Ну, разве что не коснулся ярких страниц своей биографии до работы на Кайзи. Межзвездный частный сыщик, вот кто я такой.

Пьюссанто кивал и слушал. Когда я закончил, он, по-видимому, решил спокойно обдумать мои слова. Наконец снова кивнул.

— До чего же нелепо, Джим, выглядит твоя история. Расскажи кому другому, он бы ни за что не поверил. Но я верю. Потому что я, ведя расследование на этой планете, тоже натыкался на следы твоего работодателя. Да, здесь творятся нечистые дела, и насколько я, изучив их лишь поверхностно, могу судить, твой приятель Кайзи принимает в аферах живейшее участие. Да будет тебе известно, я ГНУС.

— Ошибаешься! Да я съезжу по носу любому, кто тебя так назовет.

— Не гнус, а ГНУС. Галактического налогового управления следователь.

— Фискал!

Поистине, я вижу дурной сон.

— В таких мирах, как этот, где процветает уклонение от уплаты налогов, моя профессия — самая что ни на есть полезная. Без налоговых кодексов в космосе воцарилась бы анархия. А Феторр — родина невероятно жадных, даже героических в своей жадности, неплательщиков. И возглавляет список подозреваемых твой работодатель.

Все это не укладывалось у меня в голове.

— Налоговый инспектор... кто бы мог подумать!

— Никто. У меня идеальная маскировка. Скудоумная гора мышц — не правда ли, остроумно? Мне изрядно надоело читать лекции — да будет тебе известно, я возглавляю кафедру фидуциарной непримиримости в одном престижном университете. А потому, когда пошли доклады о налоговых бесчинствах здешних финансовых воротил, я добровольно взялся вывести их на чистую воду. И с этой целью воспользовался своими естественными активами.

— Естественными активами?

Я уже чувствовал, что чего-то недопонимаю.

— Надеюсь, ты слышал о Транторе? Это моя родная планета.

— Извини, но в галактике тысячи обитаемых миров.

— Верно, однако с такой массой, как у Трантора, найдется немного. Планетарная гравитация в три с лишним раза превышает стандартную. То есть у нас три «же» на поверхности.

— Ах, вот оно что! Стоит ли удивляться тому, что ты вытворяешь на сцене!

— Да, в ваших крошечных мирках я кажусь себе перышком. Порой даже летаю во сне. Но поговорим о более важном. Человек, которого ты зовешь Кайзи, — межзвездный финансист и владелец огромного состояния. И он подозревается в...

Резкий стук в дверь заставил его оборвать фразу.

— Заперто! — прорычал он, мгновенно вернувшись в образ Пьюссанто. — Кыш!

— Мне надо поговорить с Могучим Марвеллом, — раздался невнятный голос. — Вы знаете...

— Не знаю! — взревел мой собеседник. — Пшел!

Снова стук. Я утратил дар речи, потому что Пьюссанто схватил меня за шею и на вытянутой руке поднял перед дверью. И отворил.

— Че? — спросил он. — Ты кто?

— Человек-Мегалит, — ответил скрежещущий голос. — Я ищу Могучего Марвелла.

Я брыкался, корчился и наконец сумел выдавить несколько слов.

— Впусти... его... Все в порядке...

И свалился на пол.

Вошел Человек-Мегалит и посмотрел на распростертого меня.

— Папа, ты цел?

Пьюссанто затворил дверь и перевел взгляд с меня на Человека-Мегалита.

— Если это твой сын, то у тебя явно рецессивные гены.

— Рабочий костюм, — пояснил Боливар, снимая голову Человека-Мегалита. — У нас большие неприятности. Когда Пьюссанто неожиданно ушел со сцены, мама очень встревожилась. Велела мне найти его уборную, но не успела сказать зачем. Представление сорвано, театр набит легавыми. Я заметил, как трое направились сюда. Все входы и выходы, кроме одного, заперты, зрителей выпускают по очереди после тщательного обыска.

— Не догадываешься, в чем тут дело? — спросил Пьюссанто.

— А что тут догадываться? — Сын посмотрел на меня с невеселой улыбкой. — У плоскостопых твоя фотография, и они спрашивают всех подряд, известно ли им что-нибудь о Стальной Крысе.

Глава 12

Я уже давно понимал: силы тьмы подтягиваются все ближе. Но только сейчас обнаружил, что они подступили вплотную, и затылком ощутил их жгучее дыхание. В мой розовый мирок вторгалась суровая действительность. Да, на сей раз я облажался: еще вчера вечером следовало смазать пятки. Захотел напоследок разгадать одну из загадок, и вот теперь вся операция под угрозой срыва. Уже не говоря об угрозе здоровью и благополучию всего моего семейства. Я вздохнул глубоко и судорожно.

— Ладно, — изрек я с решительностью, которой, увы, не испытывал. — Я должен придумать, как нам отсюда выбраться. Предложения есть?

— Ты, часом, не та ли Стальная Крыса, за которой гоняется полиция? — спросил Пьюссанто.

Лгать не имело смысла, тем паче что фараоны связали кличку с моей фотографией.

— Имею счастье быть таковой.

— Что-то мне это прозвище кажется очень знакомым. Скажи, я не мог на него натыкаться в архивах?

— В каких еще архивах?

— Налоговых.

— Исключено. Я верен золотому правилу закоренелых капиталистов: дешево покупай, дорого продавай и старайся не платить налогов, но только в рамках закона.

— И все-таки... Стальная Крыса... Где-то я уже слышал... Ага! Однажды кто-то уничтожил огромную базу данных по налоговым поступлениям. Скажи, что ты не имеешь к этому отношения.

— Клевета! Нет доказательств. Предпочитаю смотреть на свою миссию под другим углом зрения. Я — самый правый среди неправых. Современный вариант мифического героя, благотворителя по прозвищу Роббин Гуд[1]. Да, в мою специализацию входит стачивание грани между богатыми и бедными, перераспределение благ, можно и так сказать. Я имею право добавить, что не единожды спасал галактику. А ведь это что-нибудь да значит.

— Так ты уверен насчет налоговых файлов?

Если ГНУС вонзил в тебя челюсти, отделаться от него нелегко.

— Абсолютно! Я к ним никогда не прикасался.

Бывают случаи, когда правда вреднее лжи.

Пьюссанто задумчиво помял подбородок.

— Ладно, замнем пока эту тему. Но если дело не в налогах, почему полицейским так не терпится тебя сцапать?

— Меня обвинили в недавних ограблениях, хотя на самом деле я, как и говорил тебе, прибыл их расследовать.

— Выходит, ты в западне?

— В точку, — сказал Боливар. — И западня эта столь велика, что в нее поместился и я. Я был управляющим первым из ограбленных банков. Полиция заявила, что поработал «крот», и арестовала меня. Но кое-кто пришел на помощь, и я вновь на свободе.

Пьюссанто поразмышлял минуту-другую, потом неохотно решился:

— Если вы оба невиновны, то мой долг добропорядочного гражданина и налогового инспектора — помочь вам выскользнуть из лап блюстителей порядка. Я уже присмотрелся к полицейским силам этой планеты и пришел к выводу, что они насквозь коррумпированы. Их полностью контролируют уклоняющиеся от уплаты налогов промышленники.

Он нашел стило, и оно исчезло в могучем кулаке. Затем Пьюссанто вручил мне записку со словами: «Пака — мой человек. Он сумеет вам помочь. Позвоните по этому телефону и представьтесь...»

И тут дверь затряслась под сокрушительными ударами. Раздались громовые голоса:

— Немедленно открывайте! Полиция!

---

[1] Игра слов. Знаменитый разбойник Robin Hood обязан своим именем малиновке. «...И пусть тебя люди зовут по имени птицы, живущей в лесу...» («Рождение Робина Гуда», перевод С.Маршака). Автор изменил имя легендарного героя на Robbing Good, что можно перевести как «Грабящий Хороший».(*Прим. перев.*)

— Кыш! Я дрыхну. — Пьюссанто окинул взглядом комнату, увидел окно. — Быстро! — прошептал он нам.

Боливар напялил на себя голову Человека-Мегалита, и мы поспешили вслед за силачом. Он распахнул окно и ухватился за два железных прута. Даже не крякнув, согнул их.

— Вылезайте, — сказал он, а затем закричал прямо в мое ухо, отчего у меня чуть не слетела голова: — Будить Пьюссанто?! Убью!

Это не остановило легавых, но внесло в их ряды некоторое замешательство. А нам дало выигрыш во времени. Мы успели выскользнуть через окно, а Пьюссанто, выпрямив прутья, пошел отпирать дверь.

Мы побежали и в считанные секунды промокли. Во всяком случае, я промок. Боливару, понятное дело, в оболочке из псевдоплоти было комфортно и сухо. Полыхали молнии, раскатывался гром и хлестал ливень. И такой живописной и, несомненно, запоминающейся парочке, как мы, не стоило на это пенять. Немногочисленным встречным было не до нас — они, опустив головы, спешили в укрытие. Мы тоже спешили, нам не терпелось побыстрее набрать спасительную дистанцию между собой и преследователями. Свернув за очередной угол, я увидел впереди манящие огни фабрики-кухни.

— Это она! — воскликнул я. — Тихая пристань в бурном море.

— Ты уверен? «У Ядовитого Пита. Заказы мигом доставляем, а коль охота, здесь травись». Не очень-то заманчиво.

— Не нравится — не ешь. Нужно только позвонить по телефону.

Возможно, Боливар прав, подумал я, когда за нами затворилась дверь и мы очутились в грязном заведении с двумя обшарпанными колченогими столиками. В углу пьяница, конвульсивно сжимая бутыль, пребывал в полной отключке. Вдохнув «сладостный аромат» еды, я закашлялся от боли в легких.

— Добро пожаловать, о голодные ночные путники! Милости просим к Ядовитому Питу! Он вам так скажет: наши харчи ешь и торчи! Наше пойло дракону бы в хайло!

Чудненько. Ядовитым Питом оказался робот с длинными усами и замасленным одеялом на плечах. Вдобавок это создание носило огромную широкополую шляпу. Несомненно, Пит символизировал собой некую давно канувшую в глубины времен культуру.

— Ну, гринго, что хавать будем? Супец из кактусовых колючек? Chile con serape picante?

— Нам нужно воспользоваться вашим телефоном.

— Cabrones, кто здесь ест, тот и пользуется нашим телефоном.

Я понял, что это чудо техники запрограммировано выгребать из карманов посетителей последние кредиты.

— Ладно, давай, что назвал. На двоих. — Я глянул на стену с изображением пенящихся кружек. — И пива.

Робокулинар оживился, со стуком водрузил на стол кружки с пивом, наполнил тарелки убийственным на вид зеленым месивом и запустил их к нам по стойке. После чего достал портативный телефон и уронил его в еду.

— Тридцать пять кредитов. Цена божеская.

Я был склонен в этом усомниться. Пока Боливар расплачивался, я выловил телефон и набрал номер Паки. Пальцы жгло, как напалмом, пока я их не вытер.

Наконец длинные гудки оборвались.

— Пьюссанто сказал, чтобы я позвонил по этому номеру...

— Если вы — Марвелл, то он меня предупредил.

— Вот как? Хорошая новость.

— Он сказал, что это плохая новость. Но велел вас забрать. Где вы?

Я объяснил, и он нашел в справочной директории адрес Ядовитого Пита. А тем временем Боливар — ах, легкомыслие юности! — совершил роковую ошибку, попробовав еду. И вот его затылок опирается на стойку, а я заливаю пиво ему в рот. Оно с шипением испарялось. К моменту появления человека, похожего на грызуна, Боливар почти пришел в себя.

Оглядываясь, прибывший подергивал носом и щеточкой усов.

— Это вы — Марвелл? — Он пнул алкаша носком туфли.

У Паки и зубы оказались крысиные — острые, желтые.

— Я здесь, — сказал я.

Он оглядел меня с головы до ног и сьежился при виде отвратительной Боливаровой личины.

— Мы из цирка, как и Пьюссанто, — объяснил я. — Мы его друзья. У вас есть на чем нас увезти?

— У меня кенгурудль. Пьюссанто приказал доставить вас в его контору.

— А я и не знал, что у ГНУСа есть контора.

— Тихо! — Он испуганно огляделся, но ни алкаш, ни робоповар не услышали моей последней фразы. — Не к чему трубить на весь мир о налоговых расследованиях. А контора у него, конечно же, есть. Но это, разумеется, секрет, потому что никому не полагается знать, чем он здесь занимается. Я его бухгалтер. Вы готовы ехать?

— Разумеется.

Мы покинули ресторан, и я с подозрением осмотрел машину. Подобное я видел лишь у цирка в вечер премьеры. Пассажирская кабина кенгурудля была подвешена между огромными пружинно-поршневыми ногами. Мы взобрались по трапу, привинченному к ближайшей ноге.

— Пристегнитесь, — велел Пака. — Эта штуковина умеет двигаться. Придумана специально для геологов, на пересеченной местности ей цены нет.

Он врубил двигатель как раз в ту минуту, когда, завизжав тормозами, позади остановилась полицейская машина. В тыл кенгурудлю ударил луч мощного прожектора. Мы с Боливаром съежились, сползли на дно кабины.

— А ну, слезай! — властно прорычали снизу. — И держи руки на виду.

— Я ничего плохого не сделал! — пискнул Пака.

— Мы не спрашиваем, что ты сделал и чего не сделал. Мы приказываем *слезть с этой штуковины. А ну, живо!*

— Только попробуй, и ты покойник! — обещал я со всей свирепостью, на какую только был способен. И ткнул его в бок согнутым пальцем.

Пака ойкнул.

— Это пистолет, — сказал я, — и мой палец дрожит на спусковом крючке. Вперед!

Паке ничего не оставалось, как нажать на акселератор. Кенгурудль взвился в воздух. Когда он приземлялся, пружины и поршни смягчили удар. И тут же последовал новый гигантский прыжок. Пока мы находились в воздухе, я не испытывал особых неудобств, но при ударе о землю подбородок с силой бился о ключицу.

Патрульная машина с включенной сиреной пустилась в погоню. Я понял, что наш попрыгунчик в дорожных пробках незаменим — он разом перемахивал через несколько машин. Но на пустом шоссе ему не тягаться с колесным транспортом.

На окраине города полиция начала приближаться. Мы скакали по промышленному району, вдоль дороги чернели фабричные корпуса. За очередным перекрестком здания уступили место оградам, и я махнул рукой.

— Вон через тот забор! Прыгай!

— Не могу! Мы погибнем! Я не знаю, что там!

— Ты погибнешь, если выстрелит этот пистолет. Прыгай!

Вереща от ужаса, Пака рванул рычаг. Когда приземлились, кенгурудль на одной ноге развернулся ровно на девяносто градусов и снова взмыл в воздух.

И опустился на вспаханное поле. И красиво поскакал. Полицейская машина осталась далеко позади.

— Вы бы меня не застрелили, правда? — пролепетал наш спаситель.

— Конечно, нет. Тем более что я забыл пистолет дома.

Он пробормотал какое-то крысиное ругательство.

Мы поехали, вернее, поскакали дальше. В конце концов оказались на грейдере. Он привел нас обратно на бетонку, там прыгать было легче. Судя по всему, Пака хорошо знал эти места. Он уверенно сворачивал в переулки и закоулки, и вскоре мы достигли района мастерских и прочих мелких предприятий. И резко затормозили около «Финансовых услуг Удонго». Смолк двигатель, и мы, вторя

шипению поршней, облегченно вздохнули. Пака открыл дверь и провел нас в здание.

— А будь у вас пистолет, вы бы меня застрелили?

Похоже, мнимая близость смерти потрясла его до глубины души.

— Сожалею.

Я преувеличивал. В то время я мог думать только об одном: встреча с полицией не сулит ничего хорошего. Я глянул через окно на кенгурудль, на большую лицензионную пластину, украшавшую его огузок.

— А нас не могут найти по номеру?

— Могли бы, если бы номер был подлинный. Мистер Пьюссанто очень предусмотрителен. Кенгурудль приобретен вполне законно, но я заменил номера. А это здание арендовано несуществующей компанией.

Я огляделся. Офис как офис, битком набит компьютерами и каталожными шкафами. Боливар снял мегалитическую голову и тоже осмотрелся.

— У вас тут нет водоохладителя?

Очевидно, воспоминания о Ядовитом Пите все еще жгли ему душу.

— В соседней комнате. Вон в ту дверь.

Боливар вышел.

— Мне надо позвонить, — сказал я.

— За звонок я буду вынужден предъявить вам счет.

— Ну, о чем разговор.

Я извлек бумажник, жалея, что поступаюсь стародавним принципом никогда не платить налоговой инспекции.

Потом я набрал номер. Гудки, гудки, гудки. С каждой секундой ожидания температура моего тела падала на градус. Почему Анжелины нет в артистической уборной?

Я позвонил в администрацию «Колоссео».

— Это из «Уолдорф-Кастории», — сказал я измененным, как надеялся, голосом. — У меня сообщение для одного из ваших гостей. Миссис диГриз...

— Ее здесь нет.

— Где же она?

— Не имею ни малейшего представления. Я только заметил, как она вышла вместе с друзьями. Они уехали в большой черной машине.

Разговаривая, я глядел в окно. Дождь унялся, и в сиянии уличных фонарей отчетливо виднелся длинный черный автомобиль.

Я положил телефон, отошел от окна, озабоченно посмотрел на Паку.

— Вы кого-нибудь ждете?

— Только Пьюссанто. Он обещал приехать, как только отделается от полицейских.

Хлопнула дверца машины. Затем раздался стук в дверь.

— Это не Пьюссанто! У него ключ!

— Спокойно! Вы тут один.

Я схватил Боливарову голову и метнулся в соседнюю комнату.

— Минутку! — крикнул Пака. Я услышал, как он отпирает дверь. — Приемный день закончился, мы уже закрыты.

— *Весьма досадно, но я все равно войду.*

Голос показался знакомым. Кто же это?

— Вы не посмеете... Ой! Это что, настоящий пистолет?

— Уверяю вас, не игрушечный. Так можно войти?

Снова — испуганный возглас. Не везет сегодня Паке с пистолетами.

— Где он?

— Я здесь один.

— Пака, вы бездарный лжец. К тому же я давно засадил «жучка» в ваш телефон. И знаю, что Пьюссанто поручил вам доставить сюда одного субъекта.

«Одного субъекта»? Я попытался воспроизвести в памяти телефонный разговор с Пакой. Упоминалось ли в нем о Боливаре? Я вернул сыну голову и приложил палец к губам.

Если человек с пистолетом не знает о его присутствии, у Боливара остается шанс.

Боливар кивнул своей родной головой, я дал ему знак отойти и отворил дверь.

— Что вам нужно?

Человек с пистолетом, щедро разукрашенным серебром и жемчугом, повернулся ко мне и расплылся в улыбке.

Кайзи? Императрикс фон Кайзер-Царский? Мой босс?

— Сдается мне, Джим, у вас неприятности. И у вашей семьи.

— Допустим. Но при чем тут пистолет?

Черное жерло уставилось мне в солнечное сплетение.

— Вас разыскивает полиция. Будем считать, что я забочусь о собственной безопасности.

— Кайзи, вы лжете! И у меня такое чувство, что вы никогда не говорили мне правду.

Он улыбнулся.

— Так уж и никогда! Ошибаетесь, Джим. К тому же я всегда вовремя платил.

— Можно спросить, зачем вам понадобилось прослушивать телефон?

— Ну, это же очевидно. Как финансист я предпочитаю всегда быть в курсе дел налоговой инспекции.

Кто-то вошел в дом. Кайзи поднял пистолет.

— Без глупостей. Повернитесь, руки вперед.

Я подчинился. На запястьях щелкнули наручники. Ухмыляющаяся жлобская физиономия оказалась до боли знакомой.

— Игорь!

Передо мной стоял водитель грузовика, доставившего нас с Анжелиной на свинобразью ферму.

— И никто иной, — согласился Кайзи. — Я люблю заботиться о своих сотрудниках. А теперь, будьте любезны, присядьте. Посмотрим кино.

Он поставил на стол и включил голопроектор. В воздухе повисло изображение.

Анжелина!

— Джим, когда ты это увидишь, не делай ничего скоропалительного или глупого, — сказала Анжелина и уменьшилась. Это отдалилась камера. В кадре появился человек в маске, он держал мою жену под прицелом. Я увидел, что у нее связаны руки. Изображение замерцало и сдвинулось, и появилась Глориана. Возмущенная свинка билась в крепких путах. Снова сдвиг, и снова передо мной Анжелина. Ее глаза метали ледяные молнии, и она цедила сквозь зубы: — Это дело рук Кайзи. Возможно, он сейчас рядом с тобой. Вот что он велел мне сказать: подчиняйся его приказам. Он обещал убить Глориану на месте, если ослушаешься. — Моя обожаемая супруга покраснела от гнева. — А если это тебя не образумит, наступит мой черед.

Глава 13

Я бы врагу не пожелал оказаться в подобной ситуации.

И пускай мне было не в диковинку стоять под дулом пистолета, согласитесь, привыкнуть к этому невозможно. Кроме того, в такую беду я обычно попадал один. Не столь уж часто опасность угрожала еще и моим родственникам. Меня согревал лишь тоненький лучик надежды — может быть, Кайзи не знает, что Боливар находится в соседней комнате? Я посмотрел на Паку, тот молча посмотрел на меня. Он не собирался рассуждать о Боливаре. О, этот крошечный фотончик света в омуте мрака!

Да, дело приняло крайне нежелательный оборот. Но надо держать себя в руках, что толку закатывать истерику? Спокойствие, Джим! *Говори вежливо, но твердо.*

— Согласен, Кайзи, сейчас условия диктуете вы. Но давайте с самого начала четко договоримся: если хоть один волос упадет с головы моей супруги, это будет означать, что вы подписали себе смертный приговор.

— Вы не в том положении, чтобы командовать.

— А я и не командую, просто констатирую факт. Даже если я лично не сумею положить конец вашему жалкому существованию,

найдется человек, который это непременно сделает. Будем считать вопрос решенным и перейдем к следующему. Чего вы хотите?

Он обдумал мою угрозу и решил посмотреть на нее сквозь пальцы. Я понял, что его самомнение размерами не уступит карликовой звезде. Он улыбнулся. Почти дружелюбно.

— Ничего сложного, вот увидите.

Он убрал пистолет в кобуру и посмотрел на струхнувшего Паку. Сурово наставил на него палец.

— Хотите жить? Я правильно понял?

Пака побледнел, как мертвец. Он утратил дар речи и сумел только кивнуть.

— Отлично. Я бы попросил вас сохранить в тайне все, что здесь сейчас произойдет, но у меня нет уверенности, что вы послушаетесь. — Кайзи окинул меня взором. — Я тщательнейшим образом изучил ваш modus operandi и обнаружил, что в подобных случаях вы применяете усыпляющий газ с амнезийной добавкой. Не ошибусь, предположив, что этот газ имеется у вас при себе?

Я кивнул как можно угрюмее.

— Замечательно. Не соблаговолите ли одолжить дозу Паке? — Под его одобрительным взором бухгалтер без чувств растянулся на полу. — Это для вашей же безопасности, как и для моей. Никому не следует знать о нашем сотрудничестве. Хочу, чтобы вы взяли на себя финансовое обеспечение моего банка.

— Но я ни бельмеса не смыслю в экономике.

— Я говорю о банковских кражах. И мне достоверно известно, что кое-каким опытом по этой части вы все же располагаете. До сего дня за эту сферу отвечал Игорь. Однако он не обладает ни воображением, ни смекалкой, умеет только исполнять приказы.

Это замечание побудило Игоря состроить злобную гримасу, но он не запротестовал.

— Я вынужден сам все планировать, как будто мало у меня других дел. Вы возглавите отряд роботов. Я имею в виду робо-грабителей, созданных с одной-единственной целью — потрошить банки.

— Ничего не выйдет. Роботы обязаны подчиняться законам роботехники. Они не способны причинить человеку вред, не способны лгать, красть, не идут на сексуальные контакты и безнравственные поступки...

— Джим, постарайтесь не быть таким занудой. Мы говорим не о разумных роботах. Мы говорим о тщательно запрограммированных безмозглых машинах. Отправляйтесь вместе с Игорем. От него вы узнаете план и получите все инструкции, касающиеся вашего первого задания. Начнете с того, что завершите ту операцию, в ходе которой воры проникли в мой банк.

Разрозненные кусочки мозаики легли на свои места.

— Так-так... Выходит, вы нарочно подставили Боливара? — Он кивнул с довольным видом. — Что позволило обложить меня еще плотнее. Оставалось только показать пальцем на ни в чем не повинного Джима диГриза как на закоренелого преступника... Яркая криминальная биография и все такое... Нет, я вам понадобился не для того, чтобы положить конец ограблению банков. Совсем наоборот!

Я прыгнул в его сторону, но он проворно дотронулся до голоэкрана, и передо мной появилось изображение Анжелины. Пришлось опустить зудящие руки. Чего стоило не корчиться от ненависти и не скрежетать зубами слишком громко! Подумать только, меня провели, как сопливого мальчишку!

Угадав мои мысли, он со счастливой улыбкой кивнул.

— Пенять вам следует только на собственную жадность. — Кайзи откатил ногой бесчувственного Паку и опустился в его кресло. — Как я и ожидал, вы ничего не видели и ничего не желали видеть, кроме ежедневной подачки в четыре миллиона. Я тушил золотым дождиком любые ваши подозрения, я за нос тянул вас в капкан. Любой человек, обладающий хоть каплей мозгов, выскочил бы из ловушки, не дожидаясь, когда она захлопнется. Любой, кроме вас. Кроме Стальной Крысы, которая гуляет сама по себе! Я поставил на ваш чудовищный эгоизм и не прогадал, верно?

Верно, согласился я в глубине души. Но вслух этого не высказал — не хотел его лишний раз порадовать. Да и насчет чудовищного эгоизма можно было бы поспорить. Я сел в складное металлическое кресло, расслабился, отполировал о рубашку ногти и полюбовался их сиянием.

— Кайзи, старый ворюга, неужели до вас все еще не доходит, что я знаю про ваши делишки и мне ничего не стоит выдать вас полиции?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, это исключено. Вы в бегах, вас разыскивают все спецслужбы этой перенасыщенной фараонами планеты. И у меня, как вам известно, есть заложник, гарантирующий ваше безоговорочное сотрудничество. И вдобавок, — широко улыбнулся он, вонзая последний нож в мое распластанное эго и садистски его проворачивая, — я тщательно отслеживал все ваши жалкие финансовые маневры. Подумать только, вы возомнили, что способны перехитрить человека, который собаку съел на отмывании грязных денег и криминальных межбанковских трансфертах. Во всей этой мышиной возне я нахожу оригинальной только одну деталь: чтобы спрятать мои миллионы, вы учредили собственный банк. Так ведь и это не ваша идея, правда? До этого додумался Боливар. Скажу откровенно, приятно было взять на работу такую светлую голову. И еще

приятнее — сдать Боливара полиции, когда он наивно попытался меня обыграть.

— Кайзи, что за чушь вы тут городите? — отважно вопросил я. — Не понимаю ни единого слова.

На самом деле у меня было неприятное и стойкое чувство, что я понимаю все. Самопроизвольно сжимались кулаки — с каким бы удовольствием я смахнул гнусную ухмылочку с его физиономии! А ну, Джим, расслабься!

Я разжал кулаки и откинулся на спинку кресла. Ему будет только на руку, если у меня не выдержат нервы.

— Кстати, о тех миллионах, о золотом крючке, на который я вас подцепил. В вашем банке этих денежек больше нет. Они вернулись ко мне. Что скажете?

— Скажу, что лучше бы нам сменить тему, пока вы не перевозбудились. А то, чего доброго, от восторга кондрашка хватит. Помнится, мы говорили о надувательстве. Признаться, за это я вас уважаю, чего не скажу обо всем остальном. По части вранья вы мастер. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее ощущение, что вы лгали с первой нашей встречи. На Феторре я понадобился лишь для того, чтобы прикрывать ваши козни. Быть единственным подозреваемым в серии эффектных — а они, надо отдать должное, очень впечатляют — грабежей. И при этом вся добыча оседала в вашем кармане.

Он улыбнулся и отвесил легкий поклон.

— В нашей галактике царит конкуренция. Чтобы побеждать, необходимо воображение. А Феторр — идеальное место для таких операций, как те, в которых вам предстоит участвовать. Коррумпированная полиция, алчные капиталисты, отсутствие налогового кодекса — согласитесь, это настоящая лицензия на загребание денег.

Пришлось напрячь все силы, чтобы подавить гнев. В эти минуты мне, как никогда, нужна была холодная голова. Рано или поздно ограблениям банков придет конец, и что потом?

— Итак, я должен обтяпать для вас какое-то дельце. А дальше? Чем мы займемся, когда возьмем последний банк?

— А это, мой дорогой друг, будет целиком зависеть от вас. Слишком опасно сдавать вас полиции — феторрские спецслужбы умеют вытягивать признания даже из самых упрямых арестантов. И пускай мне удастся дезавуировать ваши показания, к чему лишние проблемы, если можно их избежать? Поэтому в ваших же интересах не попадаться в лапы блюстителей закона. Я тщательно изучил криминальное досье Стальной Крысы — собственно говоря, потому-то и решил нанять вас. В таких делах, как то, которое я задумал, вам равных нет. Допускаю даже, что вам удалось бы ценой невероятных усилий вырваться, сбежать с этой планеты, отсидеться в какой-нибудь норе, пока о вас не забудут. Но в этом не возникнет нужды. Если на то пошло, я сам предлагаю убежище. У меня щедрая душа, и я помогу укрыться на очень далекой планете. Туда же прилетит и ваша супруга. Уверен, там у вас не возникнет соблазна возвратиться на Феторр.

— И что я за это получу?

— Как? Неужели одной свободы недостаточно? — Веселья как не бывало, мне удалось мельком увидеть истинную сущность, таящуюся под лоском барина-сибарита. — Свободу и воссоединение с обожаемым семейством. На мой взгляд, это более чем достойная награда за ожидаемые от вас скромные услуги.

Вот так-то. И крыть нечем. Пока. Одно хорошо: не только наши с Кайзи уши слышат этот разговор. Стена тонкая, дверь хлипкая. Наверняка Боливар различает каждое слово. Он знает, что я вполне способен о себе позаботиться, а ему необходимо проследить за Кайзи, выяснить, где его берлога и где он держит Анжелину. Если ее освободить, планы нашего злого гения рухнут, как карточный домик. А значит, от меня сейчас требуется только одно: тянуть время. Ладно, попляшу под его дудку. А заодно постараюсь наладить устойчивую связь с Боливаром.

У меня и в самом деле не было выбора.

— Когда приступать? — спокойно осведомился я, заморозив до поры все истинные чувства.

— Согласны? Великолепно! — Кайзи азартно потер руки. — Будете иметь дело с Игорем, он позаботится о транспорте и передаче моих приказов. — Он выглянул в окно — там смеркалось. — Банки уже закрылись, служащие разошлись, окрестности пусты. Отправляйтесь в «Банк вдов и сирот» и верните в сейфы то, что мне принадлежит.

Мы поехали. Кайзи — в своем роскошном лимузине, мы с Игорем — в знакомом грязном автофургоне без рессор. Я уселся рядом с этим дебилом.

— Игорь, наступит день, когда я тебя изувечу и прикончу. Или что похуже сделаю.

Он то ли хмыкнул, то ли хохотнул — поди разбери.

— Не выйдет. Босс тебя крепко взял за шкирку. Мы теперь напарники.

Громыхая, фургон медленно, но неуклонно приближал нас к Феторрскории. Был час пик, навстречу ехала прорва машин. Однако никого не интересовал заурядный грузовик. Даже полицейские из дорожных патрулей равнодушно отводили остекленевшие глаза. Мы съехали с платной трассы, прокатились по городским улицам, миновали «Первый межзвездный банк вдов и сирот», свернули в переулок, и там Игорь нажал на тормоз. Машина, конвульсивно задрожав, остановилась. Водитель порылся в груде хлама на сиденье и достал диктофон. Повесил его себе на шею, надавил кнопку «воспроизведение».

— Отключить охранную сигнализацию, прижав руку к пластине на косяке черного хода, — сказала эта штуковина. — Немедленно.

Игорь понимающе хрюкнул, открыл дверцу кабины, спустился на землю. Я увидел, как он прижимает к пластине костяшки пальцев. Раздался писклявый голос:

— Ладонь!

Неужели я слышу нотку отчаяния?

Заурчал скрытый механизм, массивный портал медленно утонул в земле. Игорь вернулся в кабину и снова нажал кнопку диктофона.

— Завести машину в банк, — велел компьютерный голос.

Чудненько! Наверное, этот кретин даже читать не умеет.

Мы въехали в банк. Мой напарник, подчиняясь диктофону, вернул на место ворота гаража и знаком велел мне следовать за ним.

— Включить роботов, — услышали мы новую команду.

Мы открыли заднюю дверь фургона, выдвинули аппарель, поднялись в кузов. В полутьме я различил среди всякого металлического хлама множество небольших роботов. Игорь склонился над ними, включил одного за другим. Загорелись зеленые лампы, пришли в движение колеса и гусеницы. И сразу замерли. Игорь вновь нажал кнопку электронного поводыря.

— Людям и всем, всем, всем устройствам идти в хранилище.

Игорь повернулся ко мне спиной.

— Пошли. Веди роботов.

— Вперед, орлы! — скомандовал я.

И ничего не произошло. Я привык к тому, что любой приличный робот реагирует на человеческий голос. Эти не реагировали. Я наклонился к ближайшему и заметил сзади между гусеницами рычаг. Передвинул его ударом ноги. Робот забибикал и покатил вперед. Я поспешил отвесить пинки всем остальным, они с шумом покружили, а затем съехали следом за мной по аппарели. Интересно, что за садомазохист придумал такое управление?

Мы продвигались со скоростью улитки, и я надеялся, что к рассвету доберемся до места. Часто приходилось останавливаться, чтобы выслушать диктофонные указания, но мало-помалу мы забирались все глубже в банковское чрево. Охранная сигнализация бездействовала, лампы не горели, ворота и решетчатые двери были распахнуты настежь. Наконец мы остановились перед тяжеленной дверью хранилища.

— Ввести шесть, шесть и шесть, — велел робоголос. — Шестикратно.

Игорь подчинился. Защелкали тумблеры, замигала зеленая лампочка. Пока мой спутник ждал распоряжения повернуть штурвал замка, я подошел и повернул.

В последний раз я заглядывал сюда вместе с Боливаром. Тогда мы увидели сцену варварского ограбления — на полу валялись депозитные сейфы, выкорчеванные из своих ниш и выпотрошенные. Сейчас они стояли, где нужно, но местами зияли бреши — кое-какие сейфы пришлось отправить в ремонт.

— Что дальше?

— Подойти к сейфу три-два-пять. Открыть.

Я подтолкнул Игоря к названному сейфу — тот легко и беззвучно выскользнул из ниши.

— Включить пульт.

В сейфе лежал пластмассовый ящичек с одной-единственной кнопкой. На ней я прочел: «Нажми меня». Я и нажал. После чего свалился с ног и заскользил по полу.

Весь пол подземного хранилища, соединенный петлями с порогом, ушел вниз. Я увидел свет. Подземный зал!

А в нем гора пластиковых мешков, под завязку набитых банкнотами и монетами всевозможного достоинства. И драгоценностями, и произведениями искусства. Недавнее содержимое депозитных сейфов.

— Какая потрясающая задумка! — сказал я. — Снимаю перед Кайзи шляпу, поистине, это гений преступного мира. Эх, не был бы он еще и свинтусом с мозгами набекрень...

Кайзи продемонстрировал идеальный способ обчистить свой собственный банк. Пробираешься тайком после закрытия и открываешь в хранилище люк (разумеется, сначала надо подрядить нечистых на руку строителей с другой планеты, чтобы сделали внизу потайную комнату). Ссыпаешь туда ценности и возвращаешь крышку люка на место. Вот вам идеальное преступление, никаких концов не сыщешь, и вдобавок страховые компании, проливая слезы и ломая руки от горя, вынуждены платить пострадавшему владельцу. Получается, жулик-банкир срывает двойной куш.

Чтобы запрограммированные роботы взялись за дело, понадобилось еще несколько пинков. Хватоботы сгребали в охапки кредиты и ссыпали их в тележки тащиботов, а те, погромыхивая, увозили добычу. Мы с Игорем стояли в сторонке и следили за этим муравейником, пока в потайной комнате не осталось лишь несколько пластиковых обломков. Мы вышли следом за нашими помощниками, при этом Игорь на каждом шагу включал диктофон. Очевидно, одного приказа вернуться прежним путем, заперев хранилище и банк, его куриным мозгам не хватало.

Мы управились к полуночи, я здорово устал. Когда ехали по темным улицам с редкими тусклыми фонарями, я клевал носом. Наконец мы остановились перед громадным складом. Наверняка Игорь уже побывал здесь раньше — не требуя указаний, он подошел к стене и набрал код на приборной доске. Загудели

потайные моторы, и огромные гаражные ворота утонули в земле. Мы въехали.

— Сейчас поспим? — с надеждой спросил я. — А может, и перекусим?

— Разгрузимся сначала.

Мы очутились в помещении с толстыми стенами и надежными запорами. Я подремал, сидя на ящике, пока роботы сноровисто вытаскивали из кузова грязные деньги. Когда дело было сделано и роботов пинками прогнали к зарядным устройствам, Игорь громко зевнул и возглавил наше шествие в комнаты, вероятно в насмешку названные жилыми, — названные тем, кто привык обитать в грязи, достойной свинобраза.

Игорь залпом опорожнил янтарного цвета бутыль, пробормотал что-то совершенно нечленораздельное, рухнул на устланную рваньем койку и вмиг уснул. Я, подавив желание угостить его пинком по голове, отправился на разведку.

Вскоре я обнаружил стол с телефоном, но даже не притронулся к нему. Наверняка он напрямик соединен с подпольным логовом Кайзи. Освинцованная сантехника гармонировала с мебелью и постельными принадлежностями. А вот морозильно-жарочный шкаф меня заинтересовал. Все его отделения пустовали, кроме ящика с табличкой: «Осьминожье рагу и крошево». Я бросил мерзлую глыбу в духовку, и через несколько минут она превратилась в изрядный ком чего-то, смутно напоминающего пищу.

Я проглотил, сколько смог, остальное отправил в мусорное ведро, а потом выбрал самую далекую от громко храпящего Игоря койку. И перед сном успел подумать, что в жизни моей бывали деньки намного лучше нынешнего.

Глава 14

Через два часа сработал мой будильник — безмолвно завибрировал на запястье. Игорь все еще храпел, и я, вспомнив осушенную им бутыль, пришел к выводу, что проснется он не скоро. Пора наладить связь, если получится. Я выскользнул из нашей убогой ночлежки, переступил через подзаряжающихся роботов и нашел возле гаражных ворот неприметную дверцу. Естественно, она была снабжена и замком, и сигнализацией, но даже усталость не помешала мне в два счета одолеть и то, и другое. Я выглянул на улицу — пусто. А также грязно и ветхо. Этот отживший район идеально подходил для целей Кайзи. И для моих. Никто не шатался по улицам в столь поздний час. Я понадеялся, что так будет и впредь — в смокинге, хоть и рваном, посреди этих трущоб я выглядел белой вороной. Дождь уже не лил, но кругом было мокро; я поднял воротник и

пошел искать таксофон. Нашел два — они стояли в получасе ходьбы друг от друга. Оба были зверски раскурочены.

Я чуть не падал с ног от усталости — но кто знает, вдруг это мой последний шанс побыть в одиночестве? Надо во что бы то ни стало связаться с сыном. Я шагал. Наверное, я был единственным пешеходом на весь район. Время от времени мимо проносилась легковушка или грузовик. Вот еще один разгромленный телефон. Я почти утратил надежду, но тут вдруг увидел впереди гроздь разноцветных огней.

Механомаркет! Как раз то, что надо. Круглосуточно открытый универмаг, полностью автоматизированный, ни единого человеческого существа, не считая, конечно, покупателей. Но их можно было по пальцам пересчитать, и мне легко удавалось не попадаться им на глаза. Тем более легко, что они и сами старались не замечать друг друга, сосредоточенно нагружая тележки пивом и снедью. Я обогнул их и зашагал по дорожкам в кромешной тишине. Только датчики движения реагировали на меня страстными мольбами. Но я пропускал мимо ушей призывы купить обувь, мебель, книги, искусственные половые органы, вибраторы и таблетки для похудения, все эти предметы первой необходимости современного общества.

— Купите мой костюм! — заорал манекен в витрине, когда я с ним поравнялся.

— Купите меня! — соблазнительно прошептал сексробот из недр розовой постели.

— Выигрывайте кредиты в лотерею!

— Быстро хмелеть, медленно трезветь! Рекордный эффект! Внутривенная алкогольная капельница марки «Лейнежалей»!

Передо мной высился голодисплей, а на нем играли в пятнашки краски и абрисы телефонов. С пультом заказов я разобрался эмпирическим путем и наконец отыскал портативный аппарат, способный легко уместиться в кармане рубашки. Я бросал в прорезь монеты, а затем и банкноты — плату за разговорное время. Наконец экран зажегся целой радугой, духовой оркестр сыграл короткий туш, и приторный голос сказал:

— Ну, спасибо, дружище! Угодил так угодил! Ты классный покупатель!

Телефон с грохотом свалился в корзину. Я схватил его и вышел на улицу, чтобы найти темную подворотню и оттуда позвонить. Вывел на экранчик директорию и шарил по ней, пока не отыскал нужный номер.

— Вас приветствует знаменитый на всю галактику «Колоссео». Сейчас здесь дает представление неподражаемый «Большой Биг-топ». Если хотите обратиться в кассу и заказать билет, нажмите единицу. Если желаете...

У меня уже болел палец, а я все жал и жал, перескакивал из меню в меню, и наконец добился нужного номера. Телефон долго гудел, но вот раздался сонный голос:

— Да вы хоть представляете, который теперь час?

— Да, Гар, представляю. И без крайней необходимости я бы не позвонил. Тяжело заболела Матильда, хуже того, бедняжка дышит на ладан. Если хотите получить более подробную информацию, позвоните по номеру, который я сейчас назову.

Наступила пауза, затем он произнес:

— Секундочку, мне надо найти стило.

Получилось! Пускай Гар давно не служит в Специальном Корпусе, он не забыл пароль «Матильда». И дал правильный отзыв — «стило».

Все проще пареной репы. Если агент сомневается в надежности телефонной линии, он вставляет в свое обращение слово «Матильда». И произносит телефонный номер, несколько отличающийся от правильного. Чтобы получить верный, надо к каждой цифре названного добавить единицу. Например, 4-7-0-9 означает 5-8-1-0. Просто и надежно. Я отключился и побрел обратно на склад.

По-видимому, Гару тоже нелегко было отыскать невредимый телефон. Я успел дойти почти до места.

— Марвелл, это вы?

— Да. Я уверен, что некие заговорщики вставили «жучки» во все телефоны «Колоссео». Учтите это. Человек-Мегалит еще не вернулся?

— Нет. А что, должен был?

— Не знаю. С ним все было в порядке, когда мы расставались, но это произошло в трущобах, и боюсь, он там застрял. — Я глянул на часы. — Как только объявится, передайте, чтобы ровно в полдень позвонил мне по безопасному телефону. Если не вернется к этому сроку, пускай звонит ровно в полночь. Или завтра в эти же часы, пока не свяжется. Понятно?

— Понятно.

Он отключился.

Больше от меня пока ничего не зависело. Наверное, Боливару в обличье Человека-Мегалита будет очень непросто вернуться в цирк. Но он доберется, если только не попадет в лапы Кайзи или полиции. Я всей душой надеялся на лучшее.

— Нет, Джим, он цел и невредим, и он возвратится! — выкрикнул я для поднятия собственного боевого духа, а затем отправился на склад.

Игорь все еще оглушительно храпел. Я попытался взять с него пример, предварительно натянув на голову одеяло.

Я проснулся с проклятиями. Мой скудоумный компаньон бил ногой по кровати. Двигался он куда быстрее, чем соображал, иначе бы не уйти ему от моего свинга.

— Приказы получил. Ехать надо. На север. Это хорошо. Там будет босс. Это для тебя. На север.

Он был весел, но я не стал выпытывать причину. Скоро и сам узнаю, чем так хороша поездка на север.

Я взял сверток и прочитал этикетку: «Фирма «Маск-А-Рад». А на другой стороне было написано: «Разыграй своих друзей». В коробке оказалась физиономия. Незнакомая. В этом-то все и дело. Кайзи прислал маску из псевдоплоти с прилагающимися инструкциями. Как прилепить ее к лицу. Как содержать в рабочем состоянии. Чем кормить. Наверное, куриным бульоном с обилием питательных добавок. Действительно, в коробке я нашел банку супа и воронку.

Они совершили чудо. Из растрескавшегося зеркала на меня уставилось мое второе «я». Ладно, спасибо и на том, что можно больше не беспокоиться насчет полиции. Кайзи полон решимости выжать из меня максимум пользы.

Ночью я нагулял аппетит, но, стоило увидеть, как Игорь расправляется с двойной слоновьей порцией осьминожьего рагу, мысли о завтраке начисто испарились из головы. В который раз я пожалел, что судьба не послала менее тошнотворного соседа по комнате.

Мы пинками вернули бригаду роботов к электронной жизни и загнали в кузов грузовика. Туда же Игорь закинул портативное зарядное устройство. Он подключил его к электропроводке фургона, и это показалось мне очень интересным. Значит, вечером мы сюда не вернемся. Где же предполагается ночевка?

Мы долго ползли в утреннем транспортном потоке и наконец добрались до платной скоростной трассы. Полностью автоматизированная, она переключила наш грузовик на автоуправление. Мы разгонялись, пока не оказались ровно в десяти метрах от другого грузовика. Так и ехали, сохраняя дистанцию с машинной точностью. Что позволило Игорю мгновенно уйти в спячку. Я праздно глазел на убогий промышленный ландшафт и считал станции обслуживания. Они появлялись с промежутками ровно в полчаса. Я решил, что такая четкость заслуживает похвалы.

За десять минут до полудня я отключил автоводитель. Оглушительно завыла сирена, Игорь в ужасе пробудился и отчаянно защелкал тумблерами автоуправления. После чего съехал к обочине и вдавил тормоз.

— Угробить нас хотел?

— Нет. Всего лишь остановиться.

— Остановиться? Зачем остановиться?

— Привальчик. Малышам пора оправиться.

— Оправиться? Как это — оправиться?

— Отлить! Вот болван!

— Чего отлить? — Он выпучил глаза, словно проверял на прочность свой мочевой пузырь. — А-а!

Мы вошли в туалет. Я, поглядывая на часы, управился раньше Игоря.

— Ты куда?

— Перекусить. До встречи в грузовике.

Он проводил меня подозрительным взглядом, но остановить не решился. Я подождал, пока он отойдет к стоянке. Десять минут до полудня. Хватит времени, чтобы выбить заказ из автомата, торгующего кофеинколой — ночью я не отдохнул толком — и высококалорийными беконвичами. Устроившись в кабинке в глубине зала, я жевал, хлебал и смотрел на дверь. Ровно в двенадцать зазвонил телефон.

— Боливар?

— А то кто же?

— Скажи... нет, молчи. — В дверях неожиданно появился Игорь. — Назови твой номер и будь готов к полуночному звонку.

Я съежился в кабинке, окунул палец в кофеинколу и написал на столе цифры. Телефон исчез в кармане за секунду до того, как подошел мой подельник.

— Некогда. Ехать надо.

— Да-да, я уже готов.

Вставая, я выучил номер.

Мы забирались все дальше на север, и картина постепенно принимала божеский вид. Карьеры, шахты и фабрики уступали автоматизированным фермам. Признаться, я успел чуток соскучиться по зелени. Затем пошли деревья, все чаще и чаще, и вот уже вдоль дороги тянется девственный лес. Впереди я увидел округлые холмы и зев туннеля — мы нырнули в него, а вынырнули на равнине, окаймленной синим морем. Теперь-то я понял, чем так привлекает Игоря север. Наконец появились дома, в основном обширные усадьбы. Даже на обочинах скоростной трассы поработали дизайнеры ландшафтов.

— Кто здесь живет? Шишки?

Игорь хрюкнул, что я перевел как «да». В этом поляризованном обществе не было середины — только верх и низ. На первом же повороте мы съехали с автострады, нашли ультрамодерновое поместье — увидеть его с шоссе мешали деревья. Очевидно, Игорь здесь уже бывал. Он уверенно загнал грузовик на задворки этого райского уголка. В ласковых лучах солнца перед нами возник травяной лоскуток, на нем — стол под зонтом. А за столом — Кайзи с запотевшим бокалом в руке.

— Ужасно выглядите, — сказал он, когда я спрыгнул на землю.

В точку. Под живой маской зудела небритая кожа, глаза щипало, вдобавок они приобрели любопытный красный оттенок. Да и причудливый наряд, побывав разок под дождем, запросился в утиль.

— Что скажете об Анжелине?

— Ничего не скажу, — прорычал он. И я понял, что под этой кремневой оболочкой бьется корундовое сердце. — Вы наемный работник и будете в точности исполнять все мои приказы. Обстоятельства требуют, чтобы вы делали это быстрее.

Он бросил на стол кредитную карточку.

— На четырнадцатой улице есть механомаркет. Купите одежду. Приличную одежду. Еще — мыло и все для качественного бритья. Здесь вам не Феторрскория. Я хочу, чтобы вы ничем не отличались от местных жителей и не давали легавым повода для подозрений. Здесь селятся сливки планеты. Покупая одежду, думайте, как подобает думать богачу. И не позволяйте, чтобы вас заметили в подобных обносках. — Он указал на мой наряд. — Они выглядят совершенно неуместно. А полицейские имеют привычку задерживать и обыскивать любого, кто неуместно выглядит. И не будем забывать, что вы до сих пор в розыске. Угодите под арест — вспомните, что не только вы в беде.

Что толку с этим спорить?

Между разнообразными магазинчиками и офисами пролегали пешеходные дорожки, окаймленные цветами. Я высматривал номера и потихоньку добрался до четырнадцатой улицы. На дорожках гудел немногочисленный транспорт. Я старался, чтобы меня не заметили.

В механомаркете одна-единственная парочка покупала вино. Я украдкой проскочил в отдел готового платья и приобрел легкий спортивный пиджак, который тут же надел. Хотел бросить смокинг, но передумал — не к чему радовать полицию такой шикарной уликой. Купил все необходимое, сложил в безразмерную сумку и вернулся тем же путем. Автофургон уехал и, к великому моему облегчению, увез Игоря. Я открыл было рот, но Кайзи жестом велел молчать.

— Сначала вымойтесь. В таком виде вы мне противны не меньше, чем Игорь.

Я не спорил, меня тоже не устраивал мой вид.

— Вон там.

Он указал на дверь.

Над дверью висела табличка: «Бюро Чафуки. Обслуживание инвестиций». Еще одно предприятие Кайзи?

За кабинетом оказалась жилая комната с одной кроватью. Я снял накладное лицо, размяк под горячим душем, затем взбодрился под холодным. Хорошенько вымылся, тщательно побрился, переоделся и сразу почувствовал себя несравненно лучше. Затем счистил грязь с маски и снова надел ее. И вышел на улицу. Путь

мой лежал мимо маленького, но богатого бара. Я поддался неодолимому соблазну. С бокалом в руке я сел за столик своего работодателя.

Он осмотрел меня с головы до ног и одобрительно кивнул.

— Что дальше? — уныло спросил я. — Хотите, чтоб я еще один банк грабанул?

— Нет. Есть дело посолиднее. Что вы знаете о производстве электричества?

— Скажу как на духу: очень и очень немногое. Щелкаешь выключателем на стене, и загорается свет. Вот и все мои познания.

Он придвинул ко мне чертеж.

— Возьмите. Скоро у меня появится дополнительный материал. Но этот план еще на ранней стадии разработки. Его мы обсудим потом. А пока есть более неотложная задача. Речь идет не о банке, а о едином источнике снабжения для множества банков. Вам предстоит взять бронированный фургон, который доставляет наличные в городские банки. У вас два дня, чтобы выяснить, как это происходит. На третий день фургон до отказа набьют кредитами и отправят в рейс.

— Что вы собираетесь с ними делать?

В его улыбке не было юмора ни на грош.

— Повторяю, вы проведете операцию самостоятельно. Каким образом — я не знаю и ничего подсказать не могу. Вы — профессионал, вам и карты в руки. — Он достал из кармана проектор и тоже придвинул ко мне. — Здесь все подробности. Расписание загрузки и выгрузки, маршрут, сведения о водителях и так далее. Лично мне кажется, что задача невыполнима. Я, располагая только этой информацией, никогда бы не сумел разработать план успешного ограбления. Но мне очень интересно, как с такой загвоздкой справитесь вы.

— А если никак не справлюсь?

Он указал на свое запястье, украшенное черной штуковиной вроде часов, с серебряной кнопкой в центре.

— Достаточно нажать ее дважды, и вы уже никогда не увидите жену. И даже не узнаете, мертва она или жива, но увезена на другую планету. Или ее прячут здесь. Никогда не узнаете. Для вас она просто исчезнет. Думаю, пора браться за дело. У меня свои заботы, и я вернусь только завтра. Спать будете здесь.

— Но тут всего лишь одна кровать! Неужели делить ее с Игорем?

Эта мысль потрясла меня до глубины души.

— Нет, он спит в фургоне. Так ему больше нравится.

— Мне тоже.

Кайзи осушил бокал и поднялся.

— Не делайте ничего такого, о чем можете пожалеть. Или о чем может пожалеть ваша супруга.

Я безмятежно потягивал напиток, зная, что на моем лице не дрогнет ни один мускул. А если и дрогнет, этого не увидеть под накладной физиономией. И тут я понял, что обязан не только вызволить из беды Анжелину, но и вставить Кайзи палку в колесо. Я должен его разорить, сломать, растоптать или сделать что похуже. В чем и поклялся себе.

— Кушать хочется, — произнес тоненький голосок. Еле-еле слышно.

Я огляделся. Никого. Снова услышал мольбу и понял, откуда она исходит. Прежде всего необходимо позаботиться о накладном лице. Накормить в прямом смысле этого слова. Я пошел в туалет, положил физиономию в умывальник и достал воронку. Затем вынул банку куриного бульона.

И вот дело сделано, можно возвращаться к работе — планировать ограбление.

— Пара пустяков, — сказал я и потянулся за проектором.

Через час я уже так не думал. Денежный фургон был оснащен надежной броней, оружием и прочными замками, вдобавок газонепроницаем. Установленная в нем рация работала и на прием, и на передачу. Вдобавок — многочисленные сигнальные устройства. При тревоге они автоматически свяжутся с полицией. Водитель и два инкассатора вооружены до зубов. Есть даже противорадиационная защита на случай, если кому-то вздумается применить ядерный заряд. Ко всему прочему, уехал Кайзи и я мог рассчитывать исключительно на собственные силы. Вернется он только завтра и потребует результатов. А час уже поздний, солнце село, и у меня тяжелая голова. Я снова просмотрел материалы. Нет, это преступление мне не по зубам.

— Невозможно! — вскричал я и побежал в бар за новой порцией «Силурийской сливовицы». — Даже волшебнику это не по силам! Волшебнику?

Через несколько минут я поморгал и обнаружил, что бокал уже полон, моя рука мокра, а сливовица льется на ковер. Я поставил бутылку и стакан. В сознании забрезжила гениальная идея. Не надо автоматов, бомб, стрельбы и насилия, достаточно элементарного волшебства!

Глава 15

О дорогой наставник! О славный Великий Гриссини! Да будут мирными и спиртуозными твои пенсионные годы! Ведь это ты передал мне свое мастерство, а самое главное — научил смотреть на мир глазами факира. Переворачивать реальность с ног на голову. Все подвергать сомнению. Всех мистифицировать и одурачивать. Нужно, чтобы исчез бронированный фургон? Почему бы

и нет. Его размеры роли не играют. Дело техники, только и всего. Почему с машиной нельзя сделать то же, что и со свинобразом? Все у меня получится и будет списано на магию, а почтеннейшая публика, то бишь свидетели, сама убедит себя в том, что лицезрела чудо.

Я запасся в конторе бумагой и приступил к подготовке иллюзии, которой суждено стать венцом всех иллюзий. Через несколько часов план вчерне был готов. Автор уткнулся в него носом и заснул.

— Хватит! — сказал я себе, очнувшись. — Я знаю, что делать, знаю в целом. А нюансы продумаю поутру, хорошенько выспавшись.

Я завел будильник, добрел до кровати и рухнул.

В сны вторглось большое насекомое. Оно устроилось на моем запястье и зловеще гудело. Потом раскрыло челюсти еще шире и загудело еще громче.

Я проснулся, широко зевнул и отключил будильник. Десять минут до полуночи. Сполоснув лицо холодной водой, выскользнул на улицу. Отошел подальше от домов. Лучше не рисковать — на этой планете слишком много «жучков» и датчиков. Доподлинно известно, что их вовсю использует и мой работодатель. Наверняка рассовал по всей конторе. Остановившись на полдороге, я позвонил Боливару.

Телефон пискнул двадцать раз, и я сдался.

Не волнуйся, Джим, успокаивал я себя. Просто ему что-то помешало подойти к телефону. Но он парнишка крепкий, ничего с ним не случится. А через двенадцать часов ты попытаешься еще разок.

Однако увещевания не помогли, я здорово расстроился. Так расстроился, что еле-еле уснул.

И все же к утреннему визиту Кайзи я отшлифовал все детали. Подготовил чертеж конструкции, а также напечатал список необходимых материалов. И придвинул его по столу к своему недругу.

— Здесь все, что понадобится для ловушки. Чем быстрее достанете, тем скорее получите свой бронированный фургон.

Пока Кайзи листал бумаги, брови его лезли на лоб.

— Это еще что такое? Семьсот пятьдесят квадратных метров экрана для микроволновых печей? Четыре мультимегаваттных проектора, легкий грузовик, фанера, алюминиевый порошок, стальные листы... Что вы со всем этим делать собираетесь?

— Совершать кражу века. А сейчас — или вы достанете все это, или так и будем сидеть тут и чесать языками. Что едва ли поможет управиться в срок. Выбор за вами.

Его глаза не пожалели сил на попытку пробурить дыру в моем черепе. Я подул на ногти, ошлифовал их о рубашку. Наконец моя взяла.

— ДиГриз, если затеяли водить меня за нос...

— Уверяю, это не входит в мои планы. Предоставьте все перечисленное, а я добуду вам деньги. Ну, а теперь один важный вопрос. Этот край и этот город, как вы его называете...

— Санкист-у-Моря.

— Прелестное имя. Город и его окрестности — под надзором спутников?

— Весь этот мир — под надзором спутников. Что бы вы ни сделали, они увидят. Проследят и запишут.

— Отлично. Это как нельзя кстати. Пускай увидят, что, по их мнению, произойдет. Я их отвлеку. К тому времени, когда откроется правда, мы будем уже далеко. Где Игорь?

— Спит в грузовике.

— Будите. Отправляйте. Пускай достает все, что я перечислил, и везет сюда. Уверен, вы умеете делать покупки, не вызывая подозрений у продавцов. Я тем временем куплю здесь фургон. Не беспокойтесь, этого не заметят.

Наградив меня еще одним сверлящим взором, он вызвал по телефону Игоря.

— Он идет сюда. И пока он не появился, потрудитесь объяснить, что вы задумали.

— Охотно. — Я толкнул к нему чертеж. — Этот фокус, как и любой хороший фокус, прост в изложении.

К приходу Игоря Кайзи уже улыбался.

— Да, теперь я вижу, это получится. — Улыбка исчезла. — Ведь это не может не получиться, верно, Джим? Слишком велика ставка, чтобы вы могли позволить себе ничтожную ошибку.

Я отвернулся. Реагировать на бесконечные угрозы — только время зря терять.

Дождавшись ухода Игоря, я налил себе выпить. Впервые за этот день.

— Не рановато ли заливать за воротник? — спросил Кайзи.

— Может, и рановато, но я выпью, и это не последняя. Все равно мне нечего делать до возвращения Игоря с покупками. Кстати, что касается грузовика. Куда посоветуете обратиться?

— В городе есть автосалон. Воспользуйтесь моей карточкой. Если возникнут проблемы, платите наличными. — Он подал тугой бумажник. — А сейчас поставьте стакан, допьете по возвращении. Мне что, делать больше нечего, только смотреть, как вы нагружаетесь?

Кайзи высадил меня в центре города, рядом с фирмой «Крылья и колеса». И поехал дальше. Я подождал, пока он скроется. До звонка Боливару еще полчаса. Неподалеку я заметил ресторан с баром. В полуденный час они были пусты. Я расположился в патио, заказал выпивку, а в двенадцать позвонил. Телефон успел прогудеть лишь дважды.

— Боливар?

Гудок, щелчок, а затем его голос:

— Меня сейчас нет. Но все великолепно. Не буду вдаваться в подробности по открытой линии. Позвони, пожалуйста, ровно через двое суток. Пока.

Что-то случилось. Что? Оставалось лишь догадываться. Я не собирался ни гадать, ни волноваться. Необходимо выбросить все это из головы и сосредоточиться на злободневной работе. Осушив стакан, я пошел в «Крылья и колеса».

Городок и впрямь оказался из роскошных. Встречал меня не робопродавец, а человек, приторный, как патока.

— Сэр, доброе утро, меня зовут Джуман, и я к вашим услугам. Мы только что получили партию комфортабельных двухместных вертолетов — идеальный выбор для вас и вашей возлюбленной. Если приобретете, мы бесплатно выложим золотом на корпусе ваше имя...

— Гм... — Я лучился энтузиазмом.

— Прекрасный выбор! Конечно, конечно, вы предпочитаете видеть на борту не свое имя, а вашей подруги. Опять же, без всякой дополнительной оплаты. В полете оно будет навевать блаженные воспоминания...

— Мне нужен легкий фургон.

Джуман резко сменил передачу:

— Дальнобойный, не требующий ремонта, ни грамма лишнего веса, пожизненная страховка, последний день в продаже. «Груз-Мейстер-Шайстер», как раз то, о чем вы мечтаете.

— Какие у вас цвета?

Кредитная карточка Кайзи вполне устроила продавца. Как и водительские права, а также лицензия его служащего — все это было заблаговременно внесено в центральный сервер. Лишних вопросов не возникло. Моя одежда, деньги, чаевые и само присутствие в этом райском транспортном уголке служили пропуском.

Я сел за баранку и поехал в солнечном сиянии дня.

Следующие несколько часов я провел, колеся наобум по бульварам и аллеям Санкиста-у-Моря. Город вполне оправдывал свое название. Кругом — особняки с плавательными бассейнами величиной с озера. Возле дорогих магазинов я замечал неописуемо красивых и самым шикарным образом наряженных женщин. Когда я благодушно кивнул регулировщику, он четко козырнул. Сей солнечный парадиз разительно контрастировал с чахоточно-копченой Феторрскорией. Казалось, все деньги, все жизненные соки были выжаты из одного города и отданы другому. Возможно, так оно и обстояло. Вполне понятно, почему на этой планете галактические налоговые инспекторы и лидеры профсоюзов жили в черном теле. Мне даже захотелось им помочь. Чем вершить преступные подвиги, лучше вывести на чистую воду плутократов, финансовых баронов. Джим диГриз — борец

за справедливость. Как будто впервой! Я ехал и пялился по сторонам. Не просто пялился, а по кусочкам запоминал увиденное. И не просто ехал, а маршрутом бронированного фургона. Я улыбался. Все получится!

Джим, поздравляю, сказал я себе. Ты и впрямь лучший из лучших. Такие гении рождаются раз в тысячелетие. Это ограбленьице банка войдет в анналы идеальных преступлений.

И тут настроение испортилось. Ведь я не только не получу награду за все свои усилия, за риск провести остаток жизни в какой-нибудь вонючей кутузке. Я иду на дело под принуждением. Даже если все пройдет без сучка, без задоринки, я останусь с носом. Рано или поздно меня с потрохами сдадут полиции. А что будет с Анжелиной?

Но тревоги ничего не дают, кроме язвы желудка. Я вернулся на склад, налил себе геройскую дозу, растянулся на койке и уткнулся в «ящик». По спортивному каналу шли состязания. Не то кликет, не то крикет, из-за аденоидов комментатора не разберешь. Непонятно, зачем этот безумный вид спорта извлекли из справедливого забвения. Глядя на мельтешащих человечков в белом, я уснул в считанные секунды.

Но шорох колес на подъездной дорожке вырвал меня из самого приятного, наверное, в моей жизни сна. Бесконечный крикет был в самом разгаре, и я получил истинное удовольствие, выключив телевизор.

Уже стемнело. Игорь вернулся с покупками. Я зевнул и потянулся. Предстояла долгая ночь. А за ней еще более долгий день.

Я жевал стимуляторы, как конфеты, и знал, что нервная система за это отомстит. От Игоря было мало проку, и я его отпустил. Зато оставил роботов. Они не только трудились гораздо лучше, но и, похоже, соображали.

На следующий день вернулся Кайзи. К этому времени я едва стоял на ногах, глаза были красны и слезились.

— Завтра — день «О», — сказал он. — «О» — значит ограбление. Не беспокойтесь, оборудование готово. Как только стемнеет, я его доставлю на место. А грузовик?

— Тоже готов.

— Позвольте взглянуть.

Мы пошли в гараж, но прежде, чем опустить ворота, велели Игорю погасить свет. Я не хотел, чтобы туда заглянули случайные прохожие. Подняв ворота, я включил лампы.

— Не правда ли, класс? — с гордостью спросил я.

— Трехлетнего младенца не обманет, — проворчал Кайзи.

Игорь вернулся к своему занятию — красил серебрянкой фанерные борта. Я здорово вымотался, а потому вспылил:

— Кайзи, напрягите мозги. Никого я не собираюсь обманывать, кроме космических телекамер. У серебрянки точно такое же альбе-

до, как у краски на броневике. Мой фургон — его точная копия по форме и размерам. И тень у него точно такая же. Если вы с Игорем выполните мои четкие и точные инструкции, никаких проблем не возникнет.

— Не хочу я эту хреновину вести, — вторил хозяйским сомнениям Игорь. — Вон сколько всего понапихал в кабину — не продохнуть...

— Заткнись, — попросил я. — Делай, что тебе говорят, а думать не пробуй. Только силы зря потратишь. — Я глянул на часы и попытался остыть. — У тебя еще час, за это время необходимо докрасить. Затем покрасишь свою машину в точности, как я сказал. От этого зависит успех или неуспех. А теперь — за работу.

Я самолично подмешал в краску катализатор замедленного действия. Тут рисковать было нельзя, ошибешься в пропорциях — сорвешь операцию и окажешься в кутузке вместе с Кайзи и Игорем.

Вскоре Кайзи ушел — очевидно, любой тяжелый труд ему претил. Любой, кроме мошеннического добывания денег. Я знал, что он запомнил мои наставления и сумеет их выполнить без малейших усилий. Теперь надо отдохнуть, дождаться темноты, а после полуночи отвезти снаряжение.

Приятно было пинками разбудить Игоря и загнать его, шатающегося спросонья, в наш фанерный «броневик». Я возглавил колонну, сидя за баранкой грузовика со всем оборудованием. Вернулись мы с первыми проблесками зари. Наступал день «О», а еще это был день «Т», или телефонного звонка. В полдень я позвонил, но услышал то же самое сообщение. Я решил не поддаваться унынию, успокаивая себя мыслью, что близок день и скоро злоба его изгонит из моей головы все страхи.

Как раз в тот момент, когда я засовывал телефон в карман, в дверях конторы появился Кайзи. Неужели заметил? Лучшая оборона — это нападение.

— Кажется, сейчас вы не здесь должны находиться, а в очаровательном Санкисте-у-Моря.

— Успеется. Не хочу мозолить глаза горожанам. Вдруг запомнят? У вас все готово?

— Все на месте. Через пять минут выезжаем.

— Не оплошайте. Вы знаете, чем это чревато.

С этими словами он удалился. Его счастье. Я чертовски устал и мог не сдержаться. Пальцы жили собственной жизнью, им очень хотелось кое-кому сломать шею. Я наградил роботов пинками, обругал Игоря и почувствовал себя немного лучше.

Мы вывели из зоны операции покрашенный в желтое фургон Игоря и оставили его под прикрытием деревьев. Затем я проводил своего придурковатого подельника к тому месту, где загодя нарисовал на траве красную букву Х. И показал.

— Стой здесь и не двигайся. — Я снова посмотрел на часы. — Через несколько минут на вершину вон того холма въедет броневик. Гляди в бинокль в направлении этой стрелки. Да, правильно. Что будешь делать, когда увидишь фургон?

— Нажму кнопку. Вот так.

Он нажал кнопку, как я и ожидал. Ничего не произошло. Мне достало благоразумия не подсоединить цепь.

— Ничего! — изумленно сказал Игорь.

— А ничего и не должно случиться, пока ты не увидишь цель.

Я был прав — безмозглые роботы гораздо смышленее этого олуха.

— Стой. Жди. Гляди. Увидишь — нажмешь. И беги.

Я поспешил вернуться на свою позицию. Проверил всю аппаратуру. Еще раз проверил часы. Если фургон появится вовремя — а Кайзи уверяет, что он ходит без задержек, — операция начнется через две минуты. Я рискнул привести в готовность Игореву кнопку. Воздел очи горе, прочитал безмолвную молитву — господи, лишь бы он все сделал правильно!

Внезапно картина вокруг изменилась — включились голопроекторы. Казалось, моя рука вросла в большое дерево; я в испуге отскочил. Очень убедительно. Послышался приближающийся частый топот. Слава богу, Игорь не забыл вторую инструкцию — бросить кнопку, как только нажмет, и бежать к поддельному броневику, спрятанному за ближайшими деревьями. Сейчас в промежутках между деревьями должен мелькнуть настоящий броневик, прежде чем исчезнет за поворотом. За одним из множества поворотов этой живописной вьющейся дорожки в зеленых пригородах. Дорожки, по которой всегда ездит эта машина. Но какой водитель запоминает все повороты? Я поставил на то, что большинство шоферов преодолевают знакомые участки пути на автопилоте. Обычно в этом месте фургон проезжает чуть дальше, прежде чем свернуть направо. А сейчас голопроекторы специально для него создали иную местность. Дорога плавно сворачивает влево. Туда-то он и поедет. Или водитель насторожится и затормозит?

Сердце билось в груди кузнечным молотом. Но через несколько секунд я успокоился, услышав приближающийся рев мотора. Затем прямо передо мной появился броневик — катит себе как ни в чем не бывало.

И вдруг колеса заклинило, машина заскользила вперед только по инерции. Я знал, что на месте водителя любой поступил бы точно так же — безрассудно вдавил педаль тормоза. Только что он ехал по обсаженной деревьями сельской дороге. А в следующий момент перед самым его носом выросла скала. Тут не до раздумий — тормози, если хочешь жить.

Я нажал на кнопку. Голопроекторы сменили изображение. Дорога теперь, как и прежде, бежала между деревьями. И кто бы по

ней ни ехал, он видел обочь шоссе только лес. Но в этом лесу вперемежку с настоящими деревьями стояли иллюзорные, они маскировали наш грузовик и бронированный фургон.

И в тот же миг, когда переключились проекторы, с деревьев упала плита непроницаемого для радиоволн экрана. Упала точно на четыре другие плиты, которые встали вертикально и сцепились друг с другом. Бронированная машина оказалась в ящике. От человеческих глаз ее прятали голопроекторы. Как только захлопнулась ловушка, под кузовом взорвалась гаусс-мина. Я содрогнулся от магнитного удара, но гаусс-взрыв, даже такой мощный, не причиняет вреда человеческому организму. Чего, конечно, нельзя сказать об электрических и электронных цепях. Их смяло, растопило, закоротило, превратило в кашу.

Намертво заглох двигатель. Вместе с ним приказала долго жить вся электроника и аппаратура связи. Взорвались лампы, заварились электрические замки на двери. Трое охранников оказались запертыми в кромешной мгле. Если они и пытались до взрыва вызвать помощь по радио, этому воспрепятствовала металлическая коробка. Наверное, охранники паниковали, но недолго. Громыхнули мои самодельные минометы — врытые в землю куски обычной водопроводной трубы — и пробили дыры в днище фургона. Но не огонь и не осколки разлетелись по кузову, а молекулы сонного газа.

Я надел противогаз с темными линзами, выпустил из автогена яркую струю пламени и полез под днище фургона. При этом я не забывал прислушиваться и улыбнулся, когда завелся и поехал поддельный броневик.

А в космосе, в тысячах миль над нашими головами, недреманное око наблюдательного спутника фиксировало все, что происходит внизу. Оно увидело, как бронемашина съехала с дороги. Увидело, как броневик вновь появился на шоссе и преспокойно покатил к своей цели — следующему банку.

Увы, ему не суждено было туда добраться. Я откатился в сторону, наземь упал раскаленный докрасна металлический диск. На всякий случай я бросил в отверстие несколько снотворных гранат. Затем снял противогаз, вставил в нос фильтры и залез в кузов. Резко повернулся на громкие звуки. Увидел в свете своего фонаря мирно храпящего полицейского. Двое других тоже были целы и невредимы и тоже сладко спали. Алмазной пилой я вырезал из двери оплавленный замок. Распахнул ее пинком, впустив в фургон свежий воздух и птичьи голоса. Выволок и сбросил на землю набитый деньгами металлический ящик.

Со своей ролью я справился блестяще, но сумел ли Игорь столь же добросовестно выполнить все, что я предписал? Любой кретин на его месте без труда осилил бы задание — до того оно было простым. Всего-то и требовалось: провести фургон по холмам и остановиться в городке. Но ни в коем случае не у банка, а на задворках механомаркета, где в это время дня никто не топчется. Игорь, умоляю, сделай это! Припаркуйся. Открой дверь. Нажми взрыватель. Не беги. У него двадцатисекундный замедлитель, все время в мире — твое. Иди в магазин и спокойно выходи через переднюю дверь. Садись в поджидающую машину Кайзи.

И тут мне показалось, будто я заметил далекую вспышку. Алюминиевая пудра в смеси с железными опилками. Термит. Проверенный веками рецепт жарчайшего из огней. Пламя, пожирающее все, к чему ни прикоснется. Оно не погаснет, пока от брошенного нами фальшивого броневика не останутся только угли. Пускай полиция копается в них, когда остынут. Такой огонь не оставляет улик.

Сбрасывая последний ящик, я услышал, как на дороге затормозила машина. Чужой? Нет, это может быть только Кайзи. Хлопнула дверца, раздались тяжелые шаги. Завелся двигатель, машина поехала дальше.

— Переноси их в грузовик, — приказал я Игорю. — Наступает последний этап величайшего ограбления банка в истории.

Глава 16

Фокус-покус, и дело в шляпе. В шляпе ли? Не наделал ли я ошибок? Не пропустил ли часом какой-нибудь роковой пункт или подпункт своего плана? Броневик угодил в плен голографической иллюзии и съехал с дороги. Правильно. Как и было задумано, он аккуратно затормозил в заранее подготовленном укрытии. Я изолировал его, пока он еще двигался, и охранники не успели бы сообщить своим по радио, даже если бы додумались. Гаусс-мина вырубила всю электроаппаратуру, вывела из строя двигатель. Затем ударили снаряды с сонным газом. Охрана лишилась чувств, никто не пострадал, я сам в этом убедился. А тем временем из-под деревьев выехал фальшивый броневик и занял на дороге место настоящего. Там его заметило бдительное око спутника. Чуть позже фургон был подогнан к отдаленному механомаркету и красиво сгорел. Игорь благополучно добрался до машины Кайзи, иначе бы он не бросал сейчас в свой грузовик ящики с деньгами.

А чем сейчас занимаются те, кого подняли по тревоге? Я надеялся, что мечутся без толку. Пожарные, наверное, поливают дымящиеся обломки. Полицейские ищейки готовятся ковырять спекшуюся гарь. Из свидетельских показаний они узнают, что сгорел банковский фургон. Еще больше суматохи, еще больше телефонных звонков. Да, броневик с деньгами уехал из такого-то банка. Нет, в такой-то банк он не прибыл. Новые звонки. Кадры со спутников отправят на экспертизу. К делу подключатся важные шиш-

ки. Легавые потеряют еще больше времени. Все — в строгом соответствии с планом. Слава богу, Игорь громоздит последние ящики. Пора сматывать удочки.

Тут я вспомнил: надо сделать кое-что еще. Забрался в бронированный кузов, раскрыл коробочку с пилюлями. Сунул каждому спящему охраннику в рот капсулу замедленного действия. Через четыре часа они растворятся и выпустят нейтрализатор сонного газа. Не хочу, чтобы кто-нибудь умер по моей вине. Охранники проснутся и, если к тому времени их не обнаружат, поднимут тревогу. Мне нужен всего час, чтобы благополучно скрыться. Иными словами, времени еще вагон.

Я достал металлическою фигурку, вырезанную из лучшей нержавеющей стали. Ругаясь, подержал секунду-другую в кулаке, бросил на пол. Кайзи предупредил меня, что произойдет, если эту вещицу не найдут на месте преступления.

Я осторожно спустился на землю, еще более осторожно поднялся в кабину пожелтевшего Игорева фургона. Напарник только что запер заднюю дверь.

— Поехали, — буркнул я, когда он устроился рядом на сиденье. — На платную автостраду. Я, может, усну по дороге. Запрещаю будить под страхом смерти.

Я дремал, пока мы не достигли платной трассы, встряхнулся, позевал и достал активатор катализатора. Впереди появилось отверстие пронизывавшего холмы туннеля. Как только мы въехали, я нажал на кнопку.

Мощный и продолжительный импульс радиоэнергии с длиной волны точно 46,8 метра превратил краску в тончайшую пыль. Она развеялась, и фургон обрел прежний грязно-потечно-розовый цвет. Полицейские обнаружат пустой броневик. Со временем они увидят на кадрах, снятых со спутников, как от места преступления отъехал желтый фургон. Если и сумеют проследить его путь аж до платной трассы, выяснится, что он бесследно исчез в туннеле. Идеальное преступление. Успокоив себя этими мыслями, я крепко уснул.

И проснулся незадолго до того, как мы въехали на феторрвильский склад. Там я вымыл и напоил накладное лицо, этим же бодрящим процедурам подверг и себя. Потом на негнущихся ногах добрался до койки. Погружаясь в сон, чувствовал на губах улыбочку. И правда, чистая работа...

— Преступление века — вот как это назвали.

Я открыл воспаленные глаза и увидел отвратительный силуэт Кайзи. Он бросил мне на грудь охапку распечаток. Я вяло порылся в них. На самом верху лежало фото мясистой чиновничьей пятерни, державшей металлическую крысу. Во всех до единого заголовках сквозила истерика.

«Преступная Крыса наносит удар в чертоге богачей!»

«Украдены миллионы!»

«Паника на финансовых рынках!»

«Повышаются страховые взносы!»

Еще бы не повышались. Но это — не моя проблема. Торопливо просмотрел остальные бумаги и на последней обнаружил нечто интересное. «Профсоюз организовал локаут на сталелитейном заводе». Гару Гуйлю удалось-таки сдвинуться с мертвой точки. Это навело меня на мысль, что Боливар все играет роль Человека-Мегалита. Что, в свою очередь, заставило глянуть на часы. В полночь надо позвонить ему. Я сбросил листы и не без усилий поднялся на ноги. Вся эта суета не потревожила Игоря, который сладко посапывал на своей койке.

— Ужасно выглядите, — сказал Кайзи.

— А чувствую себя еще гаже.

— Если вас увидят на улице в этом грязном спортивном тряпье, сразу заподозрят.

— И что прикажете делать?

— Наденьте. — Он вручил мне темно-зеленую спецовку. — Ступайте и приобретите что-нибудь рабочее. И тяжелые ботинки. Потом возвращайтесь сюда и ждите. Скоро получите новое задание. Отдайте карточку.

— Что? — Голова все еще была тяжелая. Однако от взбадривающих пилюль следовало временно воздержаться.

— Кредитную карточку, по которой расплачивались за фургон. Я не хочу, чтобы она и здесь засветилась. — Взамен он дал пачку банкнот. — Теперь будете платить наличными.

— Куда же мне идти? Я в этом городе впервые.

— Тут неподалеку механомаркет.

— Может, подвезете?

Он окинул меня брезгливым взором.

— Не думаю. Выйдя из склада, сразу поверните направо. И не слишком задерживайтесь.

— Ладно, ладно. Но разве дверь не запрется?

— Конечно, запрется. Игорь вас впустит.

Я сорвал надоевшую спортивную одежду, облачился в пролетарское, затем отмылся, насколько удалось, холодной водой над грязным обшарпанным умывальником, вытер накладное лицо, скормил ему остатки бульона из банки. Надо бы еще купить. Спецовка была поношенная, но чистая. К тому времени, когда я вышел, Кайзи уже удалился. Не видно было и его машины. Движение чуток оживилось по сравнению с ночью, но все машины проезжали мимо. Видать, ничто не соблазняло водителей в этих трущобах. На ближайшем углу светофор горел красным, на тротуаре топталось несколько пешеходов. Когда я к ним присоединился, ко мне повернулся молодой человек и сунул в руку карточку. Рекламный агент? Попрошайка? Я опустил глаза и прочитал: «Молчи». И

ниже: «Переверни». Я послушался и на другой стороне прочитал очень странное требование: «Дай телефон».

Это что, уличный грабеж? Впервые я внимательно посмотрел на незнакомца. Одет хорошо. Густой загар. Темная борода. Усы. Глубоко посаженные голубые глаза. Эти глаза я уже где-то видел...

Я задавил в горле возглас: «Боливар!» Он кивнул и протянул руку. Я отдал ему телефон и с превеликим интересом наблюдал, как он прижимает к нему двустороннюю присоску. Светофор переключился, машины поехали. Боливар прилепил телефон к заднему бамперу ближайшей. Мы провожали ее глазами, пока она не скрылась из виду. Я повернулся, открыл было рот, но снова прочитал на карточке: «Молчи». Боливар поманил меня в ближайший переулок. Там он достал индикатор шпионских устройств и обыскал меня. Выудил из моего кармана монету в пять кредитов, срезал пуговицу со спецовки и аккуратно поместил их в экранированный мешочек. И не произнес ни слова, пока его не завязал.

— Здравствуй, папа, — сказал он наконец. — Сначала я не был уверен, что это ты, но узнал по походке. Я очень рад! Между прочим, тебе идет новое лицо.

— Я тоже рад. Ты и сам неплохо замаскировался.

— Когда ты звонил в последний раз, я пустил по линии сигнал индикатора и обнаружил, что твой телефон на прослушке. Поэтому-то тебе и пришлось иметь дело с автоответчиком.

— Кайзи! Не иначе, подсмотрел, как я говорю по телефону.

— Наверное. Следящее устройство фиксировало все твои передвижения. Я все утро наблюдал за складом. Классическое ограбление, папа.

— Спасибо, я тоже так считаю. К сожалению, никакой прибыли оно нам не принесло. Я таскаю для Кайзи каштаны из огня. От мамы никаких новостей? — Я старался не подавать виду, что глубоко встревожен.

— Никаких. Но это не должно нас обескураживать. С нами Джеймс, и втроем мы горы своротим.

— Джеймс? Ты же должен был его остановить!

— Его остановишь! Ничего, папа, он прилетел под чужим именем. Финансовый ревизор от «Банко Куэрпо Эспесиаль».

— Это же крыша Специального Корпуса! Сюда. — Мы подошли к механомаркету. Жажда и голод включили у меня под ложечкой сигнальный звонок. — Сначала поедим, — сказал я, ведя сына в заведение с вывеской «Быстро-дешево».

Боливар не пожелал уничтожить по моему примеру наименее жуткое на вид блюдо — медведьбургер с жареной саранчой, но заказал голубое пиво. Прихлебывая, он рассказывал:

— Джеймс купил мне новую ксиву, и теперь я его помощник. Я ушел из ненадежного шоу-бизнеса, хотя там было весьма забавно. Но от поклонниц — нет отбоя. Был бы я холостяком... Мы неплохо

покопались в здешних базах данных и с неоценимой помощью Специального Корпуса составили на твоего работодателя неплохое досье.

— На Кайзи? Он и правда первый богач в галактике?

Я с трудом сжевал медведьбургер и выдернул застрявшую в зубах саранчовую ногу.

— Какое там! Пройти по его следу было легче легкого. Он вовсе не хозяин этих бесчисленных банков.

— Умно. Держу пари, вся эта мишура была нужна только для того, чтобы я подрядился работать в цирке.

Я отстукал на клавиатуре заказ еще на два пива — надо было утихомирить запрыгавших в желудке акрид.

— Цирк — тоже приманка. Я нанял на трех разных планетах частных детективов, имеющих прямой доступ к базам данных. Все, что мы накопали, — фикция, шито белыми нитками.

— Но на далекой планете все кажется убедительным, не так ли? И все же, зачем Кайзи взвалил на себя столько хлопот?

Боливар хлебнул пива и нахмурился.

— Ему было нужно, чтобы ты оказался на этой планете. А вот для чего — мы пока не знаем. Но есть кое-какие догадки. Первая: ему понадобилось совершить серьезные преступления, и он решил заручиться содействием профессионала. То есть твоим. И не пожалел труда, чтобы пристроить тебя в «Большой Бигтоп». Вторая версия: ты нужен в качестве шпиона. Как тебе известно, многие программы этого цирка служат прикрытием для различных межзвездных служб. Возможно, он хочет, чтобы ты за ними присматривал.

У меня шипели и дымились мозги. Заодно с желудком. Неподалеку стоял «Бар Ржавого Роби». Указав на него, я предложил:

— Давай-ка переберемся туда. Глотнем какого-нибудь противоядия от этого пива, да и саранчу надо утопить.

— Милости просим, милости просим, — услышали мы скрипучий голос, распахнув салунные дверки на пружинных петлях. — Милости просим, если, конечно, вам уже исполнилось восемнадцать.

— Мне уже исполнилось восемнадцать, — сказал я, — но иногда чудится, будто у меня мозги пятилетнего. Уму непостижимо, как это я клюнул на удочку Кайзи! Боюсь, я должен с тобой согласиться. Вся афера вместе с моими гонорарами и предполагаемыми ограблениями банков — всего лишь увертка, чтобы заманить меня на этот кошмарный Феторр, а после шантажом толкнуть на грязные делишки.

Я был мрачен, Боливар выглядел подавленным. Он кивнул. Мы расположились у стойки бара.

— Что желают господа? Есть отменная еда, и хмельного бьют ключи — от пивка до зигодактильей мочи, — соблазнял нас Ржа-

вый Роби. Это и правда был древний неухоженный механизм, весь в шляпках заклепок. Я посмотрел на ряды бутылок.

— А что, выбор недурен... Мне бы чего-нибудь от бешенства желудка.

— «Горькая настойка на фарше кольчатых червей». — Он вскинул растягивающуюся руку. Темная жидкость, ударяясь о стенки бокала, дымилась.

Я глотнул и рыгнул — жару из моего рта позавидовал бы дракон. Но «горькая» помогла. Правда, от депрессии не вылечила.

— Кто я теперь, если вдуматься? Всего лишь нержавеющая стальная марионетка преступного кукловода.

— Тут небольшой перебор, хотя в целом ты прав. Как бы то ни было, один фактик в деле твоего кукловода мне показался особенно интересным. В космосе у него есть кое-какое имущество, но ядро бизнеса — здесь, на Феторре. Частный банк — «Первый межзвездный вдов и сирот». Мы теперь о нем много чего знаем. Похоже, Кайзи нанял меня управляющим, чтобы легче было за мною следить. А затем ограбил собственный банк и подставил меня.

— И меня, после того как я обчистил этот банк во второй раз. Между прочим, все якобы украденное лежало в подполье под хранилищем денег.

— А вот еще более любопытный факт: этот банк теснейшим образом связан с мощной брокерской фирмой.

Я понял слова, но не их смысл — очень уж сильно шарахнули по мозгам кольчатые черви. Я счистил с языка их вкус и бросил его на пол.

— А ну-ка, повтори.

— Сначала Кайзи обворовывает собственный банк. Ему платит страховая компания — в сущности, он удваивает добычу. Затем он обчищает другой банк и выставляет виновным тебя. После чего шантажом вынуждает украсть для него целый броневик кредитов. Добычу прокручивает через своих брокеров. И получает новые инвестиции, новые кредиты.

— А он способный малый, надо отдать ему должное.

Я рассмеялся с подозрительной хрипотцой.

Боливар поднял бровь и обеспокоенно посмотрел на меня.

— Давай куда-нибудь пересядем. Пока тебя не сбросил вертящийся табурет.

— Давай. — Я заковылял, тяжело опустился на скамью в кабинке. — Прости. Я два дня, готовя ограбление, держался на бодрящих пилюлях. Не думаю, что они сочетаются с тутошним убийственным пойлом. Пожалуй, мне лучше вернуться. Как с тобой связаться?

Он достал блокнот и написал на красивом зеленом листе телефонный номер.

— Звони в любое время. Или я отвечу, или Джеймс. Но сначала не забудь проверить, нет ли «жучков».

Я запомнил номер и съел листок. Вкусом он напоминал перечную мяту, вдобавок бодрил. Наступил черед неизбежного напутствия.

— А ты ищи. Сейчас самое главное — выяснить, где прячут маму.

Он помрачнел.

— Знаю. Мы ищем, но пока — никаких результатов. Ни в банке, ни в брокерской конторе ее нет. Кроме подвала под хранилищем, мы не знаем ни одной потайной комнаты. Может, она где-нибудь еще в банке?

— Не исключено.

— Я загляну туда с датчиками.

— Загляни.

— Еще мы разведали, что у Кайзи здесь имеется холостяцкое гнездышко. Ночью я проник туда и успел обыскать, прежде чем сработала сигнализация. Мы тщательно следим за его передвижениями и пока не обнаружили другие владения или подозрительные места. Что ты думаешь о Санкисте-у-Моря?

— Это шанс. У Кайзи там офис и гараж, но я не заметил потайных комнат.

— Дай мне адрес. Я поищу как следует.

— Неплохая мысль.

Я написал адрес в зеленом блокноте. И приуныл еще больше. Говорить уже было не о чем. Я достал из мешочка электронных шпионов и помахал сыну рукой на прощание.

Глава 17

В механомаркете я выбрал какую-то неописуемую одежду, а заодно чистые простыни и покрывала. Было ясно, что в свинарнике Игоря я задержусь, так почему бы не провести эти дни в относительном комфорте? Желудку чуть-чуть полегчало, но въевшаяся в плоть и кость усталость никак не желала выветриваться. Подходя к складу, я еле ноги волочил, а поскольку ключа мне не доверили, пришлось колотить в дверь, пока не раздался недовольный голос:

— Игорь спит.

— Да? Игорь спит? А ты кто? Отпирай, идиот! Надо же было родиться таким дебилом!

Моим голосом говорили усталость и тревога. Обычно я веду себя осмотрительно, лишних неприятностей не ищу. И не смеюсь над чужими физическими недостатками. Просто в этот раз я ляпнул не подумав. И в ответ услышал нечленораздельный рык.

Когда я проходил мимо, он двинул мне в скулу кулаком.

Удар был не из тех, что убивают или калечат. Скорее чисто рефлекторный ответ человека, которого природа обделила умением жалить словами. И все же я растянулся на полу, покупки разлетелись в стороны.

Этот удар спустил с цепи давно копящуюся ярость. Злость на идиотскую, унизительную ситуацию, в которой я оказался. Возобладали рефлексы, выработанные за годы тренировок. Игорь стоял совсем рядом, и пинок в колено заставил его опуститься до моего уровня. Пока он падал, удар локтем в солнечное сплетение оборвал ему дыхание. У него явно пропала охота махать кулаками. Он лежал пластом и очумело таращился на меня.

Тут бы и оставить его в покое, но моя ярость едва не привела к трагедии. Не отдавая себе отчета, я обхватил его шею левой рукой, а правой сжал запястье. Удушающий захват. Продолжительное давление на дыхательное горло, остановка тока крови в сонной артерии. Сначала — потеря сознания, потом — смерть. А если вы куда-нибудь торопитесь, рвите как следует корпусом, и сломаете жертве позвоночник. Летальный исход не заставит себя ждать.

Но тут в моих глазах растаял красный туман. В считанных дюймах от моего носа находилось лицо Игоря — глаза выпучены, высунут язык. Еще секунда, и ему бы конец. Понадобилось чудовищное усилие воли, чтобы его пощадить. Я выронил Игоря и, тяжело дыша, встал. Его глаза были закрыты, но он по крайней мере хватал ртом воздух. Я дождался, когда он разлепит веки, и двинул ногой по ребрам — уже не со зла, а только чтобы привлечь к себе внимание. И сказал, почти сомкнув подушечки большого и указательного пальцев:

— Ты был на волосок от смерти. Вот на такой. Еще раз дотронешься до меня, и тебе крышка.

Я собрал покупки и отошел. Снова навалилась усталость. Последний выброс адреналина в кровь довел меня почти до изнеможения. Сказывалось и злоупотребление стимуляторами. Я свалил все на кровать и едва нашел в себе силы, чтобы не повалиться сверху. Не хотелось заснуть к тому времени, когда Игорь очухается и в его студенистых синапсах забрезжит мысль о возмездии. Я накормил лицо и огляделся.

Впервые я разведывал складские недра. Кругом — хаотичные залежи и грязь, а в задней стене дверь, полузаваленная пустыми металлическими бочками. Я их откатил и обнаружил бронированный мотоцикл — несомненно, из тех, что участвовали в ограблении банка. Я отодвинул его, отворил дверь и увидел маленькое конторское помещение. Свет проникал через единственное оконце, зарешеченное и затянутое паутиной. Мне все это показалось очень даже привлекательным. Отражая натиски слабости, я придвинул к

стене обшарпанный стол и вернулся за своей койкой. Игорь куда-то скрылся, но я по нему не скучал. Тратя последние крохи энергии, я перетащил койку в комнатушку; казалось, это отняло часы. Дверь отворялась внутрь, замок на ней отсутствовал, и нечего было подставить под ручку. Опираясь на нее, я огляделся. Стол! Он достаточно тяжелый — задержит, если кто-нибудь попытается войти. За это время я успею проснуться. Выбиваясь из сил, я придвинул стол к двери. Как только дерево ударилось о дерево, я рухнул на койку, прямо на свертки. Я выдохся.

Когда проснулся, свет за окном мерк. Во рту пересохло, губы спеклись. Я вспомнил, что купил самоохлаждающееся пиво, и торопливо содрал крышечку с одной из банок. Заклокотал фриз, стенки запотели. Изрядный глоток вернул меня к жизни. Я в один миг осушил банку. Несравненное облегчение! Почал вторую банку и едва успел пригубить, как снова навалилась усталость. Потянуло в сон.

Громкий стук в дверь ничуть меня не взбодрил. Я внимал ему сквозь сон и не реагировал. Очнулся, лишь услышав шум отодвигаемого стола.

— Стой! — вскричал я и сразу об этом пожалел — череп сдавило стальным обручем. Но полегчало, едва прекратился скрежет.

— Босс зовет.

— Передай, что иду, — ответил я хриплым шепотом.

Я сунул голову под струю холодной воды. Помогло, но лишь самую малость. Вытершись полотенцем и прилепив накладную физиономию, я пошел встречать босса. Он внимательно меня осмотрел, но воздержался от колкости. Только скривил губу. А затем подошел к столу, хранящему многочисленные жирные следы Игоревой кормежки. Решительно смахнул объедки на пол.

— Игорь, наведи здесь порядок.

Кайзи сел в кресло и подождал, пока скудоумный ворчун распинает мусор в стороны. Стало ненамного чище. Игорь улегся на койку и вперился в телевизор. Кайзи поманил меня пальцем. Я обошел кресло, чтобы не поворачиваться спиной к Игорю, сел.

— Что вам известно об облигациях на предъявителя? — спросил Кайзи.

— Это что, от слова «облегать»? Прозрачная дамская одежда?

— Или вы имбецил под стать Игорю, или решили отточить на мне остроумие. Ни то ни другое до добра не доведет. Я говорю о ценных бумагах.

— А-а, ценные бумаги. Так бы сразу и сказали. Ничего мне о них не известно.

На самом деле я знал, что такое облигации. Но видел, что Кайзи собрался прочитать лекцию, и решил не лишать его этого удовольствия.

— Так вот, облигации, о которых вы почему-то, дожив до почтенных лет, не знаете, — это сертификаты, удостоверяющие, что их владелец может претендовать на некоторую долю государственного дохода, или дохода того или иного предприятия, например авиакомпании, или какой-либо корпорации, или даже физического лица. Как правило, на облигации указан подлежащий выплате фиксированный процент. Он должным образом регистрируется при факте выпуска и продажи, а сведения о покупателе и продавце в дальнейшем тщательно хранятся. При перепродаже эта процедура обязательно повторяется. Но облигации на предъявителя — совсем другое дело. Никаких имен. Эти бумаги легко покупать и продавать, для их владельца они удобны почти как наличные. Представляете, о чем я говорю?

— О бумажке, которая для ее хозяина равнозначна куче денег.

— В сущности, да.

— Держу пари, вы знаете, где этих облигаций куры не клюют, и хотите с моей помощью наложить на них лапу.

— Грубо говоря, это так.

— Хорошо. Но прежде, чем об этом зайдет речь, я хочу узнать последние новости об Анжелине.

— Она прекрасно себя чувствует и шлет вам воздушные поцелуи, — ответил Кайзи с потрясающе омерзительной улыбкой.

— Хватит зубы скалить, аферист несчастный! Мне нужны не тупые шуточки, а твердое доказательство. — Я огляделся и увидел в мусоре на полу принесенные им распечатки с заголовками о нападении на бронированный фургон. Схватил, стряхнул пыль с верхнего листка и сунул его Кайзи под нос.

— Берите. И принесете мне видеозапись, как вы вручаете этот лист моей жене. Пускай она его прочитает и подержит перед камерой. А потом скажет о чем-нибудь, известном только мне и ей. Я должен убедиться, что это не монтаж, ясно? Так и передайте. Она что-нибудь придумает.

Он задумчиво пожевал нижнюю губу, затем отрицательно покачал головой.

— Предвижу затруднения и напрасную трату времени. Это невозможно.

— Позаботьтесь, чтобы это стало возможным. Не дождетесь от меня никаких преступлений, пока не докажете, что она жива и здорова.

Он и над этим поразмыслил и наконец сообразил, что я не шучу. Я и правда не испытывал желания помогать ему без достаточных гарантий.

— Так и быть, устрою. Но вы в качестве ответной услуги должны тщательно изучить планировку одного здания. Настолько тщательно, чтобы потом не заблудились в нем даже впотьмах.

Почему бы и нет? Терять мне было нечего.

— Ладно. Что тут у вас?

Он достал из «дипломата» компьютер-пальмтоп, поставил его на стол между нами.

— У меня есть «крот». Несколько лет назад я запустил его в эту лавочку, и он зарылся очень глубоко. И постоянно фотографировал. — Кайзи напечатал команду, и перед нами появилось голоизображение огромного белого здания. Исполинский цоколь поддерживал множество колонн. За колоннами лестница вела к парадному входу, и, когда пошел наплыв, я прочитал высеченные на мраморе слова над дверью: «Центральная планетарная сокровищница».

— Так-так. Позвольте-ка мне самому догадаться. Где-то в чреве этого монетаристского мавзолея кроется комната, битком набитая облигациями на предъявителя.

— Верно, — сказал Кайзи.

— Парадный вход, — изрек компьютер густым мужским басом.

— Когда мы расстанемся, погуляйте по этому зданию. Вам поможет программа виртуальной симуляции. Хорошенько все запомните. Поотворяйте и позатворяйте двери. Надеюсь, к моему возвращению научитесь вполне сносно ориентироваться. Когда управитесь с этим, я скажу, что мне от вас надо.

Я подумал секунду-другую и кивнул.

— Согласен. Езжайте, я никуда не денусь.

Он хотел встать, но я удержал.

— Игорь примет в этом участие?

— Думаю, примет. Да, пожалуй, он пригодится.

— Тогда хорошенько припугните его. Он посмел меня ударить и получил сдачи. Хорошей сдачи. Попробуйте втолковать придурку, что ему конец, если еще раз поднимет на меня руку.

— Игорь! — вскричал хозяин.

Наш неотесанный компаньон оторвался от телевизора. Встал и, шаркая, приблизился.

— Кажется, у вас с Джимом возникли разногласия?

— Не нравится он мне.

— Мне тоже. Но мы вынуждены работать вместе. Ты будешь за ним присматривать, охранять. Если с ним что-нибудь случится, то же случится и с тобой. А попытаешься сбежать, я тебя найду, не сомневайся. Помнишь, что было в прошлый раз?

На физиономии Игоря нарисовалось глубокое раскаяние. Он теребил штаны и нервно озирался. Наконец прошептал:

— Помню...

— Вот то-то. Давай постараемся, чтобы это не повторилось. — Кайзи повернулся ко мне. — С ним у вас больше не возникнет хлопот. Даю одни сутки. К моему возвращению вы должны изучить это здание как свои пять пальцев.

— Изучу, только принесите видеозапись. И вот еще что. Мне нужен ключ от двери. Не могу питаться теми же помоями, что и ваш любимчик.

Кайзи, не колеблясь, уронил на стол ключ и вышел. Я повернулся к компьютеру.

Здание меня заинтересовало. А почему бы и нет, если учесть, какие ценности там хранятся? Прогулявшись по всем легкодоступным помещениям и научившись без труда ориентироваться, я начал заглядывать в некоторые любопытные хранилища. Банкноты, новенькие монеты, залежи пряностей и бульона. Экскурсия успокаивала.

Часа через два я узнал достаточно, чтобы удовлетворить своего нанимателя. Я зевнул и потянулся. Пора хлебнуть пивка. Или позавтракать. Или совместить эти приятные занятия. А главное, пора поговорить с близнецами.

Когда я пошел к двери, Игорь поднял голову, но тут же съежился и уставился на экран. Мне его было почти жаль. Ящик издавал тонкие стоны и вопли, и я поспешил отвести глаза, потому что не желал углубленно изучать Игоревы вкусы.

Я бродил в дебрях механомаркета, пока не наткнулся на ресторанчик с настоящим метрдотелем. Впрочем, возможно, это был хорошо замаскированный робот.

— Добрый день, сударь. Вы как раз к ленчу. Сегодня у нас фирменное блюдо — бифштекс из настоящего, генетически восстановленного бронтозавра юрского периода. Мясо очень постное, сами скажете, как прожарить. Обычная порция — ровно килограмм, но для серьезно проголодавшихся — любой вес. Десять, двадцать, тридцать кило...

Я остановил его взмахом руки, боясь окончательно потерять аппетит.

Но готовили роботы хорошо, быстро обслуживали, наливали вкусные напитки и носили вкусные закуски. Я хорошенько подкрепился и пошел к знакомому прилавку. На этот раз я купил самую дешевую модель телефона, затем нашел в переулке укромное местечко. Но прежде чем звонить, бросил на землю «жучков» и отошел подальше.

— Папа! Как я рад тебя слышать! Мы проследили за Кайзи от склада, но потеряли его на платной трассе.

— Он едет на север?

— Точно.

— Так я и думал.

Я рассказал о том, какое условие поставил перед Кайзи, и о том, что готовлю новое преступление.

— Думаю, он поехал в Санкист-у-Моря. Как пить дать, там у него резиденция. Когда он сказал, что не скоро сможет привезти запись, я убедился: Анжелина не здесь, не в этом городе.

— И что же нам делать?

— То же, что и сейчас. Действуйте быстро и присматривайте за ним. Но не допускайте, чтобы он вас заметил.

— Мы можем предложить кое-что получше. За этой суперсвиньей буду следить я, Боливар. Что позволит нашему компьютерному гению Джеймсу слегка пошарить по базам данных Санкиста-у-Моря. Поглядим, вдруг да удастся что-нибудь выяснить об имуществе твоего босса.

— Блестящая мысль. Позвоню завтра, когда узнаю побольше о новой ступеньке моей преступной карьеры.

Я бросил телефон в урну, подобрал «жучки» и сунул в карман.

Мальчики меня ободрили — я позарез нуждался в их помощи и убедился, что они не подведут. Но угнетала мысль, что Анжелина по-прежнему в опасности. С другой стороны, я славно подкрепился, по кровеносной системе мигрировали животные белки. Впрочем, огорчало, что надо возвращаться на склад, в общество дебила. Такой теплый солнечный денек, гулять бы и гулять по аллеям. На глаза попался бар на открытом воздухе — самое то. Несколько кружек пива мне никак не повредят.

У входа стояла газетная машина — не так уж часто встречается подобный реликт в нашей галактике высоких технологий. Я попытался вообразить бедняка, которому не по карману компьютер с функцией распечатки новостей, и не сумел. Но здесь, на Феторре, таких бедняков хватало — вещественное доказательство тому я получил, бросив в щель машины монетку.

Я потягивал пиво и читал газету. Новый всплеск истерии по поводу преступлений одиночки, а также совершенно мифическая биография Стальной Крысы. Оказывается, на моей совести — все крупные злодеяния последних сорока лет. В середине таблоида я нашел статью под заголовком: «Седьмой день забастовки» и понял, что Гар Гуйль времени зря не теряет. Пьюссанто тоже не сидел сложа руки: «Налоговый скандал бьет по видным банкирам». Увы, все это не имело отношения к Кайзи.

Упоминание о банкирах побудило меня заглянуть на финансовую полосу. «Репутация банков катастрофически падает». «Феторрская валюта на грани коллапса». «Стремительный рост муниципальных долгов».

Я зевнул. Все-таки хорошо, что в нашей семье банкир не я, а Джеймс. Читать такие заголовки — тоска зеленая. Я нашел трехмерный кроссворд и достал стило.

Глава 18

Это было чем-то вроде отгула. Можно отдохнуть душой и телом, чего со мной не бывало со дня катастрофического выезда на пикник. С того дня, когда в мою жизнь с возмутительной наглостью

вторгся Кайзи. Увы, памятуя о том, что Анжелина все еще узница, я так и не сумел расслабиться как следует. Но пытался. Сколько мог, просидел над газетой. Потом отбросил ее и крайне неохотно вернулся на склад. Унес компьютер Кайзи в свою келью и там несколько раз от начала до конца прогнал программу виртуальной симуляции, чтобы зарубить на своем носу планировку сокровищницы. После чего переключил компьютер в телевизионный режим и выяснил, что к моим услугам свыше тысячи телестанций. Вскоре выяснилось, что показывают в основном всякую дребедень. Кому из великих принадлежит мысль, что в нашей вселенной гораздо больше мусорщиков, чем университетских профессоров? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы угадать, кто сляпал большую часть этих телеопусов. Братья Игоря по разуму. Но я не сдавался, сорил деньгами Кайзи и наконец нашел исторический канал. Со всякой всячиной о заселении планеты и уничтожении туземных форм жизни. Все это я просмотрел с откровенным любопытством, поскольку знавал не так уж много форм жизни, которые заслуживали бы уничтожения.

На следующее утро появился Кайзи, в руке он держал «дипломат».

— Наш план меняется.

— Еще бы он не менялся. Никаких разговоров, пока я не посмотрю ваше домашнее видео. Давайте сюда.

Он достал диск, я вставил его в компьютер. Засветился экран. И я с облегчением улыбнулся. До сей минуты я и не подозревал, как туго натянулись мои нервы.

— Здравствуй, Джон, — сказала Анжелина. — Как видишь, у меня все в порядке. У Глорианы тоже.

Я услышал тихое хрюканье — свинка отозвалась на кличку.

— Правда, кажется, я тут без гимнастики набираю вес...

— Ты выглядишь шикарно! — вскричал я.

— Вот заметка, которую ты хотел увидеть. Об успешном преступлении века — ни больше ни меньше. Поздравлять не буду. Как я понимаю, всю прибыль загреб этот мерзкий тип, который держит камеру. А ну, выключи! — добавила она. Изображение пропало. В следующий миг Анжелина снова появилась на экране. — Прошу прощения за эту паузу. Надо было убедиться, что некие лица не сфальсифицировали предыдущую часть моего интервью. В нашу эпоху технологических чудес это пара пустяков. А о том, чего нельзя подделать, известно только нам с тобой. Поэтому вернись мыслями на многие годы, к нашей первой встрече. Я всегда носила на шее медальон. Ты помнишь, что в нем было?

Да разве ее забудешь? Фотографию, увиденную мной мельком за секунду до того, как ее уничтожила Анжелина? На этой фотографии была она, вернее, ее предыдущая, скажем так, инкарнация. Не красавица и даже не хорошенькая. И тогда я с легкостью понял, почему ее глубоко уязвленное прежнее «я» вступило на стезю преступлений. Пластическая операция требовала огромных денег. С тех пор и до сего дня мы больше никогда не говорили об этом снимке. И сейчас Анжелина упомянула о нем далеко не случайно.

В ее словах есть скрытый смысл. Нетрудно представить, что она чувствует в своем узилище.

— Моя фотография. Будь осторожен, милый.

И она исчезла.

— За работу, — опечаленно произнес я.

— Как я уже сказал, наша стратегия требует корректив. Облигации на предъявителя прождали долго, могут и еще подождать. Сначала выполните другое задание.

— Секундочку, секундочку! Когда же это кончится? Сколько еще будет подобных заданий до конца нашего плодотворного сотрудничества?

Кайзи почесал подбородок.

— Справедливый вопрос. Не хочу вас расстраивать намеками, что намерен бесконечно держать кое-кого в рабстве, а кое-кого в плену. Мои деловые операции близятся к благополучному завершению. Если четко исполните приказы, гарантирую, что изъятие облигаций — ваша последняя миссия. Затем получите свободу. И я буду настаивать, чтобы вы покинули эту планету.

— Один?

— Ну, что вы. Вместе с супругой подниметесь на борт космического лайнера, и я помашу вам ручкой.

Я не поверил ни единому слову. Но выбирать было особо не из чего. Как говорится, довольствуйся тем, что дают.

— Ладно. Что теперь?

— Атомная энергия и выработка электричества. Сила, вращающая колесики нашего технологического общества. Что вы о ней знаете?

— Ничего. Кроме того, что нажимаешь на кнопочку и зажигается...

— Взгляните. — Он раскрыл «дипломат» и достал кипу чертежей и карту. — Это атомная электростанция на острове Сикузоте. Вот он на карте. Совсем рядом с южным берегом материка, за одноименным проливом. Доберетесь туда...

— На чем?

— На магнитолевитационном поезде. Сядете на центральном вокзале, пересадок не будет. Я дам новый паспорт с фотографией вашего накладного лица. Прибудете под видом туриста. Южный берег славится галечными пляжами, незамысловатыми развлечениями, а также игорными домами курорта Шварцлеген. Эти места очень популярны среди рабочих, они там проводят отпуска.

— А разве они не ездят на север, в солнечный и радостный Санкист-у-Моря?

— Нет. Там им не рады.

Непоколебимое чванство! Нет, иронией его не прошибешь.

— На юге часты дожди, поэтому пляжи обычно пустуют. Но, как вы догадываетесь, в злачных местечках под крышей жизнь бьет ключом. Одно из таких развлечений, не требующих зонтика и резиновых сапог, — обзорная экскурсия по атомной электростанции. Она очень популярна, вдобавок бесплатна. И вы на ней побываете.

— Кайзи, послушайте, нельзя ли хоть намекнуть, к чему вы клоните? Там же нечего красть. Или я ошибаюсь?

Он откинулся на спинку кресла и задумался.

— Вы правы. В отведенной вам роли нет ничего финансового. О *денежной стороне позабочусь я. Вы осуществите несложную* промышленную диверсию.

— То есть? Взорву или расплавлю ядерный реактор?

— Да. Именно это я и задумал.

— Исключено! — Я вскочил на ноги и нервно заходил по комнате. — Не мое амплуа! Буду шататься около реакторов — кончу тем, что засвечусь во тьме.

На него эти слова не произвели впечатления.

— Помолчите. Сядьте. Посмотрите вот на это.

«Этим» оказался поэтажный план электростанции, испещренный совершенно непривлекательными надписями, такими, как «радиоактивные отходы», «хранилище тепловыделяющих элементов», «реакторный зал».

— Вы должны прекратить подачу энергии с этого генератора.

— На какой срок?

— Как минимум на несколько недель. Лучше — на несколько месяцев. *Реактор обеспечивает потребности Феторра в электричестве почти на треть. Его остановка неизбежно скажется на финансовой ситуации.*

До меня вроде бы начало доходить.

— Все-таки опять деньги? Ай да Кайзи, ай да хитрец! Если верить газетам, для старой доброй феторрской экономики наступили тяжелые времена. Беды сыплются на нее как из рога изобилия: ограбления банков, падение курса валюты, брожение в умах рабочего класса. А тут еще энергетический кризис. Допустим, кто-то заранее знает о неизбежности этого кризиса. Так почему бы прозорливцу не скупить акции неядерных электростанций? А потом за эти акции он выручит кучу денег. Я правильно рассуждаю?

— ДиГриз, вы даете слишком большую волю воображению. Сосредоточьтесь на том, что вам поручено, а о финансах и кризисах

предоставьте думать мне. Итак, каким способом вы собираетесь остановить подачу энергии?

— Ни малейшего представления. — Я рассмотрел чертежи на просвет, но и это не подстегнуло фантазию. — Если остановить реактор, электричество не пойдет наверняка. Но это самый крайний вариант. Очень уж хлопотно проникать на станцию, минуя охрану и сигнализацию. И что потом? В такой технологии я ни бум-бум. — Я сложил чертежи. — Есть идея. Я появлюсь там под видом туриста и сориентируюсь на месте. Потом позвоню вам. Возможно, мне понадобятся кое-какие материалы. Сможете прислать их грузовиком?

— Грузовиком — слишком долго. Магнитолевитационный поезд в таких делах куда эффективнее.

Он поразмыслил, извлек из кармана пластмассовый цилиндр.

— Это еще что?

— Плайтекс.

Он подал цилиндр, я не без колебаний взял. Как-никак самая мощная взрывчатка из известных в галактике. Я знал о ее существовании, но ни разу не пользовался. Потому что не принадлежу к числу любителей подрывать все кругом.

— Надеюсь, она устойчива?

— Как глина. Хоть стреляй в нее, хоть поджигай, хоть топчи. Только это способно ее инициировать.

Он вручил мне дисковидный электронный взрыватель с выступающим из него шипом.

— Поставьте на часовом механизме нужное время. Проткните шипом пластмассовый контейнер. И бегите со всех ног. Ясно? Отлично. А теперь кладите ее в чемодан, а еще прихватите что-нибудь из одежды. Уезжайте сейчас же. Жду доклада самое позднее утром.

Я открыл рот, но тут же закрыл, сообразив, что протестовать бесполезно. И к тому же мне вряд ли повредит небольшой отдых в гостеприимном Шварцлегене.

Кайзи сам отвез меня на вокзал. Дал новый бумажник и телефон. И кое-какие инструкции. Я согласно кивал, но не слушал. Я уже знал, как буду действовать. Меня ждет риск, возможно смертельный. Но я не сомневался в благополучном исходе.

Как только поезд выбрался на южную равнину, зарядил дождь. Ландшафт вмиг помрачнел, утратил привлекательность. Мокрые черные камни громоздились на мокрые черные камни, и над всей этой унылой картиной носились черные тучи. Но унынию поддался я один, остальные пассажиры азартно состязались, кто наклюкается первым. Конечно, я имею в виду мужчин. Женщин было мало, а детей — по пальцам пересчитать. В каждом вагоне имелся

бар, и бармену скучать не приходилось. Я уже понял, что этот поезд — не для семейного отдыха. Зато он идеально подходил крутым парням, которым необходимо выпустить лишний пар и бросить на ветер честно заработанные кредиты перед возвращением к любимой фабричной трубе.

Через несколько часов мы оказались в раю для трудяг. Железнодорожные платформы шварцлегенского вокзала упирались в море. Высокая набережная в обе стороны уходила до горизонта. Я держался за перила и смотрел под дождем, как черные волны набегают на черную гальку. Отступая, вода с громом уносила камешки. Небеса тоже не молчали. Они силились оглушить меня раскатами и вдобавок слепили молниями. Вот еще одна сверкнула над бурунами. В черных разводах неба мелькнула бледная суша. И силуэты низких, кучно стоящих зданий. Остров Сикузоте со своей атомной электростанцией. Я повернулся к морю спиной и окинул взором ряды построек на набережной. Парки аттракционов, бары, рестораны, снова бары, гостиницы, опять бары, галереи игровых автоматов, бары, сувенирные лавки, бары, таксофоны, бары. Намек ясен. Под дождем я торчать не буду. Зайду в ближайший бар и закажу пивка. Но сначала свяжусь с Боливаром.

Автоматизированный магазин электронных приборов предлагал большой выбор противошпионских устройств. Я напихал денег в прорезь, забрал покупку, включил, обыскал сам себя. Индикатор пищал, как электронный пинбол. Видать, Кайзи мне совсем не доверяет. Монеты, пуговицы, диски, даже гвоздь в новом ботинке. Ну и конечно, «жучок» сидел в любезно предоставленном им телефоне. Не передать, до чего же надоела мне эта неусыпная забота. Я вышвырнул в океан все шпионские штучки, купил новый телефон, сунул его в чемодан и направился к ближайшему бару. Там взял пиво и нашел свободную кабинку. Это было несложно — бар пустовал. Я достал телефон. После третьего гудка ответил Боливар.

— Папа, рад тебя слышать. Порадовать пока нечем, мы еще не нашли в Санкристе-у-Моря дом Кайзи, но Джеймс роет носом землю. А у тебя как дела?

— Путешествую. У меня новое задание.

Я рассказал о намеченной диверсии с моим участием.

— Мне это не нравится. Наверное, ты не откажешься от нашей помощи?

— Пока нет необходимости, но за предложение спасибо. Если эта затея в принципе осуществима, я, наверное, справлюсь сам. Ты лучше вот что сделай. Запиши этот номер и позвони, когда будут результаты.

— Понял. Береги себя.

Беречь себя? Я поразмыслил над пожеланием и решил, что оно скорее всего неосуществимо. И отключился от линии. Заменил сигнал с гудка на вибрацию. Допил пиво, взял чемодан и подошел к стойке.

— Ну и погодка, — сказал я старшему бармену.

Он протирал стакан и зорко присматривал за своими робофициантами.

— Тут всегда так.

Утешил, ничего не скажешь.

— Народу маловато.

— В этот час — да. Ничего, к вечеру наберется, дождь пригонит.

— Я слыхал, тут экскурсия есть. Про электричество.

— Да, по Вольт-сити. Скучища. Но хоть сухо. — Он поставил идеально чистый стакан, взял другой. — Вон там, у пристани, паром. Отправление через каждые полчаса. Без выходных.

— Заманчиво, — неискренне обрадовался я.

— Хотите, здесь оставайтесь, выпейте чего-нибудь. Дело ваше.

— А можно оставить чемодан?

— Десять кредитов.

Я переложил телефон в карман, бармен забрал чемодан и спрятал под стойкой.

— Мы открыты круглые сутки.

Я снова вышел под дождь. Интересно, когда-нибудь он прекратится? Вряд ли, судя по тому, как азартно ветер гоняет воду во все стороны.

У пристани опасно кренился на волнах крошечный паром «Мисс Киловатт». Уважения он не внушал, как и уверенности в благополучном возвращении из плавания.

Дождь вдруг унялся. Если бы еще и ветер...

— Добро пожаловать на борт «Мисс Киловатт». — Замученная скукой девица в мундире цвета электрик вручила мне буклет. — Через несколько минут мы отправимся на великую электрическую экскурсию. Это будет лучшая экскурсия в вашей жизни. — Говорила она монотонно и в нос, а в голосе звучала смертная тоска. Я прошел на полубак и опустился на мокрую банку. Разницы никакой, я и так уже промок до нитки. Я полистал буклет, затем сел на него. Не спасает. Чуть погодя в чреве «Мисс Киловатт» заурчало, и мы медленно отвалили от пристани.

Вскоре мне удалось худо-бедно рассмотреть свою цель. В белую морскую пену врезался каменистый берег длинного острова. На берегу гроздь белых зданий примыкала к сооружению покрупнее и повнушительнее. Над ним высилась длиннющая дымовая труба, из ее жерла сочился и расстилался над сушей дымок. Как пить дать, вместе с дымом на город оседала радиоактивная грязь. С дальней окраины к массивной башне на противоположном берегу пролива тянулись черные толстые провода. По этим проводам на материк

бежали несметные полчища джоулей и ампер. Вдохновляющее зрелище, ничего не скажешь.

Плавание оказалось трудным, но, к счастью, коротким. С превеликой радостью влился я на берегу в небольшую толпу. Вместе с нею пошел по пристани к зданиям. Широкий вход встречал нас головокружительным мельтешением огней и скрипучей электронной музыкой.

— Добро пожаловать! — произнес жестяной голос. — Добро пожаловать на великую электрическую экскурсию! Внутри вас ждет гид, он расскажет о том, каким образом наш атомный генератор превратил этот мир в лучшую жемчужину вселенной.

Мы гуськом потянулись в узкий вход, минуя охранника в мундире. Он держал в руках счеты и щелчком отмечал прохождение каждого из нас. Впрочем, не каждого. Женщина с маленькой дочкой щелчка не удостоились. Экскурсантами здесь считались только лица мужского пола. Я пригляделся к охраннику. Он щелкнул и посмотрел в распечатку.

— Номер пятьдесят, — громко произнес он и улыбнулся. — Сегодня у вас счастливый день. Вы выиграли ценный приз стоимостью в двести кредитов.

И вручил мне позолоченный диск с изображением молнии, указав на дверь с таким же символом.

Ужасно не хотелось отрываться от группы, но протестовать я не посмел. Кротко взял диск и пошел вслед за охранником. Дверь затворилась за нами с подозрительным лязгом.

— Вот, Джюка, последний на сегодня, — сказал мой поводырь другому охраннику. Тот открыл дверь, за которой оказалась еще одна, решетчатая. Сквозь решетку я увидел комнату, а в ней — нескольких субъектов самого удручающего вида.

— Что происходит? — всполошился я. — Не пойду туда!

И, не успев договорить, почувствовал, как мне в копчик уперся ствол пистолета. Джюка отстегнул от пояса электродубинку.

— Пойдешь, — произнес он не терпящим возражений тоном. — Ты, как и эти джентльмены, вызвался поработать один час в ночной смене. За что и получишь двести кредитов.

— Поработать? Что за работа?

Интересно, сумею ли я вырвать пистолет?

Один из калек, весь в язвах и струпьях, уже стоял у решетки, держался за брусья и таращился на нас с откровенным наслаждением.

— Работа простая, увидишь, — сказал позади охранник. Он шагнул в сторону, на безопасное расстояние от меня, но пистолет не опустил.

Человек за решеткой рассмеялся. Это был тот самый смешок, который во всей галактике называют ехидным.

— Если поверишь, то ты — круглый болван. Хочешь знать, что это за работа? Убирать радиоактивные отходы. За час нахватаешься рентген на всю оставшуюся жизнь.

Глава 19

— Эй ты, закрой пасть, иначе будут неприятности!

Джюка замахнулся на калеку электрической дубинкой.

Тот снова рассмеялся:

— Неприятности? Что может быть неприятнее лучевой болезни?

Он яростно затряс решетку, но та даже не шелохнулась.

Отвлекай внимание! Я еле заметно повернул голову и увидел стоящего рядом охранника. В запертой комнате поднялся шум. Пистолет не колебался, но я заметил, что его хозяин смотрит на своего напарника. И тут ребро моей ладони со всей силы рубануло ему по запястью.

Он взвизгнул от боли, пистолет упал на пол. Охранник резко наклонился за оружием, а я, продолжая разворот, треснул его другой рукой по шее. Затем крутанулся на сто восемьдесят градусов и оказался лицом к двери, через которую мы вошли. Схватился за ручку, рванул на себя, выскочил.

Все заняло считанные секунды. Группа туристов уходила, вестибюль был почти пуст. В его конце я заметил последних экскурсантов. Никто не смотрел в мою сторону. Я пошел быстрым шагом, подавляя соблазн побежать к выходу. Снаружи больше шансов скрыться. Там море, пристань, паром. Нет, не самая блестящая идея. В любую секунду из комнаты выскочат вооруженные охранники. И сразу ринутся к выходу. Я догнал группу.

Да, если бы я вышел наружу, меня бы схватили. Тут никаких сомнений. Паром не спасет, еще меньше смысла в беготне по острову. Есть способ получше. Охрана не сразу догадается, что я не выбежал из здания, а как ни в чем не бывало отправился на экскурсию.

Я шагал за остальными посетителями. Коридор расширился и превратился в зал, где тускло горели лампы и золотисто светилась стена. Гид уныло бубнил заученный монолог:

— Первое, что бросается в глаза на этой поражающей воображение выставке, — неоспоримое господство нашей атомной электростанции над ее меньшими сестрами. Предназначение реактора на острове Сикузоте — поставлять электроэнергию за самую что ни на есть символическую цену. Здесь видно, сколь эффективна и чиста наша технологическая цепочка...

Поводырь знай бубнил, а экскурсанты пялились на модели и мигающие лампы. Я украдкой поглядывал через плечо и старался, чтобы от входа в зал меня отделяли люди. Кто-то бежал к выходу из

здания, доносились вопли. Несколько экскурсантов повернули в ту сторону головы, а я пробрался в середину толпы.

В противоположной стене зала я заметил проем и сообразил, что вскоре экскурсовод поведет нас туда. Я неторопливо сменил курс. При этом регулярно поворачивался, как будто разглядывал панораму. Но и оборачиваясь, пятился. И вот я в коридоре. Никто не смотрит в мою сторону, и темнота не позволяет заметить меня из другого коридора. Я медленно скрылся за углом.

— А теперь, Джим, соображай быстрей, — пробормотал я на ходу.

В коридоре пусто. Надолго ли? Любой, кто попадется навстречу, вмиг определит чужака. Если меня заметят, остановят, потребуют документы — все пропало!

Никаких дверей на пути. Только подсвеченные диорамы в стенах, славящие ядерную мощь. Исполинские машины, мужественные строители, жаркие электроны. Я быстро прошел мимо. Коридор заканчивался эскалатором, ступеньки со скрежетом тонули в недрах здания. Спуститься? Спрятаться под эскалатором? Глупо, меня легко найдут. Надо идти дальше. Я шагнул на ступеньку, затем побежал со всех ног. Еще наверху успел заметить в самом конце коридора дверь.

А на ней — табличку. «Только для сотрудников».

Моя группа все еще в первом зале. Никто пока меня не заметил. Я должен стать сотрудником. Быстрый поворот отмычки. Впереди — туманная мгла. Я колебался.

— А сейчас, если вы последуете за мной...

Я скользнул в темноту и затворил за собой дверь. Услышал щелчок замка. В течение долгого прерывистого выдоха осмысливал, сколько же времени воздух стоял в легких.

Пока я в безопасности. Затравленный зверь нашел укрытие. А ведь только что я бежал куда глаза глядят, бежал не думая, движимый одним лишь страхом.

— Хорошая работа, Джим, — похвалил я себя хриплым шепотом. Чуточку приободриться совсем не вредно.

А еще не вредно призвать мозги к порядку. Я попытался представить, что творится снаружи. Сигнализация молчала — похоже, за мной охотились втихую. Сначала охрана вопила и бестолково носилась, затем за дело взялся кто-то из начальников, умеющих соображать. Администрация не желает беспокоить посетителей, не привлеченных к чистке радиоактивных конюшен. Кто-то вовремя смекнул: если задержать паром, я застряну на острове. Значит, в первую очередь охранники позаботятся о плавсредстве. Когда его обыщут и не найдут меня, кто-нибудь вспомнит об экскурсии. Группу проверят, и на это тоже уйдет время, ведь меня отчетливо разглядел только один человек — вырубленный мною охранник. Его придется оживить и послать вдогонку за

экскурсантами. Но меня среди них не обнаружат. Зону поиска расширят до границ острова, и в нее неизбежно попадет это здание. Что потом?

Держаться подальше от двери, вот что. Любой, кто сюда войдет, сразу меня увидит.

Между тем глаза привыкли к полутьме. Я осмотрелся. Через ряды дырочек необычной формы просачивался свет. Я озадаченно поморгал, затем понял, что нахожусь по другую сторону диорамы, мимо которой проходил. Здесь — служебное помещение для тех, кто ухаживает за выставками, переоформляет, вытирает пыль.

Я побрел наугад и уперся в глухую стену.

Хорошо, пойдем в другую сторону. И лучше бы ей предложить что-нибудь поинтереснее тупика, иначе я буду вынужден вернуться в коридор, где меня без труда обнаружит охрана. Опять стена. Но в ней хоть дверь есть. Я приотворил ее на волосок и увидел хорошо освещенный пещерообразный зал. По нему двигались люди. Что-то вроде выставки. Я уловил запах краски. Подмости, кабели, лестницы. Вдали ревела сирена.

— Что там еще? — раздался в нескольких футах от моей головы мужской голос.

Я замер, затаил дыхание, вцепился в дверную ручку. Человек стоял прямо за дверью. Протяни руку — и дотронешься. Он отошел, не поглядев в мою сторону.

— Похоже, тревога, — сказал другой голос. — Приказано всем покинуть здание. Опять, что ли, пожарные учения? Из-за этих дурацких игрищ ни за что не успеем закончить выставку ко Дню Основателя.

Должно быть, он увидел, что дверь приотворена. Схватил за ручку, хлопнул. И с ворчанием пошел прочь.

Но меня он не заметил! Я выждал внушительный, как мне казалось, промежуток времени, затем еще чуть-чуть постоял. Наконец очень осторожно приотворил дверь. Зал безмолвен и безлюден. Я медленно вошел, озираясь и прислушиваясь к каждому шагу. Издали донеслись голоса, хлопнула дверь, наступила тишина. Сколько у меня времени до возвращения рабочих, можно только гадать. Прежде чем это случится, я должен придумать план. Найти путь к спасению или убежище. Найти хоть что-нибудь!

Я увидел панораму с макетом здания. Какую-то лабораторию с массивными бесформенными аппаратами и путаницей проводов. Голый манекен в неприличной позе за пультом. Рядом — груду других манекенов, среди них виднелись полуодетые. Еще один — на заднем плане. В белом и с противогазом на голове. На груди — красная эмблема радиоактивной опасности. Я в испуге отпрыгнул и тотчас спохватился.

Джим, не будь болваном вроде этих безмозглых манекенов. Никто не додумается выставить на витрине настоящий источник радиации. Это все подделки.

Я зашел за панораму и наткнулся на шкафы, стеллаж с красками, полки для моделей и деталей. Есть где спрятаться. И есть где быть найденным. Надо идти дальше.

Надо ли? Смотри, Джим. Думай. Размышляй как фокусник. Отвлекай внимание. Всегда и везде. Людей притягивает тайное, непонятное, сложное. На очевидное они просто не обращают внимания.

А в этот миг очевидное смотрело мне в глаза.

Я осторожно снял противогаз и посмотрел в нарисованные очи манекена.

— Понижаю тебя в должности, — решил я.

Прежде чем снять с куклы одежду, я как следует запомнил ее позу. А когда раздел, перенес к груде манекенов. Будет восьмым в этой куче, на самом ее дне. Вон они какие пыльные, давно тут лежат. Авось никто не заметит, что полку пластмассовых трупов прибыло. Я оделся в белое и прислонился к скамье в точности как оригинал. Надел противогаз и тут же едва не задохнулся. Снял маску, обнаружил, что закрыт один из клапанов. Я его открыл, снова надел противогаз. Душно, но сносно. Я присмотрелся к скамейке. Как бы незаметно опереться, чтобы удобнее было стоять? Это удалось. Я сел на ближайший стул и прислушался.

Хлопающие двери и громкие голоса предупредили меня задолго до возвращения рабочих. Когда они вошли, я неподвижно стоял у скамьи и смотрел на них через пыльные стекла противогаза.

— Где мы? — спросил появившийся передо мной охранник, тот самый, которого я свалил с ног. Он держал большую сложенную карту.

— Вот здесь, — ткнул пальцем один из техников. — Аккурат в центральном зале.

Охранника сопровождало человек шесть техников.

— Есть какие-нибудь двери?

— Только одна. В мастерскую за выставкой.

— Посмотрим сначала там.

Выходит, я правильно сделал, что убрался оттуда.

Они методично обыскали помещение. Открывали встроенные шкафы, выдвигали ящики. Потом один за другим зашли мне за спину. Я стоял в напряженной позе, по хребту бежали мурашки.

Кто-то оглушительно чихнул, затем в поле моего зрения появился охранник.

— Почему всем наплевать, что тут столько пыли?

— Мы оформители, а не уборщики. А тебе-то какая разница?

— Антисанитария.

Тыльной стороной ладони он вытер нос. Прирожденный джентльмен, ничего не скажешь.

— А может, он тут спрятался?

Охранник пнул груду манекенов.

— Сейчас же прекрати! Что-нибудь сломаешь — пеняй на себя.

Техник оттолкнул охранника, нагнулся, поправил пострадавшую конечность манекена.

Вдруг он заметит лишнюю фигуру? А если и не заметит, то наверняка услышит буханье моего сердца. Или шум крови в ушах.

— А может, это он?

Охранник указал на меня.

Он смотрел мне прямо в лицо. И остальные посмотрели. А я глядел на них и думал, что предпринять, когда меня разоблачат.

— Я сам его сделал, — сказал один из техников. — Ну что, может, дальше пойдем? Если будем канителиться, сверхурочно придется работать.

— Ладно, ладно, — уступил охранник. — Только покажите на карте, куда идти.

Когда за ними наконец затворилась дверь, по моему телу пробежала дрожь облегчения. Было не жарко, но я взмок. Шатаясь, добрался до стула.

— Джеймс, ты слишком стар для таких проделок, — признался я себе.

Я положил противогаз на пол возле стула, но белую форму не снял. Когда вернутся техники, я снова превращусь в манекен.

Однако они не вернулись. Наверное, кончился рабочий день. Или, что вероятнее, всех мобилизовали на розыски. Как быть дальше? Мне удалось сбить погоню со следа, но этот остров — ловушка. Наверняка паром сейчас под присмотром. Допустим, я проберусь на него под покровом темноты, затаюсь. А потом он отвезет меня на материк... Нет, слишком ничтожен шанс. Охранники все же не совсем дураки и перед отходом непременно обыщут паром.

Что же делать? Ответ был очень прост: обратиться за помощью. Пусть я крыса-одиночка, бывают обстоятельства, в которых не грешно опереться на чью-нибудь сильную руку. Можно ли остаться в этой комнате? Лампы горят, но световые люки в потолке потемнели. Вероятно, сейчас это убежище не хуже любого другого. И до восхода я много чего успею сделать.

Я достал телефон и набрал номер.

— Боливар, — сказал я, — ты не мог бы оказать небольшую услугу?

Глава 20

Первым делом он сообщил мне, что поиски Анжелины продолжаются. И я понял: сыновья не считали ворон. Боливар ни разу не хихикнул, пока я рассказывал, где нахожусь и по какой причине.

Он выслушал мои поручения, потом задал несколько вполне оправданных вопросов.

— Все будет хорошо, — сказал он наконец.

— Приятно слышать от тебя такие слова, но что-то в последние дни судьба нас не балует.

— Ничего, рано или поздно тьма неизбежно уступит свету. Я собираюсь позвонить Джеймсу, посмотрим, не поможет ли нам его компьютер. Есть и своих несколько идей.

— Очень рад, мне ведь и такими пустяками не похвастаться.

— Не давай себя поймать и жди звонка. И постарайся отдохнуть.

Отдохнуть! В ловушке? В панораме на атомной электростанции? А что, недурная мысль. Я собрал кое-какую ветошь, устроил себе за перегородкой гнездышко, — если кто войдет, сразу замечу. Некоторое время лежал напряженно, прислушивался, не раздадутся ли шаги. Потом, должно быть, уснул, так как следующим моим ощущением была вибрация — на запястье сработал телефон.

— У нас есть зародыш идеи, но пока маловато данных. Скажи, на электростанции охрана носит мундиры?

— Да, с золотыми пуговицами.

— А бляхи есть?

Я напряг память.

— Нет. Только карточки с именами.

Боливар задал еще несколько вопросов, затем пожелал спокойной ночи. Я поблагодарил и простился. Усталость притупила все мои тревоги. Снова я открыл глаза уже при проблесках рассвета. Моросил дождь — только его и не хватало. Самочувствие было хуже некуда. Уныние, вялость, красные глаза. Я снял фальшивое лицо и почесал настоящее, покрытое щетиной. Послышался тонюсенький голосок.

Я огляделся, но никого не увидел. Но тут снова раздался зов.

Я поднес к уху накладное лицо.

— Супчику куриного... — молило оно.

— Поешь, когда я поем, и ни секундой раньше. Но воду получишь, я и сам хочу пить.

Я отыскал в одном из закутков мастерской большой умывальник, где мокли малярные кисти. Побрызгал водой на обе мои физиономии, затем напился из горсти. Тщательно напоил личину через вороночку. В кармане завибрировал телефон.

— Папа, как самочувствие? — спросил Боливар.

— Измучен и жалок, но до сих пор свободен.

— Постарайся еще немного продержаться. Я узнал, что на острове дежурит ночной караул. Кроме часовых и тебя, никого не осталось. Весь персонал станции вывезен на пароме. Отправляюсь к тебе первым же рейсом.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Знаю. Я теперь офицер Полиции Здравоохранения и Безопасности, а ты — наш тайный агент.

— В самом деле? Никогда не слышал о такой организации.

— И никто не слышал. Ее только что создал Джеймс и поместил в государственные банки памяти. На Феторре столько всевозможных разновидностей полиции, что одной больше, одной меньше — никто не заметит. Как мы с тобой встретимся?

— Не знаю. Если меня увидят, сразу схватят!

— Не схватят, если я буду рядом.

Я поразмыслил.

— Пройди вместе с экскурсантами через парадный вход. Поверни налево, пересеки большой зал и иди по коридору. Доберешься до эскалатора, но не спускайся. Сначала позвони. Я к тебе выйду.

— Согласен. До связи.

Я, не внемля мольбам о курином супчике, надел личину и возвратился на недооформленную выставку. Она меня спасла, но вряд ли удастся провести здесь еще одну ночь. Я вернул манекену одежду и противогаз, поставил его на прежнее место. Вышел в ту же дверь, через которую проник на выставку, и очутился в зале за диорамами. И направился в его противоположный конец, надеясь, что там меня не заметят. Разумеется, если не будет нового тщательного обыска.

Я сел, прислонился к стене и даже ухитрился вновь уснуть.

Разбудил меня телефон.

— Ты где?

— Возле упомянутого тобой эскалатора.

— Там и стой. Я иду.

Мне невыразимо полегчало. Неизвестно, что затеял Боливар, но одно ясно: из этой переделки он меня вытащит. Я отворил дверь в коридор и увидел его — в очень опрятном и очень официальном мундире.

А рядом с ним стояли двое легавых и при виде меня сделали стойку. С тыла их прикрывала решительная группа поддержки в белых лабораторных халатах. Я попятился, но Боливар двинулся вперед и обнял меня за плечи.

— Инспектор Кидого, вы потрудились на славу. Отдел вами гордится.

Он протянул правую руку, я ее пожал. И ощутил в ладони металл.

— А теперь, инспектор, скажите, вы кого-нибудь узнаете?

— Разумеется, узнаю! Вот этих двух мужчин.

Мои слова остудили пыл охранников. Настолько, что они затряслись от страха.

— Правда, что они угрожали вам насилием и принуждали к нежелательным действиям?

Я кивнул.

— Отлично. И еще один вопрос: чего они от вас добивались?

— Чтобы я вопреки своей воле работал с радиоактивными материалами.

— Ах, вот как! — вскричал Боливар и грозно наставил палец на субчиков в белых халатах. Похоже, они перепугались не меньше охранников. — Инспектор, покажите этим людям ваше служебное удостоверение.

Я полез в карман и достал незаметно переданный сыном жетон. Очень официальный на вид, позолоченный, с голубыми буквами: «Полиция Здравоохранения и Безопасности». На него вытаращились, как на ядовитую змею. И затряслись от страха. Боливар достал телефон, набрал номер. Пока он говорил, обслуга электростанции, казалось, даже не дышала.

— Да, генерал. Мы получили неопровержимые улики. Как вы и опасались, на острове охрана никуда не годится, любой диверсант проникнет без всякого труда. Инспектор Кидого легко миновал так называемых часовых. Он пробрался к ядерному реактору и все сфотографировал. Более того, сэр, подтвердился слух, будто обслуживающий персонал заставляет посторонних убирать радиоактивные отходы. Тайное наконец стало явным. У нас есть доказательства. Да, сэр, спасибо. Всех арестовать? С удовольствием. Не беспокойтесь, им отсюда не убежать.

Он опустил телефон и окинул моих недругов очень впечатляющим взглядом.

— К острову Сикузоте летят вертолеты Полиции Здравоохранения и Безопасности. Любой, кто попытается выйти из здания, будет застрелен на месте. Немедленно соберите свои вещи, потому что никто из вас сюда не вернется.

Все разбрелись, оплакивая свою карьеру и готовясь к отсидке. Одно удовольствие было смотреть на понуро согбенные спины и заплетающиеся ноги. Когда исчез последний дрожащий халат, мы с Боливаром вышли через парадный вход и направились к поджидающему парому.

— Поздравляю, — сказал я. — Отличная работа.

— Благодари Джеймса. Все он придумал. И помог ему компьютер. Психологически план безупречен. Все эти люди нарушили множество законов. И пока они ждут, когда на их шею опустится топор палача, мы преспокойно выберемся отсюда. Думаю, я и в самом деле позвоню властям, расскажу, что тут творится. Преступники получат по заслугам. Только боюсь, им долго придется ждать. В Шварцлегене лишь один вертолет — тот, на котором я прилетел. Сейчас мы на нем смоемся...

— Нельзя. — Мы зашли в пустую каюту, я упал в кресло, а паром отдал швартовы. — Забыл, зачем я здесь? Кайзи мне поручил ди-

версию. Только ума не приложу, как это сделать. Остров — что разворошенный муравейник, все мечутся и ждут полицию.

— На этот счет не беспокойся, перед отлетом все уладим.

Я разинул рот, недоверчиво покачал головой.

— Что ты сказал?

— Это просто, как два плюс два. Ты говорил, Кайзи дал тебе взрывчатку. Надо полагать, она в надежном месте.

— В баре на берегу.

— Отлично. Я, пока летел сюда, не забывал о твоем задании. А когда садился, нашел очень легкий способ его выполнить.

— Легкий способ? Если я сегодня кажусь тебе идиотом, прости. Это лишь потому, что я и чувствую себя идиотом. Так что же ты увидел, когда твой вертолет шел на посадку?

Боливар с ухмылкой ткнул пальцем в небо. Я посмотрел на палец, затем туда, куда он указывал, — и на моем лице улыбка расползлась шире, чем на сыновнем.

И правда, ответ крылся в небе. С острова электроэнергию качали по толстенным проводам.

— Через пролив ходит только одно судно — наш паром. Башня стоит на скалистом мысу у самой воды. Зданий и дорог поблизости нет. Если точно направить взрыв, она вместе с проводами упадет в море, и при этом никто не пострадает.

— Да, и представляю, как зашипит море! Этот звук услышат все фондовые биржи! Погаснут лампы и фонари, остановятся магнитолевитационные поезда. Рад, что нам предстоит лететь, а не ехать.

На берегу мы двинули прямиком в бар. Угостились пивком с медведьбургерами, а потом я забрал чемодан. И купил банку куриного бульона, чтобы лицо не свалилось от истощения.

Боливар взял напрокат колымагу. За городом трасса была почти пуста. Мы дождались на обочине, когда она совсем очистится, и свернули на служебную дорогу, что вела к электрической башне. Спрятали машину на полпути за грудой валунов, дальше пошли пешком.

Я задрал голову, поглядел на стальную громадину и тяжело вздохнул.

— Вынужден признать, я ничего не смыслю в подрывном деле.

Боливар осторожно забрал у меня плайтекс.

— Ни разу не слышал подобных признаний. Я вырос в уверенности, что ты разбираешься во всем на свете.

— Почти во всем.

— А я, когда занялся изучением лун, в первую очередь освоил подрывное дело. Даю слово, эта малютка свалится, куда нам надо, и никого не заденет.

Башню огораживал забор с колючей проволокой наверху. Ну хоть что-то по моей части!

Пока я разбирался с замком на воротах, Боливар на глаз прикинул габариты башни.

— Видишь, четыре опоры вмурованы в камень. Они очень прочные, на вид несокрушимые. Но вверху утончаются и образуют решетку, которая поддерживает поперечную балку и провода.

Я вглядывался, все сильнее прогибаясь назад. Чуть не упал.

— Какая высоченная!

— Правда, красавица? Отличное будет восхождение. Как на горную вершину. До скорой встречи.

Он положил мину и взрыватель в карманы и тронулся в путь, прежде чем я успел молвить хоть слово. Впрочем, что я мог сказать? Предупредить, чтобы он был осторожен? Пожелать удачи?

Боливар знал толк в скалолазании, я многократно наблюдал, как он справлялся с труднейшими маршрутами, но на сей раз у меня аж дух захватило. Он поднимался уверенно и размеренно, как автомат. Добрался до стыка четырех опор. Здесь и заложит взрывчатку? Нет. Он полез дальше, исчез из виду, а затем появился у огромных изоляторов. Рядом ходуном ходили провода. Там Боливар и замер — темное пятнышко на фоне блестящего металла.

Не знаю, сколько он провозился. Но субъективного времени минула целая вечность. Наконец я увидел, как он спускается — медленно и уверенно. Когда до земли остались считанные метры, он спрыгнул, выпрямился, улыбнулся и отряхнул ладони.

— Пара пустяков. Я поставил часовой механизм, через два часа рванет.

— Полюбуемся! Займем места в первом ряду.

— Точно.

Наемная тачка отвезла нас в вертопорт. Там оказался уютный робобарчик. Неописуемой жидкостью, якобы предназначенной для внутреннего употребления, я смыл чуточку усталости. Боливар пил минералку и поглядывал на часы.

— Папа, как управишься с этой отравой, встаем и улетаем.

Мы летели над темными берегами, восходящее солнце светило нам в спину. Внизу все было умыто ночным дождем. «Стрекоза» прошла на бреющем над толстыми кабелями, лениво описала круг.

— Паром у причала. Внизу никого. И дорога пуста.

— Пора бы уже... — заметил Боливар, и тут в небо рванулся огненный шар. А затем взвилась клубящаяся туча черного дыма.

Потом долго ничего не происходило. Наконец вертолет тряхнуло — до нас добралась ударная волна.

— Сейчас, — сказал мой сын.

И тут это произошло. Накренилась макушка башни, сорвалась, и ее падение было по-своему красивым. Огромные изоляторы неслись к воде, дергались и корчились толстенные провода.

Из могучих черных змей рвались электрические молнии. Эти змеи корчились, бились в конвульсиях, летели все быстрее, а вдогонку мчались исковерканные фермы. И вот все это рухнуло в море, и поднялись высоченные волны, и разбежались по проливу.

— Теперь островитянам будет о чем подумать, — с огромным удовлетворением сказал Боливар. — Я не очень-то люблю ломать и портить, но разве подонки, загоняющие экскурсантов на уборку ядерных отходов, не заслужили такой урок?

Я был абсолютно с ним согласен и охотно признал это.

Глава 21

В вертопорте, прежде чем расстаться, мы позвонили Джеймсу. По-прежнему не было новостей, кроме одной, и то неутешительной: ему так и не удалось найти логово Кайзи. Оказывается, легче проникнуть в правительственные архивы, чем одолеть частные барьеры этого элитарного городка. Когда Боливар улетел, я подхватил чемодан. Но далеко не ушел. Поравнявшись с винной лавкой, перед которой стояла скамейка для алкоголиков, я понял: вот и конец путешествия. Получив банку охлажденного пива, я расположился на солнышке и позвонил Кайзи.

— Дело в шляпе. Надеюсь, я не покажусь вам нескромным, если скажу, что поработал на славу.

— Вы где?

Я объяснил и отключил телефон. Прежде чем я успел осушить банку, подъехал Кайзи. Отворилась дверца лимузина, я сел, бросил на заднее сиденье фальшивый паспорт, сорвал физиономию и в последний раз услышал жалобное «супчику куриного...». Накладная харя отправилась вслед за ксивой.

— В Шварцлегене меня видела уйма народу. К тому же по этому паспорту и с этой личиной я брал напрокат вертолет, потому что магнитолевитационные поезда без электричества не ходят. Вам понравилась моя работа?

— Понравилась бы гораздо больше, если бы вы не прервали связь со мной.

— А, вы имеете в виду «жучки»? Естественно, от них пришлось избавиться. Простите, но я ценю свое уединение.

— Сегодня вечером поедете в сокровищницу.

— Как? Разве я не услышу «спасибо»? Не получу денек отгула? Или хотя бы одобрительный хлопок по спине?

— ДиГриз, не утомляйте меня. Как я и говорил, осталось последнее задание. По-моему, вам и самому не терпится расстаться со мной.

Тут он был прав. Я и в самом деле этого ждал. И не доверял ему ни на йоту.

На складе он сразу приступил к делу:

— Игорь, принеси из машины большой ящик и сгинь.

Шаркая и кряхтя, Игорь приволок ящик, взгромоздил на стол и вышел. Кайзи достал фотографию и вручил мне.

— Этот человек носит имя Иба Ибада. По известным причинам его прозвали Иба Невезучий.

Трудно было бы ему не обзавестись таким прозвищем. На фотографии я увидел мужчину среднего роста и рыхлого телосложения. Пожалуй, он бы не выглядел уродом, если бы не бесформенный шрам. Он начинался на лбу, оставлял на носу глубокий ров и пересекал щеку. Шрам был зашит, но столь грубо, что виднелись следы стежков.

— Производственная травма, — пояснил Кайзи. — Иба по неосторожности угодил в станок. И зашил его малоопытный, судя по всему, санитар. Парень лишился и работы, и надежды когда-нибудь ее найти. Во мне он видит своего спасителя, ведь я устроил его в бригаду уборщиков сокровищницы. К тому же я из своего кармана плачу ему хорошее дополнительное жалованье, чтобы он мог тешить свои отвратительные наклонности. Он это ценит и оказывает мне услуги. Сегодня вечером вы займете его место.

— И что, никто не заметит подмены?

— Никто. Все продумано до малейшей детали.

Это были не пустые слова. Лежащий в том же ящике искусственный шрам ничем не отличался от оригинала. К тому же он был влагостоек и поддавался лишь специальному растворителю. Определенной формы прокладки за щеками увеличили мое сходство с Ибой. Его спецовка была достаточно мешковатой, чтобы скрыть разницу в телосложении. Тяжелые ботинки были хорошо разношены и не жали.

— А как быть с удостоверением личности?

Я с гримасой отвращения гляделся в зеркало. Кайзи подал футлярчик.

— Контактная линза на правый глаз. Не потеряйте. Она очень дорога и незаменима. На ней рисунок его сетчатки. Вот четыре пары пластиковых перчаток с отпечатками его ладоней. Этого должно хватить, потому что вам предстоит побывать в сокровищнице лишь дважды. В первый раз — чтобы самому увидеть оборудование и сигнализацию, особенно в хранилище облигаций. На следующую ночь — непосредственно кража. У меня есть специальный набор взломщика, он тоже очень дорог и незаменим. Сумеете им воспользоваться?

Я взял футляр, открыл и ухмыльнулся.

— Еще до того, как я начал бриться, мне случалось делать наборы получше. Но с чего вы взяли, что на вторую ночь мне удастся взять сокровищницу?

— С того, что у вас нет выбора. Другого шанса не будет. Иба получил билет и огромную премию. Сегодня он покинет планету. Кроме того, у меня заложник. Вспомните видеозапись.

Я вспомнил. Что ж, похоже, деваться некуда.

— Взгляните, — вторгся в мои печальные мысли Кайзи, подавая диск.

Я вставил его в компьютер.

— Это Иба в ночную смену. Вот таким маршрутом он идет, вот так он работает. Как видите, он неторопливый. Успеете выполнить и его задачу, и свою.

— Как я туда попаду?

— Вас подвезет Игорь. И заберет на том же месте после работы. А сейчас мы расстанемся. Есть еще вопросы?

— Пока ничего в голову не приходит.

— Другой возможности задать их не появится. Мы не увидимся до вашего возвращения.

Что может быть скучнее, чем елозить шваброй по полу и опустошать бумагоизмельчители? Разве что смотреть на это. И не столько на это, сколько на ковыряние в носу и почесывание задницы. Впрочем, понять Ибу было нетрудно — львиную долю уборки выполняли роботы. Я включил ускоренное воспроизведение. Стало повеселее, но ненамного.

Все необходимое я успел выучить, так как выезжать предстояло около полуночи. Потом я лег на койку и задремал перед компьютером.

— Ехать пора! — прокричал мне в ухо шофер.

Пора так пора. Громыхая, фургон вез нас по темным и тихим улицам. Контактная линза вызывала зуд, я едва сдерживался, чтобы не тереть глаз. Руки потели в резиновых перчатках, набор взломщика оттягивал карман. Наконец Игорь остановил грузовик и махнул рукой.

— За углом.

Я приступил к делу. Вместе с другими ночными уборщиками, тоже облаченными в спецовки, я поднялся по ступенькам сокровищницы, прикидываясь, будто не замечаю их. Совсем как Иба в учебном фильме.

— Ну, и как твоя подружка? — крикнул один, и этот вопрос вызвал огромное воодушевление среди остальных гигантов мысли.

Я ответил, подражая Ибе:

— Твою мать!

Других слов в фильме попросту не было. Зато эти он повторял к месту и не к месту.

Скучающий охранник придерживал отворенную дверь. Я укоротил шаг, чтобы войти последним. Если что-нибудь не заладится

и поднимется тревога, никто не должен стоять на пути моего бегства. Приближаясь к сияющему отверстию сетчаткоскопа, я неудержимо мигал — контактная линза сильно раздражала глаз. Мало того, она еще и сдвинулась!

Я выругался и пошел еще медленнее, стараясь кулаком вернуть ее на место. Уже последний человек передо мной миновал сканер.

— Эй ты, задница, пошевеливайся, — заботливо посоветовал охранник. — Не собираюсь тут всю ночь торчать.

Это меня подстегнуло. Я в последний раз надавил на контактную линзу и нагнулся к светящемуся отверстию. Затем встал, не дыша. Я ждал сигнала тревоги. Лампа над входом полыхнула зеленым. Я медленно подошел к запертой двери. Прижал ладонь к пластине на косяке. Щелкнул замок, я вошел. Остальные ночные уборщики расходились, исчезали в темном безмолвном здании. Я распахнул дверь на служебную лестницу и спустился на два марша. Когда я входил в аккумуляторную, вспыхнул свет. Меня встречали ряды молчаливых неподвижных роботов.

— Твою мать, — по обычаю своего двойника сказал я.

У двери висело заряженное под завязку электрострекало. Я снял его с кронштейна и ткнул в ближайшего робота.

В пластину приемника ударила большая искра, среагировало реле, и штуковина ожила. Зарядный кабель отсоединился и юркнул в свой контейнер. Робот вышел из комнаты. Я танцевал вокруг своих подчиненных, жалил разрядами, пока не выгнал всех. Мы шествовали, оставляя позади кабинет за кабинетом, под клацанье и шуршание опустошаемых бумагоизмельчителей, под перестук пепельниц. Позади нас шелестели мокрые швабры. Время от времени какой-нибудь бестолковый робот зацикливался, снова и снова доставал и вытряхивал уже пустой ящик. Прикосновение стрекала к нужному месту заставляло его образумиться. От скуки я вообразил, как буду заниматься этим до конца дней своих, и содрогнулся. Хватит и часа такой работенки, чтобы почувствовать, как тупеешь.

Я монотонно искрил и ругался, пока мы не достигли этажа, где располагалось хранилище облигаций.

— Всем стоять. Перерыв десять минут.

Они не подчинились, и я снова выругался. Я что, не так приказал?

— Стоп! Стоп!

Когда я повторил это в четвертый раз, роботы замерли. Я прислонил стрекало к стене и побежал по тускло освещенному залу. По пути я считал двери, которые столько раз проходил в виртуальной реальности. Вот и нужная. Замок на ней был простенький, охранная сигнализация отсутствовала. Я справился легко.

Сразу за ней стояла металлическая решетка на петлях — эта задачка уже посложнее. Слава богу, все сигнальные устройства —

антиквариат. Им бы в музее красоваться, а не сокровищницу охранять. Сначала достаем кусок проволоки и шунтируем электронный замок. В этот древний механизм заложены миллионы комбинаций, чтобы его открыть, необходимы часы компьютерного времени. Мой же приборчик нашел код меньше чем за три минуты. Я ввел цифры в память замка и отворил решетчатую дверь.

Теперь — сигнальное устройство в косяке. Ну, это не проблема. С такой системой я сталкивался не раз. Я надел инфракрасные очки, и комнату сразу же пронизали многочисленные лучи. Они перекрещивались под всевозможными углами. Угоди под такой лучик — поднимется страшный тарарам. Но если поставить перед линзой приемника генератор луча с нужной частотой, я пройду по комнате незамеченным.

Допустим, все получится. Допустим, я войду в комнату, сниму с полок облигации, нагружу роботов, вынесу добычу. Куда? И, что гораздо важнее, как вместе с ними покинуть здание?

— Твою мать, — выдал я, испытывая что-то соответствующее этому ругательству. И подстегнул роботов стрекалом. До конца смены еще есть время, успею что-нибудь придумать.

Время еле плелось. Время ползло, как улитка. Роботы мыли, вытирали, вытряхивали, стучали, зацикливались, но в конце концов наступил положенный перерыв. Я превратил свою орду в немую сцену и поискал подходящее местечко, чтобы перекусить. Вскоре мне приглянулся кабинет какого-то важного чиновника. Я уселся в кожаное кресло за огромным, как футбольное поле, блистающим столом и посмотрел в хрустальное окно. И постарался не ощущать вкус еды. По какой-то неведомой причине Иба питал противоестественную любовь к маринованным и копченым свинобразьим хвостам и всегда тащил на работу контейнер этого лакомства. Ради пущего сходства с образом я пошел на эту пытку, о чем теперь горько жалел. Хрящики вмиг забили горло, застряли в зубах. Вместо зубочистки я использовал иглу свинобраза, оказавшуюся в контейнере вместе с куском шкуры.

Но, пока мое сознание подвергалось физическим и нравственным мучениям, подкорка времени не теряла. Она анализировала, планировала, замышляла, корпела. Я бросил недоеденные останки свинобраза в мусороконвертер, где они превратились в космические лучи, и встал.

И тут же снова сел — в мозгу забрезжило решение всех проблем.

Да, выход есть. Он непрост, и никак не обойтись без риска. Возможно, я единственный человек в цивилизованной галактике, способный хотя бы вообразить такое дерзкое преступление, уже не говоря о том, чтобы его выполнить. И, хуже всего, без всякой выгоды для себя. Нет, все-таки я должен вырваться из жадных лап Кайзи.

Глава 22

Когда я выходил из сокровищницы, на востоке забрезжил рассвет. Я устало поплелся на место встречи, к Игорю. В молчании мы доехали до склада; опустились ворота гаража, и я увидел машину Кайзи. Он двинулся навстречу и властным жестом остановил фургон. Я устало спустился на пол.

— Игорь, пойди купи пива, — скомандовал он. — Автомат пустой.

— А деньги?

— Вот деньги. Ступай.

Я понял, что Кайзи хочет не пива, а разговора с глазу на глаз.

— Как прошла рекогносцировка? — спросил он, едва поднялись ворота.

— Как по маслу. Могу проникнуть в хранилище и выкрасть облигации за десять минут. И то большая часть времени уйдет на транспортировку.

— Прекрасно.

— Не спорю, не спорю. Если бы не одна пустяковая проблемка, я бы назвал этот план идеальным.

— Проблемка? Вы о чем?

Похоже, он встревожился.

Я посолил ему рану.

— За одну ночь можно вынести облигации из хранилища, но не из сокровищницы.

— Что вы городите? — процедил он сквозь зубы.

— Помилуйте, это же так просто понять! Даже Игорь сумел бы. Я говорю о том, что облигации можно вынести из хранилища, но не из сокровищницы.

Он побагровел. Я понял, что совершаю большую ошибку — сейчас его бесить нельзя. Ладно, поспешим исправить.

— Операция осуществима. Уверяю вас, я могу вынести облигации из хранилища, а со временем из здания. Просто на это уйдет больше времени. Не беспокойтесь, получите вы свои бумажки. Но не сразу. Я обошел здание и проверил каждый выход. Все двери запираются снаружи. Значит, мне нужен помощник, который откроет дверь с улицы. А еще — грузовик. Он должен дождаться меня и увезти добычу.

— Все это легко устроить.

— Так уж и легко? Уличные ворота для транспорта тоже запираются вечером. По ночам машины не ездят. Грузовик сразу заметят, значит, риск слишком велик. Но есть и другой способ, и он с риском не связан. К тому же на дело пойду я один, а значит, не надо привлекать сообщников. Будет что-то вроде той вашей кражи в собственном банке. В таких делах, надо признать, вы настоящий гений.

Он самодовольно ухмыльнулся — известно, что все эгоисты принимают любую лесть за чистую монету.

— Не будь я гением, не стал бы богатейшим человеком в галактике. Продолжайте.

— Слушайте внимательно. Прежде чем обчистить хранилище, я проникну на склад номер восемь ноль три. Там лежат канцелярские запасы. Как вы, наверное, уже догадываетесь, это очень просторное помещение, потому что бюрократы обожают переводить бумагу. Я пройду к самым дальним штабелям, до которых не дотрагивались месяцами, если не годами, и запасусь бумагой в том же объеме, который занимают облигации...

— Зачем?

— Выслушайте до конца и поймете. Открыв хранилище, я сложу бумагу посреди комнаты, а затем вынесу облигации. И установлю термитную мину замедленного действия. Обожаю термитные мины. И, наконец, последний, если можно так выразиться, штрих гения — я разбросаю по комнате несколько обгоревших облигаций. Как будто их разметало пламенем...

— Позвольте закончить за вас! — азартно вскричал Кайзи. — Вы перенесете краденые облигации на склад канцелярских принадлежностей, спрячете их подальше от глаз, на месте изъятой бумаги! Утром в обычное время выйдете из здания, и после вашего ухода взорвется мина. Вы, конечно, оставите хранилище запертым?

— Конечно.

— И тогда полиция столкнется с неразрешимыми загадками: поджог или самовозгорание? Кто сложил бумаги? Почему заперто хранилище? Вдоволь пищи для подозрений и догадок. О краже никто поначалу не подумает. Что же это за вор, который оставляет добычу на месте?

— Позвольте добавить несколько деталей к вашей мастерской реконструкции, — сподхалимничал я. Он кивнул. — Заказы от разных отделов на канцелярские принадлежности скапливаются в одной из служб. А та отправляет их поставщику. Он раз в неделю присылает грузовик с товаром.

Кайзи выжидательно наклонился вперед, а я играл свою роль по всем законам сценического искусства.

— Следующая доставка — через три дня. Водитель в сопровождении одного из охранников повезет груз прямиком на склад. Но в этот раз водителем буду я. После разгрузки охранник уснет. Я перенесу облигации в машину, а их место займет спящий страж. Затем я выйду из здания. Вот вам и преступление века.

Он глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. И улыбался, обдумывая мой гениальный план.

Вошел Игорь. Кайзи взял бутылку пива, откупорил и хлебнул от души. Потом оценивающе посмотрел на меня.

— Справитесь?

— Справлюсь. Но понадобится кое-какое снаряжение.

— Давайте список. Сегодня же вечером все получите.

— Отлично. А теперь я собираюсь перекусить и вздремнуть.

Кайзи не пытался меня остановить. Знал: пока Анжелина — пленница, я целиком в его власти.

Я медленно брел по улице, а мимо плелись на работу наемные невольники. Вот и сень знакомого механомаркета. Но сначала надо оторваться от слежки, хоть я ее и не заметил. Я вошел в первое же попавшееся конторское здание, в одиночестве поднялся на лифте, спустился по ступенькам и вышел черным ходом. Для верности несколько раз повторил процедуру. Лишь затем купил дешевый телефон.

Но прежде, конечно, выбросил старый. У Кайзи была целая ночь, чтобы посадить в него «жучок» и увешать подобными насекомыми меня.

— Официант, подойдите-ка, — сказал я, как только откликнулся Боливар. — Напомните, что я заказывал, когда был здесь в последний раз. Да, медведьбургер и пиво.

Я вышел и бросил телефон в ближайшую урну, надеясь, что Боливар все услышал и понял: на мне «жучки», и я буду ждать в ресторане, где мы уже встречались.

Я брел, нигде не задерживаясь подолгу, на тот случай, если какой-нибудь из «жучков» дает пеленг. Затем вернулся в ресторан и увидел в угловой кабинке Боливара. Я описал широкий круг, возвратился и чуть ли не вбежал в ресторан. Зашел сыну за спину и подал карточку, когда он повернулся.

«Обыщи меня индикатором».

Что он и сделал, лишь единожды изумленно посмотрев мне в лицо. Три монеты, как обычно, а еще машинка полыхнула красным на металлическую пуговицу. Кайзи постоянно шел на новые ухищрения. Я сорвал пуговицу и отдал Боливару вместе с монетами. Он достал из кармана экранированный мешочек и спрятал миниатюрные передатчики.

— Теперь нас не услышат, — сказал Боливар. — Отличный грим, папа, я тебя еле узнал. У меня хорошая новость: Боливар нашел дом Кайзи.

— Как? Ведь это ты — Боливар!

— Джеймс, папа. Вечно ты нас путаешь.

— Она там?

— Этого мы не знаем. Но дом очень большой, и его обслуживают первоклассные роботы.

— Первоклассные. То есть умные и бдительные. Чтобы с ними сразиться, необходимо как следует подготовиться.

— Пока вы с Боливаром ездили в Шварцлеген, я наконец вломился в муниципальную базу данных Санкиста-у-Моря. Вломился в прямом смысле слова.

— Не понял.

— Тамошние противохакерские программы оказались мне не по зубам. Поэтому однажды ночью я совершил ночную кражу со взломом. Для отвода глаз вынес принтер и факс. Ну, и встроил передатчик в главный сервер. Теперь данные для нас не тайна. Я оставил Боливара рыться в государственных файлах, и скоро он раздобудет подробнейшие чертежи интересующего нас здания.

— У меня была долгая ночь. — Я постучал по клавиатуре карты вин, заказал нам по двойной порции зенкораскрывателя. — Позволь, я расскажу обо всем.

— Ух ты! — воскликнул он, выслушав, сделал большой глоток и поперхнулся.

Я постучал его по спине. Помогло.

— Самый красивый «скачок» из тех, о которых я слышал, — восхищенно сказал сын.

— Спасибо. Польщен. Но, боюсь, я скрыл от своего любезного работодателя один нюанс.

— Какой?

— Машина с канцелярской дребеденью прибудет не через три дня, а через два.

Он мгновенно понял всю важность этого факта. И расплылся в улыбке.

— Собираешься вывезти и припрятать облигации?

— Вот именно. Но прежде, чем хотя бы думать об этом, мы должны быть абсолютно уверены, что твоя мать в безопасности. У меня еще одно поручение для тебя. Я не случайно так вырядился. Я похож на некоего Ибу, который работает в «Планетарной сокровищнице». По словам Кайзи, он получил крупную сумму денег и улетел вчера на космическом лайнере.

— Не похоже на методы Кайзи. По-твоему, это ложь?

— Да. Выясни, кто вчера покинул планету. А заодно просмотри свежие новости.

— Считай, что уже сделано. Как тебе сообщить?

— Вот этого пока не знаю. Думаю, нам до поры лучше держаться подальше друг от друга. Если Кайзи хотя бы заподозрит, что мы виделись, нам несдобровать. Я позвоню завтра. Рано, примерно в это же время. Как только проверну дельце с облигациями.

— Береги себя, — напутствовал меня сын. Судя по всему, он тревожился.

— Я всегда себя берегу.

В эти слова я вложил больше уверенности, чем испытывал. Сказать, что я нервничал, — значит ничего не сказать.

Джеймс отдал мне экранированный пакет, я вытряхнул «жучков» и положил в карман. Забрав мешочек, Джеймс молча помахал на прощание. Я ответил тем же и отправился на склад — отдохнуть.

Вернее, я надеялся отдохнуть. Когда я вошел, Игорь посмотрел в мою сторону и отвернулся. Зато Кайзи встретил меня горящим взором, его обуревали идеи.

— Мне не нравится, что вы бродите по городу в одиночку.

— Почему? Кого мне бояться?

— ДиГриз, я вам не доверяю. Слишком гладко стелете. — Он указал на заваленный покупками стол. — Здесь все, что вам понадобится.

Он полез в сумку и достал пистолет.

— Хочу, чтобы вы сидели спокойно, пока Игорь наденет наручники.

Я вынужден был подчиниться. Битюг зашел мне за спину, пистолет неуклонно смотрел в лоб. Щелкнули наручники. А мерзавцам и того мало — еще одной парой Игорь сковал мне щиколотки.

Кайзи убрал пистолет и улыбнулся.

— Теперь можете поспать. У вас впереди трудная ночь.

Оба с наслаждением смотрели, как я поднимаюсь на ноги, поворачиваюсь, скачу к койке, тяжело на нее падаю. Я корчился, пока не оказался на спине. Глянул на наручники и понял, отчего улыбается Кайзи. Отмычкой с такими не справиться. Комбинационные замки утоплены так глубоко, что диски не повернешь, даже если дотянешься пальцами. Я попытался. Не получилось.

Даже скованный по рукам и ногам, я крепко уснул — помогла усталость. Проснулся, услышав голоса, и в следующий миг снова провалился в сон. И лишь почувствовав щекой дыхание Игоря, а главное, уловив мерзкий запах из его рта, я полностью очнулся.

Он, согнувшись, возился с комбинационным замком. Я растопырил пальцы, чтобы вцепиться в его горло, но тут увидел Кайзи. Он держал меня на мушке.

— Тащи его сюда, тут светлее.

Игорь схватил меня за лодыжки и стащил с кровати. Я рванулся вбок и упал на плечо, а не на голову. Водитель, ругаясь, перетащил меня в другую комнату и сидел на мне, пока не снял оковы.

— Разве так принято обращаться с лояльными служащими? — поинтересовался я, усаживаясь на стул.

— Сейчас Игорь отвезет вас в сокровищницу, — сказал Кайзи. — Я буду рядом, в своей машине, глаз с вас не спущу. А утром прослежу, как вы покинете здание. Если возникнет хоть малейшее подозрение, что вы отступили от плана, можете не сомневаться: вам больше никогда не увидеть жену.

Я промолчал, потому что не надеялся на свою выдержку. Он принял это за согласие. Посмотрел на часы.

— Пора. Возьмите коробку с завтраком. В ней необходимое снаряжение, замаскированное под мерзкую еду.

Мы поехали знакомой дорогой к знакомому углу. Потом — знакомая прогулка к входу в сокровищницу. Все как тогда, разница лишь в том, что сзади бесшумно катила черная машина. Она остановилась на соседней улице.

Я был счастлив скрыться за углом от глаз Кайзи. Контактная линза на этот раз не своевольничала. Замок среагировал на фальшивую ладонь. Я вошел.

— Ты! Иба, я к тебе обращаюсь!

— Мать твою! — угрюмо буркнул я, не глядя на говорившего. Что ему нужно?

— Иди сюда! У меня кое-что есть.

Пришлось остановиться, посмотреть на него. Он протягивал газету.

— Какой-то парень принес, велел тебе передать. И даже заплатил пять кредитов — хочешь верь, хочешь не верь. Я просмотрел. Ничего особенного. Просто сегодняшняя газета. Хотел даже выбросить.

Он уронил газету и ушел.

Газета? От кого? Уж конечно, не от Кайзи. Значит, от Джеймса. Но почему?

Я не мог прочитать газету сразу. Другой охранник, в вестибюле, подозрительно таращился на меня.

— Мать твою! — крикнул я вслед уходящему и поспешил к своим заждавшимся помощникам.

Лишь пробудив их к жизни, я раскрыл газету. Торопливо просмотрел. Читать не было времени. Хотя погодите-ка! На последней странице из поля был вырван крошечный полукруг. Рядом с рекламой набора «Сделай сам себе грыжу». Не может быть! Я посмотрел на другой стороне листа и обнаружил заметку петитом: «Самоубийство в озере Центрального парка».

Меня прошиб озноб. Я пробежал заметку.

«Неизвестный... изорванная одежда... вода в легких... опознать не удалось...»

И последняя строка: «Бесформенный шрам на лице».

Значит, не надо изучать списки пассажиров. Иба уволен. Слишком много знал о делишках Кайзи.

Теперь было ясно как день, что ожидает меня.

Глава 23

Впервые я порадовался тому, что работа уборщика не требует участия мозгов. Мои мысли описывали бесчисленные круги в поисках выхода и не находили. Выкрасть облигации можно — это самая простая часть операции. Но сразу после кражи меня снова закуют и посадят под замок. А через два дня в сокровищницу приедет машина с канцелярскими припасами. Что делать? Признаться, что доставка произойдет днем раньше? Если признаюсь, Кайзи получит краденые облигации на блюдечке, а я следом за Ибой отправлюсь купаться в озере. Если не случится чего-нибудь похуже.

Роботы брели внесенным в программу курсом, я едва замечал их. Лишь когда один зациклился, я вспомнил свои обязанности и шарахнул его стрекалом. А затем снова целиком занялся неразрешимыми задачами.

Хватит! Меня заклинило, как робота. Пора что-то предпринять. В смысле ограбление. Я отключил всех помощников, кроме одного, чтобы не разбрелись. Потом снял с самого большого тащибота мусорные ящики и заставил его следовать за мной к канцелярскому складу. Дверь там даже не была заперта. В этом мавзолее бюрократии только тусклые ночные лампы освещали мой путь. Штабеля бланков чуть не доставали до потолка, с ними соперничали горы конвертов и пачек чистой бумаги. Мы огибали их, все глубже забираясь в эту пещеру. Слой пыли на полу, сухость, сумрак, затхлость. Вот и моя цель — залежи у самой стены. Пыль витала в воздухе. Пересохшие бланки пожелтели по краям. Прекрасно будут гореть! Я принялся за работу и нагрузил робота бумагой, лишь несколько раз остановившись, чтобы чихнуть. Готово. Еще одно «апчхи» — и я покидаю склад, а за мной с механической покорностью погромыхивает верный робот.

Я прошунтировал электронный замок, затем нейтрализовал сигнальное устройство на дверном косяке. Теперь — самое хитрое: не задев луча, установить инфракрасный генератор перед приемной линзой. Медленно вперед, шаг за шагом. По лицу ручьями течет пот. Готово. Чистая работа. Настал черед побыть грузчиком, и роботы мне тут не помощники. Складываем бланки на полу посреди комнаты, ворошим, чтобы лучше горели. Я запыхался, нагружая тележку облигациями. А теперь — последний штрих. Я сгреб в охапку этак на миллион облигаций — какое расточительство! — и оттащил подальше от датчиков пожарной сигнализации. Достал зажигалку, поджег бумаги одну за другой. Каждой давал погореть, затем тушил. Отнес их назад и со вкусом прирожденного дизайнера разбросал по комнате. Ну и наконец повернул диск часового механизма термитной мины. Она рванет через час после моего ухода, за несколько минут до появления дневных рабочих. Сегодня они проведут время гораздо веселее, чем ожидают.

Я остановился передохнуть. Остыл, потер ладоши, разминая одеревеневшие пальцы. И лишь после этого с бесконечным терпением убрал инфракрасный проектор. Медленно... медленно... Готово. Все остальное — детская игра. Привести в порядок сигнализацию, запереть дверь...

Я сходил напоследок в кладовую, тщательно сложил облигации, прикрыл сверху старыми бланками. Здесь краденое преспокойно дождется моего возвращения. Либо останется на веки вечные, если наделаю ошибок, мрачно подумал я.

Следующие часы тянулись мучительно. Я изо всех сил старался не думать о термитном заряде. А вдруг что-нибудь случится, прежде чем она.... Не надо, Джим, выброси из головы.

И вот — последняя пепельница, последний бумагоизмельчитель. Спускаемся в подземное логово роботов, где они с радостью приникают к электрическим сосцам, а я смываю с рук следы поджога.

Все-таки я нервничал. И не просто нервничал — поджилки тряслись. Что, если я неправильно установил часовой механизм? Сбегать проверить? Желудок стянулся в узел и не распускался, пока я не оказался на улице. Я медленно дошел до угла и не увидел фургона. Что-то случилось? Прежде чем я успел обуздать мечущиеся мысли, *рядом затормозила машина Кайзи.*

— Садитесь, — сказал он.

— А где Игорь?

— Не ваше дело.

Мы поехали.

— Все по плану?

— Да.

Он улыбнулся, облизал губы. Затем, крутя баранку одной рукой, достал блокнот со стилом, подал мне.

— Начертите подробно, как добраться до кладовой. Пометьте, где лежат облигации. Еще напишите имя фирмы-поставщика и водителя.

— Не думаю, что мне следует это делать.

— ДиГриз, не шутите. Вы ответите на все мои вопросы и очень хорошо понимаете, почему.

— Понимаю. Но сначала — моя жена. И ваши угрозы. Вот о чем я хочу поговорить. Что будет, когда я принесу вам облигации?

— Вы встретитесь с ней, как я и обещал.

Угу, встретимся, подумал я. В могиле.

— Какие гарантии?

— Мое слово, какие же еще?

— Маловато, Кайзи. Ведь вы соврете — недорого возьмете.

Он холодно покосился на меня, но промолчал.

— Давайте-ка лучше заключим сделку. Я привезу облигации, но сначала вы ее отпустите.

Он молча крутил баранку. Затем отрицательно покачал головой.

— Нет, не могу.

— В таком случае я не могу предоставить информацию, как вывезти облигации без моего содействия.

На это он ничего не ответил. Я тоже решил поиграть в молчанку.

При нашем приближении опустились складские ворота. Я не увидел в гараже ни Игоря, ни его грузовика. Кайзи вышел из лимузина первым, открыл заднюю дверцу, что-то достал.

— Взгляните, — предложил он.

Я взглянул и судорожно дернулся. Но опоздал.

В бок ударили два металлических электрода. Чудовищный разряд прошил болью все тело. Мышцы сжались в мучительном спазме, я рухнул на пол.

Я был в сознании, но шевелиться не мог. Кайзи протащил меня по не знавшему метлы и швабры полу, взвалил на койку. Безнаказанно надел наручники и приковал мою ногу к металлической спинке кровати. Когда он протащил койку по комнате и с грохотом врезался в стену, я почувствовал, как в тело начинает возвращаться жизнь.

Кайзи вышел в соседнюю комнату и вернулся с очередной парой наручников. Я понял, что у него на уме, решил перекатиться на бок, свалить его ударом пятки, но удалось только вяло дрыгнуть ногой. Он стащил меня с кровати, приковал за ногу к металлической трубе на стене. Кайзи тяжело дышал, физиономия его перекосилась от злости. Утонченный мультимиллионер исчез, передо мной стоял зверь. Снова и снова я получал удары в лицо. Лишь больно ушибив кулак о мою челюсть, он унялся.

— Никто не смеет мне перечить! Никто!

Он потер ссаженные костяшки.

— Да как тебе, заурядному преступнику, хватило наглости диктовать мне условия?! Не потерплю!

Вернулась жестокая улыбка. Выровнялось дыхание. Я получил болезненный удар ногой по ребрам. Но это было уже не по злобе, а по расчету.

— Ты беспомощен. Я могу сделать с тобой все, что захочу. А сейчас я хочу одного: оставить тебя здесь на несколько дней без воды и пищи. И вскоре ты будешь с нетерпением ждать моего возвращения, чтобы рассказать, как вывезти облигации. Если расскажешь, я, может, и оставлю тебя в живых.

Вот он, настоящий Кайзи. Императрикс фон Кайзер-Царский без маски.

— Как Ибу? Которого выловили в озере?

Я прокричал это Кайзи в спину, и он повернулся. Лицо пошло багровыми пятнами. Ну почему я так и не научился следить за своим языком?

Я понял, что подписал себе смертный приговор.

— Считай, что ты уже в могиле!

Кайзи вышел, хлопнув дверью.

Я услышал, как завелась его машина, как с визгом опустились ворота гаража. А потом с таким же визгом поднялись.

Я остался один.

— Джим, когда-нибудь найди время и научись держать норов в узде.

Мудрый совет. Мудрый, но запоздалый. Впрочем, что толку себе пенять? Лучше подумаем, как выбраться из западни.

Не так-то просто, понял я, вдосталь надергавшись и накорчившись и ободрав кожу о металл. Можно дотянуться до ножных оков и повернуть диски на замках, но, вертя их наугад, до скончания века не найти правильную комбинацию. И труба на стене незыблема. Я крутился, хрипя от натуги. Она сказалась, как и ночное бдение. Я расслабился и крепко уснул.

Потом меня что-то разбудило. Сколько же я проспал? Судя по свету в окне, было все еще утро. Болело разбитое лицо, ныли ребра. Я услышал шорох — кто-то скребся в дверь. Я кое-как повернулся и увидел, как медленно поворачивается дверная ручка. Кайзи? Игорь? Кто бы там ни стоял, мне это ничего хорошего не сулило. В тот миг я почувствовал, как мало осталось во мне надежды. Вообще ничего.

Плавно отворилась дверь. В гараж скользнул некто в темном. Я решил закричать, но сразу передумал. Дождался, когда гость закончит традиционный поиск «жучков» и спрячет трофеи в экранированный мешочек. Затем я с шумом выпустил из легких застоявшийся воздух.

— Джеймс!

— Нет, Боливар. Джеймс все еще роется в компьютерных архивах, ищет чертежи здания.

— Вытащи меня отсюда!

Он повозился с оковами и отрицательно покачал головой.

— Проще сказать, чем сделать.

— Ты на машине приехал?

— Да.

— Слесарный набор. Клещи, молоток.

— Верно!

Клещи сломались — наручники, приковавшие меня к трубе, оказались крепче. Но спинка кровати была сделана из металла помягче, и Боливар разломал ее молотком. Затем помог мне встать и снять наручник с трубы.

— Неважно выглядишь, — сказал он. — К этому фальшивому шраму, да настоящие синяки, да еще наручники... — Он огорченно покачал головой.

— Веди меня к машине и доставай аптечку. Потом — в магазин режущих инструментов. Без этих железок мне сразу полегчает, даю слово. — Я зашаркал прочь из комнаты, гремя цепями. — Кстати, спасибо за внезапное появление.

— Я решил, что пора вмешаться. Ты обещал позвонить, но не позвонил. Тот жлоб, водитель грузовика, сейчас, наверное, едет в Санкист-у-Моря. Я следил за ним, пока он не свернул на скоростную трассу.

— А Кайзи?

— Вероятно, все еще в банке. Его машина — на тамошней стоянке. Прежде чем ехать сюда, я проверил.

Загудел его телефон.

— Оба в пути, — сказал он и дал отбой. — Джеймс добыл чертежи особняка. Просил ехать туда, не задерживаясь.

— В этом городе можно взять напрокат вертолет?

— Запросто. Но сначала — в магазин слесарных инструментов.

Боливар затормозил точно перед входом в лавку и юркнул туда. Через несколько секунд вернулся с молекуразлучником. Бросил его мне на колени, и машина рванула вперед. Я перевернул штуковину, прижал к наручнику. Тонкая энергетическая плоскость ослабила молекулярные связи в металле, и я кожей ощутил поток осыпающихся атомов. Когда мы добрались до вертолетной площадки, я уже смазывал кремом синяки и ссадины. Я собирался бросить молекуразлучник на заднее сиденье вместе с остатками оков, но передумал и спрятал в карман.

Оказалось, что межзвездные пилотские права вместе с тугими бумажниками и кредитными карточками способны творить чудеса. Я ждал в машине появления арендованного вертолета. Затем быстро перебрался на борт и устроился на пассажирском сиденье.

— Только что говорил с Джеймсом, — доложил Боливар, когда мы взмыли. — По его словам, грузовик Игоря стоит возле особняка. Джеймс собрался войти, но я велел дождаться нас.

Я кивнул.

— Один в поле не воин. Эта штуковина летит во всю мочь?

— Мигом домчим. Я велел Джеймсу подыскать местечко для посадки. Там он и будет нас ждать.

Мы летели быстро, но меня изводила мысль, что уже поздно. Мозги жужжали, как пропеллер вертолета. Что делает

Игорь в особняке Кайзи? Если Анжелина там, то он, возможно, приехал по ее душу. Нет, Игорь не причинит ей вреда, по крайней мере, без приказа босса. А вдруг такой приказ уже отдан? Мысли мои описывали круги, желудок капризно урчал. Болел бок. Я порылся в аварийной аптечке и нашел фляжку медицинского бренди.

— Мне нельзя, я за штурвалом, — отказался Боливар. — А тебе, похоже, не повредит.

Разбитые губы обожгло спиртом, но для желудка это был целительный бальзам. Неужто я слишком стар для таких приключений? Судя по самочувствию, да. И в ту минуту я понял, что меня и впрямь укатали крутые горки.

— Вижу площадку, — сказал Боливар в телефон. — Джеймс, это ты нам машешь? Отлично, садимся.

Не дожидаясь, когда остановятся лопасти, мы побежали к машине. Джеймс внимательно осмотрел мое лицо и повязку, но ничего не сказал. Мы уселись, и колеса закрутились.

— Жми во всю мочь, — велел я.

— Грузовик, о котором вы говорили, стоит возле особняка. Насколько мне известно, Игорь в здании один, конечно, если не считать роботов. Чертеж здания — рядом с тобой на сиденье. Дом большой, очень большой. Я насчитал десять... нет, двенадцать комнат. На крыше — пентхауз. И, судя по ортогональной проекции, дом стоит на монолитной плите, подвал отсутствует.

Я подозрительно рассмотрел чертеж, затем постучал по нему.

— Все эти комнаты — с окнами.

— Тут большинство комнат — с окнами, — сказал Боливар.

— По моему настоянию Кайзи принес видеозапись, подтверждая, что Анжелина жива и здорова. В комнате, где велась съемка, было искусственное освещение. И я не заметил в кадре окон.

— А может, это происходило ночью?

— Нет, он уезжал утром. Если Анжелина здесь, он бы вернулся до темноты.

Боливар тоже рассмотрел чертежи.

— Если есть хоть одна комната с зашторенными окнами, с нее и начнем. Найти такое окно снаружи будет нетрудно.

— А если все шторы раздвинуты? — спросил я и добавил, не дожидаясь ответа: — Помните банк? Где Кайзи прятал якобы украденные деньги?

— Конечно! — воскликнул Боливар. — Потайная комната под хранилищем. Если ему в центре города удалось соорудить такое, то в пригороде сделать это проще простого.

Джеймс остановил машину и поднял руку.

— Особняк — за углом, сразу за той рощицей.

Глава 24

Мы высадились и в тот момент, когда Джеймс затворял дверцу машины, услышали скрежет стартера, а затем вой мощного двигателя.

— Это грузовик Игоря, — сказал Джеймс. — Он запаркован возле особняка. Что теперь делать? Поедем следом?

— Нет, — ответил я. — Остановим. Есть шанс, что в кузове Анжелина. А если не в кузове, то в доме. В любом случае Игорь скажет.

— Но это, наверное, опасно... — озабоченно произнес Боливар.

— Я отвечаю.

Я услышал, как фургон тронулся с места и выехал на шоссе. Когда он появился, я поднял руку. В тот момент я так волновался за Анжелину, что совершенно забыл, как выгляжу сам. Я был не я в буквальном смысле. С синяками и ссадинами на лице я — вылитый Иба, восставший из мертвых. Вот почему Игорь, заметив меня посреди шоссе, до отказа вдавил педаль тормоза.

У него отпала челюсть, физиономию перекосила гримаса ужаса.

Затем он упал грудью на баранку. Грузовик катил по инерции прямо на меня.

Я рыбкой нырнул в сторону, сделал кувырок и выпрямился уже на обочине около моих мальчиков.

— Остановите грузовик! — закричал я. И поморщился от боли — только что обзавелся новыми ушибами.

Неуправляемая машина съехала на обочину и врезалась в купу деревьев. Толстые стволы растрескались, наклонились, но не рухнули.

Однако грузовик — не танк. Колеса покрутились вхолостую и замерли, содрогнулся кузов, в последний раз рыкнул двигатель и умолк.

Первым до кабины добрался Джеймс, распахнул дверцу. Выскользнуло бесчувственное тело Игоря и врезалось бы в землю головой, не схвати мой сын водителя за ноги. Я перелез через обоих в кабину. Анжелины там не было. В кузове тоже было пусто.

— Поверни его набок, вытащи язык, — командовал Боливар. — Вот так. Пульс?

— Есть. Но очень слабый, учащенный и неровный.

— Сердечный приступ? — спросил я.

Джеймс кивнул и огляделся. Немногочисленные дома стояли на порядочном отдалении, свидетелей, кроме нас, не было.

— Все это мне не нравится.

Жалеть Игоря было не за что, но не стоять же над ним, дожидаясь, когда он испустит дух.

Но не я, а Джеймс высказал эту мысль.

— Не хочу, чтобы его смерть легла на нашу совесть. Давайте-ка вызовем «Скорую помощь».

Он достал телефон.

— Вызови, — согласился я. — Будет не лишним, если ты съездишь с ним в больницу. Или хотя бы проследишь за машиной. А тем временем мы с Боливаром обыщем дом. Если ничего не выясним, позвоним тебе, и ты допросишь Игоря, когда он очухается.

Джеймс вызвал медиков.

— «Скорая» в пути. Я назвался родственником, мне позволят сопровождать Игоря. Буду держать вас в курсе.

— Погоди-ка, — сказал Боливар. — Не лучше ли будет, если я тебе позвоню? Мы хотим незаконно проникнуть в чужой дом, вряд ли будет разумным дожидаться там звонка. К тому же он может нас выдать.

— Так и сделаем. Идите в дом, а когда что-нибудь найдете, сразу позвоните.

Послышался вой сирены, и мы скрылись в рощице, что окаймляла поместье с двух сторон. Под ее прикрытием выбрались на задворки. По пути мы заглядывали в каждое окно — все не зашторены. Пентхауз был из стекла, и мы, разумеется, проверили и его.

— Погляжу с той стороны, — сказал Боливар. — А ты лучше подожди здесь.

Он исчез, не дожидаясь ответа. Безмолвным призраком обогнул широченный плавательный бассейн и скрылся. Я постоял под деревьями, посмотрел на дом. За окнами — ни малейшего движения. На заднем дворе стоял большой гараж на две машины. Он был на запоре, но это меня не остановило. Однако в гараже я обнаружил лишь одно средство передвижения — старинный мопед со спущенной камерой. Полом служила крепкая плита из замасленного бетона. Я постучал ногой. Плита звучала, как и полагается массивной бетонной плите.

Я вышел наружу. Через минуту появился Боливар, отрицательно мотая головой.

— Ни одного зашторенного окна. Думаю, пора вспомнить твою гипотезу о потайной комнате.

— Входим?

— Сначала позвоним Джеймсу. Он, наверное, уже в больнице. Если «Скорая» и не доехала, робофельдшер наверняка сообщил все сведения о пациенте. Сейчас узнаем, что стряслось с нашим приятелем.

Боливар набрал номер.

— Это дядя Том. Мы очень волнуемся.

— Да, Том, есть от чего волноваться. Игорь без сознания, у него обширный инфаркт миокарда. Придется пересаживать правый желудочек. Как только приедем, ему подключат искусственное сердце. Как ваша охота?

— Стоим перед красивым домом с замечательным видом из каждого окна. Сейчас войдем.

— Обо мне не забывайте.

— Ну что ты!

— Бедный Игорь, — сказал я. — Знаю, я выгляжу не ахти, но чтобы при моем виде — инфаркт... Видать, у кого-то нечистая совесть. Я намекаю на исчезновение настоящего Ибы. Если Игорь — соучастник, он принял меня за призрак или подумал, что его жертва восстала из могилы. Впрочем, сейчас не до него. Надо проникнуть в дом. Есть идеи?

— Как насчет того, чтобы позвонить в дверь? Снаружи мы никаких ответов не получим.

— Железная логика, дитя мое.

Я нажал на кнопку, и где-то в глубине дома зазвонили колокола. Из дверного косяка торчала линза телекамеры. Я поспешил шагнуть в сторону, надеясь, что не угодил в кадр. Чего доброго, еще кого-нибудь доведу до инфаркта, а это уже перебор. Дверь отворилась.

— Чем могу служить? — произнес рафинированно-вежливый голос.

— Я приехал навестить Императрикса фон Кайзера-Царского, — сказал я.

— С глубоким сожалением вынужден поставить вас в известность, что хозяина нет дома. Что ему передать?

— Я скажу, что ему передать.

Я шагнул к привратнику.

Разумеется, им оказался роскошный робот. Выше меня. Сверкающий великолепно отполированной сталью. Глазами служили громадные бриллианты отменной огранки. Вдобавок робот носил белые перчатки. И от него на версту веяло механическим чванством.

— И что же вам угодно передать моему хозяину, сударь?

— Не твое, железка, дело. С дороги!

Я двинулся вперед, но меня решительно остановила металлическая десница в белой перчатке.

— У меня строжайший приказ этого не допускать. Извольте сейчас же выйти вон.

— Я не уйду, и ты меня не остановишь.

Я нажал, и робот убрал руку. Затем сложил металлическую кисть в кулак и врезал мне в челюсть.

— А как же законы роботехники? — возопил я, хватаясь за ушибленный подбородок. — Робот не может причинить вред человеку.

— Вы, милостивый государь, не человек. Вы гадкая инопланетная форма жизни.

Боливар вставил ногу между дверью и косяком. Робот наступил ему на ботинок и захлопнул дверь.

— Эй! — вскричал мой сын, прыгая на одной ноге и держась за другую.

— И правда, «эй», — согласился я, потирая челюсть. — Не уверен, что этот робот мне понравился.

С этими словами я достал молекуразлучник, включил и быстро провел им вокруг замка. Тот вывалился на коврик. Отошедший в конец коридора робот вернулся.

— Вход воспрещен! Я немедленно обращусь в полицию.

— Мы и есть полиция! — заорал я. — Офицер, предъявите этой штуковине ваш жетон.

Боливар сверкнул роскошным, хоть и фальшивым, жетоном с позолотой и рубинами.

— К нам поступила жалоба, что по этому адресу бесчинствует сумасшедший робот. Собирайся, поедешь с нами.

— Мне запрещено покидать эти апартаменты. Соблаговолите немедленно уйти.

— Не соблаговолим, потому что попран закон! Ты меня ударил, хотя не мог не знать, что наносить побои человеческому существу — ужасное преступление. Ты арестован.

— Я знаю законы. Но вы никакой не человек.

— Тебе прекрасно известно, что я человек. А ты — конструкция. Значит, существует и твой конструктор. Тебя сделали люди, и я, как видишь, принадлежу к их числу. Следовательно, я — представитель сконструировавшей тебя человеческой расы. А конструкция обязана подчиняться своему конструктору.

Подумать только, я веду философский диспут с роботом. Докатился!

— А я вижу, что никакой вы не человек. Хозяин мне объяснил, что люди — это налогоплательщики Феторра. Инопланетяне к человеческой расе не относятся. Еще он дал мне список всех настоящих людей в этом городе. Вы туда не включены. Следовательно, вы должны уйти. Если не уйдете, я выполню приказ уничтожать все инопланетные формы жизни.

Он двинулся вперед, и Боливар поспешил отойти в сторону, так что мы с ним оказались на одинаковом расстоянии от робота. Дворецкий остановился, растерянно завертел головой, не зная, кого уничтожить в первую очередь.

— Вы обязаны удалиться. Инопланетным формам жизни входить сюда запрещено. Наказание — уничтожение на месте.

Я зашел роботу за спину и тем самым вывел его из логической западни.

— Вы оба обязаны уйти. — Он повернулся и схватил меня. — Вы прошли дальше, чем ваш спутник, а потому уходите первым, иначе будете демонтированы.

Он держал меня мертвой хваткой и, судя по интонациям, наслаждался своими умозаключениями.

Боливар проскочил мимо нас и закричал:

— А я прошел еще дальше! Заставь меня выйти первым, это твой долг.

— Прошедший дальше должен выйти первым.

В тон дворецкого вторглась нотка растерянности. Он отпустил мою руку и потянулся к Боливару.

Я пробежал по коридору с криком:

— А я — еще дальше! Меня первым надо выгнать.

Робот держал Боливара за руку, но бриллианты уже уставились на меня.

— Я дальше! — крикнул я.

Раздался непонятный скрежет — я надеялся, что это лопаются логические цепи. Казалось, робот забыл о Боливаре. Вдруг дворецкий пошел за мной, не выпуская его руки.

— Эй! — вскричал Боливар, пытаясь вырваться.

А в следующий момент робот и меня схватил за предплечье. Значит, время точить лясы вышло. У меня не было желания подвергаться демонтажу. Я выхватил из кармана молекуразлучник и показал роботу.

— Знаешь, что это такое? А коли знаешь, советую припомнить остальные законы роботехники. Не допускай, чтобы тебе причинили вред. А ну, отцепись, не то манипуляторы отрежу! Учти, в наши дни безрукой жестянке нелегко найти работу.

Снова раздался скрежет, и металлические пальцы разжались. Робот стоял столбом, над макушкой курился дымок.

— Молодец, папа. В диспутах ты силен. Особенно с роботами. Ну, а теперь пойдем поищем.

Мы поискали, но ничего не нашли. Одну за другой осмотрели комнаты — пусто. Боливар заглянул во все чуланы, а я поднялся в пентхауз. Ничего. И ничего похожего на дверь, ведущую вниз. Хоть бы один винный погребок на всю хоромину.

— Робот должен знать.

— Да, если только ты ему мозги не расплавил.

Я топнул. Судя по звуку, внизу — земля.

— Мы только в одном месте не посмотрели, — сказал Боливар. — В будке у бассейна, где пульт нагревателя и фильтра.

Он не договорил, а я уже открывал дверь, ведущую к бассейну. Но в будке не было ничего, кроме обычной техники. И стояло это сооружение на монолитной плите.

— Значит, в доме, — решил я. — Уверен, мы что-то проглядели. Давай вернемся, я хочу осмотреть каждый квадратный сантиметр.

Так мы и сделали. Во всех комнатах. Отодвигали мебель, пинками отшвыривали ковры. Даже холодильник оттащить попытались. Ничего.

— Последняя комната, — заметил Боливар, заглядывая в дверной проем. В голосе сквозила тревога. — Хозяйская спальня.

Сначала мы осмотрели ванную. Вся сантехника — на своих местах, ничего не сдвинешь. В спальне — полированный паркет, между планками даже ногтю не влезть. Посреди внушительной комнаты возвышалась кровать. Я тяжело опустился на нее — давали себя знать усталость и увечья. Уронил голову на ладони. До чего же я устал...

Эге! А это еще что? Едва заметная царапинка на паркете. У ножки кровати.

— Ага! — Я упал на колени и вгляделся.

— Папа, что-нибудь не так?

— Что-нибудь так! Погляди-ка. Видишь, на полу, у ножек, царапины? Похоже, кровать отодвигали. Вот так.

Я изо всех сил толкнул ее. И ничего не произошло. Сначала.

Затем раздался металлический щелчок, и сопротивление прекратилось. Я упал ничком, а кровать легко поехала по комнате. И в считанных дюймах от собственного носа я увидел утопленную в полу ручку. Мы с сыном потянулись к ней одновременно. Победила молодость. Боливар схватил ручку, повернул, дернул на себя.

Крышка люка была даже шире, чем в банке, но снабжена превосходно отрегулированными противовесами и поднялась, как перышко. Снизу в отверстие хлынул свет.

Анжелина смотрела на нас и улыбалась.

— Какая замечательная картина! — сказала она.

Глава 25

— Мы спускаемся! — крикнул я.

— Сделайте одолжение. С удовольствием бы сама к вам запрыгнула, но я связана. Ты там не видишь кнопку или рычажок?

— Да, есть. В раме люка.

— Нажми.

Она отошла в сторону.

Я до отказа вдавил кнопку. Загудел мотор, заскрежетали шестеренки и в подвал спустилась металлическая лестница. Я оказался на ней еще до того, как она коснулась пола. В доли секунды слетел, пересек комнату и заключил свою подругу жизни в крепкие объятия.

— Я... рада тебя видеть... даже с таким лицом... Но мне бы и вздохнуть хотелось.

— Извини. — Я отстранился от нее, но удержал за плечи. — Ты как, цела?

— Вроде да, хотя еще секунду назад уцелеть не надеялась.

— А где наша Глориана?

— Вон она.

Я посмотрел, куда указывал палец Анжелины. Свинка лежала без чувств.

— Это газ, — сказала Анжелина. — Она жива?

У Глорианы были закрыты глаза, разинут рот. Я склонился над бедняжкой и погладил по иглам. Они мешали добраться до кожи, проверить, стучит ли сердце.

— Не могу сказать, — признал я свое поражение.

Анжелина порылась в сумочке, достала косметичку, подала.

Я недоуменно открыл сумочку. Сообразил не раньше, чем увидел зеркальце.

— Ну, конечно! — Я склонился над неподвижным зверем и приблизил зеркальце к пятачку. — Ничего... Нет! Погоди! Запотевает! Она жива!

Боливар тоже спустился по лестнице и теперь рылся в карманах.

— Наверное, это сонный газ. Сомневаюсь, что Кайзи доверил бы Игорю ядовитый. Вот противоядие.

Я взял у него аэрозольный баллончик и брызнул нашей любимой свинке в каждую ноздрю. Сначала ничего не происходило, затем встрепенулось веко, открылись глаза. Глориана тихонько взвизгнула и с трудом поднялась на ноги. Я почесал ей за ушами, и снова мир стал розовым.

Анжелина поцеловала Боливара в щеку.

— Как я вам рада! Не беспокойся, я вполне здорова. Но без этого железа мне будет еще лучше.

Она погремела цепью, что тянулась от оков на запястьях к толстой скобе в полу.

— Я и не заметил. Прости.

Молекуразлучник еще раз доказал, что в некоторых случаях он незаменим.

— Это идея Игоря. Когда он спустился по лестнице, Глориана занялась его лодыжками. И поработала на славу. Он удрал, потом вернулся и усыпил Глориану. И пригрозил то же самое сделать со мной, если не дам посадить себя на цепь. Поэтому я больше не смогла дотянуться до стены. — Она указала на выбоину в штукатурке, где виднелись провода. — Хотела их перерубить, надеялась устроить короткое замыкание. Может, электрики, выясняя причину аварии, нашли бы меня.

И тут я впервые оглядел узилище своей драгоценной жены. На потолке одиноко светился плафон из бронестекла.

— Никогда не выключался, — пожаловалась Анжелина, проследив за моим взглядом. — Трудновато засыпать.

Кровать, раковина с одним краном, унитаз без крышки, автокормушка. Спартанская обстановка, как в настоящей тюрьме.

Мой гнев остыл, стянулся в тугой узел решимости.

— Кайзи за все это заплатит. И дорого заплатит. Не деньгами.

— Пошли отсюда, — сказала Анжелина, хватая сумочку и направляясь к лестнице. — Мне срочно надо подкрепиться и выпить чего-нибудь освежающего, и побольше. Эта машина набита обезвоженной едой. Я даже свинке брезговала ее давать.

Глориана хрюкнула, услышав эти слова, — ее словарь рос не по дням, а по часам. А затем сосредоточенно полезла по узким ступенькам. Вслед за ней и мы покинули бункер.

— День! — воскликнула Анжелина. — Какая прелесть! А теперь ты должен рассказать, что случилось в мире, пока я маялась в подвале.

Боливар сразу позвонил по телефону, и Джеймс уже подъезжал, когда мы выходили из особняка. Опять — трогательная сцена воссоединения, и вот мы наконец едем прочь.

Пока я просвещал супругу, Джеймс запарковался подальше от других авто — ни к чему, чтобы меня видели дети и чтобы им потом снились кошмары. Затем мы пошли в ближайшую закусочную. К несчастью, ею оказалась «Забегаловка Макальпо». Но Анжелину это вроде бы не смутило, и под мой рассказ она лихо расправилась с «двойным доберманом». Глориана, сопя, уплетала огромную порцию жареного картофеля.

— Вот так обстоят дела. Облигации полежат в надежном месте, пока я не приеду за ними. Думаю, Кайзи еще не знает, что я сорвался с крючка. Нам больше незачем плясать под его дудку, а значит, пора строить планы на будущее.

— Согласна. При условии, что в эти планы войдет изощренная месть с причинением телесных увечий одному наглому аферисту и его придурковатому помощнику.

— Помощник отпадает, вернее, уже отпал. Джеймс отвез Игоря в больницу, этот паршивец при виде моей физиономии схлопотал инфаркт. Должно быть, принял меня за ходячего покойника. Кстати, как он там? — обратился я к Джеймсу.

Тот пожал плечами.

— Когда я уходил, его везли на операцию. Доктор сказал, что Игорь силен и молод, возможно, выкарабкается. Но вряд ли в ближайшие дни доставит нам проблемы. Между прочим, в больнице я прихватил газеты. Смотрите, на первых полосах — сообщения о таинственном пожаре. И полиция все еще расследует диверсию в Шварцлегене.

Мы отправили Джеймса за едой, а сами прочли новости. И не сосчитать, сколько раз мы пропускали регулярные трапезы. Насытившись, задумались о будущем.

— У меня великолепное предложение, — сказал Джеймс, слизывая с пальцев сок песбургера и стараясь не лаять. — Папа, твое лицо сейчас даже без шрама красивым не назовешь. Синева с чернотой вперемешку. А мама, похоже, устала еще больше, пока сидела в подвале и не ведала, что творится в мире. Советую вам отпра-

виться на Элизиум, планету вечного праздника, а мы с Боливаром закончим дела здесь.

— Поддерживаю, — оторвался от газеты Боливар.

— Приятно это слышать, — сказала Анжелина. — Да, мы полетим на Элизиум, но сначала я должна кое-что сделать.

— И я. В частности, надо забрать эти проклятые облигации.

— Нет, — твердо заявила Анжелина. — Мы больше не расстанемся. Облигации не стоят риска. Женская интуиция подсказывает, что мы должны махнуть на них рукой и улететь. Конечно, после того как...

Я заметил, что Боливар не участвует в разговоре. Очевидно, газеты казались ему более интересными. Я хотел поинтересоваться, что пишут, но тут он смял газеты в комок и азартно вскричал:

— Эврика!

Это, естественно, вмиг привлекло к нему внимание.

— Я понял, что затеял Кайзи, что стоит за всеми его махинациями.

Наше любопытство увеличилось вдвое.

— Моя хоть и краткая, но интересная карьера финансиста сейчас достигла зенита. И прежде чем я вернусь к изучению лун, она сослужит мне добрую службу. Все кусочки мозаики ложатся на свои места. Чтобы видеть картину в целом, надо вернуться к самому началу, к моменту, когда Кайзи сделал Стальной Крысе предложение, от которого невозможно было отказаться.

— Если б я захотел, отказался бы.

Анжелина красиво изогнула бровь.

— Ты? Отказался бы от четырех миллионов кредитов в день?

— Но ты должна признать: это довольно соблазнительная сумма.

— Кайзи очень точно знал, что делает. Он первоклассный межзвездный мошенник. Сначала — деньги, потом — поиски в базах данных, далее — сообщение, что все ниточки ведут в цирк «Большой Бигтоп», к силачу Пьюссанто.

Я с горечью кивнул.

— Превосходное надувательство. Мы сами нашли эти ниточки и думали, что Кайзи о них не догадывается. На самом же деле он их нам подсунул. Но что он имел против Стальной Крысы? Почему его выбор пал на меня, на мою семью?

— Ничего он против нас не имел, но твоя персона идеально вписалась в его планы, разработанные, несомненно, еще в то время, когда он узнал, что «Большой Бигтоп» собирается гастролировать на Феторре. Бизнесмены этой планеты — жуткие провинциалы, им достаточно снимать пенки по месту жительства и наслаждаться радостями буколической жизни. Но Кайзи такой удел не подходит. У него и впрямь галактический размах, и он знает, что творится во вселенной.

— Галактические интересы? В космосе?

Я все еще не понимал, как эти детали стыкуются друг с другом.

— Он знал, что цирк — прикрытие для межзвездных сыщиков. У меня стойкое ощущение, что он с ними уже сталкивался на других планетах. То есть знал, что Пьюссанто — налоговый инспектор, а Гар Гуйль — организатор Союза Объединенных Союзов. Я провел небольшое расследование и выяснил — что танцовщица-акробатка Белиссима — сотрудница ФБР, Фонда Биржевых Расследований. Кайзи понял, что для неплательщиков налогов, для душителей профсоюзов, для финансовых махинаторов наступают тяжелые времена. И решил извлечь из этого выгоду. В первую очередь постарался отравить жизнь конкурентам. Для того-то и понадобилась Стальная Крыса. Сначала ты был нужен, чтобы тебя обвинили в совершенных Кайзи преступлениях...

— А потом мне и самому пришлось нарушать законы. У вора вор дубинку спер, — с горечью сказал я. И моргнул. Я все еще не понимал, какая польза от этого мерзавцу Кайзи. — Допустим, ему пригодятся деньги, украденные в собственном банке, но все остальное...

— Ты только погляди на финансовые полосы, — сказал Боливар, разглаживая смятые газеты. — Прочти заголовки. «Затянувшийся локаут привел к снижению котировок акций». «Инвесторы в ужасе от резкой девальвации национальной валюты». Это из-за твоих облигаций. «Бум на рынке топлива». Ни о чем не говорит? А вот это мне нравится больше всего: «Первый межзвездный банк вдов и сирот» отправляет персонал в бессрочный отпуск. Это банк Кайзи, если помнишь. Он целенаправленно посеял панику и натравил вкладчиков на собственный банк.

— Мне доводилось слышать о подобных вещах, — признал я. — Правда, я думал, это просто сказки.

— Да, в галактике такое случается редко, потому что за банками надзирает специальная контрольная комиссия. Здесь же, очевидно, нет ее отделения. Тебе должно быть известно, что не все активы банков выражены в наличных. Как правило, денежный запас — это лишь фиксированный процент от оборотного капитала. Остальное вложено в операции, которые поддерживают банк на плаву. Когда вкладчики сомневаются в его надежности, они спешат забрать деньги со своих счетов, но банк не может расплатиться со всеми. Если процесс не остановить, неизбежен крах.

— И все-таки не могу взять в толк, зачем ему понадобилось подставлять под удар свою же лавочку. Вдруг она лопнет?

— Не лопнет. Насколько я понимаю, ему нужно все средства, вложенные в другие предприятия, перевести в наличные. Но паника распространяется, как чума. Клиенты других банков тоже побегут за своими кровными, и это подольет масла в огонь. Затем Кайзи

раздует истерию на фондовом рынке, переполошит инвесторов, и разорение банков примет необратимый характер. Прочти.

Он передал мне газету, постучал по заголовку одной из статей.

— «Феторрский кредит удручающе отстает от соперника». А кто у нас соперник?

— Межзвездный кредит. Когда мы сюда прилетели, эта парочка конвертировалась один к одному. А сейчас, после всех финансовых потрясений, здешняя денежная единица упала на семнадцать пунктов. Иными словами, ты можешь за восемьдесят три межгалактических кредита купить сто местных.

До меня наконец дошло.

— Теперь понятно. Не считай меня тупым, просто все это мне в диковинку. Так-так, помнится, Кайзи владеет не только банками, но и брокерской конторой?

— Вот я вас слушаю, слушаю, — вмешалась Анжелина, — но, боюсь, не понимаю, почему вы так возбудились. Может, растолкуете?

— Не волнуйся, мама, это проще пареной репы, — сказал Джеймс. — Кайзи позаботился о том, чтобы здешняя экономика сошла с рельс, и теперь помогает ей лететь под откос. Сначала — опустошительные кражи, затем — диверсия на атомной электростанции. Он играет на понижение и скупает кредиты по дешевке.

— Он прибирает к рукам активы! — догадалась Анжелина, и мы закивали как сумасшедшие. — Все свои деньги поставил на дальнейшее падение феторрского кредита. Даже если экономика превратится в руины, он загребет миллиарды.

— Вот именно, — сказал, довольно потирая руки, наш финансовый гений Боливар. — Итак, мы разгадали стратегию Кайзи и теперь обыграем его. Обдерем как липку. Ударим по ахиллесовой пяте.

— То есть по его бумажнику, — уточнила Анжелина. — Но, занимаясь полезным, не будем забывать и о приятном. — Она легонько дотронулась до моей забинтованной головы. — Мальчики, вы разберетесь с деньгами, а я — с их хозяином.

Ободренные, даже взволнованные, мы полетели в Феторрвиль. Даже Глориана выглядела довольной, похоже, ей понравился ее первый воздушный рейс. Мы спорили, генерировали идеи, строили планы. Грезили возмездием. Делили шкуру неубитого медведя. А потом я загрустил. Мальчики не обратили внимания, но Анжелина заметила. И встревожилась:

— Что, ушибы? Дать обезболивающего?

— Ушибы ни при чем, но я и в самом деле не отказался бы от какой-нибудь микстуры от боли. А лучше — от депрессии. — Мои мысли, кружа по накатанной колее, приходили к одному и тому же неприятному выводу. — Боливар!

Он повернул голову.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы вырыть для Кайзи монетаристскую яму?

— День, от силы два. А что?

— А то, что я, к сожалению, должен вернуться в свою тюрьму, то есть на склад. Если Кайзи обнаружит, что я сбежал, он обрежет все концы. Ведь он знает, что я могу притянуть его за грабежи и убийство.

— Я тебя не отпущу, — запротестовала Анжелина.

— Боюсь, придется. Ничего, за меня не переживайте. Сначала я хорошенько наемся и напьюсь, а кандалы надену, только когда он подъедет к складу. Сказать по правде, мне это даже нравится. Еще поглядим, кто у кого украдет дубинку. Если все сделаем правильно, он даже не поймет, что его надули.

Глава 26

Перед тем как мы отправились на склад, Боливар позвонил Кайзи, но ответил его секретарь — мол, хозяин слишком занят и к телефону не подойдет.

Еще бы он не был занят! Поди, не каждый день доводится развалить банки, на которых зиждется планетарная экономика.

В вертопорте был ресторан, к нему примыкал уютный маленький бар. Мы нашли столик, сделали заказы, а тем временем Боливар договорился с администрацией о билетах на обратный рейс.

Мой язык все еще хранил неприятную память о совершенно безалкогольной кошкаколе, которую подавали в «Макальпо». Впрочем, от этого ощущения меня быстро избавил «Гнилой потрох» со льдом.

Анжелина в порядке исключения взяла с меня пример, а затем перешла на белое вино.

— Нам нужны план и список, — сказал я, нажимая кнопку, чтобы повторить заказ. Джеймс водрузил на стол компьютер-пальмтоп и приготовился печатать под мою диктовку. — Косметический набор, чтобы вернуть моей физиономии прежнюю красоту, когда снимем повязку. Новые наручники, а также подержанную койку взамен разломанной Боливаром.

— И новый «жучок», — добавила Анжелина, — чтобы знать, когда объявится Кайзи. Джеймс, я собираюсь за покупками, и мне необходимы ты и твоя кредитная карточка.

— Нам предстоит вложить уйму денег, — сказал Джеймс, подсаживаясь к нам за столик. — Фьючерсные сделки, скупка валюты... Но лишь в том случае, если я получу необходимые фонды.

— Вот тут-то на сцену и выходит «Банко Куэрпо Эспесиаль», — заметил я. — Которым владеет наш старый знакомый — Специальный Корпус. Если не сумеешь наскрести нужную сумму, свя-

жись с Инскиппом, он тряхнет кошельком. Не постесняйся упомянуть мое имя.

Боливар поймал такси и отправился в банк, а Джеймс взял список необходимых покупок.

Мы с Анжелиной остались ждать его возвращения в тепле и уюте бара. Я заказал выпивку.

— Когда вывернем Кайзи карманы, — сказал я, — не откажусь от длительного отдыха под тропическим солнышком.

— И я. Для начала. Но я заглядываю в будущее гораздо дальше.

— И что ты там видишь?

— Вижу, что нашему возрасту приличествует более спокойный образ жизни.

— Что? Бросить шоу-бизнес!

— И шоу-бизнес, и валяние дурака, которым мы занимались все эти годы. Довольно, пора на заслуженный отдых. Я повешу на стену свои верные пистолеты, а ты — любимую отмычку.

Я рассмеялся и вдруг увидел, что она нисколечко не шутит. А может, не так уж и плохо — день-деньской посиживать на солнышке в шезлонге... или в инвалидном кресле...

— Да, но не будет ли это несколько... гм... скучновато?

— Чепуха. Можно путешествовать. В галактике тьма-тьмущая планет, на которых мы еще не бывали, яств, которых не едали...

— Вин, которых не пивали!

— Ага, кажется, до тебя наконец доходит. — Ее счастливая улыбка исчезла. — Джим, я не жалуюсь, ты ведь знаешь, это не в моем характере. Но в том ужасном подвале было вдоволь времени, чтобы подумать о будущем. И меня не тянет пережить подобное еще раз.

— Мне тоже не хочется очутиться на кровати в наручниках и ждать смерти от жажды или пули.

— Вот именно. Надо позаботиться о том, чтобы в будущем не попадать в такие переделки. Подумай над моими словами.

— Непременно подумаю, обещаю. Как только облегчим кошелек нашему общему другу.

— Да, о нем мы позаботимся непременно. А потом уйдем не оглядываясь.

В дверях появился Джеймс, помахал нам рукой. Глориана проснулась, потянулась. Мы вышли из-за столика.

Должен признаться, когда мы ехали к складу, меня обуревали нехорошие предчувствия. Мы ждали снаружи, пока Джеймс выловит «жучков» и посадит их в мешочек. Я не испытал особого восторга, услышав щелчки наручников. Анжелина тоже не выглядела счастливой, гримируя мое разбитое лицо. Она полюбовалась на дело рук своих, затем нахмурилась.

— Джеймс, я передумала насчет поездки по магазинам. Возьму такси, отправлюсь в вашу с Боливаром гостиницу. Надолго залягу в

пузырьковую ванну и буду отдыхать. Отведу Глориану на прогулку, нам обеим не повредит моцион. Тебя прошу держаться поблизости, вдруг что-нибудь пойдет не так. Давайте забудем про Кайзи, про деньги, про месть, вообще про все, что связано с риском для жизни вашего отца. Ты меня понял?

— Прекрасно понял. Я буду рядом. С такой же рацией в ухе. — Он протянул на ладони что-то вроде рисового зернышка. — Со склада меня не заметят, но я услышу все.

Я забрал зернышко и вставил себе в ухо. Анжелина поработала на славу — на моем лице не оставалось живого места. Когда все было готово, Джеймс освободил «жучков». Анжелина послала мне воздушный поцелуй, и они удалились.

Навалилась тоска, но выпивка взяла свое. Я уснул в считанные секунды.

Я пересмотрел множество отвратительных снов, пока меня не разбудил шепот в ухе. Том самом, где лежала крошечная рация.

— Похоже, к складу подъезжает Кайзи, — предупредил Джеймс.

— Который час? — произнес я тихо-тихо. Слышать мог только сын.

— Скоро закат. Кайзи засиделся в банке допоздна.

— Нетрудно угадать, почему. Будь на связи.

— Обязательно.

Я мог снять наручники, но надеялся, что такая необходимость не возникнет. Осталось потерпеть совсем недолго, и, если я правильно сыграю свою роль, наш ответный демарш приведет к победе.

Я услышал, как отворилась и затворилась входная дверь. Потом раздались шаги — кто-то приближался к моей комнате. Клацнула ручка. Я повернулся, посмотрел.

— Что, Джим, небось пить хочется?

Под глазами у Кайзи лежали черные круги. Он денно и нощно строил свои мошеннические планы. Но все же сохранил достаточно энергии для садистских шуточек.

Я ответил хриплым кашлем.

— Ты готов отдать облигации?

— Воды...

— Пожалуйста.

Он вернулся с чашкой воды, поднес к моему лицу и вылил на пол.

Я играл, как заправский лицедей, — хрипел, кашлял, стонал. Ему понравилось.

— Так как насчет облигаций?

— Я... отдам...

В награду я получил полчашки тепловатой воды. Ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть от жажды. Кайзи холодно смотрел на меня.

— Не верю, — сказал он. — Джим диГриз так легко не сдается. В ближайшие дни я буду очень занят, поэтому мы, пожалуй, перенесем операцию на следующую неделю.

Моя голова упала на грязную подушку, я жалко захрипел, и это вызвало у Кайзи улыбку.

— Так и быть, время от времени будешь получать глоток воды, однако никакой пищи. Ты мне нужен слабым, но не мертвым. Думаю, за эту недельку ты одумаешься и согласишься встать под мои знамена. А если нет, подождем еще немного. Ну, я тем временем найду, о чем потолковать с твоей супругой.

Я очень реалистично скорчился в припадке бешенства.

— Джим, даже тебя можно сломать. Уж поверь.

— Чтоб тебе... сгнить в аду... — прохрипел я вслед ему.

Ах, до чего же ему нравилось мучить людей.

Я насобирал горсть «жучков» и спрятал в радионепроницаемый мешочек. Но одумался и рассыпал по кровати. Если они умолкнут надолго, Кайзи насторожится.

— Джеймс, забери меня отсюда, — проговорил я. — Думаю, близится последний акт.

Джеймс бесшумно открыл дверь гостиничного номера. Но Анжелина уже не спала. Она сидела на кровати, и ей потрясающе шел мужской купальный халат.

— На столике — горячий кофе.

— Чудненько!

Я наполнил две чашки, одну дал Джеймсу.

— Кайзи пришел и ушел. Этот садист решил держать меня взаперти, чтобы я варился в собственном соку. Но теперь он обо мне вспомнит не скоро — других забот полон рот. — Я потер накладной шрам, который норовил отвалиться. — Хочу смыть грим, а может, и эту гадость заодно, пока не омертвело слишком много клеток. Не согласится ли кто-нибудь позвонить вниз и заказать гору еды на завтрак?

Умытая и высушенная феном Глориана сладко посапывала. Она не проснулась, пока я обмывал раны и надевал халат. Я вышел из ванной и воспрянул духом при виде стола, ломящегося под тяжестью яств.

— Мрунгль... — Не так-то просто говорить с набитым ртом.

— Сначала проглоти, — послышался разумный совет Анжелины.

Наконец, блаженно отдуваясь, я сказал:

— Только одного не хватает — сигары!

— Папа, я знаю наперечет твои грязные привычки.

Джеймс подал коробку с сигарами.

— Мы правильно воспитали детей, — сказала Анжелина.

С этим я поспорить не мог. Такими сыновьями можно только гордиться. Уже не говоря о невестках.

— Как там наша игра?

— Ставки сделаны, к концу дня Кайзи будет богатейшим человеком планеты.

— Это он так считает, — поправила Анжелина. — И что потом?

— Потом на сцену выйдете вы, и упадет занавес. Боливар все подготовит. — Джеймс глянул на часы. — До занавеса еще несколько часов. Отвезти вас туда?

— Сделай одолжение. — Я сколупнул последнюю чешуйку шрама. — И мне понадобится одежда.

— Об этом я уже подумала. — Анжелина встала. — Не забудь, полиция все еще ищет лицо, которое ты сейчас носишь. Мне надо проехаться по магазинам, заодно и для тебя что-нибудь подберу. Джеймс, составишь мне компанию?

— Увы. Я бы с удовольствием, но есть неотложные дела. Компьютерные проблемы в банке. Я открыл для тебя неограниченный кредит в самом дорогом универмаге.

— Этого вполне достаточно. — Она грозно посмотрела на меня. — Не кури до моего возвращения. И не налегай на выпивку.

— Что ты, как можно! Одна-единственная сигара, один-единственный глоточек вина. Сладкий ликер успеха — вот что мы выпьем вместе.

— Его будет хоть отбавляй, — пообещал Джеймс и вышел.

Я остался один и был рад этому. Я очень устал, ныли многочисленные ушибы и ссадины. Но при этом я испытывал огромное облегчение. И не сомневался, что Анжелина разделяет его. Вдобавок она просто обожает делать покупки. Мальчики тоже счастливы — у них интересная работа. И выгодная. И справедливая. Разве не благородно изымать огромные денежные суммы со счетов жадных и жестоких капиталистов и потихоньку затягивать удавку на шее ни о чем не подозревающего Кайзи? Я включил успокоительную музыку и отыскал в баре несколько бутылочек, успокаивающих еще лучше.

И подумал о том, что нам с Анжелиной и правда пора на отдых. Впереди — праздные солнечные месяцы. Минимальная зарядка по утрам, только для того, чтобы вечером был аппетит.

Но долго ли я так протяну, не позеленев от тоски? Я ведь не из любителей сидеть сиднем. Мы с Анжелиной, конечно, будем чаще ездить в театр, даже в оперу. А может, и не будем. Я содрогнулся, представив, как часами внимаю писклявому сопрано.

Возможно, изредка буду по ночам тайком выбираться из дома с отмычкой — тряхнуть стариной, вскрыть сейф-другой.

В раздумьях я задремал. Меня разбудил громкий храп. Мой собственный. Я освежился винцом и решил больше не смотреть в бу-

дущее сквозь темные очки. Погоди, Джим, погоди. Сначала доведи до конца дело.

В середине дня вернулась Анжелина, возглавляя эскадрон роботосильщиков. Они сложили ношу в высокий штабель и получили разрешение отправляться восвояси. Вскоре номер был завален оберточной бумагой. Анжелина одну за другой демонстрировала мне свои покупки. Не только платья для нее, но и спортивную одежду для меня. Мы оделись и успели заскучать без дела. Наконец отворилась дверь. Это, наверное, возвратился Джеймс.

— Ну, и как все идет? — выкрикнул я.

— Точно по плану, — сказал Кайзи, входя в номер и недрогнувшей рукой направляя на нас пистолет.

Глава 27

Подобное в моей жизни приключалось так часто, что выработались рефлексы, и сейчас они включились, не дожидаясь, когда новая и совершенно непредусмотренная ситуация уложится в сознании. Эти превосходные рефлексы побуждали меня заорать: «Оглянись!» — запустить в Кайзи торшером, вскочить на диван, ласточкой перелететь через комнату и выбить пистолет из его руки. Как и полагается действовать супермену в таких случаях. Но, едва я напряг мышцы, вмешалось сознание и удержало тело в узде. Я спазматически, как рыба, хватанул ртом воздух и упал в кресло. Потому что целился Кайзи не в меня. Да, он смотрел мне в глаза со своей леденящей улыбкой, но держал на мушке Анжелину. Ему уже случалось убивать, и я знал, что он нажмет на курок без малейших колебаний.

— Ты правильно рассудил, — сказал он. — Пускай это дурной вкус, но я ее непременно застрелю, если какое-нибудь твое движение мне не понравится. Сначала изуродую огненной струей, а не возьмешься за ум — пущу пулю. А сейчас вы оба медленно пересядете на кровать. Вот так, отлично.

Анжелина напряженно села, сложила руки на сумочке. Я опустился кулем, руки сунул в карманы, лихорадочно поискал, чем бы сразиться. Увы, на мне было новенькое, с иголочки, трико. Нашлась только полоска бумаги со словами: «Упаковано Моши Лайни».

Кайзи шагнул вперед, затворил за собой дверь. Ни его взгляд, ни пистолет не колебались. Он обошел вокруг нас, нащупал кресло, осторожно сел.

— Что ты сделал с Игорем? Он не выходит на связь.

Значит, ему известно не все. Я должен выиграть время. Чем дольше буду заговаривать ему зубы, тем больше шансов найти спасительный выход.

— Мы его и пальцем не тронули. Наверное, он все еще в Санкисте-у-Моря.

Отчасти это было правдой. Но Кайзи такой ответ не удовлетворил.

— ДиГриз, не юли! Игорь отправился в Санкист-у-Моря, потому что твоя жена доставляла нам хлопоты. А потом он исчез. Учти, я не только убивать умею, но и калечить. — Пистолет фыркнул, и из огромной дыры в подушке рядом с Анжелиной вылетели клочья набивки. — Последнее предупреждение! Говори!

Я зачастил:

— Я там побывал, видел, как он уезжает. Если помнишь, я тогда ходил загримированный под Ибу. Игорь меня увидел и едва не свихнулся, даже разбил фургон. Наверное, он как-то причастен к исчезновению настоящего Ибы.

Кайзи бесстрастно внимал.

— Игоря потрясло мое внезапное появление. До того потрясло, что его отвезли в больницу с инфарктом.

— Ты убил его! — Он приподнял пистолет.

— Нет! Он жив! Ему сделали операцию, и сейчас он в реанимационной палате. Не веришь — позвони в больницу.

Он не верил. И позвонил. Его разговор с врачами показался мне очень интересным.

— Да. Сегодня принят? Идет на поправку? Хорошо. Кто я? Его брат. Обеспечьте ему наилучший уход, я оплачу счета.

— Брат? — спросил я, когда он убрал телефон.

— Да. Наша мать была техником, работала с рентгеновской установкой. Утечка радиации. Лучшие гены достались мне, худшие — Игорю.

— А почему ты не в банке? — поинтересовалась Анжелина. — Кажется, сейчас самое время делать деньги.

— Если вы мните, что я не в курсе ваших махинаций с «Банко Куэрпо Эспесиаль», то жестоко ошибаетесь. Что бы вы ни предприняли, мне это на руку. И обещаю: пока вы исполняете мои приказы, вам ничто не грозит.

— Если будем исполнять твои приказы, ты нас обязательно убьешь, — сказала Анжелина.

Он кивнул.

— Да, не исключено. Но, пока вы живы, у вас остается надежда на благополучный исход. А сейчас дайте подумать, как извлечь из этого максимум выгоды. Итак, передо мной любящие супруги. Но вы, Анжелина, — женщина и, как полагается женщине, более эмоциональны. Вы будете действовать, как диктуют чувства, то есть верить в спасение. Сейчас вы позвоните вашему сыну Джеймсу и передадите мои инструкции. Воспользуйтесь этим телефоном, он не прослушивается.

Кайзи достал из кармана и бросил на кровать телефон.

Анжелина даже не посмотрела на него.

— Чувства чувствами, но с чего вы взяли, что я это сделаю?

Ответом был выстрел. Мое предплечье пронзила жгучая боль. Я поспешил другой рукой закрыть рану, увидел, как между пальцами сочится кровь.

— Звоните, — сказал Кайзи.

Анжелина позвонила, не сводя с меня глаз. Она была бледна, но совершенно спокойна.

— Свяжитесь с Джеймсом диГризом. Да, я знаю, что он на собрании. Передайте: звонит его мать, это срочно. Ах, работу потерять боитесь? Юная леди, если вы сейчас же его не позовете, то лишитесь не только работы. Я сама приеду и вырву вам глаза.

Потом она ждала. Безучастно и безмолвно. Она еще ни с кем так не разговаривала. Но, хотя снаружи Анжелина была холодна, как айсберг, я знал, что внутри она корчится от жара.

— Да, Джеймс, это крайне важно...

— Передайте, пусть будет готов перевести в мой банк фонды, которые я назову.

— У меня для тебя инструкции. Здесь Кайзи с огромным пистолетом. И по причинам, которые я сейчас излагать не могу, я уверена, что он им воспользуется. Он хочет, чтобы ты перевел какие-то фонды...

И тут это произошло. Раздался громкий взрыв, и в двери образовалась огромная дыра. Кайзи подпрыгнул, мушка пистолета дрогнула. Я ринулся к нему, а Анжелина запустила в него телефоном и сумочкой. Он выстрелил, затем моя окровавленная рука схватила его за запястье. Снова и снова хлопал пистолет, с потолка летела штукатурка. Вдруг Кайзи взвизгнул от боли — острые каблуки Анжелины вонзились ему в руку. Тут и Глориана, разбуженная шумом, молнией пронеслась по комнате и всадила клыки в его лодыжку.

Крик захлебнулся. Рука Джеймса обвила шею нашего мучителя, потянула его назад, а другая рука выкрутила пистолет из ослабевших пальцев. В считанные секунды мизансцена полностью изменилась. Джеймс прыгнул в номер через пробитую дверь. Теперь он держал пистолет и ввинчивал каблук в шею корчившегося на полу аферисты. Глориана оставила свою жертву в покое — видимо, мясо Кайзи ей не понравилось — и теперь вытирала рыло о ковер. Анжелина ласково усадила меня на диван и зажала вену, чтобы остановить кровь. Другой рукой она держала телефон и говорила спокойнейшим голосом:

— Да, Боливар, все в порядке. Тут Джеймс, он позаботился о незваном госте. Мы тебе перезвоним через несколько минут.

— Как ты узнал? — спросил я Джеймса.

— Забыл? У тебя же в ухе передатчик. И он отлично работает. Как только я услышал голос Кайзи, бросился сюда. Но вас не предупреждал — боялся спугнуть его. Решил, что в такой ситуации лучшая тактика — внезапность.

— И оказался прав, — согласилась Анжелина. — Когда угомонишь животное, на котором ты стоишь, дай мне, пожалуйста, простыню с кровати.

Раздался болезненный возглас, и Кайзи умолк.

— Ай да мы! — вяло восхитился я.

Анжелина нежно дотронулась до моего лица.

— Милый, успокойся, теперь все будет хорошо.

Как ни странно, она оказалась права. Джеймс разорвал простыню на ленты, Анжелина сплела из них жгут и остановила кровотечение.

— Помогу тебе перейти в спальню, — сказал Джеймс. — Тут скоро будет людно и шумно.

— Мне помощь не нужна, — сказал я, опираясь на его сильную руку и медленно выползая из комнаты.

За нами семенила Глориана. Кровать была мягкая. Анжелина забинтовала пульсирующую рану.

— Нужно принять антибиотик и обезболивающее.

— В той комнате, в баре, целая бутылка обезболивающего. Надо ее перенести, пока толпа не набежала.

В гостиной уже звучали громкие голоса. Анжелина вышла, тут же вернулась и заперла за собой дверь. Она принесла бокалы и вожделенную бутылку.

— Не злоупотребляй.

— Помилуй, как можно? — Я бросил взгляд на дверь. — Что там творится?

— Настоящий переполох. Объявился гостиничный детектив, Джеймс велел ему вызвать полицию и заодно врача. Сказал, что Кайзи вломился к нам с целью ограбления. Вся эта кровь — из ран на ноге преступника. Когда началась стрельба, жильцы над нами подняли тревогу. Прибыли пожарные, но мы их отослали. Врач дал обезболивающего получше, чем это пойло. А сейчас будь паинькой и объясни все Боливару.

— С удовольствием.

Дожидаясь Боливара, я сделал еще несколько глотков. Мой сын выглядел встревоженным.

— Не волнуйся. Это всего лишь налет. К тому же бандит уже без оружия. Джеймс с ним разобрался.

— Кто это?

— Кайзи. Можешь себе представить? Ухитрился нас выследить.

— Невероятно! Мы подкупили человека в его банке. Кайзи там со вчерашнего дня, ни разу не выходил.

— Но...

Я не нашел слов. К счастью, Боливар не утратил сообразительности.

— Должно быть, их двое, и это многое объясняет. Наверное, они близнецы, как мы с Джеймсом. Мне надо срочно вернуться к разрушению экономики. Держите меня в курсе.

Вошла Анжелина, тщательно затворила за собой дверь, отсекла нас от голосов в гостиной.

— Полиция, страховой инспектор, врач... Я всем дала на лапу. Даже Пьюссанто здесь.

— Кайзи все еще в банке... Хотя он лежит в соседней комнате...

— Подними руку.

Она припудрила рану антибиотиком.

— Боливар считает, их двое. Кайзи и Кайзи.

— Вполне возможно. И это объясняет, как ему удавалось держать меня в подвале, пока он занимался с тобой. Я и сама подозревала...

— Подозревала? Что у него есть двойник? Почему же не сказала?

— Да, знаешь ли, решила не полагаться на женскую интуицию. Ждала возможности убедиться.

Она обвязала рану эластичным бинтом, затем приставила к моему предплечью ультразвуковой инъектор. Он вогнал под кожу обезболивающее. Очень скоро передо мной все зарозовело. Я нахмурился, когда Анжелина унесла бутылку и бокалы. Но расслабился и погрузился в золотое сияние, когда отворилась дверь. Только появилась не моя жена, а атлетическая туша Пьюссанто.

— Похоже, тебе здорово досталось, — сказал он, разглядывая бинт и пятна крови.

— Поглядел бы ты на того, кто это сделал.

— Поглядел. Отличная работа. Видно, его карьере пришел конец. И карьере его братца.

— Значит, близнецы?

— Нет. Тот постарше. Он подвергся небольшой хирургической операции, слегка изменил внешность. Это помогало нашим мошенникам прокручивать галактические аферы. Мы, ГНУСы, давно гоняемся за этими неплательщиками. Рад, что вы наконец вывели их на чистую воду.

— И что их ждет?

— Их много чего ждет. Галактическое налоговое управление работает в тесной связке с местными фискальными органами и полицией. Туповатый братец наших прохвостов уже признался в соучастии в убийстве рабочего по имени Иба. Игорь пройдет курс медицинского и психиатрического лечения. Раненому Кайзи обеспечена высшая мера наказания. Правда, на Феторре не казнят, но пожизненный срок в здешних тюрьмах ненамного лучше веревки или пули.

— Двух мы одолели, остался один.

— Последнего Кайзи хотят арестовать за ограбление банка — тут поможет откровенность Игоря. Одного этого преступления

достаточно, чтобы надолго посадить его за решетку. Если и выйдет когда-нибудь на свободу, его передадут нам, и мы сразу упечем его за неуплату межзвездных налогов.

— Неплохо, — сказал я, когда Пьюссанто собрался уходить. — Похоже, победа за хорошими парнями. Но как обстоят дела у преступника, о котором трубят газеты и в поисках которого полиция сбилась с ног? Как обстоят дела у супервора по прозвищу Стальная Крыса?

Он повернулся ко мне.

— Честные полицейские, а их, увы, очень немного, склоняются к мысли, что этого супервора коварно подставил Кайзи. Впрочем, они бы не отказались допросить Стальную Крысу, возможно, предъявить ей кое-какие обвинения. К сожалению, им сообщили, что Стальная Крыса сбежала с планеты и укрылась за пределами их юрисдикции. — Он порылся в кармане, что-то достал. — Вдобавок у них больше нет самой главной улики.

Знакомая вещица упала на кровать, и Пьюссанто вышел. Я поднял фигурку, провел пальцем по блестящей поверхности. И глубоко вздохнул. И провалился в сон, держа в руках подарок — нержавеющую Стальную Крысу.

Глава 28

Кое-что я вспомнил, остальное мне рассказали. На какое-то время смесь обезболивающих препаратов, спиртного, усталости и прочего вывела меня из строя. Очевидно, мы благополучно выбрались из гостиницы, потому что следующее, что я увидел, — больничная койка, на которой я приходил в себя после операции.

— Все закончилось прекрасно.

Анжелина сидела у кровати, держа меня за руку. Недурственная картинка.

— Прекрасно? — пробормотал я.

— Я про операцию. Ты получил серьезное ранение, разорван бицепс. Врачи взяли у тебя две-три клетки и вырастили из них отличный кусок новой мышечной ткани. Имплантировали мускул, затем покрыли рану кожей, культивированной по образцу твоей. Уже не должно болеть.

— И не болит.

Я пощупал бицепс.

Глориана закинула передние копытца на койку и обнюхала мою руку. Мне даже удалось почесать ее между ушами. Ах, эта чудодейственная современная медицина! Я огляделся.

— Где я?

— В клинике «Банко Куэрпо Эспесиаль». Напоминаю, это по совместительству банк Специального Корпуса, а также его офици-

альное посольство. Вдобавок у него собственная больница. Здесь до прибытия корабля Корпуса нам совершенно нечего опасаться. А он прилетит уже скоро.

— Нам?

— Боливар тоже здесь. Его все еще разыскивает феторрская полиция за побег из тюрьмы. Но не слишком усердствует, потому что у легавых полно других забот. Скоро приедет и Джеймс. Он заканчивает последние компьютерные трансферты. Намекал на большую прибыль, в основном для Корпуса. Но и нам кое-что перепадет, когда все уляжется.

— Ты-то как себя чувствуешь?

— Великолепно. Не меня же подстрелили.

— Но ведь это тебе пришлось сидеть в ожидании пули. — Я завозился, пытаясь сесть. — Встаю.

— Конечно. Одежда вон там, на стуле.

Поначалу слегка кружилась голова, но вскоре это прошло. Анжелина провела меня по коридору в уютную комнату отдыха с соблазнительными автоматами по продаже еды и питья. Боливар пил пиво, и снова была встреча, и снова была радость.

— Я слышал, все твои финансовые игры уже отыграны.

— Да, папа. Мы неплохо заработали и при этом не обанкротили планету, как замышлял Кайзи. Рад доложить, что и ты основательно поправил свои дела.

— Кто? Я? Но ведь Кайзи сказал, что снял с моего счета все выплаченные деньги.

— Так и было. Уверен, он задумал это с самого начала, и его было не остановить. Но когда деньги переводились из банка в банк, я позаботился о том, чтобы пять с лишним процентов отчислялись нам — за обслуживание. Общая сумма переводов столь велика, что даже наши комиссионные выглядят внушительно. И теперь эти деньги надежно зарыты.

— Зарыты? У меня такое чувство, что я чего-то недопонял.

— Все очень просто. Комиссионные я получил наличными, и теперь невозможно проследить, куда они ушли. На эти деньги мы купили в фирме Джеймса микросхемы нанопамяти. Они такие емкие, что платка величиной с твой ноготь стоит сотни тысяч кредитов. Я их зарыл в саду, под розами.

— Подумать только!

И этим было выражено все.

— Жду не дождусь, когда появится случай срезать несколько розочек, — сказала моя практичная жена.

Наше счастье нарастало, а с появлением Джеймса возвелось в квадрат.

— Занавес, — объявил он. — Феторрская операция закончилась успешно для всех ее участников.

— Так уж и для всех? — сказал я. — Разве Кайзи, Кайзи-Два и Игорь не получили по заслугам?

— Получили. Правосудие здесь не канителится, особенно когда речь идет об активах всей планеты. Сладкую парочку отправили туда, где ей самое место, и теперь она любуется небом в клетку. Младший брат поправляет здоровье и поет как соловей. Он знает, что братьям до него теперь не дотянуться, и, похоже, впервые в жизни счастлив.

— Меня гложет совесть, ведь это по моей вине его хватил кондрашка. Ну да бог с ним. — Я облизал пересохшие губы. — Если Анжелина страдает от жажды так же, как и я, ей необходимо жидкое лекарство.

— Это мы мигом. Вина и пива? Именно в таком порядке? — спросил Боливар.

Мы с Анжелиной кивнули.

Джеймс заказал себе пива.

Мы высоко подняли бокалы.

— Кто-нибудь придумал тост? — спросила Анжелина.

Молчание длилось, пока я не кашлянул. Все посмотрели на меня.

— Разумеется. Он очень простой. За мою семью. И чтобы пропавшие жены поскорее возвращались к своим истосковавшимся мужьям. А еще — за долгую и счастливую жизнь для всех нас и каждого в отдельности.

Мы выпили.

— И за годик отдыха для нас с вашей матушкой, — добавил я.

— Ушам своим не верю, — сказал Боливар.

— Я тоже, — присоединился к нему Джеймс.

— Это правда, — подтвердила Анжелина. — Мы уже давно решили. Никакой работы, зато вдоволь развлечений. На звонки Инскиппа не отвечаем. Специальный Корпус, чай, не маленький, сам о себе как-нибудь позаботится. Будем проматывать сбережения и не поддадимся соблазнам пополнить кубышку честным или нечестным путем.

Мальчики изумленно переглянулись. Джеймс булькнул горлом и высказался за обоих:

— А... а через год...

— Почему бы не начать еще один точно такой же? — с чарующей улыбкой спросила Анжелина.

Близнецы посмотрели на меня, я терпеливо кивнул.

— Послушайте меня, ребятки. Я слишком часто спасал вселенную. Меня избирали президентом, перебрасывали во времени, посылали отражать нашествия чужих рас и грабить бесчисленные банки. И думается мне, настало время почить на лаврах. — Я помолчал секунду-другую. — Впрочем, одно дельце я бы напоследок провернул...

— Никогда! — вспылила Анжелина.

— Ты не так поняла. Я не о жульничестве. Я имею в виду мемуары. Впрочем, никто мне, конечно, не поверит...

— Тогда замаскируй их под беллетристику.

— Правильно! Какая замечательная идея! У меня и название уже есть. Первую книгу озаглавлю так: «Стальная Крыса». И будет много томов с продолжением...

Боливар задумчиво почесал подбородок.

— Знаешь, у меня всегда была тайная мечта, вторая после изучения лун. И очень пригодится приобретенный банковский опыт. В глубине души я всегда хотел стать... издателем. Папа, ты не будешь возражать, если я начну с твоей книги?

— Разумеется, не буду. Составляй договор и позаботься, чтобы аванс выглядел солидно.

— Это мы мигом!

Он с воодушевлением раскрыл карманный компьютер.

Джеймс собрал пустые бокалы и пошел заказать по новой. Анжелина наклонилась ко мне, взяла за руку.

— Джим, ты это всерьез? Насчет отставки?

— Еще как всерьез! Если и были сомнения, их развеяла вся эта суета с Кайзи. Во вселенной много неизведанных миров, давай возьмем от них сполна.

— Это самые прекрасные слова в моей жизни. — Она порылась в сумочке и что-то положила мне на ладонь. — Нашла у тебя в кармане. Хочешь сохранить?

Я посмотрел и отрицательно покачал головой.

— Да на что мне стальная крыса?

— Тогда оставлю ее себе. — Анжелина убрала фигурку. — Спрячу в шкатулку, буду возить с собой. Если когда-нибудь загрущу, или расстроюсь, или захандрю без причины, выну ее и посмотрю. И вспомню, как нам бывало весело.

Улыбаясь, она окинула взором свою семью. Потом наклонилась и почесала Глориану между ушами.

— А еще вспомню, что всем нам очень везло и из любой переделки мы выходили целыми и невредимыми.

За это мы тоже выпили.

КОНЕЦ?

Содержание

ТЫ НУЖЕН СТАЛЬНОЙ КРЫСЕ
Перевод с английского С. Коноплева, И. Коноплевой 5

СТАЛЬНУЮ КРЫСУ — В ПРЕЗИДЕНТЫ!
Перевод с английского А. Жаворонкова 119

СТАЛЬНАЯ КРЫСА ПОЕТ БЛЮЗ
Перевод с английского А. Жаворонкова 263

ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ
Перевод с английского Г. Корчагина 417

СТАЛЬНАЯ КРЫСА ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АД
Перевод с английского Г. Корчагина 433

СТАЛЬНАЯ КРЫСА НА МАНЕЖЕ
Перевод с английского Г. Корчагина 609

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

